

АКУЛИН

АКУЛИН

СМЕРТЬ
НА БРУДЕРШАФТ

ВСТРЕЧА СЕЗОНА
В БЕРЛИНЕ

Annotation

Весь цикл «Смерть на брудершафт» в одном томе.

Содержание:

Младенец и черт (повесть)

Мука разбитого сердца (повесть)

Летающий слон (повесть)

Дети Луны (повесть)

Станный человек (повесть)

Гром победы, раздавайся! (повесть)

«Мария», Мария... (повесть)

Ничего святого (повесть)

Операция «Транзит» (повесть)

Батальон ангелов (повесть)

-
- [Борис Акунин](#)
    - [МЛАДЕНЕЦ И ЧЕРТ](#)
      - [Июль 1914 года](#)
      - [В тот же вечер](#)
      - [И началось!](#)
      - [Четвертью часа ранее на близлежащей даче](#)
      - [А тем временем](#)
      - [Некий дом на тихой улице](#)
      - [В контрразведке](#)
      - [В Царском Селе](#)
      - [Четвертью часа позднее](#)
      - [На Предтеченской, 5](#)
      - [Четвертью часа ранее](#)
      - [На верхнем этаже](#)
      - [У зеркала](#)
      - [Под роялем](#)
      - [Неожиданная преграда](#)
      - [За десять секунд до этого](#)
      - [Но скорбеть о павших было некогда...](#)
      - [Миновало шесть дней](#)
      - [И нашел компромиссное решение](#)
      - [Очки оказались автомобильными](#)

- [И вот час пробил](#)
- [Напутствие перед схваткой](#)
- [А тем временем...](#)
- [Это он!](#)
- [Коварство германского форварда](#)
- [Кто быстрее?](#)
- [И чудо свершилось](#)
- [Но звонка никто не услышал](#)
- [Миновало семнадцать с половиной минут](#)
- [В дачном лесу](#)
- [Один против двоих](#)
- [В эту самую секунду](#)
- [Сук](#)
- [Все было кончено](#)
- [Слежка шла уже третий час...](#)
- [Дождь усиливался...](#)
- [Полчаса спустя](#)
- [Алеше тоже хотелось есть](#)
- [Прошло еще несколько минут](#)
- [Вот тебе на!](#)
- [А в пистолете не было патронов](#)
- [Берлин](#)
- [В тот же день, в тысяче верст от Берлина](#)
- [То самое место](#)
- [У его превосходительства был файв-о-клок](#)
-

○ [МУКА РАЗБИТОГО СЕРДЦА](#)

- [Подвиг вольноопределяющегося](#)
- [Возвращение героя](#)
- [Жизнь была кончена](#)
- [Смертоносная книга](#)
- [Явление Ангела-Спасителя](#)
- [У генерала Жуковского](#)
- [Смотр талантов](#)
- [Швейцария. Сан-Плачидо](#)
- [На озере](#)
- [И овации были!](#)
- [Но Зоммера охраняли превосходно](#)
- [«Очаровали вы меня»](#)

- [Оперативное совещание](#)
- [Луны волшебной полосы](#)
- [И все завертелось...](#)
- [Но взошло безжалостное солнце...](#)
- [Настал роковой вечер](#)
- [А тем временем...](#)
- [В ресторане](#)
- [На вилле](#)
- [Снова «бис»](#)
- [Крепость взята!](#)
- [Решительная минута](#)
- [В тайнике](#)
- [На рассвете](#)
- [У старого платана](#)
- [На закате дня](#)
- [Ночная экскурсия](#)
- [В логове мафии](#)
- [Настал миг расставания](#)
- [Горькая тризна](#)
- [А в эту самую минуту ...](#)
- [В пьяном угаре](#)
- [Лучше ему было этого не знать...](#)
- [Молодо-зелено](#)
- [Но любовь есть!](#)
- [Проблем не будет](#)
- [Вторая попытка](#)
- [Прощание победителя](#)
- [Борис Акунин](#)
  - [ЛЕТАЮЩИЙ СЛОН](#)
    - [Весна 1915 года](#)
    - [Майне херрен, пожалуйста бриться!](#)
    - [Не в кустах, а в волнах](#)
    - [Схватка в воздухе](#)
    - [Русский богатырь](#)
    - [В ставке кайзера](#)
    - [Капитану фон Теофельсу снился сон](#)
    - [В Особом авиаотряде](#)
    - [Большое пополнение](#)
    - [Волк в овечьей шкуре](#)

- [Летучий цирк](#)
- [К такому же выводу пришел и Зепп](#)
- [В офицерской столовой](#)
- [Искусство перевоплощения](#)
- [Рубаха парень](#)
- [Действие третье](#)
- [Но сдаваться гауптман не привык...](#)
- [Предупреждение для дам и родителей: откровенная сцена!](#)
- [Пока господин подглядывал...](#)
- [Двумя часами позднее](#)
- [Дело шло на лад](#)
- [Что-то случилось...](#)
- [Ловля золотой рыбки](#)
- [И все завертелось](#)
- [С женщиной только свяжись](#)
- [Ночь перед сном](#)
- [Анекдотическая ситуация](#)
- [Торжественный день](#)
- [Всё шло, как по маслу](#)
- [А в воздухе происходило вот что](#)
- [Днем ранее](#)
- [Пожар в воздухе](#)
- [Конец слоновьей охоты](#)
-
- [ДЕТИ ЛУНЫ](#)
  - [Петроградский август](#)
  - [В начальственном кабинете](#)
  - [Вечер того же дня. Наблюдательный пункт](#)
  - [Операция начинается](#)
  - [Ночь. Улица. Фонарь](#)
  - [Получасом ранее](#)
  - [Неожиданная находка](#)
  - [Спустилась ночь, зажглись огни](#)
  - [А рама за кулисами](#)
  - [Разговор начистоту](#)
  - [Кошмарный сон](#)
  - [Увы, то был не сон](#)
- [Борис Акунин](#)
  - [ФИЛЬМА ПЯТАЯ](#)

- [Видение сонное, к худу](#)
- [Воронье гнездо](#)
- [24 часа назад](#)
- [24 года назад](#)
- [Новое задание](#)
- [Видение зеркальное, всегдашнее](#)
- [Ее светлость](#)
- [Роковая ночь](#)
- [Средь бушующих волн](#)
- [Видение явное, соблазное](#)
- [В чертогах большого света](#)
- [Вот и он](#)
- [А между тем назревал скандал](#)
- [Всё пропало](#)
- [В последующие два дня](#)
- [Чудо на Гороховой](#)
- [И завязался узелок...](#)
- [Видение малое, предвестное](#)
- [Под чаек и беседушка](#)
- [Наконец момент настал...](#)
- [Нет, не прост!](#)
- [У «камельгера Степки»](#)
- [Той же ночью, перед рассветом](#)
- [Успех, полный успех!](#)
- [Та, кого не ждали](#)
- [И ведь как в воду глядел...](#)
- [Тимо решает проблему](#)
- [Дождались!](#)
- [Полчаса спустя](#)
- [Ужасные минуты](#)
- [Утомительные хлопоты близились к концу](#)
- [В вагоне третьего класса](#)
- [ФИЛЬМА ШЕСТАЯ](#)
  - [Ум и сердце](#)
  - [Совещание в Ставке](#)
  - [Штаб Юго-Западного фронта. 10 апреля](#)
  - [Высочайшее посещение](#)
  - [«Швейцарская» дивизия. 17 апреля](#)
  - [Бремя ответственности](#)

- [Вчера вечером](#)
- [Находка для шпиона](#)
- [В банно-прачечном](#)
- [Новый помощник](#)
- [Что за Петренко?](#)
- [В кустах](#)
- [Связной появился перед рассветом](#)
- [«Нестезия»](#)
- [В роли Хлестакова](#)
- [Красота — страшная сила](#)
- [Тайное свидание](#)
- [Одиссей и Цирцея](#)
- [Далила и Самсон](#)
- [И расплата наступила...](#)
- [Беседа без дураков](#)
- [Наконец-то один](#)
- [На следующее утро](#)
- [Минувшей ночью](#)
- [Неожиданный поворот](#)
- [Собутыльники](#)
- [Тяжкое похмелье](#)
- [В роце](#)
- [Визит высокого начальства](#)
- [«Как ныне собирается Вещий Олег»](#)
- [В августе шестнадцатого](#)
- [Борис Акунин](#)
  - [«МАРИЯ», МАРИЯ...](#)
    - [Время Колуна](#)
    - [Встреча в магазине](#)
    - [Человек, который смеется](#)
    - [На берегах Невы](#)
    - [«Морская группа»](#)
    - [Прогулка по пушкинской](#)
    - [Принюхивается](#)
    - [Прислушивается](#)
    - [Творческие муки](#)
    - [Присматривается](#)
    - [Психологический этюд](#)
    - [Через три дня](#)

- [Мужские разговоры](#)
- [Экскурсия](#)
- [Цветочки](#)
- [Агент Балагур работал с Зеппом и прежде...](#)
- [Деревня-китай](#)
- [В притоне](#)
- [Со вьюном я хожу](#)
- [Мастера золотые руки](#)
- [Миновал час...](#)
- [Глубокой ночью...](#)
- [Мария потеряла голову](#)
- [Электричество](#)
- [Взрыв](#)
- [Кошке смех, а мышке слезы](#)
- [НИЧЕГО СВЯТОГО](#)
  - [Цирлихи-манирлихи закончились](#)
    - [Петроградская окраина, ноябрь 1916](#)
    - [Под фонарем](#)
    - [Наблюдатели тоже вздрогнули!](#)
    - [Врет, не уйдет!](#)
    - [И только ветер засвистал в ушах](#)
  - [Не до сантиментов](#)
    - [В тысяче верст отсюда в этот миг говорили о том же...](#)
    - [Мечеть Шах-Абдул-Азим. 1896](#)
    - [Ломбардия, Монца. 1900](#)
    - [Комната ужаса. 1903](#)
    - [Лиссабон. 1908](#)
    - [Салоники. 1913](#)
    - [Но был и шестой](#)
  - [Болонка первого класса](#)
    - [Той же ночью, ближе к рассвету](#)
  - [Железнодорожный этюд](#)
    - [«Могилев-I»](#)
    - [В тихом месте](#)
    - [Знакомство с объектом продолжалось...](#)
    - [Шло знакомство и в училище](#)
    - [Генераль-маіоръ Дубовскій](#)
    - [Гирш](#)
    - [Купе № 5](#)

- [Збышек](#)
- [Музыка звучала всё ближе](#)
- [Петри](#)
- [Наедине с дамой](#)
- [Тарас](#)
- [Забот полон рот](#)
  - [Утреннее чаепитие](#)
  - [В безымянном лесу](#)
  - [В литерном «Б»](#)
  - [Смирнов](#)
  - [Попался, гад](#)
  - [Как раз в это время...](#)
  - [Чжэнь](#)
  - [Как у Шекспира](#)
- [Тревожный вечер](#)
  - [В красном свете](#)
  - [В тюремном лазарете](#)
  - [Скверные новости](#)
  - [В вагоне](#)
  - [Наконец вернулся Балагур](#)
  - [В благоговейном полумраке](#)
  - [Возможно ли?](#)
- [Прощальные песни](#)
  - [Вечер перешел в ночь...](#)
  - [Отыскал!](#)
  - [В тюремном лазарете](#)
  - [Но не дремали охотники...](#)
  - [Не набредит](#)
  - [«Я обязан свой долг любить»](#)
- [Хронометраж](#)
  - [8.00](#)
  - [8.19](#)
  - [8.26](#)
  - [8.36](#)
  - [8.37](#)
  - [9.00](#)
  - [11.10](#)
  - [11.15](#)
  - [11.35](#)

- [12.10](#)
  - [12.18](#)
  - [12.28](#)
  - [В это самое время...](#)
- [Снова встретились](#)
  - [Крушение](#)
  - [Вверх дном](#)
  - [Сон в красном тереме](#)
  - [Проклятье!](#)
  - [В ловушке](#)
  - [Это есть наш последний](#)
- [После поединка](#)
  - [В лесной чаще](#)
  - [На месте трагедии](#)
- [Борис Акунин](#)
  - [ФИЛЬМА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ПЕРЕД СЕАНСОМ](#)
    - [ДЕНЬ ДУРАКОВ](#)
    - [НЕ НА ТУ ЛОШАДКУ](#)
    - [СРЕДИ ТОВАРИЩЕЙ](#)
    - [АРГЕНТИНА, КРАЙ ПАМПАСОВ](#)
    - [ПОЛОВОЙ ИНСТИНКТ](#)
    - [ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ](#)
    - [ПАТРИОТЫ](#)
    - [НЕБОНТОННАЯ ИДЕЙКА](#)
    - [ЛЕСТНИЦА](#)
    - [ПЕРЕИГРАЛ](#)
    - [ПРЕДЧУВСТВИЕ](#)
  - [ФИЛЬМА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [«ЛАВОЧКА ЗАКРЫТА»](#)
    - [РУССКАЯ ЖАННА Д'АРК](#)
    - [НЕЖНОЕ СОЗДАНИЕ](#)
    - [МАНИФЕСТАЦИЯ](#)
    - [НА ПОДСТУПАХ К ФРОНТУ](#)
    - [ЖЕРЕБЦЫ И КОБЫЛЫ](#)
    - [НА СВАЛКЕ](#)
    - [ОГОНЬКИ](#)
    - [НИЧЕГО ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ](#)
    - [РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ](#)

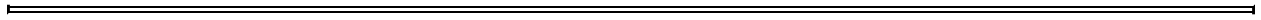
- [АРЕСТ ИЗМЕННИКА](#)
- [НА РАССВЕТЕ](#)
- [АТАКА](#)
- [ПОБЕДА](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

Борис Акунин
Смерть на брудершафт
(Фильма 1–2)

МЛАДЕНЕЦ И ЧЕРТ

(Фильма первая)

Июль 1914 года

Эрцгерцог убит. Мировая война начнется со дня на день. Но пока это понимают лишь профессионалы...

Штабс-ротмистр князь Козловский постучал в дверь кабинета слишком громко, а каблуками по паркету отчеканил так, что у генерала на столе задребезжала золоченая ложечка в фарфоровой чашке.

Его превосходительство был переведен в Огенквар^[1] недавно, ранее служил в Департаменте полиции и пока еще не успел сменить чиновничий мундир на военный. Генерал был не в духе и пил черный кофе третий раз за день, что бесполезно для сердца и желудка. А что делать? Из-за выстрела в Сараеве третьи сутки почти вовсе без сна. Спасибо за такое повышение.

В Департаменте полиции, с бомбистами и пропагандистами, было и то покойней.

— Князь, зачем вам шпоры? — спросил его превосходительство, морщась (у него еще и мигрень вступила). — Не в кавалерии служите.

А Козловскому хоть бы что. Видел, что начальство не в расположении, но и усом не повел. Он еще с кадетских времен взял себе принцип: не цукать младших, не вилять хвостом перед старшими.

Перешел сразу к делу.

— Зацепились, ваше превосходительство! Я был прав! Гвардии поручик Рябцев — вражеский агент. Засланный или подкупленный, пока не установлено, ну да это неважно. Важно, что нынче вечером у него назначена конспиративная встреча, предположительно с резидентом!

Начальник брюзгливую мину с лица убрал, глаза так и вспыхнули. Уже совсем другим тоном предложил:

— Садитесь, князь, вам же неловко. Да вы не стесняйтесь, князь, закуривайте. Говорите, встреча с резидентом?

Генерал чаще нужного именовал своего сотрудника сиятельным титулом. Приятно, когда у тебя в подчинении настоящий Рюрикович и можно ему запросто сказать: «Да вы не стесняйтесь, князь» или «Это безобразие, князь».

Штабс-ротмистр, выставив плохо гнущуюся правую ногу, сел к столу,

потянул из бювара бумажную папочку.

Его худое, с бравыми копьеобразными усами, лицо было бесстрастно, но пальцы подрагивали от возбуждения. Все эти безумные дни в контрразведку чуть не ежечасно названивали от генерал-квартирмейстера, от начальника Генштаба, от военного министра, и все с одним и тем же: немедленно выявить и обезвредить шпионскую сеть предполагаемого противника. Об исполнении доложить к двадцати ноль ноль, к шести ноль ноль, к полудню.

А как ее выявишь?

Контрразведочное отделение в штатном расписании Генерального штаба имеется, да контрразведки как таковой, считай, нет. Одна бумажная видимость. Столько лет ждали большой войны с немцами и австрийцами, готовились-готовились, а все одно профукали. Как это у нас обыкновенно и бывает.

Всякий толковый офицер, если превратности карьеры забросили его в контрразведку, норовил при первом же отличии выпросить себе награду — перевод в полк. Оставались одни бестолковые или калеки вроде Козловского. Только и он заделался ловцом шпионов недавно, без году неделя. Рвения у князя пока было много больше, чем опыта.

Картинка 01

А враг к войне готовился по-научному, с немецкой основательностью. Только теперь это стало мало-помалу проясняться.

В кабинете у штабс-ротмистра собралась кипа газет, в том числе пожелтевших, десятилетней давности. В каждом номере красным карандашом подчеркнуты соблазнительные объявления: «До 15 тысяч годового дохода могут заработать г.г. офицеры, чиновники и лица, вращающиеся в высших кругах общества, в качестве представителей заграничной фирмы. Офферты с краткой биографией присылать по адресу: Л. Шлезингер, Берлин, 18». «800 барышень и вдов с приданым до 200 тысяч желают выйти замуж. Жених может быть и без средств. Писать: Л. Шлезингер, Берлин, 18». И прочее подобное. А про адрес теперь доподлинно установлено, что это явочная квартира германской разведки! Сколько «г. г. офицеров, чиновников и лиц из высших кругов общества» за эти годы на удочку клюнуло? Поди-ка выясни к двадцати ноль ноль.

В отдельной папке у князя Козловского подобрался список немецких и австрийских подданных, занимающих важные посты в военной промышленности. Взять одну Путиловскую судостроительную, где снаряжают

броненосцы. Директора — герр Бауэр, герр Поль и герр Орловски; начальник отдела военного судостроения Шиллинг; начальник большой верфи Роймер; начальник малой верфи Фент. И повсюду так!

Это еще явные. А сколько скрытых? В одном Петербурге проживает восемьдесят тысяч лиц лютеранского вероисповедания. Большинство из них, конечно, честные люди и патриоты России. Но что такое «большинство», если речь идет о шпионаже?

Теперь, когда муравейник зашевелился, когда дали людей, средства, особые полномочия, каждый день обнаруживались все новые и новые факты германской предусмотрительности. Вся русская земля оказалась сплошь усеяна тевтонскими драконьими зубами. Просто голова шла кругом.

Утешает только одно, не уставал повторять его превосходительство. У коллег из разведочного отделения ситуация вовсе швах, им на орехи больше нашего достается.

Что можно было сделать за четыре дня, сделано. Прямо 28 июня, через два часа после получения роковой вести из Сараева, отдан приказ о круглосуточной слежке за австрийским и германским военными агентами и кругом их общения. Молниеносно организована (это уж личная заслуга штабс-ротмистра) негласная проверка всех офицеров, кто имеет доступ к секретным сведениям и документам: образ жизни, знакомства, сомнительные привычки, поездки на воды в Баден-Баден да Мариенбад.

За подозрительными установлено наблюдение, и результаты не замедлили себя ждать. Дело тут, конечно, не только в бдительности филеров. Просто вражеские агенты, в преддверии скорой войны, развили кипучую деятельность, повылезали из нор, будто кроты перед грозой.

— Это какой такой поручик Рябцев? — спросил генерал, жадно глядя в папку.

Поручик был вот какой. Служит младшим делопроизводителем в секретной части Гвардейского корпуса. Собственного состояния не имеет, а живет широко. В апреле проиграл в карты семь тысяч — и ничего, расплатился. Тогда-то и на заметку попал. Так, на всякий случай.

Вчера подслушан странноватый телефонный разговор Рябцева с неизвестным лицом, которое говорило по-русски нечисто и делало таинственные намеки. После этого слежка утроена.

Нынче утром в почтовом ящике Рябцева обнаружена зашифрованная записка. По виду обычная квитанция. А нагрели на свечке — проступили слова: «Сегодня в одиннадцать. Платформа Левашево. Взять все».

— Левашево это по Финляндской дороге? — уточнил его

превосходительство. — Как же, как же, доводилось бывать там на даче у NN, — назвал он по имени-отчеству господина министра внутренних дел. — И не раз.

— Там много у кого дачи, — пожал плечом Козловский, не проявив интереса к высоким знакомствам начальника. — Так что, ваше превосходительство? «Медвежью охоту» прикажете? А может «Волчью»?

В тот же вечер На платформе Левашево...

Его превосходительство санкционировал «Волчью охоту» — арестную операцию самого крупного масштаба, употребляемую для захвата особо важных персон.

Порядок такой: три кольца обложения, в первом и втором только филеры старших разрядов, лучшие из лучших. Выскользнуть невозможно.

«Медвежья» попроще, требует бригады из 10–15 человек. При «волчьей» используется не меньше тридцати. Не жалко, лишь бы Рябцев вывел на резидента. А то, что изменника на дачную станцию вызвал не какой-нибудь посредник, у Козловского сомнений не вызывало. Каков тон записки! «Взять все». Когда распоряжение отдается даже не повелительным наклонением, а инфинитивом, это уж понимай: наивысшая инстанция командует.

К восьми часам два внешних кольца были расставлены. Внутреннее (сам штабс-ротмистр, и еще семеро надежных молодцов) расположилось на позициях непосредственно вокруг перрона.

Одно из главных качеств, потребных контрразведчику, — терпеливость. С этим у Козловского было неважно. К девяти часам он весь извелся, нефритовый папиросный мундштук прогрыз чуть не насквозь. Курить при этом не курил. Довольно странно было бы, если б из густых кустов, росших сразу за оградой платформы, пахло бы дорогим египетским табаком.

Вечер между тем был волшебный. Хоть и темноватый из-за низкой облачности, но свежий, наполненный ароматами сирени, а незадолго до назначенного рандеву на какой-то из окрестных дач красивый баритон стал петь знаменитые арии из опер. Первую Козловский хоть и слышал раньше, но не распознал (с музыкальным образованием у князя было не очень), зато вторая была известна любому гимназисту.

«На призыв мой тайный и страстный о, друг мой прекрасный, выйди

на балкон», — самозабвенно выводил неведомый певец.

Пора было и другу прекрасному Рябцеву появиться. Его от самого дома вели четверо агентов. Один протелефонировал с Финляндского вокзала еще полтора часа назад, сказал, что садятся на пригородный. Куда подевались? Тут ехать всего сорок минут.

От нервов штабс-ротмистр все покачивался с каблука на носок и докачался, подвернул покалеченную ногу. Выматерился, но про себя — шуметь было нельзя. Мимо, в пяти шагах, по дорожке ходили люди. Правда, после десяти часов их стало меньше, разбрелись по своим дачам, чай пить, в лото играть, слушать граммофон. Пускай их поблаженствуют, недолго осталось. Скоро вся мирная жизнь полетит под насыпь, как сорвавшийся с рельсов пассажирский поезд...

Проклятый двойной перелом, память о неудачных скачках, сросся паршиво, с защемлением нерва, и доставлял Козловскому немало скверных минут. Что минут — вместе с коленом хрустнула и переломилась вся его складная, замечательно устроенная жизнь. Полк, золотые товарищи, эх, летние лагеря в Красном Селе, честная кавалерийская карьера...

После того, как медицинская комиссия приговорила лейб-кирасира к полному комиссованию, осталось только прибегнуть к средству, которое Козловский всегда презирал: попросить протекции у родственников. Дядя-сенатор употребил влияние, с кем-то там поговорил, утряс. Выбор предложили удручающий: либо военно-учетный архив — бумажки сортировать, либо контрразведочное отделение Огенквара.

Новая служба оказалась еще хуже, чем про нее рассказывали. Но штабс-ротмистр стиснул зубы и с тем же старанием, с которым в свое время учился вольтижировке и джигитовке, принялся осваивать науку тайной войны. Слава Богу, не дурак и не лентяй, за минувшие полгода постиг многое. А поначалу, смешно вспомнить, багровел, когда приходилось подавать руку осведомителям. Процедура, конечно, неприятная, однако необходимая. Куда ж в контрразведке без этих юрких, жадных до денег господ? А будешь выказывать им презрение — для дела вред. Публика это обидчивая и чрезвычайно мнительная.

Рябцев приехал без двадцати. Оказалось, химичил по дороге, с поезда на поезд перескакивал. Будто от Лучникова и его ребят можно оторваться.

Старший филер Лучников пристроился здесь же, в кустах. Он имел чин фельдфебеля и по субординации состоял у князя в подчинении, но на самом деле, если Козловский чему-то за эти месяцы и научился, то лишь благодаря этому флегматичному скуластому дядьке с обманчиво неторопливыми повадками.

Штабс-ротмистру стало поспокойней. Во-первых, Рябцев нашелся. Во-вторых, Пантелей Иваныч рядом.

— Хорошо бы, чтоб правда резидент, — шепнул Козловский. — Германской разведки. Австрийской — тоже неплохо.

— Кого Бог пошлет, того и возьмем, — философски ответил Лучников. — Объект на выборгском приедет. Больше не на чем — последний поезд.

Предатель Рябцев торчал на одном месте. Закурит папиросу — бросит. Закурит — бросит. Тоже и ему было нервно.

Штабс-ротмистр вновь принялся просчитывать возможные осложнения.

Что если с последнего питерского поезда сойдет слишком много народу, создастся толкучка, а контакт Рябцева с предполагаемым резидентом будет очень коротким? Передаст что-то на ходу, и дело с концом.

На этот случай есть Симанчук. Он скрючился над урной, в пяти шагах от Рябцева. Изображает нищего, выуживает из мусора окурки. Не проглядит.

А если, предположим, у них придумано по-другому? Не резидент выйдет, а, наоборот, поручик в вагон войдет.

Тут предусмотрены три «контролера». Вон они, в железнодорожной форме, сидят поодаль на скамейке, курят. Бригада старшего филера Павликова.

Один для правдоподобности крикнул на «нищего»: исчезни, голодрань. Другой урезонил: чего пристал к человеку, жалко, что ли.

Артисты, подумал князь с почтением. Того же Симанчука хоть в труппу к господину Станиславскому, на какую-нибудь роль из пьесы «На дне».

Загудел приближающийся поезд. Козловский усилием воли изгнал из организма всякое трепетание. Изготовился.

Из вагонов стала выходить публика, в основном отцы семейств, припозднившиеся в своих конторах или засидевшиеся в ресторанах. Немного. И ни один близко от Рябцева не прошел.

Ситуация была непросчитанная. Павликов, командир «контролеров» оглянулся на кусты, но делать нечего — вошли в вагон, уехали. Иначе было бы подозрительно. Уковылял и Симанчук.

Это бы ладно, в кустах и с той стороны, под перроном, людей оставалось достаточно. Но где же резидент?

И Рябцев тоже выглядел обескураженным. Завертелся на месте,

зазвенел ножнами сабли. Выражение лица было не разглядеть. Ночной темноты по июльскому времени здешним широтам не полагалось, но небо закрылось тяжелыми, низкими тучами, и вечер получился сумеречный, почти осенний.

Стало совсем тихо.

«Мирно спит за крепкой стеною, объят тишиною, весь наш городок», — душевно выводил где-то в ночи неведомый певец — второй раз, на бис.

— Ишь заливается, чисто кот-мурлыка на крыше. Сейчас все кошки к ему так и сбегутся, — как ни в чем не бывало прокомментировал Лучников. И тем же топом прибавил. — А вот и он, лапушка. Дождались.

С путей на перрон ловко вскарабкался человек в темном костюме и шляпе-котелке.

Рябцев к нему так и кинулся. Начался разговор, но голоса приглушенные — не разобрать.

— Жди команды, — шепнул Козловский и осторожно подобрался ближе.

Из-за края платформы высунулся медленно-медленно. Напротив стояла скамейка, закрывала обзор, так что видно было только ноги: начищенные сапоги Рябцева и резидентовы штиблеты с гамашами.

— ...Шутите? — хихикнул поручик. — Там триста листов большого формата. Месяц копировал, а потом еще неделю частями из секретной зоны выносил. Нет, всю папку сразу не вытащу, на пропускном могут остановить. Погубить хотите?

Голос с сильным акцентом сказал:

— Захочу погубить — погублю. От вас самого зависит. Папка мне нужна целиком. И немедленно.

Козловский только головой покачал. Ну, немцы. Могли бы найти резидента, кто по-русски чисто говорит. Ни во что нас не ставят. Ладно, дайте срок.

Рябцев обиженно засопел.

— Коли нужна, выносите сами. А меня увольте.

— Как же я попаду в штаб?

— Не в штаб, не в штаб. — Поручик снова захихикал. — Я все продумал. Сами войдете, сами найдете, сами возьмете. Ха, стихами заговорил. Вот схемка. — Зашелестела бумага, мигнул луч фонарика. — Тайник обозначен крестиком. Смешно, правда?

— Не пойму. Где это?

Штабс-ротмистру тоже хотелось знать. Он приподнялся на цыпочки,

чтоб заглянуть поверх чертовой скамейки, да вот незадача — слишком навалился грудью, скрежетнул пуговицей по пруту решетки.

Звук был не то чтобы громкий. Рябцев на него даже не повернулся. Зато незнакомец в котелке, ни мгновения не мешкая, без единого слова сиганул с платформы на рельсы и исчез.

Выругавшись, Козловский дунул в свисток.

И началось!

Затрещали кусты, загрохотали ступеньки, ночь наполнилась топотом, кряхтением, возгласами. На перрон с двух сторон, перепрыгнув через ограду, выскочили филеры, схватили окоченевшего Рябцева под руки.

А и шустрый резидент убежал недалеко. Из-под платформы ему под ноги метнулась проворная фигура, еще одна припечатала сверху.

Раз — и поставили голубчика на ноги, подтащили к краю.

Подоспевший Лучников ахнул, увидев, что у арестованного отчаянно работают челюсти, густая черная борода так и колыхнется. Пантелей Иванович присел на корточки и попробовал пальцами разжать шпиону зубы, но тот судорожно сглотнул. Сlopал листок, сволочь.

Козловский, как и подобает начальнику, вышел на перрон не торопясь, так что и хромоты было почти незаметно. Внушительно оправил длинные усы. Что перед тем перекрестился и произнес благодарственную Господу молитву, никто из подчиненных не видел.

Все было отлично.

Арестованного, взятого на платформе, крепко держали под белы руки.

Внизу, над кромкой перрона, торчали три физиономии: одна перекошенная, бородатая, и две усатые, довольные. Молодцы ребята, четко сработали.

Резиденту было объявлено официальным тоном:

— Я — штабс-ротмистр князь Козловский. Если имеете дипломатический статус, объявите о том немедленно. Если вы офицер, назовите имя и чин. Иначе мы поступим с вами, как поступают со шпионом в военное время. Сами знаете, ждать осталось недолго. Немец заорал:

— Какой такой князь козлов! Что такой «шпион»?! Я честни дачник!

— Ну как угодно. Вам же хуже. Сюда его.

Пока «честного дачника» втаскивали наверх, Лучников виновато доложил:

— Виноват, ваше благородие, не доглядели. Сожрал он бумажку.

Но князя это не опечалило. Ничего. Если надо, Рябцев другую нарисует. А еще лучше — сам отведет к тайнику и объяснит, что за папка такая.

— Гутен аппетит, герр шпион, — весело обратился штабс-ротмистр к немцу. — Бороденку позвольте.

И потянул за растительность.

— Что ви позволяйт! Больно!

Борода не отцеплялась.

— Клей отменный. — Козловский иронически развел руками. — Уважаю германскую основательность. Обыскать.

Сам пока подошел к Рябцеву.

Поручик вел себя противно. Весь дрожал, да еще всхлипывал.

— Что за документ вы скопировали? Триста листов большого формата?

— План... План развертывания... Генеральный... Против Германии...

Козловский присвистнул.

Во всем военном ведомстве нет документа более важного и секретного, чем Генеральный план развертывания войск на случай войны. Там и расположение соединений, и направление ударов, и цифры, и сроки. Лучшие стратеги разрабатывали. Бесценный этот свод по предписанию может существовать лишь в двух экземплярах: один у военного министра, другой у начальника Генерального штаба. Как мог получить доступ к Генеральному плану развертывания Рябцев, малозначительный сотрудник штаба Гвардейского корпуса? Ладно, это позже. Сейчас нужно было ковать железо, пока не остыло.

— Я искуплю... — лепетал предатель. — Безвыходное положение. Клянусь! Проиграл в карты. Долг чести!

Козловский цыкнул на него:

— Про честь молчали бы. Гвардейский офицер!

— Господин штабс-ротмистр, я правда искуплю! Не передал ведь, только собирался. Я чистосердечно! Могу ли рассчитывать на снисхождение?

Выдержав небольшую, но грозную паузу, князь кивнул:

— Да. Если расскажете все без утайки, то суда и тюрьмы не будет. Вам позволят застрелиться. Согласно традиций.

Но Рябцев от этих слов не воспрял духом, а напротив съезжился.

— А?... Спа.....сибо. Может быть, лучше в тюрьму?

— Ну, если лучше — тогда конечно, — брезгливо пожал плечами Козловский и отвернулся. Интерес к Рябцеву он временно утратил. С этим

слизнякам трудностей не будет.

Стал приглядываться к резиденту. Тот стоял, разведя руки в стороны, агенты прощупывали швы на его одежде. Лицо, до глаз заросшее бородой (черт ее знает, может и не фальшивой), бесстрастно, но руки выдают-таки волнение: большой палец правой крутит перстень на указательном.

— Что было на схеме, которую проглотил ваш голодный приятель? — спросил штабс-ротмистр у Рябцева через плечо.

— Место, где спрятана папка, — с готовностью ответил тот. — Видите ли, она большая, желтая такая. Я ведь как? Несколько листов перепишу, трубочкой скатаю и на пазуху. Но с территории не вынес, честное-благородное слово. Только из секретной части. Он на меня давил, запугивал, а я все тянул. Я же русский офицер...

— Как собирались вынести папку с территории корпусного штаба? — перебил мерзавца Козловский. — Не юлить!

— Слушаюсь. План был такой. Перетащить по частям в тайник, а потом...

Немец, до сей секунды стоявший смирно и беспрекословно выполнявший все распоряжения филеров («Боком!» «Руку вверх!» «Ноги шире!»), взревел от ярости. Рванулся с места, подлетел к Рябцеву и с воплем «Трррус!» вlepил поручику звонкую пощечину. Увернулся от растопыренных рук Лучникова, штабс-ротмистра оттолкнул плечом и с разбега перемахнул через ограду — прямо в кусты.

Двое филеров кинулись за ним, Козловский дунул в свисток, Лучников закричал ребятам из оцепления: «Не стрелять! Живьем!», а поручик схватился за лицо и завыл.

— Что вы, как девка?! — рывкнул на него князь. — Подумаешь, рана!

На щеке у Рябцева сочилась тонкая царапина. Это резидент его перстнем ободрал, понял Козловский.

Но предатель вдруг схватился за горло, всхрипел и забился в руках у агентов. Сердечный припадок, что ли?

— Яд! — охнул Лучников. — Мгновенного действия! «Ку-ра-ра» называется. Я раз такое уже видал. В пятом году, когда японского диверсанта брали. У него в кольце иголка была. Чиркнул себя по горлу...

А отравленный больше не дергался, повис кулем, только нога еще судорожно скрежетала каблуком по цементу.

Картинка 02

У штабс-ротмистра на лбу выступил холодный пот.

— Мерзость какая! Того-то не упустят?

— Не должны, все обложено. Ну-ка, от греха...

И Лучников побежал по перрону — не в том направлении, куда скрылся резидент, а наискосок, каким-то собственным азимутом.

Козловский — не стоять же на месте — похромал вдогонку.

Сердце так и заходилось от тревоги. Очень уж прыткий попался немец.

Бородатый шпион оказался еще прытче, чем представлялось штабс-ротмистру.

Моментально продравшись через кусты (у преследователей это получилось куда медленней), резидент широкими скачками понесся прямо на второе кольцо оцепления — под фонарем, перегораживая переулок, маячили два агента.

Не тратя времени на предупредительные окрики, они бросились беглецу наперерез. Один прыгнул в ноги, второй хотел завернуть руку.

Только не на того напали. От ножного захвата немец увернулся, да еще поспел врезать филеру носком ботинка по виску. Со вторым схватился и вышел из короткой, яростной схватки победителем. Так впечатал противнику лбом в нос, что служивый рухнул без памяти.

На повороте резидента сшиб подножкой агент из третьего кольца. Оба покатались по земле, и снова бородатый поднялся, а филер остался лежать.

Беглец обернулся. На него, отставая шагов на тридцать, неслись Лучников и еще несколько человек. Сзади, припадая на правую ногу и захлебываясь матюгами, поспедал штабс-ротмистр.

Одно движение, и резидент исчез за углом.

— Вы двое по забору! — быстро распорядился Лучников. — Вы трое налево! Михалыч, Степа, за мной! Врет, паскуда, не уйдет!

И точно, не ушел. Недолго довелось побегать шустрому немцу. Путая след, он махнул через штакетник в какой-то сад, перескочил через ограду с противоположной стороны — и угодил прямо на Лучникова со товарищи. Пантелей Иванович все рассчитал точно, ибо старый коняка борозды не испортит.

Бородач и тут без борьбы не дался. Врезал Михалычу по сопатке, Степу лягнул в неподобающее место, но завалили-таки голубя. Забарахтались в траве — упрямый перец-колбаса все не сдавался.

Поскольку все четверо были люди серьезные, управлялись без криков, без ругани. Из-под забора, где шла баталия, доносилось лишь кряхтение да хриплые выдохи.

Четвертью часа ранее на близлежащей даче

Насчет кота-мурлыки Лучников выразился, конечно, грубо, но в сущности был недалек от истины.

Слушателей было человек двадцать, но пел сегодня Алеша исключительно для Симочки Чегодаевой. Ей посвящались и «Ария Роберта», и «Серенада Смита» (последняя дважды, на бис).

Обожаемая особа почти не поднимала на певца взгляда, но отлично все чувствовала. Грудь самой милой на свете девушки вздымалась, глаза были затуманены. И это было для Алеши наградой во стократ более драгоценной, чем любые аплодисменты.

Какое все-таки счастье, какой чудесный дар судьбы — голос! Берешь написанную кем-то музыку, не тобою сочиненные слова, наполняешь эти звуки своей силой, своим чувством, и мир вокруг озаряется твоим сиянием, будто ты не смертный человек, а животворное солнце.

С особой страстью, глядя прямо на любимую, Алеша пропел:

Озари стон ночи улыбкой
И стан твой гибкой
Обниму любя!

Она вся так и затрепетала. О, если б это был не журфикс на даче адвоката Лозинского, а девственные джунгли или африканская саванна, где не существует светских условностей и все покорно закону природы, Симочка сама кинулась бы к нему в объятия! В это мгновение — несомненно!

Того же мнения была и Антония Николаевна, Симочкина мама. Она стояла в кругу знакомых дам и наблюдала за дочерью с все возрастающей тревогой.

— Как молодой Романов поет — чудо! — сказала мадам Лозинская. — Ужасно мил. А руки, руки! Порхают по клавишам, словно две белые голубки!

Да, чрезвычайно опасен, думала Антония Николаевна. Черный смокинг в сочетании с накрахмаленной рубашкой и белым галстуком всем мужчинам к лицу, а уж этот — просто принц. Опять же баритон. Промедление смерти подобно. Бедная Сима.

Во взгляде, брошенном на дочь, читались сочувствие, но в то же время и твердость.

Извинившись, госпожа Чегодаева подошла к Симе и вывела ее из гостиной на террасу.

— Нам нужно поговорить.

Та, дурочка, смотрела на мать влажными коровьими глазами. Что у нее на уме, догадаться было нетрудно.

Картинка 03

— Он тебе не пара, — отрезала Антония Николаевна.

— О чем ты, мама?

— Ты знаешь, о чем. Довольно того, что я загубила свою жизнь, выйдя за красавца, который чувствительно пел под гитару. Не повторяй моих ошибок!

— Я не понимаю...

— Перестань, Серафима! Смотри на меня. — Она взяла дочку за подбородок. — Ты знаешь, что я тебя люблю больше всего на свете?

— Да, мама.

— Ты знаешь, что я желаю тебе одного добра?

— Да, мама.

— Ты понимаешь, что я умнее и опытнее тебя?

Девочка у Антонии Николаевны была неглупая и не без характера. Просто еще совсем молодая.

— Ну тогда слушайся. Твой Алеша Романов мил, ты в него влюблена... Не мотай головой, я все вижу. Но помни о наших обстоятельствах. — Тут следовало проявить некоторую жесткость, чтоб вернуть Симу с небес на землю. — Тебе нравится жить за Невской заставой, в старом доме с мышами и тараканами? Второй сезон носить то же платье? Ездить на трамвае? Штопать дыры на чулках? Разве не унижительно, что вся приличная мебель у нас с тобой собрана в гостиной, а задние комнаты постороннему человеку не покажешь?

Безжалостное перечисление продолжалось до тех пор, пока туман из Симочкиных глаз окончательно не исчез.

— Ну то-то. — Госпожа Чегодаева погладила дочку по гладкой щеке. — Что твой Романов? Студент. Притом не юрист, не медик, а математик. — Она поморщилась. — За душой ни гроша, а когда выучится, будет зарабатывать копейки. Добро б еще из приличной семьи. Сын учительши. Фи!

— Мама, что ты говоришь! Это низко! — попробовала возмутиться Симочка, но Антония Николаевна срезала ее несокрушимым аргументом.

— Низко жить в убожестве и нищете. Уж мы-то с тобой отлично это знаем. Спасибо твоему папаше, чтоб ему в гробу перевернуться.

— Мама!

— Молчи, дуручка. — Голос матери дрогнул — сердце-то не камень. Госпожа Чегодаева сказала мягче, проникновенно. — Замуж за него выходить глупо. Еще глупее получится, если проявишь слабость. Ты понимаешь, о чем я. Лишь погубишь шансы на хорошую партию в будущем. Завтра мы с тобой поедem к Анфисе Сергеевне в Павловское. Там будет ее племянник Мишель. Обрати на него внимание — это вариант существенный.

Симочка заплакала — так оскорбило ее нежную душу циничное словосочетание.

— Я не хочу «вариант»! Мне нравится Алеша!

Мать обняла дочку за плечи, платочком вытерла с ее ясных глаз слезы.

— Твой капитал — красота и невинность. Эти два товара на брачном рынке дороги, только когда продаются вместе. Прости, что говорю грубо, но это правда. Мне очень больно, что ты страдаешь. Но я хочу уберечь тебя от еще худших страданий. Ты мне веришь?

Всхлипывая, Сима кивнула.

— Ну тогда не будь жестокой. Не кружи молодому человеку голову. Пожалей его.

Дочь заплакала еще пуще, но это были рыдания уже иного регистра. В них звучало не тупое девчоночье упрямство, а взрослая скорбь по тому, чему сбыться не суждено.

На что Антония Николаевна была крепка сердцем, и то прослезилась.

Обнялись, немножко поревели. Потом госпожа Чегодаева сказала:

— Я знаю, ты у меня умничка.

А тем временем

А тем временем ни о чем не подозревавший Романов во второй раз допел про мирно спящий городок (правда, уже не с тем пылом и темп под конец немножко ускорил). Хлопали ему, как никогда. Он привык срывать аплодисменты на всякого рода любительских концертах, но сегодня действительно был в ударе и сам это чувствовал. Однако после исчезновения Симочки петъ расхотелось, и даже овация вызвала одну лишь досаду.

Упорное невозвращение девушки могло означать только одно. Растаяв

от страстного призыва, она ушла в сад и ждет там своего трубадура. Сейчас, наконец, всё решится!

Продолжать выступление Алеша отказался, показав на горло — мол, связкам требуется отдых.

Поклонился, хотел уйти — не тут-то было.

Сначала привязался какой-то господин в пушистой бороде, стал совать карточку. Назвался антрепренером музыкального театра и предложил попробоваться на Эскамильо — для второго состава.

Сказал:

— Все знаю, вы студент университета. Но, батенька вы мой, этакий талантище в землю зарывать! Вам на сцену нужно. Собинов вон тоже юридический факультет окончил. А теперь какие тысячи зашибает!

— Так то Собинов, — пробормотал Алеша, слегка пятясь к двери.

Не успел отбиться от приставаучего антрепренера — налетел дядюшка Жорж. Хватать за локоть, и на ухо:

— Лешка, выручай, я опять... Тысячи на полторы подсел.

Георгий Степанович был присяжным поверенным по бракоразводным делам и мог бы жить не хуже, чем Лозинский, хозяин сей замечательной дачи. Если б не пагубное пристрастие к игре. Раз в год, по осени, дядя Жорж отправлялся в Висбаден, якобы на воды, на самом же деле не вылезал из казино и всякий раз возвращался совершенным банкротом. Остальную часть года расплачивался по векселям и копил гонорары на новый вояж. Что, впрочем, не мешало ему и в Питере играть по маленькой — он это называл «шпацирничать», от spazieren.^[2]

— В преферанс? На целых полторы тысячи? — изумился Романов. — Вы, дядя, уникам.

— Чего ж ты хочешь? Дважды сторел на мизере. А сейчас Ланге назначил, при тройной бомбе. Не выломим — игре конец. Я сказал, племянничек за меня посидит, а у меня срочный телефон. Спасай, Лешик. Они тебя не знают.

Как это было нехстати!

Но не бросать же человека в беде. В конце концов Алеша у дяди уже третий год нахлебничал, с тех пор, как поступил в университет. Долг платежом красен.

Подошли к зеленому столу, за которым сидели трое партнеров Георгия Степановича.

— Вот он, мой суррогат. Алексей Парисович, тоже Романов, дорогой племянник. Вы его, господа, не обижайте, он еще птенец.

Всех познакомил и с деловитым видом убежал.

Партнеры, люди все солидные, заядлые преферансисты, осмотрели Алешу и остались довольны. Застенчивый румянец, чистый лоб, наивный взгляд.

— Правила-то, Алексей Борисович, знаете? — поинтересовался господин Ланге. Судя по тому, что при виде зеленого юнца он заметно повеселел, мизер был не стопроцентный, с дыркой.

— Более или менее. Я не «Борисович», а «Парисович». Дед преподавал в гимназии греческий и латынь, вот и придумал имечко, — с привычной улыбкой поправил студент, раскрывая дядины карты. — Меня можно без отчества. Просто «Алексей».

Хм, а расклад-то интересный... Господин напротив (чего-то там на «штейн», врач) спасовал.

— Вист, — сказал Алеша. Посмотрел карты партнера. Слегка наморщил лоб. — Э-э, да вы, господин Ланге, любите риск. А если вот так? Зашел с восьмерки треф.

Ланге мучительно задумался. Сбросил семерку.

— Опрометчиво. — Студент поднял на него лучистые глаза. — Тогда берем вот эту и вот эту, а остальные, извините, ваши.

Сраженный трефовой девяткой, Ланге побледнел. А Романов уже вскочил.

— Господа, прошу извинить. Совсем забыл, у меня срочное дело. Дядя сейчас вернется.

Штейн (Гольдштейн, Зильберштейн — что-то в этом роде) шутливо воскликнул:

— Что у вас за семейство — все торопитесь!

Третий партнер, известный остроумец и либерал адвокат Локтев, поднес палец к губам:

— О семействе Романовых или хорошо, или ничего!

Остальные засмеялись. Алеша вежливо улыбнулся. К шуткам по поводу своей фамилии он привык.

Удерживать студента никто не стал. Лучше уж было сражаться с Георгием Степановичем.

Наконец-то Алеша был свободен.

Симу он нашел в саду, как и надеялся. Она стояла, прислонившись спиной к стволу дуба. Глаза мерцали в полумраке, будто две звезды (во всяком случае, именно такое сравнение пришло в голову влюбленному). Подойдя ближе, он понял причину этого чарующего феномена: оказывается, то блестили слезы. До чего же поэтичным должно быть сердце, способное так чувствовать музыку!

Качнувшись навстречу Алеше, девушка посмотрела на освещенные окна и повлекла молодого человека в самый дальний угол сада, весь заросший деревьями и кустами.

Картинка 04

Поцелуй в губы... или больше? Вот единственное, о чем думал сейчас Романов. До сих пор ему удалось поцеловать Симу всего два с половиной раза, и то неубедительно: в щеку, в подбородок и в угол рта, по касательной.

Дойдя до самого забора, она обернулась. Остановила его, уже готового заключить ее в объятия, движением руки.

— Я должна вам кое-что сказать... Это важно.

И умолкла. Как же прелестно дрожали у нее губы! Он опять к ней потянулся, но Сима отодвинулась и даже полуотвернулась.

— Какие недобрые сумерки... — Она зябко поежилась. — Помните?

«С слияньем дня и мглы ночной
Бывают странные мгновенья,
Когда слетают в мир земной
Из мира тайного виденья...»

Алеша не помнил, но предположил, что это Блок или Брюсов (Сима всегда цитировала Блока или Брюсова).

В третий раз он попробовал ее обнять, и опять она отшатнулась.

— Нет, нет, нет... Послушайте! Как дышит ночь!

Он послушал. Ночь дышала сладострастьем — в буквальном смысле. Что-то в ней вздыхало, охало и даже похрипывало. Или это ему померещилось? Алеша и сам немного задышался.

Однако в четвертый раз быть отвергнутым не хотелось. Взяв себя в руки, он спросил:

— Что вы хотите мне сказать?

— Сейчас... — Симочка никак не могла собраться с духом. — Ах, как кружится голова от аромата сирени! Сорвите мне вон ту ветку. Дотянетесь?

Ветка, самая пышная из всех, была высоковатой, но ради Симы он достал бы и луну с небес.

В сущности, можно было подставить пустой ящик (их у забора был целый штабель), но отчего же не продемонстрировать гимнастические

способности? Даром что ли Алексей Романов был первым спортсменом своей гимназии, а ныне считался вторым, ну хорошо, пускай третьим, спортсменом всего Санкт-Петербургского императорского университета?

Ловко подтянувшись, он влез на бревенчатый забор. Встал (безо всякой опоры!), балансируя на узком жестяном наверху. Вот она, ветка, за ней еще и нагибаться придется.

Ночь дышала как-то слишком уж страстно. Причем кряхтение доносилось из вполне определенного места — снизу.

Алеша опустил взгляд.

Со стороны улицы под забором копошилась какая-то куча-мала. Вот откуда, оказывается, неслись сипы и хрипы!

— Эй, господа! — крикнул Романов, а, разглядев, что это трое мужчин навалились на четвертого, который отбивается из последних сил, повысил голос. — Трое на одного! Стыдитесь!

Спрыгнул вниз, рывком оттащил самого верхнего. Тот был в картузе, рубахе на выпуск — типичный хулиган из фабричных. А человек, которого били, между прочим, был приличный, в штиблетах с гамашами.

Пролетарий толкнул Романова в грудь, очень сильно и довольно больно. После чего, конечно, пришлось прибегнуть к помощи английского бокса.

Жаль, Сима не видела, какую шикарную плюху (по-спортивному «хук») всадил Романов невеже в ухо. Тот мешком сел на землю.

Второй из хулиганов, приподнявшись, вцепился Алеше в галстук, да еще, сволочь, стал ногами лягаться.

Приличный господин, воспользовавшись неожиданной подмогой, отшвырнул последнего из своих недругов. Но дальше повел себя некрасиво. Даже не подумал придти благородному союзнику на помощь, а дунул со всех ног в сторону — и поминай, как звали.

— Алеша! Алеша! Что с вами? — пищала с той стороны Симочка.

А он и ответить не мог. Закрутили руки, зажали горло.

Вдоль забора бойко хромал усатый офицер, придерживал на боку саблю.

Ну держитесь, скоты, обрадовался Романов. Сейчас вам будет!

Офицер же закричал, обращаясь к одному из хулиганов:

— Взяли? Молодцы!

— Ушел, — сплюнув, ответил самый старый из налетчиков, с противной скуластой физиономией. — Вот, ваше благородие, один воротник в руке остался.

— А это кто?

— Пособник.

Ничего не понимающего Алешу схватили за шиворот крепкие руки в перчатках, трягнули.

— Кто такой? Немец?

— Русский. А что, собственно...

Не дослушав, офицер замахнулся кулаком, но ударить не ударил.

— У, мразь! Предатель!

И снова вцепился в лацканы, затряс так, что у бедного Алеши совсем помутилось в голове.

— Ваше благородие, гляньте, — сказал Лучников, держа у самых глаз воротничок сбегавшего резидента. — Никак буквы, китайские. Это метка из прачечной. Может, по ней найдем.

— Зачем нам прачечная? — Штабс-ротмистр Козловский справился-таки с нервами, расцепил пальцы. — Этот субчик нам все расскажет.

Некий дом на тихой улице

Капитан Йозеф фон Теофельс из Первого (российского) управления Grosse Generalstab[3] провел бессонную, очень хлопотную ночь и на квартиру вернулся лишь под утро, весь в синяках и царапинах, с оторванным воротником и висящим на нитках рукавом. Выражение лица у него было рассеяннo-зadумчивое.

Очень хотелось бы сказать про лицо этого необычного человека что-нибудь столь же неординарное, но, честное слово, нечего. Если было нужно, капитан умел превращаться в писаного красавца. Мог (опять-таки в случае необходимости) оборачиваться серым мышонком. Есть люди, которых постоянно окликают на улице, потому что они обладают среднестатистической внешностью и их все время принимают за кого-то другого. Йозефа фон Теофельса (друзья называли его просто «Зепп», а для не-друзей у капитана было множество самых разных имен) частенько не узнавали в толпе даже знакомые. Вот какое это было лицо. Увидишь — через минуту забудешь.

Пока верный Тимо, охая и причитая, отклеивал накладную бороду, а потом смазывал и обрабатывал ссадины, капитан сидел смирно, на вопросы отвечал невпопад. Его мысли витали где-то далеко.

— Говорил ведь, не ходите один, добром это не кончится, — например, проворчал на простонародном швабском диалекте слуга. Росту в нем было два метра, так что над сидящим капитаном он сгибался чуть не пополам.

Зепп ему по-русски, без малейшего акцента:

— Сколько раз повторять, дурень. Даже с глазу на глаз разговаривать только на туземном наречии.

Тимо и заткнулся. Он был удручающе неспособен к иностранным языкам. Что такое «с глазу на глаз» и тем более «туземное наречие», не понял. Но общий смысл уловил. Надо сказать, старина Тимо был вообще мало на что способен. Зато некоторые вещи умел делать просто гениально. Капитан его ни на кого бы не променял. Этот увалень ухаживал за Зеппом с раннего детства, а предки Тимо прослужили в родовом замке Теофельсов, наверное, лет пятьсот.

* * *

Потом, весь намазанный зеленкой, жилец кормил птичек. Попугай Ники и ворона Аликс жили в двух роскошных клетках, висевших по ту сторону окна на основательных стальных тросиках, закрепленных под верхним наличником — даже злой балтийский ветер не сорвет.

— Здравствуйте, ваши величества, — поклонился птицам фон Теофельс и тр-р-р-р — провел ногтем по железным прутьям.

— Рррросия уррра! — бодро откликнулся попугай. Аликс просто сказала:

— Карррр!

По профессиональной привычке пробежав взглядом по улице и окнам напротив, Зепп остался вполне доволен. Ничего подозрительного.

Улица была тихая. Этаж третий. Над ним еще четвертый, оттуда раздавались неуверенные фортепианные гаммы. Там квартировал учитель музыки.

— Ходиль-ходиль, ночь пропадаль, я не шпаль, — не выдержал долгого молчания слуга. — Лицо битый, ein blauer Fleck.

— Синяк, — подсказал господин.

— Зиняк. Пришель — пустая рука.

— С пустыми руками.

— Кто лицо побиваль?

Зепп изобразил под носом тараканьи усищи:

Картинка 05

— Какие-то господа из контрразведки. Князь Тараканов. Черт с ним,

не в нем дело. Где спрятал папку наш футболист? Вот в чем вопрос. — Он забарабанил пальцами по раме. — Вынес из секретной части, но не с территории. Где же, спрашивается, папка? Крестик, что за крестик? Хм, ребус.

Он еще долго ходил по комнате — то молча, то снова принимаясь бормотать:

— Ребус, ребус... Из секретной части вынес... С территории не вынес... «Сами пойдете — сами найдете — сами возьмете»...

Тимо, не привыкший сидеть без дела, сортировал на столе принесенное из прачечной белье. Здоровенные костлявые ручищи сноровисто раскладывали сорочки к сорочкам, простыни к простыням.

Вдруг Зепп остановился и показал пальцем на крошечный лоскуток, пришитый к уголку наволочки.

— Это еще что? Вон то, белое?

— Китайский... Нови Wascherei[4]... Китайский человек пришиваль. Очень хороший китайский человек. Чистый, аккуратный. Любит порядок.

Выругавшись по матери, капитан разворошил весь сверток. Метки были всюду, даже на носках.

— Тяжело жить с идиотом, — пожаловался Зепп. — Из-за такой ерунды обычно и сгорают! Все спороть к чертовой матери! В эту прачечную больше ни ногой!

— Там остался четыре хороший Laken.[5]

— Черт с ними.

Расстроенный Тимо засопел, но спорить не осмелился. Он достал странные вязаные гольфы — вместо стопы одна бретелька — и аккуратно скатал трубочкой.

— Ну конечно! — Фон Теофельс с размаху хлопнул себя по лбу. — Одиннадцатое! Эврика!

Наклонился, звонко чмокнул Тимо в щеку. Тот захлопал белесыми глазами. Последний раз Зепп поцеловал своего преданного слугу двадцать пять назад, когда пошел в первый класс гимназии.

В контрразведке

Студенту Романову этой ночью спать тоже не пришлось. Его беспрерывно допрашивали. Кошмарное недоразумение разрешилось лишь к утру.

— Угу. Угу, — мрачно хмыкал в телефонную трубку хромой штабс-

ротмистр, глядя в протокол допроса.

На том конце провода надзиратель околотка, где был прописан Алексей Парисович Романов, сообщал сведения об арестанте. Все совпадало. Сын личного почетного гражданина, уроженец Санкт-Петербургской губернии, православного вероисповедания, студент физико-математического факультета, под надзором не состоит, временно проживает у родного дяди, присяжного поверенного Г. С. Романова.

Собственно, и так было ясно, что мальчишка ни при чем. Провал случился из-за нелепого стечения обстоятельств.

Лучников-то давно все раскумекал. Штабс-ротмистр еще на что-то надеялся — стучал по столу кулаком, задавал каверзные вопросы, а старший филер, даром что при задержании получил от студента по уху, уже заварил ему крепкого чаю и выдал пару баранок из своих запасов.

Теперь физико-математический кретин сидел напротив Козловского и с оскорбленным видом пил второй стакан.

Чтоб сбить с сосунка спесь, князь объяснил: по вашей вине провалена операция важнейшего государственного значения, упущен опасный шпион. А когда студент осознал свою вину и виновато заморгал густыми девичьими ресницами, штабс-ротмистр презрительно указал ему на дверь:

— Катитесь отсюда, рыцарь печального образа! Защитник униженных и оскорбленных! Сколько времени зря потрачено!

Мальчишка встал и снова сел.

— Господин офицер, но я не знал, что эти господа — агенты контрразведки, а тот человек — шпион! Вижу, трое бьют одного! Как бы вы сами поступили на моем месте?

— Сначала спросил бы.

— Я и спросил! Эй, говорю, вы что? А он меня кулаком в грудь!

Что было толку с ним препираться? В сущности, Романов не виноват. Это штабс-ротмистру судьба подгадила. Невзлюбила она за что-то лейб-кирасира. Как говорится, то по морде влепит, то по харе, а то физию расквасит.

— Брысь отсюда! — рявкнул князь. — Глаза б мои вас...

Зазвонил аппарат — черный, для связи с начальством.

— Ну что, Козловский? — спросил его превосходительство.

Прибыл, стало быть. Поспал ночь в мягкой кровати, скушал завтрак и к половине десятого, как положено, явился на службу. Сейчас будет кофей пить.

Ну, штабс-ротмистр его и порадовал. Резидент ушел, Рябцев убит, и это еще цветочки. Самое скверное, что предатель сделал список с Генерального плана развертывания. Где находится копия, неизвестно.

Пока генерал кричал и ругался, Козловский зажег папиросу. Пускал колечки дыма, смотрел в потолок. Иногда говорил в трубку:

— Так точно, сознаю... Никак нет, не надеюсь... А это как прикажете.

В паузе, когда его превосходительство после очередного риторического вопрошания задохнулся от чувств, штабс-ротмистр вставил то, что собирался:

— Глубину ответственности понимаю. Чего я не понимаю — с какой стати план развертывания оказался в Царском Селе, в штабе Гвардейского корпуса?

Начальник, похоже, первый пар уже выпустил. При такой комплекции долго гневаться трудно. Во всяком случае, ответил уже без ора:

— Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич с началом военных действий становится главнокомандующим. Такое решение принято еще весной.

Тогда понятно. Никник (как называли гвардейцы своего шефа) — мужчина обстоятельный. Затребовал документ, чтобы как следует подготовиться. Выходит, наши стратеги войну предвидели и до выстрела в Сараеве? Ладно, не нашего ума дело.

Козловский решил, что можно переходить к делу. Эмоциональная часть окончена.

По-прежнему разглядывая потолочную лепнину, он доложил о проведенной работе.

— Рябцев сказал (я сам слышал), что папку с планом он вынес из секретной части и спрятал в тайнике на территории штаба. С двух часов ночи до девяти утра мои люди произвели там предварительный осмотр. Потом пришлось прекратить, потому что на службу начали прибывать сотрудники. Да и все равно, как его найдешь, этот тайник? Сами знаете, ваше превосходительство, там в ограде добрая сотня десятин. Чего только нет: штабные корпуса, гаражи, конюшни, плац, оранжереи, спортивный клуб... Я про клуб упоминаю, потому что в агентурной сводке на Рябцева написано: спортсмэн, гол-ки-пер футбольной команды.

Начальник переспросил про незнакомое слово.

— Голкипер? Понятия не имею, — пожал плечами Козловский. — Должность какая-нибудь. Выясним.

И вдруг слышит:

— Господин офицер, я знаю. Голкипер — это игрок, который в футболе «гол» защищает. Ну, на воротах стоит. Я сам на первом курсе...

Рассматривая потолок и сконцентрировавшись на тяжелом разговоре, про студента Козловский совсем запамятовал.

Замахал на мальчишку рукой: уйди, уйди, не до тебя.

В дверь бесшумно проскользнул отлучавшийся Пантелей Иванович, успокоительно кивнул. Очень вовремя!

— Кое-что, правда, зацепили, — сказал штабс-ротмистр начальству. — Может, и найдем герра резидента. Люди работают.

В общем, закончил разговор на ноте сдержанного оптимизма.

Студент все топтался у дверей, не уходил.

— Простите, господин офицер, а что такое «Генеральный план развертывания»?

У Лучникова на лице появилось вопросительное, даже недоверчивое выражение. Смысл этой гримасы был для князя нелестен: неужто, ваше благородие, вы при постороннем вели такие разговоры?

Прав был фельдфебель, безусловно прав.

Но про план развертывания Романову объяснить все-таки следовало. Иначе, не дай Бог, начнет расспрашивать знакомых, всяких встречных-поперечных.

Едва сдерживаясь, Козловский проскрипел:

— Это документ огромной важности. В нем изложен весь порядок предполагаемых действий против Германии. И благодаря вашей дурости этот план теперь может оказаться у немцев. Понимаете, что вы натворили? По крайней мере, хоть держите язык за зубами! Вашему слову можно верить?

Вид у студента сделался совсем убитый.

— Господи! Я очень виноват. Господин штабс-ротмистр, позвольте мне как-то исправить... Давайте я буду вам помогать. Я бесплатно, из одного патриотизма. Вы, может быть, думаете, я ни на что не годен? Я на велосипеде езжу, боксирую. Кстати, и в футбол играю. То есть раньше играл, хавбеком в университетской команде.

Сердиться на него Козловский больше не стал. Лишь устало попросил:

— Послушайте, хавбек, уйдите, а?

Мальчик продолжал лепетать чушь:

— Я сообразительный. У нас на факультете был чемпионат по разгадыванию ребусов, так я первое место занял...

— Марш отсюда!!! — гаркнул тогда князь страшным голосом. — Ребусы, тт твою мать!

Студента Романова за дверь вынесло будто ураганом.

— Значитца так, — доложил тогда Лучников. — В Питере двенадцать китайских прачечных и еще три в пригородах. В каждую послал по толковому человечку. — Он потрогал красное, распухшее ухо и усмехнулся. — А крепко вкатал мне боксер этот сопливый. До сих пор башка гудит.

В Царском Селе

Симе Чегодаевой жить на свете было трудно, но интересно. С одной стороны, она ужасно страдала. С другой — летала, как на крыльях. Оказывается, так тоже бывает.

Страдала она, потому что жалела Алешу. Вчера так и не успела исполнить свое намерение: провести сцену расставания нежно, но твердо. Алеша милый и хорош собой, но невероятно инфантильный. Спрыгнул с забора, ввязался в какую-то драку, и его забрали в полицию. Мама, как всегда, права: это не вариант.

Сегодня прибавился новый повод для терзаний — беспокойная совесть. Ведь формально с Алешей она не порвала. Поцелуи, пускай коротенькие, все-таки были, а это очень серьезно. Между тем нынче случилось нечто чрезвычайно важное.

Мама, как и собиралась, повезла Симу в Павловское и познакомила с племянником Анфисы Сергеевны, тем самым существенным вариантом, о котором дочка давеча и слушать не захотела.

Но штука в том, что «вариант», действительно, оказался очень, то есть даже в высшей степени существенным.

Единственное, немножко староват, лет тридцати пяти. Но красив, статен, в прекрасно сидящем мундире и брюнет. Мама сказала, что Мишель занимает какую-то чудесную должность в интендантстве и вообще «твердо стоит на ногах».

Сначала Симочка, конечно, на племянника и смотреть не хотела, хоть и заметила, что он пожирает ее взглядом. Но после обеда они подружились. Мишель оказался ужасно славный. Рассказывал еврейские и грузинские анекдоты, так что рассмешил до слез. Потом учил стрелять из револьвера. А самое лучшее началось, когда он повез ее кататься на собственном автомобиле «форд» и даже дал подержаться за руль.

За весь день Сима ни разу не вспомнила об Алеше, а ведь еще накануне была уверена, что влюблена до конца жизни.

Все это было нехорошо, непорядочно.

По дороге домой она твердо решила, что сегодня же с ним объяснится, и тогда будет принимать ухаживания великолепного Мишеля с абсолютно чистой совестью.

Спросила у горничной Степаниды, телефоновал ли Алексей Парисович. (И телефон, и горничная стоили очень недешево, но Антония Николаевна тратилась, потому что без этих атрибутов приличного дома не бывает.) Вопрос был риторический — Алеша звонил по четыре-пять раз на дню.

Каково же было изумление Симы, когда Стеша ответила отрицательно.

Тут к угрызениям совести прибавилась тревога. Неужто не выпустили из околотка или куда там его забрали? Не может быть!

Она сама протелефонировала на квартиру Алешиному дяде. Тот успокоил: мол, все в порядке, оболтус провел ночь в узилище, но утром вернулся и сидит у себя в комнате. Наверное, занимается.

Очень все это было странно.

— Подозвать?

— Да.

Сима набрала в грудь побольше воздуха и приготовилась к тяжкому разговору.

Главное успеть сказать: «Алеша, только не перебивайте. Нам больше не нужно видеться. Я не могу любить вас так, как вы того заслуживаете. Прощайте навсегда».

И не втягиваться в выяснение отношений. Дать отбой, а будет звонить — не снимать трубку. Когда узнает про Мишеля, сам все поймет.

— Сима? — Голос у Алеши был необычный, какой-то взвинченный.

— Алеша, только не перебивайте. Нам больше не нужно...

Но он ее перебил:

— Вы чудо! Вы как ньютоново яблоко!

— В каком смысле? — удивилась Симочка.

— Я целый день бьюсь над одной шарадой, не могу найти решения.

Вдруг дядя: «Иди к телефону, звонит царица твоей души». И меня как ударило! В Царское нужно ехать! На месте, возможно, что-то прояснится!

Она нахмурилась. Совсем ребенок, честное слово. Какая еще шарада?

— Мне нужно вам сказать что-то важное. Шарада подождет.

— Да это не в том смысле шарада! Дело громадного, титанического значения. Простите, у меня сейчас нет времени разговаривать, я спешу на вокзал. После, после!

Чтоб у него не было на нее времени? Что-то невиданное и

неслыханное!

С одной стороны, Сима почувствовала себя уязвленной. С другой, хотелось покончить с неприятным делом. Ну и еще, конечно, стало любопытно.

Мама, успокоенная удачной поездкой в Павловское, сочла возможным оставить дочку одну, поехала пить чай к подруге. Сима была вольна действовать по собственному усмотрению.

— Разговор срочный, — сказала она тоном, не допускающим препирательств. — Много времени это не займет. Вам нужно в Царское? Отлично. Встретимся через полчаса на вокзале.

* * *

Однако разговора не получилось и на Царскосельском вокзале. Алеша вел себя странно. Говорил непонятно — то слишком громко, то чересчур тихо. Глаза горят, на лице возбужденный румянец. Красивый он все-таки, вздохнула Сима, не очень-то вникая в его сбивчивый рассказ (какая-то малоинтересная история про военные секреты). Следовало признать, что Алеша обладает важным, редко встречающимся у мужчин свойством: так носить всякую одежду, даже потрепанный летний пиджачок из мягкой чесучи, будто она сшита на заказ лучшим портным. Алексей Романов проигрывал Мишелю по большинству пунктов, но не по всем. Особенно хороши у него руки, с длинными и сильными пальцами пианиста, с изящно очерченными ногтями. Как тут не вспомнить гоголевскую Агафью Тихоновну! Если б к состоянию, автомобилю и душистым усам Мишеля прибавить лицо, ресницы и руки Алеши, да не позабыть про дивный баритон...

В общем, то, что было нетрудно произнести по телефону, теперь, глаза в глаза, никак не шло на язык. К тому же до поезда оставалось всего пять минут.

Отчего не прокатиться приятным летним вечером до Царского Села, сказала себе Сима. Полчаса на разговор вполне хватит, а потом можно тем же поездом вернуться. Она представила, как будет ехать назад одна, утирая слезы, с чувством горечи и выполненного долга. Словно Татьяна Ларина, которая предпочла внешне привлекательному, но безответственному Онегину тоже вполне привлекательного, но ответственного князя Грешина.

Вдруг, в потоке сбивчивого шепота. Симочка расслышала нечто в высшей степени интересное:

— ...Я дал честное слово, что буду молчать. Но вы — единственный человек, от которого у меня нет и не может быть секретов.

Она наострила ушки, он придвинулся вплотную (поезд уже тронулся, и вокруг все лязгало, грохотало). Сима слушала внимательно, чувствуя, что начинает кружиться голова. Вероятно, от масштабности «шарады». А может, оттого, что Алешино дыхание согревало ей щеку.

— Ах да, — спохватился он. — Вы ведь тоже хотели сообщить мне что-то важное?

— Это подождет. Сначала интересы отчизны, — ответила Сима.

Вечер был чудесный. Мягкий такой, светлый.

Они долго прогуливались вдоль длинной ограды гвардейского штаба. Публики на аллее было множество. Где-то играл духовой оркестр, по краю дорожки раскатывали белоснежные велосипедисты, неспешно проезжали верховые: дамы в амазонках, мужчины в цилиндрах и рединготах. Ах, если б вся российская жизнь была столь же цивилизованна, как вечернее гуляние в Царском Селе, подумалось Симе.

Разгадка страшной тайны государственного значения оказалась делом малоувлекательным. По большей части Симочка была предоставлена самой себе. Стояла и ждала, пока ее спутник рыскал по кустам вдоль ограды. То замрет у железных прутьев, что-то высматривая, то сорвется с места. Чуть не ежеминутно яростно тер виски, отчего растрепалась прическа, и это Алеше очень шло. С одной стороны, стало еще заметней, как он зелен и несолиден. С другой, очень точно сказано у Брюсова:

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я — этой жизнью хмельной!

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я — вечно юной весной!

Пожалуй, если бы Алеша сейчас обнял ее и поцеловал, у Симочки не достало бы твердости устоять перед соблазном.

Словно подслушав ее мысли, он вдруг вынырнул из кустов и потянул за собой, в заросли.

Картинка 07

Вся порозовев, Сима шла за ним.

— Это же очень просто! — воскликнул Алеша. — Ночью, когда темно,

можно перелезть на ту сторону в любом месте, где кусты подступают к самой ограде. Хотя бы вот здесь! Предположим, изменник закопал папку где-то с той стороны. Шпион выкопает и тем же манером выберется наружу. Только и всего! Знаете, как этому воспрепятствовать?

Она покачала головой.

— Раз нашим неизвестно, где находится тайник, нужно расставить часовых по всему периметру. Сколько понадобится — рота, две. Хоть батальон! Через ворота-то немец на территорию не проникнет! Надо сказать об этом Козловскому.

Схватил Симу за руку и потащил обратно на аллею. Выскочили на дорожку так стремительно, что чуть не угодили под колеса целого эскадрона велосипедистов, все усаые, в одинаковых костюмах и кепи.

Проехав вперед с полсотни шагов, кавалькада дружно повернула налево и гуськом въехала в небольшие ворота, у которых дежурил постовой. Он лихо взял под козырек.

— Смотрите, тут еще один вход! — вскричал Алеша. — Идемте же!

Он побежал к воротам. Сима вздохнула, пошла следом. Ну ребенок, просто ребенок.

Караульный преградил Романову путь.

— Без пропуска не положено.

— А как же те господа? — Он показал на удаляющихся велосипедистов.

— То офицера, с Клуба.

Только теперь Алеша обратил внимание на черную вывеску с золотыми буквами.

ГВАРДЕЙСКИЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБЪ

Рядом, на отдельном щите, всякие афиши, объявления, расписания.

Встал у решетки, стал смотреть.

Вон лужайка для игры в крокет. Поодаль корты для лаун-тенниса, там быстро передвигаются фигурки в белом.

Прошел еще дальше, увидел футбольное поле. Там шла тренировка, слышались громкие голоса спортсменов.

Сима встала рядом, неодобрительно поглядела на голые колени снующих взад-вперед мужчин. Интересно, подумала она, у Алеши тоже ноги заросли волосами? Вряд ли. Вот у Мишеля наверняка. И «существенный вариант» стал в ее глазах чуточку менее существенным.

Люди на поле вели себя странно. Сначала гонялись друг за дружкой по

полю, крича и толкаясь. Потом один, в черной фуфайке и перчатках, встал под деревянной скобой, с одной стороны затянутой сетью, а остальные по очереди стали целить в него мячом, причем не кидали, а били ногой. Попасть было нелегко.

Мяч все время пролетал мимо господина в фуфайке, хоть тот, казалось, и пытался сам подставиться под удар.

— Господа, я не виноват! — наконец завопил он, швыряя кепи о землю. — Я же не голкипер! Где этот чертов Рябцев?

— Господин полковник сказал, что Рябцев больше играть не будет, — строго ответил высокий шатен с эспаньолкой. — Учитесь стоять на воротах, граф. До одиннадцатого остается всего неделя.

Он разбежался, ударил по мячу, но граф ловко расставил руки, и мяч пролетел прямо между ними.

Симе прискучило смотреть, как серьезные люди занимаются чушью.

— Что вы застыли? — сказала она. — Пойдемте.

Алеша повернулся к ней. Глаза у него были широко раскрыты, будто он увидел некое чудесное видение.

— Афиша! — прошептал он. — Мэтч! Ну конечно же!

И опять припустил бегом, только в обратном направлении.

Закатив глаза к небу, Симочка побрела назад к воротам. И все-таки Мишель, думала она. Тут не может быть двух мнений.

Что там разглядывает этот сумасброд, так нелепо размахивая руками?

Большая афиша. На ней крупно напечатано:

Четвертью часа позднее

Прачечную, где бородатый резидент стирал свои воротнички, отыскали лишь к вечеру. Лучников сел на разъездное авто, понесся к китайцам. Штабс-ротмистр объявил экстренный сбор всей арестной команды, сам же ждал у телефона. Чтоб не томиться без дела, читал последнюю сводку о балканских событиях, доставленную из канцелярии генерал-квартирмейстера.

Картинка 08

Источник из Вены сообщал шифрограммой, что члены сербской

тайной организации «Черная рука», устроившей покушение на эрцгерцога, дают на допросах ужасающие показания. Выяснено, что террористическую акцию лично подготовил полковник Драгутин Димитриевич, начальник разведочного отдела сербского генштаба. Даже если он действовал не по указанию правительства, а по собственной инициативе, это мало что меняет.

Ох братья славяне, покачал головой Козловский. Дорого же России обойдется покровительство над вами. Провалились бы вы в татарары с вашей местечковой спесью и неумными амбициями. До сих пор еще оставалась микроскопическая надежда, что как-нибудь обойдется без большой войны. Ныне же всем чаяниям конец. Австро-Венгрия нападет на Сербию, Россия заступится за братьев по вере, Германия, в свою очередь, заступится за своих братьев. И пойдет-поедет. Бабка за дедку, внучка за бабу, жучка за внучку... Не успокоятся, пока всю репку-Европу из Земли не выдернут.

Звонок!

Дернувшись, штабс-ротмистр схватил трубку.

— Козловский у аппарата!

— Вас добивается некий студент Романов, — сказал оператор. — Добавочного не знает, но говорит, дело сверхсрочное.

Какого еще черта?

— Если будет другой звонок, соедините немедленно, отключив Романова, — велел князь.

Мальчишка был сильно взволнован. Судя по шорохам в трубке, говорил, прикрывшись ладонью.

— Я звоню из летнего кафе «Ротонда», в Царском Селе! Я был возле Гвардейского штаба! Там афиша! Я все понял! Шпион проникнет на территорию 11 июля, во время мэтча!

— При чем здесь «мэтч»? Какой еще «мэтч»?

Что-то Лучников тянет. Девятый час уже. Не может телефон найти? Так приехал бы, прачечная возле Новокаменного моста, не столь далеко.

— Футбольный, футбольный! — нес белиберду студент. — 11 июля гвардейская команда принимает у себя Немецкий клуб!

— Какой-какой?

— Немецкий. Это спортивное общество немецко-подданных, которые живут в Петербурге. У них сильнейшая футбольная команда. Раз за разом кубок берут.

Козловский рассердился.

— Что вы мне голову морочите своим футболом! Какое это имеет

отношение к папке?

— Прямое! Вы сами говорили: из секретной части он документы вынес, а с территории нет. Так? Гвардейский спортивный клуб находится на территории штаба. Так? Поручик там часто бывал, он ведь голкипер. Так? В обычное время в клуб посторонние попасть не могут, нужен пропуск. Но одиннадцатого ворота откроют для публики. Само собой, для немецких футболистов тоже. Они наверняка будут переодеваться в клубе, где ж еще? Понимаете?

— И что вы предлагаете? — недоверчиво спросил штабс-ротмистр.

— Во-первых, приглядеться к немецкой команде. Очень возможно, что бородатый — один из игроков. Во-вторых, надо поместить своего человека в нашу команду. Там на щите объявлений, пониже афиши, написано, что накануне мэтча в Немецком клубе будет совместный товарищеский ужин. Ну, а если бородатого среди немцев не обнаружится, устроим в клубе засаду в день игры, и возьмем шпиона прямо с папкой!

— Я вижу, вы уже изъясняетесь в первом лице множественного числа, — съязвил Козловский, глядя на часы.

Было три минуты десятого. Голос студента стал вкрадчивым:

— Я, между прочим, на первом курсе увлекался футболом. Потом надоело, бросил. Но ради отечества готов снова поиграть. Был хавбеком, но могу попробовать и голкипером...

На линии щелкнуло. Вместо звонкого тенорка раздался глуховатый, с развалыщей бас:

— Ваше благородие, я из прачечной. У них тут на широкую ногу, целый взвод узкоглазых стирает-парит-утюжит. Даже телефон есть. Со мной хозяин, господин Лю. Меточку признал, нашел по книге адрес. Предтеченская улица, дом 5. Фамилию вот только не разберу. Может вы поймете? Ну-ка, ходя, скажи господину начальнику.

В трубке закрипело, потом сладкий певучий голос пропел:

— Здластвуй, натьяльника! Сяомита.

— Что?

Козловский сильно, до боли прижал раструб к уху.

— Сяомито. Гаспадина Сяомито. Холосая гаспадина, много-много стилай.

«Господин Шмит», что ли? Неважно. Главное, есть адрес.

Ну, эскадрон, шашки наголо! Марш-марш!

Хорошо в Питере летом. Одиннадцатый час вечера, а светло, — заметил фон Теофельс, прикладывая к газетному листу картонную трафаретку с вырезанными квадратами.

Немножко поколдовал, подвигал туда-сюда и стал переписывать на бумажку буквы, проглядывавшие сквозь дырки.

Тимо, в фартуке и белых нарукавниках, убирал со стола. На ужин он подал нежнейшую отварную спаржу в ветчинных завертышах и фрикасе из кролика под минным соусом — пальчики оближешь.

Над замечанием относительно петербургского лета Тимо задумался. Сказал:

— Да, кароший Stromeinsparung.[\[6\]](#)

Пока Зепп раскодировал послание (это заняло минут пять), слуга поменял скатерть и поставил принадлежности для бритья. Капитан имел обыкновение бриться два раза в день, утром и вечером.

— Елки-моталки, — озадаченно пробурчал фон Теофельс, уставившись на бумажку.

Текст получился такой: «Готовность 20». Что «готовность двадцать»? К двадцатому июля? Именно в этот день начнется война? Однако по расчету Зеппа выходило, что до мобилизации пройдет еще дней десять. Пока Вена предъявит Белграду ультиматум, пока будут соблюдены все дипломатические приличия, пока кузен Вилли и кузен Ники обменяются телеграммами... На всю эту чехарду уйдет недели две, вряд ли меньше. Сегодня-то по-европейски уже пятнадцатое. Может, начальство имеет в виду русский календарь? Да нет, маловероятно.

Вернее всего, «20» — это какое-то условное обозначение. Очередной код, который берлинские горе-стратеги разработали для заграничной резидентуры, а вовремя прислать не удосужились. (Мнения о своем начальстве Зепп был невысокого — как, впрочем, разведчики-нелегалы всех времен и народов.) В любом случае шифровка, спрятанная в рекламе газеты «Копейка», касательства к капитану не имела. У него было задание особой, можно сказать, исторической важности.

Как только в руках окажется план развертывания, немедленно в Берлин. Жаль, до матча еще целых девять дней.

Из раздумий капитана вывел тихий возглас слуги.

Тимо стоял у окна, смотрел наружу.

— Alarm![\[7\]](#) Человек стоять, ничего не делать, только смотреть. Уже несколько минут.

Зепп приблизился, выглянул из-за шторы.

Действительно. Какой-то очкастый в светлом балахоне, мятая фуражка

надвинута на глаза.

Только капитан собрался взять с полки бинокль, как подозрительный мужчина выскочил на середину мостовой и замахал руками.

К дому грохоча подкатила ломовая телега. В ней, болтая ногами, сидели четверо грузчиков. Очкастый о чем-то с ними потолковал, и все пятеро, прихватив длинные брезентовые лямки, вошли в подъезд.

— К кому бы это? — лениво произнес Зепп. — Что-то поздновато.

Тимо молча достал из-под фартука большой, вытертый до блеска револьвер. С неожиданной для такого голема мягкостью скользнул в коридор.

Позевывая, фон Теофельс отворил окно, посюсюкал с птицами, оставаясь при этом в тени занавески.

Вернулся Тимо. Без револьвера в руке.

— Он више ходиль. Четыре этаж. Abblasen.

— Не abblasen, а «отбой», — поправил капитан. — Дурачок, а ты подумал, это нас арестовывать идут? Брезентовыми лямками руки-ноги вязать? Ладно, подавай бриться.

Четвертью часа ранее

Номер пять по Предтеченской улице был дом как дом, ничего приметного. Четырехэтажный, облупленный, серо-желтого цвета, внизу ломбардная контора.

Штабс-ротмистр устроился в темной подворотне напротив. Из людей с ним был один Лучников — в очках, в надвинутой на лоб фуражке, чтоб резидент раньше времени не опознал. Пантелею Ивановичу предстояло лично руководить захватом. Прочие агенты пока были рассредоточены по окрестным дворам и улицам.

— Вон энти ихние, с клетками, — показал на окна дворник. — Очень пташек обожают.

— Значит, Шмидт живет на третьем? — уточнил штабс-ротмистр, наводя бинокль.

Занавески в цветочек. В одной клетке попугай. В другой ворона. Эксцентрично. Вообще-то разведчику не рекомендуется оригинальничать.

Картинка 09

Дворник на все вопросы отвечал не сразу, а после вдумчивой паузы —

показывал, что сознает ответственность.

— ...И Шмидт там проживают, и хозяин ихний.

— Какой еще хозяин?

— Ну как же, Фердыщенко Иван Иванович, очень приличный господин, по торговой части. А немец этот, Шмидт, у него в прислугах. Они сейчас обои дома, давеча птичек кормили.

Князь и его помощник переглянулись. Отлично. Значит, обойдется без засады. Прямо сейчас и возьмем.

— Черный ход? — спросил Лучников.

— Нету. Опять удача.

— Никуда не денется, — уверенно сказал Лучников. — На чердак с третьего этажу не вылезти. Из окошка не сиганешь. Только если в небо улететь, на крыльях. Дозвольте, ваше благородие?

Спрошено было с особой почтительностью. Дело в том, что по дороге меж ними состоялся довольно обидный для князя разговор.

Покашляв и побряхтев, Лучников попросил соизволения узнать, как его благородие намерен действовать.

— Если он на месте, обложим со всех сторон и по команде «Вперед!» — как на штурм Измаила, — бодро ответил Козловский. — Высадим дверь и зацапаем. Чихнуть не успеет.

— Лавр Константинович, — задумчиво попросил тогда фельдфебель. — Двадцать семь годков по этой части служу. Может, дозволите мне распорядиться? Не вышло б, как на станции. Сомневаюсь я насчет немца этого. Склизкий, как уклейка.

В первый миг Козловский, конечно, вспыхнул. Но потом вредный для дела гонор в себе пригасил. Операция по аресту опасного шпиона — это не кавалерийская атака. Пускай дело ведет Лучников.

Поэтому сейчас штабс-ротмистр, формально оставаясь начальником, находился в роли наблюдателя.

— Действуй, Пантелей Иванович. Все помню. По сигналу бегу наверх с остальными ребятами.

— Как дуну в свисток, не раньше, — все-таки напомнил Лучников. — Очень уж вы, ваше благородие, горячий.

Но чего-то ему все-таки не хватало. Фельдфебель медлил, чесал затылок.

— На четвертом у тебя кто проживает? — спросил он дворника.

— Шандарович, учитель музыки. Голодранец, на чай не допросишься. Замучил роялью своею.

Глаза у Пантелея Ивановича блеснули.

— Голодранец? С роялью? Это хорошо.

Движения Лучникова вдруг стали быстрыми, он явно принял какое-то решение. Пошел во двор, подозвал самых опытных агентов:

— Михалыч, Степа, ко мне. Сашок, Кирюха, вы тоже.

Все четверо были одеты по-простому. В этой непрезентабельной части города картуз и сапоги встречались чаще, чем шляпа и штиблеты.

Козловскому очень хотелось послушать, о чем они там шепчутся, но это означало бы уронить авторитет. Пускай филеры думают, что Лучников выполняет распоряжение командира.

Четверка порысила куда-то вглубь двора. Пантелей Иванович, надвинув фуражку на лоб, вышел на тротуар, встал на виду и проторчал так минут, наверное, с десять.

Потом из-за угла с грохотом выехала ломовая телега, на которой сидели агенты. Остановились у подъезда.

Лучников подошел, еще издали крича:

— Вы где болтались, чертово семя? Время пол-одиннадцатого, а я во сколько велел?

И пошло препирательство, но до штабс-ротмистра долетали лишь отдельные фразы:

— Третий, что ль?

— Сам ты третий, дура! Четвертый!

— Куды четвертый! Сказано: третий!

— Да четвертый, четвертый! Пошли али как?

Занавеска на окне третьего этажа шевельнулась. Козловский быстро вскинул бинокль, но силуэт уже исчез.

Псевдогрузчики с топотом вошли в подъезд.

На верхнем этаже

У двери висело объявление: «А. В. Шандарович. Уроки музыки по умеренным ценам». Нашел где повесить, бестолковый, подумал Лучников. Кто ж полезет на четвертый этаж твою рекламу читать?

Позвонил. Растолковал, в чем дело.

Тупой все-таки народ образованные. Дураку ведь понятно: когда тебе за старый рояль предлагают двести целковых, не задавай лишних вопросов, а говори «премного благодарствую» и ставь свечку своему иудейскому Богу.

Так нет. Перепугался учитель Шандарович, битых двадцать минут

уламывать пришлось, на сто вопросов отвечать. Почему так срочно? Почему так много денег? А как же быть с завтрашними уроками?

В конце концов терпение у Пантелея Ивановича лопнуло. Показал удостоверение. Велел сидеть тихо, на лестницу ни в коем случае не высовываться.

Но учитель все одно ни хрена не понял.

Ребята уж и рояль из квартиры вынесли, а он не отставал:

— Послушайте, я так не могу! Инструмент не стоит столько денег! Как порядочный человек я просто обязан...

ТЬфу, интеллигенция. Зла на них не хватает. Пришлось захлопнуть дверь у музыканта перед носом. Парни, ругаясь и топоча, волокли рояль вниз.

— Ради Бога осторожней! — снова высунулся неугомонный Шандарович. — У инструмента капризный характер. Он не любит, когда...

— Да уйди ты! — шикнул Лучников.

На площадке третьего этажа рояль застрял. Уперся лакированным боком в дверь с табличкой «И. И. ФЕРДЫЩЕНКО» — и ни туда, ни сюда.

— Куда въехали, дубины! — заорал Лучников. — Разворачивай! Да не туда, туда!

Но угол инструмента лишь елозил по кожаной обшивке, издавая противный скрип.

Дверь приоткрылась. В щель поверх стальной цепочки выглянула костлявая лошадиная физиономия. Не резидент. Тот был на полголовы ниже.

— Извиняемся, хозяин, — сказал Лучников. — Застряли малость. Поширше бы открыл чуток.

Лязгнула снимаемая цепочка. Фельдфебель сунул в карман бутафорские очки. Они больше не нужны, только мешать будут.

— Dummkopf!^[8] Туда, потом туда, — показал верзила. Правая половина его туловища (и, что существенно, правая рука) оставались за створкой двери.

Слуга Шмидт, вот это кто. Понятно.

Лучников подал условный знак — шлепнул ладонью по крышке рояля.

Сашок и Кирюха сидели под инструментом. Схватили немца за щиколотки, дернули. Шмидт грохнулся об пол затылком, а филеры рывком втащили его под рояль, приставили к башке с двух сторон по стволу.

В правой руке у долговязого, точно, оказался длинноствольный «рейхсревольвер», но нажать на спуск оглушенный падением Шмидт не успел.

Первый этап прошел без сучка без задоринки.

Теперь главное — скорость.

Запрыгнуть на крышку рояля (тот загудел всей своей нервной утробой). Соскочить в коридор.

Кричать «За мной!» Михалычу и Степе не нужно. И так не отстанут. А вот дунуть в свисток было самое время.

Из подворотни, прихрамывая и крича «Рррребя-та, ура!», выбежал штабс-ротмистр. Его быстро обогнала целая свора филеров, с шумом ворвавшаяся в подъезд.

Начался второй этап операции.

У зеркала

Мурлыча, Зепп смотрел в зеркало на свою намыленную щеку. Ужасно приятно бриться золингеновской, до микрона отточенной бритвой. Если, конечно, имеешь хороший глазомер и твердую руку. Обжигающее, молниеносное прикосновение стали, потом холодок на освеженной, будто заново родившейся коже. Мудрый человек знает, что жизнь обильна самыми разнообразными наслаждениями, нужно лишь умение находить их в самых простых вещах. Это первый секрет экзистенции. А второй: никогда не переживать из-за того, что еще не случилось, а лишь может случиться.

В тот момент, когда Тимо бухнулся на пол, а рояль загудел под каблуками Пантелея Лучникова, капитан фон Теофельс как раз болтал кисточкой в стакане. Поэтому расслышал только какой-то невнятный шум, донесшийся со стороны коридора, а что к чему, не понял.

Буквально в следующую секунду в зеркале, куда все еще смотрел полунамыленный Зепп, появились трое мужчин с пистолетами. Мужчины были знакомые, не далее как прошлой ночью фон Теофельс уже имел удовольствие общаться с ними самым тесным образом, до сих пор синяки и ссадины ныли.

Первый из знакомцев, скуластый и немолодой, крикнул:

— Ни с места! Выстрелю в ногу!

Угроза была непустая. И весьма неглупая. Сердить скуластого ни в коем случае не следовало.

Второе правило мудрой экзистенции обладало еще вот каким преимуществом: пока беды не стряслось, не психуешь, потому что не из-за чего; а когда она нагрянула, психовать уже поздно. Двойная польза для нервной системы.

Вскинув руки (в правой ходуном ходила сверкающая бритва), Зепп тоже закричал:

— Все-все-все! Сдаюсь!

Скуластый осторожно приблизился.

— Бритовку.

Бритва легла на край тазика с водой.

— У-умничка, — пропел контрразведчик. — Теперь ме-едленно встал.

Остальные двое слегка расслабились. Пистолеты опустили. Главный и вовсе сунул свой в карман. Быстро прошелся пальцами по Зепповым рукавам и подмышкам.

— Обернулся.

Капитан послушно сделал поворот на сто восемьдесят градусов. Его глаза часто моргали, зубы беспокойно покусывали нижнюю губу.

Картинка 10

Имитировать страх и растерянность Зепп умел очень убедительно.

Стоило скуластому на миг опустить взгляд, и настало время действовать.

Без размаха (особой силы тут не требовалось, одна только скорость), фон Теофельс воткнул агенту палец и глаз, до упора.

Выдернул. Прямо над согнувшимся в три погибели контрразведчиком вцепился в запястье второго противника, вывернул. Пистолет упал на пол, ударился о ножку стола и выстрелил.

Левая рука Зеппа подхватила с тазика бритву.

Под роялем

Услышав выстрел, Сашок и Кирюха, все еще державшие немца припиленным к полу, разом вскинули головы.

Тогда Тимо рывком высвободил руки (силища у него была, как у орангутанга), снизу взял филеров за подбородки и несколько раз ударил головами о днище рояля — так, что дерево треснуло.

Каждый удар сопровождался величественным, прямо-таки бетховеновским рокотом струн.

Когда оба тела обмякли, Тимо оттолкнулся от рояля руками и на спине въехал в коридор. Поднялся. Без видимого усилия перевернул несчастный инструмент на попа, так что тот перегородил дверь.

Лестница наполнилась шумом и топотом, снизу поднималось много людей. Но Тимо не заинтересовался этим обстоятельством.

Он подобрал свой испытанный «рейхсревольвер» и побежал в комнату. Там тоже было шумно.

Один из агентов лежал на полу, булькая перерезанным горлом. Двое других крутили господину руки, причем у человека в фуражке половина лица была залита кровью, и он все повторял плачущим голосом: «Гнида, у, гнида!»

Тимо выстрелил два раза.

Неожиданная преграда

Доковыляв до третьего этажа, Козловский увидел странную картину. Поперек квартирной двери дыбом стоял черный рояль. Перед ним, толкаясь и мешая друг другу, толпились филеры. Одни двигали лакированную машину влево, другие вправо. Толку от этой суеты был ноль.

— Вправо! Навались! Раз-два! — скомандовал штабс-ротмистр.

Рояль отъехал в сторону, как миленький, и князь первым ринулся в коридор.

За десять секунд до этого

За какие-нибудь десять секунд до того, как штабс-ротмистр ворвался в комнату, там произошло нечто в высшей степени удивительное. Капитан фон Теофельс и его слуга стояли на подоконнике, держась за птичьи клетки. Зепп — за попугая, Тимо — за ворону.

— Оп-ля! — сказал капитан, и оба шагнули вниз. Стальные тросики, идущие от клеток вверх, были закреплены на специальных блоках. Но если этого не знать, зрелище выглядело прямо-таки фантастическим: дне фигуры в чуть замедленном темпе слетели с третьего этажа на тротуар. Этот диковинный полет сопровождался отчаянным карканьем Аликс и воплями попугая «Уррра, Ррроссия!»

Картинка 11

Как раз когда штабс-ротмистр вбежал в комнату, Зепп быстрым движением открыл клетки, сильно их потрянул.

Две птицы, карнавально-яркая и черно-серая, хлопая крыльями,

взлетели вверх — над вывеской ломбарда, над фонарем, над распахнутым окном третьего этажа, где Козловский оцепенело смотрел на три бездыханных тела. Тарканьи усы дрожали, изо рта вырывались судорожные, квохчущие звуки. Плакать бывший лейб-кирасир совсем не умел.

Но скорбеть о павших было некогда...

Негласный обыск в Спортивном клубе Гвардейского корпуса шел двенадцатый час подряд. Еще до рассвета три бригады (одна под видом полотеров, другая — мойщиков окон, третья — маляров) принялась осматривать само здание, вспомогательные постройки и прилегающую территорию.

Штабс-ротмистр, с красными — и не только от бессонницы — глазами не отлучался ни на минуту. Он переоделся в мундир, потому что мог встретить здесь прежних сослуживцев и маскарад лишь повредил бы. Во взоре князя застыли тоска и безумие. Он не мог ни пить, ни есть, ни сидеть на месте и все переходил из помещения в помещение.

Их, собственно, было не так много. Салон-гостиная с большим столом для празднования спортивных побед; справа и слева две раздевалки; небольшая комната для почетных гостей; на второй этаж, весь занятый залом для зимних тренировок, вела лестница с огромным портретом государя императора.

За двенадцать часов Козловский успел наизусть выучить надписи на всех фотографиях, наградных чашах и кубках. От курения на пустой желудок болела голова и мутило. Самое паршивое, что ничего маломальски похожего на тайник обнаружить не удалось. С отчаяния штабс-ротмистр велел даже заглянуть под настил скаковой конюшни и проверить щупом землю на клумбах.

Увы.

Дополнительное неудобство создавали господа спортсмены. Некоторые ловкачи умудрились уже с полудня перекочевать с места службы в клуб, где сменили мундир на теннисный костюм, или рубашку-джерси и брюки-гольф. Козловский смотрел на лоботрясов тяжелым, осуждающим взглядом. Скоро заговорят пушки, а они ерундой занимаются. Да еще под ногами путаются, работать мешают.

Одно из окон в гостиной усердно, но не очень умело надраивал молодой мойщик в старой гимнастерке. На стекло он почти не смотрел, все

вертел головой по сторонам.

— Послушал я вас, Романов, — с горечью процедил штабс-ротмистр, подойдя к подоконнику. — Ничего нет. Спрятать план развертывания в раздевалке или гимнастическом зале? Бред! Я тоже хорош, идиот. Ухватился за соломинку.

Он отмахнулся от начавшего оправдываться студента и отошел.

Алеша бросился вдогонку.

— Лавр Константинович! А в матах смотрели? Там в зале такие кожаные тюфяки...

— Навязался на мою голову, — не слушая, бормотал князь. — Господи, научи, вразуми!

Вошел в раздевалку, что справа от входа. Вдоль стен гам стояли номерные ящички. Каждый досконально осмотрен, а тот, что закреплен за покойным Рябцевым, даже разобран на дощечки и снова собран. Двое агентов работали: один щупал сиденье кресла, второй простукивал стену под киотом, где самое почетное место занимала большая, в массивном серебряном окладе икона Николая Угодника.

Штабс-ротмистр истово закрестился на главного российского святого, страстно зашептал молитву.

Безбожник-студент к чудотворцу почтения не проявил, лишь поинтересовался:

— А почему тут именно святой Николай? Из-за царя, да?

— Из-за Николая Николаевича! — ответил Козловский таким тоном, что стало ясно: в гвардии своего командующего чтут куда больше, чем императора.

Вошли два офицера, у каждого в руке по прямоугольному кожаному саквою. — ...И крученым прямо в девятку. Представляешь? — оживленно досказывал какую-то историю один.

Второй не поверил:

— Брось. От флажка?

— Клянусь тебе, собственными глазами видел!

Агенты, ничего не найдя, давно уехали, а Козловский все бродил вокруг клуба. Студент плелся сзади. Приблизиться боялся, но и уходить не уходил.

На футбольном поле шла тренировка.

Штабс-ротмистр встал в сторонке, мрачно наблюдал исподлобья. Правил игры он не знал, но, судя по всему, старшим по званию тут был человек, которого остальные называли «господин капитан». Значит, из пехоты или артиллерии. Если б из кавалерии, был бы ротмистр.

Начальник кричал хорошим командным голосом:

— Васильчиков, по краю, по краю!.. Сигизмунд, душа моя, пыром бей!.. Корнет, я вас в запасной состав отправлю! Право, нельзя так манкировать дриблингом!

Козловский покосился на студента.

— Послушайте, что вы за мной таскаетесь, как побитая собачонка? — рявкнул князь, и самому стало совестно. Грех срывать досаду на мальчишке, который, в сущности, прав: папка спрятана где-то здесь, близко.

— Ладно, простите. Вы не при чем. Я вам говорил, трое наших погибли...

Ободренный Романов подошел, встал рядом.

— Я ничего, я понимаю.

Помолчали.

— Что это он? — удивился штабс-ротмистр странному поведению одного из игроков. — Разве головой по мячу можно?

— Можно. Руками нельзя.

— А почему вон те господа никогда не участвуют в нападении? Все в тылу отсиживаются.

Козловский неодобрительно показал на трех лентяев, жавшихся к воротам.

— Это бэки, им не положено... Послушайте, Лавр Константинович, зря вы отмахиваетесь. — Алеша, волнуясь, заговорил о главном. — Включите меня в футбольную команду. Я на воротах стою уж во всяком случае не хуже, чем тот господин. Свой человек в клубе вам не помешает. Буду ходить сюда каждый день. Может, озарение снизойдет...

— Озарение! — фыркнул князь. — Да кто вас возьмет? Вы не гвардеец.

На это Романову возразить было нечего. Он уныло ссутулился.

Кто-то сзади хлопнул Козловского по плечу.

— Лавруша! Ты как здесь?

Стасик Ржевусский, сослуживец по лейб-кирасирскому. Он был в костюме для джигитовки, с желтым английским седлом через плечо.

— Вот, зашел посмотреть...

Опустив взгляд, штабс-ротмистр с тоской смотрел на белые рейтузы старого товарища.

Ржевусский отлично все понял. Он был настоящий, коренной кавалерист.

— Наши тебя вспоминают. Как нога? В полк вернешься?

Ответом был безнадежный вздох.

— А где ты сейчас?

Несмотря на свою хитроумную службу, врать Козловский умел плохо и почувствовал, что мучительно краснеет.

— Так, в штабе. Куда меня еще возьмут?

— Беда... Ну, мне в манеж.

Пожали друг другу руки, попрощались, и Стасик пошел заниматься настоящим делом — легкий, стройный, счастливый.

— Вы ему не сказали про контрразведку, потому что это тайна, да? — шепотом спросил студент.

Картинка 12

— Нет. Потому что стыдно. — Князь пнул ногой деревянную скамейку и взвыл от боли — надо было левой, не правой! — Чтоб оно все провалилось! Грязь, мерзость! Отравленные перстни, наклеенные бороды! Эх, Романов, если б не переломы, я бы сейчас...

Хотел сказать, что этим летом в эскадроне освобождалась вакансия старшего офицера, но оборвал себя, выругался.

Мальчишка понял по-своему:

— Да, жалко, что у вас нога. А то можно было бы вас в команду записать. Вы-то по гвардии числитесь. Но не получится. В футболе бегать надо.

И здесь впервые за этот тягостный день Козловский ощутил нечто наподобие душевного подъема или, по терминологии студента, озарения.

— Позвольте, — показал князь на томившегося в воротах игрока, одетого иначе, чем остальные. — А вон тот господин в кепи совсем не бегают. Он и есть голкипер, верно? Я давно на него смотрю. Он вообще ничего не делает. Просто стоит и все. Только иногда, когда залетает мяч, достает его из сетки. Этак я тоже могу.

В это самое мгновение гурьба сопящих футболистов набежала на ворота, один ударил по мячу — тот полетел в угол. Голкипер отчаянно прыгнул. С мячом не встретился, но смачно приложился головой о деревянный столб.

Под оглушительный хохот бессердечных товарищей вскочил, в сердцах швырнул о землю кожаные перчатки и с воплем: «Все, с меня довольно!» пошел с поля прочь. Сколько ему ни кричали, как ни звали, не обернулся.

Штабс-ротмистр с Алешей переглянулись и поняли друг друга без слов.

Миновало шесть дней

Алеша вытер пот, встал на одиннадцатиметровой отметке. Разбежался, ударил под верхнюю перекладину. Мяч чиркнул Козловского по пальцам и влетел в сетку.

— Еще, — хмуро велел Лавр Константинович. Снова разбег, удар — гол.

— Еще.

Практиковались каждый день часа по два, по три. Не считая тренировок с командой в клубе.

На принадлежавшем контрразведке стрельбище были воздвигнуты футбольные ворота, на траве сделана разметка.

Учение давалось князю трудно, но он не сдавался. На мяч прыгал, как на лютого врага, стиснув зубы и чуть не рыча от ярости. Сколько раз Алеша говорил ему:

— Мяч надо любить! Представьте, что это прекрасная женщина. Она жаждет оказаться в ваших объятьях, но изображает неприступность, как и положено приличной даме! Не со злобой кидайтесь на мяч, со страстью!

На поучения штабс-ротмистр обычно отвечал невежливо. Мол, мяч — не женщина, а женщина — не мяч, и вообще не сосунку учить лейб-кирасира технике объятий.

К футболу Козловский теперь относился, как к тактике, топографии и прочим военным наукам. Нужно постичь сию премудрость — постигнем. Трудно в учении, легко в бою.

От былого пренебрежения к «дурацкой забаве» не осталось и следа. Штабс-ротмистр уже знал, что в Англии мэтчи посещает сам король. Что у нас августейшим покровителем Российского футбольного союза состоит его императорское высочество великий князь Борис Владимирович. Наконец, что 11 июля на русско-германском ристалище будет присутствовать сам Ник-ник, обожаемый шеф гвардейцев. Операция операцией, но разве можно ударить лицом в грязь перед таким зрителем?

Удар — гол.

Удар — гол.

Картинка 13

Светлый костюм штабс-ротмистра стал черно-зеленым от валяния по траве и земле. На коленях, не взирая на щитки, багровели ссадины. Труднее

всего Лавру Константиновичу давались прямые кики по углам — больная нога мешала быстроте прыжка.

Сжалившись, Алеша послал очередной мяч поближе к голкиперу. С звериным рыком штабс-ротмистр подпрыгнул и крепко схватил кожаный шар обеими руками.

— Уф, перекур.

Скромный успех не сильно улучшил его расположение духа. Затягиваясь папиросой, офицер угрюмо констатировал:

— Завтра мэтч, а я ни на что не годен!

Романов тоже закурил.

— Чего ж вы хотите? Меньше недели тренируетесь. По-моему, начинает получаться.

— Продуем мы, чувствует мое сердце, — с тоской произнес Козловский — Наверняка. Лучше немцев только англичане играют. В германских футбольных клубах чуть не сто тысяч игроков, а у нас на всю Россию, может, человек пятьсот. На Олимпиаде в Стокгольме немцы нашу сборную 16:0 обставили!

— Я не про футбол. Обведет нас вокруг пальца этот летучий дьявол.

Подробностей неудачной операции на Предтеченской студент не знал и потому переспросил:

— Летучий?

Объяснять Козловский не стал. Его мысли были сумрачны.

Готовились к большой войне, готовились. Как подняли армию после японского позора! Сколько произвели современных броненосцев, орудий, пулеметов с бомбометами! А в разведочно-контрразведочной сфере ни черта не сделано. Брезговать изволят. Как еще недавно он сам, болван, от этой «грязи» нос воротил. И что мы теперь имеем? Кукиш с маслом.

Вот у германцев разведку почитают первейшим делом. Ею руководит отдел «III Б» Большого генштаба. Есть несколько так называемых бюро, каждое ведает несколькими странами. Самым главным стратегическим направлением считается восточный сосед. Наглецы-тевтоны посмели разделить Россию на «инспекторские районы», а те на «бригадные участки». Рядовые шпионы докладывают бригадирам, бригадиры инспекторам, из Берлина раз в квартал приезжают особые контролеры. Целая машина и работает, как часы! А мы обо всем этом узнали только сейчас, когда, наконец, слезли с печки и забегали. Только поздно...

У германцев, как в пчелином улье, всякий агент имеет свою специализацию. Есть информаторы по мобилизации, по военной технике, мастера диверсий, проводники, вербовщики, целая сеть распространителей

слухов. Заготовлены конспиративные квартиры, тайники, склады взрывчатки.

Грядет война слепого против зрячего, растравлял себя штабс-ротмистр. Я — глаза и уши империи. А сам ни черта не вижу, ни черта не слышу. От меня, идиота безмозглого, зависит судьба войны. Если к немецкому командованию попадет Генеральный план развертывания, катастрофы не избежать. По главным направлениям наших ударов германец выстроит крепкую оборону. Где у нас слабые места — вобьет стальные клинья, перережет коммуникации. Никакая храбрость не поможет, если нет подвоза патронов и снарядов. Надо срочно обезвредить резидента, а кое-кто шестой день кожаный мяч ловит.

— Что расселись?! — рявкнул Козловский на мальчишку. — Марш на позицию! Только в поддавки со мной больше не играть! По углам лупите, по углам.

И тренировка продолжилась с удвоенным усердием.

Во время следующего перекура Алеша спросил, очень осторожно:

— Лавр Константинович, отчего вы не хотите рассказать, как прошел товарищеский ужин в Немецком клубе?

— Оттого что нечего рассказывать. — Вот и весь ответ.

Гостевание у немцев, действительно, мало что дало. Резидента штабс-ротмистр видел только при накладной бороде (она потом была обнаружена в квартире на Предтеченской). Стало быть, опознать не мог. В германской команде, состоящей из подданных кайзера, которые постоянно живут в Петербурге, недавно появилось два новых игрока. По росту и комплекции оба похожи на разыскиваемого субъекта. Проверка ничего не дала, слежка установлена. И все, точка.

— Лавр Константинович, а... а вы меня завтра на операцию возьмете?

— Еще чего. Вы, Романов, даже не представляете себе, какой опасный человек этот «Фердыщенко». Изворотливость фантастическая. Все, кто видел его лицо, убиты. В немецкой команде и среди зрителей у него наверняка будут сообщники. Слишком многое поставлено здесь на карту... Хватит прохлаждаться. Бейте!

Но Алеша не тронулся с места. Его математический ум, наконец, нашел решение задачи, не дававшей ему покоя все эти дни.

— Ну вот видите! — воскликнул он. — Все, кто может опознать нашего Фердыщенко, мертвы. Остался один я. Тогда, в Левашеве, я видел его вот так. — Для наглядности Алеша схватил мяч и выставил перед собой на вытянутых руках. — Конечно, фальшивая борода и все такое, но глаза, но форма носа!

Штабс-ротмистр заколебался, это было видно. Сам он, хоть тоже видел резидента вблизи, ни глаз, ни формы носа не запомнил.

Алеша нажал сильнее:

— Клянусь, я опознаю резидента, если увижу вблизи! Не верите? Вот вам святой крест!

В Бога математик не верил, но на всякий случай, крестясь правой рукой, пальцы левой сложил кукишем, чтоб крестное знамение не засчиталось.

Ну же, шевели мозгами, мысленно воззвал он к тугодуму Козловскому. Это самое логичное решение, лучше все равно ничего не придумаешь.

Князь шевелил бровями. Думал.

И нашел компромиссное решение

Недооценил Романов умственные способности штабс-ротмистра. Чем рисковать студентом, подключая его к опасной операции, Козловский придумал выход попроще.

Прямо со стрельбища, не переодеваясь, повел к себе в кабинет и стал показывать фотокарточки.

— Смотрите внимательно. Вот новички из немецкой команды. Это Кренц, хавбек. Это Зальц, форвард. Фас, профиль, словесные портреты. Ну что? Который?

Скисший Алеша проямлил:

— Трудно сказать... Позвольте?

Взял карандаш, пририсовал бороду сначала одному, потом второму. Оба стали похожи на левашевского союзника по драке. Хотя, честно говоря, Алеша его тогда толком рассмотреть не успел.

— Нет... Не поручусь... — печально-молвил студент. — А может, нашим лучше взять и поменять план развертывания? На всякий случай. А?

— Легко сказать. Лет десять назад немцы это уже проделали. Купили копию у одного нашего полковника из генерального штаба. Пришлось разрабатывать новый план. Работа заняла несколько месяцев. Сейчас же до войны остаются дни. Я еще неделю назад предложил начальнику: нужно дать утечку информации — что план развертывания срочно меняется. И, действительно, изменить в нем хоть какие-то детали. Чтоб немцы не знали, какие именно внесены коррективы. Это, по крайней мере, усложнило бы их задачу, заставило бы перестраховываться, держать во втором и третьем эшелоне больше резервов... А генерал в крик. «Погубить хотите? Чтобы

министру, го-су-да-рю донесли? Мол, контрразведка план развертывания не уберегла? Со службы погонят. В шею, с позором. Найдите мне желтую папку Рябцева! Это приказ». — Козловский и сам понимал, что болтает студенту лишнее, но остановиться не мог — подперло. — Я, дурак, послушался. Ну как же, устав: приказы начальства не обсуждаются, а исполняются. Теперь выходит, что я соучастник. Тут уж не со службы погонят, а под суд отдадут. И правильно сделают. Целая неделя упущена!

Картинка 14

Он подошел к большой, в пол-стены, географической карте. Она была многоцветная, красивая, сбоку маленькие гравюры столиц, медальоны с портретами царствующих особ, а каждая страна украшена изображением государственного герба.

Над Российской империей и над Германией парили орлы, похожие, как родные братья. Только наш уродился на свет с двумя головами.

— Ничего, Бог милостив. Найдём и папку, и резидента, — бодро сказал штабс-ротмистр, потому что военный человек не имеет права долго предаваться унынию. Он любовно погладил отечественную геральдическую птицу по короне. — Одна голова хорошо, а две лучше. Что нос повесили, Романов? Не узнали резидента — так не узнали. Обойдемся завтра без вас.

Такой поворот дела Алешу не устраивал. Срочно требовались какие-то новые аргументы. Он напряг свое логическое мышление — есть!

— Лавр Константинович, я могу узнать его по голосу. Особенно если крикнет что-нибудь. Он ведь кричал, когда дрался.

— Разве?

— Еще как! — уверенно заявил Романов. — «Сволечь!» и всякое такое. Тембр голоса очень характерный. А во время мэтча все орут, сами знаете. Не удержится и Фердыщенко. Тут-то я его и узнаю.

Кажется, подействовало!

Князь смотрел на собеседника с сомнением, но в глазах читалась и надежда.

— Без санкции начальства не имею права... Ждите здесь.

Быстро привел себя в приличный вид, переоделся и захромал к генералу.

Его превосходительство сегодня пребывал в чуть лучшем настроении, чем во все последние дни. Причина была существенная: наконец вышел высочайший указ о переводе на военную службу, так что начальник сегодня

впервые явился в мундире с золотыми погонами. Когда распахнулась дверь, новоиспеченный генерал-майор любовался на себя в зеркало.

Улыбка пропала, брови сердито сдвинулись. Во-первых, было конфузно. Солдафон Козловский всегда влетал в кабинет, как бомба: стукнет раз для проформы и, не дождавшись ответа, врывается. А во-вторых, сам вид штабс-ротмистра, ведущего дело об украденном плане, был его превосходительству глубоко неприятен.

— Ну, что нового? — спросил начальник. Причем не грозно, как следовало бы, а как-то жалко, чуть не заискивающе.

У себя в полиции он, может, был и хорош, подумал Козловский. Иначе не перевели бы в генштаб. Но ловить шпионов много трудней, чем бомбистов-эсеров да болтунов-эсдеков. Вот и растерялся человек. Может, еще выправится.

— Ваше превосходительство, шансы на успех повышаются, — отрапортовал штабс-ротмистр со всей возможной мажорностью, — Помните, я докладывал про студента Романова? Дозвольте взять его с собой на операцию. Он может опознать резидента по голосу. Об опасности Романов предупрежден.

— Не только позволяю, но и приказываю! — закричал начальник. — Всенепременно! Это же все меняет! Пусть потрется возле немецких футболистов, послушает. И всех, у кого голос хоть немножко похож, заарестуем. Прицепим каждому бороду, и выявим мерзавца! Вот вам готовый план действий. Выполняйте!

— Слушаюсь, — щелкнул каблуками Козловский. Чтоб зря не расстраивать генерала, про главное свое сомнение умолчал: резидент запросто может прислать за папкой кого-то другого. Знает ведь, что состоит в розыске.

Его превосходительство вдруг встревоженно насупился — по другой, однако, причине:

— Вы говорили, у студента Романова ветер в голове. Вдруг он не явится? Проспит, передумает, за юбкой какой-нибудь погонится! Не отпускайте его от себя ни на шаг, вплоть до самой операции! Это приказ!

И очень неглупый, подумал князь. За эти дни он успел привязаться к Романову. Парень неплохой: смелый, быстро соображает. Но насчет ветра в голове — это правда.

По лицу штабс-ротмистра Алеша сразу понял: получилось!

И заговорил с ним Лавр Константинович не как прежде — без снисходительности, без недомолвок, а просто и серьезно. Так же, как со своими сотрудниками.

— Еле дозволил, — озабоченно сообщил Козловский. — Я за вас поручился, не подведите. Но поставил условие. До завтрашнего дня мы с вами неразлучны. Ночевать будете здесь, в дежурке. Ясно?

— Так точно, — вытянулся Алеша. Губы сами собой растянулись в широкую улыбку. — Слушаюсь!

Дальше — лучше.

— С оружием обращаться умеете?

— Хожу с дядей на охоту... Неплохо стреляю, — скромно сказал Романов.

Князь погрохотал ящиками стола, вынул небольшой черный пистолет.

— Держите. Отличная машинка. «Штейер-Пипер», австрийский. Немножко сложен в обращении, ну да вы физик-математик, сообразите.

Пальцы офицера быстро завертели игрушку.

— Устройство довольно своеобразное. Тут кнопочка предохранителя, вот так отщелкиваете в положение «огонь». Здесь фиксатор затвора. Это взвод. Это регулятор мушки. Спусковая скоба снимается вот так. А этот рычажок — защелка магазина. Рраз, и обойма сама выскакивает в ладонь. Очень удобно. Учтите: выбрасывателя нет. Запомнили?

Вообще-то не очень, но признаваться в бестолковости было стыдно.

— Конечно. Ничего сложного, — уверенно ответил Алеша, решив, что разберется в рычажках и кнопочках после.

Да и время поджимало. В четыре свидание с Симой.

— Можете спуститься в тир, попрактиковаться. Но из штаба ни ногой.

Считая разговор оконченным, Козловский сел к столу и уткнулся в бумаги.

— Хорошо. Я только на пару часов отлучусь и тогда постреляю.

Штабс-ротмистр поднял голову.

— Я ведь сказал: никаких отлучек.

— Не могу. Очень важная встреча! Я дал слово!

Лицо офицера пошло сердитыми красными пятнами, но Козловский сдержался — вспомнил, что студент присяги не давал, приказам подчиняться не обязан и вообще доброволец. К тому же ключевая фигура в завтрашней операции.

— Слово надо держать, — обреченно вздохнул князь. — Где встреча?

— В Юсуповском саду.

Лавр Константинович поднялся, вынул большие очки странного вида — с кожаными наглазниками и на лямках.

— Что ж, едем. Приказ его превосходительства. Где вы, там и я.

— Но... но это личная встреча! С дамой. Понимаете?

— Отлично понимаю. Не беспокойтесь. Буду тактичен.

Штабс-ротмистр всем своим видом являл истинно христианскую долготерпеливость, однако по тону было ясно — не уступит.

— А это зачем вам? — показал Алеша на диковинные очки.

Очки оказались автомобильными

По мере того как надвигалась война, контрразведке все щедрей выделялись денежные средства, кадры, новейшая техника. В числе последней поступил и автомобиль «руссобалт», приказом начальства закрепленный лично за штабс-ротмистром Козловским.

Когда Алеша узнал, что к Симе его доставят на авто, препирательства сразу прекратились.

Шоффэр князю был не нужен. Управлять машиной он выучился еще в полку и довез своего пассажира до Садовой на головокружительной скорости, по всякому поводу оглушительно дудя в клаксон.

На месте оказались раньше, чем нужно. К тому же Симочка, как и положено уважающей себя барышне, считала ниже своего достоинства приходить на свидания вовремя. Однако сегодня Алеша был на нее не в претензии.

Сначала он попросил показать, как переключать рычаги и крутить руль, который князь лихо называл «бубликом». Оказалось, что это совсем нетрудно.

Уже через четверть часа после начала учебы студент зигзагообразно проехал вдоль тротуара. Потом, осмелев, сделал круг по Забалканскому и Фонтанке. Под конец разогнался до сорока километров — только фонари замелькали. У решетки сада затормозил так отчаянно, что завизжали шины, а у князя с головы слетела фуражка.

Симы все еще не было.

— Лавр Константинович, а можно я останусь за рулем?

Роль наставника и покровителя молодежи штабс-ротмистру была небесприятна.

— Будет еще эффектней, если вас доставит личный шоффэр.

Картинка 15

Да, это в самом деле было гораздо лучше.

— Невеста? — спросил князь.

— Пока нет.

Козловский понимающе кивнул:

— Добиваемся взаимности? Тогда букетик роз не помешает.

— Сима роз не признает. Она Блока любит.

— Все равно, — с убеждением сказал штабс-ротмистр с высоты своих тридцати лет. — Но если ваша избранница обожает Блока, розы нужно купить черные. Я знаю здесь рядом, на Вознесенском, цветочный магазин.

Студент заколебался, и Козловский понял его правильно.

— Деньги? Пустое. Единственный плюс нашего отчаянного положения — полная свобода и неподотчетность расходов. Оплачивается все, что на пользу дела. Контрразведке нужно, чтобы важный участник ответственной операции был в боевом, победительном настроении. Неужто ради этого мы пожалеем несколько рублей? Держите бумажник, юноша.

Гордый тем, что он «важный участник», Алеша купил букет восхитительно черных роз, так и просившихся в бокал «золотого, как небо, ай».

Вернулся, а Симы все нет.

— Это ничего, — объяснил он старшему товарищу. — Она иногда минут на сорок опаздывает.

— Э-э, голубчик, такого позволять нельзя. — Князь поднял палец. — Нужно с самого начала вожжи потихонечку перехватывать. Женщина — она как лошадь. Твердую руку ценит, слабака выкидывает из седла. Скажите вашей Симочке: «У меня принцип больше пятнадцати минут никого не ждать». Слова «принцип» они боятся. А опоздает — в самом деле возьмите и уйдите. Один раз. Уверю — этого хватит.

— Ну да! А если она обидится и никогда больше не придет?

Козловский посмотрел на молодого человека с сожалением.

— Чтоб женщина бросила мужчину, для которого дурацкий принцип дороже любви? Чему вас только учат на вашем физико-математическом? — Он вдруг нахмурился. — Послушайте, Романов, я, конечно, прошу прощения за вторжение в интимные сферы, но вы хоть с ней целуетесь?

Студент кивнул, но как-то неуверенно.

— Так дело не пойдет. Она к вам всякое уважение потеряет!

В это мгновение Алеша увидел на тротуаре Симочку, очень медленно и независимо направлявшуюся к воротам сада.

— Вон она!

Он хотел выскочить из авто, но штабс-ротмистр удержал его за руку.

— Спокойно, спокойно. Доверьтесь мне. Пусть минутку-другую потомится, это ей на пользу. Первое: изображайте, что вы очень

торопитесь. Второе: слегка, совсем чуть-чуть, давайте понять, что у вас есть дела поважнее. Между прочим, и то, и другое сушая правда... Все, пора! Выдвигайтесь на позицию.

С таким напутствием Алеша вышел из машины и погромче хлопнул дверцей, чтобы Сима обернулась.

Опаздывать на свидания очень утомительно. Симочка битых полчаса простояла на набережной Крюкова канала, чтоб оказаться в саду не раньше половины пятого. Ее одолевали смутные, по большей части печальные мысли.

Положение было двусмысленное, ужасное, и с каждым днем оно делалось все невыносимей.

Решительная беседа с Алешей так и не проведена, хотя они виделись почти каждый день. На свидания он приходил усталый, раскрасневшийся — видимо, не жалея сил, гонялся за германскими и австрийскими шпионами. Но про свои таинственные дела ничего не рассказывал, подвигами не хвастался. Если она начинала выпрашивать, прикладывал палец к губам. При этом смотрел такими глазами, что сердце трепетало и таяло. Разве можно было с Алешей разорвать?

А маме-то наврано, что студент получил полную отставку.

«Существенный вариант» шлет корзинами цветы, телефонирует, дважды водил в театр: на балет «Лебединое озеро» и в «Варьете». При расставании целует руку, с каждым разом поднимаясь на дюйм выше. Что делать? Как себя вести?

Одним словом, Сима чувствовала себя скверной, непорядочной женщиной. Сегодня, стоя у канала, она наконец придумала, как восстановить самоуважение. Дня через два прощальные поцелуи Мишеля достигнут последней границы светских приличий — локтя. Подниматься еще выше, не сделав предложения, солидный человек не может. Вот тогда-то, когда ухаживание перейдет в официальную стадию, и придется сказать Алеше последнее «прости».

Приняла решение, и будто камень с души упал. Все-таки выговорила себе индульгенцию еще на пару деньков.

В Юсуповский сад шла уже спокойная, с легким, радостно замирающим сердцем. На белой дощатой сцене оркестр играл «Прощание славянки» — музыку, от которой у Симочки на глазах всегда выступали слезы.

Пришла, огляделась, а его нет! Прежде такого никогда не случалось.

Ей стало тревожно. Вдруг Алешу ранили шпионы? Или, того хуже...

Она побледнела, схватилась за грудь. Здесь-то сзади и раздался металлический треск, заставивший Симу обернуться.

Алеша выходил из умопомрачительно красивого серебристого автомобиля, живой и невредимый. За рулем сидел бравый chauffeur, в военной фуражке и очках-консервах.

Приблизившись, Алеша достал из-за спины букет, весь из черных роз, элегантный до невозможности! У Мишеля, при всех многочисленных достоинствах, вкусы были слегка провинциальные, он всегда дарил розы непорочного белого цвета.

— Простите за опоздание, Серафима Александровна, — серьезно, даже строго сказал Алеша. — Служба.

Они сели на скамейку.

— Какое красивое авто! — воскликнула Сима. — Смотрите, оно не уезжает.

Он не оглянувшись, небрежно дернул плечом.

— Ничего, князь подождет. Это входит в его обязанности.

— Князь? — ахнула она, глядя на усатого водителя. Тот галантно приложил руку к фуражке.

— Мой товарищ, князь Козловский. Я вас после познакомлю. Сейчас времени нет. Я ведь на минутку. — Вот теперь Алеша оглянувшись и понизил голос. — Приближается роковой час. Не имею права посвящать в подробности, но завтра все решится.

Симочка прошептала:

— Это опасно?

Он молчал.

— Говорите же!

Картинка 16

Голос у нее срывался, в глазах стояли слезы, и Алеша почувствовал, что более не в силах играть роль романтического героя. Сима была такая красивая, такая трогательная, да еще надрывал душу духовой оркестр...

— Наверно, не очень, — честно сказал Романов. — Хотя все может стать.

Она смотрела на него расширенными глазами. Вдруг с решительным, отчаянным видом крепко обняла и поцеловала. Не куда-нибудь — в губы! И это на виду у всех, среди гуляющей публики!

Когда они отодвинулись друг от друга, девушка была румяна, молодой человек бледен.

Жалобно, с непонятной обидой Сима сказала:

— Ах, Алексей Парисович, что вы со мной делаете? Нехорошо...

Ту-ту-ту-ту! — деликатно, но твердо проклаксонил «руссобалт». Романов коротко обернулся.

Штабс-ротмистр изобразил аплодисменты и подал знак: а теперь уходи, уходи, самое время!

— Прощайте! — поднялся Алеша. — Меня зовут.

Она крикнула вслед:

— Так нельзя говорить! Не «прощайте», а до свидания! Я вам завтра протелефонирую!

Голова у Алеши шла кругом. Грудь от счастья раздулась, будто футбольный мяч.

— Молодцом, — похвалил Козловский, заводя мотор. — Только зря трижды обернулись, хватило бы и одного раза. Но ничего, главное, что недолго рассусоливали. В ваши годы надо с женщинами поменьше разговаривать. Вы говорили, у вас баритон — вот и пойте, они любят. Убалтывать прекрасный пол — это уметь надо. С возрастом приходит... — Он посерьезнел. — Ладно, прощание славянки закончено. Сейчас едем на поле, потренируем удары по корнерам. Потом в спортивный клуб, еще раз все проверим. В двадцать один ноль ноль оперативное совещание группы. После этого, в двадцать три ноль ноль...

И вот час пробил

Это была последняя пятница довоенной жизни. Погода в окрестностях Петербурга в точности соответствовала историческому моменту: было ясно и солнечно, но парило — с запада, со стороны моря, к столице империи подбиралась гроза. Но до Царского Села ей было ползти еще несколько часов, так что для футбольного мэтча опасности она не представляла.

На стадионе играл сводный гвардейский оркестр, на деревянных скамейках сидела нарядная публика, разделившаяся на две неровные половины, словно по негласному уговору занявшие одна левую, вторая правую сторону трибун. Справа зрители сидели гуще. Здесь преобладали военные мундиры, разбавленные белыми пятнышками дамских зонтиков. Такие же зонтики смягчали серо-песочную массу летних мужских костюмов и канотье, сгруппировавшуюся слева. Там сидели представители многочисленного немецкого землячества, явившиеся поддержать свою команду.

Картинка 17

Посередине, будто пограничная нейтральная полоса, зияло пустое пространство, где с удобством расположились репортеры и фотографы. Здесь преобладала немецкая речь. Оператор с кинематографическим аппаратом, занявший переднюю скамью, тоже был германец.

В специально обустроенной ложе, охраняемой ординарцами и отделенной от прочих скамей узорчатыми канатами, находились почетные гости: очень высокий генерал с неподвижным обветренным лицом слушал какие-то объяснения полковника с вензелем на погонах; полковник волновался, то и дело снимая фуражку и вытирая платком распаренную лысину. Это были командующий гвардией его высочество Николай Николаевич и попечитель Российского футбольного союза его высочество Борис Владимирович. Чуть в стороне, восседал немецкий военный уполномоченный граф фон Дона-Шлобиттен, с лицом еще более застывшим, чем у Никника.

Над ложей развевались российский и германский флаги.

До начала игры оставалось всего ничего, с минуты на минуту должны были выйти обе команды. Судья и два его помощника уже стояли у боковой черты, озабоченно о чем-то переговариваясь и не обращая внимания ни на публику, ни на августейших особ.

Одному из газетчиков (репортеру «Ежедневного листка») удалось сзади подкрасться к самой ложе. Он подслушал, как Борис Владимирович сказал:

— ...Я понимаю, что это очень некстати. Но отменять игру? Все равно что признать поражение без боя.

— А сокрушительный разгром? В такой-то момент! — недовольно молвил Николай Николаевич. — Черт бы тебя побрал с твоим футболом!

Напутствие перед схваткой

О том же в эту самую минуту говорил своим товарищам капитан русской команды, (а заодно и капитан Преображенского полка) барон фон Гаккель.

Он стоял в раздевалке, под иконой Николая Чудотворца; носатая балтийская физиономия покраснелась от волнения, холеная эспаньолка воинственно топорщилась.

Игроки слушали своего предводителя сосредоточенно и сурово, будто перед настоящим сражением.

— Господа, нам предстоит защищать честь российской императорской гвардии. Бой будет тяжелым, неравным. Наша команда создана недавно, к тому же мы лишились нашего голкипера поручика Рябцева. Как вы знаете, он внезапно скончался от сердечного приступа, царствие ему небесное. — Все перекрестились. — Штабс-ротмистр князь Козловский новичок, да еще, как на беду, с прострелом в пояснице. Мы не вправе ожидать от него слишком много.

У голкипера талия была обмотана толстым шерстяным шарфом. Козловский развел руками — мол, виноват, сам понимаю, но на все воля Божья. (Под шарфом, за спиной, у него была кобура с «браунингом» — куда еще прикажете его прятать?) — Посему стратегия у нас будет следующая. — Барон подошел к висящей на стене схеме. Офицеры сгрудились вокруг. — Главное — оборона. Ни в коем случае не подпускать противника к голу. В нападении только я и его сиятельство. Все прочие на двух линиях защиты. Смотрите на карту, здесь обозначена позиция каждого...

Пока игроки рассматривали чертеж, капитан трижды истово перекрестился на икону.

— Ну и самое главное. Вам не нужно объяснять политическое значение сегодняшнего мэтча. Вы знаете, какова нынче международная обстановка. Горячие головы сулят скорую войну с Австрией, а значит и с Германией. В команде противника много офицеров запаса кайзеровской армии. Если мы проиграем с постыдным счетом, это будет воспринято всеми как дурное предзнаменование. Николай Николаевич сказал мне: «Победы от вас не жду. Но позора не прощу. Коли проиграете, проиграйте достойно».

Офицеры зашевелились, а семеновец граф Сумароков горячо воскликнул, оборотясь к иконе:

— Николай-заступник, не допусти срама русского флага!

Фон Гаккель махнул рукой — словно саблей перед атакой:

— Вперед, господа! За Бога, Царя и Отечество!

Как и положено голкиперу, Козловский шел замыкающим. До речи капитана все его мысли были заняты только планом развертывания и операцией, но сейчас он вдруг остро осознал, что и предстоящее состязание — дело нешуточное, государственного значения.

Если немцы выиграют, как в Стокгольме, с разгромным счетом, берлинские газеты зайдутся восторженным визгом: русская гвардия

побеждена. То-то из репортеров, пришедших на стадион, две трети немцы. Но и это еще не все.

Картинка 18

Хоть штабс-ротмистр был человеком несуетливым, сердце у него защемило от тяжелого предчувствия. Как пройдет мэтч, так сложится и большая война. Это не просто футбол, а эпиграф к трагедии, предсказание оракула...

Глупости, мистика, тут же обругал себя Козловский. Исход мэтча, конечно, важен — иначе Никник здесь не сидел бы, но главное найти папку с планом и взять шпиона.

Операция подготовлена на славу, продумана до мелочей. К каждому из немецких футболистов приставлено по филеру. К двум главным, Кренцу и Зальцу, по двое, самых опытных. Вторая бригада рассеяна среди публики. Третья дежурит внутри клуба: у выхода, в гостиной, в каждой из раздевалок. Разработана система условных знаков, предусмотрены все варианты развития событий, вплоть до фантастических. Например, если немцы устроят взрыв бомбы, чтобы в панике и суматохе изъять драгоценный документ из тайника.

Лавр Константинович за всю ночь не сомкнул глаз, зато теперь настроение у него было боевое и отчасти фаталистское. Все, что в силах человеческих, сделано, а над прочим властен лишь Промысел Божий.

* * *

Обе команды вышли на поле одновременно — немецкая слева, из своей раздевалки, русская справа. Выстроились шеренгой друг перед другом. У германцев эффектная черно-белая униформа с орлом на груди. Наши еще нарядней: красные гетры и шин-гарды, синие никерсы, белые рубашки, и тоже орел, только двуглавый и не на груди, а на спине.

Капитаны обменялись рукопожатием.

Распорядитель зычно прокричал в рупор:

— По договоренности клубов, игра будет состоять из одного тайма продолжительностью сорок пять минут! (То было условие, выдвинутое Российским футбольным союзом в самую последнюю минуту, по настоянию августейшего попечителя, который справедливо рассудил, что за один тайм голов будет пропущено вдвое меньше, чем за два).

— Главный судья — мистер Мак-Грегор! — объявлял распорядитель. — Боковые судьи: мсье Лафит и синьор Торрини.

Все трое торжественно поклонились. Англичанин был тощий, с желчной и злой физиономией. У француза пол-лица занимали пышнейшие черные усы. Итальянец был маленький и пузатый, отчасти похожий на футбольный мяч.

Ударил гонг.

Немцы сразу завладели инициативой. Без труда обводя русских игроков и ловко пасуя в одно касание, они добрались почти до самой штрафной площадки, но здесь защитники сомкнулись плечо к плечу и кое-как оттеснили тевтонов. Капитан фон Гаккель ударил по мячу со всей силы, и тот улетел далеко за вражеские ворота.

Первый штурм, слава Богу, был отражен.

Воспользовавшись передышкой, Козловский зорко осмотрел трибуны. Все люди были наготове. Даже если б штабс-ротмистр не знал их в лицо, то без труда опознал бы по одинаково сосредоточенному взгляду, устремленному в одну точку. Каждый агент, не отрываясь, наблюдал за своим объектом.

Фотограф, устроившийся со своей треногой сразу за сеткой, подал голос из-под черной тряпки, укрывавшей его с головой:

— Лавр Константинович, можно я высунусь? Душно.

— Терпите, Романов, — ответил князь, не оборачиваясь. — Он мог вас запомнить... Не дай Бог узнает. Ну что, рассмотрели Кренца с Зальцем? Который?

Алеша снова, уже не в первый раз, навел спрятанный в камере монокуляр на лица подозреваемых. — ...Пока не могу сказать. Пусть подберутся поближе и крикнут что-нибудь.

Картинка 19

Но подобраться к русским воротам оказалось непросто. Хоть немцы были техничней и сыгранней, гвардейцы бросались на мяч по двое, по трое с не меньшим пылом, чем их прадеды на штурм Измаила. Некоторые даже самоотверженно валились вражеским форвардам под ноги. А едва мяч оказывался у кого-то из наших, как сразу следовал мощнейший удар в сторону вражеских ворот — куда попадет, на авось. Впервые столкнувшиеся с подобной тактикой германцы несколько сбавили натиск.

Два раза из-за чрезмерного усердия обороняющейся стороны судья назначал штрафные удары, но на изрядном отдалении от ворот, так что

уберег Господь. Опасный момент возник, когда подпоручик Шаликашвили сделал подсечку немецкому форварду. Итальянский судья потребовал, чтоб нарушителя удалили с поля без замены, но англичанин и француз как союзники по Антанте спасли русских от игры в меньшинстве. Дело ограничилось еще одним штрафным. Мяч подкатился к самым воротам, но голкипер оказался на высоте. Проворно подковылял и ударил хромой ногой не хуже, чем здоровой.

Опять пронесло!

— Уф, — выдохнул гордый собой Козловский. — Десять минут продержались.

И спохватился. Есть дело поважней.

Что там агенты?

Ничего. Все тихо.

Пока несли мяч, запуленный штабс-ротмистром далеко за трибуны, немцы собрались в кучку, пошептались и сменили манеру. Начали играть нахрапистей, грубее, стали активнее пользоваться длинными передачами.

Посреди поля два встречных потока схлестнулись лоб в лоб. Неразбериха, крики, отчаянные трели судейского свистка. Когда противники расцепились, на траве осталась лежать фигура в бриджах и полосатой судейской фуфайке.

Распорядитель объявил:

— Игрок немецкой команды Кренц, под номером 8, сбил с ног мсье Лафита. За это нарушение Кренц удаляется с поля до конца мэтча. Его заменит герр Люббе.

Санитары уложили стонущего француза на носилки, бегом понесли с поля, а наказанный Кренц понуро побрел к скамейке запасных.

Так-так! Козловский снял и снова надел кепку. Это означало: «Началось! Повышенное внимание!»

Алеша вел окуляр за Кренцем. Двое филеров, прикрепленных к хавбеку, осторожно переместились к нему поближе. Трудно будет шпиону (а это наверняка он) что-либо предпринять под столь тесным присмотром.

— Лавруша, держись!!! — закричали Козловскому с трибуны бывшие однопольчанине.

Прямо на него несся прорвавшийся сквозь все линии обороны форвард Зальц.

Забыв обо всем на свете, штабс-ротмистр сжался в пружину. В голове мелькнуло: гол, это гол!

Но святой Николай явил явное и несомненное чудо. Уже влетев в штрафную, быстроногий Зальц споткнулся на ровном месте, растянулся на

земле, и мяч мирно вкатился прямо в перчатки штабс-ротмистра.

Стадион взревел. Сам Николай Николаевич вскочил с кресла и ликующе потряс в воздухе кулаком, а уж про Бориса Владимировича и говорить нечего. Его высочество кричал во все горло.

А тем временем...

А тем временем носилки с травмированным судьей внесли в гостиную клуба.

Мсье Лафит стонал, ругался сквозь зубы: — Parbleu! Merde!

— Потерпите, сударь, сейчас, — сказал вбежавший следом врач. — Ребята, усадите его на стул. Все, можете возвращаться.

Санитары вышли. В комнате кроме доктора и раненого остался лакей.

«Ряженный, из контрразведки, по прищуре видно», сразу понял Зепп, все так же постанывая и ругаясь по-французски.

Это он!

Пока все шло по плану. На 21-ой минуте игры обер-лейтенант Люгер (по легенде — инженер Балтийского завода Рихард Кренц) ювелирно точным ударом бутсы ободрал «мсье Лафиту» кожу на щиколотке, не ушибив кости. На гетре появилось кровавое пятно, но двигаться это не мешало.

Примерно то же сказал и врач, осмотрев рану. Мол, перелома нет, сейчас помажу йодом, перевяжу, и нога будет, как новая.

Зепп мычал, делал вид, что по-русски почти ничего не понимает.

Чертов лакей не отходил ни на шаг, перегибался доктору через плечо, чуть не в ухо сопел.

Стадион вдруг снова заволновался, загудел. Сквозь крики и гул прорывались пронзительные судейские свистки.

— Опять что-то не слава Богу, — обернулся к двери врач.

Любознательно было человеку, а любопытство нужно поощрять, поэтому Зепп сказал:

— О, ви ходить, смотхеть. Je me sens mieux. Мне лучше. Могу ждать.

Снаружи доктора отвлечет агент Эрмелина. У нее случится глубокий обморок с подозрением на кровоизлияние в мозг, так что эскулапу станет не до французика с его смехотворной травмой.

— Не могу, — вздохнул глупый врач. — Должен проверить, вдруг

разрыв связок. Тандон, ву компрене?

И велел лакею:

— Глянь-ка лучше ты, братец, что у них там.

Тот заколебался. Еще бы! Наверняка получил приказ: с поста ни ногой. Но не перечить же господину доктору?

Вышел, однако ясно было, что не позднее, чем через минуту, вернется.

Зепп тяжело вздохнул. Жалко стало медика. Столько лет человек учился — латынь, физиология, анатомия всякая. Но что поделать, сам виноват. Сейчас не до сантиментов. Скоро, очень скоро предстоит погибнуть миллионам точно таких же, ни в чем не повинных людей. А чтоб большинство из них оказались не германцами, капитан фон Теофельс должен честно выполнить свой долг.

— Зря вы, ей-богу. Я хотел как лучше, — с укоризной сказал он, крепко взял врача железными пальцами за горло. Второй рукой схватил беднягу за лоб, резко вывернул голову.

Хруст, треск. Неприятно.

Едва управился — лакей. Минуты не отсутствовал, скотина. Сообщил:

— Собачатся все, орут «нальтя, нальтя!», а чего за «нальтя» такая...

Умолк, видя, что роли переменились: доктор, откинувшись сидит в кресле, а судья склонился над ним.

— Помогать, — озабоченно сказал Зепп. — Доктор плохо.

Профессионально подготовленному агенту шею, как курице, не свернешь. Но на этот случай у капитана в кармане имелся отличный кастет из закаленной стали.

Снова хруст, треск, только теперь еще и брызги крови полетели.

Трупы фон Теофельс затащил под стол, больше было некуда. Стянул пониже скатерочку. Чтоб закрыть капли на полу, передвинул коврик.

Сойдет.

Теперь из гостиной направо, в раздевалку русской команды.

Там, *naturlich*^[9] или, коли угодно, *bien sur*,^[10] дежурил еще один «лакей». Впился глазищами, будто сверлами.

— Ошиблись раздевалочкой, сударь. Для господ судей отведена особая-с.

Зепп удивился, подошел ближе, правую руку держа за спиной.

— *Quoi?*^[11]

— Заквакал, — вздохнул служивый. И показал в ту сторону, где находилась комната для почетных гостей. — Там ваша раздевалка, там. Туда пожалуйста!

Непонятливый иностранец лишь пожал плечами:

— Helas, mon ami, l'habit ne fait pas le moine.[\[12\]](#)
— Чего-с?
— Я говорю: «Шпионов ловить — не карасей удить», — перевел ему Зепп и погасил изумление, вспыхнувшее в глазах агента, ударом кастета.

Картинка 20

Война еще не была объявлена, а контрразведка противника уже несет ощутимые потери, думал он, затаскивая тяжелое тело в незанятый шкафчик.

Теперь, наконец, можно было заняться делом.

Судя по бумажке Рябцева, обозначенный крестиком тайник должен быть где-то вот здесь.

Несмотря на напряженность ситуации Зепп не удержался, прыснул.

Покойный поручик был человеком несимпатичным, но в своеобразном остроумии ему не откажешь. Спрягал документ в единственное место, куда никто из русских не полезет.

Придвинув скамейку, фон Теофельс влез на нее и стал шарить рукой по божнице.

Ага!

Богатый серебряный оклад иконы святого Николая утоплен в стенной нише, но слегка подается. Так и ость. Позади образа прямоугольная выемка. А там — quod erat demonstrandum[\[13\]](#) — стояла желтая папка. Довольно тяжелая. Шутка ли, триста листов.

Из раздевалки Зепп заскочил в судейскую. Переодеваться времени не было. Просто накинул длинное летнее пальто и надел светлое кепи.

Он управился чуть быстрее, чем рассчитывал. До удара оставалась ровно минута. Ну, лейтенант-цур-зе, не подведите.

Коварство германского форварда

Крик и свистки, раздавшиеся на поле пятью минутами ранее, были вызваны событием, которое накалило страсти выше всякого предела. Немецкий форвард Зальц, вновь пошедший на прорыв, попал мячом по руке защитнику. По убеждению русской половины зрителей сделано это было нарочно. Мнения судей разделились.

Главный рефери Мак-Грегор говорил, что это не fair play[\[14\]](#) и что ни о каком penalty не может быть и речи. Итальянец спорил: прикосновение к

мячу рукой в штрафной площадке в любом случае наказывается одиннадцатиметровым. Чаша весов склонилась в пользу германцев, когда второй боковой судья, швед, заменивший Лафита, тоже заговорил о fair play. Горячась, он объявил англичанину, что тот подсуживает русским и что об этом будет написана реляция в Международную ассоциацию футбола. Мак-Грегор дрогнул и ворча назначил-таки пенальти.

Это вызвало новый взрыв протестов. Капитан русской команды на трех языках — по-английски, по-немецки и по-французски — кричал:

— Нечестно! Васильчиков был повернут лицом к воротам! Он мяча даже не видел!

Но, приняв решение, рефери был уже непреклонен. Он сделал барону фон Гаккелю предупреждение за препирательство, бешеными свистками разогнал футболистов по местам.

На двенадцатой минуте до конца матча призрачная надежда уйти от неминуемого поражения рассыпалась в прах.

Тот же Зальц, лучший игрок германцев, поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку.

Бледный Козловский обреченно ждал в воротах.

Садистская неторопливость немца была отвратительна. Он перекладывал мяч то так, то этак. Разминался. Зачем-то посматривал на часы. Соотечественники с трибун подбадривали его дружным скандированием.

Ни о чем кроме чести российского флага штабс-ротмистр в эту ужасную минуту не думал. Он знал, что Зальц будет бить в один из углов, куда голкиперу вовремя нипочем не допрыгнуть — сноровка не та. Шанс был всего один, мизерный. За мгновение до того, как нога немца коснется мяча, прыгнуть с опережением. Ну куда? Вправо или влево?

Вот и Романов сзади шептал:

— Корнеры, Лавр Константиныч, корнеры!

У товарищей по команде лица были совершенно убитые. Фон Гаккель нервно тер пальцами виски. А проклятый немец все тянул.

— Да бейте же, негодяй! — раздался с трибуны плачущий дамский голос.

Даже судья не выдержал. Подошел к Зальцу и пригрозил, что отменит пенальти. На это форвард вежливо возразил, что, согласно международным правилам, имеет право подготовиться к столь ответственному удару и что он уже, собственно, был совершенно готов, но господин рефери его сбил.

Немец в очередной раз взглянул на ручные часы. На запястье под рыжеватыми волосками синела татуировка — якорь.

— Na ja, gut,[\[15\]](#) — пробормотал Зальц и вдруг улыбнулся.

Увидев эту хищную улыбку, Алеша понял, что чуда не будет. Не было сил смотреть, как наши ворота капитулируют перед германским натиском.

И Романов проявил слабость. Вылез из-под тряпки и повернулся к полю спиной.

На всем стадионе он единственный сейчас не смотрел на мяч.

Именно поэтому Алеша и увидел то, чего никому видеть не полагалось.

Из клуба резвой походкой вышел некто в расстегнутом легком пальто, в щегольском кепи, надвинутом на самый нос.

Романов не обратил бы на этот пустяк внимания, если б от быстрой ходьбы у незнакомца пальто не распахнулось еще шире. Оказалось, что под пальто человек прижимает к боку большую желтую папку. Тут равнодушный к футбольным страстям господин раздраженно поправил раскрывшуюся полу, и мелькнул профиль с пышным черным усом. Это был судья Лафит, давеча вынесенный с поля на носилках.

В первый миг Алеша просто разинул рот. В миг второй, когда в мозгу сложилось дважды два и получилось четыре, крикнул во все горло:

— Вон он! Держи!

Но никто не услышал. Потому что германский форвард ударил, голкипер прыгнул — и взял мяч!

Началось такое! На орущего и машущего руками фотографа никто не обращал внимания, потому что орали и размахивали руками все без исключения. И оба великих князя, и деревянный генерал фон Дона-Шлобиттен, и две тысячи зрителей.

На поле и вовсе творилось невообразимое. На Козловского бросились товарищи по команде, и давай хлопать по спине, обнимать, целовать, а потом и подбрасывать в воздух. С трибун на поле выбежали энтузиастические болельщики. Дамы визжали. Над немецкими скамьями стоял скорбный вой.

К Лавру Константиновичу было не пробиться. Никого из агентов Алеша тоже не видел, потому что на трибунах все перемешались, мало кто остался на своем месте.

А человек в широком пальто тем временем уже почти скрылся из виду. Уйдет, уйдет!

И Алеша бросился вдогонку один, потому что другого выхода не было. За воротами клуба он остановился. Где шпион?

Вон он, садится в запряженную парой пролетку.

Долговязый кучер в извозничьем картузе щелкнул кнутом, гаркнул:

— Эх, салетни! Пашель! Пашель!

На коляске с треском поднялся кожаный фартук, она захрустела гравием, стремительно набирая скорость.

Господи, что делать?!

У розового куста стоял пузатый господин в кепи, придерживая велосипед. Беседовал с дамой — должно быть, встретил знакомую.

— Извините! — выдохнул Романов, подбежав и ухватившись за руль. — Государственная надобность!

Картинка 21

Оттолкнул непонятливого толстяка, с разбегу перекинул ногу через раму и бешено закрутил педали.

Кто быстрее?

По парковой дорожке на дутых шинах мчаться было легко. Алеша уже почти догнал коляску, но потом она свернула на мощенное булыжником шоссе, и здесь дело пошло хуже. Велосипед запрыгал по камням, завилял. Несколько раз Романов чуть не упал, да вовремя поспевал упереться ногой. Для гона на двух колесах эта дорога явно не годилась.

Пришлось снизить скорость. Похититель желтой папки с каждой минутой отрывался все дальше — четырехколесному рессорному экипажу булыжники были нипочем.

Чтоб не отстать, Алеша все же рискнул, налег на педали. Удалось приблизиться шагов на сто, но что толку?

Предположим, догонит он шпиона и его переодетого извозчиком подручного. Кричать: «Руки вверх!»? Это, конечно, можно. Можно даже пистолет наставить. Только вряд ли они испугаются. Если «Лафит» и есть давешний резидент, такого голыми руками не возьмешь. А освоить все кнопки и рычажки своего оружия Алеша так и не успел. Времени не хватило. Всю ночь то совещались, то репетировали, а на рассвете вдвоем с Лавром Константиновичем еще и удары по воротам отрабатывали, напоследок.

Один раз на перекрестке проехал мимо городского. Рожа, как у них у всех, красная, грубая. Пока вобьешь в тупую башку, что нужно делать, коляска оторвется. И потом, что он может, городской? В свисток дунет? «Селедку» свою из ножен вынет?

Увы, помощи ждать было неоткуда. Но что надо делать, Алеша вскоре придумал.

Ни в коем случае не потерять пролетку из виду, это первое. Второе: едет она в сторону Петербурга. Это очень хорошо. Надо не пороть горячку, а выследить, куда именно. Глядишь, еще и какое-нибудь шпионское гнездо выявится. В городе телефоны чуть не на каждом шагу. Там проще. От Царского до Питера верст двадцать или немногим больше. Для велосипеда не дистанция...

Именно на этой успокоительной мысли переднее колесо угодило в колдобину. Велосипед скакнул, будто норовистый конь, и выкинул ездока из седла.

Картинка 22

Алешу отбросило аж на пыльную обочину, что в сущности было удачей. Если б он упал на каменную мостовую, обязательно что-нибудь себе сломал бы. А так лишь вскочил да встряхнулся.

Сам-то он был цел, но вот велосипед...

Колесо выгнулось восьмеркой, руль скособочился.

Чуть не плача, Алеша вынул из подвешенной седельной сумочки гаечный ключ, попробовал выправить поломку, но плюнул. Возиться придется долго, а времени нет.

На шоссе пусто, даже остановить некого.

Что было делать?

Побежал вдогонку — через рощу, потом мимо луга, потом через лесок. Гаечный ключ так и остался зажатым в руке, но сраженный бедой Алеша этого не замечал.

Два раза бегуна обогнали: легкая спортивная одноколка, за ней авто. Он кричал, махал рукой — только скорости прибавили. Бежит по дороге какой-то умалишот, весь испачканный, с диким взглядом. Кто ж остановится?

Надеяться, собственно, было не на что. На своих двоих пару рысаков не догонишь. Ну а у первой же развилки или перекрестка придется вовсе остановиться. Поди знай, куда свернули шпионы.

— Недотепа... Идиот... — шептал на бегу студент. И, как в детстве, когда еще верил в Бога, взмолился. — Господи, спаси люди твоя!

И чудо свершилось

За леском было открытое пространство. Поле, железная дорога, переезд с телеграфной будкой. Вконец выбившийся из сил Алеша не поверил своим глазам.

Вдали, пыхая дымом, неся поезд. Шлагбаум был опущен, и перед ним выстроилась небольшая вереница из экипажей: обогнавшие спортсмена одноколка и автомобиль, а перед ними знакомая пролетка!

Не оставил Господь бедную Россию! И это логично, сказал себе счастливый Романов, ради такого случая готовый примирить научное мировоззрение с религиозным. Пускай Бог помогает немцам у них дома, а тут земля русская. Если говорить по-футбольному, игра идет на нашем поле.

Неторопливым прогулочным шагом Алеша дошел до самого шлагбаума, скучающе поглядел на проносящийся мимо пассажирский поезд. Навстречу неся еще один. Отлично. Минута-другая есть.

Он позевывая повернул обратно.

Вряд ли резидент (если резидент и Лафит — один и тот же человек) мог запомнить в лицо своего ночного спасителя, но на всякий случай, проходя мимо коляски, Романов прикрылся платком — вроде как сморкается.

Вот тебе раз!

Кучер был тот же верзила с костлявой лошадиной физиономией, но вместо черного, как жук, судьи сзади сидел какой-то белобрысый господин. И вместо роскошных, кренделями, усов под носом у него золотилась вполне умеренная, англоманская растительность. Ни летнего пальто, ни судейской формы — обычная полотняная пара, да русская рубашка с вышитым воротом. На голове не кепи, а соломенная шляпа.

Когда же успел смениться седок? Наверное, в леске. Больше негде.

А папка?!

От ужаса у Алеши сжалось сердце. Но блондин заворочался на сиденье, у него из-за спины высунулся желтый коленкорový угол. Тревога оказалась ложной.

Это он, все тот же «мсье Лафит», сказал себе студент, отворачиваясь. Просто переоделся, снял парик и отцепил фальшивые усы. Игра продолжается. Финальный свисток еще не прозвучал.

Пора действовать. Другого случая не представится.

Оказавшись позади пролетки, он полез в карман за оружием и лишь теперь обнаружил, что до сих пор сжимает в руке гаечный ключ. Отшвырнул в пыль.

Посмотрел назад. Водитель автомобиля сидел, закрывшись газетой.

Алеша набрал полную грудь воздуха.

Скорее всего сейчас придется стрелять. Только бы не запаниковать. Нужно не насмерть, а в руку или в ногу. С такого расстояния это, наверное, нетрудно.

Он посмотрел на свой «штейер-пипер». Чтобы привести оружие в боевую готовность, полагается снять предохранитель и взвести затвор. Где тут предохранитель-то?

Ага.

Нажал маленький рычажок — из паза выскочила спусковая скоба. Попробовал вставить ее обратно — не хочет!

А мимо переезда с грохотом и лязгом уже проезжал второй поезд.

Что делать? Думай, математик!

Придумал.

Он подобрал с земли ключ. Опустился на корточки возле колеса, быстро открутил со ступицы гайку, вынул втулку. О шуме можно было не беспокоиться — проносящийся мимо состав обеспечивал прикрытие с лихвой.

Когда дело было сделано, Алеша побежал вбок, к кирпичной будке с вывеской «Телеграфный пункт».

Ворвался без стука.

Так, что здесь?

Стойка, телеграфный аппарат, расписание поездов, связки разноцветных флажков. Очевидно, домик использовался не только телеграфистом, но и обходчиком.

У окна седоусый человек в черной железнодорожной форме поливал герань.

— Телефон есть? — закричал ему Романов. — Государственное дело!

Телеграфист обернулся, увидел пистолет в руке. (Не очень-то и удивился. Наверное, привык ко всякому.) Дорога-то особенная, по ней в Царское Село ездят.

— Из Охранного? Вон аппарат, пожалуйста.

На переезде что-то звякнуло. Шлагбаум начал подниматься.

— Алло, Центральная? — покрутив рычажок, закричал Алеша. — Спортивный клуб Гвардейского корпуса! Скорей, пожалуйста!.. Да-да, в Царском Селе!

Но звонка никто не услышал

Аппарат стоял на столике в гостиной, под парадной лестницей. Он был исправен и трезвонил с положенной громкостью, но этот звук тонул в шуме: криках, хохоте, пальбе открываемых пробок. В комнату набилось множество народу. Русские спортсмены и их друзья праздновали небывалый триумф отечественного футбола — игру с германцами вничью. Мэтч закончился со счетом ноль-ноль.

Героем дня был, конечно же, доблестный голкипер. Его то обнимали, то целовали, то трясли за руку.

Со всех сторон несло:

— Ура лейб-кирасирам!.. Лавруша, дай я тебя... Вы чудо, чудо, позвольте вас облобызать!

Ошалевший, счастливый Козловский лишь улыбался и чокался, чокался и улыбался.

Расстроенные германские футболисты покинули территорию клуба, даже не умывшись и не переодевшись. Их болельщики тоже ушли. «Будто побитые собаки» — так выразился Николай Николаевич, лично пожавший руку каждому из русских спортсменов.

Филеры, согласно инструкции, последовали каждый за своим объектом. Наблюдение будет продолжено. Но факт очевиден: контрразведочная операция не состоялась. Резидент так и не появился. Возможно, не осмелился действовать, заметив агентов. А еще вероятней, что немцы и сами не знают, где находится тайник. Резидент слопал бумажку со схемой, не успев в ней разобраться.

В любом случае, план развертывания тевтоны не получили.

Зато какой подъем патриотизма вызовет исход игры! Завтра об этом напишут все газеты. Русские витязи устояли перед германской мощью! Это великое предзнаменование. Дали отпор на спортивном поле — не оплошаем и на поле брани.

Какой-то конногвардеец наконец обратил внимание на уныло дребезжащий телефон. Снял трубку, но ничего не расслышал — в гостиной как раз все заплодировали: голкипер собрался произносить речь.

— Кого? Князя Козловского? Пардон, не слышно, — сказал конногвардеец и рассоединился. Ему тоже хотелось послушать.

Волнуясь и краснея, не привыкший к публичным выступлениям штабс-ротмистр сбивчиво начал:

— Друзья, товарищи! Я... это такой день... Я ждал от него совсем другого, но... Черт побери!.. Счастливейший день моей жизни, честное офицерское! Я думал, футбол — это... а он, оказывается...

От полноты чувств он не мог продолжать. Да и не нужно было —

слушатели и так встретили спич бурными изъятиями восторга.

— Князь! Князь! — закричали Козловскому. — Вас к телефонному аппарату! Второй раз звонят. Говорят, срочно.

Штабс-ротмистр с трудом пробился к столику. Это был студент. Настроение у Козловского было великодушное. Он сразу сказал:

— Куда вы подевались, Алексей Парисович? Засовестились? Ерунда. Ну, ошиблись, всякое бывает. Вы видели, как я взял мяч?

— Он вам нарочно в руки послал! — пропищала трубка. — Чтоб бедлам начался и все на поле высыпали!

— Что? — поразился князь. — Бред какой! Да чего ради?

— Чтоб отвлечь внимание от резидента! Пока все орали и сходили с ума, он вынес папку с планом!

— Вы что, спятили?! — страшным голосом заорал штабс-ротмистр. — Не было здесь никакого резиден...

Еще более истошный крик, раздавшийся с самой середины комнаты, не дал ему закончить.

Одна из дам, вся белая от ужаса, показывала трясущимся пальцем куда-то вниз, под стол.

Картинка 23

Из-за края низко опустившейся скатерти торчала рука с безжизненно скрюченными пальцами. Рядом, тускло поблескивая, ползла по паркету темная струйка крови.

Миновало семнадцать с половиной минут

«Руссобалт» подлетел к переезду на сумасшедшей скорости. Не остановился, лишь сбавил ход. Ждавший у поднятого шлагбаума Алеша перевалился через дверцу, и Козловский снова наддал газа.

— Почему вы один? — крикнул студент сквозь рев мотора и свист ветра.

Некогда было объяснять ему, что агенты отправлены наблюдать не за тем, за кем следовало.

— Потому что я болван. Докладывайте скорей!

— Потом! Жмите на акселерейтор! Вперед! Скорей!

Штабс-ротмистр и без того разогнал машину до шестидесяти, но отлично понимал: все впустую.

— Что толку? Почти двадцать минут прошло. Впереди несколько развилок!

— Далеко не уедут, — с загадочным видом обронил Романов.

— С чего вы взяли?

— Интуиция.

А вот и первый перекресток. Налево дачный поселок, он резиденту ни к чему. Впереди Петербург, до него 20 верст. Направо станция Александровская Варшавской железной дороги, 3 версты.

— Направо! — чуть подумав, сказал студент.

— Почему? Опять интуиция?

— Дедукция. Зачем им ехать в Питер на лошадях, если на поезде быстрее?

Резонно. Козловский повернул к станции.

Не проехали и минуты — увидели на обочине осевшую на бок пролетку. Рядом валялось колесо. Лошади с трудом тянули экипаж в сторону, к лугу, где росла аппетитная травка. Коляска скребла осью по земле.

— Ваша работа? — Князь глянул на сорвавшееся колесо, потом на молодого человека — с искренним восхищением. — Молодец, Романов! А почему не арестовали на месте? У вас же пистолет.

Он вышел из автомобиля. В брошенной коляске, под сиденьем, валялись светлый плащ, полосатая фуфайка, бутсы с гетрами.

— Что же вы? — нервно воскликнул Алексей, не отвечая на вопрос о несостоявшемся аресте. — Нужно ехать! Мы их догоним!

Штабс-ротмистр бросил на сиденье автомобильные очки, перчатки.

— Теперь мой черед дедуктировать. Они пошли вон через тот лесок. Так до станции вдвое короче, чем по дороге.

— Но на машине мы догоним до Александровской раньше их. Там и встретим!

Козловский уже хромал через поле.

— И что? — крикнул он на бегу. — Откроем пальбу среди дачников? За мной, студент, за мной! Мы их в лесу возьмем, на пленэре!

В дачном лесу

По тропинке, вдоль живописного оврага быстро шагали двое мужчин. Первый, сухощавый блондин с аккуратными усиками, нес подмышкой довольно толстую папку желтого коленкора; у второго, неуклюжего

верзилы с непомерно длинными ручищами, за спиной на лямках висела корзина для пикника. Лес был не настоящий, дачный. Без диких кустов, без сухостоя и валежника. Все подчищено, прилизано, овраг в опасных местах огорожен перильцами. Откуда-то не из дальнего далека донесся свисток поезда.

— Это пригородный. Следующий наш, — сказал блондин. — Успеваем.

Несмотря на некстати отскочившее колесо, все пока шло по разработанному плану. Через полчаса на станции Александровская остановится курьерский «Санкт-Петербург — Вержболово». Купе заказано на имя двух подданных безобидной Дании. Через тридцать часов господин Оле и господин Лукойе пересекут германскую границу. Самая блестящая операция в истории современной разведки будет завершена.

А все же Зепп был недоволен.

С документами-то все в полном порядке. По дороге он успел пролистать папку и убедился, что поручик Рябцев исправно отработал свои серебряники. Копия составлена добросовестно и обстоятельно. Но, положив руку на сердце, такой ли уж блестящей получилась операция? Вот если бы Рябцев не наследил и план развертывания попал к Зеппу без ведома контрразведки — тогда другое дело. Русские двинули бы свои корпуса в строгом соответствии с заранее разработанной стратегией, ни о чем не тревожась и пребывая в полнейшем благодушии. Теперь же им доподлинно известно, что важнейший документ похищен. Это значит, что они кинутся вносить в план какие-то изменения. Конечно, коррективы не могут быть кардинальными, иначе это разладит и запутает сложнейший механизм выстраивания фронта. Однако мелкие, но крайне неприятные для германского командования сюрпризы неизбежны.

Увы. Бывают обстоятельства, над которыми не властен даже человек изобретательный и умный.

Тимо топал за спиной, как слон.

— Выкинь ты эту чертову корзину! — раздраженно бросил фон Теофельс. — На что нам твои разносолы? Отлично поужинаем в вагоне-ресторане.

Слуга рассудительно ответил:

— Ресторан на поезд очень плохо. Нужно думать о здоровье. У вас нервный работа. Gastritis^[16] у вас есть, будет Geschwar.^[17] Я готовил кароший пуляр, пирошок с капуста, свежий редис...

Он замолчал, не закончив, потому что Зепп резко обернулся.

Сзади вдоль оврага кто-то бежал.

Из-за деревьев показались две быстродвигающиеся фигуры, до них было шагов сорок. Замерших на месте пешеходов бегущие пока не заметили.

Первого фон Теофельс узнал сразу, по усам. Звезда русского футбола князь Тараканов, собственной персоной.

— По нашу душу, — тихо сказал Зепп. — Три-четыре.

Действуя с идеальной синхронностью, словно солдаты на параде, разведчики одинаковым жестом выхватили из-под пиджаков оружие.

Выстрел из «парабеллума» слился с выстрелом «рейхсревольвера» в единый оглушительный треск, раскатившийся эхом по сосновому бору.

Один против двоих

Студент, взмахнув руками и прокрутившись вокруг собственной оси, покатился вниз по склону оврага. Но князь Козловский, человек военный, в ранней юности успевший захватить кусочек Маньчжурской кампании и ездивший наблюдателем на Балканскую, под пулю не подставился.

Заметил впереди какое-то быстрое движение и одновременно со вспышками, даже на долю секунды раньше, упал ничком. Перекатился по земле, приподнялся, снова рыбкой нырнул в траву — и так несколько раз, пока не занял удобную позицию. Даже фуражки не потерял. Какой офицер без фуражки?

В десяти шагах от тропы из земли торчали два сосновых пня, почти сросшиеся друг с другом. Можно было вести огонь и с правой стороны, и с левой, и из зазора. Именно этим штабс-ротмистр и занялся.

Дело было простое, ясное, не шпионов вынюхивать. В свое время Козловский не раз брал призы за отличную стрельбу — хоть с упора, хоть с руки, хоть из седла.

Определив примерное местонахождение противника, он высунулся, чтоб спровоцировать новые выстрелы и локализовать мишени поточнее.

Ага!

Двое.

Один прячется за красноватой сосной, второй за желтоватой.

Ну, поглядим, кто кого.

Мальчишку, такая жалость, кажется, подстрелили, но сейчас было не до этого.

То выныривая, то снова прячась, князь метко и расчетливо посылал пулю за пулей. Сдвоенный пенек заплелся огнем с трех разных точек и

стал похож на огнедышащего Змея Горыныча.

Правда, и немцы стреляли отменно. На погоны, фуражку Козловского то и дело сыпались щепки и древесная труха.

Хорошо иметь принципы, думал штабс-ротмистр, перекатываясь то влево, то вправо. Взял себе железное правило: всегда держать при себе две запасные обоймы. И карман оттягивают, и ляжку натирают, зато сколько пользы.

В эту самую секунду

В эту самую секунду на дне оврага очнулся Алексей Романов. Встал на четвереньки, по-собачьи встряхнулся. Попытался понять, что это с ним произошло.

Последовательность событий, насколько он мог вспомнить, была такая.

Бежал, задыхался. Вдруг удар по голове — будто палкой стукнули. Приступ головокружения. Наклонилась и ушла из-под ног земля. Падение куда-то вниз, хлещущие по лицу ветки.

Наверху гремело и грохотало. В ушах не утихал неприятный звон.

Алеша схватился за ушибленный висок, где набухла чудная продольная царапина. Она вся горела огнем.

Это меня пулей контузило, дошло до студента. Верчение перед глазами прекратилось, но зато пересохло во рту и задрожали руки.

Меня хотели убить. По-настоящему. Навсегда.

Он икнул раз, другой и уже не мог остановиться.

Спокойно. По-медицински это называется «шок». Нужно взять себя в руки.

Стрельба наверху не утихала. Он полез в карман за пистолетом.

Раздался крик:

— Эй, господа шпионы! Сопротивление бесполезно! Лес окружен! Сдавайтесь!

В ответ новые выстрелы. Немцы не поверили штабс-ротмистру. И правильно сделали.

А может, неправильно? Нужно в самом деле их окружить. В смысле, зайти им в тыл и отрезать дорогу к отступлению.

Алеша побежал вперед по оврагу. Под ногами трескали сучья, но это было ничего: пальба и эхо заглушали любые звуки.

«Обходной маневр» удался на славу. Вскарabкавшись по склону,

Алеша оказался именно там, где нужно.

Перед ним, как на ладони, открылась небольшая поляна. На ее краю, укрывшись за деревьями, стояли верзила и блондин. Позы одинаковые: левая рука придерживает за локоть правую; в ней оружие. При этом оба прижимаются к стволу спиной, но в Алешину сторону не смотрят — головы повернуты.

Одновременно (очевидно по счету) поворачиваются то вправо, то влево. Высунувшись на мгновение, стреляют и снова прячутся.

Очередная молниеносная вылазка получилась неудачной — долговязый как раз угадал под выстрел Козловского и вскрикнул:

— Scheise!

Зажал рукой ухо. Пальцы окрасились кровью.

— По-русски, Тимо, по-русски! — весело сказал блондин без какого-либо акцента. — До свадьбы заживет. А не заживет — куплю тебе новое ухо.

Расстояние до немцев было ерундовское, метров двадцать.

Сначала шутника, решил Алеша, ложась на живот и упираясь локтем в землю. Кажется, он сообразил, где на этом чертовом «пипере» предохранитель. Вот эта кнопочка вверху рукоятки.

Нет, лежа нельзя, глупо.

Попадешь в одного, а второй обернется и застрелит. Прятаться-то некуда.

Он приподнялся, отполз в сторону, за дерево.

Тут можно было и встать.

Согласно правилам меткой стрельбы, Алеша задержал дыхание, снял оружие с предохранителя...

Только это оказался никакой не предохранитель!

Картинка 24

От нажатия на кнопку из рукоятки с тихим щелчком выскочил магазин и упал в траву!

— Тимо! — крикнул блондин, делая напарнику какие-то непонятные знаки. — Сук!

— Зук? — переспросил тот.

— Der Ast!

Корноухий кивнул — до него дошло.

Сук

Позиция штабс-ротмистра была всем хороша — кроме одного. Прямо над удобнейшими пнями нависал мертвый сук, весь покрытый сухими желтыми иголками. Неудачней же всего было то, что князь этого дамоклова меча не приметил, не до того было.

Только вдруг, во время очередного залпа, немцы выстрелили не по пню, а выше. Козловский и удивиться не успел.

Над головой раздался угрожающий треск. Офицер вскинулся, увидел: прямо на него падает что-то корявое, разлапистое. Еле успел метнуться в сторону, из укрытия на голое место. И аккурат угодил под пулю «рейхсревольвера».

С криком «Черт!» откатился в траву. Кусая губы, чтоб не взвыть от ужасной боли, пополз по траве — наугад, вслепую, ничего не видя и не слыша.

Все было кончено

Хоть Алеша и не видел, как пал сраженный германской пулей штабс-ротмистр, но и без того было ясно: бой окончен.

Шпионы, ничего более не опасаясь, вышли из укрытия.

Лихорадочные поиски пропавшего в густой траве магазина пришлось прервать — теперь, когда стало тихо, любой шорох с такого расстояния был бы услышан. Романов опустился на колени, потом совсем лег. Заметят — убьют. В этом не было ни малейших сомнений.

— Кончать? — спросил верзила, показывая в ту сторону, откуда недавно стрелял Козловский.

— Ты во второго попал? — ответил вопросом на вопрос резидент.

— Думаль нет. Чут-чут попалъ, но думаль не от-шонь. Он голова повернуль.

— Тогда нет смысла князя Тараканова по кустам искать. Еще на пулю нарвемся. А время дорого. Второй наверняка дунул за подмогой.

Долговязый поплевал на платок, прижал к оцарапанному уху.

— Что есть «дунуль»?

Но блондин ему объяснять не стал.

— Жалко, — сказал он. — Теперь на поезд нельзя. Догадаются. В пути перехватят.

Говорил он негромко, будто сам с собой, однако Романову было

слышно каждое слово.

— Мать твою кочергой! — причудливо выругался резидент и яростно пнул ни в чем не повинную сосну, и без того окарябанную штабс-ротмистровыми выстрелами.

— Первое: уносить отсюда ноги. — Теперь светловолосый шпион уже не рассуждал вслух, а отдавал приказы. — Второе: как можно быстрее и дальше, чтоб не попасть в кольцо оцепления. Вперед, Тимо, мы отправляемся на пикник!

Он побежал рысцой наискось от тропы, прямо через лес. Его подручный подобрал корзину с лямками, надел на спину и понесся догонять.

Лишь теперь Алеша получил возможность броситься на поиски тяжело раненного, а может быть, уже мертвого Козловского.

Князя он нашел в полусотне шагов от поляны. Скрюченный пополам, бывший лейб-кирасир рвал на полосы рубашку и пытался перевязать живот, но белая ткань моментально темнела от крови.

— Дайте я! — закричал Алеша. — Нет, я побегу на станцию! Врача! Носилки!

— Я тебе дам «станцию»! — просипел белый, как снег, Козловский. — Мальчишка! За ними! Марш!.. План!.. К немцам!.. Попасть!.. Не должен!

В промежутках между обычными словами штабс-ротмистр вставлял по целой матерной фразе — почему-то они проще выговаривались и словно давали энергетический толчок договорить до конца.

Студент попробовал спорить.

— Я вас не брошу! Вы умрете!

Князь говорить уже не мог — хрипел.

— Слюняй! Я сдохну, ты сдохнешь — плевать... Не стой, беги! Оторвутся — все пропало!

Из последних сил он ткнул Алешу кулаком в скулу и не сдержался, охнул от боли.

Отброшенный ударом, Романов вскочил и, посекудно оглядываясь, побежал по усыпанной хвоей, пружинящей под ногами земле.

Хорошо, что жирафоподобный помощник резидента топал своими ножищами, будто целый взвод солдат.

Не оторвались шпионы, не успели. Алеша пристроился сзади. Пригнувшись, перебежал от дерева к дерену. Не отставал.

Слежка шла уже третий час...

В лесу-то было легко, но скоро он кончился. На поле и на лугу вести слежку было значительно труднее. Приходилось двигаться согнувшись. Чуть что — падать ничком и замирать.

Населенные пункты и отдельно стоящие дачи немцы обходили стороной. Дороги тоже.

Ориентацию Алеша довольно быстро потерял. Кажется, резидент держал путь на юг, но уверенности в этом у студента не было. Познания городского жителя об определении сторон света ограничиваются расхожей легендой о том, что мох на деревьях растет якобы исключительно с северной стороны.

Неправда. Романов собственными глазами видел рядом два ствола, повернутые зелеными плюшевыми поверхностями друг к другу.

От многократных падений и ползания на животе колени, локти, весь перед пиджака у Алеши стали серого цвета.

Расчет немцев был ясен. Двигаясь таким темпом, они за пять-шесть часов отмахают добрых тридцать верст. На плотное оцепление зоны с таким радиусом не хватит всех войск Петербургского округа. В лучшем случае поставили бы кордоны на станциях и дорогах. И то если б студент Романов действительно поднял тревогу...

Но ничего подобного вышеназванный студент не сделал. Правду сказать, от него вообще не было никакого толку, один лишь вред.

Стыдней всего вспоминалось про потерянный магазин, так и оставшийся где-то в траве. Пистолет по-прежнему лежал в кармане, только что от него было проку?

Вторая причина для терзаний состояла в том, что не догадался забрать у раненого штабс-ротмистра его офицерский самовзводный «наган». Это уж был чистой воды идиотизм. Шарахнулся от бешеного хрипа, от злобного тычка в скулу. И что теперь? Безоружен и беспомощен. Враги — вот они, а ничего не сделаешь.

Чертовы немцы были будто выкованы из крупповской стали. Алеша, на что спортсмен, а начал спотыкаться от усталости. Они же шагали ровной, механической походкой, будто заводные автоматы. Ни разу не присели.

Картинка 25

На поле, покрытом стожками скошенной травы, заморосил дождь. По краю неба раздалось сердитое урчание. Гроза, весь день подбиравшаяся с Балтики, наконец, накрыла землю.

В лицо Алеше полетели холодные капли. Сначала редкие и мелкие, потом все чаще, все крупнее.

Дождь усиливался...

На краю скошенного поля стояла заброшенная и полуразвалившаяся лачуга. Может, когда-то здесь была сторожка или пастушья хижина. Впервые за все время марша-броска фон Теофельс остановился.

От места перестрелки удалились достаточно. Подстраховочная эстафета ждала в Гатчине. Время встречи — половина пятого утра. Значит, можно минут сто пятьдесят отдохнуть: перекусить, поспать. Если повезет, переждать грозу.

Запасной вариант предусматривал изменение внешности и маршрут с двумя пересадками. Менее удобно и не так быстро, но задержка выйдет небольшой. Папка прибудет в Берлин послезавтра во второй половине дня.

Это бы ладно. Скверно другое. Худшие опасения подтвердились. Теперь русские знают не предположительно, а наверняка, что план развертывания в руках германского командования. Плод, добытый таким трудом, оказался с гнильцой. Скорей бы уж объявляли мобилизацию. Тогда у русского генштаба не останется времени на изменения...

Хибара, где господину капитану предстояло скоротать ночь, внутри выглядела еще менее презентабельно, чем снаружи.

Соломенная крыша посередине зияла прорехой, сквозь которую беспрепятственно лился дождь. Прямо под дырой на земляном полу — самодельный очаг из камней. Окна выбиты. Вместо мебели несколько пучков сена, пустой ящик да пачка старых газет. В качестве декора — пустые бутылки и пара ржавых жестянок. Очевидно, здесь частенько останавливались на ночлег нищие и бродяги.

— Романтично, — резюмировал Зепп, осмотревшись. — К тому же здесь явно квартировали интеллигентные люди. Газета — двигатель прогресса. И почитать, и накрыться, и огонь разжечь...

Он пододвинул ногой пачку, сел на нее и блаженно потянулся.

— Ну, добрый гений, давай свою пулярку и что там у тебя еще.

Полчаса спустя

Полчаса спустя трапеза была готова. На «доброе гения» Тимо, возможно, не походил, но свое дело знал прекрасно.

Приют бродяг преобразился. Пожалуй, даже стал уютным.

По крыше шуршал дождь, за дырявыми окнами свистел ветер, в темном небе рокотал гром, а в домике весело пылал костер, белый дым дисциплинированно уходил вверх. Тепло, сухо. На перевернутом ящике сервирован чудесный походный ужин: бутерброды с ветчиной, жареный цыпленок, бутылка вина, термос с горячим чаем.

— Хотелъ корзина кидать... Корзина кидать — кушать что? — ворчал верный слуга, повязывая капитану белейшую салфетку.

Зепп смиренно отвечал:

— Я склоняюсь пред твоей мудростью, о достойнейший из джиннов. Чур белое мясо мне.

Алеше тоже хотелось есть

Студент Романов белое мясо в курице тоже любил больше, но сейчас он согласился бы и на красное. Даже на крылышко. Что крылышко — и шею, которую резидент пренебрежительно кинул в огонь, Алеша обглодал бы за милую душу. Тут ведь что получалось?

Утром не завтракал, потому что нервы. Днем было не до обеда. Потом кросс на велосипеде, пробежка по лесу, плюс двадцать, если не тридцать верст по пересеченной местности. За все время во рту ни маковой росинки.

Пока шла слежка, думал только о том, чтоб не отстать и не засветиться. Не до голода было. Зато теперь живот подвело просто ужас как. Того и гляди забурчит слишком громко — демаскирует.

Картинка 26

И еще гроза, будь она неладна.

Если прижиматься к стене вплотную, можно было не только подсматривать в окно, но и кое-как укрываться от дождя под свесом крыши. Минус один: при дуновении ветра траектория стекающей по стрехе воды менялась, и холодные струи попадали прямиком за шиворот.

В общем, голодно, холодно, мокро, противно.

Но все эти мелкие неприятности были ерундой по сравнению с главным: желтая папка с похищенным планом находилась здесь, в пяти шагах от окна. Она лежала на земле, рядом со стопкой старых газет, на которой устроился резидент. А значит, еще не все было потеряно. Мэтч продолжался.

Скорей бы уж немцы сожрали свои припасы и улеглись спать. Долговязый Тимо сложил в углу два ложа — одно попышнее, из сена, второе тощенькое, из соломы, — но черт их знает, намерены ли они заночевать или просто передохнут немножко и дальше пойдут.

Романов уже знал, как поступит, если шпионы запалятся дрыхнуть.

Совсем будет хорошо, коли уснут оба. Тогда пробраться в дом, взять папку — и со всех ног отсюда.

Но надеяться на такой исход нечего. Не дураки они, свое дело знают. Будут спать по очереди.

В этом случае действовать надо вот как. Едва станет ясно, что немцы расположились в этой развалюхе надолго, нужно найти ближайший населенный пункт. Если там есть полицейский участок или телефон, задача облегчается. Если нет — схватить за грудки старосту. Пусть поднимает мужиков. Речь идет о судьбе отчизны!

Отчизна отчизной, но есть все-таки хотелось ужасно. Особенно тяжело было наблюдать, как резидент взял с бутерброда одну ветчину, а хлеб бросил.

И чай не допил, сволочь.

Прошло еще несколько минут

Прошло еще несколько минут, пока Тимо догрызал то, что осталось от цыпленка, фон Теофельс лежал на сене, курил папиросу и благосклонно взирал на своего верного Санчо Пансу, который внешностью, впрочем, скорей напоминал дон Кихота.

Небо треснуло напополам прямо над избушкой. Вспыхнула молния, и ночь на мгновение из черной стала белой.

Сытость, пламя костра и неопасное буйство стихии настроили Зеппа на сентиментальный лад.

— Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, — ласково сказал он. — Как по-твоему, дядька Савельич, долго ль продлится сей буран?

Из всего сказанного Тимо понял только одно слово:

— Почему дядька? Дядька — это Onkel, да?

— Дядька — самое точное название твоей должности. Ты состоишь при мне с детства. Куда я, туда и ты. Так кто ж ты мне? Слуга? Денщик? Нет, Тимо, ты мой дядька. Мы с тобой идеальная пара. Даже курицу едим гармонично. Ты любишь ножку, я грудку.

— Грудка тоже могу, — возразил Тимо.

— Да ты все слопаешь, что ни дай. Помнишь, как в Каракумской пустыне кобру стрескал? Сырую.

— Что есть «трескал»? Убиваль?

Но Зеппу прискучила праздная болтовня. Он опять помрачнел. Мысль о том, что победа вышла подмоченной, терзала заядлому перфекционисту душу.

Вздохнув, швырнул недокуренную папиросу в огонь. Поднялся.

— Ладно, что уж теперь... Как сказал мудрец: если не можешь облегчить душу, облегчи мочевой пузырь.

Он поднял повыше воротник и вышел наружу. Далеко отходить не стал. Во-первых, не перед кем церемонничать. Во-вторых, вышло бы глупо: герр фон Теофельс мочится на землю, а небо мочится на герра фон Теофельса. Круговорот воды в природе.

Струйка дождевой воды пролилась Зеппу на плечо. Он недовольно дернул головой и краешком глаза заметил позади какое-то быстрое, почти неуловимое движение. Не сказать, чтобы встревожился (не с чего было), но все-таки дошел до угла, застегивая на ходу ширинку.

Высунулся — и уперся лбом в дуло пистолета.

Вот тебе на!

Перед капитаном Гроссе-Генералштаба стоял молодой человек в мокром и перепачканном летнем пиджаке. Лицо у молодого человека было отчаянное.

— Только попробуйте что-нибудь — выстрелю. Честное слово, — очень тихо сказал незнакомец. (А может, и знакомец — где-то Зепп его уже видел).

Просьба была убедительная. Можно бы, конечно, рискнуть. Отшатнуться назад, за угол и попробовать добежать до двери. Но шансы на успех подобного предприятия были мизерные. Схлопочешь пулю — если не в лоб, то в затылок. Да и вряд ли этот молокосос тут один.

Поэтому фон Теофельс не только раздумал шарахаться за угол, но, наоборот, шагнул навстречу невесте откуда взявшемуся юноше. Еще и руки поднял.

Тот попятился. Правильно, между прочим, сделал.

Возникла непродолжительная пауза. Больше никто из темноты не выпрыгивал, никаких звуков кроме шума дождя и воя ветра Зепп не

слышал.

— Вы что, один? — с некоторым удивлением спросил он, делая еще шагжок.

Молодой человек проворно отступил и оказался вровень с выбитым окном, но не заметил этого — очень уж был сосредоточен на капитане.

— Нас двое! — кивнул на свой пистолет осторожный юноша и шикнул. — Стойте, где стоите! Сейчас мы войдем внутрь, и вы отдадите мне папку.

Палец противника лежал на спусковом крючке. Только бы Тимо не вздумал стрелять, подумал Зепп. Даже с пулей в голове человек может рефлекторно сжать руку, и тогда вместо одного трупа будет два.

Но Тимо свое дело знал, идиотской ошибки не сделал.

Из окна высунулась ручища, «рейхсревольвер» ткнулся русскому прямо в висок.

Картинка 27

Говорить «дядька» ничего не стал. Не любил попусту болтать на работе. Особенно, если и так все ясно.

— Bravo, Тимо, — похвалил фон Теофельс. — А вы, милый мальчик, бросайте свою аркебузу. Иначе вы труп.

Пистолет, направленный на капитана, дрогнул, но не опустился.

— Вы тоже! — сдавленным голосом произнес молодой человек. — Я все равно успею нажать! Моторная реакция сработает. Слыхали про такую?

Оказывается, не одни лишь великие умы мыслят сходно, с грустью констатировал Зепп. Паршивец оказался не робкого десятка.

— Ну хорошо. Вы убьете меня, Тимо убьет вас. Что проку? Папка все равно попадет по назначению.

Русский снова удивил. Уверенно сказал:

— Ваш слуга не выстрелит. Я видел, как он с вами возится. Будто мамка. Или нянька. Ну-ка велите ему убрать револьвер.

Задача получалась более сложной, чем вначале показалось фон Теофельсу. Юноша был непрост. А значит, опасен. Придется повозиться.

— Как вырос интеллектуальный уровень русской контрразведки! — совершенно искренне восхитился Зепп. — У вас что, теперь штудируют практическую психологию? Вы правы, первым он не выстрелит. Старина Тимо опекает меня с детства. Славный шваб. Добрый, сентиментальный... Убери оружие, Тимо! Ты же видишь, наш гость не испугался.

Дуло отодвинулось от виска контрразведчика, но недалеко.

Следовало менять тактику. Жаль, лица оппонента в темноте было толком не разглядеть. Глядишь, зацепился бы за что-нибудь (Зепп считал себя мастером физиогномистики).

— Знаете что? — на пробу сказал он. — Давайте разойдемся миром. Зачем вам умирать в ваши двадцать лет? Да и я бы еще пожил. Если честно.

— Во-первых, мне двадцать три. А во-вторых, есть вещи важнее жизни.

Завязывалась дискуссия, уже неплохо. Двадцать три, стало быть?

Тоном старого-престарого, траченного молью Экклезиаста капитан пробрюзжал:

— Это вы по молодости так говорите. Важнее жизни ничего нет. Разве что смерть.

— Вы забыли про честь! — строго воскликнул агент. Тут-то и стало ясно, за какие ниточки дергать. Зепп вскинул голову. Мысленно подкрутил усы и вставил в глаз монокль.

На дуло пистолета смотреть перестал, будто теперь ему и смерть стала нипочем.

А в пистолете не было патронов

Услышав про честь, резидент переменился в лице. Построжел лицом, в осанке стала заметна коренная офицерская выправка. И, слава Богу, перестал пялиться на пистолет, а то Алеша все боялся, что немец углядит в низу рукоятки зияющую дырку.

— Нет, не забыл, — отчеканил резидент. — Просто я думал, что разговариваю с обычным филером. Теперь вижу — ошибся. Что ж, давайте поговорим как люди чести.

А потом вдруг поежился и совсем другим, человеческим голосом попросил:

— Послушайте, давайте продолжим эту увлекательную беседу внутри. Не хотелось бы простудиться перед смертью.

Романов тоже продрог, да еще и промок, главное же — оказавшись внутри, он приблизился бы к заветной папке. Это соображение и положило конец колебаниям.

— Пожалуй, — великодушно кивнул он.

Резидент повернулся идти, но сразу же с беспокойством оглянулся:

— Только дайте честное слово, что не выстрелите мне в затылок. Теперь, когда Тимо больше не держит вас на мушке...

Покосившись на свой бесполезный пистолет, Алеша пообещал:

— Честное слово.

Перед самой дверью (верней, дверным проемом, ибо створка как таковая отсутствовала) шпион обернулся еще раз.

— Вспомнил, где я вас видел. Во-вторых, это вы были в лесу с тем офицером...

— Во-вторых? — удивился Алеша странному обороту речи.

— Да. Потому что в первый раз мы встретились на станции Левашево. Не так ли? Вы рыцарственно пришли мне на выручку. — Немец понимающе усмехнулся. — Рассчитывали втереться в доверие?

— Что-то в этом роде, — бодро ответил Романов.

— Правильно сделали, что отказались от этой глупой затеи. Лежали бы сейчас где-нибудь в канализационном люке с проломленной головой. Я на дешевые трюки не покупаюсь.

У входа благодаря отсвету костра было светлее, и резидент с любопытством рассматривал студента. А студент — резидента. Обычное лицо, без особых примет. Такое может быть и у русского, и у немца.

— Наверное, вы русский немец?

Не думал, что шпион ответит. Однако блондин охотно поддержал разговор:

— Нет, я немецкий немец. Просто с детства учил ваш язык. Отец и дядя, оба люди военные, всегда говорили: Россия для нас самая главная страна. И это правда. Ваша отчизна, мой друг, велика размерами, но юна разумом. Рано или поздно вы, русские, поймете, что наши три империи, как родные братья. Германия — старший брат, Австро-Венгрия — средний, Россия — младший. Нужно всего лишь, чтоб вы признали эту иерархию, и тогда три наших орла будут парить над всем миром.

Снисходительность, с которой резидент излагал свою, с позволения сказать, концепцию, была просто смехотворна!

Алеша подхватил:

— «Старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак». Так что ли? Знаете, чем эта сказка кончилась?

— Знаю. Ивану-дураку помог Конек Горбунок. Но мы живем не в сказочном царстве-государстве, а в Европе двадцатого века. Дуракам здесь никто помогать не станет. Хотите, я скажу вам, зачем нужна война, которая начнется через неделю, самое большее через две? Без войны Россия не поймет, что старших братьев нужно слушаться. Урок будет болезненный, но пойдет вам на благо.

Еще и указательный палец поднял. Разозленный Алеша прикрикнул на

благожелателя:

— Ладно, это мы поглядим. Что встали? Идем!

А поскольку немец не тронулся с места, да еще и смотрел на студента с возмутительной отеческой улыбкой, Романов подтолкнул его свободной левой рукой.

Это подействовало. Улыбочка исчезла.

— Попрошу без фамильярностей! — Физиономия шпиона будто одеревенела. — Перед вами капитан генерального штаба! Позвольте представиться: Йозеф фон Теофельс. Вы знаете, что согласно международной конвенции я обязан в подобной ситуации называть подлинное имя и звание. — Он щелкнул каблуками, сухо и резко наклонил голову. — Это очень древний род. Среди владельцев замка Теофельс были и крестоносцы. А с кем имею честь я?

— Романов. Алексей Парисович.

Алеша тоже распрямился.

— Романов? Символическая фамилия.

С крыши пролилась струйка — аккурат за шиворот студенту. Это и положило конец затянувшейся беседе.

— Да идемте же! — передернулся студент. — Дождь!

Но последовать в дом за капитаном решился не сразу.

— Стоять! Я не вижу вашего Франкенштейна. Пусть покажется.

Замерший на месте с поднятыми руками Теофельс позвал:

— Тимо, покажись гостю. А то некрасиво получается.

Из темного угла, держа наготове револьвер, вышел слуга. Его некрасивая, костлявая физиономия вся подергивалась. За капитана волнуется, понял Алеша. И очень хорошо — значит, первым не выстрелит.

— Ну вот, патовая ситуация восстановлена, — сказал резидент, медленно поворачиваясь и слегка опуская руки. Теперь он стоял бок о бок со своим помощником. — Но здесь гораздо лучше, чем снаружи, не правда ли?

— Правда.

Как действовать, Романов уже придумал. Выход из положения был всего один. Отчаянный, почти стопроцентно обреченный на неудачу. Но иного не существовало.

Мелко переступая, он переместился боком к жарко пылающему костру. Быстро наклонился, схватил желтую папку и бросил в огонь. Одновременно выставил вперед пистолет и истошно закричал:

— Не двигаться! Убью!!!

Тут вся тонкость была в том, что целил Алеша не в вооруженного

слугу, а в безоружного господина. Если б в Тимо, тот, пожалуй, выстрелил бы, а так не осмелился. Еще и ухватил рванувшегося с места капитана за локоть.

Отступив к стене, Романов все наводил ствол на Теофельса, тщетно пытавшегося вырваться из цепкой лапы своего клеврета. Желтый коленкор едва начал чернеть, содержимое же и подавно пока оставалось нетронутым.

Вырвется или нет? Если накинется, все пропало...

— Пусти! Пусти! Idiot! Lass mich weg![\[18\]](#) — кричал капитан.

Он ударил слугу локтем в бок, лягнул каблуком, но чудищу это было нипочем. По-прежнему держа в правой руке револьвер, Тимо левой перехватил господина за шею и сжал так, что Теофельс лишь беспомощно трепыхался.

А папка, умница, уже пылала, с каждой секундой все жарче, все веселей.

— Тимо, стреляй! Приказываю! — просипел полузадушенный президент.

— Nein! Er wird Ihnen schiessen![\[19\]](#) — отрезал славный Тимо, да еще и к Алеше обратился, по-русски. — Не надо стрелять! Ви не стрелят — я не стрелят.

Ай да верный Личарда! Ай да золотое сердце! К дыре в потолке валил густой белый дым, летели искры и клочки сажки.

Капитан уже не барахтался в железных тисках, лишь заворуженно смотрел на бушующее пламя.

Дело было сделано. Алеша отлично понимал, что живым ему отсюда не уйти. Жизнь кончена. Она получилась короткой и немного нелепой, но финал, ей-богу, совсем неплох. Жаль только, наши не узнают, что план развертывания к немцам не попал. И как погиб студент Романов, тоже не узнают.

Он вздохнул.

— Как весело горит сухая бумага, — неживым голосом сказал Теофельс. Он перевел взгляд на Алешу. Глаза у немца светились странным блеском. — Что ж, господин Романов, вы провалили мне задание. Такое со мной случается в первый раз. И, клянусь, в последний... Пусти, Тимо, черт бы тебя побрал! Старый сентиментальный осел, ты растоптал мою честь.

Слуга больше не держал его. Растирая помятое горло, капитан цедил слова с пугающей неторопливостью. Эта ледяная ярость устрасала гораздо больше, чем недавний истерический хрип.

— Вы победили, юноша. Но погодите радоваться. Я вызываю вас на дуэль. Биться насмерть. Все равно жить мне теперь незачем.

— Какая еще дуэль? — Алеша косился на пылающую папку — вся ли сгорела, не уцелеют ли какие-то страницы? — Думаете, я позволю вам взять в руки оружие?

— Обойдусь без оружия. — Теофельс криво усмехнулся. — Мы с вами вот как. Держу пари, что вы любитель Конан Дойля... «Этюд в багровых тонах» читали? Про Божий Суд. Как двое американцев пилюли глотают?

Романов кивнул. Конечно, читал. Первый раз — еще пригостишкой.

— Вино вот. — Немец мотнул головой на полупустую бутылку. — А это, — он вынул из жилетного кармашка крохотную коробочку, — пилюли.

Там, разложенные каждая в свою ячейку, лежали одинаковые таблетки.

— Вторая слева, вторая слева... — пробормотал резидент. — Ага, вот эта.

Вынул одну пилюльку, положил на ящик рядом с бутылкой.

— Яд моментального действия. У каждого уважающего себя разведчика есть такая малютка-спасительница. От виселицы. Остальные — обыкновенный аспирин.

Он взял еще одну таблетку, положил обе в стаканчик, встряхнул и высыпал на салфетку.

— Теперь я и сам не знаю, где тут лекарство, а где яд. Принцип дуэли, надеюсь, понятен? Выбора у вас нет. Один из нас должен погибнуть. В противном случае я просто кинусь на вас, и тогда мы погибнем оба. Тимо, выстрелишь ему в живот, чтоб помучился.

Слуга, напряженно вслушивавшийся в медлительную речь своего господина, сделал протестующий жест:

— Es geht nicht! Zu gefährlich![\[20\]](#) — Ничего, я везучий, — осклабился капитан. — Быть может, эта маленькая встряска вернет меня к жизни.

Если он думал, что затея с поединком на пилюлях испугает противника, то здорово ошибся.

Алеша встрепенулся. Кажется, прощаться с жизнью было еще рано. Появилась пускай слабая, но надежда.

— Какой мне смысл играть в эти детские игры? — с небрежным видом сказал он. — Даже если мне повезет, ваш слуга все равно меня застрелит.

Капитан поморщился, будто молодой человек сказал бестактность.

— Тимо, выйди. Raus, raus![\[21\]](#)

С большой неохотой, посекундно оборачиваясь, великан удалился за дверь.

— Если останетесь живы, успеете выскочить в окно. Любое из трех. — Теофельс широким жестом обвел комнату. — Заметьте, я доверяю вашей порядочности. Не боюсь, что пальнете в меня и сиганете через окошко

прямо сейчас. Потому что вижу: передо мной человек чести... Ну, хватит болтовни. Выбирайте, которая?

Поразительная штука психология! Именно теперь, когда шанс на спасение подскочил с нулевой величины до вполне приличного соотношения 1:1, Алеше вдруг сделалось очень страшно. Словно окоченев, он смотрел, как капитан твердой рукой наливает в два стаканчика вино и бросает в каждый по таблетке; как те, шипя, растворяются.

— Вино, кстати, отличное, — с жестокой улыбкой сообщил резидент. — И яд тоже первоклассный. Больно не будет. Сначала приступ икоты, потом секунд тридцать судороги — и остановка сердца. Выбирайте: правый или левый.

Очень боясь, что задрожат пальцы, Алеша взял левый. Потому что на букву «Л», а мама в детстве звала его «Лешенька».

— Пьем разом, по команде, до дна. И не ловчить. Слово чести?

— Слово.

Пистолет Алеша убрал в карман. Шпион слегка поклонился — оценил жест.

— Благодарю за доверие.

— Не за что.

В этот решающий, очень возможно что предсмертный миг Романов внезапно ощутил странное родство с этим полоумным немцем. Кажется, и тот испытывал нечто подобное.

— Знаете что? — Теофельс беззаботно улыбнулся. — А давайте на брудершафт. Такой момент, можно сказать, раз в жизни бывает. — Они перекрестили руки, глядя друг другу в глаза. — Вот это по-нашему, по-буршески. Друзья называют меня «Зепп». А я вас «Алешей», ладно? За Германию, Алеша!

Студент хрипло ответил:

— За Россию!

— Ну, как говорится, три-четыре.

Оба выпили вино залпом. Честно.

Несколько секунд (как пишут в романах, показавшихся Алешей вечностью) он прислушивался к своему телу.

Что за бешеный стук? Начинаются судороги? Или просто сердцебиение?

Вдруг раздался громкий неромантичный звук.

— Ик!

Во взгляде немца мелькнул ужас. Капитан оттолкнул студента, протянул руку, чтобы схватиться за горло — и не смог.

— Ик! Ик! Ик!

Икота делалась все чаще. Теофельс мягко повалился на пол. Нога в заляпанном грязью ботинке возила по полу. Из горла вырывалось сипение.

Алеша попятился к стене, не в силах отвести глаза от этой ужасной картины.

В дом ворвался Тимо и с ревом склонился над умирающим. Зачем-то подхватил его на руки, поднял. Из широкой груди слуги вырвался звериный вой.

Картинка 28

Тогда, опомнившись, Романов развернулся и с разбега выпрыгнул в окно — одновременно со вспышкой очередной молнии.

Дождь ударил его в лицо, будто облил живой водой. Студент побежал в темноту, не разбирая дороги.

Гром ударил совсем рядом. Снова полыхнуло. И еще. И еще.

Оглянувшись, Алеша увидел, что из окна хибары высовывается Тимо. Рыдая и выкрикивая бессвязные ругательства, идолище вслепую палило из револьвера.

Да-дах! Да-дах! Да-дах!

Берлин Grosse Generalstab

В просторном дубовом кабинете, под высоким портретом Вильгельма Второго, у стола сидели два генерала. Один с закрученными, как у кайзера, усами. Второй с гладким пробором ровно посередине макушки и с моноклем в глазу. Всю поверхность стола занимала карта Восточной Пруссии, разрисованная красными клиньями, синими квадратами, желтыми кружками и прочей геометрией.

— Ну что ж, — произнес генерал Монокль, распрямляясь. — Все ясно. Их первая армия бьет сюда, вторая сюда. Активная фаза наступательной операции начнется на восемнадцатый день после объявления мобилизации. Это слишком рано. Но планы, особенно русские, всегда чересчур оптимистичны. Набавим неделю, а то и две на русское медленное запрягание. Итого у нашей западной группировки будет примерно месяц. Достаточно, чтобы проскочить Бельгию и нависнуть над Парижем. Потом, пока наша артиллерия разъяснит французам, что упрямство — тяжкий грех,

перебросим пять-шесть корпусов на восток. Вот в эту точку. — Красный карандаш ткнулся острием в район Мазурских болот. — Между русскими армиями Ренненкампа и Самсонова.

Генерал Усы вдумчиво глядел на карту. Что-то поприкидывал, пожевал губами.

— Складывается. Полагаю, можно докладывать его величеству. Отличная работа. Ваш протеже — мастер своего дела.

— Ему будет приятно услышать это из ваших уст, — улыбнулся Монокль.

В ответ Усы (он был старше по должности) благосклонно кивнул.

— Пусть войдет, — коротко сказал Монокль в телефонную трубку.

Полминуты спустя, чеканя шаг, в кабинет вошел бравый капитан. Просто картинка, а не офицер: прямой, как струна, грудь колесом, мундир с иголки, сапоги — ослепнуть можно. Внешностью он напоминал сразу обоим генералов, ибо был и при монокле, и при гладком приборе, а небольшие светлые усы своими кончиками воинственно торчали кверху.

— Экселенц! — пролаяла сия ходячая иллюстрация к прусскому военному уставу. — Капитан фон Теофельс по вашему приказанию явился!

Монокль нынче уже виделся с героем, поэтому ограничился кивком. Усы же встал и протянул для пожатия руку, что было честью, которой удостаивались очень немногие из подчиненных. В управлении старик имел репутацию сухаря и педанта.

— Русским в самом деле неизвестно, что план развертывания у нас? — недоверчиво спросил Усы.

— Так точно, экселенц!

Начальник поморщился:

— Не кричите. Как вам это удалось?

В вытаращенных глазах капитана мелькнула некая искорка, но тут же погасла.

— Маленький фокус, потом маленький спектакль, — отчеканил Зепп, зная, что старик не любит многословия и похвальбы. — Не буду утомлять ваше превосходительство лишними подробностями.

Монокль улыбнулся. Он-то подробности знал и собирался пересказать их старшему товарищу позднее, за ужином.

— Отличная работа, Теофельс, — словно нехотя буркнул Усы. — К ордену вы представлены. Но, может быть, у вас есть личные просьбы? Маленький отпуск перед началом боевых действий?

— Благодарю, экселенц! — гаркнул Зепп. — Я бы предпочел немедленно вернуться в Россию, пока не перекрыта граница. Во время

войны разведчик должен находиться во вражеском тылу.

Генералы одобрительно переглянулись.

— Вы один из наших лучших специалистов-практиков по России. — Усы расстегнул верхний крючок кителя, что означало: разговор переходит из фазы официальной в неофициальную. Однако сесть подчиненному не предложил, эта привилегия предназначалась для офицеров не младше майорского звания. — Каков ваш прогноз относительно хода войны?

Приняв стойку «вольно», то есть чуть расставив ноги и убрав руки в перчатках за спину, фон Теофельс уверенно сказал:

— Армия у русских сильная. Особенно хороши артиллерия и конница. Но войну они проиграют. У них нет профессионалов ни в разведке, ни в контрразведке. А что такое современная армия без разведки? Ослепший Циклоп. У нас же, как вам известно, создана отличная диверсионно-агентурная сеть. В двадцатом веке войны будет выигрывать не тот, кто сильнее, а тот, кто лучше информирован.

Отличная аргументация, чтобы истребовать у министра расширение бюджета, подумал Усы и записал в блокноте для высочайших докладов «erblindeter Zyklop».[\[22\]](#)

Пока он скрипел карандашом, Монокль подмигнул офицеру незастекленным глазом: молодцом, Зепп, горжусь тобой.

— Хорошо, капитан, — Усы снова застегнул крючок. — Можете идти.

Теофельс грациозно отсалютовал, с хрустом развернулся и, звеня шпорами, отмаршировал за дверь.

— Настоящая военная косточка, — проворчал начальник таким голосом, будто объявлял арест на тридцать суток.

Через адъютантскую Зепп прошеествовал все таким же гусаком. В коридоре позволил себе несколько смягчить поступь. На лестнице оглянулся и увидев, что никого нет, весело поскакал через две ступеньки.

Пролетом ниже остановился перед зеркалом, ухмыльнулся. Начальству потрафил, теперь можно вернуть себе человеческий облик.

Картинка 29

Он растрепал волосы и снова, но уже без пробора, разгладил; монокль сунул в карман; с усов стер воск, и они распрямились.

Подмигнул себе. Шепнул: «Ловкий ты парень, чертяка». Сим эпитетом Зепп аттестовал себя лишь в моменты наивысшего довольства.

Настроение у капитана было великолепное, еще с позавчерашнего дня. Любовь начальства — в сущности, ерунда. Ордена — тем более. Главное —

виртуозно выполненная работа.

Убедившись, что на лестнице по-прежнему никого нет, капитан фон Теофельс прокатился до следующей площадки по перилам.

В тот же день, в тысяче верст от Берлина

Не менее счастливый Алексей Романов крутил руль «руссобалта» и распевал ариозо герцога Бургундского, заменяя «Матильду» на «Симаду», а «черные очи» на синие:

Кто может сравниться с Симадой моей,
Сверкающей искрами синих очей,
Как на небе звезды осенних ночей!

Симочка, ради загородной прогулки повязавшая волосы платком японского шелка (отсюда и «Симада»), слушала так восторженно, а взвизгивала от скорости так очаровательно, что Алеша просто не мог не остановиться и не поцеловать ее в покрасневшую щечку, а потом в губки.

— Пой, пой! — попросила она (они уже второй день были на «ты»).

Он снова разогнался по чудесной, только немножко пыльной дороге и запел:

Она только взглянет, —
Как молнией ранит,
И пламень любви
Зардеет в крови;
Она засмеется
Иль песней зальется, —
И жемчугов ряд
Лицо осветят...

На ухабе Симочка ойкнула, качнулась всем телом к шофферу. Пришлось снова останавливаться и целовать ее.

Так и ехали почти до самой Гатчины: под рев мотора, пение и звонкие поцелуи.

Когда свернули на проселок и сияющий водитель сказал, что осталось

совсем недалеко, Симочка прошептала: «Жалко». Это ли не счастье?

А еще утром Алеша плакал. Не по-детски, конечно, не навзрыд, но слезы на глазах выступали и голос срывался.

Это когда он провожал Лавра Константиновича на операцию, уже вторую. Первый раз штабс-ротмистра резали еще позавчера, в сельской больнице, но пулю достать не сумели. Нынче же князем должен был заняться профессор Тихомирский, звезда военно-полевой хирургии. Шансы на выживание оценивались невысоко, потому что пуля, разорвавшая офицеру внутренности, была разрывная.

— У нее оболочка при ударе раскрывается. Как лепестки у цветка, — еле слышным голосом объяснил студенту Козловский, скосив воспаленный взгляд на пышный букет, что стоял на тумбочке близ кровати. — ...От его превосходительства. Навещал. Руку жал. Даже в лоб лобызал.

Лавр Константинович закусил губу от боли и сделался еще бледнее. Под глазами лежали синие тени, рот ввалился, к локтю была прицеплена резиновая трубка (перед операцией раненому делали переливание крови).

У Алеши подкатил к горлу комок. Невыносимо было видеть князя, такого сильного, энергичного, мужественного, в этой больничной палате, на пороге смерти. Особенно, когда на улице светило солнце и жизнь была до краев наполнена счастьем.

— Э-э, что это у вас каплею из глаз, — попробовал улыбнуться штабс-ротмистр. — Хороните, что ли? Зря. Мы, Козловские, порода живучая... Предка моего Иван Грозный на кол посадил... Так князюшка день, ночь и еще полдня не желал Богу душу отдавать. Висел себе да государя-батюшку матерно лаял...

Алеша заморгал, стряхивая слезинки, и приказал себе: «Не раскисать!» Перед наркозом больной должен верить, что все будет хорошо.

— Так-то лучше. — Козловский облизнул лиловые губы. — Я с вами вот о чем хотел... Что сказать? Молодец. Спаситель отечества... Ладно, комплименты опускаю, сил нет. Я про другое... На что вам математика? Все равно будет война, не доучитесь. На фронт пойдете, жалко... У вас талант. Вам в контрразведку нужно... Чинов у нас, правда, не выслужишь. Наград тоже. Вам его превосходительство что сказал?

— «Отменная работа, господин Романов, — нагнув голову и набывчившись, передразнил Алеша генерала. — Отрадно наблюдать в столь молодом человеке м-м-м столько самоотверженности и патриотизма. Благодарю от имени отечества. Далеко пойдете». Лобызать не лобызал, но руку тряс долго.

Козловский беззвучно рассмеялся — уже неплохо.

— А мне сказал: «Сами знаете, на нашей службе боевых орденов не дают, а на статский орден вы сами не согласитесь». Хитрит, bestия. Так и не доложил наверх о похищении плана... Побоялся, что голову оторвут... За плохую работу контрразведки... Наплевать. Главное, что немцам достался кукиш.

Это неромантическое слово было последним, что услышал Алеша из уст товарища.

В палату вошел профессор, санитары вкатили тележку. Какой-то господин в очках сразу закрыл князю лицо марлей, от которой сильно несло хлороформом.

И повезли Рюриковича на ристалище Жизни со Смертью.

— Вам, юноша, тут торчать незачем, — строго сказал профессор перед уходом. — Поверьте моему опыту, нервозность близких передается оперируемому. Что это вы тут всхлипываете? Подите в синематограф, выпейте вина, погуляйте с барышней. Если пациент вам дорог, источайте joie de vivre.^[23] Это его поддержит лучше рыданий.

А у выхода из госпиталя Алеше вручили пакет от князя. Там лежал ключ от автомобиля и коротенькая записка:

«Мне нескоро понадобится. Катайтесь».

Вот Романов и послушался профессора, отправился источать радость жизни.

То самое место

— Вон оно, то самое место! — показал он на поле и на жавшуюся к опушке лачугу. — Там все и случилось.

Машину пришлось оставить на дороге. Шли по хрустящей под ногами стерне, взявшись за руки. Алеша по второму разу — что называется, со всей наглядностью — живописал величественные и страшные события позавчерашней ночи.

— ...Пью вино, а сам думаю: вот сейчас вся жизнь пролетит перед мысленным взором, в одно мгновение. Так во всех романах пишут. А она не пролетает... Оступение какое-то нашло... Да, я про самое главное забыл! Когда колебался, какой из стаканов взять, чуть было не схватил правый. В котором был яд!

Симочка ахнула.

— Но вдруг, будто наяву, увидел тебя, твое лицо — и как ударило:

«Бери левый!»

Студент не то чтобы врал, просто прибавлял и без того эффектной истории еще больше драматизма. Про букву «Л» и «Лешеньку» он, действительно, уже не помнил.

— Это моя любовь тебя спасла, — очень серьезно сказала девушка и побледнела — то ли от сопереживания рассказу, то ли испугалась вылетевшего слова, которым не шутят.

Последовали новые поцелуи. Гораздо более опасные, чем в автомобиле, потому что вокруг не было ни души, а рядом, в рискованной близости, благоухал стожок свежескошенной травы. Не расцепляя объятий влюбленные, словно в самозабвенном танце, сделали в том направлении шаг, другой, третий. Последние остатки благоразумия заставили Симочку прошептать:

— А куда делся этот немецкий капитан, потомок крестоносцев?

Алеша отстранился, помрачнел.

— Не знаю. Наши вчера тут все облазили, не нашли. Наверно, слуга его куда-нибудь унес и зарыл. Ты бы его видела, этого Тимо. Прямо как оруженосец при рыцаре.

С опаской поглядывая на стожок, чуть было не ставший роковым, преодолевшая минутную слабость Симочка развила маневр:

— Пойдем в хижину. Покажешь, как все это было.

Упрашивать его не пришлось.

— Я подглядывал отсюда, — стал показывать Алеша. — Холодно, дождь за шиворот, а у них там тепло, сухо. Вино, цыпленок, разносолы разные. Этот Зепп сидит с белой салфеткой, как на рауте.

— Прямо на полу? — спросила Сима шепотом, будто боялась спугнуть вражеского резидента.

— Нет, на стопке газет. Старых...

И что-то тут стряслось с Симиным обожателем. Он раскрыл рот, заморгал. Внезапно очень невежливо оттолкнул барышню и бросился внутрь.

Она смотрела и ничегошеньки не понимала.

Зачем он мечется из угла в угол? Почему роется в грязном кострище? Подобрал какой-то обгорелый клочок, поднес к самым глазам и вдруг упал на колени, прямо в золу. С ума, что ли, сошел?

У его превосходительства был файл-о-клок

В пять часов вечера, по английскому обычаю, господин начальник контрразведочного отделения устраивал себе маленький герас. Или, выражаясь по-английски, файв-о-клок: кофе со сливками, булочка, потом сигара.

В это священное время тревожить его превосходительство не позволялось никому. Даже если звонил черный телефон, прямая связь с генерал-квартирмейстером, начальником генштаба и министром, чаепитствующий трубки не снимал. Потому что служба службой, а здоровье важнее. Тридцатипятилетний опыт работы в исключительно нервных учреждениях научил генерала: нет таких срочных дел, которые не могут пять или десять минут обождать.

Только размешал сахар, только вдохнул божественный эфиопский аромат, вдруг в приемной что-то загрохотало, заверещал адъютант. Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет вбежал какой-то распаренный молодец, весь в скрипучей коже, с запыленным лицом, на котором розовели чистые круги вокруг глазниц. Генерал с трудом узнал в нем студента Романова.

— Ваше превосходительство! — закричал полоумный, стряхивая вцепившегося в плечо адъютанта. — Беда! Ужасное заблуждение!

Капитан Лазарев (мало того что из тех самых Лазаревых, но еще и отличный, исполнительный офицер) схватил мальчишку за локти и поволок обратно, шипя:

— Вы что, рехнулись?! Ваше превосходительство, я не виноват!

Уволакиваемый за порог студент выкрикнул:

— Папка у немцев!

— Что-о?! — взревел начальник, вскакивая и опрокидывая чашку. Кофе разлился на бумаги, на чудесную лакированную поверхность карельской березы. — Капитан, назад его! А сами за дверь! И никого, слышите? Ни-ко-го!

— Что вы несете?! — накинулся его превосходительство на Романова, едва они остались одни.

Молодой человек пролепетал:

— Они провели меня... Папка не сгорела!

— Вы бредите!

Генерал открыл сейф, кинул на стол коробку, в которой лежало несколько обгоревших кусочков желтого коленкора.

— Вот все, что осталось от папки! Агенты тщательно все проверили!

— Да папка-то, что папка... — Голос студента сорвался. — Он документы унес! А в папку сунул старые газеты!

— Какие газеты? Кто «он»?

— Тимо! А Зепп этот меня нарочно забалтывал! Я, помню, еще удивился, что это он представляться вздумал! Про предков своих, про крестоносцев. А это он время тянул! Чтоб помощник успел содержимое папки заменить!

Но генерал лишь таращил глаза, понимать отказывался. Пришлось рассказать о своем позоре детально, со всеми подробностями. Что не было никакого яда, в обоих таблетках был самый обычный аспирин. Что резидент сактерствовал, изображая мучительную смерть, а слуга ему подыграл. Что дурака-агента выпустили живым нарочно — дабы успокоил начальство: мол, план развертывания уничтожен. На самом же деле он целехонек и сейчас наверняка уже находится в Берлине.

Когда его превосходительство, наконец, уяснил всю кошмарность случившегося, ему стало плохо. Он рухнул в кресло, отодрал шитый позументами ворот. Лицо сделалось серым.

— План развертывания у немцев? Боже, Боже... Это катастрофа. Не отставка. Крепость... Нет, хуже...

Алеша лил из графина воду, чтобы спасти пожилого человека от сердечного приступа, но генерал вдруг вскочил, подбежал к нему и схватил за плечи.

— Господин Романов, Алексей э-э-э Парисович, голубчик! Теперь уж все равно... Не поправить, не изменить... Так вы бы уж... А? — Он оглянулся на дверь и понизил голос. — Сами ведь виноваты. И меня в заблуждение ввели. Ну что теперь поделаешь? Шум поднимать? Что это даст? Только себя и меня погубите. Следствие, суд, разрушенные судьбы. А ради чего?

— Как это «ради чего»? — вырвался из его цепких, как рыболовные крючки, пальцев Алеша. — Вы скрыть, что ли, хотите? Да ведь немцам наш план известен!

Начальник взмолился:

— Тише, что вы кричите! Ну, известен. И что? Кабы был смысл, я бы немедленно, не взирая на последствия, кинулся с рапортом. И будь что будет! — Он отчаянно рубанул воздух рукой. — Да только поздно! Зря погибну. Ни за что. Попусту.

— Как это попусту? — опешил Романов. — Можно же внести хоть какие-то поправки!

— Нельзя. — Его превосходительство доверительно зашептал. — Сообщаю вам под строжайшим секретом. Сегодня подписан высочайший указ о мобилизации. Гигантская машина заработала. Выдвигаются штабы, снаряжаются эшелоны, отгружается амуниция. Остановить или

перенаправить эти потоки невозможно, произойдет всеобщий паралич. Через 18 дней полмиллиона наших солдатшек войдут в Восточную Пруссию. Махина! Знают про это немцы или не знают — неважно. Поражения им не избежать. Наша с вами досадная неудача — мелочь, пустяк. Она ничего не изменит. А еще, юноша, я вам вот что скажу.

В выпуклых глазах начальника зажглись экстатические искорки, голос проникновенно завибрировал.

— В Бога надо верить, Алексей Парисович. Он Россию не оставит.

* * *

В августе-сентябре 1914 года Вторая армия генерала Самсонова, наносившая главный удар по Германии, была окружена и сгинула в Мазурских болотах.

Командующий застрелился.

Погиб цвет русской регулярной армии.

Бой слепого со зрячим закончился единственно возможным исходом.

Конец Первой Фильмы

МУКА РАЗБИТОГО СЕРДЦА

(Фильма вторая)

Подвиг вольноопределяющегося

В первый же день мобилизации студент Алексей Романов отправился на призывной пункт и записался добровольцем в действующую армию. Побудительным мотивом был не патриотизм, а самобичевание: смыть кровью ужасную вину за проваленную операцию. Еще лучше — пасть на поле брани, потому что в жилах одного человека не достанет крови, чтобы искупить ошибку такого масштаба.

Студентов на службу брали неохотно, армейское командование было уверено, что побьет тевтонов силами одной регулярной армии, однако Алеше повезло. В N-ском пехотном полку, формировавшемся из запасных Санкт-Петербургской губернии, был недокомплект писарей. Посему Романов получил погоны с витым шнурком и был зачислен в штаб оператором пишущих машин. Однако при «ундервуде» студент состоял недолго.

В первом же серьезном бою, у восточнопрусской мызы Блюменфельд, едва лишь батарея начала артподготовку, вольноопределяющийся сбежал на передовую линию. Он боялся только одного — что турнут обратно. Но офицеры были ему рады — и командир роты, и субалтерн Шольц, очень славный веснушчатый подпоручик одного с Алешей возраста. Пожали храбрецу руку, выдали винтовку, показали, как примкнуть штык.

Когда капитан заливисто дунул в свисток и отчаянным голосом крикнул «Ура, братцы! Вперед!», Алеша зачем-то посмотрел на часы (было ровно девять утра) и прыгнул из окопа на поле, будто в прорубь на Крещение.

Он неся огромными прыжками. Потом оглянулся, увидел, что здорово оторвался от роты, и стал бежать потише.

Спереди, со стороны кустарника, начали стрелять, воздух наполнился шипением и разбойничьим свистом. Это пули, понял Романов. Представил, как раскаленный кусок свинца попадает в живот, зажмурился и тоже стал орать «Ура-а-а!». Но кричать и бежать было трудно — не хватало дыхания. Глаза же и вовсе закрывать не следовало. Вольноопределяющийся споткнулся о торчащий из земли сук и упал, а когда поднялся, впереди

были сплошь спины в линялых гимнастерках.

Та-та-та-та-та! — с радостным ожесточением ударил пулемет. Вокруг все закричали, но не «Ура!», а «Мама!» или по-матерному. Все вдруг побежали гораздо медленнее. Многие стали падать. Кое-кто повернул назад. У этих, которые повернули и теперь оказались к Алеше лицом, были вытаращенные, остановившиеся глаза и разинутые рты.

Сплошная стена гимнастеров, заслонявшая поле, проредилась. Романов снова оказался впереди всех. Капитана не было видно, в свисток больше никто не дул. Зато Шольца студент увидел совсем близко. Подпоручик лежал ничком, отбросив руку в перчатке.

— Вы что, ребята, вы что?! — закричал Алеша бегущим.

Только в этот миг ему стало по-настоящему страшно. Если все побегут, то и ему придется. Тогда пуля попадет не в грудь, а в спину. Хороша будет смерть храбрых!

Он замахал винтовкой, повернув назад одну только голову.

— Ребята, вперед! Немножко осталось! Вон они, кусты!

«Совсем как Болконский при Аустерлице», мелькнуло в голове у Романова.

Только за князем Болконским солдаты побежали, а за Алешей никто. Он остался торчать посреди пустого пространства один.

Картинка 01

Вперед бежать было глупо, в плен попадешь. Назад — невыносимо.

Неизвестно, чем бы закончилась эта невозможная ситуация, если б не германская пуля, попавшая-таки в Алешу. Не в грудь и, слава Богу, не в спину. В руку.

Как будто кто-то с размаху ударил железным ломом пониже правого локтя. Было не столько больно, сколько горячо, и вся рука до плеча разом онемела. От толчка Романов крутанулся на месте, упал.

Понял: ранен. И опять зачем-то посмотрел на часы. Очевидно, сработала подсознательная реакция — ухватиться за нечто незыблемое и логическое в сошедшей с ума реальности.

Но оказывается, время тоже окоченело от ужаса. Циферблат показывал все те же девять часов. Атака не продлилась и одной минуты.

Неимоверное облегчение — вот чувство, с которым Алеша, пригнувшись, бежал назад. Винтовку волочил по траве за ремень. Немцы по раненому не стреляли.

Доковылял до окопа, упал на руки солдат и лишь тогда, опять-таки с

облегчением, лишился чувств.

С героями на германском фронте в эти мрачные сентябрьские дни было скудно. Бездарную атаку на пулеметы по открытому полю в рапорте представили как богатырский порыв. Раненого студента представили к унтер-офицерскому чину, наградили крестом, а еще поместили в газете Севзапфронта заметку «Подвиг вольноопределяющегося», которую потом перепечатали и в столицах.

Из публикации Романов узнал, что он с огнем в глазах и кличем «За Русь-матушку!», увлек роту в геройскую штыковую атаку после выбытия из строя всех офицеров. Про то, что рота не очень-то увлеклась, а до штыков вовсе не дошло, в статейке упомянуто не было.

Вопрос о том, смыл ли он вину кровью, для Алеши так и остался открытым. По правде говоря, ему было не до моральных терзаний — хватало физических. Восьмимиллиметровая пуля германского «машиненгевера» перебила кости предплечья. Измученный непрерывными операциями хирург поначалу хотел отчикать растерзанную конечность, потому что ампутация занимает пятнадцать минут, а, если вычищать осколки кости да сшивать сухожилия, это возни часа на два. Но узнал, что студент — и пожалел. Повезло Алеше, остался при руке.

Проку от нее, честно сказать, было мало. Одна мука. Рука двигаться не двигалась, но исторгала невероятное количество гноя и адски саднила, а обезболивающие уколы в отделении для нижних чинов делали лишь самым тяжелым. Чтобы не выть в голос, Романов распевал нудные, тягучие романсы Абазы. Тем и спасся.

У кровати бледного героя стали задерживаться сестрички милосердия. Слушали с затуманенным взором, вздыхали, иные и плакали. Одна повязку не в очередь сменит, другая лоб уксусом протрет, а некая Машенька даже потихоньку таскала из операционной шприцы с морфием. Так Алеша и пережил первые три недели, потом стало легче. Лихорадка спала, боли прошли.

В госпиталь приехал генерал, прицепил герою прямо на пижаму сияющий солдатский «Георгий». Алеша спел на Покровском концерте, после чего был перемещен в офицерскую палату. Жизнь понемногу вновь обретала краски.

Но были и поводы для огорчения, числом два.

Во-первых, не слушалась рука. Кисть еще так-сяк шевелилась, а пальцы ни в какую, и старший ординатор на вопрос о перспективах лишь качал головой. Было очень похоже, что ни водить авто, ни играть на фортепьяно студенту Романову больше не доведется.

Меньшее (но тоже нешуточное) огорчение возникло из-за милосердной Машеньки. Как известно, в женском сердце от милосердия до любви дистанция самая крохотная. А девушка была смелая, с характером — даром что ли на войну ушла — и повела себя на манер пушкинской героини, то есть своих чувств скрывать не стала.

В случаях, когда нужно ответить на страстное признание отказом, мужчине приходится куда труднее, чем женщине. Обычаи и привычки общества таковы, что, оказавшись в положении Иосифа Прекрасного, бегущего ласк жены Потифара, молодой человек выглядит довольно комично и даже жалко. Особенно если тут еще примешивается долг живейшей благодарности и симпатия, ибо Машенька была, хоть не красавица, но очень и очень мила.

В конце концов обошлось. Алеша поступил немножко жестоко, но честно: рассказал про Симу, и Машенька, благородная душа, поняла. Даже предложила, что будет под Алешину диктовку писать счастливой сопернице письма, однако это было бы уже чересчур.

После ранения Романов невесте ни разу не написал, да и от нее весточек не было. Последнее неудивительно, поскольку госпиталь несколько раз переезжал с места на место. Сам же он не мог держать перо, а потом, когда кое-как обучился карябать левой, подумал, что эффективнее будет заявиться лично. Наверняка Сима читала про геройство вольноопределяющегося в газете, места себе от тревоги не находит. Тут-то он и объявится: с крестом, с лычками, с рукой на черном платке.

Через восемь недель после ранения младший унтер-офицер А. П. Романов был выписан в бессрочный отпуск и отбыл в Санкт-Петербург.

При трогательном расставании получил от Машеньки закапанную слезами инструкцию с рисуночками (как разрабатывать руку, чтоб не сохла) и маленький каучуковый мячик — тренировать пальцы.

Фронтовая карьера добровольца была закончена.

Возвращение героя

Однажды ноябрьскими сумерками на крыльцо маленького, знававшего лучшие времена особнячка у Невской заставы поднялся увечный защитник отечества в накинутах на плечи шинели. Встал перед медным колокольчиком, но позвонил в него не сразу, а минут через пять.

Сначала поставил чемоданчик и продел левую руку в рукав, правое же

плечо шинели отвел подальше, чтоб было видно черную перевязь. Подумав немного, раскрыл пошире и левый отворот — там блеснул георгиевский крест. Поправил фуражку. Посмотрелся в маленькое зеркальце и, кажется, остался собою доволен. Взволнованное лицо просияло улыбкой.

Не может быть, чтобы Симочка долго сердилась на раненого героя. Ну да, ушел на фронт не попрощавшись, написал уже из эшелона. И после ранения не давал о себе знать. Но ведь не к цыганам на острова ездил — Родину защищал. И вернулся со щитом. То есть, собственно, даже на щите. Если учитывать тяжкое ранение.

Главное ни в коем случае не оправдываться. Просто сказать: «Любимая, это я». Или еще лучше: «Господи, как я по тебе соскучился».

Охваченный новым приступом волнения, он дернул за язычок. Колокольчик зазвонил громко и страстно.

Хорошо бы открыла не горничная, а сама Симочка. Но лучше горничная, чем матушка Антония Николаевна. Она Алеше никогда не симпатизировала.

— Глашка, звонят! Открой! — донесся откуда-то из глубин дома звучный мужской голос. — Глафира! Где она? Что за черт?

Точно такой же вопрос возник и у Алеши. Что за черт? Какой такой крикун распоряжается в доме Чегодаевых?

Послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась.

На пороге стоял усатый субъект в самом что ни на есть затрапезном виде. На волосах сеточка, на груди салфетка, одет в бархатную куртку, ноги в домашних туфлях. Судя по цвету канта на форменных брюках, офицер интендантского ведомства.

Увидев перед собой нижнего чина, непонятный человек рассердился:

— Что трезвонишь, болван? Для хамья есть черный ход! А расхристался-то! — Взгляд грозно упал на раскрытую шинель. Наверняка заметил и руку на перевязи, и крест, но не смягчился, а совсем наоборот. — Еще кавалер! Стыдно!

— Что за тон, милостивый государь! — вспыхнул Романов, благо наглец был не в кителе, а офицерских брюк раненый герой мог и не заметить.

Незнакомец услышал «милостивого государя», разглядел шнурок по краю погона и сменил тон:

— А, вольнопер, — снисходительно пробасил он. — Извиняюсь. Не разглядел. Вам кого?

У Алеши сжалось сердце. Съехали! Вот и горничная не злющая мымра Степанида, а какая-то неведомая Глашка.

— Як Серафиме Александровне Чегодаевой... Они что, тут больше не живут?

Офицер чуть нахмурился. Невежливо ответил вопросом на вопрос:

— Вы, собственно, кто?

— Романов, Алексей Парисович.

Вдруг Алешу осенило. Антония Николаевна рассказывала про какого-то своего двоюродного племянника.

— А вы, наверно, Симочкин кузен из Тулы? — заулыбался молодой человек. — Антония Николаевна говорила, что вы артиллерист. Наверно, перепутала. Знаете, женщинам всё едино...

— «Симочкин»? — повторил интендант голосом, который не предвещал ничего хорошего. — Однако... Я не кузен и в Туле отродясь не бывал. — Обернувшись, загадочный господин крикнул. — Лапусик! К тебе какой-то господин Рубанов!

— Романов, — смертельно побледнев, пролепетал Алеша.

Ему показалось, что в прихожей вдруг стало темно, а стены будто качнулись и стиснули коридор, который сделался похож на мрачное, бесприютное ущелье.

Но раскрылась белая дверь, из нее хлынул яркий электрический свет. В дверном проеме стояла Симочка в красном шелковом халате и папильотках.

Она увидела гостя, сразу всё поняла и схватилась за сердце.

— Ах! Алеша... То есть Алексей Парисович! — с удивительной быстротой поправилась она и, решительно сжав кулачки, заговорила быстро и твердо. Очевидно, не раз воображала себе эту сцену и была к ней готова. — Я хотела тебе... то есть вам написать, но... всё не могла собраться... Это Михаил Антонович. Мой муж. Мы только что вернулись из свадебного путешествия. Ездили на воды, в Кисловодск. Всего на неделю. На больший срок Мишеля не отпустили. Война, а он так нужен на службе! Вы, Алеша, наверное, к маме? А они со Степанидой переехали. Мишель снял им чудную квартиру на Литейном.

Картинка 02

Муж слушал и наливался опасным багрянцем. Кажется, басне про маму не поверил.

— Ах, милый, это же Алексей Романов! Я тебе рассказывала! — всё быстрее тараторила Сима, теребя своего Мишеля пальчиками за рукав. — Ну, которому мама так покровительствовала. У него еще баритон. Неужели

не помнишь?

Она говорила что-то еще, но бедный, раздавленный Алеша уже не слушал. Он опустил глаза, чтобы не видеть раскрасневшегося от вранья личика своей невесты. Взгляд упал на ее щиколотки, розовевшие в обрамлении туфель беличьего меха.

Сердце сжалось, в груди будто что-то хрустнуло.

Жизнь была кончена

Когда Мишель, сменив гнев на милость и даже выказав деликатность, вышел из коридора, Сима перешла на шепот, даже прижалась на миг. Губам стало горячо и влажно — то ли поцеловала, то ли слезой капнула. Алеша не разобрал, ибо пребывал в оцепенении.

Жизнь была кончена. В этот черный миг жалеть следовало только об одном — что германский пулемет не оборвал ее на поле у мызы Блюменфельд. Всё, что произошло позднее, два месяца боли и надежд, были ни к чему. Пустой перевод тепловой энергии, кислорода и дефицитного морфия.

Романов вспомнил блаженное ощущение неуязвимости и довольства, накатывавшее после каждого Машенькиного шприца. Вспомнил и саму Машеньку. Но морфий не может заменить реальность. Машенька не может заменить любовь.

Кончено, всё кончено.

Он шел по мокрой мостовой под мелким ноябрьским дождем. Вдоль тротуарных бровок густо лежали мертвые листья. Как тела в линялых гимнастерках на расстрелянном поле. Не повезло. Не повезло...

Когда первое потрясение ослабело, Алеша по математической привычке просчитал варианты решения.

В армию не возьмут. Кому он, однорукий, нужен? Комиссован вчистую.

Вернуться в университет? Невозможно. Какие могут быть лекции и экзамены после Блюменфельда? Какая к черту математика? Мир бессмысленно жесток, любая попытка его рационализировать, научно объяснить — подлость и шарлатанство.

Уехать к отцу в Сестрорецк? Там другая жена, другие дети. Не нужен им Алексей Романов, да и они ему не нужны.

Варианты были перебраны более для проформы. Разбитое сердце знало правильный ответ заранее. Он оказывался единственно верным.

Вчистую так вчистую. Отличное слово.

Грязь, слякоть, ноябрь, предательство, физическая и духовная мука пускай остаются здесь. Без нас.

Как? — спросил себя разом повеселевший Алеша.

Очень просто.

А «Капитал»-то на что?

Смертоносная книга

Марксов «Капитал» стоял на том же месте, только пылью покрылся — и то исключительно из-за почтительности горничной-чухонки, которая знала, что Алексей Парисович не одобряет, когда тряпка или щетка касаются его письменного стола или книжных полок.

Ирма Урховна была славная, на ее аккуратности и обстоятельности держался весь безалаберный дом дяди Жоржа. В тощие дни, когда старый оболтус спускал в карты все деньги, Ирма прибегала к крайнему средству — отпирала свой заветный сундучок, в котором хранились деньги, отложенные на похороны. Баба она была еще не старая, исключительно крепкого здоровья, но любила повторять: «Если сто, Ирма сама са себя плятит, перет лютми стыдно не путет». Потом, восстановив кредитоспособность, Георгий Степанович возвращал долг с лихвой. Лихва тоже откладывалась во имя грядущего скорбного торжества. Денег в сундучке, наверное, уже хватило бы на генеральские похороны с лакированным катафалком и духовым оркестром.

Дяди в городе не было. Он заделался видным деятелем патриотического движения, беспрестанно разъезжал по городам и весям, собирая зажигательными речами средства на военный заём.

Вернувшегося воина встретила одна горничная. Оросила слезами и всё повторяла «какой плёхой стал, коза да кости». Сбегала куда-то, принесла платок, на котором все эти дни вышивала ангелов. Они-то, по ее словам, и уберегли «Алёсеньку» от гибели.

Вот единственный человек, который меня ждал, с обидной для Ирмы горечью подумал Романов. Сухо спровадил добрую женщину за дверь и огляделся.

Как уже было сказано, в комнате студента всё осталось по-прежнему. Даже оброненная на пол коленкоровая тетрадошка лежала нетронутой, Ирма подметала пол вокруг нее, а саму писчебумажную принадлежность не потревожила. В тетрадошке наивный студент намеревался вести фронтовой

дневник, да позабыл взять из-за поспешности сборов.

Алеша поднял блокнот, вырвал страничку и злобно накалякал карандашом: «А ну вас всех!»

Еще раз обвел взглядом комнату, в которой прожил целых четыре года.

Пианино сверкало черным лаком, как будущий Ирмин катафалк. Играть на инструменте всё равно не пришлось бы. Разве можно тренировать пальцы каучуковым мячиком, если сердце в осколках?

На столе (маленькая садистская деталь) стояла в рамке фотокарточка улыбающейся Симы, супруги мордатого интенданта.

Да, женское сердце загадка. Но пускай ее разгадывают другие.

Без колебаний он снял с полки картонный книжный футляр. На нем было напечатано готическими буквами «Das Kapital», однако фолианта внутри не было. На первом курсе Алеша честно пытался освоить эпохальный труд германского ученого, но не преуспел. В картонке был спрятан пистолет «штейер-пипер», досадное напоминание об еще одном горьком фиаско.

На следующий день после памятной дуэли на брудершафт Романов наведалься в дачный лесок и отыскал выпавшую обойму. Ибо как без нее возвращать казенное оружие? Но сдавать пистолет не пришлось. Штабс-ротмистр Козловский лежал в госпитале, а тут нагрянула мобилизация. Отправляясь на фронт, Алеша спрятал оружие в такое место, куда ни дисциплинированная Ирма, ни равнодушный к ученым книгам дядя нипочем не полезли бы.

Расчет оказался верен.

На ладонь легла маленькая, совсем не тяжелая машинка, таившая в себе ответ на главный вопрос бытия: быть или не быть.

Ответ был таков: not to be.

Младший унтер-офицер N-ского пехотного полка — это вам не растяпа-студент. В рычажках и кнопках не запутается, магазина на пол не выронит. Одна беда — не так-то просто взвести затвор одной левой.

Яростно ругаясь шепотом, Романов сел поудобнее, зажал пистолет под мышкой. И чуть не всхлипнул от злости. Опять не вышло!

Эврика!

На краю стола в тусклом свете абажура блеснули маленькие тиски. Когда-то, в прежней жизни, у студента Алеши Романова было множество невинных увлечений. Пение. Футбол. Бокс. Выпиливание лобзиком. Самым полезным оказалось последнее.

Вот оно, решение задачи. Зажать кончик ствола, затвор дернуть левой рукой.

Алеша порывисто вскочил, и тут, как назло, раздалось: тук-тук-тук!

Кто там еще? Ирма в дверь никогда не стучит, это кажется ей неделикатным. Скребет ногтем и спрашивает: «Мозьно?»

Не откликаться, не открывать!

Всех к черту!

Дверная рукоятка качнулась. Створка скрипнула. Проклятье! От волнения он забыл запереться!

Алеша еле успел положить «пипер» на стол и прикрыть батистовым платком, сплошь расшитым ангелочками.

Явление Ангела-Спасителя

Высокая, плечистая фигура, вдоль и поперек перехваченная скрипучими ремнями, заняла собою весь проем.

— Ну-ка, ну-ка, покажитесь! Что это вы в сумерках? Где тут выключатель? — Вспыхнула люстра, и штабс-ротмистр Козловский предстал перед бывшим соратником во всей гвардейской красе: румяный, здоровый, с победительно торчащими усами. — Лычки, боевой крест! Герой! Я вас, Романов, обыскался. Хотел из полка вытребовать — говорят, в госпитале. Я в госпиталь — выписан. Ну, я сюда, по старой памяти. И застал! Повезло! Как рука? — заботливо нахмурился князь, обнимая Алешу только с одной, левой стороны. — Срослась?

Постная физиономия могла вызвать ненужные расспросы, поэтому Романов изо всех сил растянул губы в улыбке.

— Здравствуйте, Лавр Константинович. Кости-то ничего, вот сухожилия... Пальцы не слушаются.

— Э, голуба, мячик жать надо, гуттаперчевый, я вам подарю.

Козловский сел на стул, положил фуражку прямо рядом с ненадежно замаскированным пистолетом.

— Мячик есть. Вы сами-то как? Поправились? — поспешно спросил Алеша, заходя с другой стороны, чтобы собеседник повернул к нему голову.

— Здоровей прежнего. — Князь с любопытством разглядывал молодого человека. — Дыра в кишках — ерунда, зарастает в два счета, это вам не сухожилие. Доктора говорят, мне теперь коньяку нельзя, плохо будет. Но это они врут, я проверял. Очень даже хорошо. Читал в газете про ваш подвиг. Герой! А почему лицо кислое? В чем дело?

Картинка 03

Контрразведчик есть контрразведчик, перед таким притворяться бессмысленно.

Убрав с лица фальшивую улыбку, Романов небрежно обронил:

— Так... Невеста замуж вышла. В смысле, за другого... Трех месяцев не прождала.

— Та, блондиночка? — кивнул штабс-ротмистр. — Ну и черт с ней. На что вам невеста, которая ждать не умеет? А не дай Бог, женились бы? Еще хуже бы вышло. Радоваться надо, что спас Господь.

Он хлопнул Алешу по здоровому плечу и подмигнул:

— Будет вам. Что нос повесили? Не стреляться же из-за дуры! — Еще и засмеялся, солдафон. — Сейчас такие времена, найдется, кому в нас пострелять.

Он подождал, не скажет ли что-нибудь на это собеседник. Не дождался. Тогда прищурился и сменил тон с веселого на деловитый.

— Его превосходительство помните? Кофе с булочкой? Погнали к черту. Он и в мирное-то время был не орел, а как война началась, вовсе потерялся. Отправлен назад, в полицию. Бдить за марксистами. — Штабс-ротмистр покосился на футляр от «Дас Капитала» и наморщил нос. — Ну туда ему и дорога. А у нас новый шеф, генерал Жуковский. Толковый, одно удовольствие служить. Причем разведку и контрразведку решено объединить под общим руководством. Так что все вместе работаем.

Алеша ахал, двигал бровями, вставлял односложные слова — в общем, изображал заинтересованность. Нужно было дотерпеть, дождаться, пока старый знакомец уйдет.

Но князь, похоже, никуда не торопился. Закурил папиросу, откинулся назад, пристроил хромую ногу поудобнее.

— А я к вам по делу. Вы мне очень нужны. Сколько времени на поиски потратил!

По какому еще делу, тоскливо подумалось без пяти минут самоубийце. Долго ты меня мучить будешь, дьявол колченогий? Изыди!

— Хотите Родине пользу принести? — интригующим тоном спросил Козловский. — Гораздо большую, чем в окопе?

— С окопами всё. — Романов кивнул на раненую руку. — Комиссован вчистую.

— Тем более! Тут такое дело... — Штабс-ротмистр весь подался в Алешину сторону и понизил голос. — Шерлок Холмс, Монте-Кристо и Нат Пинкертон в одной шкатулке. Я сразу про вас вспомнил. Во-первых,

отлично на том деле поработали...

Алеша скривился — воспоминание было не из приятных.

— ...А во-вторых, у вас, сколько я помню, хороший тенор?

— Баритон.

— Неважно. Талант в землю зарывать — грех. Готовы послужить отечеству, георгиевский кавалер?

— Готов, — вяло ответил кавалер.

А что было отвечать: «Не готов, я покидаю ваше отечество ради Отечества Небесного»? При чем тут талант и баритон, даже спрашивать не стал. Неинтересно.

— Вы извините, Лавр Константинович, рука что-то разнылась... Давайте после поговорим.

Но от штабс-ротмистра так просто было не отвязаться.

Он поднялся, потянул молодого человека за локоть из комнаты.

В прихожей накинул ему на плечи шинель, нахлобучил фуражку.

— А раз готовы, так едемте. Время дорого. Такое расскажу — враз о ране позабудете.

От этакого напора Романов опешил, да и не в том он сейчас был состоянии, чтобы отбиваться. Бубнил что-то про усталость, про руку, но князь не слушал.

Уже на лестнице Козловский хлопнул себя по лбу, рассмеялся.

— Вас-то одел, а сам с непокрытой головой. Я сейчас!

Быстро проковылял назад в комнату, взял со стола забытую фуражку. Потом, воровато оглянувшись, приподнял платок. Поцокал языком.

Вынув из пистолета обойму, князь спрятал ее в карман и снова прикрыл оружие батистом.

У генерала Жуковского

Лобастый, коротко стриженный человек поднял голову от бумаг, посмотрел на вошедших в кабинет и коротко кивнул.

— А, Козловский. Отыскали своего певца?

Голубые, немного навывкате глаза неторопливо оглядели унтер-офицера. Массивная нижняя челюсть подвигалась вправо-влево, будто пробовала молодого человека на вкус.

Бульдог в пенсне, подумал Алеша, не отводя взгляда. Для человека, готового переступить порог смерти, есть лишь одно начальство — Господь Бог. Да и того, может, не существует. Скоро выясним.

Две звездочки на погонах, вензель — генерал-майор свиты его величества. Белый мальтийский крестик — закончил Пажеский корпус. Круглый значок — это, кажется, академия Генштаба. Все эти атрибуты мирской суеты на человека с разбитым сердцем особенного впечатления не произвели.

— Так точно, ваше превосходительство! Кандидат в солисты! Фамилия Романов! Я докладывал! — отрапортовал штабс-ротмистр короткими молодецкими фразами.

Генерал встал, обошел стол и остановился в двух шагах от Алеши. И впрямь бульдог, обнюхивает, сказал себе тот, бестрепетно снося инспекцию. Какой кандидат? В какие солисты?

— Видом недурен, — объявил приговор Жуковский и спросил — непонятно, Алешу или князя. — Работать готов?

Романов не ответил. За него это сделал Козловский:

— Счастлив, ваше превосходительство!

Лицо генерала помягчело, бульдожьи брыли расплзлись в улыбке. Начальник разведочно-контрразведочного управления крепко пожал Алеше левую руку.

— Ну, как говорится, добро пожаловать на корабль. — Голос у него стал веселый, бодрый. — Паруса подняты, команда в сборе, ждали только вас. Плавание предстоит увлекательное и опасное. Вы как, опасностей не боитесь? — осведомился генерал, усмешкой давая понять, что вопрос риторический.

— Нет, — безо всякой бравады, совершенно искренне ответил Алеша. Хотел добавить «ваше превосходительство», как положено по уставу, но поленился.

Вряд ли существуют вояжи более опасные, чем тот, в который он собрался отправиться при помощи «штейер-пипера».

Картинка 04

А все же слабое любопытство шевельнулось.

Немногословие вольноопределяющегося начальнику, похоже, импонировало.

— Ну так садитесь. Оба! — прикрикнул Жуковский на замешкавшегося князя, который не смел опускаться на стул, пока командир стоит. — Ничего, я разомнусь. Задницу отсидел. А вы, Романов, слушайте и вникайте.

Это было странно. Младший унтер-офицер сидит, а генерал-майор

свиты его величества расхаживает перед ним взад-вперед и рассказывает, рассказывает. Сам! Хотя мог поручить штабс-ротмистру. Оказалось, что в Алешиной душе кроме любопытства жива еще одна эмоция: он чувствовал себя польщенным.

— В итальянской части Швейцарии, в курортном городке Сан-Плацидо, это на Луганском озере, существует одна необычайная фирма, — с видимым удовольствием, как-то очень вкусно начал Жуковский. — То есть по внешней видимости фирма как раз самая обычная. Название скучное: экспортно-импортная компания «Зоммер унд Зоммер». В каком смысле «унд», не знаю, поскольку Зоммер там всего один. Должно быть, в аллегорическом — намек на двуликого Януса. Нас, однако, интересуют не аллегии, а товар, которым очень успешно торгует господин Зоммер. Среди специалистов его предприятие принято именовать «Шпионской биржей». Это и в самом деле род биржи.

Но продают там не акции, а самые разнообразные секреты. По случаю войны в основном шпионские сведения. Лавр Константинович, покажите-ка юноше нашего коммерсанта...

Козловский встал, дохромал до шкафа и взял с полки весьма пухлую папку.

— Вот он, сокол ясный... В авто... Со стройной брюнеткой... С пышной блондинкой... С мулаткой. Хороша, да?

Немолодой и, на Алешин взгляд, очень непривлекательный господин с маленькими глазками и мясистым ртом почти на всех фотографиях был запечатлен в обществе писаных красавиц. Снимки, правда, были неважного качества. Одни темные, другие светлые, третьи смазанные. Тайная съемка, догадался Романов.

— Президент «биржи» — большой ценитель прекрасного пола. Но это нам, увы, не поможет, — вздохнул генерал. — Французская разведка отлично использует агентов-женщин. У немцев это тоже заведено, а мы как-то не сподобились. По нашему русскому обыкновению всё чистоплюйничаем. Можно было бы дамочек в Охранном отделении одолжить, там практикуют. Но подготовка не та. Зоммер — это вам не эсер и не анархист. Господин в высшей степени прагматичный, осторожный. Чтoб с ним работать, нужна разведчица высокого полета. В Охранном таких не водится... Пока всё понятно? Спрашивайте сейчас. Чтoб потом не возвращаться.

Спросить, конечно, хотелось про интересное: что такое практикуют с «дамочками» в Охранном отделении? Но про это, вероятно, не следовало.

— Ваше превосходительство, а откуда у Зоммера берутся секреты,

которыми он торгует?

— О, это коммерческий гений. В своем роде. Президент «биржи» раньше всех понял, что самый дорогой на свете товар — тайны. У Зоммера сотни агентов и симпатизантов в высших кругах всего мира. Высматривают, вынюхивают, испытывают — и за комиссионные поставляют улов нашему биржевику, а он потом находит на товар клиента. Нередко бывает, что люди, вовсе не знакомые с Зоммером, но откуда-то узнавшие о «Шпионской бирже», выходят на нее сами. Эксперты проверяют подлинность сведений, владелец назначает цену. Иногда, если товар слишком дорог или специфичен, Зоммер выступает в роли маклера, извещает потенциального покупателя, которого эта поставка может заинтересовать. Случается и наоборот: клиенты делают Зоммеру заявку, а он кумекает, как выполнить заказ. Это стоит дороже. — Генерал рассказывал про тароватого швейцарца с улыбкой, в которой читалось чуть ли не восхищение. — Он, мерзавец, развратил множество профессиональных шпионов. Иные, особенно из числа некадровых, раскопав что-нибудь особенно важное, несут добычу не своему резиденту, а Зоммеру — тот больше заплатит... Вопрос? — прервался Жуковский, заметив, что вольноопределяющийся насупил брови.

— Ваше превосходительство, Зоммер что, работает против Антанты?

— Как вы могли такое подумать? Это честный коммерсант, придерживающийся строгого нейтралитета, — укоризненно развел руками начальник, и штабс-ротмистр, не сдержавшись, фыркнул. — Зоммер обслуживает обе стороны. Продал французскому генштабу германский морской радиошифр. Австрийцам — чертежи нового разведывательного аэроплана «Фарман F-22». Англичанам переуступил ценный источник в турецком МИДе. И так далее. Нашему военному агенту в Берне тоже предлагал свои услуги. Но к сожалению, в России ассигнования на разведочную деятельность слишком скудны. Тарифы «Шпионской биржи» нам не по карману. Поэтому его основные клиенты — Франция и Британия, а с той стороны — Австро-Венгрия и Германия. Мы лишь ходим кругами да облизываемся.

У генерала вырвался вздох искреннего сожаления, но долго унывать этот человек, по всей видимости, не привык. Он энергично тряхнул головой:

— Что ж, раз мы не можем использовать фирму «Зоммер унд Зоммер» в своих интересах, выход один: пресечь ее деятельность. Иначе расклад не в нашу пользу. В войне разведок мы оказываемся слабее всех.

Жуковский нахмурил лоб и надолго замолчал, над чем-то

задумавшись. Алеша понял, что сейчас не нужно вступать с вопросами. Нужно переждать.

— Вот, взгляните, — прошептал князь, протягивая фотокарточку, на которой Зоммер был запечатлен в каком-то ресторане, за одним столиком с подтянутым бритоголовым господином в австрийской форме. — Это он с майором Фекешем, специальным представителем австрийской разведки. Фекеш торчит в Сан-Плачидо безвылазно. Самый щедрый из клиентов Зоммера. Задрал цены до небес, даже его союзники-немцы недовольны.

— Что? — рассеянно обернулся генерал. — Прошу извинить, отвлекся. Всё ли пока ясно?

По-ученически подняв руку, Алеша спросил:

— Ваше превосходительство, а почему вы, ну то есть не вы лично, а наше министерство иностранных дел не пошлет ноту правительству Швейцарии. Так, мол и так, на вашей территории действует враждебная России шпионская организация, это является нарушением швейцарского нейтралитета и прочее подобное?

— Ноту послать, конечно, можно, — терпеливо объяснил Жуковский. — Но ведь Швейцария не Россия. Это у нас хватило бы запроса в Охранку, и прикрыли бы к черту любую фирму. А там начнется тягомотина: доказательства, адвокаты, судебная волокита. Зоммера так просто не ухватишь. Почтенный член общества, крупный налогоплательщик. Он для прикрытия ведет и легальную коммерческую деятельность — торгует экзотическими домашними растениями или чем-то в этом роде. Ботаник! Главное же...

Это было и так понятно — что его превосходительство сейчас заговорит о чем-то очень важном: он подошел к Алеше вплотную, наклонился и понизил голос, а князь Козловский умудрился в сидячем состоянии изобразить стойку «смирно».

— ...Перед нами другая задача. Эту лавочку мало прикрыть. Хорошо бы добыть знаменитую картотеку «Шпионской биржи». Там хранится самое ценное: имена и координаты информантов Зоммера по всем странам. Тех самых курочек, что несут ему золотые яйца. И к каждому источнику свой ключик. Мы знаем лишь одно: картотека спрятана на вилле Зоммера, в какой-то хитроумной потайной комнате, куда посторонним доступа нет. Дорого бы я заплатил, чтоб заглянуть в эту пещеру Аладдина! — мечтательно произнес Жуковский. — Теперь вам ясна вся важность операции?

Важность-то была ясна. Но при чем здесь Алексей Романов и его баритон?

Не дожидаясь вопроса, генерал кивнул:

— Вам, разумеется, хочется знать, зачем я раскрываю план секретнейшей операции постороннему человеку? Ну, во-первых, я доверяю Лавр Константиновичу, а он поручился, что вы человек чести и в любом случае будете молчать — даже если откажетесь...

Начальник снова умолк, испытующе глядя на молодого человека сверху вниз.

— ...Но я вижу, что вы не откажетесь. А потому расскажу вам всё без малейшей утайки. Итак, Швейцария — страна нейтральная, причем самых строгих правил. Взвод жандармов туда не пошлешь. Как быть? У Лавра Константиновича возникла оригинальная идея. Главная достопримечательность городка Сан-Плачидо — роскошная гостиница «Гранд-отель». Зоммер ужинает там почти всякий вечер. Из-за войны курорты Франции и Германии закрылись. Зато для швейцарских наступил истинный золотой век. Богатые люди непатриотического склада хлынули туда из европейских столиц, чтобы переждать тяжелые времена. Ну а швейцарцы и рады стараться. На гастроли в «Гранд-отель» приезжают артисты и музыканты с мировым именем, им ведь тоже сейчас несладко. А тут изысканная публика, превосходные гонорары... Вот князь и предложил: а не побаловать ли миллионеров русскими талантами? Не отправить ли в Сан-Плачидо под видом гастрوليрующей труппы маленький отряд агентов? Они проведут разведку на месте, проникнут на виллу Зоммера и захватят картотеку. — Жуковский азартно взмахнул рукой. — Идея превосходная. Наш сотрудник в Риме договорился с тенором Корнелини, у которого в «Гранд-отеле» через десять дней начинается ангажемент. В последний момент маэстро заболел и предложит на замену — с самыми лестными рекомендациями — русских артистов. Это стоило нам десять тысяч лир. Но далее возник вопрос. А кто будет обеспечивать прикрытие, то есть выступать? Мои сотрудники художественными талантами, увы, не блещут. Можно было бы попросить о помощи кого-нибудь из наших прославленных певцов, но все они в оперативном отношении люди не слишком надежные. Кто выпивает, кто нюхает кокаин, кто, пардон, глуп как пробка. Вот Лавр Константинович и вспомнил о вас. Проверены в деле, языки знаете. Если приодеть да причесать, будете недурны собой. Опять же у вас, говорят, голос. Ну-ка, спойте что-нибудь.

От неожиданности Алеша заморгал.

— Спойте, Алексей Парисович, не стесняйтесь, — ободряюще подмигнул Козловский.

— А что петь? Из классического репертуара? Романс? Народное что-

нибудь? Цыганское?

Жуковский дернул плечом — очевидно, он не принадлежал к числу меломанов:

— Неважно. Любую песенку. Что у вас в палате пели раненые? Я помню по русско-японской, когда сам в госпитале лежал. Каждый вечер перед сном выздоравливающие что-нибудь да пели. М-м-м... Про степь что-такое, еще про м-м-м... как это... — До невероятности фальшивым голосом его превосходительство завел: — «Меня все зна-ют, меня все лю-бят, мужчины-душки меня голу-бят. Зизи — красотка, Зизи — кокотка, плывет по жизни, как в море лодка!»

Штабс-ротмистр и унтер-офицер не сговариваясь сморщились. Тембр, каким генерал исполнял куплеты, в просторечии обычно именуют «козлетоном».

— Ну а у вас что пели выздоравливающие?

— Вам не понравится.

— Да пойте же! Я не гимназистка.

— Как прикажете.

Не без злорадства Алеша запел:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...

Начальник жестом остановил его.

— Знаю я эту песенку. Дрянь. Поете, однако, превосходно. Не хуже, чем этот, ну как его... Меня еще жена на концерт водила... Не вспомню. Молодец, вольноопределяющийся! Чувствуется школа. А «артисты», которых подобрали вы, Лавр Константинович, похожи на банду головорезов. И репертуар сомнительный. Солист у нас теперь есть. Нужно, чтобы остальная «труппа» его не скомпрометировала. В Сан-Плачидо вы будете иметь дело с очень неглупым противником. — Жуковский немножко подумал и объявил. — Знаете что, извольте-ка во всех художественных вопросах слушать унтер-офицера. Вы, Романов, целиком и полностью отвечаете за артистическое прикрытие операции. Произведете отбор талантов по собственному усмотрению. Ясно?

— Так точно, ваше превосходительство!
Алеша встал и вытянулся. И Козловский тоже вскочил.
Из тона, каким было произнесено это самое «Ясно?», следовало, что решение принято, разговор окончен.

Смотр талантов

Час спустя Романов сидел у штабс-ротмистра, готовясь к смотру отобранных для поездки агентов. Всё происходило так стремительно, что Алеша как-то забыл об оставшемся под салфеткой «штейер-пипере». Формального согласия унтер-офицера на участие в операции так никто и не спросил. Это вроде как само собой подразумевалось.

После выхода из генеральского кабинета Козловский ни на минуту не оставлял молодого человека одного, так что не было решительно никакой возможности собраться с мыслями. Князь отвел нового сотрудника в костюмную и велел подобрать для него цивильное. Накормил ужином в столовой. Сообщил кое-какие дополнительные сведения. А там уж пора было идти принимать экзамен — срочно истребованные к штабс-ротмистру таланты собрались и ждали в коридоре.

Князь немного нервничал за своих выдвиженцев.

— ... В смысле репертуара его превосходительство, конечно, прав, — говорил он. — Есть некоторые сомнения. Сам я буду при вас аккомпаниатором. В детстве меня много мучили игрой на фортепьяно. Матушка мечтала, что я пойду в консерваторию. Слава Богу, папаша отдал в корпус... Но как играть, помню. Меня в полку на праздниках всегда за пианино сажали. Могу и «Польку-бабочку», и «Кирасиры-молодцы». В сущности, если есть ноты, сыграю что угодно. — Лавр Константинович вдруг засмеялся. — Хорошая мы с вами будем парочка. Певец сухорукий, концертмейстер колченогий. Зато остальные участники труппы молодец к молодцу, сами увидите. Кого запустить первым?

— Кого угодно.

— Лютиков! — гаркнул Козловский, повернувшись к двери. И пояснил. — Это будет наш иллюзионист. Ну, или просто фокусник. Очень нужный для дела человек. Вы уж, Алексей Парисович, будьте к нему понисходительней.

В кабинет развалистой походкой вошел сутулый человек с неподвижным лицом, черты которого наверняка заинтересовали бы сторонника криминально-физиогномической теории Ламброзо.

Вместо приветствия подозрительный тип дернул углом рта в сторону штабс-ротмистра, а в Алешу всверлился жестким, как фреза, взглядом.

— Давай, — приказал князь, — показывай. Только о приветливой улыбке не забывай. Я тебе объяснял!

Губы Лютикова скривились в презрительной ухмылочке. Он извлек из кармана колоду карт и с невероятной ловкостью погонял ее разноцветной радугой из ладони в ладонь. Выудил первую попавшуюся — это оказался туз трэф. Скривился, порвал на мелкие кусочки. Снова перетасовал, снова вынул — туз трэф. Порвал. И так третий раз, четвертый.

— Покажите колоду, — сказал Алеша.

— Паж-алста.

Все тридцать шесть карт были на месте. Трефовый туз тоже.

Картинка 05

Лютиков перемешал колоду, не глядя выудил из нее злосчастного туза, предал лютой казни.

— Покажите теперь!

Ага, карт осталось тридцать пять!

— Туза нет, — констатировал Романов.

— Как это нет? Вон он он.

Иллюзионист извлек целого и невредимого повелителя трэф из Алешиного нагрудного кармана.

— Ну как? — спросил гордый за своего кандидата Козловский. — Правда молодец? Над улыбкой только надо еще поработать.

— Вашбродь, корму подымите, — попросил фокусник. — Со стула.

И вынул из-под штабс-ротмистра еще одного трефового туза. Потом из-под правого погона. Из-под левого. Из княжьего уха. Из-за воротника.

Сказал с растяжкой:

— Самая поганая карта. Никакой от нее жисти нет.

— Как вы это делаете? — заинтересовался Алеша.

Ответом ему была лишь снисходительная усмешечка.

— Филя — легендарный «медвежатник», — объяснил штабс-ротмистр, любовно глядя на Лютикова. — Любые сейфы, как орехи, щелкает. Как началась война, проникся патриотизмом, с уголовным прошлым покончил. Ты ведь в завязке, Лютиков?

— До победы над немцем — железно, — пообещал патриот.

С тяжелым вздохом Алеша развел руками:

— Ну, если нужен для дела, пускай будет. Пойдет как артист

оригинального жанра.

— Молодец, Лютиков! — Козловский просиял. — Зови сюда Гулыгу. Это, Алексей Парисович, «волкодав», мастер по захвату. Отобран в отряд, потому что здорово сочиняет комические куплеты. Имеет у сослуживцев большущий успех.

На смену уголовнику явился мелкий мужчинка с несоразмерно большими руками, в которых он держал кокетливую гармонику.

— Здравия желаю! Прикажете исполнять?

— Валяй! С душой, как умеешь!

Физиономия Гулыги вся пошла мелкими лучиками, один глаз хитро подмигнул.

— Й-эх!

У моей молодки
На бахче арбузы.
Чуть пониже подбородку,
Чуть повыше пуза!

Певец изобразил при помощи своего музыкального инструмента огромный бюст, и князь зашелся смехом. Отбивая каблуками подобие чечетки, Гулыга исполнил второй куплет, еще заковыристей предыдущего:

У моей голубки
Аж четыре губки.
Две для поцелуя,
Две для пользы ...общества!

Князь от хохота согнулся пополам, обессилено замахал рукой. Зато Алеша сидел мрачнее тучи и после первой же строки третьего куплета («У моей Аниськи...») прервал выступление:

— Спасибо, господин Гулыга. Можете идти. — А когда за кандидатом закрылась дверь, отрезал. — Нет, Лавр Константинович, для Швейцарии это не годится.

— Да? — Козловский был обескуражен. — А нашим всем нравится... По захвату у меня, впрочем, еще один кандидат есть. Эй! — крикнул он. — Давайте сюда Никашидзе!

Минуту спустя из коридора, грациозно покачивая бедрами, вошел

умопомрачительный франт: сверкающий пробор, усишки в ниточку, атласная жилетка, на пальце — огромный сверкающий камень, отчасти похожий на бриллиант.

— ...Джиуджицу знает, всеми видами оружия владеет. Особенно по холодному мастак, — дошептывал штабс-ротмистр.

— А что может для концертной программы? — строго спросил вошедший в роль экзаменатора Алеша.

— Покажи что умеешь, Никашидзе.

Брюнет сахарно улыбнулся, зачем-то расстегнул модный широкий пиджак.

— Ничего, если попорчу-с? — кивнул он на черную, школьного вида доску, где была прикреплена большая фотокарточка какого-то бородатого господина, а внизу мелом написано: «Капитан Отто Зингер, он же Лейбович, он же Лошадников».

Взмахом руки князь показал: можно.

Быстрым движением агент откинул полу пиджака. Блеснули какие-то металлические полосы — Романов даже не успел их разглядеть. Несколькими бросками, до того стремительными, что у Алеши замелькало в глазах, Никашидзе кинул один за другим четыре ножа, которые вонзились в снимок по периметру лица, оставив его нетронутым.

Подержав многозначительную паузу, Алеша обронил:

— Ну, предположим. Хорошо бы еще какую-нибудь барышню беззащитной внешности — в качестве мишени. Тоненькую блондинку с кудряшками. Чтоб публика охала.

Штабс-ротмистр виновато развел руками:

— У нас барышень нет, и уж особенно — беззащитной внешности. Может, на месте найдем какую-нибудь. Ты как думаешь, Георгий?

— Зачем найдем? Добровольно пойдет-с. Не извольте беспокоиться, ваше благородие.

Картинка 06

Кавказец пригладил завиток на виске, самодовольно улыбнулся.

— Что ты ходок знаменитый, мне известно, но как ты с иностранкой объяснишься?

— Обижаете, ваше благородие. Мне хоть эфиопку — всё одно-с. У Георгия Никашидзе осечек не бывает.

— Ладно, принят. Зови Булошникова. Это, Алексей Парисович, на ампула силача. Наш Илья Муромец. Что-нибудь взломать, поднять,

вышибить. Не человек — паровоз. Десять пудов на плечах выносит. Картотека, надо полагать, тяжеленька.

Очень большой человек, задевший дверной косяк сразу обоими плечами, сказал неожиданно тонким, бабьим голосишком:

— Здравия желаю.

Лицо у него было круглое, пухлое, с розовой, как у младенца, кожей. Фигура, как у куклы-матрешки. Кисть руки — безволосая, толстая и короткопалая — напоминала раздутое молоком вымя.

— Не годится, — сразу отрезал Романов. — Для гарнира к основному номеру довольно метания ножей и карточных фокусов. Силач — явный перебор. Это же не цирк, а отель высокого класса. И, воля ваша, Лавр Константинович, но без артисток как-то странно. Подозрительно.

— Откуда я, милый вы мой, возьму женщин? В штате разведки их нет, в контрразведке тем более. Уйди! — опечаленно махнул князь толстяку. — Не проходишь.

— Ваше благородие, Лавр Константинович! — фальцетом взмолился Булошников. — Всю жизнь мечтал за границу попасть. Возьмите, ну ради Христа, а?

— Да как я тебя возьму, болван, если ты ничего художественного представлять не умеешь?

Илья Муромец закручинился, повесил голову.

— Эх, раньше я русские песни пел, под балалайку. Даже на свадьбы приглашали...

Сочувственно вздохнув, князь шепотом объяснил:

— Это он весной в ледяной воде сидел, за шведом одним слежку вел. Получил медаль за героизм, но застудил себе напрочь всё, что только можно.

— Грех вам, — продолжал жаловаться инвалид. — Живу, как Иов многострадальный. Борода расти перестала. Жена ушла. Всем ради отечества пожертвовал... — Вдруг в маленьких, но по-младенчески ясных глазках Булошникова блеснула надежда. — А хотите, дишкантом спою? Давеча попробовал — вроде получается.

Он подбоченился одной ручищей, другую округлил и выставил вперед, запел тонким, довольно сильным голосом: «Выйду ль я на реченьку, погляжу на быструю. Унеси ты мое горе, быстра реченька с собой».

Картинка 07

Дослушав до конца, Алеша засмеялся:

— Да это не дискант, это настоящее сопрано.

Иностранного слова Булошников не понял, но одобрительную интонацию уловил и плаксиво заныл:

— Возьмите меня, ваше благородие! Я горы альпийские на открытке видел — красотища! Страсть как повидать хочется!

— Извини, Вася. Видно, не судьба.

Лавр Константинович подошел к бедняге, потрепал по плечу, даже полуобнял, для чего пришлось подняться на носки.

Будто к мамкиной груди припал, подумал Алеша. Тут-то ему и пришла в голову идея.

— Погодите-ка, погодите... — медленно сказал он.

Швейцария. Сан-Плачидо

В Европе полным-полно старых отелей, про которые обычно говорят: «ах, это заведение знавало лучшие времена!» Каких-нибудь полгода назад то же мнение высказывали и по поводу «Гранд-отеля» в Сан-Плачидо.

Эта гостиница помпезной, тортообразной архитектуры пережила пик моды тому лет тридцать, когда здесь любила останавливаться немолодая, но все еще прекрасная вдова императора Луи-Наполеона. Потом вкусы изысканной публики переменились, и отель стал обителью тихого семейного отдыха миланских и венских буржуа средней руки. Но едва континент затянуло пороховым дымом, для гостиницы, как и для прочих швейцарских курортов, настал истинный ренессанс. Номера подорожали втрое, но их все равно не хватало. Из Парижа прибыли два первоклассных шеф-повара, не пожелавшие попадать под призыв. На сцене выступали мировые знаменитости, развлекая взыскательных постояльцев. Среди последних было особенно много американских миллионеров, очень недовольных тем, что Старый Свет ни с того ни с сего сошел с ума и лишил приличных людей возможности отдыхать на Лазурном берегу, в Биаррице или Баден-Бадене.

Чудесным ноябрьским утром, в самый разгар бархатного сезона, на подъездную аллею «Гранд-отеля», шурша гравием, въехал длинный «делонэ-бельвилль» и остановился у парадного входа, прямо напротив огромной афиши, где был изображен усатый красавец в казачьей черкеске. Объявление на трех языках (итальянском, французском и немецком) извещало:

Лакей с поклоном открыл вторую справа, так называемую «парадную», дверцу автомобиля, и оттуда вышел красивый молодой человек в роскошном пальто — легкого сукна, но с пышным собольим воротником. Конец алого кашне с обдуманной небрежностью был перекинут через плечо, белоснежные гамаши посверкивали перламутровыми пуговками. Очень эффектно смотрелась рука на черной шелковой перевязи. Пальцы в лайковой перчатке беспрестанно мяли каучуковый мячик.

На веранде, где полдничала публика, моментально стало известно, что это и есть петербургская знаменитость. Дамам певец ужасно понравился, к тому же от стола к столу жужжащим шмелем пролетел невесть откуда взявшийся слух, что он царского рода, ибо в России *Романов* — фамилия очень редкая и простой человек носить такую не может.

Картинка 08

Если дамы главным образом засматривались на августейшую звезду Санкт-Петербургской оперы, то благосклонное внимание кельнерш и горничных привлек интересный брюнет, соскочивший с подножки третьего, «свитского» ряда сидений. Девушки из прислуги сочли, что он одет еще шикарней солиста, а кроме того брюнет успел в одну минуту перемигнуться по меньшей мере с шестью из них.

Вокруг суетился, распоряжаясь разгрузкой чемоданов, хромоногий господин с таракаными усами. Наблюдатели сначала предположили, что это импресарио, но судя по куцему пиджаку и обтрепанным брючкам, то была какая-то мелкая сошка.

На угрюмого субъекта в наглухо застегнутом макинтоше особенного внимания не обратили. Зато сугубый интерес мужской половины вызвала монументальная дама в шляпе с огромными страусовыми перьями. Тяжело ступив внушительной ногой на землю, она обвела взглядом озеро, горы и воскликнула тонким голоском:

— *Gospodi, krasota-to kakaya!*

Старший портье тараторил по-французски с итальянским акцентом:

— У мсье солиста номер-люкс с балконом в бельэтаже. У госпожи певицы номер на шестом, с ванной.

Остальным господам отведены три комнаты в чердачном этаже.

— Акакий Акакиевич, осторожнее, это очень хрупкая шляпка! — сердито крикнула госпожа Василиса хромому, который вынимал из

багажника круглую коробку. — Дайте сюда, болван! — И, перейдя на шепот, спросила. — Ваше благородие, можно хоть у себя в комнате по-человечески ходить?

— Я тебе похожу, — тоже шепотом ответил Козловский. — Только в пеньюаре! Терпи, Василий, сам вызвался.

Потом подошел к каждому и тихо приказал:

— Час на обустройство. Потом все ко мне, на инструктаж.

На озере

По гладкой, как каминная доска, поверхности Луганского озера скользила прогулочная лодка, в которой с комфортом расположилась праздная компания. На носу в романтическом одиночестве, сидел Алексей Романов. «Концертмейстер Акакий Акакиевич» скромно примостился на дне. Гребли Никашидзе и Лютиков, а на корме, одной рукой держа руль, другой кружевной зонтик, сидел Булошников и распевал народную песню «Мы на лодочке катались золотистой, золотой».

Картинка 09

— Вот она, — кивнул штабс-ротмистр в сторону берега. — Только не все разом головы поворачивайте.

На скале, прямо над обрывом, нависла прелестная вилла в псевдоготическом стиле. С обеих сторон от нее росли деревья, дальше виднелся срез высокой стены, обрывавшейся на самой кромке.

— Нет, отсюда тоже не подберешься. Черт!

Козловский сердито швырнул за борт окурок папиросы.

Итоги рекогносцировки выглядели неутешительно, полностью подтверждая агентурные данные.

Вилла Зоммера представляла собой настоящую цитадель.

Со стороны озера ее надежно прикрывал обрыв. С суши вилла была окружена двухсаженной стеной. В саду постоянно дежурили двое часовых — очень бдительных. Еще четверо охранников в самом доме. И это не считая шестерки телохранителей, повсюду сопровождавших президента «Шпионской биржи».

— «Ты правишь в открытое море, где с бурей не справиться нам! В такую лихую погоду нельзя доверяться волнам!» — развивал водную тематику Булошников следующей песней.

— Побереги голос, дура! Вечером выступление, — раздраженно прикрикнул на сотрудника князь.

Лодка сбавила ход под самой кручей. Алеша задрал голову, присвистнул. Эркер виллы торчал высоко вверх, похожий на бастион неприступной крепости.

— Да, с воды не подступишься. Что будем делать, Лавр Константинович?

— Искать решение. Это уж моя забота. — Штабс-ротмистр нервно дернул усом. — Ваше дело, Романов, обеспечивать качественное прикрытие. Чтоб на концерте овации были, ясно?

И овации были!

После первого выступления (на языке артистов — *аппетизанта*, то есть номера, призванного разжечь у публики аппетит) «Алекса Романов» не отпускали целых пять минут.

А ведь когда распорядитель концерта, объявлял нового певца, в ответ раздались вялые, почти сразу оборвавшиеся хлопки...

Конферансье синьор Лоди провозгласил:

— Первое выступление наших гостей из снежной России! Синьор Романов, из настоящих петербургских казаков. Попросим!

Пока еще немногочисленная публика (время было раннее) жиденько поаплодировала. К роялю сел принаряженный Козловский. Вышел Алеша в папаше и белой черкеске с серебряными газырями. Спел для разогрева «Ночь тиха, под луной тихо плещет волна» — и сразу, без перерыва, выдал «Una furtiva lacrima» Доницетти, свою коронную арию.

Тут-то слушатели и взорвались криками «браво!» «анкора!», аплодисментами. На этот аппетитный шум в ресторан потянулись новые клиенты, но солист с поклоном удалился, а конферансье объявил, что выступление русских артистов начнется через час, когда почтеннейшая публика закончит трапезу и перейдет к напиткам.

Сойдя со сцены, штабс-ротмистр обнял и расцеловал певца, что было, конечно, лестно, но физически не очень приятно, ибо князь от волнения сильно вспотел.

— Вы бы, Лавр Константинович, лучше за нотами повнимательней следили. Привираете.

— Ерунда! Буду играть потише, а вы громче пойте.

В первый вечер отдуваться за всю труппу предстояло лишь певцам. У

Лютикова и Никашидзе было особое задание.

Баритон и аккомпаниатор остались за кулисами, наблюдая через щель в занавесе, как наполняется зал. К восьми часам не осталось почти ни одного пустого столика, а те, куда никто не сел, были зарезервированы.

— Наши друзья-австрияки пожаловали, — хищно прошептал Козловский, показывая на двух мужчин с военной выправкой. Они сели к одному из заказанных столов и одинаковым, заученным движением обвели глазами зал. — Усатый — майор Фекеш. Рыжий — его помощник, обер-лейтенант Воячек.

Два столика по соседству оставались незанятыми. Конферансье сладчайшим голосом продекламировал:

— На сцене несравненная Клара Нинетти! Ученица великой Айседоры!

Судя по тому, как охотно повернула головы вся мужская часть аудитории, номер пользовался успехом.

Заиграла тихая, странноватая музыка, в зале негромко, но энтузиастически захлопали.

Обернувшись назад, Алеша увидел готовящуюся к выходу девушку, которой минуту назад за кулисами не было. Тоненькая, с коротко стриженными и очень гладкими, будто приклеенными к голове волосами, она скинула длинную газовую накидку, и Романов не поверил своим глазам. На девушке не было ничего кроме легчайшей античной туники, едва прикрывавшей колени! Чулков, и тех не было! Скинув бархатные туфельки, барышня быстро растерла маленькие ступни. Выпрямилась, взмахнула стройной ножкой. Алеша сглотнул. Танцовщица мельком скользнула по нему большими, круглыми, как у куклы глазами, поцеловала висящий на шее крестик и невесомо, будто ступая по облаку, выбежала на сцену.

Судя по восторженным крикам, поклонников у мадемуазель Нинетти было предостаточно.

Ее танец показался Алеше удивительным, ни на что не похожим. Он слышал о «свободном танце», но не видел выступлений Айседоры Дункан, когда та гастролировала в Петербурге, и теперь был совершенно потрясен.

Какая свобода, какая смелость движений, сколько непосредственности, сколько чувства — и сколько чувственности. Неудивительно, что почти все женщины в зале морщились, а почти все мужчины не сводили глаз с этого ожившего лучика света. Впрочем, у луча света не бывает стройных ножек и прелестных плеч, обнажавшихся при каждом воздевании рук. Когда же Клара завертелась в стремительном фуэте, полы туники приподнялись, и по ресторану прокатилось подобие коллективного вздоха.

Алешу толкнули в бок.

— А? — рассеянно спросил он.

— Ослепли вы, что ли? Вон он!

С сожалением отведя взгляд от волшебной плясуньи, Романов вернулся к исполнению служебного долга — стал смотреть туда, куда показывал штабс-ротмистр.

«Президента» Алеша узнал сразу.

Толстогубый человек в подчеркнуто консервативном костюме, но при этом с орхидеей в петлице, медленно приблизился к столу, за которым сидели австрийцы. Те разом поднялись, поприветствовали губастого коротким поклоном, обменялись с ним рукопожатиями.

За шефом Шпионской биржи, немного отстав, шли двое крепких молодцов, шарящих по сторонам профессионально стремительным взглядом.

— Телохранители, — шепнул Козловский, как будто Алеша сам бы не догадался.

Но это был еще не хвост процессии. Третий молодец, очень похожий на двух первых, вкатил в зал кресло на колесиках. Там, прикрытый пледом, сидел ветхий старичок с неподвижной, будто прилипшей улыбкой на морщинистом личике. А позади шествовал еще и четвертый верзила.

— Это наверняка хранитель архива Жубер, — объяснил штабс-ротмистр про инвалида. — Почти никогда не покидает виллу, поэтому его фотографий у нас нет. Но приметы совпадают: паралитик. Зоммер часто в разъездах, но этот всегда на месте... Вероятно, австрийцам нужна какая-то консультация, потому и Жубер здесь. Послушать бы, о чем говорят!

Картинка 10

Телохранители парами сели за два свободных столика. Официант, ни о чем не спрашивая, поставил перед каждым по чашке кофе.

— Серьезные ребята, — со вздохом кивнул князь на охрану. — Сразу видно. А еще двое остались у автомобиля.

Здесь Алеша сделал себе маленький подарок — украдкой взглянул на госпожу Нинетти, прелестной козочкой летавшую между столиков.

— Глядите, глядите, я был прав! — снова дернул его штабс-ротмистр. — Они спрашивают, он отвечает.

Австрийские разведчики внимательно слушали архивариуса, который с благожелательной улыбкой им что-то рассказывал. Один раз прервался, посмотрел вверх, как бы что-то припоминая, и продолжил.

— Ходячая энциклопедия. Помнит наизусть. Что у них есть, чего нет. Знает всех информантов, — короткими фразами нашептывал князь, тщетно пытаясь разобрать по губам хоть какие-то слова. — Сейчас ответит. Может выполнить заказ или нет...

Жубер переглянулся с Зоммером, они пошептались. Глава биржи кивнул и сказал что-то, отчего австрийцы сразу заулыбались.

Романов снова отвлекся.

Клара порхала по залу, будто нимфа по райскому лугу, где вокруг не столы с бутылками и не облизывающиеся самцы, а серафимы с херувимами да чудесные кущи. По лицу танцовщицы скользила мечтательная полуулыбка.

— Видали, а? — возбужденно шепнул Козловский.

— О да! — горячо ответил Алеша и спохватился — князь показывал на Зоммера.

Майор Фекеш протягивал коммерсанту какой-то конверт. Тот заглянул внутрь, небрежно кивнул, спрятал в карман.

— Чек! Это аванс. Значит, заявка принята. Эх, хоть бы одним глазком... Глядите, Фекеш шампанское заказывает! У, гадина!

— Ужасная, — согласился Романов, глядя не на майора, а на чрезвычайно неприятного господина, перед которым госпожа Нинетти что-то слишком надолго задержалась, будто танцевала персонально для него.

За самым лучшим столиком, у окна, с видом на озеро, в полном одиночестве восседал сублильный уродец надменного вида. Его подкрученные усы торчали двумя ятаганами, эспаньолка напоминала острие копья, в бутоньерке элегантного фрака алела роза. Чем дольше Клара танцевала перед этим смехотворным щеголем, тем неприятнее казался Алеше весь его облик. Особенно жилы, набухшие на лысом черепе, выпученные рыбы глаза и неестественно длинные пальцы, которыми незнакомец чистил апельсин — будто потрошил маленькое живое существо.

Картинка 11

Криво улыбнувшись тонкими губами, человек бросил танцовщице свою розу. Клара поймала ее на лету, поцеловала и пристроила себе за ухо.

Тут и музыка стихла. Под крики и аплодисменты вакханка подседа к столик к мерзкому карлику. Он наполнил ей бокал шампанским, щелкнул пальцами — подсеменя лакей, неся газовую накидку и бархатные туфельки. Все с жадным любопытством наблюдали за эффектной парой.

Когда недомерок опустился на одно колено и бережно надел Кларе туфельки, ресторан приглушенно зашумел.

К кипящему от возмущения Алеше подошел распорядитель Лоди.

— Через минуту ваш выход.

— Кто этот фигляр?

Синьор Лоди всплеснул руками, от ужаса его акцент стал сильнее.

— Как вы можете! Это мсье Д'Арборио! Первый поэт Италии! Современный Данте! Великий патриот!

Алеша нахмурился. Про Рафаэля Д'Арборио он, конечно, слышал, даже читал его изысканные поэмы в русском переводе, но кто бы мог подумать, что любимец декадентствующей публики до такой степени нехорош собой и... гадок, да-да, гадок!

Распорядитель снова объявил «петербургского казака». Пора было выходить.

Едва русские появились на сцене, Фекеш с Воячком и еще несколько человек из зала (должно быть, германские и австрийские подданные) демонстративно вышли. Стоящий у выхода Лютиков проводил их ленивым взглядом.

Зоммер и его помощник остались сидеть. Они о чем-то сосредоточенно разговаривали, на певца не смотрели. Но всё это Романов заметил вскользь, краешком глаза. Внимание его было целиком сосредоточено на столике Клары Нинетти. Спеть нужно было так, чтобы она отвернулась от своего тролля и забыла о нем, покоренная музыкой.

— «Луны волшебной полосы», — велел Алеша аккомпаниатору.

И запел, как прежде не пел никогда, даже для Симы Чегодаевой, воспоминание о которой именно в эту светлую минуту перестало терзать его сердце — раз и навсегда.

На первой же строфе Клара обернулась, сначала рассеянно. Потом, когда певец нежно призвал подругу спеть с ним в два голоса, обернулась еще раз. И больше уже на своего кавалера не смотрела. Ее взгляд стал нежным, глаза повлажнели. Всё шло просто замечательно!

Мерзкий гном почуял неладное, нахмурился. Что, съел, лапша итальянская? Поэзия — не самый главный из видов искусства. Особенно, когда нужно воздействовать на женскую душу.

После страстного зова, заставляющего кровь слушательницы быстрее струиться по жилам, следовало пробудить в ней чувствительность и сострадание.

Вторым номером, после оглушительных аплодисментов, Алеша затянул «Лучинушку». Ничего, что Клара не понимала слов. Что это за

песня, в которой текст требует перевода? И так ясно: погибает человек без любимой, жизнь не мила, и спасти его от гибели в сей роковой миг может лишь взаимность.

На глазах у танцовщицы выступили крупные слезы. Поняла, она поняла!!!

Всецело захваченный музыкой, певец не видел ничего кроме этих сияющих, направленных только на него глаз. Он не заметил, как поднялся и направился к выходу Зоммер, как выкатили инвалида, как аккомпаниатор кивнул Лютикову.

Тот пропустил мимо себя президента биржи со всей его свитой, плавно развернулся на каблуке, двинулся следом.

Задание у Лютикова и Никашидзе было такое: проверить, нельзя ли захватить Зоммера поздним вечером, когда он возвращается с ужина к себе на виллу.

Но Зоммера охраняли превосходно

У входа почтенного коммерсанта поджидали два авто: роскошный «роллс-ройс» и американский «форд-фаэтон» для охраны.

Завидев патрона, шофер «роллс-ройса» выскочил навстречу. Двое охранников, дежуривших у подъезда, встали справа и слева. Остальные, явно действуя по инструкции, сопровождали Зоммера и Жубера до машины, после чего сели в «форд».

С места оба автомобиля тронулись одновременно. Лютиков, внимательно наблюдавший весь этот балет из-за колонны, сорвался с места и нырнул в открытую дверцу «бельвилля», стоявшего в стороне.

— Грамотно работают, — заметил Никашидзе, заводя мотор, — Видал, как они все сектора прикрыли, когда объект усаживали?

Уголовник сплюнул:

— Мартышки дрессированные. Чую, возни будет...

«Бельвилль» длинной черной тенью пролетел по аллее, за воротами пристроился на умеренной дистанции от «форда».

Фар Никашидзе включать не стал.

— Всё записывай, — сказал он. — Секунда в секунду. Я говорю, ты глядишь на хронометр — и в блокнот.

— Не учи ученого.

— Какой ты ученый? Урка с Лиговки, — беззлобно проворчал грузин. — Пиши: скинул скорость до двадцати, повернул налево...

«Очаровали вы меня»

В перерыве Алеша сидел в маленьком, отгороженном шторами закутке позади сцены ипил теплый «цаубертренк» — старинный оперный эликсир для размягчения и укрепления голосовых связок: красное вино со сливками.

Из зала доносилось пение Булошникова, заполнявшего паузу. Высокий, разудалый голос выводил:

Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня!
В вас много жизни, много ласки,
В вас много страсти и огня.

Время от времени на сцене начинался род землетрясения — это «Василиса», подбоченьясь, пускалась в пляс. Судя по поощрительным возгласам, определенная часть аудитории не осталась равнодушной к монументальной красоте русской Венеры.

Концертмейстер отчаянно колотил по клавишам, частенько попадая не на ту, на какую следовало. Штабс-ротмистр беспокоился за Лютикова и Никашидзе, что сказывалось на качестве аккомпанеента.

А вот унтер-офицер Романов, увы, думал не о задании Отечества. Честно пытался пробудить в себе чувство долга — не получалось. Хотелось лишь одного: подкрасться к занавесу и подглядеть за Кларой. Что она? Неужели снова кокетничает со своим Д'Арборио?

Алеша посмотрел в зеркало на свое разгоряченное лицо, поправил прическу, пригладил светлый, не успевший как следует отрасти ус.

И вдруг пред ним предстало волшебное видение.

Штора качнулась, в каморку проскользнула мадемуазель Нинетти, в своей газовой накидке похожая на фею, порождение прозрачного эфира.

Не зная, верить ли глазам, Романов обмер.

Нет, это происходило наяву!

Она подошла сзади и глядя через зеркало ему в глаза, воскликнула с очаровательным акцентом:

— Ах, как вы пели!

— Вы знаете по-русски? — только и нашелся пролепетать потрясенный Алеша.

Картинка 12

— Я романка... румынка, да? Когда девочка, немножко жила в Кишиневу. Нинетти — мое еденное имя, да?

Он поправил:

— Сценическое...

Надо бы обернуться, но Алешу сковал иррациональный страх: вдруг, если он хоть на мгновение отведет взгляд, она исчезнет? Так и смотрел на нее в зеркало.

Из-под невесомой ткани выпросталась голая рука и потянулась к его виску. Она была тонкая и совсем белая, будто луч лунного света. Длинные рубиновые ногти показались Романову похожими на капли вина. Когда пальцы дотронулись до его кожи, он вздрогнул от неожиданности — такими они оказались горячими.

Она не из воздуха! Она из плоти и крови!

Затрепетав, он быстро повернулся и вскочил.

Схватил ее кисть, стал целовать, бормоча что-то невнятное:

— Я... Вы... Мы... Может быть, мы могли бы...

Женщина, несмотря на скудное знание русского, была куда красноречивей. Отдернув руку, она сказала:

— Молчи. Слова не надо. Глаза достаточно. Я видела, ты видел. Конечно, мы могли бы. О, мы очень-очень могли бы! Но теперь нельзя. Совсем нельзя. Мне ужасно жалко...

Она приподнялась на цыпочки и, не идя в объятья, легонько, всего на секунду припала к его рту своими горячими губами.

С Симочкой студент целовался куда обстоятельней, не говоря уж о дачных эскападах с деревенскими простушками. Но то было совсем другое. Можно ли сравнить горение свечки с сиянием солнца?

Ослепленный и обожженный, Алеша все телом подался к ней.

— Что нельзя? Почему нельзя?!

Клара быстро отступила вбок и приложила палец к губам.

— Алексей Парисович! На выход! — донесся голос Козловского.

Чтобы князь не вошел, Алеша сам бросился к шторе.

— Сейчас! Секунду!

Когда же обернулся, женщины в каморке не было. Она исчезла в одно мгновение, совершенно бесшумно. В углу чуть покачивалась бархатная портьера.

Оперативное совещание

В час тридцать ночи, когда большой отель утих, вся группа собралась в номере штабс-ротмистра Козловского. Крошечная комнатка была расположена изолированно, в маленькой башенке, которая снаружи смотрелась весьма живописно, изнутри же представляла собой чуланчик нелепой круглой формы с узкими оконцами и низким потолком. Зато к двери вела невероятно скрипучая лестенка, а за стеной не было соседей, так что подслушать, о чем говорят в номере, не представлялось возможным. Потому-то князь и выбрал именно этот номер, самый дешевый из всех.

Командир устроился на подоконнике. Художественный руководитель на тумбочке. Трое остальных сидели на железной кровати, которая под тяжестью дородного Булошникова прогнула свое проволочное чрево чуть не до пола.

— Перестаньте вертеться, — уже не в первый раз сказал Козловский ерзавшему на своем неудобном сиденье Романову. — ...В общем, пока картина неутешительная. Проникнуть на виллу трудно. В пути Зоммера тоже не возьмешь. Так?

Повздыхали. Помолчали.

Алеша изо всех сил пытался сосредоточиться на проклятом Зоммере, но в голову лезло совсем иное. Горячие губы... Шуршание газа... Аромат белой кожи...

Он покачнулся — от воспоминания закружилась голова.

У тумбочки подломила ножка. Романов едва успел соскочить — грохнулся локтем о чугунный умывальник.

— Да что с вами сегодня? — рявкнул князь. — Вроде не пили!

— Извините, тесно.

— Да уж, не апартамент-люкс. Итак, жду предложений, соображений, идей.

Булошников пропищал:

— На вилле всегда шесть человек охраны. Да у Зоммера шестеро. Много, ваше благородие.

— Сам знаю, что много! Сколько раз говорить! Пока мы здесь, называть меня «Акакий Акакиевич»! А то забудетесь, ляпнете при посторонних... Ну, толковые мнения есть?

Крайнее раздражение, в котором пребывал начальник, лучше всего свидетельствовало: дело швах.

— Если б пострелять дозволили — другое дело, — степенно сказал

Лютиков. — Сами же велели: без кровянки. И чтоб тихо. Как тут по-тихому обтяпаешь, когда вокруг него столько псов цепных?

— Нет, Акакий Акакьич, — припечатал колено ладонью Никашидзе. — По-тихому не получится. Даже не думайте.

Глаза штабс-ротмистра грозно округлились. Появилось на ком сорвать досаду.

— Ты как разговариваешь с офицером, сукин сын! — зашипел князь. — Ты на кого это рукой машешь?! Встать!

Агент вскочил, вытянул руки по швам. Кровать качнулась, и двое остальных завалились на бок.

— Виноват, ваше благородие! То есть Акакий Акакиевич!

Козловский только зубами скрипнул — теперь уже рассердился на самого себя, за несдержанность.

— Да сядь ты!

— Так чё делать-то? Говорите, сполним, — пожал плечами, как всегда, невозмутимый Лютиков.

Опять замолчали.

Штабс-ротмистр дергал себя за ус. Романов смотрел в окно. Там по озеру пролегла лунная полоса, напомнившая ему Кларину руку.

— Раз толковых идей нет, будем действовать по плану, который разработан нашей резидентурой, — сухо, недовольно заговорил наконец Козловский. План, придуманный в Берне, ему не нравился. Во-первых, слишком рискованный и чреватый неприятностями с полицией. А во-вторых (и если честно, в-главных), потому что придуман в Берне, а не самим князем. — Завтра вечером Зоммера на вилле не будет. Наш военный агент приглашает его на встречу в Локарно. Якобы для переговоров о закупке некоторых материалов. На вилле остаются шестеро охранников плюс старичок архивариус...

— Вот это подходяще, — кивнул Лютиков. Булошников пихнул его локтем: заткнись, когда командир говорит. Однако и сам не удержался, вставил:

— Шестерых уж как-нибудь сделаем, Лавр Константиныч. Не сомневайтесь.

И огромными ручищами изобразил, будто сворачивает кому-то шею.

— Дура ты баба, Василиса! — встрял Никашидзе, которому хотелось реабилитироваться в глазах начальства. — Акакий Акакьич русским языком сказал: без трупиков.

— Акакий Акакиевич, чего он дразнится! — плаксиво возопил Булошников. — Сам он «баба»!

— Молчать! Никашидзе прав: убивать нельзя. Нужно попасть в секретную комнату и забрать оттуда картотеку. Во что бы то ни стало.

Агенты переглянулись. У Лютикова возникло сомнение.

— Если у них там обычный замок, я его сделаю, какой мудреный ни будь. Но по элестричеству я не того... Там надо цифирь знать.

— По «электричеству», лапоть, — поправил Никашидзе. — Если там цифирь, дедушка ее должен знать. Клянусь, всё мне расскажет.

Князь, чуть покраснев, предупредил:

— Ты только гляди у меня, без изуверства.

— Обижаете, Акакий Акакьич! Он полюбит меня, как внука!

Все засмеялись, а в Алеше вдруг проснулась совесть. Половину он пропустил мимо ушей и теперь хотел поучаствовать в разработке диспозиции.

— А как мы попадем на виллу? Там же стены. И часовые.

— Не мы, — поправил его штабс-ротмистр и кивнул на агентов. — Они. Их работа. Наше с вами дело обеспечивать прикрытие. Завтра ребята выступят первыми. Потом поете вы, долго. Я барабаню по клавишам. Нужно продержат зал в течение часа. Как, молодцы, за час управитесь?

— Ерунда-с, — красуясь, поиграл бровями Никашидзе. — Ехать тут пять минут. Еще к аплодисментам поспеем. А насчет стены, Алексей Парисович, не переживайте. Мы с Лютиковым там один шикарный дуб присмотрели...

Луны волшебной полосы

Романов возвращался в свой «люкс» по пустому коридору. Здесь, в бельэтаже, пол был не дощатый, как на чердаке, а укрытый толстым ковром, и шаги не нарушали ночной тишины. Когда Романов открыл дверь номера, ему под ноги легла лунная дорожка. Не включая света, постоялец прошел по ней до самого окна и стал смотреть на озеро. Оно мерцало и искрилось. Алеше, пребывавшему в настроении восторженно-поэтическом, подумалось: словно черное лаковое блюдо, на котором рассыпаны бриллианты. Несмотря на поздний час, спать не хотелось совсем. Да и как тут уснешь?

Позади раздался тихий шелест. Чуть колыхнулся воздух. На плечи Романову опустились две обнаженные руки.

Задохнувшись, он обернулся.

— Вы?!

Перед ним стояла Клара. В ее глазах, очень близко, отражались две маленькие луны.

— Тихо, тихо, — прошептала она, лаская пальцами его шею.

Алеша хотел прижать ее к себе, но это не так просто, если одна рука на перевязи.

— Не быстро, не быстро, — снова шепнула Клара, чуть отстранилась и сделала вот что: взяла его за левую ладонь и, раздвинув легкий газ, положила ее себе на грудь. Под накидкой ничего не было — гладкая, нежная кожа. От бешеного толчка крови Алеша чуть не потерял равновесие, так закружилась голова.

— Я... я... знаю, это нельзя... это очень нельзя, — бормотала Клара, подставляя ему лицо, шею, плечи для поцелуев. — ... Все равно... Пускай... Люны волшебной полёсы...

И все завертелось...

Алеша лежал на спине совершенно обессиленный и, даром что спортсмен, хватал ртом воздух, всё не мог отдышаться и прийти в себя. Клара же, несмотря на кажущуюся хрупкость, усталой совсем не выглядела, дышала размеренно, да еще мурлыкала песенку. Опершись на локоть, она водила пальчиком по Алешиной груди. На пальчике посверкивало кольцо с алмазом. Вдруг острый ноготок сердито царапнул по коже.

— Я знаю, что ты думаешь! Ты думаешь, что я без стыда. Что я распутина, да? Танцорки все такие, да? Бесчестные? Скажи!

Ее глаза наполнились слезами.

— Нет, что ты...

Но Клара нетерпеливо мотнула головой: молчи!

— Я самая честная. Другие женщины притворяются, я нет. Жизнь такая короткая! Молодость еще больше короткая! Ты мне так нравился, так нравился... — Она просияла улыбкой, смахнула слезинку и пропела. — «Сядь поближе, гитару настрой, будут плакать волшебные струны...»

Картинка 13

Однако теперь настала очередь Алеши хмуриться.

— Этот лысый поэт, он тебе тоже... нравится?

Клара передернулась и легла на спину.

— Почему ты молчишь? — приподнялся Романов. — Что у тебя с ним?

Поймать ее взгляд не удавалось, огромные глаза печально смотрели в потолок.

— Не надо спрашивать...

— Великий Д'Арборио, да? — терзая себя, горько сказал Алеша. — Богатый, знаменитый... И для артистической карьеры хорошо, да?

— Нет... — перебила она и снова содрогнулась. Выражение лица стало, как у смертельно напуганной маленькой девочки. — Д'Арборио страшный. Совсем страшный. О, ты не знаешь, какой он человек. Я его боюсь. Потому сказала «нельзя». Если он узнает...

— Ну, и что будет? — с вызовом спросил он.

— Д'Арборио будет меня убивать. Тебя тоже.

И зажмурилась.

Романову стало смешно.

— Тоже еще Синяя Борода! Дракон огнедышащий! Да я этого сморчка лысого...

Она прикрыла ему рот ладонью.

— Знаю. Ты его одной левой. У нас в Кишиневе так мальчишки хвастали... Конечно, одной левой. Правая у тебя больная.

Наклонилась, стала его целовать.

— погоди-погоди! Ты думаешь, я не смогу тебя защитить?!

— Не надо про это говорить.

Клара закрыла ему рот поцелуем. Он хотел возразить, но для этого пришлось бы высвободить губы, а на это Алеша не согласился бы ни за что на свете.

Сквозь окна, сквозь стеклянную дверь балкона лился свет луны. Ночь казалась бесконечной. Время застыло.

Но взошло безжалостное солнце...

Но утром взошло солнце. Алеша открыл глаза, увидел, что Клары нет, и в первый миг испугался, не приснилось ли ему всё это. Будь проклято солнце, прервавшее такой сон!

Но постель благоухала Кларой, тело помнило ее каждой клеточкой, а на груди осталась царапина от ногтя. Романов простил дневное светило, потянулся и запел неаполитанскую канцонетту «O sole mio», которую великий Эдуардо ди Капуа, как известно, сочинил, любуясь нашим Черным

морем в Одессе.

Весь день Алеша провел в блаженном полусне. В этот день должна была решиться судьба всей операции, но унтер-офицер думал не о тайниках и картотеках. Он думал о любви.

Оказывается, настоящая любовь — не трепет души, описанный у Тургенева или Толстого. И не постельные кувыркания, о которых трепали языком в университетской курилке. То есть, конечно, и трепет, и кувыркание, но это лишь крошечная часть огромного, неопишуемого словами мира, где и сосредоточена истинная Жизнь. Кто там не бывал — всё равно не поймет, зря Тургенев с Толстым только бумагу переводили. Или, может, сами знали об этом мире лишь понаслышке?

Неловко было вспоминать поцелуйчики с Симой Чегодаевой, и уж тем более неуклюжую возню на сеновале с деревенскими хохотушками. К любви эти глупости не имели никакого отношения. Совсем.

Выражение лица у влюбленного было такое, что даже Козловский обратил внимание и спросил, чем вызвана «идиотская улыбка». Впрочем, гораздо больше штабс-ротмистра занимало, в голосе ли нынче солист. Получив утвердительный ответ, князь помощником интересоваться перестал и до самого вечера натаскивал агентов: то по одиночке, то всех вместе.

Настал роковой вечер

На сей раз, когда распорядитель объявил русских артистов, майор Фекеш с Воячком вышли не сразу, а в самой середине первого номера — видимо, специально, чтобы сорвать выступление.

Только ничего у них не получилось.

Во-первых, почти никто из соотечественников не последовал их примеру. Любопытство возобладало над патриотизмом.

Ну а во-вторых, Лютикова подобными пустяками было не смутить.

Поскольку трюки с картами имеет смысл показывать лишь с близкого расстояния, фокусник спустился прямо к столам. Воячек, топая мимо, нарочно толкнул его плечом. Лютиков глумливо поклонился вслед рыжему обер-лейтенанту, и публика покатилась со смеху, потому что у австрияка на фалде заболтался невесть откуда взявшийся пороссячий хвостик, а на спине заалел бубновый туз.

— Молодец, — фыркнул Козловский на ухо Алеше. — Одного боюсь: не утянул бы у кого-нибудь часы или бумажник, по старой памяти.

Зрителям фокусник очень понравился, его долго вызывали аплодисментами, но Лютиков не вышел.

После него пела Василиса в расшитом сарафане и кокошнике, тоже недолго.

Потом появился Никашидзе в германской каске и с кайзеровскими усами. Среди обитателей «Гранд-отеля», как и во всей итальянской Швейцарии, преобладали антинемецкие настроения, поэтому артиста приветствовали хохотом. Правда, из зала вышли еще несколько оскорбленных тевтонов, но это лишь прибавило номеру пикантности.

Состроив зверскую рожу, Никашидзе стал метать в Василису, олицетворявшую собой матушку-Русь, острые кинжалы. Сталь вонзалась в дерево, Булошников пищал и гордо тряс косой, зрители ахали. Всё шло великолепно.

Ровно в десять часов первая часть концерта закончилась.

За кулисами штабс-ротмистр сунул артистам сумку с оружием и инструментами.

— Всё, пошли-пошли. Лютиков уже в автомобиле. У вас 60 минут.

— Акакий Акакьич, штаны бы надеть, а? — попросил Булошников.

— Всё в сумке. Переоденешься по дороге. Марш! Только смотрите у меня. Без покойников! Головы поотрываю!

Командир перекрестил удаляющихся агентов и напутствовал Романова:

— Ну, Алексей Парисович, расстарайтесь. Чтоб десять раз на «бис» вызывали.

Солиста встретили хлопками и приветственными криками. Сегодня «казак» был в красной, расшитой золотом черкеске и белой папахе. Поправив на поясе бутафорский кинжал, он изящно поклонился залу.

Акомпаниатор, ссутулившись, просеменил к роялю, открыл ноты.

— «Нотихб!» «Нотихб!» — донеслись возгласы. Алеша прижал руку к сердцу, кивнул Козловскому и для разминки спел мелодичный, нетрудный для исполнения романс «Ночь тиха, под луной тихо плещет волна», обводя взглядом ресторан.

Здесь ли она? Вот единственное, что его сейчас занимало.

Да, да!

Когда он увидел Клару, ему показалось, будто в зале что-то произошло с освещением. Угол, где сидела она, словно озарился чудесным сиянием, зато вся остальная часть помещения погрузилась в сумрак.

В сегодняшней программе танец госпожи Нинетти не значился. Очевидно, поэтому Клара была не в своей газовой накидке, а в вечернем

платье и пышном боа из страусовых перьев. Вуалетка, заколотая черной жемчужиной, опускалась на ее лицо, но не прятала его, а наоборот, делала еще ослепительней. Алешу поразило: неужто люди не видят этого неземного сияния? А если видят, как они могут есть, пить, смотреть на сцену?

Должно быть, у него на время помутилось зрение — соседа Клары певец разглядел с опозданием. И чуть не сбился с мелодии.

Проклятый итальянец сидел рядом с Кларой и поглаживал ей запястье!

За минувший день Алеша узнал о Рафаэле Д'Арборио больше, чем за всю предшествующую жизнь.

Это было нетрудно. В гостиничной библиотеке книги живого классика на разных языках занимали несколько полок. Все итальянские газеты и половина швейцарских обсуждали речь, которую Д'Арборио недавно произнес на римской площади перед двадцатитысячной толпой. Блестящий оратор призывал соотечественников воевать на стороне Антанты, и вся страна поддержала своего кумира. Просто поразительно, что этот негодяй придерживался столь похвальных взглядов! Но это его не извиняло. Глядя на портреты пучеглазого фанфарона, Алеша ощущал, как к горлу подкатывает тяжелая, густая ненависть. Гнусный сатир! Мерзкий пятидесятилетний старикашка!

После аплодисментов, проигнорировав вопросительный взгляд Козловского, Алеша на минуту ушел за кулисы — выпить воды и взять себя в руки.

Картинка 14

Вернулся, раздвинув занавес жестом супруга, распахивающего дверь спальни, чтобы покарать преступных любовников.

Бросил аккомпаниатору:

— «Хас-Булат!»

И сжимая рукоять кинжала, завел тягучую, грозную кавказскую песню про благородного джигита, зарезавшего неверную жену.

Клара почувствовала его обиду, послала певцу украдкой воздушный поцелуй, и баритон сразу зазвучал мягче, глубже.

В зале закричали:

— Bravo, Romanoff!

А тем временем...

«Делонэ-бельвилль» с погашенными фарами остановился в темном пустом переулке. Не хлопнув дверцами, вышли трое мужчин, одетых в черное и оттого почти не различимых во мраке.

Первый вышагивал налегке, грациозной кошачьей походкой. За ним вразвалочку шел второй, неся на плече тяжелую сумку. У третьего, огромного детины медвежьих пропорций, в руке тоже была большущая сумка, но пустая.

Переулок вывел троицу к высокой каменной стене. Не обменявшись ни единым словом, подозрительная компания повернула направо, проследовала мимо наглухо запертых ворот и остановилась у старого дуба. Дерево росло шагах в десяти от стены.

Здесь человек-кошка, он же агент первого разряда Георгий Никашидзе, надел специальные перчатки со стальными когтями и очень сноровисто вскарабкался на дерево. Булошников и Лютиков, присев на корточки, с интересом наблюдали за действиями своего товарища.

Тот пребывал в отличном расположении духа. Этот человек очень любил свою работу. По давней привычке, приступив к делу, он бормотал под нос какое-нибудь стихотворение из тех, что сохранила его память с гимназических лет. Дальше третьего класса чрезмерно резвый мальчуган не поднялся, поэтому стихов запомнил немного, но превосходно обходился и этим скромным репертуаром.

Залезая на дерево, он шептал: «У лукоморья дуб зеленый».

Распутывая бечеву: «Златая цепь на дубе том».

«Златая цепь» с тихим шелестом рассекла воздух, железный крюк зацепился за кромку стены. Без лязга, без скрежета — крюк был в чехле из прорезиненной ткани.

С ловкостью акробата «волкодав» перелез по веревке с дуба на стену, распластался там и стал изучать обстановку.

Его взору открылся чудесный сад: пальмы, благоуханные тропические кусты, клумбы, стеклянные оранжереи. Но флора агента не заинтересовала. Повертев головой, он определил местоположение часовых. Один прохаживался у входа в дом. Второй стоял у ворот.

«И днем и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом», — прошептал грузин и, пригнувшись, беззвучно пробежал по стене налево.

«...Идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит...»

Остановился над воротами, примерился, прыгнул сверху точно на плечи дозорному. Короткий удар кулаком, в котором зажата свинчатка.

«Там тишина, там леший бродит...»

Охранник, дежуривший у дверей виллы, что-то услышал.

— Cosa c'e, Gino?[\[24\]](#)

Держа карабин наготове, осторожно двинулся по аллее к воротам. Прижавшийся к мохнатому стволу пальмы агент вынул метательный нож, взвесил на руке и с сожалением спрятал обратно. Губы Никашидзе были плотно сжаты. Лира временно умолкла.

Картинка 15

— Gino! Gino! — всё громче звал часовой. Лязгнул затвор.

Больше ждать было нельзя.

Скакнув из засады, агент ударил охранника в висок, подхватил тело, аккуратно уложил на дорожку.

Прежде чем открыть ворота, щедро полил засов маслом из бутылочки.

Соратников Никашидзе приветствовал словами:

— «И тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных...»

В приоткрывшуюся щель нырнул Лютиков, за ним протиснулся Булошников. У него настроение тоже было отменное.

— Господи, отвык в штанах ходить, — хихикнул богатырь.

Грузин посоветовал:

— А ты сними.

Посмеиваясь, агенты перебежали к дому. Сзади враскачку шествовал Лютиков.

Все ставни первого этажа были закрыты, но сквозь жалюзи просачивался свет — охрана бодрствовала. Потрогали дверь — на замке.

— «Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей», — почесал затылок Никашидзе.

В ресторане

А в ресторане «Гранд-отеля», испепеляя взглядом ненавистного итальянца, Алеша в эту самую минуту пел про отраду, что живет в высоком терему, куда нет ходу никому.

На словах: «Я знаю, у красотки есть сторож у крыльца, но он не загородит дорогу молодца» — Клара испуганно схватилась за сердце и помотала головкой.

Романов зловеще усмехнулся. Дела соперника были плохи.

На вилле

Бравому Никашидзе пришла в голову отличная идея.

— Джино! Джино! — заорал он во всю глотку, стараясь произносить непонятное слово в точности, как часовой.

Черт знает, что оно значило. Может «шухер!», а может просто «Эй, ты чего?».

Так или иначе, сработало.

Дверь приоткрылась, высунулась усатая башка, сердито что-то крикнула в темноту. Вероятно: «Какого беса ты разорался?»

Было очень удобно взять болвана сбоку двумя пальцами за кадык, выдернуть из дверного проема и швырнуть со ступенек вниз, ну а там клиента принял Васька Булошников. Кулачина у него — никакой свинчатки не надо.

Ничего так получилось, довольно тихо. А главное, дверь теперь была открыта.

Туда-то Никашидзе и ввинтился.

Богато, но скучно, определил он про себя убранство дома.

Дубовая обшивка, тусклые картинки на стенах, всюду цветы в горшках и кадках. Ну да — ведь Зоммер ботаник, любитель экзотических растений.

Наверх вела лестница с ковром тоскливой расцветки. Никашидзе подумал, что когда ему надоест лихая служба и он женится на богатой невесте, в доме у него всё будет не так. Жить надо ярко, красиво, с блеском, с позолотой. Если ковры, так не черно-бурые, а желтые, красные и голубые.

— Не суйтесь! Не ваша работа! — шикнул он на своих напарников, которым тоже не терпелось попасть в дом.

Еще наделают шуму, черти косолапые.

Никашидзе прислушался.

Откуда это бубнеж доносится?

Ага, из-под лестницы!

Прошуршав каучуковыми подошвами по ковру, «волкодав» замер у приоткрытой дверцы, за которой находилась комната — очевидно, предназначенная для охраны.

Там находились двое. О чем они говорят, Никашидзе понять не мог, но по мелодичности речи догадался, что это итальянский.

Очень осторожно заглянул внутрь.

Один чернявый, рубаха расстегнута на волосатой груди, из-под мышки торчит рукоятка «маузера». Другой наклонился над столом, читает газету. Кобура на поясе, застегнутая. Да хоть бы и расстегнутая, это ничего бы не изменило. Не надо поворачиваться спиной к двери, когда находишься в карауле.

Агент сделал три быстрых шага. Чернявого рубанул ребром левой по уху, второго успокоил ударом свинчатки. Никашидзе одинаково хорошо владел обеими руками.

Посчитал улов. Двое в саду, трое здесь. А всего должно быть шестеро. Где последний?

Специалист по захватам вернулся в прихожую. Позвал шепотом:

— Булка! Сюда!

Ткнул пальцем в сторону каморки. Это было работой Булошникова: еще раз, для верности, стукнуть оглушенных охранников; связать, засунуть кляпы и отнести в сад, к остальным.

Тем временем Никашидзе взлетел по лестнице на второй этаж.

На площадке пустые кресла. Дальше коридор, двери. Одна открыта.

Вот он шестой, голубчик. Сидит, чаечек пьет. Ну-ну, приятного чаепития.

С последним «волкодав» особенно осторожничать не стал. Вошел в дверь спокойно, не крадучись, поглядел охраннику в ошеломленные глаза — и вlepил точнехонько между ними.

Снова «бис»

Отпев всю программу, на второй «бис» Алеша спел «Не уезжай ты, мой голубчик!» — тем более что слушатели, запомнившие эту трогательную песню со вчерашнего дня, просили: «Голубсик! Голубсик!»

— «Скажи-и ты мне, скажи-и ты мне, что любишь меня, что любишь меня!» — так убедительно просил певец Клару, что та не выдержала, закивала.

Ее гнусный кавалер давно уже не смотрел в потолок. И вина больше не пил. Он сидел мрачнее тучи, переводя взгляд со своей дамы на солиста и обратно. Почуял что-то. Ну и пусть бесится, упырь ушастый.

Кажется, и Клара, покоренная мастерством певца, забыла об осторожности. Когда он закончил, она вскочила и громче всех захлопала, закричала: «Романов, фора!»

Довольный ходом концерта Козловский кинул взгляд на часы и одобрительно пробурчал:

— Пой, ласточка, пой.

Но лицо солиста вдруг померкло. Клара обнимала поэта за плечо, говорила ему что-то ласковое и гладила по щеке — точно так же, как прошлой ночью Алешу!

О, женщины...

Опустив голову, Романов горько-горько запел:

— «Зачем, зачем тебя я встретил, зачем тебя я полюбил...»

Крепость взята!

Последний боец гарнизона был сражен. Все шестеро, бережно спеленутые Булошниковым, лежали рядом в саду, близ оранжереи.

— Чисто младенчики, — по-бабьи подперев щеку, сказал Василий, полюбовался результатом своей работы и поспешил назад в дом.

Там сосредоточенный Лютиков доставал из сумки орудия своего утонченного мастерства: сверла, молоточки, отверточки. Каждый инструмент был любовно завернут в бархоточку.

Наверх идти было рано — Никашидзе позовет, когда надо.

А вот и он.

Грузин появился на верхней площадке, подмигнул, поманил рукой.

Втроем они прошли по длинному коридору, «волкодав» показал на приоткрытую щелку двери, прошептал:

— Там Царь Кащей над златом чахнет.

Булошников заглянул, но никакого царя не увидел, злата тоже.

В уютной комнате, все стены которой были заняты книжными полками, сидел старичок-архивариус в своем кресле на колесиках, перебирал на столе бумажки.

На вошедших незнакомцев он уставился с ужасом, стал тыкать пальцем в кнопку звонка.

— Поздно, милый, — жалеюще сказал ему Василий.

А Никашидзе, который умел объясняться по-всякому, положил инвалиду на плечо руку и задушевно спросил;

— Комната секрета, ферштеен?

Дедок залопотал что-то по-своему, головенкой замотал. Дурачком прикинулся.

Гога кивнул: давай, мол, Вася. Твой номер.

Бережно, чтоб не поломать хрупкие косточки, Василий взял калеку за цыплячьи ноги, выдернул из кресла и стал держать головой книзу. Вес был ерундовский.

Никашидзе присел на корточки, чтоб глядеть архивариусу в глаза.

— Ну, дедуля, где комната с секретом? Давай, парле, не то Вася пальчики разожмет.

А Лютиков пока скучал. Прошелся по комнате, трогая всякие разные безделки: бронзовую чернильницу, пресс-папье, часы на камине. Остановился у комода с закрытыми ящиками. Зевнув, стал открывать пустяковые замки ногтем. Внутри ничего интересного не было. Лютиков рассеянно помахал фомкой, скovyрнул с комода ручки — просто так, для разминки.

Но протомился он не сильно долго.

После того как Вася слегка постучал деда темечком об пол, беседа сразу пошла живее. Архивариус перестал прикидываться, будто не понимает по-иностранному, ткнул дрожащим пальцем в третью слева полку.

Булошников перевернул его, поднес к указанному месту. Старик сдвинул толстый том в кожаном переплете, и вся секция с тихим шелестом сдвинулась в сторону, за ней открылся темный прямоугольный проем.

Агенты переглянулись.

Наступала решительная минута.

Картинка 16

Решительная минута

Отпев десять романсов и арий, солист удалился на пятиминутный перерыв. На столике в гримерной стояли букеты от поклонниц и бутылка вина. Пока Козловский, заполняя паузу, отстукивал на рояле «Калинку-малинку», Алеша прогревал горло «цаубертренком». Невидящий взгляд был устремлен в пространство, правая рука сжимала и разжимала мячик.

Раздалось легкое шуршание — кто-то пытался постучаться в портьеру.

— Vous permettez?[\[25\]](#)

Это был распорядитель концертов синьор Лоди. В руке он держал вазу с фруктами.

— Мьсе Романофф, это комплимент от отеля, — сказал он, ставя ее на стол с таким видом, будто это был по меньшей мере ларец с драгоценными камнями. — Вы имеете большой успех. Что вы скажете, если мы предложим вам продлить ангажемент на неделю? Оплата — двойная против нынешней, у остальных членов труппы полуторная.

Ах, как он был некстати! Только мешал разобраться в мыслях и чувствах.

— Поговорим об этом позже, — недовольно сказал Алеша, обернувшись к надоеде.

Вдруг занавес резко качнулся. В конурку вошел Д'Арборио — маленький, прямой, с бешено горящими глазами. Махнул синьору Лоди, и тот с поклоном попятился вон.

Вот она, решительная минута!

— Что вам здесь нужно? — процедил Романов, чувствуя, как в глазах темнеет от ненависти.

Распорядитель просунул голову между шторами и плаксиво сморщился, что несомненно означало: «Как вы можете? Это же великий Д'Арборио!»

Великий Д'Арборио отчеканил, презрительно кривя тонкие губы:

— Мсье, я не привык исполнять роль рога носца. Вы молоды, я хочу дать вам шанс. Немедленно, сию же секунду, убирайтесь — в Петербург, в Москву, к черту в преисподню. Иначе...

— Но ангажемент! Публика! — не выдержав, возопил синьор Лоди.

Поэт на него даже не оглянулся. Певец тоже не обратил на распорядителя ни малейшего внимания. Враги не отрываясь смотрели друг на друга.

Картинка 17

— Что «иначе»? — язвительно улыбнулся Алеша. Он вспомнил пушкинскую повесть «Выстрел» — как граф под прицелом Сильвио ел черешни. В вазе черешен не было, поэтому Алеша взял вишню, положил в рот. Жалко, Клара не видела.

— Убью, — будничным голосом известил его итальянец. — Пистолет, шпага — мне все равно.

Синьор Лоди испуганно прикрыл рот ладонью, но во взгляде зажглось жадное любопытство. Сцена, случайным свидетелем которой он оказался, обещала стать поистине исторической.

Алеша сказал:

— Пистолет.

Уж шпага-то точно исключалась. Даже если б он учился фехтованию, с такой правой рукой было не удержать и столового ножа.

Показав наклоном головы, что условие принято, поэт поманил пальцем распорядителя и заговорил с ним по-итальянски. Тот почтительно кланялся на каждую фразу. Несколько раз прозвучало слово *padrino*.[\[26\]](#)

Ответ синьора Лоди был коротким и завершился прижатием ладони к

сердцу. Кажется, собирался возразить, но одного взгляда хватило, чтоб бедняга заткнулся.

— Он станет нашим секундантом, — суммировал диалог Д'Арборио. — Не будем формалистами, лишние свидетели нам обоим ни к чему. У вас ангажемент, у меня... — Некрасивое лицо исказилось, как от приступа мигрени. — ...У меня дела поважнее ангажемента. Всё это исключительно не ко времени. Но выше чести все равно ничего нет. В восемь утра. У старого платана. Он объяснит, где это. Расстояние, количество выстрелов — на ваше усмотрение. Мне это безразлично. Главное: никому ни слова.

Подождав секунду, не будет ли возражений (их не было), рогоносец вышел прочь.

Распорядитель схватился за голову:

— Santa Madonna! Signor Dottore!

Бросился вдогонку за поэтом.

Алеша стоял у зеркала, потирая разгоряченный лоб. В мозгу мгновенно понеслись лихорадочные, выталкивающие одна другую мысли.

Дуэль! Как у Пушкина с Дантесом. Только кто тут Дантес? Очевидно, я. Он ведь великий поэт, а я иностранец... Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы, не мог он знать в сей миг кровавый... Чушь! Ничего я не презираю! Просто этому чудовищу не место на земле! ... Господи, только бы Козловский не узнал... Ах, Клара!

Словно услышав безмолвный зов, сбоку из-за портьеры вынырнула она и с плачем кинулась ему на шею.

— Я всё слушала! — всхлипывая, залепетала она. — Не стреляй с ним! Он тебе убьет! Я говорила, он страшный человек! Он стрелял дуэль восемнадцать раз! Он попадает из пистола вот такая костенька! — Клара показала на косточку от вишни. — А у тебя рука!

Нагнувшись, она поцеловала его раненую руку и безутешно разрыдалась.

— Что поделаешь, — пробормотал Романов, чувствуя, что у него тоже выступают слезы. — Дело чести...

А на душе сделалось горячо и очень хорошо. Клара плакала не из-за великого поэта, а из-за ничем не знаменитого Алексея Романова!

Треньканье фортепьяно оборвалось. Это означало, что пора на сцену.

Девушка выпрямилась. Ее мокрые глаза горели безумием и решимостью.

— Слушай! — шепнула она. — Скажи так: «Хочу самая маленькая дистанция». Пять шагов. Стреляй первый, прямо вот тут! — Клара ткнула

себе пальчиком в середину лба. — Очень быстро стреляй! Пять шагов можно и левая рука! Понял? Очень быстро! Паф — и всё! Я буду тебе молиться.

— Не тебе, а «за тебя».

Он обнял одной рукой ее подрагивающее плечико. Страшно не было. Нисколечко.

За шторой раздались шаги, и на этот раз спрятаться Клара не успела.

Вошел штабс-ротмистр.

— Минутку отдохну. Пальцы задубели...

Увидел обнимающихся любовников, запнулся. Шмыгнув носом, Клара выбежала вон. Князь проводил ее неодобрительным взглядом.

— Нашли время, Алексей Парисович... Что это у вас, винишко? Ну-ка плесните. Нервы ни к черту... Как там наши? Сорок три минуты прошло.

В тайнике

За книжной полкой открылось темное пространство, свет из библиотеки туда почти не проникал. Справа помигивали таинственные огоньки, красные и зеленые, будто глаза затаившихся в темноте хищных зверей.

— Дед, тут выключатель есть? — нервно спросил Никашидзе. — Электрицитет, ферштеен?

Архивариус проямлил что-то, тыкая пальцем в сторону. Булошников поднес инвалида поближе, тот щелкнул, под потолком зажглась неяркая лампочка.

Это была небольшая глухая комната, совершенно пустая. Лампочки, оказывается, мигали на металлическом щите, где были еще какие-то рычажки и кнопки.

Стена напротив входа была стальная, гладкая.

Лютиков подошел к ней, присел, провел пальцем по утопленному в пол желобу.

— Серьезная дверка. Лектрическая. Не, этому не обучен. Тряси старого, пускай секрет скажет.

Сказано — сделано.

Булошников как следует тряхнул калеку, Никашидзе спросил:

— Ну?!

Тот понял. Держась левой рукой за сердце, правой показал на пульт. Когда старика поднесли туда, он повернул шесть кругляшков с цифирками.

Получилось 385958.

Показал на большой рычаг.

— Nach unten. Zu fest fur mich... Mir ist kodderig...[27]

— «Унтен» — это вниз, — перевел полиглот Никашидзе. — Дернуть, что ли?

Дернул.

— Ух ты! — восхитился Булошников.

Стальная стена с шипением уползла в сторону и исчезла в пазу. За ней было узкое неосвещенное помещение.

Богатырь осторожно усадил архивариуса на пол, дед теперь был не нужен.

Агенты втроем подошли к открывшемуся сезаму и остановились. Нужно было подождать, пока глаза свыкнутся с полумраком.

Вдруг Никашидзе услышал позади шорох. Обернулся.

Паралитик дополз до входа и, схватившись руками за стенки, вытягивал свое непослушное тело из потайной комнаты.

Молниеносным движением грузин выхватил нож, метнул. Оружие воткнулось старику чуть ниже затылка. Голова с глухим стуком ударилась о пол.

— Ты чего?! — взвизгнул Булошников. — Сказано же: без тухлятины! Баррран грузинский!

— А если б он нас тут запер? Это ты его проглядел, хряк холощенный!

— Ах ты, паскуда!

Булошников схватил «волкодава» за грудки, получил мощный удар коленкой в пах, но даже не поморщился. Занес гигантский кулачище.

— А ну ша, ботва! — цыкнул на них Лютиков. — Гляньте-ка, чего это там.

На том конце продолговатой, похожей на тамбур камеры что-то поблескивало.

Толкаясь плечами, агенты шагнули внутрь.

На рассвете

Алексей знал, что не сможет забыть эту картину до конца своей жизни.

Рассвет.

Пустынная дорога над озером.

Туман, мелкий дождь.

Кучка хмурых мужчин под зонтами стояла возле автомобиля. Завидев

русских, люди расступились.

Романов заглянул внутрь «бельвилля» и увидел в кабине на кожаных сиденьях три неподвижных фигуры в одинаковых позах. Головы запрокинуты назад, руки сложены на коленях.

Комиссар местной полиции открыл дверцу.

Стало видно, что у мертвецов лица голубого цвета. Даже у Булошникова, вечно румяного, как крымское яблоко.

Рядом сдавленно вскрикнул Козловский. Алексея мелко затрясло...

Картинка 18

Когда группа не вернулась в установленное время, сначала они просто ждали. Потом, во втором часу пополудни, отправились к вилле, но там было темно и тихо.

Вернулись, снова ждали.

Козловский выкурил две пачки папирос. Алеша забыл о грядущей дуэли и даже почти не думал о Кларе.

А в половине седьмого приехал полицейский. Они не знали по-итальянски, а он, как многие из жителей этого кантона, не говорил ни по-французски, ни по-немецки. Поняли лишь: «signor commissario» да «urgente» — в общем, срочно вызывают в полицию.

По дороге князь вполголоса инструктировал помощника, как себя вести на очной ставке с агентами, что отвечать, а чего ни в коем случае не говорить. Они готовились к тому, что группа завалилась и теперь всех посадят в тюрьму или, самое лучшее, депортируют.

Но подобного исхода не ждали...

Алеша мигнул, ослепленный блицем. Полицейский фотограф снимал трупы.

Подошел комиссар, представился. Заговорил на приличном французском:

— Примите мои соболезнования, маэстро... Картина более или менее ясна. Прошу взглянуть вот сюда. — Он взял окоченевшего певца, подвел к автомобилю сзади. — Видите? Выхлопную трубу залепило комком грязи. Такое случается, хоть и очень редко. Вашим товарищам не повезло. Мы, конечно, сделаем вскрытие, но причина смерти очевидна. Синюшность кожных покровов характерна именно для отравления выхлопным газом. Я понимаю, вы в потрясении. Но нам нужна ваша помощь. Нужно установить личность покойных. Собственно, я уже знаю: вот этот брюнет — ваш метатель ножей, а человек с квадратной челюстью — фокусник. Их

опознали служители «Гранд-отеля». Но им не знаком полный господин. Вы можете назвать нам его имя?

Взглянув на Булошникова, Алеша содрогнулся. Один глаз мертвеца был чуть-чуть приоткрыт, и казалось, будто он подсматривает за живыми из какого-то иного мира. То ли с насмешкой, то ли с угрозой...

— Маэстро! — тронул Романова за рукав комиссар. — Вы меня слышите?

Сзади Алешу толкнул штабс-ротмистр.

— ...Не знаю, — с трудом выговорил Алеша. — Впервые вижу...

Когда полицейские разрешили им уйти, они какое-то время шли вдвоем вдоль берега молча. В унылой, темной от дождя дубраве, где их никто не мог увидеть или услышать, князь опустил на колени, прямо на мокрую землю, закрыл лицо руками и простонал:

— Провал... Позор! Бесчестие... А ребят как жалко...

При слове «бесчестие» Алешу словно плетью хлестнуло. Он посмотрел на часы. Без четверти восемь!

— Лавр Константинович, мне нужно отлучиться, по делу... — Он попятился от штабс-ротмистра, который уставился на своего товарища вытаращенными глазами. — Вернусь через час.

— А? По какому еще делу?

Вскочив, Козловский догнал Алешу, схватил за плечи.

— Это у вас потрясение. Успокойтесь!

Когда же Романов, вырвавшись, отбежал в сторону, князь закричал ему:

— Стойте, мальчишка! Я приказываю! Нужно взять себя в руки! Операция провалена. Мы срочно уезжаем.

— Да, да... — лепетал Алеша, отступая всё дальше. — Я... я ненадолго. Встретимся в гостинице.

Штабс-ротмистр гневно стиснул кулак.

— Ах вот вы о чем! Танцорка, да? Опомнитесь, Романов! Наши товарищи погибли, а вы к девчонке на свидание! Идите сюда! Живо!

— Не могу, — твердо сказал Алеша. — Увидимся через час. Или...

Он побежал к дороге.

— Да пропадите вы пропадом! Вы мне омерзительны! — неслось ему вслед. — Глаза б мои вас больше не видели!

— Не увидят, Лавр Константинович, будьте покойны, — шептал Алеша, озираясь.

Где это — «у старого платана»? Как он вообще выглядит, платан?

У старого платана

Но первый же встречный, на Алешино счастье (или, наоборот, несчастье) понимал по-французски и объяснил, где растёт le vieux platane. [28] Очевидно, это была местная достопримечательность. Дерево было видно издали — огромное, с узловатым стволом в несколько обхватов. Оно росло на голом, продуваемом ветрами мыске. Неподалеку стояла коляска с поднятым верхом. Приблизившись, Романов разглядел под деревом две фигуры: синьора Лоди и маленького, чопорного Д'Арборио, казалось, не замечавшего, что распорядитель держит над ним клеенчатый зонт.

Поэт повернулся к молодому человеку, поправил на голове цилиндр и красноречивым жестом достал из кармана золотые часы. Была уже половина девятого.

— Прощу извинить, господа! — крикнул издали запыхавшийся Алеша. — Чрезвычайные обстоятельства задержали.

Обстоятельствами поэт не заинтересовался. Его больше занимало иное.

— Вы в самом деле желаете стреляться с пяти шагов? — с любопытством спросил он. — Так сказал секундант.

Алеша вызывающе вскинул подбородок.

— Вы сами сказали: на любых условиях.

Усмешка тронула синеватые губы уродца.

— Сомневаетесь в своей меткости? Понимаю. Но по европейскому дуэльному кодексу минимальное допустимое расстояние для поединка на пистолетах — десять шагов. Иначе суд классифицирует летальный исход как предумышленное убийство. Мне это ни к чему. Вам, я полагаю, тоже.

— Ну, значит, десять.

Романов был недоволен. Всю дорогу на ходу он тренировался: быстро скидывал руку с воображаемым пистолетом, нажимал на спуск. Однако сразить противника наповал левой рукой с десяти шагов не так-то просто, особенно если стрелять не целясь. Можно и промазать.

— Начнем, что ли? — небрежно предложил он.

Мысли в этот момент у Алеши были такие: убьют — ладно, по крайней мере конец всем проблемам.

Это он, конечно, храбрился, сам себя подбадривал. Дистанция в десять шагов означала, что надежды почти нет. Застрелит его мерзкий карлик и потом еще будет Кларе хвастаться. А она поплачет-поплачет, да и

утешится. В объятьях гнусного плешивца. Мало того — Алешина смерть станет маленьким романтическим эпизодом в биографии кумира публики. Ах, герой, ах, рыцарь чести! Великий Д'Арборио покарал святотатца, который дерзнул покуситься на любовь Барда!

Большое дело для заправского дуэлянта — застрелить неопытного противника, да еще с раненой правой рукой.

Достаточно было взглянуть на змеиную улыбочку, то и дело кривившую рот Д'Арборио, чтобы понять: этот не помилует.

И снова вспомнился Пушкин. Вернее Дантес. Наверное, юный офицерик чувствовал себя перед дуэлью точно так же. Потерявший голову от любви, вытщенный к барьеру немолодым ревнивцем, про которого было известно, что он виртуозный стрелок, для развлечения убивает из пистолета ползающих по потолку мух. А что Пушкин у местных жителей считается большим поэтом, то какая к черту может быть поэзия на их тарабарском наречии?

Мысль про Дантеса неприятно кольнула, но не уменьшила желания продырявить лысую голову пулей.

Больше всего Алешу бесило, что Д'Арборио взирал на него с улыбкой. Она была, пожалуй, не язвительная, а скорее меланхоличная. Вроде как говорящая: «такой юный, а уже на тот свет собрался». Эта самоуверенная мина была отвратительна!

Алеша внимательно выслушал объяснение, как взводить курок. Пистолеты были новые. Большого калибра, с нарезными стволами. Таким с десяти шагов можно, наверное, слона свалить, а человеческий череп попросту разлетится на куски.

Здесь Романову вспомнилась еще одна дуэль, Печорина с Грушницким. Как нечестный секундант не положил в оружие заряд. Синьор Лоди особенного доверия не вызывал.

— Выбирать буду я! — быстро сказал Алеша. Д'Арборио показал жестом: согласен.

Встали на барьеры, роль которых выполняли два воткнутых в землю сука.

Бледный, торжественный Лоди всем своим показывал, что сознает историчность происходящего.

Проходя мимо Романова, он тихонько шепнул:

— Умоляю вас, мсье... Это же великий Д'Арборио!

Ага, он великий, а я букашка, подумал Алеша. Меня раздавить не жалко.

Но вот секундант встал поодаль, на безопасном расстоянии и

дрожащим голосом воскликнул:

— Господа... Прошу!

Со всей возможной поспешностью Алеша поднял пистолет, но, видя, что противник никуда не торопится, стрелять не стал — появилась возможность прицелиться получше. Пистолет был тяжелый, а рука от волнения тряслась. Поймать на мушку высокий желтоватый лоб итальянца никак не получалось. Нужно было метить прямо под цилиндр, уложить врага наповал, иначе он и раненый произведет ответный выстрел. Как упавший Пушкин по Дантесу. Но француза спасла медная пуговица на мундире. У Алеши на пальто таковых не имелось...

Он нажал спуск.

В плечо шарахнуло отдачей, уши заложило от грохота. Из дула вылетела струйка дыма и тут же упорхнула, сдутая ветром.

Д'Арборио стоял, не шелохнувшись. Только цилиндр с головы исчез.

— Grazie a Dio![\[29\]](#) — возопил распорядитель, картинно простирая руки к небу, а потом еще и преклонил колена. Воистину даже один итальянец — это уже аудитория.

Поэт поднял свой головной убор, просунул палец в дырку на тулье.

— Превосходный выстрел. Теперь я.

И тоже переложил пистолет из правой руки в левую. Дешевый позер!

Нет, не дешевый, сказал себе Романов. Дешевый не позволил бы мне выстрелить первым...

Алеша стоял, закусив губу, и готовился к боли. Про смерть как-то не думал. До нее еще нужно было дожить. Сначала — обжигающий удар, и тут лишь бы не завывать, не заорать, не потерять лицо. Потом всё кончится, но смерть почти никогда не бывает мгновенной...

Он повернулся боком, как мог прикрылся рукой и пистолетом. Хуже всего, что в эти последние мгновения чувствовал он себя препакостно. Каким-то Грушницким. Впору было крикнуть: «Стреляйте! Я вас ненавижу, а себя презираю!» Ах, Клара, Клара, это из-за тебя я сошел с ума, подумал Алеша. И опять получилось некрасиво — свалил вину на женщину.

По всему выходило: нехорош Алексей Романов. Пускай пропадает, не жалко.

Черная дырка смотрела прямо в лицо. Сейчас к восемнадцати жертвам великого дуэлянта прибавится девятнадцатая.

Д'Арборио опустил ствол ниже, подпер локоть правой рукой. К чему такая тщательность? Промахнуться мудрено.

Выстрел показался Алеше не таким оглушительным, как предыдущий. Левую руку, которой молодой человек прикрывал бок и низ лица, слегка толкнуло. Но боли не было.

С недоумением он посмотрел на рукав и увидел, что на манжете отстрелена запонка.

Что за чудо?

Синьор Лоди верещал что-то по-итальянски про *belissimo duello* и *annali di storia*, а Романов всё разглядывал свой простреленный рукав.

Подошел улыбающийся Д'Арборио.

— Ну вот, мы квиты. Вы слегка попортили мой туалет, я — ваш. — Он снял перчатку и протянул руку. — Вы смелый человек, мсье. И отличный стрелок. Вы молоды, хороши собой, а главное она вас любит. Рафаэль Д'Арборио — не дракон, от которого нужно спасать принцессу. Клара ваша, вы достойны этой нимфы.

Еще не пришедший в себя Романов вынул из кармана и протянул правую руку (перевязь перед поединком он снял).

Пальцы у итальянцы были горячие, сильные. Алеша вскрикнул.

— Простите, я забыл про вашу руку, — расстроился Д'Арборио. — У вас повреждено сухожилие? О, я знаю толк в ранениях.

Оглянувшись на сияющего секунданта, поэт отвел русского в сторону и понизил голос.

— Вы ведь офицер? Это видно по взгляду, по выправке, по благородству манер. И коли находитесь здесь в разгар войны, на то, конечно же, имеются веские причины... Молчите, не возражайте. Но если вам что-нибудь говорит имя Д'Арборио, вы знаете, что я пламенный враг австрийцев и тевтонов. Вы читали речь, которую я на прошлой неделе произнес в Риме? «Италия, проснись!» Нейтралитет — позор для моей отчизны. Мы должны вынуть меч из ножен!

— Да, я читал. Вас слушали двадцать тысяч людей.

— Тридцать! А услышала меня вся Италия! Теперь скажите. — Он крепко схватил собеседника за плечо. — Что вы ищете здесь, в Сан-Плачидо? ...Хорошо, попробую догадаться сам. Вам нужно проникнуть в бронированную камеру Зоммера. Я угадал?

Романов вздрогнул.

— Откуда вы...?

Итальянец пожал плечами.

— Больше ничего интересного в этом болотце для русской разведки быть не может. Лишь «Шпионская биржа» господина Зоммера. Ради нее

имело смысл прислать группу агентов во главе с таким бравым молодым человеком... — Д'Арборио сделался печален. — Я знаю о несчастье, постигшем ваших товарищей. Их автомобиль нашли на берегу, в десяти минутах езды от виллы Зоммера... Не нужно ничего говорить. Я всё понимаю. Вы потерпели фиаско, вам нужна помощь. Послушайте, я влиятельный человек, у меня связи в самых разных слоях общества. У нас говорят: «человек, у которого есть Друзья». Вы знаете, кто такие «Друзья»?

— Ну как, — удивился Романов. — Друзья — это друзья...

— Вы не знаете, кто такие «Друзья», — констатировал поэт. — Может быть, вам больше знакомо слово «Мафия»?

— Как-как? — переспросил русский. — Впервые слышу.

На закате дня

— Игра продолжается, — сказал Козловский, потирая руки.

Весь день он отсутствовал, а вернулся бодрый, брызжащий энергией. Прямо не верилось, что еще утром тот же самый человек стоял на коленях под дождем и стонал от отчаяния.

— В Лозанне встретился с нашим резидентом. Доложил обстановку, получил полную свободу действий. Полковник объяснил мне, что за «Мафия» такая. Красивое слово. Вашего Д'Арборио нам Бог послал, за наши страдания.

Они находились в номере у Романова, точнее на балконе. Красное солнце, выглянувшее из-за туч лишь на исходе пасмурного дня, уже коснулось своим румяным ликом верхушек гор.

Точно таким цветом пылали Алешины щеки. Он был полуодет, приход командира застал его врасплох.

— Отдыхали? — спросил с порога штабс-ротмистр. — Это правильно. Ночью опять не спать. Да посторонитесь вы, дайте пройти.

Сославшись на духоту, Алеша сразу увел гостя на балкон. Дверь платяного шкафа скрипнула, без видимой причины решив закрыться поплотней, но Козловский был слишком возбужден, чтоб обращать внимание на пустяки.

— Так что это — Мафия? — спросил Романов.

— Итальянская конспиративная организация. Возникла на Сицилии, но действует повсюду, где живут итальянцы. Очень влиятельная. Вроде карбонариев или эсеров, но только не за революцию, а наоборот. Разумеется, не в ладах с законом, но ведь и мы с вами действуем не

дипломатическими методами. В общем, повезло вам с поэтом... Однако холодно здесь. Пойдемте внутрь.

Вернулся в номер и как назло сел к столу прямо напротив шкафа. Алеша заслонил собой дверцу — вроде как прислонился спиной.

— Алексей Парисович, на который час вы условились?

— Мы с Д'Арборио встречаемся в четыре пополудни.

— Отлично. Я еду с вами.

Дверца была вся в поперечных прорезях, на манер жалюзи. В затылок Алеше дуло щекотным ветерком. Сжав губы, чтобы не улыбнуться, Романов как бы в задумчивости похлопал ладонью по шкафу. Это означало: не шали.

— Я должен быть один, — сказал он, сосредоточенно сдвинув брови. — Таково условие.

— Ерунда. Я не в счет. У итальянцев солидный человек без свиты никуда не ездит, это неприлично... Стало быть, в четыре я у вас. Отправимся на ночную экскурсию вместе. Ну, отдыхайте. Я тоже немного посплю.

Князь направился к двери. Заметив, что молодой человек не тронулся с места, прикрикнул на него:

— Немедленно в кровать! Это приказ, ясно?

— Слушаюсь, господин штабс-ротмистр! — отчеканил Романов.

Из шкафа донеслось приглушенное хихиканье.

* * *

До разговоров дело дошло нескоро. Очень нескоро. Клара пришла прямо перед Козловским, и в те пять минут было не до объяснений: поцелуи, объятия, слезы, летящая под кровать одежда. Когда штабс-ротмистр удалился, любовники снова кинулись друг на друга, будто два изголодавшихся хищника.

Солнце давно уже спряталось за горы, свет померк, над озером взошла луна, когда в кровати прозвучала первая мало-мальски членораздельная фраза.

— Какое счастье! Ты живой! Потому что я тебе молилась, — промурлыкала Клара и вдруг сердито воскликнула. — Но он тоже живой! Я его видела! Он на меня не смотрел. Повернулся и не смотрел! Почему он живой?

— Д'Арборио благородный человек. Он понял, что ты любишь не его,

а меня, и отступился. Если бы я его убил, я был бы хуже Дантеса!

— Хуже кто? — наморщила лобик Клара.

Но он не стал читать ей лекцию по истории русской литературы, а сказал то, о чем думал весь день:

— Теперь я понимаю, отчего ты... была с ним.

Она скорчила гримаску.

— Ты будешь меня всегда accusare? Винять?

— Винить, — поправил Романов. — Нет, не буду. Ты говорила, он страшный человек. Это из-за Мафии, да?

Личико танцовщицы стало мрачным, и Алеше впервые пришлось в голову, что она не так юна, как кажется. Наверное, ей больше лет, чем ему. Может быть, двадцать восемь или даже тридцать.

— Это очень опасные люди. — Она поежилась. — Ты тоже занимаешь опасное дело. Я не дура. Я слушала твой пианист. Он не пианист. И ты не певец. Не только певец.

— Не надо про это...

Теперь настал его черед закрыть ей рот поцелуем.

Ночная экскурсия

Обошлись без слов. Алеше поэт молча пожал руку, на его спутника мельком взглянул и ограничился кивком. Козловский ответил низким поклоном. Он нарочно оделся пообтрепанней, чтоб подчеркнуть сугубую незначительность своей персоны. Ничего объяснять не пришлось. Очевидно, штабс-ротмистр был прав относительно итальянских обыкновений.

Свидетелей у немой сцены не было. Ночной портье дремал в пустом фойе за стойкой и не поднял головы.

Д'Арборио был в черном плаще с пелериной, альпийская шляпа с перышком надвинута на самые глаза. Всё это делало его похожим на миниатюрного оперного Мефистофеля.

В глубине аллеи, на некотором расстоянии от подъезда, ждал «паккард» с темными стеклами — Алеша таких никогда не видывал. Из кустов на дорожку ступили двое мужчин в шляпах и строгих, чуть мешковатых костюмах.

Козловский и Романов переглянулись. Полицейские? Или люди Зоммера?

— Это крестники дона Трапано, — успокаивающе объяснил

Д'Арборио.

Что за дон, было непонятно, а его крестники выглядели довольно зловеще, но Алеша чувствовал: вопросов лучше не задавать.

Поэт подал незнакомцам какой-то знак и добавил:

— Мы с вами сядем назад, ваш человек — вперед, к шоферу.

Так и сделали.

Но едва они расселись, люди в шляпах быстро подошли к автомобилю и тоже залезли внутрь, один вперед, другой назад. Пришлось подвинуться, причем Козловский оказался между водителем и первым «крестником», Алеша между Д'Арборио и вторым.

Не произнеся ни слова, новый сосед натянул на голову Романову черный мешок с отверстием для носа.

— Э, э! — запротестовал штабс-ротмистр, очевидно, подвергшийся такой же процедуре.

Д'Арборио положил Алеше руку на локоть.

— Прошу извинить, но таковы правила. К дону Трапано гостей с незавязанными глазами возят только в одном случае... Если не собираются отвозить обратно.

Фраза произвела должное впечатление. В автомобиле надолго воцарилась тишина, лишь шуршала земля под колесами, да сердито пофыркивал мотор.

— Ах, какая ночь, — мечтательно произнес Д'Арборио и продекламировал. — «Il paradiso mio apersi. Era una lima piena...»[\[30\]](#)

— Раз вы любуетесь красотами, делаю вывод, что вам мешок на голову не надели, — ворчливо заметил Алеша. Все-таки тревожно ехать вслепую невесть куда, непонятно к кому, да еще в сопровождении бандитов и полоумного декадента.

Чиркнула спичка, потянуло ароматом сигары.

— Я для дона Трапано не гость, а друг. Италия — единственная страна, в которой разбойники чтут поэзию...

Снова наступило молчание.

Будь что будет, подумал Алеша, откинул голову назад и уснул. Две ночи без сна — это чересчур даже для двадцати трех лет.

Пробудился он от толчка, когда «паккард» резко остановился.

— У нашего «руссобалта» тормоза помягче, — раздался голос Козловского.

Алеша не сразу сообразил, почему это глаза открыты, а ничего не видно. Потом вспомнил.

— Приехали. — Д'Арборио взял его под руку. — Осторожней, я вам

помогу.

Вылезли из машины. Под ногами были каменные плиты. Пахло сыростью, какими-то цветами. Сад, что ли? Или лесная чаща?

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал поэт, чувствуя, как напряжен локоть спутника. — Слово итальянца.

— Ой, не нравится мне такой эпиграф, — вздохнул князь, которого, судя по звукам, тоже извлекали из авто. — «Слово итальянца» звучит, как «дисциплинированность русского».

— Что сказал ваш помощник про Италию и дисциплину? — насторожился Д'Арборио.

— Восхищен тем, какая у вас, итальянцев, дисциплина.

Ответ понравился.

Впереди что-то скрипнуло. Кажется, створки ворот.

Еще шагов пятнадцать, и с Романова сдернули мешок.

Он огляделся.

Сад. Окружен стенами. Ворота уже успели закрыть. Около них двое громил в белых рубашках и жилетках, но при этом в шляпах. У каждого на сгибе локтя по дробовику.

Впереди за деревьями темнел большой дом невыразительной архитектуры.

— Мне начинает казаться, что мы ввязались в паршивую историю, — нервно прошептал Козловский. — Как бы и нас завтра не нашли с синими лицами... Мой сосед вытащил у меня наган. Вас тоже обшарили?

Нет, Алешу не обыскивали. Очевидно, не позволил статус — как-никак офицер, командир разведочной группы. Но от этого было не легче.

Только теперь Романов вспомнил, что «пипер» остался в прикроватной тумбочке. Спросонья Алеша про него просто забыл. Что за несчастная судьба у этого пистолета!

Поэтому ответом на вопрос штабс-ротмистра было неопределенное покашливание.

Д'Арборио позвонил в дверной колокольчик.

Открылось квадратное окошко, из него на гостей смотрели два черных глаза. Наклонившись, поэт что-то сказал. Дверь, недобро скрипнув, открылась.

В логове мафии

Просторная комната, куда проводили поэта и его спутников, очевидно,

исполняла роль приемной. Вдоль стен были расставлены массивные кожаные кресла, а на великолепном сверкающем столе красовался бронзовый чернильный прибор в виде кладбищенского надгробья и торчала целая шеренга телефонов. Несмотря на ночное время, секретарь тоже был на месте — неприметный человек, лица которого Романов не рассмотрел, потому что сей господин, ссутулившись, писал что-то в тетради и от своего занятия не оторвался. Не обращайтесь внимания, слегка махнул рукой Д'Арборио, этот субъект не имеет значения.

Сели. Осмотрелись. Разглядывать было особенно нечего. Из обстановки — пара канцелярских шкафов. На стене большое мраморное распятие и аляповатая картина с Мадонной.

Двое охранников, которые сопровождали русских от самого отеля, застыли по обе стороны от резной двери, вероятно, ведущей в кабинет к загадочному дону Трапано. Лица у «крестников» были смуглые, лишенные какого-либо выражения.

Минут пять спустя, когда Алеша начал ерзать, Д'Арборио тихо сказал: — У дона Трапано временные неприятности с сицилийской полицией, поэтому он обосновался в итальянской Швейцарии.

Алеша кивнул, как будто неприятности с полицией были чем-то вполне естественным.

Судя по всему, нарушать молчание дозволялось только людям с положением. Когда штабс-ротмистр шепотом заметил: «Ну и рожи у этих крестников», поэт нахмурился и поднес палец к губам.

Прошло еще минут десять. Д'Арборио счел нужным пояснить:

— Хозяину доложили о нашем приезде. Дон Трапано сейчас выйдет. Один совет. Крестному отцу не задают вопросы. Спрашивает только он.

Время шло. Тикали настенные часы. Алеша почувствовал, что его снова клонит в сон. Спихнул голову — поймал восхищенный взгляд Козловского. «Ну у вас и нервы», читалось в глазах князя.

Вдруг безо всякого сигнала, оба разбойника взялись за створки и открыли их.

Секретарь вскочил и низко поклонился.

Из дверей, шаркая домашними туфлями, вышел старик в бархатной курточке. Физиономия у него была бритая, благообразная, только черные глаза сверкали чересчур ярко, так что смотреть в них было как-то неуютно.

Д'Арборио и русские встали.

С почтительной улыбкой хозяин приблизился к поэту, пожал его руку обеими своими, поклонился и сказал что-то, вызвавшее у великого человека протестующий жест — мол, что вы, что вы, я недостоин таких

славословий.

Потом Д'Арборио показал на Романова.

— Ecco l'ufficiale russo di cui abbiamo parlato per telefono.

Хороший все-таки язык итальянский. Даже не зная его, можно более или менее догадаться, о чем речь.

Алеша шагнул вперед и поприветствовал старого разбойника по-военному: дернул книзу подбородком, щелкнул каблуками. Князь, как подобает исправному служаке малого чина, просто вытянулся по стойке «смирно».

— Моя миссия завершена, я удаляюсь, — сказал поэт. — Лишние уши при вашей беседе ни к чему. Дон Трапано знает французский, он долго жил в Марселе.

Д'Арборио попрощался с хозяином, и тот снова склонился в преувеличенно благоговейном поклоне.

Поймав взгляд Алеши, поэт подмигнул ему и удалился, миниатюрный, но величественный.

Почтительная улыбка разом исчезла с морщинистого лица дона Трапано. Он поманил посетителей за собой.

— Ну, с Богом, — зашелестел Романову на ухо штабс-ротмистр, прихрамывая сзади. — Говорите, как условлено. Главное не тушуйтесь, поуверенней. Знаю я эту публику: почуют слабинку — живыми не выпустят.

Кабинет выглядел неожиданно. После богатой приемной Романов ожидал увидеть нечто еще более роскошное, а вместо этого оказался в тесной, убого обставленной комнатенке. На полу домотканые коврики, у облупленного стола два соломенных кресла, черный крест на голой стене. То ли крестьянская горница, то ли монашеская келья. Это император Николай Первый, говорят, точно так же любил впечатлять окружающих: во дворце пышность и великолепие, а в личных покоях суровая солдатская простота. Или, может быть, дон Трапано уютнее себя чувствовал в этом плебейском антураже, а на впечатление посетителей ему было наплевать.

Поскольку кресел было всего два, сели хозяин и Алеша. Штабс-ротмистр скромно пристроился позади Романова. Руки положил на спинку. Вероятно, рассчитывал, что будет незаметно подавать напарнику сигналы, тыча его пальцем в плечо.

Картинка 20

— Уважаемый дон, — внушительным тоном начал Алеша, не вполне уверенный, как следует величать собеседника, — синьор Д'Арборио сказал

мне, что вы любезно согласились помочь моей стране в весьма деликатном и очень непростом деле...

Старик неторопливым, властным жестом велел ему замолчать — поднял ладонь. Романов споткнулся прямо на середине цветистой фразы.

— Я не привык разговаривать с подчиненным, когда рядом находится начальник, — сказал дон Трапано на скверном французском, глядя своими пронзительными глазами поверх Алешиной головы на Козловского.

— Что, извините? — растерялся Алеша.

Князь хмыкнул.

— Дядька-то непрост. Вставайте, Алексей Парисович. Теперь я посижу.

И они поменялись местами.

— Капитан императорской гвардии князь Козловский, — представился командир, и, невзирая на обтерханный пиджачок, по тону, манере сразу стало видно, что это, действительно, князь и вообще персона значительная. — Я вижу, вы человек дела. Поэтому сразу перейду к сути проблемы. Мы хотим...

— Я знаю, чего вы хотите, — перебил его дон Трапано. Он явно не привык тратить время на лишние разговоры. — И знаю, как вам помочь. Я дам вам лучшего специалиста. Он выполнит основную работу. От вас потребуется две вещи: обеспечить доступ в дом и узнать код. Это всё.

Козловский помолчал, осмысливая сказанное. Остался не удовлетворен. Опасно связываться с человеком, чьи побудительные мотивы неизвестны.

— Скажите, отчего вы решили помочь русской разведке? — спросил он, хоть и помнил, что дону задавать вопросов не полагается. — Неужто из одного уважения к поэзии?

У могущественного человека раздраженно шевельнулась седая бровь, но князь смотрел собеседнику прямо в глаза, и по выражению лица было видно — не отступится.

Дон Трапано кивком дал понять, что уяснил скрытый смысл вопроса: перед ним не просители, а представители великой державы, и разговаривать с ними следует в открытую.

— Скажем так... Мы решили, что война на стороне Антанты будет Италии полезна, — коротко ответил итальянец, слегка выделив слово «мы». — И больше никаких вопросов. Иначе будете решать свою проблему сами. Итак, первое: доступ в дом. Второе: код. Когда будете готовы — сообщите через дотторе Д'Арборио.

— Допустим, мы придумаем, как проникнуть на виллу. Но у Зоммера

сильная охрана!

Старик сердито стукнул ладонью по столу и поднялся.

— Повторяю последний раз. Ваша забота: доступ в дом и код.

Двери сами собой распахнулись за спиной у русских. Аудиенция была окончена.

— Тоже мне союзничек, — зло сказал Козловский, когда они выходили. — Умеет только языком трепать! Дон *Трепано*! Попусту время потратили. Что за код такой? К сейфу, что ли? Если б мы знали код сейфа и могли проникнуть на виллу, на черта нам Мафия? Эх, Алексей Парисович. Бой проигран, и флаг спущен. Завтра доложу резиденту, и домой. С позором...

Настал миг расставания

Они сидели вдвоем на высоком берегу. Он понурый, несчастный. Она заплаканная, безутешная.

— ...Ну вот, я всё тебе и рассказал... Сама видишь, какой из меня разведчик. Мы с тобой выбрали плохое время для любви. Сегодня ночью уезжаю...

А как было не рассказать? Тем более что Клара и так обо всем догадалась — еще когда отсиживалась в шкафу. Она ведь не дурочка. Пускай Алексей Романов горе-шпион, но с любимой женщиной, по крайней мере, он поступил честно.

Со скамейки, на которой расположились бедные влюбленные, были видны дома городка и — на зеленом утесе — проклятая вилла, так и оставшаяся неприступной.

— Нет! Нет! — рыдала Клара. — Ты не уедешь! Не сегодня! Это нельзя! Я умру!

— Не могу. Получен приказ. Задание провалено, нужно возвращаться.

Она порывисто обняла его, стала целовать и сбивчиво заговорила:

— Ты будешь победитель! Ты выполнишь задание! Ты остаешься со мной еще день, или два, или даже три. Ты вернешься домой триумфатор, царь Николай даст тебя самый главный медаль!

Алеша улыбнулся сквозь слезы.

— Не надо улыбаться! — Клара ударила его кулачком в грудь. — Я буду тебя помогать! Я для тебе всё сделаю! Дон сказал попасть на виллу и какой-то код? Я всё узнаю!

Мысленно обругав себя за болтливость, Романов схватил ее за плечи:

— Ты что задумала?

Она высморкалась в платок и с поразительным хладнокровием, как-то очень уверенно заявила:

— Зоммер любит красивые женщины. А я красивая. Он на меня всегда смотрит. Два раза посылал букет розы. Но я посылала обратно, потому что Зоммер противный. Теперь я буду с ним. Я всё узнаю и скажу тебя.

— Как ты... Как ты могла подумать, что я соглашусь...

Он вскочил со скамейки, весь дрожа от ярости.

— Маленький дурак, — ласково сказала Клара. — Совсем не обязательно спать с мужчиной, чтобы узнавать его секрет. Хочешь, я клянусь? — Она вынула из-под платья крестик, поцеловала его. — Убей меня гром и молния, если я буду делать любовь с этот жирный, некрасивый Зоммер!

Горькая тризна

Вечером в гостиничном ресторане штабс-ротмистр Козловский и унтер-офицер Романов справляли тризну по погибшим товарищами и по собственной незадачливой судьбе. В восемь часов утра таксомотор должен был доставить двух уцелевших членов разведгруппы в Лугано на вокзал, оттуда поездом в Венецию и дальше кружным морским путем, через Скандинавию в Петербург. Предстояла долгая и грустная дорога, особенно горькая для Алексея, потерпевшего поражение не только служебное, но и любовное.

Последнее свидание на озере закончилось катастрофой. Теперь стыдно было об этом вспоминать. Он кричал, что не будет альфонсом, сутенером. Клара ответила: «Ты просто не любишь» и ударила его узкой рукой по лицу — сильно и больно. Еще кинула: «Дурак! Идиот!» Повернулась и убежала.

Ну и отлично, сказал он себе, вытирая окровавленную губу. Так даже лучше.

А потом, вечером, когда мрачно курил на террасе, увидел Клару. Нарядная, смеющаяся, она садилась в машину к Зоммеру.

Что это означало? Неужели она все-таки решилась осуществить свое намерение? Или просто устроила демонстрацию, чтобы больше досадить своему обидчику?

Козловскому про свои страдания Алеша, конечно, не рассказал. Князю и собственных терзаний было более чем достаточно.

За столик они сели поздно, когда в зале уже почти не оставалось посетителей.

Бессердечная кокотка, горестно думал Романов, пока штабс-ротмистр делал заказ. Зоммер богат, а ей нужны деньги. Еще, поди, про нас с Козловским ему доложит. Ну и черт с ней. Все равно дело кончено.

Но в смятенной душе звучал и другой голос, укорявший: «Как тебе не стыдно! Она не такая! Ради любви она готова на всё, а ты...»

Не удержался Алеша, всхлипнул.

— Ой, только без этого. Ради Бога, а? — попросил князь. — А то я сейчас сам слезу пушу.

Надобность изображать «маленького человека» отпала, поэтому штабс-ротмистр был в хорошем сюртуке, полосатых брюках и с траурной повязкой на рукаве.

Стоявший у стола официант был сильно удивлен метаморфозой, которая произошла со скромным аккомпаниатором, но безошибочным нюхом почуял аромат нешуточных чаевых и потому был само подобострастие.

— За наших товарищей, земля им пухом. — Козловский выпил из бокала, поморщился. — Ты что нам принес? Я же сказал: массимо форте. самого крепкого давай. Нет, к черту коньяк! Граппу неси. Граппа — кларо?

Служитель поклонился и исчез.

Штабс-ротмистр проводил его тяжелым взглядом.

— К черту всё. Не по мне эта служба. И я не по ней. На фронт попрошусь. Сейчас война позиционная — все одно в окопе сидеть, хромая нога не помеха...

Картинка 21

Официант бегом тащил поднос, на котором сверкал хрусталем огромный графин с прозрачной жидкостью.

— Выпьем молча, — сказал Козловский. — Сами знаем, за что.

Унтер-офицер опрокинул рюмку за любовь, до дна. Глотку обожгло, будто жидким пламенем. Сердце заколотилось еще пуще.

А в эту самую минуту ...

Ах, если б Алеша мог видеть, что происходило в этот миг в какой-нибудь миле от отеля, его сердце было бы окончательно разбито. Зоммер и

его гостя были на втором этаже виллы, в спальне. Они стояли у окна и целовались. Потом мужчина, возбужденно сопя, сполз губами с лица Клары вниз, к шее. Расстегнул пуговики на платье, обнажил плечо, стал целовать его.

Женщина смотрела на его мясистый затылок с отвращением, но при этом не забывала издавать сладостные вздохи. Когда он взял ее за талию и потянул к ложу, она с тихим смехом выскользнула из жадных рук и кокетливо показала на дверь ванной. Хохотнув, Зоммер шлепнул ее по бедру:

— Только поживей, кошечка. Я весь горю!

Он подождал, пока за красоткой закроется дверь, и начал раздеваться. Зоммер знал, что нехорош фигурой, поэтому проделал эту процедуру с предельной скоростью. Забравшись под одеяло, устроился поудобнее, включил лампу и приготовился к чудесному зрелищу. Обнаженная прелестница, изготовившаяся к любовным утехам — что может быть пикантней?

То, что она заставляла себя ждать, лишь распаляло аппетит. Зоммер нетерпеливо поерзал, провел по губам толстым языком.

В ванной лилась вода. Что-то звякнуло. Должно быть, чаровница от волнения обронила какую-нибудь дамскую безделицу — пудреницу или помаду.

— Рогсо![\[31\]](#) — шепотом обозвала Клара некстати звякнувший шпингалет и высунулась из окна.

Внизу, под обрывом плескалось озеро.

Оглянувшись, она стянула через голову платье. Вокруг талии была обмотана лестница из тонкого прозрачного шелка.

Один конец Клара закрепила на опоре жалюзи, предварительно проверив ее прочность. Ко второму привязала гирьку, извлеченную из сумочки. Спустила вниз.

Потом плотно прикрыла створку, но шпингалет запирать не стала.

В пьяном угаре

— Двенадцать рюмок тащи! — инструктировал штабс-ротмистр официанта. — До дичи, кларо? И еще до дичи! Тутто венте кватро![\[32\]](#)

Тот умчался. Козловский повернулся к товарищу, задушевно сказал:

— Алеша, давай на «ты». Связала нас судьба одной веревочкой, да на ней же и вздернула. Оба мы с тобой му... тьфу! музыканты.

— Хорошо, — согласился Романов. На «ты» так на «ты». Разница в возрасте небольшая, лет восемь.

Официант уже возвращался с новым подносом, сплошь заставленным крошечными рюмками.

— Вот так и вот так, — показал князь. Двенадцать рюмок встали в шеренгу перед ним, двенадцать перед Алешей. Официант в два счета наполнил их граппой. В его взгляде читались недоверие и ужас.

— Я тебя научу пить по-гвардейски, за апостолов.

— Как это? — без интереса спросил Романов. Сердце у него сжималось так тоскливо — хоть на луну вой.

— Очень просто. Делай, как я. — Штабс-ротмистр скривился на рюмки. — Тьфу, наперстки какие-то. Значит, так. За апостола Петра!

Он осушил крайнюю правую. Алеша последовал его примеру.

— За Матфея.

Выпили по второй.

— За Иоанна.

По третьей, но Алешу пришлось немного подождать, он закашлялся.

— За Иакова сына Зеведеева.

Тут младший из собутыльников сдался — поднял руки. Князь досадливо крикнул, но не остановился.

— За Иакова сына Алфеева... После двух Иаковок разрешается закусить.

Отломил кусочек хлеба, понюхал, проглотил. Алеша хотел подцепить кусочек горгонзолы, но никак не мог попасть в сыр вилкой.

— Так, теперь за Андрея Первозванного. Не отставать! ... За Фому Неверящего... За Филиппа... За Варфоломея... За Симона Зилота... За Иуду Леввея... А Иуде Искарриоту — вот. Об твердь земную!

С этими словами Козловский выплеснул последнюю, двенадцатую порцию на скатерть, а саму рюмку с размаху грохнул об пол — официант жалобно вскрикнул. Князь кинул ему купюру.

— На, не переживай... Алеш, ты что?

Его молодой друг сидел с разинутым ртом, пытаясь сделать вдох.

Прислушавшись к себе, штабс-ротмистр констатировал:

— Не пробило. Ну-ка, как тебя... Еще неси. Анкора!

Голова у Алеши с каждой секундой делалась всё тяжелее. Одной шеей на весу ее было уже не удержать. Пришлось подпереться сначала одной рукой, потом двумя.

— Где ты, где ты? — уныло повторял пьяный Романов, взывая к Кларе. Князь взял его за ухо, повернул к себе.

— Да вот же я. Ослеп ты, что ли?
— Где ты? — безнадежно всхлипнул Алеша.

Лучше ему было этого не знать...

Господину Зоммеру было хорошо. Он полулежал на подушке, потягивал из тонкого бокала херес, время от времени подносил ко рту сигару.

Танцовщица лежала рядом, уткнувшись носом в его плечо и ровно дышала во сне. Умаялась, цыпочка, самодовольно подумал он. Не всякий способен на шестом десятке так утомить женщину.

Ему тоже хотелось спать, но до двенадцати было нельзя. Вот сменит код, тогда впору и отдохнуть. К утру пыли поднакопится — глядишь, еще разок покувыркаемся.

Милашка пролепетала во сне что-то нежное, трогательное. Зоммер осторожно взял со столика часы. Без пяти. Пора.

Тихо поднявшись, он накинул халат. Женщина грациозно перевернулась на другой бок. Одеяло сдвинулось, вдоль спины по ложбинке пролегла мягкая тень.

Улыбнувшись, Зоммер вышел.

В следующую же секунду Клара бесшумно, не скрипнув пружиной, поднялась и перебежала к двери.

Грузный человек в халате шел по коридору, пол поскрипывал под его шагами. Сзади, ночной бабочкой скользил белый силуэт.

На верхней площадке лестницы в креслах сидели охранники. Кларе пришлось прижаться к самой стене, чтобы не попасть в их поле зрения.

Коридор повернул направо. Она успела увидеть, как хозяин входит в какую-то дверь.

Картинка 22

Высунулась из-за краешка, готовая отпрянуть обратно. Но Зоммер назад не смотрел.

Судя по книжным полкам, тут находилась библиотека.

Волосатая рука тронула фолиант в кожаном переплете. Открылся секретный ход.

Когда Зоммер вошел в него, Клара на цыпочках, танцующей походкой переместилась к тайнику. Выглянула.

Невидимые часы начали отбивать полночь. Зоммер что-то повернул на пульте и пробормотал вслух, запоминая:

— Sechs-drei-sechs-acht-zwei-zwei. Sechs-drei-sechs-acht-zwei-zwei...

Сзади что-то скрипнуло.

Президент «Шпионской биржи» быстро обернулся, правая рука юркнула в карман халата. Прислушался — тихо.

Зоммер подбежал к светлому прямоугольнику двери. В библиотеке было пусто. На ветру скрипнула приоткрытая форточка.

Тогда морщины на лбу коммерсанта разгладились. Он запер тайник и вернулся в спальню.

Девчонка спала в той же позе, только одеяло сползло еще ниже.

Сочные губы Зоммера тронула улыбка.

Молодо-зелено

— Эх, молодо-зелено... — Козловский с умилением взглянул на сомлевшего товарища и выплеснул граппу на пол. — А Иуде Искарйоту — вот!

Наученный опытом официант был наготове и ловко поймал брошенную рюмку на растянутое полотенце. Очередная купюра, впрочем, все равно полетела следом за рюмкой.

Сосредоточенно жуя ломтик груши, штабс-ротмистр о чем-то размышлял. Некая мысль явно не давала ему покоя. Он потряс за плечо уткнувшегося в скрещенные руки Романова.

— Леша! Леша, проснись!

Молодой человек выпрямился, но глаз не открыл.

— Вот скажи: государь император — помазанник Божий?

— Божий.

— А Бог — Он есть? Ведь если Бога нет, то кто ж тогда императора на царство помазал? По какому праву он над нами властвует? Есть Бог?

— Не знаю, — ответил Романов и заморгал. Князь тяжело вздохнул.

— Вот и я не знаю... Во что же тогда верить?

— В любовь.

Голова унтер-офицера снова склонилась к столу.

— Э-э, брат... — Штабс-ротмистр потрепал романтика по загривку. — Нет никакой любви. Одно паскудство.

Но любовь есть!

Теперь Алеша твердо это знал. Бледный после алкогольных излишеств, но счастливый и торжествующий, он объяснял, показывая на схеме: — ...Вот здесь окно ванной, оно находится в эркере, прямо над обрывом. Мы видели снизу, из лодки. Это метров пятнадцать-двадцать от поверхности воды. Лестница прозрачного шелка из дома не видна. Окно закрыто, но не заперто. Госпожа Нинетти говорит, что уборку в доме делают по субботам, а значит, до того времени никто этого не обнаружит...

Козловский и дон Трапано внимательно следили за кончиком карандаша. В утреннем свете «крестный отец» в вязаном жилете и его скромная комнатка выглядели очень мирно, даже идиллически. За окном на ветвях апельсиновых деревьев висели тяжелые плоды, ласковое солнышко просвечивало сквозь патриархальные тюлевые занавески. Русских снова привезли сюда с завязанными глазами, но сегодня эта процедура уже не показалась им зловещей — комичная причуда старомодных разбойников в духе Луиджи Вампы из романа «Граф Монте-Кристо».

Волшебница Клара, будто Царевна-Лебедь, одним взмахом крыла разрешила все Алешины трудности.

Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу

Спасла честь возлюбленного, оказала бесценную помощь России! С какой бесшабашной веселостью, с каким юмором рассказывала эта поразительная девушка про свои приключения! Она подсыпала Зоммеру в вино снотворного, и сластолюбивый осел вскоре после полуночи осовел, задрых, так и не получив того, на что надеялся. Клара добилась всего: подсмотрела, как открывается тайник; запомнила код; обеспечила безопасное проникновение в дом — и при этом оставила идиота с носом, отделавшись парой поцелуйчиков. А чтоб не заподозрил неладное, оставила ему укоризненную записочку: «Как ты посмел уснуть! Меня никогда еще так не оскорбляли!» Ну не прелесть?

Отчаянная, бесшабашная, рисковая, готовая на все ради нескольких украденных у судьбы дней счастья. Громокипящий кубок, а не девушка!

— ...Из ванной мы попадем в спальню Зоммера, — продолжил Алеша и нахмурился, вдруг заметив, как при слове «спальня» слушатели украдкой переглянулись. Выражение их лиц ему очень не понравилось.

— Не смейте делать такие глаза! — вспыхнул он. — У Клары ничего с ним не было! Вы не знаете эту женщину!

— Да мы ничего, тебе померещилось, — поднял руки Козловский. — А женщина, действительно, чудо. Успокойся, Лёш, ты что?

И дон Трапано тоже приложил ладонь к груди: мол, вам, мсье, показалось.

Но Романов все равно закончил очень сухо:

— Код на сегодня известен: 636822. Таким образом, господин Трапано, ваши условия мы выполнили. Попасть на виллу мы сможем со стороны озера. Код тайника тоже известен. Но что делать с Зоммером и его телохранителями? А Клара рассказала, что кроме них в саду и на первом этаже дежурят еще шесть человек.

— В саду и на первом этаже вам делать нечего. А на втором этаже вам никто не помешает. С Зоммером проблем не будет, обещаю. Код — хорошо. Остается стальная дверь...

— Какая дверь? — удивился штабс-ротмистр. Вместо ответа старик нажал под столом кнопку. В комнату без стука вошел очень коренастый, почти квадратный человек с широким безгубым ртом и очень узкими, полуприкрытыми глазами — словно природа прорезала по каменному лицу три щели: большую снизу, две маленьких сверху.

— Это мой крестник, Молчун Чичо. Лучший в мире специалист по замкам. Он пойдет с вами.

Князь демократично протянул устрашающему квазимодо руку и улыбнулся, но Чичо на него не взглянул. Он стоял, будто истукан, и смотрел только на своего крестного папашу.

Улыбка сползла с лица штабс-ротмистра, рука сжалась в кулак и опустилась.

Проблем не будет

В этот четверг, по своему всегдашнему обыкновению, Герберт-Мария Зоммер наведлся в Лугано, чтобы положить в банк честно заработанные деньги.

Неделька выдалась хлебная, но бурная. Общее сальдо получалось следующее.

В приход следовало записать новый беспрецедентно выгодный заказ от австрийцев. Майор Фекеш выразил желание сделать крупную оптовую закупку: приобрести всю картотеку по Италии. Эта страна чрезвычайно

интересует Вену как потенциальный противник. Очень вероятно, что помимо двух существующих фронтов — русского и сербского — у императора Франца-Иосифа вскоре появится третий, итальянский.

За одну только опись всех имеющихся товаров Фекеш заплатил сто пятьдесят тысяч крон. Когда ознакомился с ассортиментом, весь затрясся от алчности. Назначенная цена превышает его возможности, но он обещал, что надавит на свой Генштаб. Если сделка состоится, нужно будет вложить всю выручку в аргентинский скотобойный бизнес. Спрос на консервированную говядину, производимую вдали от зоны военных действий, наверняка возрастет. Пока на этом наживаются североамериканцы, но рано или поздно Штаты тоже втянутся в европейскую заваруху, и тогда наступит звездный час Аргентины. В таких прогнозах Герберт-Мария не ошибался.

Туда же, в плюс, попадал новый покупатель — итальянская разведка. Вчера был многообещающий звонок из Рима. Интересовались, нет ли у синьора Зоммера сведений по Тирольскому укрепрайону. Как не быть, есть. И не только по Тирольскому.

А еще (чутье подсказывало) очень скоро активизируются американцы. У этих, всем известно, денег куры не клюют. Стало быть, возрастут все расценки. Остальным странам придется подтягиваться. Это неизбежно.

Теперь графа «затраты».

Позавчера ночью русская разведка предприняла весьма наглый рейд. Этого следовало ожидать. Пустопорожний разговор в Локарно с русским военным агентом насторожил Зоммера. Сразу после ужина он протелефонировал на виллу, чтобы охрана усилила меры безопасности, но опоздал. Аппарат не отвечал. Все шестеро часовых к тому моменту уже были нейтрализованы. Но отличная система дополнительной защиты не подвела. Операция русской разведки провалилась, причем со значительными потерями. Это им урок. Пусть знают, что с Гербертом-Марией Зоммером такие шутки не проходят.

Олухи-охранники уволены без выходного пособия. Итальянцы слишком беспечны, теперь виллу сторожат надежные цюрихские парни.

Пожалуй, это все-таки не затраты, а дополнительная инвестиция в совершенствование производства.

Жалко, конечно, милягу Жубера. Заменить его пока нечем, придется справляться в одиночку. Но нет худа без добра. Старик в последнее время здорово сдал, часто прихварывал. С ним так или иначе следовало что-то решать.

Единственная проблема, которая возникнет в результате этого

инцидента — отношения с русскими. Нация самолюбивая, обидчивая. Хотя какие тут могут быть претензии? Сами первые проявили агрессивность, он всего лишь защищал свою собственность.

И все же нехорошо. Нельзя нарушать равновесие, нельзя превращаться в эксклюзивного поставщика Венского императорского двора, иначе начнутся сложности в отношениях со всеми разведками стран Антанты.

Пожалуй, проще всего будет подкинуть что-нибудь важное по льготной цене французам и англичанам. А они взамен пусть попридержат на цепи русского медведя.

Зоммер откинулся на мягком сиденье «роллс-ройса», окинул благосклонным взглядом озеро, заснеженные вершины гор.

Жизнь была прекрасна: полна опасностей, но и щедро.

Поразмыслив о делах, Герберт-Мария позволил себе немного расслабиться. Что за чудо эта танцорка! Мила, резва, изобретательна. Жалко, утром он проснулся слишком поздно, не хватило времени на анкор. Надо будет послать за нею вечером.

Он стал представлять, сколько всего интересного можно испытать с такой удачной партнершей. Глаза заблестели, губы плотоядно задвигались.

Шофер «роллс-ройса» нажал на клаксон. Болван-пастух в соломенной шляпе вздумал перегонять через дорогу стадо овец. Огромное серо-белое пятно расплзлось по шоссе, обтекая лимузин с обеих сторон. Из машины сопровождения вылезли телохранители, стали орать на кретина, чтобы поскорей убрал с проезжей части свою вшивую орду.

Можно поиграть с Кларой в овечку и волка, подумалось Зоммеру. Сначала он волк, она овечка, потом наоборот...

— Чертовы итальяшки! — заворчал Дитрих, личный телохранитель и шофер президента. — Безмозглые дикари! Как хотите, шеф, но тут у нас самая паршивая часть Швейцарии...

И не договорил. Увидел что-то в зеркало заднего вида. Вскрикнул.

Зоммер обернулся.

Прямо из середины стада выросли четыре силуэта, тоже в овечьих шкурах. Четыре ствола ударили картечью по охранникам. А потом еще. И еще. И еще. И по «форду-фаэтону», от которого во все стороны полетели щепки и кусочки железа.

Все шестеро цюрихских парней были изрешечены в какие-нибудь несколько секунд. А Дитрих в этот роковой миг сплосковал. Вместо того чтобы отстреливаться, ойкнул и уткнулся в руль — как перепуганный ребенок носом в подушку. Вот тебе и Железный крест, золотой кубок за стрельбу, четыреста франков жалованья!

Но у Герберта-Мариинервы были покрепче, чем у телохранителя. С поразительным для такой комплекции проворством коммерсант вывалился из дверцы с противоположной стороны. Втиснулся между двумя овцами, которые вблизи оказались довольно жесткими и очень пахучими. Стал продираться вперед, к озеру. Баран больно ткнул Зоммера в бок, но это была ерунда.

Картинка 23

На четвереньках президент выполз на обочину, скатился в кювет. А там уж было рукой подать до спасительных кустов.

Вслед ему никто не стрелял — прошляпили, недоумки!

Четверо убийц маячили возле «роллс-ройса». Дитрих наконец опомнился, сунул руку под мышку.

Поздно.

Мощный залп превратил роскошную машину в сито.

Черт с ней! Другую купим.

Судьба хранила Герберта-Марию. Спасала от верной гибели уже не в первый и не во второй раз.

Спуститься вниз, к воде. И бежать со всех ног к ближайшей деревне. Сверху не попадут, обрыв прикроет.

За первым же кустом Зоммера с двух сторон подхватили под руки. Третий человек сзади набросил ему на шею удавку. Короткий визг оборвался сипением.

Десять минут спустя с высокого берега одна за другой рухнули две машины. Вода взметнулась, покачалась, утихла.

Вдоль дороги, блея, брело овечье стадо.

Сияло солнышко, зеленела не пожухшая и в ноябре травка. Пастораль да и только.

Вторая попытка

Сколько раз Алеша читал в романах про то, как герой лезет куда-нибудь по веревочной лестнице. И в фильме одной видел, из средневековой жизни. Там это у актера получилось очень ловко. Раз — и наверху, в башне.

Но оказалось, что подниматься по веревочной лестнице очень неудобно и довольно страшно.

Неудобно, потому что не видно, куда ставить ногу; невесомые

перекладинки все время норовят выскользнуть из-под подошвы; лестницу раскачивает, тебя всего вертит и бьет о камни то спиной, то плечом, то коленом. И это еще Козловский нижний конец придерживает, иначе вообще бы ничего не получилось.

Ну а страшно, потому что наверху темно, не видно, сколько еще осталось. Вниз и подавно лучше не смотреть — там чернота и плеск волн. Лодка стоит на якоре, скрытая густой тенью обрыва.

Ночь пасмурная, безлунная. То есть, с диверсионной точки зрения лучше не бывает. Но до чего же бесприютно и жутко!

Картинка 24

Чтобы не думать о том, куда придется падать, если сорвешься — в воду или на камни, Романов принялся считать перекладины.

Идея была хорошая. Во-первых, страху поубавилось. Во-вторых, дело пошло быстрее. В-третьих, как известно, прогресс складывается из суммы количественных изменений.

На счете «тридцать три» он разглядел над головой массивный силуэт эркера. Поправил лямки пустого рюкзака, предназначенного для добычи, и полез дальше. Близость цели придавала сил, а приобретенные навыки ускорили последний этап восхождения.

Еще десять перекладинок, и Романов оказался на каменном выступе подоконника. Увидел, как надежно, тройным узлом закреплен на железном штыре конец, и на сердце потеплело. Кларочка позаботилась. Знала: в ее руках жизнь любимого.

Как и было обещано, створка открылась от толчка. Петли не скрипнули — умница Клара догадалась смазать их кольдкремом.

Алеша перегнулся и дважды мигнул фонариком. Всё в порядке, я наверху, можно.

Следующим должен был подниматься штабс-ротмистр. Ему с хромой ногой труднее, чем остальным, поэтому решили, что Романов будет придерживать лестницу сверху, а Чичо снизу.

Шелковые бечевки натянулись, закачались.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать, а князь все не появлялся. Соскучившись, Алеша попытался рассмотреть ванную, но в ней было совсем темно. Где-то близко из крана капала вода.

На двадцать второй минуте внизу, наконец, послышалось тяжелое дыхание.

Схватив командира подмышки, Романов помог ему перевалиться через

подоконник. Как и Алеша, князь был в темном костюме. Это чтобы какие-нибудь припозднившиеся любители лодочных катаний не заметили на склоне подозрительных альпинистов.

— Уф, — задыхаясь, прошептал Козловский. — Думал, не долезу.

Последним поднялся Молчун. У него за плечами был тяжелый кожаный мешок с инструментами, да и нижний конец лестницы никто не придерживал — пришлось просто привязать к лодке, а все же итальянец вскарабкался гораздо быстрее русских. Очевидно, имел в таких делах навык.

Наконец, вся небольшая группа была наверху.

«Пора!» — махнул рукой отдышавшийся штабс-ротмистр и приоткрыл дверь в спальню.

Там было пусто. Постель не расстелена.

Чичо отодвинул офицера и спокойно, не слишком заботясь о производимом шуме, пересек комнату. Правда, в коридоре его шаги сделались осторожнее, потому что откуда-то снизу доносились голоса. Но дон Трапано не обманул. На втором этаже не было ни души.

Куда подевались Зоммер и его охранники?

Пока плыли в лодке, князь пытался задавать итальянцу вопросы, но Молчун ни на один не ответил. Он вообще не произнес за всё время ни слова. Если что-то хотел сообщить, обходился жестами. Козловский и Романов пришли к выводу, что он немой. Отсюда и прозвище. Безъязыкий специалист по замкам — чем не идеальный крестник для дона Трапано?

Глядя, как уверенно ведет себя на вилле Чичо, штабс-ротмистр нахмурился. Командир в бою может быть только один, все остальные обязаны ему повиноваться.

Твердо взяв специалиста за руку, князь развернул его к себе и тихо, раздельно сказал:

— Стоп. Фар ньенте. Йо парларе — ту фаре. Кларо?[\[33\]](#)

Немой кивнул.

— Лёша, ну-ка, посмотри, что там.

Князь мотнул подбородком в направлении голосов.

Романов двинулся к лестнице. Очень удобная для разведчика вещь — крестьянские туфли на веревочной подошве. Поступь мягкая, шума почти никакого.

На верхней площадке ничего, только пустые кресла.

Алеша чуть высунулся из-за перил.

Внизу, у столика с телефонным аппаратом стояли двое мужчин. У одного кобура на поясе, у другого под мышкой.

— Нет, не возвращался... — взволнованно докладывал кому-то в трубку один по-немецки (второй нервно переминался с ноги на ногу). — Ни на что непохоже... Да, меры приняты. В саду выставлены двойные посты...

Попятившись назад, Романов махнул штабс-ротмистру: можно действовать.

Схема, нарисованная Кларой, была предельно ясна.

Повернули по коридору направо, четвертая по счету дверь привела в библиотеку.

Фальшивый фолиант, рычаг к потайной двери, тоже отыскался без труда.

Скрипнул механизм, полка отъехала, открылся вход.

Пропустив напарников вперед, штабс-ротмистр вошел последним и плотно задвинул переборку.

— Здесь полная звукоизоляция, — сказал он громко, осветив фонарем стены. — Хоть пой... Вот свет включать мы не будем, — остановил князь потянувшегося к выключателю Романова. — Вдруг у них там внизу какой-нибудь сигнал включится? Поставь свой фонарь на пол, нам хватит.

Тем временем Чичо приладил на голову кожаный ремень с лампочкой, подошел к стальной перегородке и принялся внимательно ее рассматривать. Зачем-то задрал голову, привстал на цыпочки, пощупал потолок.

— Сейчас откроем. Момент — аперто, [\[34\]](#) — усмехнулся штабс-ротмистр, которому понравилось изъясняться по-итальянски.

Он подошел к щиту, на котором светились огоньки.

— Круглые рычажки с цифрами... Очевидно, вот эти. Набираем 636822. Теперь повернуть ручку. Ну-ка...

Стальная стена с тихим шипением отъехала, за ней открылось темное пространство — то ли проход, то ли ниша.

Штабс-ротмистр посветил туда фонарем.

— Что за черт! Пусто!

Луч забликовал по поверхности еще одной двери, как две капли воды похожей на предыдущую, но со стальным кольцом посередине.

— А где картотека? Эй, специалист, ты что-нибудь про это знаешь? Специалиста! Сапере?

Похоже, что знал. Во всяком случае, удивленным Чичо не выглядел. Он невозмутимо шагнул вперед, снимая со спины свой кожаный мешок. Однако когда русские тоже хотели войти в странный тамбур, энергично замотал головой.

— No! Solo uno! [\[35\]](#)

И попробовал выпихнуть Алешу обратно.

— Ты, оказывается, умеешь говорить! — рассердился князь. — Покомандуй мне! Чего это «соло уно»? Оба войдем. Тутти дуэ!

— Упо, — повторил Чичо. Штабс-ротмистр показал ему кулак.

— Надоел мне этот уголовник. Закончим — набью рожу, поучу вежливости. Дуэ. Кларо?

Итальянец пожал плечами: мол, дело ваше.

Когда все трое оказались внутри камеры (теперь стало окончательно ясно, что это всего лишь преддверие архива), первая дверь всё с тем же шипением начала закрываться.

— Лавр! — закричал Алеша. — Смотри!

Но специалист встревоженным не выглядел — преспокойно копался в своем мешке. Козловский объяснил:

— Все в порядке. Я читал, что в самых современных банках такая же система. Пока не закроется внешняя дверь, внутренняя не отпирается.

Кромешную тьму прорезали три луча. Два ползали вправо-влево и вверх-вниз, третий, прикрепленный ко лбу Молчуна, был направлен только на стальное кольцо.

В руках специалиста появилась маленькая дрель. С поразительной сноровкой Чичо начал просверливать дырки, следуя какой-то системе, понятной ему одному.

— Алмазное сверло! — шепотом сообщил штабс-ротмистр. — Virtuoz почище покойного Лютикова. Так и быть, не стану ему рожу бить.

Где-то наверху послышался тихий свист, на который русские сначала не обратили внимания. Но итальянец насторожился, прислушался, извлек из мешка странную резиновую маску с трубчатым хоботом. Вторую точно такую же, не оборачиваясь, протянул назад.

— Что это у тебя? Пер ке?

Романов посветил вверх.

Из маленькой решетки, похожей на вентиляционную, била сизая струя. Дым спускался до самого низа, расстилаясь по полу.

— Лавр, это у него респираторная маска! Я видел такие на химической кафедре! Защищает от ядовитых газов. Господи, голубые лица!!! Наши погибли не в машине, а здесь!!!

Синеватый туман уже поднялся до колен. Вырвав у итальянца маску, штабс-ротмистр крикнул:

— Анкора! Анкора уно![\[36\]](#)

— lo parlate: solo упо, — буркнул специалист, продолжая сверлить. — No ho terza.[\[37\]](#)

— Тогда открой дверь! Он выйдет. Сортире!

— Impossibile.[\[38\]](#)

Облако ядовитого газа подползало к поясу. У Алеши защипало в глазах, защекотало в ноздрях.

— Лавр, не вдыхай! Ни в коем случае! — просипел он сдавленным голосом, зажав нос и рот.

— Почему ты ничего не сказал? — рычал князь на итальянца. — *Canere газо — но дуре?*[\[39\]](#) Убью мерзавца! А маску заберу!

Картинка 25

Романов вцепился здоровой рукой в «наган», уже извлеченный князем из кобуры.

— Ты что?! А кто дверь откроет? Дай!

Он сунул лицо в маску, жадно втянул воздух.

— Теперь ты! По очереди!

Сквозь струящийся воздух они почти ничего не видели, лишь передавали друг другу противогаз (вот как называлась маска — Алеша вспомнил). Чтоб не слезились глаза, пришлось зажмуриться.

Деловито жужжала дрель, ей подсвистывал задувающий сверху ядовитый пар.

Скрежет. Лязг. Что-то с трудом провернулось.

— Tutto fatto,[\[40\]](#) — объявил Чичо.

Алеша приоткрыл глаз. Стальная дверь уходила в стену. Из расширяющейся щели в тамбур лился электрический свет, а наверху, очевидно, включилась вытяжка — голубой дым быстро всасывался в решетчатое оконце.

Кажется, противогаз больше был не нужен. Молчун свой снял и аккуратно убрал в сумку вместе с инструментами. Однако войти первым в хранилище Козловский ему не позволил.

— Но! Йо примо!

Небольшая камера была вся занята стеллажами, на которых в идеальном порядке стояли папки и картонные коробки с наклейками.

На каждой полке красовался флажок той или иной страны, на папках и коробках какие-то цифирки.

Будто пьяница, дорвавшийся до выпивки, штабс-ротмистр жадно перелистывал страницы документов и наскоро просматривал фотографии, приговаривая:

— Ух ты, ух ты, ух ты... Всего не унести, жалко... Алеша, давай

саквояж!

Одни бумаги, коротко просмотрев, он брал с собой, другие с душераздирающим вздохом бросал на пол. Но так дело шло слишком медленно, и князь поменял методику.

— С полки «Russland» берем всё. «Германию» тоже целиком. «Австро-Венгрию» — само собой... Что, места больше нет?

— Тяжело. Не спустимся.

— Эх, Булошникова бы сюда!

Князь снял черную куртку, сорвал с себя рубашку, соорудил из нее подобие мешка.

— «Франция» — пригодится... «Америка» — кому она нужна. — Соединенные Штаты посыпались с полки на пол. — «Япония» — эх, не поместится... «England» — ну, сколько влезет.

Вот уже и рубаха была набита бумагами по самый воротник. Британской империи досталось совсем мало места.

Чуть не плача, Козловский выдирал из папок отдельные страницы, запихивал Романову за пазуху.

— Что это, шифр? — бормотал он. — Ничего, криптографы разберутся. А это что за чертежи?

— Лавр, — наябедничал Алеша про итальянца, — он папки «Италия» берет!

— Италию — ляд с ней. Пускай. Его доля. Но надо проверить, что он еще себе понапихал. Эй, минуто!

Из рюкзака специалиста одна за другой были извлечены несколько папок.

— «Schweiz»? Ладно, ва бене. А «Сербию» отдай, ни к чему вам братья-славяне...

Чичо за Сербию биться не стал — у него с местом тоже было плохо.

Наконец, нагрузились, что называется, под завязку.

Штабс-ротмистр вынул плоскую флягу с горючей жидкостью, полил грудку сваленной на пол бумаги. Бросил спичку — по документам побежало веселое голубое пламя.

Диверсанты побыстрее выскочили в тамбур, и Чичо задвинул стальную дверь.

После электрического освещения в глухом закуте было ничего не видно. Русские фонарей не включили, а лампочка на лбу у итальянца почти села, едва светила в темноте.

— Газо анкора? — с тревогой спросил князь.

Светящееся пятно отрицательно помоталось из стороны в сторону.

Очевидно, защитная система срабатывала только при несанкционированном проникновении, а на обратном пути не включалась.

Чичо подошел к внешней двери, пошарил по ней лучом. Лишь сейчас Алеша заметил, что на ней тоже маленькие кругляшки — кодовый замок. Специалиста это не смутило. Он стал набирать знакомое сочетание цифр: шестерка, тройка, шестерка, восьмерка, двойка и снова...

Итальянец еще не успел повернуть последнюю ручку, как дверь вдруг шикнула и поползла.

Невозмутимый Чичо издал удивленное восклицание.

— Давай, давай! — поторопил Козловский перегородку, которая, впрочем, и без того двигалась довольно быстро.

Что за чертовщина?!

С той стороны в темноте сияли два фонаря. Слабый лучик, сочащийся от головы специалиста выхватил из мрака две круглоглазые хари со слоновьими хоботами.

Люди! В противогазах!

— Леша, бей! — крикнул штабс-ротмистр. — Засада!

Трудно было понять, кто выстрелил первым.

Два ярких фонаря погасли сразу. Лампочка на лбу итальянца тоже, причем со стеклянным звоном.

Вспышки одна за другой раздирали тьму, по стали и камню чиркали рикошеты, но грохота выстрелов и визга пуль Алеша не слышал — сразу же заложило уши.

— Scheise! — орали из черноты. — Получи, гад! Mamicko!

А Романов в сражении не участвовал. Всё время, пока шла пальба, он, вжавшись в угол, пытался больной рукой взвести затвор своего «штейер-пипера». Когда, наконец, получилось, стрельба уже стихла.

— Алеша! Ты живой? — донесся глухой, как через подушку, голос.

Зажегся фонарь, пошарил вокруг, заставив Романова зажмуриться.

— Ты что скрючился? Ранен?

— Стыдно... — Алеша чуть не плакал. — Провозился, ни разу не выстрелил... Чертова рука.

— Пустое. — Луч переместился на тело, раскинувшееся на полу. — Э-э, говорун-то наш... Прямо в лампочку всадили. Царствие небесное... Кто это такие были? Охрана?

Он шагнул за дверь.

— Посвети-ка.

Двое в противогазах лежали в разных позах: один на спине, другой ничком. Штабс-ротмистр сдернул с них резиновые маски. Присвистнул.

По усам Алеша узнал майора Фекеша. По рыжему бобрику — его помощника, обер-лейтенанта Воячека. Рядом с последним валялась сумка, из которой рассыпались инструменты, в том числе и небольшая дрель...

— Поджидали нас австрияки, — заключил штабс-ротмистр. — Хорошо мы с тобой фонарей не включили, а то составили бы компанию бедолаге Чичо.

— Нет, Лавр. Они не ожидали нас тут встретить. Два человека для засады маловато. Ошалели не меньше нашего. И пистолетов наготове не держали. Опять же инструменты у него, видишь? Ничего не понимаю...

Козловский почесал подбородок.

— Да нет, всё понятно. Австрийцам надоело платить Зоммеру деньги. Пришли к тому же выводу, что и мы: лучше забрать всё и даром. Великие умы мыслят сходно. — Он развел руками. — Но беднягам не повезло. Они наткнулись на меня.

Он поднял голову, прислушался.

— Однако странно. Звукоизоляция, конечно, дело хорошее, но неужто на первом этаже не слышали этакой канонады? Идем-ка отсюда подобра-поздорову. Нам еще по веревке спускаться.

Однако лезть из окна не пришлось — штабс-ротмистр и его помощник вышли цивилизованно, через дверь.

Покойные майор и обер-лейтенант при всей невезучести, видно, были мастерами своего дела. Охранники, все шестеро, лежали мертвые: двое в доме, четверо в саду.

«Дом Эшеров какой-то», с содроганием подумал Алеша, оглянувшись на ворота разгромленной биржи.

Прощание победителя

Вещи были собраны. Посередине номера, в скромном на вид, но исключительно прочном и даже водонепроницаемом саквояже, лежал бесценный трофей — вынесенные с зоммеровской виллы материалы. Козловский предпочел бы держать саквояж при себе, но у князя перед отъездом еще оставались неотложные дела, поэтому стратегический груз остался на попечении Романова.

По приказу командира, Алеша был обязан не выпускать картотеку из поля зрения вплоть до самого отъезда. Отлучаться из номера запрещалось.

А Романов никуда и не отлучался.

Еще до рассвета, когда возбужденный и торжественный князь, лично

уложив документы, ушел к себе, Алеша послал через коридорного записку госпоже Нинетти.

Она прибежала тотчас же.

Было всё: слезы, страстные объятия, клятвы, снова страстные объятия и снова слезы. Но теперь и плакалось совсем по-иному, не то что во время предыдущего расставания.

Это было прощание не жалкого неудачника, а победителя.

Возлюбленная смотрела на него не с состраданием — с восхищением. Он обнимал ее не с отчаянием последнего «прости» — с уверенностью в будущем.

Задержать любимого Клара не пыталась. Она была умница, всё понимала.

Ему следовало покинуть страну до того, как на вилле обнаружат побоище и в Сан-Плачидо съедется вся верхушка швейцарской криминальной полиции. Род занятий герра Зоммера для компетентных инстанций секрета, конечно, не составляет. Круг подозреваемых определится быстро. Но к тому времени русских уже и след простынет. Как говорится, ищи-свищи.

Про главное Клара спросила, когда до отъезда оставалось лишь четверть часа.

Алексей был уже в пиджаке, она же всё тянула — будто боялась, что, одевшись, разорвет связывающую их нить.

— Пора, — нежно сказал он. — Сейчас носильщик придет за чемоданами.

Медленно встав с кровати, она взяла панталоны и лиф.

— Помогай пуговицы... Когда ты вернешься?

И замерла.

Романов уже знал, что ответит — он всё продумал.

— Вернуться сюда я не смогу. Ты сама ко мне приедешь. Теперь наши для тебя всё, что захочешь, сделают. Ты нам так помогла!

Он не удержался, стал целовать ее плечо возле бретельки. Но Клара вывернулась, юркнула в постель и натянула на голову одеяло.

— Ненавижу прощаться, — всхлипнула она. — Я усну, пока ты здесь. Я быстро сплю, как дубина.

Алеша улыбнулся:

— Надо говорить «как бревно». Носильщики все равно разбудят.

— Если я уснула, меня из бомбы не разбудишь.

— Из пушки, — поправил он. — Спи, бревнышко моё.

Невероятно, но через какую-нибудь минуту из-под одеяла донеслось

ровное, сонное дыхание. Он наклонился — спит! По-настоящему спит!

И очень хорошо. Просто отлично. Самая лучшая, самая умная из женщин!

Однако, в самом деле, нельзя допустить, чтобы ее увидел здесь носильщик. После романа с Д'Арборио, после демонстративного отъезда на машине с Зоммером еще и это. Клару объявят женщиной легкого поведения! А ведь она — невеста русского офицера. Да, офицера: Лавр обещал, что теперь Алешу непременно произведут в прапорщики.

Стараясь ступать потише, он вышел в коридор и встал у двери.

Глаза у георгиевского кавалера были на мокром месте и, чтобы не разреветься, он сунул в рот папиросу. Даже в спокойные минуты зажечь спичку ему было непросто — пальцы еще не научились прочно держать коробок. Теперь же руки так тряслись, что Алеша не стал и пытаться. Проще попросить у кого-нибудь огня.

В коридоре не было ни души. Романов подошел к балюстраде лестницы, что спускалась из бельэтажа в фойе. Хотел кликнуть кого-нибудь из прислуги и вдруг увидел подле стеклянных дверей зимнего сада знакомую подтянутую фигурку с тростью в руке.

Д'Арборио! Сам Бог его послал.

Должно быть, итальянец встречался с Козловским. Штабс-ротмистр собирался рассказать ему о событиях минувшей ночи и о том, как погиб Молчун Чичо.

Но у Алеши был к великому человеку и свой приватный разговор. Ужасно хотелось снять с души камень, изгнать мрачное облачко, отравлявшее триумфально сияющий небосклон.

Романов сбежал по мраморным ступеням.

Д'Арборио заметил его и с улыбкой двинулся навстречу.

— Всё знаю. Чичо убит. Австрийские шпионы тоже. Картотека у вас, — сказал он, пожимая молодому человеку левую руку. — Скоро Италия вступит в войну. Мы будем товарищами по оружию.

И стало Алеше нестерпимо стыдно перед этим маленьким человеком с большой душой.

Краснея, глотая слова, он быстро, как с моста в воду, бухнул:

— Я виноват перед вами... Я хуже, чем вы про меня подумали... После дуэли вы называли меня благородным человеком, а я... Я вам цилиндр случайно прострелил. Просто в голову не попал. Из-за левой руки. А хотел убить...

Сказал — думал, легче станет. Но не тут-то было. Проговоренные вслух слова упали между союзниками, будто каменная глыба.

— Вы хотели меня убить?! — Глаза Д'Арборио, и без того выпуклые, чуть не вылезли из орбит. — Но Клара... Она была у меня перед поединком! Рыдала, говорила, что любит вас. И предупредила, что вы выстрелите первым — мимо! Я тоже пообещал промахнуться!

— А... а мне она говорила совсем другое. «Стреляй ему в голову», — пролепетал Романов.

Он еще ничего не понял и лишь испугался, что сболтнул лишнее: выдал любимую, которая ради него была готова на что угодно, даже на низость.

Д'Арборио смертельно побледнел:

— Что?!

Однако Алеше стало не до оскорбленных чувств итальянца. Страшная, невозможная мысль заставила его развернуться и со всех ног броситься вверх по лестнице.

Вихрем пронесся он по коридору, влетел в номер.

И замер.

Клара, по-прежнему в одном нижнем белье, сидела на корточках у раскрытого саквояжа. Документы были разложены стопками на расстеленной простыне, которую танцовщица как раз начала связывать концами.

При виде Романова лицо женщины исказилось. Она испуганно метнулась в сторону, налетела на тумбочку, с тумбочки упал графин. Он не разбился, но по полу растеклась лужа...

Алексей стоял не в силах пошевелиться. Клара тоже не двигалась — только непроизвольно подобрала одну ногу, которой коснулась пролившаяся вода.

— Ни с места!

В номер ворвался Д'Арборио, моментально сообразил, что произошло, и, выхватив из трости короткую шпагу, приставил ее танцовщице к горлу.

— Вот оно что. Остроумно придумано. А вы бы, мсье, уехали вот с этим.

Он ткнул носком туфли саквояж — тот завалился на бок. Внутри лежало свернутое одеяло, из которого торчали зеленые листья фикуса. Прежде этот цветок стоял на подоконнике...

Картинка 26

— Отвечать. Быстро. Иначе убью, ты меня знаешь. — Поэт цедил короткие, грозные фразы, вода острием по нежной шее, на которой еще

были видны следы Алешиных поцелуев. — На кого ты работаешь?

Зачарованно глядя на узкую сталь, Клара с готовностью ответила:

— На майора Фекеша. Не убивайте. Я всё расскажу!

— Задание?

— Сначала — вы. Я должна была вас... нейтрализовать.

Д'Арборио понимающе улыбнулся своими синеватыми губами:

— Убить руками русского военного? Чтобы возмущенная Италия отшатнулась от Антанты? Неплохо... Но ты сказала «сначала». Какое задание ты получила потом?

— Потом он велел переключиться на русских. Фекеш сказал: «Пусть они войдут в тайник, отравятся газом. Мы придем чуть позже и заберем картотеку себе, а подумают на русскую разведку».

— Понятно. Австрийцам надоело платить Зоммеру бешеные деньги. Решили одним выстрелом убить двух зайцев.

Логично. Всё логично, сказал себе Алеша, поражаясь собственной безучастности. Жизнь вообще устроена чрезвычайно логичным образом. Всякое чудо непременно имеет естественнонаучное объяснение.

— Что и требовалось доказать, — удовлетворенно произнес Д'Арборио, пряча шпагу в ножны. — Где у вас телефон? Нужно позвонить дону Трапано. Он захочет рассчитаться с ней за Чичо.

Быстрым, каким-то птичьим движением Клара повернула голову к двери, потом к балкону. Поняла, что ей не вырваться, вжалась в стену и, кажется, закрыла лицо ладонями.

Впрочем, Алеша не смотрел в ее сторону, поэтому деталей не разглядел.

— Нет, — сказал он глухим, будто чужим голосом. — Пусть исчезнет... Я не могу ее видеть.

Телефонная трубка покачивалась в руке поэта. Некрасивое лицо чуть тронула печальная улыбка.

— Ну, как угодно, — сказал Д'Арборио после паузы. — Пошла вон!

Вторичного приглашения не понадобилось. Не одеваясь и не обуваясь, танцовщица в несколько воздушных шагов выпорхнула в коридор.

Назад не оглянулась.

Итальянец подошел к задумчивому Алеше, потрепал его по плечу.

— На свете много мерзостей. Предательство — худшая из них...

Махнул рукой, пошел к двери.

Вежливость требовала проводить гостя, что Романов и сделал. Только зачем-то еще и повернул в замке ключ.

Застывший взгляд молодого человека упал на цепочку узких мокрых

следов, протянувшуюся от стены к выходу. Вяло, без надрыва подумалось: как большие слезинки.

Невыносимо болело сердце, хоть криком кричи. С этим надо было что-то делать.

Мелькнула мысль, совсем короткая: от судьбы не уйдешь.

Он расстегнул один из чемоданов, стал рыться в вещах.

В дверь постучали.

— Алеша! Это я! Д'Арборио мне рассказал! Открой немедленно!

Вот он, пистолет.

— Ты что задумал?! Алешка! Не смей! Ты присягу давал!

На сей раз затвор взвелся с первой же попытки. Повезло.

От сокрушительного удара дверь слетела с петель. В номер вломился штабс-ротмистр.

Скорей, чтоб не опоздать, Алеша приложил дуло туда, где болело, и нажал спуск.

Облегчение наступило моментально — как только ударил выстрел и в нос шибануло запахом пороха.

Сердце больше не ныло, сердцу стало хорошо.

Романов лежал на спине, глядя на зыбкий, быстро темнеющий потолок.

Рядом кто-то причитал:

— Болван, какой болван! Черт бы побрал всех баб!

Но крики делались всё тише, свет всё тусклее. Потом он вовсе погас, как в синематографе перед началом сеанса.

Конец Второй Фильмы

<p><i>Продолжение будетъ</i></p>

Борис Акунин
Смерть на брудершафт
(Фильма 3–4)

ЛЕТАЮЩИЙ СЛОН

(Фильма третья)

Весна 1915 года
На восточном фронте затишье

Если смотреть на небо не снизу, а сверху, оно напоминает тазик для бритья, в котором хорошенько распушили мыльную пену.

Это сравнение приходило в голову военлету Сомову всякий раз, когда он вел аппарат над слоем сплошных облаков. Неромантическая вроде метафора, а поручику нравилась.

Легкая продолговатая тень «нюпор-10» скользила над намыленной щекой планеты, словно занесенная бритва, и самого себя Сомов в такие минуты воображал острейшим золингенским лезвием, которое одним точно рассчитанным движением — вжик! — срежет всё лишнее и опять взлетит вверх.

Наблюдатель прапорщик Дубцев, сидевший позади пилота, был человек несерьезный. В небе он обычно пел — все равно встречный поток воздуха уносил звуки прочь, так что можно было орать во всю глотку. Если не пел, то грыз шоколад или сосал леденцы. Дубцев обожал сладости и для всего, что ему нравилось — хороших людей, красивых женщин, быстрых лошадей, приятных событий, — мысленно подбирал сладкие эпитеты. Например, облака казались ему никаким не мылом, а взбитыми сливками или сахарной ватой.

На Высокое Небо, непроницаемо синевшее у них над головами, летуны не смотрели, ибо выше потолка, как известно, не прыгнешь, а стало быть, черт с ним. Вот когда аэропланы научатся подниматься километров на пять, на десять, тогда и поглядим, что там, за синевой.

Летнаб крикнул в разговорную кишку, раструб которой торчал возле уха командира:

— Скорость сто десять, полет по прямой сорок минут! Не пора?

— Что? — повернул голову поручик. Его, сидящего впереди, было хорошо слышно и без кишки — хоть шепотом говори.

— Фронт пролетели! Не пора?

— Я знаю, когда пора, — буркнул пилот. Он привык доверяться чутью, оно же пока помалкивало, взрезать пену не побуждало.

Летнаб пожал плечами, заголосил арию из оперетки. Командиру видней.

«Ньюпор» был на *вольной охоте*, то есть не имел от начальства никакого определенного поручения. Заправился топливом, загрузился бомбами и полетел в сторону фронта почти что наугад, словно пташка из песни — та самая, что не знает ни заботы, ни труда. Поручик Сомов в авиаотряде числился ветераном, а у ветеранов свои привилегии. Сделал дело — летай смело. Утром, если позволяла погода, экипажи выполняли обязательное задание, обыкновенно по рекогносцировке, аэрофотосъемке или корректировке артиллерийского огня. А после обеда авторитетному военлету можно было и поохотиться. Певучий прапорщик Дубцев готов был порхать по небу с утра до вечера, неважно где и зачем. Он был настоящее дитя эфира, человек-птица. Командир же отправлялся на эти рискованные прогулки от обиды. Очень уж переживал, что наша авиация с каждым днем все безвозвратней *теряет небо*.

К большой войне Россия готовилась долго. Пушек, снарядов, винтовок и пулеметов, как теперь выяснялось, в достаточном количестве запasti не успела, но зато в новом виде вооружения, небесном, обогнала все прочие державы. К 1 августа 1914 года русская армия имела 244 аэроплана — чуть больше, чем Германия, и намного больше, чем Франция. Про Англию с ее пятьюдесятью самолетами или Австрию с тридцатью и говорить смешно. В первые недели великого противостояния небо на Восточном фронте было русским.

Однако тевтоны быстро сообразили, какую важность в современной войне имеет «воздушная кавалерия». Их мощная промышленность с поразительной быстротой наладила производство машин. Открылись новые авиашколы, обеспечившие приток пилотов, летнабов и механиков. А у нас-то собственного производства самолетов почти нет, моторы привозные, новых военлетов выпускают в час по чайной ложке. За два месяца потеряли половину аэропланов и четверть людей, причем самых лучших, и всё от нерасчетливой русской удали. Первейший летун, великий Александр Васильев, был сбит на десятый день войны, потому что бравировал, слишком низко паря над австрийскими линиями. Знаменитый штабс-капитан Нестеров совершил непростительную глупость — протаранил своим самолетом вражеский и погиб. Геройство, конечно, но ведь Нестеров один стоил десяти!

В общем, по истечении первого полугодия боевых действий у германцев воздушный флот вырос вдвое, а у нас аэропланов и летчиков

стало меньше, чем вначале.

При этом армейское начальство на собственном горьком опыте убедилось в стратегическом значении фанерно-полотняных «этажерок», которые еще год назад почитало бессмысленными игрушками. Во время злополучного наступления в Восточной Пруссии летчики обнаружили огромные немецкие силы, заходящие во фланг корпусу Самсонова. Немедленно доложили в штаб, а там отмахнулись — не поверили заоблачным фантазерам. Вот и получили...

Теперь каждый дивизионный начальник требует, чтоб его участок фронта непременно обслуживала авиация, да только где взять столько машин и людей? Немецкие «альбатросы», «таубе» и «эльфауге» с утра до вечера кружат над окопами, направляя огонь артиллерии и пугая наших солдатиков бомбардированием, а наших «ньюпоров» с «фарманами» почти не видно.

Вот Сомов и поднимался дважды в день — не из лихачества или дурной жажды приключений, а чтобы обозначить *воздушное присутствие*: морально поддержать свою пехоту и попугать германскую. Если б не приходилось беречь мотор, чахлый 70-сильный «Гном», поручик летал бы и по три раза.

В носу у военлета щекотнуло, по коже пробежали азартные мурашки. Это сработало летунское чутье.

Внизу пузырилась все та же непроницаемая пена, однако Сомов привык доверяться своему нюху.

Подняв колено, он взглянул на прикрепленный к щиколотке высотомер. Тысяча семьсот. «Рему» 5–6 метров в секунду.

То ли «рему», боковой ветер, то ли древний инстинкт охотника разом выдули из головы летуна все стратегические мысли и патриотические переживания, остался один нетерпеливый трепет.

— Костя, спуск! — сказал командир через плечо и взял руль глубины на себя, чтобы заострить поворот.

Мягкими нажимами на педаль гоширования парировал напор ветра. С крутым креном пошел вниз.

Легкомысленный летнаб ухнул от удовольствия — он обожал это ощущение, будто несешься с горы на санках.

Крыло «ньюпора» блеснуло на солнце, действительно похожее на лезвие бритвы.

Майне херрен, пожалуйста бриться!

Все двадцать секунд, пока аэроплан ввинчивался по спирали в слепой туман облаков, поручик Сомов ужасно боялся разочароваться в своем нюхе, который еще ни разу его не подводил. Что если внизу какая-нибудь ерунда вроде лесной чащи или пустого поля?

Но чутье, без которого вольному охотнику грош цена, не подвело.

Земля, представшая взгляду военлета с высоты в тысячу метров, была соблазнительна, как очумевшая от весны девка: ярко-зеленый сарафан лугов с синим горошком луж, серебряный пояс реки, желтые ленточки перекрещивающихся дорог. По одной из них ползла длинная серо-бурая змея. Это полковая колонна двигалась по направлению к мосту.

На коленях у Сомова лежал открытый планшет с «зеленкой», десятиверстной картой.

Палец летуна безошибочно ткнул в мост через реку Дунаец. Вот что разбомбить бы! Но пятифунтовые бомбочки Орановского и трехфунтовые «груши» Гельгара, которыми был снаряжен легкий «ньюпор», для железного моста, увы, опасности не представляли.

Зато безмятежно марширующим гансам бриться было не избежать.

Выключив мотор, поручик перешел в планирование.

Пылившая по дороге пехота стремительно приближалась. Теперь она напоминала связку кровавых колбасок: меж плотно сбитыми ротными колоннами — тонкие жилки хозяйственных повозок.

У летнаба Дубцева, впрочем, возникла иная ассоциация.

— Как ириски на ниточке! — возбужденно крикнул он. — Ух вы, мои сладенькие! Миша, марципан ты мой! Заходи с хвоста!

Поручик и сам знал, откуда лучше заходить на бомбометание.

С земли русский аэроплан пока не заметили. Он выровнялся точно по линии шоссе и стал быстро нагонять германский полк.

— Чуток полевей! — попросил наблюдатель, он же бомбардир. — Ветер!

Пилот кивнул. Взял поправку — на глазок.

— Давай, чего тянешь?

Прапорщик запел:

— «Увы, сомненья нет, влюблен я! Влюблен, как мальчик, полон страсти юной!»

И дернул шнур правого бомбосброса.

Снаружи к борту кабины был прикреплен ящик, где в 36 ячейках,

шесть на шесть, лежали грушеобразные гранаты: чека каждой привязана к крышке. Раскрылось дно, и гранаты под собственной тяжестью соскочили с колец, посыпались вниз. Дубцев перегнулся проверить. Увидел, что одна не сорвалась. Выдернул ее вручную и швырнул попросту, словно камень.

— Миша, наклони!

Пилот положил «ньюпор» на крыло, чтоб удобней было смотреть, как лягут бомбы.

Оба летчика жадно провожали взглядом рой черных точек.

Гранаты упали не блестяще — метров на двадцать, а то и тридцать правее шоссе. Может, кого и задели осколками, но маловероятно. Только последняя, брошенная Сомовым, угодила почти под самые колеса ротной кухни. Лошади встали на дыбы, котел перевернулся. Даже сверху было видно, как взметнулось облако пара.

— Плакал у Гансов ужин! — хохотал прапорщик. — Миша, сахарный мой, теперь давай их в гриву! Только, пожалуйста, ниже, ниже!

Аэроплан грациозно описал полукруг над полем и снова повел атаку на полк, теперь уже не с тыла, а в лоб.

Сомов снизился до пятисот, хоть это было очень опасно. Пехотинцы залегли в кюветы по обе стороны от дороги. Многие, охваченные паникой, беспорядочно метались по полю. Но те, что не потеряли головы, стреляли по самолету из винтовок. Несколько офицеров, считая ниже своего достоинства прятаться от какой-то стрекозы, остались стоять, ведя огонь из пистолетов, что с такого расстояния было совершенно бессмысленно.

Вот винтовки — дело иное. В обшивке появились дырки: одна, вторая, третья. Но отчаянный прапорщик не торопился опорожнить второй ящик, он желал отбомбиться наверняка.

Наконец, дернул левый шнур.

— Всё, Миша! Можно!

Включив мотор, пилот потянул руль. «Ньюпор» взмыл кверху.

Но улетать не спешил. Как же было не посмотреть на результат?

Двигаясь по широкому эллипсу, аэроплан медленно набирал высоту.

Двадцать пять 5-фунтовых бомб из левого ящика легли ровнехонько вдоль полотна дороги — просто заглядение.

— Молодец, Костик, — сказал командир. — Теперь сфотографируй.

Еще один круг понадобился, чтобы заснять на пленочный автомат Потте перевернутые повозки и разбросанные тела.

— Тебе «цацку», а мне, пожалуй, что и «клюкву»! — кричал

довольный летнаб, предвкушая награду.

«Цацкой» называли благодарность в приказе по армии, «клюквой» — красный аннинский темляк на шашку.

— А? — не расслышал командир.

Он смотрел уже не на землю, а на облака. Снизу они были похожи не на мыльную пену, а на присыпанный снегом кустарник. В этих кустах запросто могли рыскать волки.

Не в кустах, а в волнах

Не волки, а дельфины

У пары рекогносцировщиков «эльфауге» 6-й флигерроты (пилоты Шомберг и Лютце; наблюдатели барон фон Мак и Ремер) имелась особая манера патрулирования, специально для облачной погоны, разработанная Шомбергом, летчиком от бога.

Лейтенант Шомберг был из флотских офицеров, поэтому небо представлялось ему океаном, а облака напоминали пенные морские валы. «Эльфауге» то ныряли под них, то снова выпрыгивали над белокипенным слоем, будто два резвящихся дельфина. Так было меньше шансов упустить врага.

Охотиться на русские аэропланы придумал капитан фон Мак, которого высокое начальство отдало под присмотр опытного Шомберга. За глаза барона называли «Инфант» или «Принц-Шарман». Он был сыном командующего армией и в эскадрилье находился на особом положении. Офицерам это, конечно, не нравилось, но капитану многое прощали за то, что он был сорвиголова и беззаветно любил небо.

Во все времена на земле рождались люди, которым жизнь представляется сплошной чередой спортивных состязаний — даже в эпохи, когда слова «спорт» не было и в помине. К этой бесшабашной породе принадлежал и Карл-Гебхардт фон Мак. Все детство и юность он провел в седле, прыгая через ямы и барьеры. Не раз ломал руки-ноги, но шею не свернул. К двадцати годам он считался одним из первых наездников Рейха, готовился взять золотую медаль на Стокгольмской олимпиаде 1912 года, но отец сказал, что наследнику рода фон Маков принимать участие в этом плебейском балагане неприлично и что настоящей олимпиадой для гвардейского офицера будет надвигающаяся война. С отцом не поспоришь.

Молодой барон стал с нетерпением ждать обещанной войны, совершенствуясь в рубке лозы и скачках по пересеченной местности.

Однако, когда долгожданный гром наконец грянул, Карл-Гебхардт сразу понял, что в современной войне кавалерия стала *demode*,^[41] ее время закончилось, а самые увлекательные скачки теперь будут происходить в воздухе. Он закончил месячные курсы наблюдателей и уже в октябре летал над полями Пикардии и Шампани.

Очень быстро выяснилось, что аэропланы пригодны не только для разведки, но и для невиданной забавы — воздушного боя. Вооружения на самолетах не существовало, но это лишь делало поединки еще более интересными.

Самый бесхитростный способ сбить противника состоял в том, чтобы оказаться прямо над ним и кинуть сверху гирию или метнуть дротик.

Искусный пилот умел пролететь перед носом врага так, чтобы перевернуть ему машину взвихрением воздуха.

Если бой происходил над своей территорией, можно было французу «сесть на голову» и загнать вниз, под огонь пехоты, либо даже принудить к посадке. На чужой земле следовало, наоборот, гнать лягушатника на самую верхотуру, чтоб у него замерз двигатель.

Один американец, бывший ковбой, воевавший за Антанту добровольцем, умел накинуть лассо на пропеллер и оторвать лопасть.

В общем, каждый — что летун, что летнаб — исхитрялись как могли.

Придумал свою методику и фон Мак — не слишком оригинальную, но очень эффективную. О ней речь впереди. Беда в том, что применять методику на Западном фронте удавалось нечасто. Там барон был обычным офицером, обязанным подчиняться строгой дисциплине и выполнять скучные рутинные задания. В конце концов Карл-Гебхардт пожаловался отцу, воевавшему на Востоке, что «наследнику рода фон Маков» зазорно служить фотографом в ателье, хоть бы и воздушном.

Генерал забрал сына к себе и предоставил ему полную свободу, зная по собственному опыту, что молодая кровь должна добродить, а горячий нрав перебеситься.

Никто теперь не понуждал Карла-Гебхардта к поденщине, но на Русском фронте возникла другая проблема: враг в воздухе встречался редко. Приходилось пробавляться бомбежкой.

В этот апрельский день барон совсем загонял своих товарищей: пара «эльфауге» прочесывала фронт зигзагом сначала с юга на север, потом с севера на юг. Нырjali под облака, выскакивали под солнце, снова нырjali. Топлива в баках оставалось на четверть часа свободного поиска, а потом придется возвращаться на аэродром.

Но всем своим существом капитан чувствовал: *сегодня что-то будет*, он не вернется с охоты без добычи. Без конца высовывался из кабины то слева, то справа, все глаза просмотрел.

Эти малопольские края он знал неплохо. До войны гостил в имении у родственников, русских фон Маков, охотился в здешних лесах на косуль. Странная штука — военная служба. Присяга может заставить человека стрелять в собственного кузена только потому, что на нем мундир другого цвета. Слава богу, русские фон Маки по традиции служили в гвардейских уланах и встретиться Карлу-Гебхардту в воздухе никак не могли. На всякий случай он никогда не бомбил кавалеристов с пиками — если, конечно, не было с определенностью видно, что это казаки.

Вдруг лейтенант Шомберг ткнул кожаной перчаткой куда-то вбок и вниз.

Меж облаков выглянуло солнце, осветлив на земле широкий круг. По нежно-зеленому фону скользила крестообразная тень.

«Ньюпор»! Русский «ньюпор»!

Капитан издал клекочущий орлиный крик.

Схватка в воздухе

В самом начале всеевропейской войны у летчиков враждующих сторон еще сохранялось ощущение принадлежности к единому братству. Даже сходясь в поединке, они соблюдали нечто вроде правил рыцарского турнира: не нападали двое на одного, в перерывах между заходами на атаку обменивались приветствиями, а если у противника глох двигатель, прекращали бой. Но эти джентльменские глупости быстро закончились. Грязное и жестокое дело — война. Прекраснодушные чистюли на ней погибают первыми. Те же, кто хочет выжить и победить, вынуждены соблюдать вечные правила драки: когда ты слабее — уклоняться от боя, когда сильнее — использовать свое преимущество сполна.

У пары рекогносцировщиков лейтенанта Шомберга преимущество было даже не двойное, а, можно сказать, трехмерное. Во-первых, по численности; во-вторых, по неожиданности; в-третьих, по высоте. Шансов спастись у русского не имелось. Ни одного. Охота обещала быть недолгой, а добыча легкой.

Карл-Гебхардт испугался лишь одного: аэроплан Лютце и Ремера был ближе к «ньюпору» и мог свалить его с первой же попытки.

Лейтенант Лютце погнал свой «эльфауге», украшенный фигуркой черного дельфина, на перехват. У летнаба унтер-офицера Ремера для воздушного боя было свое собственное техническое изобретение — четырехлапный железный крюк на тросе. Ремер очень ловко кидал его с 15–20 метров. Если везло — срывал пропеллер или ломал мотор. Если не попадал или же просто обдирал обшивку, то бросал снова. Крюк обеспечил экипажу «черного дельфина» одну подтвержденную победу и две предположительных (это когда вражеский аэроплан упал на чужой территории и его обломки не сняты фотокамерой).

От первой атаки «ньюпор» спасся исключительно из-за непоседливости прапорщика Дубцева. После успешного бомбометания он никак не мог успокоиться, всё вертелся на сиденье. Вдруг ему вздумалось проверить, не осталось ли в левом ящике зацепившейся бомбы. Перегнулся, приподнял крышку. Все 25 ячеек были пусты. Но боковым зрением летнаб заметил сбоку, выше, приближающийся силуэт «эльфауге», а за ним, в паре сотен метров, второй.

— А-а-а-а! — заорал Дубцев. — Миша-а-а-а!

— Что?

Пилот обернулся, моментально всё понял и не растерялся — вжал педаль, рванул ручку крена крыльев.

«Ньюпор», чихая мотором, завалился вправо. «Эльфауге» теперь летел параллельным курсом, метрах в тридцати.

— Стреляй, стреляй! — кричал поручик, у него самого обе руки были заняты.

Летнаб стал палить из «браунинга». Но стрельба в воздухе из пистолета — дело неверное. Когда обе машины несутся со скоростью за сотню километров, рассекая встречный поток воздуха, да еще при боковом ветре, из легкого оружия попасть в цель почти невозможно. Смысл в пальбе был только один — не давать гансу приблизиться. Дубцев разглядел свисающий из открытой кабины «эльфауге» крюк и догадался, что это за штукавина.

Немец разочарованно задрал нос и ушел вверх, давая дорогу напарнику, на фюзеляже которого красовался синий дельфин.

Попробует зайти с другого бока, пока мы бодаемся со вторым, сообразил Дубцев и пообещал себе не упускать «черный дельфин» из виду.

Капитан фон Мак готовился к бою. Из хромового футляра, украшенного баронской коронеткой, он достал коллекционный охотничий

«ланкастер» 12-го калибра. Любовно погладил приклад, вставил два ребристых патрона для медвежьей охоты. Методика воздушного боя у Карла-Гебхардта была логичная и простая: по крупной дичи из крупного калибра.

Со ста метров барон взял «ньюпор» на мушку и плавно повел ствол за мишенью, как за летящей уткой.

Дах! Дах! — ударили один за другим оба ствола.

Щелкнули эжекторы, выплевывая гильзы. Через пять секунд ружье снова было заряжено.

Первая пуля перебила маслопровод, откуда мелкой капелью полетели мелкие брызги.

— Перетяни! Платком... — Крик пилота перешел в сдавленное мычание. Вторая пуля ударила Сомову в плечо.

Военлет на секунду потерял сознание. Аэроплан сразу зарыскал, завибрировал.

Из далекого далека поручика звали:

— Миша! Миша!

Он встряхнулся. Выпрямился. Стиснув зубы, стал управлять одной рукой. Прохрипел:

— Замотай трубку!

Летнаб и сам видел, что масло вытекает. Заглохнет мотор — пиши пропало, до своих не дотянуть.

Едва подумал — и будто накаркал. Чертов «Гном» поперхнулся, икнул, затих. Лопасты пропеллера закрутились медленнее, еще медленнее. Встали.

Прапорщик заматывал маслопровод платком. Рядом с его головой в обшивке появились две здоровенные дырки. Немец сажал не то жаканами, не то разрывными. Но это черт с ним, главное, что двигатель снова ожил.

Сомов раскачивался из стороны в сторону, сознание у него наплывало и уплывало волнами. Но рука держала рычаг твердо, в голове стучала одна мысль: только бы перетянуть через линию фронта. *Землеходность* у «ньюпора» отличная, сядет хоть на пашню.

Тем временем барон фон Мак успел зарядить «ланкастер» в третий раз. Расстояние до русского самолета было метров пятьдесят, чудесный Шомберг вел машину ровно на той же скорости, что летел «ньюпор», — теперь стрелять было так же удобно, как по неподвижной цели.

Можно расколошматить башку пилоту — его круглый шлем так и

просился на мушку. Но тогда игра в кошки-мышки слишком быстро закончится. Капитану хотелось растянуть удовольствие. Он прицелился в наблюдателя.

Дах!

Фигурка в кожаной куртке подпрыгнула и обвисла, как тряпичная кукла.

Бравый Шомберг обернулся, показал большой палец.

Не без опаски Карл-Гебхардт оглянулся на поотставший «эльфауге» — не вздумал бы соваться. Но «черный дельфин» покачал синему крыльями, давая понять, что всё видит и не собирается отбирать у товарищей верную победу.

Вдруг рядом с самолетом Лютце-Ремера в воздухе лопнул дымный шар, словно от разрыва снаряда. А между тем зенитной пушке противника здесь взяться было неоткуда! И все же через долю секунды донесся звучный хлопок ближнего выстрела.

Что за чертовщина?

Лейтенант Шомберг повернул голову, которая в гладком шлеме и огромных очках напоминала стрекозью. Его глаза недоверчиво расширились.

— Это еще что?!

Прямо под нижней кромкой облаков плыло какое-то чудище со стеклянной мордой, огромным размахом крыльев и — невероятно! — аж с четырьмя пропеллерами. Хотя монстр был намного дальше «черного дельфина», по сравнению с этой слоновьей тушей «эльфауге» казался мелкой зверушкой.

Увидел махину и раненый поручик Сомов. Оглянулся, закричал:

— «Муромец»! Костик, мы спасены! Урааа!

Летнаб не ответил.

Русский богатырь

Командир воздушного корабля «Илья Муромец» был заядлый курильщик, но всякое открытое пламя на борту строжайше воспрещалось, поэтому в углу рта у него торчала незажженная папироса. За полет он иногда сжевывал по полпачки своего любимого «Дюшеса». Поэтому в воздухе он говорил непонятно, шепелявя:

— Ефё раз из пуфечки.

В просторной, закрытой от ветра каюте орать не приходилось.

Достаточно было слегка повысить голос, чтоб перекрыть ровный гуд моторов.

Лицо командира с глубоким шрамом на щеке (чудом остался жив на смотре в 1911-м, когда хрупкий «блерио» скапотировал) было, как всегда, бесстрастным. На груди посверкивал белой эмалью георгиевский крест.

— Ну ее к бесу, пушку. — Стрелок-артиллерист неодобрительно шлепнул трехдюймовку «гельвиг» по замку, словно нашкодившее дитя по заднице. — Грохоту много, а толку мало. Я лучше из пулемета.

Пушка на корабле была установлена недавно, в экспериментальном порядке. Она была особенная. При выстреле из главного ствола вылетал боевой снаряд, а из добавочного — пыж, гасивший откат. Надежд хитрая пушка, однако, не оправдывала: была неточно.

Другое дело — миляга «максим».

Артиллерист тронул закрученный ус, взялся за ручки, прицелился по отчаянно маневрировавшему «эльфауге».

Второй пилот, совсем еще мальчик, завистливо сглотнул. Ему тоже хотелось пострелять из пулемета, но на «Муромце» нарушение установленного порядка не приветствовалось. Каждый из четырех членов экипажа ведал чем-то одним. Командир вел машину, артиллерист стрелял, механик следил за работой двигателей и чинил неисправности, а у второго летчика работы почти не было: только подстраховывать главного пилота на случай ранения да помогать, когда нужно вдвоем навалиться на тяжелый руль высоты.

Самым пожилым был механик, ему шло к сорока. Пока в его хозяйстве все нормально крутилось, урчало и журчало, он дремал в кожаном кресле. Если бой — нервничал: выпускал из-под тужурки суконную ладанку на шнурке, начинал сопеть и пыхтеть, на некрасивом, жеваном лице появлялось выражение тревоги. Но при этом всё, что положено, исполнял на «ять». Командир его очень уважал и единственного во всем экипаже звал по имени-отчеству.

Стрелок нажал на гашетку. Матерно выругался.

— Скосил! Эх, коньяку бы глоточек. Руки прямо не свои!

— Я тебе дам «глотофек». Ты чефное летунфкое давал.

Вторая очередь оторвала от немца клоки ткани и деревянные щепки. После третьей «черный дельфин» кувыркнулся и, медленно вращаясь, стал падать вниз.

Оставшийся «эльфауге» со всей мочи удирал вглубь германской территории, прижимаясь к земле. Догнать его было в принципе возможно, однако инструкция строго-настрого запрещала воздушному кораблю за

линией фронта спускаться ниже 1200 метров, чтоб не попасть под огонь пехоты и артиллерии. Не хватало еще, чтоб секретный аппарат попал в руки к немцам.

— Достанефь? — спросил пилот артиллериста. Тот презрительно фыркнул — обижаете, господин штабс-капитан.

Высадил вслед «синему дельфину» всю кассету, до последнего патрона. Пули легли как надо, изрешетили ганса вдоль и поперек. Но пилот на «эльфауге» был дьявольски хорош. На изодранных крыльях, с вытекающим бензином всё тянул и тянул, не падал.

Поручик-артиллерист с досады плюнул — символически, без слюны. Свинячить на «Муромце» не позволялось.

— Радуйся, вша тевтонская!

Но лейтенант Шомберг не радовался. Он плакал — точно так же, как в эту минуту плакал поручик Сомов, везя домой своего мертвого товарища.

Только Шомберг еще бился затылком о спинку сиденья и бормотал: «Боже, боже... Что я скажу генералу...»

В ставке кайзера

В ставке императора Вильгельма шло важнейшее совещание. Уточнялись детали операции, которая должна была положить конец затянувшейся войне. Молниеносной победы на Западе не получилось. В августе, когда Париж был уже в пределах досягаемости, пришлось срочно перекидывать корпуса в Восточную Пруссию, чтоб отогнать прочь от родных земель русскую орду. Французы успели опомниться, англичане — мобилизоваться, и создалась ситуация, которой стратеги Генерального штаба опасались больше всего: долгая позиционная война на два фронта.

План грядущей кампании был таков: оставить на Западе минимальный заслон (союзникам после прошлогодних потерь не до наступлений), а всей наличной силой ударить на Восток, чтобы одним мощным пинком вывести Россию из игры. Пускай там, как во время японской катастрофы, военное поражение обернется хаосом, брожением и смутой. В 1905 году, оказавшись перед угрозой революции, царь быстро утратил боевой пыл и запросил мира. То же самое произойдет теперь, десять лет спустя. Германский и австрийский орлы повыдерут российскому пернатому пух и перья.

После утренней сессии, на которой обсуждались главные

стратегические вопросы: направление ключевого удара, график переброски войск и согласование действий с австрийцами, его величество удалился в свои покои для небольшого отдыха.

Император устал. Ему было 56 лет. Не такая уж и старость, но покойный отец говаривал, что год правления следует засчитывать за два. По этой хронологии за 27 лет пребывания на троне кайзер уже превратился в глубокого старца. Сколько трудов, забот, потерь, разочарований. Сколько ночных страхов и бескрайнего одиночества, знакомого лишь монархам, которые тащат на своих плечах груз целой империи...

На всем белом свете был только один человек, который мог это понять, — кузен Ники. Но жестокая логика истории сделала их врагами. А ведь они не хотели этой войны! По обе стороны границы уже шла мобилизация, генералы алчно расчерчивали карты, офицеры прикидывали, как будут смотреться на их мундирах железные кресты и «георгии», а царственные кузены все обменивались отчаянными телеграммами на английском — языке своего детства:

...Чтобы избежать ужасного несчастья в виде европейской войны, умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что в твоих силах, дабы удержать твоего союзника от крайностей.

Ники.

...Искренне верю, что ты поможешь мне урегулировать возможные осложнения.

Твой очень искренний и преданный друг и кузен.

Вилли.

...Верю в твою мудрость и дружбу.

Твой любящий Ники.

Моя дружба к тебе и твоей империи, завещанная мне дедом на его смертном одре, всегда была для меня священной, и я всегда поддерживал Россию в трудную минуту, особенно во время ее последней войны.

Вилли.

Два самых могущественных монарха планеты — один полностью самодержавный, другой конституционный лишь по видимости — сделали всё, чтобы избежать столкновения. Но министры, стратеги, промышленники вкупе с так называемой общественной элитой волокли упирающихся императоров на бой, и ничего поделать с этим было нельзя. Вильгельм слишком хорошо усвоил главную заповедь правителя: подданные будут повиноваться, только если ты приказываешь то, что они и так бы охотно сделали.

Разведка потом донесла, что мягкохарактерному Ники пришлось еще хуже. Когда он попросил своего военного министра приостановить мобилизацию, грубиян ответил: «Мобилизация — не коляска, которую можно приостановить, а потом снова двинуть вперед». Стал царь звонить начальнику своего Генштаба — там ответили, что телефон неисправен.

И свершилось то, что должно было свершиться.

Жаль бедного Ники. Его немые армии обречены, его рыхлая держава вот-вот рассыплется. Что ж, на все воля Господа...

Отдав дань сентиментальности, император вернулся в кабинет, всем своим видом олицетворяя уверенность и несокрушимость гогенцоллерновского Рейха: знаменитые усы торчат слоновьими бивнями, грудь в корсете выпячена вперед, сухая и короткая левая рука, следствие родовой травмы, небрежно лежит на эфесе.

Из лиц, присутствовавших на первой половине исторического заседания, остались лишь начальник Генштаба, военный министр и командующий ударной 11-й армией барон фон Мак. На повестке дня оставались вопросы профильные, все сплошь чрезвычайной важности, но требовавшие отдельных сессий со специалистами.

Первыми в кабинет вызвали руководителя разведки и его помощника. Вид у обоих был встревоженный — все детали предстоящей операции обсуждались с разведкой еще на самом начальном этапе, и сегодняшний вызов мог объясняться только какими-то экстренными причинами.

— Прошу садиться, господа.

Генералы сели, но, увидев, что Вильгельм остался стоять, снова поднялись. Он жестом показал: сидите, сидите. В величавой задумчивости прошелся по кабинету. Встал перед картой, на которой жирная красная стрела рассекала фронт, вонзаясь в круглое подбрюшье русской Польши. Если начальник Генштаба начнет ставить перед разведкой задачи, это будет нудный бубнеж минут на сорок. Император же был мастером красноречия лаконичной римской школы. Ну-ка, за две минуты, мысленно подзадорил он себя. Уложите, ваше величество? Искося взглянул на часы и начал:

— Исторический момент определен. 2 мая армия генерала фон Мака, в которой собраны наши лучшие войска, включая Гвардейский корпус, прорвет фронт вот здесь, на участке Горлица — Громник. Численное преимущество в живой силе у нас относительно небольшое, всего двукратное, зато по количеству орудийных стволов мы превосходим противника вшестеро, а по тяжелой артиллерии в 40 раз. С этой точки мы начнем сворачивать весь русский фронт, словно ковер. Через месяц, самое позднее — к концу лета, царь запросит мира. Без поддержки российского медведя галльский петух превратится в мокрую курицу, а британский лев в дрожащую собаку. Наступление барона фон Мака может решить судьбу всей войны. *Может*, — с нажимом повторил Вильгельм. — При одном условии. *Если удар будет внезапным*. Мы все знаем о несчастье, постигшем нашего дорогого друга. — Его величество скорбно покивал командующему 11-й армией, сухому старику с траурной повязкой на рукаве. — И высоко ценим истинно спартанское мужество, которое в этот тяжелый миг не позволило безутешному отцу забыть о своем долге. Даже потеряв единственного сына, барон думает не о своем горе, а об успехе наступления. Прощу вас, друг мой.

Кайзер сел, вновь поглядев на часы. Ровно две минуты, секунда в секунду.

Генерал-полковник фон Мак тоже был не из болтливых. Он заговорил скрипучим голосом, словно диктовал телеграмму:

— Скрытность подготовки наступления гарантировалась двумя факторами. Первое: слабость русской агентурной разведки. Второе: наше господство в воздухе, затрудняющее противнику глубокую авиаразведку.

Оба руководителя Разведуправления согласно наклонили головы — фон Мак очень точно суммировал выводы, изложенные в их прошлomesячной аналитической сводке.

— Положение переменилось, — бесстрастно продолжил барон все такими же рублеными фразами. — Господства в воздухе больше нет. У русских появился тяжелый многомоторный самолет, против которого бессильна легкая авиация. Наши пилоты прозвали эту машину «Летающий слон». Именно он... — Фон Мак проглотил комок в горле. — Именно «Летающий слон» убил моего мальчика...

Все присутствующие опустили глаза, чтобы дать генералу возможность справиться с приступом горя. Он справился. Речь барона сделалась еще суше:

— Пока у русских на фронте всего один «Летающий слон». Но к

сожалению, именно на моем участке. Дальность его полетов очень велика. Высота недоступна — до 4000 метров. Урон от бомб, которые сбрасывает этот гигант, сопоставим с обстрелом тяжелой артиллерии. Чистая случайность, что «Летающий слон» еще не обнаружил скопление эшелонов в моих тылах. Если у русских окажется не один такой аэроплан, а несколько, секретность операции неизбежно будет нарушена. И тогда наступление провалится... У меня всё, ваше величество.

И фон Мак, живое воплощение долга, умолк.

Вильгельм поневоле залюбовался железным генералом. Вспомнил, как Бисмарк, наставник молодого кайзера, говорил: «Пока у вас есть созданный мной офицерский корпус, вашему величеству не страшен никакой враг». С тех пор много воды утекло...

— Кто бы мог подумать, что от каких-то летающих этажерок может зависеть судьба кампании, — сказал император вслух. — Еще пять лет назад над ними все потешались.

Военачальники, большинство из которых были старше кайзера, завздыхали.

— Итак, известно ли моей разведке что-либо о «Летающем слоне»? — спросил Вильгельм начальника управления тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Русские называют эту машину «Ilija Murometz». — Главный разведчик Рейха тронул пышные усы, точь-в-точь такие же, как у кайзера.

— Что это значит?

— Это такой фольклорный герой, ваше величество. Вроде нашего Зигфрида, только очень массивного телосложения. До 33-летнего возраста он сидел сиднем, то есть совсем ничего не делал, но потом встал с лавки и совершил много разнообразных подвигов.

— Ну разумеется, — задумчиво произнес Вильгельм, снова вспомнив своего старого учителя, говорившего, что русские медленно запрягают, да быстро едут. — И много у моего дорогого кузена таких слонов?

— Десять почти готовы, ваше величество. Ждут сборки. Могут появиться на фронте еще до конца апреля.

— Но это совершенно недопустимо! Вы обязаны что-то сделать! Немедленно! — воскликнул барон фон Мак, допустив вопиющее нарушение этикета. Впрочем, скорбящему отцу и командующему ударной армией это было извинительно.

— Немедленно, — повторил кайзер, насупленно глядя на усатого разведчика.

Тот, однако, смотрел не на своего монарха, а на помощника. Между

двумя генералами, мастерами закулисной войны, происходил некий безмолвный диалог.

Помощник поправил монокль в глазнице, вполголоса произнес:

— Теофельс?

Начальник просветлел:

— Ну разумеется! — Он обернулся к императору. — Есть один человек. Сейчас находится в России. Очень способный разведчик и к тому же отличный знаток авиации.

— Капитан фон Теофельс? Превосходный офицер. — Как подобает сыну и внуку венценосцев, Вильгельм обладал особенной, с детства натренированной памятью, которая цепко хранила тысячи имен и лиц. — Растолкуйте ему неотложность задания и всю меру ответственности.

Капитану фон Теофельсу снился сон

Йозеф фон Теофельс, человек с сотней разных имен, больше всего любил, когда его звали просто «Зепп» — потому что так к нему обращались очень немногие. В жизни гауптмана бывали периоды когда он настолько вращался в чужую кожу, что вообще забывал о своем настоящем «я». Оно залегало в спячку, будто медведь в берлогу, и давало себя знать только по ночам, когда мозг Зеппа переходил в режим менее интенсивной работы. Именно так — полностью мыслительный аппарат фон Теофельса не отключался даже во сне.

Из книг, из рассказов других людей Зепп знал, что спящему человеку свойственно видеть какие-то химеры — нечто абсолютно бесполезное, иррациональное, иногда вовсе не связанное с реальной жизнью. Но с самим Теофельсом ничего подобного никогда не случалось. Эта патология, очевидно, объяснялась особенной дисциплинированностью разума, неспособного к полному расслаблению. Капитан видел сны, и очень часто, однако они были и полезны, и рациональны. Доктору Фрейду в них анализировать было бы нечего.

Даже находясь в пресловутых объятьях Морфея, гауптман продолжал искать ответ на вопрос, занимавший его днем. Между прочим, иногда находил и просыпался с уже готовым решением.

Другой разновидностью доступного Теофельсу сновидения были картинки из прошлого — но не произвольные, а тоже непременно сопряженные с нынешним кругом забот.

Именно такого рода сон капитан наблюдал или, лучше сказать,

просматривал сейчас.

Виденье было в высшей степени приятным, даже эротичным. Будто сидит Зепп в открытой кабине «альбатроса» и парит на высоте 2500 метров с выключенным двигателем. Он совсем один во вселенной, между Землей и Космосом, совершенно свободный и счастливый.

Это превосходное чувство Теофельс испытывал и наяву всякий раз, когда поднимался в небо. Появись самолеты в его жизни раньше, он, наверное, стал бы авиатором. Но тот, кто вкусил опиума военной разведки, подобен тигру, отведавшему человеческого мяса. Все другие виды пищи будут казаться пресными. Если, конечно, ты настоящий прирожденный шпион, от Бога и Дьявола. Кстати сказать, в слове «шпион» Зепп не видел ничего зазорного. Хорошее, точное название для змеиного ремесла, в котором приходится сочетать бесшумное полззззание и ззззаворажжживающее шшшипение с — цап! — молниеносными инъекциями убийственного яда.

Ощущения от пилотажа и от шпионажа были очень похожи.

Ты совсем один. Можешь надеяться только на собственный ум, реакцию и удачу. Всё окружающее враждебно и таит в себе угрозу. Остальные представители людского рода — маленькие букашки, за которыми занятно наблюдать с высоты орлиного полета. Есть некий курс, которого надо держаться, и лимит времени, который нельзя нарушить. Ну и, само собой, каждую минуту рядом Смерть. Только ее обжигающее дыхание и дает возможность сполна наслаждаться жизнью.

Существование истинно целеустремленного человека исполнено простоты и ясности. Ничто, кроме Цели, не имеет важности. Мир состоит всего из двух цветов: черного и белого. Все явления, события и факты делятся на две категории: полезные для дела и вредные. Отсюда восхитительная конкретность поступков. Полезное следует стимулировать, вредное — устранять. Не жизнь, а цепочка математических формул. Красота!

Досмотрев чудесный сон про полет (и заодно освежив в памяти кое-какие тонкости управления аэропланом), фон Теофельс пробудился бодрым и полным сил. Закинул руки за голову и стал прикидывать, с какой стороны взяться за полученное с последней шифровкой задание. Мозг у Зеппа по утрам работал, как швейцарский хронометр.

Задача была исключительно интересная. Жаль только, времени в обрез.

Итак, герр капитан, что мы имеем?

Наши русские приятели в очередной раз удивили цивилизованное человечество зигзагом непредсказуемого скифского мышления. Не могут наладить производство сапог и винтовочных патронов, но вдруг взяли да изобрели сверхмощный воздушный корабль, с которым не может соперничать ни один из существующих самолетов.

Технические данные: размах крыльев — 35 метров; общая мощность двигателей — 540 лошадиных сил; полетная масса — до 5 тонн; экипаж — 4 летчика, наземное обслуживание — 40 человек; одна машина по мощи приравнивается к целой эскадрилье; «Муромец» способен сбрасывать бомбы весом до 4 центнеров; оснащен прицельным прибором для бомбометания; вооружение — пушка и пулемет; дальность разведочного полета — 300 километров в одну сторону. В общем, настоящий летающий кошмар.

Пока на фронте действует только один аппарат, в районе крепости Ивангород, но в Петрограде создано особое отделение «Русско-Балтийского завода», где все подготовлено к массовому производству. Оснащен специальный цех, налажен выпуск мощных 6-цилиндровых моторов особой конструкции. Десять новых аэропланов могут быть собраны чуть не за два дня. Дирекция завода ждет лишь приказа и, разумеется, оплаты. Стоимость производства одного «Муромца» очень высока — что-то около 200 тысяч рублей. Если даже десять новых машин попадут на фронт слишком поздно, чтоб сорвать неожиданность наступления, это слоновье стадо сильно помешает развитию успеха. Десяток «Муромцев» способен на первом же этапе парализовать германскую авиаразведку, затруднить переброску войск и боеприпасов. Всё планирование наземных тактических операций будет поставлено в зависимость от летной-нелетной погоды. А через месяц на фронте окажется уже двадцать «Летающих слонов», через два месяца — тридцать, через три — сорок. Грандиозный замысел молниеносного разгрома России будет обречен.

Что же тут может сделать один маленький человечек, песчинка против горы, мышенок против слона, спросил себя капитан. И засмеялся. Правильно сформулированный вопрос — половина ответа.

Вот именно: мышь и слон.

Огромному животному не страшны никакие звери — кроме малюсенькой мышки. Она может залезть лопухому гиганту в хобот и изгрызть его изнутри.

Стало быть, задача — определить, где у проекта «Илья Муромец»

хобот, самая уязвимая точка. Найти и вгрызться.

Зепп оскалил замечательно белые зубы, щелкнул ими и крикнул слуге:
— Тимо! Подавай завтрак! Жрать хочу!

В Особом авиаотряде

На аэродроме Особого авиаотряда, расквартированного близ деревни Панска-Гура, к югу от Ивангорода, проходила генеральная репетиция большого смотра, на котором верховный главнокомандующий будет знакомиться с состоянием фронтовой авиации. Брезентовые ангары для аэропланов перетянули заново; на взлетной полосе траву выстригли ровней, чем на английском газоне; все машины были вылизаны до блеска и свежепокрашены.

Хозяйство полковника Крылова содержалось в образцовом порядке, и все же командир нервничал. Сегодняшняя инспекция, хоть и предварительная, была гораздо дотошней и неприятней грядущего смотра. Великий князь Николай Николаевич, при всем почтении к августейшей особе, имеет о самолетах весьма туманное представление. Посмотрит, браво ли выглядит личный состав. Полубуется показательными полетами легких самолетов, демонстрацией возможностей нового воздушного корабля. Можно не сомневаться, что его высочеству понравится солидных размеров машина, которая умеет палить из пушки и пулемета. В детали и тонкости главковерх вдаваться не станет.

Другое дело нынешние ревизоры — начальник Воздухоплавательного отдела при Генштабе генерал Краенко и начальник Авиаканцелярии генерал Боур. Оба специалисты, и занимают их не «нюпоры» с «фарманами», а исключительно воздушный корабль. Генералы не спустят «Муромцу» ни малейшей оплошности, придерутся ко всякой мелочи. Они и приехали-то с одной-единственной тайной целью: а вдруг удастся вовсе не допустить летающего богатыря к смотру, и тогда вся затея с серийным выпуском тяжелых самолетов ляжет под сукно.

Генералы находились между собой в давней, нескрываемой вражде. При встрече обошлись без рукопожатия, за все время ни разу друг к другу не обратились. Дело в том, что Краенко был давним энтузиастом летательных аппаратов, которые легче воздуха, то есть дирижаблей. Боур горой стоял за авиацию, но не тяжелую, а легкую. Причем ратовал за то, чтобы не производить самолеты в России, а закупать их во Франции — это-де быстрее, надежнее и дешевле. Так-то оно так, но как прикажете

доставлять аэропланы и моторы, если Европа рассечена фронтами? Только морем, вокруг Скандинавии. А это потеря времени и опять-таки дороговизна, ибо за морем телушка полушка, да рубль перевоз. И еще злые языки поговаривали, что шеф Авиаканца неспроста отдает явное предпочтение аппаратам «моран» — якобы идет за них генералу от фирмы некая комиссия.

Правда это или нет, Крылову было неизвестно, однако полковник отлично видел, что к «Муромцу» оба непримиримых врага относятся с одинаковой неприязнью. Еще бы! Бюджет Главного военно-технического управления не резиновый. Пойдет финансирование тяжелой авиации — сократят заказы на легкую и на дирижабли с аэростатами.

Интересы «Муромца» сегодня представлял один лишь главный конструктор, человек совсем еще молодой и несолидный. Генералы посматривали на него с презрением, многоречивые технические объяснения пропускали мимо ушей. Конструктор чувствовал враждебность, однако, будучи человеком не вполне от мира сего, вел себя неправильно: горячился и оправдывался. Если б не было доподлинно известно, что «Илье Муромцу» благоволит сам государь император, воздушное начальство богатыря вместе с его изобретателем уже давным-давно бы без каши слопало и косточки выплюнуло. Но приходилось терпеть, соблюдать приличия.

Показывая важным посетителям свое хозяйство, командир Особого авиаотряда был вынужден учитывать, что здесь сегодня представлены все три периода развития «небесной кавалерии»: ее вчерашний *плавательный* день в лице консерватора Краенко, сегодняшней *стрекозий* в лице прагматика Боура и завтрашний *монументальный* в несолидном обличье господина изобретателя. Сам полковник начинал свою карьеру на дирижаблях, в настоящее время командовал отрядом одномоторных самолетов, но успел оценить выдающиеся возможности «Муромца», поэтому мог считаться фигурой нейтральной. Все три гостя держали его за своего, что создавало для Крылова определенные психологические трудности. Он был человек прямой, неполитичный, но при этом очень вежливый — а это мучительное сочетание.

Например, Краенко спрашивал:

— А помните, Юлий Самсонович, как мы с вами в девятьсот седьмом Кавказскую гряду с попутным норд-вестом пересекали? Бесшумно, плавно — словно архангелы. Ничего красивее в жизни не видывал!

— Помню, ваше превосходительство. Было чрезвычайно красиво, —

отвечал Крылов, но считал своим долгом присовокупить: — Только потом ветер стих, и мы одиннадцать часов провисели над Сухумом.

Генерал, натурально, воспринимал это как предательство.

Потом Боур говорил:

— Новый «моран-ж» получили? 16-метровый, с 50-сильным «гномом»? Чудо, а не машинка! Шедевр французской инженерной мысли!

— Хорошая машина, — признавал полковник. — Но «ньюпор-10» русской сборки ничуть не хуже.

И у авиаканцелярского начальника сердито топорщились усы.

Инспекторы поприветствовали выстроенных летунов. Те ответили нестройным «здра-жла-ваш-ди-ство!». Шеренга смотрелась пестро. Некоторые офицеры были одеты в форму своего природного рода войск: кто пехотную, кто кавалерийскую, кто казачью. Другие щеголяли новехоньким, недавно утвержденным авиаобмундированием: однобортный черный френч, погоны с «птичкой» и диковинный головной убор без козырька — его уже прозвали «пилотка». Надо будет к смотру нарядить всех единообразно, заметил себе Крылов. Главковерх терпеть не может «цыганщины».

Смотреть полеты обычных аэропланов начальство не пожелало.

— Ну что ж, — с фальшивым добродушием улыбнулся Краенко, старший по чину. — Показывайте, где мы прячете вашего пузана. Не будем тратить время на пустяки.

Он пренебрежительно качнул подбородком в направлении легких аэропланов. Генерал Боур вспыхнул и глухо пробормотал что-то нецензурное. Конструктор засопел, обидевшись на «пузана».

А Крылов, вздохнув, вспомнил немецкую поговорку: один русский — гений; двое — скандал; трое — хаос.

— У «Ильи Муромца» собственная зона, строгой секретности, — рассказывал он генералам на ходу. — Это отдельное подразделение, хоть и приданное к моему авиаотряду, однако же подчиняющееся мне лишь в строевых и хозяйственных вопросах. Техническая и боевая сторона находится в компетенции штабс-капитана Рутковского, командира воздушного корабля.

Это пояснение полковник сделал нарочито легким тоном. Положение *частичного* начальника секретной зоны уязвляло его самолюбие, но Крылов старался быть выше мелочных амбиций.

Небольшая группа приблизилась к высокому забору, который

правильным прямоугольником огораживал часть просторного поля. По углам территории стояли вышки с новейшими зенитными пулеметами. Сбоку, укрывшись в рощице, располагалась батарея противозаэропланных 75-миллиметровых орудий.

— Так не охраняют и ставку его величества, — саркастически обронил генерал Боур. — А где этот Рутковский? Он что, считает ниже своего достоинства выйти нам навстречу?

— Штабс-капитан должен быть уже в кабине. Корабль готов к показательному вылету.

Полковник, задрав голову, взглянул на мишени, привязанные к парившим в небе аэростатам. Махнул рукой — широченные ворота разъехались в стороны.

Открылся вид на внутреннее обустройство зоны: ангар, барак для нижних чинов, домик для офицеров. Сам «Илья Муромец» стоял посередине, готовый к выезду на взлетную полосу.

Воздухоплавательный генерал крикнул.

— А дирижабли все равно больше, — проворчал он, вцепившись рукой в свою пушистую бороду.

Авиационный генерал молчал. Под каждым из крыльев великана запросто разместилось бы по «морану».

Крылов махнул рукой.

От «Муромца» врассыпную бросились солдаты, казавшиеся рядом с ним лилипутами.

Ровно зарычали моторы, закрутились пропеллеры. Машина покатила из ограды на поле.

Четверо авиаторов в яйцевидных шлемах отсалютовали начальству. Сквозь бликующее стекло кабины лиц было не видно. Генералы раздраженно козырнули. Волнующийся конструктор помахал шляпой.

— Каркас фюзеляжа состоит из шпангоутов, на которых закреплены лонжероны и стрингеры, — лепетал он. — На этой модели рулевые тросы, управляющие элеронами, вынесены наружу, для легкости ремонта. Обшивка сделана из обычного полотна. Я предлагал укрепить салон бронированным листом, что сделало бы экипаж практически неуязвимым, но это существенно понижает грузоподъемность, и было принято решение воздержаться...

Его никто не слушал.

Воздушный корабль разбежался с величавой грацией слона. Казалось, эта машина не сможет оторваться от земли, но «Муромец» поднялся с

удивительной легкостью и, описывая широкие круги над полем, начал набирать высоту.

— Медленно взлетает, ох медленно, — покачал головой Боур. — «Моран» бы уже набрал тысячу пятьсот.

Изобретатель кусал губы.

— Однако как славно маневрирует, — пожалел молодого человека полковник.

Корабль начал стрелять по мишеням. Вычихнул струю дыма, рядом с ярко-красным кубом из полотна лопнул разрыв.

— Промазал, — констатировал Краенко.

— Я был против установки на корабле пушки! — закричал конструктор. — Решительно против! Лучше поставить второй пулемет! В воздушном бою пулеметы гораздо эффективней!

Будто услышав подсказку, «Муромец» затарахтел частыми очередями. В секунду разнес красный куб, а за ним расчехловил и аэростат, который вялой колбасой заскользил вниз.

— Точно так же «Муромец» расправится с любым дирижаблем! — отомстил воздухоплавателю конструктор.

— Уж в этом-то можно не сомневаться, — поддержал его Боур. — Однако за такие деньги можно купить десять «моранов».

— Мой «Илья» собьет ваши десять «моранов», а сам останется невредим, — ляпнул молодой нахал. Эфемерный союз легкой и тяжелой авиаций, едва возникнув, распался.

— И потом, целых четыре человека на экипаж! При нашем-то дефиците кадров. У вас ведь, полковник, несколько машин простаивает?

— Так точно, ваше превосходительство. Наблюдатели есть, а с опытными пилотами беда. Правда, не сегодня-завтра прибудет большое пополнение, — похвастался Крылов, ждавший новых летунов как манны небесной.

«Муромец» старательно выписывал петли, демонстрировал повороты, сбросил макет бомбы, попавшей точно в середину очерченного круга, но генералы уже отвернулись — поняли, вороны, что добычи не будет.

— Так или иначе, всё решит смотр. — Краенко похлопал бывшего сослуживца по плечу. — На всё, как говорится, воля Всевышнего и верховного. Пойдемте покажете, как обеспечивается безопасность корабля.

Из ворот зоны вышел красномордый унтер с кожаной сумкой через плечо. При виде генеральских лампасов выкатил грудь, расправил плечи, перешел на чеканный шаг и так четко подбросил руку к фуражке что сразу стало видно настоящего коренного служаку.

— Сорок нижних чинов постоянно находятся на территории. Отлучаться запрещено. Только старший унтер-офицер Сыч, — Крылов показал на молодца, — может выходить в штаб или в лавку. Господам офицерам разрешается удаляться от зоны не далее, чем на версту. Поездки в город допускаются лишь в дождливую погоду. Из лиц, не входящих в штат корабля, входить на объект имеем право лишь я и отрядный адъютант...

Едва он это сказал, как в ворота рысцой вбежал адъютант авиаотряда поручик Гамидов, легок на помине. Его красивые сливообразные глаза сияли счастьем.

— Ваше превосходительство! — закричал он издалека. — Разрешите обратиться к господину полковнику! Юлий Самсонович! Прибыло пополнение! Большое! Один летнаб, остальные пилоты!

Большое пополнение

Начальнику авиаотряда так не терпелось поскорее увидеть летчиков, что конец инспекции получился неприлично скомканным. Все объяснения полковника ужались до куцых фраз, на вопросы он отвечал главным образом «Так точно» или «Никак нет». В скором времени генералы заскучили, тем более что придрататься к «Муромцу» оказалось не из-за чего, а время шло к обеду. От вежливого приглашения откусать «обычной летунской трапезы» в офицерской столовой их превосходительства отказались, сославшись на приглашение ивангородского коменданта. И упылили на своих автомобилях, скатертью дорога.

Крылов перекрестился и, стараясь не сбиться на мальчишеский бег вприпрыжку, поспешил в штаб.

Пополнение действительно оказалось грандиозным. Перед крыльцом бывшей управы, окруженные офицерами, стояли и курили пятеро мужчин. Целых пятеро! Притом что Авиадарм обещал прислать самое большее четырех.

С летным составом в действующей армии было еще хуже, чем с аэропланами и запчастями. На всю державу имелось шесть авиашкол. Вместе взятые, они могли вместить сотню учащихся, половина из которых отсеивалась за неспособностью к пилотному делу, а оставшихся буквально рвали на части. Свою квоту на этот год Особый авиаотряд уже выбрал. Но изобретательный Крылов догадался первым закинуть в управление бумагу,

прося о пополнении за счет некадровых летчиков из числа запасных и охотников. До войны в России было немало любителей-спортсменов, летавших на свой страх и риск — кто в погоне за денежными призами, кто по зову сердца. Среди этой публики попадались пилоты недюжинного таланта.

— Господа офицеры! — рявкнул кто-то из военлетов, первым заметивший начальника.

Свои отошли в сторону, подтянулись. Новенькие неловко выстроились. Вид у них был нелепый: кто в канотье, кто в кепи, один в солдатской гимнастерке, один в широкополой шляпе. У ног багаж — чемоданы, портпледы, саквояжи.

— Сашка! Круглов! — ахнул командир, бросаясь к маленькому курносому щеголю в чудесном парижском костюме и штиблетах с гамашами.

Обнялись.

Старые знакомцы очень давно не виделись. Когда-то Александр Круглов числился звездой отечественной авиации, но после первого Всероссийского праздника воздухоплавания, в сентябре десятого, вдруг исчез. Тогда разбился капитан Мациевич, и разбился странно: ни с того ни с сего выпал с высоты 500 метров из своего «блерио». Заговорили о самоубийстве. Сначала, как водится, болтали о роковой любви. Потом возникла другая версия, политическая.

Двумя днями ранее Мациевич поднимал в воздух самого Столыпина. Пять минут покатал его над Петербургом и спустил на землю, только и всего. Однако Охранному отделению стало известно, что капитан был членом подпольной террористической организации и получил задание разбиться вместе с председателем комитета министров. Почему не исполнил — загадка. То ли нервов не хватило, то ли Столыпин ему понравился. Предстать перед судом товарищей несостоявшийся тираноборец не осмелился, предпочел расшибиться о землю. А Саша Круглов с покойником дружил, и якобы не просто дружил, а оказывался чуть ли не соучастником. В общем, история была мутная, полицейская.

Через некоторое время Круглов объявился в Париже. Получил бrevet на звание летчика от Французского аэроклуба и стал очень успешным «призовиком», то есть профессиональным авиатором, участвовавшим в призовых перелетах. То возьмет в Ницце 70 000 франков за рекорд дальности, то в Италии 30 000 лир за рекорд высоты. Жил на широкую ногу, купался в славе. Казалось бы, чего еще?

— Как объявили войну, я сразу в наше посольство, — рассказывал он Крылову. — Политическим обещали амнистию. Добирался круглым путем, через Японию. Теперь вот рядовой, вольноопределяющийся. Самолет дашь?

— Любой, на выбор. Хочешь мой «вуазен»? — пообещал полковник, все еще не веря такой удаче. Сам Круглов!

Второго из новеньких Крылов тоже знал, но на шею ему не бросился.

Это был известный опереточный артист Беркут-Лавандовский, несколько лет назад заболевший любовью к небу. Злые языки утверждали, что он желал таким образом поправить свою пошатнувшуюся сценическую популярность. Беркут и правда был позер, любитель аплодисментов, но притом настоящий, полоумный летун. Полковнику случалось видеть его в воздухе. Ничего не скажешь — действительно беркут.

С этим щеголем наверняка будут трудности дисциплинарного порядка, озабоченно подумал он, оглядывая напомаженного красавца. Да еще как пить дать газетчики нагрянут.

Протянул руку, сухо сказал:

— Милости прошу в Особый авиаотряд. Надеюсь, сработаемся.

— Инженер Агбарян, бревет номер 29, — горделиво представился третий, горбоносый брюнет с сияющим пробором. — Я со своим «фарманом», он прибудет на следующей неделе.

Номер бревета был впечатляющий — его владелец наверняка летал с самого первого года русской авиации, то есть уже лет пять. Да и фамилия известная. Одесская фирма «Агбарян» занималась доводкой и ремонтом аэропланов, пользовалась у авиаторов отличной репутацией, а про владельца рассказывали, что как летун он очень неаккуратен, но феноменально удачлив: капотировал и разбивался раз десять, но всякий раз отделялся ушибами и переломами.

— Очень рад. Пока едет ваша машина, не откажите осмотреть моих птичек. Есть кое-какие технические трудности, с которыми мои механики справиться не в состоянии, — попросил Крылов.

Он уже решил, что приспособит инженера заведовать ремонтным цехом, а в небо будет пускать пореже. Специалист такого уровня в отряде — редкостное везение.

Следующий был немолод и хмур. Солдатская форма сидела на нем, будто сшитая на заказ хорошим портным, а выправка была безошибочно гвардейская.

— Ваше высокоблагородие, летчик-наблюдатель рядовой Ланской прибыл для прохождения службы!

Прямая, как дощечка, ладонь застыла у околыша фуражки.

Ах вот это кто.

Про полковника Ланского несколько месяцев назад говорила вся армия. Офицер Генерального штаба, в начале войны он был приставлен к сербскому принцу Арсению, которого во укрепление духа союзничества назначили командовать русской пехотной дивизией. Августейший командир держался с офицерами высокомерно и даже грубо, что в конце концов закончилось чудовищным инцидентом: в ответ на оскорбление Ланской ударил начальника стеком по лицу. Военный суд приговорил преступника к расстрелу, замененному разжалованием в солдаты. Однако у Ланского нашлись покровители — пристроили невольника чести в летную школу, ибо в авиации легче отличиться и вернуть офицерское звание.

С опальным генштабистом Крылов поздоровался почтительно, как со старшим по возрасту и выслуге.

— Если не возражаете, будем летать вместе. Мне самому как раз нужен летнаб.

— Буду счастлив, ваше высокоблагородие!

— Меня зовут Юлий Самсонович. А вас?

Если ты пошел в летчики, только чтоб вернуть серебряные погоны, после первого же боя подам представление — и счастливого пути, думал Крылов. А коли окажешься молодец, то хороший летнаб всегда кстати.

Последний летун, по счету пятый, выглядел еще оригинальней. Загорелая физиономия с дурацкими бачками и белесыми усишками сияла не по-русски широкой улыбкой.

— Прапорщик запаса Долохов!

Смотрелся прапорщик запаса настоящим огородным пугалом: широкополая шляпа, будто из американской фильмы про ковбоев, желтые сапоги со скошенным каблуком, поверх клетчатой рубахи — безрукавка из овчины.

Волк в овечьей шкуре

— А как вас по имени-отчеству? — спросил командир Особого авиаотряда, бритый бесцветный господин с усталыми глазами и мягкой манерой выговаривать слова. Зепп мысленно сразу окрестил его «Мямля».

— Михаил Юрьевич, — еще шире раздвинул гауптман свою американскую улыбку. — Сам к вам напросился. Как узнал в канцелярии, что в Особый едет пополнение, организовал целую интригу, но своего добился. Служить под началом самого Крылова — давно об этом мечтал.

Про интригу он сказал сущую правду, про мечту наврал. В Особом авиаотряде, как говорил принц датский, имелся магнит попритягательней, чем скучная рожа начальника.

Мямля, однако, на лесть не клюнул.

— Михаил Долохов? Никогда о вас не слышал. Где летали?

Теофельс засмеялся:

— Не поверите, господин полковник. Никто не верит. Я — американец.

— Как так?

— Ну не природный, конечно. Ездил на Аляску, золото искать. Не нашел. Работал в летучем цирке. А когда началась война, решил, что мое место на Родине.

— Похвально. А это кто с вами?

Командир авиаотряда снизу вверх смотрел на долговязого Тимо, который топтался за спиной у хозяина, сторожил багаж.

— Мой механик, Тиимо. Он эстляндец, из Ревеля. По-русски говорит через пень-колоду, но в моторах — бог. Он невоеннообязанный, но я прихватил его с собой. Подумал, пригодится.

— Конечно, пригодится. Раз вы имеете офицерский чин, вам положен денщик. Зачислим его пока на эту скромную должность, а там что-нибудь придумаем.

Полковник (хм, демократ) протянул руку и новоиспеченному денщику. Старина Тимо осторожно пожал ее своей костлявой лапищей, проскрипел:

— Сдравий-шелей, фаш-сковородь.

Запомнил-таки. Всю дорогу практиковались.

— Ну, американец, показывайте, чему вас в цирке научили. Вам привычней на «ньюпоре» или на «фармане»?

— Мне все равно. Хоть на метле верхом, — весело ответил Зепп. — Я же циркач. У вас тут, я смотрю, выбор, как в дорогом ресторане.

Он показал на поле, на котором стояло с дюжину машин различных фирм и моделей.

Летучий цирк

Из всего разномастья аэропланов, имевшихся в отряде, «американец» выбрал трофейный германский «таубе» — машину шуструю и маневренную, силуэтом действительно похожую на голубка.^[42] Взмыл на ней под облака и принялся выписывать такие кренделя да скрипичные ключи, что летчики и обслуга, наблюдавшие за полетом с земли, только диву давались.

«Таубе» уходил в пике, делал полный переворот, три раза подряд исполнил нестеровскую «мертвую» петлю.

Действительно, циркач.

Крылов смотрел и радовался: какой урожайный день. Три первоклассных пилота, один инженер, один летнаб, да еще один механик!

К полковнику подошел штабс-капитан Рутковский, командир воздушного корабля, встал рядом, понаблюдал, как точно и ловко садится новичок. Попросил разрешения закурить, задымил папиросой. Он был молчун, штабс-капитан. Если б не обидная автономность «муромчан», Крылов относился бы к нему с симпатией, а так между начальниками ощущалась некоторая настороженность.

Из кабины приземлившегося самолета легко выпрыгнул Долохов, сменивший дурацкий американский наряд на кожанку и шлем. С ним знакомились отрядные старожилы, принимали как своего — жали руку, хлопали по плечу, обнимали. Все настоящие летуны друг другу, как братья.

Раскрасневшийся от полета и объятий «американец» подбежал к полковнику.

— Не разочаровал?

— Молодец, что вернулись на родину! Далась вам Америка? Губить талант в такой дыре!

Полковник не сдержался, тоже прижал лихача к груди — но символически, сохранив небольшую субординационную дистанцию.

— Да, наглость есть, — своеобразно похвалил циркача командир «Муромца». — Пилоту без нее никак. — Пыхнув дымом, пожал прапорщику руку. — Штабс-капитан Рутковский. Ну, легких взлетов, гладких посадок.

И пошел в сторону своего загона. Часовой заранее открывал ему калитку в воротах.

— Что это у вас там за острог такой, Юлий Самсонович? — по-свойски спросил новенький. — Гауптвахта, что ли?

— База воздушного корабля «Илья Муромец». Слыхали про такой?

— Еще бы! Вот на чем полетать бы!

Желание Долохова командиров было понятно. Он и сам охотно

попробовал бы, какова пятитонная машина в полете, да не положено.

— Бог даст, полетаете. Скоро поступят новые «Муромцы». Если верховный останется доволен показательным полетом. Всё зависит от смотра...

К такому же выводу пришел и Зепп

Вопрос: какие, хотя бы чисто теоретически, существуют способы не дать Илье Муромцу подняться с лавки и распрямиться во весь богатырский рост? Вроде бы самое простое и логичное решение — хорошая диверсия в петроградском авиационном отделении Русско-Балтийского завода. Технически это вполне осуществимо. Агентов во вражеской столице имеется достаточно, в том числе отличных специалистов по поджогам и взрывному делу. Превратить цех и ангар вместе с подготовленными к сборке десятью аппаратами в груды головешек — дело для профессионала не слишком сложное. Однако что дальше?

Да, на первом этапе большого наступления небо будет оставаться немецким. Но масштабная диверсия против «Муромцев» станет для царя самым убедительным доказательством того, что германцы очень боятся воздушного гиганта. Русские плохо умеют организовать работу в обычных условиях, зато в авральной обстановке эта нация способна мобилизоваться как ни одна другая. На производство тяжелых аэропланов сразу же найдутся любые средства. Выделят сколько надо строителей, инженеров, квалифицированных рабочих. Не успеешь оглянуться, как невесть откуда, из пучины морской, выскочат разом не десять, а тридцать три богатыря. По расчетам Большого Генштаба, фронтовая операция может продлиться около полугода. За это время небо почернеет от «Летающих слонов». Наступление, которое начиналось за здравие, кончится за упокой.

Нет, диверсия — не метод.

Убить конструктора?

Технически опять-таки пара пустяков. Но это надо было делать раньше, на стадии проектирования. Теперь поздно. Эффект снова получится обратный: террористическая акция лишь уверит русское командование, что «Муромец» имеет большое стратегическое значение.

Вообще, чем больше будет шума и грохота вокруг воздушного корабля, тем хуже для дела.

Значит, третье.

Уязвимый кончик хобота у «Летающего слона» — колебания высокого начальства, которое а) консервативно и плохо разбирается в вопросах авиации; б) экономит деньги; в) делится на клики, фракции и группировки, у каждой из коих собственные интересы.

У «Ильи Муромца» наверху есть покровители, но есть и многочисленные влиятельные противники. Вот и нужно помочь этим славным людям одержать победу в их подковерной борьбе.

Первая же рекогносцировка в околоштабные круги определила время и место. Судьба воздушного корабля выяснится на авиационном смотре, который сторонники «Муромца» затевают специально, чтоб произвести впечатление на верховного главнокомандующего. Если сам Никник поддержит проект — все препятствия рухнут как по мановению волшебной палочки. Значит, нужно, чтобы многомоторный аэроплан великому князю не понравился.

У сложной задачи нашлось неожиданно легкое решение. Во всяком случае, таковым оно представлялось Зеппу издалека.

Попасть в Особый авиаотряд при имеющихся связях и навыках, да при общем дефиците пилотов будет нетрудно. А там можно устроить с помощью Тимо, мастера-золотые-руки, какую-нибудь техническую бяку, от которой «слон» во время демонстрации свалится прямо на чугунную башку его высочества. Нет, лучше где-нибудь поблизости, а то, не дай боже, вместо Никника назначат другого главнокомандующего.

Сказано — сделано.

Через шесть дней после того, как капитан фон Теофельс нашел у слона кончик хобота, в Особый авиаотряд прибыл рубаха-парень Миша Долохов со своим долговязым механиком. Осмотрелся, принялся, наладил теплые отношения с начальством и товарищами.

И шапкозакидательское настроение скисло.

Секретная зона была близехонько, на краю летного поля. Близок локоть, да хрен укусишь.

Первые впечатления были неутешительны.

Объект охранялся всерьез, без обычной российской расхлябанности. Перед ответственным смотром меры безопасности наверняка еще больше усилятся. Проникнуть на территорию — не шутка. Деревянный забор — не Великая китайская стена. Подобраться к машине в ночь перед парадом и что-нибудь там нахимичить сложно, но можно. Однако, как вскоре выяснил

Зепп, перед каждым вылетом «Муромец» подвергается тщательной двухчасовой проверке — по всем аварийноопасным узлам. По случаю осмотра проверка наверняка будет усиленной. Каким бы мастером ни был чудесный Тимо, механики аэроплана все равно знают уязвимые места своей машины лучше.

Насколько легче работалось в России до начала войны или в самом ее начале! Русские были беспечны, как дети. Во время августовско-сентябрьского наступления штабы армий передавали по радио в корпуса и дивизии приказы открытым текстом... О где ты, утраченная невинность!

Парадокс: именно из-за того, что германская разведка очень хорошо работала, русские так быстро обучились осторожности.

Так что вблизи орешек оказался крепким. Сразу не раскусишь.

В офицерской столовой

Жизненный опыт Зеппа свидетельствовал, что самое слабое звено в любой системе защиты — человеческий элемент.

Капитан был убежденным гуманистом и очень любил своих братьев и сестер по биологическому виду. За полезность.

Мягкие, теплокровные, доверчивые создания, такие открытые всякому доброму слову и участливому взгляду, были восхитительно непоследовательны и алогичны. Попробуйте-ка вскрыть банковский сейф, не зная комбинации цифр. А человека погладишь там-сям, ущипнешь, пощекочешь, и он сам раскроется. Просто талант нужно иметь. Любить надо человека, вот что.

Поэтому Зепп сразу полюбил всех своих новых друзей, боевых соратников, с которыми, черт побери, вместе на смерть идти, защищать Родину от тевтонского нашествия.

Честно говоря, полюбить летунов полковника Крылова было совсем нетрудно. Это всё были забубённые головушки — молодые, веселые парни, как две капли воды похожие на немецких летчиков.

В Особом авиаотряде, как во всякой воинской части, имелось два отдельных помещения, дабы вкушать хлеб насущный. Только в обычном полку есть столовая для нижних чинов и офицерское собрание, а здесь разделение было по иному принципу: для «соколов», то есть для летного состава, и для «ужей» — то есть наземного персонала. Летуны между собой званиями не мерялись, только мастерством да удачей. В лучшем из деревенских домов, бывшей цукерне «Роскош», расположилась кантина для

небесного люда, неважно — со звездочками на погонах или без. «Рожденные ползать» — адъютант отряда, командир зенитчиков, старший механик, военные чиновники — столовались в другом месте.

Но и в летчицкой кantine, как заметил Зепп, тоже соблюдалась своя иерархия. Часть залы, приподнятая на одну ступеньку и огороженная перильцами, пустовала. Там белел ослепительной скатертью какой-то особенно нарядный стол, украшенный вазой с цветами. За остальными столами прислуживали дневальные солдаты в фартуках, а у этого священнодействовала пухлая, миловидная кельнерша с кружевной наколкой на золотистых волосах.

— Для начальства? — спросил Теофельс у соседей.

— Для экипажа «Муромца», — ответили ему. — Эти аристократы у нас на особом положении.

После этого Зепп принялся разглядывать интригующий стол с удвоенным вниманием. Как, впрочем, и остальные новички. Воздушный корабль интересовал всех, и разговоры сначала тоже были исключительно о нем.

Кто-то рассказал (правду или небылицу — бог весть), что на первом «Муромце», еще мирного образца, якобы был спальный отсек и ватерклозет. Предполагалось, что самолет дальнего радиуса будет использоваться для полетов вдоль Северного морского пути. Совершил же он перед самой войной беспосадочный перелет Киев — Петербург.

Позавидовали многомоторности богатыря. Главная беда обычных аэропланов — отказ двигателя — «Муромцу» нипочем. У него аж четыре пропеллера, а лететь он может и на одном.

Обсудили новые баллистические таблицы, позволяющие кораблю осуществлять бомбометание с невероятной точностью, учитывая высоту, скорость и силу ветра. А 25 пудов бомбочек в одном сбросе — это вам не комар чихнул. Все равно что залп из орудий целого артиллерийского дивизиона.

Зепп сидел, наматывал на ус. Правда, вскоре общая беседа рассыпалась на несколько локальных, уже не имевших отношения к «Летающему слону». Гауптман умудрялся участвовать во всех сразу, то и дело поглядывая на аристократический стол — не появились ли «муромчане».

Разговоры были обыкновенные, летунские.

У кого лучше маневренность — у «ньюпора-4» или «фармана 22-бис». Правда ли, что французы начали ставить на аэропланы радиопередатчик, а немцы придумали, как стрелять из пулемета через вращающийся

пропеллер. Будут ли в добавку к «столовым» и «квартирным» платить «залетные» по количеству летных часов. Еще обсуждали какого-то Карасева, который раньше был лихой пилот, но после аварии *потерял сердце* и все норовит увильнуть от полетов.

Агбарян с важным видом рассказал, что на Путиловском заводе для летчиков разработан противопулевой доспех из какой-то особенной закаленной стали. Прикрывает главным образом задницу и соседствующие с ней важные места. Изобретение было горячо одобрено всеми обедающими. Кто из летчиков не боится получить пулю в мужскую область при обстреле с земли?

За соседним столом, где сидела публика постарше, слушали бывшего генштабиста Ланского, который за время обучения на курсах летнабов успел стать большим патриотом авиации.

— ...Это, господа, черт знает что, — негромко говорил рядовой, хмуря брови. — Все наши беды объясняются вульгарной нехваткой средств. В других странах военные министерства тоже экономят на самолетах, но там передовая общественность понимает значение авиации и периодически устраивает сбор средств в помощь военному флоту. Я специально интересовался цифрами. Немцы за прошлое лето собрали по подписке семь миллионов. Французы пять. А наши думские демосфены патриотствуют только на словах. Известно ли вам, сколько дал сбор пожертвований для «Муромца», устроенный в Петрограде? Сотрудники Военного министерства расщедрились на 3 рубля 44 копейки. Служащие канцелярии императорского двора отвалили до кучи 59 копеек. О прочей, менее ответственной, публике и говорить нечего... Не собрать денег для такого дела! Ох, Русь-матушка... Поскупилась вооружить богатыря. Кто же тебя защищать будет?

Будто в ответ на сей риторический вопрос в клуб пошли четверо авиаторов, очевидно, явившихся прямо с аэродрома. Поздоровавшись, они направились к возвышению.

Новички с любопытством воззрились на экипаж воздушного корабля.

— Это и есть ваши небожители? — съязвил Агбарян, в его голосе звучала зависть.

— Мы тут все небожители. А также небоумиратели, — строго ответил опекавший пополнение казачий сотник из ветеранов.

Задал вопрос и Зепп:

— С папиросой — штабс-капитан Рутковский, знаю. А кто остальные?

— Молодой — это второй пилот, Митя Шмит. Повезло сопляку, — стал объяснять старожил. — На какой аппарат попал и к какому командиру!

Усатый поручик — Георгий Лучко. Тот самый случай, когда не Георгий поражает змия, а змий Георгия — зеленый змий. Зато стрелок фантастической меткости, потому Рутковский его и терпит. Сзади, в гимнастерке, зауряд-прапорщик Степкин, механик. Уникум. Может исправить любую поломку прямо в воздухе.

Фон Теофельс так и вонзился в четверку взглядом. Ничего не упустил, ни малейшей детали. Тут любая мелочь могла пригодиться или, наоборот, помешать.

Отметил и марку папиросы у командира («Дюшес»), и сизый нос стрелка, и томик под мышкой у мальчишки (стихи Александра Блока), и аккуратно подшитый воротничок у механика (стежки явно сделаны заботливой женской рукой). При необходимости зрение гауптмана умело заостряться до невероятности, а уж слух и подавно. Искусством звукоуловительного концентрирования Зепп владел в совершенстве. Хоть до заветного стола было метров десять, не упускал ни одного слова.

Верно и то, что «муромчане» разговаривали между собой громко, оживленно, как и положено летчикам сразу после полета.

— Панна Зосенька, ваш Ромео и его верные друзья подышают от голода! — крикнул сизоносый поручик через всю залу.

— Перестань, сколько можно, — укорил его механик.

Все сели, и неугомонный стрелок тут же прицепился ко второму пилоту, уткнувшемуся в книгу.

— Митька без своего молитвенника никуда. Почитай нам про незнакомку. Как это: «Чего-то там, пройдя меж пьяными, она глушит вино стаканами».

Он засмеялся, остальные улыбнулись — кроме Шмита. Тот буркнул:

— Очень остроумно.

Через столовую с тяжелым подносом, уставленным всякой снедью, плыла давешняя кельнерша. Черноглазый Агбарян оживился:

— Мадемуазель, я надеюсь, вы к нам?

— Зря стараетесь, — ухмыльнулся сотник. — Сердце красавицы оккупировано, да и рука уже обещана.

Кельнерша грациозно вспорхнула на ступеньку, стала метать, будто со скатерти-самобранки, мясные и рыбные закуски, соленые грибки, пирожки.

— Здравствуйте, пани Зося, — приветствовал ее Рутковский. — Право, вы нас балуете.

Когда у красотки освободились руки, она любовно поправила Степкину завернувшийся манжет, и невзрачный механик просиял

счастливой улыбкой.

— Голубок с голубкой, — заметил Лучко, сунув в рот кусок ветчины. — Степкин, когда на свадьбе погуляем?

У того на всё был один ответ:

— Перестань, сколько можно.

Зося, мило покрасневшись, накладывала летчикам на тарелки. Интересно, что ни графина с водкой, ни бутылки с вином на обильном столе не было — только сельтерская да квас.

— Эх, господа, ничего б не пожалел, только бы на «Муромце» полетать, — вздохнул рядом с Зеппом парижанин Круглов, теребя пуговицу своей новенькой гимнастерки.

— И не говори, — с чувством поддержал его Теофельс (они все уже были на «ты»).

В голове у него от сосредоточенности всё вертелось и пощелкивало. Даже странно, что соседи не слышали того лихорадочного перестука.

Кельнерша шла мимо с пустым подносом, уронила на пол салфетку. Агбарян дернулся поднять, но проворный Зепп его опередил. Галантно подал, нарочно коснувшись полной ручки красавицы. Задержал взгляд на ее лице. Полька порозовела.

— Дзенькую, пан прапорщик. Спасибо.

Он попросил:

— Уроните что-нибудь еще.

Улыбаясь, она покачала головой и удалилась.

— Зря стараешься, Долохов. — Ветеран толкнул Зеппа в бок. — У пани Зоси со Степкиным сурьезный рроман. Ты опоздал.

— Тогда пойду повешусь.

Под общий смех гауптман вышел из кантины.

Так-так, говорил себе он, так-так.

Если бы кто-нибудь сейчас видел лицо шпиона, поразился бы: оно меняло выражения и гримасы со скоростью быстро прокручиваемой киноплёнки.

Искусство перевоплощения

То делалось приторно-восторженным, то мизантропическим, то развязным, то застенчивым. Губы растягивались до ушей и сжимались в куриную гузку, поджимались и рассупонивались; глаза глупели и умнели, по-овечьи добрели и тут же сверкали злой иронией. Фигура и осанка тоже

участвовали в маскараде. Гений перевоплощения ссутуливался, выпячивал грудь, расправлял плечи, скашивался набок, ни с того ни с сего начинал прихрамывать или потешно подпрыгивать на ходу.

Теофельс разминался, словно жокей перед скачкой с препятствиями.

Минута-другая, и он привел себя в состояние полной пластилинности, из которой теперь мог вылепить что угодно.

Нельзя сказать, чтобы в Зеппе умирал великий актер. Потому что актер и не думал умирать, а, напротив, был очень востребован и частенько давал огромные сборы. Просто представление обычно устраивалось для весьма узкого круга, и публика не подозревала, что присутствует на бенефисе.

В отличие от профессионального артиста Теофельс не умел изображать ярость или безутешное горе, оставаясь внутренне холодным. Он был адептом сопероживательной школы и на время исполнения роли действительно превращался в другого человека, почти полностью. Будто бы стягивал свое «я» в крошечный тугой узелок, однако для контроля над ситуацией хватало и узелка.

Экипаж «Муромца» прибыл на обед компактной группой. Что и понятно: вместе летали, вместе отправились подкрепиться. Однако все они люди разного темперамента и склада. Это, в частности, проявляется в скорости поглощения пищи. Командир корабля, например, ел четко и организованно. Не лакомился, не излишествовал. Такой субъект утолит голод и встанет из-за стола, попусту рассиживать не будет. Его Зепп ожидал первым.

И не ошибся.

Рутковский спустился с крыльца, надевая пилотку. Остановился зажечь папиросу.

Тут-то Теофельс к нему и подлетел. Его лицо пылало благородным энтузиастическим восторгом.

— Господин штабс-капитан, прошу извинить, что вот так с наскока... Я человек прямой... Позвольте начистоту...

Командир воздушного корабля был явно не из краснобаев, поэтому и Зепп говорил сбивчиво, косноязычно.

— Господин штабс-капитан, вы меня не узнаете? Я Долохов, вы видели меня в небе...

Бука Рутковский смотрел на него без улыбки, выжидательно.

— Помню. Летаete славно.

— Я не летаю... — Зепп задохнулся. — Я в небе живу, вот что... Только в небе! А на земле — так, прозябаю... Не буду летать — сдохну,

честное слово!

— Понимаю вас.

Слегка оттаял.

— Я как вас увидел, сразу влюбился. Ни о чем другом думать не могу. Командир «Муромца» вздрогнул.

— Простите, что?!

— В вашего «Илью», — рубил правду-матку энтузиаст. — Какая машина! Господин штабс-капитан, возьмите меня к себе! В экипаж! Я летун, каких мало, поверьте!

— Да как я вас возьму? У меня комплект.

— Я видел, у вас второй пилот зеленый совсем. А если вас ранят? Он же с управлением не справится. А я и из пулемета отлично могу. Позвольте продемонстрировать! И в моторах разбираюсь!

Рутковский улыбался, польщенный таким напором.

— Шмит действительно малоопытен. И это, конечно, замечательно, что вы универсал. Нечасто встречается. Но не могу же я взять и отчислить товарища. Не по-летунски выйдет. Однако я буду иметь вас в виду. Если кто-то из моих, не дай бог, выйдет из строя, милости прошу. Можете считать себя первым кандидатом на замещение. Честь имею.

Он козырнул. Зашагал прочь, прямой, словно аист.

— Так я буду надеяться! — крикнул Теофельс и подмигнул слуге.

Тимо сидел неподалеку на ступеньке, строгал щепку. Солдатская форма его долговязой фигуре бравости не придавала.

— ...Что ж, мы и не надеялись на легкий путь, но спасибо за подсказку, — тихо сказал гауптман по-немецки вслед Рутковскому.

Отошел от крыльца в сторонку — нужно было осуществить некую манипуляцию, не предназначенную для посторонних глаз.

Он вынул из брючного кармана плоскую фляжку с коньяком, из нагрудного выудил завернутую в войлок ампулку. Очень осторожно вскрыл, растворил содержимое в благородном французском напитке. Встряхнул.

Кто там у нас следующий — стрелок или второй пилот? Кто из двоих вытянет у цыганки-судьбы короткую соломинку?

Механик-то наверняка задержится, у него на то имеется веская златокудрая причина.

Подвижное лицо великого артиста попеременно изобразило разухабистость (для забулдыги поручика) и мечтательность (для любителя поэзии).

И застыло где-то посередине. Потому что из кантины вышли оба — и Лучко, и Шмит.

Поговорили о чем-то, вместе пошли по улице. Теофельс уж было расстроился — ан нет, офицеры все-таки расстались.

Молокосос сел на бревна, раскрыл свою книжку, сизоносый поручик размашисто зашагал дальше.

Секунду поколебавшись, Зепп отправился за ним. Не потому что юнца жалей, чем пьяницу, — в деле сантименты неуместны. Просто Лучко представлялся более легкой добычей.

Лицо гауптмана определилось с миной — сделалось открытым, бесшабашным.

Рубаха парень

— Сергуня! — заорал фон Теофельс, прибавив ходу. — Сережка, черт, да стой ты!

Стрелок обернулся, уставился на него с удивлением.

— А я гляжу — ты, не ты. Не узнаешь? — хохотал Зепп. — Долохов я, Мишка! Тринадцатый год, перелет через Ла-Манш! Ну, вспомнил?

— Обознались, — развел длинными руками поручик. — Не за того приняли.

Подойдя вплотную и якобы убедившись в ошибке, гауптман шлепнул себя по щеке.

— Пардон, виноват. Думал, Сережка Буксгевден. Усы такие же, походка. Мы с ним из Лондона в Париж летали. Я Долохов, Михаил. Просто Миша.

— Жора Лучко. — Обменялись крепким рукопожатием, с симпатией глядя друг на друга. Выражение лиц у них было совершенно одинаковым, будто отражалось в зеркале. — Вы летали через Ла-Манш, в мае тринадцатого? Буксгевден участвовал, помню по газетам. А вот Долохова что-то...

Зепп, корректируя легенду, махнул рукой:

— Да я, собственно, не взлетел, колесо подломилось.

— М-да, бывает, — посочувствовал стрелок. Его тощая физиономия приняла скорбное выражение, сделавшись еще длинней. — А Буксгевден, приятель ваш, разбился в сентябре. Не слышали?

— Нет, я еще в Америке был. — Теофельс пригорюнился. — Жалко. Какой был летун! Мало таких...

Помолчали.

— Эх, Сережка, Сережка, — всё переживал гауптман. — Ты его знал? — Он спохватился. — Ничего, что я на «ты»? Не люблю церемоний с товарищами.

— Я тоже. На «ты» так на «ты». А это заместо брудершафта. — Лучко с размаху хлопнул нового приятеля по плечу. — Нет, с Буксгевденом я знаком не был, но все говорят — отличный был летяга.

— Никаких «заместо». Что мы, гимназистки? Я, брат, с пустым бензобаком не летаю. — Зепп хитро подмигнул и, сделав замысловатый жест, показал фокус: в пустой ладони откуда ни возьмись появилась фляжка. — Коньячок, «Мартель». Чебутыкнем за знакомство. И Сережу помянем.

Он уже и место приглядел — два полешка под уютным кустиком.

— Вон и ресторация.

Поручик с тоской смотрел на флягу, в которой аппетитно побулькивало.

— Не могу. Слово дал командиру, летунское. До смотра — ни капли.

— Это правильно. Но мы же не пьяницы. По одной крышечке, символически. За всех наших, кто летал да отлетался.

Было видно, что поручику ужасно хочется выпить. Но он затряс головой и попятился.

— Ну тебя к черту, не искушай. После смотра — хоть ведро. А сейчас не могу. Слово есть слово.

В самом деле, перекрестил Зеппа, словно беса-искусителя, и чуть не бегом ретировался.

Похвально, вынужден был признать фон Теофельс. Можно сказать, наглядный пример пользы воздержания — хоть вставляй в спасительную книжицу Общества трезвости.

Если б поручик нарушил «летунское слово» и отпил хотя бы капельку из соблазнительной фляги, часа через два у него начался бы неостановимый понос, рвота, потом лихорадка. В ампулке содержался концентрированный раствор дизентерийных бактерий.

У этой болезни прелестно короткий инкубационный период и очевидные симптомы. Выбытие из строя гарантировано. Если человек и умирает (а при такой лошадиной дозе этим скорее всего и закончилось бы), никаких подозрений не возникает. Дизентерия да тиф — всегдашние спутники фронтовой жизни.

Поручику Лучко повезло, гауптману фон Теофельсу — увы. Но пьеса была еще не окончена. Предстояло третье действие.

Действие третье «Лирик»

Когда Зепп повернул назад в сторону клуба, его лицо опять изменилось. Лихо разлетевшиеся брови сошлись мечтательным домиком, глаза томно сузились и залучились, походка из разболтанной стала вялой, полусонной. Сразу было видно, что по деревенской улице идет человек с тонко чувствующей душой, враг всякой пошлости. К примеру, повстречав на пути кучу свежего навоза, этот романтик страдальчески вздохнул и отвел глаза. Грубая физиологичность мира была ему отвратительна.

Проходя мимо груды сваленных бревен, где тонкий белолицый юноша в кожаной тужурке, шевеля губами, читал книгу, Теофельс остановился. Радостная недоверчивость осветила его печальные черты.

Деликатно ступая неширокими шагами, чтобы не шуметь, он приблизился к читателю и нараспев полупродекламировал-полупропел:

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

Второй пилот «Муромца» вздрогнул, поднял глаза.

— Любите Блока? — воскликнул он.

— Больше, чем Пушкина! Стихи Александра Блока — это голос божества! — пылко ответил незнакомец и, прикрыв рукою брови, завыл вразяжку:

Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

Шмит вскочил:

— Вы... вы кто? Садитесь. Ужасно рад познакомиться! А то, знаете, не с кем толком словом перемолвиться... Нет, все очень хорошие и

замечательные товарищи, я ничего такого... Но, понимаете, иногда хочется...

Уверив молодого человека, что отлично его понимает и сам испытывает точно такие же чувства, Зепп представился:

— Долохов Миша, в прошлом филолог. Когда-то сам стихи писал. Только плохие. Настоящая поэзия не на земле, а там. — Он показал на небесную синеву. — Когда я лечу на аэроплане, чувствую себя настоящим поэтом.

— Как вы хорошо это сказали! Митя. Дмитрий Шмит. Из Московского университета.

Знакомство началось так славно, что Теофельс решил не разводить лишней канители. Сразу достал свою флягу, поболтал ею.

— Ах, дорогой вы мой! Подарок судьбы, что я вас встретил. Будет с кем душу отвести. Давайте за знакомство. Это «Мартель», из самого Парижа. — Поставил флягу на бревно, а налитую до краев крышечку протянул юноше. — «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай». Пейте первый. Потом я.

Этот сопротивляться и не подумал.

— С удовольствием... Только давайте сядем.

Они сели по обе стороны от фляги. Шмит, охваченный радостным волнением, все не мог успокоиться. Поставил крышечку, взмахнул рукой.

— Сейчас. Только, если позволите, я сначала по случаю знакомства прочту мое самое любимое. Про нас, авиаторов.

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи...

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Слишком широкий взмах руки — и фляжка вместе с крышечкой полетели на землю.

— Ой! Ради бога извините... — Мальчик ужасно сконфузился.

Подхватил флягу, но она была пуста. Коричневая отравка растекалась по траве. Окрестным муравьям и букашкам была гарантирована тотальная эпидемия дизентерии.

— Простите, простите, — убивался Шмит. — Вечно я всё испорчу! Ой, знаете что, Михаил? — Он всплеснул руками. — У меня в комнате есть бутылка настоящего бордо, берег для какого-нибудь особенного случая. Я сбегая, принесу!

— В другой раз, — проскрипел фон Теофельс голосом, мертвенности которого позавидовал бы самый отчаянный декадент. — Мне пора.

Гнусный мальчишка хватал его за руку, заглядывал в глаза.

— Вы обиделись, да? Обиделись? Мне ужасно неловко! Обещайте, что мы с вами обязательно выпьем мой бордо!

— Обещаю...

А вот это уже было капитальное невезение.

Едва отвязавшись от Шмита, гауптман мрачно брел назад к кantine, где еще оставался механик Степкин. Однако травить его теперь было нечем.

По лицу фон Теофельса (не приклеенному, а своему собственному) ходили злые желваки.

Казалось, что «Илья Муромец» со всех сторон окружен заколдованным лесом, через который ни пройти, ни проехать.

Но сдаваться гауптман не привык...

Вернулся Зепп вовремя — на крыльцо как раз вышел зауряд-прапорщик Степкин и, будто в нерешительности, остановился.

Ногу ему, что ли, сломать, размышлял Теофельс, приглядываясь к механику. Или шею свернуть? Вот ведь странно: чем грубее задача, тем сложнее ее осуществить технически. Одновременно с работой мозга у гауптмана трудилось и лицо, поочередно принимая то унылое, то простоватое, то умильное выражение.

Однако везение сегодня окончательно отвернулось от бедного шпиона. Оказалось, что Степкин торчал на крыльце не просто так. Минут через пять

к нему вышла кельнерша Зося, уже не в фартучке и наколке, а в клетчатой накидке и шляпе с целлулоидными фруктами (в столицах такие носили позапрошлым летом). Милашка взяла механика под руку, через деревню Панска-Гура они пошли вместе.

Шепотом обругав злую судьбу, Зепп подозревал Тимо.

— С членами экипажа ни черта не выходит. Попробуй подобраться к объекту через пролетариев. Ну, не мне тебя учить.

Хотя во имя экономии времени сказано это было по-немецки, Тимо все равно не понял. Образование у него было всего четыре класса, и трудные слова ему давались плохо.

Наморщив плоский лоб, верный оруженосец переспросил:

— Через кого?

— Через нижних чинов. Через солдатню, — терпеливо пояснил Зепп. — Ты что, слово «пролетарий» не знаешь?

— Знаю. На красных флагах часто пишут. «Пролетарии, объединяйтесь». Никогда не задумывался, кто это.

— Уйди, а? — попросил Теофельс. — Без тебя тошно.

Сам не зная зачем, потащился вслед за чинной парой. Не ломать же было кости Степкину в присутствии свидетельницы?

С другой стороны, может, он ее проводит до дому и останется один?

Но зауряд-прапорщик был не настолько глуп. Довел даму до аккуратного домика с белеными стенами и нарядным крылечком, над которым нависал кокетливый козырек, поднялся и уверенно вошел внутрь.

Очевидно, отношения влюбленных уже миновали порог светских условностей, мысленно сыронизировал Зепп.

Чтобы проверить, как далеко преодолен порог, он подобрался к самому окошку, прикрытому лишь тюлевой занавесочкой. Створка по теплой погоде была приоткрыта, так что имелась возможность не только подсматривать, но и подслушивать.

Предупреждение для дам и родителей: откровенная сцена!

Панскогурские Ромео и Джульетта стояли в чистенькой комнате, которая, судя по мебели, служила одновременно гостиной и столовой. Разглядывать убранство Зеппу было некогда и незачем, он лишь приметил литографию с польским героем Костюшко и сверкающий посудой буфет-«горку».

Степкин был неизящно скрючен — он деловито и жадно чмокал свою

невесту в полоску кожи между манжетом платья и нитяной перчаткой. Зося смотрела на его затылок со снисходительной улыбкой.

— Обожаю... Обожаю... Королева моя... — шептал механик.

Расстегнул на ее рукаве пуговицы, стал целовать предплечье.

— Не сегодня. Я так утомлена.

Гауптман печально приподнял брови: эта фраза свидетельствовала о том, что пани Зося не сумела сберечь себя до свадьбы. Хотя в ее возрасте беречь, вероятно, давно уже нечего.

— А я умру! — жалобно пригрозил зауряд-прапорщик. — Сердце лопнет...

Угроза подействовала. Зепп давно знал: женщин сильнее всего впечатляют именно нелепости.

— Ну хорошо, хорошо... Но только на минутку и ничего *такого*.

— Только поцеловать! Только поцеловать! — засуетился Степкин и с хитрым видом кивнул на дверь в соседнюю комнату. — Вон там, ладно?

Потянул за собой не всерьез упирающуюся красотку.

Зепп оглянулся, убедился, что штакетник надежно укрывает его со стороны улицы, и тоже переместился — к следующему окну. Здесь подглядывать немножко мешал горшок с геранью, но все равно было видно.

Разумеется, соседняя комната оказалась спальней. С грудой подушек и подушечек на пышной кровати, украшенной металлическими шарами. С вышитыми половичками. С обрамленной бумажными розочками картинкой: Дева Мария и Младенец.

— Сумасшедший, ты сумасшедший. — Хозяйка дала сопящему ухажеру усадить ее на кровать. — Что с тобой поделаешь? — Она очаровательно картавила на букве «л». — Ладно. Подожди...

Чаровница скользнула за матерчатую ширму с изображением Фудзиямы и зашелестела одеждой. Зауряд-прапорщик тоже стал разоблачаться. Под гимнастеркой на груди у него висела большая ладанка на суконном шнурке. Механик снял ее и, прошлепав к двери, повесил на гвоздик, вколоченный в косяк. Было ясно, что этот загадочный ритуал он исполняет не впервые.

Из-за ширмы тем временем выплыла роскошная пани Зося, в невесомом розовом negligee напоминающая кремный торт, и села на ложе. Вынимая из пышных волос заколки, спросила:

— Что у тебя в этом мешочке? Почему ты всегда его снимаешь?

— Складочка со священным елеем. С Гроба Господня. В самом Иерусалиме купил. — Степкин благоговейно приложился к ладанке

губами. — Она всегда со мной. Сколько раз жизнь спасала.

Пани Зося попросила:

— Покажи.

Он достал стеклянный пузырек, наполненный желтоватой жидкостью, и тут же спрятал обратно.

— Вообще-то я ее никогда не достаю. Грех.

— Правильно, — одобрила кельнерша и благочестиво перекрестилась слева направо. — Я тоже прикрою Матку Бозку.

Задернула перед образом шторы, и вся жеманность сразу словно испарилась.

— Только быстро, — деловито сказала Зося. — Раз-два. В четыре придет портниха подшивать свадебное платье.

Механика подгонять было не нужно. Он ринулся на кровать, будто на штурм Берлина (это капитан фон Теофельс так подумал).

— Милая... Милая... О, о... Да... Любимая... — доносилось с ложа страсти.

Зепп наблюдал за соитием хоть и внимательно, но безо всякого чувственного волнения. В голове разведчика бродили философские мысли.

Как, в сущности, глупо и некрасиво выглядит высший миг человеческого бытия. Будто переплелись толстые розовые черви и всё чего-то шевелятся, дергаются — никак не могут удобно устроиться. Однако именно ради этой судорожной возни мы и рождаемся на свет: чтоб потереться друг о друга и произвести на свет потомство. Добро б еще, это доставляло всем участникам удовольствие, а то самка вон позевывает и поверх плеча своего самца смотрит на часы.

Гауптман и сам не понимал, чего ради подсматривает. Только время теряет. Но уходить не уходил, не мог найти своему поведению рационального объяснения и оттого все больше злился.

Наконец совсем на себя рассердился. Оторвался от окна, перескочил через ограду и побрел на квартиру, понурый и несчастный, уже не думая о горе-любовнике и его дебелой невесте.

До смотра остается два дня, а ничего еще не сделано.

Вся надежда на Тимо.

Пока господин подглядывал...

Пока господин бессовестно подглядывал за влюбленными, слуга занимался делом гораздо более почтенным — размышлял.

Тимо, прежде чем приступить к делу, всегда долго-долго думал. Чем дольше мозгуешь, тем меньше работаешь. Так говаривал покойник отец, старый Тимо Грубер (старших сыновей у них в роду всегда называли этим именем).

Папаша был кладезем всяческих мудростей. Из его высказываний Тимо крепче всего усвоил вот какое.

У евреев, древнего и умного народа, считается, что жене после смерти достается половина святости, заработанной мужем. Поэтому если женщина заботится о своей душе, то должна печься не о мелком бабьем интересе, а во всем помогать супругу.

Такова и главная заповедь настоящего слуги. Это самая важная и благородная профессия на свете. Служи честно, с полной отдачей, не отлынивай и не трусь. Смотри на служение как на долг, призвание и спасение. А уж Бог тебе за это воздаст той же мерой, что твоему господину.

Старик умел говорить — заслушаешься. Не то что Тимо-младший, которому цеплять слово к слову было трудней, чем совать нитку в иголку.

Груберы верой и правдой служили фон Теофельсам с незапамятных времен и о другом жизненном назначении никогда не мечтали. Кто-то из них получил половинку места в раю, кто-то — в аду, это уж как кому повезло с господином. Груберы о том не задумывались, не ихнего это было ума дело. Не один из них отдал за хозяина жизнь. Случалось и обратное. Например, прадед Зеппа во время беспорядочного отступления под Прейсиш-Эйлау не бросил своего раненого слугу, и обоих иссекли саблями гусары маршала Мюрата.

Владельцы замка Теофельс служили королям и императорам, преследовали высокие или низменные, но так или иначе *масштабные* цели. Груберы служили фон Теофельсам, не заносясь и не мудрствуя. Потому что в мире у всякого свое место и своя ответственность, а нарушать установленную Богом иерархию — лишь создавать хаос.

Собственная семья, и то считалась делом менее важным. У Тимо была жена, которую он редко видел и о которой редко думал. Был сын, о котором он думал часто. Но с мальчиком все шло хорошо и правильно. Он состоял при отпрыске капитана фон Теофельса, как когда-то и Тимо состоял при маленьком Зеппе.

Жизнь Грубера была ясной и прямой, хотя и не скажешь, что легкой. Больше всего расстройств доставлял русский язык. Дела службы почти все время держали хозяина в России, и словесная бездарность помощника доставляла герру капитану множество неудобств, а иногда и подвергала его опасности. Но Зепп не отказывался от услуг Тимо, не отправлял его домой.

За это Грубер отплачивал единственно доступным способом — ревностной службой.

Именно из-за чрезмерной старательности он и провел в размышлениях столько времени — целый час. Хотя вообще-то почти сразу сообразил, как нужно взяться за дело. Ум у Тимо был цепкий и хватистый, как челюсти ризеншнауцера.

Это ведь только начальники воображают, будто все зависит от них. На самом деле успех или неуспех любого великого начинания определяют маленькие люди, исполнители. Как говорил папаша, архитектор рисует, а строить каменщику. Еще папаша всегда повторял: чем проще, тем оно надежней.

Честно посвятив обмозговыванию ровно 60 минут и не додумавшись ни до чего более толкового, чем первоначальная идея, Грубер зашел в лавку, купил того-сего и отправился к рощице, близ которой был выстроен загон для большого самолета.

Сел на травке, в виду ворот, нарезал на газете круг колбасы, положил редиску и зеленый лук, расставил полдюжины пива и стал не спеша, со вкусом выпивать-закусывать.

Мысль была: присмотреться, кто из секретной зоны выходит, кто туда входит.

Ходил-выходил только один человек, всё тот же — бравый унтер-офицер с красной рожей. То бумаги в деревню понесет, то со свертком вернется.

Тимо успел покушать, подремать на солнышке, снова сел закусить (пива и снеди у него было запасено много).

Всякий раз, проходя мимо, унтер смотрел на него с завистью. Даже сглатывал. Знать, и ему хотелось пивка. Но Грубер до поры до времени человека не искушал. Служба есть служба. Зато когда, уже к вечеру, унтер вышел из ворот просто так, с трубочкой, и прошелся вдоль рощицы прогулочным шагом, Тимо вежливо пригласил:

— Гаспадин унтер-офицер, пиво-зосиска?

По кожаной фуражке было понятно, что Тимо хоть и рядовой, но не простой, а из технического состава. Унтер-офицеру с таким сесть неззорно.

Краснолицый охотно согласился.

Познакомились. Выпили по паре.

Тимо достал пузырек с авиационным спиртом, разделил поровну, долил пивом. Это был русский национальный напиток, назывался «йорш»,

Kaulbarsch. Отрава страшной опьяняющей силы. Правда, сам Грубер никогда не пьянел, это у него было наследственное.

Он выпил колючий Kaulbarsch до дна, мерно двигая кадыком. Сплюнул. Вытер губы. Закусил редиской.

Унтер-офицер Земен Земеныч со звучной фамилией Зыч наблюдал за этими манипуляциями с уважением.

Двумя часами позднее

Уж и стемнело, а новые друзья все не могли расстаться. Они стояли у высокого забора и препирались. Семен Семеныч уговаривал приятеля продолжить приятную встречу и очень обижался, что тот не соглашается, хотя Тимо сразу согласился. Но унтер пребывал в той стадии опьянения, когда любишь всех вокруг и обижаешься, не чувствуя должной взаимности.

— У нас в Расее как? — говорил Сыч, держа перед носом палец, чтобы собеседник не перечил, а слушал. — Меня угостили, и я угощу, если вижу, что хороший человек. Вот ты, Тимоха, к примеру, хоть и чухна, а человек хороший. Так? — Грубер кивнул. — И я человек хороший. Или ты со мной не согласен? — Тимо снова кивнул, и унтер завершил свое логическое построение: — А как коли ты хороший человек и я хореший человек, то почему двум хорошим людям не выпить вторую бутылку?

Он показал на одной руке два пальца и на другой два пальца — получилось и убедительно, и наглядно.

— Надо фыпить, да.

— Вот. А ты спорил.

— Я не спориль. Я говорил, штоп фыпить, на сабор ходить, а сабор нельзя — часовой.

— Дурак ты, Тимоха, хоть и хороший человек. Семен Семеныч хитро подмигнул, палец прижал к губам и показал приятелю вот какую штуку: нагнул, вынул гвоздь из одной, только ему известной доски, отодвинул ее.

— Милости прошу до нашего шалашу! Начальстве умное, а мы умнее. Завсегда можем свою свободу иметь. Но только тс-с-с. Нижним чинам про мой сукретный лаз знать не положено.

Они продрались через занозистую щель на территорию. Под забором было темно, но по углам зоны и в центре горели яркие прожекторы. Между баракom и ангаром виднелась черная зачехленная громада «Летающего слона». По ней, серея, проползла неторопливая маленькая тень — дозорный.

— Давай за мной, — шепнул Сыч. — Только молчок, а то болтаешь много.

Преувеличенно крадущейся походкой он двинулся вдоль стены барака и через несколько шагов споткнулся о водосток.

— Стой, кто идет?

От самолета, наставив карабин, приближался часовой.

— Я это, я. — Семен Семеныч распрямил плечи. — Подышать вышел. Служи, солдат, служи. Гляди, ик, в оба.

Иканию и легкому покачиванию начальника постовой не удивился — очевидно, дело было обычное.

— Господин унтер-офицер, скоро смена? Дежурный, гад, пользуется, что у меня часов нету.

— Ты не рассуждай. На пост вон ступай.

После того как часовой отошел, Сыч поманил собутыльника: можно.

Дело шло на лад

Семен Семеныч квартировал в бараке для нижних чинов, однако не с солдатами, в общей казарме, а в отдельном закутке. Там стояла настоящая пружинная кровать, на стене висел парадный мундир с шашкой, для красоты имелись открытки и лубочная картина «Как немец от казака драпал».

В углу поблескивал медными гвоздиками большой сундук, в котором Сыч хранил всё свое имущество. Он порылся там, извлек замотанную бутыль.

— У них сухой закон, а у нас первачок на шишечках. Заневестились, родимая. И колбаска есть, а как же. И хлебушек. Всё полной чашей.

Он локтем смахнул с дощатого стола какие-то бумаги, разложил угощение.

В роли хозяина Семен Семеныч держался церемонно:

— Первая за дорогого гостя. — Приятели поклонились друг другу. Чокнулись. — Тимофей Иванычу.

— Земен Земенычу.

Выпили. Пожевали. Унтер посветлел ликом, расстегнул ворот.

— Первачок — чистый родничок... Так ты, говоришь, плотник?

Тимо кивнул.

— И жалаешь при мне служить?

— Да.

— Ну и служи, раз так. Ты ко мне с дорогой душой, и я к тебе. Утром поговорю с командиром, с Рутковским. Скажу: так, мол, и так. Плотник, мол, нужен, я вашему благородию сколько разов докладывал. Он, Рутковский, меня во всем слушает. Без меня — ничего. Вобщем. А хороший плотник — он завсегда. Правильно?

— Да.

Снова выпили. Семен Семеныч начал вступать в стадию оживления, ему хотелось праздника.

— А чего ты смурной?

Тимо подумал-подумал, но что такое «смурной», не вспомнил и на всякий случай сказал:

— Так.

— Врешь, Тимоха. Военному человеку нос вешать нельзя. Ты сам откуда? Говорил, с Ревеля?

— Да, с Ревель.

— Немец или чухна?

— Я не есть немец. Я есть чухна.

— Ишь, оби-иделся! — засмеялся Сыч. — Это хорошо, что не из немцев. У нас ихнего брата к «Муромцу» служить не подпускают. Такая от начальства струкция. Подпоручик Шмит, правда, имеется, но он русский. А ежели ты чухна, будет тебе от меня сурприз. Знаешь, что такое сурприз?

— Нет.

— Узна-аешь... Посиди-ка вот...

Посмеиваясь, унтер вышел из комнатки.

В казарме на двухъярусных нарах спали солдаты из команды обслуживания. Сыч подошел к одному, толкнул в плечо.

— Чуха, подъем! Давай за мной!

На веснушчатом, мятом спросонья лице мигали светло-голубые глаза.

— Сачем?

— Приказ получил? Сполняй, — строго сказал Семен Семеныч, но не сдержался, подмигнул.

В каморку они вернулись вдвоем.

— Вот, Тимофей, тебе мой сурприз. Земеля твой. Тоже чухонец и тоже с Ревеля.

Тимо молчал.

Зато разбуженный эстонец оживился.

— Kas sa oled toesti Tallinnast? Suureparane! — обрадованно воскликнул он. — Nuud ma saan kellegagi inimeste keeles raakida![\[43\]](#)

Грубей медленно поднялся из-за стола. Его костлявое лицо было

неподвижно.

Что-то случилось...

Единой побудки в Особом авиаотряде заведено не было. «Особость» заключалась еще и в том, что личный состав жил не по распорядку, а по погоде. Если она была нелетной, часть, можно сказать, вовсе не просыпалась. Летуны кто дрых до обеда, кто уезжал развлекаться в соседний город Радом, кто просто хандрил. Механики и техники лениво возились с машинами. Для нижних чинов из охраны, чтоб не задурили от безделья, адъютант устраивал строевые учения.

Если же небо было чистым, будить людей необходимости не возникало. Аэропланы начинали готовить к работе еще затемно, потому что с первым же светом на поле собирались нетерпеливые летчики, похожие на алкоголиков, которым невтерпех опохмелиться. Они, в общем-то, и были пьяницами, эти люди, обпившиеся небом и уже не способные без него жить.

Нынешний день по всем приметам обещался быть летным, и уже на рассвете все были на ногах. Однако вели себя странно. Вместо того чтобы заправлять и разогревать аппараты или наскоро допивать чай, летуны и обслуга столпились у закрытых ворот секретной зоны, где вместо одного часового сегодня стояли двое, причем с примкнутыми штыками.

Охрана не отвечала на вопросы, даже заданные офицерами. Очевидно, получила соответствующий приказ. Из экипажа «Муромца» наружу никто не показывался. Кто-то видел, как еще в темноте по направлению к воротам быстро прошли полковник Крылов и штабс-капитан Рутковский.

Там, за оградой, случилось нечто из ряда вон выходящее. Но что именно, никто не знал. Среди собравшихся ходили разные слухи. Звучало слово «карантин» — якобы у команды воздушного корабля обнаружена то ли холера, то ли брюшной тиф. Поминали и другое страшное слово — «диверсия».

Эта гипотеза стала преобладающей и даже единственной, когда через взлетное поле промчался закрытый автомобиль, из которого вышли жандармский офицер и военный следователь.

— Дорогу, господа, дорогу, — прошелестело в толпе.

Казенные люди, с одинаково суровым выражением лиц, прошествовали к воротам, которые приоткрылись им навстречу. При этом у тех, кто стоял ближе всего, появилась возможность на несколько секунд

подглядеть внутрь.

Стало видно, что там, возле казармы, тоже стоит толпа. Не такая большая, как за воротами, а человек из сорока, то есть вся команда «Муромца». Створки снова сомкнулись, и разглядеть что-либо еще не удалось.

Представители законности прошли к барaku и были впущены часовым.

— Где? — коротко спросил у него следователь, но сам увидел начальника Особого авиаотряда и командира воздушного корабля, стоявших перед маленькой некрашеной дверью.

Прибывшие откозыряли.

— Вот, извольте, — кисло молвил полковник Крылов, кивая на дверь. — Не будем вам мешать. Распоряжайтесь.

Они с Рутковским отошли в сторону, словно сдав свой пост новому караулу.

Жандарм и следователь вошли в крошечную каморку. Первый снял белые перчатки, надел резиновые. Второй поморщился, втягивая носом запах самогона и крови.

— Тэк-с...

На полу, раскинувшись, лежал солдат в нижнем белье. На его белом веснушчатом лице замерло выражение то ли ярости, то ли просто боли. Весь перед рубашки у покойника был темен от крови.

Второй труп, с лычками старшего унтер-офицера, сидел на полу, прислонившись к стене. В руке зажат окровавленный нож. Рукоятка второго ножа торчала у трупа из груди.

— Ну что, Архип Леонтьич, — произнес жандарм, присаживаясь на корточки, — картина ясная... Этот того пырнул, а этот этому ответил тем же...

Тем временем в коридоре между двумя командирами продолжался разговор, прерванный приездом дознавателей.

Изъясняться шепотом полковник не умел, и поэтому казалось, что он шипит от злости, хотя Крылов и очень старался не выходить из рамок корректности.

— Уж от кого, от кого, но от вас... Вы знаете, я никогда не совался в вопросы вашего внутреннего режима. Я полагал вас за ответственного человека... Пьяная поножовщина! И где! В моем отряде! Вот что я там скажу, дорогой мой. Инструкция не инструкция, начальство не начальство — мне все равно. Отныне вы и все ваши подчиненные беспрекословно выполняете мои, и только мои, приказы! Я не намерен вмешиваться в боевые и инженерные дела, но во всем, что касается

дисциплины... И никаких возражений!

Рутковский и не думал возражать. Он стоял с совершенно убитым видом, готовый безропотно перенести любые кары.

— Господин полковник, я кругом виноват... Я ведь пилот, никогда прежде никем, кроме самого себя, не командовал... Мог ли я вообразить? Старший унтер-офицер Сыч действительно имел склонность к горячительным напиткам... Но ведь у нас как? Если толковый человек, то непременно пьяница...

Покаянные речи штабс-капитана смягчили Крылова.

— Федор Сергеевич, голубчик, — перешел он с официального тона на укоризненный. — Вам такое большущее дело доверено! Ведь завтра смотр, на котором решится судьба «Муромца»... Я со своей стороны, конечно, сделаю, что могу. Отправлю рапорт кружным путем, через штаб корпуса. Пока он пройдет по всем инстанциям, смотр уже минует. Но ведь не в том дело! Порядка у вас настоящего нет, вот что. Хотите обижайтесь, хотите нет, но отныне извольте считать всю вашу команду как бы под домашним арестом. За пределы территории без моего дозволения ни шагу. Касается всех, в том числе господ офицеров и лично вас. Сегодня совершите тренировочный полет в моем присутствии, и милости прошу обратно под замок. Готовьте машину и команду к смотру.

— Слушаюсь, господин полковник...

Не менее виноватый вид, чем у проштрафившегося штабс-капитана, был у Тимо Грубера, который стоял вместе со своим господином за воротами секретной зоны. Во всей толпе только они двое знали, что стряслось минувшей ночью.

— Это мой злой зудьба, — тихо бубнил слуга из-за плеча Зеппа. — Я есть не везущий человек. Зовсем не везущий... Кто мог думать? Ви сами говорили: будешь эсте из Ревель — больше ты ни на что не годный.

— Заткнись, убийца. Тебя надо повесить, — сурово сказал фон Теофельс.

Расположение звезд не благоприятствовало заданию, это было очевидно. Идиотские случайности и нелепые совпадения словно сговорились погубить дело.

Понятно, что теперь зону до самого смотра закупорят, как консервную банку. Никто не войдет, никто не выйдет. Солдаты и офицеры будут ходить по струнке, от каждой тени шарахаться.

Всякий другой на месте гауптмана уже отступился бы и признал свое

поражение, но Зепп принадлежал к породе упрямцев, которых трудности лишь еще больше раззадоривают.

— Хватит ныть, — оборвал он унылые жалобы Грубера. — Пойди лучше проверь, в порядке ли чемоданчик. И дай мне денег. Все, какие есть. Я еду в Радом.

Казначеем в их паре состоял Тимо — фон Теофельс по части расходов был не по-немецки безалаберен, а финансовая отчетность приводила его в ужас.

— Все не дам. Сколько нушно — столько дам. Что ви шелаете покупать?

— Крючок, — задумчиво ответил Зепп.

— Что есть «крючок»?

— Angelhaken.

— Ловить рыба? Крючок стоит дешево. Сначит, я фам пуду давать мало денег.

— Все, какие у тебя есть. Крючок золотой.

— Сачем солотой?

Терпение Теофельса кончилось.

— Потому что рыбка золотая. Марш за деньгами, уголовник!

Ловля золотой рыбки

У Зоси Пирсяк жизнь шла черт-те как, с ухаба на кочку. Потому что женщина она была впечатлительная и увлекающаяся, жила не умом, а сердцем. То есть пыталась жить умом, много раз, и иногда даже начинало получаться. Но потом случится что-нибудь, от чего потемнеет в глазах, заноеет в груди — и все разумные планы летят в тартарары. Вот и вошла Зося в *определенный возраст*, не обзаведясь ни достатком, ни положением, ни жизненной опорой. И тут уж, хочешь не хочешь, пришлось браться за ум. После тридцати сердце перестает быть другом и становится злейшим врагом.

На помощь пришла сама судьба. Когда началась война, Зося проревела целую неделю. Думала, всё. Мужчины уйдут сражаться с немцами, а это надолго, потому что немцы — народ цепкий, легко не отступятся.

Сначала так и получилось. Все уехали, в том числе оба Зосины ухажера, кондитер пан Дымба и телеграфист Баранчук. В селе остались только женщины и такие мужчины, о которых имеет смысл задумываться, когда тебе перевалит не за тридцать, а за сорок.

Но довольно скоро вместо убывших кавалеров понаехали новые, ужасно много, и в том числе очень-очень интересные. Зося сразу себе сказала: держись, девочка. Это твой последний шанс. Сердце замотай в тряпочку. Хватит, понаделала глупостей. Обе свои «глупости», десятилетнюю Малгоржатку и пятилетнего Стасика, переправила к матери в Радом, а сама занялась устройством личной судьбы.

И повезло Зосе. Полюбил ее хороший человек. Не герой-любовник (чего нет, того нет), но зато надежный, честный, без пяти минут пан офицер. И при настоящей профессии. Сделал предложение руки и сердца. Про детей она ему пока не говорила. Можно бы, конечно, за деньги добыть бумажку, что пани Пирсяк честная вдова и потомство у нее законное, но строить семью на обмане Зосе не хотелось. К тому же она достаточно изучила своего Степкина и имела основания надеяться, что из-за малюток он на нее зла держать не станет. Он правда хороший был, Степкин.

Все последние дни Зося ходила почти счастливая. Почему «почти»? Чуть-чуть саднило завернутое в тряпочку сердце, но так ему, вражине, и надо.

Вечером случалось под настроение и поплакать — о несбывшемся да о девичьих мечтах. Но утром Зося всегда просыпалась радостная. Откроет глаза, вспоминает: что это такое хорошее в жизни происходит? Ах да, скоро свадьба! И делается радостно.

В субботу, накануне большого военного смотра, на который съедется разное высокое начальство, у Зоси был выходной. Вечером она обещала зайти на кухню, испечь миндальный торт для завтрашнего праздника, а других дел не было.

С утра Зося прибрала в доме. Нарядилась, чтоб идти в лавку — для торта нужно было запастись пряностями, в которых заключался весь секрет, в свое время открытый ей кондитером Дымбой.

Погода была прелесть. Солнечно и тепло, а воздух — голубой с золотыми искорками.

Зося вышла на крылечко, зажмурилась от апрельского сияния, а когда открыла глаза, удивилась: с козырька свисало, покачиваясь, что-то сверкающее, будто маленький кусочек солнца.

Она шагнула вперед.

Браслет! Золотой! Сам собою парит в пустоте.

Хотела Зося перекреститься, да вовремя заметила, что браслет не парит, а подвешен на ниточке.

Что за чудеса?

Протянула руку — вещица, будто живая, уплыла вверх.

— Ой! — вскрикнула Зося.

Сбежала по ступенькам, задрала голову.

На козырьке крыльца, расставив ноги, сидел офицер-летчик, которого Зося видела в кантине. Он тогда коснулся ее руки и заглянул в глаза. И не сказать, чтоб красавец, но по взгляду и прикосновению, а пуще всего по трепету предательского сердца сразу стало понятно, что ходок, каких нечасто встретишь. Из-за таких вот остроглазых Зося в свое время глупостей и понаделала.

— Ой, — снова сказала она, но уже тише. Офицер держал в руке прут, с которого и свисал браслет на ниточке.

— Что это вы делаете, пан?

— Ловлю рыбку. Золотую.

А браслет, между прочим, был не просто так — с рубином и, кажется, с алмазной крошкой. Зося ловко, как кошка лапой, цапнула его и поднесла к глазам. Точно, рубин с алмазами!

— Поймал, — объявил опасный блондин и спрыгнул на землю. Да как схватит Зося за ухо. — Ой, что это у тебя?

— Где?

Она потрогала мочку — в ней откуда ни возьмись появилась сережка, хотя Зося их сегодня и не надевала. Выдернула — тоже рубиновая.

— Я вас видела. Вы недавно у нас, — прошептала Зося. — Вы летун, да?

— Нет, милая. Я волшебник. А второе ушко у тебя есть?

Она послушно повернула голову.

— Смотри-ка, в нем тоже сережка...

Блондин держал ее за ухо, не выпускал. Нежно повернул Зосино лицо, стал к нему наклоняться — не нахально, но очень уверенно.

Проклятое сердце творило с Зосей, что хотело: заставило опустить ресницы и подставить губы, да еще и приподняться на цыпочки. Ум впал в оцепенение. Голова закружилась.

— Не надо, — слабо попросила Зося. — Нехорошо. Потому что...

Но объяснить, почему это плохо, не успела — губы уже встретились.

И все завертелось

Эротический механизм Зеппа фон Теофельса был устроен не совсем

обычным образом. Можно сказать, совсем необычным. Однако полностью соответствовал общей внутренней логике этого феноменально цельного человека.

Желанность и соблазнительность для Зеппа определялись не физическими параметрами объекта страсти, а одним-единственным условием: любовное слияние должно было приближать гауптмана к поставленной Цели. И чем больше пользы могло произойти от этого, тем сильнее распалялся Теофельс.

Сейчас, например, он прямо-таки пылал вожделением. И видел перед собой не аппетитную бабенку, раскрасневшуюся от буйства жизненных соков, а мясистую тушу «Летающего слона». Ну хорошо, не будем усугублять зоофилию гомосексуализмом — «Летающей слониhi». Зепп накинулся на эту ушастую бело-розовую самку, будто повелитель стада, подмял под себя и устроил такой фейерверк африканской страсти, что бедняжка Зося от благодарности чуть не лишилась чувств. Несмотря на довольно разнообразный опыт общения с мужчинами, таких упоительных восторгов она еще не испытывала.

А ненасытному любовнику мерещилось, что под ним прогибается полотняный фюзеляж, трещат распластанные крылья и во все стороны летят выдранные с мясом гайки.

— Тебе тоже так хорошо? — со счастливым смехом пролепетала женщина, когда чудо-кавалер замотал головой и издал торжествующий рев.

А это Зепп трубил по-слоновьи. Он взял Зосю за виски, потерся о ее носик своим — нет не носом, а хоботом.

Она снова захихикала.

— Ты самый лучший мужчина на свете!

Потом, как и положено, неверную невесту охватили муки раскаяния.

— Я плохая. У меня жених, а я лежу с другим мужчиной.

— Любишь его? — лениво поинтересовался Зепп.

— Совсем нет. Но он порядочный человек. И обещал жениться. Ты ведь на мне не женишься?

Он покачал головой.

— Волшебникам жениться нельзя.

Тут Зосе бы обидеться — как же это он даже в постели, из вежливости, не хочет соврать, но такая она нынче была слабая и глупая, что только вздохнула.

Сказала:

— Ну и пусть!

И сжала свое мимолетное счастье в объятьях.

С женщиной только свяжись

В тот же день фон Теофельсу пришлось пожалеть о том, что разработанный им маневр проходил через постель пани Зоси.

С женщинами что плохо? Все время недооцениваешь степень идиотизма, в который их вгоняет страсть. В этом состоянии они бывают способны на опасные и даже саморазрушительные поступки.

Ну вот, казалось бы, чего дуре еще? Жених есть, никуда не делся. Появился любовник, который ни на что, кроме твоего мяса, не претендует плюс дарит дорогие подарки. Наслаждайся жизнью, пока удастся, и молись только об одном: чтоб все было шито-крыто.

Это Зепп так рассуждал, будучи человеком логичным. А что там себе думала кельнерша и думала ли вообще — загадка.

Во всяком случае, после обеда, когда Зепп сидел в кабине двухместного «вуазена» и ждал Грубера (они должны были лететь вместе), Зося преподнесла своему возлюбленному тревожный сюрприз.

— Ты что так долго? — накинулся Теофельс на Тимо, бережно прижимавшего к груди крепкий фибровый чемоданчик.

— Фаш фройляйн... парышня меня тершал. Просишь давать письмо.

Грубер с явным неодобрением протянул сложенный листок, от которого пахло сладкими духами.

Зепп выругался, развернул.

«Приходи. Истаскавалася. Зоська», — было написано на бумажке крупным детским почерком, а внизу нарисовано сердечко, похожее на пышный зад, из которого почему-то торчит стрела.

Чертова прорва! И когда она только успела истосковаться? Хуже всего, что не побоялась довериться незнакомому солдату. Совсем у бабы мозги растаяли. Не испортила бы всё, идиотка!

Гауптман хотел разорвать компрометирующую записку на мелкие кусочки, но не успел — к аэроплану приближался командир авиаотряда.

— Неурочный вылет, Михаил Юрьевич? Почему с механиком?

— Что-то волнуюсь перед смотром. Пусть мой Тиимо послушает, как ведет себя мотор на высоте. На тысяче семистах начинается какой-то стук.

— Зачем вам подниматься на тысячу семьсот? Ваше дело завтра — продемонстрировать несколько фигур пилотажа на пятистах, а потом произвести показательную фотосъемку на время.

— Я должен быть полностью уверен в машине. Кроме того, если не

возражаете, фотографировать со мной полетит тоже Тиимо. Хочу, чтоб он поупражнялся с камерой.

— Как угодно. — Полковник смотрел на чемоданчик. — Инструменты?

— Так точно, фашсковородь, — деревянным голосом ответил Грубер.

— Ну, легкого взлета, мягкой посадки.

Ночь перед смотром

В Особом авиаотряде подготовка продолжалась до глубокой ночи, а в специальной зоне обслуживающий состав не ложился совсем. «Муромца» чуть не всего разобрали, проверили, почистили, смазали, потом собрали вновь. Работой руководил сам механик. В полночь трое остальных членов экипажа отправились спать, чтобы набраться сил перед завтрашним днем, а Степкин всё пестовал свое исполинское детище. Но к третьему часу ночи уже и он не знал, чем себя занять: все было в идеальном порядке.

Вокруг освещенной прожекторами машины стояли четверо часовых. Бак был заправлен, масло залито, всё, что надо, — смазано, что надо — подкручено, каждый из четырех моторов проверен по нескольку раз.

Пора было отдохнуть и механику. Ему завтра тоже предстояло подниматься в воздух. Мало ли что случится в небе. Нужно, чтоб голова была свежей и руки не дрожали.

Оставив в ангаре перепачканный комбинезон и смыв грязь, зауряд-прапорщик пошел к офицерскому дому. Он очень устал, но знал, что не заснет — будет лежать и мысленно всё осматривать да ощупывать своего «Илюшу».

Из темноты кто-то шепотом позвал механика:

— Фаш плагороть!

Там стоял долговязый, нескладный солдат. Кажется, Степкин его видел среди техников авиаотряда.

— Ты кто?

Дылда молча протягивал какую-то бумажку.

«Приходи. Истаскавалася. Зоська», — прочел зауряд-прапорщик, посветив фонариком. И всю усталость как рукой сняло. Никогда еще невеста не писала ему так прочувствованно, так страстно! Видно, тоже волнуется из-за завтрашнего.

На сердце у Степкина стало тепло. И даже горячо.

— Она передала? — Он поцеловал листок. — Люленька моя.

Истосковалась! Эх, черт! Да как же я отсюда выйду? — Механик оглянулся на ворота, у которых со вчерашнего дня был выставлен усиленный караул. — Не пойму, как ты-то сюда пролез?

Солдат поманил его за собой.

Повел вокруг казармы, вдоль забора. Наклонился, да вдруг сдвинул в сторону одну из массивных досок.

Колебался Степкин недолго. Честно сказать, нисколько не колебался. Все равно ведь не уснул бы — сам это знал. А тут...

— Спасибо тебе, милая душа. Отблагодарю.

Он обнял посланца любви, протиснулся через лаз и побежал в сторону деревни, неуклюжий, распираемый любовью.

Анекдотическая ситуация

Любовники лежали в кровати и начинали разогреваться для анкора, когда раздался нетерпеливый стук в окно.

— Люленька, это я! Открой!

В сторону крыльца протопали быстрые шаги.

— Степкин! — вскинулась Зося. — Езус-Мария, какой ужас!

Зепп уже был на ногах, подхватил со стула одежду и портупею, с пола — сапоги. Теперь стук несея от двери:

— Отворяй! Скорей!

Зося прижимала к груди одеяло.

— Одно твое слово, и я его выгоню. Навсегда! — отчаянно сказала она.

— Зачем? Он — жених. А я что? Волшебник. Сегодня есть, завтра растаял. Впусти его. Только свет не зажигай. Ну, совет да любовь. Не поминай лихом. Когда уведешь его — исчезну.

Теофельс выскользнул из спальни в гостиную и спрятался за посудным шкафом.

Нетерпеливый жених всё издавал из-за двери брачные призывы.

Кусая губы, смахивая слезы, хозяйка пошла отпирать.

— Сейчас нельзя, — слышался из передней ее сердитый голос. — Ты сумасшедший! Завтра приходи...

Но изнывающий от страсти механик ее не слушал. Дверь с треском распахнулась.

— Милая! Разделась уже! Счастье-то, счастье какое!

Жених протацил свою невесту через столовую с прытью, от которой в

буфете задребезжали блюдца.

Торжественный день

Довольно было один раз посмотреть на его императорское высочество Никника, чтобы стало ясно: это не кто-нибудь, а Верховный Главнокомандующий, причем не просто армией (мало ли на свете армий), а Самой Большой Армией Мира.

Главковерх был высоченного роста, обладал неподражаемой выправкой, а от сурового волчьего лица, обрамленного серой бородкой, веяло силой, уверенностью, властью. Когда Николай Николаевич гневался (что случалось нередко), иные чувствительные и непривычные начальники, случалось, падали в обморок. Зато с нижними чинами главнокомандующий был неизменно милостив, потому что с детства, еще по поэме «Бородино», запомнил: настоящий командир — отец солдатам.

Особенно хорош Никник бывал на парадах и смотрах. Приходясь внуком великому шагмейстеру Николаю Первому и вообще будучи военачальником старой школы, он придавал таким мероприятиям большое духовно-воспитательное значение. Парады главковерх принимал не с трибуны или, упаси Господь, в автомобиле, а исключительно в седле, на своем огромном ахалтекинце, похожий на статую какого-нибудь средневекового кондотьера. Чины свиты смотрелись рядом с полководцем, словно сборище карликов верхом на пони. Нечего и говорить, что солдаты и младшие офицеры своего Никника просто обожали.

Правда, на аэродроме, рядом с самолетными ангарами и сверхсовременными воздушными аппаратами, этот сияющий золотом конный цирк смотрелся диковато. Так, во всяком случае, считал пилот Долохов, застывший по стойке «смирно» в шеренге летунов Особого авиаотряда. Сзади изо всех сил, но без большого успеха старались изображать молодцеватость нижние чины obsługi и охранения. Команда «Муромца» выстроилась отдельно, перед секретной зоной, ворота которой были открыты. Воздушному кораблю предстояло открыть смотр; потом наступит черед легкой авиации.

Вольные зрители — невоенная прислуга и местные жители — толпились за оцеплением. И откуда только в невеликом селе Панска-Гура набралось столько народу, непонятно. Должно быть, из Радома и Ивангорода понаехали, посмотреть на дядю царя и на аэропланы.

Главковерх сказал очень хорошую речь. Краткую, мужественную, воодушевляющую. Про то, что русские раньше били врагов на суше и на море, а теперь учатся бить и в небе. Голос у его высочества был просто удивительный. Безо всякого рупора разносился по всему аэродрому, ни одно слово не пропадало. Таким замечательным командным басом полководцы прежних времен запросто перекрывали шум целой битвы.

В девятнадцатом веке цены бы не было такому главнокомандующему, думал капитан фон Теофельс, любуясь великим князем. А в двадцатом цена ему есть: гривенник, максимум пятиалтынный.

Мимо строя, придерживая саблю, быстро шел командир авиаотряда, в парадном мундире и при орденах. Около Зеппа на секунду задержался.

— Волнуетесь?

— Еще как, господин полковник, — честно ответил Теофельс. Он действительно весь испереживался — это случалось всякий раз, когда от его усилий уже ничего не зависело и любая идиотская случайность могла погубить весь тщательно разработанный замысел.

— А я в вас уверен. Вот отлетает своё «Муромец», потом сразу вы. Покажите его высочеству, что легкая авиация тоже кое на что способна.

Главный конструктор, сопровождавший Крылова, нервно сказал:

— Юлий Самсонович, идемте же! Я должен кое-что дополнительно разъяснить главнокомандующему! Смотрите, как его обсели эти вороны!

Молодому человеку наконец объяснили, какие интриги против тяжелой авиации плетут конкуренты — воздухоплаватели и одномоторники. У изобретателя, можно сказать, раскрылись глаза на человеческое коварство.

Они с Крыловым приблизились к группе всадников. Полковник перешел на чеканный строевой шаг, лихо бросил руку к козырьку, отрапортовал, что всё готово, можно начинать. Изобретатель, подумав, приподнял соломенную шляпу и нескладно поклонился. Он не очень знал, как полагается приветствовать августейших особ.

Никник кивнул обоим, но слушал в это время воздухоплавательного генерала Краенко, который что-то жарко бормотал его высочеству в самое ухо. Второй фланг главковерха прикрывал аэропланый генерал Боур. Оба небесных начальника — надо отдать им должное — держались в седлах отменно.

Воспользовавшись тем, что внимание великого князя занято, Крылов тихо спросил изобретателя:

— Моторы не подведут? Лучше бы поставить стосорокасильные.

— А маневренность, маневренность?! — заволновался гений. — Уж от

вас, Юлий Самсонович, я никак не...

— Что ж время терять? — Его высочество взирал на полковника сверху вниз. — Приступайте.

Конструктор сглотнул, но сунуться с «дополнительными разъяснениями» не осмелился. Лишь побледнел и прикусил кончик уса.

— Слушаюсь, ваше императорское высочество! — Крылов махнул рукой в белой перчатке, оглушительно прокричал: — Давай!

За воротами раздалось чиханье и фыркание, сменившееся ровным утробным урчанием.

Солдаты, облепив «Муромца», словно муравьи стрекозу, выкатили воздушный корабль на поле. Его пропеллеры крутились на одной восьмой мощности, стеклянная кабина сверкала на солнце.

— Хорош, — похвалил Никник. — Настоящий русский богатырь. — А что это его волокут? Сам выехать он разве не может?

— Это его на взлетную полосу катят! — пискнул конструктор и, спохватившись, добавил уже басом: — ...Ваше высочество. Императорское...

Винты закрутились быстрее. Солдаты бросились врассыпную.

— Как мыши от кота, — рассмеялся главковерх. Молодецкий аэроплан ему явно нравился.

Крылов незаметно подмигнул конструктору: не тушуйтесь, всё идет хорошо. Вынул белый платок, дал Рутковскому отмашку на взлет.

В салоне «Муромца» были готовы. Командир сунул в рот незажженную папиросу. Второй пилот Шмит надел огромные очки, специально для смотра одолженные у знакомого шоффэра. Поручик Лучко из суеверия поплевал на затвор пулемета. Механик Степкин потрогал шнурок своей иерусалимской ладанки и сотворил крестное знамение.

— Сначала корабль произведет стрельбу по мишеням, — докладывал Крылов. — Потом, поднявшись на максимальную высоту, исполнит на снижении фигуры пилотажа. «Бочку», атаку с пикирования, «петлю Нестерова».

Главнокомандующий неопределенно промычал — эти термины ему были неизвестны.

— Для «петли Нестерова» машина слишком тяжела. Сорвется в штопор, — усомнился генерал Боур.

— У штабс-капитана Рутковского вряд ли, ваше превосходительство, — вежливо ответил полковник, опередив возмущенный протест конструктора.

Всё шло, как по маслу

«Илья Муромец» в два счета сшиб пулеметным огнем все мишени. Хитрую безоткатную пушку с него убрали, вместо нее установили второй пулемет, «гочкис». И правильно сделали. Когда в «максиме» перекосило кассету с патронами, летчик-стрелок просто переместился к «гочкису». На земле короткого перерыва в стрельбе даже не заметили.

— Отменно, отменно, — повторял великий князь, глядя в небо то через бинокль, то просто так, из-под ладони. Взгляд у его высочества был орлиный — дальнзоркий.

Конструктор ободрился, даже позволил себе с насмешкой поглядывать на враждебных генералов — у тех вид был так себе.

— Отменно, — повторил Никник, провожая движением бинокля падающий воздушный змей, из которого эффектно сыпались клочья горящей пакли. — Нам бы такую птичку в турецкую войну. Да ударить по Плевне огнем из-под облаков, а, господа?

В свите почтительно засмеялись.

— Вверх пошел, — сообщил Крылов. — Запланирован подъем до четырех тысяч метров!

— Дались вам метры, полковник. — Ненужных заимствований у заграницы Николай Николаевич не одобрял. — Чем русские сажени нехороши?

Начальник Авиаканца сразу же воспользовался оплошностью Крылова:

— А на подъеме он все-таки тяжел. Посмотрите, ваше высочество. Как медленно набирает высоту! С «мораном» никакого сравнения.

— Вы находите? — Главковерх скосил глаза на второго специалиста.

Тот важно кивнул:

— А дирижабль поднимается еще быстрее.

— Неправда! Неправда! — шептал конструктор. — Не слушайте их, императорское ваше высочество!

А в воздухе происходило вот что

Странно смотреть на высочество с высоты, пришла в голову штабс-капитану Рутковскому странная и, вероятно, даже предосудительная мысль. Следующая была еще менее почтительной: с пятисот метров свита главнокомандующего была похожа на обсиженную блестящими мушками

навозную кучку посреди зеленого луга. Вот так же и Всевышний взирает на власть земную с небес, подумалось командиру нечто уж совершенно невообразимое, так что он встряхнулся и заставил себя сосредоточиться на полете.

— Идем до потолка. Утеплиться!

Все надели кожаные куртки на меху, а некоторые особенно зябкие предприняли еще и дополнительные меры предосторожности. Лучко надел пуховые варежки, его работа на сегодня закончилась, стрелять больше не придется. У Шмита была чувствительная кожа, он натер свои румяные щеки мазью «Веселый лыжник». Степкин поверх всего нацепил ватную безрукавку.

— Что двигатели, Митрофан Иванович? — спросил Рутковский, зная, что механик умеет на слух уловить малейшую неисправность.

— В порядке, Федор Сергеевич.

— Ну, с Богом.

Корабль пошел на вираж, плавно ввинчиваясь в синее небо. За высотомер сегодня отвечал Шмит — надо же было чем-то занять мальчика.

— ...Тысяча. Тысяча сто. Тысяча двести, — монотонно докладывал он.

Аэроплан вел себя умницей. Рутковскому казалось, что машина идет вверх сама, а он лишь сопровождает ее движение поворотами руля и нажатием педалей.

Командир оглянулся на экипаж.

Жора Лучко блаженно улыбался — предвкушал, как славно-полноправно сегодня напьется после смотра.

Второй пилот не отрывал глаз от прибора, преисполненный важности своего задания.

— Две сто. Две двести. Две триста. Две четыреста...

Митрофан Иванович слушал машину, пыхтя от сосредоточенности.

— Степкин, плесни чайку, — лениво пошутил стрелок.

Узкоголовый, круглый в своей пухлой безрукавке механик действительно был похож на кипящий самовар.

Шмит прыснул и доложил:

— ...Две пятьсот.

Днем ранее

— Ну, легкого взлета, мягкой посадки, — напутствовал полковник «Михаила Юрьевича Долохова» и с удовольствием посмотрел, как легко и

красиво взлетает американский циркач. Этот на завтрашнем смотре уж точно не подведет.

Аэроплан марки «вуазен-5» Зепп выбрал не столько из-за летных качеств, сколько из-за устройства кабины. Модель была нестандартная, первоначально предназначавшаяся для авиашколы и полетов с инструктором, поэтому сиденья располагались рядышком. Фон Теофельс желал лично руководить экспериментом.

Тимо раскрыл фибровый чемоданчик, в котором размещалась целая мини-лаборатория: склянки, алюминиевые коробочки, бутылочки, проволоочки — много всякой всячины.

— Я буду лететь очень ровно, — крикнул Зепп. — А ты смотри, не расплескай. Не то сам знаешь.

Этого можно было не говорить. Ручищи Грубера по хватистости поспорили бы с самым надежным зажимом.

— Берешь пирофор «Файерблиц» — это ячейка XIX, левая. — Сейчас гауптман говорил по-немецки — дело серьезное, да и кто в воздухе подслушает. — Он подойдет в самый раз — и по эффекту, и по цвету. Проблема — правильно подобрать емкость.

Помощник взял склянку, наполненную желто-бурой жидкостью. К резиновой пробке была прикреплена резиновая трубочка.

— Ставь штативы!

Чемоданчик, лежащий на коленях Тимо, моментально превратился в лабораторный столик, в котором были установлены маленькие штативы с четырьмя пузырьками примерно одного размера, но с разной толщиной стекла.

Очень осторожно Тимо наполнил их все пирофором, следя, чтоб ни одна капелька самовоспламеняющегося вещества не вошла в соприкосновение с воздухом: тщательно герметизировал пузырьки дополнительными заглушками, подсоединил трубку к первому, наполнил, закупорил; проделал ту же операцию со вторым, третьим, четвертым.

Зепп молчал, чтобы не отвлекать слугу от этой ювелирной и очень опасной работы.

— Готово! — сообщил Тимо.

«Вуазен» задрал нос и начал быстро подниматься. За высотой следил Теофельс, у слуги была своя задача. От быстроты и четкости Грубера зависело, вернутся ли экспериментаторы на землю живыми.

Маслянистая жидкость мирно покачивалась в пузырьках, но эта безмятежность была обманчива. Тимо держал наготове тряпку, пропитанную огнеупорным раствором. На лбу у обоих авиаторов, несмотря

на холод, выступили капли пота.

...В ноябре тринадцатого капитан фон Теофельс участвовал в больших маневрах под Мюнхеном, проверяя возможности нового, невиданного вида фронтовой разведки — авианаблюдения за противником. Нужно было быстрее прочих пилотов выявить расположение войск «синих», занести на карту и доставить командованию. Победителя ожидала медаль, но Зепп старался не из-за награды. Его всегда интересовало новое, а еще он любил побеждать.

Все офицеры, участвовавшие в соревновании, были первоклассными летчиками. Некоторые управляли самолетом даже лучше Теофельса, который, в конце концов, был всего лишь талантливый дилетантом. Значит, следовало взять не мастерством пилотажа, а чем-то иным. Зепп придумал сразу несколько штук, каждая из которых могла дать ему маленькое преимущество.

Во-первых, скрупулезно рассчитал возможную протяженность маршрута и слил всё лишнее топливо, чтобы облегчить аэроплан и тем самым увеличить его скорость.

Во-вторых, взял с собой новейший измеритель угла «рему», чтобы учитывать малейшие перемены в боковом ветре.

В-третьих... Впрочем, что толку перечислять все эти ухищрения? Их было много, и одно из них, казавшееся абсолютно безобидным, свело на нет все остальные.

Среди прочих технических новинок гауптман взял с собой в полет «вечную» ручку. Наносить ею на карте диспозицию противника было быстрее и удобней, чем карандашом, который к тому же при любом толчке или попадании в воздушную яму ломался.

Поначалу всё шло замечательно. Но когда Зеппу понадобилось подняться выше линии облаков, чтобы увеличить запас высоты для планирования, случилась странная вещь. Из авторучки ни с того ни с сего вдруг, пузырясь, вылились чернила — будто шампанское из бутылки. Делать пометки стало нечем, и Теофельсу пришлось вернуться на аэродром несолоно хлебавши.

Это, конечно, было досадно для самолюбия, но один из принципов, которыми Зепп руководствовался в жизни, гласил: всякий дефект может быть обращен в эффект. Нет такого поражения, которое нельзя было бы превратить в победу или, на худой конец, в полезный урок.

Он стал допытываться у физиков, что случилось с чертовой ручкой, и выяснился загадочный факт. Оказывается, на определенной высоте

происходит перепад воздушного давления, отчего чернила и выбило из резервуара.

Другой человек, удовлетворив любопытство, выкинул бы эту бесполезную информацию из головы. Но только не Йозеф фон Теофельс. Подобно слуге Осипу из гоголевских «Мертвых душ», он ничего никогда не выкидывал — из памяти. Всё в хозяйстве могло пригодиться, любая мелочь, пусть на первый взгляд бессмысленная или даже вредная.

Например, записка влюбленной дуры.

Или время, бездарно потраченное на подглядыванье за скучными любовниками.

«Вуазен» преодолел барьер в две тысячи метров, а пузырьки всё не лопались.

— Холодно, — пожаловался Тимо.

Он не надел перчаток, и его руки совсем побелели.

— Ты это брось! — встревожился Зепп. — Малейшее промедление — и сгорим к черту.

— Промедления не будет. Просто холодно.

На высоте 2500 во втором слева пузырьке, самом тонком, «Файерблиц» закипел, пошел кверху и вытолкнул резиновую крышечку. На воздухе пирофор немедленно загорелся, внутри бутылочки вспыхнул и лопнул огненный шарик. Зазвенели осколки — но Грубер уже прихлопнул очаг возгорания тряпкой.

Итак, пузырек номер два. Высота две пятьсот.

С главным ясно. Техническая сторона дела решена. Остается часть лирическая.

Ну, это просто.

Записка — пошлая ситуация — ладанка на гвозде.

Пожар в воздухе

— ...Две пятьсот, — прыснул второй пилот, развеселившись шутке про самовар.

В ту же секунду Степкин издал громкий хлопающий звук, словно в самом деле был самоваром и лопнул от нестерпимого жара. Прямо на груди у механика, вырвавшись из-под куртки, выплеснулось пламя, да не простое, а жидкое, и потекло вниз. Вспыхнула ватная безрукавка. Степкин отчаянно закричал, хлопая себя по животу, рванул с сиденья.

Брызги огня полетели во все стороны. Сквозняк из щелей разметал эти алые комки по всему салону, задул их внутрь фюзеляжа. В одном, потом в другом месте занялась полотняная обшивка. Встречный ветер быстро гасил очаги, но от них оставались черные дырки и разлетались новые искры...

Истошно вопил пылающий факелом Степкин. Шмит и Лучко лупили по нему кожаными куртками, но погасить огонь не удавалось. Командир помочь не мог — ему нельзя было выпускать руль.

Никто не понимал, что произошло, и это было страшней всего. Кабину стало заволакивать дымом.

— А-а-а! Глаза! — кричал механик. В судорогах он сорвал с себя шлем, и у него загорелись волосы. — Братцы, тушите! Тушите!

Наконец стрелок повалил его на пол, чтоб не бился, распахнул на себе китель и накрыл товарища собственным телом. Этот странный способ подействовал. Сбить пламя удалось. Но горело или тлело уже в десяти разных местах кабины.

— Бензопровод берегите! Рванет! — стонал Степкин.

— Что это он делает? — с любопытством спросил главковерх. — Пускает дымовую завесу? Но зачем?

Маленький самолетик в небе двигался короткими рваными зигзагами. Он выбросил облачко черного дыма. Потом — облако белого, уже побольше.

Крылов не ответил его высочеству.

— Что за... Ничего не понимаю! — пролепетал изобретатель.

Шеренга летчиков на поле дрогнула и рассыпалась.

— Горит! Горит!

Теперь было видно, что из кабины «Муромца» вырываются языки пламени.

В толпе зрителей раздался истеричный женский крик:

— Митрофа-а-ан!

Кто-то там упал наземь, над упавшей склонились.

Но в ту сторону смотрели немногие.

Все заморожено наблюдали за драмой, разворачивавшейся в воздухе.

Пожар, наконец, кое-как погасили: забили, задушили, залили водой. Кабину наполняли чад и дым, но огня уже не было, лишь дотлевала одежда на обожженном Степкине. Он лежал на полу, издавая стоны. Его лицо страшно раздулось, с него свисали клочья лопнувшей кожи. Тошнотворно пахло паленым мясом.

Стекла салона треснули и частично выпали, внутри аэроплана завывал ветер, загоняя внутрь фюзеляжа бумаги и всякую мелочь.

— Почему крен? — кричал командир. — Не могу удержать! Падаем! Не слушается! Митя, помогай!

Шмит тоже навалился на руль, оба пилота заскрипели зубами от напряжения. «Муромец» неохотно выровнялся, едва-едва не ухнув в штопор. Воздушный корабль бросало из стороны в сторону. Не то что стоять, но и сидеть было трудно.

— Митрофан Иванович! Что с машиной? Митрофан Иванович, вы меня слышите?

— Слышу, командир... — охнул Степкин. — Господи, только не вижу ничего... Повороты что?

— Элероны не работают.

— Значит, рулевой трос лопнул. Или передаточную крестовину заклинило. От рывков. Если это крестовина, можно бы снизу, через люк достать. Попробовать... Кабы не глаза... А если попробовать «штаб-офицерским»?

«Штаб-офицерским» назывался медленный поворот без крена на одном руле направления.

— Это ведь не «нюпор». — Рутковский помотал головой. — Не вытянем. Скользнем на крыло, зароемся — и в штопор.

Степкин попробовал протереть глаза, но только закричал от боли.

— Нет, не могу!

«Илья Муромец», дрожа всем своим тяжелым телом, летел прочь от солнца. Ни свернуть, ни снизиться было невозможно.

— На сколько хватит топлива? — спросил Лучко.

— Мы заправились на одну восьмую. Если оставить один мотор, хватит минут на двадцать.

— Это роскошно, командир. Можно поговорить напоследок, подготовиться. Нашему брату такая удача редко выпадает. — Поручик вздохнул. — Жалко, выпить нечего. За упокой грешной души. Ничего, ребята за нас выпьют... — Он насупил брови, желая сказать что-нибудь значительное, соответствующее торжественности момента. Но ничего такого в голову не приходило. — А вот, говорят, французы изобрели штуку, «парашют» называется... Если самолет падает, летун преспокойно выпрыгивает, дергает за ремешок и спускается, как на зонтике... Брехня, наверно.

— Жора, — прохрипел Степкин, приподнимаясь и шаря руками по полу. — Отвори бомбовой люк.

Лучко нажал рычаг, и в полу открылось квадратное отверстие.

— Держи меня за ноги! Крепко!

Ослепший механик перевернулся на спину, всхлипывая от боли. Поручик сел на его ноги, руками вцепился в колени.

— Опускай меня!

С воплем Степкин свесился головой вниз, словно гимнаст на трапеции. Качнувшись взад-вперед, дотянулся рукой до брюха самолета и, кажется, ухватился за что-то. Держать его стало легче.

Еле слышно донеслось:

— Ни черта не вижу...

И еще что-то неразборчивое.

— Что? — заорал Лучко, пригибаясь.

— Так и есть! Передаточную крестовину скосило! Ключ дай!

Стрелок обернулся к пилотам.

— Митька, что в руль вцепился? Ключ давай!

Шмит бросился к ящику с инструментами.

— Который?

— Черт его знает. Суй ему все по очереди...

С земли увидели, как аэроплан, быстро удалявшийся к западу, вдруг качнул крыльями, накренился набок и по дуге пошел вниз, вниз, вниз.

Над аэродромом пронесся вздох ужаса. «Муромец» медленно развернулся, его тупое рыло было нацелено прямо на верхушки ельника, что начинался за взлетным полем.

На лицах членов великокняжеской свиты появилось одинаковое страдальческое выражение, главковерх тоже скривился. При этом все, не отрываясь, смотрели только в одну точку.

Воздухоплавательный генерал сдернул фуражку и перекрестился. Авиационный генерал сказал:

— А я докладывал в ставку. Модель недоработана. Средства притом потрачены чудовищные...

— Ребята, ну ребята, ну пожалуйста... — шептал полковник Крылов, не замечая, что бьет себя кулаком по бедру.

Конструктор — тот просто закрыл руками лицо и согнулся. Не мог видеть, как гибнет его детище.

Над самыми деревьями гигантский самолет вдруг неуклюже выровнялся. Еще раз качнул крыльями, но уже не беспомощно, а словно успокаивая зрителей. Пронесся над толпой, уверенно сделал разворот и

стал заходить на посадку.

Ему навстречу гурьбой, с криками, бежали все, кто был на поле. На месте осталась лишь группа всадников.

Конец слоновьей охоты

— ...Слава Господу, что всё обошлось и молодцы-летуны живы, однако сами видите, ваше высочество, эта во многих отношениях интересная машина еще требует большой доработки, — говорил генерал Боур. — А между тем на сумму, потребную для производства одного такого «Муромца», французы немедленно поставят нам десять отличных, проверенных в деле машин. Тяжелая авиация — дело будущего, а воевать нам сегодня.

— Это верно. Воевать надо сегодня. — Николай Николаевич посмотрел на сраженного неудачей командира авиаотряда. — Что ж, полковник, давайте посмотрим, каковы в деле ваши легкие аэропланы. Что входит в программу демонстрации?

Больше всего Крылову сейчас хотелось вслед за остальными бежать к «Муромцу» — удостовериться, все ли живы, но полковник умел держать себя в руках. Он показал на военлета Долохова, который, уже в шлеме, стоял перед начальством навытяжку.

— Прапорщик на 70-сильном «вуазене» покажет фигуры высшего пилотажа, после чего отправится на аэрофотосъемку. Перед самым вылетом он получит запечатанный пакет с координатами района, который должен быть сфотографирован. Это участок фронта, расположенный в 70 километрах... то есть верстах отсюда. Расчетное время на выполнение задания — 2 часа. За это время мы покажем вашему высочеству новинку воздушного маневрирования: полеты группой в три самолета, с выполнением одновременного бомбометания и разворота «все вдруг». Потом наше Офицерское собрание почтет за честь просить ваше высочество пожаловать на скромный обед...

— Ваше императорское! — влез в разговор белый от горя изобретатель. — Высочество! Что же будет с моим воздушным кораблем? На заводе готовы к сборке десять машин!

Военному человеку подобное нарушение субординации даром бы не прошло, но к статским главноверх относился снисходительнее. К тому же не следовало забывать, что молодому невеже благоволит царственный племянник.

— Игорь Иванович, дорогой вы мой, — снисходительно пророкотал Никник, довольный, что вспомнил имя и отчество столь незначительной фигуры. Незначительной фигуре это всегда лестно, а у окружающих памятьливость августейшей особы вызывает восторг и благоговение. — Вы ведь университет заканчивали, естественник. — Столь мелких подробностей его высочество, конечно, знать не мог, но ошибиться здесь было невозможно. Уж если человек изобретатель, то наверняка не в богословской академии учился. — Должны понимать: пускать в серию недоработанный прототип — это нонсенс. Проверьте, что у вас там за неполадки, устраните их, представьте результат на одобрение комиссии. Одним словом, семь раз отмерьте, а там и отрежем.

Конструктор схватился за виски.

— Ваше высо... — Его голос сбился на визг. — Машина совершенно готова! Это была какая-то случайная неисправность! Вы видели, какая огневая мощь! Какая маневренность! Еще одной комиссии я не вынесу! Это же минимум полгода! Заводу нужны деньги! Без них всё остановится! Людей перебросят в другие цеха!

Посуровев, главнокомандующий сказал:

— Деньги не на деревьях растут, молодой человек. Их наш многотерпеливый народ, храни его Господь, добывает потом да кровью. Транжирить миллионы на... — Он запнулся, подбирая достаточно сильный эпитет. — ...На такие вот иллюминации в воздухе я не позволю. Народных денег жалко. Да и летунов.

— Но государь обещал! Я всеподданнейше... Я аудиенцию... Мне не откажут! — отчаянно затряс пальцем молокосос.

Между прочим, был прав — не откажут. А мягкохарактерность дорогого Ники главноверху была слишком хорошо известна. Пойдут телеграммы, письма, и завяжется вокруг злосчастного аэроплана целая бумажная канитель, как будто у главноверха и без того мало забот.

Умный был человек его высочество. Умел находить выход и не из таких ситуаций. В секунду сыскал решение, на которое племяннику и возразить будет нечего.

— С другой стороны, машина действительно многое обещает, — задумчиво протянул Никник. — Такая большая и стреляет хорошо... Пожалуй, поступим вот как. — Он кивнул адъютанту, чтобы записывал. — Закажем Балтийскому заводу... ну, скажем, еще одну машину. Пусть поработает на фронте, полетает полгода или год. Хорошо себя покажет — запустим в серию.

Приговор — по тону слышно — был окончательный и дальнейшему

обсуждению не подлежащий.

— Ну, сокол, лети с Богом, — отечески кивнул затянутому в кожу пилоту главнокомандующий.

Зепп браво отсалютовал и побежал к «вуазену», жужжавшему пропеллером на полосе. Тимо уже был на месте и прогревал мотор.

Аэроплан исполнил в воздухе несколько стандартных, несложных маневров. Во-первых, великий князь все равно не оценил бы тонкостей пилотажа, так что незачем метать бисер. А во-вторых, глупо рисковать, когда задание уже выполнено.

Затем капитан фон Теофельс взял курс на запад. Семьдесят километров до фронта он пролетит по траектории, указанной в пакете. Тимо, так и быть, пофотографирует позиции — только, конечно, не германские, а русские. Потом в задание придется внести еще одну корректировку. Миновав линию окопов, «вуазен» продолжит путь на запад, до первого немецкого аэродрома. У русских самолет будет считаться пропавшим без вести.

Аэроплан покачал на прощание крыльями. До новых встреч, господа. Вы, разумеется, опомнитесь и через какое-то время наладите выпуск своих «Летающих слонов», но будет поздно. Нашему наступлению они повредить уже не смогут. А там и Германия запустит в производство собственные многомоторники. В современной войне все решает скорость: кто раньше поворачивается, тот и выигрывает.

Несмотря на победительные мысли, Зеппу было немного грустно, как всякий раз после выполнения трудной задачи.

Но грусть была светлая, по-своему приятная. Хотелось бы испытать нечто подобное и в смертный час, оглядываясь на прожитую жизнь. Это означало бы, что она удалась.

* * *

Из директивы Штаба верховного главнокомандующего Главному военно-техническому управлению:

«...Вследствие обнаружившейся непригодности аэропланов типа „Илья Муромец“ к выполнению боевых задач надлежит прекратить снабжение армии аппаратами этого типа».

Конец Третьей Фильмы

ДЕТИ ЛУНЫ (Фильма четвертая)

Петроградский август

Белые бессолнечные дни. Черные безлунные ночи. Серые мокрые сумерки, как зыбкая граница между явью и сном. Но нет ни полного забытья, ни настоящего пробуждения. Столица больна. Столица наполовину пуста. По прямым каменным улицам бродят растерянные женщины. Мужчин гораздо меньше, зато они деловиты, они спешат. Большинство одеты в военное, но в самом городе ничего воинственного нет. Фронт очень далеко. Только на большом отдалении от выстрелов так густо гнездятся генералы и популяция храбрых полковников так решительно превышает количество зеленых прапорщиков.

Один из представителей этого во всех смыслах незначительного меньшинства, о котором еще говорят «курица не птица, прапорщик не офицер» (вполне, впрочем, молодцеватый юноша в превосходно сидящем кителе), соскочил с извозчика у здания Отдельного жандармского корпуса на Фурштатской, поправил портупею, снял и снова надел фуражку, взбежал по ступенькам.

Пока дежурный искал в журнале имя («прп. А. Романов к его првсх. ком-ру ОЖК»), молодой офицер привычным жестом потрогал, словно бы вдавливая в грудь, солдатский георгиевский крест.

Ишь, важничает, подумал дежурный, выписывая пропуск на этаж, где помещалось высшее начальство.

Но Романов не важничал. Он беребил орден всякий раз, когда начинал зудеть рубец от пули. Не будешь же на людях чесаться по-обезьяньи, а на обратной стороне оранжево-черной колодки булавка. Потрешь ею, и легче.

Синьор Сольдо, хирург Луганского госпиталя, говорил: «Мальчик, у тебя кошачья везучесть и собачья живучесть. Нужно очень постараться, чтобы пустить в себя пулю так виртуозно: в сантиметре от сердца, не задев ни одной крупной артерии!» Доктор был человек опытный, умный и верящий в приметы. По его предсказанию, Романову на своем веку предстояло быть множество раз раненным, но не смертельно и даже без

тяжелых последствий.

Действительно, от пули, которая насквозь прошла несостоявшегося самоубийцу, только и осталось, что легкий зуд правее соска. Раздробленная на фронте рука, которой врачи сулили постепенное иссыхание, тоже зажила, как-то сама собой. Благодаря усердным упражнениям, которыми ее мучил Алексей, она, пожалуй, стала еще сильнее, чем до ранения.

В начале весны прапорщик истребовал медицинского переосвидетельствования, которое прошел безо всяких трудностей, и был переаттестован в разряд полной строевой годности, чего с комиссованными вчистую почти никогда не бывает.

Несмотря на весну и отменно восстановившееся здоровье, жизнь Романову была не мила, опять же отечество пребывало в опасности. И личные, и общественные резоны звали вернуться на фронт, где — об этом писали все газеты — катастрофически не хватало именно младших офицеров, но князь Козловский провел со своим молодым товарищем долгую, обстоятельную беседу и переубедил, переспорил, перекричал. Перекричать Алешу было нетрудно, после трагических событий минувшей зимы он утратил прежнюю пылкость. Да и аргументы князя, что ни говори, звучали логично, а логике бывший студент-математик привык доверять. Собственно, логика — единственное, чему на свете вообще можно верить. В этом он убедился на собственной шкуре, дорогой ценой.

Ротмистр втолковывал молодому человеку:

— Пойми, упрямая башка! Не о своих сантиментах ты должен думать. Думать нужно, где ты причинишь больше вреда врагу и соответственно принесешь больше пользы отчизне. Взводом на фронте могут командовать многие, и получше тебя. А вот толково служить в контрразведке способны единицы. Опасностей у нас не меньше, чем на фронте, это ты сам знаешь. Награды, правда, выдают скупее, чем в окопах. Но это для тебя тоже не новость...

С наградой за успешную швейцарскую операцию вышло одно расстройство. Генерал Жуковский вернувшихся героев расцеловал и представил к ордену святого Георгия 4-й степени, согласно 71-й статье Статута, которая предусматривает это высокое отличие для тех, «кто, подвергая свою жизнь явной опасности, неустанными наблюдениями в бою соберет такие важные сведения о противнике, коими будут выяснены планы и намерения последнего, что даст возможность высшему начальнику одержать решительную победу». Однако Георгиевская кавалерская дума представление с возмущением отвергла, отказавшись приравнять «альпийский вояж» к боевым действиям. Возможно, вердикт вышел бы

иным, имей контрразведка возможность изложить дело во всех подробностях, но, учитывая деликатность «вояжа» и его несоответствие установлениям международного права, это было совершенно немыслимо.

Тогда начальник подал другую реляцию, испрашивая для своих эмиссаров хотя бы «Владимира» с мечами и бантом, но и тут получил отказ, даром что командир жандармского корпуса и генерал свиты его величества. То есть дать-то ордена дали, но без мечей, с одними лишь бантами, словно не за военный подвиг, а за мелкую служебную заслугу в глубоком тылу. К этому сомнительному отличию Жуковский прибавил от себя награды, и на том чествование триумфаторов закончилось.

Полученные деньги, пятьсот рублей, Алексей потратил на офицерское обмундирование — заказал полный комплект у самого Норденштрема, на Невском.

Первый раз надел всю амуницию, встал перед зеркалом — сам на себя засмотрелся, до того был хорош.

Плечист, высок, подтянут. Рука, хоть и абсолютно исцеленная, для эффектности в черной перчатке, висит на перевязи. На груди блестит одинокий, скромный солдатский «Георгий» (мирный «Владимир» с бантиком Романов, вопреки уставу, решил не носить).

С одного взгляда читается вся жизнь: молодой герой из добровольцев, офицерское звание выслужил храбростью, а что не на фронте — так это из-за ранения.

Но любовался отражением Алексей недолго. Вдруг вспомнил Грушницкого из «Героя нашего времени». Тот тоже красовался солдатским крестом и сшил себе умопомрачительный прапорщицкий мундир. Только ранение у жалкого фанфарона было не в руку, а в ногу. Вот и вся разница.

Разозлился на себя. Сорвал перевязь. Лайковую перчатку стянул с руки, отшвырнул в угол комнаты.

Глупости это были. Последний щенячий писк бывшего Алеши Романова, романтического мальчика, обожавшего эффектность.

Вспоминать противно. Тот дурак верил в любовь и думал, что жизнь создана для счастья. А у жизни цель совсем другая — смерть, и это неопровержимо, как теорема Пифагора. Под вопросом только два обстоятельства: когда и ради чего. Всё остальное второстепенности.

Большинство людей очень боятся самого перехода через смертный рубеж, и этот физический страх заставляет их всеми силами цепляться за жизнь. Но Алексей на том рубеже уже побывал, ничего особенно пугающего не обнаружил.

Человек, преодолевший главный из страхов, начинает чувствовать себя

неуязвимым. Ему хочется драться и побеждать. Очень хорошо, что войне не видно конца. Пусть бы она продолжалась вечно.

Однако Романов провоевал достаточно, чтобы понимать: одного бесстрашия для победы мало, потребно умение. Войне надо учиться. Контрразведка такая же дисциплина, как алгебра или тригонометрия, — здесь тоже свои формулы, уравнения, правила. Не будешь их знать назубок, завалишься на первом же экзамене.

Алексей хотел стать настоящим профессионалом, был готов учиться. А тут, на счастье, по инициативе генерала Жуковского открылось невиданное учебное заведение — специальные курсы для офицеров-контрразведчиков, которых так не хватало и на фронте, и в тылу.

Пришлось пройти еще одну медицинскую комиссию, главным в которой был врач-невропатолог. От сотрудников контрразведки требовались особенные качества: подвижность ума, устойчивость психики и крепкие нервы.

В недозастрелившегося прапорщика врач вцепился, как лис в цыпленка. Драл зубами, рвал когтями, щипал — и отступился ни с чем. В заключении написал, что психика у А. Романова аномальная, однако укреплять ему нервы незачем, скорее их не мешало бы размягчить. Стреляться А. Романов больше не будет — разве что из-за нежелания сдаваться врагу живьем. Начальство рассудило, что для контрразведчика такая «аномалия» в самый раз, и прапорщик был немедленно зачислен в школу. Там его учили немецкому языку, шифровке и дешифровке, принципам работы с агентами, психологии допроса, рукопашному бою по французской, китайской и японской методикам, стрельбе из всевозможных видов оружия и другим полезнейшим вещам.

Прошла весна, миновала большая часть лета, учеба близилась к окончанию. Алексею не терпелось применить новообретенные знания на практике. На некоторых курсантов уже пришел вызов — кому с германского фронта, кому с австрийского, кому с турецкого, некоторым из военно-морского флота.

Сегодня вызвали и прапорщика Романова. Телефонограммой. Не куда-нибудь, а к самому Жуковскому.

Трехэтажное здание с кокетливой лепниной. То ли средней руки гостиница, то ли доходный дом. Но у входа часовой, вдоль тротуара — ряд автомобилей и пролеток. И умеренно строгая, черно-золотая вывеска:

«Штабь Отдельнаго Жандармскаго Корпуса».

Внутри треск пишущих машин, жужжание телеграфных аппаратов, перестук каблучков. Однако никакой суеты, спешки, тем более нервозности. Каков поп, таков и приход.

С «попами» российским «приходам» везет редко. Жандармский корпус являлся счастливым исключением. Назначенный перед самой войной генерал-майор Жуковский политическим сыском заниматься не стал, справедливо рассудив, что жители воюющей державы перед лицом общей опасности на время забудут о своих разногласиях. Главной задачей новый командир считал, во-первых, противодействие германско-австрийскому шпионажу, сеть которого густо пронизала все тело беспечной Российской империи, а во-вторых, организацию собственной агентурной разведки.

Пришлось начинать почти с нуля, но энергия цепкого Владимира Федоровича своротила горы. Еще минувшей осенью командиру Жандармского корпуса вверили контроль над военно-разведочным управлением Генерального штаба, так что теперь все специальные службы империи находились под единым руководством.

В тылу борьбой со шпионажем занимались губернские жандармские управления. На театре военных действий дело было устроено иначе. При генерал-квартирмейстере каждого фронта появилось разведочно-контрразведочное отделение, которым руководил подполковник генерального штаба при двух помощниках — генштабисте, ведавшем разведкой, и жандарме-контрразведчике. Такие же органы существовали в каждой из армий.

Счет выловленных шпионов в тылу шел на сотни, во фронтовой полосе — на тысячи. А лучшим комплиментом разведывательной агентуре Жуковского стало примечательное событие: немецкому Генштабу пришлось учредить специальное отделение по борьбе с русскими шпионами.

Борьба спецслужб шла еще не на равных — у германцев было больше опыта и ресурсов, но все-таки это уже не напоминало драку слепого со зрячим, как в первые недели войны.

Поднимаясь по лестнице в бельэтаж и посекундно козыряя встречным военным (все они были старше чином), Алеша гадал, какое назначение сейчас получит и почему генерал решил удостоить какого-то прапорщика личной аудиенцией. Это было лестно. Знать, не забыл Владимир Федорович про швейцарскую эпопею. Вероятно, хочет отправить на какой-нибудь ответственный участок фронта, да еще с особенным заданием или, чем черт не шутит, с чрезвычайными полномочиями. А что такого? Звание хоть и маленькое, но в разведке и контрразведке людей ценят не по

звездочкам — по заслугам. Заслуги же у Романова имелись.

Он примерно догадывался, куда его могут послать.

Судьба войны и всего российского государства сейчас решалась на Юго-Западном фронте, который уже четвертый месяц пятился под напором германцев, неся гигантские потери. Пали Перемышль, Львов, Варшава. Ключевой пункт обороны, Новогеоргиевская крепость, в блокаде. Россия потеряла почти треть промышленности, тыловые коммуникации запружены беженцами — на восток хлынуло десять миллионов человек.

В армию непрерывно идут эшелоны с пополнениями, но компенсировать чудовищную убыль штыков невозможно. Любая другая держава рассыпалась бы в прах, разом лишившись двух с лишним миллионов солдат убитыми, ранеными и пленными. А Россия трепетала, стонала, но пока держалась. Лишь откатывалась, откатывалась все дальше на восток под ударами германского стального кулака. Ходили слухи, что великого князя Николая Николаевича вот-вот снимут с должности и что обязанности верховного главнокомандующего примет сам государь. Если уж монарх считает своим долгом в этот тяжкий для родины час быть на фронте, то боевому офицеру и Бог велел.

А вдруг назначат прямо в Ставку? Заниматься не тактической, а оперативной разведкой? Хотя и тактическая, на уровне армии или корпуса, тоже интересно!

Адъютант просунул голову за кожаную дверь:

— Ваше превосходительство, прапорщик Романов.

Густой бас нетерпеливо потребовал:

— Сюда его! Живо!

Вот как? Даже «живо»?

В начальственном кабинете

Обширный кабинет, по которому сразу видно, что он обустроен не для парадности, а для работы. На огромном столе аккуратные стопки папок и бумаг, разложенные по какому-то неочевидному, но строго соблюдающемуся принципу. Телефонные аппараты. Истуканные флажками карты, причем не только фронтов, но всех частей империи — будто и там тоже идут бои. Фотографический портрет императора — маленький, но зато с собственноручной надписью. Встроенный в стену сейф. Из личных вещей, по которым можно было бы судить о пристрастиях обитателя, только теннисная ракетка. Про командира известно: иногда играет с

адъютантом в эту английскую игру — не для разрядки, а для концентрации мысли. И будто бы некоторые самые блестящие идеи приходят в голову его превосходительству именно в момент звонкого удара ракетки по мячу. Возможно, впрочем, что и выдумки.

Хозяин кабинета по-свойски помахал молодому человеку рукой: без церемоний, входите-садитесь.

Перед начальственным столом в креслах сидели двое военных. Одного из них, немолодого подполковника, Алексей видел впервые. Вторым был Лавр Козловский, который в последнее время состоял при командире Жандармского корпуса офицером-координатором от военной контрразведки. Ротмистр улыбнулся, шевельнув по-тараканьи торчащими усами, сказал бестактность:

— А вот и наш декадент.

Кинув на приятеля сердитый взгляд (шутки по поводу самоубийства давно обрыдли, а уж поминать прошлое при высоком начальстве — вообще свинство), Романов доложил о прибытии и скромно сел возле длинного стола для совещаний. Фуражку положил на зеленое сукно, руки сложил по-гимназически, перед собой. Только предварительно тронул крест на груди, чтобы покачался. Это означало: приказывайте, ваше превосходительство, всё исполню, но не забывайте, что перед вами боевой офицер, место которого на фронте.

Всех этих тонкостей Жуковский, похоже, не заметил.

— Как учеба, юноша? — спросил он по-домашнему. — Грызите гранит, грызите. Потом дадите нам, неучам, форы.

Он рассматривал прапорщика с улыбкой и вообще выглядел ужасно довольным.

На реплику об учебе отвечать не требовалось — по тону было ясно, что это не вопрос, а так, приветствие. Романов тоже вежливо улыбнулся и попытался применить знания, почерпнутые на лекциях по практической психологии. Генерал и ротмистр веселые, оживленные, а незнакомый офицер сидит хмурый, с почерневшим от горя лицом. Что это может означать?

Алексей окинул подполковника быстрым профессиональным взглядом.

Артиллерист. Значок Академии генштаба. Невысок и некрупен, но ладно скроен. Маленькие красивые руки нервно трутся одна о другую. Черты правильные, даже красивые. Острая борода с легкой проседью, породистый нос, на лбу резкая вертикальная морщина — признак воли и характера. Но почему блестят глаза? Будто с них только что смахнули слезу.

Очень странно. Уж не арестованный ли это?

Но следующая фраза генерала разрушила эту интересную версию.

— Подполковник, вот офицер, которому мы поручим наше деликатное дело. Прапорщик Романов. Кандидатура просто идеальная. Артистичен, находчив, бывал в переделках. И возраст именно такой, как надо.

Трагические глаза артиллериста так и впились в лицо Алексея — в этом взгляде читались мучительное сомнение и надежда. Сказано, однако, ничего не было — подполковник ограничился кивком.

— Знакомьтесь, — обратился Жуковский теперь уже к Романову. — Это подполковник Шахов из Главного артиллерийского управления. Тут вот какое дело... Козловский, давайте вы.

— Слушаюсь. — Козловский повернулся к товарищу, и Алеша увидел, что физиономия у ротмистра не очень-то веселая, а скорее возбужденная. Глаза блестят, ноздри раздуваются — прямо рысак перед призовой скачкой. — Я, ваше превосходительство, коротко.

— Не надо коротко. Рассказывайте подробно. Послушаю еще раз.

— Как прикажете...

Но говорить долго князь в любом случае не умел, да еще в присутствии высшего начальства. Он откашлялся.

— Некоторое время назад к нам поступили агентурные сведения, что немецкий Генштаб имеет доступ к секретным сведениям из Артуправления. Мы провели тайную проверку. Выяснилось, что некоторые старшие офицеры завели привычку брать секретную документацию домой...

Шахов воскликнул:

— А что прикажете делать? Очень много работы. Приходится заканчивать дома, по вечерам. Конечно, это нарушение...

Как странно: человек с тремя большими звездами на погонах оправдывается перед прапорщиком, подумал Алексей.

Генерал Жуковский обладал слишком живым характером, чтобы долго довольствоваться ролью пассивного слушателя. Он махнул князю: ладно, не мучайтесь, я сам — и с удовольствием продолжил рассказ. Получилось совсем удивительно, будто перед чахлой звездочкой отчитывается целое созвездие Большой Медведицы.

— Проще всего было бы запретить эту опасную практику, и дело с концом, но я распорядился иначе. — Владимир Федорович вкусно улыбнулся. Считалось, что он похож на бульдога (его за глаза так и называли), но сейчас генерал напоминал большого круглоголового кота, который приволок дохлую мышь и очень собою горд. — Нужно ведь не только пресечь утечку, но и установить источник. Это самое главное. Наши

химики предложили тайно покрыть документы неким составом, который реагирует на фотоблиц — как известно, без вспышки документ качественно не снимешь. Результата долго ждать не пришлось. Негласная проверка показала, что чертеж новой 76-миллиметровой пушки, с которым работает подполковник Шахов, подвергся фотографированию. Ну а дальше продолжит подполковник — сведения всегда лучше получать из первоисточника.

— Слушаюсь, ваше превосходительство... Позавчера я вернулся домой в девятом часу. Работал с чертежом до полуночи. Прислуге в это время входить в кабинет запрещается. Закончив работу, запер чертеж в сейф. У меня дома сейф. Как у всех сотрудников управления, кому дозволено брать работу домой.

Рассказ давался артиллеристу тяжело, и чем дальше, тем труднее. Шахов все больше бледнел, смотрел вниз, но голосом не дрожал и не сбивался — твердости этому человеку было не занимать.

— ...Вот, собственно, всё, что случилось позавчера... Поэтому, когда вчера меня вызвали на допрос, это было как гром среди ясного неба... Я не мог объяснить, кто и когда мог сфотографировать чертеж. А когда выяснилось, что... — Он издал странный квохчущий звук. — Прошу извинить, господа. Сейчас продолжу. В горле что-то... Вы позволите, ваше превосходительство?

Жуковский сам налил ему из графина и продолжил за артиллериста:

— В общем, наши агенты провели обыск у господина Шахова в кабинете. Установили, что сейф открывали только ключом, никаких следов взлома или вскрытия. Тогда с помощью подполковника реконструировали детальный хронометраж событий позавчерашнего вечера. Установили, что единственным посторонним лицом, входившим в кабинет, когда чертеж еще не был помещен в сейф, была дочь подполковника, девица двадцати двух лет.

Командир взглянул на Шахова, словно проверяя, справился ли тот с нервами и может ли дальше рассказывать сам. Теперь Алеша начинал понимать состояние этого немолодого и, очевидно, заслуженного офицера.

— Да, Алина принесла мне чаю... Должен сказать, что она нечасто балует меня такими знаками внимания, и я всякий раз бываю очень рад... Дочь вообще по вечерам редко дома... А тут была приветлива, даже мила. Мы славно поговорили — она задержалась в кабинете, даже, представьте, отпивала из моего стакана, — сказал Шахов и сам смутился. — Вам трудно понять, как много для меня это значит... Ладно, неважно. Важно, что Алина оставалась в кабинете, когда я отлучался, пардон, в уборную...

Конечно, чертеж при этом в сейф не запирали, в голову не пришло... Но могли я вообразить? — Подполковник скрипнул зубами, сердито потер кулаком глаза. — Ради бога простите. Расклеился, как баба.

Никакого сочувствия к отцовскому горю генерал не проявил. Он сделал рукой хватательное движение, словно поймал в воздухе комара или муху.

— Отлучка подполковника в ватер-клозет — единственный момент, когда документы могли быть сфотографированы. Никаких сомнений: это сделала мадемуазель Шахова. Расскажите-ка про фотоаппарат.

— Я подарил дочери портативный «кодак» по случаю окончания гимназии, тому три года. Одно время Алина очень увлекалась фотографией, и у нее недурно получалось. Потом утратила интерес... Она утратила интерес ко всему...

— Вот редкий случай, когда картина преступления может быть восстановлена полностью, — подытожил Жуковский. — Девушка Шахова от кого-то (предположительно от резидента) знала, что в этот день отец принесет важный документ, и потому осталась дома. Спрятать портативную фотокамеру и блиц под одеждой нетрудно. Произвести снимок — дело одной минуты. После реконструкции событий я распорядился произвести тщательный обыск в комнате у барышни, благо она отсутствовала.

— Да, это тоже необычно, — хмуро сказал подполковник. — Алина всегда у себя часов до пяти-шести пополудни, а вчера — горничная рассказала — ушла вскоре после меня.

— Вот именно. В шифоньере, под нижним бельем, мы нашли фотопластину, на которой запечатлен чертеж орудия — снимок превосходного качества. Вот, Романов, каковы исходные условия задачи. Ну-с, господин курсант, как бы вы стали действовать дальше?

Генерал с веселым любопытством воззрился на прапорщика.

— Есть два способа, ваше превосходительство. Можно оставить фотопластину на месте и проследить за девушкой, чтобы установить ее контакты. Но я бы поступил еще проще: взял бы Алину Шахову и допросил. С такими доказательствами она не отвертится. Интеллигентная барышня — очень легкий материал для хорошо подготовленного следователя, — сказал Алексей с высоты обретенных на курсах знаний. — Здесь должен быть какой-то излом личности. Тут ведь не просто шпионаж, а предательство родного отца. Если нащупать эту психическую трещину, объект расколется на половинки, как грецкий орех.

Командир корпуса переглянулся с Козловским, который ободряюще

подмигнул молодому человеку. Очевидно, той же логикой руководствовалось и премудрое начальство.

— Допрашивать ее смысла нет, — сказал генерал. — Этот путь в данном случае малоперспективен. Мадемуазель Шахова может быть слепым орудием немцев. Делает то, что ей велят, а знать ничего не знает.

— Уж что-то она наверняка знает. Есть же у нее глаза, уши, голова на плечах, — позволил себе возразить Романов. Его учили, что на аналитическом совещании субординацию соблюдать не обязательно. Если младшему по званию приходит на ум дельная мысль или контраргумент — высказывай, не молчи.

Жуковский покачал головой:

— У людей этого склада наблюдательность понижена, любопытство отсутствует, а умственная энергия направлена лишь в одну сторону. Им лишь бы получить то, что им потребно, всё остальное не имеет значения.

Этого Алексей не понял и поглядел на генерала вопросительно. Но ответил Шахов:

— Алина наркоманка. Морфинистка. Это продолжается уже второй год. Врачи ничего не могут поделать... — Подполковник глядел вниз, на пол. — ...Понимаете, на нашу семью прошлой весной обрушились несчастья, одно за другим. Сначала лопнул банк, в котором хранились все наши средства. Вскоре после этого скончалась жена... Я бесконечно виноват перед Алиной. Бывает, что общее горе сближает, а бывает, что и разделяет... Если каждый пробует справиться с ним в одиночку. Я пытался забыться делами службы, благо объявленная мобилизация, а затем и война давали такую возможность. Сутками просиживал в управлении, да поездки на фронт, да командировки на заводы... Алина оказалась предоставлена сама себе. Я ее бросил в беде одну... А она тоже обнаружила свой способ забыться. Связалась с декадентской компанией. Пристрастилась к кокаину, потом к морфию. Было две попытки самоубийства...

Подполковник сделал над собой усилие, поднял голову. Да ему нет и пятидесяти, подумал Алеша. Морщины на лбу, глубокие тени в подглазьях, преждевременная седина и убитый вид состарят кого угодно. При таких обстоятельствах неудивительно.

— Она прошла несколько курсов лечения в клинике Штейна. Это здесь рядом, у Таврического сада, — пояснил Шахов, словно местонахождение клиники имело какое-то значение. — Я знал, что дела плохи, врачи меня не обнадеживали... Но разве я мог подумать...

Тут он вдруг с силой ударил себя кулаком по лбу.

— Что я несусь? Будто напрашиваюсь на жалость и снисхождение! Меня

нужно гнать со службы. С позором, с судом. Я нынче же сам подам рапорт!

— И оборвете нить, которая ведет к немецкой шпионской сети, — сурово сказал Жуковский. — Мы это уже обсуждали, не будем повторяться. К делу, господа! Ротмистр, излагайте план.

План был логичен и прост: использовать Алину Шахову как наживку на крупного зверя.

— Фотопластину мы, конечно, оставили в шифоньере, — рассказывал Козловский. — Вернее, положили на ее место другую, сделанную специально искаженного чертежа. Установили наружное наблюдение. Горничную заменили на нашу агентку. Так что барышня находится под постоянным присмотром, что дома, что на улице.

Романов поднял руку, как на занятии:

— Можно? Два вопроса. Не покажется ли Шаховой подозрительным смена прислуги?

— Не уверен, что она это заметит, — горько ответил подполковник. — Иногда мне кажется, что она вообще на нас, домашних, не смотрит. К тому же я часто меняю горничных. Они долго не выдерживают... атмосферы, — не сразу подобрал он слово.

— Тогда, с вашего позволения, второй вопрос. Почему Шахова вчера оставила пластину дома? Если она встречалась с резидентом, то должна была захватить добычу с собой.

Генерал покивал:

— Правильный вопрос, Романов. Мы это обсуждали и нашли объяснение. Разведка часто использует в агентурных целях наркоманов, но этот элемент крайне ненадежен. Обыкновенно их держат на положении экстернов.

— Простите, кого? — вздрогнул Шахов.

— Не ординарных агентов, состоящих на постоянном жалованье, а экстернов, которых используют от случая к случаю. Причем чаще всего втемную. Платят сдельно: есть добыча — есть оплата. Иначе у наркомана нет стимула проявлять активность. Размер гонорара каждый раз определяется особо, в зависимости от ценности улова. Вчера Шахова встречалась со своим заказчиком, чтобы описать трофей и сторговаться о вознаграждении. Передача же, судя по всему, произойдет сегодня.

— Тогда уж и третий вопрос, ваше превосходительство...

— За каким чертом нам понадобился прапорщик Романов? — не дал ему договорить генерал, рассмеявшись. — Это князя благодарите. Его идея.

Козловский снова подмигнул, словно давая понять, что его и в самом деле не грех отблагодарить.

— Понимаешь, Лёша, за девицей следят дома и на улице. Но этого мало. Нужно проникнуть в ее компанию, выявить все связи. По счастью, она мало где бывает. Ходит в одно и то же место. В клуб-кабаре «Дети Луны». Там собирается особая публика, затесаться в которую не так-то просто. Обычному агенту задача не по плечу.

— Что за публика? — настороженно спросил Романов. От Лавра Козловского можно было ожидать каких угодно сюрпризов.

Опасения немедленно подтвердились.

— Отчаянные декаденты вроде тебя. Любители выть на Луну, стреляться, вешаться и все такое.

— Господин ротмистр! — Романов вспылil, даже приподнялся со стула. — Сколько можно?!. Простите, ваше превосходительство.

И сел обратно, под хихиканье князя и пофыркивание генерала. Лишь Шахов не присоединился к веселью.

— Ваше превосходительство, — тихо, но с нажимом сказал он. — Позволю себе напомнить: вы обещали обеспечить Алине надежную защиту. Жуковский посерьезнел.

— Прапорщик, тут еще вот что. Если немцы узнают, что Алина Шахова раскрыта... Ну, вы понимаете. Возможно, захотят обрубить концы. Во всяком случае, это было бы логично. Ваша задача не только обнаружить контакт, но и обеспечить безопасность девушки.

Подполковник поднялся, подошел к Алексею и заглянул ему в лицо. В глазах Шахова (теперь Романов отчетливо это разглядел) горело безумие.

— Молодой человек, я умоляю вас! Алиночка государственная преступница, но... это моя девочка! Сберегите ее! Она несчастна, она больна! Если с ней что-нибудь...

И не договорил, отвернулся. Подполковника бил кашель.

Вечер того же дня. Наблюдательный пункт

Пасмурный августовский вечер. Белесые тени за окном пустой квартиры в конце Большого проспекта на Васильевском острове. Из обстановки только стул да несколько ящиков. В углу большой ворох разноцветной одежды, будто украденной из театральной гримерки: балахоны, широченные блузы, широкополые шляпы, шутовские колпаки, маскарадные личины. Струйка голубого дыма из переполненной пепельницы.

— ...Без тебя знаю, что эгофутуристы и декаденты не одно и то же, —

огрызнулся князь, взбивая Алексею короткие волосы проволочной щеткой. — Не нужно считать меня солдафоном. Но шушера, которая собирается в этом кабаре, вроде как сама по себе. Не вполне декаденты и враждуют с футуристами. Они называют себя «эпатисты». Только не спрашивай меня, что это такое и в чем суть. Эпатировать буржуазную публику, наверно, хотят. Кабак действительно оригинальный. Сам увидишь. Разодеты все — парад мертвецов, бунт в сумасшедшем доме.

— Поэтому ты и нарядил меня пугалом?

Из кучи тряпья ротмистр, собственноручно готовивший Романова к внедрению, выбрал хламиду ядовитого желтого цвета, штаны в красно-зеленую полоску и мушкетерскую шляпу с облезлым пером. Оставалось лишь удивляться, откуда в реквизитной Жандармского корпуса взялась подобная дрянь.

— Боюсь, недостаточно. — Козловский смотрел на дело своих рук с сомнением. — Знаешь, что такое дресс-код и фас-контроль?

— Это когда в дорогом ресторане или клубе встречают по одежке. Кто неприлично выглядит — от ворот поворот.

— Вот-вот. Только у «Детей Луны» всё шиворот-навыворот... Нет, чего-то не хватает... Саранцев! — крикнул ротмистр в сторону кухни, где сидели филеры. — Сколько у нас времени? Где объект? Донесения были?

Из коридора выглянул старший филерской группы Саранцев, самый опытный из сотрудников Козловского.

— Только что Зайкин звонил, ваше благородие. С Николаевской набережной. Там близко 4-е почтовое телеграфное отделение, так он догадался с платного телефона позвонить. Говорит, девица сидит, на воду смотрит. Сорок минут уже.

— Никто к ней не подходил?

— Пока нет.

Романов с отвращением потрогал торчащие дыбом волосы.

— Может, зря ты меня уродуешь? Скорее всего у Шаховой встреча с резидентом там, на набережной, и назначена.

— Хорошо бы, конечно. Там его ребята и взяли бы. Только вряд ли. — Козловский вздохнул. — Это у девчонки привычка такая. Вчера тоже, прежде чем в клуб прийти, битый час сидела, на реку смотрела. Да и не дураки немцы устраивать рандеву на открытом месте. Встреча будет в кабаре, это точно... Что бы на тебя еще такое нацепить?

Он прохромал к реквизиту, стал раскладывать одежду на полу, больше было негде.

Квартиру для проведения операции сняли сегодня и никак не

оборудовали, только телефон протянули. Ни мебели, ни черта — хоть в кегли на полу играй. Зато из окна видно клуб «Дети Луны», унылое здание складского типа. На красном кирпиче фасада большими буквами по-русски и по-немецки начертано:

«Т-во БЕКЕРЪ
С.-Петербург — Берлинь
Рояли, пианино, пианолы»

Алеша уже знал, что раньше, до немецких погромов, там действительно находился склад музыкальных инструментов. В столице многие заведения, раньше принадлежавшие германским и австрийским фирмам, теперь сдаются за бесценок.

— Арендный договор заключен полгода назад, на имя владельца кабаре. Про него я тебе еще не рассказывал...

Времени на подготовку к операции было мало, поэтому экипировку приходилось совмещать с инструктажем и введением в курс дела.

— Это субъект из породы людей, кому сейчас раздолье. Сам знаешь, сколько на Руси-матушке развелось любителей половить стерлядку в мутной воде. Откуда их столько повылазило! Владелец этого вертепа в мирной жизни был антрепренером и импресарио всяких-разных затей легкого жанра. Оперетки, буффонадки, антрепризки и прочее подобное. Подвизался все больше в глубинке, где публика попроще. Теперь же заделался иностранцем. Уругвайско-подданный. Или парагвайско? Я читал сводку, да запомнил. В общем, что-то знойное, южноамериканское.

— Правда? — заинтересовался Романов, никогда не выдавший живых уругвайцев и тем более парагвайцев. — У них там какой язык — испанский?

— Наверно. Но этот господин вряд ли знает по-испански хоть слово. Он такой же парагваец, как мы с тобой. За месяц, прошедший между выстрелом в Сараеве и объявлением всеобщей мобилизации, кое-кто из жителей Российской империи сообразил поменять подданство. Консулы некоторых нейтральных стран сделали на этом неплохую коммерцию.

— Этот тип стал южноамериканцем, чтобы не идти в армию?

— Разумеется. Одни в окопах гибнут, другие жиреют. Как солдаты говорят: кому война, а кому мать родна.

— А как его зовут?

— Смотря где. Черт! — Козловский решил украсить наряд «эпатиста», стал пришивать к рукаву золотую бумажную звезду, но с иглой

управлялся неважно и уколол себе палец. — ...В «Детях Луны» его зовут Каином. Там почти у всех какие-нибудь дурацкие прозвища, одно infernalней другого. Одевается господин Каин соответственно: черный фрак с красной подкладкой, черная полумаска. Но «Дети Луны» не единственное его предприятие. У него есть кабаре «Ше-суа» — совсем в другом роде: безо всякой декадентщины, развеселое, для неизысканной, но денежной публики. Там он обычно носит розовый смокинг с искрой и зовется «дон Хулио». А еще прохиндею принадлежит ресторан — то есть, пардон, трапезная «Русь святая». Это заведение для патриотической публики, близ Таврического дворца. Туда ходят депутаты из крайне правых, много офицеров, военных чиновников. В «Руси святой» владельца называют «Ульян Фомич» (между прочим, это его настоящее имя-отчество), и носит он френч военного покроя.

— Зачем ему все это?

— Ну как же? Декадентствующие детишки при деньгах, среди них много золотой молодежи, которая бесится со скуки. Кабаре «Ше-суа» — предприятие тем более выгодное. А патриотическая трапезная обеспечивает нашему дону Хулио хорошую защиту. Полиция пыталась привлечь его к ответу за шалости по части сухого закона. Как бы не так, за парагвайского Ульяна Фомича заступились влиятельные покровители.

Князь щелкнул пальцами:

— Идея! Я знаю, чего тебе не хватает, чтобы стать настоящим эпатистом!

Он проковылял к реквизиту, взял небольшой ящичек, в котором лежали тюбики и кисточки.

— Ты что, Лавр? Решил живописью заняться?

— Почему «решил»? — Ротмистр ловко давил на палитру краски. — Три года отзанимался. Я, Лешенька, ходячее кладбище разнообразных художественных талантов. Матушка мечтала вырастить меня тонкой артистической натурой. Как я играю на рояле, ты слышал.

— Довольно паршиво.

— Это ты еще не видел меня танцующим. Учителя рыдали и отказывались от двойной оплаты. На полковых балах дамы бледнели, когда я их приглашал на вальс или мазурку. Но спасибо хромой ноге, с танцами покончено. — Козловский рассматривал прапорщика с видом Микеланджело Буонаротти, готовящегося отсечь от глыбы мрамора всё лишнее. — В живописи я преуспел больше, чем в музыкальных искусствах. Особенно мне удавались сеансы с натурщицами. Я тебе как-нибудь нарисую ню — пальчики оближешь. В училище и в полку это умение

снискало мне большую популярность среди товарищей.

Влажная кисточка запорхала по Алешиному лбу.

— Щекотно!

— Не дергайся! ...Вот теперь то, что надо, — удовлетворенно объявил князь. — Хоть на салоне выставляй. Эй, Саранцев!

Притопал старший филер.

— Как тебе?

Саранцев почмокал губами.

— Подходяще. Талант у вас, ваше благородие.

— Где тут зеркало? — нервно спросил Романов, поднимаясь.

Но зеркала в пустой квартире не было. А тут и телефон зазвонил.

— Ваше благородие, снова Зайкин. Девица идет по Девятнадцатой линии в сторону Большого проспекта! Наши ее ведут!

— Спускаемся в подъезд!

Последние инструкции ротмистр давал уже на лестнице.

— ...Ну а если что, просто пали в потолок. Услышим выстрел — через минуту будем. И помни: главное для тебя не Шахова, а ридикюль. Глаз с него не спускай!

Подъезд небогатого дома, где квартируют мелкие чиновники, приказчики, портовые служащие. Чисто, но обшарпано, и ничего лишнего: ни лепнины, ни медных блях на перилах, на потолке не люстра — обычная лампочка, да и ту филеры вывернули, чтоб нельзя было заглянуть с улицы. В подъезде сумрак, торопливый разговор вполголоса.

— ...Врач из больницы Штейна, где лечат нервнобольных, алкоголиков и наркоманов, про Алину Шахову рассказал следующее... Сейчас, я в книжке записывал... Не видно ни черта! Подвинься, Лёша, свет загораживаешь. «Извращенно-акцентуированная личность. Типичный продукт нынешней моды на имморализм. Неизлечима и не желает излечиваться». В общем, девица не подарок. Психиатр сказал, что рано или поздно она себя обязательно угробит. Снова вскроет вены или снотворного наглотается. Если до того не окочурится от слишком большой дозы морфия.

Козловский говорил и посматривал в стекло. Шахова должна была появиться слева и пройти аккуратно мимо двери подъезда. Чтобы не вызывать лишнего любопытства соседей, князь оделся бедненько-скромненько, в паршивую тройку с бумажной манишкой, засаленный котелок, стоптанные штиблеты.

— Идет!

Он отпрянул в тень.

Мимо — Алеша едва успел рассмотреть — процокала каблучками барышня, похожая на экзотическую птицу. Что-то очень тонкое и ломкое, в черных перьях и крылообразной пелерине. Глаза резануло нечто ярко-оранжевое — кажется, боа.

— Видал? Ридикюль она держит под мышкой, — прошипел ротмистр. — Фотопластина спрятана за подкладкой. Горничная обнаружила. Ты понял, что ридикюль — главное? Das Fisch[44] клюнет на него.

— Понял, понял. Ну, я пошел.

Выскользнув из двери, Алексей декадентской, то есть вялой и разболтанной походкой двинулся по направлению к бывшему складу роялей.

Прохожие от него шарахались.

— Мама, гляди, клоун! — радостно пропищал мальчуган. Мамаша дернула его за руку.

Бабка в платке перекрестилась:

— Оссподи, страсть какая!

Романов оглянулся на подъезд, где в окошке торчала усатая физиономия князя. Тот показал большой палец: не робей, всё отлично.

Ну, поглядим.

Под скорбными готическими буквами покойной фирмы «Бекер» висела другая вывеска, украшенная разноцветными лампочками.

«ДЪТИ ЛУНЫ» КЛУБЪ-КАБАРЕ

Под названием — изображение воющих на луну волков, каких-то могилок с крестами. Ниже вкривь и вкось выведено: «Оставь надежду всякъ сюда входящт!» И, будто этого мало для отпугивания посетителей, перед входом еще торчал огромный рогатый-хвостатый черт в черном трико со страшными, налитыми кровью глазами. Он, видно, и решал, кого пускать в клуб, а кого нет.

Девушка Шахова не устрашилась адского создания, прошелестела мимо него своими размашистыми юбками, не задержавшись, а черт приветственно помахал ей ручищей.

Следом к дверям приблизились еще двое. Молодой человек в сутане до пят и остроконечной шляпе, над которой реял воздушный шарик, вел за руку девушку в платье из рыболовной сети, увешанной не то настоящими, не то марлевыми водорослями. На распущенных волосах русалки белел веночек

из кувшинок. Ни в одно мало-мальски приличное заведение такую парочку не пустили бы, а черт сказал им (Романов был уже недалеко и услышал):

— Здравствуй, брат. Здравствуй, сестра.

Заходите. Но когда двое совершенно презентабельных господ в хороших визитках и котелках, заинтригованные вывеской, попробовали войти, поперек дверного проема косо лег трезубец.

— Шли бы вы отсюда, — мрачно сказал черт. — Нечего вам тут делать.

— Это почему еще? — захорохорился один из мужчин, но посмотрел снизу вверх на нехорошие глаза привратника и попятился.

— Плюнь, Мишель! — тянул его второй. — Это какой-то шалман. Охота тебе сидеть с хамьем? Тут за углом есть кафешка — прелесть.

Ушли.

Алексей приблизился к суровому стражу не без трепета. Вдруг не пропустит? Что же тогда, вся операция к черту?

Но двухметровый громила, окинув Романова взглядом, дружелюбно прогудел:

— Добро пожаловать, брат.

В зеркальном стекле двери прапорщик наконец увидел свое отражение и вздрогнул.

Под мушкетерской шляпой, прямо посередине лба, очень натурально был нарисован широко раскрытый глаз.

Операция начинается

Прямоугольное помещение с некрашеными стенами. Они задрапированы тканью, но голый кирпич высывается из-под нее то здесь, то там. Бывший склад превращен в кабаре с минимальной затратой времени и средств: в одном конце соорудили небольшую сцену; поставили столики; всюду, где только возможно, повесили портьер и кривых зеркал.

Занавеси колышутся и шуршат, зеркала бликуют огоньками и искажают представление о пространстве. Шорох, сумрак, фальшь, тихий смех и громкий шепот.

Прапорщик Романов постоял у входа, укрывшись в тени бархатной шторы цвета венозной крови. Оглядел район предстоящих боевых действий.

Народу в зале было довольно много. Выглядели все — кошмар и ужас. В нарядах преобладала могильная и потусторонняя тематика. Неподалеку в

зловещем одиночестве сидел субъект, наряженный палачом: красный обтягивающий костюм, остроконечный колпак с дырками для глаз, кожаные перчатки с раструбами. Еще эффектнее выглядела компания, изображающая собою не то скелетов, не то рентгеновские снимки. У каждого на черной рубаше нарисованы кости грудной клетки, вместо лиц — маска Адамовой головы. Впрочем, у некоторых посетителей рожи были такие, что и без маски смотреть жутко. Бледные, с ввалившимися щеками, кривыми ртами, погасшими взглядами. Должно быть, тоже пациенты клиники Штейна, предположил Алексей, высматривая девицу Шахову.

Вон она где, красавица. Сидит одна за столом, расположенным в самом центре. На скатерти табличка «Заказань».

Наверху — очень кстати — люстра в виде огромного паука. Наконец можно изучить шпионку как следует, а то фотографии, предоставленные подполковником, были все старые, гимназической поры: свеженькая мордашка с наивно раскрытыми глазами, никакого намека на будущую скверную судьбу.

С тех пор мадемуазель сильно подурнела. Пухлость сменилась болезненной худобой, свежесть — синеватой бледностью. Тонкий, с горбинкой, нос кажется высеченным из прозрачного льда. Губы фиолетовые (ну и помада!). В костлявых пальцах дымится длинная пахитоска. Подглазья темны. Взгляд влажный, черный, мерцающий — будто из другого мира. Шляпу барышня швырнула на стол. На длинных черных волосах переливается муаровая лента. М-да, характерная особа.

Долго торчать у входа, однако, было нельзя. Алеша увидел, что один из столиков, находящийся в удобной близости от Шаховой, свободен, и направился туда.

На сцене колыхалась долговязая певица с выбеленным лицом, по-гамлетовски держала перед собой лакированный черный череп и ныла под аккомпанемент фортепиано пьяную прозу Игоря Северянина.

Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в коррэктном кавалэре,
И в хрупоте танцующих рэзин
Восстановила голос Кавальери...

Что должен был символизировать сверкающий череп, Алексей не понял. Вероятно, блеск и преходящесть моторных лимузинов и коррэктных кавалэров. Огни рампы радужно множились в большом кривом зеркале,

тощая певица преломлялась в нем гигантской восьмеркой.

Всё в этом выморочном месте было не таким, как на самом деле. Не было — мерещилось.

Подошел официант, наряженный вампиром, улыбнулся размалеванным красным ртом — вроде как в брызгах крови. Протянул карту с напитками.

— Не желаешь ли чего-нибудь, брат?

— А что у вас подают?

Романов поглядел вокруг. Здесь никто ничего не ел, только пили.

— Могу предложить «Цианид», «Мышьяк», «Цикуту». Рекомендую новинку — «Крысиный яд». Клиенты хвалят.

— Давай «Цикуту», — выбрал Алексей самое дешевое (рубль семьдесят пять, дороже бокала хорошего шампанского).

Он осторожно поглядывал на шпионку, прикидывая, как бы подобраться еще ближе. Шахова сидела беспокойно. Нервно затягивалась, шарила по сторонам ищущим взглядом. Она явно кого-то или чего-то ждала. Ридикюль висел на спинке стула.

Нравы у «детей Луны» были самые непринужденные. Это прапорщик понял очень скоро.

К столику слева, где скучал манерный молодой человек в шелковом цилиндре, под села совсем молоденькая девушка (на щеках нарисованы черные слезы) — очевидно, хорошая знакомая.

— Как поживаешь, кровосмеситель?

Романова подобное приветствие ошарашило, но франт весело ответил:

— Привет, беспутная.

Поцеловались, сели плечо к плечу, о чем-то вполголоса заворковали.

У столика справа разыгралась сценка еще удивительней. Там, наоборот, сидела одинокая девица, краше в гроб кладут, и меланхолично потягивала какую-то отраву. Подошел такой же потусторонний юноша, без приглашения сел. Алеша подумал: наверное, приятель. И ошибся.

— Мне нравится твое лицо, — сказал юноша замогильным голосом. — В нем так мало жизни. Как тебя зовут, сестра?

— Экстаза.

— А я Мальдорор.

По бледному лицу живой покойницы скользнула улыбка:

— Чудесное имя.

Тогда кавалер взял прелестницу за руку и смело впился поцелуем в восковое запястье. Протестов не последовало.

В общем и целом здешний кодекс поведения был ясен. Простота этикета, пожалуй, облегчала задачу.

Вампир принес чашу, где в янтарной жидкости плавала черная ромашка. Прапорщик недоверчиво пригубил, из чистого любопытства — и удивился. Вкусно!

— Еще одну «Цикуту» вон на тот стол, — велел Романов, поднимаясь.

Без лишних церемоний он подсел к Алине Шаховой и напористо объявил:

— Здравствуй, сестра. У тебя восхитительно злое лицо. Хочу узнать тебя лучше. Я Армагеддон, — назвался он, вспомнив имя персонажа из какой-то декадентской книжки.

Девушка повернула к нему свою действительно злую, но, на Алешин вкус, ничуть не восхитительную физиономию. Выдула струйку дыма, смирив «Армагеддона» неприязненно-презрительным взглядом — будто ледяной водой брызнула.

— Привет, Арик, — сказала лениво. — Ты из Костромы?

Он сбился с развязного тона:

— Почему из Костромы?

— Ну, из Кременчуга. Из Царевококшайска. Откуда-нибудь оттуда... — Она неопределенно помахала пальцами — длинные хищные ногти блеснули сине-перламутровым лаком. — ...Из провинции. Желтая блуза, дурацкая звезда на рукаве, глаз во лбу. Фи! — Наморщила нос. — Ну ничего, не переживай. Обтешешься.

И отвернулась. Ухажер не пришелся ей по вкусу. Или же (подсказало прапорщику самолюбие) ей сейчас вообще было не до ухажеров — мадемуазель ждала заказчика, чтобы передать фотопластину.

Но отступать было поздно, да и досадно. Все равно он уже, выражаясь фотографически, засветился. Через два столика Мальдорор гладил свою Экстазу по щеке, и та терлась о его руку, как кошечка. Очевидно, здесь нужно действовать понаглее.

Романов взял Алину за почти бесплотную, птичью лапку. Наклонился.

— Как тебя зовут, беспутная? Так и сорвал бы с тебя одежды...

Она выдернула руку.

— Идиот! Сиди молча или катись. Видишь на столе кнопку? Нажму — прибежит Мефистофель.

— Кто?

— Вышибала. Возьмет за шиворот и выкинет на улицу, как нашкодившего щенка. Рядом со мной сидеть нельзя. Передвинься!

Всё это Шахова проговорила, глядя в сторону — на сцену, с которой наконец ушла тоскливая певица.

Мефистофель — это, наверно, двухметровый черт, что стоит у входа,

сообразил Алексей и против воли разозлился. Ну и стерва эта Алина!

— Никто не смеет так разговаривать с Армагеддоном... — угрожающе начал он, но худой палец Шаховой потянулся к кнопке, и Романов поспешно пересел на соседний стул.

Сцена с участием вышибалы ему была совершенно ни к чему.

— Ладно. Пускай между нами зияет пустота, — примирительно сказал прапорщик, довольный, что придумал такую отличную декадентскую фразу.

Но Алина вдруг приподнялась и громко захлопала в ладоши.

Хлопали всюду. Пронзительные женские голоса экзальтированно выкрикивали:

— Селен! Селен! Просим!

Электрический свет померк. Заиграла тягучая, сонная музыка. Через весь зал, рассекая сумрак, прочертился луч, от стены до стены. К концу он расширился и заполнил светом белый прямоугольник — кто-то закрыл кривое зеркало позади сцены киноэкраном.

Выплеснувшийся из земли фонтан земли, черные комья во все стороны. Человечки с разинутыми ртами, с винтовками наперевес. Тонуший в море миноносец. Длинный ряд деревянных гробов, священник с кадилом. Травянистое поле, сплошь покрытое трупами. Пулеметное гнездо: ствол «максима» сотрясается, пулеметчик бешено разевает рот — что-то кричит. Но не слышно ни криков, ни пальбы, ни разрывов. Лишь журчит меланхоличное фортепьяно да сладко поддвывает скрипка.

Кинохроника войны заставила Алексея на несколько мгновений забыть о задании, о клубе-кабаре, о колоритных соседях. Он побывал там, где убивают и умирают, видел всё это собственными глазами. Он лежал на таком поле, из его простреленного тела горячими толчками била кровь.

Передернувшись, Романов поглядел по сторонам. Публика заинтересованно смотрела на сцену, словно ей показывали какой-то забавный, оригинальный аттракцион.

«Эх, господа белобилетники, папенькины сыночки, уругвайские, мать вашу, подданные, — мысленно обратился прапорщик к детям полунощного светила, — взять бы вас всех, да в маршевую роту, да на фронт! А барышень — в госпиталь, за ранеными ухаживать». Но представил себе такого Мальдорора в обмотках, со скаткой через плечо, Экстазу в переднике с красным крестом и сам фыркнул. Как-нибудь обойдется медведица-Россия, лесная царица, без таких защитничков. У всякого крупного зверя в шкуре водятся блохи и прочие мелкие паразиты. Лишь бы не энцефалитные клещи.

Он перевел взгляд на Шахову. Та по-прежнему аплодировала, слабо и беззвучно сдвигая узкие ладони. Ее губы были растянуты в вяловыжидательной улыбке.

Оказывается, хроника была всего лишь заставкой к номеру. Из-под рампы начал сочиться голубоватый холодный свет. Экран побледнел, картинки войны не исчезли, но превратились в призрачный фон, в задник.

На сцену под аплодисменты и крики («Селен! Селен!») плавной походкой вышел человек с неестественно длинным брезгливым лицом. Одет он был настоящим денди — черный смокинг с атласными отворотами, белая накрахмаленная рубашка. Только вместо галстука на шее толстая и грубая веревка висельника.

Человек изящно отбросил со лба длинные волосы, властно взмахнул рукой в белой перчатке, и шум в зале смолк.

Фортепьяно заиграло живее, вкрадчивей. К скрипке присоединился фагот. Но музыкантов было не видно. По бокам с обеих сторон стояли белые, разрисованные хризантемами ширмы, прикрывая вход за кулисы.

Будет петь, подумал Романов. Но висельник не запел, а протяжно, подвывая и растягивая звуки, продекламировал:

Косит поле сорное
Девочка проворная,
Девочка веселая
С длинною косой.

Из-за ширмы, подбоченясь, выплыла павушкой дева в русском сарафане. Лицо у нее было закрыто белой маской: скалящийся скелет. Девочка Смерть покружилась в танце, потянула себя за длинную-предлинную золотистую косу — и выдернула. Коса была прямая — очевидно, с металлическим стержнем. Танцовщица согнула ее на манер буквы Г и стала размашисто косить воображаемую траву.

Ага, это мелодекламация с пантомимой, понял Алексей. Модный жанр.

Все равно ей, ветреной,
Лопухи ли, клевер ли,
Злаки или плевелы,
рожь или фасоль.

С другой стороны сцены появился некто в облегающем костюме из серебристой чешуи. Распластался по полу, заизвивался: то скрутится кольцом, то за-змеится ручейком, то выгнется дугой, то подкатится Смерти под ноги, то метнется прочь. Казалось, что в теле искусного мима нет костей, а если и есть, то резиновые.

Змейка серебристая,
Чистая, искристая,
Увернется, выскользнет из стальных сетей.
Лишь трава ленивая,
Пошлая, тоскливая
Ляжет — не поднимется.
Ну и черт бы с ней.

Голос чтеца был рассеян и монотонен, сонные движения дисгармонировали с грациозным танцем Смерти и виртуозными извивами человека-змеи, но зрители смотрели только на поэта. Очевидно, он был главной здешней знаменитостью. Алексей Романов в последние месяцы был слишком занят учебой и совсем перестал следить за литературно-художественными событиями столичной жизни, однако теперь припомнил, что имя «Селен» ему где-то уже попадалось — не то в газетах, не то на уличных афишах.

Выкосить бы начисто
Поле. И не спрячется
Мелочь бесполезная — тля да саранча.
Только даль высокая,
Только в небе соколы,
И скликает мертвых песня трубача.

Селен всплеснул рукой — за кулисами потусторонним, мертвым зовом засолировала труба. Человек-змея изогнулся на животе, взял себя руками за носки и укатился прочь. Девочка Смерть тоже выкинула трюк: с ловкостью акробатки прошла по сцене колесом. Из-под сарафана мелькнули стройные, крепкие ноги.

Номер окончился. Дети Луны хлопали стоя, барышни даже взвизгивали.

— Божественно! Браво, Селен! — тонко крикнула Шахова, рупором приложив руки ко рту.

А на вкус Романова, номер был оригинальный, но не более того. Честно говоря, больше всего Алексею понравились ноги танцовщицы — по крайней мере, нечто живое, земное, посюстороннее. Впрочем, как уже было сказано, прапорщик отстал от новейших веяний в искусстве и вообще огрубел чувствами за год военной жизни.

Небрежно покивав публике, поэт спустился в зал и направился к центральному столу. Подставил Алине щеку для поцелуя, устало опустился на стул. Помахал поклоннице, славшей ему издалика воздушные безешки, кивнул другой, отвернулся от третьей.

Алексей рассматривал любимца дев прищуренными глазами. Раз господин Селен близок с Шаховой, значит, он заслуживает сугубого внимания. Выходит, стол резервирован не для Алины, а для поэта?

— Я в изнеможении, — пожаловался певец смерти, подставляя лоб, чтобы Шахова вытерла пот. — Как я выступал?

— Божественно, — повторила она, но уже без восторга, а словно машинально. — Как всегда.

Странно, но ее взгляд по-прежнему кого-то высматривал, всё шарил по залу. Быть может, она ждала так нетерпеливо вовсе не Селена?

— Ненавижу слово «всегда». От него веет безысходностью. — Поэт оттолкнул ее руку и воззрился на Романова, словно на муху или таракана. — Господи, это еще кто? Ты ведь знаешь, я не выношу чужих!

Барышня поставила перед ним «Цикуту», незадолго перед тем принесенную официантом.

— На, выпей. — Ее рука рассеянно легла длиннолицему на плечо. — Подсел какой-то, из Костромы. Пускай. Он дурачок, но забавный.

Сочтя, что взаимное представление состоялось, Алексей недоверчиво спросил:

— Скажи, брат, ты правда считаешь человечество сорным полем, которое нужно выкосить?

Селен пригубил, поморщился — вынул и бросил на скатерть черную ромашку.

— А что с ним еще делать? Слишком много пошлых, не-чувствующих, не-живущих. Раз все равно не живут, пускай подохнут. Пусть их испепелит молния мировой катастрофы. После грозы легче дышать.

— Да ты не эпатист. Ты Максим Горький. «Пусть сильнее грянет буря», — сказал Романов, кажется, выйдя из роли декадентствующего юнца.

Шахова усмехнулась:

— Браво, Кострома. Что, Селен, съел?

К столу шли еще двое — те самые, что выступали с декламатором. Человек-змея накинул поверх своего блестящего костюма куртку. Танцовщица осталась в сарафане, но сняла маску. Лицо у Девочки Смерти оказалось славное — курносое, улыбчивое.

— Садитесь, садитесь, — поманила артистов Алина, видя, что они вопросительно смотрят на незнакомца. — Это Арик, дурачок из Костромы. То есть был дурачком, но умнеет на глазах.

— Люба, — назвалась милая девушка, первой протянув руку. Она смотрела в глаза, приветливо. Пальцы сжала крепко, не по-девичьи. — А это Аспид. Он у нас молчун.

Прежде чем подать руку, мим провел ею по плоскому, застывшему лицу — и словно сдернул с него кожу. Физиономия расплылась широченной глумливой улыбкой.

— Армагеддон.

Романов хотел пожать шутнику руку, но дернулся и отскочил, опрокинув стул. У Аспида из рукава куртки высунулась маленькая змеиная головка, а за ней и гибкое туловище в красно-черную полоску.

Все засмеялись.

— Не пугайтесь, — сказала Люба, поднимая упавший стул. Пододвинула Алексею, сама села рядом. — Она не укусит. Это у них традиция такая. Не знаю, откуда повелась. Держать в заведении живую змею — на счастье.

— У кого — у них? Романов опасно косился на Аспида, который сел слева.

— У декадентов. Я одно время, до войны еще, служила в балаганчике одном, назывался «В Последний Путь». — Люба оперлась подбородком о руку, на собеседника смотрела доброжелательно. — У них там тоже змея была, только злющая.

Танцовщица повернулась к официанту.

— Дракулик, мне, пожалуйста, «Стрихнину» с клубничным сиропом, а Жалейке как обычно.

Сняла с головы кокошник, положила на стол. Голова у Любы была стрижена под мальчика, ёжиком. На румяных щеках две ямочки.

— Что это вас «Люба» зовут? — тихо спросил он. — А не какая-нибудь «Люцифера»?

Она прыснула:

— Ужасы какие! Хорошее имя — Любовь. Вам не нравится?

Арику из Костромы такое имя вряд ли бы понравилось, поэтому прапорщик промолчал. На простодушную Любу смотреть было приятно. Не кобенится, не интересничает, разговаривает с малознакомым человеком на «вы» — в общем, ведет себя как нормальный человек. Оказывается, это очень симпатично. В голову пришла вот такая мысль: «Мы двое здесь инородцы, только я прикидываюсь, а она нет».

Однако смотреть тут надо было не на Любу, и Алексей не без сожаления перевел взгляд на кривляку Алину. Та прижалась к Селену, положила голову ему на плечо и перебирала длинные надушенные волосы поэта, но при этом не переставала скользить беспокойным взором по залу.

Аспид молча курил, его бесцветное лицо вновь утратило всякое выражение и одеревенело. Лишь маленькие светлые глаза быстро перемещались с человека на человека, с предмета на предмет. Рядом с локтем мима стояло блюдечко молока, к которому приникла змея, так до конца и не вылезшая из рукава.

Ридикиоль висел на прежнем месте — уж его-то Романов из виду старался не выпускать.

К Селену подошла барышня-утопленница, поцеловала руку, лежавшую на плече Алины. Поэт обернулся, притянул жертву вод к себе и стал жадно целовать в рот. Шахова отнеслась к измене с полным равнодушием.

Как-то всё это было странно.

Алексей шепнул, пригнувшись к Любе, которая единственная тут выглядела человеком, способным ответить попросту, без выкрутасов:

— Что-то я не пойму. Он вообще с кем, Селен? С Алиной или с этой?

— Со многими. Такой интересный мужчина! Всякая была бы рада, — ответила та с простодушным восхищением.

— А вы? — спросил Романов, решив не деликатничать. Уж эпатист так эпатист.

— Я для него, как трава на обочине. И вообще, я не такая, как они. Я за деньги здесь служу.

Он посмотрел на нее с удивлением, и Люба объяснила:

— У меня в здешнем кабаре ангажемент. Я ведь из цирковой семьи. Сызмальства на арене. В каких только номерах не выступала! И пилой меня пилили, и ножи кидали, и сама метать научилась. У нас с папашей отличный номер был: «Вильгельм Телль и сын». Он у меня с головы из пистолета яблоко сшибал. А потом, когда он сильно пить начал, мы переделали в «Дочь Вильгельма Телля». Я сама историю придумала. Будто бы у героя швейцарского родная дочка с головы пулей сбивает яблоко. Я вся такая тоненькая, маленького росточка, меня еще нарочно в корсет

затягивали. Публике ужасно нравилось... Выросла — в горящую воду с вышки прыгала. Тоже успех имела, но, думаю, больше из-за костюма. Там коротенькое такое трико, руки-ноги голые. Ушла оттуда. Выступала в музыкальной эксцентрике на пианино. Приличная публика, всё культурно, но платили очень мало. И вот уже два года по декадансу работаю. Дело легкое, неопасное, люди интересные, и жалованье ничего себе.

Слушая рассказ бывшей циркачки, Романов бдительно следил за Алиной. Лишь благодаря этому и не пропустил ключевой момент.

Мадемуазель Шахова вдруг высвободилась из-под руки своего султана и поднялась. Это произошло внезапно, очень быстро — а все же Романов успел заметить: из-за правой кулисы высунулась алая перчатка и сделала манящий жест указательным пальцем.

— Я сейчас...

Покачивая узкими бедрами, Алина прошествовала через зал, взбежала на помост, но не скрылась за ширмой, а осталась стоять в «кармане» сцены, наполовину закрытая собранным занавесом.

Там, очевидно, и находился человек, который ее подозвал. Его, однако, Алексею было не видно.

Сцена пуста. Киноэкран поднят, вновь обнажилось кривое зеркало задника. В нем движутся сполохи, разноцветные пятна — размытое отражение размытого мира. Под потолком медленно вращается оклеенный блестками шар, на него направлен луч света. По залу бегают серебристые лунные зайчики. Один озарил руку Алины, высунувшуюся из-за бархатных складок занавеса. Белые пальцы трепещут, как крылышки испуганной бабочки.

Вот оно! Началось... Или нет?

Судя по движениям руки, Шахова с кем-то разговаривает. Но ее ридикюль остался висеть на спинке стула, Алина к нему не прикасалась. А что если...

Алексей толкнул коробок спичек, лежавший на краю стола. Подтолкнул носком ботинка.

— Я подниму, мне ближе, — сказала Люба. Он удержал ее за плечо — упругое, теплое.

— Ну что вы, я сам.

Коробок был отфутболен точно под опустевший стул Алины. Присев на корточки, Романов незаметно ощупал сумочку. Фотопластина была на месте.

Что же делать? Последовать за Шаховой и выяснить, с кем это она так эмоционально объясняется, или остаться возле наживки? Инструкция

ротмистра предписывала второе. Логика тоже. Если бы Алину подозревал немецкий агент, она захватила бы ридикюль с собой. Скорее всего, разговор за портьерой не имеет отношения к шпионажу. И всё же лучше выяснить, кого так нетерпеливо ждала похитительница военных секретов.

Черт подери, как быть? Тет-а-тет девицы с незнакомцем (или незнакомкой?) мог в любую секунду закончиться.

Вдруг взгляд прапорщика упал на фортепьяно, посверкивавшее черным глянцевым боком в глубине сцены.

Вот отличная точка, с которой наверняка будет видно и стол, и кулисы!

— Скучно у вас, дети Луны, — громко сказал Алексей, поднимаясь. — Как ночью в пустыне. Нужно устроить звездопад.

Он уверенно пересек зал, прыжком вскочил на сцену. Откинул крышку рояля, пробежал пальцами по клавиатуре — ничего, сойдет. Надо сыграть что-нибудь поживее, взбаламутить это безжизненное болото. Даже не сыграть, а забалтывать, урезать.

И прапорщик забалтывал-урезал «Ананасный рэг» Скотта Джоплина, американский рэгтайм, способный расшевелить даже утопленниц с вампирами.

Руки порхали и трепетали, рассыпая звонкую дробь аккордов, но глаза пианиста за клавишами не следили. Голова Романова быстро двигалась: вправо, влево, вправо, влево — словно бы в такт залихватской музыке, на самом же деле взгляд перемещался с сумочки на спину Шаховой; снова на сумочку, снова на шпионку.

Ридикюль висел как висел. С ним всё было в порядке. Но разглядеть человека, с которым разговаривала Шахова, не удавалось и отсюда, со сцены, — его поглощала густая тень. Что-то там в темноте белело. Один раз высунулась рука в алой перчатке, взяла Алину за подбородок и потрянула — несильно, но грубо. С «Ариком из Костромы» девица вела себя куда как бойко, а тут и не подумала возмутиться. Качнулась, будто кукла на ниточках, умоляюще дотронулась до алой перчатки.

Это был мужчина, никаких сомнений. Романов отчетливо разглядел белый манжет, на котором сверкнула большая золотая запонка.

Проклятье! Как быть?

Кинуться туда, якобы на защиту дамы? А вдруг это всего лишь любовник? Мало ли что Шахова ластилась к Селену. Непринужденность декадентских нравов известна. А ридикюль останется без надзора.

Алексей снова взглянул в зал — и шепотом выругался.

«Ананасный рэг» расшевелил эпатистов сильнее, чем он предполагал. Задорная негритянская музыка подействовала на засидевшуюся публику,

словно волшебная дудочка из сказки: все пустились в пляс, никто не смог усидеть на месте! Сколько бы «дети Луны» ни изображали пресыщенность, как бы ни поклонялись мертвенности и тоске, но ведь все молодые, всем хочется темпа, движения.

Призраки и вурдалаки, томные Пьеро и развратные Коломбины, утопленники и скелеты, русалки и ведьмы — танцевали все. Вертлявый Аспид конвульсивно дергался, словно гальванизированная лягушка. Мальдорор поставил свою Экстазу на стул, и она по-цыгански трясла плечами. Мелькнула красная маска палача, из коридора появился верзила Мефистофель и тоже начал приплясывать.

Всё это было бы мило, если б не одно обстоятельство: разбушевавшийся паноптикум заслонил и центральный столик, и стул, на котором остался ридикюль!

Алеше стало не до Шаховой и ее запутанных отношений с мужчинами.

Он привстал, по-прежнему барабанил по клавишам, выгнув шею.

Нет, не видно!

А перестал играть — из зала закричали:

— Еще, еще! Играй, Трехглазый! Лупи!

Отказать было невозможно — это вызвало бы взрыв негодования. Поди, силком усадили бы обратно. Вот идиот, сам себя загнал в ловушку!

Алексей заиграл с удвоенной скоростью, отчаянно пытаясь разглядеть сумочку между хаотично мечущимися фигурами. Кажется, она всё еще висела на спинке.

Вдруг его лихорадочный взгляд упал на круглое лицо Любы, которая танцевала с официантом-Дракулой, но смотрела на пианиста. Кажется, девушка что-то почувствовала — в ее глазах читался вопрос: что с вами?

Она высвободилась. Приплясывая, поднялась на сцену.

— Вы больше не хотите? — шепнула она.

Встала рядом, тоже ударила по клавишам, и с полминуты они играли в четыре руки. Потом Романов поднялся со стула, благодарно сжал Любе локоть и спрыгнул вниз. Никто из танцующих не обратил на это внимания, ведь музыка не прервалась.

Слава тебе, Господи! Сумочка никуда не делась.

Он с облегчением опустился на стул, где прежде сидела Алина. Оглядевшись (никто на него не смотрел), потрогал ридикюль.

И вздрогнул.

Пластины за подкладкой не было!

Позабыв об осторожности, Романов стал шарить в сумочке, прощупал каждый дюйм.

Снимок пропал...

Опешив, прапорщик стал озираться по сторонам.

Да что толку? Фотопластину мог взять любой из этой беснующейся нечисти!

Он вскочил на ноги. Со сцены спускалась Шахова. Вид у нее был довольный, даже блаженный. Она с веселым удивлением разглядывала зал, как если бы лишь теперь услышала музыку и заметила, что начались танцы. Махнула кому-то рукой, грациозно закачалась в рваном ритме рэгтайма.

Надо хотя бы не упустить человека в алых перчатках!

Расталкивая эпатистов, Алексей протиснулся к сцене, где Люба уже по второму заходу отбарабанивала электрическую мелодию.

Проскользнул за кулисы.

Увидел складское помещение с высоченным потолком, все заставленное огромными дощатыми ящиками, в которых, вероятно, хранились так и не проданные фирмой «Бекер» музыкальные инструменты. Театрального реквизита тут было немного: пара гипсовых колонн, несколько ширм, пианино с горящими в канделябрах свечами, на стульях — скрипка, труба, фагот.

И ни души.

Таинственный собеседник Шаховой мог удалиться в любом направлении: выйти направо, в коридор, или нырнуть в один из проходов между ящиками, которые образовывали нечто вроде обширного лабиринта...

Катастрофа, сказал себе убитый Романов.

SOS!

Полуосвещенная раздевалка клуба. По летнему времени отделение с вешалками закрыто длинной занавеской. За деревянной перегородкой нет гардеробщика. В углу на столике телефонный аппарат-таксометр. Видны двери туалетных комнат. Запах сигарного дыма.

Два коридора: один ведет к выходу, оттуда тянет сквозняком; по другому коридору можно пройти в зал. Там играет фортепьяно — уже не рэгтайм, а модный танец «ванстеп». Шорох ног, голоса, смех.

Романов бросил в прорезь пятиалтынный, назвал телефонной барышне номер. Соединили почти сразу.

— Лавр, это я. Дело плохо. Я виноват, провалил дело. Погнался за двумя зайцами.

Он говорил короткими фразами, все время оглядываясь, не идет ли кто-нибудь.

— Громче и яснее, — потребовал ротмистр. — Я тебя почти не слышу.

— Не могу громче.

— Что пластина?

— Похищена.

— Кем?

— Не видел... Там сидели трое: поэт Селен, мим Аспид и танцовщица Люба. Не обязательно они, но им сделать это было проще.

— Как они выглядят?

Алексей в нескольких словах описал соседей по столу. Как раз заканчивал про декламатора («неестественно длинное лицо, темные волосы до плеч...»), когда из зала вышел сам Селен.

— Черт знает что! — пожаловался он. — Единственное приличное место в городе, и то превратили в какой-то дансинг! Не вернусь, пока не прекратится этот обезьяний шабаш. Спички есть?

Получив коробок, вышел на улицу.

— ...Не устроить ли облаву, пока публика не разбрелась? — спросил Романов, проводив декадента взглядом. — Всех взять, обыскать...

— Нет, не годится. Перепрятать пластину — дело одной минуты.

Да Алексей и сам знал, что идея не ахти — предложил с отчаяния.

— Что же делать, Лавр?

Князь похмыкал в трубку, помычал:

— М-м-м... Ну вот что. Не убивайся, всякое бывает. Я приму меры. Авось, поправим дело. А ты паси свою фифу и больше ни на что не отвлекайся. Доведи ее до дома, сдай горничной и дуй к нам сюда.

— Ясно...

Деревянная перегородка упиралась в стену, на которой висело зеркало. Разговаривая с ротмистром, Алеша несколько раз механически поглядывал в ту сторону. И вдруг, удивившись, сообразил, что не отражается в мерцающей поверхности. В привидение он превратился, что ли? Поневоле покосился на пол — да нет, тень вроде отбрасывается. Еще раз поднял глаза на зеркало и только теперь рассмотрел, что оно кривое, как и все остальные в этом кривом королевстве. К тому же волнистая поверхность немного скошена и отражает не перегородку и телефонный столик, а неосвещенное пространство за шторой.

Что-то там, в темноте, шевельнулось. Что-то черное с белым.

Оказывается, у вешалок всё это время находился кто-то из посетителей или служителей! И разумеется, слышал каждое слово! В том числе про облаву... Неудивительно, что затих и затаился. Понял: телефонирует секретный агент.

Этого еще не хватало! Мало того, что опозорился, упустив пластину, так теперь еще и разоблачен? Случайный свидетель непременно разболтает всем, что в кабаре затесался ряженный филер!

Скрипнув зубами, прапорщик хотел перепрыгнуть через барьер, чтобы взять черно-белого за шиворот и под страхом ареста, тюрьмы, мордобоя — чего угодно — заставить его проглотить язык, да вдруг сообразил: зеркало-то кривое. Если сам он видит лишь расплывчатое пятно, так и человек, находящийся по ту сторону, может разглядеть только нечто бесформенно-желтое. Занавеска сплошная, ткань плотная — подглядеть невозможно.

Скорее, пока не поздно, прапорщик шмыгнул по коридору в зал и затерялся среди танцующих.

Козловский неспроста выбрал для помощника именно желтую блузу. Многие из эпатистов отдавали предпочтение цвету лунного диска. Не так-то просто будет неизвестному определить, кто именно из «желтых» разговаривал по телефону.

Алексей сел рядом с Алиной, закинул ногу на ногу.

— Какой-то обезьяний шабаш. — Он кивнул на танцующих. — «Ванстеп» — фи! Не думал, что вашим нравится вульгарная музыка.

— Они не мои. Я сама по себе, — ответила Алина, но не колюче, а вполне миролюбиво. — Помолчим, ладно?

Ночь. Улица. Фонарь

Летняя петроградская ночь. Стемнело ненадолго и как будто понарошку. Над городом мокрый туман. В воздухе клубится серая взвесь мелких капель. То, что близко, кажется далеким, далекое — близким. Блестит черная булыжная мостовая, отражая слабый свет фонарей. Очертания домов смутны, улица похожа на театральную декорацию. Каждый шаг гулок.

— Что ты всё оглядываешься? — Алина поежилась, завернула поплотнее свое оранжевое боа из перьев. В мокнущем, зябком тумане она стала еще больше похожа на птицу — нахохленную, больную. — Смешной какой. В провожатые навязался. Сумочку отобрал. Откуда ты только взялся?

— Сама же сказала. Из Костромы.

Они шли вдвоем по пустому проспекту. Романов действительно оглядывался через каждые несколько шагов. На то имелась причина.

Перед выходом из клуба Шахова зашла в дамскую комнату.

Воспользовавшись паузой и тем, что в раздевалке никого не было, Алексей перескочил через перегородку и заглянул за штору — туда, где прятался неизвестный.

Возле вешалок обнаружился уголок для курения: стол, удобные кресла. На углу стеклянной пепельницы лежала едва начатая, невыкуренная сигара. Большой коробок спичек. И две перчатки.

Картину восстановить было нетрудно.

Когда Романов начал телефонировать ротмистру, здесь сидел человек, собиравшийся покурить. Снял перчатки, стал раскуривать сигару. Потом, услышав, какие речи доносятся из-за шторы, сигару притушил и отложил, чтобы не выдавать своего присутствия. Продолжение разговора произвело на черно-белого человека такое впечатление, что он забыл и про курение, и про перчатки.

А перчатки были необычные — ярко-алого цвета...

— Зачем ты туда ходишь? — спросил Романов. — Говоришь, что они не твои. Значит, ты там чужая. А ходишь...

Вернувшись из своего таинственного похода за кулисы, Шахова стала не то чтобы разговорчивей — нет, но как-то мягче. Во всяком случае, спокойней, даже веселее. Вдруг удастся завязать с ней разговор о кабаре и выяснить что-нибудь существенное?

— Я везде чужая. А в клуб хожу, потому что название понравилось. Мы все — дети Луны. Прячемся от солнца, оживаем от лунного света.

— Да Луны-то никакой нет, посмотри на небо! Туман один.

— Есть. Это тебе ее не видно... А я ее вижу всегда. Даже днем.

Дискутировать про Луну в намерения прапорщика не входило. Он попробовал зайти с другой стороны. Выражаясь по-военному, открыть стрельбу с прямой наводки.

— У тебя там много друзей, да? Селен этот, танцоры. И потом, я видел, ты за кулисы к кому-то ходила... Ты что, знакома со всеми артистами?

Алина словно не расслышала вопроса.

— Воздух, как стеклянный, — сказала она. — Весь переливается... Возвращайся в клуб. Я привыкла одна. Ничего со мной не случится. Я невидимка. Меня, может, и вовсе нет.

— Тебе одной ходить опасно, тем более ночью. Ты, как райская птица, все на тебя пялятся.

Она рассмеялась.

— Так-таки райская?

— Нет, правда. Сейчас развелось столько хулиганов, налетчиков.

Война, озверели все. Ограбить могут, и не только...

— Зарезать, что ли? — спросила она с любопытством. — Пускай режут, не боюсь.

— Могут сделать с одинокой женщиной что-нибудь и похуже.

Эти слова вызвали у Алины приступ веселья.

— «Похуже»? — повторила она сквозь хохот. — Это у вас в Костроме так говорят?

Откуда-то сзади, издалека, донесся залиvistый свист.

— А вот и Соловей-разбойник. — Барышня взяла Романова под руку. — Ладно, Илья-Муромец, веди меня через заколдованный лес. Извозчиков не видно, придется пешком. Я недалеко живу, на Тучковой набережной.

Где она живет, Алексею было очень хорошо известно.

По дороге он еще несколько раз пытался завести разговор о кабаре, но Алина опять отвечала невпопад. Может быть, и не слышала его вопросов, а просто откликалась на звук голоса. Глаза ее были полузакрыты, по лицу бродила мечтательная улыбка. Девушка держалась за Алексея, словно слепец за посох. Если бы ее повели не к дому, а совсем в другом направлении, она, верно, и не заметила бы.

Ну и мерзавец же германский резидент, что использует эту бледную немочь, думал прапорщик. Травит ее наркотиками, да еще, поди, запугивает. Что за гнусное ремесло шпионаж! На Шахову, государственную преступницу и похитительницу военных секретов, он уже не держал зла. Что с такой возьмешь? То ли живет, то ли видит сон — сама толком не знает.

Перед большим каменным домом с барельефами Алина вдруг очнулась. Удивленно поглядела на фонари набережной, на черно-серую полосу Малой Невы.

— Мы пришли? Я и не заметила... Я что, объяснила тебе, где я живу?

— Да.

Ничего она ему не объясняла. Но Алексей знал, что эта сомнамбула ничего не помнит.

— Холодно...

Она сняла перчатки и подула на пальцы.

— Разве?

Ночь вовсе не была холодной, скорее душной.

— Мне всегда холодно... Спасибо, что проводил, — сказала она учтиво, как, должно быть, разговаривала когда-то с приличными юношами, провожавшими ее до дома с какого-нибудь журфикса.

Казалось, она опять забылась. Так или иначе, входить в подъезд не спешила. Смотрела она куда-то в сторону. О чем думала и думала ли о чем-то вообще — бог весть.

— Красивый дом.

— Красивый. Мы раньше были богаты. Дача на заливе, поместье. А потом разорились. Одна квартира осталась. — Она показала на окно второго этажа. — Вон моя комната, одинокая гробница.

В устах любой другой девушки эти слова прозвучали бы манерно и глупо. Но Шахова произнесла их безо всякой аффектации, и стало жутко.

Романов представил себе эту жизнь, похожую на антисуществование вампира. Днем — сон за плотно задвинутыми шторами, чтобы, не дай бог, не проникли лучи солнца. Пробуждение в темноте, мучительный голод, тянущий в ночь, в лунный свет. Короткое, жадное, преступное насыщение, недолгое блаженство — и снова назад, в свой склеп...

Но прапорщик сделал вид, что не понял.

— Так ты живешь одна?

— Нет, с отцом. И еще какая-то женщина, в белом переднике. А может быть, она мне мерещится. У нее то одно лицо, то другое. Не знаю. Я там только сплю...

— С отцом — это хорошо, — продолжал изображать наивность Алеша. Он был рад, что Алина разговорилась, и боялся, не спрячется ли она снова в свой кокон. — Я вот сирота. А кто у тебя отец?

— Или нет отца? — спросила девушка, с сомнением глядя на окна. — Раньше-то был, давно. А теперь... Что-то такое сверкнет серебряным плечом, дохнет табаком, иногда царапнет колючим по щеке... Нет, наверное, есть. Впрочем, не знаю...

Для нее всё химера, всё ненастоящее, понял Романов. Фотографирует какие-то чертежи, проявляет чудеса скрытности и ловкости, но делает это, словно бы во сне. Известно, на какое хитроумие способны наркоманы, когда им нужно получить очередную дозу дурмана.

— Но Селен-то тебе не мерещится, — усмехнулся Алексей. — Вон как вы с ним миловались. Страсть галлюцинацией не бывает.

Она непонимающе уставилась на него, да вдруг прыснула — совсем не по-декадентски, а попросту, по-девичьи.

— Ты о роковом разбивателе сердец? О кумире дурочек? Брось, он не мужчина. Он сгусток тумана.

— То есть?

— Это из его стихотворения: «Я грежусь каждой Грезе, сгущаюсь из тумана. Я крик твоей болезни, угар самообмана». Селен очень удобный.

Если считается, что ты — его, то другие ухажеры не лезут. Не осмеливаются. Разве кто-то может соперничать с таким павлином? Это не я одна хитрая, многие пользуются. Там ведь, в клубе, много совсем юных девочек, которым только хочется казаться inferнальными, а сами, может, не целовались ни разу. Слыть любовницей великого Селена почетно. И его устраивает. Ему ведь только и нужно, что впечатлять и казаться.

Получалось, что она очень неглупа, Алина Шахова. Вначале она представлялась Алексею отвратительной фигляркой, какой-то карикатурой, и вот на тебе.

— Другим девушкам хочется казаться inferнальными. А тебе? — спросил он уже не для дела, а потому что действительно захотелось понять.

— А мне не хочется. Я на самом деле inferнальная. Потому что у меня здесь inferno, — показала она себе на грудь. И опять без позерства, просто констатировала непреложный факт.

Романов подумал: обреченная — вот самое правильное слово. Совсем одна, ни на что не надеющаяся, падающая в бездну.

Он смотрел на тонкое личико больной барышни, на ее вызывающий наряд и чувствовал острую жалость. Вспомнил старую фотографию Алины: комнатный цветок, доверчивая девочка, не ожидающая от жизни никакого коварства. Но несколько ударов судьбы, пришедшихся на самый ломкий, незащищенный возраст — и цветок сломан. Врач говорит: неизлечима. Взгляд говорит: обречена.

Неужели нет никакой надежды?

— Я пойду... — Она поежилась. — Холодно.

— Пойдите! Ваш ридикюль!

Обращение на «вы» у него выскочило само собой — вероятно, оттого что внутренне он перестал быть Армагеддоном и снова превратился в Алексея Романова, который ни за что не позволил бы себе фамильярничать с едва знакомой барышней.

Их пальцы соприкоснулись. Ее рука была ледяной, и Алеша, не удержавшись, сжал ее своей горячей — чтобы хоть немного согреть, ни для чего иного.

Алина ответила слабым пожатием — будто больная синичка вцепилась лапкой. И высвободиться не пыталась. Свободной рукой она сняла свою нелепую шляпу, тряхнула головой, рассыпав по плечам волосы. В них сверкнули мелкие капельки ночной росы, в неестественном свете фонаря лицо барышни казалось белым, несоразмерно большие черные глаза сияли, и вся она вдруг предстала перед прапорщиком не жалкой синицей, а прекрасной и экзотической Жар-Птицей, по случайности залетевшей из

сказки в мир людей, и держался Алеша ни за какую не за лапку, а за пылающее перо...

До чего заразителен морок! Какие фокусы выделяет с воображением туманная петроградская ночь!

— Благодарю вас, — церемонно произнесла Алина. И лукаво улыбнулась. — Удивительно. Вот уж не думала, что переход с «ты» на «вы» так сближает.

— Честно говоря, я не привык на «ты». Фальшиво как-то звучит, когда толком не знаешь человека... Меня вообще-то не Армагеддон зовут. Алексей.

Она опять улыбнулась, ласково.

— Значит, Алеша. Вы такой ясный, светлый. Даже глазам больно. Знаете, я давно никому не верю. А вам бы поверила. — И приподнялась на цыпочки, коснулась холодными губами его щеки. Отступила. — До свидания, Алеша.

Качнулся край пелерины, зашуршало платье. Гибко развернувшись, девушка взбежала по ступеням и скрылась в подъезде.

Романов коснулся своей горящей щеки. Горела она не от поцелуя — от стыда.

«Ясный, светлый». Черт!

Ощущал он себя просто отвратительно, как если бы совершил ужасную подлость. А между тем он всего лишь выполнял свой долг.

Нужно было встряхнуться, взять себя в руки.

Эта девица — пускай несчастная, пускай не отвечающая за свои поступки — наносит огромный вред отчизне, сказал себе прапорщик. Да, она нездорова, но относится к разряду тех больных, кто смертельно опасен для окружающих. Если Шахова только что держалась просто и мило, это вовсе не означает, что она такова на самом деле. Внезапная разговорчивость и размягченность — не более чем признаки эйфорического состояния после дозы наркотика. Можно не сомневаться, что от человека в алых перчатках она получила морфий — в обмен на фотопластину. Тогда же и сделала инъекцию. Или, возможно, чуть позднее, когда заходила в дамскую комнату. Вот и весь секрет ее шарма.

Отличная штука рациональность. Сразу всё встало на свои места. Во всяком случае, в голове.

В сердце все равно засела маленькая колючая льдинка. И не таяла.

Получасом ранее

Ночной проспект. Поздно, далеко за полночь. Огни в домах давно погасли, лишь помигивают в тумане фонари — не электрические, как в центре, а допотопные, газовые, да ярко сияет лампами вывеска эпатистского клуба. Кабаре вот-вот закроется. Музыка изнутри уже не слышно, но голоса еще доносятся, публика разошлась далеко не вся.

Из дверей вышли трое: поэт-декламатор и его ассистенты. Селен вдохнул сырой воздух и брезгливо скривился. Перебросил через плечо длинное кашне, раскурил сигару. Пока он проделывал всё это с монументальной неспешностью, как и подобает кумиру, Аспид звонко отбил по тротуару чечетку. Ожидание давалось человеку-змее с трудом, гибкое тело требовало движения. Мим снял свой чешуйчатый костюм и, невысокий, жилистый, в куртке с поднятым воротником и нахлобученной на глаза кепке, был похож на уличного подростка. Люба тоже переоделась — в скромное коричневое платье; голова по спартанской моде военного времени была покрыта платком с узлом на затылке.

Рядом с преувеличенно элегантным Селеном (сверкающий цилиндр, трость, белый шарф до колен) танцовщики смотрелись челядью, сопровождающей большого барина.

Так оно, в сущности, и было. Перед рассветом в конце Большого проспекта найти экипаж непросто, и Селен требовал, чтобы помощники находились при нем до тех пор, пока не остановят извозчика или, если очень повезет, быстрый таксомотор.

За это поэт позволял спутникам развлекать себя разговором. Мим, правда, больше помалкивал, зато Люба стрекотала почти без остановки. Селен любил, когда рассказывали, какое впечатление произвело на публику его выступление. С интересом выслушивал и клубные сплетни.

— Нет, нет и нет, — сказал он, дав Любе поговорить с минуту. — Клуб портится на глазах. Я посылаю в зал грозовые разряды, но не чувствую резонанса. Молнии уходят в землю, как через громоотвод! К нам стало ходить слишком много всякого планктона. Чего стоят сегодняшние мещанские пляски? Я велю Мефистофелю больше не пускать этого пошлого тапера из Костромы!

— Он только в начале поиграл немного, а потом всё я, — заступилась за новенького честная Люба. — Смотрю, всем нравится... Я когда по музыкальной эксцентрике служила, много всяких мелодий разучила. Но если вам не нравится, я больше не буду. И Арику скажу.

— Желтоблужник пошел провожать Алину, или мне это показалось? — высокомерно спросил поэт. — Что ты вообще знаешь об этом субъекте? Наверняка ведь что-нибудь разузнала.

Хотела ему Люба ответить, но тут из ближнего переулка раздался лихой разбойничий свист. Из-за угла высунулась голова в низко сдвинутой шапке. Спряталась обратно.

Мим быстро огляделся, будто зверь, уловивший запах опасности. Вокруг не было ни души. Нимб газа трепетал вокруг столба.

— Ну что ты встал? — капризно сказал Селен. — У меня отсырели воротнички! Найдут мне, наконец, экипаж или нет?.. Неприятный тип этот Армагеддон. Глазами так и стреляет. Чем он мог заинтересовать Алину? Я всегда полагал, что у нее есть вкус.

— У него улыбка хорошая. А еще я заметила...

Что именно заметила Люба в новичке, так и осталось неизвестным.

Из зыбкого воздуха, из мутной темноты выкатилась приземистая, неестественно широкая, почти квадратная, фигура. Свет от фонаря упал на жуткую харю, сверкнувшую железным зубом в ощеренной пасти.

— Честная публика, сердешно извиняемся, гоп-стоп. Котлы, лопатнички пожалуйста. И одёжку скидавайте. Ночка теплая, летняя. Не змерзнете...

Квадратный был в картузе, русской рубахе под засаленным пиджаком, над голенищами сапог пузырились вислые штаны.

Он сделал рукой широкий, издевательский жест, как бы приглашая дорогих гостей. Повернул кисть, из нее с пружинным лязгом выскочило страшное заостренное лезвие.

Сзади раздался шорох.

Откуда ни возьмись явились еще два молодца: усатый да небритый. Эти не улыбались, но свое бандитское дело знали. Первый со спины обхватил Селена за горло. Второй точно таким же манером взял в зажим Аспида.

— Тихо, дамочка. Закричишь — нос отчикаю, — предупредил железнозубый Любу. — В сумочке у тебя чего? Дай сюда.

Но сумки танцовщица не отдала и ужасной угрозы не испугалась.

Отпрыгнула с тротуара на мостовую — хоть и с места, без разбега, но на добрую сажень. Повернулась и с удивительной скоростью побежала назад, в сторону клуба, громко крича:

— Караул! На помощь!

Грабителей было не трое, а больше. Поодаль в темноте прятались по меньшей мере еще двое. Они растопырили руки, пытаясь схватить беглянку, но Люба увернулась и от одного, и от другого.

Бежала она не так, как обыкновенно бегают женщины — неловко вихляя бедрами и отбрасывая ноги.

Бывшая циркачка задрала подол выше колен и отстукивала по булыжнику каблуками со сноровкой спортсмена, рвущегося к финишу.

— Помогите! Сюда-а-а!

Не по зубам разбойникам оказался и человек-змея. Он изогнулся, обхватил усатого налетчика за голову и с резким выдохом швырнул через себя. Тот смачно приложился о камни и в дальнейших событиях не участвовал.

А события разворачивались стремительно.

Аспид ударил квадратного человека носком ботинка по руке, выбив нож.

— Держи его! — крикнул железнозубый.

Из черного зева подворотни выскочили еще двое в кепках, молча кинулись на мима. Бежать ему теперь было вроде бы некуда: трое спереди, трое сзади. Но Аспид убежать не стал. Он вскочил на водосток. Быстро перебирая руками, начал карабкаться вверх по стене двухэтажного дома. Моментально оказался наверху, перевалился через край крыши и исчез.

— Вот зараза! — плюнул квадратный, подбирая нож. — Сёма и ты, Штурм, через чердак на крышу!

Остальные бандиты молча, сноровисто рвали с оцепеневшего Селена одежду.

Не прошло и пяти минут, как по проспекту со стороны клуба прибыла спасательная экспедиция.

Впереди, показывая путь, бежала Люба. За ней семимильными шагами громыхал огромный Мефистофель, на его правом кулачище сверкал шипами стальной кастет. Далее с воинственными криками поспешала целая толпа мертвецов, привидений, исчадий ада. Всякий нормальный налетчик, узрев такую страсть, закрестился бы и навсегда отрекся от своего грешного ремесла.

Но бандитов на месте преступления уже не было, они растаяли в том же ночном тумане, что их породил.

Под фонарем, стуча зубами не столько от холода, сколько от нервов, стоял раздетый донага Селен. Из туалета на нем осталась лишь висельная веревка вокруг шеи.

— По. Мо. Ги. Те, — раздельно, в четыре слова сказал поэт и заплакал.

Темная подворотня. В ней совсем ничего нельзя было бы разглядеть, если б из двора не просачивался слабый электрический свет — там над подъездом горит лампочка.

Запах кошек. И еще дорогого табака. Это бедно одетый человек,

нетерпеливо прохаживающийся взад-вперед, курит папиросы «Люкс». Достал из кармана часы с фосфоресцирующими стрелками. Вздыхнул.

На улице послышался звук торопливых шагов, в подворотню вошла целая группа людей очень подозрительной наружности. Мирный обыватель, столкнувшись с такой компанией в темной подворотне, напугался бы, но курильщик, наоборот, обрадовался.

— Ну что, братья-разбойники? Докладывай, Саранцев. Можешь закурить и докладывай.

— Благодарствуйте, ваше благородие. — Невысокий, плотный Саранцев зажег папиросу. Блеснул железный зуб. — Похвастать нечем. Виноват. Вели от выхода троих, согласно описанию. Я обрадовался: все вместе, удобно потрошить. Только рано радовался. Актерка удрала, это б еще полбеды. Плохо, что вертлявый по стене, как таракан, ушел, не догнали. Здорово дерется, сволочь. Взяли только патлатого. С него сняли всё, даже подштанники. — Старший филер обернулся. — Давай барахло!

Разложили добычу прямо на камнях, стали осматривать и ощупывать, светя в три фонарика. Ротмистр Козловский заглядывал сверху.

— Нет пластины?! — Он коротко, звучно выругался — подворотня подхватила бранное слово и обрадованно перекатила его под сводом. — Значит, мим. Актерка вряд ли — Романов ее не подозревает. То-то этот Аспид от вас удрал! Давайте, ребята, время дорого. Добудьте настоящее имя, адрес и прочее. Живее, живее, мать вашу!

Из подворотни бегом высыпались люди. На улице, где только что было пусто, откуда-то взялись сразу два автомобиля. Они стояли с потушенными фарами, но при этом урчали моторами.

Одна машина с ревом погнала в сторону Невы, другая, развернувшись, поехала к Большому проспекту.

Дальний конец Васильевского острова, близ Галерной гавани. Затрапезная улица, на которой нет даже газовых фонарей. Но уже светает, в сизой мокрой дымке блестят железные крыши двух-трехэтажных домов с обшарпанными стенами. Окна с задвинутыми занавесками похожи на закрытые глаза. Всё здесь спит глухим, предрассветным сном и просыпаться не хочет.

Прыгая по ухабам разъезженной мостовой, к дому номер 8 подкатило черное авто. Оно еще не остановилось, а с подножки уже соскочил молодой человек в нелепой желтой блузе и шляпе с пером. Дверь подъезда сама распахнулась ему навстречу.

— Наконец-то, — сердито проворчал Козловский. — Утро скоро... А

ты, Мельников, езжай, не торчи тут. Встань вон за углом.

Это было сказано шоферу, высунувшемуся из окошка. Тот козырнул, отъехал.

Проводив Алину Шахову до дома и дождавшись, пока горничная из окна подаст условленный знак «объект прибыл», прапорщик, как было велено, вернулся на съемную квартиру, выполнявшую роль наблюдательного пункта и штаба. Там его ждала телефонограмма.

«Прапорщику Романову. Немедленно прибыть в Галерную гавань. Адрес у шофера. Ни в коем случае не переодеваться.

Ротмистр Козловский».

Алексей не потратил попусту ни одной минуты и никакого «наконец-то» не заслужил, но по князю было видно: человек на взводе, обижаться на такого нельзя.

Возбуждение немедленно передалось и Романову.

— Что тут? — жадно спросил он. — Мельников мне ничего не объяснил.

— А он, кроме адреса, ничего и не знает. Мне из отдела только что последние сведения доставили. Объясняю диспозицию и ставлю боевую задачу. Слушай.

Князь коротко рассказал о провале затеи с ограблением. Замысел был простой: инсценировать бандитское нападение, чтобы найти похищенную фотопластину. Если ее не обнаружится, значит, эту троицу из числа подозреваемых можно исключить. Поведение мима во время гоп-стопа наводит на мысль, что человек по прозвищу «Аспид» — агент высокого класса, с отменной реакцией и профессиональной подготовкой.

— Ребята сработали быстро, — торопливо досказывал ротмистр. — Установили и место жительства, и настоящее имя. Сергей Вольф, из балтийских немцев. Перед войной служил в цирке дрессировщиком. Мутный тип. Нигде подолгу не задерживается. Когда мы сюда прибыли, полчаса назад, свет в его окнах еще горел. Минут десять как потух... Без тебя вламываться не рискнули. Надо, чтоб он сам дверь открыл. А то улизнет через окно или еще как-нибудь. От этих ловкачей всего можно ждать. Видали, знаем. Я, правда, повсюду людей расставил, но лучше все-таки его культурно взять, без акробатики.

— Что это ты?

Прапорщик показал вниз. Во время рассказа князь как-то странно

переступал с ноги на ногу. Алексей думал, от нетерпения или, может, хромая нога болит. Но взглянул — удивился. Козловский был в одних чулках.

— Мы все разулись. Чтоб каблуками по ступеням не греметь. Тихо ведь. Каждый звук слышно. Вольф этот вряд ли спит, после такой ночи. Нервы комком, ушки на макушке. Пускай слышит, что поднимается один человек. Всё, Лёша. Давай, мы за тобой.

Они двинулись гуськом в третий этаж. Алексей нарочно топал погромче, сзади шуршали остальные. В правой руке у Козловского был зажат револьвер, в левой штиблеты.

Саранцев встал слева от двери, еще один филер (фамилия у него была боевая — Штурм) встал справа. Князь остался за спиной у прапорщика.

— Стучи!

В ответ на резкий, отрывистый звук в квартире что-то звякнуло — будто там от неожиданности уронили металлический предмет.

— Аспид, открой! Это я!

— Кто «я»? — не меньше чем через полминуты отозвался напряженный голос.

— Я, Армагеддон.

— Кто-кто?

— Ну Арик, из Костромы. За столом вместе сидели. Меня Люба прислала. У нас ужас что такое! Селена бандиты зарезали, насмерть!

Брякнула щеколда, дверь рывком открылась.

— Насмерть?!

Аспид был в черной китайской пижаме, на волосах сеточка. Вытаращенные глаза переместились с Алешиного лица на дуло, целившее человеку-змее в живот.

— Пуля летит быстрее, чем ты бегаешь, — предупредил Романов и посторонился, чтобы пропустить филеров.

Саранцев ухватистой пятерней взял мима за горло, цыкнул железным зубом. Аспид попятился в узкий коридор. Оба были примерно одного роста, но агент раза в два шире.

— Ты тут один, морковкин хвост? — спросил старший филер. — Федя, поддержи его. Посмотрю, нет ли еще кого.

Козловский кряхтел, надевая штиблеты. С крючка свисала куртка, в которой Аспид был в клубе. На всякий случай Романов ощупал карманы и подкладку.

За его спиной Штурм надевал на задержанного наручники.

— Вперед и вместе, — сказал он, очевидно, имея в виду руки. — А-а-

а-а!!!

Вопль был судорожный, полный ужаса. Обернувшись, Алексей увидел, что мим держит перед собой сведенные запястья, перед самым носом у филера, а из рукава пижамы высовывается черно-красная змея. Бедный Штурм (надо было его предупредить!) шарахнулся назад, стукнувшись спиной о стену. Воспользовавшись этим, Аспид ударил служивого кулаком в лоб, перепрыгнул через сидящего на корточках ротмистра — и оказался на лестнице.

— Какого?! — взревел князь. Его усатая физиономия перекосилась.

— Виноват, сызмальства змей боюсь! — задушенно выдохнул филер.

А прапорщика в коридоре уже не было — бросился в погоню.

— Лёша, не упусти! — орал вслед ротмистр, скача в одном ботинке и от этого хромая вдвое против обычного. — Поймай его, поймай!

Легкий, как кузнечик, Аспид взлетел вверх по лестнице, толкнул дверь чердака и, пригнувшись, скрылся в пыльной тьме, пахнувшей мышами и голубиным пометом.

Поди такого поймай.

Небо свинцового цвета. Кирпичные трубы, матовая жёсть выстроившихся вдоль улицы крыш — не сплошная, а разделенная черными расщелинами. Волглый ветер с залива.

Пароходный гудок. Треск вышибленного с мясом чердачного оконца. Оглушительный грохот металлических листов под ногами.

Это Аспид верно рассудил — что вниз по лестнице бежать не стоит. И около подъезда, и вокруг дома Козловский поставил людей, мимо них даже человеку-змее было бы не проскользнуть.

— Стой! Ногу прострелю! — крикнул Романов, вылезая за циркачом на крышу.

На самом деле палить он не рискнул бы. Инструктор по дисциплине «Силовой захват» поручик фон Редерер учил курсантов: «Никогда не стреляйте бегущему по ногам, если нет полной уверенности, что попадете ниже колена. Иначе имеете шанс арестовать покойника. Пуля разорвет бедренную артерию — и готово».

Уверенности у Алексея не было. Проклятый Аспид неся огромными прыжками, высоко подскакивая. Целиться — лишь время терять. Прوماжешь — плохо. Попадешь не туда, куда нужно, — вообще беда.

А главное, некуда ему особенно деться. Крыша кончается, а до следующей сажени две, если не три.

Но беглеца это не испугало. Не снижая скорости — наоборот, разогнавшись еще пуще, он оттолкнулся ногой и перемахнул на соседнюю

крышу. Приземлился шумно, но ловко, на корточки. Выпрямился, загрохотал дальше.

— Уходит! Через соседний дом уходит! — что было мочи завопил Романов.

Из оконца к нему лезли Саранцев и Козловский. Проштрафившийся Штурм, очевидно, был оставлен в квартире.

— Прыгать надо. — Ротмистр прикинул на взгляд расстояние и топнул с досады. — Проклятая нога! Саранцев, давай ты!

Старший филер почесал затылок:

— Ваше благородие, у меня ноги короткие. Детей четверо...

У прапорщика Романова ноги были длинные, детьми обзавестись он не успел, но и ему прыгать через черную расщелину ужасно не хотелось. Был бы высокий этаж, куда ни шло. Расшибешься в лепешку, и со святыми упокой. А с третьего упасть, поди, еще намучаешься перед смертью. Или останешься навечно калеккой.

— Крикните вниз, пусть не упустят, если что, — сказал Алексей.

И, согласно науке о психологическом трейнинге (английское слово, означает «предуготовление»), настроил нервно-импульсную систему на подходящий ситуации лад: вообразил себя легкокрылой птицей или взлетающим аэропланом.

Разбежался, скакнул, мысленно толкая тело вперед, вперед, вперед.

И сработало!

Правда, бухнулся на жесть коленями и грудью, больно, но это были пустяки.

— Молодец, Лешка, герой! — донеслось сзади. — За ним!

А куда «за ним»? Аспида впереди видно не было.

Больше всего Романов боялся, что гнусный трюкач так и пойдет сигать с дома на дом. Но на дальнем краю крыши гибкого силуэта видно не было. Значит, шмыгнул вон в то окошко, хочет спуститься через чердак.

Повеселев, прапорщик бросился вдогонку. По земле бегать — это вам не по небу летать.

Лестница, на которую Романов попал с крыши, была еще грязней, чем в соседнем доме. Видно, здесь проживала совсем незамысловатая публика. Пахло бедностью: вечными щами, стиркой, плесенью. На ступеньках валялись окурки и картофельные очистки. Освещение отсутствовало вовсе, и если б не чахлые потуги пробивавшегося рассвета, бежать было бы невозможно. И так-то приходилось держаться за перила, чтоб не поскользнуться на какой-нибудь дряни.

А вот человек-змея, кажется, видел в темноте не хуже филина. Он

неся, прыгая через три ступеньки. Прапорщик еще не одолел первый пролет, а мим уже достиг двери.

Он выскочил из подъезда с треском и пружинным визгом, как чертик из шкатулки — маленький, стремительный, почти невидимый в своей черной пижаме.

Но один из саранцевских ребят подоспел вовремя. Свое дело агент знал на ять: не торчал на тротуаре, а спрятался за афишной тумбой. Раньше времени себя не обнаружил, не стал орать попусту «Стой!» (ясно было, что неугомонный циркач все равно не остановится) — просто, когда Аспид пробежал мимо, подставил ему ножку.

И живчик грохнулся наземь с хорошего разбега, растянулся во весь свой небольшой рост. А филер упал ему на спину, прижал к булыжникам и торжествующе прорычал в самое ухо:

— Побегал, будя!

Вопреки всем законам анатомии и физиологии Аспид развернул голову чуть не на 180 градусов, будто держалась она не на позвонках, а на шарнирах, и с хрустом вцепился агенту зубами в нос. От неожиданности и боли филер ослабил хватку и в следующее мгновение был сброшен.

Перекатившись по мостовой, человек-змея оказался на корточках. Изготовился взять новый разбег, но тут налетел запыхавшийся Романов и приложил упрямя руку револьвера по затылку. Удар получился знатный: точный, экономичный, не слишком сильный. Инструктор фон Редерер остался бы доволен.

Когда, полминуты спустя, подбежали остальные, Аспид уже начинал приходить в себя, помаргивал ресницами. Он лежал на животе. Правым коленом Романов жал арестованному на спину, левой рукой выкручивал запястье, дуло вдавил в висок — рисунок из методического пособия, да и только. Рядом шмыгал прокушенным носом грустный филер. Переживал, что упустил хорошую возможность отличиться.

Последним прихрамал Козловский. Он был полностью обут, помахивал стеком. Шел солидно, не спеша, как и подобает начальнику. Официально поздравил:

— Молодцом, прапорщик. Задание исполнили отлично. Мотайте на ус, пентюхи. Вот что значит наука.

Остановился над поверженным врагом.

— Где, говорите, у него рептилия спрятана?

— В правом рукаве, ваше благородие, — ответил сконфуженный агент Штурм.

Князь ударил лежащего тросточкой по руке. Из пижамы, обиженно

шипя, выструилась черно-красная ленточка.

С размаху Козловский ударил, не попал. Замахнулся снова.

— Не убивайте! Что она вам сделала? — попросил Аспид. — Она не ядовитая. Ужик это, девочка. Я ее кисточкой раскрашиваю.

Неожиданная находка

Голая, неудобная комната, в которой всё перевернуто вверх дном. Единственное украшение, цирковые афиши, и те сняты со стен. Аляповатые тигры, щерящие пасть, кони на задних копытах, танцующий медведь в юбке и платочке валяются на полу. В комнате заканчивается обыск. За окном уже наступило белесое пасмурное утро.

Проворного арестанта на всякий случай приковали к кровати. Он сидел беспокойно, всё ерзал на месте. Помилованная Жалейка мирно спала у хозяина за пазухой, высунув свою размалеванную головку.

Осмотрено было уже всё, кроме книг, которые занимали несколько вместительных полок. Преобладали два вида чтения: книги про животных и дешевые приключенческие библиотеки — про Шерлока Холмса, Ната Пинкертона, Ника Картера.

Саранцев педантично, том за томом, перелистывал Брэма. Алексей проглядывал детективы в цветастых обложках. Двое рядовых филеров стояли над Аспидом, не сводя с него глаз. Один Козловский сидел на стуле нога на ногу и курил папиросу за папиросой.

Он попробовал побудить арестованного к чистосердечному признанию и сотрудничеству, не преуспел и теперь ждал результатов обыска.

Время от времени говорил миму: «Найдем пластину сами — пеняйте на себя», тот в очередной раз отвечал, что не понимает, о какой пластине речь, и на том разговор прерывался.

— Ваше благородие, кажись, что-то есть!

Саранцев держал в руках предпоследний том «Жизни животных». Раскрыл, показал: вся середка аккуратно вырезана, в выемке — прямоугольный сверток.

Циркач уныло вздохнул, повесил голову.

— Я вас предупреждал, Вольф. Теперь отвертеться от виселицы будет трудненько. Придется очень-очень поусердствовать.

Князь отшвырнул папиросу (неряшливей в комнате от этого не стало), поднялся.

— Доставай! Что там у него? Для одной фотопластины что-то

многовато.

Старший филер развернул бумагу. В ней оказался плотно утрамбованный белый порошок.

— Никак кокаин. Порядочно, с полфунта.

— Ну и что ты мне его суешь? — разозлился Козловский. — Нюхать прикажешь? Пластину ищите!

— Так нет ее... Порошок один.

Непроверенным оставался всего один том. Саранцев потряс его — ничего.

Взъярившись, князь схватил арестованного за ворот.

— Где фотопластина? Скажешь ты, или душу вытрясти?!

— Что вы ко мне привязались?! — закричал Аспид. — Нашли коку — радуйтесь! Валяйте, конфискуйте! Отбирайте у бедного человека последнее! Пластину какую-то придумали! Ворвались, избили, перевернули всё! Подумаешь, преступление — кокаин! Еще виселицей грозит, нашел идиота! Стоило из-за ерунды целое войско полиции насылать!

Что-то здесь было не так. Тронув за локоть матерящегося начальника, Романов сказал:

— Мы не полиция. Мы военная контрразведка. Господин Вольф, вы подозреваетесь в шпионаже.

У Аспида отвисла челюсть. Понадобилось еще несколько минут, чтобы он уразумел, насколько серьезно обстоит дело. А потом циркача прорвало. Он клялся, крестился слева направо и справа налево, божился, что в глаза не видывал никакой фотопластины, всей душой предан матушке России и воевать с проклятыми тевтонами не пошел только по причине нервной болезни, по всей форме засвидетельствованной медицинской комиссией.

Слушая эти заверения, ротмистр поскуцнел лицом.

— Если вы не шпион, зачем по трубе удирали, а потом по крышам скакали? По трубе-то еще ладно. Предположим, бандитов испугались. Но если вы приняли нас за полицию, как можно было распускать руки? И шею запросто могли себе свернуть. Чего ради? Сами же сказали, обладание кокаином — не преступление. А вот сопротивление властям — это верная тюрьма. Не врите мне, Вольф! Говорите правду!

Помолчав, Аспид неохотно сказал:

— Я думал, вас он прислал...

— Кто «он»?

— Каин. Этот ведь оттуда. — Арестант кивнул на Романова.

— Владелец кабаре? Но зачем ему устраивать на вас нападение?

Ответ был едва слышен:

— Коку-то я у Каина потянул. По-тихому... Хотел скинуть. Подумал, Каин меня расколол и своих костоломов подослал. Наденут наручники, станут мордовать. Для острастки другим могут вчистую кончить... Вот и решил не даваться...

Князь взял прапорщика за руку, вывел за собой в коридор.

— Хреново, Лёша. Боюсь, попрыгун говорит правду. Обсдались мы с тобой. Только время потеряли да шуму наделали... — Он задумался. — Хотя шум — дело поправимое. Эй, Саранцев! Этого в камеру, пусть посидит денек-другой.

— За что?! — возмутился Аспид. — Нет такого закона! Подумаешь, кокаин. Не самогонка же!

С юридической точки зрения он был прав. Сопротивление представителям власти инкриминировать ему было нельзя — ведь набросились на него безо всякого предупреждения, не говоря уж об ордере. А факт владения наркотиком, даже с намерением продажи, уголовно наказуемым деянием не является. Незадолго перед войной в Гааге состоялась Международная антиопиумная конференция, на которой было принято решение бороться с наркотической напастью запретительными мерами, но соответствующих законов в России разработать еще не успели. Максимум того, что можно было сделать, — изъять кокаин как добытый сомнительным путем, поскольку владение таким большим количеством наркотика требует соответствующей документации. Конечно, если бы владелец кабаре обвинил Вольфа в краже — другое дело, но рассчитывать на это не приходилось. Вряд ли «южноамериканец» сможет предъявить достаточное количество рецептов, чтобы доказать законность происхождения полуфунта порошка, который в аптеках обыкновенно продают дозами по четверти грамма.

— Паршивые дела, — подвел итог Козловский.

— Что же мы будем делать?

Князь постучал себя пальцем по голове.

— Что-что. Думать.

Тот же генеральский кабинет, в котором почти ничего не изменилось. Только на карте германского фронта линия флажков сдвинулась еще дальше к востоку — Великое Отступление продолжается, ему не видно конца. За два минувших дня русская армия откатилась еще на полсотни верст.

Близится вечер, но стемнеет еще не скоро. Прозрачный свет, просеивающийся через сплошные облака, как сквозь пыльное стекло,

безрадостен и ряб. Солнца не было уже много дней.

Присутствовали все те же: хозяин кабинета, несчастный отец и двое исполнителей. Совещание только что началось.

— Ну что, подполковник, всё сделали, как должно? — спросил Жуковский.

— Приказ исполнен в точности. Утром говорил по телефону из коридора, возле дверей ее спальни. Громко. Сказал, что нездоров, попросил доставить схему ко мне домой. Специально повторил: «Да-да, вот именно. Схему артиллерийских позиций Новогеоргиевской цитадели».

— Уверены, что она вас слышала?

Сегодня Шахов держался лучше, чем в прошлый раз. Эмоций старался не проявлять, был очень сдержан, деловит, даже сух.

— Разумеется. Сон у Алины чуткий. Сразу после этого она вышла. Сказала, что сама будет за мной ухаживать. Сварит-де полоскание по рецепту покойной матери, приготовит завтрак. Была очень мила. Горничную попросила отпустить... — Подполковник выставил вперед седоватую бородку. Его лицо казалось вырезанным из камня. — Я сделал вид, что тронут. Горничную отправил. Когда доставили бумаги, сел с ними в кабинете...

— Дальше, дальше, — поторопил генерал.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Регистировал время, как вы приказали. Схему привезли в 10.15. В 10.43 ко мне постучалась Алина. Принесла завтрак. Сообщила, что полоскание приготовлено и что его лучше сделать до еды. Я вышел в ванную. Отсутствовал семь минут. Когда вернулся, дочь сказала, что сходит в аптеку за эвкалиптовой микстурой.

— Это было во сколько?

— Сейчас... Она вышла в 11.10 и вернулась через двадцать одну минуту, с пустыми руками. Микстуры в аптеке не оказалось.

Козловский поднял палец, прося разрешения вставить слово.

— По сводке наружного наблюдения видно, что из подъезда она не выходила.

Подполковник болезненно улыбнулся:

— Конечно, не выходила. И не собиралась. Ей нужно было сделать звонок. Из дома телефонировать она не могла, но внизу, в швейцарской, стоит аппарат. Улучить момент для звонка нетрудно. Швейцар часто отлучается проводить кого-нибудь из жильцов до экипажа.

— Так точно. — Князь смотрел в записи. — В 11.16 ливрейный сажал в ландо даму с багажом. И потом, в 11.23, выходил принять чемодан у господина в вицмундире Министерства путей сообщения.

— Это статский советник Сельдереев, с третьего этажа. — Шахов опустил голову. — И последнее, что я должен вам сообщить... Час назад, когда я выходил из дома, я прощупал ридикюль. За подкладкой лежит что-то квадратное...

Его превосходительство переглянулся с помощниками.

— Ну-с, господа, наживка снова насажена. Схема благополучно сфотографирована, германский резидент извещен. На этот раз шпионка явно торопится, хочет передать снимок сегодня же.

Как подполковник ни крепился, но слова «шпионка» не выдержал.

— Не называйте ее так! Алина не шпионка! Ее чем-то запугали, ее запутали!

— Скорее, посадили на наркотический крючок, — сказал ротмистр со всей мягкостью, на какую был способен.

А генералу было не до отцовских переживаний. Начальник контрразведки неделикатно щелкнул пальцами.

— Что ж, исполним нашу репризу на бис. Надеюсь, с большим успехом, чем в прошлый раз. Как наш солист, готов?

Он шутиливо воззрился на прапорщика, который скромно сидел в сторонке и помалкивал.

— Готов, ваше превосходительство! — вытянулся Романов. — Осталось только глаз на лбу пририсовать.

Он был в полной экипировке, только сменил желтую блузу на такую же небесно-голубого цвета. Глядя на эпатиста, Жуковский расхохотался.

— Как это вас в штаб Жандармского корпуса пропустили?

— С трудом, ваше превосходительство...

— Пришлось мне за ним спускаться, — тоже смеясь, объяснил ротмистр.

Скрипнув ремнями, из кресла поднялся Шахов.

— Господин генерал, прошу извинить, что порчу общее веселье, но я все-таки скажу... — Его лицо подергивалось, но голос был тверд. — Это невыносимо... Подло, наконец. Вы понуждаете меня участвовать в сговоре против собственной дочери! Рисковать ее жизнью!

Веселые морщинки на лице генерала разгладились, вместо них прорисовались другие — жесткие.

— Нет, подполковник. Я даю вам возможность спасти вашей дочери жизнь. Вам известны законы военного времени. Тут пахнет не тюрьмой, а виселицей, без снисхождения к возрасту и полу.

Для наглядности он еще и чиркнул пальцем по горлу. Алексей представил себе картину. Стоит Алина со связанными за спиной руками. На

нее натягивают саван. Накидывают веревку, стягивают на тонкой шее.

Раскрывается люк в полу эшафота, хрустят сломанные позвонки.

Он содрогнулся.

Смертельно побледнел и Шахов. Осел в кресло, закрыл лицо руками.

— Боже, боже... — послышалось его глухое бормотание. — Сижу в шпионском ведомстве и докладываю, как шпионил за собственной дочерью-шпионкой...

Брови Жуковского сдвинулись еще суровей.

— Что-что?! В каком ведомстве?

— Ваше превосходительство, позвольте? — поспешно произнес Романов, чтобы отвести грозу от несчастного подполковника.

— Говорите, прапорщик.

— Владимир Федорович, я познакомился с Алиной Шаховой. Немного узнал ее. Она... она в сущности неплохая девушка. Даже, можно сказать, хорошая... Она не понимает, что творит. Она больна. Совсем больна. Ее нужно не судить, а лечить.

— Это будет решать медицинская экспертиза, — ответил Жуковский, но уже чуть менее сердито.

Скотина Козловский негромко, но явственно протянул:

— Певец-то наш опять втрескался.

Не удостоив глупую реплику ответа, Алексей продолжил:

— Я что думаю, ваше превосходительство. А может быть, господин подполковник поговорит с дочерью начистоту, по-отцовски? Мне кажется, если с ней правильно поговорить, она всё расскажет. Это ей зачтется как признание. Выйдет проще и надежней, чем расставлять сети непонятно на кого.

Он вопросительно посмотрел на Шахова.

Тот горько покачал головой:

— Увы, молодой человек. Я бы очень этого желал, но ничего не получится. Мы с Алиной слишком отдалились друг от друга. Я для нее — неодушевленный предмет. Средство для добывания наркотика. Если ваше превосходительство позволит, я расскажу один недавний случай... Простите, что отниму время, но это поможет вам понять... — Он сделал неопределенный жест. Хрустнул пальцами. — В прошлом месяце у Алины был день рождения. Моя покойная жена была воспитана в лютеранстве, и у нас в семье отмечали не именины, по-русски, а дни рождения. Вдруг вспоминаю: семнадцатого у Алиночки день рождения. В прошлом году, каюсь, я про это забыл — было не до того. Даже не поздравил. Думаю, нужно искупить вину. Купил ей подарок — дорогой, за два года сразу.

Вручаю, поздравляю. А она в тот день была особенно нехороша. Смотрит на сверток без интереса, на меня — будто впервые видит. Кривит губы. Спрашивает: «А вы имеете какое-то отношение к факту моего рождения?» На «вы» она меня уже давно называет, я привык. Но здесь, конечно, был уязвлен. Более всего тем, что она даже не пыталась меня оскорбить, а казалась искренне удивленной. Я попробовал перевести в шутку: «Никаких сомнений. Ты родилась ровно через девять месяцев после свадьбы». Она очень серьезно выслушала, кивнула и вдруг говорит: «Если я появилась на свет благодаря вам, то будьте прокляты». Вот такие у нас отношения. Сердечность дочь проявляет, лишь когда ей нужно проникнуть ко мне в кабинет с известной целью.

Подполковник криво улыбнулся, а Романов вспомнил, как Алина говорила про отца: «что-то такое сверкнет серебряным плечом, дохнет табаком». Пожалуй, идея закончить дело по-семейному действительно не годится.

— Не забывай, Алеша. Она морфинистка, — серьезно, без подтрунивания сказал князь. — У этой публики нет своей воли, они живут от дозы до дозы. Все прочее для них — дым, мираж.

Конец обсуждению положил Жуковский:

— Ротмистр абсолютно прав. Наркоманы непредсказуемы и ненадежны, но при этом очень хитры и изобретательны. Шахова может наврать отцу, наплести небылиц, а сама предупредит резидента, и дело будет провалено. Нет, господа, продолжаем лов на живца. Только уж вы, Романов, не оплошайте. От ридикюля не отходить ни на шаг, что бы ни случилось. Это приказ, ясно?

«Даже если Шаховой будет угрожать опасность?» — хотел спросить Алексей, но покосился на отца Алины и промолчал. Приказ был сформулирован яснее некуда.

Спустилась ночь, зажглись огни

Зал кабаре наполовину пуст. Еще рано, завсегдатаи только собираются. За кулисами настраивают пианино. То и дело мигает свет — что-то не в порядке с электричеством, но это мерцание как нельзя лучше соответствует гротескному интерьеру клуба. То сгустятся, то исчезнут тени. Бесчисленные кривые зеркала вспыхивают огнями, темнеют, снова оживают.

Сегодня Романов пришел задолго до Шаховой. Никуда она не денется,

доведут от дома в наилучшем виде. А у прапорщика была своя задача — попробовать найти черно-белого человека в алых перчатках. Тот, вероятно, тоже будет высматривать желтую блузу, но «Армагеддон» сегодня в голубой. Правда, интересный незнакомец тоже мог переодеться...

Волновался Алексей гораздо сильнее, чем вчера. Второй раз опозориться перед князем, перед Жуковским будет невыносимо. Лучше пулю в лоб! Нет, даже этого нельзя, а то скажут: у бедняги всегда были суицидальные наклонности. Если уж умирать, то не от своей руки, а от немецкой. Но для этого ее, немецкую руку (предположительно в алой перчатке), еще предстояло отыскать.

Мефистофель приветствовал Романова у входа как старого знакомого. Поздоровались и некоторые из вчерашних.

«Кровосмеситель» крикнул:

— Привет, Трехглазый. Сбациаешь нам на фортепьяно?

«Палач» блеснул глазами через маску и кивнул.

«Беспутная» подошла и поцеловала.

Эпатисты приняли новичка в свою компанию. Это-то хорошо, но, сколько Романов ни приглядывался, алых перчаток ни на ком не увидел. У «Палача» были красные, но иного покроя — кожаные, с раструбами. Зато мужчин, одетых в черное и белое, Алексей насчитал с полдюжины. Это еще без вчерашней команды «рентгенов», у любого из которых, как знать, могли иметься алые перчатки. Никого из них в кабаре пока не было.

Больше всего народу стояло вокруг центрального стола, где Селен рассказывал об ужасных событиях минувшей ночи. Его слушали с ахами и охами, барышни хватались за сердце.

Поэт был интригующе бледен. Даже фиолетовый синяк под глазом не портил его импозантного вида — наоборот, смотрелся очень живописно.

— ...Одного из головорезов я поверг наземь приемом бокса, второму свернул челюсть, — услышал Романов, приблизившись. — Но что я мог один против восьмерых? Аспид струсил, убежал. Все меня бросили! — Укоризненный взгляд на сидевшую рядом Любу, которая безропотно приняла упрек. — Страшный удар обрушился на меня. Я лишился чувств и дальше ничего не помню... Мерзавцы раздели меня донага.

— Всё так и было, — подтвердила Люба. — Хорошо, не зарезали, фармазонщики. Ужас что творится! На улицу не выйдешь.

Она улыбнулась Алексею как доброму приятелю и притянула от соседнего стола пустой стул — настоящая барышня никогда бы этого не сделала.

— Привет! Садись!

Удивительная все-таки вещь естественность. Даже когда вокруг одни ломаки, жеманники с жеманницами, в которых всё фальшь и претензия, так что через какое-то время начинает казаться, будто именно это и есть единственно возможный стиль поведения, — вдруг появится простой, естественный человек, и сразу видно: кто настоящий, а кто сделан из картона.

Прапорщику пришла в голову мысль переговорить с танцовщицей, которая наверняка хорошо знает и публику, и персонал клуба. Можно как-нибудь ненароком навести разговор на алые перчатки...

Он сел и для начала спросил:

— Почему ты сегодня в таком наряде?

Она была в черном костюме с широкими белыми зигзагами на груди, на голове шапочка, лицо густо напудрено, глаза подведены, на лбу сажей нарисованы изломанные брови.

— Я нынче Черный Арлекин из «Бала безразличных». Мелодекламации сегодня не будет. Селен в расстроенных чувствах, и Аспид не придет. Квартирная хозяйка позвонила, он ногу подвернул. Наверно, когда от бандитов драпал.

— Да ты что? — изобразил он удивление и вдруг сообразил: вчера они были на «вы», а сегодня сразу, даже не заметив, перешли на «ты».

С Алиной произошло наоборот. Как странно. Отношения между людьми выстраиваются сами собой, словно текущая по земле вода, которая безошибочно находит свою траекторию.

Электричество в очередной раз мигнуло и погасло совсем.

— Опять на станции что-то, — сказала из темноты Люба. — В последнее время все чаще. Война...

В разных углах зала появились неяркие огни — это официанты начали расставлять по столам керосиновые лампы.

— Сюда не надо, — сказал Селен, прервав рассказ, обраставший все новыми драматическими подробностями. — Тьма, изгоняющая свет, — это прекрасно.

Чтоб тебя черт побрал, декадент хренов, с тревогой подумал Романов. Придет Шахова — ридикюля не разглядишь.

Он огляделся. Зал весь состоял из островков слабого света, окруженных мраком. Романтично, но для дела очень нехорошо.

По счастью, через минуту электричество вспыхнуло вновь.

— Алину высматриваешь? — спросила Люба.

Он вздрогнул.

— С чего ты взяла?

— Влюбился, — грустно констатировала она.

Это обыкновенное слово прозвучало в эпатистской компании как-то очень наивно, по-детски. Здесь никто ни в кого не влюблялся. Здесь отравлялись ядом чувств, пылали любовным экстазом, самое меньшее — сгорали от страсти.

Романов покосился на соседей — не слышат ли. Кажется, слышали...

— Пьеро влюблен, Пьеро влюбился! — продекламировал Мальдорор.

— Что за чушь! — шепотом обругал Любу прапорщик.

— Не чушь. Такие, как ты, всегда влюбляются в таких, как она, — все так же печально, но уже тише сказала танцовщица.

— «Такие, как я»? Провинциалы в стильных столичных барышень?

— Нет. Сильные в слабых. Вам мерещится, что вы их спасете. А им, может, спастись и не хочется. Это во-первых.

— А во-вторых?

Из-под насмешливо изогнутых бровей Арлекина на него смотрели совсем невеселые, полные сострадания глаза.

— А во-вторых, вас самих спасти надо. Но женщину, которая может это сделать, вы ни за что не полюбите...

Ужасно милая, подумал Алексей. Однако следовало держать марку. Мальдорор с любопытством вслушивался в тихий разговор и всё язвительней ухмылялся.

— Тебе не в кабаре выступать, а лекции читать в университете. По психологии, — засмеялся Романов.

Но она не обиделась, а тоже улыбнулась. И встала.

— Мне пора. Надо еще намалевать рот до ушей.

Едва Люба ушла, снаружи донеслась заливи́стая трель свистка. Это был условный сигнал.

Никому не показалось странным, что после ночного инцидента перед клубом учрежден полицейский пост. Усатый городской при кобуре и с «селедкой» на боку важно прохаживался по тротуару, пуча глаза на диковинных посетителей ночного заведения. Служивый заметно прихрамывал, но и это было неудивительно: в полицейских частях недавно прошла мобилизация на фронт, не тронули лишь пожилых и ограниченно годных. Очень уж Козловскому хотелось быть поближе к месту событий, а то со своей негнущейся ногой он вечно поспевал лишь к шапочному разбору...

План был таков.

Как только появится Шахова, негласно сопровождаемая филерами из службы наружного наблюдения, двое парней Саранцева, что дежурят на

той стороне улицы, затевают ссору. Городовой, естественно, свистит, призывая скандалистов к порядку. Это знак для Романова: встречай гостью. Нужно проследить, не встретится ли с кем-нибудь Шахова в вестибюле или коридоре...

— Вы? — обрадовано сказал Алексей, подгадав оказаться у дверей, как раз когда Алина здоровалась с Мефистофелем. — Хотел подышать воздухом, но теперь, пожалуй, останусь.

Барышня выглядела гораздо хуже, чем вчера ночью. Болезненно бледна, под глазами круги, да еще эти губы, выкрашенные в цвет сирени... Нет, не выкрашенные, понял Алексей, приблизившись.

— Не смотрите, — попросила она. — Я знаю, что похожа на труп.

— Как вы можете это говорить!

— Слава богу! — воскликнула она, потому что вновь погас свет. — Не правда ли, я сразу похорошела? Дайте руку.

Он повел ее в зал, на красноватый свет настольных ламп.

Поцеловавшись с Селеном и кивнув остальным, Шахова села на место Любы. Сумочку повесила.

Прапорщик устроился рядом. На правах кавалера положил руку на спинку соседнего стула, совместив приятное с необходимым. Ладонь слегка касалась острых лопаток хрупкой барышни, а локоть надежно прижимал ремешок ридикюля.

Алина сидела беспокойно, разглагольствования Селена не слушала. По ее телу временами проходила дрожь.

Взялась за сумочку, и прапорщик сразу насторожился — но Шахова просто достала пахитоску.

— У меня нет огня... — Она беспомощно огляделась. У их стола никто не курил. — Зажгите, пожалуйста, Алеша... Ничего, мне будет только приятно.

И сама сунула пахитоску ему в рот.

Польщенный этим знаком близости, он отошел к соседнему столу, за которым тоже никто не курил, но, по крайней мере, там горела лампа.

— Одолжи адского огня, служитель Смерти, — легко сказал Романов сидевшему там Палачу.

Тот важно кивнул своей зачехленной башкой.

Снова зажглось капризное электричество. Наклонившись, прапорщик прикурил. Когда выпрямился и обернулся, чуть не выронил горящую пахитоску.

Стул Алины был пуст! Барышня исчезла. Неужели она отослала его нарочно?

Но ридикуль был на месте. В следующую секунду Романов увидел и Шахову — она, как вчера, поднималась на сцену. Должно быть, ее опять поманила рука в алой перчатке.

Первым делом Алексей присел и, опершись о спинку пустого стула, ощупал сумочку. Фотопластина была на месте.

Инструкция предписывала оставаться здесь, что бы ни происходило. Но упускать таинственного собеседника Шаховой прапорщик был не намерен. Он придумал заранее, как поступит в этом случае.

— Вот рассеянная, — громко сказал Романов. — Сумочку забыла!

Снял ридикуль и быстро пошел к сцене — сегодня Алина не остановилась у края кулис, а скрылась за ними.

Мальдорор шутовским голосом продекламировал ему вслед песню влюбленного Пьеро из блоковского «Балаганчика»:

Неверная! Где ты?
Сквозь улицы сонные
Протянулась длинная цепь фонарей,
И, пара за парой, идут влюбленные,
Согретые светом любви своей!

Уже на сцене Алексей, заколебавшись, остановился. Что если никто Шахову не звал, а она отправилась за кулисы сама? И рядом с нею никого нет?

Догонит он ее, вручит ридикуль, она скажет «мерси» — и что потом? Плестись назад без сумочки? Если Алина отправилась на поиски человека в алых перчатках, она наверняка захочет отделаться от лишнего свидетеля...

В кармане сцены сегодня было темно, зато портьера, отгораживавшая заеденное пространство, багровела светом. Идти туда или вернуться за стол?

Вдруг из-за портьеры раздался сдавленный женский вскрик.

Скользнув в закулисы, Романов на цыпочках сделал несколько шагов и осторожно отодвинул тяжелую ткань.

А рама за кулисами

Освещенная лампой площадка. Пианино с горящими в канделябрах свечами. На нем недавно играли — крышка поднята. Сверху на инструменте стоит черный лакированный череп, с которым вчера

выступала исполнительница поэзы. За пианино белеет ширма. Чуть в стороне возвышаются две античные колонны — должно быть, часть декорации для какого-нибудь номера. Остальная часть складского помещения, заставленная огромными ящиками, тонет во мраке.

Весь этот антураж прапорщик вчера уже видел, да и не было у него сейчас времени озиаться по сторонам. За кулисами творилось нечто совершенно возмутительное.

Плотный господин с холеной бородкой, в черном фраке и белой рубашке, держал Алину за горло рукой в алой перчатке. На манжете сверкала золотая запонка. Верхняя часть лица у невежи была прикрыта бархатной полумаской. В оскаленных зубах зажата сигара.

Это был он, вне всякого сомнения! Тот, кто вчера шептался с Алиной и потом курил в гардеробе.

— Каин, не надо! — пискнула Алина.

Вот, значит, кто это. Владелец кабаре, кокаиновый король, уругвайско-парагвайский подданный — дон Хулио Фомич собственной персоной.

Рядом, сложив на груди могучие руки, стоял Мефистофель и с ухмылкой наблюдал за происходящим.

Бедняжка Алина лишь беспомощно взмахивала своими тонкими ручками, даже не пытаясь высвободиться.

— Я тебя по-хорошему предупреждал, сучка... — цедил человек в маске. Сигара покачивалась у него во рту.

От ярости у Романова потемнело в глазах. Единственное, на что у него хватило рассудка (очень уж крепко засел в голове приказ генерала), — это сунуть ридикюль за пазуху.

С криком «Скотина!» прапорщик выбежал из своего укрытия. Отодрал хама от барышни и от всей души, с размаху, вlepил ему великолепную плюху — черно-белый отлетел к пианино и ударился об него спиной.

Благородный инструмент приветствовал акт возмездия торжествующим утробным гулом.

Ушибленный господин сполз на пол, причем пола фрака у него завернулась, и стало видно, что подкладка такого же алого цвета, что перчатки.

— Мефисто! — взвыл он, выплевывая сигарные крошки и осколки зубов.

Алексей повернулся к вышибале, и очень правильно сделал.

Детина натягивал на пальцы шипастый кастет. Ухмылка не исчезла с его грубой физиономии — наоборот, стала еще шире. Этот нисколько не испугался, а, кажется, даже обрадовался возможности отличиться перед

хозяином. Он был на полголовы выше прапорщика, раза в полтора тяжелее и, должно быть, не сомневался, что легко справится с несерьезным противником.

Инструктор по рукопашному бою подпоручик Гржембский учил своих питомцев: «Сила всегда проиграет скорости. А сила грубая, негибкая обращается против самой себя».

Могучий удар рассек воздух над головой быстро пригнувшегося Романова. Мефистофеля развернуло боком, что дало Алексею возможность вlepить верзиле отменный хук в солнечное сплетение. Ощущение было такое, словно кулак ударился о гранитную плиту.

Первая стычка закончилась, можно сказать, с нулевым счетом.

Сверкающий сталью кулачище с удвоенной силой замахал перед лицом прапорщика, но и тот в ответ удвоил скорость движений: уходил в сторону, нырял, отскакивал, при каждой возможности нанося ответные удары. Каждый достигал цели, каждый был точен — носком ботинка в пах, каблуком в коленную чашечку, но Мефистофель только кричал и еще напористей лез вперед, словно броненосная новинка «танк», говорят, совершенно неуязвимая для пехоты.

И так непростую задачу осложняла мадемуазель Шахова. Она не убежала, даже не отступила в сторону — осталась стоять на том же месте, лишь прижала руки к груди и зажмурилась. Вероятно, ей опять казалось, что всё это не явь, а ужасный сон, который когда-нибудь сам по себе развеется.

Приходилось пятиться, широким кругом обходя девицу, чтоб ее случайно не задела.

«Дон Хулио» в сражении не участвовал. Он прижимался к пианино, тер платком окровавленные губы и подгонял своего клеvрета кровожадными возгласами:

— Проломи ему башку! Это вчерашний филер! Просто сегодня он в голубом!

— Мы искали друг друга и нашли, — съязвил Романов.

Делать этого не следовало. Подпоручик Гржембский сколько раз говорил: «Главное в схватке — ничего не упускать и ни на что не дистрагироваться. Малейшая деконцентрация внимания может стоить жизни».

Всего на долю секунды повернул Алексей лицо к господину Каину — и чуть не угодил под кастет, от соприкосновения с которым голова разлетелась бы, как глиняный горшок. Верхняя часть тела качнулась назад слишком быстро, ноги за ней не поспели. Прапорщик взмахнул руками, не

удержался, упал.

— Живей, Мефисто. Что ты тянешь? — Каин хищно наклонился вперед. — Добей его!

От своей оплошности, от постыдного падения (хорошо еще, что у Алины закрыты глаза) Романов, во-первых, обозлился, а во-вторых, перестал ребячиться. Что за идиотизм — устраивать корриду с бешеным быком, когда в кармане есть револьвер.

— Я тебе покажу «добей»! — обиделся отличник контрразведывательных курсов. — А ну-ка руки, сволочи!

Он бы еще и не так их обозвал, если б не барышня.

«И ни в коем случае не впадать в ярость, не терять sang-froid,^[45] — учил инструктор. — Чаще всего ошибки происходят именно из-за этого».

Ошибка заключалась в том, что Романов взял на мушку не главного фигуранта, а второстепенного. Мефистофель, увидев черную дырку ствола, допустим, замер и даже приподнял кверху свои ручки. Зато парагваец с неожиданным проворством юркнул за пианино и пропал.

— Стой! Убью!

Алексей переполошился — то есть совершил еще одну серьезную ошибку.

Сверху на него падало что-то белое, громоздкое, ребристое. Это Мефистофель, воспользовавшийся тем, что враг отвернулся, толкнул на него античную колонну.

Она ударила прапорщика по голове, но не проломила ее, а произвела сухой легкомысленный стук — вообще оказалась удивительно легкой. Обхватив колонну руками, Алексей понял, что она бутафорская, из папьемаше.

Однако пока он обнимался с архитектурным изделием, пропал и второй неприятель — из-за ширмы донесся удаляющийся топот.

— Куда? Назад! — заорал Романов, бросаясь вдогонку.

Чертов свет, исправно горевший во время закулисной баталии, выбрал именно этот миг, чтобы опять погаснуть. Алеша успел заметить, как «дон Хулио» ныряет в один зазор между дощатыми ящиками. Мефистофель во всю прыть неся к другому, расположенному правее.

Погоня в крошечной тьме, среди запакованных роялей, — занятие малоприятное. Началось с того, что прапорщик неверно рассчитал направление и не сразу нашел проход. Потерял несколько бесценных мгновений, шаря рукой по шершавой поверхности.

Электричество мигнуло, и он увидел, что находится в узкой, не шире метра, щели, которая упирается в здоровенный короб с клеймом

«ДОСМОТРЕНО ТАМОЖНЕЙ. 28 июля 1914» — напоминание о невозвратной эпохе, когда Германия посылала на восток эшелоны с товарами, а не с войсками. От короба можно было свернуть направо или налево. Убегающие враги находились где-то очень близко, но их было не видно — ни одного, ни другого.

Не успел Алексей сделать и двух шагов, как свет потух. Теперь он, будто играясь, вспыхивал и гас с интервалом в секунду: довольно, чтобы окончательно не запутаться в зигзагах щелей и проходов, но недостаточно, чтобы избежать ударов о жесткие ребра ящиков.

Хуже всего, что прапорщик метался среди германских фортепианных бастионов вслепую, а владелец клуба и его подручный явно знали, куда держат путь.

Сообразив, что громогласно угрожать смертоубийством — лишь выдавать свое местоположение, Романов умолк и постарался передвигаться как можно тише. По крайней мере теперь стало возможно ориентироваться по звуку шагов стремительно улепетывающих противников. Оба, каждый своим путем, двигались к дальней стене склада. Вероятно, там имелся запасной выход.

Алексей попробовал приспособиться к пульсирующей смене тьмы и света. Как только воцарялся мрак, он зажмурился и выставлял вперед левую руку, чтоб не налететь на препятствие. Когда же сквозь сомкнутые веки видел, что светло, снова открывал глаза.

Лязгнул металл. Заскрипели дверные петли. Снова лязг.

Алексей побежал быстрее.

Поворот, еще поворот — и лабиринт кончился. Впереди была кирпичная стена, посередине которой зеленела облупленной краской железная дверь с отодвинутым засовом — он-то, очевидно, и лязгнул несколько секунд назад.

Ну, теперь далеко не убежите!

Он подбежал к двери, рванул за ручку, потом толкнул от себя — створка не подалась.

Тут Романов вспомнил, что металл лязгнул дважды. Проклятье! Значит, снаружи есть еще один засов, и беглецы успели его задвинуть...

Замычав от бессильной ярости, молодой человек приложился лбом к холодному металлу.

Упустил... Ушли...

— Алеша! — послышался издалика слабый голос. — Алеша, вы где? Что с вами?

Он обернулся.

Еще не все потеряно. Самое время потолковать с мадемуазель Шаховой начистоту.

Разговор начистоту

Пианино с открытой крышкой. Свет погас и больше не зажигается, но горят свечи в канделябрах. Их пламя колышется, по огромной белой ширме бегут тени, на лакированной поверхности черепа поблескивают искры.

Приглушенный шум зала. Гулкие шаги, приближающиеся из темного чрева склада. Прерывистое дыхание девушки.

— Не бойтесь, Алина, это я! — громко сказал Романов, понимая, как ей сейчас страшно. — Они сбежали. Здесь больше никого нет.

Когда он вышел из-за ширмы и на него упал отсвет свечного пламени, Алина, стоявшая на том же самом месте, бросилась навстречу и прижалась к его груди. Ее сотрясала нервная дрожь, зубы дробно постукивали.

Осторожно обняв худенькие плечи, Алексей прошептал:

— Ну всё, всё. Я прогнал их. Они не вернутся.

Если он думал ее успокоить, то ошибся. Шахова затрепетала пуще прежнего.

— Что вы натворили?! — жалобно воскликнула она. — Кто вас просил? Зачем вы вообще сюда явились?

— Я принес вашу сумочку. Вы забыли ее на стуле, — произнес он со значением.

— Скажите, какая галантность. — Она отодвинулась от него, повесила ридикюль на плечо и уныло обронила: — Всё, конец... Теперь мне только в петлю. Он мне больше ничего не даст...

— Кто, Каин? Не даст морфия, вы хотите сказать?

Она безжизненно кивнула, всё сильнее дрожа.

— Мне плохо... Если б вы знали, как мне плохо...

— Почему он на вас накинулся?

— Я ему. Должна деньги. Много. Вчера обещала. Вернуть... Вам этого. Не понять. Я дитя Луны. А вы — Солнца...

Шахова роняла слова, делая паузы между ними не по смыслу, а как придется. Дыхание у нее было коротким и прерывистым.

— Да чего тут понимать? Привили вам зависимость от наркотика, а теперь заставляют... — Слово «шпионить» он вслух не произнес. Очень уж она сейчас была несчастной. — Ничего, мы этот клубок распутаем. А вас вылечим. Я сумею вас защитить. Честное слово. Только прошу: расскажите

мне всю правду.

Она подняла на него ввалившиеся, воспаленно блестящие глаза и неожиданно улыбнулась. Пробормотала:

— И правда ведь защитит. Вон и пистолет у него. Где вы только раньше были, Ланселот Озерный?

У него запершило в горле. Смотреть на нее смотрел, а говорить не решался.

— Не смотри на меня так, Трехглазка, — тихо сказала она. Подняла руку, закрыла ему один глаз, потом второй. — Спи глазок, спи другой. А про третий-то и забыла...

Погладила по нарисованному оку. Отвела со лба прядь волос — мушкетерская шляпа слетела с Алешиной головы во время драки.

Пальцы у нее сегодня были до того горячие, что их прикосновения казались ему обжигающими.

Они стояли лицом друг к другу перед раскрытым пианино. Рядом не было ни души, лишь черный череп пялился на Романова своими пустыми глазницами.

Ужасная усталость накатила на прапорщика. Больше не было сил притворяться, ходить вокруг да около. Наступило время для настоящего, искреннего разговора.

Он пробежал рукой по клавишам. Пальцы сами, словно задавая беседе тон, рассыпали в тишине несколько хрустальных нот.

Эти нежные, неуверенные, чистые звуки сделали всякую ложь окончательно невозможной.

— Вы давеча сказали, что я светлый и ясный... Так вот, я не светлый. И не ясный...

Алина тоже тронула клавишу — вышло нечто ласковое и немного лукавое.

— Ну да, вы же Армагеддон, отъявленный эпатист.

— Я не эпатист. Я сотрудник контрразведки.

Она отдернула руку, задев клавиатуру уже ненарочно. Звук получился смазанным, нервным.

— Что?!

— Я всё про вас знаю. Дайте сумочку.

Он вынул из-за подкладки завернутый в бумагу квадратик и помахал им у девушки перед носом.

— Не нужно запираться. Лучше рассказать правду.

Ее лицо изменилось — как будто окуталось туманом.

— ...Сон... Всё сон... — прошептала она.

— Никакой не сон, а обыкновенный шпионаж! Этот ваш Каин — агент германской разведки. Вы фотографируете документы, а они потом оказываются у немцев! Проснитесь, Алина! Придите в себя! Это не шутки, это государственная измена!

Ему очень хотелось взять ее за плечи и как следует потрясти, чтобы вывести из сомнамбулической отрешенности, но нельзя было распускать руки, уподобляться гнусному Каину.

Посмотреть издали — ширма как ширма. Японская, из рисовой бумаги. Белый фон, на нем серебряные хризантемы. Но вблизи видно, что ширма не настоящая, а бутафорская, вроде валяющейся на полу коринфской колонны. Во-первых, эта трехстворчатая перегородка слишком велика, гораздо шире и выше пианино. Во-вторых, цветы намалеваны без восточного излишества, смотреть на них нужно из зала.

Со стороны открытой площадки, освещенной свечами, ширма кажется непроницаемым светлым задником, за которым — густая тьма. Если же расположиться по ту сторону хризантем, вид получается совсем иной. На белом экране разворачивается театр теней: черный прямоугольник пианино окружен теплым, слегка покачивающимся сиянием; над верхней кромкой контур двух голов — одна в шляпке с ниспадающими на плечи волосами, вторая коротко стрижена.

Именно оттуда, из темноты, затаившись между большими ящиками, к разговору прислушивался человек. Лиц собеседников он не видел — лишь чуть размытые силуэты, но не пропускал ни единого слова.

Когда мужской голос сказал про «обыкновенный шпионаж», неизвестный поднял правую руку, для лучшего прицела подхватил пистолет левой и навел мушку на тот кружок, что покруглее — без головного убора. Расстояние до мишени было плевое, шагов десять, но стрелять подслушивающий не спешил.

— Что вы мне суете? — вяло спросила девушка. — Зачем?

— Действительно, незачем. Вы и так отлично знаете, что там. Чертеж артиллерийских позиций Нового оргиевской цитадели.

Кажется, стрелок решился. Он снял оружие с предохранителя, приготовился нажать на спуск, но электричество, которое весь вечер вело себя совершенно непредсказуемо, вдруг снова включилось. На складе стало светло, но тени на ширме исчезли.

Так и не успев выстрелить, человек судорожно втянул воздух.

Нервный разговор между тем продолжался.

— Чертеж чего?

— Вы даже не поинтересовались, что вам было поручено

сфотографировать? Для вас это просто набор бессмысленных линий, кружков, стрелок и квадратигов. А ведь каждый из них — это люди, тысячи людей. Попади такой документ к врагу, и последствия будут ужасными!

Девушка пролепетала:

— Вы говорите, а я ничего не понимаю... Алеша, мне плохо. Совсем плохо... Позовите Каина. Ну пожалуйста! Скажите ему, я всё отдам! Завтра! Ах, вы не можете, вы его ударили... Что же мне делать? Я гибну!

Свет погас, и театр теней вновь зашевелился. Вернее, двигалась лишь голова в шляпке. Она качнулась к мужской, но та сохранила суровую неподвижность. Тогда барышня отступила на несколько шагов и вышла из-за пианино. Теперь она была на виду вся, тонкая и поникшая.

Рука с пистолетом примерилась. Чуть дернула стволом, наведенным на маленькую мишень — торчащую над пианино голову; стремительно перевела дуло на женский силуэт; вернулась к исходной позиции.

— Смотрите на меня, Алина! Слушайте меня! Каин — германский шпион. Документы, которые вы тайно фотографировали, попадали прямиком к немцам.

— Кто шпион? Каин? Да что вы, Алеша. Он просто дает мне ампулы и берет за это...

Палец плавно нажал на крючок. Одновременно с грохотом выстрела пистолет дернулся вправо и выбросил злой язычок пламени еще раз.

На белом экране появились две дырки.

Кошмарный сон

Всё это напоминает тягостный, вязкий сон. Слабый свет, вокруг чернота. Зыбкие слова, падающие в никуда. Ускользающий взгляд. Блеск черного лака, в котором отражаются огоньки. Бессмысленный белый фон с нелепыми, грубо намалеванными цветами.

Болезненное состояние Шаховой было заразно. Прапорщик чувствовал себя как в дурном сне. Бежишь по тяжелому песку, а с места не движешься. Разговор глухого со слепым! И это чертово освещение! А еще иррациональное чувство, будто кто-то пялится на тебя из пустоты.

Он механически покосился вправо и скривился.

Это лакированный череп, стоящий на пианино, таращился на прапорщика своими черными дырками да скалил зубы, словно издевался.

А дальше случилось то, что может произойти только в кошмаре.

С оглушительным, ужасающим треском череп вдруг полетел — нет,

ринулся на Романова. Ударил обомлевшего прапорщика крутым лбом в переносицу. Это было больно и очень страшно. Не устояв на ногах, Алексей рухнул на пол — аккуратно на лежащую колонну, то есть туда, куда уже имел неудовольствие падать несколько минут назад.

Грохнуло еще раз. Или, возможно, это было эхо.

В ушах у Романова звенело, из носа текла кровь, ресницы сами собой ошеломленно хлопали.

Что за фантазмагория?

В кабаре кричали и визжали. Верхняя часть ширмы за пианино почему-то покачивалась. Резко пахло порохом.

Первая мысль у Алексея была дикая: декадентствующая девица уволокла-таки ряженого эпатиста в свой кривозеркальный мир, где возможны любые химеры.

Череп, боднувший молодого человека в голову, валялся здесь же, на полу, щерил свои белые зубы. Агрессивности больше не проявлял. Романов схватил зловещую штуквину в руки, повертел. Увидел, что на затылке лак растрескан, там зияет дырка.

И туман в мозгу, следствие контузии и потрясения, рассеялся.

Кто-то выстрелил в череп с той стороны ширмы. Деревянный кругляш, сбитый пулей, угодил Алеше в голову. Отсюда и грохот, и запах пороха.

Но зачем кому-то понадобилось палить в череп?

И потом, выстрелов, кажется, было два?

Прапорщик окончательно пришел в себя. Встряхнулся, как вылезшая из воды собака. Огляделся.

Алина Шахова лежала на полу, выпростав из задравшегося рукава болезненно худую руку. Лицо закрывала шляпа.

Не поднимаясь, прямо на четвереньках, Романов подполз и боязливо сдернул ее.

На него смотрели открытые неподвижные глаза. Лиловые губы были раздвинуты в полуулыбке. На виске вздулся и лопнул багряный пузырь.

— А-а-а-а! — то ли всхлипнул, то ли задохнулся Романов.

Рванул из кармана револьвер и перекатился по полу подальше из освещенного круга, к кулисной портъере.

Невидимый стрелок среагировал на шум — темнота возле ящиков озарилась двумя короткими вспышками. Первая пуля выщербила царапину в полу. Вторая отрикошетила от кирпичной стены в полуметре над прапорщиком.

Даже во мраке, на звук, убийца стрелял превосходно.

Можно было выстрелить в ответ, причем с неплохими шансами на

результат — враг обозначил вспышками свое местоположение. Романов и пальнул, тоже дважды, но целил нарочно выше нужного.

Невидимку требовалось взять живым. Иначе всё зря.

Всё в любом случае зря, мелькнуло в голове у Алексея. Если иметь в виду погибшую Алину. Нет такой цены, которой можно было бы оправдать...

Пзззз! Стена над самой головой, противно взвизгнув, брызнула кирпичной крошкой. Теперь стреляли из другого места. Кажется, враг переместился в крайний правый проход между ящиками.

Обежав стороной освещенную ширму, Романов спрятался за здоровенным кубом. В таком должен был таиться как минимум огромный концертный рояль.

Еще выстрел — и басистый, благородный рокот перебитых струн подтвердил это предположение. Пуля прошила и ящик, и инструмент навывлет.

На курсах обучали распознавать модель огнестрельного оружия по звуку. Судя по сухому, лающему тембру, убийца был вооружен 9-миллиметровым «маузером К-06/08». Серьезная штука.

Шуршащий звук шагов.

Кто-то бежал вдоль стены, удаляясь. В лабиринт между ящиками противник нырять не стал. Торопится поскорей унести ноги. И правильно.

Выстрелы наверняка слышны и в клубе, и на улице. Странно, что Козловский и остальные еще не здесь.

Хотя что ж странного? Должно быть, это только Алеше показалось, будто череп полетел в него целую вечность назад, на самом же деле не прошло и минуты...

Он перебрался к крайнему ящику, высунул руку и наугад послал еще две пули.

Тьма огрызнулась один раз и поперхнулась.

Естественно. В магазине «К-06/08» шесть патронов.

Романов выскочил из укрытия, переложил револьвер в левую руку, правой дотронулся до стены и быстро пошел вперед.

Он напряженно прислушивался — не раздастся ли щелчок, с которым встает на место запасная обойма. В этом случае придется упасть на пол и начинать отсчет выстрелов сызнова. А там, глядишь, прибудет подкрепление.

Мрак безмолвствовал. Ни щелчков, ни даже шагов. Противник затаился. Что он задумал?

Рассчитывает отсидеться? Маловероятно. Скорее, Собирается

наброситься из засады.

Рисковать было глупо. Тем более что время сейчас работало на Алексея.

Козловский, несомненно, уже в кабаре и выясняет, откуда прогремели выстрелы. Какой бы переполох ни царил в зале, кто-нибудь непременно укажет в сторону кулис. А тем временем подоспеют филеры. Еще минута, и окажутся на складе.

— Выходите! — крикнул Романов, останавливаясь. — У вас кончились патроны, а запасного магазина нет. Иначе вы бы его вставили!

То, что ответа не последовало, неожиданностью не было. Другое дело — внезапно очнувшееся электричество.

Под высоким потолком зажглись лампы. Они светили не так уж ярко, но после абсолютной темноты стало больно глазам.

И все же прапорщик разглядел самое важное. В выемке стены, за пожарным щитом, кто-то прятался — в каком-нибудь десятке шагов.

— Руки вверх, два шага вперед! — торжествующе выкрикнул Романов. И подлое электричество, будто насмехаясь, опять погасло.

Кто-то легкий, проворный бежал к запасному выходу. Алексей шел сзади неспешно, теперь уже уверенный в успехе.

Загрохотала, заскрипела дверь.

Давай, давай, потыкайся в нее, мысленно подзадорил Романов угодившего в ловушку шпиона.

Спасибо дону Хулио и его верному слуге. Иногда встретишь какого-нибудь отъявленного мерзавца и поражаешься, зачем только живет этакая гнусь? А гнусь, может, появилась на свет и коптила небо ради одного-единственного благого деяния: чтоб в нужном месте и в нужный момент запереть некий засов, тем самым отрезав путь к бегству гадине во сто крат более опасной.

Лампы снова загорелись, но это было уже и не нужно. Мышь так или иначе попала в мышеловку. Однако все равно мерси.

Алексей стоял перед запертым выходом и держал на мушке человека в красном облегающем костюме и глухом капюшоне, закрывающем лицо.

Палач, вот кто это был. Тот самый, что вчера и сегодня постоянно крутился неподалеку от стола, за которым сидел прапорщик...

Ряженный прижимался спиной к закрытой двери. Глаза в прорезях матерчатого колпака горели яростью, как у затравленного волка.

— Ни с места! — тряхнул револьвером прапорщик, видя, что Палач делает шаг вперед. — Застрелю!

— Не застрелишь, — прошептал тот. — Живьем взять захочешь.

Что правда, то правда.

Подняв руку, Алексей высадил остаток барабана в потолок — чтоб Козловский понял, куда бежать. Потом бросил разряженное оружие на пол, слегка присел и выставил вперед руки, заняв оборонительную позицию джиуджитсу.

Противник задержался подле наполовину распакованного ящика, в котором поблескивала крышка пианолы. Отодрал рейку с торчащими гвоздями и кинулся на Алексея.

Удар был не силен и не размашист, с расчетом не оглушить, не сбить с ног, а разодрать лицо. Этот враг был вдвое меньше Мефистофеля, но вдвое опасней. Подобной быстроты прапорщик не ожидал и сплоховал — не успел уклониться. Пришлось закрываться рукой.

Предплечье пронзила боль. Палач с вывертом рванул рейку на себя, отпрыгнул и, не теряя темпа, нанес еще один удар, боковой. Теперь Романов был наготове, но все равно еле увернулся. По разодранной руке струилась кровь.

Неугомонный молчаливый противник все налетал и налетал, нанося короткие, кошачьи удары своим нелепым, но опасным оружием.

И Алексей совершил еще одну грубую ошибку, от которой неоднократно предостерегал своих учеников инструктор Гржембский, любитель иностранных слов. Он говорил: «Не центрируйте внимание на чем-то одном. Оно должно работать автономно, само по себе. Кто центрирует внимание, ослабляет периферию».

А Романов, испугавшись ржавых гвоздей, слишком уж следил за когтистой деревяшкой. Потому и пропустил неожиданный маневр Палача — тот внезапно обернулся вокруг собственной оси и подсек прапорщика ногой под коленку. Алексей потерял равновесие и третий раз подряд оказался повержен на пол. Только теперь настырный враг не дал ему подняться, а прыгнул сверху, перехватил рейку обеими руками с концов и попытался пробить упавшему горло гвоздями. Романов едва-едва успел вцепиться в палку, тоже в две руки. Ее отделяло от подбородка всего несколько дюймов.

— Алеша! Ты здесь? — раздался издалека крик Козловского. Загремели шаги сразу нескольких людей. — Отзовись!

Но отозваться было невозможно. Все силы хрипящего от натуги прапорщика уходили на то, чтобы удерживать палку с гвоздями на безопасном расстоянии.

Изобретательный враг физически был несколько слабее Алексея, но зато использовал всю тяжесть своего тела, давя сверху вниз. Дистанция

между горлом и хищно поблескивающими гвоздями (их было шесть, теперь прапорщик явственно это видел) неуклонно сокращалась. Глаза убийцы торжествующе горели в отверстиях маски. Пальцы потянули рейку чуть влево, должно быть, метя одним из гвоздей в артерию.

Романов понял: ему не продержаться. Еще секунда-другая, и всё кончится.

А коли так, нечего и упорствовать. К черту инстинкт самосохранения.

Авось не в артерию!

На всякий случай он вывернул голову и выпустил палку.

Два гвоздя из шести вонзились ему в шею, деревяшка с хрустом надела на кадык. Но зато руки были свободны. Мыча от боли, прапорщик исполнил жестокий, но эффективный прием под названием «Двойной рожок»: одновременно воткнул большие пальцы Палачу в оба уха. Даже при небольшом замахе болевой шок временно парализует противника.

Так и произошло.

— Ы-ы!

И давление на горло ослабело. Глаза в прорезях маски зажмурились.

Дальше было просто.

Снова вцепившись в деревяшку, Алексей выдрал ее из тела. Поднатужившись, опрокинул Палача на пол и сам уселся сверху.

Из проколотой шеи в двух местах текла кровь, но, слава богу, не толчками, а умеренно. Значит, артерия не задета.

— Я здесь! — прохрипел Романов. Голос застревал в полураздавленном горле. — Лавр, я взял его!

Топот ног стал приближаться.

— Кто это? Каин, да? Каин? — нетерпеливо кричал князь, очевидно, опять отставший от филеров.

— Сейчас погляжу...

Прапорщик рванул с лица Палача маску. Затрещала ткань.

— Вы?! — пролепетал Алексей.

Лицо убийцы было искажено гримасой боли, глаза закатились, так что виднелись одни белки, но остроконечная седоватая борода, высокий лоб, нос с породистой горбинкой!

Под Романовым, прижатый к полу и оглушенный, лежал благородный отец, несчастный король Лир, жертва родительской любви — подполковник Шахов.

Сон. Кошмарный сон...

Увы, то был не сон

Допросная в здании Жандармского корпуса. Совершенно безжизненная комната с зарешеченным окном. Большой стол для следователя, маленький стол для секретаря, посередине одинокий стул для допрашиваемого, еще ряд стульев у стены. С потолка свисает мощная лампа без абажура.

Всё время, пока шла формальная часть допроса (имя, звание, вероисповедание и прочее), Романов не отрываясь смотрел на арестованного.

Значит, и такие существа водятся на свете?

Подполковник сидел вольно, дымил папиросой. На спокойном лице ни страха, ни раскаяния. Лишь иногда вдруг дернется голова, словно от нервного тика, глаза быстро обшарят помещение — и снова нарочитая невозмутимость.

Шахов мучительно напоминал Алексею кого-то из далекого прошлого. Вспомнил!

Однажды, еще в детстве, он видел, как стая собак загнала в угол двора бродячую огненно-рыжую кошку. Бежать ей было некуда, псы распаляли себя лаем, готовясь наброситься на жертву и разорвать ее в клочки. Но кошка не пищала, не металась. Вздвигив шерсть, она внимательно наблюдала за врагами и как будто чего-то ждала. Алеша решил выручить обреченную тварь — хоть и побаивался, но всё же шагнул вперед и закричал: «Брысь! Брысь!» Псы, конечно, и не подумали разбежаться, а лишь оглянулись на мальчишку. Но рыжей хватило и этого. Воспользовавшись тем, что стая на секунду отвлеклась, кошка порскнула вбок, молнией взлетела на мусорный бак, оттуда, уже спокойнее, перепрыгнула на верх кирпичной стенки, шикнула сверху на собак и была такова.

Вот и Шахов смотрел на ведущего допрос Козловского, на сидящего у стены Жуковского, на прапорщика Романова взглядом загнанной дворовой кошки, которая выискивает лазейку, чтобы стрекануть от верной гибели. Сходство с рыжей ловкачкой из Алешиного детства усугублялось запыленным красным костюмом Палача.

По правде говоря, все, кто находился в допросной, выглядели чудновато, будто в Жандармском корпусе открылся филиал декадентского кабаре, где каждый изображает из себя то, чем не является.

Начать хотя бы со стенографической записи. Вместо положенного по

штатному расписанию жандармского вахмистра за столиком, старательно скрипя пером, сидела барышня в блузочке и очочках, вчерашняя гимназистка. Еще недавно это было бы немыслимо: допускать к наисекретнейшей работе женщину, но ничего не поделаешь — война.

Ротмистр Козловский, восседавший на следовательском месте, остался в форме городского. Породистая, несколько лошадиная физиономия князя и вся его гвардейская манера держаться плохо сочетались с болтающимся на шнуре свистком и медной бляхой на груди.

Про Романова и говорить нечего. Единственное, что он успел, — побывать в медицинском пункте. Переодеться времени не было, так и сидел трехглазым эпатистским чучелом. Даже хуже: шея обмотана бинтом, рукав задран до локтя — видно предплечье, залепленное бурым от йода пластырем.

Даже его превосходительство, скромно расположившийся на стуле рядом с прапорщиком, сегодня смотрелся не совсем обычно, невзирая на мундир и аксельбанты. Жуковский, подобно Романову, сверлил взглядом поразительного подполковника и, дабы лучше видеть, нацепил пенсне, что делал крайне редко, ибо стеснялся своей близорукости. Профессорские стеклышки на его лобастом боксерском лице гляделись совершенно инородным предметом, будто генерал надел их ради шутки.

Вводная часть допроса закончилась. Ротмистр задал положенные вопросы, Шахов неторопливо, даже с ленцой, на них ответил. Поведение этого... индивида (даже мысленно называть его «человеком» не хотелось) Алексею казалось непостижимым. Вообразить, что творится в душе... ну, пускай в голове у подполковника, молодой человек был не в состоянии.

Козловский искоса посмотрел на генерала, тот кивнул. Очевидно, между ними существовала договоренность, что князь начнет разговор с нейтральных вопросов, а Жуковский пока приглядится к арестованному и выработает стратегию.

Начальник сдернул с носа пенсне и поднялся. Все сразу же обернулись к нему.

Ротмистр и прапорщик тоже вскочили. Барышне вставать не полагалось, но она быстро положила под руку еще несколько заточенных карандашей. Понимала: сейчас начнется настоящий допрос.

А Шахов остался сидеть как ни в чем не бывало. Еще и позволил себе сдерживать.

— Посижу, — обронил он да закинул ногу на ногу. — Я теперь не офицер, не слуга отечества. Тянуться перед генералом не обязан.

Предателю Жуковский ничего не ответил. Своим показал жестом, чтоб

садились. Поскрипывая сапогами, прошелся по кабинету и заговорил размеренным, задумчивым голосом.

Генерал стал восстанавливать хронологию событий — и для самого себя, и для протокола. Это называлось у него «реконструкцией»: когда все прежние загадки раскрываются, несостыковки сходятся, белые пятна закрашиваются и всё дело складывается в стройную логичную картину. Любил его превосходительство порисоваться своими дедуктивными талантами (действительно, незаурядными) — имел такую извинительную слабость.

Жуковский говорил с четверть часа, делая маленькие паузы, чтобы неопытная стенографистка не отставала. А закончил свою речь вот чем:

— ...Когда же эксперты обнаружили, что находившийся у вас чертеж 76-миллиметрового орудия был переснят, вы поняли: это конец. Ваша работа на немцев раскрыта, ареста не избежать. И тут вы, Шахов, проявили себя мастером изобретательности, хоть и самого циничного свойства: моментально соорудили правдоподобную версию о том, что документы фотографирует ваша дочь. В моей практике не бывало случая, чтобы отец подводил под виселицу родную дочь.

Неудивительно, что мы все вам поверили... Не буду кривить душой, поверили с большой охотой. — Генерал покосился на протоколистку, но все-таки договорил: — Предательство старшего офицера генерального штаба — чудовищный скандал, который никому не нужен. Другое дело — член семьи. Преступная халатность, не более того... На этих сантиментах вы безошибочно и сыграли. Это вы подсовывали фотопластины за подкладку ридикюля. Мадемуазель Шахова о них и не подозревала. Вечером, переодевшись, вы отправлялись в кабаре и вели наблюдение за прапорщиком Романовым, благо наш агент был вам известен. Первую пластину вам удалось изъять незаметно. Не знаю, на что вы рассчитывали. Может быть, тянули время. Или же хотели навести нас на ложный след — владелец кабаре отлично подходил на роль вражеского агента. Однако во второй вечер вы поняли, что существует только один надежный выход: убить дочь, свалив преступление на неведомых германских шпионов. Тогда Алина останется навсегда виновной, а концы уйдут в воду. Истинный триумф логики. — Генерал остановился над Шаховым, сжав кулаки. — Знаете, на этой службе я всяких мерзавцев повидал. Но такого беспроектного выроodka встречаю впервые!

Не сдержавшись, пересевший к Алексею князь Козловский крикнул — выразил полное согласие. А Романов всё не мог оторвать взгляд от лица детоубийцы.

Оно нисколько не переменялось и после эмоционального взрыва его превосходительства. Предатель вроде бы слушал, и внимательно, но слышал ли и улавливал ли смысл слов — бог весть.

Алексею подумалось: может быть, у выроdkов все устроено иначе, чем у нормальных людей, — и слух, и зрение, и остальные органы чувств? Выродки видят и слышат не то, что все мы, а нечто свое. Как та же кошка, различающая много оттенков серого, но неспособная воспринимать яркие цвета. Или летучая мышь, для которой важнее всего не звуки и образы, а эхолокация.

— Имеете что-нибудь сказать? — спросил Жуковский, не дождавшись ответа.

Оказалось, что Шахов всё отлично услышал и понял.

— Имею. Во-первых, катитесь вы с вашими моральными сентенциями. — У ротмистра встопорщились усы, генерал побагровел. — Классик сказал: раз Бога нет, всё дозволено. А Бога именно что нет. Вы это отлично знаете, иначе не служили бы жандармом. Господин Достоевский тысячу раз прав. Я когда это понял, еще юнкером, так легко стало на свете жить, вы не представляете!

По тону и ухмылке Шахова было ясно, что он нарочно выводит генерала из себя. Понимает — терять нечего.

— А во-вторых, — продолжил подполковник, — рассудите сами. Вы же умный человек. Я привык жить на определенном уровне. А когда лопнул банк и сгорели все деньги, пришлось перебиваться на одно жалованье, на жалкие шесть тысяч со всеми обмундировочными-командировочными. При этом под рукой имелся товар, за который кое-кто был готов платить очень хорошие деньги. Ну и в-третьих. — Лицо Шахова перекосилось, из чего следовало, что он все же задет «выродком» за живое. — Про отцов и детей мне проповедовать не нужно! Лучше никакой дочери, чем законченная морфинистка. А так — мне спасение, ей избавление. Dixi.[\[46\]](#)

Он зажег новую папиросу и с наслаждением затянулся.

— У, скотина... — жарко прошептал Алексею на ухо князь. И мечтательно прибавил: — Чем хамить, лучше бы кинулся он на генерала... Ух я б тогда! Тебе-то хорошо, ты хоть немножко душу отвел, когда его брал.

— Мало, — так же тихо, но с большим чувством ответил Романов, думая: вот есть гуманные люди, противники смертной казни, те же Достоевский с Толстым. Теоретически и нравственно они, наверное, правы. Но предъявить бы Федору Михайловичу со Львом Николаевичем господина подполковника да посмотреть, не сделают ли для него великие

гуманисты исключение.

Его превосходительство метнул на шепчущихся взгляд, двинул бровями. Офицеры сделали одинаковые каменные лица.

— Ладно, про отцовские чувства не буду. — Жуковский расстегнул крючок на воротнике кителя, словно ему стало трудно дышать. — Давайте поговорим про виселицу, которая вас ждет не дождется.

Рука Шахова тоже схватилась за горло. Выходит, не такие уж стальные были нервы у изменника.

— Вы как, не поможете нам выйти на германского резидента? — небрежно, словно о каком-нибудь пустяке, спросил Жуковский.

Князь толкнул Романова коленкой: слушай, учись — начинается.

Тем же светским тоном арестованный осведомился:

— А что? Это избавило бы меня от виселицы?

— Безусловно. В обмен на резидента вы получите пистолет с одним патроном. Даю слово офицера.

Шахов разочарованно наморщил нос.

— Хоть бы что-нибудь новое придумали! На черта мне такие одолжения. Тем более что в этом случае одолжение вам сделаю я. Избавлю от неприятного судебного процесса. Скандал в прессе, нагоняи от начальства. А так застрелился раб Божий, и всё шито-крыто. Нет уж, батенька, мне пожалуйста суд, да по всей форме: с прокурором, с адвокатом. Немцы вон как наступают, уже Варшаву цапнули. Пока суд да дело, апелляция-конфирмация, они, глядишь, и Москву с Петроградом возьмут.

— Ну, повесить-то мы вас в любом случае успеем. Это я вам гарантирую. — Поразительно то, что Жуковский на негодяя вроде бы уже и не гневался, а разговаривал с ним спокойно, чуть ли не с удовольствием. — Но раз вы такой... практичный господин, у меня будет к вам другое предложение. Оно вам понравится. Только сначала вопрос, из чистого любопытства. Что ж вы дочку сами-то, собственными руками? Ведь неприятно, наверное. Даже вам. Попросили бы своих немецких друзей, они бы не отказали.

Глаза подполковника вспыхнули желтыми огоньками — кошка почуяла шанс. Сконфуженно разведя руками, Шахов признался:

— Совестно было просить. Дело-то семейное.

— Ну да, — понимающе кивнул генерал. — Вам ведь с немцами потом жить. Когда они Москву с Питером возьмут. Будут вами брезговать, руки не подадут... Вы от них эту историю вообще утаили бы, правда? Понимаю.

Он надел пенсне и наклонился к изменнику, смотря ему в глаза.

— Ну а теперь мое предложение. Вы выдадите нам резидента. Мы его

не трогаем. Вас тоже не трогаем. Служите себе и дальше.

— Хотите, чтобы я сплавлял немцам чепуху, которой вы меня будете снабжать?

— Почему же чепуху? Это будут в высшей степени солидные, абсолютно достоверные сведения. Знаете, что мы еще сделаем? Мы переведем вас на другую должность, более интересную для немцев. Например, офицером особых поручений к генерал-квартирмейстеру. А то и в Ставку. Подумаем.

Прапорщик в панике оглянулся на Козловского. Неужели такое возможно?! Князь восторженно подмигнул: ай да Владимир Федорович, ай да голова!

— Хм, предложение заманчивое, — протянул Шахов. — Может быть, немцы и не возьмут Москву... Что-то наступление у них замедляется... Скажите, генерал, а буду ли я плюс к своему жалованью получать доплату от вашего ведомства?

Челюсть Жуковского брезгливо дрогнула.

— Будете. Сдельно.

Тогда Шахов погасил папиросу, вскочил со стула и вытянулся по стойке «смирно».

— Ну, раз я снова подполковник... Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, немцы платят мне помесечно плюс премиальные за каждый документ. Иногда выходит до восьми тысяч в месяц. Довольно странно, что вы предлагаете мне сдельную оплату.

— Так немцы будут и дальше вам платить, еще больше прежнего. Для вас двойная выгода. А мы с вами станем рассчитывать в зависимости от конкретного результата. Про виселицу опять же не забывайте, она тоже чего-то стоит, — сварливо ответил генерал.

— Ваше превосходительство, — громко сказал Романов, поднимаясь. — Позвольте выйти.

Жуковский рассеянно махнул: идите куда хотите, только не мешайте.

Быстрым шагом, чуть ли не бегом, прапорщик вышел за дверь.

Пустой коридор. Горит электричество. Стены отливают казенной маслянистой охрой. Глубокая ночь. За окнами черное небо с серой полосой на востоке — скоро рассвет, но день опять будет пасмурным.

Алексею было скверно. Во всех смыслах — и физически, и нравственно. Раскалывалась голова, ныло израненное тело, изнутри накатывала тошнота. Он отодрал оконную раму, которую, вероятно, не открывали с прошлого столетия. Вдохнул сырой воздух, но легче не стало. Прапорщика трясло. От усталости, от ярости, от гадливости.

Перестань, приказал он себе. Не бабься. Владимир Федорович только что блестяще провел классическую операцию по перевербовке вражеского шпиона. Теперь это двойной агент, причем за все ниточки его держим мы. Это большая удача, которая стоит выигранного сражения. Дальше события будут происходить так: немецкий Генштаб через Шахова станет получать очень ценные, абсолютно правдивые сведения, которые повысят котировку источника до наивысшей степени. А потом, в стратегически важный момент — скажем, накануне крупной фронтовой операции — по этому каналу вбросят дезинформацию. Немцы ее заглотят, и это может решить судьбу целой кампании или даже, чем черт не шутит, всей войны. Что по сравнению с такой грандиозной целью жизнь, подаренная мерзавцу, или жизнь, отнятая у больной обреченной девочки? Ерунда, мелочь.

И это действительно так.

Но отчего же на душе тошно? Просто невыносимо!

Рыжая кошка нашла-таки мусорный бак, на который запрыгнула и спаслась от верной гибели. Этот «мусорный бак» — контрразведывательная служба Российского государства. Организация, к которой имеет честь принадлежать и он, Алексей Романов.

Ничего отвратительного в профессии мусорщика нет, сказал прапорщик своему отражению в темном стекле. Без мусорщиков всё вокруг утонуло бы в грязи. А без разведки и контрразведки победить в современной войне нельзя. Кто-то должен этим заниматься. И чистюля, боящийся запачкаться, всегда проиграет противнику, который не останавливается ни перед чем.

— И всё же. Неужто нельзя как-нибудь по-другому? — спросил прапорщик Романов у своего призрачного двойника, сквозь которого просвечивал ночной город.

Отражение молчало, потерянно мигая двумя глазами. Третье око, нарисованное, тарацилось бестрепетно. Сомнения ему были неведомы.

Конец Четвертой Фильмы

Продолжение будетъ

Борис Акунин
Смерть на брудершафт
(фильма пятая и шестая)

ФИЛЬМА ПЯТАЯ

Странный человек

Видение сонное, к худу

Сверху, будто через густое облако, видно реку. Не особенно большую, а примерно как Тобол выше Тобольска. И вроде ледоход по ней, самый конец, когда ледяные глыбы уже не горбатятся, а поистерлись, потаяли, посерели от воды. Тесно реке, распирает ее лед, продохнуть не дает.

И ух вниз, с горней высоты, ажно печенка в горло. Туман жиже, прозрачнее, и теперь можно разглядеть: не река это, а улица. Невский проспект. Дома пообонь, будто высокие берега. И льдины не льдины, а мертвяки — люди в шинелях, гнедые лошади с раздутыми брюхами. И всё это серое, неживое движется меж каменных теснин, в сторону аммиралтейской иглы, дворца зимнего. Медленно, неотвратимо, и конца потоку не видать.

Страшно.

Хорошо, догадался молитву, хоть и во сне. Только произнес «Спаси, Господи, люди Твоя», и страшная блазна, ползущие вшами непокойники, сгинула. Проспект, однако, остался.

Теперь по нему шли живые, тьма тьменная. Радостные все, руками машут, кричат что-то, трубы у них трубят, песню слышно — как бы радостную, но в то же время и грозную. Словно крестный ход в престольный праздник. Но несут не кресты — хоругви кровавые, а вместо икон с Ликом Божьим тащут портреты, на них усатый кто-то, довольный, глаза щурит.

Первое виденье было хоть страшное, но понятное — где война, там и мертвецы. Второе сонному разуму не в охват. Кому поклоняются? Чему рады?

Но и тут пригодилось моление.

«...и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя» — пропал и черт усатый.

Всё пропало кроме Невского. Ни души на нем. Пусто, бело, морозно. Только сбоку по мостовой баба, замотанная в платок, тащит санки, еле идет. На санках куль небольшой, веревкой обвязанный. Хоть сверху не видно, однако известно: там усопший младенец. Баба пройдет немного,

встанет. Потом снова идет. И никого на всем проспекте, только поземка.

Знамение это было страшней первого, но понятней второго. Быть сему месту пусту? Нельзя того допустить!

«...и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Сказал священные слова — победил Пустоту. Снова проспект переполнился, задвигался. Только не людьми, а железными крышами малыми, разноцветными. И чудно: половина по правой стороне тащится, половина — по левой, встрень. По берегам-тротуарам выставлены картины пестрые, на них девки намалеваны, тощие, полуголые, зубы скалят.

Плюнул на всю эту непонять из-под облаков. Зафырчал проспект: фрр-фрр. Полетели брызги черные.

Не «фрр-фрр», а «карр! карр!» Не брызги — вороны.

То ли каркают, то ли по-инострannому кричат. И выше, выше подбираются. Уже близко они. Клювы острые, когти врасстыпы.

Сейчас накинется, мелюзга бесовская, рвать зачнет. А молитвы нет — слова, как дальше, забылись. Не вспомнить.

Воронье гнездо

На второй год боевых действий почти весь Генеральный штаб (а вместе с ним отдел IIIb, к которому был приписан майор Йозеф фон Теофельс) вслед за Oberste Heeresleitung, ставкой верховного главнокомандования, переместился в Силезию, поближе к Восточному фронту. Разместились удобно, в охотничьем замке Плес, но по мере того, как война набирала силу, разбухала и главная квартира. Ко второй зиме не только во флигелях и пристройках, но в оранжереях, подсобных помещениях, даже сторожках и сараях поселились Sektionen и Abteilungen^[47] разной степени необходимости. При этом размещение не всегда соответствовало истинной полезности подразделения. К примеру, Abteilung IIIb, без которого великая армия оглохла бы и ослепла, ютился в бывшем птичнике. Из прежнего курятника велось управление всей гигантской агентурной сетью, пронизывавшей тылы вражеских государств. В утятнике расположился мозговой центр контрразведки. Фронтовой разведкой руководили из гусятника. Сектору военной журналистики, агитации и пропаганды достался индюшатник. Цензура и сектор военных атташе делили страусиный вольтер. В кабинете начальства когда-то хранились свежие яйца. Шутки по этому поводу офицерам давно уже надоели, но прозвища («куроводы», «селезни», «индюки» и прочее)

присохли намертво и в дальнейшем, когда Ставка сменила дислокацию, уже не менялись.

В этом птичьем царстве майор бывал нечасто. Только по экстренному вызову — как сейчас. Фон Теофельс был у руководства на особом счету, способного офицера приписывали то к одному сектору, то к другому, в зависимости от задания. Поручения неизменно относились к категории сверхважных, однако важность не всегда сочеталась с *интересностью*, а именно этот параметр являлся для Зеппа определяющим. Он любил свою работу, она составляла весь смысл его существования, а за каким чертом жить, если скучно?

Судя по тому, что под телеграммой стояла подпись подполковника Колнаи, начальника разведсектора, можно было надеяться на что-нибудь живое. И все-таки Зепп немного волновался. Всю дорогу он проделал на мотоциклете, чтоб как следует разогнать кровь. Гнал на восьмидесяти, останавливался лишь залить бензина да сжевать бутерброд. Когда показался шлагбаум, кордон первой линии оцепления, фон Теофельс не сбавил скорость, а еще наподдал газу и эффектно затормозил у самого шлагбаума.

Чем ближе к замку, тем больше на дороге становилось автомобилей. Черные, стремительные, они летели в Ставку и обратно, доставляя воинских начальников и курьеров с секретными пакетами. Будто вороны вокруг вороньего гнездовья, подумал Зепп, которого предстоящая встреча настраивала на поэтический лад. Он даже запел по-русски: «Не стая воронов слеталась на груды тлеющих костей...» Лихой ветер уносил песню вместе с дорожной пылью.

Ах, если б снова за линию фронта! Надоело ходить в мундире, жить по правилам.

Правда, минувшим летом он занимался делом невидным и неблагодарным, но очень, очень занятым: налаживал у союзников-австрийцев новую систему фронтовой разведдеятельности (собственная разработка). Идея была здравая, простая, всем выгодная. Обычный шпион, обслуживающий зону боевых действий, труслив и бездеятелен. Его можно понять — если попадется, сразу вздернут или расстреляют. Заработки чепуховые, а риску много. Из-за этого агенты добывают мало информации и многое присочиняют.

Что придумал Зепп? Пойманных русских шпионов не казнить, а перекупать. Мол, зачем человеку существовать на жалованье от одного начальства, когда можно получать сразу два вознаграждения, в рублях и в кронах? И своим агентам рекомендовалось то же самое: идти с повинной к

русским и предлагать свои услуги.

Выгода здесь не только в двойной оплате. Еще важнее безопасность. Виселицы можно не бояться, от патрулей не прятаться, через линию фронта переправят в лучшем виде и так далее. Противник снабжает двойника ложными сведениями, по которым легко вычислить истинное положение дел. Люди оживают, начинают давать превосходные результаты. Потерь минимум. Красота!

Конечно, есть риск, что шпион-двоеженец сочтет главной супругой русскую разведку, но это вряд ли. Помогут два обстоятельства. Во-первых, нужно больше платить. Во-вторых (это главное), сердечнее относиться. Всякому приятно, когда его уважают. Особенно если твое ремесло у дураков считается презренным. Вот русские офицеры агенту руки не подают, разговаривают брезгливо, иной раз и сесть не предложат. А мы не то что руку — обнимем и к груди прижмем, про семью расспросим, водочки-наливочки с героем выпьем, поахаем на все его приключения. С душой надо к сотрудникам относиться, и они в лепешку разобьются, чтобы оправдать такое к себе расположение.

Поработал неплохо, австрийские коллеги остались довольны. Но именно из-за этого возникла следующая командировка, исключительного занудства. Генерал-полковник фон Гетцендорф личным письмом попросил фельдмаршала фон Гинденбурга откомандировать в распоряжение австрийской Ставки капитана фон Теофельса для организации охраны сверхсекретного объекта: 305-миллиметровой чудо-пушки «Шкода», предназначенной для стрельбы бронебойными снарядами по мощным крепостным укреплениям. Ради повышения статуса присвоили Зеппу внеочередной чин (было бы за что), дали штат сотрудников, и несколько недель новоиспеченный майор катался взад-вперед по железным дорогам. Работа по обеспечению безопасности была ерундовая, любой педант бы справился, но сколько волынки, сколько нудной суеты! Стальное чудовище можно транспортировать только в разобранном виде, на нескольких платформах. При каждой сборке-разборке тысяча формальностей. В момент выстрела, который осуществляется дистанционно, нельзя приближаться к орудию ближе, чем на триста метров, иначе смертельная контузия. В конце концов Теофельс запросился в отпуск для поправки здоровья: мигрень, тремор, частичная потеря слуха. К черту такую статусность.

Но и в отпуске скоро соскучился. Не был он создан для семейной жизни. Не та порода, не та группа крови. Вернуться под древние своды родового замка, конечно, было приятно. Жена содержала Теофельс в

образцовом порядке. И сама она тоже была совершенно образцовая. Настоящая генеральская дочь, воспитанная в традициях долга и ответственности. Для разведчика, чья жизнь принадлежит службе, а наезды домой редки и нерегулярны, никакая иная супруга не подошла бы. Просто не выдержала бы такого сосуществования. Зепп относился к жене с уважением и благодарностью, как на фронте относятся к надежному тылу, о котором можно не заботиться. Ирма платила мужу той же монетой, ведь он был героем, настоящий немецкий офицер.

Оба держались в высшей степени тактично. Своими проблемами друг друга не обременяли, а общая зона ответственности у супругов была только одна — воспитание сына. Здесь всё тоже обстояло почти идеально. Мальчик рос шустрый, смелый, любознательный. На папу глядел с трогательным обожанием. Не полюбить малютку было трудно, пришлось задействовать всю недюжинную выдержку.

Любовь — чувство, в которое Йозеф фон Теофельс не то чтоб не верил (отлично верил и не раз использовал в работе), но которое считал для настоящего разведчика недопустимым.

Не совсем так. Любить можно, даже полезно что-нибудь абстрактное: Родину, нацию, идею, принцип. Такая любовь делает человека сильнее, может превратить его в стальной таран, всё сметающий на пути.

Но любовь к кому-то, к конкретному человеку делает тебя уязвимым, а значит, слабым. Оглянешься на бегу, дрогнешь в миг выбора, поддашься жалости — и всё, проиграл. В сущности, жизнь состоит из череды побед и поражений. Маленьких, средних, больших. Бывают слабаки, которые никогда и ни в чем не побеждают. Но нет таких героев, кто вовсе не ведает проигрыша. Задача — концентрировать силы на главных целях, без сожаления жертвуя третьестепенными. Тот же закон, что на войне. Собрал войска в кулак, прорвал фронт или нанес мощный фланговый удар, а прочее мелочи. Победителей не судят.

Йозеф фон Теофельс был однолюбом. Он знал лишь одну всепоглощающую страсть — любовь к победе. Не важно в чем. В деле, которым он в данный момент занимался и которому отдавал все силы своего острого ума и бронированной воли. В этом и заключался источник его силы, его смелости. Чувство страха майору было неведомо — так, что-то смутное вспоминалось из раннего детства, не более. Зачем жить, если ты разбит? Чем проиграть, лучше погибнуть.

Жена — та понимала. В душу не лезла, довольствовалась тем, что Зепп ей давал. Но сын был еще маленький. Усвоить зепповскую диалектику любви он был пока не в состоянии. Смешной рыжик таращился на бравого

папашу круглыми глазенками, которые так и сияли любовью.

Словами объяснять было рано. Только поступками. Как вчера, при расставании.

24 часа назад

Ровно сутки назад, когда Зепп, получив интересную телеграмму, моментально собрался в дорогу, жена с сыном вышли его проводить к воротам. Ирма вела себя безукоризненно. За полчаса собрала саквояж и провизию в дорогу, обняла, сдержанно поцеловала сухими губами. Даже улыбнулась. Зеппу показалось, что без печали, но это его нисколько не задело.

Зато сынишка держался из рук вон. Шестой год уже, а разнюнился. Всхлипывал, лепетал «папа, папа, не уезжай». Ужасно хотелось его прижать к себе, потереться носом о теплую макушку, но Зепп стиснул зубы. Слабость — как гниль. Ее надо вырезать, выжигать в зародыше, пока не расплзлась.

Применительно к сыну у него тоже была цель: вырастить его настоящим фон Теофельсом. Удастся — будет победа. Не удастся — поражение.

Майор наклонился к сыну и больно щелкнул его железным пальцем по носу. Из симпатичной веснушчатой кнопки полилась кровь.

Что отцу понравилось — малыш не заревел, а только уставился снизу вверх непонимающими, широко раскрытыми глазами. Есть характер, есть!

Жена сделала движение, словно хотела притянуть сына к себе. В ее взгляде промелькнул не то страх, не то гнев. Но сдержалась, не подвела.

Всё это, разумеется, Зеппу было неприятно. Хорошо бы парень запомнил этот маленький урок на всю жизнь.

Вряд ли, конечно, одного щелчка будет достаточно. Щелчок — чепуха. В свое время сам Зепп получил от родителя урок куда более памятный.

Сколько же прошло лет?

24 года назад

— ...Главное же — вы отдадите мне сына! И навсегда — слышите, навсегда — оставите его в покое! Я не допущу, чтобы мой мальчик стал, таким как вы! Как все мужчины вашего проклятого рода!

Мать закашлялась. Она была сильно простужена, врачи подозревали

пневмонию.

Десятилетний Зепп прятался за дверью. Когда в коридоре раздались тяжелые шаги, мальчик выскользнул через гардеробную. Он знал, что отцу не понравится нарушение режима. Ночью ребенок должен находиться в постели и спать. Выскользнуть Зепп выскользнул, но не ушел. Ему хотелось посмотреть, что произойдет. Днем мать о чем-то долго спорила с отцом, из спальни доносился ее сорванный голос и хриплый кашель. И сейчас, ночью, целуя сына, она успела сказать, что скоро они заживут по-другому.

И вот он прижался к щели, подслушивал, как Эвелина фон Теофельс выдвигает своему супругу ультиматум. Он даст ей развод и полную свободу, мальчик будет жить с ней.

Зепп вырос с матерью, отца видел редко. Если бы больше вообще никогда не увидел, не заплакал бы. Зепп был всецело на стороне Эвелины и боялся только одного — что она не выдержит спокойного, ледяного голоса, которым говорил с ней оберст-лейтенант фон Теофельс.

— Вы меня не интересуете, — с непоколебимым терпением повторил отец. — Можете уезжать куда вам угодно. Супруга, не признающая своего долга, мне не нужна. Я дам вам развод. Можете забрать себе дочь, ее вы все равно безвозвратно испортили. Но превратить Йозефа в размазню я не позволю. Он Теофельс. Я отправлю его в кадетский корпус. Вы никогда его больше не увидите. И не упрашивайте. Вы меня знаете, я своих решений не меняю.

Мальчик задрожал в темной комнатке, где пахло духами, мехом и чуть-чуть нафталином. Но страх прошел, когда мать хрипло засмеялась.

— Я не собираюсь вас упрашивать, я не настолько глупа. Я буду угрожать. У железного герра подполковника есть одно слабое место. Вы боитесь скандала, боитесь лишиться службы. О, я все продумала! Недаром я прожила с вами двенадцать лет! Знайте же, я наняла частных детективов. Они выследили вас в Ливорно! Тайно сфотографировали, как вы сидите на балконе с этой авантюристкой. Взяли показания служителей отеля, выкупили чек с вашей подписью.

— Глупости. Это одна из моих осведомительниц. Если я сплю с ней, то ради интересов службы. Когда мы с вами вступали в брак, я предупреждал...

— Мало ли что вы предупреждали! — Мать снова зашлась кашлем, но он звучал не жалобно, а триумфально. — Неужто вы подумали, что я ревную? У меня есть неопровержимые доказательства супружеской измены! Я напишу об этом императрице, она меня помнит и любит! Вас

выгонят из армии! Не думаете же вы, что начальство станет вас покрывать? Выбирайте: или вы отдаёте мне сына, или...

Договорить ей не позволил новый приступ.

— Однако вы совсем расхворались, — вздохнул отец. — Мы поговорим, когда вам станет лучше.

— Я... уже... всё вам... сказала.

— По крайней мере выпейте микстуру. Мне только что доставили ее из Штутгарта.

И, к облегчению маленького Зеппа, ужасная сцена закончилась.

Ночью мать умерла. Доктор сказал, что в легком от натуги лопнул кровеносный сосуд. В следующий раз мальчик увидел ее в гробу, среди белых лилий.

Зепп кусал губы, давился слезами. По малости лет он еще не знал, что любовь к отдельным личностям деструктивна.

После долгой, тягостной церемонии отец отвел его в кабинет.

— Я мог бы тебе этого не говорить, — сказал подполковник, глядя на своего отпрыска стальными глазами. — Но скажу. Иначе получится, что Эвелина умерла зря. Ты ведь подслушивал наш разговор? Не отпирайся, я знаю. В микстуре был яд.

— Что?!

— Я чувствовал, что за мной в Ливорно следили. Выяснил, кто. Догадался, зачем. И принял меры. Я сделал это не из страха. Я сделал это не ради карьеры. Я сделал это ради тебя. Завтра ты отправишься в кадетский корпус и к концу учебного года станешь лучшим в классе. Ведь ты — фон Теофельс. Всё, можешь идти.

Несколько лет Зепп ненавидел отца, даже собирался отомстить. Потом созрел, поумнел, оценил. Теперь вот вспоминал покойника с благодарностью.

Новое задание

Чтоб добраться до бывшего птичника, майору фон Теофельсу пришлось миновать четыре поста и расстаться со своим «некарзульмером». На территорию главной квартиры допускались только моторы и экипажи, приписанные к Ставке. Сняв очки-консервы, кожанку, кепи, перчатки с раструбами, Зепп умыл серое от пыли лицо у водопроводной колонки, расчесал волосы, снял с сапог широкие краги. Теперь, когда до встречи с начальником сектора оставалось всего ничего, разведчик вдруг перестал

спешить. При сугубой рациональности он давал себе небольшое послабление по части суеверных предосторожностей. Одна из главных гласила: не кидайся на добычу впопыхах — спугнешь. А настроение у майора сейчас было, как у лиса, подкравшегося к курятнику. Что за добыча его ждет? Если какая-нибудь сладкая, пройду по штабному коридору на руках, пообещал он Судьбе, надеясь ее подкупить. Можно биться об заклад, что ни в одном германском штабе никто еще на руках не ходил.

Ну, пора!

Первое предзнаменование было чрезвычайно обнадеживающим. Подполковник Колнаи разговаривать с вновьприбывшим офицером не стал, а выписал ему пропуск в управление генерал-квартирмейстера, к Самому Высокому Начальству. Это могло означать, что задание будет особенной, стратегической важности.

С другой стороны, не всякая стратегия интересна человеку с азартной душой. Вдруг опять что-нибудь «статусное» или, не дай Боже, дипломатическое?

Самым Высоким Начальством для Зеппа был старый, опытный генерал, которого в Курятнике все за глаза называли Schnurrbart,^[48] хотя начальник носил весьма звучную трехступенчатую фамилию и даже имел титул. Карьера сего памятника германской разведки восходила к мифическим доимперским временам.

В приемной адъютант велел обождать, а «чтобы герр майор не скучал», дал ему сводку за минувшие сутки. Скука тут, разумеется, была ни при чем. Раз посетителю перед вызовом в кабинет дают сводку, значит, так надо.

Зепп внимательно просмотрел сообщения с фронтов, пытаясь угадать, какое из них связано с предстоящим заданием.

Западный театр военных действий. Северо-восточнее Экюри. После ожесточенного боя у французов отбита траншея протяженностью 300 метров.

Восточный театр. Группа армий фельдмаршала фон Гинденбурга. Близ Сморгони отбита атака противника крупными силами. Группа армий генерала фон Лизингена. Немецкие и австро-венгерские войска отбили все попытки русских прорваться на западный берег реки Стырь.

Балканский театр. Наступление совместно с болгарскими союзниками продолжается. Захвачено 12 орудий.

Прочитал, осмыслил, а тут и в кабинет позвали.

Второе лучезарное предзнаменование: Шнурбарт был не один, а со

своим заместителем генералом Моноклем (тоже прозвище, потому что без стеклышка в правом глазу этого господина никто никогда не видел). Монокль был на двадцать лет моложе шефа, то есть принадлежал к новому, постбисмарковскому поколению стратегов. На этого сухого, едкого офицера возлагались большие надежды. Поразительней всего, что старик и его помощник отлично уживались друг с другом. Если не душа в душу, то мозг в мозг.

Начальник сидел за столом, заместитель стоял у окна, сцепив руки за спиной.

Майор вытянулся, отрапортовал о прибытии. У генерала Уса была слабость: любил, чтоб подчиненные выглядели орлами, хотя на кой это разведчику, непонятно.

Кивнул. На свирепом лице качнулись мясистые брыли. Пальцем показал на стул: садитесь. Это означало, что беседа будет долгой.

Зепп целомудренно, как юная институтка, сел на краешек стула и воззрился на Монокля. В подобных случаях всегда говорил заместитель, а начальник только сверлил вызванного тяжелым взглядом. Ус почитал себя мастером психологического наблюдения (надо сказать, не без оснований).

— Прочли? — спросил Монокль. Он тоже не отличался излишней болтливостью. — Ну и как?

Это про сводку, сразу понял фон Теофельс. Что тут спрашивать? И так ясно.

— Противник ведет активные наступательные действия по всему Восточному фронту. Прошлогодние неудачи не лишили русскую армию боеспособности.

Оба генерала одобрительно наклонили головы — вывод был правильный и предельно лаконичный.

— Это означает, что цель кампании 1915 года не достигнута, — все-таки счел необходимым присовокупить Монокль. — Захвачена огромная территория, царь Николай потерял два с половиной миллиона солдат, но Россия не рухнула. Нам по-прежнему предстоит воевать на два фронта. Одержав множество тактических побед, в стратегическом смысле мы потерпели поражение. Не буду анализировать просчеты командования, это не нашего с вами ума дело. Тем более что на участке, за который отвечаем мы, тоже не все благополучно.

— О да, — сказал Ус и насупил кустистые седые брови. — О да...

Будут снимать стружку, подумал Зепп. Интересно, за что.

— Вы помните, как легко нам было работать в канун войны и в самом ее начале. Теперь дела, увы, обстоят иначе. — Монокль вынул из-за спины

руки, изящно развел ими. Руки были в белых перчатках, что майора несколько удивило. Впрочем, заместитель слыл щеголем. — Русская разведка и контрразведка стала чертовски опасным противником. К сожалению, мы их недооценивали. Провал операции по прорыву русского Северного фронта произошел из-за того, что мы предоставили командованию ложные сведения, подsunутые нам русскими. Оказалось, что нашего ключевого агента в их генеральном штабе перевербовал Жуковский!

— Шуковски, — повторил Ус, брезгливо шевельнув своими чудесными усами. — Да-да, Шуковски.

Монокль продолжил:

— Все мы отлично знаем, что эффективность работы разведки зависит от личных достоинств руководителя. — Почтительный взгляд в сторону начальника. Ус слегка пожал плечами: мол, что правда, то правда. — Генерал Жуковский — очень активный, изобретательный оппонент. Он нам надоед. Нужно его нейтрализовать. Именно в этом и будет заключаться ваше задание.

«Прощай, малютка Шкода, — подумал майор. — Пусть твои прелести стережет кто-нибудь другой». И еще, конечно, подумал: «Сказка, а не задание. Решено — пройдуся на руках!» Но, памятуя о пронизывающем взгляде физиогномиста Шнурбарта, лицу придал выражение ответственное и озабоченное.

Заместитель приподнял свободную от монокля бровь, что означало: «Вопросы?»

— С вашего позволения, экселенц. Я не совсем понял. Вы хотите, чтобы я физически устранил генерала Жуковского? — Зепп подпустил в интонацию чуть-чуть скептицизма.

— А что, не справитесь? — ехидно скривил угол рта Монокль.

Короткой улыбкой майор дал понять, что оценил шутку, после чего продолжил:

— Неэффективно. Это сделает из Жуковского героя. Оно бы пускай, не жалко. Но административные последствия легко предсказуемы. Вместо Жуковского назначат кого-то из его ближайших помощников. У руководства останется та же команда, а значит, и стиль работы останется прежним. Насколько я понимаю, это не соответствует нашим интересам.

Начальники переглянулись, причем более молодой усмехнулся, а старик потрогал кончик уса.

— Ну и как бы поступили вы, майор?

— Если мы хотим заменить всю верхушку разведки и контрразведки,

лучше прибегнуть не к убийству, а к дискредитации. Тогда мы избавились бы не только от Жуковского и его окружения, но и скомпрометировали бы всю стратегическую линию, которую проводит эта команда. Однако операция такого рода гораздо сложнее, чем физическое устранение. Понадобится много времени на подготовку.

Теперь улыбались оба генерала, без ехидства и без насмешливости.

— Что я вам говорил, экселенц? — заметил Монокль.

— Да, — ответил Ус. — И я сразу сказал: Теофельс. Начальники были явно довольны.

Позволил себе слегка улыбнуться и Зепп.

— Мы с его превосходительством пришли точно к такому же выводу. — Монокль сдул с перчатки невидимую соринку. — И времени на подготовку понадобится совсем немного. Ибо план уже разработан. Вам предстоит провести его в жизнь, только и всего.

Движением бровей майор показал, что он весь внимание.

— Представьте себе, что в руки недоброжелателей Жуковского (а таких в их Генштабе и Ставке хватает) попадает расписка примерно следующего содержания: «Я, Владимир Жуковский, получил от британского представителя такого-то 50 или там 100 тысяч за такие-то и такие-то, неважно какие услуги». Всем известно, что Жуковский англофил и сторонник тесного сотрудничества с британской разведкой. Враги генерала давно говорят, что он делится с «Интеллндженс сервис» секретами. А тут появится такая вот расписочка. Кому нужен начальник разведки, получающий гонорары от иностранцев, хоть бы даже и союзников?

— Осмелюсь возразить, экселенц. Царь не поверит. И вообще мало кто поверит. У Жуковского белоснежная репутация.

— Ну разумеется, генерал будет негодовать и говорить, что его оклеветали, что расписка фальшивая, что почерк и подпись подделаны. В доказательство своей невиновности он потребует провести дактилоскопическую экспертизу. Сейчас все помешаны на отпечатках пальцев, русские не исключение. Уверен, что Жуковский сам — непременно сам — будет настаивать на этом, чтобы полностью снять с себя подозрение. Дактилоскопию сделают. И что же?

Шнурбарт шлепнул ладонью по столу:

— Ха! Отпечатки обнаружатся!

— Вот именно. — Монокль приятно улыбнулся. — На расписке окажутся отпечатки пальцев господина генерала. Скандал, естественно, замнут, чтобы не выносить сора из избы и не портить отношений с

англичанами, но от герра Жуковского мы навсегда избавимся, в этом можно не сомневаться.

— Прошу извинить, экселенц... Вы хотите сказать, что Жуковский действительно берет плату от англичан и выдает расписки?

— Нет, расписка будет поддельная. У нас в Петербурге есть великолепный специалист. Никакая графологическая экспертиза не распознает фальшивки.

— Виноват, но я все равно не понимаю... Можно подделать рукописный документ, но не отпечатки пальцев.

Монокль всплеснул руками:

— Про это сейчас объясню, но вы сказали про документ, и я вспомнил. Я должен вручить вам знаменательный документ, с высочайшей подписью.

— В самом деле, — проворчал старик. — Нехорошо. Совсем забыли.

Зеппу показалось, что в глазах Уса сверкнула искорка.

— Мой дорогой Теофельс, вы удостоены письменной благодарности его величества за отличную службу. Вы разрешите, экселенц? — Заместитель взял со стола бювар, почтительно вынул оттуда листок, украшенный гербом и печатями. — Встаньте, майор!

Офицер вскочил, вытянулся, придал лицу подобающее торжественному случаю выражение.

— Мы все тут не любители церемоний, так что читайте сами. — Монокль протянул грамоту. На желтоватом пергаментном фоне белизна перчатки смотрелась просто-таки ослепительно.

Двумя руками, склонив голову, принял Зепп знак августейшей признательности. Заранее подпустил в глаза растроганного тумана. Майор был не то чтоб совсем равнодушен к почестям, но главной наградой за хорошо выполненное задание для него были не железки или бумажки, а *чувство победы*.

— Тысяча извинений, ваше превосходительство, но вы перепутали, — сказал он, дочитав до второй строки. — Это письмо адресовано не мне, а какому-то обер-лейтенанту фон Ключе.

Он вернул бумагу.

— В самом деле? — Монокль двумя пальцами взял грамоту. — Непростительная рассеянность.

Генерал Ус хрипло рассмеялся. А его заместитель повел себя очень странно. Он взял со стола бритву, осторожно поддел что-то на самом уголке бумаги, а потом — о кощунство! — разделил высочайшее письмо на два слоя, причем верхний, осененный подписью кайзера, скомкал и небрежно швырнул в мусорную корзинку. В руках у Монокля остался очень тонкий,

совершенно чистый листок.

— Вот ваши отпечатки пальцев, на обратной стороне, — показал он. — Специалист-графолог напишет здесь любой текст вашим почерком, и любая экспертиза подтвердит, что это ваших рук дело. Ясно?

Шеф посмеивался в усы.

— Двухслойная бумага. Разработка нашей технической лаборатории. Пустячок, а сколько пользы, — сказал он горделиво, будто сам был автором хитрого изобретения. — Продолжайте, генерал.

— Благодарю, экселенц. Итак, ваша задача, майор, подсунуть наш чудо-листок в руки Жуковскому. Лично. Пусть он подержит бумагу и вернет вам обратно. Только и всего. Но вручать ее нельзя официально, в кабинете. Она попадет в папку «входящие», и больше вы ее не увидите. Нужна непринужденная, неформальная обстановка. Скажите, Теофельс, вам нравятся аристократические женщины?

— Мне нравятся все женщины, полезные для дела, — осторожно ответил Зепп, пытаясь угадать, куда клонит Монокль.

— Вот и отлично. Тогда объясняю детали операции с кодовым названием «Ее светлость».

— Кто? — переспросил фон Теофельс.

— Светлейшая княгиня Верейская. Петербургская гранд-дама, имевшая несчастье находиться на одном из рюгенских курортов в момент начала войны. Бедняжку интернировали. В отличие от других дам, она не получила разрешения покинуть рейх через Швейцарию или Швецию. Мечтает убежать. Это истинная патриотка. То и дело пытается подкупить рыбаков, чтоб ее переправили за море.

— Почему же ее не выпускают, экселенц? Эта женщина нам чем-то интересна?

— Сама по себе нет. Пустейшее, вздорное создание. Но она кузина жены генерала Жуковского. Поэтому мы ее в свое время и задержали. На всякий случай. Вот случай и подвернулся. Излагаю исходные условия задачи...

Видение зеркальное, всегдашнее

В доме одном было. У хороших людей. Они, милые, знают — зеркало в прихожей тряпкой бархатной завесили. А она, тряпка-то, возьми и соскользни, аккуратно когда мимо проходил. Ну и увидел маету зеркальную, всегдашнюю. Отшатнуться бы, да поздно. Глаз не оторвешь.

Сначала себя было видно, коротко. Потом будто дымом белым заволокло, заклубило. И, конечно, лед белый. Море, озеро или, может, река.

Треск, хруст, трещины во все стороны. В одном месте лопнуло и расползлось. Пролубь там черная, страшная. Зияет. Раскрылась пролубь, начала тянуть, присасывать. Сквозь дым, сквозь мороку, вниз, вниз, вниз. Грудь, брюхо стиснуло, не вздохнешь.

Раздвинулись края, будто пасть великана белоусого, белобородого. И ухнула душа живая, теплая, мягкая в черное, мертвое, холодное.

Закричал, конечно.

Ее светлость

Лидия Сергеевна Верейская второй год томила в тевтонском плену.

Тысячу, миллион раз прокляла она день, когда вместо обычной Ниццы вздумала опробовать новомодный немецкий Бинц. Знакомые, отдохавшие здесь летом тринадцатого года, расхваливали до небес опрятность здешних купален, чудесный воздух, мягкий климат, феерическую свежесть молочных продуктов и прелестное радушие местного населения, в отличие от французов, не избалованного нуворишами.

Ох и хлебнула же княгиня этого «прелестного радушия» за пятнадцать месяцев!

Страдания ее были невыносимы. Сразу же после объявления войны Лидию Сергеевну переселили из коттеджа, который она снимала на эспланаде Вильгельмштрассе, в какой-то жалкий пансион, причем уплаченных денег, natürlich, не вернули. Пришлось ютиться с горничной Зиной в трех комнатках, без ванной, без гардеробной, так что из-за сундуков и коробок с платьями и шляпами было буквально не повернуться. Парикмахера забрали в армию, маникюрша отказалась приходить к русской из патриотических соображений, поэтому Зинаиде пришлось осваивать занятия, к которым у нее не наблюдалось ни склонности, ни таланта. Всякий раз, когда немецкие войска испытывали трудности на фронте или кто-то в городке получал похоронное извещение из действующей армии, Верейская боялась выйти на улицу. Запросто можно было услышать что-нибудь оскорбительное. Тяжелее всего пришлось в мае, когда все германские газеты писали о немецких погромах в России. Якобы москвичи целых три дня охотились на людей с нерусскими именами, громили магазины и частные дома, многих покалечили и даже убили. Княгиня не знала, верить этому или нет. У нее иногда возникало ощущение, что когда

она наконец вырвется на родину, то не узнает своей милой России.

Отчизна, кажется, сильно переменилась. Как привыкнуть к тому, что Санкт-Петербург теперь называется Петроградом? Что на Рождество больше нет елок, которые объявлены германской блажью? Что многие знакомые, совершенно русские, православные люди, которым от далеких предков досталась приставка «фон», теперь вынуждены менять фамилии? С Родины писали (письма шли через Красный Крест, два-три месяца), что фон Траубы стали Руслановыми, а фон Берлинги, по матери, Фетюшкиными. С ума посходили! Покойный супруг Лидии Сергеевны, между прочим, тоже был наполовину эстляндец, его матушка пée[49] Бенкендорф, так что с того? Всё российское дворянство, если начнешь разбираться, перероднилось с немецкой, польской, кавказской аристократией. Сколько русской крови в его императорском величестве Николае Александровиче? Кажется, одна шестьдесят четвертая, все остальное — от Гольштейн-Готторпов, Гессен-Дармштадтов да прочих Глюксбургов.

Не в крови и не в фамилиях дело! Истинно русскому человеку нестерпим мелочный, расчетливый и мстительный немецкий дух. Душа княгини рвалась на родной простор, где малиново звенят колокола, где славные бородачи гонят по морозу свои расписные тройки, где на Пасху христосуются и дарят друг другу яйца от Шрамма или Фаберже.

Упорством и смелостью природа ее светлость не обделила. Денег, слава Богу, тоже хватало. Из Швейцарии каждый месяц приходил перевод, управляющий как-то это устроил. Трижды Лидия Сергеевна пыталась бежать из неволи.

Ну, первый раз не в счет. Она была неопытна. Просто села на цюрихский поезд, понадеявшись на свой немецкий язык и на то, что в купе первого класса пограничные чиновники заходить не станут.

Второй раз попробовала уплыть на датском корабле, сняли ее уже в море. Так и непонятно, откуда узнали и кто донес.

В третий раз заплатила одному рыбаку, чтобы отвез на своем баркасе в Швецию. Обманул, подлая немецкая скотина. Деньги взял, а к назначенному месту не явился. Теперь встречает на улице — зубы скалит. Знает, что в суд на него не подашь.

На четвертый раз княгиня учла все ошибки. Теперь всё должно было получиться.

Братья Редлихи предложили русской свои услуги сами. Они тоже были рыбаки. Оказывается, подлый обманщик (тот самый, третья попытка) спьяну похвастался им, как ловко и легко заработал свои серебренники. Редлихи потолковали между собой, все обсудили, взвесили. В море за салакой ходить стало опасно: сорвавшиеся мины плавают, англичане шныряют, свои сторожевики иной раз палят без предупреждения. А тут дело, конечно, рискованное, но выгодное. За ночь можно заработать, как за полгода. А возвращаться обратно незачем. Можно до конца войны отсидеться в Швеции, потому что младшему из братьев только 40 лет и его запросто могут мобилизовать.

Всё это они объяснили Seine Durchlaucht[50] так же обстоятельно, по пунктам, загибая корявые пальцы. Вереysкой их откровенность понравилась. Кроме того, Лидия Сергеевна читала в какой-то ученой статье, что фамилии закрепляются за семьями неслучайно. Родоначальник графов Толстых наверняка был пузат, предок бывшего министра Дурново нехорош собой, а Вася Татищев, так некрасиво поступивший с Нелли Ланской во время коронации 96-го года, происходит от какого-то Татищи, то есть большущего татя, разбойника. В этом смысле фамилия рыбаков вызывала доверие.[51] Княгиня их так про себя и называла: «честные рыбаки».

Но, будучи умудрена горьким опытом, на сей раз приняла меры. Во-первых, дала вперед только задаток, десять процентов оговоренной суммы. Во-вторых, гордясь собственной предусмотрительностью, взяла расписку, где черным по белому, хоть и с орфографическими ошибками, было написано, за какие именно услуги произведена оплата. Если Редлихи обманут, расписку можно будет отдать в полицию. Что взять с пленной дамы? Ну, ограничат свободу передвижения, как после попытки номер один. А вот рыбакам выйдет верная тюрьма.

Переговоры и выплата аванса состоялись в понедельник. После этого оставалось только ждать темной, в меру ненастной ночи. На Балтике, да еще в ноябре месяце, это не редкость. Наоборот, редкость — ночь не-темная и не-ненастная.

Во вторник днем они с Зиной уложили вещи. Взяли только самое необходимое: теплое, тэрмос, шкатулку с драгоценностями. Туалеты, вывезенные на курорт, Лидия Сергеевна перебрала и без сожаления оставила. Кому зимой пятнадцатого года нужны платья и накидки прошлолетнего сезона?

Едва стемнело, сели у окна, снаряженные по-походному. Княгиня в альпийских башмаках на шнуровке, в мериновом нижнем белье,

соболей накидке, голова по-походному повязана кашемировым платком. Зина оделась в вещи госпожи (не бросать же), и так себе понравилась в наплечном шотландском плэде, что даже перестала трястись от страха.

Редлихи должны были подать сигнал с мыса: трижды три раза посветить фонарем. Это будет означать, что ветер не слишком слаб и не слишком силен, а патруль уже завершил обход берега.

В половине двенадцатого, когда у Верейской были истерзаны все нервы, долгожданное мелькание наконец случилось. Роковая ночь настала.

Лидия Сергеевна (она была женщина решительная) сразу же перестала нервничать. Ожидание всегда давалось ей тяжелее, чем действие. Зато Зинаида вдруг обмякла, осела на стул и жалким голосом сказала:

— Лидочка Сергеевна, может, не надо? Ну как потопнем? Ужас какой, по морю плыть, с чужими мужчинами.

— Можешь оставаться, если ты такая трусиха, — сказала княгиня, зная, что верная Зина хозяйку не бросит (да и что глупышке делать одной в этом Бинце).

Взяла Лидия Сергеевна шкатулку, корзинку с провизией, перекрестилась и вышла на темную улицу, гордая и непреклонная, словно крейсер «Варяг».

Горничная, конечно, догнала ее еще до первого поворота. Отняла корзинку, всхлипнула. Верейская обняла верную подругу по несчастью, поцеловала в щеку.

— Вперед, Зинаида! Помнишь, я тебе читала из Некрасова про русских женщин? «В игре ее конный не словит, в беде не сробеет — спасет. Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Мы с тобой русские женщины, это про нас!

Прошли по пустой аллее мимо закрытых на военное время купален общества «Остзее-бад», мимо бывшего Курзала. Городок остался позади. На пустынном берегу завывал ветер, за дюнами шумели волны.

До места, где честные рыбаки назначили randevu, было версты две. Шли так быстро, что княгине, несмотря на пять градусов по Реомюру, стало жарко, и накидку пришлось пока отдать Зинаиде.

Окончательно Верейская успокоилась, что обмана не будет, когда увидела у причала большую лодку с мачтой и рядом две массивные фигуры в клеенчатых (или, может быть, брезентовых) дождевиках и живописных головных уборах, какие обычно носят рыбаки — вроде панамы, но прикрывающие шею и спину.

— Мы здесь, мы здесь! — закричала княгиня по-немецки, помахав рукой.

У самого моря песок был рыхлый, мокрый, весь в клочьях белой пены. Идти по нему в тяжелых альпийских бутсах оказалось непросто.

— Помогите же, — сердито сказала ее светлость, а когда невежи не тронулись с места, вполголоса прибавила по-русски: — Хамы.

— Где остальные деньги? — спросил старший из братьев, даже не поздоровавшись.

— В Швеции получите. Как договаривались.

Оба помотали головами.

— Так не пойдет. Мы должны половину оставить женам. Вон под тем камнем. Иначе на что им тут жить?

Попробовала было Верейская спорить, даже призвала на помощь Зину, но от той никакого прока. Уставилась, дуреха, на ощеренное белыми гребешками море и только бормотала: «Матушка-Богородица, страсть какая...»

— Ну хорошо, хорошо. — Лидия Сергеевна поняла, что теряет время. И потом, это же естественно, что люди заботятся о своих семьях. Даже трогательно. — Сейчас дам. Половину.

Она отвернулась, открыла шкатулку, где кроме украшений лежали марки. Половина минус десять процентов аванса это сколько будет? Нужно умножить тысячу двести марок на ноль целых четыре десятых...

В арифметике ее светлость была не сильна. Она неуверенно перебирала купюры. Поверх коробочек с брошками, кольцами и серьгами лежала жемчужная диадема, футляр которой не поместился.

Вдруг кто-то сзади выхватил ларчик из рук княгини, а саму ее грубо оттолкнул в сторону.

— Что вы делаете? — ахнула она. — Не смейте!

Младший брат пихнул ее в грудь, и светлейшая княгиня, с которой никто никогда не обходился подобным образом, плюхнулась на песок.

Зина самоотверженно бросилась на обидчика своей госпожи и даже успела царапнуть злодея по физиономии, но он стукнул бедняжку кулаком в висок, и она рухнула как подкошенная.

— Чего стоишь? — сказал младший Редлих старшему. — Договорились же. Я кончу бабу, ты девку. А после утопим.

Второй нагнулся, поднял с земли большой камень, и княгиня поняла, что этим грязным куском минерала ее сейчас убьют. Хорошо Зине — та лежала без чувств, этого ужаса не видела.

— Mordio!!![\[52\]](#) — крикнула Лидия Сергеевна что было мочи. На берегу в этот ночной час никого оказаться не могло, но не молчать же, когда тебя убивают.

Еще догадалась выдохнуть по-русски: «Господи Боже!»

Это, очевидно, и спасло. Услышал Господь мольбу погибающей женщины.

Сверху, с дюны, донесся громкий крик (потрясенной княгине показалось — с русским акцентом):

— Вас махт ир, швайне?![\[53\]](#)

Кто-то оказался в глухом месте, в глухое время! Кто-то не побоялся вмешаться!

Повернув голову, Верейская увидела не один силуэт — два: повыше и пониже.

«Честные рыбаки» застыли, не зная, как быть. Один полез за голенище, должно быть, за ножом.

Но первый из спасителей, поменьше ростом, бурей налетел сверху и наотмашь ударил Редлиха-младшего, еще одним ударом сбил с ног Редлиха-старшего. Второй спаситель, высоченный костлявый мужчина в драном, будто снятом с огородного пугала пальто, молча поднял с песка увесистую корягу.

Этот жест положил конец сомнениям грабителей. Младший Редлих дернул старшего за руку, помогая подняться, и оба с топотом пустились наутек.

Лидия Сергеевна пыталась рассмотреть рыцаря, так доблестно — одним махом двоих побивахом — расправившегося с братьями-разбойниками. В тусклом свете луны, едва пробивавшемся сквозь тучи, было видно не уместное для ноября соломенное канотье, черное пальто, из-под которого виднелись защитного (кажется) цвета брюки и высокие сапоги. Лицо героя оставалось в тени.

Но он нагнулся к лежащей, стало видно светлую щетину, блеснули пронзительные глаза.

— Майне фрау, — сказал незнакомец, беря Верейскую за руку, — зинд зи... как это, черт... зинд зи ин орднунг?

Второй присел на корточки возле Зины и, зачерпнув песка, стал тереть ей виски. Горничная застонала.

— Боже, — пролепетала Лидия Сергеевна, услышав «черта», — вы русский?

На простом, ясном лице неизвестного человека отразилось изумление.

— Вы... вы тоже?! Ну и оказия.

Он почесал затылок, отчего шляпа съехала ему на лоб.

— Господи, кто вы? Откуда? — не могла опомниться Верейская.

Небритый оглянулся, понизил голос.

— Я офицер. Сбежал из Дрешвица. Там лагерь для военнопленных.

— Да-да, знаю. Мы с Зиной посылали туда гостинцы на Рождество и Пасху. Этот господин тоже оттуда?

Долговязый молчун одной рукой придерживал плачущую Зину за плечи, другой неловко гладил ее по голове.

— Это мой денщик, Тимоша. У него после контузии и испытаний плена мозги малость съехали. Говорить членораздельно не может, только мычит. Не мог я его в лагере бросить, пропадет. Думали, найдем какую-нибудь лодку на берегу, махнем в Швецию. Где наша не пропадала... — Здесь беглец очень симпатично смутился. — Простите, сударыня, я не представился. Прапорщик Базаров, Емельян Иванович.

— Княгиня Вереysкая, Лидия Сергеевна, — с улыбкой ответила она.

— Матушки, барыня, что ж вы сидите?! — возопила тут пришедшая в себя Зина. — Мазурики шкатулку уносят!

Пока Вереysкая знакомилась со своим избавителем, братья Редлих удрали довольно далеко. Усердно шлепая по песку своими бахилами, они уже добежали до тропинки, что вела к городку.

— Догоните их, прошу! — спохватилась Лидия Сергеевна. — Они забрали все мои деньги! И драгоценности!

Прапорщик Базаров вскочил, даже сделал несколько шагов — и остановился.

— Пустое дело, ваше сиятельство. Шум поднимать нам не резон. Обойдется себе дороже...

Он, конечно, был прав. Бог с ней, со шкатулкой.

— Вообще-то мы, Вереysкие, носим титул «светлейших», так что правильное обращение «ваша светлость», — молвила она с улыбкой, давая понять, что говорит это не всерьез (но все-таки пусть он сознает, с кем имеет дело). — ...Однако вы можете звать меня просто «Лидия». Ведь мы товарищи по несчастью.

Тот поглядел на лодку и весело ответил:

— Надеюсь, будем товарищами по счастью. Баркас знатный и, кажется, с мотором. Опять же ветер подходящий. К утру, Бог даст, окажемся в шведских водах.

— Вы умеете управлять судном?

Он засмеялся:

— Через Байкал ходил, так и через Балтику как-нибудь перемахну. Тут до Треллеборга сотня верст всего.

Но Лидия Сергеевна все еще колебалась.

— Однако я теперь совсем без денег. Как же мы из Швеции попадем в

Россию?

— Поездом, Лидочка, поездом. Первым классом. Все расходы беру на себя. Товарищи так товарищи. Денег у меня тоже нет, но зато есть вот что.

Веселый прапорщик подмигнул, расстегнул пальто и извлек откуда-то из-за пазухи мешочек на шнурке. На ладони сверкнул причудливый, загогулистый кусочек желтого металла.

— Самородок, — показал Базаров. — Когда в армию уходил, с собой взял, на счастье. Я ведь, Лидуша, золотопромышленник. Так что Бог милостив, не пропадем.

От «Лидочки» и «Лидуши», от сверкающего самородка, от крепкого мужского запаха, которым дохнуло из расстегнутого ворота, Верейская несколько опешила. Она сама не очень понимала, откуда эта приятная отупелость. Стояла и смотрела, как мужчины споро и дружно отцепляют якорь, выталкивают лодку с отмели. Потом денщик легко поднял на руки ойкнувшую Зинаиду, Емельян Иванович так же просто, без церемоний, подхватил Лидию Сергеевну — и она поняла, в чем дело.

Пятнадцать месяцев она принимала все решения сама, ибо положиться было не на кого. И вот появился мужчина, он все решает и все делает.

Какое это облегчение! Какое чудо!

Средь бушующих волн

С баркасом Емельян Иванович в самом деле управлялся замечательно. Пока была опасность наткнуться на катер береговой охраны, шли на одном парусе, бесшумно. Но часа через два прапорщик включил мотор и взял курс на норд-норд-вест. К рулю сел молчаливый денщик, а Базаров позволил себе отдохнуть — присоединился к Лидии Сергеевне, очень романтично и даже с некоторым уютом устроившейся на дне лодки. Ветер сюда не задувал, лежать на брезенте, под которым мягко пружинили сети, было удобно, а соболий мех не давал замерзнуть.

С умилением поглядев, как продрогший сибиряк трет ладони, княгиня сказала Зине, которая по-кошачьи свернулась клубком под боком у госпожи:

— Уступи место господину офицеру. Видишь, как он озяб, бедняжка.

Поступок, конечно, со стороны ее светлости был смелый, на грани неприличия. Но исключительные обстоятельства позволяли. Боже правый, до чего же все это было восхитительно! Хмурое небо в серых клочьях облаков, ускользающий свет луны, рокот волн, свист ветра, ритмичное

покачивание суденышка, даже чихание мотора!

А когда рядом с Лидией Сергеевной оказался молодой мужчина (которому, не надо забывать, она была обязана спасением), сердце светлейшей княгини совсем растаяло. Герой простодушно предложил ей положить голову на его плечо, что и было с удовольствием исполнено.

Вдруг Верейской сделалось жарко. Отрывочные мысли понеслись, выталкивая одна другую.

Сколько лет прошло с тех пор, когда она последний раз клала голову на мужское плечо?

Какого Базаров возраста? Понятно, что моложе ее, но насколько?

Что означает поглаживающее движение его руки по ее шее? Случайность?

Ах, не случайность! Совсем не случайность...

И больше никаких мыслей не было.

Зина как зачарованная наблюдала за тем, что происходит на дне лодки. Собственно, было мало что видно, доносились лишь вздохи и нежные стоны, да беспокойно шевелился мех, но это еще больше распаляло воображение.

Про страх горничная позабыла. Всё было не как в жизни, а как в романсе: и челн, и море, и невероятная страсть. А чем она, Зина, хуже хозяйки? И сердце так бьется, прямо выпрыгнет.

Поглядела она на денщика Тимошу. Поначалу он ей не показался. Старый, облезлый, рожа лошадиная, ручищи что оглобли. Но миг был до того чудесен, а в груди распалился такой огонь, что беглый солдат показался девушке загадочным и прекрасным, будто бронзовый рыцарь дон Кихот, который в питерской квартире стоял на столике близ шифоньера.

— Можно я с вами сяду? — тихо молвила Зина, пристраиваясь на скамейку возле руля.

Он покосился на нее, что-то промышчал.

Бедненький, из пушек по нему стреляли и в плену мучили. До того стало ей жалко Тимошу, что обхватила его за длинную шею, потеплей обернула воротник и не удержалась — прямо туда, возле острого кадыка и поцеловала.

Тимоша шумно вздохнул. Не иначе тоже от страсти.

Видение явное, соблазное

Голова что-то разболелась. Прижмурил веки, пальцами на яблоки глазные надавил — помогает. Тут вдруг ни с того ни с сего примерещилось. Сначала, как обыкновенно, туман. Густой, по-над водами стелется. Потом развиднелось, и видно челн, по простору скользит.

Круг челна куражится дева водяная, называется русалка, себя выказывает. С одной стороны поднырнет, с другой вынырнет. Волос у ней длинный, в него вплетены кувшинки. Груды налитые, круглые. Хвост гладкий, серебристый. Такой же смех — жур-жур, лукавый.

Ишь какая.

Имя русалке — Мечтанье Безгреховное, ибо как с ней согрешишь, если вместо грешного места у девы хвост? Но все одно к соблазну видение. Будет нынче что-то.

А и пускай.

Плавай себе, деворыбица, резвися, Господь с тобою.

Перестал веки тереть — туман и рассеялся, пропало всё.

В чертогах большого света

По случаю благополучного, если не сказать чудодейственного избавления из германского плена, едва вернувшись домой, Верейская устроила раут в узком кругу, только для своих — на сорок человек, сугубо по приглашениям.

«Едва вернувшись» означало через неделю, потому что надо же привести себя в порядок, обновить гардероб, хоть как-то восполнить потерю шкатулки с драгоценностями. Были в эти дни (собственно, скорее ночи) и другие занятия, еще более приятные.

Одним словом, летала, как на крыльях. Помолодела лет на десять — так говорили все, кто ее видел. Даже институтская, на всю жизнь, подруга Шура Мягкая, от кого доброго слова не дождешься, это отметила.

Она явилась первая, раньше других гостей и назначенного времени.

— Эк ты, Верейская, цветешь-то! — басом воскликнула Шура, беря ее за плечи после сочного троекратного целования. — Больше сорока не дашь!

И захохотала, когда Лидия Сергеевна встревожено покосилась в зеркало.

В Смольном Мягкая слыла анфан-терриблем, а позднее вжилась в роль одноименной грубиянки из «Анны Карениной». Но душу имела добрую, отзывчивую. Верейская по Шуре ужасно соскучилась.

— Ты все такая же невозможная, — сказала княгиня, рассмеявшись.

Подруга взяла ее под руку, зашептала. Круглые карие глаза блестели.

— Ну, Лиденция, рассказывай! Пока никто не пришел. О тебе все газеты написали. Героиня!

Сели на козетку подле стеклянной двери. Мажордом, согласно новой американской моде, подал «петушинные хвосты»: смесь вина, коньяка и сельтерской. Как успела выяснить Верейская, в связи с сухим законом подавать спиртное в чистом виде теперь в патриотичных салонах почитается дурным тоном.

Начала было рассказывать — самое интересное: про сумасшедшее плавание через зимнее штормящее море, но Шура нетерпеливо оборвала:

— Эту эпiku я в газетах прочла. Ты давай про дело. Что за молодец тебя доставил? Хорош собой? Из каких?

Порозовев, Лидия Сергеевна отвечала — сдержанно:

— Не из каких. Простой сибирский промышленник, такой настоящий русак.

И не выдержала. С кем и поделиться, если не с Шурой.

— Знаешь, Шурочка, я, кажется, полюбила.

Ее лицо из розового стало почти пунцовым, счастливым.

— Та-ак, — протянула подруга и хищно подалась вперед. — *Было?*

— О чем ты?

Взгляд Лидии Сергеевны стал смущенным. Все-таки Шура с годами сделалась совсем *sans vergogne*.[\[54\]](#)

— Не придуривайся. Было, да?

Потупилась, кивнула.

— Лихо! — взвизгнула Мягкая, употребив словечко из их девичьего прошлого. — Красавчик, да?

— Скоро сама увидишь.

— А лет ему сколько?

— Тридцать — тридцать пять.

Тут Шура окончательно раззавидовалась, изобразила тревожное сомнение.

— Ох, Верейская, а он часом не до твоих денег добирается?

— Что ты! — торжествующе улыбнулась княгиня. — Эмиль богаче меня. У него где-то там, — она махнула в сторону набережной, — за Байкалом золотые рудники.

Больше пооткровенничать не успели, потому что часы пробили семь раз, и вскоре уже прибыли первые гости. К Верейской полагалось приходить по-английски: вовремя.

Вечер начался просто триумфально. Сколько было возгласов, поцелуев, прочувствованных речей! Как же она истосковалась в кошмарном Бинце по нормальной жизни, по шуму, по своим.

Всё было почти как прежде. Разве что большинство мужчин пришли не в статском (у Верейской принимали просто — не в пиджаках, конечно, но и не во фраках), а в разных военных и полувоенных мундирах.

Скоро гости разделились на группки и кружки, прислуга разносила «хвосты» и закуски. Лидия Сергеевна, как водится, перемещалась по салону, всюду выслушивая приятные слова и ахая по поводу новостей. Но всё чаще поглядывала в сторону прихожей.

Наконец выглянул дворецкий и дал знак — подергал себя за бакенбарду.

Княгиня вспыхнула, но, прежде чем идти встречать, остановилась перед зеркалом. Оглядела себя придирчивым, безжалостным взглядом: морщинки, несносные обвислости. Ах, не надо было надевать платье с открытой шеей! Полно, да любит ли он меня, подумала Лидия Сергеевна, но вспомнила всякое-разное — покраснелась. Любит, безусловно любит! Возможно, не столько ее, сколько громкий титул — мужчины так падки на погремушки. Но разве это столь уж важно? Титул, имя, порода — это ведь тоже настоящее, свое собственное, не краденое. Не важно, за что! Главное, что любит!

Лакей помогал припозднившемуся гостю снимать бобровую шубу с суконным верхом. Румяный с морозца мужчина, которому очень шла светлая борода, сунул человеку кожаную папку («Подержи-ка»), поправил шелковый галстук, заколотый алмазом. Острый взгляд пробежал по вешалке, высматривая шинели с генеральскими погонами. Таких было несколько, но нужной не обнаружилось.

Забрал папку, сунул лакею банкноту.

Тот стал отказываться:

— Что вы, у нас не заведено.

Но, рассмотрев цвет бумажки, принял ее с поклоном.

— Скажи-ка, а пришел ли... — начал мужчина, но не закончил вопроса.

Из коридора на него смотрела горничная в воздушной наколке и белейшем кружевной фартуке.

— Ты что, Зина?

Он подошел к девушке.

— Я ничего-с... — Она оглянулась и быстро: — Емельян Иваныч, а Тимофей Тимофеич здоровы? Их ни вчера, ни третьего дня не было.

— Здоров. Что ему, дубине, сделается? Внизу, в автомобиле сидит.

— Он не дубина! — сердито воскликнула девушка. — Он контуженный!

И вдруг исчезла. По коридору, шелестя шелками, шла Верейская.

Стремительно и страстно она припала к груди Базарова — на секунду. Сказала:

— Идите, мой герой! Пусть они на вас посмотрят.

— Ваша кухня с мужем здесь? — спросил он. — Помните, я просил, чтобы вы их непременно позвали.

Он окает, — подумала Лидия Сергеевна. — Странно, что я раньше не обращала внимания. Заметила по контрасту с нашими петербуржцами. Ничего, это даже стильно.

— Конечно, помню. Разве могла я забыть, если вы попросили? Вы хотите поговорить с Вольдемаром о вашем проекте. Леночка сказала, что приведет своего бирюка, но они опоздают. У него какие-то служебные дела. — Она поправила возлюбленному галстук. — Вы сейчас окажетесь в центре внимания. Не смущайтесь.

— На медведя ходил — и то не смущался, — проворчал сибиряк, следуя за хозяйкой.

— Господа, вот мой спаситель! — громко объявила княгиня с порога. — Емельян Иванович Базаров. Любите и жалуйте. На таких людях вся Русь держится.

Под взглядом чуть не сотни глаз он сдержанно поклонился. Лидия Сергеевна вздохнула с облегчением: он был положительно хорош. В осанке и поклоне чувствовалась неброская, истинно русская сила.

Все смотрели на него с улыбкой, ладони исполнили ритуальную, почти беззвучную имитацию рукоплескания. Тогда вновьприбывший поклонился еще раз, с комической преувеличенностью. Улыбки стали шире. Понравился, он нашим понравился, успокоилась Верейская и слегка подтолкнула Базарова в локоть.

— У меня всё без церемоний. Кто не знаком, представляются сами, попросту. Общайтесь, здесь много очень интересных людей.

Что правда, то правда. Интересных людей в салоне у ее светлости было предостаточно: государственные люди, думцы, несколько видных публицистов. Праздной светской болтовни почти не слышалось.

Емельяну Ивановичу здесь всё было любопытно. Он немного послушал подле кружка генштабистов — говорили о новинке стратегической мысли: совместных действиях с фронтами союзников.

Переместился к журналистам, возмущавшимся бесстыдством цензуры.

Наконец, застрял вблизи камина, где спорили о Страннике (так называли любимца царской семьи, простого мужика, то ли шарлатана, то ли чудотворца, о котором судачила вся Россия).

Всякий раз собеседники приветливо принимали в свой круг спасителя хозяйки, произносили комплименты и тут же о нем забывали, а сам Емельян Иванович в разговоры не вмешивался. Он так и заявлял:

— Не обращайтесь на меня внимания, господа. Я как Робинзон Крузо после необитаемого острова, истомился по умным людям.

В дискуссии, распалившейся возле камина, участвовали трое: кавалергард, седобородый господин в мундире медицинского генерала и лысый, с шишковатым черепом господин, про которого скользнувшая мимо Верейская шепнула: «Это Зайцевич, тот самый».

Зайцевича, шумно известного депутата крайне правой, Базаров, хоть и сибиряк, конечно, знал. Про генерала (имя которого ему ничего не говорило) скоро догадался, что тот из штата лейб-медиков августейшего семейства. Кавалергард был просто кавалергард, ничего особенного.

Удивительной Емельяну Ивановичу показалась тема разговора.

— Что-то такое я про этого Григория-Странника слышал, — сказал он минут через пять, выйдя из роли слушателя, — однако все же не верится. Чтоб мужик в поддевке снимал и назначал министров? Не может того быть! Газетные небылицы.

— Я газет, простите, не читаю, — отрезал гвардеец. — У меня иные источники. Мой однополчанин, флигель-адъютант, собственными глазами видел на столе у царицы список. Там все министры, члены Государственного Совета, сановники. Поделены на два столбика. Над одним написано «Наши», над другим «Не наши». «Наши» — это кто за Странника. А министров, которые «не наши», немка с должности гонит.

— Министров? Из-за мужика? — усомнился новый человек.

— Что министров! Немка Григорию при всех руку целует! И, болтают, не только руку. Государь давеча георгиевским крестом себя наградил, носит — не снимает, так солдаты знаете, что говорят? Царь с Егорием, а царица с Григорием. Вот до какого позора Русь-матушка докатилась!

— Вранье, не верю, — покачал головой упрямый сибиряк.

— А вы у профессора спросите. Он в Царском часто бывает. И с жуликом этим знаком, имел счастье общаться. Что скажете, ваше превосходительство?

Врач, однако, был менее категоричен.

— Насчет любовных шашней, разумеется, чушь и глупистика. Императрица бесконечно добродетельна. Ей в голову не приходит, что ее

благоговейная любовь к Страннику может быть кем-то превратно истолкована. Да и насчет «жулика» — м-м-м, не знаю. Тут всё не так просто. Я осматривал этого субъекта, по просьбе ее величества. Весьма необычный индивид. У него редкая форма эпилепсии, которая иногда бывает у кликуш, у юродивых, у так называемых ясновидящих. То, что эти больные обладают необычными способностями, — установленный, хоть и не изученный наукой факт. Факт также и то, что Странник может останавливать кровотечение у наследника. Я сам был свидетелем.

Седобородый пожал плечами и хотел что-то прибавить, но депутат запальчиво воскликнул:

— Плевать я хотел на чудеса! И на то, какой там любовью любит эту грязную скотину царица, мне тоже плевать! Но чертов Странник служит немецким интересам, все знают!

Судя по выражению лица Емельяна Ивановича, он-то этого не знал и очень заинтересовался.

— Каким же образом?

Зайцевич стукнул по полу тростью. После объявления войны он пошел добровольцем, был комиссован по ранению и ходил в защитном френче — без погон, но с белым крестиком на груди.

— Нудит и царю, и царице, что надо-де с германцем скорей замиряться, иначе пропадет Расея. — Депутат передразнил простонародный говор ненавистного «чудотворца». — Не надобна-де нам эта война, знаменья ему на сей счет всякие являются, одно страшней другого. А дура-императрица слушает, всему верит. И государю по ночам, поди, кукует: «Ах, Страннику было видение! Ах, Странник желает положить конец кровопролитию!»

— Насколько мне известно, многие простые люди не понимают, ради чего они должны терпеть лишения и умирать. Этот человек говорит голосом народа, — сказал Базаров, показывая всем видом, что сам-то он с этим голосом ни в коем случае не согласен.

— Вот им, вот! — Зайцевич затряс у собеседников перед носом сложенной дулей. На него заглядывались. — Не будет этого! Москву спалим, как в восемьсот двенадцатом! За Урал отступим, но оружия не сложим! Победим германца если не штыком, то измором, просторами нашими!

— А стоят ли Босфор с Дарданеллами сожженной Москвы? — вздохнул профессор. — Миллионов трупов, калек?

Депутат рубанул воздух:

— Стоят. Тут вопрос вот в чем: быть России великой державой или

нет. А страна у нас такая, что если у нее величие отобрать, то и России не останется. Прах один. Мы — не государство, мы идея. Третий Рим, а четвертому не бывать! Если мы не готовы пожертвовать столицей, имуществом, своими жизнями, то нечего в драку лезть. А коли полезли — шалишь, обратного хода нету!

Его слушали во всем салоне. Сочувственно. Недаром Зайцевич слыл одним из сильнейших ораторов Государственной Думы. В его речи чувствовалась решимость и сила.

Даже липовый Емельян Иванович, увлекающаяся натура, на миг ощутил неудержимый порыв засесть за Уралом с дубиной народной войны в руках.

Беда у них тут вот в чем, подумал он. Крайне правые и крайне левые мускулисты, задиристы, а посередине топчутся мягкотелые и дряблые. Раздерут Расею-матушку надвое. Поскорей бы уж...

По лицу героя-прапорщика скользнуло выражение, плохо сочетавшееся с легендой о рубахе-молодце из сибирской глубинки.

Произошло это маленькое, никем не отмеченное превращение вот из-за чего.

Хозяйка, минуту назад вышедшая встречать кого-то в прихожую, вернулась в сопровождении приятной дамы и крепкого лобастого военного с серебряными свитскими аксельбантами.

Вот и он

— Если не ошибаюсь, это генерал Жуковский? — спросил Емельян Иванович. — Очень кстати, мне нужно с ним поговорить.

Подождав, пока военный перемолвится словом с несколькими подошедшими к нему гостями, Базаров поймал взгляд Лидии Сергеевны и показал на зажатую у него под мышкой папку. Княгиня кивнула, поманила сердечного друга пальцем.

Представила:

— Вольдемар, это мой очень близкий и дорогой друг господин Базаров. Ему я обязана тем, что жива и нахожусь здесь.

— Жуковский, Владимир Федорович, — приветливо сказал начальник всей российской разведочно-контрразведочной службы, крепко пожимая руку новому знакомому.

В дверях застыл жандармский ротмистр в очках, не делая попытки войти в гостиную. Он внимательно смотрел на Базарова. Адъютант или

порученец, догадался Емельян Иванович. А в подъезде наверняка охрана осталась. Это ничего, это сколько угодно.

— Читал-читал. Впечатлительно. Вас уже попросили написать рапорт о немецком лагере? Подобные сведения нам важны, — говорил генерал. На румяного бородача смотрел с любопытством и симпатией.

— Конечно, написал. Во всех подробностях. С перечислением офицеров, которые были в моем бараке. Но я, ваше превосходительство, хочу поговорить о другом. Тут дело государственного значения...

Сказано было внушительно, с уместным волнением. А как же — с большим человеком разговор.

Отошли в сторону, подальше от чужих ушей.

— Слушаю вас.

Всё шло как по маслу. Оставались пустяки.

— Я переведен в резерв. Буду работать в военно-промышленном комитете, — энергично, напористо стал излагать свой «проект» Емельян Иванович. — Решили, что там от меня будет больше пользы. Ведь я по образованию горный инженер, по роду довоенных занятий золотопромышленник. Золота в военное время еще больше нужно. Стратегический металл. И возник у меня вопрос, напрямую касающийся вашего ведомства.

— Так-так, — подбодрил его Жуковский. — Сохранность и транспортировка золота действительно переданы в ведение подведомственного мне Жандармского корпуса.

— А охрана при этом осталась почти такой же, как в мирную пору! — горячо воскликнул Базаров. — Принятые вашим ведомством дополнительные меры я бы назвал косметическими. Во всяком случае, недостаточными. Опасно это, ваше превосходительство. И глупо. Я понимаю, сейчас не время и не место для серьезного разговора, но ежели бы вы согласились взглянуть на досуге... Вот, я тут кратенько набросал свои предложения. Только самое основное.

Он вынул из папки лист плотной бумаги. Жуковский взял.

Замечательно!

Пробежал начало глазами, но почерк был мелкий, трудночитаемый.

— Кажется, что-то дельное. — Его превосходительство повертел бумагу. — Но сразу видно, что вы никогда не служили по казенной части. Чтобы документу дать ход, по правилам нужно напечатать на пишущей машине. Вот здесь поставить число. Подпись разборчиво. Ничего не поделаешь — бюрократия.

— Виноват, — стушевался золотопромышленник. — Это по

неопытности. Завтра же с вашего позволения перешлю в канцелярию, в надлежащем виде. Позвольте...

Дело, на девяносто девять процентов завершённое, вдруг застопорилось. Генерал сжал пальцы, не давая вытянуть из них докладную записку.

— Мне, право, неудобно, господин Базаров, но вернуть вам бумагу я не смогу. Правило и давняя привычка: любой документ, попавший мне в руки, у меня же и остается.

— Но как же перепечатка? — улыбнулся сибиряк, ещё не веря, что операция срыгается.

— Не извольте утруждаться. Сами отлично перепечатаем. Вы только заезжайте к нам на Фурштатскую, поставьте подпись и укажите, как с вами связаться. Так вам будет даже удобней. Ротмистр!

По мановению начальства офицер, дежуривший в дверях, приблизился и забрал листок, спрятал в портфель.

Ласково потрепав автора записки по плечу, Жуковский двинулся к дамам.

— В самом деле, так удобней, — пролепетал сраженный прожектор.

Ему послышался душераздирающий треск и словно бы грохот стеклянных осколков. Это рухнула и разлетелась вдребезги вся затейливо выстроенная конструкция. Подготовка, плавание по холодной Балтике, любовная канитель со старой дурой — всё было напрасно. Другого листка специальной обработки, замечательно фиксирующей отпечатки пальцев, в запасе нет. А хоть бы и был! Поди-ка возьми такого гуся с давними привычками...

М-да. Нечасто фортуна наносила своему любимцу столь жестокие удары.

Потрясенный и раздавленный, он не сразу обратил внимание на шум, доносившийся из прихожей.

А между тем назревал скандал

Началось с того, что к княгине (она увлеклась беседой с итальянским посланником) приблизился мажордом и вполголоса доложил:

— Княгиня Зарубина... со спутником.

Зарубина входила в число приглашенных, поэтому Лидия Сергеевна не поняла, чем вызван сконфуженный вид служителя.

— Со спутником? Вы хотите сказать, с флигель-адъютантом

Зарубиным? Но ведь он в Ставке.

— Нет, ее сиятельство пришли не с супругом, — проямлил Василий, что было на него совсем непохоже.

Впрочем, густой бас, несшийся со стороны коридора, и не мог принадлежать Анатолю Зарубину, человеку светскому в полном смысле этого понятия. (Кто-то там рокотал: «Ишь, шуб-то повесили! Чай, уезд целый пропитать можно».) Определенно это был не Анатоль.

— Пока ваша светлость отсутствовали, ее сиятельство, извиняюсь за выражение, спутались с *этим*, — так же тихонько пояснил мажордом, но понятней не стало.

Божья корова (таково было заглазное прозвище богомольной Фанни Зарубиной) с кем-то *спуталась*? Невероятно!

А в гостиную уже входила сама Фанни, дама исключительно некрасивой внешности и бурного темперамента. Верейскую поразило, что Зарубина была в простом суконном платье, совсем черном.

— Лидочка, радость какая! — Зарубина распростерла объятья.

Этот порыв тронул Лидию Сергеевну. Не такие уж они были закадычные подруги, чтоб столь шумно радоваться встрече.

— Радость светлая! — продолжила Фанни, целуя хозяйку в лоб, будто покойницу в гробу. — Я привезла его! Он согласился! Лидочка, я привезла к тебе Странника!

Она обернулась и сделала картинный жест в сторону двери.

Верейская моргнула.

В салон медленно, важно шел высокий костлявый мужик — самый натуральный: длинные волосы расчесаны надвое, борода лопатой, в перепоясанной малиновой рубаше, в сапогах бутылками.

Мажордом кинулся ему навстречу, будто воробыха, пытающаяся оборонить гнездо от кота — да так и застыл.

— Ишь, пузо выставил. Прямо енарал. Пусти-тко.

Невероятный гость ткнул Василия острым пальцем в живот — мажордом попятился.

По комнате прокатился не то скандализованный, не то заинтригованный шелест.

— Это он, он! ...Только его тут не хватало! ...Странник, Странник! — несло со всех сторон.

Тут-то Верейская наконец и поняла, кто к ней пожаловал. До войны ей доводилось слышать о причуде ее величества, каком-то мужике-кудеснике, однако кто бы мог вообразить, что этот субъект превратится в такое celebrity?[\[55\]](#) Как-то даже сразу и не сообразишь, хорошо это для раута или

ужасно, что Фанни его привела.

Между прочим, Лидия Сергеевна отметила, что Странник одет хоть и по-мужицки, но очень непросто. Рубашка отменного шелка, пояс искусно расшит, сапоги тонкой лакированной кожи.

— Милости прошу, — осторожно молвила хозяйка. — Вас, кажется, величают Григорием Ефимовичем?

Серые глаза беспокойно пробежали по лицам собравшихся и вдруг уставились прямо на Верейскую. Ее будто толкнуло — вот какая сила была в этом взгляде.

— Станный человек я, матушка, — величаво ответил он. — Обыкновенный странный человек. Так меня и зови.

— Чем же вы странный?

Она покосилась на остальных гостей. Все смотрели на мужика — кто с любопытством, кто с отвращением, но смотрели жадно, неотрывно.

— Станный — потому странствую. Хожу-гляжу-поплеываю. К тебе вот зашел. Поглядеть, что вы тут за люди. Какому Богу молитесь. Коли Сатаной смердит — плюну.

Он подбоченился, снова оглядывая залу, и вдруг — ужас, ужас! — взял, да и в самом деле плюнул на паркет. Настоящей слюной!

— Много у тебя дряни, матушка.

— Ну уж это слуга покорный! — вскричал депутат Зайцевич. — Прощу извинить, Лидия Сергеевна, но это без меня!

И вышел, привлекая хромую ногу. Хозяйке поклонился, на Странника кинул испепеляющий взгляд — и вышел. За ним покинули гостиную еще несколько человек.

Не хорошо, а ужасно, поняла Верейская. Это скандал!

Но, с другой стороны, ушедших было совсем немного. Прочие остались. И потом, скандал скандалу рознь. Завтра о рауте будет говорить весь Петербург...

В общем, ее светлость растерялась.

А Фанни тронула хама за рукав, успокоительно сказала:

— Дрянные все ушли, не выдержали вашего присутствия. Остались одни хорошие. Про хозяйку я вам рассказывала. Лидия Верейская, из немецкого плена бежала.

Кошмарный мужик оскалил коричневые, гнилые зубы.

— Ну поди, шустрая. Благословлю.

И протянул Лидии Сергеевне руку — для поцелуя.

Это уж было too much.[\[56\]](#) Колебания хозяйки разрешились.

Верейская взяла золотое пенсне, что висело у нее на груди, с

намеренной неспешностью рассмотрела через стеклышко волосатую кисть, потом так же демонстративно, как насекомое под микроскопом, изучила физиономию Странника. Поджала губы.

— Я всегда рада видеть тебя, милая Фанни. С кем бы ты ни пришла. Надеюсь, ты не позволишь Григорию Ефимовичу скучать.

Вот это правильная линия поведения! В общение с мужланом не вступать, но не лишать гостей экзотического зрелища.

Она отошла, изобразив для своих страдальческую гримасу: мол, что тут поделаешь?

— Гордая да глупая, — громко сказал у ней за спиной Странник. — А сказано: гордые низринутся. Жалко ее. Потопнет через свою глупость.

Божья корова заискивающим голосом ответила:

— Простите ее, отец. Помолитесь за нее.

Потом произошло нечто из ряда вон выходящее — Верейская поняла по вытянувшимся лицам.

Обернулась.

Экзальтированная идиотка Фанни стояла перед мужиком на коленях и жадно целовала грубую лапу, которой пренебрегла Лидия Сергеевна.

Молодой Корф, кавалергард, с которым некоторое время назад беседовал Эмиль, стуча каблуками, кинулся к дверям.

— Поздравляю, господи! — фыркнул он. — Рюриковна перед мужиком ползает!

За ним (правда, попрощавшись с хозяйкой и сославшись на обстоятельства) ушли еще две пары. На этом исход, слава Богу, вроде бы прекратился.

Прерванные разговоры возобновились, все снова разделились на группки. Однако втихомолку поглядывали на возмутителя спокойствия.

Тот, правда, стал вести себя пристойнее. Оказалось, что с некоторыми из гостей он знаком. С кем-то перекинулся словами, лейб-медику низко поклонился. Лидия Сергеевна начала было успокаиваться — да рано.

С подноса, уставленного «кок-тейлами», Странник взял бокал, понюхал, пригубил — кажется, понравилось. Без остановки, один за другим, осушил четыре. Крякнул, вытер мокрые губы бородой.

Это бы еще ладно. Но здесь на глаза «странному человеку» попала картина с обнаженной наядой (очень недурной Фрагонар, купленный покойным князем на Парижском салоне девяносто девятого года). Осмотрев стати чудесной нимфы, мужик покрутил головой и со словами «эк, бесстыжая» харкнул на пол — обильней и гуще, чем в первый раз.

— Боже, что делать? — Княгиня жалобно оглянулась на хмурого

Базарова — очевидно, Эмиля тоже расстроил скандальный визитер. — Этот субъект губит мне раут!

— Дело поправимое, — симпатично окая, ответил Емельян Иванович. И направился прямо к Страннику.

— Эй, дядя, ты тут не форси, комедию не ломай. В избе у себя тоже на пол плюешь?

Тон был суровый, взгляд грозный.

Глаза у «дяди» метнули серо-голубое пламя. Преувеличенно переполошившись, он несколько раз поклонился сердитому господину в ноги.

— Прости, барин, прости мужика дремучего. Необычные мы к обществу. Твоя правда. Сам нагадил — сам подбираю.

Да бухнулся, шут, на коленки и давай бородой своей паркет подтирать. К Страннику бросилась княгиня Зарубина, тоже на пол:

— Отец Григорий! Оставьте! Они все волоса вашего не стоят! Дайте я, я!

В общем, кошмар и ужас. Базаров, на что решительный человек, и то отступил, рукой махнул.

Безобразная сцена затягивалась: Странник всё ерзал на карачках, Фанни хватала его за плечи и плакала. Все разговоры в гостиной оборвались.

Тогда вперед вышел Вольдемар Жуковский, отстранил Эмиля.

— Позвольте-ка. С ним по-другому надо... — Встал над юродивым — и тихо: — Ты меня знаешь?

Тот поглядел снизу вверх, весь сжался.

— Кто тебя не знает... Ты Жуковский-енарал, всем врагам гроза.

Шеф жандармов слегка наклонился:

— Смотри, прохиндей, не зарывайся. Я рапорт государю про твои художества подал, знаешь?

— Знаю, батюшка... Клеветы на меня возвели зложелатели мои... Неправды... А ты им поверил... То-то папа на меня возгневался, другу неделю не допускает...

— Государь тебе не «папа»! — Генерал выпятил бульдожью челюсть. — Гляди, Григорий, шугану — до Чукотки лететь будешь. А ну вон отсюда!

Хотел «странный человек» подняться, но ноги его не держали. То ли перетрусил, то ли еще что, но вдруг его начала колотить дрожь. Глаза выкатились из орбит, губы зашлепали, из них полезла пена.

Дико завертев шеей, он замахал руками, будто крыльями, опрокинулся

на спину, изогнулся дугой, стал извиваться в корчах.

Закричали дамы, взвыла Зарубина:

— Что вы натворили, изверг! У него припадок!

— А-а-а-а! — сипел Странник. — Страшно! Пустить меня, пустить! Лечу! Лечу-у! Куды лечу?

Жуковский страдальчески сморщился.

— Доктора надо...

Вперед протискивался медицинский генерал.

— Господа, позвольте... У меня всегда с собой саквояж. Инъекцию нужно.

Вышел.

А Странник бился затылком о паркет, отталкивал кого-то невидимого:

— Бес! Беса вижу! Уйди, уйди, не замай!

Лакеи хватали его за плечи.

Быстрым шагом вернулся профессор, в руке блестел шприц.

— Крепче держите.

Почти сразу после укола судороги стали слабее.

На белом лице припадочного появилась благодная улыбка.

— Свет, свет пошел... Благодать... — Он открыл поразительно ясные, наполненные светом глаза и ласково посмотрел вокруг. — Спаси вас Бог, милые, спасибо, хорошие...

Больного посадили на стул. Зарубина вытирала ему губы, что-то нашептывала, но Странник отыскал взглядом Жуковского.

— Вижу твою душу, енарал, — сказал Григорий звонким, не таким, как прежде, голосом. — Сильненькая, одним куском. Большой бес тебе ништо. Малого беса бойся. Слышь, енарал? Малый бес тебя сшибет! Сторожись!

Генерал на мужика уже не гневался. Поглядывал с жалостью и удивлением.

— Да ты, брат, психический. Тебя не в Чукотку, тебя в лечебницу надо. Господа, я велю отвезти его домой. Ротмистр!

Рядом, тут как тут, вырос адъютант.

— Позовите двоих из охраны. Пусть этого отвезут на автомобиле сопровождения. Он живет... — Жуковский потер лоб, вспоминая адрес.

— На Гороховой, я знаю, — кивнул офицер. — Сию минуту, ваше превосходительство.

Всё пропало

Фон Теофельс спустился вместе с адъютантом. Не для чего-нибудь, а просто — остудить разгоряченный лоб.

От разочарования, от ощущения собственного бессилия дрожали руки и путались мысли. Хуже всего был привкус во рту — отвратительная, ненавистная горечь поражения.

Неужто полное фиаско?

Вдоль набережной под мягким вечерним снежком выстроилась вереница машин (люди круга княгини Вереysкой перестали ездить в конных экипажах, едва августейшее семейство пересело из карет в «делоне-бельвили»).

Ротмистр подбежал к двум авто, «мерседесу» и полугрузовому «дитриху», стоявшим у самого подъезда, прямо на тротуаре. Там сидела охрана, изрядная, но Зеппа она не заинтересовала. Покушаться на жизнь генерала Жуковского, как он сам объяснил начальству, смысла не имело.

Патриотичный «руссобалт» славного сибиряка Базарова сиял лакированными боками. Когда Зепп приблизился, из кабины выскочила женская фигура. Пригнувшись, просеменила мимо. Это была горничная Зина.

— Что, дон Жуан, заморочил-заболтал бедную девушку? — рассеянно заметил Зепп шоферу, закуривая.

— Что такой «тошуан»? Что такой «саморочил»? — спросил неначитанный и неспособный к языкам Тимо. — Я не болтал. Я молчал. А девушка хороший. Шалко.

— Меня бы лучше пожалел. — Майор тяжело вздохнул. — Дурачина я, простофиля. Не сумел взять выкупа с рыбки.

Верный оруженосец немного подумал.

— «Дурачина» знаю. «Рыбка» знаю. Bedeutung[57] не понимал.

Болвану было строго-настрого заказано вставлять в речь немецкие слова, но сил браниться у Теофельса сейчас не было.

— Что русскому хорошо, то немцу смерть! — Он скрипнул зубами. — Бедный конь в поле пал... Черт, я не могу вернуться с пустыми руками!

— Если «не могу», то не надо вернуться, — с неожиданной мудростью заметил помощник. — Мошно быть здесь еще.

И посмотрел в зеркало — туда, куда убежала Зина.

Майор закашлялся дымом, сгорбился.

— Нет. Всё пропало...

У подъезда стало шумно. Двое вели под руки Странника, еще один нес сзади богатую шубу и бобровую шапку.

— Всё маме расскажу! — кричал божий человек, грозя кому-то,

оставшемуся сзади. — Думаете, слопали Григория Ефимова? Натекоса, выкусите! По-моему будет! Вы кто все? Букахи-таракахи! А во мне Сила! Я через нее и ночью зарю вижу! Во тьме крошечной, и в той озаряюсь!

Прохожие останавливались, глазели. Кто-то узнал, зашумели: «Странник! Странник!»

Буяна кое-как усадили в «дитрих». Пустили облако пахучего дыма, помчали на большой скорости. Машине сопровождения надо было отвезти припадочного и вернуться, пока начальник не собрался уезжать.

А Теофельс внезапно стукнул кулаком по лобовому стеклу, сильно.

— Это я не понимал, — сказал Тимо, неодобрительно глядя на зазмеившиеся трещины. — Сачем?

— Затем. — Зепп подул на ушибленный кулак. — Хотя я не божий человек, но и у меня бывают озарения.

В последующие два дня

В последующие два дня майор провел большую работу по сбору, сортировке и анализу информации.

Со сбором помогли сотрудники петроградской резидентуры, остальное — сам.

Два слова о резидентуре.

Германскую разведывательную службу в канун великой войны недаром считали лучшей в мире. Никогда еще не существовало столь слаженного, столь рационально устроенного механизма по снабжению генерального штаба сведениями о будущем противнике. Особенным новшеством была подготовка резервной сети на время войны — в мирный период эта структура почти не использовалась. Во всяком случае, ей не давалось рискованных заданий, чреватых обнаружением. В установленные сроки специальные инспекторы из центра проверяли состояние сети, обновляли инструкции.

Сотрудники делились по профилю предстоящей работы. Имелись агенты по мобилизации и передвижению войск; по военной технике; по диверсионной деятельности; по вербовке; по распространению слухов. Отдельное место занимали «агенты влияния», которые не всегда знали, кто и в чьих интересах их использует. К этим относились с особым сбережением.

В момент, когда война стала неизбежной, вся резервная резидентура по

установленному сигналу (закодированное сообщение во всероссийской газете) перешла в боевой режим — то есть сменила место проживания, а в некоторых случаях и имена.

Вся эта отлично работающая, успевшая набраться опыта организация была в распоряжении фон Теофельса. Довольно было дать знать, что именно его интересует. Сведения по цепочке начали поступать буквально через несколько часов.

Их было много, сведений. Даже слишком. Информацией о занимающем майора объекте петроградский воздух был перенасыщен. Ни о ком столько не болтали, не сплетничали и не злословили, как о Страннике. Сначала Зепп просто утонул в потоке разномастной, часто противоречивой информации. Но потом применил очень простую и действенную методику, которая многое прояснила.

К Страннику в России относились либо очень хорошо, с экстагическим восторгом — либо очень плохо, с ненавистью и омерзением. Преобладало второе мнение. Нейтрального отношения к этому человеку не было ни у кого.

Теофельс сделал вот что.

Поделил сведения на две папки: от сторонников — в одну, от противников — в другую. Всё, что не подтверждалось обеими партиями, выкидывал. Отбирал лишь то, в чем враги и поклонники «странного человека» сходились.

Таким образом в мусор полетели из папки № 1: рассказы о чудесах и знамениях, о новом пророке-избавителе, о защитнике обиженных. Папка № 2 пострадала больше. Из нее пришлось выкинуть сочные истории о разврате и диком пьянстве, о царской постели, о назначении и увольнении министров, об огромных взятках и немецком генштабе (уж это точно было неправдой — Зепп бы знал).

С отсеченными экстремами материал получился менее живописный, но все равно впечатляющий.

Итак, что из биографии и жизненных обстоятельств Странника можно было считать более или менее установленным?

Возраст — около пятидесяти.

Родом из зауральской деревни.

В двадцать восемь лет резко поменял образ жизни и «пошел по Руси», то есть, собственно, стал Странником. Исходил все знаменитые обители и святые места, несколько раз побывал в Палестине.

Лет десять назад впервые замечен в Царском Селе, куда его привели какие-то высокие покровители.

Поверить в то, что царица, выросшая в Англии при дворе своей бабки королевы Виктории, могла попасть под влияние примитивного шарлатана, невозможно. Все, даже ненавистники Григория, признавали, что какая-то целительская сила у него есть и спасать царевича от приступов кровотечения он действительно может. Просто почитатели говорили о святости и чуде, недоброжелатели — о гипнозе. Сам Зепп, человек сугубо прагматического склада, был здесь склонен встать на вторую точку зрения. Впрочем, причина беспредельного доверия царицы к сибирскому мужику для дела значения не имела. Главное, что влияние Странника можно было считать фактом. Хорошо бы только определить ее истинные размеры.

К исходу второго дня Теофельс располагал всеми данными, необходимыми для действий. В связи с крахом операции «Ее светлость» пришлось разработать новый сценарий. Условное название «Его святость». *Modus operandi* импровизационный.

Чудо на Гороховой

Объект проживал на Гороховой, во флигеле дома 64, расположенном во дворе, вход с улицы через арку. Адрес этот был известен всему городу. Каждый день с утра перед подворотней собиралась и ждала толпа: попрошайки в расчете на милостыню, простак в надежде на чудеса, зеваки просто так, из любопытства.

Посторонним во двор хода не было. На страже стояли дворник с швейцаром и агент Охранного отделения. Еще трое шпииков дежурили в парадной.

Для столь знаменитой персоны проживание было так себе: и дом не ахти, и район захудалый. Зато близко до Царскосельского вокзала — удобно ездить во дворец.

Утром по вторникам, докладывала резидентура, Странник в сопровождении охранника ездит мыться в баню, на соседнюю улицу. Зепп собирался сначала подкатиться к святому человеку прямо в мыльне — так сказать, в натуральном виде, но выяснилось, что Григорий берет отдельный кабинет, куда не сунешься.

Ну и не надо. На миру еще лучше выйдет.

Исходную позицию он занял перед аркой. Приехал на автомобиле, вышел, закурил. Одет был в английское пальто, кепи, через плечо перекинул белый шарф. Таких любопытствующих, «из общества», среди

толпы тоже хватало.

Пока дожидался, наслушался всякого-разного.

Баба одна, молодая, смазливая, рассказывала товарке:

— ...Как он на меня глазищами-то зыркнет — обмерла вся. И отсюда вот, из самой утробы, горячее, сладкое. Истомно!

Пришла за новой порцией эротического переживания, констатировал Зепп и прислушался к разговору между двумя мужчинами — старичком при котомке и городским парнем.

— А я вот интересуюсь, — говорил первый, — правда ли, что у Григорь Ефимыча вокруг головы как бы некое сияние?

— У Гришки-то? Если с похмелюги — точно, так вся рожа и полыхает, — скалился парень.

— А сказывают, творит он исцеления чудесные?

— Брехня.

Тетка из толпы попрекнула скептика:

— Зачем вы на святого человека наговариваете? Я сама видела, как он слепому зрение вернул!

Заругались было, но, как это всегда бывает, нашелся и примиритель. Пожилой приказчик рассудительно сказал:

— Чего зря собачитесь? Сейчас сами увидим. Вон калеки ждут.

Калеки ждали в стороне, толпа держалась от них на почтительном отдалении.

На тележке сидел безногий. Замотанная в платок девочка держала за руку слепого. Еще один — длинный, тощий, с идиотически отвисшей челюстью — переминался с ноги на ногу, тряс головой. Одет бедолага был в замызганную солдатскую шинель.

— А этот что? — спросили в толпе.

— Малахольный. Ни бельмеса не понимает, только мычит. Не иначе, газами травленный.

Чистая публика, среди которой курил Зепп, тоже перебрасывалась комментариями, но здесь тон был исключительно насмешливый. На Странника приехали поглазеть, как на курьез, чтоб было чем развлечь знакомых.

— Видел я этого прохвоста в одном почтенном доме, — попыхивая папиросой, внес свою лепту и Зепп. — Право, потеха! Где же он? Мне говорили, не позже десяти должен быть. Я долго не могу, в клуб нужно.

— Сейчас явится, — сказал господин, живший неподалеку и частенько приходивший полюбоваться, как он это называл, на «явление Хлыста народу». (Про Странника ходили слухи, что он из секты хлыстов, однако

майор эту информацию отверг как одностороннюю, сведениями из папки-1 не подтвержденную.)

— Вон он, соколик. Просветленный после парилки. Лицезрейте, наслаждайтесь.

Люди на улице притихли.

Странник шел быстрым, размашистым шагом человека, привыкшего преодолевать на своих двоих большие расстояния. За ним поспевал быстроглазый ферт в коротком серо-зеленом пальто, держа руки в карманах.

Завидев толпу, святой старец сунул банный узелок под мышку и троекратно широко всех перекрестил. Промытая, расчесанная, смазанная маслом борода поблескивала, на ней сверкали снежинки.

Первыми к Страннику кинулись просители. Кто-то совал бумажки с ходатайством, кто-то пытался объяснить словами, иные просто тянули руку за подаванием.

Каждому, кто просил милостыню, Григорий сунул денег — кому монету, а кому и бумажку. Доставал из кармана, не глядя, и приговаривал: «Добрые люди мне, а я вам». Тем, кто совал записки, важно сказал: «Секлетарю моему давайте, не мне». Просителей устных обглядел своим шустрым взглядом:

— Вот ты, ты и ты, глазастая, зайдите после. Послушаю. Скажите — Странник-де дозволил. А прочие — кыш, пустое.

Прошел дальше.

Из толпы крикнули:

— Исцелять нынче будешь или как?

Чудотворец остановился около калек, пытливо посмотрел.

— Верни батюшке глазыньки, святой человек, — выскочила вперед девочка, потянула за собой слепого.

— Сколько раз говорено: не я целю, Господь. Молитесь, и дастся вам. Ищите и обряцете.

Безногий сдернул картуз, подкатился.

— А ты благослови. Авось получится.

Наклонился к нему Странник, вздохнул:

— Чудак ты. Ноги у тебя все одно взад не вырастут. Кабы они у тебя сухие были — другое дело. И глаза тож. Коли их нету, как их целить-то?

Подошедший, чтоб лучше слышать, Зепп громко сказал, обернувшись к мимолетным знакомым:

— Да он матерьялист, господа.

Те радостно засмеялись.

Странник обернулся. Узнал, насупился.

— Пустите, православные. Пойду я.

— Хоть малахольного пожалей. Скажи над ним молитовку, — попросила сердобольная тетка (агент петроградской резидентуры Ингеборг Танненбойм).

И не дала ему уйти — схватила за край шубы.

— У него ножки-глазыньки есть. Может, отпустит горемыку хвороба?

Делать нечего. Опасливо косясь на Зеппа, Странник наскоро перекрестил убогого.

— Помогай те Господь. Был убогой, стань у Бога. Был кривой, стань прямой. Был хилой, стань с силой. Аминь.

По толпе прокатился общий вздох. Кто-то ахнул.

Жертву войны перестало трясти. Инвалид покачнулся, расправил плечи. Его слюнявый рот закрылся, глаза заморгали и приобрели осмысленное выражение. Словно просыпаясь, он провел рукой по лицу и неловко перекрестился.

Болван, скрипнул зубами Зепп. Не слева направо — справа налево!

Но людям так показалось еще убедительней.

— Оссподи, в ум возвернулся! — первым завопил давешний старичок. — Рука Христова знамение вспоминает! Вот так, милой, вот так!

Он бойко подскочил к долговязому страдальцу, взял за кисть и показал, как надо креститься:

— В чело, в пуп, в десное плеченцо, после в шуйное.

— Жуйное, — тупо повторил исцеленный и на сей раз произвел священную манипуляцию без ошибки.

— Господа, подействовало! Невероятно! — воскликнул кто-то. — Позвольте, господа, пропустите! Я из газеты «Копейка»!

— А мне штой-то сумнительно, — прогудел кто-то еще, но скептический глас остался в одиночестве. Всем хотелось быть свидетелями чуда.

Излечившийся хлопал глазами, озираясь.

— Где я есть? Я слышал! Я говорил!

Его пожалели:

— Плохо говорит, болезный. Ан всё лучше, чем телком мычать.

— Как тебя звать, милай? — спросил Странник.

Долговязый повалился на колени, ткнулся лбом в асфальт:

— Тымоша. Спасибо большой, святой отец. Ты спасаль мой плохой сдоровье.

А тут и магний полыхнул — это расстарался репортер. Странник

приосанился, простер над склоненным Тимошей длань:

— Ну-тко, ишо раз. Передом повернуса.

Воздел очи горе, левую руку возложил себе на грудь. Вспышка мигнула еще раз.

Присутствие прессы (ее представлял Einflußagent[58] третьего разряда Шибалов) подействовало на публику магически. Давно установлено: для людей всякое событие становится вдесятеро значительней, если освещается прессой.

Зепп протолкался вперед, лицо его было искажено сильными чувствами. Сорвал кепи, швырнул оземь.

— Виноват я перед вами, отче! Сильно виноват! Обидел вчера, простите!

И тоже бухнулся на колени.

— Эка барина пробрало, — сказали сзади.

— Простите, святой чудотворец, — всхлипнул Зепп. — Слеп я был. Ныне прозрел.

Странник смотрел на него не без опаски, но понемногу оттаивал. Сцена ему была по сердцу.

— Ты кто будешь? Князь, миллионщик?

— Золотопромышленник я, Базаров.

— Вона, — сказал Григорий остальным. — Слыхали? Золотопромышленник! Ну подымись ко мне, мил человек. Расскажи, как на душе свербит. Послушаю. Вижу я тя наскрозь. На брюхе шелк, а в душе-то щелк. Так что ли?

— Истинно так, прозорливец.

Майор поймал руку кудесника, чмокнул.

И завязался узелок...

Поговорили. Излил «золотопромышленник» святому человеку свою мятущуюся душу. По ходу дела манеру говорить пришлось смодифицировать. Одно дело на публике, другое с глазу на глаз. Вблизи, да наедине, Странник показался Зеппу куда как не глуп. Грубой лестью можно было все дело испортить. Поэтому говорил без воплей, без «святых чудотворцев» с «прозорливцами», а искренним тоном, доверительно.

Пустота экзистенции одолела Емельяна Базарова. Когда всё у тебя есть и всего, чего желал, добился, вдруг перестаешь понимать, на что оно нужно — деньги, удача, самоё жизнь. И пить пробовал, и на войне

побывал, даже кокаин нюхал — не отпускает. До того, самоед, дошел, что больным и бедным завидует: им есть о чем мечтать и Бога просить. А он, грех сказать, и в Бога-то не очень. Но душу не пропьешь, не обдуришь, она света и чуда алчет. И вот оно чудо, вот он свет! Тот свет, что из глаз ваших излился, когда вы на идиота этого воззрели.

Это, так сказать, в коротком пересказе, а живописал Зепп свои высокие переживания долго. Пару раз прерывался на скупые мужские слезы.

Странник поил его чаем, кивал, подперев щеку и пригорюнившись.

Сидели на кухне. Очевидно, это было главное место в доме — по деревенской привычке.

Квартира у всероссийской знаменитости была какая-то не шибко знаменитая. Скучно обставленная, неряшливая, содержалась в беспорядке. Фон Теофельс даже упал духом: не может человек, якобы снимающий министров, жить на манер мещанчика средней руки. Сразу вспомнился и страх, с которым Странник глядел на сердитого Жуковского. Оно конечно, шеф жандармов, но ведь даже не министр, а всего лишь генерал...

Во всех этих несуразностях и несостыковках еще предстояло разбираться.

Краем глаза Зепп всё посматривал по сторонам, пытаясь понять, кто тут кто.

Всякого люда, почти сплошь женской принадлежности, в квартире вилось видимо-невидимо. По коридору шныряли бабки, тетки, молодухи — все по-монашьи в черном, в низко повязанных платках. Страннику низко кланялись, на нового человека глядели искоса, но без большого любопытства. Всяких посетителей перевидали.

Распоряжалась женщина средних лет, со строгим лицом. Судя по речи, из образованных. Приживалки и прислужницы слушались ее беспрекословно, называли Марьюшкой или Марьей Прокофьевной. Экономка, определил Зепп. Из поклонниц, но не великосветских, кто за модой гонится, а из настоящих.

В кухне на столе пытел большой купеческий самовар с медалями. Иногда Странник сам раздувал угли мягким сапогом.

Скатерть с красными вышитыми петухами — и тут же веджвудский чайный сервиз. Резные ореховые стулья — и грубо сколоченная скамья. На стене старинного письма икона в пышном серебряном окладе — и копеечные бумажные образки. И всё здесь было так. Дорогое и дешевое, красивое и безобразное вперемешку.

В углу, например, зачем-то лежал свернутый полосатый матрас, на нем непонятная подушка с пришитой бечевкой.

На самом видном месте — телефонный аппарат, новейшей конструкции. Но перед ним, неясно с какой стати, деревянная подставка, какие бывают у чистильщиков обуви.

В общем, сплошные шарады.

Утерев слезы, высморкавшись, Зепп сказал:

— Вот, всю свою тугу на вас излил, и будто душой оттаял. Словно ангел по сердцу пролетел.

— Неистинно говоришь, — поправил «странный человек». — Ангел по душе летать не может. Потому ангел и душа — одно. Тело — бес, душа — ангел. Только люди-дураки ей воли не дают.

Пора было, однако, и честь знать. Для первого раза и так сделано достаточно.

— Спасибо вам, святой вы человек. — Зепп поднялся. — Это оставляю. На милостыню убогим.

Положил на стол изрядный пук кредиток. Ну-ка, что угодник? Сейчас выясним, в какой папке правда — первой или второй. Бескорыстник или хапуга?

Странник на деньги глянул рассеянно, кивнул.

— Ин правильно. У тебя, Емеля, денег много, а есть которые куска хлеба не видют.

Непонятно. То ли действительно равнодушен, то ли кинется пересчитывать, когда толстосум отбудет.

Надо было проверить еще одно.

— Светлая у вас душа, Григорий Ефимович. Солдатику этому бедному приют дали, не выгнали. А ведь чужой человек.

Фон Теофельс видел, что бабы повели Тимо в какую-то каморку кормить, но уверен не был — оставят или нет. Свой глаз в квартире объекта был бы очень кстати.

— Пускай его, — махнул Странник. — У меня тут всякой живности много. А то брешут разные — не исцелитель-де я, а мазурик. Натекось, полюбуйтеся. Выкусили? Был инвалид, а ныне в разуме... И ты ко мне заживай, Емеля. Запросто. Полюбился ты мне, открытая душа.

— Непременно приду, — поклонился Зепп. — Вы, отец святой, для меня теперь один свет в окошке.

Видение малое, предвестное

С утра в груди стеснение, как перед грозой. И сладко и страшно, и

маетно. К великой тряске это.

Тут положено быть малому видению, вроде зарницы перед большой молоньей.

Повело куда-то, не разбирая пути. Кыш-кыш, наседки, с-под ног!

Те знают, попрятались.

В коридор потянуло, вот куда.

Дверь там, которая на лестницу, дымится вся, туманится. Зыбкая.

Придет скоро кто-то. И уж ясно, кто.

Бес. Росточком нешибкий, но острозубый. Морда прельстительная, с улыбочкой. Роги лаковы.

Встречать такого лучше на кортках, чтоб глаза в глаза.

Присел, пальцы наперед выставил — козу рогатую.

Поди, поди, подманись. Молитовкой тя привечу, по рыльцу вострому, да по копытцам, да по брюхонцу несытому.

Явился не запылится.

Трень-трень-трень.

Под чаек и беседушка

Несколько дней Зепп, как на службу, таскался в квартиру на Гороховой, а всё не мог решить, сколько в Григории настоящей странности, а сколько актерства. Мужик был хитрый, неочевидный. Простодушие и доверчивость сочетались в Страннике с поразительным знанием людей. И мысли обо всем на свете у него, как у любого пророка, вышедшего из народной гущи, были не заемные, а собственные.

Хоть фон Теофельс в веселую минуту и называл себя универсальным антропологом, но такая особь ему попалась впервые.

Разговоры со «странным человеком» он, вернувшись к себе, анализировал и самое примечательное даже записывал. Тут была некая загадка.

Про Силу (так Григорий именовал свой мистический дар, в который незыблемо верил) Зепп слушал без большого внимания. Чудес майор не признавал. Его жизненный опыт свидетельствовал, что за каждым сверхъестественным явлением кроется какое-нибудь надувательство. Однако сомнение у темного, полуграмотного мужика было воистину удивительное.

Он говорил про себя (в тетрадке для отчета записано): «Человечишко-то я репейный. Дрянь человечишко. Кабы не Сила, тьфу на меня, не жалко.

Но Бог, Ему видней. Положил на плечи мои корявые тягу — тащи, сыне. Расея на мне, царство всё, с приплодом вперед на три возраста. Страшно, колени гнутся. И чую — не сдюжить, а куды денешься — плачу да тащу. Под ноги мне коряги суют, каменюками кидают, калом мерзким швыряют. Дураки! Упаду — им всем каюк». Записано слово в слово, по памяти, а память майора фон Теофельса сохраняла человеческий голос не хуже граммофонного диска.

При подобной мегаломании Странник не чурался мелкого трюкачества. С «золотопромышленником Базаровым», которого считал за своего, комедии не ломал. А вот если появлялся кто-нибудь новый, важный, особенно надутые барыньки, начинался целый спектакль.

Дорогих «гостюшек» усаживали потрапезничать чем Бог послал. В середину стола ставили большую супницу с щами или ухой, Странник клал перед собой буханку ситного и развлекался: отламывал кусок, макал в жижу и собственноручно запихивал каждому в рот, нарочно капая жиром на шелк да чесучу. Это у него называлось «преломить хлебы». Гости покорно всё сносили — они пришли, заранее готовые к чудачествам. Любил Григорий подпустить чопорной даме соленое словцо, поинтересоваться, давно ль блудному греху предавалась или еще что-нибудь этакое. Самых замороженных звал с собой в баньку, душу с телом отмыть. Если фраппированная дама после такого приглашения в ужасе убегала, долго хохотал, трясся бородой.

Занятно было наблюдать, с каким почтением относится Странник к телефонному аппарату. Сам он никогда никому не звонил и трубки не снимал — за это отвечала экономка. Но если она просила Григория поговорить, он исполнял целый ритуал.

Разглаживал надвое волосы, оправлял бороду, обязательно плевал на правую ладонь. Разъяснилась и подставка перед аппаратом — на нее Странник ставил ногу. Свободной рукой упирался в бок. И лишь приняв эту гордую позу, кричал в трубку: «Ктой-то?» — хоть, конечно, уже знал от Марьи Прокофьевны, с кем предстоит разговор.

Беседы просветленного золотопромышленника с Учителем всегда проходили под чаек. Спиртного при Зеппе «странный человек» не пил. Таким образом, слухи о его беспробудном пьянстве, похоже, следовало отнести к разряду «клевет», на которые Григорий постоянно жаловался. Но и трезвенником он не был. Внедренный в квартиру Тимо, которого здешние тетки полюбили за молчаливость и исполнительность, докладывал, что по вечерам объект всегда уезжает и возвращается очень поздно, нередко «зовсем besoffen[59]». Наутро, однако, никаких признаков похмелья Зепп в

хозяине не обнаруживал. Странник сидел благостный, рассудительный, мог за раз выдуть чаю стаканов десять. Пришлось мобилизовать свои почки и майору. Никогда еще он не поглощал сей пото- и мочегонный напиток в таких страшных количествах. Но чего не сделаешь ради дела и фатерлянда.

Любопытно, что, в отличие от всех русских, Григорий пил чай без сахара. Он вообще не употреблял сладкого, мясного, молочного, говоря, что это грех.

Представления о греховности у сибирского вероучителя были своеобразные, сильно отличающиеся от канонических.

Как понял майор (не очень-то интересовавшийся этими материями), в основе Григорьевой доктрины лежало понятие всеочищающей и всеизвиняющей любви. Мне люди все родные, часто повторял он. Коли некое деяние сотворено от любви, оно уже благо. А если по злобе или голому расчету, это бесовщина и грех. Ум глуп и должен сердца слушать, яко дитя матерь свою, говорил Странник.

Несмотря на то что он любил подразнить дамочек расспросами о «блудном грехе», сам Григорий плотскую любовь большим грехом не считал — если она любовь, а не «насильничанье». «После утехи с бабой довольно малой молитвы. Простит, не осердится Господь. Он легкий грех и прощает легко, особливо ежели грех через любовь. Мне радость, бабе сладко — ин и ладно, какой Богу от того убыток?» Из этого следовало, что сведения из зложелательской папки о развратности «старца» можно было счесть хоть и преувеличенными, но достоверными.

Однако все эти глупости для Зеппа важности не представляли. При малейшей возможности он старался повернуть разговор на царское семейство. Не для того чтобы выяснить интимные подробности августейшего быта. Нужно было уяснить, до какой именно степени прислушиваются там к Страннику.

Императора с императрицей Григорий звал «папой» и «мамой». Так было заведено в самом ближнем, околосемейном кругу их величеств в память о каком-то юродивом Мите, который одно время кормился при сердобольной Александре Федоровне. Митя был гугнявый, почти безъязычный, выговаривал только эти два слова, показывая на царя и царицу.

Иногда Странник еще звал государыню «Саня» и уверял, что так же в хорошие минуты обращается к ней царь. Не сразу Зепп догадался, что это, должно быть, английское Sunny — как называла свою любимую внучку королева Виктория. Ну, Саня так Саня.

«Саня хорошая, добрая, — нахваливал Александру Федоровну

„странный человек“. — Ума вовсе нету, сердце одно. Меня слушает. Верит. Я для ней и Бог, и Расея. Она знаешь как говорит? Часто повторяет: Умом, говорит, Расею не поймешь и аршином не померишь. Верить, говорит, в нее надо, не то к лешему пропадешь. А папа другой коленкор. Ему ум мешает. Трудно, брат, царем быть. Беднай он, никому не верит. Круг него брехуны, алкальщики. Тянут за штаны: „Сюды иди, нет туды! Мне дай, нет мне! Я знаю, как надоть! Нет, я!“ Кто хошь сробеет. Одно спасение — Бог. Но Бог с вышними говорить не любит, Он больше через нижних, навродь меня. А я уж передам, обскажу, как сумею. Только меня он, папа-то, будто через стекло слушает. Когда верит, когда нет. О прошлый год, как царевича австрийского убили, я — к папе. Виденье у меня было, сонное. Быдто они с мамой в Зимнем дворце на кухне кашут варят, царскую, сладкую, с малиновым вареньем. Пышна каша, из котла поперла, да на площадь, да по Невскому валит, к вокзалу. Вся красная от малины-ягоды. Прет — не остановишь, ажно столбы сворачивает. А папа знай поварешкой вертит, крупы подсыпает, и мама тут же. Рассказал я ему сон, а папа мне: к чему, мол, видение? Отвечаю: „Кашу красную заваришь — сто лет Расее не расхлебать. Крови бойся. Сам потопнешь и всех людей своих, с внуками-правнуками“. Понял он, про что я. Об ту пору круг него енаралы ходют, усищи распушили, воевать хочут. Ну, папа на меня и осерчал. С чужого голоса-де поёшь, видеть тя не жалаю. Еле мама потом за меня упростила».

Вот про это Теофельс слушал очень внимательно, наматывал на ус. Интересно, очень интересно! Пригодится в будущем.

Однако в нынешний момент, в смысле полученного задания, ситуация складывалась крайне неудачно.

После прошлогодней опалы Странник с помощью «Сани» сумел вернуть себе высочайшее расположение. Влияние его даже усилилось, ибо царю Николаю в годину испытаний Божий посредник становился все нужней. До недавнего времени Григорий ездил в Царское Село раз, а то и два в неделю. Телефонной станции было велено соединять его квартиру с дворцом и днем, и ночью, без малейшего промедления.

Но три недели назад генерал Жуковский, призванный бдить за порядком в империи, подал государю рапорт о тех самых шалостях, которые «странный человек» за большой грех не считал. С полицейскими протоколами, свидетельскими показаниями и, что хуже всего, с приложением отчетов из всех губерний о слухах, роняющих престиж власти.

С того самого дня обитателю Гороховской квартиры не удавалось ни дозвониться во дворец, ни послать телеграмму в Ставку.

«Мама ко мне посылала, — горестно вздыхал Странник. — У малого, у царевича, втору неделю лихоманка. Держит, не отпускает. Дохтуры ничего не могут, а я бы враз снял. Но папа не велел. Осерчал очень. Жуковский-енарал у него в большом доверии. Вот послали черти мне того Жуковского в наказание».

И нам тоже, думал Зепп, сочувственно кивая.

Попробовал закинуть удочку, осторожненько:

— Коли Жуковский от чертей прислан, хорошо ли его на такой важной должности держать? Объяснили бы вы, отче, ее величеству. Раз уж ее сердце вам открыто...

Ответ был неожиданным:

— Для меня Жуковский плох, а для Расеи хорош. Пущай сидит. А кромь того, не станет теперь папа мово совета слушать, что я ни скажи... И мама не передаст.

Вот это уже больше похоже на правду, мысленно усмехнулся Теофельс. Зелен виноград.

Однако проклятая опала была очень некстати.

Благодушие объекта по отношению к Жуковскому тоже не радовало. Также еще выискался патриот, непротивленец — «для меня плох, для Расеи хорош».

Но тут как раз имелась одна идейка. Нужно было только дожждаться момента.

Наконец момент настал...

В подворотне жались шпики, прятались от снега пополам с дождем. Господину Базарову поклонились — признали. Он поздоровался, угостил молодцов душистыми папиросами. Одну сунул себе в рот, но зажигать пока не стал.

Раскурил во дворе, остановившись возле Тимо, который выбивал на веревке персидский ковер, подарок Страннику от некоей великой княгини.

— Как? — тихо, коротко спросил Зепп.

Помощник, не прерывая своего ритмичного занятия, проскрипел:

— Карашо. Зубы стучит. Рука трясет. Будет... как сказать... Anfall.

— Эх ты, контуженный. Не Anfall, а «при-па-док». Значит, работаем.

Отлично. Наконец-то можно от болтовни переходить к действию.

Соколом он взлетел на третий этаж. У подъездного шпики спросил:

— Что-то нынче просителей не видно?

Тот пожал плечами. Не его печаль. У самого рожа фиолетовая, похмельная.

— Емельян Иваныч, водицы бы испить...

Заглядывать без вызова в квартиру ихнему брату не полагалось.

— Скажу. Но тебе, брат, не водицы, тебе шкалик надо.

Перед знакомой дверью остановился, провел внутреннюю мобилизацию.

Нажал на кнопку, хотя здесь в дневное время всегда было незаперто. Зачем, если внизу полно охраны?

Трень-трень-трень, пробренчал электрический звонок.

Фон Теофельс толкнул створку — и замер.

Из коридора на него полз на коленках Григорий Ефимович. Выставил вперед кулак с двумя торчащими пальцами. Глаза дикие, невидящие.

— Что с вами, отче?

«Странный человек» потер лоб, будто силясь вспомнить.

— А, это ты, Емеля. Заходи. Тебе рад. Ништо... Померещилось... Не вспомню... Обыкновенное дело. День нынче такой.

— Какой «такой»? — прикинулся Зепп.

— А может, пронесет...

Странник с кряхтением поднялся.

— Денег принес? Марьюшке на что-то надо, говорила.

— Вот, извольте.

Как всегда не глядя Григорий цапнул купюры, сунул в карман.

Повел в кухню.

Сегодня в квартире было необычно. В коридоре никто им не встретился. Однако стоило пройти мимо какой-нибудь двери, и в ней приоткрывалась щель, из сумрака пялились чьи-то глаза. Зеппу показалось, что народу еще больше, чем обычно, просто все попрятались.

Пришли поглазеть, догадался майор. Хорошо бы только без репортеров. У этой сволочи тонкий слух и острый нюх.

На кухне была одна Марья Прокофьевна.

— А, это вы.

Сама смотрит только на Странника, с тревогой и как бы ожиданием.

— Пустое, Марьюшка, — сказал тот. — Поблазнилось что-то. Чайку налей нам, да иди.

Сели.

Марья Прокофьевна, заметил майор, отошла недалеко, ее силуэт виднелся в полутемном коридоре.

Прямо из кухни вела дверь в безоконную каморку для прислуги.

Оттуда слышался шепот. Зепп сконцентрировал свой замечательный слух, потоньше чем у любого газетного нюхача.

— Кто это, белобрысай-то, а? — спросил голосок — кажется, старушечий.

— Купец богатый. Часто к нам ходит. Тихо ты! Не то выгоню.

Странник подвинул сухарницу.

— На-ко вот, посластись. Тебе можно.

Сунул пряник. Зепп бережно завернул его в платок.

— Из ваших рук — на память сберегу... Я вот думаю, не мало ли денег дал? Возьмите все, какие есть! Мне не нужно.

— Добрая ты душа, Емеля. Голубиное сердце. — Бумажки Григорий придавил сухарницей. — Среди мужеска пола таких редко встретишь. Подле меня все больше бабье трется. Потому баба сердцем живет, а мужчина горд и оттого глуп.

Говорил он сегодня не так, как всегда. Медленнее, растягивая звуки. Сам вроде как к чему-то прислушивался.

Припомнил что-то, хихикнул.

— Был я это раз в Селе, у папы с мамой...

Прервался, громко отхлебнул из блюда.

Старушонка в каморке громко прошептала:

— Чегось? К родителям своим, стало быть, в село ездили?

— Дура ты, — ответили приبلудной. — В Царское Село, к царю с царицей. Тс-с-с!

Странник с удовольствием продолжил:

— Он, папа-то, меня спрашивает: «Как мне с Думой быть? Разгонять ли, нет ли? Так-то обрыдли!» Ну я как кулаком по столу тресну. Мама чуть не в омморок, папа за сердце ухватилси. Я ему: «Что щас шевельнулось-то, голова али сердце?» Он: «Сердце». «То-то, — говорю. — Его и слушай». Призадумалси папа...

Вдруг он запнулся, закрыл глаза, рванул на груди шелковую рубаху и протянул-пропел изменившимся голосом:

— Марья-а! Марьюшка-а! Томно мне... Вещать буду...

А та уже готова.

Выбежала из коридора, кинула Зеппу: «Матрас!»

Он понял — разложил на полу матрас, что лежал в углу. Марья Прокофьевна взяла подушку с бечевками, привязала Страннику к затылку.

Григорий закатывал глаза, шевелил губами, пальцы бегали по телу, словно что-то с себя сбрасывали.

— Кладем! — велела экономка.

— Подушка зачем? — шепотом спросил Зепп.

— Чтоб голову не расшиб.

Больной дал уложить себя на мягкое. Этот припадок выглядел иначе, чем давешний, в салоне у Верейской. Тогда судороги скорей напоминали приступ эпилепсии. Ныне же Странник не хрипел, не дергался.

Марья Прокофьевна зачем-то достала из кармана передника маленькую книжечку с карандашом.

В коридоре теснились люди, заглядывали друг другу через плечи. Многие крестились. Но в кухню никто не лез, и было очень тихо.

— Лечу-у-у, — тонко пропел «странный человек». — Ай, бедные... Что кровушки-то, слёз-то... Ночь длинная, непросветная... Не грызитесь, не кусайтесь! Черт вас друг на дружку науськиват! По рогам ему, по рогам! Эх вы, глупые... Пропадете...

Карандаш Марии застрочил по бумаге, она записывала.

По лицу припадочного потекли слезы.

— Пуститя! — жалобно попросил он. — Что я вам сделал? Ой, нутро жжет! Иуда ты, Иуда! С рук ел, а сам... Ай, больно! Больно! Больно!!!

Это слово он повторил трижды. Первый раз схватился за один бок, потом за другой, третий раз за лоб. На минуту затих и лежал, будто мертвый. Зепп с беспокойством оглянулся на Марию, та приложила палец к губам.

Глаза Странника распахнулись. В них застыл беспредельный ужас.

— Вода черная! Холод! Всё теперя! Трижды умертвили!

Вот теперь его начало бить и корчить. Он весь изогнулся, съехал с матраса. Раздались тупые удары — это подушка стучала об пол.

Из коридора донеслись взвизги и причитания.

— Теперь держите его за плечи! Крепче!

Марья Прокофьевна достала из шкафчика стакан с приготовленным лекарством и очень ловко влила содержимое больному в разинутый рот.

Он послушно сглотнул и почти сразу обмяк.

— Уходите! Все! — приказала экономка.

Коридор опустел.

Она перечитывала записанное, хмурила брови. Странник лежал без чувств, тихо постанывая.

— Давно вы с ним?

Теофельс с любопытством рассматривал не совсем понятную женщину.

— Что? ...Давно.

Говорить ей про это не хотелось.

— А вы, простите, кто? — не отставал Зепп. — Я ведь вижу, вы не похожи на остальных.

— Я Мария. — Она печально смотрела на лежащего. — Магдалина.

— Понятно...

Это очень часто бывает: с виду человек психически нормален, а чуть копнешь... Ну, Магдалина так Магдалина.

По имевшимся у майора сведениям, после приступа своей странной болезни Григорий становился благостен и мягок, как воск.

— Скоро он очнется?

— Сейчас...

Серые, ярко блестящие глаза действительно скоро открылись. Они смотрели на потолок спокойно, будто никакого припадка не было.

— Надо свежего воздуха. — Зепп поднялся. — И посадим его ближе к окну.

Так и сделали.

Укутанный в плед, Странник медленно отхлебывал чай, слабо улыбался.

— Ну, Марьюшка, что я нынче вещал? Зачти.

Она молчала.

— Ладно, после, — беспечно молвил он. — У меня, Емеля, разные виденья бывают. Малые и большие. Сонные и явные. Какие понятные, а какие и нет. А еще зеркал видеть не могу. У меня в доме ни одного нету. Глядеть в них мне нельзя. Проваливаюсь. Как в пролубь. — Он передернулся, но тут же снова заулыбался.

Все-таки это что-то эпилептическое, предположил Зепп. С типичной эйфорической релаксацией после приступа.

— Две силы во мне, мил человек. Бесовская и Божья. По все дни бесенок поверху семенит, такое уж это племя. Но как молонья Божья полыхнет да гром грянет, тут он в щель. Тогда вещаю голосом ангельским. А отгремит гром, отсияет радуга, и снова лезет лукавый, снова евоный праздник. Ишь, зашевелился запрыгал. — Он засмеялся, постучал себя по груди. — Вина, плясок просит.

Нуте-с, приступим...

— Отче, все хочу спросить, — сказал Зепп, стоя у окна. — Почему возле вашего дома столько людей, похожих на переодетых полицейских?

— Они самые и есть. Из Охранного. Мама за меня опасается. Многие моей гибели жалают. Убивали меня уже. Но меня просто не возьмешь. Само-меньше три смерти надо.

Теофельс заметил, как Марья вздрогнула и спрятала записную книжку

в карман.

— Гадко сегодня на улице, — поежился Зепп. Промозгло. Раз люди из-за вас стараются, поднести бы им.

Странник охотно согласился.

— Добрая ты душа. А мне и в голову... Снеси-ка им, Марьюшка. Вчера откупщик водки клопиной принес. Я-то ее не пью.

— Не женское дело водку носить. Я сам.

Зепп взял у экономки поднос с шустовским коньяком, стаканчиками, печеньем.

Выходя, слышал, как Григорий сказал:

— Милльонщик, а сердцем прост.

Нет, не прост!

Когда Зепп вернулся, Странник, свежий и розовый, будто после парилки, сидел у стола и с аппетитом ел.

— Садись, Емеля. Штей покушай. Хороши!

— Что-то не так, — озабоченно сказал Теофельс. — На лестнице и в подворотне точно агенты Охранки. Но на крыше еще какие-то. Двое. Я спрашиваю: ваши? А охранные говорят: нет, это из контрразведки. С утра засели.

— С контрразведки? От Жуковского-енарала? — Странник выронил ложку. — Где?

— А вон. Я их еще раньше из окна углядел.

На крыше соседнего дома, возле трубы, лежали двое в брезентовых плащах с капюшонами.

— Чего это они? — Григорий испуганно почесал бороду. — Что я им, немец что ли? Шпиён? ...Ты что?!

Это Зепп схватил его за плечи, оттащил.

— У них там футляр какой-то. Длинный. Вы вот что... К окну больше не подходите, ясно? Тут шагов тридцать, не промахнешься.

— Господи, Твоя воля, — закрестился Странник.

— Боюсь я за вас, отец. Врагов у вас много. Если сам Жуковский решит вас извести, не убережетесь.

Всхлипнул Григорий, пожаловался:

— Как кость я им в горле. Чего терзают, за что ненавидят? Вот я на енарала маме пожалуюсь... Мне б только в Царское попасть. И малой хворает... Сердцем чую, плохо ребятенку. А скоро вовсе худо станет.

— Мало пожаловаться. Надо сказать царице, что вы не станете лечить цесаревича, пока не уволят вашего врага Жуковского.

Странник удивился:

— Ты что говоришь-то? Грех какой. Тьфу на тебя.

Но Зепп все так же напористо объявил:

— Вы как хотите, отче, а я от вас теперь ни на шаг не отойду. Тут стану жить, вас оберегать. Мне много не надо, вон на матрасе пристроюсь. Но уж и вы пока сидите дома. Никуда не ходите.

— Как же мне не ходить? Сегодня к Степке-камельгеру зван. Надоть идти. Там много дворцовых будет. Может, кто возьмет записочку маме передать. Или словцо замолвит...

— Тогда и я с вами. Как хотите, но от себя не отпущу!

У «камельгера Степки»

«Камельгер Степка» оказался камергером императорского двора Степаном Карповичем Шток-Шубиным. До 1914 года этот господин звался Стефаном Карловичем фон Штерном, но, с высочайшего соизволения, привел свое имя в соответствие с общим духом патриотизма, присовокупив девичью фамилию супруги. Со Странником камергера связывала давняя дружба. Особенно оценил Григорий то, что «Степка» не отвернулся от него в час опалы. «Вот уж друг так друг, все бы так», — сказал Странник.

Вообще-то особенной доблести в поведении Шток-Шубина не было. Никто из петроградцев, осведомленных о придворных обыкновениях, не сомневался, что рано или поздно тучи, сгустившиеся над головой сибирского пророка, разойдутся, как это уже не раз бывало прежде.

Принимали в палаццо на Крестовском острове. Плешивый, с длинными бакенбардами хозяин троекратно облобызался со Странником, который назвал его «Степаном-Божьим-человеком». Зеппа камергеру было велено «любить». Однако Шток-Шубин ограничился неопределенным кивком:

— Рад всякому товарищу нашего дорогого Григория Ефимовича. Милости просим.

«Степкины» гости показались майору еще чопорней, чем круг Лидии Сергеевны. Во всяком случае, консервативней. Преобладали мундиры дворцового ведомства. Журналистов не было вовсе. Из политических деятелей присутствовал один Зайцевич, правее которого, как говорится, была только стена. Он поздоровался с «золотопромышленником», а

появление Странника хоть и покривился, но стерпел — просто отошел подальше.

Здесь «странный человек» вел себя совсем иначе, чем у светлейшей княгини. Ваньку не валял, никому не грубил, на пол не плевал.

Зепп уже достаточно разобрался в характере Григория, чтобы понимать: развязностью тот бравировал, когда чувствовал себя не в своей тарелке, либо нарочно хотел эпатировать чересчур манерное общество. Здесь, у камергера Штока, Странник, во-первых, со многими был знаком, а во-вторых, желал достичь некоей цели.

Он говорил мало, сдержанно, веско. С благословением ни к кому не лез. Чинно пригубил вина — отставил. Всякого, кто бывал во дворце, с тревогой спрашивал о здоровье «малого». И беспрестанно повторял: «Дохтура не слечат — у них на то науки нет». Надеялся, стало быть, что передадут кому следует.

В том, как слушали Странника, как с ним разговаривали, чувствовалась некоторая выжидательность, вызванная неопределенностью его нынешнего положения. Гости держались с опальным фаворитом учтиво, но улыбались замороженно.

Всё здесь было Теофельсу интересно. Он смотрел и слушал, готовя данные для отчета о высшем слое придворных, их настроениях, теме бесед. Любые детали тут могли пригодиться. Но главным образом, конечно, ломал голову, как помочь Григорию вернуть утраченное влияние.

Однако Странник и без помощи обходился недурно.

Вскоре он собрал в центре салона целый кружок. Там, кажется, говорили об интересном.

— Ничего того не будет, — раскатисто басил Странник. — Набрехал ихний Папус, для важности. Пушай себе хворает, нам на это тьфу.

— Но позвольте, Григорий Ефимович, — вежливо, хоть и несколько обиженно возражал ему тайный советник с петлицами министерства иностранных дел. — Всем известно, что мсье Папюс — известный провидец. Это признано во всем мире! Как же это «тьфу»? Мы все помним его пророчество!

Вспомнил и Теофельс. Действительно, в свое время много писали о пророчестве знаменитого Французского оккультиста Папюса, который предсказал, что династия Романовых рухнет вскоре после его, Папюса, смерти.

Из дальнейшего разговора, становившегося все более оживленным, стало ясно, что тайный советник по дипломатическим каналам получил известие о тяжелой, чуть ли не смертельной болезни француза. «Странного

человека», похоже, задевало, что этому сообщению придается такое значение.

— Папус — пустое! Вот я помру — тогда конечно. Тогда заступаться некому станет, — с убеждением сказал он, не видя, что иные слушатели прячут улыбку.

Но кое-кто внимал ему и всерьез.

— Как это, должно быть, поразительно — проникать взором будущее! — вздохнула дама с бриллиантовым вензелем императрицы на груди. — Я имею в виду не будущее мира или общества — тут предсказателей хватает, а будущее всякого конкретного человека!

— И ничего поразительного. — Странник пожал плечами. — Надоть человеку хорошенько в зрак заглянуть, там в черной дырочке много чего увидеть можно. Коли умеешь.

— Ну вы-то, почтеннейший, конечно, умеете? — спросил с невинным видом юный камер-паж, сын хозяина.

Отец укоризненно поднял бровь и послал нахальному отпрыску предостерегающий взгляд.

Однако «странный человек», если и уловил насмешку, виду не подал.

— Что ж, силу в кулак собрать — и я могу. Ежли кто интересуется, спрашивайте...

Смотрел он при этом в пол, брови сдвинул, лицом потемнел.

— Право не стоит, — весело сказала хозяйка. — Что нас ждет такого уж хорошего? Морщины, старческие болячки. Не угодно ли перейти к столу?

— Отчего же, матушка, — сказал камер-паж. — Пускай господин чудотворец — если он, конечно, чудотворец — расскажет про мое будущее. Мне очень интересно. Что со мной, к примеру, через год будет? Или через три?

С молодым человеком всё было понятно: стесняется лебезящих перед «шарлатаном» родителей, плюс воспаленное самомнение, желание выпятиться — классический букет переходного возраста.

— Антиресно тебе? — медленно повторил Странник и внезапно повернул голову к задиристому юнцу — тот слегка отпрянул, обожженный неистовым взглядом. — ...Нет, Бог с тобой, — проямлил вдруг Григорий. — Ничего, малый, ступай себе...

— Ага, напридумывали! — торжествующе вскричал Шток-младший. — А сами ничего не видите!

Один из гостей, посмеиваясь, произнес:

— Давайте я напроорочествую. Через год у вас, юноша, усы вырастут.

По салону прокатился тихий смешок.

Огляделся вокруг «странный человек», сделавшись похож на окруженного псами волка. И в глазах его тоже блеснуло что-то волчье.

— Усы у тебя не вырастут — не поспеют. Пуля не даст. Будешь в снегу лежать. В яме закопают, без отпевания, — щерясь, очень быстро сказал мальчишке Странник.

— Чья пуля, германская? Я через год на войну пойду! — гордо оглянулся паж на побледневшую мать.

А в Григория будто бес какой вселился.

— Русская. Прямо в лоб тебя стукнет... А тебя у стенки стреляют, — ткнул он пальцем в дипломатического советника.

— Меня? Стреляют? — ужасно удивился тот.

— И его тож, — показал Странник на камергера. — С левольвера. В затыльник.

Хозяин неуверенно засмеялся. А провидцу как шлея под хвост попала, не мог остановиться.

— Ты с голоду помрешь, — было сказано очень полному господину с красной лентой через плечо.

— А тебе штыками исколют, — объявил прорицатель гвардейскому генералу.

— Я в атаку не хожу, — засмеялся тот. — Почему штыками?

— По брюху, вот по чему.

Шокированная тишина повисла в воздухе. Происходило что-то в высшей степени неприятное, злое — куда хуже скандала, устроенного Григорием у княгини Вереysкой.

— Что вы слушаете этого юрода? — выкрикнул сзади депутат Зайцевич.

Тоже не утерпел, подошел посмотреть, что здесь такое творится.

— А он и рад! Кто-то ему о пророчествах Казота рассказал — в канун французской революции, помните? Вот он и решил нас попугать, Казот доморощенный!

— Сам ты козел недорощенный! — огрызнулся Странник.

Зепп мысленно ему заплодировал. Невысокий Зайцевич, с шишковатым лбом и кустистой бороденкой, был очень похож на низкорослого бодливого козлика.

Не на шутку разъяренный Григорий пошел прямо на депутата — гости торопливо расступились.

— Что глазами сверкаешь? — Зайцевич оперся о палку, глядя на оппонента снизу вверх. — Здесь тебя никто не боится.

— Пророчествую, — сказал «странный человек» хриплым от гнева голосом. — Языком своим подавишься. Скоро!

И вдруг опомнился. Обвел взглядом холодные брезгливые лица. Схватился за голову.

— Емеля! Емельян! Уведи меня отсюда!

Зепп, естественно, тут как тут. Взял пошатывающегося пророка под локоть, повел.

— Бес, бес из меня попер! Всё погубил, лядащий, — убивался Странник. — И ведь не видал я ничего в козле колченогом. По злобе сболтнул. Грех это...

И ответил ему фон Теофельс негромко, но твердо:

— Ваши уста, святой отче, зря ничего не изрекают.

Выражение лица у майора было вдохновенное.

Той же ночью, перед рассветом

Свет в окнах кабинета погас лишь в пятом часу пополуночи, когда Теофельс уже начал беспокоиться — вдруг у чертова невротика тотальная бессонница. Тип желчный, язвенный, у таких вечно проблемы со сном. Но улегся-таки.

— Еще двадцать минут ему на баиньки — и пошли, — показал майор часы старшему диверсионной группы.

Кличка Кот. В прошлом городской, уволен за связь с ворами. Масса полезных знакомств, отличные оперативные качества. Завербован еще в двенадцатом году, провел несколько удачных акций. Морда круглая, усатая, глаза навывкате — как есть кот.

Агенты диверсионного отдела петроградской резидентуры все последние дни сопровождали Зеппа постоянно: Кот и с ним, посменно, еще кто-нибудь. На крыше зловещих типов из контрразведки тоже изображали они.

Сейчас на дело Кот взял человека, который для такого задания, по его словам, «как есть самый подходящий»: из взломщиков. Привлечен недавно. Кличка почему-то Шур.

— Значит, один он? Прислуги нету? — еще раз уточнил Кот, натягивая черные суконные перчатки.

— Так мне доложили.

Всю информацию предоставил отдел персоналий. Там картотека по всей столичной верхушке, полторы тысячи досье: сановники,

промышленники, общественные деятели, депутаты. Кто где живет, с кем знается, какому богу молится. Впечатляющий массив, плод долгой и кропотливой работы. Полсотни информантов который год только этим и занимаются — собирают, уточняют, дополняют.

— Пора, — сказал Кот. Такого подгонять не надо.

Он первым вышел из авто, вразвалочку двинулся к парадной. Шур за ним, и стало понятно, откуда кличка. Вроде идет человек, даже не особенно крадется, а звука никакого — лишь еле слышное шур-шур.

У запертой двери подъезда они задержались всего на четверть минутки. Кот смотрел по сторонам, Шур слегка наклонился.

Вошли.

Фон Теофельс смотрел на циферблат — больше все равно занять себя было нечем.

Питерские дворники зимой начинают скрести тротуары в шесть. Времени оставалось в обрез.

Но агенты управились быстро. Свет в окнах снова загорелся всего шестнадцать минут спустя.

Под ногами у профессионалов путаться было незачем, поэтому майор и остался в машине. Но проверить всё необходимо.

Быстро дошел до подъезда, взбежал по лестнице.

Дверь. Прихожая. Коридор.

Спальню помог определить сочащийся свет.

Исполнители стояли посреди комнаты. Оба без пиджаков, в подтяжках. Смотрели на начальство выжидательно: всё ли ладно.

Зепп походил вокруг, задрал голову. Посмотрел.

Ладно было не всё.

— А язык? — покачал он головой.

Ох, русская расхлябанность! Ничего доверить нельзя.

Зайцевич свисал с бронзовой люстры, похожий в пижаме на марионетку Пьеро. Предсмертная записка (вот и специалист-графолог пригодился) лежала, где положено. Стул, правильно, валялся рядом опрокинутый. Но самую главную деталь агенты упустили.

Пришлось самому.

— Перчатку!

Он влез на стул. Бестрепетной рукой разжал мертвецу челюсти, вытянул распухший язык как можно дальше. Коли тебе напророчили «языком подавишься», изволь соответствовать.

— Вот теперь всё.

Спрыгнул, стул снова перевернул. Склонив голову, полюбовался.

Малоприятное, конечно, дело — копаться в пасти у свежего покойника, но такая уж у разведчика работа, сочетание тонкого и грубого.

Майор был сейчас очень доволен. Даже позволил себе похвастаться, по-немецки:

— Идеальный разведчик — это мясник с умом психолога и душой поэта. Вроде меня.

— Что, извиняюсь?

Агенты иностранных языков не знали, поэтому Зепп перешел на русский:

— Это называется: одним Зайцевичем два выстрела.

Опять не поняли, но им и ни к чему.

А сказано, между прочим, отлично. Жаль, некому оценить.

Ведь действительно: помог опальному чудотворцу укрепить репутацию, а заодно избавился от активнейшего агитатора «войны до победного конца».

Успех, полный успех!

Успех превзошел ожидания.

На следующий день газеты напечатали на первых полосах известие о трагической гибели великого патриота. Так, ничего особенного: за Родину погибают не только на фронте, невыносимая боль за державу, не выдержали больные нервы и все такое прочее. Процитировали предсмертную записку, которая давала полное объяснение случившемуся. Знаменитым чеканным слогом думского златоуста в ней говорилось: «Нет более сил смотреть, как губят матушку Россию продажные либералы, казнокрады и жида. Пусть гибель моя станет предостережением для Помазанника и всех истинно русских! Простите, друзья! Прости, Христос! Прости, Отчизна!»

Однако уже на второй день поползли слухи. Узнали о пророчестве Странника, возбудились. Каким-то образом, непонятно откуда взявшись, ходил по рукам жуткий снимок: крупно лицо самоубийцы — будто бы подавившегося собственным языком...

Ну а на третий день, утром, в квартиру на Гороховой позвонил «камельгер Степка» и сказал, что нынче же завезет почтеннейшему Григорию Ефимовичу «одно послание». Пока он ехал с Крестовского, протелефонировали еще несколько придворных, и Странник уже знал, что послание от ее величества, собственноручное.

Зепп видел листок английской бумаги с монограммой. Там было только две строчки, обе из Писания:

Вот, яростный вихрь идет от Господа, вихрь грозный; он падет на голову нечестивых.

(Иеремия, 30:23)

Над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою.

(Исайя, 60:2)

И подпись: «А.»

Истолковать это можно было только в одном смысле: пророческая сила Святого Старца наверху оценена и признана. Опале скоро конец. Очевидно, «мама» написала «папе» в Ставку. В положительном результате не сомневается.

После получения записки Странник расцвел. Из дома он теперь никуда не отлучался — и стращать не пришлось. Дело было не только в нехороших людях на крыше, которые то появлялись, то исчезали. Григорий не отдалялся от аппарата, ждал Главного Звонка.

— Теперя позовут, — уверенно говорил он. — Не завтра — послезавтра. Малóго лечить надоть...

Верный Емеля был неотлучно при Учителе, а как же.

Чай уже из ушей выливался, но всё доили самовар, толковали о разной всячине. Посетителей в эти дни «странный человек» не принимал.

Теофельса забавляло, что богоносец уже сам прочно уверовал в свое предсказание — запамятовал, как винулся в грехе злоболтания.

Но однажды случилось кое-что, после чего скептик был вынужден призадуматься.

— Заглянул я Зайцу энтому в его зенки — и как наяву узрел: рожу распухшую, язык торчит. Во какая во мне сила, — в десятый раз хвастал Странник.

Слушатель почтительно кивал.

— Еще что узрели, отче?

Тот прищурился.

— Не могу объяснить... Быдто четыре рога у него из башки, бронзовые... И по-над ими аньгел белый, с луком-стрелою... Такое мне было видение, а в каком смысле-разуме, не вмещаю. Ну, роги — понятно.

Но кто на себя руки наклал, тому ангел вроде и не положен?

Здесь-то Зепп и вздрогнул. Вспомнил вдруг, отчетливо: Зайцевич висел на люстре с четырьмя бронзовыми рожками, а на потолке, вокруг люстры, лепнина — амурчик с луком. Узнать про этикие подробности Страннику было абсолютно неоткуда.

Мистика!

И пришел Теофельс в состояние, для него не характерное — в смущение духа.

Налицо был явный, неоспоримый факт, которому уж точно не могло быть никаких рациональных объяснений. Вся логическая натура разведчика протестовала против этого обстоятельства.

Не бывает никаких пророчеств! Нет никаких чудес! Непостижимых явлений тоже! Он всегда на этом стоял, неколебимо.

А что-то такое, оказывается, все-таки существует...

Это требует осмысления и кое-какого изменения жизненных координат, дал себе задачу Теофельс — на потом, поразмышлять на досуге.

И свое отношение к «странному человеку» с сей минуты несколько скорректировал. Стал осторожней. Черт их, провидцев, знает, чего от них ожидать.

Даже мигрень от потрясения началась, мучительная. Это еще и бессонная ночь сказалась.

А Странник возьми и скажи:

— Что морщишься? Башка, чай, болит? Я вижу. Нут-ко, поди, сядь передо мной.

Взял Зеппа одной рукой за лоб, другой за затылок.

— Не надуйся, не противься. Ишь, натужился! Двери-то открой. А то у меня вся сила стратится, в дверь твою тыркаться. Надо чтоб моя душа с твоею соплелась. Как волосы в косицу...

Майор позволил себе немного расслабиться — и вдруг ощутил в теменной области, где гнездилась мигрень, странную прохладу. Странник пошептал что-то, оттолкнул Зеппа от себя.

— Всё. Не болит уже. Я вот тебе свой гребень подарю. Будет башка трещать — почеси, пройдет. Я этак от похмелья поправляюсь.

Совсем тут растерялся убежденный рационалист. Подумал: проклятая страна, воздух тут что ли такой — небылицы мерещатся.

От размягчения воли, от растерянности мог сделать какую-нибудь ошибку. Но тут случился инцидент, заставивший Зеппа забыть о мистической блажи.

Та, кого не ждали

Сначала донесся шум со стороны входа. Женские голоса, крики.

Это было удивительно. Хотя в квартире постоянно находилось множество женщин (Зепп так и не мог их сосчитать), здесь никогда не кричали — Странник «бабьего ору» не любил. Плакали часто, шептались и молились беспрестанно, но чтобы звонкий молодой голос вот так, на весь коридор вопил:

— Пустите меня, пустите! Я знаю, он здесь! Добрые люди научили! Тимо-оша! Тимофей Иванович! Что вы с ним сделали, шептуньи?

Если б голос не звал «Тимошу», Теофельс нипочем не догадался бы, кто кричит. А так — успел вскочить! и ретироваться в темный уголок, за кафельную печь. Горничной Зине видеть здесь «господина Базарова», было совершенно ни к чему.

Шумная девица уже прорвалась и на кухню. В рукава, в подол ей вцепились несколько старушек-чернавок, но Зина волокла их за собой. Кто бы мог подумать, что под кружевным передником бьется столь горячее сердце?

Григорий изумленно глядел на воинственную особу, сумевшую преодолеть все препоны.

— Ты кто?

— Куда ты его дел, злой старик? Он раненый, он не понимает! Что тебе от него надо? — со слезами воскликнула Зина. — Ты его заколдовал!

Пока разбирались, кто она такая и зачем пожаловала, Теофельс, вжав голову, прошмыгнул в каморку, где спал Тимо. Тот всегда спал, когда нечем было себя занять.

— Вставай, разбиватель сердец! — пнул его Зепп.

Помощник сел на топчане, в руке у него словно сам по себе возник револьвер.

— Was? Что случилось?

— Полюбуйся. Выгляни в щелку.

Тимо выглянул.

С агрессоршей общими усилиями кое-как совладали — вытолкали в коридор. Она упиралась, плакала.

— Тимоша! Я тебя неделю искала! Ты хоть живой?

После того как операция «Ее светлость» перестала быть актуальной, бывать у княгини Теофельс, конечно, перестал. Написал, что срочные дела требуют присутствия на прииске — и адъё. Естественно, и «Тимоше» стало

не до амуров с субреткой.

— М-да, — хмуро молвил Зепп. — Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана.

— Она меня искаль. — Тимо вздохнул. — Она саботилсь. Кароши девушка.

Но майор был настроен неромантично.

— Она не отвяжется. Знаю я влюбленных женщин. Это проблема, Тимо. Ты создал, ты и реши. Мне сейчас осложнения ни к чему.

Слуга-наперсник жалобно сморщил и без того жеваное лицо:

— Нет, пашалуста...

Скажите, какие нежности. От Тимо он этого никак не ожидал.

Определенно в здешней атмосфере таился какой-то расслабляющий, вредный для немецкой души дурман.

— Ну смотри, сердцеед. Пожалеешь.

И ведь как в воду глядел...

Случилось это в тот же день. Верней, на исходе суток, перед полночью. В это мертвое время, когда посетителей нет, шпики в подворотне не дежурили. Один, правда дремал на ступеньках в парадной. Когда раздался звонок и сонный швейцар, ворча, пошел спрашивая кто, филер встал и зевнул.

Швейцар вполголоса переговаривался с кем-то через щель. Потом снял фуражку, поклонился и распахнул створки.

В подъезд двинулась целая процессия: впереди двое богатырей в ливреях, потом две женские фигуры, сзади мужчина в котелке. Он сунул швейцару красненькую.

— Куда? К кому? — с подозрением спросил агент Охранного.

— Василий! — повелительно произнесла старшая из женщин, в горностаевой ротонде (на молодой была распахнутая заячья шубка).

Котелок вышел вперед, дал казенному человеку две бумажки.

— Ничего не видел, ничего не слышал. Ясно?

Агент с сомнением ответил:

— Не положено...

Получил третью банкноту, но все еще колебался.

— Если с ним что, мне голову оторвут...

— Долго еще? — повысила голос дама.

Василий (очень солидный, внушающий доверие господин) пообещал:

— Господин Странник нас не интересует.
В руку агента легли еще две бумажки.
Тогда служивый вздохнул, снова сел на ступеньку. Притворился, что спит.

Процессия поднялась на третий этаж.
Позвонили: раз, другой, третий.
Толкнули дверь — по ночному времени заперта.
Наконец внутри что-то зашуршало. В щель, поверх цепочки, глядел испуганный старушечий глаз.

— Кого это среди ночи, Господи?
— Откройте! — приказала дама. — Немедленно откройте! Василий!
Котелок подал знак — двое ливрейных, очевидно, готовые к такому повороту событий, действовали слаженно. Один взялся за край двери, чтоб не захлопнули, другой щелкнул большими кусачками. Обрезанная цепочка жалобно звякнула.

Старушенция бежала прочь по коридору.
— Караул! Разбойники! Емельян Иваныч! Тимофе-ей!
Молодая в заячьей шубке тоже завопила:
— Тимоша! Где ты, родной? И Емельян Иваныч здесь! — возбужденно сказала она даме. — Говорила я вам, видела я его давеча!

— Вперед! — скомандовала предводительница. — Искать!
Лакеи быстро шли по коридору, открывая одну за одной все двери.
За каждой их встречал крик, визг.
На агрессоров откуда-то коршуном налетела женщина, простоволосая, в накинutom на плечи платке.

— Не пуцу! Сначала меня убейте! — зашипела она, закрыв собою одну из дверей.

Тому, кто хотел ее оттащить, вцепилась ногтями в лицо. Но дверь все-таки открыли. На постели, под светящимся лампадами киотом, сидел бородатый мужик в нижнем белье, трясся.

— Где Емельян Иванович? — спросила его княгиня. — Куда вы его спрятали, негодяй? Мне говорили, что вы его приворожили, но я не верила!

— Изыди, ведьма. Ты видение сонное, дурное. Растай! Тьфу на тебя троекратно.

Бородатый размашисто крестил ее.
— Лидь Сергевна! — крикнула сзади Зина.
Верейская оглянулась.

Из кухни с револьвером в руке — верно, на шум — выскочил Базаров. И застыл. На заспанном лице читалось раздражение. Но Лидии Сергеевне

возлюбленный — разутый, в нательной рубаше, с растрепанными светлыми волосами — показался бесконечно милым, потерянным, трогательным.

Княгиня бросилась к нему, обняла, заплакала.

— Боже мой, я нашла тебя!

Никогда раньше она не называла его на «ты», даже в минуты интимности.

— Гадкий старик, он загипнотизировал тебя! Но я здесь! Я рассею чары!

Сзади появилась и тут же исчезла растрепанная башка «контуженного». Но Зине хватило и секунды.

— Тимофей Иванович!

Оттолкнув барыню с ее кавалером, девушка кинулась к избраннику своего сердца и тоже обхватила его руками.

Бедный Тимо только крикнул.

— Что вы, сударыня, в самом деле, — недовольно говорил Зепп. — Ворвались среди ночи... Мне здесь отлично. Я тут душой спасаюсь.

— Он меня не слышит! — драматически возопила Верейская. — Эмиль, это же я, твоя Лида! Я пришла тебя спасти! Как Герда своего Кая! Мерзкий колдун заморозил твое сердце!

— Какая еще Герда? — разозлился майор. (В семье Теофельсов детям не читали сказок Андерсена.) — С ума вы, что ли, сошли?

Не следовало так грубо. Лидия Сергеевна закрыла лицо руками и разрыдалась.

— И все равно... Я не уйду отсюда... Ты не в себе... Я увезу тебя. Потом, когда опомнишься, будешь мне благодарен.

Еще не хватало! Он представил сцену в духе похищения сабинянок: дюжие лакеи, закутав его в шубу, волокут во двор.

Скрипнув зубами, сменил тон.

— Милая, я все тот же, — шепнул он ей на ухо. — Иди. Со мной все в порядке. Так надо. Мы поговорим завтра. Я все тебе объясню.

— Честное слово?

Она смотрела на него мокрыми глазами.

— Клянусь нашей любовью.

И княгиня сразу успокоилась.

Грозно — будто и не плакала, не говорила жалких слов — она оборотилась к двери, из которой выглядывал моргающий Странник.

— Учтите, старый негодяй. Если завтра Емельян Иванович не будет у меня, я приду снова. И тогда вам не поздоровится! — Она повысила голос. — Зина! Мы уходим! Здравствуй, Тимофей. Тебя я тоже выручу! В

Германии ты и твой господин спасли нас, а мы...

— Теперь я вижу, что вы действительно меня любите! — затараторил Зепп по-французски, пока дура не наболтала лишнего. «Странный человек» неглуп. Если узнает, что «контуженный» — денщик «прапорщика Базарова», будет катастрофа. — Пойми, мне нужно разобраться в своих чувствах. Любовь небесная, любовь земная — все перепуталось в моей бедной голове. Мы поговорим завтра.

— Хорошо... До завтра, милый...

Нежный поцелуй, еще пара всхлипов, и ночной штурм, хоть не без потерь, был отбит. Ее светлость со свитой удалились.

В квартире с их уходом переполох не закончился. Приживалки галдели, спорили. Они так и не поняли, что это была за барыня. Версии возникали одна диковинней другой. Поминалась нечистая сила, происки Врага человеческого.

Григорий отстранил Марью Прокофьевну, цеплявшуюся ему за плечи.

— Ох, бабы, бабы. Кака барыня ни будь, а коли полюбит — тигра лютая. Про Германию-то это что она?

— Мозги у нее набекрень, вот что, — пожал плечами Зепп. — Сами видели. Пойдем-ка мы с Тимошей проверим, ушла ли. И что с охраной.

На лестнице он схватил Тимо стальными пальцами за плечо.

— Слюнявый идиот! Я тебя предупреждал! Проблема должна быть решена. Немедленно. Как — дело твое.

Тимо решает проблему

Он завел мотор, когда автомобиля княгини на Гороховой уже не было. Но это ничего. Тимо знал, где она живет, каким маршрутом поедет. Ясные, неизменяемые вещи вроде расположения улиц, направлений, ориентиров он схватывал легко.

По Гороховой он ехал не очень быстро. Ночью приморозило, мостовая была, как каток. Из соображений экономии в городе освещались только главные проспекты, и то через два фонаря на третий. На улицах и в переулках, кроме самых именитых, было вовсе темно.

Зато на Садовой навестал отставание. С точки зрения удобства и надежности, машина «руссобалт», по мнению Тимо, никуда не годилась. Зато двигатель специально установленный, был невиданной могучести — на пятьдесят лошадиных сил.

Ночной Петроград был пуст, похож на фотокарточку с очень большой

выдержкой, которая не регистрирует движущиеся объекты: во-первых, не видно людей и вообще ничего живого; во-вторых, ноль красок — только черное, белое, серое.

Какой этот город красивый, когда в нем никого нет, думал Тимо. Наверно и весь мир был бы гораздо лучше, если убрать из него человеков.

Кто-то перед важным делом нервничает, а он, наоборот, впадал в раздумчивость. Мысли всякие приходили в голову. В Тимо пропадал философ.

Но мысли не мысли, а к заранее намеченному удобному месту, у Chrapowitzki Brücke, [\[60\]](#) он прибыл с хорошим опережением.

У него еще осталось две-три минуты прикинуть, как именно он будет действовать, и даже погрузиться о жестокости мира, о неправильном его устройстве.

Люди вроде льдин на реке, думал Тимо. Стучаются друг о друга, крошатся. И всем холодно, очень холодно.

Это он так подумал, потому что машина стояла возле берега скованной льдом Мойки. Недавно, во время оттепели, лед там потек и потрескался, а теперь снова схватился, но сквозь белую корку, по которой мела поземка, проглядывала темная паутина сросшихся разломов.

А потом вдали, из-за угла Офицерской, выбросился яркий луч, стал быстро увеличиваться и превратился в «делоне-бельвиль» русской Fürstin. [\[61\]](#) Всё было рассчитано правильно.

Свою машину Тимо поставил носом к мосту, прямо перед въездом, но немного наискось — с таким расчетом, чтобы не достал свет фар «бельвиля».

Большой, с цилиндрическим рылом, семиместный автомобиль несясь вперед по Алексеевской, стремительно приближаясь к мосту. Тимо и сам любил вот так, ночью, когда нет уличного движения, с размаху пролететь над рекой или каналом. Это приятно.

Когда «бельвиль» был ровно на середине моста, Тимо чуть повернул свое авто, включил прожекторные фары на максимум и одновременно дал полный газ.

Ослепший шофер встречной машины инстинктивно вдавил тормоз. Лимузин перекосило, боком потащило по наледи. Всего-то и пришлось сделать — подтолкнуть бампером в край кузова.

С оглушительным грохотом тяжелый экипаж пробил чугунное ограждение, на мгновение задержался на краю и вертикально, носом, упал в Мойку.

Хрустнуло, булькнуло.

Стало тихо.

Auf jeden Fall[62] (предварительно, конечно, отъехав в тень домов) Тимо пошел посмотреть, не вынырнет ли кто. Так уж, из добросовестности.

На белом льду чернела дыра, как клякса на чистом листе бумаги.

Поднялся и лопнул пузырь воздуха. Покачалась и успокоилась маслянистая вода.

Тимо пробормотал:

— Armes Mädchen... Verfluchtes Leben...[63]

Большим свежевыстиранным платком вытер слезу с правого, потом с левого глаза.

Печально побрел к машине. Думал: наверняка крыло придется менять.

Дождались!

Телефон зазвонил вечером, когда крыши пунцовели, окрашенные морозным декабрьским закатом. Трель у аппарата была не такая, как всегда, а особенная, часто-прерывистая.

Весь день Зепп выполнял при Страннике обязанности секретаря — всегдашний «письмовник», разбиравший корреспонденцию, третью неделю на Гороховой не показывался, болел. Вероятно, болезнь носила карантинный характер — до момента, когда акции опального чудотворца пойдут вверх.

Они, собственно, уже и пошли. Писем от всякого рода ходатаев и жалобщиков то не было совсем, а теперь снова принесли целую стопку.

— «...Человек это хороший, сирот жалеет, ты дай ему должность какую просит, а я добро попомню», — прочитал Теофельс надиктованное. — Подпишите?

— Давай. — Странник пошевелил губами, поставил закорючку. — Ну, министру отписали, благое дело сделали. Теперя чево?

Зепп взял следующее письмо.

— От фабриканта Зоммера. Просит посодействовать в получении заказа на армейские полушубки.

— Спихватилси. Пошустрее его есть. Вот ему. — Странник показал кукиш.

«Шустрый какой. А кукиша не хошь?» — старательно вывел Зепп. Зачитал.

Согласно кивнув, Григорий подписал.

Получалось, что слухи о «записочках» святого человека, при помощи

которых делались и рушились карьеры или заключались миллионные контракты, не такое уж преувеличение. Только корысть от такой протекции у «странного человека» была своеобразная. Мзды он себе не брал, помогал тем, кто сумел ему понравиться. А понравиться этому хитрому, а в то же время удивительно простодушному человеку было нетрудно — майор знал это по собственному опыту.

— Упарилси. Чайку попьем, — сказал Григорий, покончив с фабрикантом. Тут телефон и зазвонил.

Странник так шмякнул подстаканником об стол, что расплескал чай.

— Господи-Боже, дождалси! — прошептал он, часто крестясь. — Уж не чаял... Не тронь, Марья! Сам возьму.

Он подсеменил к телефонному столику, но дальше действовал с обычной в таких случаях торжественностью. Сначала поставил ногу на табурет, потом подбоченился. Задрал бороду, взял трубку.

— Алё.

— Отче, рычаг покрутить забыли! — кинулась помогать Марья Прокофьевна. — Положите трубку!

Григорий переполошился.

— Ай, ай, испортил всё! Не дождут, бросют!

Но на том конце терпеливо ждали.

— Алё, — снова сказал «странный человек» и после этого минуту или две молчал, только слушал. Его лицо помрачнело, между бровей обозначилась складка.

— Давайте, шлитя, — проговорил он звучным, уверенным голосом. — Маме — чтоб не убивалася. Передайте: Бог поможет. Ну и я, грешный, чем смогу.

— Что? Вызывают? — весь подобрался Зепп.

— Сподобил Господь. У малого жар страшный. Мается. Из дворца машина едет. Собираться надоть. Яблочка моченого возьму мальчонке, он любит.

Но прежде чем собираться, подошел к окну, выглянул из-за шторы и показал крышным сидельцам кукиш.

— Что, Жуковский-енарал, съел? Зуб у тебя мелок Гришку схарчить.

Теофельс тоже остановился у подоконника, но задержался там.

— Закрою от греха.

И задвинул занавески плотно. Раздвинул снова — наверху зацепилось кольцо. Опять сдвинул.

На его манипуляции никто не обращал внимания. Марья помогала Страннику переодеться в «дворцовое»: шелковую рубашку, хорошие

брюки, теплую сибирку. Тетки-старушки пялились из коридора, «странный человек» их не стеснялся.

Полчаса спустя

Полчаса спустя стояли в арке, ждали машину из Царского. Это Зепп предложил: чтоб не терять ни минуты и поскорее попасть к страдающему цесаревичу, спуститься вниз. Попросился проводить до улицы — «странный человек» не противоречил. Готовясь к сеансу исцеления, он сделался молчалив, будто ушел внутрь себя.

Здесь же была Марья, укутывала его шарфом. Странник послушно задира л голову. В руке он держал сверток с мочеными яблоками, под мышкой — обернутую в платок икону.

— Едут! — показал Зепп налево.

От Фонтанки на большой скорости неся черн ый лаковый автомобиль, клаксонам распу гивая с проезжей части пешеходов.

Григорий выглянул из подворотни:

— Не, с дворца не такая авто приезжает, подлин ыше энтой.

— Как же другая? У этой, смотрите, герб императорский на дверце.

Лимузин резко остановился у тротуара. Из кабины выскочил круглолиц ый и уса тый камер-лакей в камзоле с золотыми позументами.

— Григорий Ефимович! Скорее! Ждут!

— А Сазоныч игде? — удивился Странник, идя к машине. — За мной завсегда он ездет.

— Хвора ет Иван Сазонович. Лихорадка.

— Ну, после своди меня к нему. Ужо вылечу.

В машине на откидных сидели еще двое, в мундирах дворцовой полиции.

— Охранять буд ет ь? Ну-ну.

С кряхтением Григорий важно сел на заднее сиденье. Велел шоферу в кожаном кепи:

— Трогай, милай. Поспешать надоть.

Тот, не ответив, бешено рванул с места — будто от погони.

Марья Прокофьевна крестила удаляющийся автомобиль, ее губы что-то беззвучно шептали.

Вслед бешено мчащемуся «мерседесу» смотрел и Зепп. Из-за этого оба не заметили, как сзади, мягко скрипнув тормозами, остановилось еще одно авто.

— Что Григорий Ефимович, готов? — спросил Марью седоусый старик точно в такой же ливрее, как давешний круглолицый.

— Иван Сазонович? — пролепетала женщина. — Как же это? А кто же тогда...

Она беспомощно показала в сумерки, где еле-еле виднелись задние огни «мерседеса».

— А-а!!! — зарычал-застонал Зепп. — Это измена! Не уберегли!

— Виноват, — удивился камер-лакей. — В каком смысле?

Не поняла весь ужас случившегося и Марья Прокофьевна, хоть вроде и умная женщина.

— Некогда! Уйдут!

Теофельс кинулся к своему «руссобалту», с первого поворота включил мотор. Машина была зверь, даром что с помятым крылом.

Взревела, выпустила облако черного дыма — и погнала вдоль по Гороховой.

Ужасные минуты

— Что, служивые, груститя? — весело молвил Странник. — Чего носы повесили? Теперя все ладно будет.

Ответом ему было молчание.

Впереди сидел один шофер (виднелся кончик длинного загнутого уса); напротив пассажира, спиной к движению, расположился незнакомый камер-лакей — он улыбался неживой, будто приклеенной улыбкой. Чины дворцовой полиции, два крепких молодца, были неподвижны.

— Томно, я чай, во дворце-то? Ништо. Скоро запляшут-запоют. Раньше бы позвали. Эх, гордость, глупость... — Он поглядел в окно. — Эй, ты куды повернул? Не так едем! Навовсе в другу сторону!

Шофер на миг повернул профиль. Лицо было сухое, жесткое. Лицо не прислужника — военного человека, привыкшего отдавать приказы.

— Заткните ему пасть.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — ответил камер-лакей и махнул охранникам. — А ну!

Они разом подсели к Страннику с двух сторон. Один взял его за руки, второй лапищей зажал рот.

Сопротивляться «странный человек» и не думал. От ужаса он обмяк. Глаза вылезли. Раздалось глухое мычание.

— Ноги. Брыкаться будет, — приказал шофер через минуту.

Тот, что зажимал рот, нагнулся и ловко стянул щиколотки ремнем.

— Вы от енарала? От Жуковского? — сдавленно прошептал Странник.

Кошачья улыбка, не покидавшая лицо «камер-лакея», стала шире.

— Гляди-ка. Дурак-дурак, а умный. Сообразил.

В руке у круглолицего (он, пожалуй, был страшнее всех) звякнула сталь — это выскочило из кулака лезвие ножа.

— Не сейчас, вахмистр, — сказал шофер. — Сиденье запачкаешь. Надо, чтобы все чисто. У залива. Концы в воду.

Услышав про воду, «странный человек» вышел из оцепенения. Забился, заорал:

— Лю-юди-и-и! Убивают! Бяда-а-а!

Его коротко, профессионально ткнули пальцем под ложечку, и он согнулся пополам, захрипел.

Автомобиль гнал по темным улицам, мимо складов, мимо глухих заборов в сторону Путиловского завода, к заливу.

Сзади донеслись отрывистые звуки клаксона.

— Ваше высокоблагородие, едет кто-то. Свернуть бы.

Машина сделала один поворот, другой. Сигналы не прекратились. Наоборот, фары второго автомобиля стали ближе.

Круглолицый открыл окно, высунулся. Плюхнулся обратно на сиденье.

— Непорядок, ваше высокоблагородие. Я этот «руссобалт» на Гороховой видал. Не иначе «охранные» на хвост сели.

Шофер замысловато, по-барски выматерился. Свет прижавшегося сзади авто, удивительно сильный, залил зеркало заднего вида, слепил глаза.

— Кончать, что ли? — нервно спросил человек с ножом.

Подручные приготовили жертву — хватили за волосы, завернули голову назад, подставляя беззащитное горло.

— Нет, я его лучше в печенку, — сказал убийца. — А то кровянкой окатит.

Странник только шептал молитву, голоса у него уже не было.

Начальник снова выругался.

— Отставить! Не на глазах же у «охранных». У них мотор зверь. Догонят. Выкиньте его к черту. Успеется.

Открыли дверцу.

Поняв, что его сейчас выбросят прямо на бешеном ходу, Григорий завыл, стал хвататься за тех, кого только что пытался оттолкнуть.

Его проволокли через колени одного из ряженных и, наподдав ногой, вышвырнули из авто.

Хорошо — зима, вдоль дороги были наметены сугробы. В один из них

он головой и зарылся.

Ослеп, оглох.

Зепп выскочил из кабины.

«Мерседес» улепетывал, подпрыгивая на ухабах разбитой мостовой. Через несколько секунд огоньки исчезли.

Из сугроба торчали стянутые ремнем ноги в лаковых сапогах. Сначала слабо шевелились, потом вдруг задержались, будто пытались пойти вприсядку.

Когда Теофельс вытащил спасенного, того били судороги. На сплошь залепленном снегом лице зияла дыра рта.

— А-а-а! — захлебывалась дыра. — В воду не хочу! Вода, она черная! Пуститя-а-а-а!

— Отче, это я, Емельян. Вы целы?

В снежной маске открылись еще два отверстия, поменьше. Они сияли безумием и ужасом.

— Я тебе не отче! Тебе черт батька! Узнал я тебя! Ты у черта на посылках! Изыди, сгинь!

Он попытался отпихнуть Зеппа, кричал что-то бессвязное — про лед, про черную воду, про троекратную смерть. Пришлось крепко обхватить его и ждать, пока минует припадок.

— Ну уж «изыди». Так-таки «сгинь», — приговаривал майор, будто успокаивал ребенка. — Нет тут никакого черта. Тут ангел Господень. Это он вас от смерти спас, сугробчик вот очень кстати приготовил.

(Грамотно сработали ребята из диверсионного — выгрузили объект на полной скорости просто идеально, без членовредительства.)

Григорий окончательно пришел в себя уже в машине, накрытый зепповой шубой.

Растерянно осмотрелся.

— Крутило меня? Вещал? — спросил он слабым голосом. Зубы постукивали. — Гдей-то мы, Емеля?

— Да, у вас был припадок.

— А что вещал? Запомнил ты?

— Что-то про генерала Жуковского. Не то он черт, не то у черта на посылках. Что за люди пытались вас похитить, отче? Зачем?

«Станный человек» заполошился — вспомнил.

— Где они? Где?

— Нет здесь никого. Сбежали. Успокойтесь.

Тогда чудотворец горько, безутешно заплакал.

— Убьют они меня... Что он и что я. Где мне? И мама не спасет... Зарезать меня хотели, Емелюшка. В залив пихнуть, под лёд... Знает Жуковский-енарал чего я страшуся, про что сны вижу... Сегодня у него не вышло, завтра достанет. У его руки длинные...

— Так это были люди Жуковского? — Зепп покачал головой. — Я вас предупреждал.

— Что делать, Емелюшка, что делать? — всхлипывал Странник. — Пропал я!

— Я скажу вам, что надо сделать.

Утомительные хлопоты близились к концу

Не так уж много времени миновало с той минуты, как два авто один за другим умчались по Гороховой от арки дома номер 64, а третье, прибывшее из Царского, осталось на месте.

Марья Прокофьевна была вне себя от тревоги, но камер-лакею (подлинному, не фальшивому) слышалось, что Базаров перед тем, как броситься к машине, крикнул не «это измена», «это смена». Возможно, произошла путаница и за Странником прислали какой-то другой, сменный, экипаж? Когда все нервничают, государыня велит одно, церемониймейстер другое, главный дворецкий третье, чего только не бывает.

Пока Иван Сазонович, человек немолодой, телефонировал в императорский гараж, пока приставленные к дому агенты Охранного выспрашивали, как именно всё произошло, да сколько человек сидело в «мерседесе», да как они выглядели, прошел чуть ли не час. А когда старшему филеру стало окончательно ясно, что случилось ужасное и — никуда не денешься — надо рапортовать начальству, вдруг подъехал «руссобалт» золотопромышленника.

Все кинулись к автомобилю.

Вышел суровый Базаров, открыл дверцу. Помог Страннику выйти.

Тот выглядел еще суровей. Ни на кого не смотрел, на вопросы не отвечал. Взгляд был обращен в черное небо, отблеск электрического света мерцал на влажной от растаявшего снега борде.

Лишь одно слово бросил он Марье Прокофьевне:

— Странничать.

И та вздрогнула, низко поклонилась, побежала к подъезду.

Святого кудесника почтительно удержали за рукава с двух сторон.

Старший филер искательно спросил:

— Дражайший Григорий Ефимович, всё ли с вами благополучно? Я гляжу, на рубашечке-с воротник оторван?

А камер-лакей взмолился:

— Едемте, сударь! Очень их величество убиваются. И его высочество так-то плохи, так плохи...

С плеч «странного человека» наземь упала шуба.

— Не поеду я... Странничать ухожу. По Руси. По святым местам. Альбо куда глаза глядят. Прощайте.

— А кто будет цесаревича лечить? — обомлел Иван Сазонович. — Ведь кровью истечет!

— На всё воля Божья. Человек я странный, засиделся у вас, благодать-то и высохла. На пустое стратилась, на избавление от врагов моих... Ныне пчелкой по обителям смиренным, по скитам чудесным полечу. Меду благостного поднаберу. Как сызнава в силу войду — тогда ждятся...

— Это когда же будет? Скоро ль?

— Как Господь доведет. Слабый я стал, бессильный. Бес меня мало не погубил, силу высосал.

Но камер-лакей все еще надеялся.

— Григорий Ефимович, хоть попробуйте. В последний раз. Молитву почитайте, руки его высочеству на лоб наложите. А потом и ступайте себе.

— Не стану! — рявкнул Странник зычно, — старик попятился. — Сказано: доктора пускай лечут. А я боле не могу.

Физиономия дворцового служителя приняла испуганно-плаксивое выражение.

— Что же я ее величеству скажу?

— Ничего не говори. Вот, передай бумажку.

Иван Сазонович послушно взял листок, покрытый размашистыми каракулями. Механически развернул, нагнулся у зажженной фары, прочел. Вымуштрованный и опытный слуга, он никогда бы так не поступил, если б не крайняя растерянность. То есть прочитать бы, конечно, прочитал (любопытно же), но потихоньку, вдали от посторонних глаз.

В записке говорилось: «Не поеду к вам бес не пускает. Бесу имя Жуковский Енарал. Пока он подле вас меня подле вас быть не может. Охраняй Господь. Григорий».

Из парадной выбежала Марья Прокофьевна. Она несла овчинный треух, валенки, драный ватник и посох.

Помогла Страннику переобуться и переодеться. Все молча наблюдали.

— С собой меня возьмите... Пожалуйста, — дрогнув голосом, попросила Марья. — Я не помешаю... Сзади пойду.

«Странный человек» равнодушно ответил:

— На что ты мне.

Видно было, что мыслями он уже не здесь, а где-то очень далеко — то ли в полях-лесах, то ли в иной Дали, вовсе недостижимой.

— Ну, бережи Господь.

Он поклонился всем по очереди, в пояс. И пошел по тротуару, отстукивая посохом. Такой же широкой, мерной поступью в свое время он отмахал тысячи верст. Теперь если и остановится, то нескоро и неблизко.

Через минуту Странника было уже не видно. В луче вились мелкие снежинки.

Тихо плакала Марья Прокофьевна. Шепотом спорили филеры — такого случая их инструкция не предусматривала.

Камер-лакей простонал:

— Мальчика жалко. Умрет ведь мальчик... Боже ты мой, что делать?

Зепп дал дельный совет:

— Скорей доставьте записку во дворец. Пешком он далеко не уйдет. Если что — полиция отыщет. Главное, чтоб согласился вернуться.

— Ах ты, Господи. — Старик засутился, даже поблагодарить забыл. — Заводи мотор! Едем, едем! Живее!

В вагоне третьего класса

В гельсингфорсском поезде, в скромном, не слишком опрятном отделении третьего класса ехала не вполне обычная компания.

То есть двое-то, сидевшие спиной к движению, были самые обыкновенные. Пожилой дядя в ватном картузе, как еще перед отбытием привалился к окну, так и уснул. Рядом устроился юноша-реалист с котомкой, от которой исходили аппетитные запахи (он навещал в столице тетюшку и получил в дорогу массу всякой провизии). Но напротив этих двоих восседали пассажиры необычные — долговязый схимник с седой бородой и рясофорный монах, очень живой и общительный.

Подросток глазел на человека святой жизни. На железной дороге такой персонаж — редкость.

Тощее, видно, изможденное епитимьями и строгим постом лицо отшельника вызывало почтение, равно как и белый череп с костями, вышитый на клобуке в знак отрешения от всего мирского.

Бойкий монах уже успел сообщить, что старца зовут отцом Тимофеем, что он безмолвствует, ибо дал обет неукоснительного молчания вплоть до

конца богопротивного кровопролития, а сам он, брат Алексей, приставлен сопровождать схимника из тобольского скита в карельский, где братия нуждается во вдохновенном наставлении. Одного старца отпустить в долгую дорогу было невозможно, ибо он совсем не от мира сего, да и говорить ему нельзя, хоть бы даже с контролером.

— Как же он наставлять-то будет, если у него обет безмолвствия? — заинтересовался реалист.

— Примером благой жизни.

— А-а...

Через некоторое время юноша начал доставать съестные припасы: домашние пирожки, курятину, вареные яйца.

— Милости прошу, — предложил славный юноша. — Только вам, наверное, не положено... Тут всё скромное...

— Отцу Тимофею точно не положено, он в суровой схиме. А мне ничего, в путешествии позволяется, — быстро сказал монах. — И господина, соседа вашего, будить не следует. Вон как сладко спит.

Проворно прочтя молитву, он принялся уписывать угощение. Суровый отшельник скорбно наблюдал за суетным тревоугодием.

На Руси, да еще в дороге, как известно, молча не едят. Под трапезу завязался обычный для нынешнего времени разговор — сначала про войну, потом, конечно, про «Гришку».

На военных событиях долго не задержались. На фронте дела, как обычно, шли очень хорошо. У реалиста с собой была утренняя газета, которую он уже прочел и знал все новости. Наши опять дали жару немцам, измотали их в упорных оборонительных боях и ловко отошли на более удобную позицию.

А вот про Странника заспорили. Молодой человек с горячностью своих семнадцати лет называл его не иначе как «бесом» и «позором отечества». Духовное лицо было менее категорично — сомневалось.

— Однако же Странник так называемый обращает ухо властителей наших к молитве и чаянию народному, — возражал брат Алексей, жуя. — Не так ли, святой отче?

Схимник угрюмо кивал, глядя на кучку румяных пирожков.

Юноша горячился:

— Пишут про отставку командира жандармского корпуса Жуковского. Намекают, что это Гришка его свалил. Вот, послушайте: «По сведениям редакции, к отстранению от должности виднейшего деятеля охраны безопасности приложили руку силы, которые в последнее время приобретают все большее влияние». Это из-за цензуры так витиевато

написано, но всем понятно, о ком речь! Самого Жуковского шарлатан свалил! Какие уж тут «молитвы и чаяния народные»!

— Не всему, о чем газеты пишут и люди судачат, верить следует. — Монах строго воздел палец к потолку. — Помазаннику Божию лучше ведомо, кого приблизить к своей особе, а кого отдалить. Верно я говорю, отец Тимофей?

За окном проносились заснеженные пригородные дачи, перелески, белые поля. Чтоб не ссориться, реалист перешел на новости менее значительные: про фильму «Песнь торжествующей любви», побившую все рекорды кассы, про слониху Бимбо, родившую в зоопарке семипудового детеныша. Но в синематографе божьи люди отродясь не бывали, в зоопарке тоже, и беседа понемногу затихла.

Реалист заклевал носом и вскоре уже спал сладким юношеским сном, с трепетанием ресниц и губным причмокиванием.

— Давай, святой угодник, лопай, — шепнул монах. — Скажу мальчишке, что это я всё подмел.

Схимник жадно стал запихивать в рот оставшиеся пирожки, глотая их прямо целиком.

Дядя в картузе открыл один глаз.

— Пирошок, — сказал ему отец Тимофей. — Маленки, но фкусни.

— Не, изжога у меня, — просипел тот.

Это был агент Кот, только без усов. Ему было поручено сопровождать людей из Центра до границы княжества Финляндского.

Майор фон Теофельс осторожно взял со стола газету, в которую недавно с жаром тыкал пальцем юный спорщик. С удовольствием прочитал маленькую заметку с длинным заголовком «Отстранение от должности командира жандармского корпуса свиты его величества генерал-майора Жуковского по высочайшему указу».

— Я вот все думаю, Тимо, как быть с чудесами? — спросил Зепп. — Как вписать в логику бытия те явления, которым нет рационального объяснения?

Тимо догрызал куриную ножку.

— И вот что я тебе скажу, мой благочестивый друг. — Теофельс поднял палец. — Умный человек не пытается найти разгадку тому, что разгадки в принципе не имеет. Умный человек просто берет чудо и придумывает, как использовать сей феномен для пользы дела. Ты со мной согласен?

Помощник не возражал.

— Яйцо тоше зьем, — сказал он.

Конец пятой фильмы
ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЪ

ФИЛЬМА ШЕСТАЯ

Гром победы, раздавайся!

Ум и сердце

Отслужив полтора года в контрразведке, Алексей Романов сделался если не другим человеком, то во всяком случае очень сильно изменился.

Время было страшное, военное. Менялось всё вокруг — люди, страна, мир, причем исключительно к худшему, ибо что хорошего может воспоследовать от каждодневного кровопролития и тотального озверения? Однако на себя Романов этот закон не распространял и был уверен, что сам он стал не в пример лучше прежнего: более сильным, твердым, зрелым. Важнее всего то, что теперь он мог считаться в своем новом ремесле настоящим профессионалом. И дело тут не в самомнении, которое, бывает, и подводит. Алексея считали превосходным специалистом люди серьезные, облеченные властью. Несмотря на возраст и скромный чин, доверяли ему ответственные задания, в ходе которых вчерашнему студенту иногда приходилось командовать офицерами, превосходившими его количеством звездочек на погонах. Одним словом, Алеша имел веские основания собой гордиться.

Но в марте шестнадцатого года случился с ним один казус, который продемонстрировал, что до истинного профессионализма подпоручик еще не дорос.

Уже несколько месяцев Алексей служил в контрразведочном управлении Юго-Западного фронта. Удачно провел несколько операций, и вот доверили ему дело особенной важности. Следовало выследить и обезвредить небольшую, но исключительно дерзкую шайку австрийских шпионов, которая устроила ряд взрывов в ремонтных доках и на железной дороге. За неуловимыми диверсантами гонялись давно. Прежний руководитель группы поиска лишился своей должности после того, как австрияки в Одессе, прямо под носом у контрразведки, вывели из строя штабную радиомачту, после чего главком целую неделю оставался без моментальной связи.

Романов с охотой взялся за работу, соединив инстинкт (так называемое «верхнее чутье») с математическим расчетом. Довольно скоро зацепился за

нитку, потом вышел и на главаря. Оперативная кличка у этого предприимчивого господина была «Черномор» — из-за большой бороды, а также из-за того, что первой на него начала охотиться контрразведка Черноморского флота. Можно было Черномора брать, но Алексей с арестом не торопился. Согласно заключению экспертов, враги использовали какую-то новую взрывчатку невиданной разрушительной силы. Было установлено, что к подножию радиобашни подбросили планшет, в который никак не могло поместиться более двух фунтов вещества, однако же взрыв сломал мощную металлическую конструкцию, словно спичку. Поэтому начальство требовало, чтобы Черномора взяли не «голым», а вместе с образцом загадочного эксплозива.

Усложнение первоначального задания лишь подстегнуло рвение молодого контрразведчика. Он и в университете любил головоломные задачи. В конце концов заковыристое уравнение было подведено к простому и красивому решению. Романов доложил, что операция по захвату полностью готова.

Черномор вознамерился взорвать железнодорожный мост через Днестр, что минимум на месяц парализовало бы транспортировку войск на всем южном крыле фронта. План затеваемой акции Романову был известен почти во всех деталях.

Начальник управления подполковник князь Козловский пожелал лично присутствовать на операции, пообещав ни во что не вмешиваться. Произнес лестные для Алешиного самолюбия слова: «Полюбуюсь, как ты работаешь» (командир и сотрудник с давних пор были на «ты»). Прибыл к назначенному времени элегантный, с тросточкой, в белом костюме — будто на воскресную прогулку.

Романов, конечно, волновался, но в общем был уверен в успехе.

Деться из ловушки Черномору было некуда. Как только явится на причал, тут его, родного, и возьмут.

У маленькой пристани стояло несколько мелких судов — навигация уже началась. Было известно, что шпионы наняли паровой буксир «Наяда», якобы для увеселительной прогулки по весенней реке.

Арестная группа разместилась прямо напротив причала, в паровой кассе: Романов с князем и десяток жандармов с карабинами. Подпоручик не отрывался от бинокля.

— Приехали, — объявил он.

Из пролетки спустился «объект» — крупный мужчина с большой черной бородой, во всегдашней песочной клетчатой паре, в роговых очках. С ним сошла высокая элегантная дама — переодетый шпион Танцор, в

прошлом действительно чечеточник. Изображали влюбленную пару, собравшуюся на романтическую прогулку. В руке Черномор нес пикниковую корзину — легко, будто там бутерброды. А между тем, в корзине была взрывчатка, полтора пуда. Каменную опору моста меньшим зарядом не обрушить.

— Они заставят команду буксира спрыгнуть за борт, — шепотом рассказывал Алексей. — Это в мартовскую-то воду! А сами прикрепят мину к опоре моста, с пятиминутным запалом. И на полных парах дунут вниз по течению. Если даже часовые сверху что-то заметят или заподозрят, за пять минут спуститься и обезвредить механизм они не успеют.

— Толково, — одобрил князь вражеский план. — Ну давай, командуй. Будем брать?

Но Романов все подкручивал колесико на бинокле.

— Лавр, — вдруг произнес он сдавленным голосом. — Это не он!

— То есть?

— Это не Черномор! Это Лопата, его помощник! У них схожее телосложение. Лопата нацепил костюм Черномора, очки, привесил бороду! Смотри сам!

Лавр Константинович схватил окуляры. Лицо Черномора он знал в малейших черточках — в зеркало реже глядел, чем на фотографии проклятого диверсанта.

— Точно! А где же Черномор?

Вместо ответа подпоручик выругался.

У причала отдавал концы «Бычок» — другой буксир, совсем маленький. На корме стоял здоровяк в брезентовом плаще, с мешком за плечами. Пока все разглядывали «пикникующую пару», он незаметно поднялся на борт. Вот детина коротко оглянулся. У него не было ни бороды, ни очков, но Алексей сразу узнал главного диверсанта.

Смысл маневра был абсолютно ясен. Черномор не догадывался о засаде — иначе он не явился бы на пристань. Австриец просто проявил свою всегдашнюю осторожность, благодаря которой его так долго не могли поймать.

— Что ты намерен делать? — быстро спросил Козловский. — У тебя такой поворот предусмотрен?

— Разумеется. — Романов небрежно пожал плечами. — У меня все возможные варианты просчитаны. Вон «Молния» стоит под парами. — Он показал на белый щегольской катер, скромно покачивавшийся в дальнем конце пристани. — Быстрее на реке нет.

— Тогда что ж ты медлишь?

— До моста четыре версты, догоним. Нужно так взять Лопату с Танцором, чтоб с «Бычка» не заметили. Пусть отплывет подальше.

Непредвиденный фокус Черномора не нарушил хода операции, а лишь несколько его изменил.

«Романтическую пару» взяли быстро и тихо, едва «Бычок» скрылся за излучиной реки. Минуту спустя офицеры и шестеро жандармов (остальные сторожили арестованных) уже избегали по трапу «Молнии». Чуть-чуть задержал Козловский — он был хром. Еще через полминуты катер взбил винтом воду и понесся вперед.

К исходу первой версты буксирчик снова попал в зону видимости. Стало возможно вести наблюдение в бинокль.

— Похоже, команда не участвует в затее, — отрывисто делился с начальником выводами Алексей. — Шкипер — его зовут Трофимыч — не озирается, дымит трубкой. Матросом у него внук. Кажется, Степкой звать. Тоже спокоен, поплеывает за борт.

— Как это ты в бинокль разглядел, что они Трофимыч и Степка? — заинтересовался Козловский.

— Я знаю всех, кто работает на пристани. Изучил. Парнишка — рыбацкий сын, сирота. Кроме деда никого нет. Буксир их собственный. Жили бы неплохо, если б Трофимыч пил поменьше.

На это князь философски заметил:

— То же самое можно сказать обо мне. Зачем я вчера не остановился на второй бутылке? Не трещала бы башка...

— Черномор оглянулся. Заметил, — прервал Романов. — Снова оглянулся. Заподозрил! Эй, самый полный!

«Молния» прибавила ходу. Расстояние быстро сокращалось.

— Близо к мосту его подпускать нельзя. — Подпоручик не замечал, что от нетерпения колотит свободной рукой по борту. — Черномор — дядя решительный. Может подорвать себя вместе с опорой, взрывчатки у него с избытком. Но, если мы его догоним посреди реки, скорее всего сдастся. Что ему зря погибать? Может, конечно, мешок в воду кинуть, но это ничего. Водолазы найдут.

— Молодец, — похвалил князь, ловко закуривая на ветру. — Всё продумал, всё предусмотрел. А помнишь, каким сосунком я тебя подобрал?

На буксирчике тем временем произошло вот что: диверсант спрятался за рулевую надстройку, наставил на деда с внуком револьвер. Его рот беспрестанно шевелился. Должно быть, угрожает, требует увеличить скорость.

— Команда ничего не знала, так я и думал...

В бинокль было хорошо видно искаженное страхом лицо мальчишки. Не Степка, а Санька, вспомнил подпоручик. Двенадцать лет ему. А живут они в Матросской Слободке.

— Теперь не уйдет. Предлагай сдаться.

Козловский совал рупор. Между «Молнией» и «Бычком» оставалось полсотни шагов. Вдали, верстах в полутора, показался ажурный контур моста.

— Эй, на бригантине! — весело и зло заорал Алеша. — Спускайте штандарт! Все равно не уйдете!

Усиленный медным раструбом голос раскатился по простору.

Как и предполагалось, Черномор схватил мешок — собрался выкинуть за борт перед арестом.

— Пожалуйста, не надо! — еще дурашливей крикнул подпоручик. Настроение у него с каждой секундой становилось все чудесней. — Все равно достанем! Отдадите сами — будем давать в камеру папиросы!

Про Черномора было известно: единственная его слабость — заядлый курильщик.

Как ни странно, подействовало. Мешок снова лег на палубу. Шпион устало вытер рукавом лоб, опустил руку с револьвером.

Князь восхищенно фыркнул у Романова за спиной:

— Ну ты, Лёшка, психолог!

Потом фыркнул еще раз — как-то очень уж громко. Алексей удивленно обернулся. Фыркнуло еще раз. Это был не подполковник — звук доносился откуда-то снизу.

Вдруг двигатель затих. Некоторое время катер по инерции еще рассекал волны, но скорость стала снижаться.

— Капитан!!! — в ужасе завопил Романов. — Вы с ума сошли! Что с мотором?!

Из трюма высунулась белая физиономия.

— Виноват... Сейчас разберемся... Новейший американский дизель... Не приобыклись...

— Я вам дам «не приобыклись»! Я же спрашивал, проверили или нет?!

— Проверили, а как же, — лепетал капитан «Молнии». — Всё было в порядке...

В общем, произошла настоящая, форменная катастрофа.

Подпоручик обернулся на удаляющийся «Бычок», приставил к глазам бинокль.

Увидел — крупно — лицо Черномора. Шпион догадался, что произошло, но его черты выражали не радость, а смертную тоску. В первый

миг Романов не понял, что это означает. Потом сообразил...

— Он возится в мешке! Кажется, что-то поворачивает! — кричал Козловский. — Лёша, он хочет взорваться вместе с мостом!

Руки Алексея задрожали. В окуляре мелькнула плачущая веснушчатая физиономия Саньки.

— Прыгай за борт! Может, выплывешь! — прошептал Романов. Хотя какое там «выплывешь». До берега далеко, вода плюс десять...

— Делать нечего, — схватил его за плечо Козловский. — Командуй «огонь»!

— Все наверх! — закричал Алексей. — По буксиру целься!

Высыпавшие из трюма жандармы залязгали затворами, приложились.

До «Бычка» было уже больше ста метров, из «браунинга» палить — пустое дело.

Если бы Романов догадался опустить бинокль — тогда, может, и хватило бы решимости дать команду «пли!». Но в стеклянном кружке по-прежнему, будто пойманный в прицел, маячил конопатый Санька из Матросской Слободки.

— Ты что?! — выл Козловский. — Уйдут! Там ведь мост!

— А мальчик? Попадем в него. Или в мешок, а в нем взрывчатка... — постыдно лепетал Алексей.

Князь тогда скомандовал сам:

— Ребята, огонь! Пли!!!

Загрохотали карабины. Романов разжал пальцы — бинокль вывалился, качнулся на ремешке, ударил в грудь.

Через секунду на поверхности реки с треском распустился огненный бутон. В стороны полетели обломки, какие-то черные куски. Вскинулся дымный столб кипящей воды...

Потом у них с Козловским состоялся разговор, вспоминая который Алёша всякий раз мучительно краснел.

— Думаешь, мне мальчишку с дедом не жалко? — хмуро выговаривал ему подполковник. — Еще как жалко. Мне всех жалко. Но они так или иначе погибли бы. Только с ними сгинул бы и мост. А знаешь, что для нас сейчас значит этот мост? «Старик» (так в штабе называли командующего фронтом) меня третьего дня вызывал. Едет в Ставку. Будет добиваться санкции на наступление. А без моста армия паралич. Ни подкреплений, ни боеприпасов. Понимаешь ты это или нет?

Романов убито ответил:

— Понимаю...

— Черта лысого ты понимаешь! — Князь покачал головой. — Как был студентом, так и остался... Это в частной жизни ты можешь руководствоваться сердцем. А тут обязан: сердце в кулак, слушать только разум. Ты ключевой сотрудник контрразведки фронта! На тебе ответственность за миллион человек. И даже больше — за судьбу России... Ничего не попишешь. Иногда приходится переступить через всё, чему нас учили в детстве. Через собственную душу! Иначе профессионалом не станешь. А если мы с тобой не будем в нашем деле профессионалами, то фрицы с австрияками нас переиграют. Они-то умеют руководствоваться умом, а не сердцем. И одолеют они не нас с тобой, не Лавра Козловского с Алексеем Романовым, а *всех нас*, Россию. И не будет больше России. Потому что эта война — на вылет. Либо их империи сгинут, либо наша. Запомни это.

Подпоручик Романов запомнил.

Совещание в Ставке

Первого апреля в могилевской ставке проходил, как выражались штабные остроумцы, «Большой гав-гав». Так они именовали военный совет, в котором участвовали главнокомандующие фронтами. Непочтительный «гав-гав» образовался не потому, что стратеги собачились между собой, а из-за новомодной страсти к аббревиатурам, охватившей всю державу и сильно покорезившей русскую речь. В историческом совещании участвовали: Главковерх (верховный главнокомандующий), Главсев (командующий Северным фронтом), Главзап (командующий Западным фронтом), Главюгзап (командующий Юго-Западным фронтом), Главштаб (начальник Главного штаба) и Главарт (главный инспектор артиллерии). Устроитель подобных мероприятий, Главштаб, картавил на букве «л» — у него получалось: «Соедините меня с Г'авзапом» или «Отправьте это Г'авсеву». Отсюда и пошло.

Вызванные в Ставку «гавы» прибыли еще накануне, в собственных салон-вагонах, но из-за двух царских поездов места на ближних путях не нашлось, и генералы поселились кто в «Бристоле», кто в «Метрополе» — двух мало-мальски приличных гостиницах захолустного Могилева.

Правда, за месяцы, миновавшие с тех пор, как государь лично принял обязанности Верховного, городишко, по сути дела, стал второй столицей империи и заметно преобразился. На Большой Садовой и Дворянской появились недурные рестораны, скромно именовавшиеся «столовыми».

Цены в магазинах стали такими, что фронтовые офицеры только диву давались.

Распорядок дня венценосца был следующим.

В девять ноль ноль его величество поднимался со своей походной кровати, делал гимнастику и завтракал. Потом выслушивал доклад Главштаба по карте фронтов. С одиннадцати до часу принимал посетителей. Обедал, часок спал у себя, на той же койке. В три отправлялся на «роллс-ройсе» в освежающую автомобильную прогулку по окрестностям. В семь неспешно ужинал, после чего смотрел новую фильму, а если таковой не поступало, читал по-английски что-нибудь легкое.

Но ради важного совещания обычное расписание было изменено.

Ровно в одиннадцать утра перед запертыми дверями кабинета выстроилась шеренга адъютантов.

Главштаб начал с доклада об общем положении дел.

Самые интересные события в последнее время происходили в Закавказье, где войска Южного фронта били турок под Трапезундом, но поскольку Главюг, единственный из командующих, на совете отсутствовал, про успехи «южан» сказано было коротко.

Про обстановку на европейских фронтах Главштаб тоже упомянул без подробностей. Зато долго, в деталях, описывал недавние действия нашего Запфронта, весь март теревившего немцев без каких-либо заметных результатов. Главзап слушал, набычившись, но ни к чему в докладе придаться не смог. Председательствующий оперировал лишь цифрами и фактами, дипломатично уклоняясь от оценок.

На Северном и Юго-Западном активных действий давно не велось, поэтому Главштаб уделил каждому из этих фронтов не более пяти минут. Здесь вводная часть закончилась — без обсуждения. Сегодня командующих собрали не анализировать итоги зимней кампании, а согласовывать план новой, летней.

Настроение у участников было бодрое, но в то же время ощущалось и напряжение. Бодрость объяснялась тем, что после ужасных потерь прошлого года армия получила пополнения, значительно лучше стало со снабжением, а главное — враг перенаправил главные силы на западные фронты, где сейчас под Верденом крутилась страшная мясорубка, ежедневно выплевывая тысячи и десятки тысяч трупов. Напряжение же возникло из-за различия стратегических взглядов между полководцами.

По старшинству и возрасту, по географической логике первым выступал Главсев, военачальник очень опытный, начинавший еще со

Скобелевым, но слывший «осколком прошлого». Сам он, однако же, считал себя единственным трезво мыслящим и дальновидным стратегом российской армии. У него имелась собственная теория ведения войны, которую он пока держал при себе. Генерал полагал, что в боевых действиях нам германцев не одолеть. Враг во всех отношениях сильнее. Но у нас есть свои козыри: просторы, время и ресурсы. Воевать надобно отступательно, выматывая противника и пятась хоть до Волги. Одним словом, по-кутузовски. Ввязываться в драку — только впустую проливать русскую кровушку. Главсев всё ждал, когда Главковерх поймет эту истину и призовет его в спасители отечества, как Александр Благословенный призвал старого Кутузова.

В том же смысле была и неспешная, с покашливанием, речь Главсева. Застряли немцы под Верденом — отлично. Воспользуемся этим, чтобы накопить сил. Союзники требуют активности? Что ж, давайте проведем демонстрацию силами нескольких корпусов.

Второй выступающий, Главзап, выразил готовность произвести решительное наступление против германцев, но при условии, что ему вдвое увеличат личный состав, втрое тяжелую артиллерию и вчетверо запас снарядов. Мартовские неудачи у озера Нарочь он объяснял скудостью предоставленных ему средств и низким качеством солдатского материала. Говорил генерал угрюмо, всем видом показывая, что он человек прямой, честный и неискательный. Главзап один из всех был по происхождению немец и помнил об этом каждую минуту. Потому и сказал про «качество материала», хотя знал, что государя это покоробит. Гордость не позволяла его высокопревосходительству изображать из себя ура-патриота.

Услышав про тяжелую артиллерию и снаряды, оживился генерал-инспектор. У него имелась своя тайная причина для страданий. Главарт был великим князем и подозревал, что в армии к его высокой должности относятся несерьезно, толкуя ее в нелестном для него смысле — получил-де не за дело, а за романовскую кровь. Поэтому его высочество не упускал случая продемонстрировать свою компетентность. Память у него, как у всех Романовых, была превосходная. С четверть часа Главарт запальчиво доказывал присутствующим, что его ведомство и так делает всё возможное, что дополнительных ресурсов взять негде, а о трех- или четырехкратном усилении Запфронта говорить просто смешно.

— Тогда я считаю наступление невозможным, — сказал Главзап, желая лаконичностью реплики выгодно оттенить многоречивость великого князя.

— Прошу вас, ваше высокопревосходительство, — пригласил Главштаб третьего командующего, сухопарого и щеголеватого генерала-от-

кавалерии.

Юго-Западный фронт был значительно слабее Северного и Западного — противостоящих ему австрийцев считали силой не такой опасной, как немцы. Поэтому серьезных предложений от Главюгзапа не ждали.

— Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, — сердито начал третий командующий.

Он вообще все время, с самого начала войны, пребывал в перманентном раздражении. Считал, что верховные начальники ведут войну неправильно (чтоб не сказать — бездарно). Надо поскорее браться за ум, иначе всё будет потеряно. Если Главсева можно было причислить к кутузовской школе военного искусства, то Главюгзап несомненно являлся убежденным последователем суворовской.

— Да, не берусь, — еще резче повторил он, готовясь сразу сказать главное. Тонкий ус, наполовину седой, подергивался на остром породистом лице. — Но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать. Полагаю, что у нас есть все шансы для успеха.

Эти слова он отчеканил со всей возможной отчетливостью, глядя только на государя. И умолк, ожидая вопросов.

Главштабу этот аристократ никогда не нравился. Вот и сейчас подчеркнутое апеллирование к монарху показалось председательствующему бестактным. И неумным. Ведь всем отлично известно, что истинным предводителем российских армий является не царь, а он, Главштаб, мнением которого его величество руководствуется во всех стратегических вопросах.

Этот заслуженный генерал действительно был опытным полководцем. Весь смысл его жизни заключался в службе. Он, беспородный солдатский сын, в эпоху невиданных испытаний оказался у руля многомиллионной армии — эта мысль, с которой он просыпался каждое утро, делала его счастливым и прибавляла сил.

— Должен вас предупредить, генерал, что подкреплений для вас взять неоткуда, — сухо сказал невзрачный, скуластый Главштаб красавцу Главюгзапу. — Вы, должно быть, отвлеклись и не слышали?

— Я не прошу подкреплений. Обойдусь тем, что есть.

Надменный «паж» (про себя Главштаб называл генерала именно так, ибо тот когда-то окончил Пажеский корпус) по-прежнему смотрел только на государя.

— И сколько же времени вам понадобится на подготовку?

— Шесть недель.

Двое остальных главкомов скептически переглянулись.

— Ну хорошо-с. — Главштаб, иной раз нарочно подчеркивавший плебейскую простоту своей речи словоерсами, подошел к карте. — На каком участке думаете сконцентрировать силы?

— Еще не решил. К тому же не думаю, что следует утомлять его величество и господ генералов техническими подробностями. Дело оперативное, внутрифронтového масштаба.

Устремленный прямо на царя немигающий взгляд становился неприличен. Все знали: государь не любит, когда на него пристально смотрят.

Сам император на Главюгзапа глаз не поднимал, но, разумеется, понимал смысл молчаливого вопроса. Колючий генерал ждал решения лично от венценосца.

Опыта в стратегических материях у царя было в сто, если не в тысячу раз меньше, чем у окружавших его военачальников. Он и по погонам получался всего лишь полковником. Поэтому при важных обсуждениях обычно молчал, внимательно выслушивая все точки зрения. Руководствоваться старался не столько рассудком, который может подвести, сколько сердцем, наитием — его величество искренне верил в мистическую силу Помазания Божия.

Наконец он поднял голову, испытующе посмотрел на Главюгзапа. Прислушался к внутреннему голосу.

Медленно кивнул.

— Хорошо. Действуйте.

Штаб Юго-Западного фронта. 10 апреля

Игривое апрельское солнце пускало зайчики по всем мало-мальски блестящим поверхностям: полированному столу, хрустальной чернильнице, стеклу на портрете государя императора. Это озорничало приоткрытое окно, откуда в комнату поддувало свежим ветерком. Он покачивал раму, непоседливые пятна яркого света заставляли Козловского жмуриться, мешали концентрации.

А разговор был совершенно исключительной важности. Главнокомандующий начал с того, что коротко и сухо выразил удовлетворение работой контрразведочного управления, однако прозвучало это совсем не поощрительно, а скорее угрожающе, ибо закончил свою преамбулу генерал словами: «Но для задачи, которую я перед вами

поставлю, обычной старательности и исправности будет недостаточно».

Подполковник знал, о чем пойдет речь. О грядущем наступлении. После возвращения из Могилева главком неделю почти не выходил из кабинета, только адъютанты с воспаленными от бессонницы глазами бегали взад-вперед — то на телеграфный пункт, то к радистам. Его высокопревосходительство в одиночку колдовал над планом операции. Первый, кого он к себе вызвал после ворожбы, был начальник контрразведки. Едва войдя в кабинет, князь сразу поглядел на стену, где висела карта фронта, но сегодня она была задвинута шторками.

— Говорят о наступлении? — вдруг спросил главком. — В войсках?

— Так точно, ваше высокопревосходительство.

Отвечая, Козловский сделал попытку подняться, но генерал ткнул в него пальцем — будто пригвоздил к креслу.

— Это хорошо. Повышает боевой дух. И плохо — противник насторожился. Удесатерит разведывательную активность. Учитывая ограниченность имеющихся в моем распоряжении ресурсов, главную ставку я делаю на фактор внезапности...

Подполковник понял, что беседа дошла до главного, подобрался.

— Все предыдущие попытки наступления проваливались из-за того, что противник заранее знал направление наших ударов. Если и в этот раз не удастся соблюсти секретность, нас разобьют. Положу сотни тысяч людей, а результата не добьюсь.

«Старик» говорил очень спокойно, тихо. У него была репутация сухаря, человека холодного и резкого. Штабные леденели под взглядом его медленных голубых глаз. Уважать уважали, но не любили. Гневаясь, генерал никогда не кричал — наоборот, понижал голос. Говорили, что и с высочайшим начальством он не церемонничает.

— Ваше управление должно обеспечить подготовке идеальное прикрытие.

Он приподнял брови, позволяя задать вопрос.

— Ваше высокопревосходительство, после того как меня... перевели сюда из Петрограда, — не совсем ловко выразился Козловский, имея в виду кадровую чехарду, случившуюся зимой после смены руководства контрразведки, — я сумел перетянуть на наш фронт лучших своих сотрудников. Уверен, что мы справимся с любой задачей. Однако я должен хорошо понимать ее конкретное содержание.

— Разумеется.

Главком встал и подошел к карте. Раздвинул занавески.

С изумлением князь увидел, что красных флажков, которыми

обозначается направление ударов, что-то слишком много.

— Завтра начинается подготовка на 25 участках моего тысячеверстного фронта. Инженерно-саперные работы, движение войск, всевозможная активность. Цель сей суеты — сбить противника с толку. Гетцендорф не будет знать, к какой точке ему стягивать резервы. Этого пока никто кроме меня не знает. — «Старик» вздохнул. Ткнул указкой в один из флажков и неохотно проскрипел. — Участок номер 12. Мы ударим здесь. Теперь это известно двоим: мне и вам. Завтра я посвящу в тайну начальника штаба и четырех генералов, которые возглавят прорыв. Дальнейшее расширение круга посвященных не предусмотрено. Вплоть до дня «Минус Два».

Козловский сделал движение — чуть приподнялся. Это означало: не понял?

— День «Минус Два» — 48 часов до начала наступления. Время, необходимое для размещения на огневых позициях тяжелой артиллерии и переброски подкреплений на передовую. За двое суток австрийцы, даже зная, откуда мы ударим, серьезных резервов подтянуть все равно не успеют. Теперь ваша задача ясна?

— Так точно. Отвести подозрение от участка 12.

— Но учтите: ваши люди не должны проявлять там никакой подозрительной активности. Нельзя резко увеличивать личный состав. Привлечение кадров со стороны может быть лишь самое минимальное, не бросающееся в глаза. Вам самому там появляться не следует. Разве что очень коротко, для видимости, как бы с обычной инспекцией. Понимаю, что все эти ограничения усложняют вашу работу. Однако у противника прекрасно налажена разведка во фронтовой полосе и в нашем ближнем тылу. Малейшая неосторожность чревата катастрофой.

Уяснив задачу, князь дальше слушал вполуха. Про австрийскую разведку и меры маскировки он, слава Богу, знал побольше его высокопревосходительства и уже начал прикидывать, как все устроить и кому поручить.

В дверь постучали. Заглянул старший адъютант, немолодой полковник.

— Ваше высокопревосходительство, вы велели предупредить...

Генерал досадливо скривил губы.

— Уже здесь? Ее императорское величество пожаловали. Пожелали оказать честь личным посещением.

Князь почтительно склонил голову. О приезде ее величества он, разумеется, знал. Царица объезжала эвакогоспитали на собственном санитарном поезде. Неудивительно, что изволила посетить и Главюгзапа.

— Как не вовремя! Мы с вами не закончили. — «Старик» показал в дальний угол. — Встаньте вон там. Долго это не продлится.

Высочайшее посещение

С тех пор, как государь, следуя голосу сердца и своему Божественному предназначению, лично возглавил обескровленную армию державы и перенес резиденцию в Могилев, управлением огромной империей занималась царица. Ей делали доклады руководители гражданских ведомств и губернаторы. Организацией тыла тоже ведала она. Все эти многотрудные обязанности ее величество исполняла старательно, с истинно немецким прилежанием и истинно православной верой в Промысел Господний, но по-настоящему государыне давало отраду лишь попечение над ранеными воинами.

Еще в начале войны она и ее старшие дочери прошли курс медицинского обучения и работали сестрами милосердия, не страшась крови и грязи. Лечебные учреждения, созданные императрицей, почитались образцовыми. И теперь, когда царица чувствовала, что изнемогает под бременем государственных забот, единственный отпуск, который она себе позволяла, заключался в инспекционных поездках по фронтовым госпиталям.

Всякую другую монархиню, столь самоотверженно трудящуюся ради отчизны, в народе бы боготворили. Но у ее величества не было дара вызывать любовь подданных. Все ее поступки истолковывались превратно, в самом благородном деянии видели лишь позу и фальшь.

Подполковник Козловский никогда не наблюдал императрицу вблизи, даже когда служил в гвардейской кавалерии. Поэтому, забравшись в угол кабинета и постаравшись слиться со шторой, он воззрился на открытую дверь с любопытством.

Послышался сдержанный гул голосов. Летящим шагом, который должен был знаменовать решительность и целеустремленность, вошла государыня. Она была в наряде милосердной сестры, с большим, но очень простым медным крестом на груди.

Главком склонил голову. Козловский вытянулся и спрятал палку, чтоб не бросалась в глаза. Он стеснялся своей хромоты.

Впрочем, августейшая особа в его сторону не посмотрела.

— Здравствуйте, милый, здравствуйте, — сказала она генералу с легким акцентом, но с совершенно русскими интонациями. — Ну что вы...

Это она не позволила поцеловать себе пальцы — взяла главкома обеими руками за кисть и прижала ее к своему сердцу.

— Знаю, всё знаю. Великую на себя ношу взвалили, храни и оберегай вас Господь!

Притянула плохо гнущегося генерала к себе, поцеловала в лоб.

«Зачем уж так-то?» — подумал подполковник. И заключил: «Хочет быть душевной, по-русски. Старается». И стало ему вдруг жалко повелительницу империи.

«Старик», деревянная душа, ни польщенным, ни растроганным не выглядел. Мог бы хоть видимость изобразить, из уважения к сану и полу. А он:

— Ваше величество, стоило ли утруждаться. Я бы сам явился к вам в вагон. Вот только дела срочные завершил бы...

В дверях и коридоре стояла многочисленная свита: военные в больших чинах, какие-то штатские господа, дамы.

— Дорогой вы мой, разве сейчас до церемоний? — сердечно молвила императрица. — Ну рассказывайте, что у вас происходит? Что наступление?

Обернувшись, она подала знак, и сопровождающие попятились. Адъютант снаружи прикрыл дверь.

— Я молюсь за успех вашего великого начинания денно и ночью! Как движется дело?

— Готовлюсь, ваше величество, — коротко ответил генерал.

Царица увидела карту с флажками. Подошла.

— Куда ударите? На Львов? На Перемышль?

Главкомандующий изобразил простодушие — эта мина на его надменном лице выглядела крайне неубедительно.

— Пока еще не определился. Вот, сами изволите видеть: веду разведку на двадцати пяти участках.

Козловский не поверил собственным ушам. Лгать государыне? Невообразимо!

— А когда решите?

— За 48 часов до начала операции, — сказал он твердо и не отвел глаз от ее пристального взгляда.

После некоторого замешательства она спросила:

— Разве так бывает? Вы, верно, к чему-то все-таки склоняетесь?

— То к одному, ваше величество, то к другому.

Ее величество вспыхнула. На бледных щеках проступили красноватые пятна. С лица сползло выражение сердечности, и оно сразу стало более

естественным. Неприязненно, с горькой обидой царица смотрела на полководца. Козловский переступил с ноги на ногу, ему хотелось провалиться сквозь землю, только бы не присутствовать при затянувшейся мучительной паузе.

Движение привлекло внимание императрицы. Она взглянула на незнакомого офицера. Он щелкнул каблуками — кивнула. Представлять подчиненного главком не стал, ибо невелика птица.

— Всеподданнейше признателен за высокую честь, — сказал Старик тоном, означавшим: шли бы вы с Богом, ваше величество, мешаете работать.

Князь снова поежился. А императрица — вот что значит выдержка и королевское воспитание — улыбнулась грустно и снисходительно. «Знаю, что меня не любят, — значила улыбка, — но Господь вам всем судья».

Из подвешенного к поясу ридикюля она вынула образок на цепочке.

— Вы заняты, не стану больше отнимать у вас времени. Я, собственно, хотела лишь вручить вам образок святого Николая-чудотворца. Пусть он принесет вам победу.

Императрица повесила иконку на шею почтительно склонившемуся генералу, вновь поцеловала его в лоб, но губами не коснулась. Перекрестила, повернулась, вышла.

Страдая за нее всем сердцем, подполковник как можно громче щелкнул каблуками и вытянулся прямее собственной трости. Не из угодливости, а желая хоть как-то загладить грубость начальника. Но царица шла к двери, низко опустив голову, и на офицера не смотрела.

— Все ей надо знать, — проворчал главком, когда они с Козловским остались наедине. — Чего захотела! Направление удара ей сообщи.

— Но ведь императрица! — не сдержался князь.

И немедленно за это получил.

— Хоть сам император, — ожег его ледяным взглядом «Старик». — Вы плохо меня слушали, подполковник. О направлении удара до самого последнего момента будут знать лишь семь человек: вы, я, начальник моего штаба, командующий и начштаба Восьмой армии, командир ударного корпуса и начальник артиллерии. Ясно?

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Ну, и еще Николай-чудотворец, разумеется. — Главком скосил глаза на образок, поцеловал его и убрал под китель. — Но довольно лирики. Смотрите вот сюда. — Указка уперлась в точку с надписью «мест. Русиновка». — Именно на этом десятикилометровом отрезке близ местечка Русиновка мы сосредоточим всю мощь артиллерии и наш ударный кулак. Я

выбрал участок фронта, занимаемый «швейцарской» дивизией, потому что у австрийцев она считается небоеспособной и оборона там слабо эшелонирована.

От груза новостей, от нервной сцены, свидетелем которой он только что стал, Козловский несколько смешался. «Какой еще швейцарской? — подумал он. — Швейцария вступила в войну и прислала нам дивизию? Не может быть, я бы знал!»

— Виноват?

— 74-ой пехотной, — нетерпеливо пояснил генерал.

Князю стало стыдно собственной несообразительности. 74-ая пехотная дивизия была укомплектована из питерских швейцаров и дворников, которых на исходе второго года войны мобилизовали в действующую армию. Про это соединение рассказывали, что окопы там чисто выметены, в блиндажах и землянках ни соринки. Везде царит идеальный порядок. Только в атаку дивизия ходить не любит. «Ура!» кричит громко и дружно, а из траншей не вылезает.

— В последние двое суток «швейцаров» мы выведем в резерв, а вместо них запустим гренадеров и сибирцев, — продолжил Старик. — Но до того времени придется вам использовать их штатное отделение контрразведки. Вам самому, повторяю, мелькать там незачем, это наверняка привлечет внимание австрийских шпионов.

Он тяжело вздохнул и тоном скупого рыцаря, вынужденного расстаться с дублоном, буркнул:

— Ладно, можете посвятить в тайну офицера, который будет работать на месте. Он будет восьмым посвященным. Есть у вас кто-нибудь подходящий? Скромный, не привлекающий внимания?

У Козловского ответ был готов.

— Так точно, есть. Именно какой надо. Годами зелен, вида несолидного. На него никто особенного внимания не обратит. Но инициативен, точен. Одно слово — математик. Участвовал в очень серьезных операциях. Его зовут...

— Меня не интересует, как зовут исполнителя, — оборвал князя главнокомандующий. — Довольно, что я знаю вас. С вас, если что, и спрошу.

«Швейцарская» дивизия. 17 апреля

На передовой было тихо. Никто не стрелял, над зигзагами траншей,

над нейтральной полосой весело насвистывали птички. Но офицер, двигавшийся со стороны тыла по ходам сообщений, сильно нервничал. Чем ближе была первая линия обороны, тем неуверенней становились его движения. Поручик то и дело с опаской прищуривался на вражеские позиции (они таились где-то у опушки леса, темнеющего на дальнем краю поля), прижимал к себе большой кожаный планшет.

По дороге ему встретился вестовой, спешивший куда-то с поручением. Офицер спросил, где полковой адъютант. Солдат махнул в сторону передовой, куда поручику идти ужасно не хотелось. Он тяжело вздохнул, поколебался, но посмотрел на часы и, выругавшись, все-таки пошел.

Время было раннее, послерассветное. В окопах не наблюдалось никаких признаков жизни. Тыловику, как на грех, никто больше не встретился. Он запутался в поворотах и уж думал повернуть обратно, но у начала узкой траншеи, что тянулась к небольшому холму, увидел штабс-капитана с лихо закрученными усами и мятой физиономией. Тот крепко спал, устроившись на деревянной скамеечке и привалившись к стенке.

— Позвольте, где я могу найти адью... — начал поручик, но спящий всхрапнул и грозно сдвинул брови.

Тут заблудившийся увидел на высоте какое-то движение и решил, что близок к цели. Вдали сварливо прострекотал пулемет. Тыловик присел. Ему очень хотелось побыстрее покончить с делом, приведшим его в эти нехорошие места.

Рысцой, пригнувшись, он побежал вперед.

На холме был оборудован наблюдательный пункт. Точно такой же окоп, как все остальные, но пошире и прикрытый сверху маскировочной сеткой с фальшивыми зелеными листьями. У сдвоенной перископической трубы плечом к плечу стояли четверо солдат в мятых папах и перепачканных глиной шинелях. Этаких чучел увидишь только на передовой.

Поодаль топтался стройный молодой подпоручик в аккуратной полевой форме, что-то чиркал в блокноте.

Никакого адъютанта тут не было.

Разозлившись, что напрасно залез к черту в пекло (поручик был уверен, что его жизни угрожает ежесекундная опасность), он топнул ногой. Получилось довольно звонко — сапог стоял в луже.

Молодой офицерик быстро обернулся, переменился в лице.

Подскочив к чужаку, взял его за локоть и хотел вывести обратно в траншею. Да еще шепнул, яростно:

— Вы как сюда попали? Кто пустил?

Тон поручику не понравился. Он с возмущением высвободился:

— Я из штаба дивизии! Из хозяйственного отдела! Ваш полк не сдал отчетную ведомость за неделю, а я из-за этого должен рисковать жизнью! Где ваш полковой адъютант Селезнев?

Вообще-то поручик сам был виноват, что вовремя не истребовал ведомость. За это получил нагоняй и в наказание был отправлен за треклятой бумажкой на передовую. Но мальчишке-подпоручику эти подробности знать ни к чему.

На громкий голос оглянулся один из нижних чинов. Солдат был пожилой, лет пятьдесят, с пегой бородой. Не подтянулся, не откозырял, а только недовольно поморщился и снова отвернулся.

— Пачему ваши солдаты не приветствуют офицера? — окончательно вышел из себя интендант. — Распустились, псы окопные!

Теперь на него обернулись и трое остальных оборванцев. Были они какие-то странные. Один с холеными усами, другой в золотом пенсне, третий вообще с моноклем. И у каждого на ремешке по мощному биноклю. В руке у того, что с усами, сверкнул алмазной монограммой портсигар — солдат как раз засовывал его в карман брюк. Шинель завернулась. Похолодевший тыловик увидел алый генеральский лампас. Встал «смирно».

— Виноват, ваше превосход... Прошу извинить... — залепетал он.

А тот, что в пенсне, кажется, командир корпуса? Он, точно он!

— Прочь подите, прочь! — шипел на бедного поручика офицерик.

Кинув руку к фуражке, тыловик пулей вылетел обратно в ход сообщения.

— Ваше превосходительство, — чуть не плача сказал подпоручик усатому. — Я же говорил: брюки тоже надо переодеть!

— Поучите меня, мальчишка! — рокотнул генерал, но шинель запахнул.

— Подпоручик прав, Павел Васильевич, — укорил его командующий армией. — Непростительная небрежность. Однако не будем отвлекаться. Итак, квадрат шесть-зет...

Вся четверка дружно вскинула бинокли.

Бремя ответственности

Алексей быстро шел от наблюдательного пункта по траншее, зовя свистящим шепотом:

— Штабс-капитан Жилин! Жилин!

Из-за Жилина, начальника дивизионного контрразведочного отделения, случилось чрезвычайное происшествие, ставящее под угрозу всю операцию. Никто, ни одна живая душа не должна была видеть на высоте высоких начальников. Личный состав батальона, занимающего этот сектор, специально вывели на молебен, рискнув оголить окопы — благо затишье. И вдруг чужой!

С штабс-капитаном Романову здорово не повезло. Поскольку увеличивать штат отделения было нельзя, Козловский велел своему эмиссару обходиться наличными кадрами. Сам Алексей прибыл к «швейцарам» под видом стажера, с него хотели для пущей незаметности даже одну звездочку снять, но потом решили, что подпоручик и так сошка мелкая.

Начальник отделения был извещен о том, что поступает в полное распоряжение «стажера», которому поручено какое-то секретное задание. Больше Жилин ничего не знал. Правду сказать, он и не слишком интересовался. Человек это был совсем пустой, глупый. При нем состояли старший унтер-офицер и несколько солдат, так те были много толковей своего предводителя.

Очень скоро Алеша понял, что Жилину ничего сложного поручать нельзя. Потому и приставил его сегодня к делу самому простому: караулить вход в траншею и никого ни под каким видом не пропускать. Любой нижний чин бы справился!

Штабс-капитан выскочил из-за поворота, хлопая заспанными глазами. Неужели дрых?!

— Я здесь! Как лист перед травой! — хрипло доложил Жилин. — Все в порядке. Никто не появлялся.

Из хода сообщения вынырнул старший унтер-офицер Семен Слива, его помощник.

— Ваше благородие, отсюда только что вышел посторонний! — сообщил он. — Чумной какой-то, мимо протопал — не заметил!

Вот на унтера Алексей просто нарадоваться не мог. Поглядеть — солдафон солдафоном: дубленая рожа, огромные кулаки. Прямо унтер Пришибеев. А на самом деле сообразителен, проворен, отлично знает местность. До войны служил здесь в пограничной страже. Его прислали из глубинки, когда проводилась кампания по замене прежнего личного состава, прикормленного контрабандистами.

Субъект он был своеобразный, с характером. «Хохлов» презирал, называл дураками. Ему все в них не нравилось — даже, что мало водки

пьют. Слива, впрочем, почти всех считал дураками и себе не ровней. Заслужить у него уважение Романову удалось не сразу. Когда же унтер все-таки признал нового начальника, на Жилина вообще перестал обращать внимание. Он и сейчас глядел только на подпоручика, будто они здесь находились вдвоем.

— Кто таков? Знаете? — спросил Алеша.

— Так точно, видел в Русиновке. В штабе дивизии.

Слива всегда всё знал, даже удивительно.

— А я говорил, ваше благородие, меня в караул поставьте, — сказал он с упреком. — У меня бы мыша не прошмыгнула.

Подумал, поправился:

— Мышь.

Как человек самолюбивый, он стеснялся своей необразованности, старался говорить чисто и грамотно, но не всегда получалось. На днях у Романова состоялся с ним примечательный разговор. Восхищенный сметкой и распорядительностью помощника, Алексей сказал, что ему надо поступить на курсы прапорщиков — из него выйдет отличный офицер.

— Предлагали уже. Отказался, — ответил Слива.

— Почему?

— Лучше быть умным среди унтеров, чем дураком среди офицеров.

Такой вот, в общем, Слива.

— Не иначе уснули они, — сурово сказал он, покосившись на Жилина.

Штабс-капитан понял, что отпираться бессмысленно.

На его несвежей физиономии расплзлась сконфуженная улыбка.

— Может, и забылся на минутку, — признал он весело, словно речь шла о пустяке. — Многовато мы с вами, Романов, вчера горилки выпили. У Мавки-то, а?

И еще подмигнул, скотина.

Вчера вечером

Главное, пил-то он один. Сам и бутылку притащил. Романов к спиртному не притронулся, хозяйка тем более. Она была барышня строгая, держала дистанцию. С таким секретным агентом Алексей, пожалуй, сталкивался впервые.

Докладывая положение дел на вверенном ему участке, Жилин похвастал, что у него имеется особенно ценный сотрудник, вернее, сотрудница — двойной агент. Что он-де выследил австрийскую шпионку,

припер ее к стенке и вынудил работать на нас, не порывая отношений с противником.

Романова этот контакт заинтересовал. Через двойного агента удобно заслать врагу ложную информацию. Среди прочих мер по прикрытию готовящегося наступления эта была, конечно, не первой и не второй степени важности, но пренебрегать подобным шансом не следовало.

Вчера вечером, покончив с общим устройством системы наблюдения, Алексей попросил штабс-капитана свести его с сотрудницей.

Та служила в Русиновке учительницей, жила одна в нарядном, чистом домике близ окраины местечка. От Жилина было известно, что это «щирая украинка», ведет в школе уроки исключительно на «мове», заручившись на то специальным разрешением от инспектора народных училищ. Собою, по выражению поручика, «прелестная бонбошка». Звать Мавка, что по-украински означает «русалка».

— Только уговор, — сказал Жилин, — вы к ней не подкатываетесь. Я сам веду правильную осаду, давно уже. И имею успехи — она мне глазки строит.

Насчет глазок он наврал, это сразу стало ясно.

Учительница встретила неожиданных гостей настороженно, а на развязного штабс-капитана смотрела, не скрывая неприязни.

Спутника Жилин представил стажером и своим младшим товарищем, болтал всякую чепуху, пил водку рюмку за рюмкой.

Хозяйка же говорила немного. Была она действительно очень хороша. Высокая, статная, полногрудая. Черные косы сложены на затылке в кольцо, густые брови прочерчены идеально ровными дугами, а кожа белая, чудесного молочного оттенка. Из-под длинных ресниц на офицеров поглядывали карие насмешливые глаза. Нет, на двойного шпиона, существо вороватое и затравленное, она была совсем не похожа.

Ей удивительно шел национальный наряд — юбка с узором, расшитая рубашка с широкими рукавами, серебряные мониста. Такую кралю хоть на сцену выпускай, в опере «Наталка-полтавка», думал Алеша.

Он старался не отставать от Жилина — если не в питье, то в нахальстве. Изображал глуповатого хлыща, который распускает перья перед смазливой девицей. Если штабс-капитана заносило и он начинал болтать лишнее, Алеша поминал грозного подполковника Козловского. Когда-то Жилин получил от князя хорошую взбучку за плохую работу и с тех пор боялся начальника управления как огня. Романов тоже делал вид, что страшнее Лавра Константиновича зверя нет. Мол, этот безжалостный сатрап может человека в пыль растереть. На поручика такие речи

действовали правильно — он на время затыкался.

В середине вечера изрядно набравшийся болтун вышел на двор, и Романов подумал, что фанфарон-подпоручик непременно воспользовался бы этим, чтобы поприставать к хозяйке. Иначе не получится правды характера.

Он придвинул стул, словно ненароком положил руку учительнице на плечо.

— Прелестная Русалка, я хочу знать всех австрийцев, кто с вами работал, поименно.

Она спокойно отодвинулась, сбросив его ладонь.

— Я уже всех называла господину капитану. Но если вам тоже нужно, извольте...

И перечислила несколько имен (все они были Алексею известны). Порусски Мавка изъяснялась правильно, совершенно не вставляя малороссийских слов. Выговор был мягкий, певучий, производивший впечатление не провинциальности, а скорее легкого иностранного акцента.

С важным видом, посекудно кивая, он записал всё в блокнот. Снова придвинулся, потерся об нее коленом.

— Мне уж дальше ретироваться некуда. В стену уперлась, — сказала Мавка. — Отползайте обратно, господин подпоручик.

Он хихикнул — и с облегчением отодвинулся.

— Завидую Жилину, — игриво заметил Алексей. — Как это ему удалось подловить такую оборотистую паненку? На чем он вас поймал?

С этого момента началось любопытное.

— Жилин? Меня? — Чудесные брови поднялись еще круче. — С чего вы взяли? Да если б господин капитан поймал меня на шпионаже, он бы первым делом в постель меня затащил, а уж потом о вербовке подумал.

Черт, а ведь верно, подумал Романов.

— Значит, он вас не перевербовывал?

— Нет. Я сама явилась и сказала, что раньше работала на австрийцев, а ныне хочу им вредить.

Разговор принял интересное направление. Изображать болвана становилось все трудней.

— Не пойму я вас что-то. Красивая особа, могли бы составить блестящую партию. Зачем вам понадобилось связываться с австрийской разведкой? И почему потом решили предложить услуги нам? Не из-за денег же?

Серьезность вопроса Алеша компенсировал идиотским подмигиванием, плюс к тому еще икнул.

Ответила она так, будто перед ней сидел не наглый и глупый мальчишка, а равноценный собеседник. В этом тоже чувствовалось неподдельное внутреннее достоинство. Подпоручика всё больше начинала интриговать эта молодая женщина.

— Я украинка и люблю Украину, — сказала Мавка, глядя на офицера спокойными глазами. — А ваших не люблю. Истинные наследники киевской Руси — это мы, а не ваша угорско-татарская империя. С австрийцами я стала сотрудничать, потому что они обещали в случае победы создать украинское государство. Когда же я поняла, что они врут, выбрала из двух зол меньшее. По крайней мере, вы тоже славяне и тоже православные. Если самостоятельность невозможна, лучше уж быть под Романовыми, чем под Габсбургами.

Что-то здесь не так, внутренне насторожился Алексей. Двойные агенты так не разговаривают! А не устроить ли тебе, голубушка, маленькую проверку?

— Это очень существенно — то, что вы говорите, мадемуазель, — сказал он, приняв преувеличенно серьезный вид. — Я должен всё записать для отчета. В этот блокнот я записываю самое важное. Вы не думайте, что я просто стажер, и всё. Это я Жилину сказал, потому что он, извините, глуп, как пень. А на самом деле у меня особое задание. И с вами мы еще, ик, поработаем. Но тс-с-с!

Он приложил палец к губам — со двора шел штабс-капитан — и спрятал блокнот в карман кителя. Лихо запрокинул голову, делая вид, что осушает рюмку (на самом деле она была почти пуста), и жизнерадостно приветствовал возвращение товарища.

Сидели еще долго. Жилин совсем напился. Алексей, по-прежнему изображая хама, снял и повесил китель на спинку. Когда штабс-капитан сомлел и повесил голову, Романов сказал: «Пардон-с, отлучусь-ка и я». Вышел в одной рубашке, постоял во дворе минут пять, вернулся.

Потом, у себя на квартире, проверил. Блокнот открывали и перелистывали. Ничего важного там не было, но теперь можно было считать установленным фактом: Мавка действительно двойной агент, только истинными ее хозяевами являются австрийцы. Невысокого же она мнения о русских контрразведчиках, если работает так грубо. Но тем лучше.

Канал для передачи дезинформации оказался перспективней, чем думалось вначале. Нужно только аккуратно вести свою линию. Донесение шпионки о том, что в 74-ую дивизию прислан с каким-то заданием идиот-подпоручик, это, конечно, мелочь. Но пусть она станет лишней обманкой

для австрийцев, которые изо всех сил сейчас пытаются угадать, на котором из двадцати пяти участков готовится удар. На каждый из управления прислан такой вот «стажер». И враги, естественно, постараются собрать максимум сведений об этих посланцах: чин, возраст, манера поведения. Резонно предположить, что болвану вроде подпоручика Романова сверхответственного дела не поручат.

Выходило, что минувший вечер проведен с пользой.

Находка для шпиона

— Понравилась вам моя русалочка? — всё пробовал обратить происшествие в шутку Жилин. — Я приметил, как вы глазами на ее бюст постреливали.

— Кто был этот человек? — спросил Романов унтера, даже не повернувшись.

Слива не затруднился с ответом:

— Поручик Аничкин, интендант из хозяйственного отдела.

И скривил губы. К интендантам он относился с презрением.

Алеша длинно выругался. Не столь давно он обнаружил, что матерная брань — отличное средство разрядить излишнее нервное напряжение, а нервозности в службе контрразведчика хватало.

По крепости и заковыристости ругательства (спасибо учителю, князю Козловскому) растяпа Жилин догадался, что отделаться пустым трепом не удастся. Глаза штабс-капитана тревожно забегали.

— Аничкин? — воскликнул он. — Из хозяйственного? Что ж ты, Семен, сразу не сказал? Всё в порядке, Романов, тут не о чем беспокоиться. Это мой агент. Я его сейчас догоню и прикажу помалкивать.

— Ваш агент? — Алексей был поражен. — Позвольте, но кто вам позволил вербовать офицеров? Это запрещено уставом контрразведки!

Жилин с важностью тронул ус:

— Кроме внешнего врага есть еще и внутренний. А кроме военных дел — политические. Тут мало в одну сторону глядеть.

Подпоручик поморщился:

— Вы хотите сказать, что обслуживаете Охранное отделение?

Некоторые офицеры контрразведки, особенно переведенные из Департамента полиции или Жандармского корпуса, имели двойное подчинение, заодно работая на Охранку, однако бравировать этим было не заведено.

— Всё будет ажурно. — Жилин шлепнул себя по губам. — Запечатая Аничкину уста — будет нем как рыба. А что там, на высоте-то? Кто эти четверо?

— Неважно! Агента этого вашего немедленно отправьте в штаб фронта, к подполковнику Козловскому. Сей же час!

На окрик Жилин было ощерился, но вспомнил, что кругом виноват, и рысцой побежал догонять штабного.

— Бесится, что в подчинение к вам попал, — сказал Слива. — Как же, у его четыре звездочки, а у вас только две.

— Значит, попрошу себе другого помощника. У кого звездочек меньше.

Романов и так уже решил, что с этим кретином работать больше не станет. Прямо сегодня протелефонирует князю и потребует замену.

А обруганный Жилин бежал по ходам сообщений и яростно шептал: «Молокосос! Сволочь питерская! При нижнем чине!»

Поручика он нагнал уже за рощей, неподалеку от полкового командного пункта.

— Эй, как вас, стойте!

Офицер остановился, с удивлением глядя на усатого, которого недавно видел спящим в окопе. Насчет агента Жилин, разумеется, наврал.

— Это вы сейчас были вон у той высотки?

— Ну допустим.

Тон незнакомца поручику не понравился.

— Жандармского корпуса Жилин, — небрежно назвалсЯ штабс-капитан. — Начальник отделения контрразведки. Можете не представляться. Я знаю, кто вы.

Контрразведчиков, да еще из жандармов, Аничкин побаивался. Такой напишет кляузу или шепнет начальству — и пойдешь на передовую, под пули.

— В чем дело? — насторожился он.

— Забудьте то, что вы видели на высоте, ясно? Иначе — военно-полевой суд.

Поручик замигал. Мозги у него работали неплохо.

— Уже забыл. — И, понизив голос. — Что, наступать будут? Прямо тут?

Жилин его не слушал, он хотел отыгаться на этом тюфяке за недавнее унижение.

— Вы уже в пяти минутах от военно-полевого, — зашипел он. —

Ясно?

— Да что я такого сделал?!

— У вас шестьдесят минут на то, чтобы собраться и сдать дела. Немедленно отправляйтесь в штаб фронта, к подполковнику князю Козловскому. Ему о вас протелефонируют.

Интендант побледнел. Потом снова порозовел. Ход его быстрых мыслей был таков: «Если наступление, то чем дальше отсюда, тем лучше».

— Через час проверю. Если не отбыли — отправлю под конвоем, — пригрозил контрразведчик.

Сорок пять минут спустя запыхавшийся Аничкин, уже с чемоданом, заскочил к себе в отдел забрать из стола личные принадлежности. До Русиновки он домчал на попутном грузовике, начальству сказал лишь, что срочно вызван в штаб фронта. Настроение у интенданта делалось все лучше. В конце концов ничего ужасного он не натворил, а если ради секретности его желают упечь в карантин, он не против. Хоть до конца войны, ради Бога.

Хозяйственный отдел 74-ой дивизии располагался в здании волостной ссудной кассы, одноэтажном доме с железной крышей. Как все остальные помещения, занятые штабными подразделениями, всё здесь сверкало и сияло. Служба в Русиновке у бывших блюстителей столичной чистоты почиталась величайшим счастьем, и те, кто попадал в это тихое место, разбивались в лепешку, только бы остаться при штабе. Степенные, животастые солдаты, все сплошь либо бородатые (это были дворники), либо с большущими бакенбардами (швейцары), с утра до вечера драили медные ручки, полировали и вощили до блеска дощатые полы, красили стены, белили потолки. Ни в какой гвардейской казарме, хоть бы даже в аракчеевские времена, еще не бывало столь ослепительного порядка.

Все же не без печали оглядел Аничкин большую комнату, в которой провоевал несколько тихих месяцев. Где еще столы будут расставлены в геометрически безупречном ордере? Где так любовно вычертят многочисленные графики и пособия по мудреному интендантскому делу, все эти «Предельные цены закупки мяса у населения», «Сортировки фуража», «Расчеты фронтовых надбавок для обер-офицеров» и прочее?

Поручик наскоро выгреб из стола свое имущество: цветные карандаши, линейки, огромную по военному времени редкость — немецкие красные чернила.

За соседним столом сидел прапорщик Петренко, ведавший банно-прачечным хозяйством. Человек он был славный, добродушный, и на вид

приятен: хорошие уютные усы подковой, ямочка на подбородке, запах душистого самосада. Грех с таким не попроситься.

Начальник, чей стол был установлен на возвышении, частных разговоров в присутствии не позволял. Поэтому Аничкин дождался, когда полковник станет диктовать писарю-ремингтонисту какую-то бумагу, и шепотом сказал:

— Ну, Афанасий Никитич, прощайте. Убываю.

— Шо так? — не слишком удивился Петренко (он был из Житомира, выговаривал слова на малороссийский лад). — Неужто отпуск дали?

— Как же, дождешься от них. И вам не дадут, теперь уж точно. — Поручик нагнул ближе. — Наступление у нас будет. Я на переднем крае командира корпуса видел, и с ним еще трех генералов. Так что держитесь. Буду за вас Бога молить.

— Наступление так наступление, наше дело маленькое, — равнодушно молвил прапорщик, водя карандашом по ведомости. — А вам, Северьян Антонович, счастливого пути и хорошей должности.

После того как Аничкин отбыл, банно-прачечный прапорщик просидел над ведомостью совсем недолго. Задумался что-то, заерзал. Подошел к полковнику, сказал, что надобно проверить, как работают новые вошебойки.

— Ну так идите и проверьте. Я что ль за вас буду вшей истреблять? — раздраженно сказал начальник.

Ну, Петренко и пошел. По роду занятий ему часто приходилось отлучаться.

В банно-прачечном

Дивизионная прачечная соответствовала своему названию лишь частично. Обстирывали здесь только офицеров штаба, да и то в порядке личной любезности славного Афанасия Никитича, а вообще-то сей важный санитарный объект предназначался для задачи более ответственной: истреблял из обмундирования паразитов, грозящих личному составу сыпным тифом. Недавно поступили новые модернизированные котлы, сразу окрещенные «вошебойками». Их испытывала команда солдат под предводительством пожилого фельдфебеля.

На свежей весенней травке в три параллельных ряда, как по линейке, было разложено исподнее белье.

— Ну шо, Савчук? — спросил прапорщик, садясь на корточки и щупая

подштанники. — Ишь ты, она и стирает недурно. Белые-то какие.

— Энта обстоятельней прежней, — признал фельдфебель, пряча за спину сигарку — он как раз собирался со вкусом подымить. — Хотя и та была ничего себе.

Вошебойки в прачечной проверяли уже третью неделю — неторопливо, со вкусом. Дело было хорошее, чистое, а торопиться особенно некуда.

— Э, брат, что это ты весь двор захламил? — Петренко распрямился, поглядел вокруг. — Лошадь проскачет, копытом в лужу топнет — белье забрызгает.

— Завсегда так ложили, Афанасий Никитич.

— «Завсегда». А сегодня переложу. Видишь, солнышком грязюку растопило. Вот эти поперек нехай будут, — показал прапорщик на средний ряд сохнувшего белья. — И места меньше займет, и не запачкается. Старый солдат, сам соображать должен.

Фельдфебель заворчал:

— А завтра сызнова велите по-старому ложить? Лучше бы рогожу достали, постелить. От травы вон зеленится всё.

— Ничего, солдату в этих подштанниках не на танцы ходить. Давай-давай, перекладывай.

Савчук пошел распорядиться, бормоча:

— Удумал, сам не знает чего...

Новый помощник

Ну что, казалось бы, за фигура пехотный подпоручик? Крохотный винтик в гигантском механизме целого фронта. Однако на Алексея сейчас работало всё управление. Никогда еще он не чувствовал себя персоной до такой степени значительной. Довольно было нескольких слов по телефону, и штабс-капитан Жилин исчез, будто скверный сон, а еще через пару часов в распоряжение Романова примчался на мотоцикле новый помощник. Заодно доставил приказ о назначении подпоручика временно исправляющим должность начальника дивизионного отделения контрразведки. Это должно было упростить выполнение порученного дела.

Новый помощник был с одной звездочкой и выглядел так, словно едва сошел с гимназической скамьи. Так оно почти и было. Прапорщик Калинин только что окончил ускоренные шестимесячные курсы, где в прошлом году отучился и Алеша. Но за этот год многое в армии

переменилось. Раньше на курсы контрразведчиков не брали мальчишек безо всякого военного опыта. Но в недоброй памяти 1915-ом армия понесла столь тяжкие потери в командном составе младшего и среднего звена, что пришлось пересмотреть всю концепцию офицерского корпуса. Никогда больше это сословие не будет являться белой костью, замкнутой кастой Российской империи. Наскоро созданные курсы и школы тысячами выпускали на фронт свежееиспеченных прапорщиков из числа вчерашних студентов, унтеров, а то и гимназистов.

Калинкину, например, как узнал Алексей из формуляра, недавно исполнилось девятнадцать. Выглядел он того юнее — еще пушок с нежных щек не сошел. Когда представлялся начальнику, от смущения весь зарозовел. Однако из того же формуляра следовало, что курс он закончил первым учеником и, хотя имел право выбрать место службы, попросился не в центральный аппарат, а на фронт. И потом, Лавр не прислал бы на такую ответственную работу человека никчемного. Романов решил отнестись к Калинкину с полным доверием. В конце концов, и сам Алеша полтора года назад, начав работу в контрразведке, был таким же одуванчиком, да еще безо всяких курсов.

Для начала подпоручик показал коллеге свое хозяйство.

Оно было выстроено тонко — с таким расчетом, чтобы держать под контролем все уязвимые точки, но при этом не привлекать к себе внимания. Сев за спину к прапорщику, Романов показывал, куда ехать.

— Вы будете опекать Русиновку. Тут расквартирован штаб дивизии. Это наиболее ответственный участок, сам я тоже большую часть времени провожу здесь. Смотрите, Калинкин, и запоминайте.

— Меня Васей зовут, — сказал прапорщик, поворачивая голову в мотоциклетных очках.

— А я Алексей.

Сразу, очень просто, перешли на «ты».

— У тебя в ведении три наблюдательных пункта, на каждом постоянно дежурит по солдату. Все толковые, но контроль лишним не бывает.

Сгоняли на холм, откуда дозорный с биноклем просматривал все подходы и подъезды к местечку. Должен был докладывать о любом подозрительном перемещении — для этого в его распоряжении имелся полевой телефон. Потом съездили к мосту, там был устроен секрет. Третьим пунктом числилась колокольня. С нее дежурный вел наблюдение за всем, что происходило на территории штаба.

— Это только часть системы обнаружения нестандартной активности, — рассказывал Романов. Приятно было иметь дело не с

тупицей Жилиным, а с грамотным офицером, знакомым со специальной терминологией. — В каждом батальоне и каждом тыловом подразделении есть «следящие». Если возникнет необходимость, через час из уезда прибудет «студебекер» с боевой группой. Кроме телефонной связи в нашем распоряжении радиостанция — для передачи шифровок, но она для конспирации расположена на территории соседней дивизии. Теперь про связь с агентурной разведкой...

Они слезли с мотоцикла у церкви, что стояла посередине местечка, на площади.

— Тут восемьдесят две ступеньки, — предупредил Романов. — Твой предшественник чаще одного раза в день не утруждался.

— Это мне нипочем.

Прапорщик легко поскакал вверх по винтовой лестнице. Алеша, улыбаясь, следовал за ним. Оба поднялись, почти не запыхавшись.

— Здорово, Горюнов, — приветствовал подпоручик дежурного ефрейтора. — Привел тебе нового командира.

Калинкин, молодец, поздоровался с нижним чином за руку. Это его на курсах научили: у контрразведчиков званиями не задаются, чинами не чинятся, все друг другу товарищи.

В небе над местечком выписывал медленные круги вражеский аэроплан. По нему так же лениво постреливало зенитное орудие — чтоб не наглел. Среди больших облаков появлялись маленькие — от разорвавшейся шрапнели.

— Как по часам, — сказал ефрейтор. — Завсегда в час пополудни прилетает.

Он развернул тетрадку, готовый докладывать.

— Значится, так. Я заступил на смену с четырех ноль ноль. В 4.32 ночи вон там, третий дом от околицы, под журавлем, из трубы искрило здорово. Сажа горела, что ли. А может, сигналили фонариком через дымоход. Я потому отметил, что как раз об это время в небе тоже ероплан шумел. По звуку судить, австрийский.

— Проверишь хату — кто там и что, — сказал прапорщику Алеша. Тот и так уже записал себе.

Наблюдатель докладывал дальше.

— Без десяти шесть, это уже светло было, в квадрате 18, где рощица, дым был. Столбом, высокий. Не мой участок, но я на всякий случай.

— Правильно. Мне уже докладывали с девятого. Я проверил — кашевары это из саперного батальона.

Слушая, Алексей времени даром не терял — осматривал в бинокль

Русиновку, которая отсюда вся была как на ладони.

— А это у тебя что? — показал он пальцем.

— В прачечном отряде. Всего полчаса как. Не успел доложить. Последним номером в моем списке обозначено, на 12.25. Белье переложили зачем-то.

Романов задрал голову, поглядел на аэроплан. Тот, качнув крыльями, перестал кружить над местечком. Поплыл восвояси.

— Ну-ка, Вася, за мной!

Что за Петренко?

— А что я? — сказал фельдфебель, начальник прачечной команды. — Мне Петренко приказал.

— Зачем?

Снизу всё выглядело обыкновенно. Просто на зеленой траве три ряда рубаш и подштанников: два продольно, один между ними поперечно, ничего особенного. Калинин поглядывал на старшего товарища с недоумением.

Фельдфебель скривил мясистый рот.

— А я знаю, зачем? Не может он, ваше благородие, видеть, если человек, к примеру, цыгарку закурил. Беспременно ему надо, чтоб никто без дела не сидел. А я, может, с шести утра, как собака какая, не разогнулши...

— Что за Петренко? — спросил Алеша.

— Дык Петренко, — объяснил фельдфебель. — Афанасий Никитич. Прапорщик наш. Главный банно-прачечный начальник.

— Где он сейчас?

Служивый подумал.

— Об это время они кушают. На квартире у себя. Обедают. В столовой не любят, от столовой у них изжога.

— Где он квартирует, ваш Петренко?

— А вот как пойдете по главной улице, так до конца, оттуда в переулок и прямо до речки. Ихняя хата самая последняя, кусты вдоль околицы.

В кустах

По дороге пришлось объяснить, из-за чего сыр-бор.

— Леш, чего это мы? — совсем по-мальчишески спросил Вася. — С

Петренкой этим, а?

Курсы курсами, но без практического опыта, конечно, трудно. Поэтому Романов рассказал попросту, без снисходительности.

— Во-первых, странно. Зачем рубахи с места на место перекладывать. Во-вторых, прямо перед облетом аэроплана, который зачем-то кружит над Русиновкой всегда в один и тот же час. В-третьих, белье, как было выложено?

Калинкин подумал.

— Ну как... Буквой «эн».

— Это по-нашему. А по латинскому шрифту буква «аш». Что это значит по австрийскому армейскому коду?

Прапорщик остановился, хлопнул себя по лбу — звонко.

— Ой, мы же учили! «Экстренное сообщение». Это знак аэроплану?

— Все может быть. Надо проверить. Возможно, банно-прачечный начальник просто самодур. Но мы обязаны удостовериться, что он не вражеский агент, подающий аэронаблюдателю сигнал о полученной информации исключительной важности.

— Ясно...

— Сейчас мы определим, где хата этого Петренки. Я останусь, а ты сбегашь к начальнику кадрово-персонального отдела дивизии, я напишу записку. Пусть даст формулярный список прапорщика. Принесешь сюда.

Хата, как и сказал фельдфебель, стояла над невысоким обрывом, под которым текла быстрая речка Вильшанка. Для офицерской квартиры домишко был скромненький — в два окошка, с соломенной крышей.

Кусты вдоль околицы — густые, можжевельные — прилились кстати. В них контрразведчики и расположились.

Через открытое окошко было видно, как мужчина лет тридцати пяти, в нижней рубахе с закатанными рукавами, достает из печки чугунок, садится, режет хлеб. В бинокль можно было разглядеть лицо (приятно-мужественное, сосредоточенное) и даже содержимое тарелки (борщ).

— Потом будет гуляш трескать, — сказал Вася, потянув воздух носом. — У меня нюх ужасно обостряется, когда жрать охота.

— Один живет, без хозяев, — поделился своими соображениями и Романов. — И денщика не видно. Сам кухарничает. Необычно.

— Куркуль. Денщицкую доплату себе забирает. Чтоб офицер себе сапоги начищал?

На крыльце стояли две пары сапог — сверкающие парадные и пыльные повседневные. Чистюля — у двери разувается.

— А может, просто привычка к холостяцкой жизни. Всё, Вася, дуй в штаб. Хватит гадать, сейчас узнаем точно.

Калинкин слетал пулей. Через двадцать минут, как штык, вернулся с личным делом. За это время прачечный начальник успел доесть борщ, с аппетитом умял второе (действительно гуляш) и взялся за кисель. Выражение лица у него было сосредоточенное.

— Всё правильно, — зашептал на ухо Вася. — Холостой. От денщика отказался. Хату взял пустую, потому что любит жить один. Это мне в отделе хозяйственном рассказали. Заглянул по дороге. Ты не беспокойся, я не говорил, откуда я. Мол, хочу договориться, чтоб меня у Петренки обстирывали, он иногда разрешает. Ну и расспросил немножко, что за человек, как-де лучше подкатиться. Хорошо к нему в отделе относятся. Говорят, простой, приветливый.

— Молодец, Вася, — похвалил подпоручик. — Давай формуляр.

Так-так. До мобилизации Петренко служил счетоводом на железнодорожной рокаде, построенной для нужд военного округа. Превосходная, между прочим, должность для шпиона в мирное время. Отсюда и звание прапорщика запаса. Второй звездочки такому офицеру не выслужить, хоть сто лет прачечной руководи. А в общем, ничего интересного в личном деле Петренки не было.

— Не похож он на австрийского шпиона, — вздохнул Калинкин, глядя, как Афанасий Никитич облизывает с ложки кисельную пенку.

— Ни разу не встречал шпиона, похожего на шпиона. Наше дело — проверить. Скорее всего, зря потратим время. Аэроплан и перекладка белья — случайное совпадение.

Калинкин поинтересовался:

— А как мы проверим? Не у него же спрашивать. Слежку установим, да?

Объект наблюдения, кажется, никуда уходить не собирался. Он уютно раскурил трубочку и улегся на кровать, положив ноги на железную спинку.

— Если буква «аш» — это сигнал самолету-разведчику, что сие означает? — тоном преподавателя спросил Алеша.

— Что у агента нет других средств экстренной связи.

— А стало быть? Особенно с учетом странной пассивности дорогого Афанасия Никитича?

Вася подумал еще и опять ответил правильно:

— К нему пришлют связного. Выяснить, в чем дело.

— Причем сделают это быстро. Если знать тропки, от австрийских

позиций через болото в наше расположение можно часа за два пробраться. В общем, так. Остаешься здесь. Пришлю к тебе кого-нибудь в напарники. Он захватит пожевать, чтоб ты тут не мучился обострением нюха. Сидите, бдите за нашим Банщиком. В случае чего пошлешь солдата за мной, он знает, как меня сыскать.

Пристроив новичка к заданию, подпоручик отбыл по дальнейшим делам. Их у Романова хватало. Прежде всего проведаль вольноопера Левкина (очень средних способностей), приставленного следить за Учительницей. Предупредил, чтоб удвоил осторожность и внимание. Возможна активизация объекта.

Связной появился перед рассветом

Забот у Романова было через край. О слежке за Банщиком, одной из множества мелких мер предосторожности, в остаток дня он почти не вспоминал. Мотался на позаимствованном у Васи мотоцикле по всему расположению дивизии, трижды телефонировал Козловскому, один раз лично отправлял радиошифровку с отчетом. Перекусил на ходу, куском хлеба с колбасой. К себе на квартиру вернулся в третьем часу ночи. Сел на койку снять сапоги — да так, боком, и повалился.

Вскинулся от стука, как показалось, буквально в следующую секунду. Но за окном уже серело, в стекло барабанила костяшками пальцев чья-то рука.

— Ваше благородие!

Голос Кузина, солдата, которого он вчера направил в помощь Калинкину.

Сон будто ветром выдуло. Неужели?!

— Связной? — спросил подпоручик, вылетев на крыльцо. — К Банщику?

— Пришел какой-то. Семь минут тому. С половиной, — поправился Кузин, глянув на часы. Он был педант. — Прапорщик за вами послал.

Дальнейшие вопросы Алексей задавал на бегу.

— Кто?

— По виду мужик. Гуцул, что ли.

— Почему гуцул?

— Топорик этот ихний на боку. И лапти кожаные.

— Постолы?

— Ага. Бесшумные. Мы его чуть не проморгали. Не слышали и не

видали, как в дом вошел. Только вдруг глядим — свет загорелся...

Солдат начинал задыхаться, а спортивному Романову хоть бы что.

— Вы через ставни подглядели?

— Так точно. Господин прапорщик сначала. Потом я... Сидят они двое, Банщик этому что-то шепчет... Не успеваю я, ваше бла... городие!

Связной, точно связной! Стреляли наугад, а, похоже, попали в десятку, пронеслась в голове у Алеши азартная мысль.

— А ты не беги за мной. Двигай лучше за Сливой. Пусть подтягивается.

Без опытного унтера не обойтись, если дойдет до живого дела. А дойдет обязательно. Отпускать связного с донесением ни в коем случае нельзя. Если это, конечно, связной, а не что-то другое...

Солдат от хаты Банщика бежал семь с половиной минут. Романов обратный путь проделал вдвое быстрее.

Вася даже спросил:

— Кузин тебя по дороге что ли встретил? Докладываю...

— Всё знаю. Молодец, что в кусты вернулся.

Прапорщик хихикнул:

— А я когда под окошком сидел, ветер подул. Ну я слегка ставенку-то и приоткрыл. Теперь отсюда в бинокль видно. Через щель.

— Дай!

Алексей схватил окуляры.

Петренко сидел спиной, слегка нагнувшись. Делал какие-то непонятные движения — будто колоду тасовал. Напротив — небритый человек в низко надвинутой шапке. Одет по-крестьянски. Лицо странноватое. Дикое какое-то, будто у лешего. Мимики ноль, только глаза зыркают туда-сюда. И молчит. Две минуты Романов его разглядывал — мужик рта не раскрыл.

— В карты они что ли играют? — пробормотал подпоручик.

Вскоре прибыли Слива с Кузиным. Алеша дал посмотреть на неизвестного человека унтеру.

— Старый знакомый, — тихо сказал Семен. — Кум мой.

— Как это?

— А я всех, кого брал, «кумами» зову. Это Немец, контрабандист. Я его с личным взял. Каторга ему катила. Но он в Сибирь не схотел, сдал все ихние схроны. А за это...

Унтер умолк, не договорив, и вернул подпоручику бинокль.

— Выходят, — шепнул он.

Все пригнулись, затаили дыхание.

На крыльцо вышел Немец. Петренко что-то втолковывал ему, стоя в дверях. Контрабандист кивнул. Ловко, будто рысь на мягких лапах, спрыгнул на землю. Быстро поглядел вправо, влево. Пошел к калитке.

У околицы он чуть не задел своей бараньей безрукавкой затаившего дыхание Романова. Алексей ощутил острый, будто звериный запах.

Беззвучно, полуриссой гость Банщика трусил по улице. В сумерках подпоручик разглядел болтающуюся на поясе бартку — топорик на длинной ручке, которым гуцулы могут и вековое дерево свалить, и зубочистку остругать.

Куда повернет?

Немец перелез через чей-то плетень, добежал до берега и исчез под обрывом.

— Значит, так, — быстро сказал Романов. — Ты, Вася, бегом до брода. Не высывайся. Будешь вести его с того берега. Мы трое двинемся по этому, следом.

И взглянул на Сливу — одобрит, нет?

Унтер едва заметно кивнул.

Сначала было легко. Немец шел вниз, бережком, держа путь в сторону болота. Они же двигались параллельным курсом, но поверху, зорко следя, не станет ли объект перебираться на ту сторону. Романов часто смотрел в бинокль — где там Калинин. Но прапорщик маскировался отменно. Лишь один раз Алексей увидел, как на том берегу, меж двух буков, метнулась тень.

Потихоньку становилось светлей. Над руслом Вильшанки полз туман, но не слишком густой. Когда Немец надумал перейти речку по камням, его было видно по пояс.

Минуту выждав, контрразведчики проследовали тем же путем, только низко пригнувшись.

В поле стало трудней.

Контрабандист рысил все так же ходко, но часто оглядывался. Выручал туман — все трое разом падали в траву. Однако скоро дымка исчезнет, соображал Романов. Тактику требовалось изменить, а он никак не мог определиться, как действовать: задерживать Нимца или нет.

Если он связой, которого ждут с важным сообщением, исчезновение лишь вызовет у врага повышенный интерес к этой зоне. Но и выпускать его тоже нельзя...

Из-за кочки вынырнул Калинин. Теперь ему не было смысла

сепаратничать — четверка соединилась.

— Ты что мокрый?

С Васи действительно текло — хоть выжимай.

— Ты сказал «брод», а почему мне знать, где тут брод? Пришлось вплавь. Ничего, только взбодрился.

— Поотстанем, — приказал Романов. — И веером. Мы с прапорщиком посередке, Слива двадцать шагов справа, Кузин слева.

Дистанцию увеличили до двухсот метров. Можно было себе позволить — до леса оставалось еще прилично.

— Точно шпион, — возбужденно приговаривал Калинин. — Видал, как озирается? Почему мы его не берем? Допросить же надо.

— Это курьер, Вася. Скорее всего, ни черта не знает. Просто несет донесение. Эх, его обыскать бы... Только как?

Романов припал к биноклю. Согнувшись в три погибели, подбежал Слива.

— Обшарить бы его, лапушку.

— Великие умы мыслят сходно. Но как? Не под анестезией же?

Унтер почесал затылок.

— Мне делали нестезию. Когда пулю доставали. Ни хрена не чувствовал. Дозвольте биноклю, ваше благородие?

Поглядел-поглядел, да присвистнул.

— У него баклага на боку. На левом.

— Ну? И что такого?

— А если самогон? — Семен строго поднял палец. — Законы военного времени возбраняют. Вы вот что, ваше благородие. Бежите-ка за мной. У опушки его перехватим.

Не дожидаясь разрешения, он нырнул в заросли камыша, опоясывавшего поле широкой дугой. Кузин помчался за унтером.

— Чего это они, а? — удивился Калинин. — И разрешения у тебя не спросили.

— Слива знает, что я ему доверяю. Он мужик дельный. Плохого не придумает. Аллюр три креста, Вася!

Пустились вдогонку.

«Нестезия»

Бежали резво. Прибыли на опушку, когда Немцу до нее оставалось добрых пять минут хода.

— Что нам делать, Слива? — спросил подпоручик. — Объясните.

— Господину прапорщику ничего. Пусть ляжет вон под кустик, сховается. А ваше благородие я, когда надо, кликну. Начепляй повязку, Кузин. И вы наденьте.

Он достал из кармана нарукавную повязку с надписью «Патруль» — всем сотрудникам группы такие полагались по должности. Патруль мог остановить и задержать кого угодно, имелся у него на то особый мандат.

Кузину унтер что-то прошептал на ухо.

— Айда за мной. И зевай, зевай!

Они лениво вышли из кустов. Кузин старательно зевал и тянулся, будто только что дремал в тихом месте. С повязками, они выглядели обычным патрулем, какие рыщут по всей дислокации дивизии.

Контрабандист заметил их сразу. Замер, но сообразил, что и его увидели.

— Эй, хохол! — гаркнул Слива. — А ну подь!

Поколебавшись и несколько раз оглянувшись, Немец понял: бежать — только хуже сделаешь.

Приблизился, шагов за двадцать сдернул шапку.

— Эге ж! — якобы только теперь узнал его Слива. — Немец! Куманек мой любезный! Чего у передовой шастаешь? За старое взялся?

Лицо контрабандиста на миг перекосилось. Видно, тоже узнал. Но сказать ничего не сказал, просто остановился.

— Ваше благородие! — крикнул унтер, оглянувшись на лес. — Дружка старого встретил! Антерес-ный хрукт!

Романов вышел, тоже потягиваясь. У Нимца должно быть ощущение, что он случайно напоролся на отдыхавший в кустах патруль.

— Чем это он интересный?

— А контрабандист. Нимцем звать. Я, куманек, теперя в военной полиции состою. Никуда вашему брату от меня не деться. Документ имеешь?

Крестьянин все так же молча достал тряпицу, из нее — сложенную вчетверо бумажку.

Алексей взял, со скучающим видом прочел: «Иосиф Мстиславов Крупко, житель села Круглое Русиновской волости». Печать, подпись — всё было в порядке.

— Тут написано «Крупко», а ты говоришь «Немец»?

Ради конспирации обратился к унтеру на «ты», чего себе никогда не позволял, да самолюбивый Слива и не стерпел бы. Однако для обычных отношений между офицером и нижним чином выканье звучало бы

подозрительно.

— Пасть разинь, — велел Семен задержанному.

Тот послушно раскрыл рот, высунул обрубок языка.

— Потому и Немец, что немой, — объяснил Слива то, что не успел дорассказать возле петренковой хаты. — Он мне разбойничьи схроны выдал, а напарники евоные, братья Стапчуки, его за то поймали, связали и язык оттяпали. У них, контрабандеров, порядок такой — кто страже лишнее наболтал, язык отрезать.

— Пусть закроет, — попросил Алексей, содрогнувшись. — Ишь, бедолага.

Он был растерян. Собирался задать крестьянину кое-какие вопросы, уже и перечень мысленно составил, как его подловить. А спрашивать, выходит, невозможно. То-то Немец и у Петренко сидел, помалкивал. Идеальное, между прочим, увечье для связного.

Унтер оскалился:

— Вы его, ваше благородие, шибко не жалейте. Немец у нас волчина зубастый. Братьев-то этих, Стапчуков, после нашли порубленными. Вот таким примерно топориком, что у него на поясе висит. Твоя работа?

Контрабандист замычал, помотал головой.

— Мы шибко-то не дознавались, — хохотнул Слива. — Двумя крысюками меньше — наша работа легшее. Чего у тебя в баклаге, Немец? Самогонка? За это по нынешнему времени знаешь чего?

Тот снова замычал, стал отцеплять флягу.

— Кузин, глотни-ка. Я брезговаю.

Солдат с сомнением понюхал, немного отпил, сплюнул.

— Тьфу, вода!

— Ла-адно, — протянул Семен, недобро прищуриваясь. Он отлично играл роль скучающего злыдня, который ищет, к чему бы придраться да как покуражиться над безответной жертвой.

— А под одежей у тебя чего? Скидавай рубаху. И портки. Знаю я ихнюю воровскую породу, ваше благородие. Неспроста он тут шляется.

Романов подыграл:

— Охота тебе возиться в его грязных тряпках? Пускай катится.

— Не-е, ваше благородие. У Сливы на тварей этих нюх. А ну раздягайся! Ты меня знаешь — харю сворочу!

Он показал здоровенный кулачище.

Немец издал жалобный, хнычущий звук, но его хищные глаза прищурились, быстро перемещаясь со Сливы на Романова. В этом взгляде читалась такая звериная злоба, что Алексей сразу вспомнил про

зарубленных братьев.

— Ты мне еще ломаться будешь?!

Унтер размахнулся и двинул контрабандиста в висок. Немец рухнул, будто сбитый поездом, даже пикнуть не успел. Раскинул руки, сквозь приоткрытые веки виднелись белки закатившихся глаз.

— Вот и нестезия, — сказал Слива, облизывая костяшки. — Четверть часочка полежит, поскучает. У меня в кулаке хрономер. То есть, хронометр. Чего глазеешь, Кузин? Раздевай его!

Через минуту подозреваемый лежал на траве абсолютно голый. Калинин вышел из укрытия, помогал ощупывать швы на одежде. Всё, что находилось в карманах, выкладывалось отдельно, в строгом порядке — потом надо было засунуть все точно так же, ничего не перепутать.

— Пустьшка, — доложил прапорщик. — Записки нет. Вообще ничего примечательного. Разве вот это. — Он показал колоду карт. — Но я все перебрал, листки чистые, никаких пометок. Обычные игральные карты.

Алексей взял, посмотрел.

— Говоришь, обычные?

— Ну да. Немного странно для крестьянина. Но ведь этот тип из преступной среды...

— А ты на карты получше посмотри.

Романов вернул помощнику колоду. Настроение у подпоручика вдруг стало очень хорошее.

Повертев и так, и этак, Калинин пробормотал:

— Сбоку на обрезе точки какие-то. Карандашом. Крапленые что ли?

— Что точки заметил — молодец. — Алексей отобрал карты, начал их перекладывать. — Думай дальше. Слива, одевайте его обратно! И в карманы положите всё, как было.

— Колода совсем новая... Похоже, ей еще ни разу не играли, — ломал голову Вася. — Да что с того? Не знаю. Сдаюсь.

— В только что распечатанной колоде карты лежат в определенном порядке: по мастям, внутри мастей по старшинству. А эта, хоть и не играна, но зачем-то перетасована. Вот я разложил, как положено — черви, бубны, трефы, пики, от тузов к шестеркам.

— Ну?

— Погляди-ка на свои карандашные точки теперь.

Калинкин взял — ахнул.

На обрезе колоды сложились едва различимые буквы:

OFF ST VERD SCHLFLG ENTG STAF

— Шифр! — вскричал прапорщик. — Что значат эти буквы?

У Романова голова работала так напряженно, что аж в ушах пощелкивало.

— Так-таки шифр... Это тебе не стратегический шпионаж. Обычная армейская разведка пользуется установленными сокращениями. Вот что это значит... — Подпоручик стукнул кулаком по ладони. — «Offensive stark verdächtigt». «Наступление сильно подозревается». А дальше? Сейчас... Очевидно: «Schlußfolgerung entgegengesetzte Stafette». «Окончательное заключение обратная эстафета», то есть с обратной связью. Рассчитывает вскоре добыть более полную информацию.

— Здорово! — восхитился Калинин.

— Ужасно, — угрюмо откликнулся Алексей. — Пронюхал наш Банщик про наступление. Дали мы где-то маху...

— Да брось ты! Мы же его раскололи! Арестуем, предъявим связного — не отопрется. Не получают австрийцы никакой эстафеты!

— Ты думай, что говоришь. После сигнала «экстренное сообщение» вдруг исчезают и внедренный агент, и посланный к нему связной. Да австрийцы бросят сюда десять, двадцать лучших нюхачей. Они и так, поди, ночами не спят, пытаются определить, с какого направления им ждать удара, а тут такая подсказка... Всё дело провалим. Беда, Вася... Надо докладывать подполковнику. Спасать положение...

Прапорщик проникся серьезностью проблемы. Чистый лоб собрался морщинами.

— Что же делать? Он через пять минут очнется.

— Через семь, — поправил Слива. — Я ж говорю: у меня кулак — хронометр.

А Романов уже знал, как действовать.

— Эх, мне бы ластик...

— В смысле резинку? У меня в планшете есть. — Калинин с готовностью достал хорошенький ученический пенал, в котором лежали идеально отточенные карандашники, миниатюрный транспортир, циркулек и каучуковый ластик. Сразу было видно неисправимого отличника.

— Здорово!

Подтерев начало надписи, Романов внес в нее поправку:

OFF VERD PROVO MÖG SCHLFLG STAF

Прапорщик, сопя от умственного напряжения, заглядывал ему через плечо.

— Ну, первые два слова — это я догадался: «Offensive verdächtigt». «Наступление подозревается». Дальше не понимаю.

— «Наступление подозревается». Слово «сильно» убираем. И добавляем: «Provokation möglich» — «Возможна провокация». Про обратную эстафету оставляем. Возможно, у них так заведено — в случаях исключительной важности давать дополнительные сведения незамедлительно.

Он перетасовал колоду, и надпись пропала.

— Одежи? Суньте еще и колоду.

За тем, как связной очнется, наблюдали издали, в бинокли.

Немец зашевелился через шестнадцать минут после удара. Кулак у Сливы действительно был прямо-таки хронометрический.

Контрабандист сел, взялся за голову, помотал ею. Испуганно заозирался. Потом захлопал себя по карманам. Достал карточную колоду, осмотрел. Снова стал оглядываться.

— Не заподозрит? — нервно спросил Калинин.

— Ништо, — просипел унтер. — Подумает, я на нем душу отвел, да и пошел себе дале. Подстеречь, конечно, может в темном углу. Он мужик памятливей... Если захочет австриякам о встрече с патрулем доложить, это ему затруднительно будет. Языка-то у Нимца нету, а грамоте он не знает.

Связной наконец встал. По-собачьи встряхнулся, подобрал шапку и скрылся в лесу.

— Итак, в Русиновке как минимум два вражеских агента, — озабоченно подвел итог Романов. — Банщик и Учительница. Первый, разумеется, главный. Поэтому я перераспределяю роли. Слива, вы опытнее. Петренку поручаю вам. Глаз с него не спускать! И чтоб ни в коем случае не заметил. Ну, сами знаете. Ты, Вася, сменишь вольноопределяющегося Левкина около дома Учительницы. Мы ведь еще не выяснили, связана она с Банщиком или работает самостоятельно. Я еду на радиостанцию. Свяжусь с Козловским. Нужно срочно принимать меры. Времени у нас — день. Максимум два...

В роли Хлестакова

В полдень на срочное собрание созвали всех расквартированных в Русиновке офицеров: из штаба, из дивизионного резерва, из вспомогательных и тыловых подразделений. В помещение столовой, откуда

выслали всю обслугу, пришли человек тридцать-сорок в звании от полковника до прапорщика. Перед тем как войти, каждый должен был расписаться в книге, что извещен об ответственности за разглашение.

Открыл собрание начальник штаба, пожилой, очень нервный генерал с заглазным прозвищем Тик.

Подергивая бородатым лицом, Тик разрешил садиться и представил докладчика — нового начальника контрразведочного отделения Романова. Вид у генерала был встревоженный, будто он что-то не вполне понимал.

— Сведения, которые вам сообщит подпоручик, абсолютно секретны. Вы, впрочем, расписались и знаете. М-да... Прошу.

Он кивнул контрразведчику и сел в угол, как бы демонстрируя, что и сам является всего лишь слушателем.

Вперед выступил молодцеватый офицерик в сверкающей портупее, солидно откашлялся и для начала произнес бодрую речь патриотического содержания о несокрушимости русского оружия и неизбежности скорой победы над палачами Европы — австро-венгерским императором и германским кайзером.

Трескучее словоблудие подпоручика слушающим не понравилось. К сотрудникам контрразведки в армии и так относились с неприязнью, а уж этот фразер, нахально распускающий перья перед людьми, большинство которых старше по возрасту и званию, выглядел просто пародией на тылового шапкозакидателя.

Еще и грозить смел, мальчишка:

— Я уполномочен сообщить вам новость сверхсугубой секретности. Господин генерал недостаточно сказал про ответственность за разглашение. Того, кто нарушит тайну, ждет немедленное разжалование и суд.

В зале недовольно зашуршали, закашляли.

— Нельзя ли ближе к делу, — сказал Тик, задетый упреком в свой адрес. — Хватит преамбул.

Алешу реакция аудитории вполне устраивала. Именно такого впечатления он и добивался. Для пущей павлинистости он прицепил аксельбанты, на которые начальник дивизионной контрразведки не имел никаких прав, и исключительно звонкие шпоры, которые пехотному офицеру тоже ни к чему. Из своих наград надел только «тылового» Владимира без мечей.

— Господа, с сегодняшнего дня ваша дивизия находится на особом положении, — со значительным видом объявил он. — Вступает в действие режим повышенной секретности. Вы наверняка обратили внимание, что в

ваше расположение переброшены саперные части, которые ведут активную работу.

— Было объявлено, что это для укрепления обороны, — сказал кто-то.

Подпоручик иронически усмехнулся, оставил реплику без комментария.

— Все отпуска и отлучки отменяются. У вас теперь зона особой секретности. Я назначен штабом фронта обеспечивать меры безопасности. И — учтите — наделен чрезвычайными полномочиями.

Тут он выпятил грудь и сделал торжественную паузу. В столовой перешептывались.

— Наступление, что ли? — густым басом спросил у соседа полковник из первого ряда. — Так бы и объявили.

Кто-то довольно громко заметил:

— А покрупней птицы для такого дела в штабе фронта не нашлось?

Прапорщика Петренко, скромненько пристроившегося у самой двери, Романов из виду не выпускал, но исключительно периферийным зрением. Нарочно не поворачивал головы в ту сторону. Банщик сидел тихонько, мышкой-норушкой.

— Птицу ценят не по размеру, а по полету! — запальчиво ответил Романов на оскорбительную реплику. — Я, может, в небольшом чине, но опыт у меня — слава Богу. У нас в контрразведке людей ценят не по звездочкам, а по заслугам!

Тогда полковник из первого ряда, спросив разрешения у генерала, задал свой вопрос уже напрямую:

— Позволительно ли узнать, чем вызвана подобная активность контрразведки?

Стало тихо. Все ждали ответа.

— Непозволительно, — нахально ответил подпоручик. — Я сообщил всё, на что уполномочен — пока. Призываю всех удвоить бдительность, подтянуть нижних чинов. В случае чего, если заметите что-то подозрительное, немедленно сообщайте мне. Со дня на день ждите известия, которое всё вам разъяснит.

Он еще пораспинался на тему секретности и ответственности, после чего важно сказал начальнику штаба:

— У меня всё, ваше превосходительство.

— Ну всё, так всё. — От неудовольствия у Тика физиономия ходила волнами.

Перед собранием он и начальник дивизии битый час мучили Романова расспросами, но никаких дополнительных сведений не выудили. Они и в

штаб армии звонили, но там ответили, что разговор не телефонный и что послезавтра командующий будет иметь с ними беседу.

Все эти тайны, как справедливо рассудил басистый полковник, могли иметь только одно объяснение. Фронт 74-ой дивизии выбран для прорыва австрийской обороны.

Красота — страшная сила

В третьем часу пополудни она заметила условленный сигнал. Над хатой Опанаса вился черноватый дымок. Опанас нарочно поселился, чтобы его дом, стоявший немного на отшибе от остальных, был виден из окна ее горницы. Мавка часто смотрела в ту сторону, иной раз подолгу.

Черный дымок, от сырых буковых сучьев, означал: «Немедленно ко мне».

Сердце у нее так и запрыгало.

Только что сидела смурная, напевала невеселую песню:

Гетьте, думи, ви хмари осінні!
То ж тепера весна золота!
Чи то так у жалю, в голосінні
Проминуть молодії літа?

И вдруг — срочный вызов!

Пять дней не виделись. Он запретил. Один раз случайно встретила на улице, он шел куда-то с солдатами — отвернулась. Но прошла близко, рукавом задела, будто случайно. Пустяковое касание, а обожгло, как огнем.

Сейчас она его увидит! Не для объятий, конечно — Для Дела. Опанас не станет по личному поводу давать сигнал, не такой это человек. За то, может быть, она его и полюбила, что для него Дело прежде всего.

А все равно стало ей сладко.

Мавка наскоро поглядела на себя в зеркало, поправила косы. Волнение было ей к лицу, и вообще сегодня выглядела она неплохо.

Прежде чем выйти из дома, следовало (Опанас научил) проверить, всё ли чисто.

Она встала за тюлевой занавеской, мысленно поделила законное пространство на сектора и тщательно осмотрела каждый из них. К этому занятию Мавка относилась очень добросовестно — ведь так велел Опанас.

Третий сектор — густые кусты слева от калитки — ее насторожил.

Кто-то там прятался. Если не приглядываться, не заметишь. Но когда фиксируешь взгляд, как показывал Опанас, зрение обостряется.

Определенно в можжевельнике кто-то прятался. Соседский мальчишка? Четырнадцатилетний оболтус несколько раз пытался подглядывать, как она моется или переодевается.

Мавка поднялась на чердак. Там, среди прочих нужных для Дела вещей, был спрятан хороший бинокль.

Через пыльное стекло крошечного окошка навела резкость. Нахмурилась.

Это был не оболтус. Человек в военной форме. Блеснула офицерская звездочка на погоне. Мавка поймала в кружки лицо соглядателя.

Ах вот это кто...

Губастый юнец-прапорщик сегодня уже попадался ей на глаза. Совсем молоденький, так и пожирал взглядом. Она видела его около школы, потом на площади, потом у керосиновой лавки. Ясно было, что рядом он крутится неспроста. Сначала Мавка забеспокоилась, не слезка ли. Но для контрразведки мальчик был слишком пушистый, несерьезный. Не иначе влюбился. Это ее не удивило, она знала, что имеет власть над мужчинами. Может приворожить любого — кроме одного, который единственный ей только и нужен.

Удивляться, что прапорщик целый день вместо службы таскается за барышней, было нечего. В Русиновке офицеров, ожидающих оказии до губернского города, хватало. Были и те, кто, наоборот, прибыл из госпиталя или с пополнением, ждал назначения в часть.

В другое время Мавку такой застенчивый, но настырный прилипала только развеселил бы. Но сейчас он был ужасно некстати. Ведь снова увяжется. Не к Опанасу ж его вести? Опять же, вдруг он все-таки приставлен для слезки? У кацапов в контрразведке какой только швали не держат. Достаточно вспомнить дурака Жилина или наглого подпоручика, что хватал за плечо и терся коленом.

Она не на шутку рассердилась. Как-то надо было эту досадную помеху устранить.

Если б ее так остро не подгоняло нетерпение, она, наверное, поступила бы менее авантюрно. А тут долго голову ломать не стала.

Накинув на плечи алый с черным платок, она вышла из дома — и напрямик к околице. Офицерик пригнулся, затаился, но она остановилась перед ним и раздвинула ветки.

— Вы что это тут прячетесь? — со смехом спросила она. — Я думала, кошка.

Он медленно распрямился. Щеки порозовели. Молчит.

— Хорошо ли из кустов за девушкой подглядывать? — Ее глаза смеялись. — А еще офицер. Если вам кто нравится, смелее надо быть. Девушки робких не любят.

Прапорщик моргнул густыми ресницами. С таким телятей рассусоливать было нечего.

— Нравлюсь я вам?

Она дала себе пять, много десять минут, чтоб его сплавить.

— Ужасно нравитесь! — наконец обрел он дар речи. И как-то сразу просветлел.

— То-то, смотрю, хвостом за мной ходите.

— Я как вас увидел, будто магнитом притянуло! — стал вдруг разговорчивым юнец. — Вы ужасно красивая. Вот.

— Красноречивый, — похвалила Мавка. — «Ужасно нравитесь», «ужасно красивая». Но если бы вы умели ухаживать за девушками, то подарили бы цветы. Или конфет.

— Цветы? — Он стал оглядываться. — Могу одуванчиков нарвать. А конфеты... Где ж я возьму?

— В гарнизонной лавке. Там шоколадные есть. Сходите, купите, а я самовар поставлю. Будем чай пить.

Давай-давай, лети за конфетами, мысленно поторопила она мальчика. Исчезни.

Но губошлеп вдруг заупрямился.

— Я от вас никуда! — пылко объявил он. — Где вы, там и я. Потому что, если расстанусь с вами хоть на минуту, у меня разорвется сердце!

Не такой уж он оказался и робкий. Мавка поняла: так просто от него не отвяжешься. И с ходу поменяла тактику. Подхватила ее лихая, озорная волна, понесла. Никогда в жизни не выкидывала она штуки, которую вдруг надумала проверить.

На осуществление нового, восхитительно дерзкого плана придется потратить минут пятнадцать-двадцать. Зато он был наверняка, без осечки. И будет что Опанасу рассказать. Это соображение подстегнуло ее, заставило жарко улыбнуться. И внутри тоже стало горячо, томно.

— И вы мне глянетесь, — нежно сказала она. — А я уж коли душой к кому потянулась, никакого мне удержу нет... Заходите, коли вы такой. Познакомимся.

Познакомились быстро. В хате она его за розовую щеку пальцами тронула — он сразу запыхтел, стал руку целовать, потом шею, к губам

подбирается. Она смеялась, отворачивалась. Поглядывала на часы. Две минутки из пятнадцати прошло.

— Быстрый какой, — шептала, уклоняясь от поцелуев. — Не сказал, как зовут, а уже...

— Я Вася. Калинкин...

— Нет уж, Вася, сначала я тебя угощу, а там... Там видно будет. Наливочки выпьем, вишневой.

Поигрывая глазами, она заслонила открытой дверцей буфета, накапала в наливку капель, которых ей дал Опанас.

Села к мальчишке со смешной фамилией, поцеловала. Он, весь дрожа, полез расстегивать пуговицы на ее сорочке.

— Погоди, погоди, — хохотала Мавка. — Выпей сначала. За знакомство. До дна!

Он хватанул наливки, снова зарылся носом ей за пазуху. Приговаривал что-то, чмокал. Потом хрюкнул, всхрапнул и навалился всем телом — едва она его удержала. Опанасовы капли были крепкие.

Семь минут.

Потом отволокла к кровати, был он не очень-то тяжелый. Стала раздевать. Хотела оставить в исподнем, но озорное пламя, все горячее разливавшееся по телу, заставило пойти дальше.

Растелешила юнца до голого гола, уложила на перину. Оглядела, усмехнулась. Не мужчина — кутенок. И сопит по-щенячьи.

Накинула одеяло. Сколько прошло?

Тринадцать минут всего.

Ох, умора!

Тайное свидание

Звонко смеясь, охваченная все тем же пьянящим, бесшабашным чувством, Мавка выбежала на улицу. Сделала над собой усилие — сдержала шаг, пошла чинной походкой, какая подобала вчительке. Любовь любовью, Дело Дело, но ронять авторитет первой настоящей украинской учительницы перед жителями Русиновки было нельзя. Только спустившись тропкой под обрыв Вильшанки, она снова перешла на бег.

Свою квартиру Опанас выбрал с большим умом. Хата была бедная, запущенная, но, кроме прямой видимости от Мавкиного дома, была у этой лачуги еще более ценная особенность. Прежние хозяева ловили на речке бреднями рыбу. Чтоб каждый раз не подниматься на обрыв, прорыли ход в

погреб под домом. Это давало возможность тайным гостям Опанаса приходить и уходить незаметно для соседей.

Мавка толкнула кое-как сколоченную дверку, почти того же бурого цвета, что земляная стена откоса. Ход был недлинный, но все-таки пришлось зажечь лампу (она вместе со спичками лежала здесь же, на приступке).

С каждым шагом сердце билось быстрее.

Это для Дела, Дело прежде всего, повторяла себе она. Но когда увидела впереди красноватый свет, просачивавшийся из погреба, чуть не застонала от нетерпения. Как знать, не потаенность ли этих коротких встреч распаляла ее больше всего?

— Что так долго? — сказал он вместо приветствия. — Не сразу дым увидела?

Как красиво, сочно он говорил по-украински! Как уверенны, спокойны и властны были его движения! Какой неяркой, внутренней красотой светились черты простого и сильного лица!

Едва сдержавшись, чтоб не припасть к его груди (он этого не любил — инициатива могла исходить только от него), Мавка объяснила причину задержки. Думала, он тоже засмеется, похвалит. Или, помечталось даже, взревнует. Нарочно рассказала, как раздевала молоденького, хорошенького офицера. Однако Опанас нахмурился.

— Дура! Это хвост, нечего и думать! Где ты могла наследить? Тебе последнее время и заданий никаких не давалось!

— Жилин мог напоследок напакостить, — предположила она. — Его услали куда-то. Он дулся, что я им пренебрегаю. Написал какую-нибудь кляузу. Но бояться нечего. Мальчонка зеленый совсем. Я такого могу на веревочке водить.

— «На веревочке»! — Он был не на шутку встревожен. — Эх, надо бы, чтоб не рисковать... — Он запнулся, прикусил губу. — ...Отправить тебя на ту сторону. Но нет у меня больше никого, а дело аховое. Только ты, кохана, можешь мне помочь.

От ласкового слова она и про «дуру», и про сердитый тон, и про то, что даже не поцеловал, забыла.

— Говори. Что хочешь сделаю!

— Слушай. На нашем участке русские, кажется, затевают наступление. Я отправил с Немцем донесение, что точнее сообщу завтра-послезавтра.

Мавка сдвинула брови. Известие действительно было огромной важности.

— Да верно ли?

— Черт его знает. Есть у меня сомнение, не обманка ли. Понимаешь, выступал сегодня перед офицерами хлюст один, уполномоченный из штаба фронта. Намекал, что скоро у нас тут будет жарко. Но больно уж несолиден. И звание мелкое — подпоручик. Виданное ли дело, чтоб такой мелюзге доверили большое дело? Либо же они хитры и нарочно в поддавки играют. Есть такой прием в разведке, «кинуть дурочку» называется. Делают вид, будто запускают дезинформацию, а на самом деле сообщают правду. Чтоб отвести от нее подозрение... В общем, сомневаюсь я. Если ошибусь — большая беда выйдет.

— Для австрияков? — пожалала плечами Мавка. — Ну и ляд с ними.

— Эх, золотце, по-детски рассуждаешь. — Он укоризненно постучал ее пальцем по лбу. Вроде невелика нежность, а Мавке и то в радость. — Если москали под себя Галицию возьмут, Львовщину, Перемышль, нам лихо будет. Сколько раз объяснять.

Она виновато опустила голову. Прав Опанас. Просто, когда он рядом, голова у нее будто затуманивалась.

— Зовут уполномоченного подпоручик Романов, — продолжил он. — Он теперь начальник дивизионной контрразведки.

— Да я его знаю! Это тот самый, что был у меня с Жилиным. Я тогда же тебе написала.

Опанас насторожился:

— Ты писала, он стажер?

— Так он назвался. Видно, подсидел поручика. А может, наврал, что стажер. Он мне намекал, что у него важное задание, но я подумала, интересничает.

Стал Опанас тереть подбородок, была у него такая привычка. Очень Мавка ее любила — и подбородок тоже любила, с ямочкой.

— Это упрощает задачу. Твое мнение о Романове?

— Нахальный. Хвастун. Неумный. Хотя... — Она подумала. — Иногда во взгляде мелькало что-то. Не очень понятное.

— Вот-вот. Я же говорю: и у меня сомнение.

— Что мне нужно делать? Скажи.

Он взял ее за руку. Пальцы крепкие, горячие.

— То, что лучше всего получается у женщин. Ты умная, всякого мужчину, как под микроскопом, видишь. Захочешь — будешь нитки тянуть и на клубок наматывать. Подмани этого подпоручика. Раскуси его, разжуй. Нынче же ночью. Я узнал, где он квартирует, скажу. Но ты его к себе домой пригласи. Так лучше.

— Ночью? — переспросила она.

— Да. Время дорого. За твоим домом будет Немец следить. Он должен к вечеру вернуться за дополнительной информацией. А я буду здесь ждать. Задача твоя не секреты выпытывать, а понять, что Романов за человек. Если таков, каким кажется, то есть свистулька глиняная, то можно не сомневаться: наступления здесь не будет. Если же хитрый лис, если болваном только прикидывается, тогда другой коленкор. «Дурочку» подсовывают и ударят именно у нас. В первом случае закрой форточку в правом окне. А если у них вариант «дурочка» — в левом. Не перепутай только, — пошутил он, зная, что на этот счет может не опасаться.

А она подумала: улыбнулся. Значит, *будет у нас*. Только Опанас снова вдруг стал серьезен.

— И вот еще. Это на случай экстренный. Может получиться, что не ты его, а он тебя расколлет. Всякое бывает. Тогда выпускать его живым нельзя. Почуешь, что дело швах, — зажги перед божницей красную лампадку. Я скажу Нимцу, что делать. Не бойся, мы тебя в беде не бросим.

— Знаю. Но за один вечер залезть в чужую душу не так-то просто. Особенно, когда от моего мнения об этом человеке столько зависит...

Он сжал ей руку сильнее, посмотрел прямо в глаза.

— Это если ты пробуешь мужчине залезть *только* в душу.

Сказано было со значением, особенным. Мавка обмерла.

— Ты хочешь, чтобы...?

И не могла поверить.

Лицо Опанаса стало жестким.

— Мне это еще тяжелей, чем тебе. Уж поверь. Но ради Дела я не пожалею жизни. Ни моей, ни твоей. То — Дело, а это всего лишь тело.

Она молчала, опустив голову. Жар и томление разом прошли. Сделалось душно, тяжело.

— Ради нашей отчизны ты должна быть готова на всё. Разве ты не говорила, что пойдешь на любые жертвы? Жертва велика, но велика и задача.

Эти слова он говорил зря, на Мавку они не действовали.

— Ты у меня единственный, — еле слышно произнесла она. — Никогда другого не было. И я думала, что не будет...

Тогда он перестал ее убеждать. Просто взял за плечи, рывком притянул к себе и стал жадно, страстно целовать — будто хотел разорвать зубами.

Вот таким — властным, грубым, ненасытным — она его и любила.

Темный, тускло освещенный керосиновой лампой погреб огласился рычанием, стонами, вскриками. По земляной стене рывками метались бесформенные тени.

— Да! Да! Да! — шептала Мавка. — Я для тебя всё сделаю... Всё...
Всё...

Назад она возвращалась тем же путем, но гораздо медленнее. Ее пошатывало, всё тело ныло, как после побоев, но душа будто летела, а решимость была неколебимой. Как умоляюще он на нее смотрел! Сколько раз повторил, что теперь всё зависит только от нее! Ради этого можно вынести что угодно.

Она улыбнулась, вспомнив, как Опанас беспокоился, сумеет ли она избавиться от усыпленного офицера. Какие пустяки. Никогда еще она не чувствовала себя такой сильной. Словно Опанас зарядил ее своей мощью.

Дурачок Вася дрых, как младенец, только на бок повернулся. Язвительно усмехаясь, она тоже разделась, легла с ним рядом в одной рубашке. Он ткнулся лбом в ее плечо — отодвинулась, пробормотав: «Шиш тебе, кобелек, не про твои зубы колбаса». Ей хотелось быть вульгарной. Сладко потянулась, стянула с себя и рубаху.

Уснула легко, незаметно. Но сон был чуткий.

Как только мальчишка заворочался, Мавка сразу проснулась.

Мальчик пялился на нее во все глаза.

— Добрый вечер, любовник, — насмешливо молвила она. — Эк тебя с пары рюмок развезло.

Он сглотнул, сморщил лоб. Хрипло спросил:

— С пары? Черт, не помню ничего...

Она укоризненно покачала головой:

— Вот тебе раз. Как девушку в постель волоочь, мы орлы. А проснемся — так ничего не помним?

Прапорщик захлопал ресницами, покраснел.

— А... у нас... получилось?

С недоверчивой улыбкой Мавка спросила:

— Шутишь? Как зверь накинута. Я думала, с ума от страсти сошел, а он просто пьяный был!

— Правда, что ли?

Так он на нее смотрел — даже немножко жалко стало.

— А это я сама себе сделала?

Она спустила одеяло, показав синяки и следы укусов на шее, на груди, даже на животе. После каждого свидания с Опанасом ее тело выглядело, будто его клещами на части рвали.

Юнец устался на наготу — и не мог оторваться.

— Надо же! Первый раз, а я ничего не помню...

И потянулся к ней дрожащими руками — обнять.

— Ну уж нет, на сегодня будет.

Легко и ловко Мавка выкатилась из-под одеяла и подняла с пола рубашку. Ей было весело чувствовать на себе жадный взгляд. Пускай хоть облизнется, бедняжка.

— Ступай. После увидимся. Завтра. Мне надо одной побыть. Разобраться со своими чувствами.

— Мне тоже... — глухо сказал он и вдруг покраснел — не так как давеча, а густо, мучительно. — Я ведь тебя обманул... Нет, сейчас не скажу... Потом скажу...

Это он про слезку, поняла Мавка. Дитё малое. С Романовым, конечно, труднее будет. Но ничего, как-нибудь справимся.

На секунду подступила тошнота при мысли о том, через что предстоит пройти. Но она отчаянно трянула головой. Дело есть Дело.

Одиссей и Цирцея

Он ждал реакции со стороны Банщика. Нарочно не отлучался из квартиры, которую назвал во время собрания офицерам, чтоб «в случае чего» являлись и докладывали. Однако ответный ход был неожиданным.

Вечером, уже в темноте, вдруг явилась Учительница. Она держалась совсем иначе, чем во время предыдущей встречи. Была не отстраненно-холодная, а улыбчивая, ласковая.

— Я знаю, вас вместо Жилина назначили. Слава Богу. Он был глупый человек. И хам. Работать на такого не хотелось, честное слово. А вы, Алексей Парисович, другое дело.

Что дурачком его считала — отлично. Он охотно ей подыгрывал. Пытался угадать, зачем пришла.

— Давайте сызнова знакомиться, — предложила Мавка, будто немного смущаясь. — Вы же мне теперь начальник. Будете задания всякие давать. И вообще.

Хороша она была до невозможности, чего лукавить. И отлично это знала. Но зачем пришла — не только ведь пококетничать?

— У вас тут проходной двор. — Она наморщила носик, кивнув за окно, где, что правда то правда, без конца сновали ординарцы да вестовые. — Пожалуйста ко мне. Я и стол накрыла.

— С великим наслаждением, — осклабился Алеша.

Внутри же весь подобрался. Присмотреться решили, ясно. Предстоит экзамен. Надо выдержать его на «отлично». Шанса на переэкзаменовку не будет.

— Сию минуту, моя русалочка. Только портсигар захвачу.

В спальне взял из тумбочки маленький плоский «браунинг», сунул в карман брюк. Вряд ли эта одалиска будет его убивать, но лишняя предосторожность не помешает.

Где-то поблизости должен находиться Калинин, которому поручено следить за Учительницей. Если что — прикроет.

По дороге к Мавкиному дому, неся всякую развязную чушь, Романов пытался выявить Васиного присутствие. То внезапно оборачивался, то нагибался поднять упавший платок. Калинин вёл наблюдение безупречно — ни разу не засветился.

Оказавшись в горнице, Алексей, следуя роли, сразу же притянул девушку к себе. Был уверен, что она снова, как тогда, даст ему отпор, после чего можно будет изобразить оскорбленное мужское самолюбие и перейти к деловой фазе — послушать, какую словесную канитель она начнет плести. По ее вопросам, по речевым и интонационным нюансам можно будет о многом догадаться.

Сюрприз!

Неожиданно для подпоручика бывшая неприступная дева сама подалась к нему, жарко задышала, приоткрыла сочные губы.

Когда он замешкался, глухо прошептала: «Ну что же ты?»

Хлестаков, которого изображал Алеша, в такой ситуации мог повести себя одним-единственным образом. Поступить иначе значило провалить дело.

Проклиная все на свете: свою легенду, чертову шпионку с ее дешевыми капканами, службу в контрразведке, он поднял соблазнительницу на руки и обреченно понес в соседнюю комнату. Дверь, будто нечаянно, была приоткрыта и виднелась кровать.

К досаде прибавилась еще и паника. Какой может быть любовный пыл в подобном расположении духа? А если примитивный армейский бабник вдруг окажется неспособен к любовным утехам, это сразу выдаст его внутреннее напряжение, притворство, фальшь.

Только зря Алеша беспокоился. Он так давно не обнимал женское тело, а безмолвная русалка была так покорна, так хороша собой, что ни малейших затруднений не возникло. Совсем наоборот: в определенный момент пришлось до крови прикусить губу, чтобы напомнить себе — это не любовь, это служба. Он нарочно заставил себя думать о другой шпионке,

столь же привлекательной, которая однажды разбила ему сердце. Думал пробудить в себе ненависть к притворщице Мавке, но вместо этого испытал еще более острое желание.

Учительница исполняла свою роль ничуть не хуже. Должно быть, имела изрядный опыт в постельном лицедействе.

И все-таки, несмотря на злые мысли и неотступную настороженность, это было чудесно. Как будто исчезли война, смерть, измена, ложь. Таково мистическое свойство самого естественного из человеческих занятий.

После страсти она, конечно, изобразила разнеженность, стала приставать с расспросами — чего и следовало ожидать.

Он тоже играл сладкую расслабленность. Сам мысленно повторял: гадость, какая гадость.

Будто насильно себя уговаривал.

Далила и Самсон

Никогда себе этого не прощу, думала Мавка, а сама содрогалась от отвращения. Не к тому, что произошло — к себе.

Это было ужасно. Она готовилась вытерпеть унижение, боль, прилив тошноты. Вначале всё так и шло. Но потом...

Она ощущала себя предательницей. Но обманывать саму себя было не в ее правилах.

Следовало смотреть правде в глаза. Ей понравилось то, что произошло. Больше, чем понравилось.

Возможно, во время *этого* она забыла об Опанасе потому, что с другим мужчиной получилось совсем-совсем по-иному. Она думала, что они все непременно рвут, кусают, бросают короткие приказы. А оказывается, вовсе не обязательно. *Что если мужчины в постели вообще все разные?*

О, теперь она была опытной женщиной. Два с половиной любовника (за половинку она посчитала прапорщика Васю) — это вам не один.

— Ты всегда такой с женщинами? — спросила она.

— Какой «такой»?

— Ну, такой... Нежный.

Он поглядел на нее с недоумением. Улыбнулся.

Что за чушь я несу, спохватилась Мавка. Разве о том надо?

— Ты теперь стал большой начальник, да?

— Ты даже себе не представляешь, насколько большой, — с

готовностью ответил подпоручик. — Начальство наконец признало, что Романов на многое способен. Если б я мог тебе рассказать, ты бы ахнула. Не имею права. Но скоро ты всё узнаешь. Я, может, буду считаться исторической фигурой. Когда ты меня трогаешь, — он положил ее руку на себя, — можешь считать, что прикасаешься к истории.

И захихикал, как бы довольный своим остроумием.

Чем больше он болтал, тем быстрее приходила в себя Мавка. Вот теперь ей сделалось по-настоящему тошно.

Я развратная, я гнусная, думала она. Как я могла с этим пошляком, с этим ничтожеством так забыться! С москальской тварью, с самодовольной скотиной! Завтра будет офицерам в штабе хвастать, как хохлушечка под него сама подстелилась.

И захлестнула Мавку такая жгучая ненависть, что она выпрыгнула из кровати и кинулась к божнице.

— Ты куда?

— Нагрешила я. Хочу лампадку зажечь...

Трясущимися пальцами поднесла спичку к красной стеклянной чашечке.

Губы беззвучно шептали: «Здохни, зникни!»

Это был не секундный порыв. Обернувшись, она поглядела на оскорбителя холодным, брезгливым взглядом. Как на придорожную падаль.

Мужчина этот смертельно перед нею виноват. За смертельную вину расплата одна — смерть.

О Деле в эту минуту она не думала.

И расплата наступила...

Немец прятался где-то во дворе. Когда Мавка входила в дом, на ветке можжевельника висела белая тряпица — условный знак, что прикрытие обеспечено.

Теперь где-то там, во мраке, дикий и страшный человек, от одного вида которого у нее всегда шел мороз по коже, готовился к убийству...

Скорей бы уж, сказал себе Мавка, гадливо содрогнувшись. А потом нагреть воды и мыться, мыться, мыться. Только такое не смоешь...

Она повернулась к подпоручику, ненавидя его еще лютей. Взялась за нижнюю юбку. Боялась, он станет мешать, снова лезть, но он тоже поднялся и быстро, по-военному оделся.

— Поговорим о работе? Потехе час, как говорится, а делу — время, —

сказал Романов, важно сунув брови. — Не только на мне, но и на всех моих сотрудиниках нынче большущая ответственность. Теперь мы с тобой, можно сказать, свои люди. — Он подмигнул. — Служи, старайся. А я тебя отблагодарю.

И показал жестом, как именно отблагодарит.

Она деланно рассмеялась:

— Сейчас поговорим. Только мне, пардон, на двор нужно.

Надо было спросить Нимца, где и как он будет... выполнять свою работу.

— Я с тобой. Кавалер даму ночью из дома одну не выпустит. — Он щелкнул каблуками. — Шучу. У меня тоже зов природы. Ха-ха-ха.

Так оно даже лучше, подумала Мавка.

Ответила в тон:

— Мерси. Зачем тебе португез? В латрину пускают без оружия.

Засмеялся. Но ремни с кобурой и шашкой надевать не стал. Очень хорошо.

Фиглярствуя, противный подпоручик с преувеличенной галантностью повел ее к дощатой будке, что стояла в дальнем конце двора. К сожалению, ночь была лунная. Мавка забеспокоилась, не помешает ли это Нимцу. Его пока было не видно, не слышно.

— Апре ву, мадам. Не тушуйтесь, я отойду.

Он пропустил ее вперед, сам остался снаружи. Громко топая, отошел на несколько шагов, стал насвистывать «Ах зачем эта ночь». Слух у подпоручика был отменный.

Вдруг ей стало очень страшно. Вот бы хорошо, если б Немец выскочил прямо сейчас, пока она ничего не видит, и всё закончилось...

— Ау, киска, ты не уснула?

Она спохватилась, что ведет себя подозрительно. При такой тишине слышен каждый звук. И отсутствие звуков тоже... Чуть не плача от ощущения бесконечной мерзости происходящего, Мавка подняла юбку — но ничего не вышло. Внутри всё было словно зажато в кулак. Наконец сообразила. К стенке был приделан рукомоиник, под ним наискось шел желоб. Пролила немного воды, позвенела струйка.

— Всё уже! Я сейчас!

Вышла, игриво посмеиваясь.

— Теперь вы, мой рыцарь. Не буду вас смущать. Подожду в доме.

— Нет уж, — живо сказал Романов. — Это нечестно. Я один боюсь, ха-ха. Ждать не заставляю. Раз-два и готово.

Он не хочет меня отпускать. Что-то заподозрил, испугалась Мавка. Тем

более нужно кончать...

Стоило русскому закрыть за собой дверцу, как из густой тени абсолютно беззвучно вынырнул Немец. Левой рукой показал: тихо! Правая была опущена. В ней поблескивала узким лезвием бартка.

Знаками крестьянин показал: пускай этот приступит к делу, тогда его и кончу. А потом кину в дыру.

Мавка задрожала. Но сказала себе: всё правильно. Кобелю собачья смерть. А зловонному греху зловонную могилу. Заодно и трупного запаха не будет...

И вдруг она словно очнулась. Что со мной? Я ли это?

Замотала головой: не надо! Схватила Нимца за рукав.

В этот миг из будки донесся звук льющейся струи. Немец оттолкнул Мавку, сделал два быстрых шага.

Ударом ноги вышиб хлипкую дверь и тем же движением, весь подавшись вперед, обрушил страшный удар топора в раскрывшуюся щель. Раздался сухой треск.

Свет луны озарил внутренность латрины.

Мавка увидела, что на сиденье никого нет — лезвие с размаху вонзилось в доски. Сам Немец едва удержался на ногах, упершись рукой в заднюю стенку. Романов же стоял сбоку, у рукомоЙника, пуская из него воду — в точности так, как недавно это делала Мавка...

Стремительный, словно распрямившаяся пружина, Немец обернулся, хотел выдернуть бартку, но подпоручик коротко и резко ударил его кулаком в челюсть. Контрабандиста бросило в сторону. Он кинулся на офицера, норовя схватить его за горло. Второй удар, еще сильнее первого, снова отшвырнул Нимца к стенке. Тогда он выдернул из-за пояса нож, занес его. Романов качнулся назад, сунул руку в карман галифе, и карман дважды выплюнул злое желтое пламя. На фоне ночного безмолвствия выстрелы были невыносимо громкими.

Немец согнулся пополам, сел на пол и привалился к стульчаку, так и не издав ни звука.

Что-то дробно стучало сквозь вату, которой будто заткнуло уши. Это у меня зубы стучат, поняла Мавка и сглотнула. Слух прочистился.

Офицер присел на корточки, заглянул мертвецу в лицо. Присвистнул.

— Битва народов в нужнике окончена, мадемуазель, — сказал он, выходя из будки и прикрывая дверь. — Куда это вы? Стоять!

На нее был направлен маленький пистолет. Мавка перестала пятиться, из нее будто разом ушла вся сила.

Беседа без дураков

По улице бежали люди. Судя по стуку сапог и металлическому бряцанию, военные.

Это был ночной патруль: офицер и двое солдат с винтовками наперевес. Примчались на выстрелы.

Романов обхватил Мавку левой рукой за плечо, оружие не спрятал.

— Что произошло? — закричал через изгородь старший патруля. — Это вы стреляли, подпоручик?

— Ну я. А вам что за дело? — заплетающимся языком ответил Романов. — Показываю мамзели, как стреляют у нас в контрразведке.

Он вскинул руку и двумя выстрелами разнес вдребезги две глиняные кринки, сушившиеся на плетне.

— Видала, душка? Теперь ты попробуй.

Офицер толкнул калитку.

— Немедленно сдайте оружие! Вы пьяны! И марш за мной на гауптвахту!

Романов надменно воззрился на него.

— А вы знаете, с кем вы разговариваете? Я Романов! Начальник отделения контрразведки! Особоуполномоченный штаба фронта! Без особого распоряжения оттуда, — он ткнул пальцем вверх, — меня даже командир дивизии арестовать не может. Ясно? Вот, у меня и удостоверение имеется...

Луна сияла так ярко, что патрульный начальник смог прочесть документ без фонаря.

— Черт знает что, — зло сказал он. — Я подам на вас рапорт!

— Хоть десять. А теперь адью. Разве вы не видите, я с дамой?

Подпоручик глумливо поклонился вслед патрулю и расхохотался. Но, едва военные исчезли из виду, моментально протрезвел и сказал Мавке тоном, какого она от него еще не слышала:

— Что ж, фрау Русалка, хватит нам морочить друг другу голову. Судя по ноктюрну, исполненному вашим помощником, вы меня раскусили. Я вас, представьте, тоже. Побеседуем-ка без дураков.

В хате он усадил ее за стол, и хотя стол был самый обыкновенный, обеденный, да и свету в горнице больше не стало, Мавке показалось, что она в кабинете следователя, на допросе, и глаза ей слепит яркая лампа.

Взгляд подпоручика был колюч и холоден. Голос сух.

— Для экономии времени. Я знаю, что вы работаете на вражескую разведку, а Жилина обманывали. Вы ведь явились к нему по заданию австрийцев?

Она распрямилась. В том, что можно больше не прикидываться, было даже что-то отрадное. А о последствиях она не думала, слишком много всякого пережила за эту ночь.

— Никогда не видела, как убивают, — сказала Мавка и обхватила себя за плечи. Они все еще дрожали.

Романов вдруг закашлялся. Вынул папиросу, раскурил. Надо же — у него тоже прыгали пальцы. А казался железным.

— Я вам задал вопрос. Не виляйте.

— Вопрос? А, про хозяев... — Она устало вздохнула. — Нет у меня никаких хозяев.

— Как это?

— А так. Хватит нам под хозяевами жить.

— Кому «нам»?

— Украинцам. Украине. Мне что Москва, что Вена, все едино. Чем больше вы друг дружке крови выпустите, тем слабее станете.

Говорить правду было хорошо. Мавка лишь повторяла то, о чем много раз толковал ей Опанас. Это он велел ей сначала предложить свои услуги австрийцам, потом русским. Но про это, конечно, подпоручику знать незачем.

— Сейчас Австрия слаба, вы ее давите. Наступление вон затеяли. Если оно удастся, Австрия может рухнуть. Тогда вы, москали, слишком много о себе возомните. Никогда не выпустите нас из своих медвежьих лап. Еще и западную Украину заграбастаете. Вот почему я сейчас помогаю им, а не вам.

Она еще долго говорила о Деле. О том, чем была наполнена ее жизнь все последние годы. И от этих речей на душе понемногу становилось легче. Плечи больше не тряслись.

— Вы, стало быть, жрица Идеи? — язвительно спросил подпоручик, когда она закончила. — Чистая и непорочная? Что ж вы тогда с врагом в постель полезли?

— А вы? — спокойно ответила она.

Он опять закашлялся.

— ...Ладно. Перейдем к практической части. Как вы держите связь с той стороной?

Мавка снова стала осторожной.

— Раньше через Немца. Теперь не знаю.

И не дрогнула под цепким, недоверчивым взглядом.

— Вот вам мое предложение, — сказал Романов после длинной паузы. — Делаю вам его только потому, что... — Он покосился в сторону спальни. — Сами знаете почему. Законы военного времени гарантируют вам виселицу. Но вы правы. Я... я тоже хорош. И мысль о том, что веревка сдавит шею, которую я...

Он не договорил и вдруг залился краской. Мавка смотрела на него с удивлением, будто только сейчас по-настоящему разглядела.

Подпоручик сердито загасил папиросу. В пепельнице было уже с полдюжины окурков, некоторые почти целые.

— Не думайте, что я в вас влюбился. Вы мне отвратительны! — буркнул он. — Но вашей смерти я не желаю. Вот единственный ваш шанс: начинайте работать на нас. Всерьез, без двурушничества. Сейчас такой момент, когда ваша помощь может нам сильно пригодиться. Насчет независимой Украины я мало что понимаю. Не моего ума дело. Однако напрасно вы думаете, будто мы побеждаем. Немцы с австрийцами нас здорово прижали, из последних сил сдачи даем. Если в этот раз не победим, будет ваша Украина австрийской. Вы этого добиваетесь?

Она покачала головой. Но думала в эту минуту вовсе не об Австрии и даже не об Украине.

— В общем, решайте. Даю срок до завтра.

— А если откажусь, что? — с любопытством спросила Мавка. Подпоручик был ей очень интересен. — Отправите на виселицу?

Романов насупился. Молчал минуты две.

— Если откажетесь, то просто исчезните. Чтоб я вас больше не видел. И австрийцы тоже...

Наконец-то один

Ему сейчас хотелось только одного — поскорей оказаться наедине с собой. Но, даже выйдя со двора, уйти Романов пока не мог.

Остановился у околицы, чтобы его было видно из хаты. Закурил, задрал голову — вроде как любуется звездным небом.

В кустарнике что-то хрустнуло.

— Вася, ты? — тихо позвал он.

— Никак нет, — раздалось из кустов. — Прапорщик еще с вечера велел мне сюда встать, а сам у хаты Банщика залег. Виноват я, ваше благородие. Не видел, как Немец вылез. Отсюда глядеть — колодец

загораживает. Но вы, слава Богу, сами управились...

Не понравилось Алеше, что Калинин своевольничает. Но, с другой стороны, хорошо, что Слива здесь.

— Значит, так. — Он выпустил вверх струйку сизого дыма. — Бегом туда. Калинкина сменить. Самое главное место сейчас у хаты Банщика — могу доверить этот пост только вам. Объяснять некогда. Главное вот что: если Учительница туда явится, вызывайте наряд и берите обоих. Ясно?

— Так точно.

— Калинин пусть мчится сюда и стережет Учительницу. Я уйду, как только он прибедет сюда. Исполняйте.

Шорох, приглушенный звук шагов, тишина. Отличный все-таки работник Семен Слива. Ни одного вопроса, ни одной зря потраченной секунды. А что Нимца проглядел, так из кустов часть двора действительно не просматривается.

Логика у Алексея была простая. Если Мавка останется дома, значит, согласна на сотрудничество. Если же кинется к Банщику, делать нечего — придется обоих арестовать. Всё равно роль болтуна-хлестакова провалена.

Существует еще одна возможность. Не особенно вероятная, однако исключать ее нельзя. Что Банщик — сам по себе, а Учительница связана не с ним и побежит докладывать кому-то другому. На этот случай тут будет дежурить Калинин. Откроется еще один австрийский след — превосходно.

Докурил одну папиросу, зажег другую. Все время оставался на виду, прохаживался вдоль околицы, как бы в задумчивости. Пусть Мавка думает, что он колеблется, правильно ли поступил, оставив ее одну. Пусть понервничает.

Минут через десять в дальнем конце улицы показался тонкий силуэт Калинкина. Он бежал, подавал знаки, что хочет поговорить. Но объясняться с ним сейчас было некстати.

Романов сердито отмахнулся — от Калинкина, но Мавка, если подглядывала, должна была подумать, что чувствительный подпоручик жестикулирует сам с собой, отгоняет сомнения.

Сразу после этого Алексей очень быстро ушел. Завернул за ближайший угол и наконец-то смог немного расслабиться.

Все распоряжения отданы, неотложные меры приняты. Можно разобраться в мыслях и чувствах...

Он вернулся к себе, долго ходил из угла в угол.

Разобраться в мыслях и чувствах, увы, не получилось. Нужно было с кем-то поговорить. На свете имелся лишь один человек, с которым он мог

поделиться своим смятением, кому мог излить душу.

Из штаба позвонил Козловскому. Час был поздний, удалось застать князя на квартире.

— Сейчас оденусь. Через четверть часа буду у аппарата, — сказал он сонным голосом, когда Алексей объяснил, что хочет пообщаться по защищенной линии.

Гарантированная от прослушивания телефонная связь была налажена между фронтовым управлением и радиопунктом, откуда Романов отправлял шифровки.

— Не спеши. Мне еще ехать в соседнюю дивизию, — сказал подпоручик. — Ночью это минут тридцать.

Гонка по темной дороге на мотоцикле немного остудила его. Стоит ли обсуждать всё это с Лавром? Только лицо потеряешь. Фу-ты ну-ты, скажет Козловский, какие нежности.

Поэтому, соединившись с управлением, он доложил только факты.

— И ты из-за этого поднял меня с постели? — Козловский длинно выругался. — Ну, попробовал ты перевербовать агентку. Сам еще не знаешь, получилось или нет. Надо ли арестовывать Банщика, тоже пока неясно. Ёлки зеленые, я прошлую ночь вообще глаз не сомкнул. И сейчас только-только прилег. А через два часа вставать! Не мог ты, что ли, до утра подождать? Это на тебя не похоже. Ты чего-то недоговариваешь?

Тогда Алексей глухо произнес:

— Лавр, паршиво мне. Во-первых, я с женщиной переспал. Без любви, даже наоборот. Из практических соображений. Как шлюха...

— С Учительницей этой?

— Да...

— Молодец. Стал настоящим контрразведчиком. — Князь зевнул. — Я не понял. Она что, крокодила какая-нибудь? Тогда тем более герой.

— Нет, она красотка...

Подполковник встревожился:

— Сифилитичка? Не психуй, дело поправимое. Я к тебе доктора пришлю...

— А во-вторых, я человека убил. В упор...

— Ну да, ты говорил. Нимца этого. И что?

— Первый раз в жизни. Меня много раз пытались, а сам я — впервые. Понимаешь, он шустрый такой, нож у него. А у меня «браунинг» маленький в кармане галифе. Ну, я колено согнул, и прямо через ткань... Он даже не крикнул. Напоял, представляешь?

— Напоял — это редко бывает, если из маленького «браунинга», —

признал Козловский. — Что убил, жалко. Лучше бы оглушил. Хотя плевать. Все равно он немой. В общем, опять ты молодец. Поздравляю. Стал настоящим мужчиной.

— Спасибо...

Не надо было телефонировать, подумал Романов. Никто тут не поможет. Самому надо привыкнуть.

Но князь, оказывается, все отлично понял.

— Брось, Лёша. Дело банальное. Не ты его, так он бы тебя. Я, брат, тебе тоже кое-что расскажу... — По линии секретной связи прокатился тяжелый, продолжительный вздох. — Сон мне снится. Почти каждую ночь. Парнишка конопатый, плачет. Помнишь, на Днестре-то?

— Еще бы не помнить...

— А ты говоришь, Немец. Ладно, пойду я. Может, подрыхну сколько-нисколько.

После этого разговора сделалось Романову легче. Всегда так бывает, когда кому-то хуже, чем тебе.

На следующее утро

Начальник дивизионной контрразведки завтракал в офицерской столовой, пребывая в гордом одиночестве. А может, не в таком уж и гордом. Время было оживленное, за остальными столиками свободных мест почти не было, но к подпоручику никто не подсаживался. Он ловил на себе косые, неприязненные взгляды. Не полюбили «особоуполномоченного» в 74-ой.

Это было хорошо и правильно. Алексей еще и нарочно форсировал надменный вид, с многозначительной прищуренностью впивался глазами то в одного, то в другого. Именно так себя вел бы прыщ на ровном месте, изображая солидную возвышенность.

Расположился Романов основательно и надолго. Заказал большую яичницу, поджаренного хлеба, потом чаю. Сидение в кантине могло затянуться. По уговору с сотрудниками (некоторые из них были внештатными, неочевидными), по утрам с восьми до половины десятого подпоручику полагалось находиться здесь, у столика, с которого просматривалась главная и единственная площадь Русиновки.

Состояние у Алексея после тяжелой ночи было несколько оцепенелое, но в общем спокойное. Даже удивительно. Ведь сегодня, вероятно, решится успех дела. Судя по тому, что ни от Сливы, ни от Калинкина вестей не

поступало, Учительница к Банщику не пошла. Это просто отлично.

Едва он это подумал, как вдруг увидел выходящего из переулка Васю. Он двигался по направлению к столовой, решительно отмахивая правой рукой. Левая прижимала к боку шашку. Был прапорщик бледен, с кругами под глазами. После бессонной ночи на посту оно неудивительно. Кого, интересно, он оставил вместо себя у Мавкиной хаты?

Это первое, о чем Романов спросил помощника, когда тот сел рядом.

— Никого.

— Ты отлучился и оставил Учительницу без присмотра? Почему?

— Потому что я за ней не присматривал.

Калинкин нынче был странный. Лоб выставил вперед, словно бычок, затеявший бодаться. Губы сжаты. Глаза сверкают.

— Я еще ночью хотел тебе сказать, но ты отмахнулся и исчез... Надо было догнать, но я смалодушничал. До утра собирался с духом... В общем, я тебе вот что хочу сказать. — Не похожий на себя прапорщик теперь выпятил подбородок. — Я отказываюсь подглядывать за Мавкой. Потому что это низко. Во-первых, она никакая не шпионка. А во-вторых... Я на ней женюсь. Вот!

Последние слова он выпалил единым залпом и, густо покраснев, уставился на Романова, потерявшего дар речи.

— Она ни в чем не виновата, — с нажимом продолжил Вася. — Я за нее ручаюсь. У меня есть это право после... после того, что у нас с ней было.

— А? — поперхнулся Романов. — Было? Когда?

— Вчера днем. Я потому и послал вместо себя Сливу. Чтобы не быть перед ней подлецом после... ну, этого. А потом понял, что все равно это скверно. Следить за своей невестой я сам не буду и никому не позволю!

Алеша бешено затряс головой, чтобы скинуть проклятое оцепенение.

— Погоди, — холодея сказал он. — Я правильно понял? Ты ночью возле ее дома не дежурил? Вообще?

Минувшей ночью

Зря Романов, поджидая Васю, демонстративно прохаживался с папиросой около Мавкиного дома. Она не смотрела в окно. Она сидела там же, где он ее оставил, погруженная в задумчивость.

Всё на свете оказывалось не таким, как ей раньше представлялось. Во всяком случае, многое. Этой ночью она изменилась. Мир изменился. Жизнь

изменилась. Всё изменилось.

В плохую сторону.

И мир, и жизнь, и сама Мавка утратили незамутненную ясность. Что с этим делать, непонятно. Но так, как раньше, уже не будет, это очевидно.

Просидев у стола час или даже больше, Мавка наконец поднялась. Накинула на плечи шаль.

Нужно идти к Опанасу.

Днем она летела к нему как на крыльях. Теперь шла, будто на казнь.

Это не помешало ей проверить, нет ли слежки.

Слежки не было. Ни возле дома, ни снаружи — Мавка нарочно попетляла по улицам.

Еще один балл в пользу подпоручика Романова, подумала она в школьных терминах. Его оценка повышается с «хорошо» до «отлично». Как странно: тот, кого ты считала жалким клопом, оказывается живым человеком, способным на сильные поступки. Из-за этого случившееся стократно ужасней. Такую занозу из памяти легко не выдернешь.

Она спохватилась, что терзается не из-за главного — не из-за своего провала, а из-за ерунды, мелочи. Подумаешь, кто-то с кем-то поскрипел кроватными пружинами — к Делу это не имеет никакого отношения.

Но для меня имеет, ответила себе она. И для Опанаса. Не то, что «поскрипела», а что заноза в сердце осталась. Как ему об этом рассказать? Но и умолчать нельзя...

Через подземный ход она шла на подгибающихся ногах, готовая ко всему. Сейчас он спросит... Нет, просто взглянет на нее, и всё сразу поймет. Упреков, конечно, не будет. Он ведь сам ей это поручил. Можно представить, чего стоило ему ожидание...

Дойдя до погреба, Мавка остановилась, чтобы собраться с силами. Она знала, как всё произойдет.

Опанас выслушает ее отчет. Сухо поблагодарит за важные сведения. Обязательно скажет что-нибудь про ее самоотверженность и про то, как сильно она помогла Делу. Наверное, еще и руку пожмет. Этого рукопожатия она страшилась больше всего. Оно будет означать, что *главное* меж ними кончено. Навсегда...

Наверху откинулся квадратный люк, вниз пролился неяркий свет.

— Немец, ты? — донесся тихий голос Опанаса.

— Это я...

Он быстро спустился по лесенке, прикрыв за собой дверцу. В руке у него была керосиновая лампа, за поясом револьвер.

— Почему ты? Я же запретил...

Она молчала, опустив глаза.

Сейчас спросит: «Было?»

— Черт тебя подери! Я ведь предупредил, тебе здесь появляться нельзя! За тобой слежка!

— Нет слежки. Я проверила...

Опанас раздраженно взял ее за подбородок, поднял лицо к свету. Сейчас увидит глаза, и всё поймет...

Она зажмурилась.

— Что ты молчишь? — нервно сказал он. — Я тут, как на иголках... Ты раскусила Романова? Что он за фрукт? Простак или хитрец? И почему не пришел Немец?

Ему наплевать! Он об этом и не думал!

Мавка открыла глаза и увидела, что не ошибается. Терзающийся ревностью мужчина так не смотрел бы. Во взгляде Опанаса читались лишь нетерпение и требовательность.

Только что внутри у нее всё трепетало, жгло, саднило. И вдруг стало холодно, бесчувственно.

— Да проснись ты! Отвечай!

Ну, она и проснулась. Как после долгого горячечного сна. Поглядела на стоящего перед ней усатого настырного мужчину, словно никогда раньше его не видела.

— Немец убит. Романов его застрелил.

— Проклятье! Так я и знал! «Дурочку» подкинули! — Он тряхнул ее за плечо. — Говори, не молчи! Как это случилось? И, главное, почему тебя отпустили? Ты точно не привела хвоста?

Грубый, хищный, чужой, подумала она.

И вдруг, неожиданно для самой себя, наврала:

— Это произошло случайно. По недоразумению. Я заваривала чай, а болван Романов взял да зажег красную лампаду. Захотелось ему пущей интимности...

Ужаснулась: что я несу? И замерла — вот сейчас он скривится на слово «интимность» и наконец спросит.

Но Опанас упустил свой последний шанс.

— Холера! Всего не предусмотритишь! И Немец решил, что это сигнал? Понятно. Что было потом?

— Русский вышел во двор, до ветра. Я всё еще с самоваром возилась... Вдруг — выстрелы. Два.

— Я их слышал.

— Романов решил, что на него накинулся какой-то мой воздыхатель.

Из ревности. Я не перечила. Да, говорю, ходил за мной полоумный какой-то, проходу не давал.

— И он поверил?

— Почему нет? Разве я не способна внушать безумную страсть? — Она улыбнулась презрительно — презрение адресовалось Опанасу, а он и не понял.

— Значит, подпоручик глуп?

— Как пробка. Я ему говорю: спрячь труп, сейчас патруль прибежит. Этот инцидент повредит твоей службе и моей репутации. Знаешь, что он сделал?

— Что?

— Кинул Нимца в отхожую яму.

Опанас только головой покачал.

— А дальше?

— От патруля он избавился быстро. Сказал, что учит меня стрелять из пистолета по горшкам. Показал удостоверение контрразведчика — они ушли.

— Буффонада какая-то. Но выстрелы были давно, в третьем часу ночи. Что было после?

— Всё, — с многозначительной улыбкой ответила она. — Всё, чего ты хотел.

Ну-ка, что он на это?

Удивился:

— После убийства у вас хватило куражу на любовные утехи?

Мавка зло рассмеялась.

— Романов так перья распустил. Как же, герой — одолел соперника. Самец-победитель.

Вот теперь он ее поцеловал — деловито.

— Умница ты у меня. Довела дело до конца. Разъяснила ты подпоручика?

— Там нечего разъяснять. Парень он храбрый, ловкий. И кобель первоклассный...

Опанас на это и глазом не моргнул. Ей, правда, было уже все равно — моргнет, не моргнет.

— Но дубина дубиной. Говорю тебе со всей определенностью: этой дурьей башке ни за что не поручат вести важное дело. Исключено.

— Уверена? На сто процентов?

— На двести.

Тут он обнял ее по-настоящему, стал целовать, даже предпринял

попытку повалить на топчан, где давеча они предавались страсти.

— Пусти, — сказала Мавка. — А то меня вытошнит.

Он не очень-то и настаивал.

— Бедняжка, что ты вынесла... — У самого глаза прищуренные, смотрят в сторону. О другом думает. — Но это было не напрасно. Теперь русские у нас вот где!

Он потряс кулаком, но его мысль уже бежала дальше.

— Нимца нет. Значит, не будет и обратной эстафеты. По уговору в этом случае пришлют дублера-инспектора, через двое суток. Сидеть без дела я не стану... Скажи-ка, кохана, — Опанас ласково погладил ее по волосам, — а на что, по-твоему, можно взять этого Романова?

— Ты хочешь его завербовать? — удивилась Мавка. — Офицера русской контрразведки?

— Попытка не пытка. — Опанас азартно улыбался. — Раз он способен втихомолку спустить соперника в выгребную яму, да еще хвастлив и глуп... Неплохой материал для вербовки. Что посоветуешь? Ты по Романову теперь специалистка. Деньги?

Она смотрела на него с мстительной усмешкой. Ловец человеческих душ! Попадись на собственный крючок!

— Скорее шантаж.

— Но ты говоришь, он храбр?

— Физически храбрые люди часто боятся мнения окружающих или начальства. У Романова есть начальник, какой-то подполковник, от которого этот болван просто леденеет. Козловский, кажется, — вспомнила она разговор между Романовым и Жилиным в самый первый вечер.

— Так-так, князь Лавр Козловский — начальник фронтового управления. Отличная идея! Ты у меня действительно золото. Теперь я знаю всё, что нужно. Твоя помощь больше не понадобится. И встречаться нам теперь нельзя. Держись от меня подальше, хорошо?

— Хорошо, — согласилась она, подставляя щеку для поцелуя. — Буду держаться от тебя далеко-далеко.

Когда она выбралась из норы к реке, рассвет еще не начался, но небо на востоке начинало подсвечивать багрянцем. Дул свежий, вольный ветерок.

К себе в хату Мавка возвращаться не стала. Не было там ничего такого, что ей хотелось бы взять с собой.

Она долго шла по берегу, потом поднялась на обрыв и пошла тропинкой через большое темное поле. Чтоб ни о чем не думать, шептала любимые стихи:

Далі, далі від душного міста!
Серце прагне буяць на просторі
Бачу здалека — хвиля іскриста
Грає вільно по синьому морі.

Неожиданный поворот

— Господи, Вася... Ведь она могла его предупредить! Да наверняка предупредила! Что ты натворил?!

Калинкин нахмурился:

— Кого «его»?

— Банщика! Или другого кого-нибудь, с кем она связана! Я тут сижу, а в это время, может быть...

Романов умолк — не потому что прапорщик сердито перебил его: «Ни с кем она не связана!», а потому что увидел в окно, как из-за угла выходит Петренко. Он выглядел спокойным, даже веселым. Шел к столовой. Некоторое время спустя из-за того же угла показался Слива. Унтер-офицер остановился подле входа в штаб и стал внимательно изучать доску с приказами.

— Марш отсюда! — быстро сказал Алексей. — Живо, живо!

Пухлые губы Калинкина задрожали от обиды.

— Вы не смеете со мной так! Я тоже офицер! Извольте по уставу!

— Да исчезни ты! — шикнул подпоручик. — Жди меня в умывальне! Он не должен видеть тебя со мной!

Когда Банщик вошел в залу, начальник дивизионной контрразведки увлеченно поедая яичницу, прихлебывая чай.

Петренко подошел с приветливой улыбкой.

— Я вижу, у вас свободно. Не возражаете?

— Милости прошу.

Что это значит? Была у него Учительница или нет?

По-прежнему доброжелательно глядя на подпоручика, Банщик сделал солдату заказ:

— Принеси-ка мне, хлопче, кофею. Харч у вас тут поганый, но кофей варить вы умеете.

Солдат, в прежние времена служивший официантом в первом классе столичном ресторане, изобразил на лице одновременно восторг по поводу похвалы «кофею» и скорбь из-за критики «харча», умудрившись при этом

за счет одной только мимики еще и обозначить деликатное несогласие с такой оценкой. Обслуживание в дивизионной столовой было выше всяких похвал.

Прапорщик представился. Пожали руки.

— Я вижу вам тут обструкцию изображают. — Петренко кивнул на соседние столы. — Не удостаивают. Глупый армейский снобизм. Как дети, право. Я ведь был на собрании, слышал. Вы им о важном, а они только и думают: молокосос, выскочка, развоображался. Не любят у нас контрразведку. А из-за предрассудков дело страдает.

Он еще довольно долго рассуждал на эту тему, всё так же рассудительно и гладко. Романов сначала изображал настороженность, потом понемногу оттаял.

— Честно говоря, мне в вашей Русиновке не очень уютно, — признался он. — Правду вы сказали. Я только службу исполняю, а все на меня щерятся. Не во мне даже штука. Мы, контрразведчики, без помощи личного состава мало что можем. А ко мне за все время ни один человек не пришел, не доложил. Не может же быть, чтоб вокруг не происходило совсем ничего подозрительного?

— На меня можете рассчитывать, — пообещал Петренко. — Я, конечно, человек маленький, но тоже глаза имею. Вот, к примеру, прачечное хозяйство подо мной, так? Почти все офицеры, кто в Русиновке расквартирован, дают свое белье стирать. Я велел принимать. Бесплатно, по-товарищески. У меня этим фельдфебель заведует, приметливый. По белью, извините за натурализм, о человеке много чего рассудить можно. И мой Савчук приучен: как что примечательное — извещает.

— Например, что? — заинтересовался подпоручик.

Собеседник понизил голос:

— Например, у сотника Штирнера из казачьей батареи кальсоны — чистый шелк. Рубашки — батист, с монограммой. А с каких богатств? Жалованье у нашего брата известно какое. Я нарочно поинтересовался, что за семья. Папаша у Штирнера мелкий чиновник, жены с приданным не имеется. А у сотника, между нами, еще и портсигар золотой. Подозрительно?

— Еще как! Вы молодец, Афанасий Никитич. Сметливы, наблюдательны. Эх, зря талант тратите в своих банях-прачечных. Еще кто-нибудь кроме Штирнера у вас на заметке имеется?

— А как же. — Петренко огляделся. — Только лучше не здесь. Вон уже, косятся... Будут говорить, что я наушничаяю. Знаете что? Пойдемте ко мне. Бросьте вы эту яичницу, она на прогорклом масле пожарена. У меня

снедь домашняя, деревенская. И настоечка на коньяке — под хороший разговор.

— На коньяке? — с интересом переспросил подпоручик. — А вам на службу разве не надо?

— Я птаха вольная. — Афанасий Никитич подмигнул. — Может, я поехал полковые бани инспектировать? Поди меня проверь. Ну что, переместимся в приватную обстановку?

— С удовольствием. Только навещу некое место...

В умывальной Романов крепко взял Калинкина за локоть.

— Банщик сделал ход. С какой целью, пока непонятно. Иду к нему. Возможно, хочет меня добить, ночью-то у них не вышло. Не перебивай, про это после расскажу! — цыкнул он на прапорщика. — Хотя вряд ли будет он меня кончать. Не стал бы уводить при таком количестве свидетелей. Скорее всего, попытается напоить и что-нибудь выведать. Но ты на всякий случай прикрывай. Следовать за нами не нужно. Где живет Петренко, ты знаешь. Скажи Сливе, чтобы разыскал Учительницу. Она или у себя, или... В общем, пусть из-под земли достанет. Семен тут все тропки-дорожки знает. Найдет.

Видя, что Вася собирается спорить, Алексей прибавил:

— Я тебе потом обрисую, что за фигура эта Мавка, жених хренов!

— Не утруждайтесь, господин подпоручик. Я гадостям про нее все равно не поверю. И унтер-офицеру ничего такого передавать не стану!

Препираться с ним было некогда. Романов процедил сквозь зубы, холодно:

— Прапорщик, это боевой приказ. Невыполнение равнозначно измене. Выполняйте!

Стерев с лица эмоции, Вася кинул руку к козырьку:

— Слушаюсь!

— Ну то-то.

Собутыльники

Не была у него Учительница. К такому выводу Алексей пришел, наблюдая за поведением Банщика. Если б была и рассказала о событиях ночи, Петренко не действовал бы так грубо, в лоб. Он вел себя с контрразведчиком, будто с законченным идиотом. Это очень хорошо. И что Мавка, очевидно, приняла сделанное предложение о сотрудничестве, тоже

отлично.

Эти мысли не мешали подпоручику участвовать в разговоре, тем более что болтал в основном милейший Афанасий Никитич. Он был сущим кладезем полезных и любопытных сведений о Русиновке, ее обитателях и офицерах гарнизона.

Хата у него внутри оказалась хоть и скромно обставленная, но опрятная, даже с определенным уютом. И стол был накрыт заранее: круг полукопченой колбасы, козий сыр, зеленый лук, вареные яйца, коробка сардин и, конечно, пузатый графин.

— Смородиновая, — похвастал хозяин и в два счета наполнил рюмки. — Ну, за знакомство.

— И плодотворное сотрудничество, — с нажимом подхватил Романов, как бы намекая, что отныне считает прапорщика своим информатором.

— За это с дорогой душой, — очень серьезно и с искренним чувством согласился Банщик.

Опрокинул настойку залпом.

А Романов, изображая неуклюжесть, свою задел рукавом. Черт его знает, Петренку. Не подсыпал ли на доньшко отравы?

— Ах, беда! Драгоценная влага утекает! — заполошился подпоручик, скорбно глядя на стекающий по клеенке ручеек. Рюмка раскололась надвое.

— На счастье, — успокоил его хозяин. — Только налить больше некуда. У меня их две всего.

— Давайте из одной, по очереди, — предложил Алексей. — Раз уж вы теперь мой сотрудник.

— С одним условием. — Петренко с шутливой строгостью поднял ладонь. — Коли выпьем на брудершафт. Лакать из одной рюмки — все равно что побрататься.

Поцеловались. Романов выпил, закусил. Делая вид, что ковыряет в зубах, проглотил таблетку от опьянения.

— Ты первый приличный человек, Афоня, кого я встретил в этой клоаке.

— Выпьем за это.

После третьей сняли портупей и кителя. После пятой Романов запел «Выхожу один я на дорогу».

Петренко слушал, пригорюнившись. Даже слезу смахнул.

— Ох, и голос у тебя, Лёша. Собинов!

— Нет, у Собинова тенор, — с достоинством возразил подпоручик. — А у меня баритон. Меня, если хочешь знать, в оперу звали.

— А «Сладкие грезы любви» можешь? Моя любимая.

— Могу. Хотя ее лучше басом.

Запел «О, где же вы дни любви». Афанасий Никитич не выдержал, стал подпевать. С ходу изобрел партию второго голоса, выводил просто чудесно.

— Музыкальный вы народ, малороссы, — сказал Алексей, съехав локтем со стола. — За вас!

Рюмке примерно на десятой Банщик решил, что пора — не то гость станет негож для разговора.

— Ну а все-таки, Лёш, как товарищ товарищу, — сказал он без обиняков. — Что у нас тут затевается?

Романов приложил палец к губам, подмигнул сразу двумя глазами.

— Извини, Афоня. Не имею права. Даже тебе. У нас в контрразведке — сам знаешь. — И запел: — «О, если б мог выразить в звуке...»

— «Всю силу страданий моих», — подхватил хозяин.

Попели, попили еще.

— Не хочешь говорить — правильно делаешь. — Петренко положил ему руку на плечо. — Понимаю, уважаю, чту. Только я без тебя обо всем догадался. Саперы не оборону укрепляют. Они готовят огневые позиции для тяжелой артиллерии. Наступление будет на нашем участке, вот что. Прорыв. У Афанасия Петренко голова министерская.

Он постучал себя пальцем по лбу.

А на пьяного вдребодан контрразведчика накатил приступ неудержимого хохота.

— Шницель у тебя по-министерски вместо головы, — заплетающимся языком еле выговорил он. — Уморил...

— Ты чего?

— А представил, как ваши дворники с швейцарами и официантами на прорыв идут. С метлами, с совками, с салфетками... Ой, помру...

— Так что, не будет наступления?

— П-почему не будет? Будет. Зададим австрияку по первое число. Но только не у вас. Ты на меня погляди, Афоня. Я кто?

— Орел.

— Понятно, что орел. Но ты мой чин видел? То-то. Кто мне поручит место прорыва прикрывать? — Здесь Романов словно спохватился и попробовал выпрямиться. — Но мое задание тоже ги... ик... гантской важности. Называется «операция прикрытия». Понял? Эх ты, стратег банно-прачечный. Выпей лучше.

Петренко опрокинул еще рюмку.

— Ловко задумано. Не дураки у вас заправляют.

— Дип... диспозицию разработал сам князь Козловский! — Романов закатил глаза к потолку. — Из Петрограда. Живая легенда контрразведки! Зевс-гро... мро...

Слово «громовержец» Алексею так и не далось — без притворства, по-настоящему. Это означало, что с настойкой пора заканчивать. Таблетка спасала от опьянения, но не от прочих, менее приятных последствий передозировки алкоголем: онемения речевого аппарата, торможения мыслительных способностей, не говоря уж о тошноте и похмелье.

А Петренко лил еще. Обнял сникшего товарища, задушевно спросил:

— Где ж тогда будет наступление, если не у нас?

Подпоручик хихикнул:

— Так я тебе и сказал. Давай лучше споем. Что-нибудь ваше, туземное. Как это, про сад зеленый...

Но до «Сада зеленого» не дошло. Голова контрразведчика упала на грудь, Романов громко всхрапнул. Застолье было окончено.

Тяжкое похмелье

Тряпка, пропитанная едко пахучим уксусом, мазнула по лицу спящего. Он замычал, открыл мутные глаза. Снова зажмурился — сквозь окно светило низкое послеполюденное солнце.

Ресницы снова разлепились. Подпоручик очнулся.

Он лежал на лавке. Судя по углу солнечных лучей, прошло довольно много времени, часов пять или шесть. Хозяин дал гостю возможность отлежаться и слегка протрезветь.

Голова болела ужасно, привкус во рту был такой, словно Алексей нажевался ржавого железа. Но это не самое скверное.

Притворившись, что отключился, Романов спать вовсе не собирался. Он отлично помнил, как Банщик перетащил его к стене и привел в горизонтальное положение. Потом шпион ходил взад-вперед по комнате, и Алеша посматривал за ним сквозь прикрытые веки, был настороже. И в конце концов не заметил, как провалился. Непростительная оплошность! За эти часы могло произойти что угодно.

— Подъем, Алеха, подъем! — тряс его за плечо Петренко. — Ласточка с весною в сени к нам летит!

Прапорщик-то выглядел огурцом. Подтянут, свеж, чисто выбрит. Таким молодцом он и до пьянки не был. Что-то в нем изменилось. Будто

выше ростом стал, прямее. И взгляд другой. Острый, прямой, жесткий. Закадычный друг Афоня то ли от природы был невосприимчив к спиртному, то ли у них в разведке использовали антиалкогольные таблетки повыше качеством.

— Мама моя, — простонал подпоручик, хватаясь за виски. — Где я? А, это ты, Афоня...

— Я не Афоня.

Петренко спокойно глядел на него сверху вниз.

— Как не Афоня? — удивился Романов, сел на лавке и снова застонал — не очень-то и притворяясь. — Мы вроде на брудершафт пили. Ты ведь Афанасий Никитич? Значит, Афоня. По-вашему, по-украински, Опанас.

— Не Афоня и не Опанас. Меня зовут Фридрих.

— Фридрих П-петренко? — Подпоручик неуверенно хихикнул. — Ну тебя к черту. Не до шуток. Башка гудит.

— Фридрих Зюсс. Обер-лейтенант императорско-королевской армии. — Банщик щелкнул каблуками и рывком опустил-вскинул подбородок. Но сразу после этого помягчел лицом, улыбнулся и даже подмигнул — словом, опять превратился в Афоню Петренко. — Такая вот штукенция, Лёшик. Что глазами хлопаешь? Жизнь полна сюрпризов.

— Сплю я, что ли... — пролепетал контрразведчик, уткнувшись носом в ладони.

— Нет, душа моя. Ты не спишь. Хочу напомнить, если ты спьяну запамятовал. Давеча ты выдал мне секрет огромного стратегического значения. Теперь мы знаем, что на этом участке наступления не будет. Ваша контрразведка проводит здесь операцию прикрытия.

— О господи...

Раздвинув пальцы, подпоручик посмотрел на обер-лейтенанта расширенными от ужаса глазами.

— Пока ты сладко спал, я отправил за линию фронта связного. Ты государственный преступник, Лёшенька. Тебя, как говорится, расстрелять мало.

Внезапно похмельный страдалец, казалось, с трудом удерживавшийся в сидячем положении, с силой оттолкнул Петренку-Зюсса, подбежал к стулу, на котором висела его портупея и схватился за кобуру. Она была пуста.

— Твой «наган» у меня, — добродушно сказал Банщик. — Хочешь взять? На!

Вынул из кармана револьвер, протянул.

— Я оставил в барабане один патрон.

— П-почему? — спросил Романов, делая вид, что совсем одурел от этаких потрясений.

— Почему оставил или почему один? — Хозяин засмеялся. — Оставил, чтоб ты мог пустить себе пулю в лоб. А один — чтоб в меня от злости не пульнул. Перед тем, как все равно застрелиться. Потому что прощения тебе от начальства не будет, хоть ты ему десять мертвых австрийских шпионов притащи. Птичка с донесением тью-тью, улетела. Ваша карта бита. Хочешь — сам стреляйся, не хочешь — начальство тебе поможет. Лично подполковник Козловский.

Однако вероятности, что загнанный в угол контрразведчик захочет отыграться, Банщик все-таки не исключал. Правую руку как бы ненароком держал в кармане кителя. Должно быть, тоже умеет палить через сукно...

Подпоручик тупо заглянул в черное дуло «нагана». Содрогнулся.

Снова раздался уютный смешок.

— Неохота? Понимаю. Тогда есть другой вариант. Более оптимистичный. Обсудим?

Обсудить другой вариант можно и даже необходимо, подумал Романов. Только сначала необходимо кое-что выяснить.

Он глухо сказал, пряча револьвер в кобуру:

— Мне в уборную надо.

— Это естество голос подает, помирать не хочет, — философским тоном заметил обер-лейтенант. — Ну сходи, облегчи тело. А потом я помогу тебе облегчить душу.

Пошатываясь, Алеша вышел на крыльцо. Прикрыл глаза от солнца. Огляделся из-под руки. Где может прятаться Калинин? Или прапорщик совсем потерял голову из-за своей «невесты» и снова бросил пост?

— Клозет вон там, — подтолкнул его в спину Банщик. — Иди-иди. Я тут буду. Если тебе интересно, с пятидесяти метров я кладу всю обойму в центр мишени.

— Куда мне теперь бежать? — пробормотал подпоручик.

Медленно-медленно, потирая висок, он пересек двор. Вошел в уборную.

Через минуту в заднюю стенку легонько стукнули.

— Я здесь, — шепнул Вася.

Романов вздохнул с облегчением. Подумал: символично, что в этой неаппетитной истории все ключевые события происходят в нужнике.

— Кто-нибудь приходил? Связной был?

— Никак нет, господин подпоручик, — донесся сухой ответ.

— Значит, блефует. Жалко... Вась, да перестань ты дуться. Ты же ни черта не знаешь.

— Каковы дальнейшие распоряжения?

— Ну и дурак. Не время выяснять отношения. Ой, башка гудит... М-м-м... Будь начеку. Если пойдем куда-нибудь, держи дистанцию. Эх, Сливу бы сюда... Будь предельно осторожен. Банщик опасен, как кобра. Главное еще впереди. Следи за моей левой рукой. Растопырю пальцы — значит, готовься. Я раскрыт, сейчас будем его брать. Понял?

Из-за досок раздалось непреклонное:

— Так точно, господин подпоручик.

ТЬфу!

«Облегчение души», обещанное Банщиком, разумеется, свелось к предложению сотрудничества. Тему денежного вознаграждения Петренко поначалу особенно не выпячивал. Очевидно, с его точки зрения, воздействовать на данный «материал» следовало с другой стороны. Он всё больше напирал на позор и бесчестье, которые ждут Романова, если начальство узнает о его провале. Без конца поминал грозного Козловского. Алексей только мычал и раскачивался, обхватив голову.

— А если будешь держаться меня, ничего плохого с тобой не случится, — перешел от кнута к прянику психолог. — Как служил царю-отечеству, так и будешь служить. Твой промах останется нашим маленьким секретом. Насчет послевоенного будущего тревожиться не надо. Россия потерпит поражение, это ясно всем мало-мальски мыслящим людям. Образуется союз трех императоров: нашего, вашего и германского. Все, кто помогал нашей стороне, окажутся наверху. Человек ты совсем молодой, у тебя впереди блестящее будущее. Новой России такие молодцы, да с хорошими покровителями, ого-го как понадобятся. Ну и в настоящем тоже ждут тебя кое-какие радости, прямо сейчас. Знаю я, что у подпоручика за жалованье. Слезы Хаси-сиротки. А у нас будешь получать гонорар в кронах, на собственный счет в «Лендер-банке».

И так далее, и так далее. Всё согласно австрийской «Инструкции по вербовке агентов», без лишних импровизаций. Зачем метать бисер перед кретином вроде подпоручика Романова?

Алексей понемногу «оживал». Сделал взгляд не таким мертвым, поморгал, чтоб поблескивали искорки заинтересованности. Не переиграть бы только.

— Вот какие перспективы могут тебя ожидать, если... — Банщик наклонился над ним. — Если ты нам поможешь в этом деле.

— Я и так уже помог, — снова повесил голову Алексей.

— Нет, лапа. Это не ты помог, это я тебя разработал. Гонорара за то, что выдал мне операцию прикрытия, ты не получишь. Вот если скажешь, с какого участка фронта намечается прорыв, — тогда да. Проси чего хочешь. Хоть принцессу в жены и полкоролевства в придачу. И не ломайся, золото мое. Не то придавлю каблуком — только хрустнет... Ой, Лешенька, не молчи. Не серди меня!

Голос обер-лейтенанта сделался грозен.

— Не знаю я, — промямлил Романов. — Честное офицерское, не знаю... Налейте похмелиться, а? Изнутри подступает... Ну что вы меня глазами жжете? Место прорыва строго засекречено. Кто бы стал мне о нем сообщать? Главное, ради чего? Сами видите, меня в самую паршивую дивизию откомандировали. И сюда-то не хотели... Я у начальства не шибко в чести. Кадров не хватает, вот и доверили...

— Допустим. — Петренко потер ямочку на подбородке. — А кто осведомлен о месте прорыва?

— У нас в управлении наверняка знает подполковник Козловский. Он всю систему прикрытия разрабатывал.

— Так-так. Подробнее!

— У князя при себе планшет с картой. Я слышал, он главнокомандующему по телефону говорил, что никогда с этим планшетом не расстанется. Там нанесены все двадцать пять участков, где ведется подготовка. Правильный — на листе № 8. А что там, на этом листе, я не знаю. Козловский не сказал. Я и так по чистой случайности разговор подслушал...

Момент был скользкий, рискованный. Заглотит Банщик наживку или нет?

— Надо заглянуть в этот планшет, Лешенька. Очень надо! И мне, и тебе...

Заглотил! Вот что значит — оказаться в плену собственной схемы. Записал Петренко подпоручика в жалкие болваны и никаких по сему поводу сомнений уже не испытывает. Вроде опытный разведчик, но, как говорится, на всякого мудреца...

— Шутите? Так он мне и показал... Налейте, а? Умираю.

Плеснул ему Петренко ровно полрюмки, чтоб опять не развезло. Алеша жадно выпил.

— М-да, задачка... — протянул обер-лейтенант. — Трудная, но решить ее придется. Вот что, сокол ясный. Надевай китель, ремень, фуражку. Пойдем-ка в поля-леса, прогуляемся. На природе, да на ходу мозги лучше

работают.

В роще

Из Русиновки обер-лейтенант вывел свою добычу закоулками — чтоб никому не попадаться на глаза. Прошли берегом реки, двинулись через поле.

Еще в самом начале Банщик обнял подавленного спутника за плечи:

— Лешко, душа моя, да не журись ты. — Говорил он легко, весело, форсируя малороссийский выговор. — Война вокруг, что ни день тыщи народу гибнут. Над тобой, надо мной, над каждым смертяшка витает. А поможешь мне — и живи себе, сколько влезет, никто тебя не тронет. Давай, умник ты мой, шевели мозгами. Очень уж мне надо в планшет господина Козловского заглянуть.

— Вам? — переспросил Романов. — То есть, если я загляну, недостаточно?

— Желательно, чтобы я видел карту сам. Не то, чтоб я тебе не доверял, но... Хлопец ты молодой, ветер в голове. Сробеешь в планшет к страшному начальнику залезть, а мне соврешь, что видел заветный лист номер 8. Ляпнешь что в голову придет, на русский авось. Я доложу, поедут эшелоны, запылят по дорогам войсковые колонны — и всё не туда. Нет уж, Лёшик. Я человек серьезный. Должен своими глазами удостовериться. И даже сфотографировать. Есть у меня замечательный аппарат, как раз на такой случай. В общем, думай. Даю тебе час сроку. Дойдем во-он до той рощицы, постоим там, покурим. Повернем обратно. Тут ты мне и доложишь. Если ничего путного не предложишь, очень я в тебе разочаруюсь.

Какое-то время они шагали молча. Алексей приметил, что Банщик все время держится правее и на шаг сзади. Не теряет бдительности. Помнит, что у подпоручика голова дурная, а в револьвере есть один патрон. Такому идиоту, какого разыгрывал Романов, ничего не стоит пальнуть в неприятного человека, а потом уж начать думать, что это он натворил и как быть дальше.

Поведение Петренки означало, что свою роль контрразведчик исполняет неплохо.

Настороженность спутника была полезна еще в одном смысле. Поскольку внимание фальшивого Афанасия Никитича было сконцентрировано на Алексее, отвлекаться на созерцание окрестного пейзажа шпион себе позволить не мог. А в пейзаже было на что

полюбоваться.

Искоса, с опаской поглядывая на шпиона (это выглядело вполне естественно), Романов в то же время боковым зрением проверял, как там Калинин.

Мальчишка, надо отдать ему должное, вел конвоирование безукоризненно. На курсах по дисциплине «слежка на открытом пространстве» у него наверняка была отличная оценка. Перемещения прапорщика напоминали прыжки дельфина среди волн. Он то приподнимался из высокой травы, то нырял в нее носом. И проделывал эти маневры безо всякого шума. Может, и будет из парня толк — жизнь пообтешет.

Когда вошли в березовую рощу, о которой говорил Банщик, Вася стал очень ловко, зигзагами, передвигаться от дерева к дереву.

На опушке остановились, закурили.

— Благодать какая, — потянулся Петренко, глядя в весеннее небо. — Так и полетел бы, по-журавлиному.

Вдали, с километр отсюда, шли саперные работы. Там, согласно плану, должна была разместиться одна из мортирных батарей.

Шпион посмотрел на часы. Было без одной минуты шесть.

— Приляжем на травку, отдохнем.

Романов насторожился:

— Зачем?

— Да так просто. В ногах правды нет. Ложись, Лёшик, ложись. Вон как тут славно, за пеньком.

Едва легли, несколько секунд прошло — вдруг задрожал, зазвенел воздух. Потом гулко лопнул. На поле, шагах в ста, взметнулись рядом два фугасных разрыва.

— Мать их за ноги! — выругался Банщик, стряхивая с фуражки осыпавшуюся древесную труху. Вынул из кармана блокнот, что-то записал.

Движение на батарейной позиции замерло. Саперы попрятались, ожидая продолжения артиллерийского налета. Но австрийцы больше не стреляли.

А ведь это он неспроста меня сюда привел, догадался Романов. Должно быть, некоторое время назад сообщил координаты, и ему поручили проверить точность пристрелки, чтобы внести коррекцию.

Обер-лейтенант зло пробормотал по-немецки:

— Чуть не угробили, математики. И главное, зря всё... Однако задание есть задание.

Кто кого засек и нанес на карту обстрела, это еще вопрос, усмехнулся

про себя Романов. Наши наблюдатели не лыком шиты. И разведчики наши на той стороне тоже имеются. Как ударит отсюда залп тяжелых мортир, останется от австрийской батареи куча земли...

— Эхе-хе, — вздохнул Банщик. — Суетимся, умничаем, а жахнет такая вот дура, из своей же пушки, и пакеда. — Он поднялся, дернул подпоручика за рукав. — Вставай, герой. Второй раз тебе сегодня свезло. Сначала не стал стреляться. Теперь вот фугаска чуть в сторону взяла. Но Бог, он троицу любит. Ну-ка, в третий раз выкрутишься или нет?

С этими словами он вдруг отскочил назад, выхватил из кармана пистолет и направил Алеше в лоб.

— Знаешь, что я решил? Если ты сейчас, сию секунду, мне не скажешь, как к подполковнику в планшет залезть, шлепну я тебя. Мне идиот в помощниках не надобен. Докажи свою полезность — или прощай.

Фортель был неожиданный. Романов вроде не новичок, но все-таки дрогнул. Смотреть в черную дырку «вальтера» было жутко.

Но, с другой стороны, и хорошо, что дрогнул. Так оно вышло естественней.

— Я придумал... Придумал! — быстро сказал он. — Господин подполковник обещался завтра утром с инспекцией заехать. А планшет, я говорил, всегда при нем!

Калинкин тоже нервничал — ему ведь разговора было не слышно. Лежа за деревом, прапорщик приготовился стрелять: локтем уперся в землю, навел ствол, прищурил глаз.

— Другое дело! — радостно воскликнул Банщик и опустил руку. — Вот что значит — заинтересовать клиента. А то молчал, время тянул...

Вася тоже немного расслабился, шпиона с мушки снял, но все-таки был наготове, внимательно наблюдал.

— Я думал, ты дурак. — Обер-лейтенант сделал шаг в сторону и лукаво прищурился. — А ты, Леша, выходит, ловкач. Меня решил в дураках оставить?

— А? — удивился Романов.

— Бэ!

Банщик вдруг развернулся на каблуке, вскинул руку и трижды выстрелил, целя под березу, где залег Калинкин. Прыгнул в сторону, крутанулся еще раз и взял остолбеневшего Алексея на прицел.

— Руки к плечам!

— Вы что это? В кого? — залепетал подпоручик, еще не осознав, что всё пропало.

Вася слишком высунулся — на свою беду. И ответных выстрелов не

было. Неужели...

Переход от уверенности в успехе к осознанию полного краха произошел слишком стремительно.

— Ну-ка, пойдём поглядим, что там за зверь. Тихо, плавно, за мной марш! — приказал Петренко.

Он тянул шею в сторону березы — пытался разглядеть, что там.

Не обращая внимания ни на Банщика, ни на его пистолет, позабыв обо всем на свете, Романов бросился к Васе.

В прапорщика попали две пули из трех. Одна прошла косо — выбила правый глаз и вылетела через висок. Вторая разорвала горло.

Единственное оставшееся око с ужасом и непониманием таращилось на Алешу. Руки тщетно зажимали шею. Мальчик пытался и не мог вдохнуть воздух. Свистела и хрипела разодранная трахея. Вася Калинин доживал последние секунды, это было ясно.

Странный звон раздался у подпоручика в ушах. Словно натянулась до отказа пружина. Вернее, будто сам он вдруг превратился в сжатую до отказа стальную нить.

— Калинин! — не своим, пронзительным голосом завизжал Романов. — Сволочь!

— Кто? — спросил за спиной Банщик.

— Помощник мой! Шпионил за мной, гад! Скотина!

Судорожным жестом Алексей вырвал из кобуры «наган» и выстрелил умирающему прямо в залитое кровью лицо. Палец снова и снова жал на спусковой крючок, но патронов больше не было, лишь прокручивался пустой барабан.

Обер-лейтенант сзади обхватил контрразведчика за локти.

— Ну всё, всё! Экий ты, Лёша, африканец!

— Я пропал! — кричал Романов, вырываясь. — Он следил за мной! Он меня выдал! Наверняка выдал!

— Не мог он тебя выдать. Не успел бы. Успокойся.

— Всё равно! Как я объясню? Как? Мерзавец! Он мне завидовал! Хотел занять мое место!

Романов еще и пнул ногой неподвижное тело, Васе теперь было все равно. Его потускневший глаз смотрел на убийцу спокойно, даже равнодушно.

— Мне конец... Теперь мне точно конец, — трясся подпоручик. Истерика давалась ему безо всякого усилия. Он сейчас и захотел бы остановиться — не смог бы.

Петренко убрал пистолет. С размаху влепил сообщнику две оплеухи.

— Успокойся. Делай, что я говорю, и всё будет хорошо. Бери-ка его...

Они перенесли тело, удивительно легкое, к ближайшей из фугасных воронок.

— Что толку? — всхлипывая, сказал подпоручик. — Дырки-то от пуль. Все равно догадаются.

— Мы, хозяйственники, народ запасливый.

С этими словами Банщик достал из кармана лимонку. Выдернул чеку, сунул гранату под труп.

— Ноги в руки!

Они отбежали, упали в траву.

Из ямы ударил сухой, подавившийся глиной взрыв. Петренко отправился посмотреть на результат. Алексей не стал — это было выше его сил.

— Не повезло прапору, — сказал Банщик, когда вернулся. — Под шальной снаряд угодил. Война. Всякое бывает... Ну, мне надо на службу. Подштанники считать. А то нехорошо, целый день не появлялся. Не иди за мной, поотстань. Я тебя потом разыщу. И гляди, африканец. Без глупостей. Теперь ты у меня и вовсе вот где.

Он потряс перед носом у подпоручика крепко сжатым кулаком.

Выждав минут пять, Романов тоже двинулся назад, в сторону Русиновки. На воронку он не оглядывался. Но ушел недалеко, только до рощи.

Там он встал у березы, под которой умер Вася. Постоял-постоял и стал размеренно, с силой биться лбом о бугристую кору.

Слезы, смешиваясь со струящейся кровью, тоже становились красными.

Визит высокого начальства

Начальник управления спросил:

— Что у вас с головой?

Романов тронул свежий бинт.

— Я докладывал по телефону. Мы с прапорщиком Калинкиным вчера попали под артиллерийский обстрел.

— Знаю. Калинкин убит. Но вы не говорили, что тоже ранены.

— Контужен, господин подполковник. Отшвырнуло взрывной волной,

ударило об пень. Боли ужасные, головокружение, однако остался в строю. Понимаю, что людей не хватает.

— Жалко мальчишку. А вы, Романов, молодец. Ну, докладывайте, что тут у вас.

Разговор происходил на квартире уполномоченного. Обстановка скромная, ничего лишнего: заваленный бумагами стол, два стула, большой платяной шкаф, металлический сейф, кровать.

Отчитывался подпоручик долго. Что называется, старался показать товар лицом и подробно рассказывал обо всех принятых мерах. Начальник задавал множество вопросов, вникал во всякую мелочь. Кое-что записал в особую тетрадку, вынув ее из планшета, который не снял даже за столом.

Полтора часа продолжалась эта неторопливая беседа. Незадолго до ее окончания дверца шкафа чуть скрипнула, слегка приоткрылась. Подполковник обернулся.

— Стоит криво. Сейчас бумажку подложу, — засуетился младший офицер.

И действительно сунул под ножку свернутый листок бумаги.

Князь наблюдал, позевывая.

— Ох, устал я. Третья дивизия за сегодняшний день.

Дверца шкафа едва заметно качнулась.

— Так остались бы, господин подполковник. Сейчас я вас свожу по всем постам, потом поужинаем и переночуйте. Я вам койку уступлю, а сам где-нибудь в штабе пристроюсь.

— Рад бы, да не могу. Мне к ночи в 26-ую нужно. Эх, кабы в баньке попариться — я б как новенький сделался.

И снова дверца шевельнулась. Романов кивнул ей: понял.

— Это я легко устрою. У нас офицерская баня просто замечательная. Никого не будет, я позабочусь. А планшет ваш сам посторожу. Распорядиться, чтоб истопили к нашему возвращению?

Начальник оживился.

— В самом деле? Тогда вот что. Долго рассусоливать с инспекцией не будем. Что нам друг перед дружкой комедию ломать? Я и так уж понял, что декорации у вас на участке основательные и таинственности вы напустили достаточно. Часик покатаете меня — и назад. Поспеет баня за час?

— Гарантирую!

«Как ныне сбирается Вещий Олег»

Начальник управления громко и фальшиво орал боевую песню про вещего Олега, собирающегося отомстить неразумным хазарам. Вопли прерывались криком, когда князь поддавал на раскаленные камни кияточку.

— Эй, Романов! Вы на месте? Никуда не отлучайтесь!

— Так точно, я здесь, господин подполковник! — И шепотом. — Да быстрее вы, быстрее!

Петренко, не обращая внимания на нервные призывы, спокойно щелкал затвором портативной фотокамеры.

— Господи, восьмой лист вы уже сняли! Зачем вам все остальные? — шипел Романов.

— Для порядка...

— «Из темного леса навстречу ему идет вдохновенный кудесник!» — блаженно орал князь. — Романов, не в службу, а в дружбу. Пройдитесь-ка мне по спине веничком. Только планшет там не оставляйте!

— Ладно, хватит. — Обер-лейтенант уложил карты обратно — точь-в-точь как они лежали. — Ступай, Лёшик. Певец во стане русских воинов зовет. Ты у меня умничка.

Все время одна и та же пошлая комедия, вяло думал Алеша. Один и тот же немудрящий набор приемов: подглядеть, подслушать, прикинуться, залезть в постель, залезть в душу. Пиф-паф, ой-ё-ёй, умирает зайчик мой...

Но когда входил в парилку, покачнулся и был вынужден упереться в стену. Вновь увидел перед собой широко открытый, еще живой глаз Васи Калинкина.

Подполковник лежал на животе, громогласно выводил припев:

Так громче музыка, играй победу!

Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

Так за царя, за родину, за веру...

В августе шестнадцатого

Великое и триумфальное наступление, длившееся три месяца, еще продолжалось, но из-за истощенности резервов начинало выдыхаться. Однако и те результаты, которых удалось достичь Юго-Западному фронту, превзошли самые оптимистичные ожидания Ставки.

Истинное направление удара открылось за двое суток до начала — когда в распоряжение «швейцарской» дивизии, на заранее подготовленные

позиции, была переброшена тяжелая артиллерия, а траншеи наполнились стрелками. Внезапная концентрация войск застала врасплох австрийское командование — все последние недели оно скрытно стягивало резервы к участку фронта, расположенному в 300 километрах отсюда. На грузовиках, на конной тяге стали перебрасывать к слабо защищенному участку всё, что было поблизости, но за 48 часов кроме пехоты да пулеметов ничем существенным усилиться не смогли.

22 мая, на рассвете, земля затряслась от разрывов крупного калибра. Мощная артподготовка продолжалась два часа. Когда она стихла, австрийские траншеи наполнились живой силой, но русские в атаку не пошли. Вместо этого грянула вторая волна орудийного обстрела. Пехотинцы, неся потери, отхлынули на запасные рубежи. Когда, после затишья, вернулись, пушки открыли огонь в третий раз. Никогда еще у русских не бывало сосредоточено в одном месте такого количества стволов и такого запаса снарядов. Главюгзап решил потратить почти весь боезапас в первый день, чтобы обеспечить максимальную эффективность прорыва. И ему это удалось...

И вот на исходе августа по пыльной Владимиро-Волынской дороге, прижимаясь к обочине, полз открытый штабной «рено». Позади шофера сидели два офицера. Один, в чине подполковника, постарше. Второй, с одним просветом и двумя звездочками, еще совсем молодой. Жаться к краю приходилось из-за того, что навстречу сплошным потоком брели пленные. Конца колонне было не видно. Раненых австрийцев везли на телегах.

— Поздравляю, Лёша, — говорил подполковник младшему товарищу. — Первый случай на моей памяти, чтоб в контрразведке «География» дали. Я боялся, завернут представление. Но главком настоял. От души поздравляю, честное слово!

Он с завистью поглядел на новенький крестик, что посверкивал белой эмалью на груди подпоручика. Ехали из штаба фронта, с торжественной церемонии награждения. Сам-то начальник получил всего лишь шейного «станислава», но признавал, что подпоручик увенчан по заслугам.

— Спасибо, — безразлично ответил Романов.

Еще недавно он был бы на седьмом небе от такого отличия, но с апреля месяца Алексей не улыбался и плохо спал по ночам. Иной раз даже завидовал кошмарам Козловского — лучше уж видеть во сне веснушчатого мальчишку, чем ужасное лицо, на котором один глаз мертвый, а второй еще живой...

— Надрел ты мне со своей постной рожей, — пожаловался князь. —

Слушай, я тебя долго не трогал. Понимаю же: человеку нужно время, чтоб после такого прийти в себя. Но ты, по-моему, решил навечно в чайльд-гарольды записаться.

— При чем тут Чайльд-Гарольд? — Романов пожал плечами. — Я убил раненого товарища. Очень романтично.

— Дурак ты! Не убил, а добил. Он все равно умирал, мучился. Я бы на его месте, может, сам тебя попросил! Это во-первых. А во-вторых, он же не зря погиб. Он своей смертью какое дело спас! Ведь это всё благодаря ему, благодаря тебе...

Подполковник обвел рукой запруженное шоссе.

— Не знаю... — Алексей схватился за виски. Снова вступил металлический звон — тот самый, что первый раз раздался у него в голове тогда, в березовой роще. — Я всё думаю. Нет на свете ничего такого, никаких причин, из-за которых можно взять и выстрелить в лицо товарищу, который ждет от тебя... ну, если не помощи, то хотя бы жалости. Или последнего «прости»...

Наконец он проговорил вслух то, что мучило его все эти месяцы. Князь только крякнул.

— Ты что несешь? Если б ты разнюнился, то Калинин бы сгинул попусту. А вместе с ним пропали бы и ты, и доверенное тебе дело! Нельзя нам нюниться. Это двадцатый век, Лешенька! Времена плаща и шпаги остались в прошлом! Хотя, уверен, и тогда не шибко миндальничали. Это нам Дюма со Стендалем всяких красотостей напридумывали. Во все эпохи сила на земле ломила силу, а жалость — это для небес. Так было и при мушкетерах, и при Бонапарте. Вся разница в нуликах.

— В каких нуликах?

— Которые сзади приписываются. При мушкетерах на кону были тысячи жизней, при Бонапарте десятки тысяч. А сейчас математика другая. Вот гляди. — Князь сложил ковшиком руку. — Здесь жизнь Васи Калинкина. Много весит?

Подпоручик с вызовом сказал:

— Очень много!

— Согласен. — Лавр так же сложил вторую ладонь. — А теперь кладем сюда, во-первых, мильон убитых и раненых австрийцев. Потом четыреста тысяч пленных. — Он снова кивнул на дорогу. — И, наконец, самое главное. После поражений прошлого года Россию все со счетов списали — и союзники, и враги. А теперь наш флаг снова реет гордо! Мы поднялись, как феникс из пепла! Такой сокрушительной победы на этой войне — величайшей войне в мировой истории — ни у кого еще не было!

После каждого нового аргумента вторая рука опускалась ниже. В конце концов воображаемая чаша совсем перевесила маленькую жизнь девятнадцатилетнего прапорщика.

Смотрел Романов на эту наглядную демонстрацию, и вроде как становилось легче. Он даже позволил себе краешком глаза покоситься на славный орден, который зря никому не дают.

А все же в душе что-то треснуло. Похоже, навсегда. Обратно уже не склеится.

Конец шестой фильма

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЪ

Борис Акунин
СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ
(фильма 7–8)

«МАРИЯ», МАРИЯ...

Фильма седьмая

Морская быль

Операторъ г-нъ И. Сакуровъ

*Морскіе песни сочиненія тапера г-на
Б. Акунина*

Время Колуна

Сентябрь 1916 года

Рандеву было назначено на половину первого в «Магазине морской книги», что на Адмиралтейском проспекте. По профессиональной привычке Йозеф фон Теофельс принял обычные меры предосторожности. Сначала дважды проехал мимо на двух разных извозчиках. Потом полчаса просидел с газетой в Александровском саду, подле Пржевальского и верблюда, издали наблюдая за входом в магазин и публикой. Ничего подозрительного не заметил.

Как водится, место встречи было выбрано толково. Агентам русской контрразведки затаиться было особенно негде. Разве что внутри.

За десять минут до условленного времени в лавку под видом покупателя вошел один из сотрудников петроградской сети (кличка «Нюхач»). Его дело было проверить все три зала и якобы по ошибке заглянуть в подсобное помещение. Если чисто, выходя на улицу уронить и снова надеть котелок. Что Нюхач и сделал.

Всё в порядке. Можно идти.

Зепп дочитал в «Новом времени» любопытную статейку о всеобщем отрезвлении русского народа в связи с «сухим законом». Не спеша отложил газету, потянулся. Он по-гурмански неторопливо наслаждался предвкушением.

Последние два месяца Теофельс пребывал в так называемой «гибернации», а говоря попросту бил баклуши: служил бухгалтером в судоремонтных мастерских Свеаборгской морской крепости, не представлявшей никакого стратегического интереса. Делать в этой дыре асу шпионажа было решительно нечего. От безделья и тяжелой финской пищи Зепп поправился на пять килограммов.

Специалистам подобного класса в самый разгар войны каникул просто так не дают. Майора явно готовили к какому-то особенно важному заданию, а предварительно хотели подержать в карантине. Или, может, что-то у них там наверху было еще не вполне готово.

У Теофельса — он про себя это знал — имелся один-единственный, но существенный для разведчика недостаток: дефицит терпеливости. Его ртутный темперамент требовал постоянного движения, кровь жаждала пульсации, нервы — стресса, мозг — напряжения. В тяжеловесы глубинного залегания, на которых держится вся стратегическая разведка, он не годился. Ничего не делать целыми годами, просто обзаводясь связями и аккумулируя информацию, он бы не смог — увял бы. Однако начальство хорошо знало, кого и как использовать. Генерал Циммерман, руководивший всем разведывательно-диверсионным направлением, в свободное от службы время, для души, занимался столярным делом, поэтому классифицировал своих агентов своеобразно. Резиденты, предназначенные для стратегических поручений, у него именовались «циркулярными пилами»; мелкие исполнители — «лобзиками»; специалисты по зачистке, в зависимости от тонкости задания, «рубанками» или «наждаками»; «шурупам» поручались операции шантажно-вербовочного профиля; «отверткам» — решение аналитических головоломок. И так далее, и так далее — набор инструментов был заготовлен на все случаи.

Зепп знал, что числится у начальника как Spaltaxt, «колун», но не обижался на столь неромантическую дефиницию своих способностей. Колуном пользуются, чтоб быстро и ровно расколоть жесткое полено. Молнией сверкнет стальное лезвие, хрясь — и чурбан разваливается на две аккуратные половинки.

Срочный вызов из обрыдшего Свеаборга на конспиративную встречу в столицу означал, что ожидание закончилось. Настало время колуна.

Интересненько, что там у них?

Встреча в магазине

— Чем могу служить? — кинулся к Зеппу приказчик.

Вид у свеаборжца нынче был совсем не бухгалтерский. Ради конспирации и для большего соответствия столичности Теофельс по дороге преобразился из захолустного Башмачкина в респектабельного господина (эспаньолка, золотое пенсне, шелковый цилиндр, светлое пальто, британские штиблеты).

— Мне бы, говубчик, в ка'тог'афический отдев, — сказал он барственно-профессорским манером, не выговаривая половину букв.

Сразу было видно солидного покупателя. Может, какое-нибудь светило картографии или даже член Географического общества.

— Извольте. Провожу-с...

В книжной лавке было почти пусто. Лишь несколько морских офицеров и чиновников высматривали что-то на полках или рылись в библиографической картотеке. Магазин был отменный, лучший в России, но, само собой, не для широкой публики.

Нюхач исполнил свою работу добросовестно. Точный взгляд майора сразу определил: ряженных среди посетителей нет. Всё чисто. Можно спокойно дожидаться связного. Если тот приведет за собой хвост, на площади загудит автомобильный клаксон — ситуация предусмотрена. Тогда нужно просто выйти через черный ход: из картографического отдела в маленькую коричневую дверь, потом коридором, два поворота налево-направо, перебежать через двор и подворотнями уйти на Гороховую.

Все стены зала, куда продавец отвел картавого господина, были увешаны картами. На столах лежали огромные планшеты, на полках стояли атласы.

— Есть у вас «Мовской атвас» Эф'она, посъеднее издание?

Зепп знал, что есть. Один экземпляр.

— Всего один экземпляр. Его сейчас, к сожалению, смотрят — вон тот господин.

Это было некстати. Теофельс с неудовольствием поглядел туда, куда подбородком, деликатно, указывал приказчик.

Какой-то человек, повернувшись широкой спиной, листал на пюпитре объемистый фолиант.

Такое совпадение было маловероятно. Это наверняка связной. Однако как он вошел незамеченным? Этого серого диагоналевого пальто и бюргерской шляпы Зепп со своего наблюдательного поста не видел. Впрочем, на то и существуют пароли, чтобы исключать нелепые совпадения.

— Желаете подождать? Или посмотрите что-нибудь другое? — мурлыкал продавец.

— Спвошу, может быть, этот господин вазвешит мне... Бвагодаю, юбезный.

Приказчик поклонился, но не ушел. Желал удостовериться, не возникнет ли какого-нибудь трения между претендентами на единственный экземпляр атласа.

— Вас не беспокоит, есьи я тоже възгяну? Чевез ваше пъecho...

Человек не обернулся.

— Он по-русски не понимает. То ли француз, то ли бельгиец, — пояснил продавец и обратился к диагоналевому пальто. — Миль пардон, се мсье вё вуар осси се ливр. Са ву не деранж па?[\[64\]](#)

Тот повернулся и приподнял шляпу, сверкнув моноклем.

— Pas du tout. S'il vous plaît, monsieur[\[65\]](#).

Успокоенный приказчик удалился. Трений не возникло. Оба клиента были люди культурные.

Чтобы прийти в себя, Зеппу понадобилась целая секунда — это много для человека с феноменальной реакцией.

Пароль оказался не нужен.

— Экселенц?!

Господи Боже, генерал-майор Циммерман (заглазное прозвище Монокль), собственной персоной! Увидеть его посреди вражеской столицы было все равно что... Все равно что встретить овечку, мирно разгуливающую среди волчьей стаи. Или волка, щиплющего травку среди овец.

Запутавшись в метафоре, ошеломленный майор пролепетал нечто глуповатое:

— Я не видел, как вы вошли...

— Благодарю. — Начальник выглядел польщенным. — Значит, кое-что еще помню.

— Но... зачем так рисковать?! Я ждал обычного связного!

В штабе, сидя на стуле перед письменным столом Монокля, а то и стоя навтыжку, Теофельс не осмелился бы задавать ему вопросов, но во вражеском тылу огромная дистанция, отделяющая генерала от майора, стала почти неощутимой.

И ответил экселенц совсем не так, как говорил в Берлине или в ставке, а тоном неофициальным, чуть ли не смущенным:

— Надоело в штабе сидеть. Захотелось размяться. Заодно проинспектировать резидентуру. Я ведь в прошлом такой же «колун», как и вы. Не дай вам боже, Теофельс, сделать большую карьеру...

Он тяжело вздохнул, и Зепп вспомнил, что Циммерман действительно когда-то работал «в поле», причем в краях экзотических вроде Африки и Китая. Даже жаль стало беднягу. Ведь нестарый еще. Конечно, закис в своем штабе.

— А если вас арестуют? Представить страшно.

Монокль фыркнул.

— Во-первых, у меня швейцарский дипломатический паспорт. Вторых, ампула в зубе... — Он оглянулся, потому что в зал вошли двое гардемарин, чему-то звонко смеясь. Перешел с немецкого на французский. — И вообще, это не ваша забота. — Палец в белой перчатке ткнул в карту. — Ваша забота — отправиться вот сюда и выполнить порученное задание.

Кинув взгляд на палец, Зепп спросил:

— В Севастополь? Новое задание имеет отношение к флоту? Поэтому меня и держали в судоремонтных мастерских?

Гардемарины встали перед картой Ледовитого океана, что-то там высматривая и оживленно переговариваясь. Доносились отрывки фраз: «новый Мурманский порт», «конвой», «отряд эсминцев». Вероятно, молодых людей ожидала служба на Севере. Один из них, услышав французскую речь, вскинул руку к бескозырке с тремя белыми кантами:

— Виват Франс! Виват Верден!

Монокль церемонно поклонился:

— Vive la Russie!

Взял собеседника под локоть, повел к выходу.

Человек, который смеется

В обычные зеркала Маша Козельцова никогда не смотрелась — скользнет взглядом и скорей отводит глаза. Дома у нее был туалетный столик с трюмо. Вот перед ним она просиживала подолгу. Глядела при этом почти исключительно в левую створку. Там отражался прекрасный, чистый профиль, в который можно было влюбиться. И Маша представляла, как эти тонкие черты запечатлеваются в сердце скромного, но глубоко чувствующего мужчины. Необязательно красавца, но человека твердого, надежного, который тебя никогда не предаст и ни на кого не променяет.

В среднюю часть трюмо Маша глядела неохотно. В правую вообще не заглядывала. С той стороны всю щеку и половину виска занимало огромное родимое пятно густого винного цвета, Машин крест и безысходная мука. Будто некая глумливая сила взяла и размазала по нежному девичьему лицу навозную лепешку.

День сегодня выдался славный. Теплый, солнечный и в то же время свежий. Со стороны бухты дул пахучий бриз, шевелил локоны. На правах старшей дочери и вообще *несчастной* Маша занимала самую лучшую комнату — в башенке, откуда открывался чудесный вид на крыши и на

рейд. Обычно она сидела там, наверху, чувствуя себя узницей заколдованного замка. Но иногда, под настроение, перебиралась на первый этаж, в гостиную, и устраивалась с книжкой на подоконнике.

Вот и сегодня Маша сидела внизу, читала роман Виктора Гюго, повернувшись к улице правильной половиной головы (это у нее происходило само собой, автоматически). Книга была чувствительная — про человека, который смеялся иначе, чем все. Маша была увлечена романом, находила сходство со своей судьбой. Но это не мешало ей краем глаза наблюдать за прохожими.

Читающая у окна девушка в белом платье — зрелище приятное, романтическое. Большинство тех, кто проходил по улице, были мужчинами. В основном молодыми моряками. Ловить на себе их взгляды было славно. Один остановился и долго на нее смотрел. Высокий блондин. Мичман. Нет, поручик береговой артиллерии, углядела Маша на погоне две пушечки. Боковое зрение у нее было исключительной натренированности, а в знаках различия она разбиралась не хуже старого служаки.

— Мадемуазель, — набравшись храбрости, позвал блондин. — Мадемуазель! Не скажете, как пройти на Екатерининскую?

Так она ему и поверила. Служит в Севастополе, а где Екатерининская, не знает.

— Мадемуазель! Я заблудился! Только вы можете меня спасти!

Голос у поручика был звучного тембра, с умеренной волнующей хрипотцой. И сделалось Маше грустно-прегрустно, хоть плачь.

Сцены вроде этой случались нередко. В хорошем расположении духа Маша делала вид, что не слышит. Просто вставала и уходила вглубь комнаты. Если же самоедствовала, хотела себя наказать — ну вот как нынче, — то поворачивала голову.

— Так вас спасти? — спросила она, обратившись к ухажеру анфас.

Он попятился. Споткнулся. Потом повернулся и побежал.

«Вот тебе, вот тебе», — сказала Маша то ли блондину, то ли себе. Широко оскалила зубы в злой улыбке. И захлопнула раму.

На берегах Невы

Они долго шли молча — вдоль площади, затем по набережной. Нужно было еще раз убедиться, что слежки нет. За Теофельсом следовали двое охранников — по обоим тротуарам, отстав на двадцать — тридцать шагов. Монокля оберегали еще тщательней. Зепп насчитал по меньшей мере

семерых пеших охранников, две пролетки, автомобиль, да еще по Неве параллельным курсом медленно двигался, урча мощным мотором, прогулочный катер, в котором, несмотря на паршивую погоду, пикничовала какая-то хмурая компания. Случись что, генерала-инспектора вмиг умчали бы хоть по суше, хоть по воде.

Лишь возле Троицкого моста генерал счел возможным начать разговор. Облокотились о парапет, закурили. По реке гулял шальной ветер, то там, то сям выписывая рябью замысловатые вензеля.

— В войне создалась патовая ситуация. Верден и Сомма стоили нам почти миллиона солдат. На востоке австрийцы потерпели поражение, от которого вряд ли оправятся. Противник тоже обескровлен, но время работает на него, а не на нас. Всё сильнее сказывается нехватка ресурсов, прежде всего топлива. Путь, по которому нефть поступает на территорию Рейха, проходит через земли нашего турецкого союзника...

Ровным, лишенным выразительности голосом Монокль говорил вещи, которые Теофельсу и так были известны. Турция с Болгарией ненадежны. Единственной гарантией поставок ближневосточной нефти является контроль над проливами, а флота на Черном море почти не осталось. Крейсер «Меджидие» погиб под Одессой, крейсер «Мессудие» потоплен английской субмариной в Дарданеллах, крейсер «Бреслау» недостаточно силен и недавно чуть не отправился на дно под залпами русского дредноута «Императрица Мария». Единственный еще не битый козырь — линейный крейсер «Гебен», который удалось перекинуть к туркам в самом начале войны. До недавнего времени в тех водах у него не было соперников. Но после того, как русские спустили на воду свой флагман «Императрица Мария», положение переменялось. «Гебен» уступает «Марии» в мощности огня и вынужден бегать, как заяц, пользуясь преимуществом в скорости. При хорошем ходе и искусном маневрировании можно уйти от одного дредноута и даже от двух. Но три линейных корабля загонят зайца в треугольник, из которого не будет спасения. В русском черноморском флоте теперь два однотипных гиганта — «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», а скоро будет три: со дня на день введут в эксплуатацию «Императора Александра Третьего». По сведениям агентурной разведки, адмирал Колчак готовится уничтожить порт Варна, потом загнать «Гебен» тремя дредноутами в капкан и после этого обрушить огонь своих трехсотпятимиллиметровых орудий на Константинополь. Можно не сомневаться, что Турция немедленно выйдет из войны. Тогда Рейх останется без топлива, а значит...

Генерал не договорил — и так ясно. Хорошо было Наполеону сто лет

назад воевать на лошадях, а в двадцатом веке без топлива много не навоюешь. *Нисколько* не навоюешь.

Выждав вежливую паузу, Зепп позволил себе вторгнуться в мрачные думы начальника.

— Вы четырежды упомянули линкор «Императрица Мария»... — осторожно сказал он. — Полагаю, неслучайно. Правильно ли я понял, что это и есть чурбан, для которого вам понадобился колун?

— Да. Нужно уничтожить этот корабль. Или один из двух остальных линкоров. Но желательно все-таки «Марию». Она лучше оснащена и вооружена, у нее самый опытный экипаж. Недаром там держит свой флаг командующий Черноморским флотом.

Майор молчал. Задание получено, но каковы средства для исполнения? Уничтожить стальной гигант размером с пол-Петропавловской крепости — не комара прихлопнуть.

О том же, вероятно, думал и Монокль. Только для сравнения выбрал не крепость, а пришвартованный поодаль трехтрубный крейсер, должно быть, прибывший нести сторожевую вахту в столице.

— Видите вон тот утюжок? Если не ошибаюсь, это крейсер первого ранга «Аврора». Так вот, фрау «Мария» раза в четыре дородней этой греческой богини. Отправить толстуху на дно будет непросто. Но у нас, вы знаете, есть кое-какой опыт по этой части. «Морская группа» уже переправлена на Черное море и начала работу. Она в полном вашем распоряжении. Телеграфируйте, когда станет ясно, кто еще вам понадобится. Обеспечим любую поддержку. Вся агентура будет работать на вас. Однако помните: времени очень мало. Отправляйтесь в Севастополь немедленно. Мы надеемся на вас, Теофельс...

«Морская группа» Секретные сведения

Первоначально это спецподразделение (полное название — «Военно-морская группа технического обеспечения специальных акций») была создана как чрезвычайное средство на случай, если Британия все-таки вступит в грядущую войну на стороне России и Франции.

И сама идея, и ее реализация принадлежали Моноклю.

Уже три века Англия безраздельно господствовала на морях. По суммарной мощи орудий, по количеству линкоров, крейсеров и прочих надводных кораблей за таким противником германскому флоту было не

угнаться. Благодаря форсированному выполнению «Плана Тирпица» к 1914 году Kaiserliche Marine^[66] модернизировался и многократно усилился, но все равно уступал британскому Grand Fleet^[67] почти вдвое.

Поэтому было принято решение действовать иными средствами. Во-первых, заменить войну *на море* войной *внутри моря*, то есть сделать ставку прежде всего на субмарины — их строить было быстрее и дешевле. Во-вторых (это уже непосредственно входило в полномочия разведки), предполагалось в самом начале конфронтации вывести из строя несколько ключевых кораблей противника при помощи диверсий.

«Морская группа» состояла главным образом из инженеров, перед которыми ставилась сугубо техническая задача: найти самую уязвимую точку в каждом из намеченных к уничтожению объектов и изготовить компактные мины, которые идеально соответствовали бы конкретным условиям операции. Операцию разрабатывали специалисты иного профиля — диверсионные ячейки, которые должны были обеспечить доступ на корабли и провести закладку взрывных устройств. Такого рода акция требовала хорошего знания местных условий и разветвленных контактов, поэтому ячеек было столько же, сколько целей. Но «Морская группа» существовала одна на всех.

Таков был стратегический замысел. Однако в жизни редко бывает, чтобы всё шло по плану. Из четырех намеченных ударов первого этапа диверсионной войны три по разным причинам сорвались, причем члены ячеек погибли или были «засвечены». Успех сопутствовал только одной акции. 26 ноября 1914 г. на рейде базы Ширнесс был взорван линкор «Булварк», погибший вместе со всем экипажем. Могучий корабль и 750 жизней в обмен на десяток агентов — вроде бы неплохой результат. Однако командование сочло операцию неперспективной. У Англии было слишком много боевых кораблей — гораздо больше, чем хорошо подготовленных кадров у немецкой разведки. Отдельными диверсиями проблему британского военно-морского превосходства было не решить.

Тогда, ввиду ожидаемого выступления Италии, было решено перефокусировать «Морскую группу» на Средиземноморский театр. Об этом просили австрийские союзники, которым предстояло взять на себя основную тяжесть войны с новым противником.

Итальянский флот не ровня британскому. Нейтрализовать его можно было двумя-тремя хорошо рассчитанными операциями.

Год назад в Бриндизи был взорван флагманский корабль эскадры линкоров «Бенедетто Брин». В минувшем августе удалось утопить новейший дредноут «Леонардо да Винчи». Диверсионные ячейки и часть

«Морской группы», правда, были впоследствии вычислены вражеской контрразведкой и погибли, зато итальянская морская угроза на Средиземноморье перестала существовать.

Все эти сведения, почерпнутые из папки, которую Йозеф фон Теофельс изучал в крымском поезде, выглядели вроде бы обнадеживающе: опыт подобных операций существует, есть наработки, имеются подготовленные кадры. Однако была тут и загвоздка. Она вскрылась, когда Зепп углубился в чтение раздела «Русское направление».

Досье, специально приготовленное для майора и содержавшее сугубо секретную информацию, было напечатано на очень тонкой бумаге, которая была похожа на папиросную — не только видом, но и одним весьма полезным качеством. Довольно было слегка надорвать краешек, и начиналась химическая реакция, в несколько секунд превращавшая листок, как папиросу, в кучку пепла. Дочитав страничку, Зепп немедленно ее уничтожил. Каждые четверть часа верный Тимо топал ссыпать содержимое пепельницы в уборную (купе было первого класса, двухместное, с собственным туалетом).

Так о загвоздке.

Из папки следовало, что с русским флотом серьезной работы никогда не велось, если не считать обычной агентурной сети еще мирного времени в Кронштадте и Николаеве. Но там люди в основном занимались просто сбором информации, диверсионных ячеек ни на Балтике, ни тем более на Черном море не существовало. Военно-морские силы Российской империи не считались серьезной проблемой, поскольку узость проливов и на северном морском театре, и на южном позволяла без особых забот изолировать вражеские эскадры в их внутренних водах.

Однако в связи с вводом в строй триады мощных дредноутов и ослаблением турецкого союзника всё менялось. Черноморский флот русских превращался в фактор, способный изменить ход войны.

Закончив изучение последнего раздела (то был список агентов-диверсантов, которые могли пригодиться в деле), Зепп завздохал, забарабанил пальцами по столу. Он растревожился: вдруг не справится?

Волнение, впрочем, было приятным.

Прогулка по пушкинской

Любимое время суток у Маши был вечер. Любимое время года —

осень и зима. Потому что рано темнеет и можно гулять по улицам. Днем, да еще в солнечный день, она почти никогда не выходила. Разве что в густой вуали или широкополой шляпе, затеняющей лицо.

Трудность состояла в том, что без сопровождающего по вечернему городу разгуливают только женщины определенного сорта. Поэтому пройтись по любимым улицам, Пушкинской или Екатерининской, вдоль Графской пристани или по Мичманскому бульвару, Маше доводилось нечасто.

Во-первых, спутник мог быть только военным — они, в отличие от штатских, идут от дамы справа и тем самым обеспечивают прикрытие с правильной стороны.

Во-вторых, Маша не должна была испытывать стеснение перед кавалером за свое уродство.

Людей, которые соответствовали двум этим обязательным условиям, на свете существовало всего двое: папа и Мика Вознесенский.

Сегодня всё сложилось как нельзя лучше. Вечер выдался удачный, безлунный. Папа был на службе, но Мику отпустили на берег, и он сам предложил «произвести небольшой марше-марше», как это называлось во времена их детства. Была у них такая глупая песенка, невесть когда сочиненная маленькими жертвами уроков французского:

Жё по Пушкинской марше
И пердю перчатку,
Жё немножко пошерше,
И опять марше-марше.

С Микой Вознесенским, сыном папиного товарища, они вместе выросли. Вот уж кого Маша нисколько не стеснялась. Да и он ее ужасному пятну не придавал никакого значения, вообще его не замечал.

И вот шла Маша с красавцем-мичманом по Пушкинской (разумеется, правой стороной улицы, чтоб свет фонарей падал слева), и было ей очень-очень хорошо. После того как в начале войны крейсер «Гебен», втихомолку подкравшись, обстрелял город из орудий, в Севастополе соблюдались правила затемнения, но не слишком строго. Огни не горели только на набережных, да полагалось прочно зашторивать обращенные к морю окна. После того, как со стапелей сошли наши дредноуты, «Гебена» в городе бояться перестали.

Только недолго наслаждалась Маша прогулкой. Оказалось, что Мика

вывел ее «марше» не просто так. Ему нужно было поделиться огромным событием: он влюбился, сделал предложение и получил согласие. Микину избранницу Маша знала — жеманная петроградская барышня, приехавшая в Крым на осенне-зимний период из-за слабых легких.

— ...Я и не надеялся, честно! Не собирался ничего такого, само выскочило, — горячо рассказывал Мика, не забывая козырять встречным офицерам. — Взял и бухнул: «Боже, как я вас люблю!» А она знаешь что? Закрыла лицо руками и заплакала! Представляешь? Это лучше всяких слов! Господи, Марусенька, я не знаю, что будет, ведь война и всё такое, но я... Я будто пьяный! Неужели мы поженимся? Неужели?

Тут он поглядел на нее и сбился.

Маше показалось, что у нее в груди раздался хруст. Словно каблук раздавил что-то хрупкое, стеклянное. Вероятно, именно это имеют в виду, когда говорят о разбившемся сердце...

— У тебя слезы. Ты плачешь!

— Это я от счастья. За тебя, — сказала она и выдавила улыбку. — Мой Мика женится. Подумать только. Проводи меня домой. Что-то зябко...

Всю жизнь, с детства, она втайне, никому не открываясь, мечтала, что Мика однажды признается ей в любви. Ни о ком другом никогда не думала, да и не могла думать. Все остальные мужчины смотрели на Марию Козельцову с нескрываемым (да хоть бы и скрываемым, какая разница) отвращением.

Теперь только в монахини, думала Маша, перестав слушать счастливый лепет единственного друга. Монашкам телесная красота не нужна. Опять же можно повязать черный плат так, что пятна будет почти не видно.

Но без веры идти в Христовы невесты нехорошо, а какая может быть вера в Того, кто с рождения залепил тебе половину лица, образа Божия, навозом?

Принюхивается

У лазаревских причалов море пахло неромантично: тухлой рыбой, гниющими водорослями, мазутом. Человек, сидевший в коляске с поднятым верхом, раздувая ноздри, втянул воздух, поморщился, прикрыл лицо надушенным платком. Скучавший на пирсе фельдфебель портовой охраны ухмыльнулся: ишь ты, поди ж ты, какие галантерейности. Пижон, что приехал в наемной пролетке, торчал тут уже давно. Верно, дожидался

какого-нибудь знакомого моряка. Здесь, на Экипажной пристани, высаживались матросы и мастеровые, что прибывали на берег с кораблей, стоявших на рейде Северной бухты. Время было вечернее, шлюпки так и сновали туда-сюда.

С «Марии», низкий и длинный силуэт которой серел за стрелкой Павловского мыса, везли ремонтных рабочих. У них как раз закончилась смена.

Служба у фельдфебеля была простая, но ответственная: считать да сверять.

Подкатил, к примеру, малый катер (его по старой традиции называли «полубаркасом»). Служивый поправил портупею, со значением глянул на своих солдат-лоботрясов. Те подтянулись: мы начеку, носом не клюем.

Для порядку фельдфебель сначала спросил у старшего по перевозке:

— Откуда? — Хотя на катере было ясно написано «Императрица Мария».

— Здорово, Гаврилыч. Заступил? — приветствовал его кондуктор. — Маляры, выходь!

Неловко, без привычки, на причал вскарабкались четверо чумазных, в заляпанных краской передниках.

Фельдфебель заглянул в учетную книгу. Всё точно. Бригада маляров, четыре человека, отправлена в 8 часов двенадцать минут. Ткнул пальцем в каждого, махнул рукой: валите.

Вылезла следующая бригада.

— Это клепальщики. Было шестеро, один раньше вернулся.

С записями совпало.

— Дальше кто?

Дальше были монтажники и водолазы. Фельдфебель важно и неторопливо пересчитал их по головам, хоть те и ворчали. Все устали за день, всем хотелось домой.

— У меня тут прописано еще пять электриков: инженер, механик и три гальванера.

Кондуктор ответил:

— Чего-то они там в артпогребе не доделали. Будет еще одна ходка. А больше никого из вольных нету.

Он тоже поднялся, размяться. Поручкались, благо казенное дело было закончено. Закурили сигарки.

Ядреный дым морского табачка, видно, оказался не по нутру нежному господину в коляске. Или, может, он дожидался кого-то из электриков, а услышав, что они задерживаются, решил больше времени не тратить.

Брезгливо чихнув, седок ткнул тросточкой в спину сутулого верзилу, дремавшего на козлах:

— Пошел!

На костлявой физиономии извозчика приоткрылись сонные глаза.

— Жевелись, лубезные! — гаркнул кучер, странновато выговаривая слова. — Эгегей!

Укатали.

Прислушивается

А уже совсем вечером, в одиннадцатом часу, тот же самый господин, только не с платком в руке — с зажженной сигарой, — опять кого-то терпеливо поджидал у крайней колонны Морского собрания. Как раз закончилась лекция для офицеров (профессор из Николаевской академии делал сообщение о Ютландском сражении), и на площадь выходила черномундирная, золотопогонная толпа. За спиной бронзового Нахимова образовалось скопление курильщиков. Многие, не поместившись на тротуаре, стояли на мостовой.

Несмотря на сугубую неформальность стихийного сообщества, обычная для флотского мира иерархия соблюдалась и здесь: как-то само собою вышло, что мичманы и молодые лейтенанты оказались на тротуаре и близ него, а публика солидная, командиры и старшие офицеры кораблей, отделенные от прочих пустой полосой брусчатки, собрались у ограды памятника.

Тема сообщения, посвященного крупнейшей морской баталии современности, волновала слушателей. Они не спешили разойтись. Кому-то хотелось высказать свою точку зрения и поспорить, прочие внимательно слушали. При этом молодежь горячилась и шумела, люди зрелые переговаривались вполголоса, не перебивая друг друга.

Человек с сигарой, надвинув на глаза котелок, прохаживался между моряками, словно высматривая знакомых.

— ...А я тебе говорю, победили немцы! — слышалось из круга желторотых. — Они утопили вдвое больше кораблей!

— Какая, к черту, разница! Главное, что Шеер не смог прорвать английскую блокаду и гансы убрались восвояси!

Артиллеристы сравнивали эффективность огня обеих сторон.

— М-да, господа, что ни говорите, а выучкой немцы превзошли британцев. Точность у них в полтора раза выше. При стрельбе со средней

дистанции в 60–70 кабельтовых три с половиной процента попаданий — это, доложу я вам, ого-го. Знаете, каков был результат у нас на «Екатерине» во время последних тренировочных?

Говоривший умолк, недовольно глядя на штатского, пробиравшегося к памятнику. Сведения о стрельбах были конфиденциальные, не для чужих ушей.

Но артиллерийские тайны господина в котелке, кажется, не интересовали. Он, вероятно, был приезжий и просто слонялся по площади от нечего делать. Кому из севастопольцев придет в голову разглядывать ядра и лавровый венок, прикрепленные к тыльной части постамента? Рядом, правда, вели неторопливый разговор двое немолодых офицеров, но тема была скучная и нисколько не секретная.

— Надоело вечное «авось», Иван Сергеевич, — хоть и почтительно, но довольно сердито бурчал старшему по званию капитан второго ранга. — из-за русского нашего разгильдяйства чуть войну не профукали! Право слово, ну что у нас на «Марии» за порядки? В какой, осмелюсь спросить, инструкции сказано, чтоб на боевом корабле ремонт производили штатские? На то есть военно-инженерный экипаж!

Вынимая из мундштука докуренную папиросу, седобородый капитан первого ранга добродушно отвечал:

— Вы, Николай Семёныч, старший офицер. Вам по вашей бульдожьей должности положено инструкции защищать. А я командир, мне за корабль отвечать. На уставе да инструкциях дела не сделаешь... Инженерный экипаж, он один на всех, а на «Марии» перед походом сами знаете, сколько всего наладить нужно.

Старший офицер дернул себя за длинный черный ус:

— Иван Сергеевич, да ведь мы — флагман флота! Мы пример должны подавать! Коли уж у нас настоящего порядка нет...

Командир закашлялся и выразительно кивнул на любителя памятников. Разговор был пускай не секретный, но того разряда, который называют «выносить сор из избы», не для чужих ушей.

Седобородый взял черноусого под локоть, отвел в сторонку. Штатский же зевнул, сунул сигару в угол рта, прогулочным шагом обошел вокруг памятника, поглазел на белеющий во мраке портик Графской пристани, еще покурил возле театра «Ренессанс» и лениво вошел в высокие двери помпезного трехэтажного здания псевдоклассической архитектуры, отель Киста — это название местные остряки произносили с ударением на последнем слог. Если бы кому-то пришло в голову заинтересоваться странноватым поведением человека в котелке, то всё тут же и объяснилось

бы. Обычный вечерний моцион гостиничного постояльца. Где ему еще и гулять, если не рядом с местом проживания?

Творческие муки

Вечерний моцион обычно производят, чтоб крепче спать. Но постоялец спать и даже ложиться не собирался.

Вернувшись в номер, он сел к столу, высыпал из коробка спички и стал выкладывать из них буквы.

Сначала сложил «Д», что означало «дредноут». Это слово английского происхождения, обозначавшее линейные корабли сверхмощного класса, буквально переводилось как «ничего не страшщийся». У дредноутов вроде «Императрицы Марии», в море соперников не имелось — как у синего кита, который в двадцать пять раз тяжелее самого крупного сухопутного зверя, африканского слона.

Число «25» в голове ночного мыслителя вертелось с каббалистической многозначительностью.

Флагман черноморского флота в полном снаряжении имел водоизмещение двадцать пять тысяч тонн. Его паротурбинные установки обладали силой табуна в двадцать пять тысяч лошадей. Толщина брони составляла двадцать пять сантиметров. Двадцать пять орудий могли стереть с лица земли целый город или потопить любой корабль, который осмелился бы приблизиться на двадцать пять километров. В своей берлоге, на стоянке Северной бухты, левиафана охраняли жерла двадцати пяти береговых батарей.

Вопрос: кто способен погубить неуязвимого в своей броне великана?

Ответ: тот, кто сумеет пробраться под его панцирь.

На столе появилась буква «Р», что означало «ремонт».

Сведения, подготовленные агентурой и проверенные собственными наблюдениями, подсказывали единственно возможный способ решения трудной задачи. Перед грядущим большим походом на обоих линкорах шел срочный ремонт. Хоть корабли были новые, но, как это всегда бывает, в конструкции, вооружении и оснащении выявились недочеты, которые следовало исправить. Работы велись в орудийных башнях, пороховых погребах, в системе подачи боеприпасов, в торпедных отсеках. Несовершенной оказалась и противозаэропланная оборона — бомбардировочная авиация развивалась так быстро, что зенитных пушек оказалось недостаточно.

Военных ремонтников в Севастополе не хватало, поэтому на линкорах трудились штатские — мастера с государственных и частных предприятий. Их состав все время менялся, в зависимости от профиля и этапа работ. Учет велся по старинке — без персональной регистрации, на глазок, по головам.

Здесь в толстой коже кашалота явно было слабое место, но как в него вгрызться?

Теофельс бился над этой головоломкой вторую неделю. Принюхивался, присматривался, прислушивался. По сотому разу изучал собранную информацию, добывал новую. Утратил сон и аппетит. Ждал наития.

Специалисты из «Морской группы» дали экспертное заключение: взрыв нужно произвести в двух ключевых точках: на паровой магистрали и в крьюйткамере одной из орудийных башен главного калибра. Готовы прелестные миниатюрные детонаторы в виде латунных трубочек — такую можно спрятать где угодно: хоть в головном уборе, хоть, пардон, в заднице. На этом работа художников взрывного искусства, собственно, закончилась. Дальнейшее зависело только от Зеппа.

Как диверсант проникнет в паротурбинный отсек и тем более в пороховой погреб, куда не то что посторонних, но и своих-то допускают только в особых случаях и, разумеется, под строгим контролем?

Времени вербовать кого-то из экипажа нет. Опять же рискованно — ошибешься в человеке, вся операция провалится.

Зепп с завистью думал о коллегах, готовивших предыдущие взрывы. Милое дело — работать не спеша, обстоятельно.

Подрбностей акции с британским «Булварком» Зепп, конечно, не знал, но легко мог предположить, каков был хореографический рисунок этого танца. Англия — страна этикета, корпоративного духа. Если два джентльмена состоят в одном клубе, или учились в одной закрытой школе, или, God damn it, гоняли вместе по полям несчастную лисицу, разве могут у них быть секреты друг от друга?

Еще проще в Италии. Сходили пару раз в bordello, к одной и той же красотке, чтобы стать, как у них это называется, fratelli di letto^[68]. Попели хором «Санта Лючию» — è cosa fatta^[69]. Приходи в гости на корабль хоть с чемоданом, оставайся ночевать...

Брюзгливые фантазии навевались завистью и бессонницей. В Британии и в Италии майор никогда не работал. Однако ход мысли был верный.

Всюду есть свои национальные особенности, своя экзотика. Их и

следовало использовать.

Вот что такое Россия с точки зрения охраны секретных сведений?

С одной стороны, русские подвержены тотальной шпиономании, побуждающей их ревностно оберегать самые невинные сведения, которые нетрудно почерпнуть из открытых источников, даже из прессы. К любому незнакомому человеку, особенно в военный период, относятся с овчарочьей подозрительностью. Но если уж казенный человек тебя признал за своего, все шлагбаумы, или, выражаясь по-туземному, рогатки поднимаются, инструкции и запреты идут к черту.

Взять хоть эту гостиницу. К каждому приезжающему отношение сверхбдительное: извольте документы на прописку, да по какой надобности изволили прибыть, да нельзя ли получить телеграфное подтверждение от командирующей инстанции. Военный порт, неприступная крепость! Горничная баба Катя в первую же отлучку обшарила весь багаж, аж носовые платки перебрала (это Зепп установил по приставшему к батисту длинному полуседому волосу). То ли тетка в морской контрразведке подрабатывает, то ли просто энтузиастка — под предлогом патриотической бдительности удовлетворяет женское любопытство. И что же? Довольно было угостить пожилую фрау чаем, выслушать рассказ о нелегкой женской доле, самому посетовать на горькую судьбину вдовца с шестью крошками на руках (имелись и фотокарточки крошек, а как же) — и сделалась Катюша верной союзницей. Стала называть «сынком», все секреты выложила — и про полового Мишку, который филер, и про обязательную «лепортацию» о каждом постояльце. А всё потому что Зепп стал для нее свой.

Своим в России можно всё, правила написаны для чужих. Поэтому и законы здесь не более чем условность, удобная для сильных и досадная для слабых. Недаром сакральный лозунг русских — «жить по правде». Но правда-то у каждого своя. Это право, то бишь закон, для всех общий, а общее — оно заведомо не *свое*.

Именно здесь, на стыке *общего* и *своего*, казенного и личного, угадывалась замочная скважина. Только Зепп никак не мог нащупать ее отмычкой.

Снова и снова вчитывался он в досье всех ключевых фигурантов: командиров, старших офицеров, артиллеристов, служивших на обоих линкорах.

Агентура потрудились добросовестно, ничего не скажешь. Собрала исчерпывающую информацию — карьера и биография, характер и привычки, пристрастия и грешки, семейные и любовные связи.

Эх, если б можно было подключить женский фактор! Насколько проще и удобнее работать с существом противоположного пола! По личной статистике Теофельса, 80 % удачных операций из его послужного списка были проведены с помощью нежных, влюбчивых, легкомысленных созданий, которые в пальцах умелого скульптора становятся податливей самой мягкой глины.

Разумеется, умной разведчице плести пряжу из мужчины тоже нетрудно. Если б руководителем агентурной сети Рейха был Зепп, он использовал бы женщин на всех ключевых направлениях — ведь обрабатывать-то приходится почти исключительно представителей сильного пола. Это они руководят министерствами, штабами, банками и заводами. Если б в придачу к «Морской группе» в Севастополь прибыл летучий отряд хорошо подготовленных цирцей-далил-юдифей...

Всё равно бы ни черта не вышло, оборвал свои мечтания майор. В данном случае женщину использовать не получится — ни в качестве активной помощницы, ни в качестве «куклы». Военный корабль — особая среда, куда прекрасному полу доступа нет.

И всё же мозг постоянно возвращался к этой теме.

На восьмой день размышлений, поисков и страданий Зепп наконец нащупал кое-что перспективное.

А всё потому, что не удовлетворился одними досье. Бумага — она и есть бумага. Какую-нибудь мелкую и вроде бы несущественную детальку может упустить. Даже если эта деталька, можно сказать, сама бросается в глаза.

Присматривается

Днем в укромном, тенистом уголке Исторического бульвара, куда редко забредают гуляющие, сидела на скамейке молодая особа в широкополой соломенной шляпе, читала книгу, повернув голову так, что с аллеи виднелся лишь милый и чистый профиль.

Отнюдь не напротив, а на отдалении штудировал иллюстрированную газету какой-то бездельник: клетчатые ноги, покачивающийся ботинок с гамашей.

Внимания читатели друг на друга не обращали — дистанция была приличная, шагов в двадцать.

И случился тут небольшой, абсолютно случайный казус.

Шла по бульвару компания из трех моряков: два мичмана и лейтенант.

Должно быть, молодые люди только что отобедали — славно, не без винопития. Настроение у них было приподнятое, походка бодрая.

Заметили моряки одинокую барышню — зашептались. Человеку с газетой, однако, их переговоры были хорошо слышны, поскольку совет происходил поблизости от его скамейки.

— Кто идет на абордаж? — спросил пухлый мичман.

Худой мичман ответил:

— По-честному.

Кинули жребий на пальцах. Выиграл лейтенант.

Двое остальных сделали вид, что рассматривают клумбу, победитель же танцующим шагом направился к незнакомке. Приятели поглядывали ему вслед, предвкушающе улыбаясь.

Заметила маневр лейтенанта и девушка. Головы она не повернула, но по застывшей позе было ясно, что читательница насторожилась.

Офицер, грациозно наклонившись, сорвал хризантему, остановился у скамьи.

— Знаю, всё знаю, — сказал он покаянно. — Знакомиться на улице пошло. Но кто знает, сколько жить осталось. Через неделю ухожу в поход... Вернусь ли? Бог весть...

Девушка уже не читала, скосила на молодого человека глаза. Тот подпустил в голос проникновенности:

— Хотя удостойте взглядом. Будет что вспомнить в смертный час.

На секунду она закрыла глаза. Прикусила губу.

Громко, с вызовом сказала:

— Что ж, вспоминайте!

И повернулась.

Огромное родимое пятно, занимавшее половину лица, было видно издалека. Лейтенант сделал шаг назад. Потом еще один.

Его приятели, в первый миг опешившие, зашлись восторженным хохотом.

— Боба-то наш... Дон Жуан... Ой, не могу... — покатывался худой мичман.

Пухлый мичман вторил ему:

— Иван-царевич и ца...ца...царевна-лягушка...

На глазах у барышни выступили слезы. Она беспомощно оглянулась, словно искала, не найдется ли где-нибудь защитник.

Но господин в клетчатых брюках из-за своей газеты не высунулся, а больше на аллее никого не было.

Девушка вскочила, готовая бежать прочь, однако тут со стороны

трамвайной линии в сквер быстро вошел юноша, тоже в морском сюртуке.

— Мика, Мика! — кинулась к нему плачущая девушка.

— Прости, Маша, вахтенный задержал... — начал оправдываться припозднившийся кавалер, но заметил ее слезы, услышал смех весельчаков и сразу догадался, что здесь произошло.

— Господа, это мерзко! — закричал он, ускорив шаг. — Немедленно извинитесь!

У сконфуженного неудачным «абордажем» лейтенанта появился отличный способ восстановить свое реноме.

— Что за тон? — грозно рыкнул он. — Вы кто такой? Извольте представиться старшему по званию!

— Мичман Вознесенский, с «Императрицы Марии», — назвался рыцарь и тихо, чтобы барышня не слышала, прибавил. — Это дочь нашего командира. Настоятельно советую извиниться...

Лейтенант выругался, тоже вполголоса.

Оправил китель. Четким шагом подошел к всхлипывающей девушке, сдернул фуражку.

— Мадемуазель, ради бога простите меня и моих товарищей за глупость и хамство. Нет слов, как стыдно...

Склонили головы и двое остальных.

Капитанская дочь грустно ответила:

— Ничего, господа. Я привыкла...

Посмотрела на единственного свидетеля неприятной сцены, однако тот уже куда-то делся. На скамье белела брошенная газета.

Психологический этюд

Следующим утром, проводив отца до пристани (семейная традиция, никуда не денешься), Маша Козельцова шла домой в обход центральных улиц, чтоб не наталкиваться на испуганные или, того хуже, жалеющие взгляды. Пересекла Большую Морскую, нырнула в узкий проход, который вел через дворы на Одесскую, а там рукой уже подать до дома.

В узкой щели между домами, спиной к Маше, стоял кто-то в военном френче без погон, неторопливо и обстоятельно прикуривал папиросу. Обойти его, широкоплечего, было затруднительно.

Секунду-другую обождав, Маша нетерпеливо сказала:

— Сударь, позвольте пройти.

— М-м-м? — промычал курильщик, не повернувшись. Донеслось

сосредоточенное попыхивание. Табак, видимо, отсырел.

— Разрешите пройти, — повторила она, уже с раздражением.

— Да-да, извините.

Невежа подвинулся, встав к стене лицом.

— Вас не учили, что поворачиваться к даме спиной неучтиво? — окончательно рассердилась Маша. Она всегда бывала не в духе, когда приходилось в ясный день ходить по городу.

Незнакомец глухо произнес:

— Хорошо, я обернусь...

И обернулся. На груди у него белел эмалью георгиевский крест и еще висел какой-то овальный значок с короной, но потрясенная Маша не вглядывалась. Лицо невежи слева было обезображено чудовищным ожогом: кожа воспаленно-розового оттенка вся сморщилась — жутко смотреть.

Глядя вниз, мужчина хмуро сказал:

— Извините, вы сами настояли...

— Это вы меня извините! — прошептала она, мучительно краснея. Уж ей ли было не знать, что он, бедняжка, сейчас испытывает!

По-прежнему не поднимая взора, георгиевский кавалер вздохнул:

— Не могу видеть, как от меня шарахаются женщины, особенно молодые. Не привык еще...

— Я вас понимаю, как никто другой. Вот, смотрите.

Поддавшись внезапному порыву, она приподняла вуаль.

Он наконец взглянул на нее. Но реакции, к которой Маша привыкла и которой ждала, не было. Незнакомец не отвел взгляда от пятна, а довольно равнодушно его рассмотрел. Пожал плечами.

— Где вам понять урода. Вы красивая. Подумаешь, родимое пятно. Даже мило. Похоже на медвежонка.

— На медвежонка? — пролепетала Маша и схватилась за щеку.

— Ну да. Вы позволите?

Деликатно, самым кончиком пальца, обожженный дотронулся до ее лица.

— Вот голова, вот лапки... — И, испугавшись собственной дерзости, спрятал руку за спину. — Простите меня... Я что-то совсем одичал... Честь имею...

Неловко поклонился, хотел уйти, но Маша, слава Богу, опомнилась, не отпустила.

— Погодите! Вы кто?

Голос у нее прерывался. Из-за сердцебиения.

Повернувшись, удивительный человек словно ненароком прикрыл

ожог рукою с папиросой.

— Родион Романович Мышкин. Смешная фамилия. Имя отчество тоже. — Улыбнулся половиной лица. — Папаша, знаете, увлекался Достоевским...

Кружок у него на груди оказался знаком Технологического института.

— Вы инженер? — спросила Маша. Вуаль она все-таки опустила.

— Да, служу на судоремонтном. Недавно. Я всего месяц как выписался из госпиталя. Комиссован из армии. Это, — приложил он кулак к лицу, — я в «остине» горел...

Она не поняла:

— В чем?

— Ну, в «остине», в бронеавтомобиле. Знаете — такая железная коробка на гусеницах.

Про флот и корабли Маша знала почти всё, даже про последние новинки техники, но делами сухопутными интересовалась мало.

— На каких-таких гусеницах? — поразилась она. Спыхватилась, что забыла представиться. — Ой, простите. Я Козельцова, Мария Ивановна.

Протянула руку. Мышкин осторожно, чуть-чуть, сжал ее пальцы.

— Нет, правда. О бронированных авто, теперь припоминаю, я слышала. Но при чем тут гусеницы? Расскажите, пожалуйста! У вас есть время меня проводить?

Он предложил ей руку — правую, по-штатски. Получилось очень хорошо: оба видели друг друга именно в том ракурсе, в каком нужно. Любоваться на его ожог и на ее пятно предоставили прохожим. Она нарочно свернула на Одесской влево, чтоб удлинить дорогу до дома.

Через три дня

Козельцовы были старинным морским семейством, исконными севастопольцами. В стране, где история флота насчитывала всего двести лет, и в порту, который не так давно справил свое столетие, это означало, что Иван Сергеевич был моряком в четвертом поколении и севастопольцем в третьем. Его дед, сын кронштадтского штурмана, служил под началом адмирала Лазарева и умер от тифа во время великой осады; отец лишился глаза на Дунае во время Балканской войны; Машин младший братишка — дело решенное — по окончании гимназии должен был поступать в Корпус.

Дом на Очаковской улице по местным меркам тоже считался старым — постройки семидесятых годов, когда с восстановлением

Черноморской эскадры разрушенный бомбардировками Севастополь вновь обрел смысл своего существования.

Командир «Марии» был человек славный, гостеприимный. Во время стоянки в порту офицеры обедали у него по-домашнему, посменно — за стол могло сесть до дюжины гостей.

Но нынче случай был особенный, интимный, поэтому пригласили только самых близких. Так пожелала Маша, во-первых, смущенная быстротой событий, а во-вторых, хотевшая сегодня видеть только своих, от кого не нужно прятать лица.

Собирались объявить о ее помолвке.

Накануне вечером они с матерью долго разговаривали. Конечно, не обошлось без слез.

— Я понимаю, все так внезапно, — шептала Маша, подозревая, что брат с сестренкой подслушивают за дверью. — Три дня как познакомились — и предложение... Наверное, нехорошо, что я сразу согласилась. Можно сказать, сама на шею повесилась... Мы ужасная пара, да? Я вот с этим, — она тронула щеку, — он тоже обезображен. Но ему-то стесняться нечего, он пострадал за отечество! — тут же кинулась она на защиту Родиона Романовича, хоть никто на него не нападал. — Ах, мама, у меня голова кругом...

Татьяна Борисовна, вытирая глаза, перекрестила дочку:

— Дай Господь, чтоб всё хорошо... Мне самой страшно. Манечка, мы же его совсем не знаем. Я видела его лишь один раз!

— А мне кажется, что он был всегда. Нет, я в нем несколько не сомневаюсь. Он чудесный, чудесный! Я боюсь только одного... — Маша всхлипнула. — Мы выйдем из церкви, и над нами будут смеяться...

Но мать, оказывается, об этом уже подумала.

— Есть такая фата, я видела в журнале: очень плотная, закрывает лицо с обеих сторон. Сейчас даже модно. Называется «арабьен», вроде мусульманской чадры. Еще золотой или серебряной нитью прошивают...

— Золотое шитье — фи! Какая-то армянская свадьба!

— Не скажи. Если поддержать тему сверху веночком из позолоченного лавра, снизу — золотыми тувельками, выйдет и нарядно, и стильно...

Поспорили, потом снова поплакали, потом обсудили грядущий званый ужин. Несмотря на количество пролитых слез, обе были счастливы.

Сегодняшний день мать и дочь провели в чудесных хлопотах. Ездили по магазинам, выбирали достойное торжественного повода платье. Затем Татьяна Борисовна занялась приготовлениями, а к Маше вызвали парикмахера и — неслыханное сибаритство — маникюршу.

К половине десятого невеста была готова, стол тоже. Мать с дочерью оглядели гостиную. Скатерть, приборы, канделябры, цветы — всё было идеально.

На свою беду сунулся с инспекцией и Иван Сергеевич.

— Эй, на юте! Палуба надраена, вымпел поднят? Ялик с гостями уже на траверсе!

Капитану немедленно досталось. За то, что суется не в свое дело. За то, что до сих пор в домашней куртке. За то, что не исполнил единственное порученное ему дело — не проследил, легли ли младшие. Десятилетние Ваня и Таня, близняшки, пять минут назад совали нос в гостиную и требовали пирожков. Они и сейчас хором закричали из-за двери: «Невеста из теста!»

Иван Сергеевич тоже утянул с блюда пирожок.

Спросил:

— Машенька, человек-то он хороший?

Мать с дочерью переглянулись.

— Поинтересовался, — сказала Татьяна Борисовна. — Надо же.

— Рад меня сплавить. Еще бы, кто меня такую возьмет. Разве что инвалид...

Голос у Маши дрогнул. Они заплакали, кинулись друг другу в объятья. Нервы у обеих были взвинчены.

Капитан мысленно скомандовал себе: «Задний ход!» и покинул недружественные воды.

— Пойти, в самом деле, переодеться...

В дверь зазвонили.

— Боже, это он! — в панике воскликнула Маша. — Совсем забыла! Я же просила его прийти без четверти. Наташа, не ходи! Я открою!

Мать поправила ей выбившуюся из-под гребня прядку, но не забыла и сама поглядеться в зеркало.

Мужские разговоры

После окончания трапезы, когда все поздравления, благопожелания и тосты были произнесены, хозяин предложил гостям расстегнуть воротники и закурить. Приглашенных было всего двое: помощник Ивана Сергеевича кавторанг Городецкий и командир первой носовой башни мичман Вознесенский — на правах давнего друга невесты.

За минувшие полтора часа жених был ими тактично, но внимательно

рассмотрен и одобрен. Обстоятельному, суховатому Николаю Семеновичу инженер понравился скромностью и «георгием» на груди. Мика же был ужасно рад, что Машенька выглядит такой счастливой, и полюбил ее избранника уже за одно это.

Морякам любопытно было услышать, как воюют на суше. Отставного прапорщика Мышкина попросили рассказать про новое оружие, бронемашины. Родион Романович сначала смущался, отнекивался. Потом все-таки заговорил и оказался недурным рассказчиком. Он объяснил, что ему как опытному инженеру-механику доверили обкатку в боевых условиях «остина» новой серии, на смешанном колесногусеничном ходу.

— ...Пыхтим на своей керосинке через поле, вот этак. — Он двигал по скатерти заварной чайник. — Оба пулемета стрекочут. Урону от нашей пальбы, может, и немного, потому что метко стрелять из глухой башни трудно, но глядеть из окопа на броневик, я думаю, страшно. Видели вы когда-нибудь «остина»? Нет? Представьте, что ваша «Мария» по земле едет. Пехота ведь снизу, из траншеи смотрит. Одна беда: ни черта не видно, дым. Откидываю люк, высовываюсь. — Родион Романович снял с чайника крышечку. — Командиру машины это часто приходилось делать. И тут вдруг ж-ж-ж-ж — немецкие аэропланы. Пролетел над нами бомбовоз, тра-та-та-та из пулемета. Я, конечно, нырнул вниз. А люк захлопнуть не успел. Ну и всадил он нам туда точнехонько зажигательную бутылку... М-да.

Маша сопереживала. Поглядывала на слушателей — внимательны ли. Когда отец наклонился раскурить трубку, сдвинула брови. Не нравилось ей и то, что Татьяна Борисовна во время рассказа отвлекает мужа.

(А мать в это время шепнула Ивану Сергеевичу: «Видишь, как они сели? Он к ней целой половиной лица, и она к нему тоже. Сердце разрывается...»

Капитан погладил жену по плечу.)

— Прямо в люк? — ахнул мичман. — Это все равно что снаряд жახнет в крюйт-камеру, один шанс из тысячи. Не повезло вам.

Мышкин грустно усмехнулся половиной рта — вторая не слушалась.

— Мне-то как раз повезло. Успел выскочить, по земле покатался, пламя сбил. А остальные... — Махнул рукой. — Конструкционный недостаток «остина» — нет защиты от аэропланов. Хоть бы один пулеметишко зенитный.

Старший офицер, все мысли которого в любое время дня и ночи сворачивали на корабль, вздохнул:

— Вот и меня воздух беспокоит. Говорят, немцы научились подвешивать к самолетам торпеды. Если правда — хлебом мы горя.

— Не может быть, чтоб на дредноуте не было достаточной противозаэропланной обороны. — Мышкин покачал головой. — У вас, если я правильно помню, восемь семидесятимиллиметровых зениток. Хотя, конечно, им не хватает подвижности. Хорошо бы счетверенные пулеметы поставить. Самая эффективная штука.

— Пробовали, — подхватил животрепещущую тему командир. — Вон, Мика у себя на башне и так их крепил, и этак — всё не ладится.

Инженер заволновался.

— Как это «не ладится»? Господа, я ведь о зенитных пулеметах не случайно заговорил. Именно ими я на заводе и занимаюсь! У меня есть разработка... Вот, я вам сейчас нарисую.

Он взял бумажную салфетку, достал карандаш. Старший офицер и мичман перегнулись через стол, командир подошел и стал заглядывать через плечо.

— Тут вроде велосипедного седла, только большого. Это для стрелка, — по ходу объяснял Родион Романович. — Тут вот так направляющие... Угол фиксации регулируется вот здесь... Здесь маленький рельс, эллипсовидный...

Маша смотрела с восхищением — не на чертеж, конечно, а на любимого. Это был полный успех! Он всем, решительно всем понравился!

Но Татьяна Борисовна считала, что вечер повернул не в ту сторону. Она завела граммофон, а когда никто из мужчин не оглянулся на звуки фокстрота, приблизилась к мужу и толкнула его в бок.

— Будет вам о скучном. Танец жениха и невесты!

Спохватился и Мышкин.

— В самом деле. Это я виноват... Марья Ивановна, не угодно ли?

Пока танцевали, ей удалось дважды, украдкой, поцеловать его в щеку — ту, что не обожжена. Он же поцеловал ее один раз, зато прямо в родимое пятно. Маша окончательно поняла, что будет ей счастье. Незаслуженное и оттого в особенности драгоценное.

— Толково. Очень толково, — заметил командир, разглядывая рисунок.

Старший офицер крикнул:

— Эх, жалко. Пока закажем, пока изготовят, пока установят. До похода не успеть.

Не прерывая танца, инженер сказал:

— У меня в цехе есть один опытный образец. Хотите, поставлю на пробу? Если в боевых условиях не подведет, ваши мастера смогут сделать такие сами, хоть для каждой башни. Замеры, чертежи, у меня всё есть.

Пулеметы — не проблема.

Вознесенский быстро воскликнул:

— Чур на мою! Я первый!

— Как вы поставите? — Городецкий махнул рукой. — Посторонним на линкор без особого разрешения командира порта нельзя. Это целая процедура.

Козельцов покашлял.

— Николай Семёныч, ну вы прямо не человек, а ходячая инструкция.

— Не положено, Иван Сергеевич! Тем более перед походом.

— Николай Семёныч, для дела же! Сами говорите — торпеды.

В спор вмешался Мышкин:

— Порядок есть порядок. К тому же я не уверен, хороша ли моя конструкция для башни главного калибра. Сначала надо бы взглянуть, прикинуть.

— И взглянуть тоже не положено, — отрезал сухарь Городецкий. — Я как старший офицер линкора не могу пустить на борт постороннего.

Командир хитро посмотрел на своего помощника, потом на дочь.

— Дочь моя Мария, не хочешь ли ты навестить старика отца? Морской устав не возбраняет командиру приглашать к себе членов семьи. В категорию «посторонних» они не попадают.

Маша улыбнулась:

— Охотно, папенька. Что-то я давненько не бывала у тебя на «Императрице». Но ведь я теперь невеста. Появляться в мужской компании без жениха мне неприлично.

Старший офицер развел руками — смирился.

Экскурсия

Кажется, впервые в жизни Мария Ивановна не обращала внимания на взгляды — даже если замечала, что они скользят по ее родимому пятну. Ей это было не то чтобы все равно, но настроения не портило. А людей вокруг Маши было множество: офицеры, кондуктора, матросы.

День был пасмурный, октябрьский. Над бухтой дул осенний ветер, берега Куриной балки терялись в зябком тумане, но Маша не чувствовала холода, не обижалась на тучи. Даже мелкий дождик, брызгавший противной капелью на стальные башни линкора, барышню не расстроил.

Никакой экскурсии Маше и ее жениху, конечно, не устраивали. Родион Романович даже щепетильно отказался спуститься в каюту к будущему

тестю. «Дредноут — объект секретный, — сказал он. — Что ж я, не понимаю? Ничего лишнего видеть не хочу. Покажите мне только носовую башню».

Зато там уж буквально замучил Мику техническими расспросами. Главную проблему для надбашенной зенитной установки, оказывается, составляла вибрация, возникающая от работы двигателей, и, в особенности, во время оружейной стрельбы. Ведь очень вероятно, что вражеские аэропланы будут атаковать корабль во время дуэли с береговыми батареями или пушками крейсера «Гебен».

Маша немного послушала, как Мика объясняет про отдачу и какие-то гасители. Если мичман чего-то не знал, на помощь ему приходили Городецкий или старший артиллерист князь Уссуров.

Попыталась она было тоже поучаствовать в разговоре:

— Я знаю, что такое отдача. Меня папа учил стрелять из пистолета. У меня хорошо получается.

Но по тому, как рассеянно чмокнул ее в руку Родя, Маша поняла, что мешает, и больше не встревала.

По стальной лесенке полезли на огромный бронированный колпак. Там пришлось держать шляпку, чтоб не улетела.

— Места более чем достаточно, — говорил Родя, перекрикивая ветер. — И позиция отменная. Во-первых, обзор. Во-вторых, прикроет от налета рубку... Мне нужно два-три денька на подготовку, потом приеду со своими мастерами и оборудованием. За сутки, много за двое управимся. Начинайте сваривать пулеметы — стандартной четверней. «Виккерс-максимы» у вас в арсенале есть?

— Если нет — с берега выпишем, — пообещал артиллерист.

Городецкого позвал вахтенный — возникли какие-то осложнения с погрузкой угля. Ушел по какому-то делу и Уссуров.

— Хочу замерить уровень вибрации при зарядании, — сказал Мике инженер. — Покажешь?

Еще вчера вечером они выпили брудершафт, что Машу ужасно порадовало. Муж и товарищ детства сразу стали хорошими друзьями — как это чудесно!

— Только быстро, пока старпом не вернулся.

Внутри оружейной башни Маша никогда не бывала.

Овальное помещение было все напичкано какими-то устрашающе громоздкими механизмами.

Показав на три гигантских замка 305-миллиметровых пушек, Мика горделиво объявил:

— Вот они, мои «три сестры». Так их и зову, почеховски: Ирина, Ольга и Маша. Похожа на тебя твоя тезка, Манечка?

— Похожа. А ты на батарейного командира Вершинина не очень. Иначе влюбился бы в меня, а не в свою столичную штучку, — легко пошутила Маша на эту тему, еще недавно такую болезненную. И поглядела на Родю — как он, оценил ее начитанность?

Но нет, Родион Романович, занимаясь делом, на пустяки не отвлекался.

— Сколько пудов весит снаряд?

— Тридцать.

— Черт, много! Боюсь, вся батарея ходуном ходит.

Вознесенский заступился за свою башню:

— Ничего подобного! Снаряд же не на руках выносят. Тут всё на электричестве. Рыков, включите подъемник!

Пышноусый кондуктор, старшина башни, повернул рычаг, потом какое-то колесо.

Внизу, в открытом люке, зафырчала гидравлика, с лязгом двинулась стальная лента.

— Там крьюйт-камера? — спросил Родя. — А почему люка нет? Должен быть.

— Сняли. Мешает.

— Не опасно? А если искра?

Мичман снисходительно пожал плечами:

— Там до погреба, где хранятся заряды, несколько поворотов. Не долететь искре. Да и откуда ей взяться? Не говоря уж о том, что порох мы используем пироксилиновый, с химическим стабилизатором. Опять же — автоматическая противопожарная система. В двадцатом веке живем, Родион!

Из люка выехал здоровенный, как откормленный кабан, снарядище.

— Какой огромный! — ахнула Маша.

— Там таких по семьдесят штук на «сестренку». Одним попаданием броненосный крейсер можно потопить.

Мышкин поцокал языком, не сводя глаз с какого-то прибора, который он перед тем вынул из кармана.

— Не мое дело, конечно, но без люка все-таки странно. Есть ведь шпионы, диверсанты...

— Им туда не попасть. Днем тут всегда люди. Ночью перед дверью ставится усиленный караул. А главное, кто в эту дырку пролезет? Разве что ребенок. Что-то я не слыхал про детей-диверсантов... Как вибрация?

— В пределах допустимого. — Родион Романович спрятал прибор,

что-то записал в блокнотик. — Ну-ка, а что цепной подаватель?

— Исполняйте, Рыков!

Кондуктор открыл замок первого орудия. Подаватель с лязгом вставил «кабана» в канал ствола.

— В пределах нормы. Прицельности зенитного огня не помешает, — констатировал Мышкин. — Значит, можно вести стрельбу из пулеметов все время за исключением самого момента залпа. Зря я, выходит, заставил тебя орудие заряжать.

— Ничего, «сестренкам» оно полезно. Это ведь не боевой снаряд — болванка. Мы механизм каждый день по несколько раз прокачиваем, чтоб в бою не подвел. Первая прокачка в полшестого утра, еще до побудки. Рыков, болванку на место!

— Это я себя тут чувствую болванкой, — пожаловалась Маша. — Ничегошеньки в ваших разговорах не понимаю.

Родя нежно ей шепнул:

— Ты и есть болванка. Раз выходишь замуж за болвана.

Чтоб не смотреть, как влюбленные целуются, мичман отвернулся.

Цветочки

В тот же день на городском телеграфе сухопарый дядя в плаще-балахоне и соломенной шляпе фасона, обычно именуемого «воронье гнездо», отправлял телеграмму. Текст был короткий: «Срочно доставьте выюн тчк ваш садовник».

Приемщик попался общительный, из любителей поговорить. А может быть, он совмещал должность со службой в некоем ином заведении, и ему предписывалось обращать внимание на все не вполне обычные телеграммы. Ничего странного в таком предположении не было. Город режимный, телеграфное сообщение на особом контроле.

Сначала служителя заинтересовала необычная фамилия адресата.

— Балагур? — переспросил он. — Прямо так и зовут?

— Та. Так зовут, — подтвердил отправитель. — Палагур — это имя французски.

— А-а. Надо же. — Телеграфист быстро произвел подсчет. — Срочным тарифом желаете? Рупь двадцать. Сами, значит, садовник будете?

— Та. Задовник.

Почтовый стрельнул глазами на лошадиную физиономию клиента, говорившего по-русски с акцентом.

— Из колонистов? Хороши у вас сады, заглядение. Я почему интересуюсь? Сам тоже цветы выращиваю. Какой же это, не сочтите за нескромность, вы व्यюн выписываете? Ипомею? Южноамериканский?

Судя по ботанической осведомленности, служитель, вполне возможно, был и не из контрразведки, а просто так уж совпало — садовник действительно наткнулся на ботаника-любителя.

— Нет, китайски.

— Выюн китайский? Никогда не слышал. Хорош?

Аккуратно пересчитав сдачу, колонист ответил:

— Очень кароши. — Изобразил пальцем спиралеобразную загогулину. — Вот так делает.

Агент Балагур работал с Зеппом и прежде...

Это был большой, толстый человек, но казалось, что его массивная туша наполнена не мышцами и жиром, а лимонадом. Лимонад бурлил, щекотал пузырьками, подбивал хохотать и валять дурака. В характере Балагура сочетались качества несовместимые. Восьмипудовая комплекция определяла обстоятельность поступков, но обдуманными они были лишь на стадии исполнения, а по своей сути, по изначальному мотиву часто оказывались легковесней воздушного шарика. Пока Балагур катился по белу свету сам собой, без конца вляпывался во всякие истории — и только удивлялся, как это его опять угораздило попасть в подобный переплет. Но внимание к деталям и увертливость мысли, а еще более того легкость характера выручали. Что ни случись, всё ему было смешно. Ничего на свете он не принимал всерьез. Даже когда убивал — хихикал. Люди так смешно умирают! Кто глаза выпучит, кто маму позовет, кто захрюкает, кто в штаны наложит. Ну не умора?

Прикончить кого-нибудь на его языке называлось «выпустить газ» — потому что душа представлялась Балагуру чем-то вроде воздуха в резиновом мяче.

Он потому и любил работать с Зеппом, что тот тоже был человек легкий, не соскучишься.

Познакомились они при обстоятельствах воистину незабываемых.

В прежней своей жизни существовал Балагур, как птишка Божья. Ну, или не Божья, а чертова — вопрос терминологии. В общем, порхал по жизни без заботы и труда. Когда заканчивались деньги, придумывал, как добыть новые. «Выпустит газ» из подходящего субчика и порхает себе

дальше. Никогда не попадался, потому что, как уже сказано, шальная беззаботность идей совмещалась в нем с математическим изяществом их реализации.

Но однажды удача подвела.

Дело было вскоре после начала войны. Ехал Балагур в поезде «Москва — Варшава», в первом классе. Искал подходящего кандидата, чтоб разжиться деньгами. Нашел.

Познакомился в вагоне-ресторане с одним многообещающим господином. Выпили, подружились. Балагур собутыльника анекдотами до икоты довел. Заодно приметил толстый бумажник, портсигар с алмазами, золотые «котлы».

Алиби обставил безупречно: сошел на станции, попрощался с проводником, дал рубль на чай. Потом обошел состав с другой стороны, влез на крышу. Часок потрясся наверху, пока в купе не погас свет. Спустился на ремне в окошко (оно из-за духоты было приоткрыто). Исполнил дело, стал тем же манером подниматься обратно. Несмотря на полноту, был он ловок, как толстый котище.

А ремень, зараза, возьми и лопни.

Насмерть Балагур не расшибся, даже ничего себе не поломал — жир, что ли, смягчил падение. Однако подобрали его в совершенно недвусмысленном виде: с добычей в заплечном мешке и окровавленной бритвой в кармане (хорошая английская вещь, Балагур к ней привык).

Дальше — хуже. Убитый оказался директором военного завода, а преступник звался по паспорту немецким именем: Семен Карлович Клопфер. Такое у человека от природы наименование, ну что тут поделаешь? Родитель у Балагура был мемельский житель, лютеранского вероисповедания. В мирное время это не имело значения, но как началась война, вдруг оказалось, что быть немцем или даже просто зваться на германский лад в Расее-матушке не здорово.

Сволочь-полицмейстер вмиг сочинил шпионско-террористическую историю, и оказался Балагур в тюрьме не обычной, а военной, под угрозой веревочного галстука. Не то чтоб его это напугало. Он и в камере всё песни пел, да надзирателям рожи строил.

И вот посадили к нему одного задержанного по подозрению в шпионаже. Такого же, как Балагур, весельчака. Хохот у них стоял — дверь дрожала. Но человек это был хоть по всем повадкам вроде и простой, а только куда как не прост. На этикие вещи у Балагура глаз был верный.

Он возьми и спроси, напрямую: как-де ты, такой умный, да легавым попался?

Ответил ему сосед тоже без обиняков: «Я не попался. Я сюда нарочно сел. Нужно одну штуку проверить. Поможешь — уйдем вместе. Мне помощник вроде тебя пригодится».

Выяснилось, что держат здесь в отдельной камере какого-то важного агента, из которого обязательно нужно газ выпустить, пока не наболтал лишнего.

Балагур, конечно, сразу согласился. С этим Зеппом (так назвался сокамерник) он был готов хоть в огонь, хоть в воду.

Дальше что? Воздух из агента вынули, ушли через подкоп (у Зеппа все заранее было подготовлено). И с тех пор вольная жизнь у Балагура закончилась. Но он не жалел. Платили щедро, а главное, скучать не приходилось.

Деревня-китай

Телеграмму от «садовника» Балагур ждал. Был извещен, что может произойти такое событие и нужно состоять в полной готовности. Никаких иных подробностей ему, однако, сообщено не было. Поэтому распоряжение доставить неизвестно куда невесть что заставило его почесать затылок. «Фу ты, ну ты», сказал он себе и телефонным звонком вызвал на экстренную связь резидента московской сети.

Встретились.

Оказалось, что доставить нужно не «что», а «кого». В славный город Севастополь. Нынче же, ночным поездом.

Инструкции по поводу того, где следует искать Вьюна, рассмешили толстяка. Нет, ей-богу, со стариной Зеппом не соскучишься.

Собрался Балагур быстро — только подпоясался. В смысле, надел под сорочку потайной пояс с набором запасных документов и кое-какой амуницией: полезная проволочка с красивым названием «гаррота», гибкое лезвие, маленький плоский «браунинг». Мало ли, как жизнь сложится?

Взял пролетку, поехал в Деревню-Китай.

Было за Сухаревской толкучкой место с таким потешным названием. Ну, есть Китай-город, все знают, а тут — «деревня Китай».

Квартал этот образовался давно, еще лет тридцать или сорок назад, когда в Москве поселились первые китайцы. Из своей далекой империи, где не было заработков и не хватало еды, они разбрелись во все стороны света — на юг, на запад, на север, на восток. Север и восток принадлежали российской державе, поэтому половина всех китайцев, покинувших родные

края, нашла приют на широком пространстве от Тихого океана до Балтийского моря. Многие осели в Москве.

Давно миновали времена, когда городские жители пялились на узкоглазых людей с девичьими косами. Москвичи привыкли к китайцам. Народец был смирный, работающий. Стирали белье чище и дешевле русских прачек, торговали вразнос, быстро и ловко строили. Опять же не дрались, не пили, не воровали, к бабам не лезли. Кто накопит денег на свою китайскую невесту — уезжали восвояси. Забавы у азиатов были тихие и для обывателя необидные. Сидели китайцы после дневных трудов у себя в Деревне-Китай, играли в костяшки, пили чай, курили трубки с дурманным дымом.

В один из таких притонов и должен был отправиться Балагур.

Настроение у него было чудесное, еще лучше, чем всегда. К черту московскую морось. На юг, к морю! Балагур пошутковал с извозчиком, а когда из-за стука колес по брусчатке разговаривать стало трудно, запел шансонетку:

Зовусь я шалунишка, не знаю почему!
Проказливый мальчишка не нужен никому!

Перед тем, как сесть в коляску, Балагур, конечно, осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил.

Это потому что «вели» его очень грамотно.

Едва пролетка удалилась, из подворотни выехал черный автомобиль с незажженными фарами, покатил следом на осторожной дистанции. Кроме шофера в машине сидели еще трое, все в котелках.

Балагур был не виноват в том, что угодил под слежку. Это засветился резидент, передавший ему инструкции. Резидента московская военная контрразведка бережно разрабатывала уже не первую неделю. Но брать не спешили, хотели выявить все контакты.

На Сухаревской площади, где и в ночное время было полно публики, по преимуществу «нечистой», пассажир велел остановить.

Мягко спрыгнул на тротуар.

— Лови!

Кинул извозчику серебряный рубль. Ванька цапнул пятерней — не поймал. Полез под колеса, где зазвенело. Кряхтел, доставал монету. Сзади ткнули тростью в задницу.

— Где седок? — спросил плотномордый, бритый, в пальто с поднятым воротником. Сзади стоял еще один такой же.

— А кто его знает.

Извозчик сердито отряхивал колени.

От угла донесся тихий свист. Там маячил третий близнец, показывал куда-то.

Сорвались эти двое, побежали.

Насвистывая, Балагур шел грязными дворами, гулками подворотнями. Ловким футбольным ударом вlepил о стенку пустой бутылкой, захихикал на звон осколков.

Филеры перемещались по одному, согласно разработанному порядку: первый номер в пределах прямой видимости объекта, второй в десяти шагах, третий на подстраховке — параллельным курсом. Все переулки-закоулки города личному составу контрразведки полагалось знать в доскональности.

На неосвещенной улице стали попадаться редкие прохожие, почти сплошь китайцы. Они семенили по каким-то своим ночным китайским делам. Один покачивался и с подвыванием мурлыкал песню.

— Сень-бень-мяо! — попробовал передразнить азиата Балагур и хохотнул.

Он был уже близко от указанного места.

В глубине двора под единственной лампочкой едва виднелась облупленная вывеска с паукообразными письменами. Под ней — вход в полуподвал.

Двое оборванцев с зажмуренными глазами сидели на корточках. У одного свалилась матерчатая шапочка, поблескивала смазанная маслом коса. В Китае после революции мужчины остригли волосы коротко, но до Деревни-Китай это новшество еще не дошло.

Посмотрев, как толстяк вприпрыжку спускается по ступенькам, старший филер свистом подозвал остальных.

— Чего это тут у них? Трактир? — спросил самый молодой.

— Курильня. Шуляков, ты дуй за городовым. Он на перекрестке. Проверка документов — обычное дело, китаёзы привычные. Надо нам установить, кто этот пузан. Ты, Шуляков, с полицейским иди от двери вглубь. Ну, тебя учить не надо. А мы с Васей встанем в переулке. Там у них потайной выход. Если что, перехватим.

Агент, которого старший назвал по фамилии, убежал, а молодой почтительно спросил:

— Откуда вы, Прохор Семеныч, все знаете?

— Послужи, брат, с моё. Тридцать третий год Москву утюжу, от «аз» до «ижицы» превзошел.

В притоне

В темном и грязном подвале были такие диковинные запахи, что круглолицый здоровяк сморщился и запыхтел. За коротконогими столиками или просто на тюфяках сидели молчаливые люди, отнюдь не только китайцы. Кто-то дремал, кто-то потягивал дым из странного вида трубок. Голубоватый туман клубился и подрагивал под низкими сводами.

Балагур поманил служку, сказал заветное слово. Гостя провели узким коридором в отдельную комнату, дверь которой была украшена искусно вырезанным изображением дракона.

По ту сторону хвостатого чудища открылось небольшое помещение без окон. Убранством оно сильно отличалось от обшарпанной общей залы. Пол был устлан шелковыми подушками, мебель посверкивала темно-красным лаком, на стенах висели ковры.

Посередине, скрестив ноги, сидела дебелая красавица кустодиевского типа и лениво гладила по волосам странного человечка, который лежал на спине, положив голову ей на колени. Судя по раскосым глазкам, безо всякого выражения глядевшим в потолок, это был китаец, но какой-то очень уж маленький, вроде двенадцатилетнего подростка. Одет, однако, он был совершенно по-взрослому — в хорошем костюме-тройке, штиблетах на пуговицах. И лицо с морщинками вдоль тонкогубого рта, с темными полукружьями под глазами никак не выглядело детским. На указательном пальце с предлинным ногтем лучился перстень с большим зеленым камнем.

— И вправду карлик! — вслух удивился Балагур. — Каких только чудес в нашей коллекции не сыщешь!

Узкие глаза лежащего взглянули на толстяка. В мутном взгляде было что-то такое, от чего у Балагура вдруг стало сухо во рту.

— Телеграмма от Садовника, — сказал он быстро и очень громко, поскольку не был уверен, услышит и поймет ли обкуренный.

Тот цыкнул краем рта. Женщина поняла. Подложила китайцу под голову подушку, сама вышла.

— В Севастополь едем. Прямо сейчас, — сказал Балагур, с любопытством разглядывая Вьюна.

Тот смотрел в потолок. Уголки рта слегка растянулись в мечтательной

улыбке.

Взял Балагур с блюда китайскую конфету, откусил — не понравилось. Выплюнул.

— Ты меня понял, нет? Собирайся.

В зале вдруг стало шумно. Кто-то там визгливо кричал, донесся звон упавшего подноса.

Балагур, нахмурившись, обернулся. Китаец же, не переставая улыбаться, сунул в рот какую-то маленькую штучку. Взял со стола короткую прямую трубку. Продул.

— Идем-ка отсюда. Не время курить, — сказал Балагур. — Чего-то у них тут не то...

В этот миг дверь распахнулась. В комнату шагнул человек в штатском, с револьвером в руке.

— Полиция, — сказал он. — Остаться на местах! Проверка документов.

Документы у Балагура были в полном порядке.

— Это правильно, — улыбнулся он служивому. — В военное время нужно быть бдительным. Кругом шпиёны.

Вдруг в воздухе что-то тихонько свистнуло. Шпик схватился за шею, выдернул оттуда странную деревянную щепку. Уставился на нее с видом крайнего удивления, а потом закатил глаза под самый лоб и сел на пол.

Обернулся Балагур — а Вьюна нет. Лишь в углу комнаты покачивалась ковровая дверца, которой раньше не было заметно.

— Мама моя! — охнул Балагур. — Ну шустёр!

Легавый уже не сидел, а лежал. Нога в задравшейся штанине судорожно дернулась.

— Китайский цирк...

Согнув массивное тело в три погибели, Балагур кинулся догонять малютку.

В темном закоулке, куда выводил тайный ход из курильни, ждали двое филеров. Выскочившего из лаза недомерка они взяли под мышки, покрутили, повертели — и дали пинка. Он им был не нужен. Из темной дыры с сопением и топотом надвигалась добыча более крупного калибра.

— Куда спешим? — весело сказал пожилой филер, приставив ко лбу Балагура дуло. — Знать, есть чего скрывать, коль от полиции бегаем. Ну-ка, Василий, обшарь его.

Маленький китаец, которого они отшвырнули, как кутенка, развернулся на каблуке и острым концом штиблета нанес два хрустких

удара: первому агенту по затылку; второму, когда тот обернулся, по кадыку. Казалось, что несильно, но оба легли бездвигжно.

— Способный мальчик, — нервно хихикнул Балагур, сверху вниз глядя на крошку. — Вундеркинд!

Со вьюном я хожу

На том же самом причале, где неделю назад неизвестный наблюдал из экипажа, как высаживаются ремонтники, — только не вечером, а утром — тот же самый начальник караула дымил цыгаркой, хмуро глядя на затянутую скучным дождиком бухту. Катера на оба дредноута и на крейсера уже ушли, но одна бригада появилась позже — то ли опоздала, то ли ей так назначили. Народу было всего три человека: инженер в фуражке под клеенчатым чехлом и двое мастеровых в дождевиках — оба здорового роста, но один толстый, а другой худющий.

Пузатому не сиделось на месте.

— Дядя, — уже не в первый раз приставал он к фельдфебелю, — долго нам еще тут мокроту собирать? Когда за нами приедут?

— Почем я знаю, — буркнул служивый и отвернулся от надоеды.

Тот от скуки запел, пританцовывая и пошлепывая башмачищами по лужам: «Со вьюном я хожу, с зеленым я хожу...» Потом присоединился к своему товарищу. Инженер-то сидел культурно, на скамейке, а работяги пристроились на плоском деревянном ящике с инструментами или, может, с какими-нибудь деталями.

Наконец с «Марии» пришел полубаркас. На причал вспрыгнул мичман, пожал инженеру руку. Фельдфебель только теперь заметил, что у того ожог в пол-лица — жутко смотреть.

— Извини, Родион, — говорил мичман. — Старпом сызнава уперся, и ни в какую. Инструкцией трясет. Пока за командиром ходили, пока препирались... Ничего, завтра задержки не будет. Иван Сергеевич письменный приказ написал... Твои мастера?

С рабочими офицер тоже обменялся рукопожатием. Простоту изображает, неодобрительно подумал начальник караула. Он таких, которые с нижними запанибрата, не уважал.

— Это Тимофей, это Проша, — сказал обожженный. — Не просто мастера, золотые руки. Ребята, это командир батареи мичман Вознесенский.

Жирный Проша бойко спросил:

— Вашбродь, как у вас на «Марии» с харчами? У меня в брюхе глист сидит, прожорливый — страсть.

— Получишь двойную порцию, на себя и на глиста, — подмигнул мичман. — А вечером — шкалик, лично от меня.

— Слыхал, Тимоха? Берись!

Рабочие подняли тяжелый ящик, понесли. Проша опять завел про выюн: «Я не знаю, куда выюн положить, я не знаю, куда выюн положить...»

«Разбежались», — мысленно усмехнулся фельдфебель. Стоять без дела под дождем ему надоело.

— А ну стой. Что в ящике? — строго поинтересовался он.

Инженер в ответ:

— Оборудование для установки зенитного пулемета.

— Открывайте. Должен досмотреть.

Толстяк окрысился:

— Ты чего, дядя? Не мог нос сунуть, пока мы дожидались?

И мичман тоже влез:

— Времени жалко. И так пол-утра пропало. Под мою ответственность. Но фельдфебель был в своем праве.

— Против порядка не могу, ваше благородие. Открывай!

— Откройте, — велел инженер.

То-то.

Тощий молчун приоткрыл крышку. Наверху лежало большое кожаное седло, вроде велосипедного, потом какие-то железяки, под ними слой соломы.

— Фома неверующий, — попрекнул мичман. — Ты еще персты запусти.

— Я что ли правила придумал, ваше благородие? — Фельдфебель поежился — за шиворот с воротника стекла холодная струйка. — Положено проверять — значит, положено. Ладно, заносите.

И, послунив химический карандаш, аккуратно записал в тетрадь:

«На „Имп. Марию“ 3 чел. — устан. зен. пулемета».

Мастера золотые руки

На первой носовой башне уже лежали четыре сваренных вместе пулемета, готовые к установке. Несколько офицеров наблюдали, как ловко управляют инженер Мышкин и его помощники. Ящик с деталями и инструментами им подали наверх лебедкой. Корпулентный балагур задорно

покрикивал:

— Майна, майна! Эх, дубинушка, ухнем! Принимай, Тимоха!

— Родион, вам что-нибудь еще понадобится? — спросил с палубы Вознесенский.

— Чтоб не мешали. — Инженер был собран, деловит. — За работу, ребята. Прохор, хватит языком болтать!

Минут десять они повозились, готовя рабочее место. Наблюдатели разошлись по своим делам. Из рубки, откуда верхняя площадка носовой башни просматривалась как на ладони, на мастеров тоже уже не глядели.

— «Я не знаю, куда выюн положить, я не знаю, куда выюн положить», — тоненько выводил Балагур. Тимо, успевший выучить нехитрую мелодию, вторил ему мычанием.

— Можно, — тихо приказал Зепп.

Откинули крышку ящика. Вынули то, что лежало поверху, разгребли солому. Там, скрученный невообразимым образом, лежал миниатюрный человечек. Его подняли, переложили на мокрую броню. В своем трико серо-стального цвета он почти слился с нею. Начал быстрыми, мелкими движениями растирать затекшие члены.

В течение дня на башню неоднократно поднимались офицеры линкора: командир, старший офицер, главный артиллерист. Мичман вообще наведывался чуть не каждые полчаса.

Всё это время Выюн оставался на том же пяточке. Можно сказать, прямо под ногами у визитеров. И никто его не заметил. Балагур кинул на китайца сверху свой брезентовый дождевик — никому в голову бы не пришло, что под горбящимися складками кто-то прячется.

Зепп впервые работал с этим гномом. В перечне агентов, полученном от Монокля, имелось несколько фигурантов, которых он мысленно взял на заметку. Малютка-китаец был одним из них. Родился во Владивостоке, в семье циркача. Завербован еще в японскую войну. Потрясающий послужной список. К тому же Выюн находился в Москве, где у Теофельса трудился агент Балагур.

Были, конечно, и опасения. Новый, непроверенный субъект в ответственном деле — всегда риск. Особенно если имеются вредные привычки. Но малыш не подвел. Он произвел на майора сильное впечатление. Бегать-прыгать, драться-кувыркаться умеют многие, однако вот так, не шелохнувшись, пролежать целый день — это талант уникальный. Теофельс уже решил, если Выюн нынче ночью не подкачает и вернется живой, зачислить его в список ценных кадров — свой «золотой

резерв», куда, в частности, входил и агент-универсал Балагур.

Перед закатом пошабашили. Хоть погода к концу дня наладилась и даже выглянуло солнце, в октябре свет мерк быстро.

Зенитная установка уже стояла на станке, только сиденье еще не было привинчено. Инженер положил его в ящик, приподняв и снова опустив крышку.

— Ничего, если тут всё до завтра полежит? Утром вернемся — закончим.

— Угу. — Вознесенский рассматривал приваренные к броне рельсы. — Значит, наводчик жмет ногой на педаль и вся хреновина вот так ходит по кругу? Здорово!

— Я тебе завтра всё покажу. Если начальство дозволит, запустим воздушный шар и популяем для проверки. Пристреляетесь.

Балагур, вытирая грязные руки тряпкой, оскалился:

— Вы лучше меня надуйте и запустите. Чем я не шар? Для отечества мне ничего не жалко.

Мичман вынул из кармана шкалик, кинул зубоскалу.

— Я обещал. Лови!

Шутник оттянул ремень, поймал бутылочку штанами.

— Оп-ля!

Офицер достал еще шкалик, обернулся ко второму рабочему.

— Я и вам принес. Тимофей... как вас по батюшке?

За весь день Вознесенский не слышал ни одного слова от этого угрюмого человека и потому проникся к нему почтением.

Дылда смотрел на мичмана, жевал губами.

— Иваныч он, — ответил за молчуна толстяк. — Тимоха в прошлый год спьяну язык себе откусил. А раньше трепло был — не заткнешь.

— Ты, Дмитрий, мне людей не спаивай, — укорил инженер. — А то знаю я их, чертей. Начнут водку лакать — не остановятся. Кто завтра будет работу заканчивать? Всё, пошли!

Через минуту на башне никого не осталось. Только торчали в небо стволы пулеметов, да золотилась в лучах тонущего солнца дощатая крышка ящика.

Миновал час...

Через час на рейде было уже совсем темно. Шарящие по бухте лучи

прожекторов лишь усугубляли черноту осеннего вечера. На палубе «Марии» было пусто, команда ужинала. Лишь у входа в орудийную башню торчал часовой с винтовкой.

— Стой, кто идет! — зычно крикнул он, увидев приближающуюся тень.

Кто идет, ему и так было ясно — кавторанг Городецкий, но попробуй-ка не явить положенную по уставу бдительность.

Офицер назвался — тоже как положено.

— Почему один?

— Так восьми еще нет, ваше высокоблагородие.

— Верно... — старший офицер посмотрел на часы. По инструкции двойной караул перед башнями выставлялся с восьми. — Что там наверху, бардак?

Он задрал голову, хотя в темноте ничего не было видно.

— Не могу знать.

— Поднимусь, проверю...

Ворча, Городецкий поднялся по лесенке. Достал электрический фонарик, посветил вокруг. Покачал головой. Вид незаконченной работы и в особенности деревянный ящик ранили его дисциплинированную душу.

— Черт знает что... До утра это оставаться здесь не может, — пробормотал он, уже решив, что немедленно распорядится убрать это безобразие отсюда — до утра.

Брезгливо, двумя пальцами, приподнял крышку.

— Солому бы на палубу не просыпали...

В это время на среднем из орудийных стволов, обхватив его руками и ногами, висела серая, невидимая во мраке фигурка. Ритмично двигаясь, она поползла к концу дула. Замерла, когда внизу, стуча каблуками, прошел старший офицер. Потом снова тронулась.

Добравшись до края, Вьюн изогнулся и странными спиралевидными движениями будто ввинтился в тридцатисантиметровое отверстие.

Глубокой ночью...

Меры безопасности на «Марии» исполнялись в соответствии с установленным регламентом. Ночью в орудийные башни доступа никому не было. На палубе перед запертой дверью неотлучно находились двое вооруженных часовых. Лишь ранним утром, в половине шестого кондуктор

с помощником входили внутрь, чтобы произвести контрольную проверку зарядно-подающей системы.

7 октября, в 5.25 к караулу подошел кондуктор Рыков в сопровождении дежурного комендора Батюка — тот зябко ежился со сна.

Старший караула окликать их не стал — свои люди. Просто поздоровались, и всё.

— Что, орлы, замерзли? — зевнул Рыков. — Ничего, скоро сменитесь.

Он открыл дверь специальным ключом. Вошли.

— Пять тридцать. — Кондуктор посмотрел на часы. — Врубай, что ли.

Перед проверкой механизма (так называемой «прокачкой») полагалось произвести осмотр внутридульных поверхностей.

Заурчал электромотор — замок левого орудия раскрылся. Кондуктор заглянул в черную дыру, посветил фонариком, повозил пальцем по маслянистой стали, понюхал.

— Ты чего там нюхаешь, Фомич? — хмыкнул Батюк. — Каждый раз гляжу, удивляюсь.

— Смазку менять пора. Ладно, давай второе.

— Есть второе!

Заглянул Рыков в открывшееся жерло центрального орудия — обмер. Из круглого отверстия смотрело маленькое желтое лицо с зажатой в зубах трубкой. Послышалось тихое чмокание. Кондуктор ахнул, схватился рукой за горло. Сделал несколько шагов назад, упал.

— Фомич? Чего ты? — Батюк наклонился над лежащим. — Сердце? Доктора надо?

За спиной у комендора, вращаясь вокруг собственной оси, бесшумно вывинчивался из дула Вьюн.

Вот он мягко перекувырнулся по полу, поднялся. Обрушил на затылок матроса короткий рубящий удар. Не задерживаясь ни на секунду, скользнул туда, где темнел круглый люк, ведущий в крюйт-камеру. Отверстие для подачи снарядов было всего на пару сантиметров шире дульного, но и этой крошечной прибавки хватило для того, чтоб диверсант задвигался быстрее — уже не спиралеобразно, а вихляющими изгибами тела, по-змеиному.

В пороховом погребе он воткнул в один из стандартных полузарядов (130 килограммов первоклассного артиллерийского пороха) латунный штырь взрывателя и нажал пружину. Раздалось едва слышное тиканье.

Затем, сверившись по кальке со схемой, Вьюн нашел ту вентиляционную трубу, по которой можно было добраться до паровой магистрали.

Четверть часа спустя он соскользнул по якорной цепи в морскую воду и быстрыми саженками поплыл в сторону темного берега.

Кожа пловца была густо смазана специальным маслом, предохраняющим от холода.

«Покурить и уснуть, покурить и уснуть», мысленно повторял он в такт гребкам. Главная жизнь Вьюна происходила в опиумных снах. Прочее не имело особенного значения.

Мария потеряла голову

Родион ее не соблазнял, не совращал, не воспользовался девичьей доверчивостью. Маша сама всё устроила. Она этого хотела.

Никакого предварительного плана у нее не было. Но вечером, после рабочего дня, когда они пили чай, его состоящее из двух половинок лицо вдруг показалось ей таким вдохновенным, а глаза горели так ярко... Внутри у Маши что-то затрепетало, заискрилось. «К чему ждать свадьбы? — шепнул прерывающийся голос. — Разве она что-то изменит в наших отношениях? Ведь мы любим друг друга...»

Это было так просто, так удивительно, что Мария сама удивилась, зачем было попусту потрачено столько времени? Жизнь коротка, в ней мало настоящей радости, а вокруг война, впереди — все говорят — революция. Что ж самих себя обкрадывать?

Всю инициативу она взяла на себя.

Провожая Мышкина, шепнула ему: «Вернись через час. Будь во дворе, у черного хода». Он удивленно поднял брови и, кажется, хотел что-то спросить. Но понял без слов. Взгляд, и без того сегодня какойто особенный, засиял еще лучистей.

Через час они бесшумно поднялись наверх, в ее одинокую башню.

И случилось счастье, которого уродка Маша у судьбы ничем не заслужила.

Электричество

Всяких женщин знал на своем веку Йозеф фон Теофельс. Молодых и в возрасте, худых и толстых, красивых и безобразных. Молодые и красивые дарили приятность; пожилые и уродливые пригождались для дела. Кто кроме извращенца станет расходовать любовный пыл на какую-нибудь

страхомордину? В любовном мартирологе Зеппа среди самых кошмарных образчиков женской непривлекательности фройляйн Козельцова могла бы по праву претендовать на призовое место.

И всё же никогда еще майор не ощущал подобного эротического подъема. На ложе страсти он проявил себя прямо-таки Казановой и дон Жуаном в одном лице, то есть в одном теле.

Мысль о том, что сейчас происходит на дредноуте, наполняла всё существо Теофельса электричеством. Даже удивительно, что он не светился наподобие лампочки. Когда изнемогшая от восторга девица, беспрестанно бормотавшая всякие нежные слова, попросила его не молчать и тоже сказать ей что-нибудь ласковое, Зепп назвал ее «моя маленькая роза».

— Я не похожа на розу, — засмеялась Мария тихим, счастливым смехом. — Роза пышная, а я тощая.

— «Маленькая роза» — это розетка. А я штепсель. Когда мы соединяемся, включается ток.

— Какой ты, оказывается, испорченный...

Она ударила его по плечу, хихикнула.

— Слушай, я наверно кричала? Вдруг мама слышала. Ее спальня прямо под нами.

— Ничего. Твоя мать — умная женщина. Она всё понимает.

Потом барышня, наконец, отвязалась — уснула. Майор же смотрел на часы. Вот сейчас должны начать «прокачку». Вьюн уже наготове. Ждет, когда откроют замок орудия...

Любовные неистовства не дали Зеппу разрядки. От напряжения он скрипнул зубами.

Звук был едва слышным, но Маша проснулась.

— Не спишь? — Она погладила его по фальшивому ожогу. — Знаешь, я всегда любила ночь. Ночью мы с тобой самые красивые на свете.

— Утро уже, — ответил он. — Седьмой час.

Если до 6.30 не грянет взрыв, значит, акция сорвалась...

От этой мысли он вздрогнул. Вздрогнула и Маша.

— Ты тоже об этом подумал, да?

— О чем?

— Вдруг ребенок родится с пятном на лице? Для девочки это трагедия. Мне-то в жизни повезло, а ей?

Именно в этот миг (часы показывали 6.18) со стороны рейда донесся глухой, мощный рокот. Зеппа будто подкинуло с кровати.

Из окна башенки просматривался рейд Северной бухты. То есть ночью-то ничего кроме светящихся прожекторных нитей видно не было, но

сейчас из черноты явственно проступил низкий контур линкора, окруженный подрагивающим алым ореолом.

— Это «Мария»! — закричала Маша, схватив Зеппа за локоть. — Там что-то произошло! Авария! А может, диверсия! Папа!!!

Иван Сергеевич этой ночью оставался на дредноуте.

Снизу донесся женский крик.

— Мама проснулась! Я к ней! Оставайся здесь. — Накинув халат, Маша бросилась к двери. — Хотя теперь неважно... Пойдем вместе!

Обернувшись, она увидела, что жених, будто замороженный, смотрит в окно.

Оставив дверь нараспашку, Маша выбежала в коридор.

Взрыв

Дредноут был охвачен пламенем. С каждой секундой оно разгоралось всё жарче. Зепп вынул из кармана кителя заранее приготовленный бинокль — плоский, но мощный.

Это пока только рванула мина в крюйт-камере, соображал майор. До нефтяных цистерн огненная волна еще не дошла.

Едва подумал — линкор будто подпрыгнул из воды, расколовшись чуть не во всю свою ширину. Вверх на сотни метров взметнулось багрово-черное пламя. Огромная боевая рубка, фок-мачта, носовая труба оторвались от корпуса и легко, словно картонные, отлетели в сторону. Носовая башня накренилась, похожая на шляпу, съехавшую набекрень. В окуляры Зепп видел, как в воду густо сыплются маленькие запятые, — это прыгали за борт матросы.

Взрывы следовали один за другим. Корабль начал быстро зарываться носом.

Дальше можно было не смотреть.

Теофельс быстро оделся. Поглядел на себя в зеркало, подсвеченное красноватыми сполохами.

Дело сделано, комедия окончена. Наконец-то можно стереть с лица надоевшую нашлапку. Вся кожа от нее иззуделась.

Он смочил платок специальным раствором, стал яростно стирать грим. Уф, какое облегчение.

Снова поглядел в зеркало, шутливо поклонился своему отражению.

— Простите, фройляйн Мария, — сказал Теофельс по-немецки. — Придется вам найти другого охотника до ваших прелестей. Лучше всего —

слепого.

Экстатическое ликование, переполнявшее триумфатора, требовало праздника, шуток, веселья. Энергия так и пульсировала в теле.

Можно было, конечно, попросту тихо спуститься по лестнице и уйти через черный ход — семейству капитана Козельцова сейчас не до ночного селадона. Но мускулам хотелось действия, работы, поэтому Зепп влез на подоконник и романтично спустился по водосточной трубе.

Кошке смех, а мышке слезы

Мария Козельцова так и не спустилась на второй этаж, где отчаянно, безостановочно кричала мать.

Уже выйдя в коридор, девушка остановилась и снова обернулась — ей все-таки очень хотелось, чтоб в эту ужасную минуту любимый был рядом.

Но Родя вёл себя странно.

Оглушительный грохот нового взрыва заставил Машу сжаться. Она так и не тронулась с места.

И видела, как жених одевается, как меняет внешность. Слышала смешки и бормотание по-немецки.

Уже после того, как человек, которого она называла «любимым», будто наваждение, растаял в окне, Маша еще долго стояла на месте без движения.

Потом ее начало трясти. Сначала дрожь была мелкая. Но через минуту девушку заколотило, как в приступе падучей.

Она вдруг поняла, что нужно сделать. Это было, как озарение.

Сбежала по лестнице вниз, в отцовский кабинет. Достала припрятанный от маленьких ключ, которым запирался ящик письменного стола. В руку легла холодная, надежная тяжесть пистолета.

Остатки разума попробовали вмешаться. «А как же мама? На нее обрушится всё сразу — и папа, и я... Брат с сестрой прибегут на выстрел, увидят...»

Но мука, сжигавшая Машу изнутри, была нестерпимой, она перевешивала и заглушала любые доводы рассудка. Когда человеку так больно, ничто на свете не имеет значения. Кроме одного — избавиться от боли.

Взяв «баярд» обеими руками, Мария приставила дуло к родимому пятну, верхним своим краем достигавшему виска.

Бр-р-р, передернулся Зепп, который в эту секунду шел порхающей

походкой к назначенному месту сбора. Майор вспомнил, как горелюбовница терлась о его плечо своей шершавой нашлепкой.

— Майн Готт, оцени, какую самоотверженность я проявляю во имя победы, — пожаловался он небесам. — За такую ночь любви, даже без дредноута, мне полагается Железный Крест первого класса!

Небеса отозвались фанфарным рёвом. Это на рейде загудели сирены. Корабли эскадры, будто осиротевшая без вожака стая, выли по гибнущей «Марии». С колокольни Владимирского собора ударил скорбный перезвон.

Слаще музыки Теофельс не слыхивал. Он запел в унисон с гудками: «Вечерний звонннн, бом-бом, вечерний звонннн! Как много думмм, бом-бом, наводит онннн!»

Конец седьмой фильмы

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЪ

НИЧЕГО СВЯТОГО

Фильма восьмая

Адскій замысель германцевъ
Оператор г-нъ И. САКУРОВЪ
Демонстрація *сопровождается*
монархическими песнями сочиненія тапёра г-
на Б. АКУНИНА

Цирлихи-манирлихи закончились

Петроградская окраина, ноябрь 1916

Во дворе мертвого двухэтажного дома, где с начала войны никто не жил, блестели поднятыми кожухами две пролетки, крепкие лошади потряхивали ушами под нудной холодной моросью. Несколько мужчин стояли кружком, обступив военного в фуражке, укрытой от дождя клеенчатым чехлом. Всякий офицер знает, что этот гордый головной убор, один раз раскиснув, никогда уже не восстановит орлиной посадки, станет слегка обвисать, будто дряблое штатское кепи. Мокрый же френч поручику Романову был нипочем. Ни сырости, ни холода Алексей не замечал. Перед серьезным делом ему всегда было жарко.

И сотрудников для операций, чреватых *пиф-пафом*, он подбирал по тому же принципу. Тех, кто перед лицом опасности начинает зябнуть, переводил на менее нервную работу: документы обрабатывать, заниматься расшифровкой, максимум — в наружное наблюдение.

Но сегодня люди были как на подбор, из числа не дрожащих, а потеющих. За исключением новенького, который весь трясся, но это, может быть, оттого что в первый раз. К новенькому еще нужно было приглядеться.

— Всем внимание, — очень тихо начал поручик.

К нему придвинулись плотней. Смотрели напряженно и сосредоточенно — как выражался подполковник Козловский, *сугубо*. Поручик Романов нарочно ввел себе в привычку с подчиненными праздной болтовни не разводить, даже в спокойной обстановке. Люди должны знать, что начальство попусту языком не чешет, и ловить всякое сказанное слово.

— Что кому делать и чего не делать, я объяснил каждому на личном инструктаже. Сейчас хочу прибавить только одно. Важность задачи вам известна. Добудем книжку — считайте, сражение выиграли. Провалим — месяц работы всего управления псу под хвост.

С начала осени Алексей служил в Петрограде, перевелся сюда вслед за князем Козловским. После впечатляющих успехов летней кампании подполковнику вышло повышение — он возглавил контрразведку столичного округа. В любой иной военной специальности попасть из фронтовой мясорубки в глубокий тыл почиталось бы за счастье, избавление от сонма опасностей. Но не в контрразведке. Во всяком случае не в питерской.

Это сухопутные армии сражаются на передовой, а битва контрразведки с самой опасной из вражеских разведок, стратегической, разворачивается прежде всего в столице и в Ставке верховного — там, где хранятся главные секреты, где принимаются главные решения. Лучших профессионалов, ударные ресурсы, львиную долю затрат немецкий Абтайлунг-3 «Б» бросал отнюдь не на прифронтовой шпионаж, а на поддержание и развитие сети агентов, действующей в Питере.

Чем глубже увязала Германия в нескончаемой борьбе с Востоком и Западом, чем больше крови теряли ее стальные дивизии, тем активней становилась работа немецких шпионов в Петрограде. Расчет у кайзеровских стратегов был правильный: бить туда, где у врага уязвимое место. А оно было известно и без разведдонесений. Империя пребывала в тяжелом кризисе, империя болела. И самым слабым ее органом, увы, являлась голова. Она и всегда-то была не семи пядей во лбу, а от длительной войны неглубокие ее извилины совсем перепутались, перестали как следует управлять гигантским телом государства.

Авторитет царской власти и правительства пал ниже некуда. Страна с болезненным удовольствием смаковала сплетни о царице и Старце, о тотальном засилии немецкой партии, о «Николашкином» пьянстве. И хоть всё было неправдой, люди охотно верили, потому что жизнь с каждым днем делалась всё тяжелей, а воевать становилось всё невозможней. Полстраны голодало, армия сидела без патронов и снарядов. И не оттого что продовольствия и снаряжения мало, а потому что транспортный коллапс. Умные люди предсказывали: вот застрянут где-нибудь в заторе поезда с зерном, останется столица на денек-другой без хлеба, и тогда грянет. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Но грянет обязательно. И слава Богу.

Самое страшное тут вот что: про «слава Богу» не революционеры

говорили, те-то все были давно переловлены или пережидали в Швейцарии. Самые обычные граждане твердили, что долго *это* продолжаться не может. Устала Россия, обессилела от кровотечения. И конца испытаниям было не видно.

Вот шпионы и пользовались сумбуром. В их агентурной сети помимо обычных, для разведки традиционных, имелся специальный отдел слухов, и отдел транспортных диверсий, и даже забастовочный отдел — мутить рабочих на оборонных заводах.

Но, как любил в последнее время повторять князь Козловский: «Правительственный кризис — не нашего ума дело, а вот что касается шпионажа — тут уж, Лешенька, мое хозяйство, с меня и спрос».

Контрразведка что ж? Свое дело исполняла исправно, спасибо учителям-немцам, третий год экзаменуют. Кто из сотрудников оказался к учебе неспособен, тот давно на том свете либо выпровожен с ответственной службы за непригодность. А кто остался, свой хлеб ел недаром.

Поручик Романов, например, весь последний месяц разрабатывал операцию под кодовым названием «Любимая книжка». Из-за обширности и разветвленности своей сети немцы были вынуждены использовать самую простую систему шифровки — так называемую «книжную». Это когда у агентов имеется одна и та же книга, а послание кодируется посредством трехчисленных групп: номер страницы, номер строки и номер буквы. Хотя способ этот и примитивен, но затруднителен для дешифровки, а кроме того обладает важным достоинством — освоить такую тайнопись может любой грамотный человек, даже если у него нет специальной подготовки.

Уязвимость «книжного шифра» тоже очевидна. Если у подозреваемых лиц при аресте или тайном обыске обнаруживают книгу, уже известную контрразведке, это становится верной уликой. Поэтому всякое печатное издание, найденное у предполагаемого шпиона, обязательно вносится в особый список, который циркулярно распространяется по всем отделениям.

Резидентура уменьшает степень риска, меняя условленный текст не реже одного раза в месяц, и этой предосторожности до сих пор оказывалось достаточно. Стоило кому-то из коллег Алексея установить заветную книгу, а у немцев уже запущена следующая. Максимум, чего удавалось достичь, — задним числом расшифровать записки, перехваченные ранее. Но «книжный код» для сообщений особой важности не используется, имена и адреса им передавать запрещено, поэтому пользы от запоздалого чтения депеш получалось немного.

И всё же необходимость регулярного распространения среди агентов

новой книги являлась ахиллесовой пятой немецкого орднунга. Романов сразу это сообразил и подготовил операцию, получившую одобрение начальства и необходимую организационную поддержку.

Цель: выявить новый код в самом начале его запуска. Задача-максимум: взять резидента всей питерской сети. Это было бы ого-го, такого успеха за всю войну еще не бывало. Но даже если не получится выйти по цепочке на дирижера шпионского оркестра, раннее раскрытие кода сулило две, три, а при осторожной работе и четыре недели спокойного чтения всех перехваченных писем. Так что выполнение задачи-минимум тоже гарантировало контрразведке массу удовольствий.

Способ, предложенный поручиком, был очень прост. Как только удалось установить ныне действующий код (роман госпожи Чарской «Записки сиротки»), агенты, которые производили негласный обыск на квартире подозреваемого, нарочно напустили в книжке — оставили отпечаток жирного пальца. При этом самого шпиона не тронули. Он, естественно, запаниковал, сообщил по эстафете, что шифр «засвечен».

Теперь оставалось только ждать, когда несколькими выявленным, но специально оставленным на свободе агентам передадут новое литературное произведение. Один из этих изменников ростом, статью и даже лицом был похож на очень толкового сотрудника из управления. На этом обстоятельстве Романов и выстроил план своей операции. Вольноопределяющегося Колбасникова подгримировали, приклеили нужной формы усы, на лоб надвинули шляпу — и отрядили на конспиративное randevu.

— Стоите в назначенном месте. Трость держите под мышкой, белым набалдашником вперед. Можно немножко пройтись туда-сюда. К вам подходят, подают условленный знак, задают какой-то вопрос. Дело не в вопросе, дело в знаке. Вы должны ответить...

— «Душой, а еще более телом», — кивнул Колбасников. — Да помню я всё, Алексей Парисович. Интересно только, что за вопрос может быть с таким отзывом?

Романов не сомневался, что вольноопределяющийся всё помнит. Парень опытный, находчивый, развитый, из студентов-технологов. Но чересчур азартный. Поэтому повторить еще раз было невредно.

— Потом что?

— Как только он передаст книжку, я подаю сигнал, вот так. — Колбасников качнул тростью. Фарфоровый набалдашник было отлично видно издали даже в темноте — проверяли. — И берем голубчика.

— Без вас! — Алексей погрозил ему пальцем. — Не вздумайте

проявлять инициативу. Прощаетесь, поворачиваетесь, уходите. Заполучили книжку — всё, ваше задание исполнено. Братъ связного будет группа Сливы. Это ясно? Не слышу!

— Так точно, ясно, — вздохнул Колбасников. — Вечно самое интересное достается «волкодавам».

Сам он числился «таксой» и «волкодавам» завидовал, хотя хорошая «такса» ценится выше. Это Козловский с Романовым придумали классифицировать сотрудников контрразведки по собачьим породам. «Волкодавы» — те, кто хорош при задержании особо опасных шпионов. «Такса» — пес норный, незаменим для проникновения в хитроумные лисьи убежища. Еще были «легавые» — агенты с отменным нюхом. «Борзые» — для погонь. «Пинчеры» — это универсалы, которые могут всё понемногу и очень удобны для переброски с задания на задание, но ни в одной области настоящими асами не являются. Идеальный начальник в контршпионажном деле должен быть «бульмастифом»: чтоб невозмутимо и флегматично, свесив брыли, лежал на ковре, пялился большими, как блюдца, глазами в огонь камина, излучал уверенность и спокойствие, а чуть что — бесшумно вскакивал и брал зубищами за горло. Таким шефом был генерал Жуковский, но он ныне в опале, отправлен на фронт командовать пехотной дивизией. Такая потеря! Мало ли генералов, кому можно дать дивизию, а в контрразведке второго Жуковского взять неоткуда.

Подполковник Козловский собственные способности оценивал невысоко: «пинчер», причем не первого класса. Надо еще сказать, что каждая из пород подразделялась на разряды, о чем самому агенту, естественно, не сообщалось — зачем подрезать человеку крылья? Поручик Романов, в отличие от князя, скромностью не отличался и свои таланты оценивал высоко: «такса» первого класса, «волкодав» второго, но приближающегося к первому, а еще «сеттер», причем первостатейный, и это качество ценил в себе выше всего. Сеттер — собака с очень быстрой реакцией, моментально ориентирующаяся в любой ситуации.

Ну а шпионов, в зависимости от ловкости и размера когтей, в петроградском управлении контрразведки калибровали по видам семейства кошачьих: от льва до драной кошки.

На финальный этап операции «Любимая книжка» поручик взял с собой семь человек. «Таксу» первого класса Колесникова, чтоб вывел на лису. «Волкодава» первого класса Сливу, от которого еще никто не уходил. В пару к унтер-офицеру Сливе — «пинчера» второго класса Кузина, потому что давно вместе служат, понимают друг дружку без слов. Обоих Алексей

перетащил в столицу из контрразведки Юго-Западного фронта. Далее — «пинчер» Лапченко, невысокого третьего разряда, зато превосходно видящий в темноте. Обычно его использовали для статичной ночной слежки, а сегодня ему отводилась ключевая роль наблюдателя. Именно Лапченко должен был следить за белым набалдашником. Двое «борзых» были наряжены извозчиками — на случай погони поручик взял в транспортном отделе две пролетки из самых быстрых (автомобиль на этой глухой окраине мог привлечь ненужное внимание). А еще к группе был приписан беспородный щенок по фамилии Печкин, от которого требовалось только одно: глядеть в оба и не соваться. Князь Козловский, педагог, придумал нововведение — на всякое важное дело брать как минимум одного стажера, потому что с кадрами проблема и надо готовить смену.

— А если он книжку не передаст? — продолжал Алексей экзаменовать «таксу».

— Действую по обстановке, — бодро ответил Колбасников и поежился под бешеным взглядом начальника. — Виноват... Если связной ничего не передает, я роняю трость на землю. Связного не трогаю. Извините, Алексей Парисович. Про «обстановку» само выскочило.

Он даже в лице изменился — перепугался, что поручик заменит его на кого-нибудь другого. Романова сотрудники уважали, но не любили, считали сухарем, от которого доброго слова и тем более послабления не жди. Из тех, кто знал Алешу совсем другим человеком, в управлении остались только Козловский да, пожалуй, еще Слива с Кузиным. Но и они уже вряд ли помнили, что когда-то он был светел, улыбчив, а в минуту отдыха часто напевал что-нибудь волшебнo-медовым баритоном. Изменился Алексей Романов. И внутренне еще больше, чем внешне.

— Ну, пошел потихоньку, — сказал вольноопределяющемуся поручик. Обращение на «ты» в минуту опасности — наибольшая сердечность, на какую он теперь был способен.

Колбасников оценил.

— Авек плезир.

Приподнял котелок, трость под мышку и танцующей походочкой через подворотню туда, откуда сочился тусклый свет газового фонаря.

Оставалась еще минута, а потом и остальным будет пора по местам. Алексей оглядел угрюмые постройки, сомкнувшиеся буквой П. Место хорошее, удобное. Фабричка по производству бумажных манишек, в военное время прогоревшая из-за отсутствия спроса — большинство копеечных щеголей отправились на фронт.

— Вы двое здесь. Сигналы помните?

— Так точно, ваше благородие, — хором ответили «борзые».

— Вы — за мной, — махнул поручик наблюдателю и стажеру. — Что дрожишь? Как тебя, забыл?

— Печкин он, — подсказал Лапченко, покровительственно положив парню руку на плечо: не робей. — Первый день воюет. Ничего, Алексей Парисыч, приобькнется.

На «волкодавов» Романов только глянул. Сливе ничего повторять не нужно — только обидится, он самолюбив.

— Всё. Разошлись.

Слива с Кузиным перебежали через улицу — на той стороне был пустой сарай с неплохим обзором. Сам Алексей в сопровождении глазастого Лапченко и поикивающего от волнения Печкина поднялся на второй этаж.

Высокое пыльное окно бывшего машинного цеха позволяло отлично видеть перекресток, где назначена встреча.

«Такса» уже прогуливалась под единственным фонарем. Убедительно прогуливалась, качественно. То изобразит подозрительность, начнет озираться. То, наоборот, явит беззаботность — вроде бы кавалер подружку поджидает. Именно так вел бы себя второразрядный шпион, явившийся на randevу с посланником резидента. Вполне вероятно, что связной пришел раньше назначенного часа и сейчас ведет наблюдение, так что Колбасников актерствовал не зря, молодец.

Припав к биноклю, Романов осмотрел окна и подворотни домов, выходящих на перекресток. Свет нигде не горел. Рабочие и мелкие ремесленники, населяющие этот убогий квартал, ложатся рано. На улице ни души, кроме одинокого бонвивана под фонарем.

До часу ночи оставалось еще семь минут.

— Проверь-ка, на месте Слива? — велел Алексей. Можно было говорить и нормальным голосом, но от напряжения получилось шепотом.

Лапченко поднял специальную лампу с защитными крылышками, два раза мигнул. В чердачном окне откликнулся крошечный огонек.

— Слива да чтоб не на месте? Все бы вам шутить, Алексей Парисыч. — Наблюдатель усмехнулся, рисуясь перед новичком задушевыми отношениями с начальством. И вдруг непочтительно схватил офицера за плечо. — Глядите, обернулся!

Фигура с тросточкой действительно развернулась в сторону улочки, что вела к заливу.

«Ноль пятьдесят восемь», — посмотрел на часы, для рапорта,

Алексей. На две минуты раньше. Не похоже на гансов. Обычно они опаздывают, из осторожности.

Из-за угла (теперь было видно и с наблюдательного пункта) разболтанной походочкой вышла девица очевидной профессии — в коротком полупальто и горжетке. Романов вжался в бинокль. Лица было не видно — только что во рту папироса. На локте посверкивающий — не то бисерный, не то стеклярусный ридикюль.

— Принесло шалаву! Ишь, облизывается, — пробормотал Лапченко, тоже не отрываясь от бинокля. Окуляры у него были такие же, но разглядел зоркий агент больше, чем поручик. — Ну-ка, Колбасников, шугани ее, носастую. Вот зараза, привязалась! Все дело испортит!

Под фонарем

Миша Колбасников сразу определил, что в крошечной сумочке гулящей не поместится никакая бумажная продукция, кроме разве шпаргалки, — в свое время он был мастер изготавливать миниатюрные тетрадошки, в которые помещалась вся премудрость неорганической и органической химии. Ну и вообще, разве свяжется солидная разведка с вульгарной девкой, от которой за десять шагов несет дешевым одеколоном? Тут не в нравственности и не в брезгливости дело, а просто напьется, курва, или накокаинится и разболтает первому встречному все шпионские тайны.

— Иди, милая, иди. Я барышню жду, — сказал Миша и для наглядности помахал рукой: мимо топай, мимо.

Ночная птица остановилась. Из-под чудовищно начерненных ресниц на Колбасникова таращились ярко сияющие глаза. Длинный нос напоминал клюв. Кожа у непотребной женщины была то ли очень белая, то ли густо напудренная. Жирно напмаженные губы раздвинулись, выпустили струйку дыма. Язык проворно слизнул прилипшую табачную крошку.

Будто приняв какое-то решение, проститутка приблизилась к Мише вплотную. Он поморщился. Мылась она, что ли, «Сладким ландышем» по двугривенному пузырьку?

— А может, не придет твоя барышня? — хрипло спросила наглая баба, шаря глазами по сторонам. Шлепнула Колбасникова по плечу. — Ты тут, котик, не замерз? Может, обогреться желаешь?.. Что язык проглотил?

Язык Миша проглотил оттого, что прикосновение к правому плечу в сочетании с вопросом, к которому подошел бы отзыв, было условным

знаком. Значит, все-таки связной. То есть связная.

Чуть вздрогнув (это было нормально, шпион тоже бы вздрогнул), Колбасников ответил:

— Ж-желаю. Душой, а еще более телом.

И как бы в некоторой нервозности сдвинул на затылок шляпу.

Наблюдатели тоже вздрогнули!

Романов и Лапченко напряженно смотрели в свои бинокли и заметили, что непроизвольно прижимаются друг к другу, только когда у обоих одновременно дрогнули локти.

— Контакт! — процедил поручик.

Сдвинув котелок на затылок, «такса» подала сигнал, что контакт состоялся.

— Лапченко, следи только за набалдашником, понял? Больше ни на что не отвлекайся!

— Слушаю, Алексей Парисыч... Печкин, не наваливайся! Мешаешь!

Где ж у нее книга? Наверное, под пальто.

Ряженая шпионка (ясно, что настоящую уличную немцы использовать не будут) что-то говорила Колбасникову. Он то кивал, то качал головой. Очень хотелось надеяться, что у хитрых гансов не предусмотрены какие-нибудь дополнительные, контрольные вопросы. Если связная начнет уходить, не осуществив передачи, придется ее брать и обыскивать. Хотя, конечно, в этом случае операцию можно считать неудавшейся. Разве что получится с разлета, пока арестованная не опомнилась от страха, встряхи следующее звено цепочки. Наводить страх Романов в последнее время научился недурно.

— Ишь, свезло вольноперу, — фыркнул Лапченко. — Страстная особа.

Женщина обняла одной рукой Колбасникова, прижала к себе, поцеловала.

Набалдашник трости, которую агент нарочно держал за спиной, на виду, наконец дрогнул. Очевидно, код был передан в момент поцелуя.

Но одновременно с движением трости прозвучал странный глухой звук. «Проститутка» отпрянула от «таксы» и быстро, быстро прошла прочь от фонаря.

Белая точка набалдашника качалась всё сильнее, что уже было не похоже на сигнал. В следующую секунду Колбасников повалился на спину, а женщина перешла на бег. В ночной тиши по булыжнику застучали

окованные каблуки.

— Мать...

Поперхнувшись бранью, Романов бросился к лестнице. Лапченко и новенький грохотали за ним по ступеням.

На улицу вылетели разом с двух сторон: слева поручик с наблюдателем и стажером, справа Слива с Кузиным. Не тратя времени на разговоры (и так ясно — случилась беда), помчались на перекресток.

Алексей оказался подле Колбасникова первым. Тот хлопал ресницами, но глаза уже закатились под лоб. Пиджак слева на груди был прожжен выстрелом в упор.

— Что? — крикнул Слива. И, увидев, что у товарища прострелено сердце, только крякнул.

Возле поручика и умирающего он задержался самое большее на полсекунды и понесся дальше — огромными прыжками, будто натуральный волкодав, настигающий жертву.

«Контрольный вопрос, ясно. Эх, Миша. Не упустить тварь!» Три короткие мысли — анализ, эмоция, вывод — промелькнули в мозгу Романова, пока он поднимался с корточек.

Тоже побежал — сначала не очень быстро, потому что нужно было отстегнуть португую и скинуть шинель. Зато потом легко обогнал всех кроме Сливы.

Врет, не уйдет!

Тварь, хладнокровно убившая Мишу Колбасникова, успела оторваться шагов на сто и, если б не слабый свет фонарей, уже затерялась бы во тьме. Но женщине, даже самой быстроногой, от натасканных на погоню мужчин не убежать — конституция не способствует и юбка мешает. Несколько раз малокалиберный дамский пистолет сухо кашлянул из мрака красными брызгами, но неопасный с такого расстояния огонь преследователей не испугал и не задержал, только помог сократить расстояние.

Кричать Сливе, чтоб не стрелял, было незачем — сам знает. Сейчас Алексей боялся лишь одного: не нырнула бы, гадина, в какую-нибудь заранее присмотренную щель, а оттуда в путанные дворы или соседние переулки. Но беглянка почему-то не сделала этого. Домчалась до угла, повернула. И тут стало ясно, на что она рассчитывала. Щелкнул кнут, всхрапнули кони, лязгнули колеса. За поворотом связную поджидал экипаж!

Еще не видя, кто там и что, поручик, свистнув в пальцы особым образом, — подал команду «борзым». Ко мне! Будет гонка!

Выскочив за угол, наткнулся на Сливу. Тот уже не бежал, а стоял на месте, потому что на своих двоих коляску все равно не догонишь. Целил с локтя. Однако не выстрелил.

— Кучер встояка. Коняшек заслонил.

Романов и сам видел, что пролеткой правит кто-то широкоплечий, размашисто взмахивающий кнутом. Раз Слива не стал стрелять, значит, рассчитывает взять и связную, и кучера.

И то сказать, дорога вдоль залива тянулась версты на три, и сворачивать с нее было некуда, а коней в контрразведке держали заводских, аховых.

— Врет, не уйдет! — спокойно резюмировал унтер.

А тут с гиканьем, с грохотом вылетела из-за угла первая коляска: облегченная конструкция, резиновые шины, у орловских рысаков ноздри выворочены, гривы вразлет. «Борзой» первого класса Грайворона вожжей не придержал, знал, что начальник с «волкодавом» и на полном ходу впрыгнут, не промахнутся. Остальные агенты, помня инструкцию, в переднюю коляску не сели, набились во вторую, отстававшую всего на два лошадиных корпуса.

И только ветер засвистал в ушах

И только ветер засвистал в ушах у Алексея, вцепившегося в бортик.

— Сядь, вашбродь! Скорость гасишь! — рявкнул Грайворона.

В обычном состоянии он был сотрудник тихий, дисциплинированный, но во время погони впадал в раж, мог и кнутом ожечь. Романов не обиделся, сел. «Борзого» в таком деле следовало слушаться. Слива вообще на дне съезжился — чтоб сопротивление воздуха уменьшить, а заодно и под пулю не угодить.

Едва стало ясно, что расстояние между беглецами и преследователями сокращается, как спереди, из серой мути начали бить уже не в один, а в два ствола. Причем у кучера оружие было серьезное. Судя по звуку, 96-ой «маузер». И пули напарник «гулящей» клал профессионально. Первая высекла искры из поручня, вторая вырвала у коренника клок гривы.

— Лошадей завалит, гад! — крикнул Грайворона.

— Где у тебя карабин?

Но Слива уже совал поручику выдернутый из чехла «винчестер». По

меткости у Романова в группе равных не было.

— Вбок возьми! — велел поручик.

Он собирался уложить пристяжную. Та очень кстати выгибала шею, к тому же была светлой масти — башка неплохо контрастировала с чернотой ночи.

«Маузер» успел пальнуть еще дважды. Вжикнуло хоть и близко, но мимо.

Хороший выстрел требует, во-первых, спокойствия. Нельзя думать о том, что враг может попасть раньше. Во-вторых, когда ведешь огонь с движущегося транспортного средства, стань его частью. В-третьих, если мишень тоже перемещается, возьми правильное опережение. Вот и вся наука.

Приклад на отдаче ткнулся в плечо, и Романов безошибочным чутьем понял, что выстрел удался, хотя пристяжная шпионской пролетки еще секунду или две по инерции перебирала ногами. Потом сразу кувыркнулась вниз простреленной головой. Коляску проволокло по грунту, перевернуло, кинуло с обочины.

— Не убились? — с тревогой выдохнул Слива, готовясь выпрыгнуть.

— Типун тебе на язык!

Что ж, заполучить код по-тихому не удалось. Значит, большого успеха не вышло. Но не все потеряно. Идеально было бы, если б оба вражеских агента оказались живы, но оглушены падением. Тогда можно взять сразу двоих — вдвое больше шансов, что кто-то из них разговорится. Глядишь, ниточка и потянется.

На захвате Слива, «волкодав» высшего разряда, стоил двух поручиков Романовых, поэтому Алексей вперед не совался.

Унтер огромным прыжком сиганул под откос, еще в полете нажав кнопку электрического фонаря. В цирке бы ему, ловкачу, выступать. И, главное, лучом безошибочно нащупал того, кого надо было осветить: кучера. «Проститутка»-то лежала смирно, не двигалась, а вот бородач, так лихо нахлестывавший лошадей, чувств не лишился и даже пистолета из руки не выпустил.

— Бере...! — крикнул Алексей, да поздно.

Вспышка ударила прямо в грудь Сливе, когда тот едва коснулся ногами земли. Мгновение спустя выстрелил и Романов, целя в руку с «маузером». Вопль боли свидетельствовал, что пуля была потрачена не впустую. С разбегу налетел «пинчер» Кузин, опрокинул бородатого, завернул ему за спину раненую руку и доложил:

— Брыкается!

— Ломай! — коротко приказал Романов.

Кузин вывернул руку еще больше. Хрустнула кость. Шпион взвыл. Теперь о нем, обезрученном, можно было не беспокоиться.

— Что эта? — спросил Алексей у Лапченко, сидевшего верхом на женщине и уже защелкнувшего наручники.

— Порядок, ваше благородие.

Только после этого Алексей позволил себе склониться над Сливой. Пощупал пульс на шее. Отбегался отчаянный «волкодав», отпрыгался. Рано или поздно должен был сложить забубенную головушку — и судьбы не избежал. «Не худшая смерть», — прошептал Алексей сердито, чтоб не разнюниться. Сливу было ужасно жалко. И по-человечески, и как первосортного работника.

Поднимаясь, Романов увидел новенького. Тот последовал за всеми, но теперь не знал, что ему делать, и в панике смотрел на убитого.

— Не трясись, Печкин. Лучше помоги Лапченке мамзель обшарить. Тебе это будет интересно.

Воюя с душевной слабостью, поручик нарочно сказал это как можно грубее.

Проклятый день! Два лучших сотрудника! Но поминать их будем после. Сейчас нужно озаботиться, чтобы гибель Сливы и Колбасникова была не напрасной.

— Нашли? — спросил он у Лапченко.

— Никак нет, ваше благородие. В сумочке одни бабьи глупости. Сейчас тело догляжу. Подвинься, Печкин.

— Коляску осмотреть! — крикнул Алексей наверх, «борзым». — Что искать, знаете!

Женщина очнулась, зашипела на агентов, которые бесцеремонно ощупывали ее сверху донизу:

— Уберите лапы, хамы! Обыскивать женщину должна женщина!

Не обращая на нее внимания, Лапченко покачал головой: кода не было.

Через полминуты от перевернутой коляски доложил Грайворона:

— Нету!

Ладно, переходим к пальпированию.

Пуча глаза в имитации бешенства (сильно прикидываться не пришлось), Романов замахнулся на шпионку рукояткой револьвера:

— Где коды? Отвечай, мразь!

Та не сжалась, не отпрянула, а напротив, распрямила плечи и выставила вперед подбородок.

— Не смейте мне тыкать! Я не проститутка, я германская разведчица! С характером дамочка.

— Гадюка! — всхлипнул Алексей. — Я тебя за Мишу Колбасникова... Снова замахнулся, но не ударил — вроде как рука задрожала.

«Гулящая», видя такую чувствительность, осмелела еще больше:

— Вы офицер. Вы не ударите даму.

И тут, когда она слегка расслабилась, Романов ей вмазал — прямо по упрямому подбородку, ручкой «кольта», наотмашь. Женщина завизжала, забила, выплевывая зубы и сгустки крови.

Пронзительно вскрикнул и отшатнулся Печкин.

— Ошибка номер один, — сказал поручик с ледяным спокойствием, будто только что не истерил. Навел дуло на бородача, который, насупясь, наблюдал, как допрашивают напарницу. — Теперь тебя спрашиваю. Где коды? Не скажешь — бить не буду. Просто убью.

Ну, «кучер» был крепкий орешек, об такой зубы ломаешь. По кошачьей иерархии — тигрище первого разряда. Вероятно, непосредственный шеф размалеванной бабы.

— Так-таки убьете? — усмехнулся он. — Арестованного шпиона? От которого может быть ход к резиденту? Ой, не верю.

Что-то в этом роде Алексей и рассчитывал услышать. Приставил дуло бородачу ко лбу. Пару секунд подождал. Тот, молодец, не отодвинулся, не сморгнул. Даже подмигнул, нагло.

От выстрела сорок пятого калибра у шпиона снесло весь верх черепа. Стоявший сбоку Кузин вытер лицо, забрызганное мозгом и кровью, да только носом шмыгнул. Зато шпионка и новенький оба заорали, один пронзительней другого.

Некоторое время Романов стоял, глядя на мертвое тело, и прислушивался к себе. Не дрогнет ли внутри что-нибудь? Хоть бы что. Только секундомер работал: нужно было, чтобы баба из первого шока вышла, а в ступор впасть не успела, не то потом из нее черта с два что выжмешь.

Каких-нибудь полгода назад Алеша ни за что вот так, хладнокровно, в упор, не выстрелил бы в живого человека. Ведь его рожали, воспитывали, растили, и семья, возможно, есть, кто-то его, наверное, любит, кто-то ждет. Как это — взять и уничтожить целую вселенную? А запросто. Спустил курок, и одной вражеской вселенной стало меньше. Бородач знал, на что шел. Война — не забава.

Пора!

— Это была ошибка номер два. — Медленно повернувшись, Романов

навел еще дымящееся дуло прямо в переносицу шпионке. — Где новая книжка? Ну, дура, смотри не сделай ошибки номер три.

Печкин, бедняга, зажмурился. Не хочет видеть, как еще один череп разлетится на куски.

— Это не книга! — прошепелявила «проститутка», скосив глаза в черную дырку. — Книг больше не будет! Прислали коробочку с реактивами. Для проявки тайных сообщений.

Значит, немцы наконец отказались от системы книжной шифровки? Интересно.

— Пускай коробочка. Где она?

— Отто выбросил. Когда падали. Туда куда-то. Я найду!

И с готовностью поползла на четвереньках в темноту, опираясь о землю локтями скованных рук.

«Кошка дворовая», определил породу шпионки Алексей. Не третьего разряда, а второго или даже первого — бедного Колбасникова застрелила ловко. А в общем, мелюзга. Прочной нитки от нее не потянется. Наверняка кроме покойного *Barbe Bleu* [\[70\]](#) никого не знает. Впрочем, пощупаем.

— Посветите ей, ребята.

— Есть, нашла! Видите, я сказала правду!

В маленькой стальной коробке блестели, проложенные ватой, три пузырька: один побольше, с прозрачной жидкостью, и два маленьких, в одной что-то беловатое, в другой желтоватое.

— И как пользоваться этим набором юного химика? — спросил поручик.

— Я не знаю. Я должна была проверить человека, задав ему три контрольных вопроса. Если всё нормально — отвести к пролетке. Отто сам инструктировал агентов, тет-а-тет. Ну а если что-то не так...

Судорожный всхлип. Не договорила.

— В коляску ее, — велел Романов. — И этого с ней рядом. За компанию. А Сливу мы с Кузиным сами отнесем.

Только теперь Кузин позволил себе заплакать. Они со Сливой были не разлей вода.

Можно было подводить предварительные итоги.

Операция очень тяжелая, с невосполнимыми потерями. Но успешная. Раскрыта принципиально новая германская система тайнописи. Или почти раскрыта. Еще придется покумекать, как пользоваться этими бутылочками.

Лапченко сказал Печкину, который помогал тащить Бородача:

— Гляди, не сболтни по дурусти. Этот застрелен при задержании,

ясно?

Новичок кивнул, боязливо оглянулся на поручика.

Надо было поговорить с парнем. Для первого серьезного дела он вел себя неплохо. Не мешался под ногами, не отставал. А что оторопел — это нормально.

— Что, Печкин, жутко? — Алексей усмехнулся. — Привыкай. Ты первый день воюешь, а я третий год. Или мы их, или они нас, понял? Цирлихи-манирлихи закончились.

Не до сантиментов

В тысяче верст отсюда в этот миг говорили о том же...

В ту же самую минуту, но только в тысяче верст к западу от Петрограда и на другом языке были произнесены почти те же самые слова.

— Не до сантиментов. Победу нужно добыть как можно быстрее и любой ценой. Нация и рейх на пределе сил. Этот тезис вашей докладной записки, Теофельс, совершенно справедлив. Правы вы и в том, что Восточный фронт стал проблемой, которую решить одними военными средствами невозможно. Да, необходимы чрезвычайные меры...

Поскольку Монокль тут сделал паузу, Зепп счел возможным вставить:

— Благодарю, экселенц.

И покосился на молчаливого Уса, чтобы угадать дальнейшее. Старший из генералов не то чтоб не умел притворяться — просто считал ниже своего достоинства прикидываться перед малозначительными подчиненными. По насупленным седым бровям старика, по брызгливо выпяченной нижней губе майор понял: отказано. Но зачем тогда вся эта помпа? Выдернуть занятого человека в Ставку, пред светлы очи сразу обоих начальников имперской разведки только для того, чтобы завернуть его проект? Можно было ответить бумажно. Или вообще не отвечать. Рисковал, перебирался через линию фронта — это бы ладно, дело привычное, но ведь еще пуговицы драил, в мундир влезал, побрякушки на грудь повесил. И всё попусту. Сейчас, после паузы, наверняка последует «но».

— Но... То, что вы предлагаете...

Генерал Монокль развел руками, посмотрел на шефа, как бы не найдя нужного слова.

Граф в терминологии не затруднился.

— Сумасшествие! — отрезал он. — Ваша идея безумна! Вы предлагаете нам последовать примеру японской разведки, которая в девятьсот пятом помогла развязать в России революцию и тем самым ускорила заключение мира. Мы, Теофельс, живем не в Японии, за морями-океанами. Россия — вот она, рядом. Пустить в колодец к соседям, с которыми рассорился, бациллу чумы может только последний идиот.

Ус запыхтел от негодования, а Зепп мысленно повторил: «Благодарю, экселенц». За «идиота».

— Соседи, конечно, сдохнут, но зараза может просочиться к нам! Неужто вы этого не понимаете?

Фон Теофельс изобразил несколько удивленную задумчивость. «Какого все-таки черта вызвали, если я идиот? — думал он. — Старым пердунам нужно, чтоб я их поужогаивал. Хочется, да колетса».

Лет десять назад, еще резвым обер-лейтенантом, Зепп по собственной инициативе подружился с легендарным японским полковником Акаси, когда тот после своих российских свершений служил военным атташе в Германии. Про этого человека говорили, что он один стоил десятка дивизий, сражавшихся на полях Маньчжурии. Распоряжаясь секретным фондом в один миллион иен (для воюющей империи — пустяк, для разведчика — баснословная сумма), Акаси, находясь в Европе, не только наводнил вражескую страну агентами, но и натравил на русского медведя целую свору собак: боевиков, агитаторов, польских, финских и кавказских сепаратистов. Если б у царя Николая не загорелись штаны на заднице, черта с два запросил бы он у японцев перемирия. Токио был на последнем издыхании, хуже чем Германия в конце шестнадцатого года, а благодаря толково потраченному миллиону, вышел из тухлого дела победителем. Почему бы не воспользоваться приемом, который один раз уже отлично сработал?

Однако начальству излагать общеизвестные факты майор не стал. Предпочел взять быка за рога.

Вскочил со стула, вытянулся в струну. Когда говоришь высокому руководству дерзости, следует уравнивать резкость слов позой полной субординации.

— Я не понимаю другого, экселенц. Если мой план отвергнут, зачем было отрывать меня от работы? Каждое пересечение фронта — лишний риск и потеря времени.

Вот так чудо: генералы на неслыханную наглость не рассердились, а только переглянулись, и Зеппу даже показалось, что суровый граф прячет под усами улыбку. Интересно!

— Мы диагностируем ситуацию таким же образом, что и вы. Однако избрали другой метод лечения, — с удивительной мягкостью произнес Монокль. — Столь же эффективный, как революция во вражеском тылу, но не представляющий для нас опасности.

Ус изрек:

— Не эпидемия чумы, а хирургическая операция. — Улыбнулся уже в открытую, довольный метафорой. Кивнул помощнику. — Продолжайте.

Но Монокль больше ничего говорить не стал, он любил эффектность. Открыл какую-то пузатую папку (Зепп углядел там кроме машинописных страниц какие-то схемы, карты, фотографии), извлек оттуда обыкновенную почтовую открытку с портретом самодержца всероссийского в полевой форме.

Поглядел Теофельс на картинку, подумал немного — и поразился так, что забыл про выправку.

— Правильно ли я понял? — Он с недоверием перевел взгляд на одного начальника, потом на другого.

Вот тебе и старые пердуны!

Монокль иронически улыбнулся. Ус кивнул.

— Вы хотите устранить монарха, августейшую особу? — проговорил Зепп вслух невообразимое. На секунду задумался. — Но... что это даст? Правитель из Николая неважный, главнокомандующий — тем более.

— Если Николай умрет, на престол взойдет двенадцатилетний мальчик, а регентшей станет царица Александра. Она ненавидит нашего кайзера, но это несущественно. Существенно то, что царица подвержена внешним влияниям. Мы с вами один раз этим уже воспользовались — когда нужно было избавиться от генерала Жуковского.

Зепп понимающе наклонил голову:

— Старец?

— Да. Как мы с вами знаем, этим человеком можно манипулировать. К тому же сей пророк — искренний и убежденный противник войны. Он считает, что она приведет империю Романовых к гибели.

— Понимаю, экселенц. Думаю, в случае необходимости я мог бы восстановить свои отношения со Старцем.

«А идея-то недурна! — пронеслось в голове у Теофельса. — Царица — особа мистического склада, верит в видения, откровения, наития и прочую полезную белиберду. И „странный человек“ тоже не без придури. А видения мы организуем...»

Ход дальнейших мыслей прервало ворчание генерала Уса:

— Обойдемся без вас. Сегодня в окружении шарлатана наших людей

более чем достаточно. Лучше скажите, как вам замысел?

— Он лучше моего, эксценц, — честно признал Зепп. — Проще в исполнении, дешевле, быстрее.

Честно говоря, майор был потрясен. Он не ждал от консервативного начальства такого кощунственного нарушения правил игры. Монархи не истребляют друг друга — во всяком случае, со времен средневековья. Видимо, дела у рейха еще хуже, чем кажется на отдалении.

— Если вспомнить, скольких правящих монархов за последние двадцать лет отправили на тот свет... — начал Монокль, но в это время на столе зазвонил один из телефонов, стоявший особняком и украшенный императорским вензелем.

Граф, несмотря на почтенный возраст, проворно встал, прежде чем снять трубку. Вскочил и его заместитель. Сделав восторженную физиономию, майор прижал ладони ко швам.

О чем граф беседовал с его величеством, осталось неизвестно. Ус больше слушал, уста разомкнул всего четырежды: три раза сказал «так точно, ваше величество» и один раз, в конце, «будет исполнено ваше величество». При этом беседа длилась не меньше пяти минут, так что Теофельс даже соскучился и, не меняя благоговейной мины, принялся вспоминать, скольких же монархов укокошили за последнее двадцатилетие — и при каких обстоятельствах. Память на обстоятельства политических убийств и прочих исторических инцидентов, интересных с профессиональной точки зрения, у майора была отменная, а живое воображение помогло воссоздать каждую из картинок с кинематографической наглядностью.

Мечеть Шах-Абдул-Азим. 1896

Шах Насер ад-Дин, правивший Персией целых полвека, кладет земные поклоны в храме, выстроенном в память об одном из потомков Пророка.

Приближенные тоже творят молитву, но преклонили колени на почтительном расстоянии от монарха. Меж златотканых мундиров и парчовых халатов (видны лишь склоненные спины) медленно, зигзагами, движется простой черный кафтанкаба. Это какой-то богомолец, шепотом бормоча извинения и не поднимая головы, ползет на коленках вперед. Он старается не привлекать к себе внимания.

Это некий Мирза Реза Кермани, последователь Джамал ад-Дина Афгани, страстного проповедника панисламизма. Персидского шаха

многие мусульмане считают деспотом и английской марионеткой.

Царской охране в мечети делать нечего. Кому из правоверных придет в голову осквернить священное место кровопролитием, а того паче цареубийством? На то у фанатика и расчет.

Протиснувшись в первый ряд, он взводит курок спрятанного под одеждой старого револьвера. Потом выяснится: оружие было в таком скверном состоянии, что, если бы выстрел был произведен с десяти метров, пуля не причинила бы вреда. Но Мирза Реза действует наверняка.

Дав шаху домолиться и подняться с колен, черный человек тоже вскакивает, с криком «Велик Аллах!» подбегает к владыке и трижды стреляет в упор. Через несколько месяцев, после пыток и суда, убийца будет повешен, очень довольный своим деянием и гарантированными райскими кущами.

Ломбардия, Монца. 1900

Славный июльский вечер. Маленький городок, расположенный в окрестностях Милана, ликует, радуясь визиту короля Умберто Первого. Король почтил присутствием торжественную церемонию в местном спортивном клубе и теперь едет в открытом экипаже мимо городского парка. Публика машет шляпами и платочками, король улыбается, кивает хорошеньким дамам. Монарх седоус, похож на добродушного дядюшку. У него и прозвище «Умберто Добрый».

Но не все считают короля добрым. Два года назад его солдаты расстреляли картечью в Милане безоружных манифестантов, и анархисты жаждут возмездия.

Охрана на сей раз имеется — в конце концов, на итальянского монарха было уже два покушения, но дело поставлено с характерной для минувшего столетия патриархальной неэффективностью: какие-то дурацкие всадники в касках с плюмажами, и всё. Телохранители не прикрывают коляску с флангов, хотя скорость движения вполне позволяет использовать эту элементарную меру предосторожности в людном месте.

Дальше всё очень примитивно. Из толпы выскакивает сосредоточенный брюнет с большими усами, сажает в августейшую особу четыре пули из американского револьвера. Он и сам американец итальянского происхождения. Гаэтано Бреши, ткач из Питсбурга, активист анархистского движения. Долго копил деньги на билет в Европу, приехал покарать «палача». Потом на суде скажет: «Я стрелял не в человека по

имени Умберто, а в принцип».

В Италии нет смертной казни, поэтому убийца получит пожизненное заключение, но от петли это его не спасет. Очень скоро его найдут повешенным в камере — якобы покончил с собой.

М-да... Что там у нас дальше?

Комната ужаса. 1903

Июньский рассвет. Маленькое темное помещение без окон. Из-за стены доносятся одиночные выстрелы, грохот мебели, грубые голоса: «Где они? Они не могли далеко уйти! Постель еще теплая!»

Полуодетая королева Драга дрожит и молится о чудесном избавлении. Король Александр прижимает супругу к себе, потом в сотый раз наваливается всем телом на спасительную дверцу, но та не поддается. Не может быть, чтобы рано или поздно не подросла подмога! Ведь это центр Белграда, королевский дворец! Остались же в столице какие-нибудь части, верные престолу!

Ужас сменяется надеждой, надежда ужасом, и продолжается это довольно долго.

Драга не августейших кровей, всего лишь бывшая фрейлина матери-королевы, вдова простого инженера, к тому же она на пятнадцать лет старше мужа и не сможет дать стране наследника. В сущности, королевский брак — не только эгоистическая блажь капризного венценосца, но и трогательная история большой любви, не останавливающейся ни перед какими препятствиями. Всё зависит от того, как на это посмотреть. Но Сербия взирает на коронованную чету с негодованием. «Молодой идиот» и «старая развратница» крайне непопулярны. От Александра отвернулась собственная мать. Отец, в свое время добровольно передавший ему престол, тоже возмущен.

Любопытно, что, в отличие от двух предшествующих случаев регицида, здесь были предприняты довольно серьезные усилия по охране главы государства. Александру известно, что молодое офицерство недовольно и что в армии зреет заговор. Поэтому дверь в опочивальню прочна и чуть ли даже не бронирована (все-таки на дворе двадцатый век), телохранители надежны, в спальне имеется тайный ход в убежище, откуда можно уйти через запасную дверцу.

Но заговорщиков слишком много, и на выручку никто не придет, потому что это, строго говоря, не покушение, а самый настоящий военный

переворот. В подобной ситуации обычных мер безопасности недостаточно.

Телохранители один за другим пали в перестрелке. Глава заговорщиков капитан Димитриевич (тот самый, что потом возглавит сербскую тайную полицию и создаст организацию «Черная рука», которая убьет эрцгерцога) получил три пули, убиты некоторые его сообщники, но в конце концов сопротивление защитников сломлено.

Двери в опочивальню взорваны динамитом.

Не обошлось и без рокового стечения обстоятельств. Король с королевой ретировались в секретную комнату, но выйти с другой стороны не смогли — слуги, не осведомленные о тайне, заставили выход громоздкой мебелью.

В конце концов один из королевских приближенных выдал убежище. Чудесного избавления не будет.

Со славянской привычкой к чрезмерности королевскую чету продырявили выстрелами, изрубили саблями, чуть ли не выпотрошили, а потом еще выкинули изуродованные трупы в окно на кучу навоза. Хорош, должно быть, в Сербии королевский дворец, если там под окнами королевской опочивальни сваливают навоз. Впрочем, возможно, эту деталь придумали журналисты, с них станется.

В этой жуткой славянской истории Зеппа порадовала участь цареубийц. Все, кто не погиб при штурме, остались живы и достигли высоких чинов. Полковник Димитриевич до сих пор на службе, хоть австрийская разведка и доносит, что период его всемогущества закончился.

Следующая, кажется, Португалия?

Лиссабон. 1908

Королевское семейство: толстяк Карлуш Первый, его дородная супруга и сыновья-принцы возвращаются в столицу из загородной резиденции.

Сценография схожа с итальянской: открытый экипаж, густая толпа на площади Террейру-ду-Пасу. И охрана точно такая же — несколько павлинов с плюмажами на шляпах бессмысленно едут впереди кортежа, а королевские телохранители скромненько держатся сзади, где от них никакого проку.

Холодный февральский день. Все одеты тепло — и августейшая фамилия, и публика. Среди зевак двое революционеров, которые мечтают избавить страну от королевского дома Браганца и сделать Португалию республикой. Террористы тоже в длинных пальто, под которыми так легко

спрятать любое оружие. Один из них — бывший унтер-офицер и отличный стрелок.

Во все времена, даже при идеальной охране, очень трудно уберечься от людей, хорошо владеющих оружием и готовых пожертвовать собственной жизнью. Карлуш даже не успел понять, что произошло. Первая же выпущенная пуля перебила ему шейные позвонки. Но убийцы, вытащив карабины из-под пальто, не прекратили огня, пока не опустошили магазины. После этого обоих уложили на месте, да что проку? Пал не только король, но и наследный принц, вынужденный (позор охране!) отстреливаться из собственного револьвера. Какой-то Дикий Запад!

Еще остается Греция.

Салоники. 1913

Заканчивается Первая балканская война. Король эллинов Георг гуляет по отбитым у турок Салоникам. Осмотрел знаменитую Белую башню, главную достопримечательность македонского города, свернул в узкие улочки.

Поразительная беспечность для монарха воюющей страны! Практически никакой охраны, лишь несколько человек свиты.

Впрочем, Георг прав, что не боится вражеских агентов. Удар ему нанесет не турок и не македонец, а собственный подданный, грек.

Долговязый монарх останавливается поболтать с владельцем уличного ресторанчика. Старый король — иностранец, датчанин, ему нужно продемонстрировать близость к народу. Длинные тараканьи усищи шевелятся — его величество изволил сказать шутку.

Бедно одетый человек в шляпе с обвислыми полями преспокойно подходит сзади и с расстояния в несколько шагов посылает две пули. Одну — прямо в сердце.

Тут опять сходство с убийством Умберто Доброго. Как и короля итальянцев, Георга Греческого застрелил анархист, успевший пожить в США и вернувшийся на родину, чтобы расправиться с монархом. Похож и финал. По официальной версии, злодей во время допроса выбросился из окна и разбился насмерть. На самом деле, как в свое время сообщала резидентура, террориста выкинули уже мертвым, чтобы замаскировать следы пыток.

Вот вся новейшая история успешных цареубийств: пять прецедентов.

Но был и шестой

Телефонный разговор закончился. Все сели: генерал Ус первый, генерал Монокль второй, последним майор. Помолчали, как бы отдавая дань почтительности невидимому собеседнику. Потом заместитель продолжил, словно никакого перерыва не было:

— ... За последние двадцать лет правящих монархов отправляли на тот свет несколько раз, но для нас представляет интерес только один из этих инцидентов, поскольку он был организован иностранной разведкой.

Зепп слегка удивился: который же это? Ах да, про Драгутина Димитриевича писали в газетах, будто он платный агент русских. Но разве это была не часть пропагандистской кампании по подготовке войны?

Однако генерал имел в виду не сербскую историю.

— Я про убийство корейской королевы Мин, осуществленное вашими любимыми японцами в 1895 году.

«Это нечестно, вы говорили про двадцать лет, а тут прошло больше!» — чуть не воскликнул Теофельс, по-детски раздосадованный тем, что зря напрягал память. Генерал, конечно, не имел в виду календарной точности. Черт, что там было с корейской королевой?

Монокль напомнил сам:

— Королева Мин была за сближение с Россией и против японского засилия. Однажды в октябре, на рассвете, во дворец ворвались люди с самурайскими мечами — ох уж эта японская любовь к старине — и зарубили тех придворных дам, кто был похож на королеву. Членов правящего дома в Корее не фотографировали, поэтому убийцы располагали только описанием внешности. Женщин, имевших несчастье походить на королеву, оказалось трое. Обстоятельные исполнители выволокли наружу три трупа, предъявив их для опознания начальнику. Тот показал, которая из покойниц королева, после чего убийцы все с той же поразительной неспешностью сожгли тело, развеяли пепел и лишь после этого спокойно удалились. История чудесная, с восточным колоритом, но я рассказываю ее вам только затем, чтобы предупредить: в вашем случае ничего подобного не будет.

— Да уж, — улыбнулся Зепп. — Дворцовая полиция полковника Назимова вряд ли станет ждать, пока я выполню погребальный ритуал. И вообще, азиаты могут творить у себя всё, что угодно, но каковы будут последствия такой... акции, если устроить ее в Европе?

— Вот именно. — Генералы посмотрели один на другого, покачали

головами. Монокль понизил голос — не для секретности (кто тут будет подслушивать?), а для вящей значительности. — Главная трудность не в технической стороне дела. Подумаешь — убийство. Мы же не террористы-одиночки, у нас вариантов и возможностей сколько угодно. Но мир не должен знать, что русского императора ликвидировали мы. Иначе на нас ополчится весь свет.

Главный начальник жестом показал, что дальше будет говорить он:

— Мы сейчас оказываем вам, Теофельс, высочайшее доверие, зная вас как отличного специалиста и настоящего патриота Германии.

Вскинув подбородок и расправив плечи, Зепп принял позу, соответствующую званию настоящего патриота. Было ужасно любопытно, к чему клонит старик.

— Он... — Выразительный взгляд из-под кустистых бровей на телефон с вензелем. — Он об этом ничего не знает. И не узнает. Никогда. Все-таки речь идет о близком родственнике, тоже помазаннике Божьем. Фактически мы предлагаем вам стать участником заговора, созданного хоть и в интересах нашего обожаемого монарха, но без его ведома. Это означает, во-первых... Ну, теперь можете вы, генерал.

Сказав главное, Ус будто потерял интерес и к разговору, и к майору.

— Это, во-первых, означает, что, выполнив задание, вы не получите никакой награды, — изобразил сожаление Монокль. — Ни ордена, ни повышения в чине.

— Экселенц, я служу не ради наград.

— Знаю, знаю. Потому мы и остановились на вашей кандидатуре. Во-вторых, гибель царя должна выглядеть, как несчастный случай. В крайнем случае как теракт, устроенный туземными революционерами-тираноборцами. Поэтому группа, с которой вы будете работать, довольно специфична. Состав тщательно продуман. Пожалуйте ко мне в кабинет, я покажу вам все досье. Не будем больше занимать время его превосходительства.

«Меня даже не спрашивают, согласен ли я, — подумал Зепп, поднимаясь и салютуя Усу. — Это, пожалуй, наивысший комплимент. Дороже любого ордена».

Болонка первого класса

Той же ночью, ближе к рассвету

Начальник контрразведочного управления Петроградского военного округа так привык напрягать красные, слипающиеся от вечного недосыпания веки, что сделался похож на круглоглазого лемура, а голос от непрерывного курения с кофепитием стал сиплый, будто испитой, хотя вино князь Козловский позабыл, когда и пил — не до того было.

Место, на котором подполковник трудился уже третий месяц, было видное. Видное, да не завидное. И вся карьера Лавра Константиновича была такая же: его вечно назначали на ответственные должности — то есть на такие, где чуть что требуют к ответу, но поощрений при этом не дождешься. Верный признак хорошего офицера, которого начальство ценит, но не любит, это скудное количество наград и быстрое продвижение по должностной лестнице, сильно опережающее производство в чин. Бывшие однополчане Козловского, кто на третий год войны был еще жив, все уже выскочили в полковники, а один в тридцать семь лет обзавелся лампасами. Время для военной карьеры было золотое, за убылью личного состава вакансии открывались с фантастической быстротой. Один, стало быть, уже получил бригаду, шестеро — полк. Эх, милое дело полком командовать. Живешь с офицерами и солдатами одной семьей, сам себе голова, каждый день решаешь простые и ясные задачи, неважно строевые или боевые. Трудно ли навести порядок в полковом хозяйстве? Пара тысяч дисциплинированных людей, десять или двадцать километров фронта...

Не то Питер с прилегающими губерниями. Содом и Гоморра, Авгиева конюшня!

Добро б дело было только в прямых вражеских разведчиках! Столица кишела дельцами, которые торговали чем придется, в том числе и секретной информацией, если она попадала к ним в руки. Воры-поставщики и казнокрады-чиновники становились легкой добычей шпионов-шантажистов. А еще от военной усталости расплодилось множество пацифистов, сторонников мира любой ценой, и поди разбери, кто из них желает остановить кровопролитие из страха за отчизну, а кто германский агент влияния. В городе 160 тысяч солдат запасных батальонов, у серой скотинки одна мечта — любой ценой задержаться в тылу и не попасть на фронт. Среди этой массы потенциальных бунтовщиков (между прочим, вооруженных) снуют агитаторы-большевики, которым хочется, чтобы империалистическая война переросла в мировую революцию, а для этого нужно, чтобы Россия потерпела поражение. И если борьба с революционной пропагандой — головная боль Охранного отделения, то подрывная деятельность в пользу врага — это уже забота контрразведки. Не будем забывать и про 400 тысяч питерских рабочих. По какому

ведомству прикажете числить забастовку, устроенную на оборонном заводе во время исполнения сверхсрочного и архисекретного заказа? Что это — пролетарская солидарность или германские козни?

Вот какими головоломными докуками была занята голова Алешиного начальника. Срочный вызов в кабинет к Козловскому обычно означал, что какую-то из своих муторных проблем подполковник хочет свалить на плечи товарища, тоже, между прочим, много чем обремененные.

Поэтому поручик переступил порог насквозь прокуренной комнаты без опаски и сразу, разгоняя ладонью сизый дым, сварливо сказал:

— Лавр, ну какого беса? Ты же знаешь, я колдую над реактивами.

Глаза чуть не заслезились от крепкого солдатского самосада, которым в последнее время увлекался князь, но приспособились к ограниченной видимости, и Алексей обнаружил, что обращается к пустому стулу. Подполковник сидел не за письменным столом, а на диване, в удивительно расслабленной позе, нога на ногу, и пил чай с лимоном. Еще оказалось, что Козловский не один. Рядом с ним, тоже со стаканом, сидел ровно, будто палку проглотил, невысокий военный с вензелем на погонах — флигель-адъютант, полковник, весь с иголки.

— Виноват. — Романов вытянулся. — Поручик Романов по вашему приказанию...

— Брось, Лёш, — перебил Козловский. — Это свой, можешь без официальностей. — И полковнику, который внимательно смотрел на вошедшего, поглаживая небольшую бородку: — Вот он. Тот, кто тебе нужен. Прошел огонь, воду и серную кислоту. — Повернулся к Алексею. — Это мой старый товарищ по полку, Жорж, то есть Георгий, как тебя, Александрович?

— Ардалионович, — тихо сказал незнакомец, попрежнему изучая поручика.

— Георгий Ардалионович Назимов. *Тот самый.*

Уточнение, произнесенное особенным тоном, несомненно означало, что князя навестил тот самый полковник Назимов, который с недавних пор возглавляет дворцовую полицию и личную охрану государя императора.

— Сидим вот с Жоржем и, как две хворые бабы, на болячки жалуемся.

Представить себе Козловского жалующимся на здоровье было невозможно, и Алексей понял, что сетуют бывшие однополчане друг другу на тяготы службы. От Назимова, в некотором роде коллеги, начальнику контрразведки можно было не таиться.

— Вы начальник дворцовой полиции? — всё же спросил Романов, отвечая на пожатие маленькой, но сильной ладони.

— Да, на мне лежит высокая ответственность — обеспечивать безопасность его величества. Это раньше мы были дворцовая полиция. — Сдержанная улыбка тронула малоподвижное лицо Назимова. — Теперь государь живет в поезде, поэтому правильной сказать «поездная полиция».

— Садись, Алеша, не торчи. — Князь кивнул на кресло. — Чайку вон себе налей. А ты, Жорж, переходи сразу к делу. Романов на лету схватывает.

Про полковника Назимова даже в профессиональных кругах мало что знали. От своих предшественников он отличался незаметностью, вечно держался в тени, влиять ни на политику, ни на придворную жизнь не пытался.

Если судить по внешности и манере держаться, человек это был серьезный и на свое место попал не по протекции, но, согласно Алешиной табели о рангах, всё равно принадлежал к породе «болонок», пускай и первого класса. Что за работа у царских телохранителей? Глядеть в оба и вгрызаться в штанину каждому, кто приблизится к августейшей особе без разрешения. Еще, наверное, нужно уметь ходить на задних лапках и иметь хорошо расчесанную шерстку.

Ход своих мыслей перед «боложкой первого класса» поручик, конечно, не обнаруживал, а слушал очень вежливо, демонстрировал чрезвычайную внимательность. Импонировало, что такой большой начальник разговаривает с мелкой сошкой, младшим офицером контрразведки, без фанаберий. Как с равным.

— Понимаете, — рассказывал Назимов доверительно и как бы даже смущенно, — в личной охране его величества служат специально отобранные люди, молодец к молодцу. По многу лет. Это, с одной стороны, хорошо, потому что опыт, доскональное знание обязанностей и всё такое. С другой стороны, это очень плохо. Рутинка и строго установленный распорядок притупляют бдительность, ну и вообще — *притупляют*. А время-то сейчас какое. Война. И какая война! Не та, что прежде. Немец стал другой, наш внутренний враг тоже вызверился, кругом ожесточение, все друг другу глотки рвут. А у меня, Алексей Парисович, все по старинке...

«Ишь ты, и отчество знает, — мысленно отметил Романов, сочувственно кивая. — Ох, не к добру это».

— ...Такая, знаете, тишь да гладь. И сколько я людей ни гоняю, как ни встряхиваю, нет мне покоя. Я ведь, честно признаться, и сам от боевой службы отвык. Был когда-то и в оперативно-агентурной секции, и на розыскной работе, но сейчас чувствую, что отстал. Тревожно мне. Если не дай бог что, а я чего-то не предусмотрел... Вот и решил попросить Лавра

по старинному приятельству...

Он оглянулся на князя, и тот бодро продолжил, искоса поглядев на стенные часы — время у начальника управления было в вечном дефиците:

— ...Чтобы я прикомандировал к государственной охране боевого офицера. Нужно свежим глазом посмотреть, проверить слабые места. Знаешь, есть такой термин «ревизор из Петербурга». Это из Гоголя, — пояснил Козловский. Он прочитал на своем веку немного литературных произведений — только те, что проходили в корпусе, но зато помнил их все, как «Устав полевой службы». — Короче говоря, я сразу про тебя подумал. Что скажешь?

— Я бы предпочел остаться в контрразведке, — отрезал Романов.

Подполковник немедленно перешел от благодушия к язвительности:

— А я бы, Алешенька, предпочел с ружьишкой да на рябчиков, недельки этак на две.

Он запнулся, проглотив еще какую-то колкость. Не захотел мылить сотруднику голову при постороннем.

— Ладно, Жорж, ты иди. Мы тут договоримся. Не позднее, чем послезавтра, Романов будет у тебя в Могилеве.

Назимов поднялся.

— Поручик, я ведь вас не в паркетные шаркуны зову. Приезжайте. Жду.

Пожал обоим руку, вышел.

— Ну что ты, Алексей, на меня волком смотришь?

— Приказ получен, господин подполковник. — Голос у Романова был ледяной. — Кому сдать дела? И, главное, реактивы.

Козловский встал. Припадая на хроющую ногу, подошел, положил товарищу руку на плечо.

— Ладно тебе крыситься. Заберешь пузырьки с собой, покумекаешь на досуге. Заодно отдохнешь. Купе тебе выделят отдельное. Ух, я бы там выспался! Под стук вагонных колес, да на боковую, а? Дыдых-дыдых, дыдых-дыдых... Тихо, никакой тебе дерготни, беготни. Кормят, наверное, рябчиками да всякими крем-брюле. Считаю, отпуск получаешь краткосрочный. Я ведь тебя, дурака, не навсегда им отдаю, мне работники самому нужны. Поторчишь денька три-четыре, максимум неделю. Посмотришь, прикинешь. Дашь Жоржу пару рекомендаций — и назад. — Видя, что Романов при упоминании о краткосрочности командировки немного оттаял, князь оскалил в ухмылке прокуренные зубы. — Заодно в высшем обществе повращаешься, манер поднаберешься, а то совсем ты у меня солдафон стал, прямо Скалозуб (это из Грибоедова, драма «Горе от

ума»). Опять же знакомства заведешь полезные. Камергеры там, фрейлины-гофмаршалы. Протекцию мне окажешь, при случае.

— Очень остроумно. Не хочу я быть «болонкой», даже временно!

— «Болонки», Лёша, из тебя теперь при всем желании не получится. Клычищи помешают. Читал я твой рапорт. Не удалось, значит, «кучера» живьем взять? Погиб в перестрелке? То-то у него весь лоб от пороха черный. Бывает.

«Надо же, не поленился в морг заглянуть, — удивился Романов. — А еще жалуется, что ни минуты свободного времени».

Напоследок Лавр сказал серьезно, не дурачась:

— Назимов зря не пришел бы, не такой человек. Раз просит — значит, действительно надо. Никого опытнее тебя у меня нет. Дело-то важное. Я б и сам съездил, но ты же знаешь, мне нужно быть в Бендерах, я генералу Брусилову обещал.

Железнодорожный этюд

«Могилев-І»

Мировая война отличалась от всех предыдущих еще и тем, что командующие армиями пересели с белых коней в черные автомобили и переселились из походных шатров в салон-вагоны. И в первом, и особенно во втором случае заслуги технического прогресса были налицо. Его императорское величество самодержец всероссийский вот уже второй год жил во дворце на колесах, который перемещался то по оси Север — Юг, вдоль расположения войск, то по оси Запад — Восток, во время недолгих отлучек с театра боевых действий в тыл. Больше всего времени верховный главнокомандующий проводил в Ставке, то есть, собственно, на станции «Могилев-І». Затрапезный еврейский городишко, дыра дырой, стал волевым центром державы благодаря своей равноудаленности от обоих морей, в которые упирались фланги тысячеверстного фронта, а также вследствие пересечения важных железнодорожных линий.

В условиях тотального напряжения всех сил страны железные дороги из удобного способа доставки пассажиров и грузов переродились в кровеносную систему войны. Половина проблем, губивших империю, возникала из-за того, что эта система болела тромбозом и была мало разветвлена. Те участки огромного тела, куда министерство путей сообщения не доставало своими стальными капиллярами, в войне почти не

участвовали, от них было мало проку. Истинные размеры воюющей России измерялись не заявленными в энциклопедиях двадцатью миллионами квадратных верст, а протяженностью железных дорог с прилегающими к ним территориями, то есть пространством во много раз меньшим. Еще со времен Витте страна прокладывала рельсы невиданными в мире темпами, но этого все равно оказалось недостаточно. Немцы и австрийцы неоднократно уходили от верного поражения, в несколько дней перекидывая целые корпуса с Восточного фронта на Западный или с Западного на Восточный. Россия же возможностью быстрой рокировки войск не обладала, а значит, численное преимущество, достигнутое мобилизацией шестнадцати миллионов мужчин, сводилось на нет. Особенно скверно обстояло дело на рокадных путях сообщения, идущих параллельно линии фронта. Все главные артерии тянулись от окраин в центр державы. Поэтому посещение государем любого участка боевых действий закупоривало всё движение составов на данном направлении.

Царь считал своим долгом быть ближе к солдатам и никого не обделять высочайшим вниманием, однако от церемониальных поездок с вручением орденов и криками «ура» было больше вреда, чем пользы. Командующие фронтами и армиями предпочли бы, чтобы его величество руководил войсками не очно, а посредством телеграфа. Между собой генералы говорили, что главе воюющего государства следует находиться не на железнодорожной станции, а в столице. Но в своих поступках Николай руководствовался не столько доводами земного разума, сколько голосом боговнушаемого сердца, оно же повелевало помазаннику не пребывать во дворце, среди постылой роскоши, а делить лишения с христолюбивым воинством. Царь жил то в скромном губернаторском доме, то — еще охотнее — прямо в поезде, в тесном помещении, состоявшем из двух соединенных купе, питался простой пищей, носил скромную полевую форму и, как все остальные фронтовики, тосковал по жене и детям.

Всё это поручику Романову было известно из газет, не устававших умиляться «августейшему страднику», «скромнейшему многотруженику», «великому старателю за Землю Русскую». Как и большинство соотечественников, Алексей официозным газетам не верил и полагал, что увидит в Могилеве прифронтовое подобие Царского Села: свежестроенные хоромы, наскоро высаженные аллеи, блестящих гвардейцев. Но ничего этого не было.

Он увидел серые, неопрятные улицы, по которым тарахтели грязные автомобили, носились рысью бесчисленные ординарцы, по тротуарам

спешили замотанные офицеры всех родов войск. Хаотическое движение и шум возрастали по мере приближения к центру этого города-штаба. Полковник Назимов поджидал Романова у входа в вокзал. Попасть внутрь без сопровождающего или специального пропуска было невозможно.

— Всех из поезда почему-то высадили на «Сортировочной», пришлось добираться пешком, — объяснил Алексей, извиняясь за опоздание.

Начальник охраны успокоил его: таков общий порядок, продиктованный соображениями безопасности. На «Могилев-1» кроме царских поездов пропускают только салон-вагоны командующих фронтами, по вызову из Ставки.

— Кроме царских? Разве он не один?

— Их два, литерный «А» и литерный «Б». В первом — его величество, ближайший круг и штат обслуживания. Во втором — остальные чины свиты, смена конвойцев и мы, телохранители.

— Охрана и царь находятся в разных поездах? — недоверчиво переспросил поручик.

— Разумеется, при государе всегда состоит дежурный наряд, но основной контингент следует отдельно. — Назимов вздохнул. — Мне это тоже не нравится. Но такова воля государя.

Поручик принял это к сведению, никак не прокомментировав. Просто достал блокнотик, сделал первую запись. Намерения у Алексея были такие: в минимальные сроки составить анализ, дать все необходимые рекомендации и скорее назад, в Питер. Наше дело — честно прокукарекать, а там хоть не рассветаи, коли у вас тут меры безопасности определяет «воля государя».

Однако по мере приближения к месту изначальный скептицизм контрразведчика несколько смягчился. Там, куда не достигал взор самодержца, Назимов распорядился по-своему, и распорядился неплохо.

Царские поезда стояли в специально выстроенном ответвлении путей, параллельно, и были оцеплены тремя кольцами дозоров, на внешнем периметре находившихся в пределах прямой видимости друг от друга, на среднем — с двадцатиметровыми интервалами, на ближнем вообще стояла сплошная цепь. Документы проверялись трижды, причем попасть внутрь оцепления могли только лица из специального списка, который несколько раз в день обновлялся лично начальником дворцовой полиции. В первом кольце дежурили лейб-жандармы, во втором солдаты Сводного гвардейского полка, в третьем — казаки личного его величества конвоя.

У всех трех караульных начальников оказалась фотография поручика Романова, временно прикомандированного к «Особому железнодорожному

отряду», как официально назывался объект.

Наконец оба офицера оказались в голове двух совершенно одинаковых составов, каждый из шести вагонов, внешне неотличимых один от другого: все выкрашены синим лаком с золотой полосой по линии подоконников, над каждым окошком сверкающий императорский герб, крыши пятнистые, светлосерые — очевидно, в целях маскировки на случай авианалета.

Здесь полковник Алексея удивил.

— Вот этот — «А», царский, — показал Георгий Ардалионович на левый поезд, вдруг задумался — поправился. — Нет, царский справа. Забыл, час назад я велел поменять их местами. Обычная предосторожность. Что удивляетесь? Поезда снаружи, как близнецы. В том и смысл. Сам, бывает, путаюсь. Вражеские агенты-наблюдатели никогда не должны быть уверены, что мимо них проехал именно царский состав. В пути порядок движения все время меняется. А внутри, конечно, всё устроено по-разному. В литерном «А» назначение вагонов следующее...

Оба мощных паровоза, вероятно следуя профилактическому графику, одновременно выбросили вверх столбы пара, и полковнику пришлось сделать паузу.

В тихом месте

На дальних подступах к Могилеву, за ремонтными мастерскими Петербургско-Одесской железной дороги, за грузовыми складами и паровозным депо, стояла двухэтажная постройка скучного красного кирпича, с чугунным крыльцом, с облупленными дверями, а на дверях вывеска, тоже облупившаяся: «Могилевское техническое железнодорожное училище». В мирное время здесь обучали машинистов, механиков, старших обходчиков, а в военную годину школа закрылась, и здание использовалось время от времени, по разным краткосрочным железнодорожным надобностям.

К примеру, на эту неделю бывшее училище арендовали какие-то «Курсы просвещения паровозных бригад» под эгидой «Союза земств и городов» — честь по чести, с предоставлением соответствующего разрешения от министерства, внесением установленной платы через банк и неустановленной (так называемого «барашка в бумажке») лично господину начальнику участка, чтобы не докучал проверками. Он и не докучал, потому что «барашек» был упитанный.

Если бы все же какому-нибудь скучающему от безделья инспектору

вздумалось поинтересоваться, соответствует ли использование арендуемого помещения заявленной цели, ничего подозрительного визитер бы не обнаружил.

В классе за партами сидели несколько мужчин обыкновенной мастеровой наружности, а на доске чертил мелом чиновник в потрепанном, но опрятном вицмундирчике — губернский секретарь Епиходов, и соответствующий документец имеется.

Единственное, что могло бы показаться странным постороннему человеку, это присутствие в классе, среди взрослых пролетариев, щуплого подростка-китайчонка, но на это у преподавателя был готов ответ: шустрый мальчуган, круглый сирота, ужасно старательный — у кого поднимется рука отстранить такого от света науки?

На самом деле недомерок (агентурная кличка Вьюн) был тридцати лет от роду и равнодушен ко всем наукам кроме разве что фармакологической, но и то в очень узком ее ответвлении. Неизвестно, был ли малыш сиротой, но зато отлично умел делать сиротами других малюток.

В операции, разработанной фальшивым Епиходовым, китайцу отводилась первая роль.

Из старых кадров Зепп еще взял с собой смешливого толстяка Балагура, мастера на все руки. Ну и, конечно, старину Тимо, куда ж без него.

Все остальные были присланы начальством — оставалось надеяться, что с умом. Команда подобралась невероятной этнической пестроты, прямо всяк суций в ней (то есть в России-матушке) язык.

Майор к людям пока приглядывался, решал, где кого использовать. Кое-что уже начинало проясняться.

Для функции связного лучше всего подходит Ворон, потому что хладнокровен, скор умом и, главное, стопроцентный русак, что для передвижений в особой зоне и прифронтовой полосе немаловажно. Из досье Зепп знал: анархист, враг тирании. Бедной тирании не позавидуешь. Лицо у Ворона каменное, никогда не улыбающееся, взгляд мертвый, фанатичный. Не приведи бог, если такой субъект задумает устроить покушение на кайзера. Но на данном отрезке времени цели сторон совпадали, а кто тут кого больше использует: германская разведка анархиста или он ее, в сущности, не столь важно.

Не отличался особенной живостью и Финн (это и кличка, и национальная принадлежность). Белобрысый, белоглазый, чисто выбритый, бесстрастный. Судя по неподвижности взгляда, тоже раб Идеи. Идеиные — они в деле очень полезны, только нужно уметь с ними

обращаться. Особенно надежны в употреблении зелоты северного замеса. В их медлительных душах горит ровный пламень, который не ко времени не вспыхнет и внезапно не погаснет. Коли в этакую каменную башку втемяшилось кредо, то уж навсегда. Примечательно, что Финна немецкие скауты выудили аж в Соединенных Штатах, где тот скрывался от Охранки целых двенадцать лет. (Тут кстати вспомнить двух других пассионарных репатриантов-американцев, которые прикончили итальянского и греческого монархов.)

Таким образом, в группе имеются гордый внук славян и финн. Тунгуса и друга степей калмыка, правда, нет, зато есть еврей, поляк и украинец. Этих Зепп до сих пор еще себе не растолковал.

Маккавей (наверняка сам выбрал себе героическую кличку) черноволос и крючконос, никаких сомнений относительно национальности. Должно быть, человеку с такой внешностью при гордом характере нелегко жить в юдофобском государстве. Согласно досье, Маккавей к легкой жизни никогда и не стремился. Бывший командир отряда еврейской самообороны, вооруженное сопротивление аресту, долгая жизнь по чужим документам. Человек с походкой и повадками ночного зверя: всё время настороже, чуть что — шерсть дыбом и когти наружу, а взгляд недоверчивый, постоянно перемещающийся в предчувствии опасности.

Совсем другая особь — Кмициц (это, кажется, какой-то рыцарь из произведений писателя Сенкевича). Ходячая иллюстрация на тему «Jeszcze Polska nie zginęła». Русских не выносит до такой степени, что все время молчит, потому что говорить на этом гнусном наречии не желает, а немецкого, как, впрочем, и других иностранных языков, не знает. Молоденький, хорошенький блондинчик с девичьим румянцем. Но не слюнтяй. В четырнадцатом году застрелил помощника пристава. Кадр безусловно ценный. Такому лишь бы пасть за нашу и вашу свободу, что Зеппа отлично устраивало. Но на какой участок определить романтика свободы? Что-нибудь несложное и героическое.

Последний член команды — боевик из украинской националистической организации по кличке Чуб, которая вступала в противоречие с бритым наголо черепом. В разделе «полезные навыки» было написано, что меткий стрелок. По собственным наблюдениям про Чуба Теофельс мог сказать пока только одно: поразительно владеет собой. Невозможно представить, чтоб этот скуластый человек неопределенного возраста в какой-нибудь ситуации утратил присутствие духа.

В общем и целом букет подобран со вкусом. Специалисты из агентурно-кадрового отдела хорошо поработали. Главное, все пятеро прикомандированных — явные альтруисты. С таким контингентом разведчику приходится иметь дело нечасто. И прелесть не в том, что люди работают бескорыстно (на это-то плевать, казенных денег не жалко), а в том, что каждый готов положить ради великого дела голову. Это очень кстати.

Потому что положить головы этой пятерке, вероятно, придется. В таком деле гораздо приятнее работать не с марионетками, которые не знают, на что идут, а с настоящими беззаветными психопатами.

Неплохое у майора фон Теофельса было впечатление от состава группы, очень неплохое.

На доске мелом были нарисованы семь прямоугольничков. Первый, с дымящейся трубой, обозначал паровоз, остальные — вагоны.

Зепп тыкал указкой, объяснял, слушатели сосредоточенно внимали. Записывать было нельзя. Кмициц немного морщил гладкий лоб, звуки русского языка терзали его слух. Вьюн, кажется, дремал, но черт с ним. Китайца в любом случае придется инструктировать индивидуально. Бедный Тимо шевелил губами и, конечно, половины не понимал. Ничего, его дело — быть на подхвате.

— ...Это поезд литеры «А», с которым нам предстоит работать. Сразу за локомотивом вагон свиты. Второй отведен под царскую квартиру. Это наш непосредственный объект, им потом займемся подробно. Затем идет вагон-столовая. Потом царская кухня с буфетом...

Знакомство с объектом продолжалось...

— ...В пятом вагоне часть походной канцелярии его величества. Там же размещается дежурная смена личной охраны. — Алексей шел за полковником, внимательно глядя на окна с занавесками. Записал в блокнот: «Бронир.? Эл. свет в ноч. время». — ...В последнем, шестом вагоне — купе инженеров железнодорожного ведомства и гараж для царского автомобиля. Вопросы есть?

— Если позволите, я задам их позднее.

— Хорошо, поручик. Теперь милости прошу в наш с вами литерный «Б».

В поезде-дублере два вагона было отведено под казарму для чинов охраны, еще два под конюшню для лошадей конвоя, один — для машин

сопровождения и только вагон за номером 2 был весь отведен под купе.

— Внешне каждый вагон нашего состава является точной копией соответствующего номера из литерного «Б». Второй, пассажирский, с которого мы начнем, абсолютный близнец царского. Только отсеки, конечно, устроены несколько иначе. Сейчас я вам всё покажу.

Через обшитый дубом тамбур офицеры вошли в нарядный коридор, устланный синей ковровой дорожкой. Двери купе (числом шесть) сверкали начищенными медными ручками. В дальнем конце, кажется, располагался небольшой салон, откуда доносились звуки пианино. Кто-то весьма недурно исполнял первый этюд Шопена — произведение сложное, не для дилетанта. Алексей чуть приподнял брови, но ничего не сказал. Подойдем ближе — посмотрим, кто это там музицирует.

— Стекла, как и в царском вагоне, пуленепробиваемые. — Назимов на ходу постучал костяшками по окну, и поручик вопрос про «Бронир.?» у себя в блокноте вычеркнул. — Тут моя берлога. — Полковник показал на купе с табличкой «№ 1». — Видите: вставлена карточка, такой у нас порядок.

На двери в специальной ячейке действительно белела карточка с типографской вязью:

«Флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ».

— Вы разместитесь во втором. Оно как раз предназначено для лиц, временно состоящих при ОЖО.

При чем, при чем? А, при Особом железнодорожном отряде, сообразил Романов. Не слишком благозвучная аббревиатура.

Купе, в котором ему предстояло разместиться, было обставлено со всем возможным комфортом. Кроме дивана и стола два шкафа до потолка, крошечный, зато собственный ватерклозет и даже телефонный аппарат.

— Это связь с вагонами охраны, на экстренный случай. Я потом познакомлю вас с людьми. У вас будет возможность побеседовать с каждым. Интересно знать ваше мнение.

Задерживаться не стали. Алексей только снял шинель и фуражку, повесил на крючок шашку, а чемоданчик, где среди прочего лежала коробочка с шпионскими реактивами, запер в один из шкафов.

Дверь следующего купе была нараспашку. Изнутри слышался стрекот пишущей машинки.

«Начальникъ пресс-службы г. Сусалинь», —

гласила карточка.

— Новая у нас должность. И человек новый. Там, — полковник показал пальцем на потолок, — принято решение считать связь между престолом и общественностью стратегической задачей первой важности.

«Спохватились, — подумал Алексей. — Не поздно ли?»

— А почему дверь открыта?

— У господина Сусалина всегда так. Образ жизни и принципиальная позиция, — слегка усмехнулся Назимов. — Он здесь единственный не из дворцового ведомства, а из журналистской братии. Сторонник открытости. Входить к нему можно запросто. Что мы сейчас и сделаем.

За столиком точно такого же купе, как Алешино, сидел энергичный господин в вязаной жилетке, с дымящейся трубкой в зубах. Роговые американские очки и свисающая на лоб длинная челка, а в особенности валявшийся на диване клетчатый пиджак с авторучками в нагрудном кармане демонстрировали, что человек это в высшей степени современный, от придворной жизни далекий.

— На минуту, — сказал ему Назимов. — Хочу представить моего помощника, поручика Романова. Ваш новый сосед.

Не прекращая печатать, начальник пресс-службы что-то промышчал. Вдруг швырнул трубку на стол, выдрал из каретки лист, скомкал и вышвырнул в приспущенное окно.

— Хреновина какая-то! С утра всё через задницу!

— Господин Сусалин! — Полковник посуровел. — Сколько раз предупреждать: выкидывать бумаги из окон, даже самые пустяковые, строжайше запрещено!

— Что? — Журналист рассеянно посмотрел на офицеров. Хихикнул. — Не «Государь выслушал доклад министра внутренних дел», а «Государь в Ставке: высоко сижу, далеко гляжу». Вот именно! То, что нужно! Цепляет глаз, вызывает теплую улыбку. — Поправил очки и только теперь огрызнулся. — Послушайте, не мешайте, а? У меня срочная статья, пойдет во все агентства. Ступайте, господа, ступайте!

Теперь Алексей его вспомнил: ну как же, тот самый Н. Сусалин, который придал репортажам о жизни царственной особы новую тональность. Вместо прежней всеподданнейшей сиропности слегка дерзновенная, чуть-чуть кощунственная неофициальность, такая ироническая задушевинка. Кое-кто в интеллигентских кругах прозирает в этой игривости предвестье либеральных перемен. Ну-ну.

Шло знакомство и в училище

— Задача, ради которой мы здесь собрались, вам известна. Вижу, что люди вы серьезные, поэтому разглагольствовать про историческое значение акции не буду...

Зепп обвел взглядом аудиторию. Кажется, поляк и еврей были бы не прочь послушать про мировое значение — у обоих по лицам пробежало разочарование. Русский, финн и украинец кивнули. Балагур подмигнул. Вьюн сонно похлопал ресницами. Тимо одними губами попробовал воспроизвести загадочное слово «разглагольствовать».

— Но, прежде чем перейти к деталям операции, я хочу знать вот что, — всё так же буднично, деловито продолжил Зепп. — Вы согласились участвовать в очень рискованном деле. Возможно, нам всем суждено погибнуть. Я-то немец, кадровый военный, со мной ясно. Но я должен знать, почему в этом деле участвует каждый из вас. Прошу говорить правду. Если чей-то ответ покажется мне неискренним, отправлю восвояси. Ясно?

Настороженное молчание, взгляды искоса по сторонам. Они ведь друг друга совсем не знают. Впервые видят.

— Итак, почему? — начал майор с украинца, потому что тот сидел на передней парте.

— Ради свободы Украины, — коротко, без пафоса сказал Чуб. Будто его спросили, сколько времени, а он ответил.

— Вы? — Зепп посмотрел на Маккавея — этот сидел на третьей парте, за Финном, но северный человек морщил лоб, а еврей сам поднял руку.

— Я представитель угнетенного народа. Мне есть за что посчитаться с Николашкой. За погромы, за черту оседлости, за унижение, за...

Он продолжил бы и дальше, но Теофельс жестом и кивком показал: спасибо, ясно.

— А вы? — Он смотрел на поляка.

— *Za niepodległość Rzeczypospolitej Polskiej! Dla zrzucenia jarzma rosyjskiego!*[\[71\]](#) — воскликнул, поднявшись, Кмициц. Порозовел, сел.

— Вы?

Теперь Финну было легко, после стольких подсказок.

— Я тозе. — Подумав, он счел необходимым все-таки прибавить. — За свободу Суоми от российского ярма, вот.

Теофельс разглядывал Ворона.

— Но вы-то русский. Почему вы здесь?

— Да, я русский. И я сделаю это ради свободы России.

Ишь, глазами-то сверкнул. В связные его, никаких сомнений. Такой живым не дастся. А значит, и не выдаст.

Свой вопрос Зепп задал, конечно, не в расчете на правдивый ответ. Важно не что человек говорит, а как. Что ж до настоящей причины, побудившей вас ввязаться в это, прямо скажем, гиблое дело, то знаю я вас, тварей божьих. У каждого есть какой-то истинный резон, да ведь не скажете, а может, и сами его толком не сознаете.

«Ну а сам ты? — спросил себя Теофельс. — Не ради же Германии? Тогда почему?»

А потому что на свете существует только одна вещь, ради которой стоит жить и умереть: победа. Есть победа — умереть не жалко. Нет победы — незачем и жить. Ну а кайзер и Deutschland-über-alles[72] — пустое.

Но про это тс-с-с. Passons[73].

Генераль-маіоръ Дубовскій

На карточке был указан только чин, без должности. Фамилия генерала, занимавшего четвертое купе, Алексею была незнакома. Густой, звучный голос за дверью с выражением декламировал:

— ...При виде раненого героя слезы умиления выступили на прекрасных глазах государя. «В твоём лице, мой храбрый друг, я лобызаю всю Россию», — возгласил помазанник Божий и запечатлел на челе солдатики августейший поцелуй.

— Это что? — шепотом спросил поручик. — То есть кто?

— Ещё один... сочинитель. — Лицо полковника оставалось невозмутимым. — Генерал свиты его величества. Ведет летопись высочайших поездок. Но не для связей с общественностью, а для истории.

— И этим занимается генерал?

— В отставке.

Алексей не мог взять в толк.

— И что, для летописца необходимо держать купе в поезде сопровождения? Здесь же места наперечёт!

Наконец полковник объяснил так, что стало понятно:

— Господин генерал — старинный приятель государя. Раньше он вообще располагался в литерном «А», но бывает... неводержан, поэтому переведен сюда. Однако очень часто, особенно при перегонах в вечернее время, находится при особе государя.

— Читает свою летопись?

— Нет. Играет с его величеством в домино, — поколебавшись, выдал государственную тайну Назимов. — Сейчас я вас представлю.

И постучал в дверь, за которой все рокотал прочувствованный бас.

— Войдите! Кто там?

За накрытым белейшей скатертью столиком, где переливался гранями хрустальный графин и стояла закуска, сидел краснолицый генерал с седым бобриком и черными усами-стрелками. Его шея была повязана салфеткой. В одной руке обитатель четвертого купе держал исписанный каракулями лист, в другой, на манер дирижерской палочки, куриную ножку. Рядом в почтительной позе стоял лакей в ливрее с императорским орлом и держал наготове крохотный серебряный подносик с рюмкой.

Назимов представил поручика, снова аттестовав его своим новым помощником. Генерал велел звать его попросту, Апполинарий-Самсонычем, слуга же оказался камер-лакеем, приставленным обслуживать свитский вагон литерного поезда «Б».

— Вот, зачитываю Федору из последнего, — помахал Дубовский листком. — Про посещение государем полевого госпиталя. Присаживайтесь, неумолимейший полковник. И вас, молодой воин, милости прошу. Налей им, Федор, коньячковского. Вы только послушайте, господа. — Взмахнув куриной ножкой, генерал прочитал. — «За ваше величество не то что ноги, самое жизни отдать не пожалел бы!» — вскричал калека, потрясенный до глубин души...

И прослезился, дрогнул голосом.

— Благодарю, ваше превосходительство, — поспешил воспользоваться паузой полковник. — Я только представить поручика. Надобно идти — служба.

Дубовский мигнул лакею Федору, чтоб закрыл дверь.

— Бросьте. Как говорят китайцы, «Служба службой, а дружба дружбой». Как угодно, а без рюмочки не выпущу. Приказ старшего по чину.

Гирш

Человека, которого майор фон Теофельс знал под кличкой Маккавей, на самом деле звали Гирш.

Всё происходящее ему очень не нравилось. Гиршу вообще редко что нравилось, потому что мир устроен по-идиотски, и радоваться в нем, по

правде говоря, особенно нечему.

Немец (по физиономии видно, что типичный пруссак и антисемит) задал принципиально важный вопрос и даже не дал на него по-человечески ответить. Скоро, может быть, на смерть идти, а никому нет дела до мотивов, толкающих тебя на самопожертвование.

Гирш собирался сказать своим товарищам по судьбе то, о чем давно думал.

Когда хочешь уничтожить вредный сорняк, истощающий почву, нет смысла тратить время и силы, обрывая листья и стебли, — только руки о колючки поранишь. Нужно браться за корень и выдергивать его из земли. Вот к какому выводу пришел тот, кто начинал с бессмысленной стрельбы по дикарям-погромщикам и постепенно дошел своим умом до окончательного логического вывода. Корень всех несчастий несчастной страны — царизм, то есть проблема персонифицирована в личности одного, притом вполне смертного человека.

Не хотите слушать — не будем метать бисер. Однако все же нужно показать немцу, что он разговаривает не с призывниками, а с добровольцами, которые имеют право не только отвечать, но и задавать вопросы.

Гирш снова поднял руку.

— Почему вы спросили о причинах только нас пятерых? А китайца? И вот этих двоих?

— Потому что их мотивы мне известны, — пренагло ответил немец, помусолив жидкую бороденку.

— Нам тоже хочется знать. Перед лицом смерти все равны.

Гирш был доволен, что такая важная вещь произнесена вслух. Должен же был кто-то высказаться за всех.

Немец чему-то улыбнулся.

— Раз хочется, спросите сами.

Китаец был совсем еще ребенок.

— Чем тебе царь не угодил? — спросил его Гирш.

Подросток не ответил. Поглядел пустыми щелочками, прикрыл веки. Может, он и по-русски-то не понимает. Ничего себе соратничек!

— Ну, а вы что скажете? — обратился Гирш к туповатому на вид жердю и к улыбчивому толстяку, которые сидели бок о бок.

Дылда пожевал губами и просто повторил:

— Не угодил. Да.

А щекастый сделал комичную рожу:

— Без царя веселей.

— Послушайте, — начал закипать Гирш. — Мы все на вопрос герра Епиходова отвечали всерьез, так извольте и вы...

— Хватит разговоров, Маккавей! — оборвал его немец. — Для первого знакомства довольно. Я знаю, что все вы волонтеры, но дисциплина есть дисциплина. Никаких препирательств. Любые споры и дискуссии только по моему разрешению. Кто не согласен — уходите прямо сейчас.

Он обращался вроде бы ко всем, но смотрел в глаза Гиршу. Взгляд у пруссака был холодный и острый.

— Хватит так хватит, — сказал Гирш. — Против дисциплины возражений нет.

Так что последнее слово все-таки осталось за ним.

Начальник подошел к окну и с минуту постоял, о чем-то размышляя. Все неотрывно смотрели на его прямую спину.

Обернулся.

— Ну так. Распределяю обязанности. Ворон будет связным. Финн, Кмициц, Чуб и Маккавей — группа силовой поддержки. Балагур отвечает за техническую сторону дела. Вьюн — специалист по мануальной терапии.

Румяный полячок переспросил:

— Co jest «manualna terapija»?

Гирш тоже слышал этот термин впервые. То есть, «терапия»-то понятно, а «мануальная» означает «ручная», но в каком смысле?

— Объясню позже. Будет инструктаж — для каждого в отдельности и для всех вместе. — Он вдруг улыбнулся, и оказалось, что у прусского сухаря очень славная, компанейская улыбка. — Ну что, интернационал? Как поется в популярной песне, «это есть наш последний и решительный бой, с интернационалом воспрянет род людской»

Купе № 5

— Минутку, Георгий Ардалионович...

Поручик жестом попросил Назимова немного подождать. Надпись на карточке была длинная и мелкая:

«Помощникъ начальника канцеляріи Его Императорскаго Величества камергеръ Двора баронъ Э. Э. фонъ Штернбергъ».

— Начальник канцелярии в литерном «А», а Штернберг здесь, он ведает придворной перепиской, — с ноткой нетерпения объяснил

Назимов. — Птица-секретарь. Составляет депеши в министерство Двора. Ну что, стучу?

— Да? — слышалось с той стороны.

— Полковник Назимов. Можно войти?

— Да.

Это купе выглядело иначе: не жилое помещение, а маленькая контора. Приватная часть — койка — была закрыта чопорной шторой, то есть выключена из сугубо делового интерьера. Между шкафами располагались полки, тесно заставленные папками. Идеальный порядок царил на столе и на соседствующей с ним этажерке: стопки бумаг, бланки телеграмм с императорским орлом, канцелярские принадлежности.

Под стать антуражу был и обитатель. Тонкий, прямой, в строгом темно-сером костюме и стальном пенсне, он показался Алексею похожим на канцелярскую скрепку.

Сухая рука (запястье стиснуто идеально белым манжетом) раздраженно жала на кнопку, встроенную в стену. В других купе Романов тоже видел такие кнопки — они предназначались для вызова прислуги.

— Как несносен этот вечный бардак! — Костлявое, нездорово серое лицо барона подергивалось. — Черт-те что! Свитский поезд, а лакея не дозовешься! Я что, сам должен депеши на телеграф носить? Между прочим, полковник, вся прислуга подчиняется вашему ведомству. Неужели нельзя наладить элементарный...

— Вы же знаете, барон, мы существуем в походных условиях. На весь вагон только два лакея. Степан в это время помогает буфетчику. Федор занят у генерала. Мы вот с поручиком тоже будем обходиться одним денщиком на двоих. Да, позвольте представить: поручик Романов, барон Штернберг.

Барон хмыкнул.

— Дубовский коньяком лакомится, а я, знаете ли, работаю. Срочные сообщения задерживаются! Потрудитесь, полковник, навести порядок в поезде, иначе я буду жаловаться министру.

— Да жалуйтесь, ради бога, — рассердился и Назимов. — Сколько угодно! Мне не привыкать.

Алексей тем временем писал в блокнотике: «Присл.» Нужно будет спросить, из какого контингента набирается поездная прислуга. Судя по Федору с его опереточными бакенбардами, гладкой рожей и немолодцеватой осанкой, он из штатных дворцовых лакеев. Но здесь каждый человек на счету. Правильнее использовать на всех возможных должностях не обычный придворный штат, а сотрудников охраны.

...А когда станет известно, кто истребил тирана, она поймет, какого человека променяла на заурядного шаркуна, умеющего только танцевать вальсы с мазурками да острить за столом. Рядом с ней был новый Гриневицкий, мученик вольности, а она не разглядела за его молчаливой застенчивостью героя. Пусть рыдает. Потому что есть люди, которые только краснобайствуют о свободе, и есть другие — кто за нее идет на смерть.

Збышек немного отвлекся на всегдашние свои мысли и, кажется, пропустил важное.

— Несчастный случай? — был вынужден он повторить по-русски. — Dlaczego несчастный случай?!

Он же специально изучил динамитное дело! Царя Николая нужно взорвать, так же как Гриневицкий взорвал царя Александра!

Про взрыв тоже пришлось сказать по-русски, иначе немец бы не понял. Тот мотнул головой:

— Нет, взрыв исключается.

— Dlaczego?!

Если несчастный случай, то как же она узнает, что царя убил Збигнев Красовски?

Збышека поддержал Финн:

— Почему?

Немец сказал, как отрезал:

— По кочану. Исключается и всё. Требуется нормальное, убедительное крушение, безо всякого динамита. Это более трудная задача. За час до проезда литерных поездов по всему маршруту расставляют цепь железнодорожного жандармского полка, по солдату через каждые сто шагов. Проезжает дрезина с техниками-смотрителями, они проверяют состояние рельсов и стыков. Но, конечно, каждую гайку осматривать они не могут. На это весь расчет. Внимание! Балагур, покажи, что у нас есть.

Круглолицый человек, похожий на циркового клоуна, вышел к доске.

— Атансьон, мсье и медам! Оп-ля!

Произвел руками манипуляцию, и на пухлой ладони появился самый обыкновенный болт, какими соединяют рельсы.

— Выступает силач «Железные Пальцы»!

Шутник легко переломил болт пополам. Достал еще несколько таких же, высыпал на парту.

Збышек с любопытством взял один. Болт как болт, по виду совсем новый. Попробовал согнуть — в руке осталась шляпка.

— В специально рассчитанной точке пути, на крутом изгибе, мы заменим несколько крепежных болтов на свои, специального изготовления. — Немец нарисовал мелом дугу, в одном месте поставил на ней крестик. — Состав полетит под откос. Простенько и чистенько.

И всё? А как же единоборство с Молохом зла? Бой с охраной? Героическая гибель? Посмертная слава? Беатины слезы?

Збышек был потрясен, он не знал, что и сказать.

Хорошо, Маккавей, умный человек, сумел сформулировать все вопросы.

— Спросить можно? Дисциплина позволяет? — едко осведомился он. Дождавшись кивка, стал загибать пальцы. — Вы говорите «простенько». А если рельсы выдержат? А если Николай при крушении уцелеет? В восемьдесят восьмом году на станции Борки царский поезд слетел под откос. Вагоны всмятку, множество жертв, а император остался целехонек. И потом, зачем вы нас призвали? Подумаешь — заменить болты на нескольких стыках. Для этого довольно двух-трех человек. Странный план. Неубедительный.

— Так! Zgadzam się z panem![\[74\]](#)

— Вопросы резонные. И на каждый имеется ответ.

Немец стер с доски, начал рисовать что-то другое.

Музыка звучала всё ближе

Звуки музыки, интриговавшие Романова, были уже совсем близко. До салона, где играл невидимый пианист, оставалась еще одна дверь — последнее, шестое купе.

На нем надпись:

«Фрейлина Т. О. Одинцова».

— Татьяна Олеговна. Единственная дама на два поезда.

— Зачем нужно, чтобы здесь находилась фрейлина?

Действительно странно. Ведь Ставка верховного главнокомандования, а не дворец.

— Представляет особу государыни, — официальным тоном ответил полковник.

Но Алексей не отстал:

— В каком смысле? Извините, Георгий Ардальонович, но я должен понимать, кто здесь чем занимается.

Тогда Назимов понизил голос:

— Официально госпожа Одинцова здесь по линии Красного Креста, над которым шефствует ее величество. А на самом деле — присматривает.

Последнее слово он произнес почти шепотом.

— За кем?

От военной жизни Романов одичал и в делах мирных, семейственных стал туповат. Именно это выразил укоризненный взгляд полковника.

— За августейшим супругом. Татьяна Олеговна — око императрицы. Вообще-то ей, как и генералу Дубовскому, было отведено место в литературном «А», но государь не любит, когда за ним присматривают. Впрочем, Одинцова — женщина славная. Хоть и с чужинкой. Я вам сейчас ее купе покажу.

Не постучав, полковник тихонько приоткрыл дверь.

— Ничего, ее там нет, — сказал он. — Она, слышите, в салоне музицирует. Взгляните-ка, это что-то особенное.

Купе действительно представляло собой нечто небывалое. Оно всё, сплошь, было обито стеганым одеялообразным материалом розового цвета: пол, мебель, поручни, даже оконная рама. Ничего подобного Алексей в жизни не видывал. Какой-то кукольный домик.

— Господи, что это?

— Обустроилась по своему вкусу. Сами видите, Алексей Парисович, какой у меня здесь паноптикум. По крайней мере, во всем остальном Татьяна Олеговна вполне нормальна. Чего не скажу про остальных, — вздохнул он, очевидно подумав про журналиста, генерала и камергера.

Прошли в салон. Это помпезное слово не очень соответствовало размерам помещения, которое в городской квартире занимала бы гардеробная или очень скромного размера спальня. Зато обстановка была самая изысканная. Ковры, картины, чудесный инструмент красного дерева, бархатные кресла, козетка на золоченых ножках.

Женщина средних лет, одетая сестрой милосердия, перестала играть и с приветливой улыбкой поздоровалась. Романов давно не имел дела с благонравными дамами, а с императорскими фрейлинами и вовсе никогда не сталкивался, поэтому изображать галантность не стал, руку не поцеловал — пожал. И представился коротко, без улыбки.

Единственная из пассажиров, Одинцова поинтересовалась, откуда прибыл господин поручик и где служил прежде.

Настоящая светскость — это задавать чужому человеку вопросы с таким видом, будто тебе очень интересен и собеседник, и его ответ. Это Алексей знал из литературы. И все же дама была так мила, голос настолько приятен, а серые, в хороших морщинках глаза взирали на поручика столь заинтересованно, что пришлось сказать про службу в управлении. В конце концов, секрета тут не было.

— Так вы работаете в разведке? — переспросила непонятливая дама. — Я знаю, сейчас это считается очень важной сферой деятельности.

— Не в разведке, а в контрразведке.

— А есть разница?

Было в этой женщине что-то, побудившее Романова ответить на смешной вопрос серьезно и развернуто.

— Принципиальная. Агентурный разведчик, а попросту говоря, шпион — тот, кто умеет влезать в доверие к людям, эксплуатирует их дружбу или любовь. А потом доносит о выуженных секретах. На мой взгляд, нет профессии отвратительнее. В прошлом веке шпионам не подавало руки собственное начальство. И правильно делало.

Назимов заулыбался:

— Понимаю ненависть контрразведчика к шпионам, но согласитесь, что без них в современной войне не проживешь!

— Без прямой кишки тоже не проживешь, — буркнул грубиян Романов. — Но не целоваться же с ней.

Метафора была слишком сильная. Полковник, человек с живым воображением, даже поморщился, но лучезарная улыбка Татьяны Олеговны ничуть не померкла. У настоящей леди воображение вышколено, а слух избирателен.

— Я ненавижу шпионов еще больше, чем изменников, — зло продолжал Романов и сам не понимал, чего он так разошелся. — Предателем человек может стать по слабости или от безвыходности. Шпионы выбирают свою профессию добровольно. Это мои враги. Я их вытаскиваю из нор и давлю, как крыс.

— Крысы — очень неприятные создания, — согласилась с ним фрейлина Одинцова.

Петри

Еврей слишком много говорит. А умный человек предпочитает слушать.

Немцы — серьезная, обстоятельная нация. Если берутся за дело, то продумывают все детали. Особенно в таком великом деле. Куда более великом, чем совершил ты, Эйген. Убить императора это не то, что застрелить в упор старика генерал-губернатора, у которого и охраны не было. Так что не очень-то заносись на том свете, дружище Эйген.

Друг-соперник Эйген Шауман вошел в бессмертие и стал обитателем национального пантеона героев после того, как убил в здании финского Сената царского сатрапа генерала Бобрикова, а потом застрелился сам. Петри плакал по товарищу много дней. Во-первых, потому что Эйген погиб. Во-вторых, потому что сравняться с ним после такого подвига уже никогда не удастся.

Так Петри думал долгие двенадцать лет, и жизнь была ему не мила. Но потом с ним встретились немецкие люди. Они предложили такое, что Петри будто родился заново. Эйген больше не снился ему по ночам, не глядел молча и снисходительно. И неважно, если все будут думать, что царя сгубил несчастный случай. Это между Петри и Эйгеном, на остальных плевать. Если есть загробный мир, Эйген будет знать. А если загробного мира нет, то будет знать сам Петри. Достаточно, чтобы спокойно жить дальше. Или спокойно умереть.

— Вот участок трассы Могилев — Бердичев, южнее Жлобина, на пути от Ставки в штаб Юго-Западного фронта. Предположительно объект отправится по этому маршруту послезавтра. — Немец вел указкой по меловой линии. Она делала тугую петлю. Вокруг этого места были нарисованы смешные маленькие деревца. Указка остановилась. — В Петрищевском лесу, вот здесь, железная дорога описывает загогулину в обход заболоченной низины. Обзор вот из этой точки не превышает ста пятидесяти метров в обе стороны. Идеальное место для акции. Именно тут мы и пустим литерный поезд под откос. По чистой случайности, в лесу, около места крушения, окажется несколько крестьян. Этот славный паренек, — немец кивнул на маленького китайца, — способен пролезть в любую щель. Руки у него волшебные, хватит одной секунды. Покажи-ка, Вьюн, как ты это делаешь.

Сонный азиат вяло поднял кисти рук. Пальцы были тонкие, удивительно длинные. Они вдруг сжались и совершили резкое, не вполне понятное движение.

— Летальная компрессия шейных позвонков — обычная травма при железнодорожных авариях, — прокомментировал немец. — Понятно?

Петри стал обдумывать сказанное, а еврей уже влез с новым вопросом:

— Это если царский поезд пойдет первым. Но что, если он окажется

вторым?

Действительно. Ведь тогда с рельсов сойдет поезд свиты, а царь останется невредим. Не может быть, чтобы немцы не предусмотрели такой возможности.

Конечно, предусмотрели. Они же немцы, а не русские. У них «на авось» не рассчитывают.

— Вот именно на этот случай мне и понадобится ваш интернационал, — сказал командир. — Интервал между поездами составляет тридцать минут. За это время нужно, во-первых, снять оцепление в пределах прямой видимости. Это всего четверо жандармов. И вас четверо.

А-а, вот оно что. Петри медленно покивал. Толково придумано. Четверо жандармов — и нас как раз четверо. Часового снять нетрудно. Во время прошлой революции Петри это делал. Один раз, когда нападали на склад с оружием. И еще один раз, когда освобождали товарищей из тюрьмы. Главное — подкрасться сзади без шума и аккуратно нанести удар по голове. Пустяки.

— А что во-вторых? — спросил еврей. Он всё время забегает вперед паровоза — вот как это называется.

— У Балагура будет полчаса, чтобы вынуть одни болты и вставить другие.

Наедине с дамой

А потом Алексей неожиданно оказался с фрейлиной ее величества тет-а-тет. Произошло это так.

Из тамбура выглянул высокий, плечистый молодец в фуражке с золотым кантом, профессионально приметливый взгляд скользнул по лицу незнакомого поручика, остановился на полковнике.

— Ваше высокоблагородие, первый.

— «Первый» — это срочный вызов к государю, — пояснил Назимов. — Вынужден отлучиться.

Он быстро вышел, на ходу оправляя мундир.

«Очень мило, — раздраженно подумал Романов. — И что мне теперь? О погоде с этой фройляйн разговаривать?»

Он уже хотел, извинившись, пойти в свое купе — разложить вещи и поработать с реактивами, но не сделал этого.

Женщина смотрела на него с мягкой, словно бы выжидательной

улыбкой. Вести себя по-хамски было стыдно.

О чем разговаривают с фрейлинами ее величества? Наверное, про музыку будет в самый раз.

— Превосходно играете Шопена. Легко, но мощно. Не по-дамски.

Чёрт. Последнего, видимо, говорить не следовало.

— Любите музыку? По лицу не скажешь.

Алексей непроизвольно покосился в зеркало, висевшее над пианино. Лицо как лицо. Немного хмурое.

— Это почему же?

— Трудно представить, что вы когда-нибудь смеетесь. И уж совсем невозможно вообразить вас танцующим. Или поющим.

Эти слова его задели — Романов и сам не понял, чем.

— Смеюсь я редко, это правда. Танцевал последний раз... не помню когда. А что до пения — спою, когда война закончится.

Одинцова печально молвила:

— Это в войне самое ужасное. Кто погиб — погиб, Царствие Небесное, но что она делает остальными? Добрые становятся жестокими, горячие холодными, живые лица — мертвыми. Вы знаете, Алексей Парисович, что у вас мертвое лицо? Совсем.

Он вспомнил, как читал где-то: настоящий аристократ говорит обидное, только если хочет обидеть. Что ж, фрейлине это удалось.

— Так ведь меня, сударыня, в детстве-отрочестве-юности не к войне готовили. Ни дома у маменьки с папенькой, ни в гимназии, ни в университете убивать людей не обучали. Что вы можете видеть из вашего розового купе? Что можете знать о настоящей войне? Как Андрей Болконский-то говорил, помните? «Война — самое гадкое дело в жизни». Убивать или быть убитым — вот что такое война. Я убивал, меня убивали. Хуже, чем убивали, — предавали. А еще я вот этой рукой своего товарища... Так было нужно...

Что на него нашло? Зачем он разоткровенничался с этой царскосельской куклой?

Алексей скривился.

— Не надо с жалостью глядеть! Меня жалеть нечего!

Проклятье, опять не то!

— Простите, должен идти. Служба.

Татьяна Олеговна грустно смотрела в сердитую спину удаляющегося по коридору поручика.

Тарас

А все ж интересно, что тут у кого на уме. По-настоящему, без обману. За что люди готовы жизнь положить.

Тарас неторопливо поглядывал на соратников, вычислял, прикидывал.

Ну, немец — он и есть немец. Начальство прикажет — сдохнет. Германия!

Толстяк — за грóши, эта порода ясная.

Китаёза? Ихняя душа — потемки и китайская грамота. А может, у них души вовсе нет, один пар.

Долговязый, который всё помалкивает, похож на малоумка, вон у него и взгляд оловянный.

Лях — наверняка из гонору, перед какой-нибудь паненкой покрасоваться.

Еврей — тоже понятно. Этим к любому делу прилипнуть надо, и чтоб беспрерывно оказаться в первачах. Если капиталист — то самобогатейший, если музыкант — наизнаменитый, если ученый — чтоб всю науку с ног на голову, а коли революционер — так всемирный. Как это — царя убить, да без них? Еврейская гордыня не попустит. Потом окажется, что Миколашку один Маккавей порешил, а прочие у него на посылках бегали. Вон он как перед всеми ум свой выказует.

Чухна — этот, наверно, про смерть и не думает. Фантазии не хватает. Честная нация, работающая, но скучная.

У Ворона, москаля, глаз шальной. Все они емельки пугачевы — стенки разины, только б за топоры, да рубаху на груди, да красного петуха. Свой дом запалят, и нас заодно пожгут. Потому и надо от Москвы высоким плетнем огородиться.

И всем им не дано знать, что такое настоящая любовь к родине. Один Тарас здесь вправду пришел положить живот за отчизну. Разодранную на части, поруганную, униженную до того, что даже имя у ней жалкое. Зовут ее либо *МалоРоссией*, либо *Украиной*. Над ее языком в городах потешаются, от ее обычаев носы воротят. Ничего, дайте срок. Будет наша страна не окраиной, а центром, будет Киев мировой столицей, а кацапский язык зазвучит порченой мовой.

Еврей всё умничал:

— А откуда мы узнаем, когда именно царь выйдет из Могилева? И главное, как понять, что за поезд пойдет первым — «А» или «Б»?

Немец ему спокойно, терпеливо:

— По предварительным данным выезд в штаб Юго-Западного фронта намечен на двадцатое. Ближе к делу будем знать точно. И время отправления, и порядок следования.

Казалось бы, и так уж ясно, что у людей всё подготовлено, всё продумано. Но Маккавей не мог уговориться.

— Откуда?

На что Тарас был терпелив, но здесь не сдержался.

— Непонятно вам, что ли? У них в Ставке, чи прямо в поезде есть кто-то. Как всё выяснит, даст нам знать.

Тут-то еврей и заткнулся. Дошло до носатого, что поумней его есть. Аж лицом поскущел. И когда немец спросил, будут ли еще вопросы, больше уж не лез.

— Для верности завтра проведем репетицию, — сказал в заключение командир. — Всё для нее подготовлено.

Забот полон рот

Утреннее чаепитие

Давненько не пребывал Романов в такой неге. Мало того что отлично выспался на мягкой постели, так еще утром, завершив осмотр состава, позволил себе без спешки выпить чаю. Не один, в дамском обществе. Прав был Козловский: не командировка — отпуск.

Оба литературных на один день покинули Могилев. Его величеству было угодно совершить поездку в штаб ближайшего, Западного фронта: три часа до Минска, столько же обратно. Дорога шла по открытой, ровной местности. Зябкие, еще бесснежные поля, тихие деревни, вдали темная полоска леса — и так верста за верстой, без вариаций.

Война приучает ценить простые вещи: монотонность, покой, свежесваренный чай, необязательный разговор под мерный перестук колес. На пару минут даже можно пофантазировать, будто это и есть нормальная жизнь.

— Еще печенья?

Одинцова подлила чаю из маленького серебряного самовара, сменила ломтик лимона. Положила в стакан ровно полторы ложки сахара — запомнила. Только что не перемешала за поручика, это уж было бы слишком по-матерински.

Татьяна Олеговна действовала на Алексея странно. Уж и не

припомнить, когда ему с кем-то было так хорошо и... уютно — вот правильное слово, просто оно забылось от долгого неупотребления. Поручик даже объяснил себе, почему общество Одинцовой ему так приятно. С ней можно быть естественным. Дверь в коридор Алексей оставил открытой, чтобы не компрометировать даму, но вообще-то можно было обойтись и без этого. По годам она, вероятно, годится ему в матери (хотя у аристократок возраст определяется нелегко), поэтому никаких женских игр себе не позволяет, а вместе с тем не старуха и не уродина. И разговор с ней занятный: лепечет-лепечет дамскую чушь, а потом вдруг скажет такое, что поперхнешься.

— Миндальное, — блаженно понюхал Романов печенье. — Сто лет не ел.

Фрейлина с глубокомысленным видом, будто изрекая доказанный наукой факт, изрекла:

— Если бы всех солдат кормили миндальным печеньем, войны бы не было.

Не дожидаясь, Алексей уставился на нее. Она как ни в чем не бывало развила свою диковинную идею:

— Представьте сами. Кто ж захочет идти в атаку, наевшись миндального печенья?

Лишь теперь он заметил лукавый огонек в ее глазах и прыснул.

— Я думал, вы серьезно.

— Вы все-таки не разучились улыбаться, — удовлетворенно констатировала она. — Это и требовалось проверить. А печенье есть еще, сейчас достану.

Она приподнялась, вагон чуть качнуло, и Одинцова ударилась локтем о край стола, но не ушиблась, потому что стол вдоль всего ребра был обтянут пуфообразным розовым манжетом.

— Послушайте, Татьяна Олеговна, ведь вы не такая.

Алексей решил, что можно задать вопрос, не дававший ему покоя. Она умная, не обидится.

— Не какая «не такая»? — с легким испугом посмотрела на него фрейлина.

— Ну не такая. — Он обвел рукой кукольное купе. — Зачем эти розовые пуфики, подушечки?

Она снова села, подперла рукой подбородок и внимательно посмотрела на Романова, словно размышляя, заслуживает ли он доверия. Видимо, решила, что заслуживает.

— Строго между нами, обещаете? — (Он приложил ладонь к сердцу:

клянусь.) — Я приготовила сюрприз. Доктора запретили маленькому цесаревичу ездить в поездах. Тряска, вибрация, качает. Недавно мальчик ударился плечом о поручень, случилось внутреннее кровотечение, а это для него смертельно опасно. Отец и сын редко видятся, оба тоскуют. Вот я и придумала. В таком купе ушибиться невозможно, я испытала на себе. У меня тоже очень тонкая кожа. Чуть что — и сразу синяк. Вот давеча ударилась локтем. — Она приподняла рукав. — Видите? Ничего нет.

Алексей обратил внимание на изящный рисунок запястья и белизну предплечья. Кто бы мог подумать, что у женщины почтенного возраста (сколько ей, кстати?) могут быть такие красивые руки.

Татьяна Олеговна опустила рукав, поручик опустил глаза.

Нет, правда. Сорок пять? Больше? А может, только сорок? Все равно, конечно, много.

Прежняя безмятежность пропала. Естественность тоже.

«Глупости какие, — одернул себя Романов. — Просто истосковался по нежному, милому, женскому. Не только по любовным объятьям, а вообще по мирной жизни. Хотя по объятьям, конечно, тоже...»

Не подозревая о неджентльменском направлении его мыслей, Одинцова доверительно рассказывала о своем плане:

— Когда будем в Царском, я покажу государыне свой терем-теремок. Если она одобрит, устроим в царском поезде точно такое же.

Она выглянула в окно, поезд замедлял ход перед станцией. От Назимова поручик знал, что остановки в пути вызваны необходимостью получения и отправки депеш.

— Я вынуждена вас на минутку оставить. Передам лакею отчет для ее величества.

Вернулась она даже быстрее, чем через минуту. Поручик спросил:

— Ничего, если я полюбопытствую — что за отчет? Ведь всего полтора часа прошло с тех пор, как вы отправили предыдущую телеграмму.

— Попробуйте, это настоящий мармелад в шоколаде, тоже очень сильное антивоенное средство...

Кажется, Одинцова хотела выиграть время, опять решая, говорить правду или нет. И снова сделала выбор в пользу откровенности.

— О чем отчет? Об очень важных делах. О погоде, о распорядке дня, о том, видела ли я перед отправлением государя и как он выглядел. Что вы так смотрите? Все тут думают, будто я приставлена шпионить за его величеством — не заведет ли он интрижку вдали от супруги. Ерунда это. Аликс... Ее величество, — поправились фрейлина, и было видно, что оговорилась она случайно, а не желала щегольнуть близостью к

императрице. — ...Ее величество до такого никогда бы не опустилась. Она максималистка. Если любит, то всей душой. Если доверяет, то без оглядки. Ей необходимо знать, здоров ли ее Ники, не бледен ли, не забывает ли вовремя поесть, успевает ли поспать... О чем я и шлю депеши по несколько раз в день.

Романов язвительно осклабился.

— Это, конечно, весьма умилительно, но она лучше бы о России так заботилась, ваша Аликс. — И спохватился. — Простите, я не должен. Вы ведь фрейлина...

Но Одинцова только плеснула рукой: разве в этом дело?

— Императрица и Россию любит точно так же. Безоглядно. Не умом, а душой. Она уверена, что только так ее и можно любить. Как у Тютчева — только верить.

— Дрянь стихотворение! — снова взбрыкнул Романов. — Страна — не муж и не ребенок. Ее без ума любить нельзя. Особенно если ты императрица!

— Я знаю, — со сдержанной укоризной молвила Татьяна Олеговна, — среди офицерства велико раздражение против царя и особенно против царицы. Но ведь вы, Алексей Парисович, приставлены охранять августейшее семейство. К лицу ли вам подобные речи?

— Приставлен охранять — буду. Если надо, жизнь положу. Но думать себе не запретишь. Самодержавие, Татьяна Олеговна, есть исторический атавизм. Это ясно всякому мало-мальски здравому человеку.

Ему понравилось, как хорошо он это сказал. А фрейлина формулировку не оценила.

— Плохо всё это кончится, — уже без упрёка, а просто с печалью сказала она. — Очень плохо...

В дверном проеме бесшумно возник полковник Назимов.

— Татьяна Олеговна, мое почтение. Чай пьете, поручик? Забот полон рот!

— Я ждал, пока вы освободитесь. Как обещал, первые соображения у меня готовы.

Поблагодарив за чай, Романов покинул розовый «терем-теремок».

— Ну, докладывайте, что вы накопили? — нетерпеливо спросил полковник. — Серьезные просчеты есть?

— Это судить вам, Георгий Ардадьонович. — Поручик раскрыл блокнот. — Между поездами необходимо установить постоянную связь на время движения. Сейчас радиостанции компактны, такую можно

разместить в одном купе. В снег и дождь она, конечно, работать не будет, но всё лучше, чем общаться по станционному телеграфу. Далее... Нужно категорически запретить в вечернее время раздвигать шторы. Всем, включая императора. *Особенно* императора. Вчера я проходил по перрону и видел, как он читает у настольной лампы. Кроме того, при включенном электричестве и раздвинутых шторах заметна разница в интерьере, и легко понять, который поезд «А», который «Б». Далее... В пути над обоими поездами, если ясная погода, должны лететь аэропланы. Мы ничем не защищены от нападения с воздуха, кроме двух жалких зенитных пулеметов. Далее... Насчет оцепления...

Он кивнул в окно, на редкую цепочку жандармов, вытянувшуюся вдоль железнодорожного полотна.

В безымянном лесу

Название лесного массива на карте обозначено не было. И очень хорошо, лишнее подтверждение, что забытый Богом угол, болота да паршивое разнолесье, ни для кого не представляет интереса. От точки, выбранной для репетиции, до ближайшей деревеньки пятнадцать верст. Отросток железной дороги протянули через глухомань года три назад, собирались построить в тихом закутке секретный завод по производству нового оружия, минометов. С тех пор в архивах разведки и сохранились подробные сведения о местности.

Завершению строительства помешала война, но участок остался за армейским ведомством. На расчищенной под завод поляне устроили полигон, но им, согласно агентурным донесениям, пользуются очень редко. Дорогу, однако, поддерживают в более или менее приличном состоянии. И как раз посреди чащи, в объезд оврага, трасса тоже делает загогулину, очень похожую на место планируемой аварии. Верней, наоборот: сначала Теофельс определил по карте и описанию пункт для репетиции, а потом уж отыскал на пути от Ставки в штаб Юго-Западного фронта (это несколько сотен верст — было, из чего выбирать) схожую локацию. Без практической проверки технических расчетов и слаженности действий проводить операцию исторического значения было бы непрофессионально.

Полтора верст от Могилева проехали ночью на грузовике, приписанном к «Земгору», потом еще часа четыре шли лесными тропинками по компасу — в темноте, в рассветных сумерках.

Выдвинулись, куда следовало. Приготовились. Стали ждать.

Группа оргобеспечения зафрахтовала товарняк: паровоз и шесть вагонов, как в литерном. Якобы для доставки на полигон груза солдатских полушубков в преддверии зимней кампании. Хорошая штука — секретность. В управлении дороги знать не знают, что никакой воинской части на полигоне сейчас нет.

Машинисту обещана премия, если прибудет на место к определенному часу. Значит, поезд будет гнать на максимальной скорости — как царский.

За полчаса до расчетного времени Зепп собрал людей на краю леса для последнего инструктажа. Вся группа была здесь, кроме Ворона. Связной выполнял отдельное задание. Как раз об это время (была почти четверть десятого) Ворон должен был получить сообщение ключевой важности.

Седая после ночного заморозка трава понемногу оттаивала, темнела, сквозь черные ветви деревьев проглядывало серое небо. Не день — рисунок углем по картону. Хорошо б еще в день операции дождик заморосил. Или, того лучше, затеялась вьюга. Пора уже, ноябрь на второй половине. Однако надеяться на милости природы Зепп не привык. Всё должно сработать как часы, даже если будет сиять солнце.

Повторив каждому персональную задачу, Теофельс отвел в сторону китайца. Хоть майор и знал, что Вьюн свою работу всегда выполняет четко, а все-таки у опиоманов не разберешь, здесь они или витают в облаках.

Малыш сегодня был совсем квёлый. Со вчерашнего утра без дозы. Во время броска через лес все время отставал, а один раз свернулся под елкой и уснул — пришлось возвращаться, расталкивать паршивца.

— Во второй вагон положили несколько манекенов, — в десятый раз втолковывал Зепп. — Манекены. Как в витрине магазина, понял?

Вьюн, не глядя в глаза, кивнул.

— Ты должен определить нужный. Среди обломков. Может быть, в полной темноте.

Опять кивнул.

— Как будешь определять? Повтори.

Теперь Вьюн зевнул. Ответа майор не дождался.

— Бородка. Погоны с двумя просветами и вензелем. Помнишь?

Припухлые веки вовсе сомкнулись.

Зепп задумчиво почесал подбородок.

— Знаешь песенку: «Жили у бабуси два веселых гуся. Один белый, другой серый, два веселых гуся»? Ты какого гуся хочешь, белого или серого?

— Белого, — сказал китаец фальцетом.

— Исполнишь всё, как надо, будет тебе белый.

Услышав голос Вьюна, Теофельс успокоился. В агентах-наркоманах, если уметь с ними обращаться, есть свои плюсы. Не человек, а машина. Подливай вовремя топливо, и будет функционировать без сбоев.

Превосходную систему стимулирования порекомендовали специалисты из химического отдела. Два сорта опиума: сероватый, средненькой очистки, для будничного употребления, и белый, высочайшего сорта, для поощрения. В качестве наказания — вообще никакого не давать, но это мера крайняя, рискованная. Китаеза может сбежать. Или наброситься. Бр-р-р, не дай бог.

В литерном «Б»

— ...Теперь извольте обратить внимание вот на что.

Романов следил за секундной стрелкой по своему «Буре».

— Дистанция между солдатами оцепления сто шагов, так? Возьмем за точку отсчета столб.

Он показал на верстовой столб с отметкой 799. Назимов кивнул. Офицеры стояли в тамбуре. Дверь была открыта, поручик спустился на нижнюю ступеньку и высунулся, держась за поручень. Он собирался продемонстрировать Назимову, что при замедлении скорости движения — например, на изгибе трассы — от жандарма до жандарма вагон идет целых двенадцать секунд.

Железнодорожно-жандармский полк для охраны августейших маршрутов был недавно сформирован из двух гвардейских частей: полевого жандармского эскадрона и Собственного его императорского величества железнодорожного полка, сильно усохшего из-за отправки на фронт бронепоезда «Хунхуз».

— Господа, с ума вы сошли! Холодно! Не август же! — слышался сзади недовольный голос.

Это был пресс-атташе, перешедший из соседнего вагона — вероятно, возвращался с завтрака.

— Извините, господин Сусалин, это только на ми... — сказал было полковник, но журналист уже исчез.

— Двенадцать секунд, — констатировал Романов. — Видите? А теперь извольте перейти на ту сторону.

Они закрыли дверь слева, пересекли тамбур, и Алексей тоже высунулся наружу.

— С этой стороны, Георгий Ардальонович, оцепления вообще нет.

— А зачем оно? По инструкции жандармы охраняют полотно дороги, вытянувшись цепью вдоль линии следования. Двухстороннее оцепление потребовало бы еще одного полка!

— Даже двенадцатисекундный интервал дает возможность хорошему снайперу, затаившемуся в кустах, произвести прицельный выстрел. Что же говорить о той стороне поезда, где охранение вообще отсутствует? Между прочим, окна пассажирских купе все выходят вправо. То есть получается, что государь император, сидящий у окна, ничем, кроме закаленного стекла, не защищен. Сейчас существуют винтовки с особым патроном, который способен и бронеавтомобиль продырявить.

— Черт, правда! — воскликнул полковник.

— Предлагаю, во-первых, всегда ставить оцепление только справа по ходу движения, а не так, как заблагорассудится жандармам исходя из условий местности. Во-вторых, на участках, где поезду приходится сбрасывать скорость, интервалы сократить. Из соображений безопасности хорошо бы на таких участках ужать дистанцию хотя бы вдвое.

Георгий Ардальонович тоже высунулся. Приближался следующий верстовой столб, 800-ый. Одно из купейных окон было приспущено, снаружи полоскалась занавеска.

— Сусалину жарко, — заметил полковник. — А сам только что на холод жаловался.

Из окна вылетел скомканный лист бумаги, пролетел мимо, покатился под насыпь.

— Опять он за свое! Предупреждал ведь!

— Вы слишком мягко, господин полковник. Позвольте я сам ему скажу, без дипломатий.

Навстречу сердитому поручику камер-лакей Федор катил столик с самоваром и стаканами.

— Господин Сусалин! — еще издали рявкнул Романов, видя, что дверь купе № 3, как обычно, распахнута.

— Их там нету-с, — сказал слуга.

— Как это? Только что был!

Алексей заглянул — действительно, пусто. Только ветер трепал белую штору.

— Так точно, были-с. Вошли на секунду и тут же вышли-с.

— Вошел и вышел? На секунду?!

У Романова перехватило дыхание. Он развернулся, бросился назад в

тамбур.

Полковник закрывал дверь вагона.

— Погодите!

Поручик бесцеремонно отодвинул старшего по званию, спустился на самую нижнюю ступеньку и стал примериваться к прыжку.

— Вы что?! — вскричал Назимов.

— В Могилеве объясню! Сейчас некогда!

Набрал воздуха, справился с колыхнувшимся в груди страхом и скакнул на насыпь. Главное — удержаться на ногах первые два шага.

Получилось!

Алексей перекувырнулся — как в гимнастическом зале, на пробковых матах, покатился вниз. Пару секунд лежал, прислушиваясь к собственному телу. В нескольких местах оно болело и саднило, но не тревожным образом. Пустяки — ушибы. Переломов нет.

Поручик встал, отряхнулся, поднялся к рельсам.

Краткосрочный визит пресс-атташе Сусалина в собственное купе, только чтоб скомкать и выкинуть бумажку, да еще возле верстового столба с хорошо запоминающимся номером, выглядел чертовски интересно. Алексей действовал даже не логически, а повинаясь охотничьему инстинкту, развившемуся за два года контрразведывательной службы.

Мимо пронесся последний вагон. Жандармы оцепления один за другим поворачивались и глядели ему вслед — во время движения поезда, согласно инструкции, они стояли к дороге спиной.

— Командира ко мне, живо! — крикнул Романов ближайшему солдату, а сам зашагал в обратном направлении, к столбу.

— Командира! Командира! — пронеслось по цепи.

Навстречу, придерживая шашку, бежал офицер в мерлушковой шапке.

Но прежде чем он оказался рядом, Алексей уже нашел искомое. Белый ком бумаги был виден издалека.

Подобрал, развернул. Еще интересней: листок был совершенно чист. Зачем, спрашивается, его выбрасывать?

Жандармский офицер, тяжело дыша, остановился и с изумлением смотрел, как невесть откуда взявшийся поручик обнюхивает пустую бумагу, лижет языком, бережно прячет под китель.

— Я помощник полковника Назимова.

Романов протянул удостоверение, внимательно озираясь. Место голое, спрятаться совершенно негде. Тогда что же? Курьер явится за листком позже?

— Вы теперь что? — спросил он подпоручика.

— Как положено. Дрезина всех подбирает, подтягиваемся к станции, и до следующего перегона.

— Очень хорошо. Делайте всё, как обычно. Без суеты, без нервозности, по сторонам особенно не пяльтесь.

— А вы?

— Я тут останусь. Только вот что... — Алексей неодобрительно посмотрел на хмурое небо. — Одолжите шинель, а? В Могилеве верну. Видите, я практически в неглиже. Черт знает, сколько мне здесь торчать.

— Конечно. И шапку возьмите.

Жандарм уже раздевался.

— Только зачем всё это?

— Да вот решил устроить пикник на природе.

Смирнов

Смирнов мчал в легкой велодрезине, откинув назад капюшон брезентового дождевика. Холодная морось и встречный ветер его только освежали.

Хорошо Смирнову бывало редко, только когда один — в смысле, совсем один. Чтоб, куда ни кинь взгляд, вообще ни души. Но живешь ведь среди людей, они повсюду. Последний раз он ощущал такую свободу в прошлом году, когда плыл на лодке через Байкал.

Здесь, конечно, не Байкал, но тоже неплохо: пустая земля, надвое рассеченная двойным швом рельсов, жестяное небо. Ясную погоду Смирнов не выносил, маялся. Потому что в *тот день* сияло предательски ласковое весеннее солнышко, а они с Полиной так давно не виделись. От этого разнежились, потеряли бдительность. И прошляпили слежку. Когда заколотили в дверь, было уже поздно. Поля сказала: «У меня документы в порядке. Ты уходи через чердак, я их задержу». Откуда ему было знать, что нет у нее никаких документов, что она его просто спасает от висельного приговора?

Он был уже на крыше, когда внизу затарахтели выстрелы. Конечно, кинулся назад. Но через секунду дом дрогнул от взрыва. Поля подорвала себя вместе с псами из Охранки. Смирнов долго потом не мог забыть, как сверкала на солнце крыша, и с тех пор более или менее нормально себя чувствовал, только если небо затянуто тучами.

Много месяцев он не мог себе простить, что не погиб вместе с Полиной. Но теперь понял, зачем остался жив. Чтобы исполнить Большое

Дело.

И стало Смирнову хорошо, спокойно, как только может быть хорошо и спокойно человеку, который думал, что жизнь устроена криво, и вдруг обнаружил: нет, есть во всем и логика, и справедливость. Последние дни Смирнов чувствовал себя помолодевшим. То есть, не помолодевшим, конечно, он и так был молод, а вернувшись из старости в свой настоящий возраст. По полям, по долам, навстречу ноябрьскому ветру Смирнов гнал, будто на крыльях летел. «Как есть Ворон», подумал он и даже улыбнулся, вкось, потому что губы отвыкли.

Задание было простое, ясное, легко выполнимое. Секрет всякой правильной организации: разложить сложное дело на элементарные звенья, каждое из которых не представляет особенной сложности. В этом немцы, конечно, гении. Все гайки и винтики у них на своем месте.

На полустанке к Смирнову подошли точно в назначенное время. Два слова только и было сказано: «Ворон?» «Я». Железнодорожную форму выдали правильного размера. Дрезина идеально смазана, почти не дребезжит. На случай патруля — документ: обходчик проверяет состояние верстовых столбов. Стопроцентное объяснение для остановки. Даже номер столба такой, что не нужно память напрягать.

К условленному месту Смирнов-Ворон должен был прибыть не раньше одиннадцати, чтоб оттуда успели убраться жандармы оцепления, но не позже двенадцати, когда сзади нагонит военный эшелон.

Что ж, русские, когда нужно, тоже могут быть пунктуальны. Смирнов подъехал к столбу 800 ровно посередине обозначенного интервала, в 11.30.

Огляделся как можно внимательней. Никого, только чернокрылые тезки кружили над унылой пашней.

Скомканный листок валялся в пяти шагах от столба — очередное проявление немецкой аккуратности.

Вот и всё задание.

Смирнов положил бумажку в карман, поднялся назад, к дрезине.

Вдруг сзади голос:

— Мусор собираем? Похвальная любовь к чистоте. Руки!

Обернулся — человек в жандармской шинели. Револьвер «кольт» наставил.

Попался, гад

Не так долго пришлось ждать, два часа с хвостиком. Алексей даже

замерзнуть не успел. А шапку надевать не стал — оказалась мала.

Спрятаться было негде, но Романов притащил с поля соломы, накидал небольшой стожок. Получилось идеальное гнездо: полная маскировка, прекрасный обзор, плюс тепло и мягко. Даже шинель подпоручику не испачкал.

Когда вылезал из укрытия, солома, конечно, зашуршала, но связник хрустел гравием по насыпи и ни черта не слышал. Взял его Алексей, как по учебнику: сзади, на дистанции близкой, но безопасной. Что особенно приятно, бежать курьеру было совершенно некуда. Попался, гад.

Связной обжег Романова волчьим взглядом, потом быстро глянул по сторонам.

— Да, я тут один, — не стал врать поручик. — Но шалить не советую. Именно потому что один, церемонничать не буду. Дернешься — выстрелю. Ногу продырявлю.

— Чего мне дергаться? Нечего мне дергаться.

Не германец, русский. Предателей Романов ненавидел еще больше, чем шпионов. Даже захотелось, чтоб мерзавец дернулся. Стрелять мы не будем, а вот рукояткой пару раз по роже съездить было бы приятно. Но это, впрочем, еще успеется.

— Я велел поднять руки! Из карманов! Медленно!

Палец напрягся на спусковом крючке. Если у курьера в кармане оружие, придется стрелять — в руку. Поди только угадай, правша или левша этот чугунномордый.

Руки Чугунная Морда вынул вежливо, без поспешания. Теперь можно сделать два шага вперед. Накинется — не беда. Если без оружия, милости просим.

— Разжать кулаки. Показать ладони. Потом повернуться спиной...

Удивил поручика Чугунная Морда. Взял врасплох. Тоже шагнул вперед и сделал резкое крюкообразное движение правой рукой, будто хотел ударить в лицо. Алексей к такому обороту событий был готов и подался назад, чтобы уйти от хука, но кулак шпиона разжался, и в глаза Романову полетела мелкая табачная крошка, да еще, кажется, вперемешку с перцем или какой-то другой едкой дрянью. Попался поручик на элементарный бандитский трюк.

Сразу ослеп, и пришлось стрелять, хоть не собирался. Выпалил Алексей, конечно, вверх, чтобы, упаси Боже, не уложить связного. Всякий нормальный человек от вспышки в упор шарахнулся бы, и это дало бы поручику секунду, чтоб протереть глаза. Но противник попался нетривиальный. С него сбило кепку и опалило волосы, но он даже не

присел, а бросился на офицера. Схватился за дуло револьвера, вцепился пятерней в горло, сшиб наземь.

Вообще-то это он зря. Войдя в прямую сцепку, лишил себя основного преимущества. Когда враг вот он, пытит и брызжет слюной в лицо, можно обойтись и без зрения.

Оружие Романов выпустил, на что оно? Это позволило освободить руку. Рука сжалась в кулак. Кулак вслепую, со второй попытки, угодил гаду куда требовалось — в висок.

Хватка на горле ослабла. Связной всхрипнул, качнулся. Приподнявшись, Алексей вмазал ему еще и лбом в нос — от такого удара человек на пару секунд слепнет, так что в этом они сравнялись.

Бой двух слепцов со стороны, вероятно, выглядел диковато: половина ударов молотила воздух.

Вот они расцепились. Поручик вскочил на ноги и наконец протер костяшкой пальца слезящийся глаз.

Вовремя! Противник тоже успел подняться, тянул что-то из-под мышки.

По фронтовой привычке у Романова в кармане брюк всегда был резервный ствол — плоский «браунинг». Доставать это оружие Алексей умел очень проворно — как американский ковбой в кинокартине «Ограбление века».

Сухой, короткий выстрел. С рычанием связной схватился за простреленный локоть. Выпавший «наган» звонко ударился о рельсу.

Но враг нынче достался Романову воистину неугомонный — и тут не сдался. Припустил вниз по насыпи огромными прыжками — не угонишься.

А поручик и не стал за ним гоняться. Поднял с земли свой длинноствольный «кольт», взял упор, прищурил единственный зрячий глаз. Попасть нужно было ниже колена, а то на бедре можно пробить артерию, и тогда со святыми упокой.

Выстрелил.

До низа насыпи курьер уже не добежал, а докатился кубарем. Спрятав оружие, Алексей протер и второй глаз, слезы промокнул платком и не спеша двинулся подбирать добычу.

Крепкий все-таки парень. С продырявленным локтем, с простреленной лодыжкой не корчился от боли, не выл, а делал целой рукой какие-то быстрые движения.

— Э, э! — закричал поручик, убыстряя шаг. — Ты что это?

Связной запихнул в рот бумажный ком, задвигал челюстями. Ай, молодец! Трудно, поди, глотать такую бяку не запивая.

Подхватив раненого за шиворот, поручик волоком втащил его на шпалы.

— Приятного аппетита, — говорил он, пыхтя от усилия. — Зря пищевод утруждал. Это был листок из моего блокнота.

Связной заизвивался. Рыча от ярости, ударил лбом о рельсу. Еще, еще. Брызнула кровь. Насилу Романов оттащил психа. Вот ведь какой отчаянный, прямо самурай!

Это лейтенант Шталь из морской контрразведки рассказывал. Во время обороны Порт-Артура подбили они японский торпедный катер. Спустили шлюпку, чтобы подобрать команду с тонущего суденышка. А японцы выстроились на палубе. Все, кроме одного, опустили на колени. Наши подумали: пощады просят. Как бы не так, пощады. Который остался на ногах, капитан, достал саблю и всем поочередно очень ловко поотрубал головы, а потом обмотал клинок тряпкой и взрезал себе живот.

В принципе, правильно. Если уж воевать, то только так и не иначе.

Уложил поручик новоявленного самурая в дрезину. Перетянул жгутом раненые конечности, перевязал разбитую башку. Гад был без сознания, но глаз с него Романов все-таки не спускал. Еще выкинется на ходу.

Чертов ветер дул навстречу, как ножом резал.

Как раз в это время...

В ту минуту, когда поручик Романов с локтя целил по ногам убегающему Ворону, в полтораста верстах к югу, в безымянном лесу, майор фон Теофельс волновался, как волнуется режиссер на прогоне перед премьерой: вроде все свои и можно еще что-то поправить, а все-таки концепцию спектакля, декорации и распределение ролей изменять поздно. Провалится постановка или нет, становится понятно на генеральной репетиции.

Труппа, то бишь группа с Вьюном в заглавной роли гуттаперчевого мальчика, была наготове.

— Ровно одиннадцать тридцать две, — говорил Зепп. — Чтоб у всех часы были не минута в минуту, а секунда в секунду. Сверили? Марш на исходные!

Четверо боевиков — Финн, Чуб, Маккавей и Кмициц — бросились двое вправо, двое влево. Майор не сводил глаз с секундной стрелки.

Первым достиг позиции резвый польский *chłopaś*, залег и стал

невидим. Чубу нужно было отбежать на сто метров дальше.

Выдвижение на позиции заняло сорок секунд. Хороший результат. И замаскировались все отменно. Слили с почвой, зарылись в палую листву. Даже в бинокль не видно.

Теоретически не исключено, что кто-то из жандармов отойдет в лес помочиться, хотя инструкция строго-настрого запрещает отлучаться. По сообщениям наблюдателей (о, чудесная немецкая дотошность!), солдаты если и справляют нужду, то бессовестным образом, не покидая боевой пост.

Сам Зепп с остальными отошли подальше в лес и встали за стволами деревьев.

— Ну, предположим, что мы дождались, пока расставят оцепление. Вон оно уже стоит, — сказал он Балагуру, кивнув в сторону насыпи.

С сухого дерева, на которое вскарабкался майор, просматривалась вся четырехсотметровая дуга и четыре воткнутые в землю палки, на каждой сверху жандармская шапка: обозначение дозорных.

Теофельс сам проверял: при таком изгибе пути часовому не видно даже своего ближайшего соседа. А и незачем жандармам пялиться друг на дружку, их дело бдить за окрестностями.

Поскольку последовательность движения литерных неизвестна, для репетиции Зепп выбрал более трудный вариант: первым идет «Б», вторым — «А». В этом случае на всё про всё будет полчаса.

Членам группы было сказано, что условное время прохода поезда «Б» одиннадцать сорок пять, потому что состав с полушубками должен оказаться здесь примерно в четверть первого.

Стрелка карабкалась вверх по циферблату, отсчитывая последние секунды.

Есть! Будем считать, что литерный «Б» с грохотом пронесся мимо.

У боевиков не более четверти минуты, чтобы сделать свое дело, воспользовавшись шумом уходящего состава и тем, что солдаты (известно от наблюдателей) после прохода поезда обязательно поворачиваются посмотреть ему вслед. Понятное человеческое любопытство. Служивые тоже ведь не знают, царь это был или не царь?

Вот пока слух и зрение часовых сконцентрированы на уносящемся вдаль составе, и нужно их снять.

Все четверо кинулись вперед с пятисекундным интервалом, только Финн чуть-чуть, некритично припозднился. Каждый достиг своего шеста с приемлемой быстротой. Огнестрельное оружие, естественно, исключалось. Всяк сам выбрал, чем уложит подопечного: Маккавей — гирей, Финн —

молотком, украинец нашел заостренный камень по руке, романтический Кмищиц насадил на дубинку железный подшипник и получилось что-то вроде булавы. Со своим тупым орудием каждый управляется отлично, это проверено.

Двенадцати шестнадцати еще не было, когда место шестов занял зепповский «интернационал». Согласно уговору, все недели жандармские шапки.

— Марш! — махнул майор Балагуру и Тимо.

Внизу остался один китаец, утонув носом в поднятом воротнике. Зепп стал насвистывать песенку про гусей — Вьюн сразу вострепнулся.

Что потом, после крушения? Найдут среди вагонного месива трупы часовых с проломленными головами, размышлял Теофельс. Подозрительно, конечно. Но очень вероятно, что на покойниках будут и другие повреждения — от слетевшего с рельсов состава полетит всякая дрянь. А кроме того, как известно из опыта, российские следователи в подобных случаях предпочитают закрывать глаза на неудобные детали. У них ведь расследованием трагической гибели помазанника будут заниматься те же органы, которые его не уберегли. Какой им резон выносить сор из избы? Гораздо выгоднее свалить всё на железнодорожное начальство, плохо следившее за состоянием полотна.

«Интернационал» будет в полном жандармском обмундировании, чтобы не вызвать подозрений у паровозной бригады литерного — в нее входит впередсмотрящий из дворцовой полиции. Ему, конечно, покажется странным, что несколько человек из оцепления вдруг побегут прочь от приближающегося поезда, но будет уже поздно. С этим вроде бы тоже нормально.

Размышляя и прикидывая, Зепп продолжал следить за циферблатом.

До насыпи «ремонтники» добежали за двадцать пять секунд. С первым болтом провозились целых полторы минуты — много. Со вторым — минуту с маленьким хвостиком, это лучше. Потом пошло совсем хорошо. Управились за без малого девять минут.

Установлено, что непосредственно перед проходом поезда никто из жандармского начальства цепь дозорных уже не проверяет. А всё внимание охраны сконцентрировано на периферии, не на железнодорожном полотне.

Гудок паровоза донесся из чащи на семь минут раньше расчетного времени — машинист не жалел угля в ожидании премиальных. А ничего страшного, всё уже было готово.

Бедолаги, мимоходом пожалел Зепп поездную бригаду. Не видать им

обещанных пятидесяти рублей. Еще три невинные жертвы войны среди миллионов прочих. Хоть с пользой для дела.

«Ремонтники» подбежали к дереву. Толстяк вспотел и задыхался, а железному Тимо хоть бы что.

— Всё лючем виде, — блеснул он новозазубренной фразой. — Что ми делать дальше?

— Ничего. Находиться в стратегическом резерве главного командования.

Теофельс припал к биноклю, выглядывая поезд. Вот меж деревьев задвигалось что-то низкое, длинное, темное — и мгновение спустя на конце дуги, со стороны Кмицица, выкатился паровоз, таща за собой вереницу товарных вагонов.

«Интернационалисты», пригнувшись, побежали от насыпи к зарослям, попадали.

— А ну как не скovyрнется? — раздался снизу голос Балагура. — Ставлю сто рублей против десятки. Рискнешь?

— Сто руплей за что? — переспросил тугодумный Тимо. — «Ковирнется» это что?

— Думай живей, оглобля! Если поезд не свалится, получишь в утешение сотню. А свалится — ты мне десятку...

— Это надо тумать...

Но думать времени не осталось.

Зепп стиснул зубы. Верен расчет технического отдела или нет?

Паровоз пролетел критическое место, первый вагон тоже, но со вторым что-то случилось. Он подпрыгнул, будто взбрыкнувшая лошадь. За ним вздыбился третий, состав качнуло, кинуло вбок...

Есть!

Коричневые прямоугольники один за другим посыпались под откос, утянув за собой и черную тушу паровоза. По лесу прокатился тошнотворный скрежет и лязг. Вверх взметнулось облако белого пара.

— Давай, Вьун, давай! — азартно крикнул Зепп.

Но китайца внизу уже не было. Он петлял между деревьями, легкий, как комарик.

— Эх, жалко поспорить не успел, — говорил Балагур, пока майор спускался со своего насеста. — Товарный слетел, литерный тем более не удержится. У него вагоны потяжельше деревянных.

— За мной, бездельники!

Спрыгнул Зепп на землю, помчался вперед. Сзади грохотала тяжелая кавалерия. Тимо, как велено, держал в руках железный лом.

Вьюна они, конечно, не догнали, но видели, как маленькая фигурка взлетает по насыпи. Китаец сбросил куртку, остался в черном, плотно обтягивающем трико.

Согласно законам физики, товарняк сверзся по ту сторону путей, на внешнем обводе дуги, поэтому, когда Вьюн спускался, Зепп на несколько секунд потерял его из виду.

— Второй, второй! — бормотал майор, карабкаясь по щебенке.

Поднявшись, увидел, что Вьюн не перепутал — метался возле второго вагона, лежавшего на боку. На земле валялись тюки с полушубками, обломки, щепки. Но как проникнуть внутрь, китаец не знал — двери хоть и треснули, но остались на месте.

На такой случай имелся Тимо со своим ломом. Он воткнул железяку между досок, выворотил одну, другую. Точно так же он поступит с пуленепробиваемыми стеклами царского вагона, если они не вылетят от удара.

Балагур остался наверху с «маузером» наготове. Его функция — смотреть, не вылезет ли из руин какой-нибудь чудом уцелевший телохранитель.

Пока подбегут ближние жандармы, пройдет несколько минут. Это с учетом потрясения, первоначального испуга, а главное, плохой видимости. Там, как и сейчас, в воздух поднимется огромная туча пыли, драгоценной союзницы. К тому же солдаты сначала будут суетиться у концов разбитого поезда — возле паровоза и последнего вагона.

Сколько времени понадобится Вьюну на сеанс «мануальной терапии», вот в чем вопрос.

Чжэнь

Во сне тело у Чжэня было невесомое, легче пушинки, и ненастоящее — занозил руку щепкой из доски, и даже не покривился. Приснившаяся боль — не боль.

Жить во сне было скучно, хотелось поскорее проснуться. Но, чтоб проснуться, нужно вдохнуть аромат белого порошка, а он в сновидениях так просто не добывается. Сначала выполни всё, что наморочено видениями, нашептано бессмысленными призраками, а без этого пробуждения не жди — многократно проверено. Вместо возвращения из мнимости в действительность можно погрузиться в адский кошмар.

С давних пор Чжэня преследовал навязчивый, нескончаемый сон.

Будто он вовсе не статный и гордый витязь, а убогий недомерок, прозябающий в закоулках тошнотворного мира белолицых демонов. Но стоило тому, привидевшемуся во сне Чжэню вкусить белого порошка, и наваждение исчезало. Он снова оказывался в зеленом, благоуханном Троецарствии, где преодолевал тысячу препятствий и совершал неслыханные подвиги, чтобы заполучить ключ к красному-прекрасному терему, а там его ждала заточенная принцесса, утирая слезы длинным рукавом. О, если б не тратить время на дурацкие сны, если б всё время скакать вперед на могучем коне! Однако жестокому року зачем-то нужно, чтобы каждую ночь Чжэнь обращался в пронырливого карлика и погружался в сон, где всё ненастоящее: люди, жизнь, смерть.

Что за нелепое видение! Будто бы он скользит по мягким и пыльным тюкам в огромном темном ящике, разыскивает куклу, которой нужно открутить голову. Ну не бред? А вместе с тем известно, что, пока не исполнишь абсурдное задание, сонные чары не развеются.

Чжэнь вслепую, не чувствуя напряжения, ворочал нетяжелые мешки. Нащупал что-то, напоминающее по форме человеческую фигуру. Манекен. Нет, не тот.

Полез искать дальше.

Какой тягостный сон. Лучше уж бежать, проваливаясь в песок, чем распихивать эти тюки.

Еще одна кукла. Теперь та самая: борода из мочалки, гимнастерка, на погоне вензель. Одной рукой Чжэнь взял целлулоидную голову за подбородок, другой под затылком, рванул.

Ну всё, скоро можно будет проснуться.

Как у Шекспира

На исходе второй минуты из проломленной дыры в стене вагона вылетела, покатилась под ноги Зеппу оторванная голова манекена с мочальной бороденкой.

Теофельс поднял трофей жестом Гамлета.

— Бедный Рюрик!

Хотя Романовы, кажется, не из Рюриковичей. Неважно.

Отбросил болванку через плечо. Заорал:

— Всё, всё! Уходим! Занавес!

Репетиция прошла безупречно. А на поклоны в этом спектакле не выходят. Аплодисменты нам ни к чему.

Тревожный вечер

В красном свете

Как стемнело, Алексей не видел. Шторы в купе были опущены, да еще припилены к штофным обоям, чтоб снаружи не проникал свет. Красный фонарь поручик одолжил в императорской фотослужбе.

Сдав арестованного на попечение медиков Могилевского тюремного лазарета, поручик битый час колдовал над перехваченным листком и коробочкой со шпионскими реактивами.

В большом пузырьке, скорее всего, был разбавитель. В двух остальных — «замок», то есть состав, которым маскируется запись, и «ключ» — вещество, которым она проявляется. В агентурной разведке это делается так: человек написал сообщение мягким карандашом или специальной кисточкой, чтоб не продавливать бумагу, потом смешал «замок» с разбавителем, смочил ватку и протер ею текст. Тот становится невидимым. Точно так же поступает получатель: разбавляет несколько капель «ключа», протирает листок — и буквы снова видны.

Но без лаборатории определить, где здесь «ключ», а где «замок», было невозможно. С разбавителем-то Романов разобрался. По всей видимости, обычная дистиллированная вода. Пополнить ее запас шпион может в любой аптеке.

Поставив на стол две чашки, Алексей капнул по чуть-чуть из маленьких пузырьков, разбавил и начал экспериментировать.

Написал на листке слово «эврика» обычными канцелярскими чернилами. Протер одним составом — не исчезло. Протер другим — опять ничего. Значит, писать нужно не чернилами?

Попробовал карандашами нескольких цветов. Химическим. Белилами. Молоком. Просто водой. Даже чаем. Всё мимо.

Тогда вооружился красным фонарем и пошел по второму кругу. Но и фотографическое освещение не помогало.

Зачесал Романов в затылке, зашептал нехорошие слова. Большой надежды на разговорчивость чугунного самурая у него не было. А записку Сусалина требовалось прочесть как можно скорее. Иначе брать ловкача будет не с чем.

Положил перед собой тщательно разглаженный листок. Только теперь обратил внимание, что бумага-то обыкновенная, какую продают в любой лавке писчих товаров. А в канцелярии его величества, в том числе и пресс-

службе, используют листы особенные, с водяными знаками в виде двуглавого орла. Именно такую Романов взял у полковника для своих экспериментов. Может, загвоздка в этом? Реактивы рассчитаны на бумагу простецкую, без дополнительной пропитки и обработки?

Он оторвал уголок от добытой с боем депеши, покалякал по нему простым карандашом, смазал жидкостью из левой чашки — ура! Каракули медленно побледнели, скрылись. Есть «замок»! Ну, теперь и с «ключом» ясно.

Пообильней смочил ватку раствором из правой чашки, тщательно протер записку и стал ждать.

В тишине раздалось: тук-тук-тук.

— Алексей Парисович, вы здесь? — Назимов. — Что это у вас тут за квартал красных фонарей?

Было видно, что полковник возбужден. Потому и пошутил, что вообще-то ему было несвойственно.

— Не имеет значения. Сейчас...

Поручик выключил фонарь, раздвинул шторы. Снаружи, оказывается, уже совсем стемнело.

— Позвонили из тюрьмы. Врач привел арестованного в чувство. Едем!

Фуражку и шинель — с вешалки, поверх кобуру, шашку. Дверь запереть. Дубликат ключа у прислуги изъят, никто кроме поручика Романова сюда не войдет.

— Сусалин что? — спросил Алексей на перроне, поглядев на окно начальника пресс-службы.

— Сидит у себя. То тихо, то молотит по машинке. Мои люди ведут наблюдение и снаружи, и из коридора.

— Не заметит?

— Обижаете.

Оба шли очень быстро, не терпелось приступить к допросу. Перешли бы и на бег, да флигель-адъютантские погоны предписывали Георгию Ардальоновичу сохранять солидность.

В тюремном лазарете

Из-за близости к Ставке бывшая гарнизонная тюрьма давно уже не использовалась в качестве гауптвахты или для содержания дезертиров и прочей мелкой шушеры — только для арестантов государственного значения: военных, заподозренных в шпионаже, измене или проступках,

повлекших тяжкие последствия. Охраняли здание крепко, режим блюли строго, и лазарет тоже был серьезный. Не сбежишь. Захваченного курьера поместили в особую камеру, под очный и неусыпный присмотр.

Своего приятеля с 800-ой версты Романов нашел в комнате с крошечным зарешеченным окном. Поскольку субъект обнаружил склонность к самоубийству, были приняты меры предосторожности. Здоровую руку ему приковали к кровати спинке, здоровую ногу пристегнули ремнем. Правая рука закована в гипс, левая нога на противовесе, голова обмотана бинтами. Шевелить пленник мог разве что губами, но именно это от него и требовалось.

— Здравствуйте. Как он? — спросил Назимов у врача, что сидел, склонившись над раненым.

У стены вытянулся охранник. Над столом с лампой приподнялся седоватый чиновничек в синих очках — стенографист.

Доктор был свой, из ведомства дворцовой полиции. Из-под халата виднелись форменные брюки с кантом.

— В шесть тридцать ввел ослабленную дозу адреномола, чтобы привести в чувство. Были спазмы, немного побредил. Он и сейчас в возбужденном состоянии, но сознание полностью восстановлено. Вы не глядите, что глаза жмурит. Можете задавать вопросы. Однако не затягивайте. Скоро опять уплывет. Большая кровопотеря, сотрясение мозга...

Стул врач освободил. Отошел к стене, чтоб не мешать. Назимов кивнул стенографисту: приготовиться. Сел к кровати, поручик встал у начальника за спиной.

Глаза арестованного открылись, скользнули по лицу полковника и остановились на Романове, сузившись от ненависти.

— Отойдите, Алексей Парисович. Нервируете, — попросил Назимов.

Поручик сделал несколько шагов в сторону, чтоб оказаться вне поля зрения курьера.

— В чем цель задания? — спросил тогда Назимов.

Чиновник быстро зашуршал карандашом, раскидал по листу диковинные закорючки.

«Не ответит, — подумал Алексей. — Этот будет молчать».

Ошибся он лишь отчасти. Связой облизнул языком почерневшие губы, его глаза горели лихорадочным блеском.

— Ни на какие вопросы. Отвечать. Не буду.

Речь была глухой, отрывистой.

— Договорились, — легко согласился полковник. — Но на

отвлеченные-то темы мы поговорить можем?

— Валяйте.

Доктор шепнул Алексею:

— Ему очень хочется поговорить. Действие адреномола. Распирает от гипердинамии, а двигать конечностями он не может.

— Вы, вероятно, немец? — мирно поинтересовался полковник.

— Русский.

Назимов сделал вид, что изумлен.

— Как же так? Русский — и вредите России? За что ж вы ее так ненавидите?

— Неправда. — Рот лежащего всё время дергался, но слова срывались скупно, будто их бо́льшая часть прожевывалась и проглатывалась. — Я патриот России.

— Интере-есно, — опять поразился Назимов.

Врач произнес в самое ухо:

— Поживей бы надо. Скоро у него сознание отключится.

— Господин полковник знает, что делает. Не мешайте! — шикнул Алексей, и доктор обиженно умолк.

Раненый цедил по капле:

— Что вам. Интересно? Патриот — это человек. Который хочет. Чтобы Родине было лучше. Так?

— Безусловно.

— России будет лучше. Если она проиграет. Эту войну.

— Ах вот как? Можно узнать, почему?

— Можно. Избавимся. От самодержавия. Станем частью Европы. Живи я сто лет назад. В восемьсот двенадцатом. Наполеону бы помогал. Победы тогда французы. У нас крепостное право. На полвека раньше бы отменили. И жили бы сейчас. Не хуже европейцев. — Глаза раненого начинали уходить под лоб. Голос сделался едва слышен, связь между кусками фраз стала нарушаться. — Суконная... Посконная... Дикость и невежество... А эти сытые, жирные, чистенькие... Сволочи... Поленька... Голова... Голова...

И дальше залепетал что-то вовсе бессвязное.

— Я предупреждал, что поживее нужно, — с достоинством заметил доктор. — Вот, забредил. Жирные какие-то полезли. Поленька. Только зря время потратили, господин полковник.

— Не зря, — сказал Назимов, поднимаясь. Вид у него был озабоченный и задумчивый. — Каково, Алексей Парисович? Что скажете?

— Не похож на шпиона. Скорее анархист, большевик или эсдек-

интернационалист, но последнее вряд ли, — предположил Романов, которому на петроградской службе пришлось изучить взгляды и методику всех политических группировок, противостоящих войне.

Результативность первого допроса была неплохая. Кое-что вроде бы начинало проясняться.

— Будет бредить — записывать каждое слово, — велел он стенографисту.

— У меня смена, — проблеял тот, хлопая под очками ресницами. — Отдохнуть нужно, покушать. Через шесть часов снова заступаю. Но я всё передам сменщику.

— Ничего, Филюшкин проконтролирует, он сотрудник опытный. — Полковник кивнул на охранника. — Пойдемте-ка, Алексей Парисович, обменяемся мнениями.

В коридоре, когда рядом никого не было, Назимов сказал:

— Похоже, что немцы-то ни при чем. Это наши желябовы к его величеству подбираются. С одной стороны, иметь дело с дилетантами, конечно, проще. Но от фанатиков можно ожидать всякого. Вы что молчите?

— Не готов к выводам, — ответил поручик.

Скверные новости

— Скверные новости, господа интернационалисты. Подтверждение насчет завтрашнего числа не получено...

Зепп помедлил, прежде чем сообщить известие еще более паршивое. Обвел взглядом группу.

Расположились они в маленьком доме на окраине Могилева, подальше от патрулей, постов и агентов военной контрразведки, охраняющих Ставку: пятнадцать управлений, комитеты с канцеляриями, всевозможные штабы и ведомства — артиллерийское, морское, инженерное, транспортное, интендантское, казачье, военно-воздушное и прочая, и прочая.

А здесь, на отшибе, благодать. Свежий воздух, коровки пасутся, петухи кричат. Пасторальная идиллия.

— Значит, акция отменяется? — спросил Маккавей.

Спросил хорошо, без облегчения в голосе, а наоборот, разочарованно. И остальные «интернационалисты» тоже были явно расстроены. Это майора порадовало. От такой команды можно не утаивать правды.

Тут были все кроме Ворона и Балагура. Китаец, как обычно, дремал. Тимо зашивал рукав куртки — фон Теофельс зацепился, когда слезал с

дерева.

— Пока не знаю. Мы в любом случае будем наготове. Но нужно готовиться к худшему... Ворон не вернулся с задания.

— Арестован? Предал? — быстро спросил еврей.

Остальные ничего не сказали. Просто замерли.

— Нет, не предал.

Маккавей прищурил колющие глаза:

— Откуда вы можете это знать?

— От верблюда, — огрызнулся Зепп.

Он пребывал в сильном раздражении. Всё его бесило: и чертов умник со своими вопросами, и невозмутимость Чуба, и зарумянившиеся щеки ясновельможного Кмицица, и Финн, засмеявшийся «верблуду», — никогда этой остроумной шутки не слышал, болван.

Нервы у майора были живые, не железные. Давно уже он так самоубийственно не рисковал. Когда связной не вернулся к назначенному сроку, по всем правилам нужно было немедленно сменить квартиру. Зепп этого не сделал и теперь не мог быть уверен, что тихую улицу не окружили кордоны русской контрразведки.

Но уходить Теофельс не стал, потому что, если Ворон взят и развязал язык, операция всё равно провалена, а коли она провалена, зачем жить дальше? Плестись с поджатым хвостом к начальству, жаловаться на роковое стечение обстоятельств? Это не для Йозефа фон Теофельса. Лучше уж загреметь под фанфары.

Под полом, в погребке, лежат триста килограммов динамита, остались в наследство от прежних обитателей конспиративной квартиры. В прошлом году, когда русская Ставка обосновалась в Могилеве, была у начальства дурацкая идея устроить серию взрывов, чтобы дезорганизовать управление противника в критический момент наступления. Эффект получился бы прямо противоположный. В русских окопах шутят: «Наши штабы — секретное оружие кайзера». Без ежечасных могилевских телефонограмм и телеграмм, корректирующих и отменяющих друг друга, командующие армиями и корпусами воевали бы толковей, не на кого было бы перекладывать ответственность. И вообще, чего ради взрывать русское штабное начальство? Кому нужно, чтоб вместо старых тыловых генералов пришли фронтовые волки, всякие Брусиловы с Корниловыми?

Слава богу, замысел подорвать могилевское бумажное царство был похерен, но взрывчатка — вот она. Если она вся шарахнет, не останется ни концов, ни следов, ни могилки. Улетит майор фон Теофельс к облакам, прихватив с собой и соратников, и агентов контрразведки, и пару соседних

улиц в придачу.

— Ворон нас не выдал. Иначе мы бы тут сейчас не сидели, — сказал Зепп не столько для членов группы, сколько для собственного успокоения. — Скоро вернется Балагур, он всё выяснит. А вы, друзья, вот что... Отправляйтесь на резервную квартиру в Жлобин. Адрес вы знаете. Ждите меня. Не появлюсь до рассвета — уходите.

Это решение Теофельс принял только что. Зачем зря губить людей, которые пригодятся в будущем? Может, загробная жизнь существует, и Зепп из-за облаков, куда его забросит взрывная волна, еще полюбуется, как более удачливый офицер с теми же кадрами завершит начатое дело.

В вагоне

И по дороге из тюрьмы, и в автомобиле, говорили о начальнике императорской пресс-службы. Одна история, если он завербован германцами. Шантажом или подкупом к измене склоняли официальных лиц и более высокого ранга, дело обычное. Но связь с боевой революционной организацией — это уже совсем другое. Здесь денежный интерес исключается, и шантажом борцы с царизмом тоже не пробавляются. Пойти на сотрудничество с террористами может только человек, руководствующийся идеей, притом человек незаурядный.

Вот об этом и толковали: может ли Сусалин оказаться виртуозно законспирированным членом революционной группы. Назимов считал, что может. Тот, кто перекрасился из звезд независимой журналистики в пропагандисты престола, безусловно обладает даром мимикрии. А если так, вполне возможно, что маскировка Сусалина многослойна.

— Известно ли вам дело Клеточникова, чиновника тайной полиции? Нет? Событие, правда, давнее и на публику не выносившееся, но еще более невероятное, чем пресс-атташе, работающий на революцию. Во времена разгула террора — еще того, народовольческого, — служил в секретной экспедиции Третьего отделения тихий и скромный очкарик. Исполнительный, непьющий, сметливый. Начальство на него нарадоваться не могло. Неплохую карьеру сделал, был в курсе всех тайн. И вдруг, совершенно случайно, выяснилось, что он агент террористов и помогал им охотиться на Царя-Освободителя. Идейный господин. После, в каземате, уморил себя голодовкой.

— Что-то непохож Сусалин на человека, который может уморить себя голодовкой, — усомнился Алексей. — Производит впечатление обычного

газетного писаки, из идей — только собственная польза. Если завтра произойдет революция, будет разоблачать царизм.

— Типун вам на язык — «революция». — Полковник даже перекрестился, будто при поминании дьявола. — А если Сусалин так ловко умеет притворяться, тем он опасней. Почему вы возражаете против его ареста?

Они уже поднялись с перрона в тамбур, но внутрь пока не входили.

— Необходимо выявить связи. Что если он не один? Может быть, Сусалин в контакте еще с кем-то в ОЖО или в Ставке. Вдруг здесь целый куст? Как же можно обрывать одну ветку?

Мимо просеменил камер-лакей с подносом, и полковник перешел на горячий шепот:

— Если Сусалин революционер — то фанатик. Они своей жизни не жалеют. А коли он на государя с ножом накинется?

Романов хладнокровно дернул плечом:

— Маловероятно. Если до сих пор не кинулся, значит, у них расчет на что-то другое.

— Маловероятно!? — взрычал Назимов. — Какое может быть «маловероятно», если речь идет об опасности для государя?!

Лакей неплотно закрыл за собой дверь в коридор, и поручик приложил палец к губам:

— Тссс! Услышит.

Сусалин был у себя — машинка стучала, как бешеная.

— Пройдем мимо. Посмотрим.

С рассеянным видом офицеры проследовали по коридору. Романов скосил глаза. Сусалин в порыве вдохновения рванул каретку, выдернул готовый лист и впился в него глазами. Поцеловал бумагу, отложил.

Убедительно актерствует, ничего не скажешь.

В коридоре возился электромонтер — проверял потолочные провода.

«Ну что?» — взглядом спросил у него полковник. «Электромонтер» пошевелил растопыренными пальцами и помотал головой. Это означало: «Объект все время печатал, из купе не отлучался».

— Сядем у меня, — сказал помощнику Назимов. — Продолжим разговор. Ясности нет...

— Слушаюсь. Только шинель повешу.

Алексей открыл ключом свое купе — да и застыл.

— Но, кажется, сейчас ясность будет!

Полковник удивленно обернулся:

— Что?

Поручика в коридоре не было.

Романов согнулся над столом и впился глазами в листок, на котором отчетливо проступили буквы. Георгий Ардальонович заглянул ему через плечо.

«20–9 подтверждаю. Литеры телеграфомъ».

— Что такое «20–9»? Не понимаю! — еле слышно выдохнул Алексей, словно боялся, что надпись опять исчезнет.

— Завтра двадцатое. Мы отправляемся в штаб Юго-Западного фронта. В девять утра. — Назимов был потрясен. — Это секретная информация. Я даже вам еще не говорил.

— А «Литеры телеграфомъ»? Это про порядок следования литерных? Почему телеграфом, а не сразу?

Назимов вытер со лба испарину.

— Порядок следования литерных определяется непосредственно перед отъездом. Господи, они хотят это сделать завтра... Срочно доложить государю!

Наконец вернулся Балагур

Такой мрачной физиономии у Балагура майор никогда еще не видел и догадался: толстяк принес поганые вести. Хорошо, «интернационал» уже отбыл, в доме остался один Тимо.

— Стреляй, мой маленький зуав, — обреченно сказал Зепп. — Стрекочи, сорока. Что на хвосте принесла?

Совсем уж в траурную гримасу клоунская рожа складываться не умела. Агент скривил губастый рот, но вместо трагической мины вышла глумливая ухмылка — будто Балагур злорадствовал.

— В лазарет Могилевской гарнизонной тюрьмы привезли тяжело раненного. Охраняет дворцовая полиция. Сам полковник Назимов к нему недавно навещался. В камере посменно дежурят стенографисты. Закаркал, видать, наш Ворон...

«Стало быть, все-таки худший вариант», — подумал Теофельс. А вслух сказал:

— Вряд ли. Если бы давал показания, зачем стенографистам дежурить? Скорее, он без сознания и бредит.

Тимо заметил:

— Предит тоже плёхо.

— Чего хорошего. — Зепп тяжело вздохнул, щурясь на лампу. — Моя жизнь — сплошные проблемы. Всё против шерсти...

Он, впрочем, уже успокоился. Хуже всего неизвестность, а когда ситуация разъяснилась и проблема сформулирована, это, считай, уже половина дела. Не бывает ситуаций, которые не имеют решения.

Озарение не заставило себя долго ждать, воссияло Теофельсу прямо из лампы.

— Все билеты проданы. Наш спектакль на открытом воздухе состоится при любой погоде.

В благоговейном полумраке

Апартамент его императорского величества в литерном поезде «А» тонул в мягком, будто благоговейном полумраке. Под зеленым абажуром горело одно-единственное бра, алел огонек папиросы, под потолком сизоватым фимиамом клубился папиросный дым.

Купе было двухкомнатным. Сначала салон-прихожая, оттуда бездверный проход в кабинет-спальню. Из этого закутка общей площадью четыре квадратных сажени Николай Александрович управлял гигантской империей и многомиллионной армией.

Однако дневные заботы остались позади. Государь отдыхал. В старой, любимой гимнастерке с расстегнутым воротом, в войлочных туфлях, самодержец всероссийский наслаждался покоем. Потягивал коньяк, пускал идеально правильные колечки дыма — этим искусством он владел в совершенстве.

На столе поблескивало белыми костяшками домино, но партия приостановилась, потому что один из партнеров его величества, генерал Дубовский, разомлев от коньяку, задремал. Император подмигнул третьему участнику игры, свитскому генералу, и приложил палец к губам. Сонное сопение Аполлоши Дубовского делало тихий вечер еще приятней.

Царю нравилось жить в поезде. Коронованным особам обычно приходится существовать в огромных парадных залах с уходящими ввысь потолками, поэтому многие монархи в приватной жизни предпочитают маленькие помещения. Только там можно почувствовать себя не живой иконой, а просто человеком, и расслабиться. Теснота и низкий потолок ассоциировались у государя с уютом и защищенностью. Он и во дворце любил проводить часы досуга в крошечном чулане фотолаборатории.

А поезд прекрасен еще и тем, что, оставаясь у себя дома, можно перемещаться в пространстве. Всякая поездка по стране для монарха — утомительный, сложный ритуал, сопряженный с массой неудобств. Здесь же остаешься на месте, и внешний мир сам подкатывается к твоему окну. Правда, рядом нет семьи. Но эта утрата до некоторой степени компенсируется присутствием привычных, милых лиц, с которыми можно чувствовать себя, как дома.

Глуповатый, полупьяненький Аполлоша действовал на царя успокоительно, будто домашний кот. И пускай штабные ворчат, что от старого дурня нет никакого прока, только место в поезде занимает. Разве мал прок, если Верховный Главнокомандующий в присутствии генерала Дубовского отдыхает?

— Аполлоша, ты ходить будешь? — спросил император, зевнув.

Ответом был всхрап.

— Аполлинарий Самсонович...

Третий участник партии хотел тронуть соню за плечо, однако государь не позволил.

— Не нужно, граф. Пускай спит. — И кивнул на почти пустую бутылку. — Вон как потрудился, летописец.

В дверь легонько, почтительнейше постучали. Из сумрака выросла молодцеватая фигура дежурного флигель-адъютанта.

— Ваше величество, к вам полковник Назимов. Говорит, срочно.

— Пусть войдет.

И сразу же, будто выскочив из-за спины адъютанта, появился начальник дворцовой полиции.

— Ваше величество, сообщение чрезвычайной важности! И особой секретности.

Обреченно вздохнув, император непроизвольным движением застегнул ворот. Свитский генерал уже поднялся, наклонился к Дубовскому, потряс за локоть.

— Ваше превосходительство, пойдемте!

Аполлоша замычал, почмокал губами.

— Оставьте, граф. Его теперь из пушки не разбудишь. Он нам не помешает.

Когда свитский вышел, царь сказал:

— Садитесь, Георгий Ардалионович. Что у вас стряслось?

Полковник Назимов не паникер и не суетливый хлопотун. Раз примчался в неурочное время, стало быть, произошла какая-то серьезная гадость. Но в жизни российского самодержца серьезные гадости

приключаются постоянно, тем паче во время войны. Относиться к ним царь привык даже не философски, а с религиозной отрешенностью. На всё воля Божья.

Возможно ли?

«Неужели я сейчас буду разговаривать с царем? Возможно ли?» — волновался за дверью Алексей.

Назимов велел стоять на месте и ждать вызова, на случай если его величеству будет угодно выслушать не только начальника охраны, но и его помощника. И хотя Романов, дитя свободомыслящего интеллигентского сословия, привык относиться к самодержавию и самодержцу неприязненно, даже враждебно, а все-таки сердце замирало. Не от верноподданнического восторга, конечно, — от мысли, что сейчас, быть может, случится нечто, о чем будешь вспоминать всю жизнь.

Люди, вознесенные высоко над толпой, решающие судьбы народов, неизбежно должны приобретать некие особенные качества. Даже человек заурядный и мелкий, взойдя на трон или дав президентскую присягу, делается исторической фигурой. Каждая черта его характера, хорошая или дурная, имеет огромное значение. Всякий случающийся с ним пустяк — разлитие желчи, насморк, приступ сладострастия — может иметь весьма непустяковые последствия для целой страны и живущих в ней людей. Вот почему, думал Романов, царя можно обожать или ненавидеть, но непозволительно относиться к нему с пренебрежением и обзывать «Николашкой», как это с недавних пор вошло в моду у столичных фрондеров и даже у части офицерства.

Будет чертовски досадно, если аудиенция не состоится. Хотя что самодержцу всероссийскому мнение какого-то поручика?

Чтоб справиться с возбуждением и не терять времени даром, Алексей стал присматриваться к устройству царского вагона.

Оно было точно таким же, как во втором вагоне литерного поезда «Б». Шесть ординарных купе, вместо салона — апартамент его величества. Правда, на полу персидский ковер, на стенах не литографии, а картины в золотых рамах (что-то батальное), ну и обшивка палисандрового дерева. Вообще-то для царских чертогов всё очень скромно. Стекло в окне, судя по стуку, двойной закалки.

Дежурный флигель-адъютант недовольно поглядел на беспокойного поручика и покашлял, что означало: «Стойте чинно, не вертитесь».

Раздалась тихая, мелодичная трель.

— Входите, поручик, — сказал адъютант. Оглядел Романова, снял с рукава соринку. — Говорить ясно, четко, но негромко.

«Вы уверены, что это вызывают меня, а не вас?» — чуть было не спросил дрогнувший Алексей. Но вопрос явно был лишним.

Одернув китель, поручик вошел в раскрывшуюся перед ним дверь и неожиданно оказался в сумрачной комнате, которая после ярко освещенного коридора показалась совсем темной.

— Ваше императорское величество... — гаркнул он и запнулся, потому что увидел — здесь никого нет. Зеленый свет лился из соседнего помещения, оттуда же доносились тихие голоса.

Сделав еще несколько шагов, Алексей наконец увидел перед собой лицо, хорошо знакомое по портретам и кадрам кинохроники. Только более старое, в морщинах, с мешками под глазами. Полковник Назимов был рядом — как шутят в армии, «сидел по стойке смирно». В кресле развалился генерал Дубовский, в позе самой что ни на есть свободной, с закрытыми глазами и приоткрытым ртом.

— Ваше императорское величество, поручик Романов! — доложил Алексей, щелкнув каблуками.

Мятое лицо венценосца дрогнуло в улыбке. Кажется, сообщение Назимова об опасности покушения не вывело царя из душевного равновесия.

— Мое императорское величество — *полковник* Романов, — шутливо сказал он. — Мы с вами, выходит, однофамильцы. Не нужно так кричать. Генерала разбудите. Сядьте-ка.

Ого, приподнялся! Подал руку! Держится очень просто, приветливо, по-домашнему.

Осторожно опустившись на стул, поручик позволил себе краем глаза оглядеть купе — чтоб запомнить все детали.

Диван накрыт обычным офицерским одеялом. Полка с книгами. Портрет царевича. Фотографии с какими-то женскими лицами — наверное, супруга и великие княжны, но в полумраке не видно.

Запоминать особенно нечего. Какое-то всё будничное, совсем не величественное. На императоре шерстяные носки грубой вязки и домашние тапочки. Ломтик лимона на краю рюмки. Папироса в крепких пальцах. Табачная крошка на седеющей бородке.

— Георгия Ардальоновича я выслушал. Теперь изложите ваши умозаключения. Полковник аттестовал вас как первоклассного эксперта. Вы тоже считаете, что немцы хотят меня убить? Именно немцы, а не

террористы?

Листок с проявившимися буквами лежал перед государем. Значит, история записки царю известна — можно на это времени не тратить.

Сглотнув, Алексей стал говорить, как было велено — ясно, четко и негромко:

— Позволю себе перечислить только неоспоримые факты. Факт номер один: записка была выброшена из нашего вагона. Факт номер два: проявитель, который позволил нам прочитать записку, используется германской разведкой...

Император перебил:

— Немцы хотят знать о передвижениях Верховного Главнокомандующего, это естественно.

— Так точно, ваше величество. Однако, если речь идет только об этом, почему для них важен порядок следования литерных поездов? Ответ может быть только один, и тут, если позволите, я перейду от фактов к умозаключениям. Сусалин — не революционер, как было подумали мы с господином полковником, а именно агент немецкой разведки, и на завтра у них запланирована диверсия. Это всё.

Царь поднялся, встал лицом к окну. Назимов напряженно смотрел его величеству в спину. Оба офицера тоже встали.

— Вы изложили суть дела короче, чем полковник... И вроде бы всё логично. — Плечо неуверенно дернулось, на полевом погоне блеснул вензель. — Но я не могу поверить... Кузен Вилли — вероломный негодяй, но убивать меня он не станет. Это совершенно исключено. Что-то в ваших умопостроениях не так. — Император обернулся. — Допросите Сусалина. Пусть расскажет всё, что ему известно. Пообещайте от моего имени помилование.

— Слушаюсь, ваше величество! — Назимов метнул взгляд на поручика: что я вам говорил?

— Согласны, однофамилец?

— Никак нет, ваше величество, — отчеканил Алексей. — Категорически не согласен.

Плевать на субординацию и придворный этикет. Он контрразведчик, а не «болонка».

— Почему?

— Сусалин начнет юлить и упираться. Скажет: не выбрасывал я никакой бумажки, и всё. А шанс вытянуть целиком шпионскую сеть, которая здесь угнездилась, будет упущен.

— Понимаю...

Государь брезгливо взял мятый, в пятнах листок, еще раз прочитал текст, дальнотзорко откинув голову.

— Тогда давайте отменим завтрашнюю поездку, — предложил Назимов. — Под каким-нибудь предлогом.

— Нет, я обещался быть у Брусилова, и буду. Я немышь, чтоб забиваться в нору при малейшей опасности. Послушайте, господа... — Царь мимолетно улыбнулся, потому что генерал Дубовский смачно всхрапнул во сне. — Э-э, а вы абсолютно уверены, что именно Сусалин выбросил из окна эту мерзость? Признаться, я удивлен. Я всегда с удовольствием читаю его статьи.

Назимов подтвердил:

— Это он, ваше величество. Мы собственными глазами видели.

Тут-то Алексея и стукнуло.

Прощальные песни

Вечер перешел в ночь...

Прокофий Матвеевич, стенографист Могилевской городской управы, проснулся по будильнику в два пополудни. Вставать в неурочный час ему было не привыкать. По военному времени да с его ремеслом случалось не то что ночью на службу вставать, а и по двое суток не спать. С тех пор как в городе обосновалась Ставка, спрос на стенографистов многократно увеличился, штабы и ведомства не всегда могли обойтись одними военными скорописцами. Сетовать грех — заработок от армейских дежурств превышал невеликое жалованье в несколько раз.

Покушал Прокофий щей с солониной, еще с вечера укутанных и оставленных в печи, чтоб не остыли. Заглянул за шторку, где трудно дышала супруга. Хотел ей сказать, что идет на ночное дежурство, но не стал. Супруге в последнее время ни до чего не стало дела. Доктор говорит, недолго ей осталось. Раньше Прокофий всё плакал, а теперь думал: скорее бы отмучилась. Устал он очень.

Печально вздыхая, надел шинель, обмотался башлыком. Ночью уже холодно, лед на лужах. Укутываясь, вспоминал, какая Соня была востроносенькая и смешливая, когда поженились. Да и он был не заплесневелый огрызок, как нынче. Тому сорок пять лет был Прокофий Матвеевич честолубив, выучился передовой науке — курсивной стенографии. Всему Могилеву на удивление записывал за начальством

любые речи, ни словечка не перепутает. Единственный был на всю губернию, нарасхват. Иной месяц по двести целковых заколачивал. Это сейчас, когда из-за войны деньги обесценились, двести рублей немного, а тогда-то, да в городе Могилеве — ого-го. Думал Прокофий, что стенография только начало, еще много чему он научится, высоко взлетит, но жизнь-матушка отвлекла тысячью своих забот. Так на протяжении трех царствований и чертил закорючки.

А что, плохо разве прожил? Не хуже прочих. Правда, деток им с Соней Бог не дал, так оно и к лучшему. Сейчас, если б сыновья, на фронте бы погибли. А были б дочери — вдовели бы. Без детей лучше.

На улице дул ветер. Темно. В прежние времена ни души в такую пору не встретишь. А сейчас не успел Прокофий от дома отойти — извозчик. Эти от Ставки еще лучше, чем стенографисты, кормились. Офицерам всё некогда, и платят не торгуясь.

— Стой, стой! — закричал Прокофий. — Мне в гарнизонную тюрьму. Только не с главного подъедешь, а сбоку, где лазарет. Знаешь?

Длинный сутулый возчик молча кивнул с козел.

— Полтинник, больше не дам. Тут ехать-то.

На случай ночной смены стенографистам полагалось по два рубля разъездных: рубль туда, рубль обратно. Сказав про полтинник, Прокофий Матвеевич был готов подняться еще на четвертак, но не более. Надо ж и свой интерес соблюсти. Но квельый мужик спорить не стал.

— Карашо.

Литвин, наверно. Или латыш. Их сюда много на приработки понаехало.

— Да ты точно тюрьму-то знаешь?

— Снаю, снаю. Задись.

Отыскал!

Чертова камер-лакея Алексей проискал больше двух часов. Всю прислугу старший буфетчик увел на склад, запастись продуктами для завтрашней поездки. Поэтому Федора поручик нашел уже далеко за полночь.

Тот долго не мог взять в толк, чего от него добивается офицер. Потом понял, да не сразу припомнил.

— Утром вы самовар на тележке катили. Помните?

— Возможно-с. Не один раз в день приходится.

— В начале десятого. Я вас еще спросил про господина Сусалина. Вы сказали, что он зашел на секунду в свое купе и тут же вышел.

Лакей почесал внушительную бакенбарду.

— Виноват. Что-то...

— Это очень важно! Напрягите память! Вы точно видели именно Сусалина? У него дверь вечно открыта, мог войти кто угодно.

— А-а... — В туповатых глазах слуги наконец мелькнули огоньки. — Вот теперь вспомнил. Так точно-с. Господин начальник пресс-службы к себе вошли — и сразу назад в коридор, в незамедлительности.

Романов облегченно вздохнул. Вопрос императора заставил его усомниться — ведь они с Назимовым не видели, что бумажку выкинул именно Сусалин, да и лакей мог ошибиться: увидел в купе кого-то, не пригляделся как следует и ляпнул. Но сейчас Федор говорил вполне уверенно. Раз он видел Сусалина входящим и потом выходящим, ошибка исключается.

— Вошли они одни, а вышли обои-с, — уже отвернувшись, услышал поручик.

— Что?! Как это «обои-с»?

Камер-лакей хлопал глазами — удивлялся, чего это офицер так дергается.

— Так ведь их же там, в купе то есть, ожидали-с.

— Сусалина в купе кто-то ждал?

— Про это и толкую-с.

Романов схватил мямлю за рукав:

— Кто, черт бы вас драл?! Кто там был?

Палец в белой перчатке ткнул на дверь купе № 5:

— Они-с. Господин барон.

— Штернберг?!

— Господин барон их в ихнем купе дожидались, а как они пришли, тут они оба и вышли-с. Незамедлительно. А что такое-с, коли позволите спросить?

— Ничего, — деревянным голосом ответил Романов. — Идите себе и помалкивайте. О нашем разговоре никому.

Федор наклонил голову с блестящим пробором:

— Болтать не приучен-с. Такая служба.

У Алексея дрожали пальцы, когда он доставал из портсигара папиросу. Из-за дурацкого недоразумения... Нет, из-за недостаточной добросовестности чуть не случилась роковая ошибка!

Шпион — не журналист, а камергер!

Зная о привычке Сусалина выкидывать из окна бумажный мусор и воспользовавшись тем, что к пресс-атташе можно входить запросто, Штернберг бросил из третьего купе в условленном месте послание. Здесь вернулся Сусалин, но у Штернберга наверняка было заготовлено какое-то объяснение, и подозрений не возникло. Они вместе пошли куда-то. Даже ясно куда — в сторону первого вагона. Иначе столкнулись бы с Алексеем, который шел от противоположного тамбура.

Значит, Штернберг...

Но каков помазанник Божий! Одним простым вопросом прочистил мозги.

В тюремном лазарете

Ко входу подъехала коляска. Остановилась прямо возле будки, в которой бдил часовой-жандарм. В скучное ночное время служивый был рад всякому развлечению. Он внимательно смотрел, как вылезает, побряхтывая, седок в мятой чиновничьей фуражке, как расплачивается с молчаливым возницей.

— Ходиль-ходиль! — прикрикнул извозчик, нерусский человек, на лошадку.

Увидав, что ночной посетитель шагает прямо к будке, часовой достал фонарик и долго, обстоятельно изучал документ.

Документ был в порядке. Разовый пропуск на имя стенографиста, подписан господином начальником тюрьмы, с печатью. Внутри, на контрольном пункте, где хороший свет, проверяют еще раз.

— Проходите.

У караульного начальника пропуск тоже сомнений не вызвал.

— Что-то не видал вас раньше, господин Башмачкин, — сказал вахмистр, возвращая бумагу с фотографической карточкой.

— Первый раз я, — охотно объяснил суетливый, траченный жизнью чиновник. — Я при суде губернском вообще-то состою. Кузьменко Прокофий Матвеевич приболели, так я вместо них. Лишняя копеечка когда ж помешает?

— Это само собой.

Еще раз про копеечку и приболевшего Кузьменко новенький объяснил в спецкамере, принимая смену. Уходящий стенографист хорошо знал Прокофия Матвеевича и обеспокоился его хворобой.

— Почечуй, — объяснил словоохотливый Башмачкин. — Так

скрутил — ужас.

— А я думал, опять подагра.

Сменившийся коротко объяснил, что нужно делать, попрощался с охранником и поехал домой спать. На прощанье порадовался:

— Хорошо, отчет писать не надо. Этот только мычал, всего пару слов внятных произнес. Вот, я зарегистрировал. Может, вам повезет больше. Ну, счастливо. Еще свидимся. Коли вам в секретной части допуск дали, будете сюда часто наведываться.

Новичок стал устраиваться на рабочем месте. Стопку бумаги выровнял, чернильницу понюхал, ручку и запасные перышки достал собственные — казенными не польстился. Потом обеспечил уют: выложил на стол сверток с провизией, термос и яблоко-антоновку.

— Люблю, знаете, в чаек построгать, — сказал он охраннику, который наблюдал за обстоятельным человеком с одобрением. — Не желаете? Горяченький.

От горяченького чайку охранник отказываться не стал. Инструкция этого не запрещала, а смена у него была до шести, долго еще.

Быстро перешел с легким собеседником на «ты», разговорились. Башмачкину было интересно разузнать про арестанта: кто он такой, весь перевязанный да закованный, и какая от него секретная польза.

— Пользы пока что никакой, — коротко ответил охранник. — Но, может, еще будет. Твое дело — слушай да записывай.

А про арестанта, что за фрукт, ничего рассказывать не стал. Инструкция запрещала.

— Чай у тебя духовитый. С травами, что ли?

От бессонной ночи у агента начинала кружиться голова. Чтоб не сомлеть, лучше всего разговаривать.

— С морфей-травой.

— Что за трава такая?

— Полезная. От всех болезней лечит.

Охранник расстегнул ворот. Ишь, натопили — задохнешься.

— Так уж и от всех.

— От всех, — убежденно молвил Башмачкин, начиная двоиться и расплываться. — Выпьешь — и никогда больше болеть не будешь... Да ты подремли, подремли. Если что, я тут.

— Не положе... — пробормотал охранник, обмякая на стуле.

Но не дремали охотники...

— Принесли?

Романов поднялся навстречу Назимову. Полковник вернулся из кадрового управления, где хранились личные дела всех сотрудников.

— Дежурный телефонировал начальнику, начальник приехал, лично открывал сейф. У них там санаторий, по ночам работать не привыкли. Однако вот, добыл. — Георгий Ардальонович помахал канцелярской папкой. — Сейчас сами увидите. У вас тут что?

Поручик оставался в вагоне — вел личное наблюдение за Штернбергом.

— Звонил лакею, требовал чаю. Я заглянул. Пишет что-то. Один раз выходил в уборную. Больше ничего.

О завтрашней поездке было уже объявлено, и в вагоне никто не спал, кроме генерала Дубовского, — этот, вернувшись от государя, сразу завалился и храпел так, что из коридора слышно. Сусалин что-то печатал, Штернберг заперся составлять телеграммы, фрейлина Одинцова музицировала в салоне. От полковника Алексей знал, что перед отъездом всегда так. Все равно не уснешь: на перроне суета, гам, что-то грузят, проверяют колеса — прежде рассвета не утихнет.

Назимов плотно закрыл дверь. Сели бок о бок, погрузились в изучение. Дочитав страницу, полковник спрашивал: «Переворачиваю?» Алексей кивал.

Штернберг состоял в министерстве двора двадцать лет, много раз перемещался из одного ведомства в другое — служил то по шталмейстерской части, то по егермейстерской, то по геральдической. Надо полагать, что о внутренней жизни российского императорского двора германцы были осведомлены всесторонне.

— Ну что? — подытожил Назимов. — Во-первых, настоящий немец, не только по фамилии. Лютеранского вероисповедания. Во-вторых, учился в Гейдельберге. В-третьих, имеет в Германии родственные связи. В-четвертых, перед войной неоднократно ездил туда на воды.

Поручик, выписывая что-то на листок, пожал плечами:

— Немцев у нас полно, в том числе и лютеран. Я недавно смотрел статистику по Петрограду. Больше десяти процентов столичного населения — лютеране. В Германии тоже много кто учился. Ну а уж насчет немецких родственников... Тогда, простите, нужно начинать с государя императора. А заграничные поездки я сейчас выпишу, со всеми датами. Нужно будет отправить в Петроград для проверки. Думаю, в любом случае завтра утром всё станет ясно.

— Когда он перед отъездом будет отправлять телеграммы? —

понимающе кивнул Назимов. — Штернберг посылает их целую пачку. Идеальное прикрытие для экстренной связи. В восемь, за час до отправления, я объявлю порядок следования поездов. Он должен передать эту информацию сообщникам. Перехватим депешу, выявим адресата — и тогда господина камергера можно брать. Конец операции. По-моему, недурно.

Офицеры поглядели друг на друга и хищно улыбнулись.

— Так что, Георгий Ардалионович, ждем до утра? За это время, возможно, и связной в лазарете что-нибудь полезное набредит.

Не набредит

Охранник мучительно всхрапывал, перемещаясь из царства Морфея в царство Аида. Зепп на него не оглядывался. Такая у человека служба. Давал присягу живота не жалеть, так не кряхти.

Вот связного было жалко. Крепкий орешек. Мог бы еще пригодиться, но не повезло парню. Хорошо бы узнать, на чем он попался. Не подставил ли Шаркуна, агента из литерного?

Днем тот был еще цел, прислал по дублирующему каналу подтверждение насчет 9 часов. Если Шаркун сгорел — беда. Никакой телеграммы завтра не будет, акцию придется отменять.

Теофельс потряс раненого за плечо, ударил по щеке. Голова мотнулась, приоткрылись мутные глаза.

— Это я, — сказал Зепп. — Всё в порядке. Пришел вас спасти.

Не слышит. Оскалил зубы, с ненавистью пролепетал:

— Помазанник, мать его... Шею... шею свернуть...

И отключился. Не достучишься.

Про «шею» он бредил и при стенографисте. Вон на листке написано:

«Шею... Как курице... *Нрзб.*»

Хорошо про помазанника не сболтнул, а то сразу наострили бы уши.

Ладно, делать нечего.

Майор достал шприц, зажал раненому рот, чтобы не вскрикнул, и сделал инъекцию — можно сказать, избавил страдальца от мук, а себя от проблемы.

До конца смены сюда вряд ли кто-нибудь сунется. Когда войдут — обнаружат два трупа. На подозрении некий Башмачкин, покинувший

дежурство якобы по срочному вызову. Понятно, что немецкий агент — зачистил концы, обычное в разведке дело. Только где его, Башмачкина, искать?

Отменят из-за такого пустяка поездку императора в штаб Юго-Западного фронта? Навряд ли. Ничего кроме смутных подозрений у полковника Назимова нет и быть не может.

Всё. Теперь только дождаться телеграммы.

«Я обязан свой долг любить»

Глухой ночью в двух поездах, стоявших на соседних путях, горели окна. Из второго вагона литерного «Б» доносились звуки пианино, приглушенные хитрыми стеклами, и удивительной красоты мужской голос пел трогательное, не совсем понятное:

Я обязан свой долг любить
Беззаветней, чем наш союз.
Мономахов венец носить —
Богоданный, но тяжкий груз...

Это был романс, сочиненный Татьяной Олеговной Одинцовой ко дню тезоименитства императрицы. Поскольку пелся он как бы от имени августейшего супруга, Алексей долго отказывался исполнять песню. Но мелодия была красивая, слова о печалях царственной любви грустны, а взгляд Татьяны Олеговны проникновенен, и в конце концов поручик взял партитуру, запел в четверть силы.

Настроение у Романова нынче было особенное. Приподнятое в предвкушении удачной охоты и в то же время какое-то томительное. Должно быть, поручик несколько разнежился от галантерейной жизни в мягком купе, от чистых простыней да лейб-буфетного питания. Или, возможно, дело было в Одинцовой. Несколько месяцев Алексей не пел, не садился к инструменту. Конечно, и некогда было, но дело не только в этом. Казалось, железа души, что ведает музыкой, перестала вырабатывать свою волшебную секрецию.

Но заглянул Алексей в салон на тихий перебор клавиш — Татьяна Олеговна напевала про отцветшие хризантемы, — и что-то в груди шевельнулось. Подхватил. Она изумленно подняла на него глаза,

замолчала, но движением головы, взглядом попросила продолжать. Романов кончил про хризантемы, спел про лунную ночь. На ресницах фрейлины заблестели слезы. От долгого неупотребления баритон несколько одеревенел, в нем проступила непозволительная хрипотца, но, судя по лицу Одинцовой, голос не утратил власти над женским сердцем.

Среди всякого прочего, страшного и гадкого, война научила Алексея одному важному навыку: сполна жить настоящим моментом, ибо завтрашний день может не настать. Покойная ночь, уютный свет лампы, хорошее пианино и милая, умная, всё понимающая женщина. Это ль не подарок судьбы среди грязи, смерти и ужаса?

Оказывается, внутренняя музыка в Алеше не умерла. Она просто затаилась, дожидаясь возвращения к нормальности.

Глядя на блестящие слезами глаза фрейлины, на ее вздымающуюся грудь, Романов подумал, что иметь дело нужно только с людьми, которых волнует музыка, а на всех прочих нечего тратить себя и свою жизнь.

Спел он Татьяне Олеговне про Мономахов венец, она поблагодарила и стала мечтательно говорить о блаженном времени, когда наконец прекратится война и мир начнет выздоравливать от безумия.

— Вы станете знаменитым певцом, будете концертировать по всему свету. Люди так устанут от горя и уродства, что всей душой потянутся к прекрасному. Им захочется радости и красоты. Вам будут устраивать оваии, забрасывать цветами. В вас будут влюбляться прекрасные женщины...

— Как вы? — лукаво спросил он, любуясь ею.

Одинцова улыбнулась:

— О нет, совсем молодые. Хризантемы, которые еще не отцвели.

Оставить это заявление без опровержения было бы неучтиво. Он наклонился, поцеловал ей руку.

— С вами интереснее.

Татьяна Олеговна ласково высвободилась и легонько, без кокетства, толкнула офицера в лоб:

— Не комплиментничайте. Лучше пойте.

В полусумраке она казалась молодой и обворожительной.

Ну, петъ так петъ.

— Что вы так коварно улыбаeтeсь? — засмеялась Одинцова.

— «Furtiva lagrima», — объявил поручик вместо ответа. — Сможете аккомпанировать? Тогда я встану.

Она наивно заиграла вступление, не чувствуя ловушки.

А дело в том, что, если эту арию классического тенорного репертуара

исполнить медовым баритоном, тут растает всякая женщина, даже наистрожайших правил. Если же не растает, то это никакая не женщина.

Татьяна Олеговна оказалась женщиной самой что ни на есть настоящей. Едва злоумышленник допел первую строфу, фрейлина уронила руки на клавиатуру и опустила голову.

— Знаете, — сказала она странным голосом, — когда я была молодой, мне ужасно хотелось полюбить. Один раз и на всю жизнь. Девушкой я не позволяла себе ни в кого влюбляться — боялась растратиться на пустяки. Но тот, кого я ждала, мне не встретился. Может быть, я его не разглядела. Или круг общения был не тот. А потом я перестала ждать, и оказалось, что так даже лучше. Не ждать того, кто придет и всё изменит, а жить сама по себе...

Как тут было удержаться? Алексей опустился на колени, взял ее кисть, прижал к губам. Теперь Одинцова руки не отняла, ее пальцы задрожали. Поручик приподнялся, чтобы обнять фрейлину за плечи — но она нежным движением коснулась его лица. Вроде бы погладила по щеке, но в то же время и остановила.

— Погодите. Сколько вам лет?

— Двадцать пять, — сглупил Романов.

— О боже! — Татьяна Олеговна вскочила, будто обжегшись. — Я надеялась, хотя бы тридцать! Вы выглядите старше. Нет-нет, Алексей Парисович, это совершенно невозможно.

Он снова потянулся к ней, но и сам увидел, что момент упущен. Одинцова поправила платье, рассмеялась.

— Грех вам. Чуть не погубили старую деву брачной трелью соловья. — Посмотрела на часики. — Ах, половина четвертого! Спать, спать... Наверное, после такого не уснешь. Но всё равно. Слишком поздно.

Последние слова она произнесла с особенным выражением, словно желая подчеркнуть их двойной смысл. Погрозила пальцем, ушла.

Алексей весело поклонился вслед.

«Ничего не поздно. Наоборот, рано. Вот завершу операцию и займусь вами, сударыня, всерьез. Вы еще не слышали, как я пою элегию Массне».

Хронометраж

8.00

Назимов обошел все купе и сообщил, что литерный «Б» отправляется

в путь первым, ровно в девять часов, однако в целях дополнительной безопасности, достигнув сортировочной, встанет на запасной путь и пропустит императорский состав. Таким образом, порядок следования на сегодня следующий: впереди поедет поезд «А», за ним с получасовым интервалом — поезд «Б».

— Как отреагировал объект? — спросил Романов.

— Загорчал. Сказал, что раз мы вторые, так могли бы и отправиться не в девять, а в половине десятого. У него было бы время написать еще несколько телеграмм.

— Так прямо и сказал?

— Да. Я говорю: «А вы поспешите. Еще целый час». Он закрылся в купе.

Оба офицера были на ногах с шести, когда из тюрьмы пришло сообщение об убийстве связного и охранника. Германский агент проник в лазарет под видом стенографиста. Настоящий стенографист наверняка тоже убит.

Чёткость и безжалостность, с которой противник зачистил концы, лишний раз подтвердила: дело затевается большое, с подключением серьезных ресурсов, а осведомители у немцев буквально повсюду.

Азартное нетерпение, с которым Алексей ждал сегодняшнего утра, сменилось тревожным ожиданием.

Вражеский меч занесен. Единственный шанс предупредить удар — перехватить донесение Штернберга и взять адресата.

В коридор выглянул придворный летописец. Он был оживлен и румян — видно, уже успел опохмелиться.

— На фронт, на фронт! — прогудел генерал. — Запах пороха для старого боевого коня слаще фимиама!

8.19

Сегодня в коридоре возился не электрик, а обойщик. Вчера, возвращаясь от государя, генерал Дубовский пошатнулся и зацепил пуговицей обивку. Невообразимо, чтобы в вагоне Особого Железнодорожного Отряда из стены торчал кусок ткани. Мастеровой человек с рассвета был занят тем, что менял целую панель. Хоть и торопился, но было ясно, что еле-еле успеет до отправления.

К пятому купе подошел камер-лакей. Его уже целую минуту вызывали звонком.

— Дозволите войти, господин барон?

Хмурый господин в бархатной куртке, блеснув стеклышками пенсне, протянул папку.

— Опять заставляешь ждать, Федор? Вот, нынче семь телеграмм.

— Полчаса еще, сударь. Даже больше. Успею-с.

Обойщик цепким взглядом проводил лакея. Подождал, пока за бароном закроется дверь. Побежал докладывать.

8.26

Телеграфов на вокзале было целых три: гражданский — для обычной публики, армейский и еще особый, исключительно для нужд свиты его величества.

Камер-лакей, важный в своей расшитой позументами ливрее, проследовал в отдельное помещение, где чиновник военно-почтового ведомства принял от него депеши, зарегистрировав их под номерами в книгу, но отнюдь не распечатывая. Все сообщения из ОЖО считались закрытыми. Их содержание мог знать лишь дежурный телеграфист, помещавшийся в режимной комнате, у того был секретный допуск.

— Вот, Степан Иванович, — объяснил Федор, — эта стопочка от барона Штернберга, эта вот депеша от его превосходительства генерала Дубовского, и еще телеграммка от фрейлины Одинцовой.

— Всего, стало быть, девять, Федор Гаврилыч? Обождите. Сейчас передам на пункт и принесу квиточки.

Такой был порядок: за каждую депешу, принятую к отправке, телеграфист выдавал номерную квитанцию.

8.36

Как только чиновник из приемного отдела ушел, забрав у секретного телеграфиста квитанции, из-за шторы вышли два офицера, полковник и поручик.

— Дайте-ка.

Жадно стали перебирать телеграммы.

— В министерство, в министерство, в Царское, в министерство, обер-гофмаршалу, — бормотал Назимов. — Ага, две частных. Это, между прочим, противоречит правилам. Телеграммы личного характера положено отправлять с обычного телеграфа. Но многие, конечно, пренебрегают.

Дубовский вон тоже какую-то даму с днем ангела поздравляет.

— Черт с ним, с Дубовским, — непочтительно пробормотал поручик. — Позвольте, Георгий Ардалионович...

Однако Назимов не позволил. Желал прочитать сам.

— В Ревель, какому-то господину Брауде: «Встреча откладывается тчк Отпуск обещают не раньше Рождества. Штернберг». Вторая в Москву, некоему Липицкому: «Прежние указания отменяю тчк Ситуация изменилась». Вам, Алексей Парисович, которая больше нравится?

— Обе. Нужно срочно сообщить в ревельское и московское жандармские управления. Взять получателей в немедленную разработку. Кто-то из них должен переслать сообщение ударной группе. Скорее всего Липицкий — ему до востребования, а значит, он наверняка уже ждет на телеграфе.

— Отлично. Как считаете, Штернберга уже можно брать?

— Давайтеждемся ответа на запрос из Петрограда. Вольноопределяющийся, не было на имя господина полковника срочной депеши из Охранного?

— Пришла бы — сразу бы сообщил. Разве я не понимаю? — с достоинством ответил телеграфист.

— Ничего. До отъезда не поступит, догонит нас на сортировочной. — Назимов поглядел на часы. — Раз в Петрограде тянут, значит, что-то зацепили.

8.37

Покончив с казенным делом, Федор Гаврилович и Степан Иванович, давние знакомые, позволили себе немного поболтать.

— Отбываете? — спросил почтовый.

— Едем. На фронт.

— Ну, храни Господь.

Федор перекрестился, полез в карман ливреи.

— У меня, Степан Иваныч, еще просьбочка будет, очень обяжете. Не поспею я на обычный телеграф, а очень нужно поздравленьице отправить. Вот-с. — Он положил на стойку листок. — У брата старшего день рождения. Не откажете?

— Как можно.

Чиновник взял бумажку.

— Только мне побыстрее бы. Очень хочется братца с утра пораньше

обрадовать.

— Прямо сейчас и схожу. Да не в окошко, а прямо на аппарат, к Пал-Семенычу. Еще прежде казенных дойдет. — Степан Иванович поглядел на адрес. — В Жлобине братец-то проживают? Что ж вы до востребования, не на домашний?

— Мальчонка его, племянник мой, с утра весточки ждет. В заговоре мы с Петькой, — добродушно улыбнулся Федор Гаврилович.

— А-а. Жалость какая — будете через Жлобин проезжать, а проведать родственников не получится. Ну, счастливого вам пути.

— Благодарствуйте. Я вам из фронтового штаба зажигалку привезу. Там писарь один из пулеметных патронов делает — заглядение.

9.00

В ту самую минуту, когда литерный поезд, пыхтя дымом, отъезжал от платформы могилевского вокзала, на телеграфе городка Жлобин, расположенного в ста двадцати верстах южнее, молчаливый человек принял срочную депешу. Не разворачивая, спрятал в карман. Вышел на улицу — отдал поджидавшему господину в железнодорожной тужурке.

«Антоша благослови тебя Господь тчк Буду девятого», — прочитал путеец. — Превосходно!

— Антоша плагослови? — повторил его долговязый помощник.

— Это значит, что литерный «А» идет первым. В кои-то веки повезло, задача упрощается. Время отправления не изменилось — в девять. У нас три с половиной часа. Пора, пора, рога трубят!

— Какие рога? — подумав, спросил Тимо.

11.10

Под Могилевым на сортировочной стояли больше получаса, но телеграммы не дождались. Полковник связался с генералом Глобачевым, начальником петроградского Охранного отделения. Тот сказал, что люди сбиваются с ног, но поступили еще не все сведения. Твердо пообещал, что донесение подоспеет к первой же остановке литерного. И не обманул.

На станции к вагону рысью подбежал жандармский офицер, передал спрыгнувшему с подножки Романову запечатанный пакет.

Полковник впился глазами в телеграфные ленточки, наклеенные на лист бумаги.

— Здесь сразу два отчета. Первый об адресатах Штернберга. В Ревеле задержан человек, именующий себя статским советником Брауде. Допрашивают. В Москве на телеграфе взят присяжный поверенный Липицкий. Лучше бы, конечно, их не арестовывать, а установить слежку, но нельзя рисковать. Деша ни в коем случае не должна попасть к диверсионной группе. Теперь уж точно не попадет... Так, что во втором отчете? — Взял следующий листок, вчитался, обрадованно воскликнул. — Ага! Коллеги не зря тянули с ответом. Вот теперь, Алексей Парисович, мы потолкуем с господином Штернбергом по душам и начистоту.

11.15

Участок, выбранный для проведения акции, был очень похож на то место, где проводили репетицию. Только не разнолесье, а сплошной ельник, но эти ботанические частности значения не имели. Главное, железная дорога изгибалась точно такой же, даже более крутой дугой. Это обеспечит еще лучший угол наклона, а дозорные из оцепления уж точно не будут видеть своих соседей.

«Трудно в учении — легко в бою», — учил граф Суворов-Рымникский. У Теофельса было приятное предчувствие, что сегодняшняя операция пройдет еще глаже, чем вчерашняя тренировка. Благодаря чудесному подарку Фортуны, «Антоша» шел первым, а значит, Балагур с Тимо смогут заменить болты без спешки, в количестве более чем достаточном.

Все уже давно были на местах. Скоро должны прибыть жандармы оцепления. Но снимать часовых не придется — еще одна поблажка судьбы. «Интернационал» вступит в действие, если кого-то из солдат пощадят обломки крушения.

Боевики разбились на пары. По случаю премьеры все четверо были в сценических костюмах: в жандармской форме и с винтовками.

Что Вьюн?

Стоит под деревом, в тулупе до пят. Немножко дрожит — то ли от холода, то ли после вчерашнего «белого гуся». Во всяком случае не от нервов.

Насчет исполнителя заглавной роли режиссер был спокоен. Этот не подведет.

11.35

Через двадцать минут маневровый паровозик, на малой скорости идущий от ближайшей станции, потянул через лес две открытые платформы, которые густо щетинились штыками. Люди в шинелях и круглых шапках поочередно поднимались, ждали команды.

— Поше-ел!

Один ловко, привычно спрыгивал на шпалы, отбегал и застывал на месте, пока что по стойке «вольно». Через сто метров точно так же спрыгивал следующий. Дорога, еще недавно пустынная, на глазах обрастала бордюром из живых серо-голубых столбов.

Там, где железнодорожное полотно делало изгиб, с внутренней его стороны, мужик в драном ватнике и треухе ковырял ломом пень. Рядом, у тележки, торчал подросток в длинном тулупе — складывал куски дерева в тачку.

Оба повернулись поглазеть на чудной поезд. Дядька почесал подбородок и снова взялся за работу. Парнишка зевнул, отвернулся. Шапка у него была нахлобучена на самые глаза.

Маленький состав прогрохотал мимо. Спереди к паровозу была прицеплена тележка, и два техника, свесившись вперед, внимательно смотрели на рельсы и шпалы. Ничего подозрительного не заметили, покатили себе дальше.

— Поше-ел!

В десяти шагах от собирателей топлива с грохотом приземлился усатый жандарм.

Оправился, подошел.

— Эй, мужичье! Вы чего тут? Не положено!

Крестьянин замычал.

— Немой, что ли?

Солдат замахал в сторону леса:

— Вали отсюда, вали! Нельзя! Малый, веди отсюда тятку!

Подросток дернул мужика за рукав. Они вместе взяли тачку, отволокли на полсотни шагов в чащу, затрещали там валежником.

Служивый поглядывал на них строго прищуренным взглядом, но не забывал смотреть и вокруг. Согласно инструкции, до приближения литерного стоять полагалось сверху, на насыпи, чтобы вести наблюдение в обе стороны, а при появлении паровоза надлежало сбегать влево и, развернувшись к дороге спиной, взять на караул. «Влево» в данном случае обозначало внешнюю сторону дуги, так что остаться в живых у дозорного шансов не было, но он о том знать не мог и браво постукивал затекшими от долгого сидения ногами.

Зепп повел биноклем вправо — соседний постовой угадался по блику на штыке, мелькнувшему меж ветвей. Левого разглядеть не удалось. К моменту подхода поезда, когда солдаты спустятся с насыпи, майор собирался переместиться ближе к железнодорожному полотну. Оттуда обзор будет лучше.

Расчетное время прибытия поезда было половина первого, плюс-минус.

12.10

На лбу у камергера, под свесившейся прядью, блеснули капли пота. Барон в сотый, наверное, раз попытался приподняться — и был усажен обратно. На диване с обеих сторон за ним бдили конвоиры.

— Вы сошли с ума! — закричал Штернберг, хотел взмахнуть руками — но был взят под локти и только заизвивался. — Сколько раз повторять: никаких бумажек я в окно не бросал! Я — шпион? Как вы смеете! Я буду жаловаться графу Фредериксу! Он знает меня двадцать лет!

Драматическая сцена длилась уже почти целый час, но Назимов особенно не торопился. Главный козырь он пока приберегал.

— Напрасно упираетесь. Ваши телеграммы перехвачены. Связной арестован. Операция не состоится. Кстати, в чем именно она заключалась?

— Какая операция? Хирургическая? — валял дурочку упрямый камергер. — Ничего не понимаю! Что такое «связной»? Кого еще вы арестовали? Тоже ни в чем не повинного человека, вроде меня?

Алексей в допрос не вмешивался. Сидел тихо, присматривался к изменнику. На данном этапе самое важное — не промахнуться с психологическим подходом. Для этого необходимо правильно определить мотивы предательства. Из-за чего аристократ, носитель высокого придворного чина, пошел на сотрудничество с врагом? Из-за денег, из-за убеждений или из-за чего-то иного? Пока ответ был неочевиден.

Полковник разогнал ладонью табачный дым, плотно клубившийся в тесном купе. Поезд мчался на курьерской скорости, за окном тянулся нескончаемый хвойный лес.

— Да, один из задержанных, вероятно, ни при чем. Зато второй — наверняка исполняет роль связного. Который — статский советник Брауде из Ревеля или адвокат Липицкий из Москвы?

Романов ждал реакции барона: как он себя поведет, когда эти имена будут названы?

Штернберг удивился.

— Сергей Брауде — муж моей сестры Аделаиды. Липицкий — мой поверенный в делах! Конечно, я нарушил правила, когда отправил личные депеши вместе с казенными. Но это не повод для ареста! А уж Брауде с Липицким точно ни в чем не виноваты!

Тогда Георгий Ардалионович вопросительно поглядел на контрразведчика: не пора? Алексей кивнул.

— Вы мне надоели, Штернберг. — Назимов взял со стола петроградскую телеграмму и личное дело камергера. — О вас был сделан срочный запрос в надлежащие инстанции. Из Корпуса пограничной стражи дали любопытную справочку. В тринадцатом и четырнадцатом годах вы шесть раз пересекали границу с Германией, по частному паспорту. А между тем ни ваше начальство, ни ваши сослуживцы об этих поездках ничего не знают. Из Охранного отделения протелефонировали вашей супруге Марии Карловне. Она сказала, что в Германию вы ездили по служебным надобностям. Что ж это за командировки, о которых в вашем формуляре нет никаких упоминаний?

И здесь сразу стало ясно, что противник сломлен. Черты барона исказились ужасом.

— Они... они сказали Маше, что это были не командировки?! О боже...

Он простонал, закрыл лицо ладонями, но конвоиры немедленно водворили руки на место — не положено.

Полковник подмигнул поручику: «Как я его? Сейчас птичка запоем».

Птичка запела, да не про то.

— О-о-о... — У Штернберга на белесых балтийских глазах выступили слезы. — Что вы натворили! Теперь все кончено! Вы разбили мою семью!

— При чем здесь семья? — не мог понять Назимов, а Романов сдвинул брови. Что-то здесь было не так, совсем не так.

— Да, у меня связь в Баден-Бадене... Давняя... — обреченно повесил голову барон.

Георгий Ардалионович подбодрил его:

— Связь, так-так!

— Что «так-так»?! — Голос арестованного задрожал от отчаяния. — Что «так-так»?!

— Рассказывайте про связь.

— Это драма всей моей жизни! Любимая женщина. Я навещал ее. Втайне от всех. Жене говорил, что еду в командировку...

— Обычная история, не вы первый. Влюбились в даму, она оказалась

агентом германской разведки. Рассказывайте, рассказывайте.

Барон взорвался:

— Сами вы агент разведки! Она кельнерша в казино... У нас безумная, безумная любовь. Господи, что вы натворили! Вы погубили Машу! Она истеричка, она руки на себя наложит! У нас трое детей! Представляю, что сейчас творится дома! Что именно ваши болваны сказали Маше? Я должен знать дословно...

Не дослушав душераздирающих причитаний камергера, Алексей тихо поднялся и вышел в коридор.

Дверь сусалинского купе, как обычно, была нараспашку. Журналист, грызя мундштук папиросы, вставлял в каретку лист.

— Есть вопрос, — сказал с порога Романов.

— Сейчас не могу. Занят!

Пальцы борзописца запрыгали по кнопкам, по странице поползла строчка.

— Что вы делаете?!

Поручик выдрал лист, скомкал. Нависнув над сидящим, спросил сдавленным от ярости голосом:

— Отвечать! Зачем Штернберг дожидался вас в купе? Вчера утром. В начале десятого.

Пресс-атташе, кажется, понял: тут что-то важное. Взярошил волосы.

— Штернберг? Разве он у меня был? Вчера утром, говорите? А, помню. Вы еще в тамбур холоду напустили. Я тогда вообще к себе не заходил, прошел мимо. Мне нужно было в первый вагон. А в чем, собственно...

Но офицер только стукнул кулаком по ни в чем не повинной машинке и выбежал вон.

— Где лакей? — задыхаясь, спросил он у охранника, которому полковник велел стоять в коридоре. — Не видел?

— Который? Федор или этот, как его, плешивый...

— Федор!

— В шестом, у фрейлины. Чай подает.

12.18

— Алексей Парисович?

Удивленная внезапным, без стука, вторжением Одинцова подняла глаза и поразилась еще больше. Сладкоголосый певец, который минушей ночью

чаровал ее колдовскими песнопениями, обратился в дикого зверя: зубы ощерены, глаза горят бешенством, на лбу надулась жила.

Без единого слова поручик схватил камер-лакея за плечо, развернул к себе и ударом кулака сшиб с ног. С подноса полетели фарфор и серебро, опрокинулся самовар, а Федор рухнул на диван, закрыл голову руками — и вовремя, потому что избиение продолжилось.

— Гадина! — выкрикивал Романов, лупя то справа, то слева. — Подлая гадина! Это ты выкинул листок! Наврал про Сусалина, потом про Штернберга!

Маленькая рука ухватила его локоть.

— Что вы делаете?! Перестаньте! Он ошпарился!

Глаза у фрейлины сверкали, голос звенел.

— Простите. Тут такое... — неуклюже промямлил поручик.

Тряхнул головой, отгоняя яростную черноту. За шиворот поставил негодяя на ноги, завернул ему руку, выволок в коридор. Ближе всего был салон. Туда-то Романов и потащил изменника. Швырнул на тонконогую козетку, сам навис сверху. Вырвал из кобуры револьвер.

Мельком оглянувшись, увидел, что сзади стоят хлопающий глазами охранник и бледная фрейлина.

— Когда покушение? Где?

Кровь из разбитого рта пачкала Федору холеные бакенбарды.

— Двенадцать лет... верой-правдой... — всхлипывал он.

Поручик взвел курок.

— Говори! Убью!

— Не надо! — закричала Одинцова. — Ради бога!

Лакей зажмурился. Салон дрогнул от оглушительного хлопка, пуля высекла искры из стены, в нескольких вершках от головы лакея. Тот завизжал. Хрустнула подломившаяся ножка — Федор сполз на пол.

— Ваше благородие, здесь всюду броня! Отрикошетит! Опасно! — услышал Романов сквозь звон в ушах.

На выстрел вбежал Назимов с обоими конвоирами. Раз оставил камергера без присмотра, значит, уже понял — Штернберг ни при чем.

— Вот кто шпион, — кивнул Алексей на съежившегося у стены лакея. — Депеши на телеграф носит он. И утром тоже отнес. Наверняка отправил донесение. Пока мы тратили время на Сусалина, а потом на Штернберга, он сделал свое дело. Обвел вокруг пальца...

— Господин полковник! Вот как Бог свят! — закрестился Федор. — Ни в чем не повинен! Какое донесение?

— Это мы легко проверим. С первой же остановки свяжусь с

Могилевым и выясню. Пяти минут не займет. — Назимов поднял лакея за плечи, прижал к стене. — Отвертеться не удастся. Может, лучше сразу правду сказать?

Что-то в Федоре изменилось. Он уже не трясся. Был очень бледен и всё косил глазами куда-то вбок, но больше не блеял, заговорил твердо.

— Какой смысл? — Вытер губы, сплюнул. — За такие дела все равно виселица. И вообще...

— Что «и вообще»? — шагнул вперед Романов, пытаюсь понять, куда поглядывает предатель.

Полковник поднял руку: не вмешивайтесь, я сам.

— Как раз сейчас у тебя верный шанс спастись от петли, — сказал он. — Другого не будет. Выложишь всё начистоту — обещаю снисхождение.

Что-то не совсем понятное происходило с лакеем. С каждым мгновением он становился всё блее, а вместе с тем и тверже. Назимову криво улыбнулся:

— Снисхождение? За царя-то? Навряд ли.

На стенные часы он смотрит, вот куда, догадался Алексей.

— Предотвращение цареубийства может быть вознаграждено полным помилованием, — продолжал соблазнять Георгий Ардалионович.

Но Федор на него не смотрел, только на часы.

— Теперь уж ничего не сделаешь. Ихний состав первым идет. Не связетесь, не остановите. Крышка самодержцу всероссийскому. Меня повесят, это точно. А вас с поручиком под суд.

И хрипло засмеялся, сволочь.

У Алексея опять потемнело в глазах, что-то нервы стали ни к черту.

Кинулся к изменнику, схватил за горло.

— Мерзавец!

— Идите, Романов, погуляйте, — шепнул в ухо полковник. — Теперь нужен добрый следователь. Сейчас он мне всё скажет.

Тяжело дыша, Алексей вышел в коридор. Стал зажигать папиросу — сломал спичку.

Подошла Татьяна Олеговна. Строгим, не терпящим возражений тоном сказала:

— Зайдите ко мне. Я должна с вами поговорить.

Убрал он папиросу обратно в портсигар, вошел за ней в кукольное розовое купе.

— Алексей Парисович, вы вели себя чудовищно!

«Женщин на войну пускать нельзя, — думал Романов. — Только силу

отнимают».

— Татьяна Олеговна, ведь он изменник, германский шпион...

— Шпионы тоже люди, — перебила фрейлина.

— Вы же монархистка. Он царя хочет убить!

Одинцова всплеснула руками:

— Это не оправдание, чтобы бить испуганного человека. Тем более стрелять в безоружного! Вы же благородный человек, русский офицер...

12.28

Тимо размахивал ломом, крушил валявшийся на земле сук. Вьюн лениво складывал в тачку сухую щепу.

Жандарм покуривал, посматривал по сторонам — не столько на лес глядел, сколько на дорогу. Наверно, боялся, что командир пройдет по цепи и даст по шее за курение.

Вдруг бросил окурок. Сдергивая винтовку с плеча, сбежал на ту сторону насыпи.

А вот и царь-батюшка, догадался Зепп. Чуть раньше расчетного времени пожаловал. Секунд тридцать осталось ему царствовать, не больше.

Пора было выдвигаться на боевую позицию.

Теофельс побежал вперед, к заранее облюбованному укрытию: дереву, обломанному молнией на высоте человеческого роста. До железнодорожного полотна отсюда было всего полсотни шагов, но ствол защитит от обломков.

Тимо с Вьюном бросили свою тачку, тоже подтянулись к насыпи.

С каждым мгновением грохот становился громче, уж и рельсы завибрировали, загудели.

В это самое время...

— Все еще можно поправить, — задушевно втолковывал лакею Назимов. — Понимаете, душа моя, — он усмехнулся, — когда я утром объявлял о порядке следования поездов, я сказал неправду. Мы постояли на запасном пути не для того, чтоб пропустить вперед царский состав, а для маскировки. Литерный «Б» все равно движется первым. Государю ничто не угрожает. Вы только скажите мне, когда и где именно намечена диверсия, а уж я...

— Мы первые?! — закричал Федор. Уставился на часы. — Господи,

мы погибли!

Оттолкнул полковника, кинулся мимо опешивших охранников к стоп-крану и рванул его обеими руками.

Снова встретились

Крушение

Паровоз сначала замелькал темной торпедой среди серо-зеленых елей, потом вылетел на линию прямого обзора — и вдруг задержался, запрыгал на рельсах, будто невидимый всадник крикнул на него «тпру!» и натянул поводья. Из-под колес второго вагона посыпались огненные искры.

Кто-то нажал на стоп-кран!

Зепп обхватил руками ствол и закричал — за скрежетом все равно никто бы не услышал.

Но до фальшивых болтов было слишком близко. Состав едва начал притормаживать, когда туша паровоза, накренившись на повороте, достигла критического места. Рельсы один за другим полезли вкось, будто рассыпавшиеся гвозди. Сам локомотив с разбега проскочил; первый вагон хоть и скакнул, но тоже удержался, а вот второй, с намертво вставшими колесами, качнулся, оторвался, да и повалился на бок, увлекая за собой и последующие, и предыдущий.

— Есть! Есть! — заорал Зепп.

Рядом вопил и махал шапкой Балагур, которому вообще-то полагалось держаться позади майора. Вьюн задумчиво смотрел в небо. Тимо качал головой.

Железные коробки встали дыбом, полезли друг на друга, поезд изогнуло зигзагом, швырнуло на ту сторону. Развернуло и кинуло поперек трассы паровоз, взметнулось и лопнуло белое облако — даже на расстоянии лицо Теофельса обдуло горячим паром.

Обломков разлетелось гораздо меньше, чем от вчерашнего товарняка, — вероятно, из-за бронированности вагонных корпусов.

Через несколько секунд пустая насыпь ежилась вывернутыми рельсами, над ней клубилась пыль. Был литерный поезд, да сплыл.

— Живей, пока не набежали! — крикнул Зепп.

Но Тимо с Вьюном уже мчались вперед. Юркий китаец скинул тулуп, в своем черном трико он был похож на комарика.

Отстав от передней пары шагов на двадцать, Зепп с Балагуром

вскарабкались по гравию к шпалам.

Майор быстро огляделся, оценивая обстановку.

Крушение было высококачественное, первоклассное. Вагоны, несмотря на хваленую броню, валялись сильно помятые, два — вверх тормашками. После ужасающего грохота и треска стало очень тихо. Только жалобно свистела струя пара, вырывающаяся из пробитого котла, да откуда-то из-под груды железа доносился слабый стон. Даже удивительно, что в этой каше кто-то еще жив.

Часовых оцепления, естественно, передавило. Пока остальные опомнятся, да подтянутся, дело будет кончено.

Для лучшего обзора Зепп влез на тендер поверженного паровоза. Метрах в ста от места аварии метался и размахивал руками жандарм.

— Не подходи! — зычно крикнул ему майор. — Беги за офицером!

Балагур, тоже одетый в железнодорожную форму, должен был точно так же отослать солдата у хвоста поезда. Пригодится каждая выгаданная секунда.

Пара минут Вьюну уж точно обеспечена, тем более что махать ломом усердному Тимо не придется. Земля была вся усеяна стеклянными катышками. Не выдержали пуленепробиваемые стекла — влезай в любое окно.

А коли мастеру мануальной терапии не хватит времени — вставай, проклятьем заклеяменный. «Интернационал» наготове, ждет команды.

Китаец прыгал возле окна — второй вагон перевернулся колесами кверху, и нормальный человек влез бы без труда, однако недомерка пришлось подсаживать. Тимо исполнил это в секунду.

Маленькая фигурка исчезла в черной дыре.

Вверх дном

Романов всегда подозревал, что тот свет устроен совсем иначе, чем учит церковь и воображают люди. Что Алексей мертв, было ясно. Невозможно остаться в живых после того, как тебя швыряет и перемалывает, словно зернышко в мельничных жерновах, а после вышибает дух.

Открыл он глаза и сразу сказал себе: «Я умер». Умирать было жутко и больно, но длилось это недолго. А теперь ни боли, ни страха, ни сожалений. Ничего особенно ценного на этом (то есть уже на *том*) свете Алексей Романов не оставил.

Загробный мир отличался от бренного не сильно — примерно как отражение в зеркале отличается от оригинала: всё то же самое, но левое становится правым, а правое левым. Так и здесь, только поменялось не право-лево, а верх и низ.

Погибнув, Алексей остался в том же самом розовом купе, где дух распрощался с телом, однако пространство перевернулось вверх дном. Романов лежал на потолке, возле лампы и глядел на пол, с которого свисал наполовину оторвавшийся палас.

— Алеша, Алеша... — звал кто-то.

Оказывается, смерть не разлучила его с Одинцовой, она лежала здесь же, на потолке, в задравшемся платье и с растрепанной прической. Романов ей ужасно обрадовался.

— Мы вместе, — пролепетал он. — Как хорошо...

— Вы оглушены, — сказала фрейлина, вставая на четвереньки, причем под коленом у нее что-то хрустнуло — кажется, блюдо. — У меня, по-моему, все цело, переломов нет, а у вас? Дайте-ка. Так не больно?

От прикосновения живых, горячих женских рук поручик окончательно очнулся.

— Черт... — Он приподнялся, ошарашенно озираясь. — Никогда не сидел на потолке. Кажется, мы перевернулись... Вроде бы я в порядке. Невероятно! Как это мы уцелели?

— Это потому что купе обито умягчителем... Наш поезд сошел с рельсов. Что с остальными?

— Сейчас посмотрим.

Встав и оказавшись лицом вровень с диваном, Алексей дернул дверь. Она подалась неохотно.

— Давайте-ка лучше выберемся наружу. Может начаться пожар...

Странно было видеть над собой столешницу. Стул-то моментально переметнулся в антиподы — валялся под ногами.

Романов обернул руку свисающей не в ту сторону шторой, смахнул с рамы битое стекло.

Высунулся наружу и тут же нырнул обратно.

— Там человек, — прошептал он, хватаясь за кобуру.

— Надо его позвать!

— Тише! Я видел его прежде. Он немецкий шпион.

Очень осторожно поручик выглянул снова.

Никаких сомнений. Урода с лошадиной физиономией он видел перед самым началом войны. Слуга и помощник веселого резидента, который так ловко обвел вокруг пальца лопуха Алешу Романова.

— Наружу нельзя. Это диверсия, устроенная немецкой разведкой. Они думают, что пустили под откос царский поезд. Их тут наверняка целая команда. Спрячьтесь! В туалетную комнату! Только не шумите!

Он помог Одинцовой перелезть через высокую притолоку и вернулся к двери. Уперся спиной в стену, поднатужился, отодвинул неподатливую дверцу шире.

В коридоре раздались легкие, невесомые шаги — будто не человек идет, а призрак. Или Ангел Смерти.

Сон в красном тереме

Перевернутый мир, в который попал Чжэнь, пришелся ему по вкусу. Это, конечно, был тоже сон, в который он провалился через черную дыру, но очень хороший, похожий на реальность.

Чжэнь скользил по потолку, перешагивая через лампы. В салоне сверкало лаком расколотое пианино, белые клавиши валялись, словно выбитые зубы; опрокинутый стол напоминал четыреххромое чудовище; на проводе, будто сушеный гриб с нитки, свисал торшер.

Электричество отключилось, но света, проникавшего через выбитые окна, было вполне достаточно.

Первый труп попался почти сразу же. Из-под какой-то тряпки, наверное, скатерти, торчали ноги в штиблетах. Вьюн наклонился — человек с квадратной челюстью бульдога. Не тот.

В двух шагах был кто-то в золоченой ливрее, с мокрыми от крови щеткообразными волосами на лице. Тоже неживой и тоже не тот.

Ну а после этого Чжэнь нашел, кого искал. Под упавшей картиной, ничком, лежал человек в военной форме, с золотым погоном. Вензель есть? Есть. Маленькая борода? Вот она.

Жив он или нет, Вьюн не определил. Рывок, хруст шейных позвонков — и уже не имело значения, когда наступила смерть: только сейчас или во время крушения.

Дело сделано. Белый гусь ждал Чжэня, чтобы унести из мира скверных снов в настоящую жизнь, где заждалась своего спасителя принцесса в красном тереме.

Вьюн оторвал золотой погон в качестве доказательства и хотел вернуться к тому же окну, через которое вошел, но вдруг заметил нечто интересное.

Полумрак в открытой двери ближнего купе пунцовел или алел, а

может быть, багровел диковинным, нежным цветом. Точно так же выглядел заветный терем — когда его освещало восходящее солнце, он казался не красным, а розовым.

Заинтригованный интересным поворотом сновидения, Чжэнь двинулся к манящей нише. А вдруг из сна можно выбраться безо всякого гуся? Что, если есть другой путь к красному терему? Вдруг из двери выглянет луноликая принцесса, протянет навстречу витязю руку, и в руке будет сверкать алмазная звезда, озаряющая путь?

Всё так и вышло.

Из красного терема высунулась рука, и в руке воссияла звезда, и грянул небесный гром, и Чжэнь пробудился от дурного сна, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

Он упал на спину, уставившись широко раскрытыми глазами на синюю, как небо, ковровую дорожку. Во лбу у него чернела круглая дырка.

Проклятье!

Выстрел, грянувший из вагона, был подхвачен эхом и разнесся далеко по сонному ноябрьскому лесу.

Проклятье! Чистой работы не получилось.

Но Теофельс был готов и к такому повороту событий.

Значит, у нас будет не вегетариански-платоническая железнодорожная катастрофа, а вариант номер два: нападение злодеев-революционеров.

Зепп дунул в свисток, спрыгнул с тендера и двинулся ко второму вагону, чтобы проверить, как там Вьюн. Тимо стоял возле окна, в которое влез китаец, махал рукой. От хвоста навстречу Теофельсу бежал Балагур. Так же слаженно действовали и боевики: Чуб с Финном, лязгая затворами, неслись к паровозу. Их дело — сдерживать жандармов, которые попрут спереди. Кмицица и Маккавея майор со своей позиции видеть не мог, но они, верно, уже заняли оборону у последнего вагона.

Сердце билось празднично, и Зепп понял, что даже рад усложнению задачи. Участвовать в великом деле, апофеозе всей карьеры, в качестве праздного наблюдателя было бы обидно. Пускай всё совершится под гром салюта.

— Не лезьте без меня! — завопил Балагур, видя, что майор подоспеет к Тимо первым. — Мало ли чего там?

На крик из окна — не того, где стоял Тимо, а другого, расположенного ближе к Зеппу, — вдруг высунулась светловолосая голова, золотопогонное

плечо, рука с «кольтом». Первым же выстрелом меткий стрелок уложил Балагура. Вторую пулю хотел послать в Тимо, но майор на бегу, не целясь, открыл огонь. Попасть не попал, но заставил офицера обернуться.

Расстояние между ними было шагов десять, однако Теофельс снова промахнулся — от изумления.

Голова исчезла, а Зепп прижался к стене вагона и присвистнул.

Вот это встреча! Тот самый щенок, с которым пили на брудершафт в романтической хижине, среди полей. Как же его звали? Романов, Алексей Романов, подсказала натренированная память. Уже не щенок — вполне зрелый и зубастый пес. Загрыз бедного Балагура, не поперхнулся. Два «георгия» на груди, солдатский и офицерский, это заслужить надо.

Ай-ай-ай. Не сожрал ли этот волкодав и малютку китайца?

У последнего вагона загрели выстрелы, почти сразу же началась перестрелка и с противоположной стороны. «Интернационал» не давал жандармам подойти.

— Не высовывайся, Тимо! — крикнул Зепп по-немецки. — Я сейчас!

Пригнулся. Пробегая под окном, откуда стрелял пришелец из прошлого (мелькнуло что-то розовое), майор швырнул лимонку.

Хорошо, что, пробежав, оглянулся назад — иначе это мгновение стало бы в жизни Йозефа фон Теофельса последним.

Один дьявол знает, каким чудом в те три секунды, пока прогорает фитиль, русский сумел схватить гранату и выкинуть ее обратно, но Зепп едва успел кинуться на землю. Осколки просвистели над ним, оставив несколько зазубрин в стене вагона, но от разрыва Теофельс оглох. Все последующие события для него происходили, как в синема — беззвучно. Только вместо игры тапера в ушах звучал неумолчный гул, будто голова превратилась в колокол, и настырный звонарь колотил, колотил в него медным биллом.

«Куда?! Назад!» — прикрикнул контуженный на сознание, попытавшееся нырнуть в зыбкий туман. Разряд обжигающей ярости помог встряхнуться. Раскисать не время! Операция будет доведена до конца!

Майор вытер сочившуюся из уха кровь, помотал головой, но от гуда не избавился и сказал себе: лечиться будем потом. Если выкарабкаемся. А не выкарабкаемся — на тот свет берут и с лопнувшими перепонками. Оттолкнул всполошившегося Тимо.

— Со мной всё отлично!

Вероятно, он крикнул громче, чем следовало. Тимо отшатнулся.

— За мной!

Зепп подтянулся, заглянул через раму. Никого. Перекинул тело,

спрыгнул на пол (то есть, на потолок). Выставил вперед пистолет.

Шелохнулся воздух — это к хозяину присоединился Тимо.

Паршиво идти под пули, полагаясь на одно зрение. Майор подал знак: слушай внимательно и, если что, предупреди.

Тимо кивнул и показал вперед, потом назад. Наверное, выстрелы с обоих концов поезда стали гуще.

— Когда перестанут стрелять, дай знать, — прошептал Зепп одними губами. — Всё, вперед! Прикрывай!

В принципе они должны были находиться прямо в императорском купе, но из-за того, что всё вверх ногами и мало света, Теофельс никак не мог сориентироваться. Еще этот шум в ушах!

Увидев труп в военной форме, с оторванным погоном, Зепп было возликовал. Вьюн все-таки сделал свое дело!

Но это был не царь, а начальник дворцовой полиции полковник Назимов. В царском поезде ему находиться не полагалось. Глаза уже привыкли к полумраку, Теофельс посмотрел вокруг и пошатнулся.

Это не императорский вагон! Там другая обшивка. Другая мебель. Это салон второго вагона в поезде сопровождения!

Под откос пущен литерный «Б»! Всё пропало. Операция провалена. Как такое могло случиться, Зепп не знал и не собирался сейчас ломать над этим голову.

Если сражение проиграно, зачем зря гибнуть? Тот, кто выживает, получает шанс на реванш. Где-нибудь, когда-нибудь — неважно. Но мертвые отыгаться за поражение не могут.

Однако клокотавшая в груди ярость не дала майору поступить единственно разумным образом — поскорей унести ноги.

Где-то в недрах вагона засел мерзкий щенок, из-за которого череп Зеппа превратился — нет, не в колокол, это слишком романтично — в чугунный котел. И еще майор знал, чуял инстинктом разведчика, что его знакомец по четырнадцатому году каким-то образом причастен к этому провалу.

Тимо дернул хозяина за рукав, опять показал куда-то. Очевидно, пальба усилилась.

— Стреляют? — спросил Зепп. — Тогда время еще есть. Сделаем одно дельце, потом уйдем. Держи на мушке коридор.

Он толкнул дверь ближайшего купе — того самого, розового. Заглянул через притолоку, которая была ему по пояс. Внутри никого. Зепп разрядил остаток обоймы в дверь санитарного узла. Вставил новую.

Под прикрытием Тимо переместился к следующей двери.

Там, заваленный бумагами и чемоданами, лежал важный господин в стальном пенсне. Одну пулю майор всадил ему в голову, на всякий случай. Остальные потратил на туалет. Перезарядил.

Купе с номером 4 тоже ничем не порадовало. Кто-то в генеральской форме свешивался с привинченного к полу стола, вниз капала кровь. Пулю в затылок генералу, остальные — в дверь туалета.

Дальше.

Дверь купе № 3 оказалась нараспашку. В углу, раскачиваясь, сидел и нянчил сломанную руку окровавленный человек. Он посмотрел на Зеппа и что-то сказал. Наверное, попросил о помощи, но было неслышно.

Теофельс перелез внутрь, заглянул в туалетную. Потом добил калеку — без особой нужды, просто от обиды на подлую судьбу.

Под ноги Зеппу рыбкой нырнул Тимо. Пистолет в руке дымится, на щеке сочится красная полоса. Слуга показал вправо, изобразил, будто стреляет.

Ясно: щенок опять показал зубы. Высунулся откуда-то и чуть не уложил старину Тимо — пришлось тому сигануть в укрытие.

— Ты в него попал? — одними губами спросил Зепп. — Попал? В него? Не попал... Он далеко?

Тимо показал два пальца.

— Через одно купе? Ясно. Высунься, прикрой.

Молодец, понял.

Слуга быстро выглянул в коридор, держа пистолет наготове. Подал знак: можно.

Зепп перелез через притолоку. Дверь купе номер один была приоткрыта. Вот он где, гаденьш. Ну, теперь по квитаемся.

В ловушке

Высунувшись из укрытия, Алексей очень рисковал, но повезло — долговязый немец лишь оцарапал ему шею пулей. Романов тоже промахнулся, зато вынудил противника очистить коридор. Теперь стратегически важное пространство было у поручика под прицелом. Но преимуществом он пользовался недолго.

— Боже мой! — вскрикнула за спиной Одинцова.

Он обернулся. Оказалось, что фрейлина заметила кровь у него на воротнике и вообразила, будто Алексей опасно ранен. Успокоив женщину, он хотел вернуться на позицию, да поздно — слева жажнули из двух

стволов, едва спрятался.

Коридор вновь просматривался и простреливался с той стороны. Дело стало совсем дрянью.

Они с Татьяной Олеговной, покинув розовое купе, хотели уйти через тамбур, но выход заклинило. Потом из салона раздался шум, пришлось спрятаться в назимовское купе. И вот оно превратилось в ловушку.

Если б не Одинцова, можно было бы рискнуть, выбраться наружу через окно: выпрыгнуть, перекувырнуться. Глядишь, не попали бы. Но на акробатические кульбиты Татьяна Олеговна была неспособна, бросать ее одну на верную гибель тоже было нельзя, вот теперь и пропадали вместе. Романов знал, что произойдет дальше. Подкрадутся, снова кинут гранату и, пока он будет ее ловить, изрешетят выстрелами в упор.

Послышались осторожные шаги. Кто-то медленно приближался, ступал по стеклянной крошке. Еще секунда-другая, и конец.

— Дайте! Быстро! — шепнул поручик, неучтиво тыча пальцем.

Одинцова, слава богу, поняла, чего он хочет. Нагнулась, подала валявшуюся под ногами фарфоровую чашку.

Чашку Алексей швырнул о стену коридора и мгновение спустя высунулся. Шанс был минимальный, но не использовать его было нельзя.

Всё произошло в десятую долю секунды.

Человек в коридоре (это был не тощий урод, а развязный потомок крестоносцев) дернулся в направлении разлетающихся осколков, ствол его пистолета качнулся в сторону. Промахнуться с такого расстояния было невозможно, но выстрелить Романов успел всего один раз. В тот же миг его будто ударило раскаленной палкой по шее — почти в то же место, где полминуты назад уже оставила царапину пуля, но несравненно сильнее.

Зепп отлетел к стене, закричал, прошуршал плечом по обоям, упал.

Романов стукнулся затылком о дверную раму, заклокотал горлом, сполз вниз.

К майору с истошным воплем кинулся Тимо.

Поручика подхватила на руки ахнувшая Татьяна Олеговна.

Как раз оборвалась пальба и снаружи.

Это есть наш последний

Тарас бежал шустрее Финна и потому успел занять хорошую позицию, в железной кабине перевернутого паровоза. Жандармы были близко: один

впереди, сзади двое, а там из-за деревьев еще несколько.

Первый увидел Тараса, закричал:

— Ты из которого взвода?

А потом:

— Эй, ты чего?!

И упал, сбитый с ног пулей.

Тарас выстрелил по следующему, но мимо, а потом те залегли и тоже открыли огонь. Увальню Финну пришлось спрятаться за кучей рассыпавшегося угля, на открытом месте. И доставалось ему тяжелей, чем Тарасу. Жандармы подбегали все новые — кто палил прямо на ходу, кто с колена — и метили они всё больше по хорошо видной черной мишени. Фонтанчики угольной пыли так и разлетались. Финну, поди, и прицелиться-то нормально было нельзя. А Тарас бил аккуратно, ему за металлической стенкой было спокойно.

Положил одну голубую шинель, вторую. Только взял на мушку подбежавшего офицера, да скакнула по железной скобе оранжевая искра — кусочек свинца от ricochetнул Тарасу прямо в висок.

Збышек высадил одну за другой три обоймы. Он волновался, от этого спешил нажать на спуск и, кажется, ни в кого не попал. Очень это было ему обидно. Збышек всё сильнее сердился на себя за промахи, не понимая, что частым огнем не дает поднять головы солдатам, накапливающимся у хвоста разбитого поезда, — то есть отлично справляется с поставленной задачей. Погубил он себя тем, что наконец решил бить наверняка и слишком высоко приподнялся. Винтовочная пуля попала ему прямо в белые зубы, и он захрипел, опрокинулся, несколько раз дернулся, затих.

Гирш, наоборот, берег патроны. Он пристроился между колес, расчетливо, и на одном месте не задерживался. Выстрелит раз — переберется к другому колесу, чтоб не подловили.

Поляк уже перестал поддерживать его огнем, а Гирш всё маневрировал, всё держал жандармов на дистанции. Он воображал себя последним защитником крепости Масады, которые погибли, но живыми врагу не дались.

Бывалый жандармский вахмистр, потихоньку подползший сбоку, ранил боевика двумя меткими выстрелами: в локоть и в плечо.

От боли Гирш на несколько мгновений потерял сознание. Из карабина стрелять он больше не мог и вынул револьвер. Там в барабане было семь патронов и можно было продержаться еще полминуты или даже минуту, но

Гирш испугался, что снова лишится чувств и тогда они возьмут его живьем. Поэтому он приставил револьвер к подбородку дулом вверх и спустил курок.

Петри лежал нескладно, под густым огнем, но отстреливался дольше всех. Под конец жандармы били по нему залпами, не поднимешься. Но он все-таки высовывал дуло и палил вслепую. «Ничего, ничего, ничего», — повторял он шепотом и совсем ни о чем не думал. Только ждал двойного свистка. Начальник сказал, что после двойного свистка можно уходить. Уходить Петри собирался так: распластавшись по земле, отползти по-рачьи к первому вагону, потом на четвереньках, потом бегом к лесу.

Его застрелил тот же ушлый вахмистр, что уложил Маккавея. Подобрался сзади, неторопливо прицелился, и готово.

После поединка

В лесной чаще

По чавкающему грязью оврагу, по трескучему валежнику, через глухую чащу волок на себе неутомимый Тимо раненого майора фон Теофельса. Зепп болтался у слуги на спине бессмысленным мешком и время от времени вскрикивал.

— Noch ein bißchen! Noch ein bißchen![\[75\]](#) — причитал Тимо.

Сделать перевязку пока было никак нельзя, сначала требовалось уйти подальше от железной дороги, но стоны хозяина разрывали сердце, а больше всего Тимо боялся, что барин истечет кровью. Рана была в живот. Может быть, oh Mein Gott, смертельная...

— Кончено, кончено... — сипел фон Теофельс.

Когда он заплакал, слуге стало совсем страшно. Даже в раннем детстве Зепп плакал редко, а позднее вообще ни разу.

— Еще десять минуточек и перевяжу, — пообещал Тимо. — Потерпите.

Оглуший Зепп не услышал, зарыдал еще горше.

Не от боли. Рану, от которой он плакал, перевязать было невозможно.

На месте трагедии

Паровоз пыхтел в сотне шагов от последнего из покореженных вагонов. Литерный «А» прибыл полчаса назад, его величеству доложили о

случившемся. Старший из генералов свиты хотел немедленно эвакуировать поезд в обратном направлении, но государь воспротивился. Он желал лично осмотреть место трагедии — почтить память погибших, ободрить пострадавших, поблагодарить молодцов-жандармов, которые истребили злоумышленников. Двадцать восемь лет назад, когда в Харьковской губернии перевернулся императорский поезд, Николай уцелел чудом; потом французский прорицатель напроорочествовал ему, что нынешнее царствование закончится на рельсах. Стоит ли удивляться, что к железнодорожным катастрофам его величество относился с болезненным интересом.

«Второй раз Бог спас», — думал он взволнованно, но на лице ничего кроме приличествующей событию скорби не отражалось. Император хмуро говорил свитскому генералу:

— Кто бы они ни были, революционеры или германские диверсанты, извольте распорядиться, чтоб факт нападения был сохранен в тайне. При нынешнем положении дел лишнее потрясение государству ни к чему. И про то, что с рельсов сошел поезд из Особого железнодорожного состава, в сводке сообщать не нужно. Просто потерпел аварию воинский эшелон. Жертв много?

— Считают, ваше величество. Вот они...

Генерал показал туда, где под насыпью складывали мертвецов. Шеренга была не очень длинной, тел пятьдесят.

— Пусть газеты так и напишут: число жертв невелико.

Император снял фуражку, перекрестился. Его лицо стало совсем траурным.

— Неужто погибли все? — спросил он, понизив голос.

— Почти, ваше величество...

Две густые цепи жандармов стояли прямо в лесу, далеко от дороги, выставив штыки, хотя теперь что уж?

Государь медленно шел, останавливаясь и склоняя голову над каждым покойником. Большинство этих людей он знал в лицо, многих по имени.

Всякий раз, когда его величество сотворял крестное знамение, то же самое делала вся свита.

Над полковником Назимовым царь тяжело вздохнул. Над генералом Дубовским прослезился. А поручика Романова его императорское величество так и не увидел, потому что во время высочайшего обхода над тяжело раненным офицером колдовал лейбмедик.

Наконец врач поднялся с корточек, ассистент полил спиртом на окровавленные руки.

— Что, доктор, что? — взмолилась фрейлина Одинцова. Ее искусанные от тревоги губы покраснели и опухли. — Плохо?

Вид поручика был страшен. Шея обмотана, лицо бело-голубое, закрытые глаза похожи на ямы.

— Если б он был певец, тогда, конечно, плохо, — бодро отвечал лейб-медик. — Гортань пробита, связки задеты. А офицеру не страшно. Будет хриплый командный голос. Не плачьте, милая. Выживет.

И поспешил дальше — из обломков хвостового вагона достали еще раненых.

Татьяна Олеговна села прямо на холодную землю и разрыдалась. Стала гладить лежащего по лицу. От этого прикосновения Алексей шевельнулся.

Она...

Что-то он собирался сделать... Ах да, элегия Массне.

Улыбнувшись, Романов задвигал губами.

«О где же вы, дни любви...»

— Молчите, молчите, нельзя! — вся задрожала она.

Ага, затрепетала!

Уста раненого издавали невнятный сип, но Алексею казалось, что никогда еще его голос не звучал так мощно, так волшебно.

Наклонись же, поцелуй меня! Неужели медовый баритон утратил свою власть?

«Сладкие сны, юные грезы весны...»

Нет, не утратил!

Милая женщина нагнулась и поцеловала бредящего поручика в губы — чтоб замолчал.

Конец восьмой фильмы

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЪ

Борис Акунин

СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ

*Автор выражает благодарность Михаилу
Черейскому за помощь в работе.*

ФИЛЬМА ДЕВЯТАЯ ОПЕРАЦІЯ «ТРАНЗИТЪ»

*Предапокалиптическое
ОПЕРАТОРЪ Г-НЪ И. САКУРОВЪ
Демонстрація сопровождается революціонными
пѣснями сочиненія тапёра г-на Б. АКУНИНА*

ПЕРЕД СЕАНСОМ

7 апреля. Цюрих

По новой американской моде перед основным сеансом в качестве бесплатного «бонуса» (тоже заокеанское словечко) крутили кинохронику.

Билет был самый дешевый, за 50 раппенов, на балконе и сбоку. Поверх кепи и котелков чертовых швейцарцев, которые еще со времен Вильгельма Телля чувствуют себя неуютно с непокрытой головой, Зепп видел лишь верхнюю половину экрана. Не то чтоб его сильно занимала программа. Он взял билет в «Ориент-синема» скоротать время до условленного часа. Опять же нет лучше способа уйти от слежки, нежели когда выскальзываешь из темного зала во время сеанса. Вряд ли какая-либо из местных агентур обратила внимание на пролетария в потертой одежде, но, как говорят русские, береженого Бог бережет.

Уйти фон Теофельс рассчитывал через двадцать минут после начала афишной картины, а до той поры собирался прокрутить в голове детали и возможные повороты первого этапа предстоящей операции. Но когда на экране начали показывать кадры мартовских событий в Петрограде, поневоле отвлекся от деловых мыслей.

Вот как, оказывается, выглядит крах империи, что простояла триста лет и казалась несокрушимой. Просто валит по улице грязный весенний поток, пузырящийся флагами и транспарантами, и летят вверх шапки, и вздымаются руки. А когда камера берет ближний ракурс, видно, что все ужасно чему-то радуются. Разинутые в воплях рты, растянутые до ушей губы, ошалелые глаза. Бурная, выплеснувшаяся из берегов энергия, которая вышла из-под контроля. Когда-то, во время поездки по Сибири, майор

видел ледоход на Иртыше. Как начал трескаться и лопаться метровый слой льда, и серая шкура реки вздыбилась клочьями, и глыбы заторопились куда-то, налезая друг на друга, крошась, выкидываясь на берег.

В сущности, нужно радоваться, что противник, борьбе с которым посвящена вся твоя жизнь, забесновался, забился в корчах и сладострастно раздирает на себе мясо. Но одно дело прочесть в газетах про революцию, и совсем другое — увидеть, как это происходит.

Зеппа охватило странно тревожное чувство.

Русские события он воспринял так же, как все германцы: случилось нечто прекрасное и неожиданное, будто Господь наконец определился, на чьей Он стороне, и решил вознаградить Свой избранный народ за великое терпение и стойкость, приблизив конец испытаний.

Однако, глядя на экран, фон Теофельс вспомнил азбучную истину: революция не бывает концом, она всегда — начало. Куда устремится взрывная волна великой высвободившейся стихии, когда ей станет тесно в каменных ущельях Петрограда? Вдруг из хаоса и содома выкуется сталь невиданной прочности? Ведь случилось же нечто подобное сто двадцать лет назад: орда голодранцев-санкюлотов в красных колпаках, под предводительством вчерашних лейтенантов, конюхов и кузнецов разбила европейские регулярные армии и подпалила весь континент.

Что-то стиснулось справа в животе, где еще толком не срослись продырявленные пулей кишки. Майор привычным жестом прижал к боку ладонь. И в ту же секунду было ему явлено провиденциальное, прескверное видение.

Объектив, скользивший по ликующей толпе петроградцев, на миг выхватил лицо молодого офицера. Оно сияло широкой, такую же, как у всех, улыбкой; над воротником виднелась обмотанная бинтами шея; на груди колыхался серый (на самом деле, вероятно, кумачовый) бант.

Хоть камера и уползла дальше, но никаких сомнений: это он! Он жив!

Зепп двинул кулаком по подлокотнику с такой силой, что хрустнуло дерево, а в боку будто распрявился моток колючей проволоки. На Теофельса заоборачивались.

Закусив губу, полускрючившись, он вслепую, стучаясь о чьи-то колени и наступая на галоши, стал продираться к выходу.

Воздуха, свежего воздуха!

В фойе было не так душно, как в прокуренном зале. Теофельс остановился перед зеркалом, поморщился на свою бледно-зеленую физиономию, поношенную куртку, засаленный картуз, плебейские усы подковой, а больше всего — на свою бабью впечатлительность. Нервы

после ранения стали ни к черту.

Ну да, удивительное совпадение. И неприятно, что чертов щенок жив. Ходит, радуется — непонятно чему. Ведь того самого царя, из-за которого он получил пулю в горло, скинули к черту. И получается, что никакой победы мальчишка все-таки не одержал.

Однако майор привык быть честным с самим собой. Не в царя дело. Дело в том, что Йозеф фон Теофельс, лучший среди лучших, впервые потерпел поражение. Личное поражение. До сегодняшнего дня утешался лишь тем, что человек, который его победил, заплатил за свой триумф жизнью. Слабоватое утешение. А как только что выяснилось, еще и ложное.

Никогда Зепп не верил в дурные предзнаменования, а сейчас вдруг ощутил прилив мутной тоски. «Всё это плохо кончится», — проблеял тоненький, гнусный дискант. Вероятно, то был пресловутый внутренний голос.

И рассердился Теофельс. Скрипнул зубами. Дисканту велел заткнуться. Весть о том, что господин Алексей Романов жив, зачислил в разряд полезной информации: бог даст, еще встретимся. А потрепанная внешность и даже бледность были кстати — вписывались в легенду.

Всё к лучшему. Напоминание о неудаче перед важной операцией — лишний стимул для самомобилизации. Сдохни, а дело сделай. Второго провала подряд начальство не простит. Ты и сам себе его не простишь. Как не простил первого.

Майор по-собачьи встряхнулся, сбрасывая флюиды пессимизма. Улыбнулся зеркалу, подмигнул и вышел на залитую весенним солнцем Беатен-платц.

До randevu двенадцать минут. Ну-ка! Смело, товарищи, в ногу, духом укрепим в борьбе!

Он бодро прошелся по набережной искрящегося Лиммата, вживаясь в образ. Свернул в скверик, где назначена встреча. Достал из кармана и развернул номер городской газеты за прошлую среду, это был условленный знак.

Настроение было правильное, куражное, как в добрые старые времена, когда Теофельс, выходя на задание, ощущал себя властелином мира.

И тут — надо же — сбоку налетел мальчишка-газетчик. Должно быть, увидел старый номер «Нойе цюрихер цайтунг» и хотел предложить свежий, да не рассчитал разбега.

Прямо в раненый бок!

Зепп подавился стоном.

Газетчика ветром сдуло. Крикнул: «Tschuldigung!»^[76] — и смылся, пока не накостыляли.

Согнувшись пополам, Теофельс ждал, когда перед глазами перестанут расплываться оранжевые круги.

— Isch bi ihne alles in ornig?^[77] — участливо спросил какой-то добрый самарянин, деликатно взяв страдальца за локоть.

— Махт нихтс, махт нихтс, — просипел Зепп с русским акцентом. — Данке шён.

Выдавил улыбку, доплелся до скамейки, сел. Шесть минут у него оставалось, чтобы снова войти в рабочее состояние.

ДЕНЬ ДУРАКОВ

Шестью днями ранее

— Как вы себя чувствуете?

Знакомый голос раздался за спиной у майора фон Теофельса, когда тот сидел в кресле на застекленной веранде и мрачно разглядывал осточертевшую панораму госпитального парка.

Визит Монокля, заместителя разведывательного управления Генштаба, был неожиданностью. Превосходной, чудесной неожиданностью.

Теофельс был уверен, что после ноябрьской неудачи начальство поставило на нем крест. Из-за этого и хандрил, самоедствовал. Лечение продвигалось паршиво, доктора поговаривали о комиссовании, и Зепп с ними не спорил: по крайней мере, выход в отставку после тяжелого ранения выглядит почетно. А уж как был счастлив верный друг Тимо, что «собачья жизнь» закончилась и теперь можно уйти на покой! Едва Зеппа перевели в отделение для выздоравливающих, как Тимо отправился в Теофельс — у него были грандиозные планы по ремонту и переустройству замка. Вряд ли слуга обрадовался бы визиту Монокля.

А Зепп дернулся, будто от живительного разряда тока во время электротерапевтической процедуры, вскочил с кресла молодцом, вытянулся по струнке.

— Отлично, господин генерал!

Монокль скептически его оглядел.

Проклятый халат! Проклятые шлепанцы! И щетина. Усы не подстрижены!

— М-да? Выглядите неважно. Осунулись. Бледны.

Лучшая оборона — наступление, а дерзость в разговоре с начальством свидетельствует об уверенности в себе.

Зепп сдвинул брови:

— Вряд ли вы приехали, чтоб поинтересоваться моим здоровьем, экселенц.

Генерал засмеялся:

— Хорошего же вы мнения о начальстве. Если я до сих пор вас ни разу не навестил, то лишь из-за чертовой уймы дел.

«Ну да, а сейчас у тебя каникулы, — подумал майор. — То-то рожа от бессонницы вся опухла». С каждой секундой Теофельс чувствовал себя всё лучше. Если Монокль лично притащился в госпиталь из ставки, за двести километров, то это могло означать лишь одно. Октябрьской докладной записке дан ход. Болваны начальники наконец поняли, что нет смысла распылять силы на ерунду.

За последние месяцы разведуправление фактически отказалось от стратегических операций, довольствовалось ролью служанки при командовании армии и флота. Главным направлением работы считалась диверсионная деятельность. А что? Результаты наглядны, рапорты трескучи, награды гарантированы.

Но взрывы линкоров и военных заводов — глупости, мелочовка, бездарное разбазаривание денег и кадров. От сослуживцев Зепп знал, чем занималась разведка минувшей зимой. В январе осуществлены (блестяще, кто спорит) две грандиозно идиотские операции: одна в жанре «много шума из ничего», другая — «разбуди лихо».

Английская сеть устроила мощный взрыв на сильверстоунском заводе боеприпасов в пригороде Лондона. Фейерверк на полнеба, гром и молния, сто человек разнесло на куски, еще пара тыщ оглохла. Кто-то получил железный крест. А толку? Все вражеские запасы снарядов ведь не подорвешь.

Это еще ладно. Хоть проку мало, но и вреда для Германии нет — если не считать засвеченной из-за ерунды разведсети. Но за диверсию в штате Нью-Джерси, где немецкие агенты шандарахнули склад с полумиллионом артиллерийских снарядов, надо было бы поотрывать умникам из разведуправления головы. Взрыв стал для американцев, которые только ждали повода ввязаться в европейскую драку, последней каплей. Дипломатические отношения разорваны, со дня на день президент Вильсон объявит кайзеру войну. И что тогда? Конец?

— Война с американцами уже объявлена, экселенц? — спросил

Зепп. — Поэтому вы и приехали?

— Это произойдет завтра. — Монокль перестал улыбаться. — Но приехал я не из-за американцев.

— Разумеется. Вы приехали из-за русских. Теперь, когда в войну вступает новый игрок, кто-то из старых должен уйти, иначе нарушится баланс. Поэтому вы вынули из-под сукна мой рапорт полугодовой давности о большевиках и их лидере.

Теофельс позволил себе проговорить всё это без малейшего намека на вопросительную интонацию. Он был абсолютно уверен в точности дедукции.

— Браво. Хоть вид у вас дохлый, но мозг работает так же четко, как раньше. Да, майор, ситуация в корне изменилась. Если осенью его величество с негодованием отверг идею, то сейчас скрепя сердце дал согласие. В первые дни после свержения царя у нас была надежда, что новое русское правительство согласится на сепаратный мир. Мы предложили очень приличные условия. Но они были отвергнуты, с пафосом и негодованием. Поэтому выбора у нас не остается. Россию нужно взорвать изнутри. И вы в своем рапорте были абсолютно правы: нужно сделать ставку на единственную партию, которая последовательно и открыто добивается поражения своей страны. Справедлив и главный ваш тезис: хоть большевики не слишком сильны в масштабах всей России, их влияние на городские низы Петрограда весьма значительно, а перевороты, как известно, происходят в столицах. План детально разработан, утвержден во всех инстанциях и уже запущен. Остается последняя фаза, самая деликатная. Поэтому повторяю вопрос: в какой вы форме?

— Могу отправляться за линию фронта хоть сегодня, — сказал Зепп твердо и без бодрчества.

Он и в самом деле впервые за всё время ощутил себя совершенно здоровым и полным сил.

— За линию фронта отправляться не нужно. Ползать под колючей проволокой или плыть на субмарине вам не придется. Сядете на поезд и спокойно доедете до места назначения. События, от которых сейчас зависит исход войны, происходят в Швейцарии. Туда мы и хотим вас направить. Операция называется «Транзит».

— Лысый всё еще в Цюрихе? Революция длится уже почти месяц, а он не тронулся с места? Это на него не похоже.

В октябрьской докладной записке Теофельс помимо пораженческой стратегии большевиков и локальной влиятельности этой небольшой партии выделил еще один ключевой аргумент: наличие потенциального лидера. В

агентурных документах немецкой резидентуры этот человек фигурировал под кодовой кличкой Kahlkö, «Лысый».

— А как он попал бы в Петроград? — Генерал усмехнулся. — Дирижаблей, подводных лодок и «коридоров» через линию фронта у Лысого нет. Через Францию и Англию проехать он не может — его физиономия отлично известна контрразведкам союзников. Они ни за что не пропустят в Россию политика, выступающего за сепаратный мир. Как это называется по-русски — козу в огород?

— Козла, экселенц.

— А козлу очень хочется капусты, и от этого он начал беситься. Агентура докладывает, что Лысый пробует достать документы какого-нибудь глухонемого шведа и по ним проехать через Германию в Скандинавию, а оттуда в Россию.

— Почему обязательно глухонемого? — удивился Зепп.

— Потому что швед, не говорящий по-шведски, может показаться немножко подозрительным, — засмеялся Монокль. — Будет довольно глупо, если такого полезного человека упекут в шведскую каталажку, не правда ли? Поэтому мы решили помочь герру Лысому. Вступили с ним в контакт через надежных посредников. Согласовали условия транзита. Он и его соратники, ядро партии, пересекут территорию рейха в специальном вагоне. Ни проверки документов, ни просмотра багажа — ничего. Единственное наше условие: никаких контактов с внешним миром. Никто не должен знать об этой маленькой транспортной операции. Ни наши социал-демократы, ни пресса — никто. Даже в станционные буфеты или за газетами господам большевикам выходить запрещается. Мы приставим к ним отличного повара. Вагон будет словно бы запломбированным. Внутри — пустота, невидимки.

Начальник снова засмеялся. Идея невидимого вагона его веселила.

— План хорош, экселенц. Но зачем понадобился я? Если, конечно, вы не собираетесь меня использовать в качестве повара.

— Представляю, какой из вас повар, — хихикнул Монокль. — Когда понадобится кого-нибудь отправить на тот свет, непременно воспользуемся вашим кулинарным мастерством.

И внезапно сделался очень серьезен. Это был его любимый фокус: моментально перейти от шутливости к суровости, от приятельского тона к сугубой официальности.

— На германской территории проблем не возникнет. Иное дело — Швейцария. Сами знаете, что это за змеиное гнездо. Иногда мне кажется, что половину населения этой якобы мирной страны составляют шпионы,

торговцы информацией, политические авантюристы всех мастей и национальностей. Нельзя исключать, что сведения о нашей операции стали известны противнику. И русская разведка, конечно, сделает всё, чтобы Лысый не сел в наш поезд.

— Разве их сеть не дезорганизована революцией? — удивился Теофельс. — Я полагал, что при русской интеллигентской ненависти к специальным службам Временное правительство откажется от услуг «царских шпионов». Уж особенно в Швейцарии, где Охранка главным образом следила за эмигрантами.

— Именно в Цюрихе русские сейчас действуют активнее, чем когда-либо. Недавно появился новый резидент. Мы его пока не установили, знаем лишь агентурную кличку — «Люпус». Судя по всему, действительно *lupus*, опытный волк. У наших друзей австрийцев недавно пропал шеф разведывательной сети. Они подозревают, что это дело рук Люпуса. На всякий случай сменили все явки и шифры. Ваша главная задача, майор: обеспечить сохранность Лысого. Ничто не должно помешать ему сесть в волшебный вагон.

— Я должен буду вступить в контакт с большевиками?

— Да, но не в качестве майора фон Теофельса, а под прикрытием. С безопасностью у большевиков, как у всяких дилетантов, непорядок. Во-первых, может произойти утечка — а кому нужно, чтобы стало известно об участии германского офицера в операции? Во-вторых, это еще больше насторожит русскую агентуру. Нет-нет, никто не будет знать, кто вы на самом деле. Мы введем вас в окружение Лысого, а дальше действуйте по собственному усмотрению. У вас есть несколько дней, чтобы изучить досье на всех цюрихских большевиков. Сами выберете, кто вам удобней для первоначального контакта. Под это и подстроим вашу легенду. Впрочем, зная вашу методику, не сомневаюсь, что это будет дама.

Генерал подмигнул, давая понять, что официальная часть беседы закончена.

— Итак, майор, через шесть дней вы прибудете в Цюрих. До того времени извольте представить мне план действий, со всеми деталями. И ешьте побольше мяса, а то вы похожи на святого великомученика.

Дежурно улыбнувшись в ответ на смешок его превосходительства, Зепп попытался сообразить: какое это будет число?

— Вы должны быть в Цюрихе седьмого, — сказал Монокль, не в первый раз поразив Теофельса умением читать чужие мысли. — Ай-я-яй, майор. Неужто вы настолько раскисли, что перестали следить за числами? Сегодня первое апреля. День дураков. Надеюсь, дураки в этой истории —

не мы с вами. А-ха-ха-ха...

И закатился, весельчак.

НЕ НА ТУ ЛОШАДКУ

Глазами мужчины

Контакт приблизился справа, со стороны набережной. Зепп сразу узнал женщину по фотографии и внимательно рассмотрел в щель между газетным листом и низко надвинутым козырьком кепки.

Генерал не ошибся, когда предположил, что Теофельс предпочтет для «входа» использовать даму. Уж Моноклю ли было не знать, что его подопечный превосходно умеет работать со слабым полом.

Из цюрихского окружения Лысого майор выбрал особу относительно молодую и притом не прилепленную ни к какому мужчине, который нарушил бы энергетическую связь, что всегда возникает между представителями разных полов, когда оба свободны.

Понравиться эмоционально свободной женщине нетрудно, если имеешь опыт и обладаешь артистизмом. Здесь важно не ошибиться, с самой первой секунды взять нужную ноту, произвести правильное впечатление. Мадам симпатизирует нежным и застенчивым? Покраснеем и смутимся. Любит brutальных? Поприветствуем львиным рычанием. Млеет от умных? Проницательно прищуримся и тонко улыбнемся. Нет на свете неприручаемых зверушек, есть хреновые дрессировщики.

Но чем ближе подходила дылда в кургузом пальтишке и нелепой шляпке, тем тоскливей делалось на сердце у дрессировщика. Зепп, естественно, предполагал, что случай будет непростой. Антонина Краевская (кличка «Волжанка»), 32 лет, бывшая социалистка-революционерка, гражданский муж умер в тюрьме, сама тоже посидела, потом до эмиграции жила на нелегальном положении. В общем, не попрыгунья-стрекоза. С фотокарточек глядело суровое лицо с похоронными глазами, лоб пересекали две глубокие вертикальные морщины, волосы коротко стрижены. Стандартный «товарищ партиец» женского пола.

Однако снимки, как выясняется, еще льстили мадам Краевской. Ну и походка! Будто идет пролетарий после десятичасовой смены. А дымящаяся в углу рта папироса? А резкие повороты головы? Ряженный мужик, да и

только.

Встречали таких, знаем. Бесполоя фанатичка, тяготящаяся принадлежностью к женскому полу. Одна мечта в жизни — героически пасть на баррикаде.

В пятнадцатом году Зеппу довелось работать с одной кобылой из боевитых анархистов. Помог барышне стать революционной мученицей. Как раз нужно было убрать с дороги одного жандармского офицера, севшего на хвост киевскому резиденту. Осторожен был, ни шагу без охраны. Обычными средствами не взять — какой же агент пойдет на верную смерть? А кобыла всадила в «опричника» всю обойму, прямо в упор, и даже убежать не стала. Пала геройской смертью под пулями, совершенно счастливая.

Неужто товарищ Волжанка из того же теста?

Зепп впился взглядом в долговязую, нескладную женщину, остановившуюся у соседней скамейки, где тоже сидел мужчина с газетой. Киевская анархистка принципиально не носила лиф, заматывала свой довольно пышный бюст бинтами. Как у Волжанки по части бюстгальтера? Что-то подозрительно плоскогруда. Откуда только у такой особы сын взялся (9 лет, имя Карл, живет с матерью)? Эх, надо было выбирать Мирру Локшину, кличка «Капля». Та хоть и с черной повязкой (окривела в девятьсот пятом), но единственный глаз на снимке сверкучий, живородящий.

Заметила, наконец. Подходит.

Вот и пароль:

— Какая удача! Я как раз искала «Цюрихер цайтунг» за минувшую среду.

Голос прокуренный, по-немецки говорит довольно чисто.

Ну, пора решать. Если это не женщина, а ошибка природы, упаси боже от всяких галантностей, улыбочек, оценивающих взглядов. Сразу антагонизируешь, и пиши пропало.

От «входа» (посредника, который вводит агента в исследуемую среду) зависит очень многое. Ты для них чужой. Но если кто-то свой, пользующийся полным доверием, не просто тебя привел, но еще и тебе симпатизирует, лед растает быстрее. Многократно проверено, действует лучше любых рекомендательных писем.

Зепп неспешно сложил газету. Сделал вид, что лишь теперь увидел связного — и несколько не удивлен тем, что это женщина.

— Подобрал на вокзале, — произнес он отзыв по-русски, как и следовало.

Исхудалый, бледный человек с неряшливо подстриженными вислыми усами смотрел на Антонину спокойно, без любопытства, словно был с ней давно знаком. Сразу видно: человек не придает значения условностям и ухищрениям, ничего из себя не изображает. Хочет понять, с кем имеет дело. Себя не выпячивает, но и не прячет. Чем-то он напомнил ей Игоря.

Все сильные мужчины были похожи на Игоря. Была черта, которую Антонина чувствовала в людях сразу, только название подобрать затруднялась. Непреклонность? Не то. Принципиальность? Опять не то. Черта не имела отношения к идейным убеждениям. Просто есть те, кого испугать можно, и есть те, кого испугать нельзя. И сломать нельзя. Потому что есть в них некая внутренняя заноза, которая дороже жизни. Для таких людей вообще многое дороже жизни.

Вот Игорь ничего не пожалел, когда в тюрьме начал протестную голодовку. Ни себя, ни беременную жену. А время было страшное, девятьсот седьмой год. Палачи свирепствовали, вешали, на давление не поддавались. Игорь знал, что обрекает себя на мучительную смерть, что никогда больше не увидит Нину (в ласковые минуты он всегда звал ее «Ниной», а когда сердился — «Тоней»). И ребенка своего тоже не увидит. Но отступить не мог, тогда он перестал бы быть собой. И как только она узнала от товарищей, что муж объявил голодовку, сразу надела черное.

В знак траура по нему, по себе, по любви. Очень уж она его любила. Так сильно, что — знала — никакого мужчину больше полюбить не сможет.

Странно только, что, когда Игорь ей снился, она всегда начинала задыхаться. Это были не сладостные сны, а мучительные, и просыпалась Антонина от скрежета собственных зубов и ненавидящих рыданий. Ладно, сны — глупость. Человек за свои сны не отвечает.

Она крепко пожала приезжему руку — узкую, костлявую, сильную.

— Я получила письмо от выборгских товарищей. Хорошо, что вы приехали, товарищ Кожухов. Нам здесь не хватает таких людей, как вы.

— Каких это «таких»?

Улыбка у него была хорошая. Антонине нравилось, когда так улыбались: не во весь рот, а сдержанно. Зубоскалов, остроумцев, весельчаков она на дух не выносила. И сама улыбалась редко. Даже сыну.

— С боевым опытом. Теперь ведь придется сражаться не только словом, но и делом. Идемте, товарищам не терпится вас послушать.

Расскажете, как там у нас, в России.

По легенде, «товарищ Кожухов» пробирался в Швейцарию кружным путем — через Швецию, Англию и Францию, чтобы сопровождать руководителей партии до финско-российской границы.

— Да я уж две недели как уехал. В Питере за это время много чего переменялось. Россия нынче так несется — дух перехватывает.

Он поднялся и оказался чуть ниже ростом. Большинство мужчин, обнаружив это неприятное для самолюбия обстоятельство, начинали дуться или тянуться кверху. Но Кожухов, кажется, этого даже не заметил.

— Насчет боевого опыта... — Он глядел на нее с интересом. — Товарищи говорили, что вы в свое время динамитные бомбы снаряжали. Правда или нет?

Вообще-то Антонина не любила, когда ей напоминали об эсэровском прошлом. Но решила, что ответит. С таким человеком лучше объясниться по этому скользкому поводу ясно и сразу.

— Правда. Но потом познакомилась со Стариком, и он открыл мне, что такое настоящий динамит. Знаете, как он говорит? «У эсэров истерический мазохизм, а у нас — исторический материализм».

Кожухов засмеялся, она улыбнулась.

Они пошли по дорожке, почти касаясь друг друга плечами.

Пожилый бюргер, которого Антонина чуть было не приняла за Кожухова (красноносый толстячок тоже держал в руках «Нойе цюрихер цайтунг»), теперь кормил голубей и приговаривал:

— Chum, gruu-gruu-gruu.

Поймав взгляд Антонины, добродушно тронул пегий ус, приподнял котелок.

— Händs no schön.[\[78\]](#)

Она не ответила. Филистерская швейцарская благожелательность, цена которой медный грош, Антонину раздражала.

СРЕДИ ТОВАРИЩЕЙ

В старом городе

— Это социал-демократический клуб «Айнтрихт». — Женщина показала на чинное здание. По российским меркам в таком полагалось бы находиться какому-нибудь казенному присутствию. — Представляете,

товарищ Кожухов, всего за две недели до революции Старик выступал тут перед швейцарскими рабочими, объяснял им ситуацию в России и говорил, что его поколение вряд ли дождетсЯ падения царизма. Даже Старик при всей мощи его ума не думал, что случится чудо!

Ее спутник кивнул:

— За границей вы засиделись, вот что. Издали плохо видать. У нас там в каждом хлебном «хвосте» толковали, что царю Николашке с царицей Сашкой скоро карачун. Куда мы идем-то, товарищ Волжанка?

— Пришли уже.

В угловом доме, расположенном напротив кирхи, из распахнутой двери пахло кислой капустой и свежесваренным пивом.

— Пивнушка, что ли? «Цум вейсен шван», — прочел товарищ Кожухов витиеватую надпись на вывеске. — У белой свиньи? Нет, «свинья» — «швайн».

— «У белого лебедя». Да, это рабочая пивная. Не удивляйтесь. Здесь это традиция — проводить собрания и даже идеологические диспуты в пивных. Никто при этом не напивается, все трезвые.

Они вошли в чистенькую залу с низким потолком. Товарищ Кожухов оглядел столы с белыми скатертями, аккуратно одетых людей, переговаривающихся вполголоса. Покачал головой:

— Это рабочие? Ну уж здесь-то точно пролетарской революции не дождешьсЯ.

— Ничего, мы поможем. Идем, идем. У нас тут своя комната, так и называется — «Sibirien», «Сибирь». Вон за той дверью.

В «Сибири»

Зепп вошел первым, потому что пропускать вперед «ошибку природы» было бы неосторожно — оскорбитсЯ. Пока он вел себя с нею правильно, Волжанка ему даже два раза улыбнулась: непривычная к этому маневру деревянная физиономия будто шла трещинами. А ведь, если приглядетьсЯ, не такая уж уродина. Ее бы приодеть да причесать — была бы женщина как женщина.

Войдя первым, Теофельс не только продемонстрировал межполовое равенство, но и получил пару лишних секунд, чтобы сориентироватьсЯ, идентифицировать фигурантов. Они молча уставились на чужака, потом перевели глаза на Волжанку, и за эти несколько мгновений Зепп срисовал всех, кто сидел за столом в крошечном зальчике.

Четыре человека из ближнего окружения Лысого. На каждого есть досье.

Невысокий, коренастый, с венчиком рыжеватых волос вокруг багровой плечи — это Людвиг Зонн, из швейцарских эсдэков. Цюрихский ангел-хранитель русских большевиков. Есть особая категория европейцев: русофилы-романтики. Приедет такой человек в Россию и влюбится. Просторы, сильные чувства, размашистые люди. В общем, полная антиевропа, а противоположности, как известно, притягиваются. Поскольку герр Зонн впервые попал в Россию во время прошлой революции, то влюбился в революционеров. И сам им стал. Швейцарский революционер — звучит смешно. Как пудель-людоед.

Улыбчивый, славный молодой человек с редяющими волосами и мягкой бородачкой — Ларион Малышев, партийная кличка «Малыш». Тоже романтик, но в ином роде. Он-то русский-разрусский, хоть в синемаграф на роль Алеши Карамазова или князя Мышкина бери. Такие идут в революцию, плененные красотой идеи о рае на земле. Плениться слюнявой идеей нетрудно, если у человека родители — старые социалисты и вырос он в эмиграции, откуда так умилительно взирать на страдающую родину. При этом Малыш очень неглуп, прекрасно образован, считается перспективным теоретиком марксизма. Лысый его отличает и, кажется, даже любит — насколько способны любить мегаломаньяки с мессианским комплексом. А уж Малыш на своего кумира прямо молится. Бородку подстригает точно так же и даже слегка подкартавливает.

Кисломордый простачок с жидкими усишками — товарищ Железнов. Псевдоним, конечно. На самом деле Парфен Тюлькин (нет, Тюнькин), редкий среди большевиков тип потомственного плебея. Лысый, которого партийцы любовно называют «Старик», таких лелеет и бережет, а то как же авангарду рабочего класса да без пролетариев? Если РСДРП придет к власти, быть товарищу Железнову министром социальной справедливости или еще чего-нибудь трескучего, но малозначительного. Согласно агентурной характеристике, самолюбив и недалек. Вот кого нужно было выбирать для «входа», а не эту вяленую тарань. Дураком, да еще самолюбивым, манипулировать нетрудно.

Или, быть может, имело смысл поработать с Семеном Блюмом (журналистский псевдоним «Рубанов»). Этот-то отнюдь не дурак, но зато прагматик и циник. Не раз переходил из партии в партию, а некоторое время назад пристроился к большевикам, потому что унюхал своим монументальным носом аромат грядущих перемен. Лысый товарищу Рубанову не доверяет, но ценит за остроуту пера и блестящие полемические

способности. С умным человеком нужно вести игру в открытую. Когда у тебя на руках сильная карта, выкладываешь козыри — партнер смотрит, оценивает, и можно не шлепать по столу. Рубанов — игрок бывалый. Сразу сообразил бы, что во всех смыслах интересней сотрудничать с теми, кто заказывает музыку, а не с теми, кто ее исполняет.

Блюм поглядывал на Зеппа через очки насмешливо и одобрительно, будто умел читать мысли. Одной рукой ерошил кудрявую шевелюру, в другой дымилась трубка.

«Пожалуй, еще не поздно переориентироваться», — сказал себе Теофельс, продолжая рассказывать про то, как готовятся к встрече вождя выборгские товарищи.

Мысленную работу по инвентаризации присутствующих, начатую еще с порога, он заканчивал уже во время разговора о российских делах. Одно другому не мешало.

Слушать, не перебивая, русские не умеют. Зепп хорошо это знал и рассчитывал, что долго распинаться ему не дадут. Он, конечно, подготовился — вызубрил данные обо всех финляндских большевиках, но жалко метать бисер в пивнушке, перед массовой. Были в окружении Лысого люди и посерьезней. Однако ничего не попишешь, сразу к ним не подобраться. «Вход» ведет в «переднюю», где Теофельс в данную минуту и находился. Иначе в святая святых большевистского чертога не проникнешь.

Какой сильный характер!

— Думал Малыш, любуясь тем, как говорит человек из России: спокойно, обыденно, без рисовки. А ведь чего только не повидал, через какие только испытания не прошел.

Притом не интеллигент какой-нибудь. Из самой что ни есть народной гущи, дошел до правды собственным умом, учился на ошибках и платил за них кровью.

— Вы как к большевизму пришли? — спросил Малыш.

Обстоятельный Кожухов ответил не сразу, словно только что задумался над этим вопросом.

— Как сказать... В революции-то я давно. Еще в девятьсот пятом дружинником был, в жандармов стрелял. Но мне тогда боевики больше нравились, по молодой дури. И на каторге я всё больше анархистов держался. Ребята они задорные, смелые. Слушал их, разинув рот. — Кожухов усмехнулся на себя прежнего. — В четырнадцатом году, из ссылки

уже, запросился на фронт, отечество защищать. Но два года в окопах да германская пуля прочистили мне мозги. Разъяснили, на чьей стороне правда. Я — рабочая кость, с большевиками мне сподручней.

Малыш жадно на него смотрел. В последнее время он стал заново приглядываться ко всем товарищам, пытаюсь представить, кто как себя проявит там, на Родине, в горниле революции. И получалось, что все, буквально все годятся для будущих испытаний лучше, чем он: и Железнов, и Волжанка, и Рубанов. Про Грача и говорить нечего. Кожухов тоже, конечно, будет там в своей стихии. Как бы научиться смотреть на людей вот этак: прямо, твердо, без вызова, но и без желания понравиться.

Очень уж Малыш боялся, что в Петрограде опозорится со своим смешным идеализмом, дрожанием в голосе, европейским чистоплутьством. Скомпрометировать дело, подвести товарищей — вот что страшно. А ужасней всего, если разочаруешь Старика.

Настоящий русский пролетарий

— Думал Зонн. — Крепкий и негибачый, как закаленный морозами сибирский дуб. Видно, что не привык болтать языком. Мучаем мы его своими расспросами.

И все же не удержался, спросил про то, что вызывало самый жгучий интерес:

— Вы, когда боевик, делали акции? Экспроприации, аттентат?

По-русски Людвиг говорил не очень хорошо. Трудный язык. Кожухов не понял, и товарищ Волжанка пришла на помощь:

— Товарищ Зонн спрашивает: когда вы были боевиком, доводилось вам участвовать в экспроприациях или покушениях?

Кожухов наморщил коротковатый славянский нос. Ответил неохотно:

— И эксы проводил, и в губернатора палил. Что теперь вспоминать?

Такая скромность Зонну ужасно понравилась. Конечно, программа большевистской партии осуждает методику индивидуального террора, но революционер, стрелявший в губернатора — это настоящий герой. Потом можно всю жизнь рассказывать и гордиться. А товарищ Кожухов этого вроде как стесняется.

— Это очень хорошо, — сказал Людвиг. — Это теперь пригодится. Мы в России будем стрелять, много стрелять. Революция только начинается.

Но товарищ Кожухов поддержки не принял.

— Губернатора стрелять — никакая не революция. Одного грохнули

— другого назначили, хуже прежнего. Говорю же, молодой я дурак был.

Товарищ Железнов, тоже настоящий русский пролетарий, спросил приезжего с кривой улыбкой:

— А теперь, выходит, умный стал?

Что за шиш с горы?

— Думал Железнов. Прощупать надо, что ты за фрукт.

Но ферт новоявленный не стушевался, поглядел цепко, ответил едко:

— А теперь стал умный. Или какое сомнение имеешь, товарищ? Ты скажи, камень за пазухой не таи.

— Какой такой камень...

Железнов пожал плечами, глаза опустил.

Нахрапистый, черт. Старику такой может понравиться. Он любит простых, особенно кто не лыком шит. Не кооптировал бы Кожухова этого в ЦК. Говорил же давеча на собрании: «Едем в Россию пролетариат поднимать, а в комитете у нас из рабочих один Железнов. Меншевистская пресса непременно за это уцепится».

Надо держать ухо востро. Ох, не к добру он тут. Может, в его приезде подвох какой. Говорит, что от финляндцев, а на самом деле с секретным заданием. От кого только? И по чью душу?

— Я у нас в организации, товарищи, за охрану ответственный, — стал объяснять незваный гость. — При царе шпииков с филерами отсекал. Трех провокаторов выявил. Потому и сюда направлен. Очень наши товарищи за Старику опасаются.

Так-так. Кое-что проясняется. Опасный человек, очень опасный. Как бы его к Старику не подпустить?

Железнов сказал, вроде бы с удивлением:

— Есть у нас, кто за охрану и безопасность отвечает. Товарищ Грач. Он не говорил, что ему помощники нужны. Наоборот. Как Охранку разогнали, опасаться стало некого. Ты, товарищ Кожухов, лучше бы в своей Финляндии все как следует подготовил.

Но встрял дурак Малышев:

— Как это «некого опасаться»? Грач говорил, надо глядеть в оба. Шпики вокруг Старики так и шныряют! Товарищ Кожухов хорошо сделал, что приехал. Спасибо выборжанам. Вы нам, товарищ Кожухов, здесь очень пригодитесь.

— Не тебе решать, а Грачу, — осадил недотыкомку Железнов. — Его

епархия.

— Где он, кстати? — Волжанка поглядела на вешалку — нет ли там моряцкого бушлата, в котором щеголял Грач (тот еще моряк). — Обещался быть.

Нежданная помощь пришла от Рубанова. Он до сих пор помалкивал, только трубкой пыхтел. Ни одного вопроса не задал. И вдруг, своим дурашливым голосом, будто бы в шутку, сказал дельное:

— Грач — птица сурьезная. Обещался — будет... А скажите нам, товарищ из Выборга, сильно вас германская пуля ранила? Та, от которой вы поумнели?

Железнов не сразу дотумкал, к чему вопрос. А когда допер — подхватил:

— Ты говорил, два года в окопах провоевал, а потом тебя ранило. Недавняя, выходит, рана?

Белобрысый выборжец повел наглыми глазищами с Рубанова на Железнова. Понимающе усмехнулся.

— Проверяете? Правильно делаете, товарищи. В нашем деле бдительность — допрежь всего. Что ж, полюбуйтесь, какая на мне зарубка осталась.

Он встал, скинул пиджак, начал расстегивать рубашку.

— Что вы! — воскликнул Малышев. — Не нужно! Никто вас не собирается проверять!

Но Кожухов уже обнажился. Торс у него был крепко сбитый, поджарый, как у циркового борца. В верхней части живота, справа, багровела вмятина.

— Суй персты, Фома неверующий, — подмигнул выборжец Железнову. — Только не сильно жми, а то я, чего доброго, сомлею.

И отвел Железнов глаза в сторону.

Це-це-це!

— Подумал Рубанов, даже не поглядев на рубец. Неинтересно. А то, как запунцовела и опустила очи Орлеанская Недева, было, пожалуй, любопытненько. Ишь, как она на него косится. У Тоньки-недотроньки на серьезных людей чутье. Надо будет к этому Серому Волку подкатиться, да сердечную дружбу завести. По шерстке погладить, мясцом прикормить. В России такие друзья пригодятся. Там начнется чехарда: кто через кого перепрыгнет — только поспевай.

— Вы, товарищ, с нами до Питера поедете? — спросил он. Кожухов кивнул. — Вот и ладненько. Обрато в Выборг мы вас не отпустим. Попрощайтесь с чухонскими болотами.

Реплика посвящалась заодно и ревнивцу Железкину. Почетный пролетарий аж заерзал. Как он всё-таки похож на сома со своими жидкими усишками, толстыми губами и выпученными глазенками. Прячсь под корягу, приплыла рыба того же сорта, но покрупнее.

— Военная рана — это почетно. Стыдиться нету, — сказал Людвиг.

Завидует швейцарский лютик. Хочет быть таким же: губернаторов стрелять, дырку в пузе демонстрировать и делать вид, что всё это пустяки, чепуха на постном масле.

Кожухов, заправляя рубаху в брюки, проворчал:

— Да ладно. Если б на баррикаде — другое дело... Что с отъездом, товарищи? Я правильно понимаю — на послезавтра намечено? Сколько наших едет?

Рубанов ему, уже как своему, объяснил: группа из тридцати человек, отбирали Старик и Грач, по количеству мест в вагоне. И стал перечислять всех, кто едет. Дурак Железкин пнул под столом — молчи, мол. Но сейчас важно было продемонстрировать нужному человеку доверие, вызвать симпатию. Поэтому хренова конспиратора Рубанов лягнул ботинком: отстань.

— Я вот насчет чего сомневаюсь, товарищ Рубанов... — Оказывается, Серый Волк умеет сомневаться? Закряхтел, зашевелил пальцами, подбирая слова. — Неспроста же германский кайзер Старику помогать решил. Хочет, вражина, нас для своего интереса использовать. Получается, мы на ихнюю мельницу воду льем?

Что ж, этот вопрос в России зададут сто или тысячу раз. Ответ имеется.

— Плевать Старику на кайзеровский интерес, — сказал Рубанов. — Пускай немцы думают, что мы им поможем войну выиграть. Ждет их большущий сюрприз, когда революция к ним в гости нагрянет, на штыках их собственных солдат.

Он хотел про это подробней рассказать, но Серый Волк и так понял. Лицо у него посерьезнело. Сообразительный — для пролетария редкость.

— Ну наконец-то! — Волжанка обернулась к двери. — Ждем-ждем. Здравствуй, Грач.

Перед тем, как посмотреть на вошедшего, Зепп внутренне мобилизовался.

Господину по кличке «Грач», настоящее имя которого агентам выяснить так и не удалось, в цюрихской картотеке было посвящено весьма объемистое досье (второе по толщине после Лысого), однако проверенных фактов была на удивление мало. Ни точного возраста, ни места рождения, ни семейных связей, ни перечня пороков и слабостей. При этом Грач участвует в революционном движении по меньшей мере лет пятнадцать, всюду побывал, но нигде не оставил явных следов. Никогда не арестовывался, в тюрьме не сидел. Все сведения о нем были расплывчатыми, из вторых и третьих рук.

Вроде бы в пятом году добывал оружие для московского восстания; вроде бы участвовал в экспроприациях на Кавказе; вроде бы занимался физическим устранением опасных для партии людей (хоть на словах коммунисты всегда осуждали индивидуальный террор). Сплошные «вроде бы». Совершенно точно известно лишь одно: Грач обеспечивает в Цюрихе безопасность большевистского вождя. В общем, птица важная, высокого полета.

— Привет-привет, — быстро сказал невысокий и ненизкий, нехудой и неполный мужчина с бородкой неопределенно-мышастого цвета. Единственная примечательность физиономии: контраст между неподвижностью лицевых мускулов и ни на миг не останавливающимся взглядом.

Зепп видел в досье с десятков фотографий, но по ним Грача бы не узнал.

Рукопожатий не последовало. Грач просто придвинул стул, сел. Кивнул на тарелку:

— Чьи сосиски? Жрать охота. Не завтракал и не обедал.

На новичка никакого внимания. Это Зеппа насторожило.

— Вот, товарищ Кожухов. Из Выборга. Письмо про него было по эстафете, — сказала Волжанка.

— Ага. — Грач в два укуса проглотил немаленькую сосиску, коротко покосился на Зеппа. Жуя, спросил. — Помню. Вы ведь родом с Урала? Перед Финляндией состояли в екатеринбургской ячейке?

С такими субъектами правильная линия поведения — немногословие. Никакой инициативы в разговоре.

— Всё точно.

— Ну-ну. — Вторая сосиска исчезла с такой же скоростью. — Значит так, товарищи. Отправляемся послезавтра. Поезд будет ждать с вечера, но

уедем ровно в полночь. С главного вокзала. Все кроме Старика собираются в привокзальном кафе к семи — будет инструктаж, распределение мест и прочее. С собой иметь два места багажа, не больше. Еды брать не нужно — немчура накормит.

— А Старик? Неужто он тоже с узлами в кафе явится? — спросил Железнов. — Не опасно? Беспокоюсь я за него.

Грач хлопнул пролетария по плечу:

— А ты не беспокойся. Мы его из квартиры прямо к вагону доставим. Непосредственно к отъезду. Всё, брат, продумано.

Он вытер губы салфеткой, поднялся. Свою черную куртку с медными пуговицами Грач не снимал, лишь пристроил на спинку стула картуз.

— Ну всё, бегу. Я только предупредить насчет завтрашнего. Спасибо, что подхарили. Вот еще претцель прихвачу, по дороге умну.

Проворный человек уже двигался к выходу.

Вслед раздалось сразу несколько вопросов:

— Прямо к отъезду? А он не опоздает? — крикнул Железнов.

— Ты обещал, что найдешь место для Карла! — это Волжанка.

Мальш, добрая душа, тоже подал голос:

— А как же товарищ Кожухов?

Но Грач будто не слышал. Хлопнула дверь, мелькнул черный рукав. И всё, разговор закончен.

Очень это Зеппу не понравилось. Особенно, что вопрос Мальша остался без ответа.

Железнов не скрывал торжествующей улыбки.

— Ну, пойду чемодан собирать. Правда, его еще купить надо. Бывай, Кожухов. На случай если тебе в вагоне места не хватит, давай пять. В революционном Питере свидимся.

Крепко сжал руку, хмыкнул. Тоже ушел.

— Товарищи! — воскликнул Мальш. — Давайте закажем бутылку вина и выпьем! За скорую встречу с Родиной, с революцией! Я угощаю. Зачем мне теперь швейцарские деньги? Скоро вообще никакие деньги станут не нужны!

Зепп встал, двинулся к вешалке. Волжанка, хмурясь, спросила:

— Куда вы?

— Пойду. — Он криво усмехнулся. — Товарищу Грачу я, похоже, не сгодился.

АРГЕНТИНА, КРАЙ ПАМПАСОВ

Быстрым шагом

Повернуть в переулок — как его, Предигергассе, вот как. Черт язык сломит. Потом налево, направо, еще налево, и будешь на месте.

Третий год в этом поганом городе, а никак не упомнишь всех его загогулин. Не по-русски построен. Вроде крепко, а без души. Потому и заплутать легко. Дома сдвинуты, будто человека задавить хотят. Чистенько, занавесочки, цветочки в горшочках, а трупом пахнет. Уехать бы отсюда, а то всё стали похороны сниться. Не к худу ли?

Куда только ехать — на восток иль на запад?

А то вовсе за море-океан рвануть, в Америку или еще лучше в Аргентину. Вот где вовек никто не сыщет — ни одни, ни другие.

Край пампасов Аргентина,
Где под сенью авокадо
Кавалеры сеньоринам
Распевают серенады.

Эх, кабы раньше знать, что непрочны всё, что скоро рухнет. Был бы сейчас орлом-соколом, никого бы не страшился, собственной тени не пугался. Но прошлым летом всё иначе гляделось. Попер Брусилов австрияков, и захрустели германские союзники, задрожали. Какая революция? Какая республика? Кто российскую махину своротит? Триста лет цари Романовы правят и еще столько же простоят. Даже Старик стал всё про будущие поколения говорить.

И подкатился бес, ловкий человек, с соблазнительным разговором. Вел беседу издали, уважительно. Мол, давно вас отмечаем и отличаем как единственного патриота и радетеля отечества среди пораженческой сволочи. И как после Циммервальда вы один со всем кодлом спорить пытались — это нами тоже отмечено. Так что ж мы, русские люди, по разные стороны баррикады стоим? И еще всяко.

Нет, если б не Брусилов-генерал, нипочем бы на сатанинские речи не клюнул. Главное, деньги-то невеликие. За девять месяцев в банке, на секретном счете, пять с половиной тысяч франков накопилось. Не пустяк, конечно, но и не золотые горы.

В прошлом году хоть мало дергали. Раз в две недели встретишься, перескажешь как и что — и гуляй. Но в январе месяце примчалась новая

метла, Люпус этот. Всю душу вынул. Чуть не каждый день ему докладывай, жизнью рискуй. А платить, считай, вовсе перестали. Только запугивают.

Хотя за это дельце Люпус обещал наличными тысячу отвалить, сразу.

Пять с половиной тысяч и тысяча — это шесть с половиной. Если не шиковать, скромненько обитать, года три просуществовать можно. Не у швейцаров, конечно, тут всё втридорога. А вот, к примеру, в Аргентине. Очень хорошо про эту страну в газетах пишут. Сытная, спокойная, и главное — далеко.

Вот и парк. Слава богу, нет никого. Только тетка с коляской, но на другой скамейке.

Сел, вынул блокнот, написал карандашом, что следовало.

Оглянулся — никого.

Спрятал свернутый в трубочку листок в щелку — куда обычно, и лишь тогда дух перевел.

Не надули бы только с тыщей.

Скучно с дилетантами

Нет, правда, ну что это? Задача, с которой справился бы даже агент-новичок. Почему двенадцатидюймовое орудие «майор фон Теофельс» должно тратить снаряды на пальбу по воробьям?

Зепп брезгливо наморщил нос, глядя из подворотни, как жалкий придурок бестолково оглядывается, торопится подалее уйти от «секрета».

И был двенадцатидюймовый майор немедленно наказан за самонадеянность, за неполностью мобилизованный ресурс бдительности. Азбучная истина слежения: ведя «объект», помни, что тебя самого в это время могут пасти. А он расслабился. По дороге из пивной даже ни разу не оглянулся.

— Почему вы следите за Железновым? — раздался за спиной у Зеппа женский голос.

Не оборачиваясь, будто и не был застигнут врасплох, Теофельс ответил:

— Больно быстро засобирался. Чемодан покупать. Ну-ка, поглядим, что за цедулки он столь романтически оставляет...

Черт, от неожиданности выбился из роли. Уральско-финляндский пролетарий так кудряво бы не выразился. Вот и Волжанка, догнав, сбоку смотрит как-то удивленно. Надо поскорей перевести ее озадаченность в иное русло.

Сели на скамейку, рядышком, словно идиллическая семейная пара. Зепп закурил папироску.

— Какая романтика, какая цедулка? — спросила Волжанка. — Я ничего не видела. Почему мы тут сидим?

— Мало ли. Может, наблюдает кто. Э, вертеться не нужно. Положите лучше голову мне на плечо. И блаженно зажмурьтесь. А я тихонько пошарю между деревяшками. Неужели вы не видели, как он бумажку прятал?

Голову ему на плечо она пристроила и лицом что-то такое изобразила. Будто судорогой от кислотности перекосило.

— Ага. Есть. Теперь обнимите меня. Ну давайте же, мне нужно прикрытие.

— Конечно, товарищ Кожухов. Сейчас.

Она обняла его, прижалась — на сей раз довольно убедительно изобразив страсть, даже шляпка набок съехала. От волос революционерки пахло дешевым, чуть ли не хозяйственным мылом.

Одной рукой Зепп развернул листок и, держа ладонь ковшом, прочитал вслух:

— «Послезавтра в полночь. Главный вокзал. Старика отдельно. Подробности дома. Не забудьте деньги». Вот вам и Железнов...

Волжанка тонко и пронзительно вскрикнула, отшатнулась. Кровь отлила от щек и сразу же, от стыда, прихлынула обратно, отчего лицо покрылось пунцовыми пятнами.

— Простите. Я слишком эмоциональна. Проклятое женское.

— Тут закричишь, — пожал он плечами. — Как можно спокойно относиться к предательству?

— Железнов предатель? В голове не укладывается.

Он горько усмехнулся:

— Сколько раз в своей жизни я это слышал.

Волжанка встрепенулась:

— Надо показать Грачу записку! Скорей идемте!

— Нет уж. Будем ковать железо, пока горячо. — Зепп почесал подбородок. — «Подробности дома»... А где у Железнова дом? Знаете?

— Конечно. Мы здесь живем почти что коммуной, часто друг к другу ходим. Но зачем?

— Обычное дело. Ведите, по дороге объясню.

Войти в дом удалось не сразу. По переулочку, ответвлявшемуся от торговой Нидердорфштрассе, все время шли люди. Минут пятнадцать или даже двадцать торчали за углом, изображая оживленную семейную беседу. Актриса из Волжанки была неважнецкая.

Наконец переулок опустел.

— За мной!

Пропустив спутницу в подъезд, Зепп оглянулся. Всё чисто. Из окон напротив никто не пялится.

По узкой скрипучей лестнице поднялись на третий этаж. Жил товарищ Железнов скромно, хоть и питался из двух кастрюль: получал содержание и из партийной кассы, и из противоположного ведомства.

Перед дверью Зепп подал Волжанке знак: действуйте, как договорились.

Она постучала.

— Вер ист да? — спросили почти сразу же.

Видно, хозяин ждал гостей.

— Откройте, товарищ Железнов. Это Волжанка.

Пауза. Можно понять: испугался, что явится человек с той стороны и придется выкручиваться. Сейчас постарается поскорей спровадить. Но сначала откроет.

Открыл.

— Вы?

Хотел немедленно что-то прибавить: мол, я как раз выхожу или еще что-то. В квартиру бы не пустил — заслонил собою проем.

Но Зепп отодвинул Волжанку, а Железнова пихнул в грудь — тот отлетел.

— А ты кого ждал? Дружков из Охранки?

Вошли в тесный коридорчик, дверь за собою закрыли.

— Ты с глузду съехал, Кожухов?! Кто ты вообще такой? Это с тобой разбираться надо, что ты за...

Но Волжанка молча показала листок, и Железнов осекся. Попятился в комнату.

Зепп — за ним, плотно. Заодно определил конфигурацию квартиры. Прямо — жилое помещение, справа маленькая кухонька с газовой плитой, слева кладовка и ватерклозет.

— Товарищи, я объясню... — лепетал белый человек, отступая в комнату. — Это не то, что вы вообразили... Какая Охранка? Нет ведь больше никакой Охранки. Я задание товарища Грача выполняю. Конспиративное. Не верите? Я вам сейчас докажу. У меня инструкция есть.

Сейчас...

Обернулся, зашарил по книжной полке, снял том «Капитала». Зепп уже знал, что последует дальше. Копеечные хитрости горе-шпионов. И когда Железнов выхватил из тайника «браунинг», майор был наготове. Перехватил руку, вывернул кисть. Оружие упало на пол. Но Железнов так легко не дался. Двинул локтем в бок — точнехонько по раненому месту. Вряд ли осознанно, слишком уж был перепуган. Просто повезло.

У Теофельса почернело в глазах, он едва не потерял сознание. Вот было бы глупо! Однако усилием воли склеил расползающуюся явь, не позволил ей рассыпаться. И пыром ткнул сопящего противника в кадык. Тот, хватая ртом воздух, согнулся.

— Вот, держите!

Волжанка подобрала «браунинг». Голос у нее дрожал, рука тоже, а все-таки не растерялась.

— Кому писал? — спросил Зепп.

Не получив ответа, ударил пальцем под ложечку.

Железнов всхлипнул, рухнул на колени.

— Кому писал? — спокойно повторил майор. — Люпусу? Говори, все равно заставлю.

— Ему...

Волжанка спросила:

— Кто это Люпус?

— Резидент русской сети. Мне товарищи на него ориентировку дали.

— Кому помогаете, дураки? — хрипел Железнов, подняв мокрое от слез лицо. — Немцам? Ведь вы русские! И Люпус русский!

— На свете есть только две нации: пролетарии и кровососы, — объяснил ему Зепп основы классовой философии. — Ты, выходит, за кровососов. Ну и получай, что заслужил.

«Браунинг» он сунул в карман, а Железнова взял за горло, немного подержал и отпустил. Тело повалилось ничком.

— Вы его задушили? — боязливо спросила Волжанка. — Разве не нужно было допросить?

— Он и так уже всё сказал. Душить — дело долгое. Я просто сжал сонную артерию. Пусть поспит.

Это он растолковал, уже начав приводить комнату в порядок. Поставил опрокинутый стул, «Капитал» — на место, скомканный половик расправил. Потом взял со стола карандаш, чистый листок, положил для образца почерка смятую бумажку с донесением.

«Прощайте, товарищи. Устал». Вроде похоже. Да и не станет полиция

усердствовать из-за какого-то подозрительного иностранца, которому жить надоело.

Пистолет зажал вялой рукой бесчувственного Железнова. Прижал дуло к виску плотнее. Волжанка было отвернулась — и устыдилась слабости, заставила себя смотреть.

Хорошая штука карманный «браунинг». Для боя, конечно, дрянь, а вот для инсценировки самоубийства в жилом доме — то, что надо. Звук получился не громче, чем при открытии бутылки шипучего секта.

— Нервный срыв эмигранта-революционера, — сказал Зепп, поднимаясь. — Обычное дело.

Волжанка молчала, не в силах пошевелиться. Смотрела на обожженную выстрелом кожу и на маленькую дырку, над которой выдулся багровый пузырь, пролился струйкой на половик.

ПОЛОВОЙ ИНСТИНКТ

В кафе

Слабая, жалкая, истеричная дура.

В кафе зашли, потому что на улице ей стало дурно. Чтоб не выдать себя, предложила:

— Посидим? Нужно всё обсудить.

К вечеру тучи раздвинулись, пригрело солнце, и сидеть на улице было совсем не холодно, поэтому дрожащие руки Антонина спрятала под столик. Когда принесли кофе, сказала:

— Пускай остынет. Не люблю горячий.

На самом деле любила обжигающий, но боялась расплескать.

И все-таки опозорилась. Взяла у Кожухова папиросу, а прикурила с трудом — никак не могла попасть трясущимся кончиком в огонек спички.

Ну и он, конечно, заметил.

— Да, противно. Но революция — это война, а на войне надо убивать.

— Я знаю, знаю. Раньше у меня нервы были крепче. Разнюнилась в Швейцарии...

Она посмотрела на него виновато. Встретилась глазами — и вдруг отпустило. Кожухов глядел так спокойно, понимающе. Можно было не притворяться сильной, ничего не изображать.

— Покурить вам нужно. Успокаивает. — Он слегка, по-товарищески,

похлопал ее по руке. — А обсуждать тут нечего. Одним сорняком меньше стало. В России нам много сорняков выполоть придется.

— Я привыкну. Научусь быть настоящим бойцом. Таким, как вы.

Даже странно, что дрожь прошла, будто и не было. И чувствовала себя сейчас Антонина хорошо, легко. Это свое состояние она знала. Накатывало оно нечасто и всегда неожиданно.

— Вы мне нравитесь, Кожухов. Говорите мало, а дела не боитесь. У вас есть женщина? — Нет, не так, не ее это дело. Антонина поправилась. — Я хотела спросить, у вас давно последний раз было? С женщиной?

Кожухов закашлялся дымом.

Оказывается, и такого невозмутимого, хладнокровного можно смутить. Она загасила папиросу.

— Пойдемте. Я живу неподалеку.

— Зачем?

Он всё еще не понял! Смешной. И трогательный. Солдат революции, не избалованный женской любовью.

Любить его, конечно, она не полюбит. Разучилась. Но людям, которые завтра, может быть, погибнут, тоже нужно немного тепла и обычной человеческой радости.

— Я хочу вас.

Вот тебе и раз!

Кожухов отвел глаза, она — нет. Сейчас она была сильнее. Как это все-таки интересно — то, что происходит между женщиной и мужчиной. Ах, если б жизнь сложилась иначе, если б жить в другие, мирные времена... Чушь! Времени лучше, чем нынешнее, никогда еще не бывало.

— Что глаза опускаете? — Антонина улыбнулась. — Женщина обязана кокетничать, изображать неприступность? Я не такая. Или вы вообще не видите во мне женщину? Напрасно, я живой человек. Любить вас я не люблю. Я любила только одного мужчину, и это до конца моих дней. Но половой инстинкт естественен. Как голод или жажда. Вот я смотрю на вас и чувствую: хочется пить.

Он тоже улыбнулся, настороженность из взгляда исчезла.

— Что ж. Пить так пить. Заплатите за кофе, коли вы такая эмансипированная. У меня в кармане вошь на аркане.

«Эмансипированная». А давеча Кожухов сказал «романтически». Это слова не из лексикона простого рабочего. Он много читает, занимается

самообразованием. Такие люди, выбившиеся из низов самородки, всегда вызывали у Антонины огромное уважение. Хотелось, чтобы и он ее уважал. Ведь даже мужчины-коммунисты, когда речь заходит о семье или интимных отношениях, часто оказываются консервативней заскорузлого Тит Титыча.

Поэтому, ведя Кожухова домой, на Унтере-Цене, она постаралась разъяснить свою принципиальную позицию по половому вопросу.

Сказала, что среди профессиональных революционерок считается хорошим тоном изображать монахинь от марксизма, однако она не желает давить в себе здоровое физиологическое начало. Она — полноценная и полнокровная женщина, но не лживое паразитическое существо, в которое превращает девочек буржуазное общество, а свободный человек, без ханжества и кокетства. Привлекать мужчин с помощью пошлых ухищрений вроде пудры с помадой или облегающей одежды она считает унижительным для женского достоинства. Однако она еще молода, организм периодически испытывает потребность в разрядке, и тут нет ничего позорного, это естественно и нормально. Разумеется, опускаться до половой распущенности нельзя, это так же вредно и стыдно, как предаваться любым другим излишествами. Но вокруг много привлекательных мужчин — умных, сильных, одухотворенных, живущих теми же интересами. И если, как шутит Старик, между большевиком и большевичкой проскочила искра, а из нее возгорелось пламя, то пусть полыхает. Согреет обоих — и погаснет. С ней подобное случается нечасто, не каждый месяц. Но уж если возникло притяжение, противиться ему не нужно.

Вдруг Антонина остановилась.

— А вас ко мне тянет? Я ведь даже не спросила... — с тревогой сказала она.

Кожухов засмеялся.

— Зачем, по-вашему, я в сквере велел меня обнять? Я же видел, что никто за нами не следит. У меня на слежку нюх.

Ужасно мило он это сказал. Пошлое, сюсюкающее слово — «мило». Только мысленно его и можно произнести. Антонина тысячу лет не смеялась, но тут сдержаться не смогла.

Взяла его за руку (под руку ходят только манерные фифы), повела дальше. Оставалось не больше ста шагов, только за угол Шпигельгассе повернуть.

Еще одно следовало объяснить, чтоб потом не возникло обиды.

— В длительные отношения я никогда не вступаю. Это для дела вредно, когда двое, знаете, вроде как свою ячейку создали. Если большая

любовь — тогда конечно. Но, я вам говорила, на это я не способна. Сына своего люблю, мне хватает. Честно сказать, я даже не представляю, как бы я жила, если б муж остался жив. Любовь ведь поровну не разделишь. Кого-то одного я ведь любила бы больше? Значит, второго бы поневоле предавала. Ненавижу предательство!

Она вспомнила, как у Железнова из пробитого виска стекала кровь — и сейчас не испытала ничего, кроме омерзения.

А Кожухов с любопытством спросил:

— Про мужчину понятно. Но если у вас когда-нибудь появится второй ребенок? Все равно ведь одного будете любить больше, чем другого?

— Второй? Никогда. Я за этим слежу. А прошляплю — вытравлю.

Он кивнул, сжал ей кисть, и Антонина умолкла. Слова словами и принципы принципами, но сейчас, через десять или пятнадцать минут...

Сделалось так жарко, что пришлось расстегнуть пальто. Выглядело это ненарочито — они как раз остановились перед решетчатой дверью подъезда.

Дом был хороший, буржуазный. Квартира хоть и на пятом этаже, в мансарде, но удобная и, что важно, с телефоном, а из окон открывался вид на зеленый скверик — для тесно застроенного Старого Города редкость. Это Старик распорядился, чтобы партийцев, у кого дети, расселяли как можно лучше. Сам он жил очень скромно. Грач, когда подбирал ему жилье, руководствовался не комфортом (знал, что Старику на это плевать), а соображениями безопасности. Посторонние проникнуть в подъезд не могли, по соседству жили свои и бдительно охраняли вождя, особенно в последнее время, когда начались приготовления к отъезду.

Наверх Антонина обычно поднималась в два приема, после третьего этажа делала передышку. Если была с Карлом, он терпеливо ждал, пока мать отдышится. Но сегодня и не заметила, как оказалась наверху. Загляделась на широкую спину Кожухова, который поднимался первым, легко и быстро шагая по ступенькам.

Очень удивился, когда она позвонила.

— Там кто-то есть?

— Сын. Ему еще нет девяти, но он у меня очень умный и взрослый. Мой маленький товарищ. Вы не беспокойтесь, он всё поймет.

Даже так?

Всё-таки революционерки — какой-то отдельный подвид женской

особи. Если футурологи пишут правду, что женщины грядущих столетий будут похожи на нынешних социалисток и суфражисток, мужчин остается только пожалеть. Подумать только — девятилетний сын у нее товарищ, который «всё поймет», когда мамаша привела в дом случайного любовника!

Скоро бабы добьются избирательного права, потом, пожалуй, равенства в карьере — и, конечно, при своей аккуратности, трезвости, прилежании в два счета заткнут мужчин за пояс. Избавятся от домашних хлопот, детей отдадут в ясли, для родов приспособят какие-нибудь инкубаторы, а затем и мужчины окажутся не нужны. Запасут в рефрижераторах семени на тысячу лет вперед.

Вот чего опасаться надо, а не Карла Маркса.

— Кто это? — спросил из-за двери звонкий голосок.

Волжанка шепотом объяснила:

— Он чужому не откроет. А от своих пароль требует. — И громко. — Карл, это я!

— Пароль! — потребовал голосок.

— Винтовка.

— Штык. Открываю.

На Зеппа внимательно смотрел аккуратно причесанный не улыбчивый мальчик, одетый по-взрослому: длинные брюки, толстовка.

— Карл, — сказал он и протянул руку.

— Кожухов.

Рука была хоть и маленькая, но твердая.

— Тебя в честь Маркса назвали? — спросил Зепп, улыбаясь.

Черт знает, почему считается, что с детьми нужно разговаривать шуточно-снисходительным тоном.

— Вам это кажется смешным, товарищ Кожухов? — спросил малец, и улыбку пришлось убрать.

Ну и семейка. Мамаша — мужик в юбке и дитя — пожилой карлик.

— Нам с товарищем Кожуховым нужно побыть вдвоем, — сказала Волжанка.

Теофельс ждал, что она как-нибудь это объяснит: секретный разговор, срочное дело или еще что-то. Но Волжанка больше ничего не прибавила.

Мальчик оглядел мужчину еще внимательней, вздохнул.

— Хорошо. Я пойду погуляю.

По-солдатски, не тратя лишних движений, переобулся, взял курточку и шапку.

— До свидания, товарищ Кожухов. Нина, я вернусь через два часа — мне нужно приготовить уроки.

И вышел.

— «Нина»? — озадаченно переспросил Зепп.

— Карл знает, что так меня зовут только близкие друзья. И тоже стал. — Она засмеялась тихим, счастливым смехом. — Говорит, что «мама» — это для малышни... У нас целых два часа.

Положила руки Зеппу на плечи, ярко блестящие глаза глядели сверху вниз.

Придется нелегко, подумал Теофельс, но солдат перед трудностями не пасует.

Эх. За родину, за кайзера вперед!

Он свирепо притянул женщину к себе.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

О странностях любви

На непривычную для себя тему, о странностях любви, размышлял Йозеф фон Теофельс, лежа на жесткой аскетической кровати и затягиваясь дешевым табаком. Товарищ Волжанка лежала рядом, тесно прижавшись, нежно водила пальцем по рубцу от пули и думала о чем-то своем. Обычно после постельных удовольствий на женщин нападает болтливость, им хочется говорить и слушать ласковые слова, но эта не приставала, молчала.

Загадочная штука — соитие (мысленно Зепп употребил другое слово, привычное и грубое). Никогда, даже при изрядном опыте, не угадаешь, какой окажется в этом деле баба. Роковая фам-фаталь может разочаровать, а скромница, серая мышка, проявит недюжинный талант. Вот ведь был уверен, что неуклюжая, мужеподобная большевичка будет не чувственней дубового комода. Чтоб войти в форму, активизировал обычный прием возбуждения — представил, что обнимает не малопривлекательную женщину, а сияющую Богиню Победы, на алтарь которой возлагает священную жертву. В трудных случаях вроде нынешнего действовало безотказно.

Но скинув свои безобразные одежды, товарищ Волжанка будто сбросила лягушачью кожу и обернулась — ну, принцессой не принцессой, однако весьма соблазнительной, смелой и одаренной партнершей. В какой-то момент даже пришлось себя осадить, напомнить, что это работа, а не удовольствие.

Может быть, и не стоит так уж опасаться грядущей победы феминизма?

Он искоса посмотрел на женщину, которая еще недавно казалась ему насквозь понятной — и удивила. Значит, не тоскливая марксистская начетчица? Не фанатичка?

Почувствовав его взгляд, Волжанка подняла голову. Ее зрачки были расширены, губы влажны. Кажется, без бабьего сюсю все-таки не обойдется. Ну-ка, что это будет? «Мне так хорошо». Или: «Тебе хорошо со мной?» Или: «Ты такой милый». Еще вариант: «У тебя стучит сердце». Ассортимент фраз заранее известен.

— Когда Старик попадет в Россию, всё встанет на свои места, — убежденно и страстно сказала Волжанка. — Бессмысленное брожение прекратится. Он направит энергию масс в правильное русло. Старик — это мощный ум и стальная воля. Он сразу видит, в чем слабость врага, и наносит концентрированный удар именно в эту точку. Любая болтовня, мелкая вражда самолюбий прекращается, когда он возглавляет организацию. Это настоящий природный вождь. Вы увидите, Россия станет социалистической уже в нынешнем году. Мы заключим мир с Германией, даже капитулируем — это еще лучше. Тогда немецкие солдаты окажутся среди нас, не опасаясь выстрелов. Они такие же рабочие и крестьяне. Они увидят, где правда! Германия и Австрия сбросят своих монархов, а потом пожар революции перекинется на остальную Европу! Старику тесно в России. Ему нужен весь мир. И ради этой великой цели, ради обновления человечества можно пойти на любые жертвы!

Должно быть, он не вполне совладал с лицом — Волжанка запнулась и сдвинула брови.

— Вы напряжены. Что-то не так? А, я знаю, что вас беспокоит. Вы боитесь, не помешает ли работе то, что между нами произошло? Не помешает. Видите, я даже не перешла на «ты».

Она отодвинулась, нахмурилась еще больше.

— Или дело в другом? Вам... не понравилось? Скажите прямо, я за честность в отношениях. Это тоже не помешает работе. Если я вам неприятна, то, что случилось, больше не повторится.

Все-таки без «Тебе хорошо со мной?» не обошлось. Но это черт с ним. Встревожило иное: второй раз за день прозвучало зловещее предсказание о том, что большевистская революция перекинется из России в Германию. Они все в этом абсолютно уверены! Возможно ли, что дисциплинированная, лучшая в мире армия нарушит присягу и под воздействием иностранной пропаганды обратит штыки против своих

командиров?

Чушь. Как и бредни о социалистическом рае.

Почему ж тогда на душе кошки скребут?

— Вы мне очень приятны, — сказал он. — Так приятны, что я хотел бы продемонстрировать вам это еще раз, прямо сейчас...

Товарищ Волжанка издала несолидный звук — хихикнула. В это самое мгновение дверь спальни с грохотом распахнулась.

Сюрприз!

Зепп оттолкнул женщину, перекатился по кровати, упал на пол возле стула, на котором лежала одежда, выхватил свой «бульдог» и лишь потом развернулся. Всё это заняло максимум полсекунды, но это было слишком долго.

Тот, кто ворвался в комнату, уже держал Теофельса на мушке.

Товарищ Грач, собственной персоной. Всё в том же бушлате и картузе, но не рассеянно-небрежный, а пышащий гневом.

— Без нервов! — сказал он Зеппу. — Пока спустите предохранитель, я выстрелю... Ну, так-то лучше.

Это он сказал, когда майор отшвырнул револьвер в сторону. Грач был прав. Не имело смысла попусту нарываться на пулю.

Морща нос, большевик оглядел голого Зеппа и Волжанку, не торопившуюся прикрыться.

— Я гляжу, у вас праздник весны и любви, — зло произнес он. — Ну встречайте: грачи прилетели.

— Что ты делаешь?! — крикнула Волжанка. — Зачем ты угрожаешь оружием?

Не сводя глаз с Зеппа, Грач приказал:

— Нина, заberi свое тряпье и выйди. Оденешься за дверью. Нам с ним надо поговорить. По важному и секретному делу.

Оружие, однако, убрал. Игрушка у товарища большевика была серьезная, «четырнадцатый» маузер.

Волжанка встала с кровати, совершенно не стесняясь наготы.

— Мы собирались тебя искать. Ты не представляешь, что произошло...

— Я вижу, как вы собирались, — перебил он. — Всё, Нина. За дверь!

Она вспыхнула, но больше не сказала ни слова. Вышла, прихватив юбку с блузкой.

Зепп, не теряя времени, одевался. Не из застенчивости. В кармане брюк у него имелась полезная вещица: портсигар с двумя стволами 30-го калибра. Мог пригодиться.

— Баба есть баба, даже если стриженная и с папиросой, — сказал Грач, когда за хозяйкой с грохотом захлопнулась дверь. — Все они передним местом думают... — Он недобро смотрел на Зеппа. — Ну, и на кой бес вы это сделали?

— Не ваше дело!

Майор как бы расправлял смявшийся карман, а на самом деле нащупывал спусковую кнопку на портсигаре. Сразу стало спокойнее.

— Да я не про это! — Грач мотнул головой на мятую постель. — Зачем вы, сарделька немецкая, Железнова шлепнули?

Руку из кармана Теофельс вынул, потер ею подбородок.

— Вопрос первый: откуда узнали про Железнова? Вопрос второй: вам сообщили про меня из Берлина?

Грач передразнил:

— Ответ первый. Приставил к вам человечка, а как же.

— Почему? — спросил Зепп, мысленно чертыхнувшись. Совсем он тут, в Цюрихе, развинтился. Слежка-то, выходит, была двойная: Волжанка и еще какой-то «человечек».

— ...Ответ второй, — не дал себя сбить Грач. — Из Берлина про вас никто не сообщал. Да мне и незачем. Связался с екатеринбургским Советом по телеграфу. Был, говорят, у нас Кожухов, боевой товарищ. В феврале, когда жандармское управление штурмовали, погиб смертью храбрых. Я сначала решил: еще одного подослали. Господин Люпус активничает. Но когда вы Железнова профессионально убрали, понял: фальшивый Кожухов пожаловал из Берлина. Так чем вам, герой-любовник, наш Железнов помешал?

Проклятые халтурщики из оперативного отдела! Сляпали дырявую «легенду»! Конечно, из-за революции обычные каналы информации начали давать сбои, но для сверхважного стратегического задания можно ведь было обойтись без такого грубого ляпа!

— Железнов оказался платным агентом Люпуса, — буркнул раздосадованный майор.

Добро б еще асы контрразведки выявили, а то какой-то революционный клоун с птичьей кличкой. Стыд и срам!

— Знаю. Давно знаю. — Грач присовокупил матерное слово. — Сегодня нарочно при Железнове про отъезд рассказал. Всё правда — и про вокзал, и про послезавтра. Только не в полночь мы отбываем, а в восемь

ноль ноль. Потому всем и приказано в кафе к семи собраться. Люпус с его люпусятами разработали бы операцию, рассчитывая на двенадцать ночи. И поцеловали бы наш поезд в задницу. А теперь из-за вас весь план насмарку. Переполошатся, что агент разоблачен. Забегают. Им Старика из Швейцарии выпускать никак нельзя.

Зепп слушал нотацию, как жалкий двоечник. Нечего было даже сказать в оправдание.

А Грач еще и подбавил:

— Идиоты проклятые! Почему было со мной не связаться? Зачем эта дурацкая игра в прятки? Или вы не знаете, что у семи нянек дитя без глазу? Я жизнью Старика рисковать не дам. Отменю к черту весь ваш транзит, будете знать. Вам же первому начальство башку оторвет. И правильно сделает!

ПАТРИОТЫ

В авто

Техническая новинка, затемненные окна, — вещь отличная, но когда сидишь в кабине и ведешь наблюдение в бинокль, хорошего фокуса добиться трудно, изображение в окуляре расплывается.

Из подъезда номера 19, где квартировала Антонина Краевская («Волжанка», а по-агентурному «Вобла»), вышли двое. Один известен. То есть имя настоящее не установлено, но фигура знакомая: «Джинн», он же «Грач», начальник охраны «Лысого». Второй (рост выше среднего, телосложение худощавое, небольшие усы, одет бедно) по сводкам, кажется, не проходил — новенький. Лицо как следует не разглядишь — воротник поднят, да и мутновато.

Молодой голос сказал:

— Иван Варламович, не прижимайтесь вы. У вас щека плохо выбрита, царапается.

— Извиняюсь, Николай Константинович, — ответил второй голос, сипловатый, низкий. — У вас, между прочим, воротничок крахмальный углом мне в шею, но я же терплю, кошки-матрешки... О чем это они толкуют? Послушать бы. Встали. Вроде прощаются?

— Повернись, голуба, дай тебя рассмотреть, — жалобно попросил первый незнакомца, с которым беседовал Джинн. — Вот та-ак, умничка.

И вдруг присвистнул.

Второй удивился:

— Чего это вы?

— Дайте, Иван Варламович!

Молодой отпихнул пожилого, с которым до этой секунды они смотрели в соседствующие окуляры большого артиллерийского бинокля. Взял «цейс» обеими руками, покрутил колесико.

— Он! Точно!

— Да кто?

— Фон Теофельс! По портрету узнал! В конце прошлого года проходил по всем ориентировкам! Это немец, который пытался убить государя!

За темным стеклом

Ивана Варламовича чем-либо удивить было трудно. Он лишь вздохнул и по привычке к педантизму поправил:

— Не государя, кошки-матрешки, а гражданина Николая Романова. По нынешним рэволюцѳонным временам немцу впору медаль давать.

Оба сидели на заднем сиденье «паккарда», поставленного так ловко, что из-за угла высывался лишь край кузова. Прохожие шли себе мимо, через хитрые американские стекла парочку с биноклем им было не видно.

— Пойду-ка я прогуляюсь, — молвил Иван Варламович. — Может, услышу что полезное.

Из автомобиля он вылез с другой стороны, чтоб из переулка не увидели. Прогулочной походочкой, этаким ленивым бургером, двинулся по переулку, мимо беседующих мужчин. Только те уже прощались.

Джинн, не подав Теофельсу руки и даже не кивнув, зашагал в сторону дальнего перекрестка. Немец же скрылся в подъезде.

Вернувшись к автомобилю, Иван Варламович доложил:

— Услышать ничего не услышал, зато кое-что увидел. Немец-то, похоже, у Воблы в любовниках. Одевался наскоро, из штиблет голые щиколотки торчат. А еще я, Николай Константинович, пока гулял, пришел к рассуждению, что это Теофельс ваш беднягу Пискуна кокнул. Больше некому. Джинн у нас на поводке был, а других ловкачей, кто так красиво самоубийство изобразит, у товарищей большевиков нету.

— Очень возможно.

Николай Константинович Леонтович — совсем молодой брюнет с

острым, несколько лисьим лицом и очень быстрыми движениями — сосредоточенно что-то строчил в блокнотике. У него имелась привычка: мелкие детали записывать по горячим следам. Так его научили на курсах, где он постигал премудрости разведочного дела.

Иван Варламович Шишко, сотрудник швейцарской резидентуры еще со времен предпоследнего царствования, вначале относился к методам молокососа-начальника иронически, однако впоследствии отношение переменил. Мальчишка-прапорщик, присланный в январе из Петрограда, был молодчага и орел, невзирая на зеленый возраст и смешной чин. Иван Варламович при нем, можно сказать, переживал вторую молодость.

Когда-то он тоже слыл птицей клювастой и когтистой, выслеживал боевиков, рисковал жизнью. Но лет десять тому беготня эта кончилась, опасные террористы в Швейцарии повывелись. После начала войны стало поживей и работы прибавилось, но все равно: нейтральная страна, нарушать местные законы ни-ни, даже оружие при себе носить инструкция запрещала. Только вести наблюдение за кем прикажут, передавать эстафеты. Кругом война, конец света, а в Цюрихе тишь, благодать. Отъел Иван Варламович брюшко, начал готовиться к недалекой пенсии. Кровь у него в жилах текла азартная, филерская, но разогнать ее особенно было негде. От скуки, нервы пощекотать, пристрастился он к глупой забаве — лазить по ледникам с альпенштоком.

Но пару месяцев назад прежнего начальника, статского советника Кукушкина, отозвали в Россию. Прислали выскочку военного времени, вчерашнего студента с дурацкой кличкой «Люпус» (у господина Кукушкина никакого агентурного прозвания не было, и донесения он подписывал инициалами). Появилась перед самой революцией такая мода: назначать людей на видные должности не по выслуге, а по заслуге. Эх, кабы раньше так было! Люпус, даром что сопляк, успел и пороху понюхать, и в тысяче переделок побывать, а главное — не было в нем страха ни перед врагом, ни перед начальством.

Пошла у Шишко совсем другая жизнь. Вспомнил конь боевой: не для пашни, а для скачки на свет он рожден.

Перво-наперво прапорщик Леонтович велел наплевать на дипломатические инструкции. На войне без оружия только полковые попы ходят. Во-вторых, решил проблему Воячека, помощника австрийского резидента. В мирные времена, бывало, пиво вместе пили, а теперь не стало от шустрого австрияка никакой жизни. Совсем обнаглел, зная, что опасаться ему нечего. Пожаловался на него Иван Варламович новому начальнику, а тот говорит: «В чем загвоздка? Дайте мне на него

ориентировку: адрес, явки, привычки. Я этот гнилой зуб в два счета выдерну». И стало Ивану Варламовичу стыдно, что он так обабился. От помощи отказался, обошелся своими средствами.

Лег герр Воячек в сырую землю, с двумя пулями в груди, а у самого Ивана Варламовича на память осталась отметина повыше коленки, от касательного ранения. Успел старый знакомец в него разок-другой пальнуть, да промазал. А могло и наоборот выйти, очень запросто. С этого момента встряхнулся Шишко, взбодрился, помолодел лет на пятнадцать. При Люпусе скучать и сидеть без работы не приходилось. Альпеншток с шипастыми бутсами валялись в кладовке — азарту теперь хватало и без них.

Насчет Леонтовича было еще вот что интересно. Раньше в агентуру шли дворняжки беспородные, у кого ни гроша за душой. Шишко и сам был из таких. Копил швейцарскую копеечку, экономил на суточных-разъездных. Статский советник Кукушкин тоже себя не обижал: напишет в отчете, что заплатил за информацию тысячу франков, а сам даст пятьсот, остальные — в карман. Если б Кукушкин в Цюрихе оставался, когда грянула революция и финансирование закончилось, тут бы и конец всей резидентуре. Не стал бы его высокородие всухую работать.

Люпус — другого поля ягода. Не ради жалованья и наградных в разведку пошел. Родитель у него солидный человек, заводчик, денег для сына не жалеет. Когда в марте месяце Петроград замолчал, а господин военный агент из Берна сообщил, что служба закончена, платы больше не будет, Люпус велел на это наплевать. «Не военному агенту служим и не Петрограду, — сказал. — Пока война не закончена, будем воевать. Монархия у нас или республика, все равно. Россия есть Россия, никуда не денется. А насчет жалованья, Иван Варламович, не переживайте. Буду пока из своего кармана давать. А через месяц-другой у них там дурная кровь от мозгов отхлынет, поймут, что и республике без заграничной резидентуры обойтись невозможно». И платил, как положено: в прежнем размере, в срок. А хоть бы и не платил. Шишко своего молодого начальника к тому времени так крепко зауважал, что исполнял бы должное и за спасибо.

Главную цель деятельности Люпус определил сам, по своему разумению. А разумение у мальчика было получше, чем у прежних начальников.

Люпус сказал: «Главная опасность для России — что революционная бацилла дальнейшее воспаление произведет. Самый смертоносный микроб у нас в Цюрихе пребывает. Господин Картавый, которого большевики зовут „Стариком“, а немцы „Лысым“. Счастье, что он застрял в швейцарском

карантине. Мы при этом карантине вроде санитарного кордона. Если дадим Лысому проползти в Петроград — убить нас мало. Ну и болваны же руководили вашей Охранкой, Иван Варламович! Гонялись за эсэрами и анархистами, большевики у них, видите ли, считались безобидными говорунами. А их отстреливать надо было, как бешеных собак. И, клянусь, мы это сделаем, как только Лысый всерьез засобирается домой».

Вот он, сердешный, и засобирался. Да только поди-ка к нему, подступись. Носу со своей квартиры не высовывает. Вокруг дежурят людишки Джинна, берегут своего вождя. А со вчерашнего дня Лысый вообще куда-то пропал. Не иначе перевезли в безопасное место — и не выяснить, куда именно.

Проще всего будет его перед посадкой в поезд достать. Но для этого нужно узнать, откуда и во сколько он отбывает.

— Без Пискуна мы как слепые щенки, — сказал Люпус, когда они перебрались с заднего сиденья на переднее. Завел мотор. Он любил водить машину сам. — Что делать будем, Иван Варламович?

Шишко погладил седоватые усы.

— Поехали ко мне. Чайку попьем. В шахматишки посражаемся. Авось что и придумаем. Опять же Марья Васильевна моя, поди, соскучилась.

За шахматишками

Марья Васильевна была кошка почтенного тринадцатилетнего возраста, когда-то вывезенная Иваном Варламовичем из родного города Калуги после очередного отпуска. Попивши теплого молока с хлебными крохами, она дремала на столе под горячим боком самовара. Хозяин Марью Васильевну баловал, разрешал ей любые вольности и часто вел с нею беседы. Другой семьи у Ивана Варламовича не было.

Он допивал уже третий стакан, а Люпус едва пригубил первый, и к медовым пряникам, которые Шишко покупал в еврейской лавке, не притронулся. У прапорщика шел мыслительный процесс. В такие моменты ни пить, ни есть Николай Константинович не мог.

Партия в шахматы тоже была одно название. Черного короля Люпус назначил Лысым, поставил в центр пустой доски и обставлял разными фигурами. Одна из них, пешка, лежала сбоку, обозначая убитого Пискуна. Белый ферзь, то есть Теофельс, и черный ферзь, то есть Джинн, вопреки всякой шахматной логике охраняли короля с обеих сторон. Им помогали слоны и кони — большевистские охранники.

Сидели по-русски, на кухне. Квартирка у Ивана Варламовича была уютная, достался ему от бога такой талант — повсюду устраиваться вкусно и обстоятельно. Думать начальнику он не мешал, с аппетитом кушал пряники, макая их в варенье. Уличный пиджак, чтоб не запачкать, сменил на удобную домашнюю кофту.

— Как же до черта этого добратся? — в десятый раз спрашивал Люпус. — Попасть бы только к отправлению поезда. Даже близко подходить необязательно. Я бы его, гадину, и с двадцати шагов положил. Пускай потом хоть на месте убивают, хоть в полицию сдают. С чистой совестью умру или в тюрьму сяду.

— Оно конечно. С чистой совестью, кошки-матрешки, ничего не страшно, — поддакивал Шишко, чтоб морально поддержать юношу.

Сам-то он думал, что, ежели б узнать время отъезда, то совсем необязательно на рожон лезть. Найдутся способы побезопасней. Однако до поры до времени не возражал. Прапорщик был остер умом, что-нибудь да придумает. А уж в проработке деталей можно будет и поучаствовать.

Николай Константинович засопел острым носом. Стал вертеть в руках одну из пешек, внимательно ее разглядывая. И умолк. Это был хороший признак.

Молчание длилось долго, и Шишко пока стал думать о приятном. Как после войны всё устаканится, перемелется, и выйдет он на пенсию, снимет со счета нетронутые инфляцией надежные швейцарские франки и купит в чудесном городе Калуге дом с палисадником. Чтоб нижний этаж был каменный, а верхний бревенчатый. В Швейцарии тоже такие есть, «шале» называются, но только где им до калужских.

— Расскажу я вам одну историю, — сказал Люпус. — Из недавнего прошлого.

И рассказал. Слушать его Шишко любил, потому что истории у Николая Константиновича были всегда интересные и говорил он, будто кино показывал. Так всё прямо и видишь.

Рассказ Люпуса

Вы, Иван Варламович, знаете: перед тем как в заграничную резидентуру перейти, я в контрразведке работал. Последнее время в группе поручика Романова. Не слышали про такого? Услышите еще. Восходящая звезда контршпионажа. Талант. Тоже, как я, из студентов Петербургского университета. У него крест георгиевский. Сами знаете, какая это в нашем

ведомстве редкость, а у Романова солдатский и офицерский. Не в крестах, собственно, дело. Романов — человек железный. У него было чему поучиться. Раз, прошлой осенью, преподавал он мне урок, на всю жизнь.

Взяли мы поляка одного, из агентуры Пилсудского. Вы тут в Швейцарии с «Польской организацией войсковой» не сталкиваетесь, а в России она нам много крови попортила. Ведь поляков в империи миллионы. Поди знай, кто из них ради независимой Польши на врага шпионит. Понять-то поляков можно, я бы давно их отпустил из державы к чертовой бабушке, коли они с нами жить не желают. Насильно мил не будешь. Но во время войны не до сантиментов.

В общем, следили мы за их сетью, но брать никого не решались. Перышко ухватим, а птица улетит. Романов всё повторял: не торопимся, не торопимся, наверняка нужно — чтоб непременно на «крысу» из штаба выйти.

Дело в том, что из штаба Петроградского округа через польскую агентуру шла утечка секретных сведений. Работал там на них кто-то, а кто — вычислить никак не получалось.

И вот говорит однажды поручик: «Работаем! У Рыжего жена двойню родила. Счастливый папаша нам всё расскажет. Не он, так мамаша — она Стацинскому единомышленница и боевая подруга». Был у поляков в сети ключевой человек один, по фамилии Стацинский, агентурная кличка «Рыжий». Инженер, в конце Литейного жил. Мы давно за ним следили и что жена беременная, знали. Родила она, стало быть — двойню.

Взяли мы супругов Стацинских ночью, прямо в кровати. Они на последнем, четвертом этаже жили, так мы с крыши через окно проникли.

Но хоть сработали аккуратно, а только вижу: дело дрянь. Во-первых, не понравилось мне, что Рыжий, когда револьвер из-под подушки выхватил, его не на нас, а себе в висок направил. Еле Романов успел ему запястье вывернуть. Во-вторых, жена неприятно удивила. Ни писку, ни крику. У нее в люльке два грудных младенца орут, на ночной рубашке пятна от молока расплываются, а Стацинская зубы стиснула и в глазах одна только ненависть. Гордая полячка.

Я шепотом Романову говорю: «Пустое, Алексей Парисович, ничего они нам не скажут».

Он, однако, работает с арестованными по всей науке, психологически давит. Мол, детей придется в Воспитательный дом отдать, грудные там редко выживают, жалко бедняжек и всё такое.

— Жалко, — кивает Рыжий и улыбается. Жена не улыбается, кусает губы, но тоже — стена каменная.

Тогда Романов мягче берет:

— Скажите, кто вам из штаба округа сведения дает, и я распоряжусь оставить детей при матери. Больше, честное офицерское, ни одного вопроса не задам. Товарищей своих можете не выдавать. Что вам этот «Оракул», продажная тварь? Он ведь не поляк даже.

Ловко подъезжает, думаю. Товарищей Рыжего мы и так почти всех знали, а что «Оракул» — не поляк, это предположение было. Всех офицеров польской крови, кто мог иметь доступ к секретным данным, мы под микроскопом проверили.

Но Рыжий и на это не купился, замолчал вглухую. Еще и глаза прикрыл: не желаю ни разговаривать, ни рож ваших видеть. Зато жена его вдруг улыбаться начала, этак психовато, экзальтированно. Взгляд к потолку обратила и всё крестик золотой на шее тербит.

Полный крах, думаю. Ушла сеть под воду вместе с добычей, одни обрывки у нас в руках останутся.

Романов белый, весь затрясся. На Рыжего перестал обращать внимание, на панночку переключился.

— А-а, — рычит, — это вы, верно, думаете, что детей ваших Бог католический спасет? Не спасет! Если вы сами их не спасете, никто не поможет!

Махнул ребятам, чтоб взяли супругов покрепче. А сам — я глазам не поверил — берет из колыбельки одного малыша. Мальчик. Рыженький, как папаша. Вопит, надрывается, рожица от натуги багровая.

Мать забилась, но ее два бугая здоровых держат. Стацинского — четверо. Тот, правда, не шелохнулся, только глаза широко открыл.

А окно, через которое мы давеча влезли, открытое осталось. Романов перегнулся через подоконник, ребенка наружу высунул. Обернулся.

— Считаю до пяти — и выброшу. А потом второго!

И такое лицо бешеное, такой голос, что никаких сомнений. Выбросит!

Он до трех досчитал, потом полячка назвала фамилию. Мы гада этого, штабс-капитана из мобилизационного отдела, чистого русака, даже не подозревали.

Потом, когда арестованных увезли (мамашу вместе с детьми, как обещано), я Романова спрашиваю: «Неужели правда младенцев в окно бы выкинули?»

У него зубы клацают, глаза — черные дырки.

И говорит он мне:

— Я, Николай Константинович (он с сотрудниками-офицерами всегда на «вы», не признает фамильярности), я, говорит, думал, что первого

выкину, а когда так же возьму второго — она обязательно расколется. Если устоит, второго верну в колыбель. Зачем зря убивать? А потом в любом случае — расколется она или не расколется — застрелюсь. Потому что как на свете жить, если ребенка убил?

Он вообще-то немногословный, Романов, а здесь, от нервов, разговорился:

— Я с Достоевским про слезу ребенка категорически не согласен. Поганое интеллигентское чистоплюйство. Ручек своих белых даже ради спасения отчизны не замараю — вот что эти слова значат. А я замараю. И жизнь положу, и самое душу на кон поставлю. Бог, если Он есть, после решит, есть мне прощение или нету. А долг свой я исполню.

Вот какой урок преподавал мне поручик Романов.

Иван Варламович покачал круглой, очень коротко стриженной головой.

— Да-а, кошки-матрешки, серьезный человек...

И поперхнулся, глядя на собеседника. Крякнул. Ну, племя молодое, незнакомое!

НЕБОНТОННАЯ ИДЕЙКА

8 апреля

— Нина, я погуляю? — спросил он. — Русский я сделал, задачи по арифметике решил. Абрам Львович сказал, что я молодец.

Карл в швейцарскую школу не ходил, потому что там буржуазное образование и хорошему не научат. Русскому, арифметике, истории, географии и природоведению его учил Абрам Львович, немецкому — товарищ Людвиг, французскому — Клементина Сергеевна.

Мать согласилась очень быстро:

— Хорошо, но не уходи, будь в сквере. Я тебя позову. И начнем собирать вещи.

На самом деле гулять не хотелось. Скверик напротив дома Карлу до смерти надоел. Ни поговорить, ни поиграть с кем-нибудь вменяемым. Одни бонны с колясками, а сейчас, например, вообще ни души, только молодой человек читает книжку. Наверное, студент с медицинского факультета — университетская клиника в пяти минутах.

Но к Нине скоро придет товарищ Кожухов. Им нужно побыть вдвоем. Потому что у них физические отношения.

Мужчины и женщины должны вступать в физические отношения. Это естественно и здорово, Нина всё объяснила. Попросила только о подробностях не расспрашивать, потому что Карлу про это знать еще рано. Он и не расспрашивал, просто прочитал статью в энциклопедии. В принципе всё понял. Когда-нибудь, наверное, тоже придется всем этим заниматься, раз положено по природе. Но в статусе ребенка есть свои плюсы. Можно не работать, не ходить на войну, не тратить время на отношения с женским полом.

Хотя на войну Карл бы с удовольствием пошел. Если она, конечно, справедливая — за освобождение пролетариата. Но товарищ Людвиг говорит, что революция только начинается. Сначала она должна окончательно победить в России, и без больших сражений здесь не обойдется. А потом начнется мировая революция, и по всей планете рабочий класс станет драться с капиталистами. Дело это долгое. Не меньше, чем лет на десять. К тому времени Карлу будет уже девятнадцать. Так что повоевать успеем. Пока же надо учиться.

Вот Отец — он был герой и отдал жизнь за товарищей, но учился недостаточно и потому угодил к социалистам-революционерам. Ужасно обидно! Как можно было в девятьсот седьмом году, через целых четыре года после Второго съезда РСДРП, не понимать: крестьянство не может быть революционным классом, потому что всякий сельскохозяйственный труженик в душе мелкий собственник и индивидуалист.

От мыслей об отцовских заблуждениях Карла отвлекло слабое жужжание, доносившееся сверху.

Он задрал голову, жадно вглядываясь в небо.

Так и есть — аэроплан! «Фарман», четвертый.

Когда наступит коммунизм, все города перестроят. Крыши у домов будут плоские, и на каждой — посадочная площадка для летательных аппаратов. Сел и полетел куда надо. А улицы будут, как газоны, сплошь в траве. По ним можно будет только пешком гулять или на велосипедах ездить. Ни извозчиков, ни авто. Здорово!

Самолет скрылся за горой Ютлиберг.

Карл медленно пошел через улицу к скверу. У края тротуара лежала жестянка из-под компота. Разбежавшись, мальчик вlepил по ней пыром — и она взлетела, а потом загрохотала по брусчатке.

И еще при коммунизме все будут играть в футбол.

Отворяйте ворота!

Дзынь-дзынь, трата-та, отворяйте ворота! Иван Варламович не только позвонил, но и пылко постучал, как это сделал бы нетерпеливый кобелек.

После этого, как и предполагалось, хозяйка открыла не спрашивая. Вообразила, что это любовник пришел раньше условленного времени. Нетерпеливой страстию пылая.

Вобла с фон Теофельсом договорились на пять (Люпус, гений техники, подключился к телефонной линии и подслушал), а сейчас было без двадцати.

Удивилась она, конечно, увидев незнакомого человека. А когда незнакомый человек сунул ей под нос пистолет, то и ойкнула.

Начало обнадеживало.

Иван Варламович слегка толкнул большевичку в плоскую грудь, шагнул в прихожую, дверь за собою прикрыл.

— Что вы так напугались, сударыня? Ишь, побелела-то. Это не смерть ваша, товарищ Волжанка. Это всего только испытание.

— Какое испытание? — ошалело пролепетала она.

— Материнского сердца.

Оглядел Иван Васильевич невеликую квартирку, сориентировался. Вобла за эти секунды несколько опомнилась.

— Что вам нужно? Вы из Охранки?

— Прежде, так точно, состоял по линии Охранного отделения. — Он снова подтолкнул ее в направлении спальни. Времени ласы точить не было. — Ныне же гражданин свободной России. И, заметьте, патриот.

Спаленка монашеская. Кроватька железная. На такой не с мил-другом куролесить, а постные сны смотреть. Но окно выходило куда следовало, не ошибся Иван Варламович, когда с улицы смотрел.

Он перешел сразу к делу.

— Один вопросик, мадам. Маленький. Когда отбывает Старик? То есть, мне известно, что завтра. Но откуда именно? И, главное, во сколько?

А она вместо ответа:

— Что вы такое про материнское сердце сказали?

— Про сердце после. Это, может, вовсе и не понадобится. Так я вопросец задал.

Она руки на груди сложила, подбородок вверх.

— Или стреляйте, или убирайтесь. Вон отсюда!

Значит, понадобится. Охо-хо, грехи наши тяжкие...

Тем временем в сквере

С гулянием сегодня повезло. Карл думал, опять придется сучком на земле баррикадный бой рисовать, а потом затирать, чтоб герр Ланге, садовник, не ругался. Но студент, что читал книжку, вступил в разговор.

— Ты что это рисуешь?

По-немецки он говорил с акцентом. Оказался поляк, из Кракова. Почти земляк.

Много интересных штук показал. Например, надвинул кепи себе на самые глаза, раскрыл перочинный ножик и вслепую стал кидать в дерево. Что ни бросит — торчком. Здорово!

Карл ему сначала просто ножик подносил, потом попросил научить.

Ян (так студента звали) положил ему руку на плечо, занес ножик и стал показывать правильный замах.

В мансарде

Теперь бабенка вскрикнула погромче, чем возле двери.

— Карл!

Иван Варламович ей ладонью рот прикрыл.

— Тссс! Потихе, милая. Что орать-то, соседей тревожить? Подумаешь — Карлуша товарища сыскал. Пускай в ножики поиграют. Про Дмитрия-царевича помнишь? Вот и он так же забавлялся.

Любил Иван Варламович в спокойный вечерок из русской истории что-нибудь почитать. Про царевича Дмитрия, отрока невинно убиенного, очень к месту вспомнилось. Культурно. А на «ты» Иван Варламович с Воблой нарочно перешел. Дожимать ее пора было. Без четверти пять уже.

— Не трясись ты, дура. Это мой приятель, очень хороший человек. Не станет он твоего сынулю резать. У Люпуса (звать его так) руки исключительной силы. Вот так положит на затылочек. — Он взял Воблу пальцами сзади за шею и сжал. — Этак вот повернет, и позвонки — хрясть. Много ли ребенку надо? Шейка-то цыплячья. А резать — нет, резать не станет.

— Мерзавцы! — захрипела она. — Подлецы!

— Э-э нет, товарищ Волжанка. — Иван Варламович посуровел. — Ты нас в подлецы не записывай. Деточек Столыпина, Петра Аркадьича, ваши взорвали — не пожалели?

— Это сделали анархисты!

— Брось. Вы, большевики, пострашней анархистов... — Теперь следовало мягкости подпустить и снова на «вы» перейти. — Так я насчет материнского сердца интересуюсь. Ежели вы нестигаемость проявите и собственное дитя погубите, знаете кто вы после этого? Чудовище и гадина последняя. Ехидна, что собственных детенышей пожирает.

Кто такое «ехидна» и питается ли она своим потомством, Иван Варламович доподлинно не ведал, но его несло вдохновение.

— Мне ведь, кошки-матрешки, довольно платочком махнуть. — Он достал стиранный-перестиранный платок. — И отлетит душонка к ангелам. Как решать будем?

— Я не знаю, во сколько прибудет Старик... Честное слово, не знаю!

У Ивана Варламовича прямо от сердца отлегло. Раз голос задрожал и в глазах слезы, всё устроится.

— Конечно, не знаешь. Кто ж тебе, дуре, такой секрет доверит. Конспирация! Но вот любовничек твой у Грача в помощниках. Он непременно знает. Ты к нему подластись по-бабьи, разнежь его, да и выпроси.

— ...Хорошо. Попробую. А после вам скажу. Только отпустите сына!

Засмеялся тут Иван Варламович. Нашла простака!

— Не-е, золотце. Мне уходить уже поздно. Не приведи Господь, столкнусь на лестнице с твоим хахалем. Ну, как он меня соперником сочтет? Боюсь я его, он мужчина строгий. Я вот... — Поглядел туда-сюда. — Я в чуланчик спрячусь, как и положено сопернику. В тесноте да не в обиде. И послушаю. Заодно, уж не стесняйся, буду в щелочку подглядывать. Не из похабного интереса, не подумай. Но ежели примечу, что ты ему какие знаки подаешь, пеняй на себя. Мало того что обоих на месте положу, но и сынишка твой жить не будет. Люпус — мужчина обидчивый. Так что? Десять минут всего остается. Решай.

— Всё сделаю... — Она дрожала. — Как холодно... Форточку закрою.

Это она не из-за форточки к окну подошла — сердце материнское погнало еще раз на сына посмотреть. Пускай.

Николай Константинович рядом с парнишкой на корточках сидел — ножик в землю кидали. Очень кстати. Будто услышал про царевича.

— Это вас не от холода, от нервов колотит. Ничего, всё обойдется. Только уж вы, Антонина Васильевна, дуру не сваяйте. Три жизни в руках держите.

В ЩЕЛОЧКУ

На что уж тесна была кладовка, примыкавшая к спальне, но и тут домовитый Иван Варламович сумел устроиться с комфортом. Снял с верхней полки ватное одеяло, под него пристроил ящик с инструментами — получилось мягчайшее сиденье. Помазал под носом одеколончиком: и ароматно, и не расчихаешься от пыли. Щелку наладил и закрепил, чтоб дверца не скрипнула.

А тут и гость дорогой пожаловал.

Вобла, как велено, открывать в прихожую не пошла, а крикнула прямо из комнаты: «Не заперто!». Удаляться из поля зрения ей было строго-настрого воспрещено. Зачудила бы — Иван Варламович пустил бы в ход пистолет, колебаться б не стал. С Теофельсом шутки плохи. Пальнет через дверцу, и никакого тебе домика в Калуге.

Но баба вела себя смирно. Матери — они такие.

Поздоровкались революционные любовники за руку, будто собирались в переговоры вступать. Вот уроды!

Актерка из Воблы была плохая, но за это человека осуждать нельзя. На вопросы любовника отвечала коротко. Когда он усадил ее на кровать, начал целовать и платье расстегивать, отодвинулась.

Теофельс, конечно, спросил:

— Что с вами? Вы сегодня будто деревянная.

Надо же, на «вы» у них. Жеманно.

Шевелись ты, кукла, не строй из себя снежную бабу! О сынке подумай!

Зашевелилась.

— Да, я сегодня сама не своя... Не обращайтесь внимания.

Расстегнула пуговицы, сняла платье через голову. Плечи у нее, между прочим, были ничего себе — круглые, белые. Спереди только мелкогато, на вкус Ивана Варламовича.

Откинулась на спину. Пришлось кавалеру самому с нее чулки снимать. Он чего-то там гладил, нацеловывал. Не торопился, в общем. Разогреть ее хотел.

За его спиною ничего интересного видно не было, и отвлекся немного Иван Варламович. Полезли в голову мысли посторонние, неуместные.

Стал он думать про женское. Эх, кошки-матрешки, обделила его в этом отношении судьба. Семьи вот нет, да и постельное, что было — чепуха одна, вспомнить нечего. Одни лярвы копеечные.

Повстречать бы хорошую женщину — вдовую, но еще в соку. Чтоб была жизнью кусанная, но не сломанная. В мужчинах разочарованная, однако же не перегоревшая. Тогда и сочетаться можно. Не всё ж с Марьей Васильевной лясы точить, да и помрет она поди скоро, кошачий век короток...

— Нет, что-то не так, — сказал Теофельс распрямляясь. — Ну-ка рассказывайте.

Иван Варламович пустые думы отогнал, напрягся, предохранитель с пистолета снял.

— Страшно... — ответила она и села.

— Что страшно?

— Всё. Жизнь... Люди... Будущее. Что нас ждет на Родине?

Теофельс смотрел на нее, не шевелился.

— Скоро узнаем.

— Нервы не выдерживают! Грач вчера сказал, что уезжаем завтра в полночь. Сегодня говорит: скорее всего завтра, но во сколько, неизвестно. Так уезжаем или нет?

Иван Варламович одобрительно кивнул: так-так.

— Вы извините... — И голос у нее плаксивый, искренний. Умничка. — Извините, что раскисла... Но я с вами не могу твердость изображать... Вы на меня плохо действуете...

Теофельс ей, хмыкнув:

— Это физиология, товарищ Волжанка. В постели твердым может быть только мужчина.

Смешно сказал немчура. Иван Варламович оценил.

Вобле-то сейчас было не до смеху. Онагнула свою линию, сражалась за спасение дитяти.

— ...Начала вещи собирать — всё из рук валится. Скажите, вы ведь знаете, мы точно завтра уезжаем?

— Точно.

— А во сколько?

Этот помолчал немножко. Но как не уважить милую подругу?

— В восемь. Сами понимаете, это строго между нами. Грач, я и теперь вы — больше никто не знает. Не считая Старика, конечно. Его из дома прямо к поезду доставят, минута в минуту.

Перед тем, как в чуланчик спрятаться, Иван Варламович товарищу Вобле еще одно задание дал: вытянуть у хахалю, куда они своего вождя перевезли. Обещал ее за это кое-чем наградить.

Поэтому Вобла от Теофельса не отстала.

— А где Старик? Откуда его привезут?

— Грач переправил его с Шпигельгассе, из старой квартиры, на Кульманштрассе, подальше от людных кварталов.

Номер дома выпитай, золотая-серебряная! Кульманштрассе — она длинная!

Вобла спросила:

— Но там ведь буржуазия живет, сплошь одни особняки.

— Это ближе к центру. А мы сняли квартиру подальше, в четырехэтажном доме, сером таком. На автомобиле до вокзала не больше десяти минут. Вот без десяти Старика и отправят.

От удовольствия Иван Варламович облизнулся.

По-отечески

Теперь он с нею заговорил иначе, по-отечески. Выудив у Теофельса всё, что требовалось, Вобла любовничка быстро спровадила. И слава богу. А то сиди скрючившись, пока они там тешиться будут.

Немец, надо отдать ему должное, повел себя культурно. Другой мужик нипочем бы не отлип, пока свое кобелиное не урвет. А этот не стал особенно липнуть, когда понял, что барышня не в настроении. Может, конечно, не больно-то ему эта рыбина сушеная нравилась, а приклеился он к ней из одного лишь агентурного интереса.

Провожать его Вобла не пошла, этого Иван Варламович ей бы не спустил.

— Извините, товарищ Кожухов. Не сердитесь. Совсем я что-то раскисла. Больше это не повторится, даю слово.

Теофельс ей:

— Ничего, я понимаю. Всякое бывает. Дорогу до двери я и сам найду. Но может быть, с вами просто посидеть? Чаю заварить?

— Нет-нет. Полежу немного и возьму себя в руки.

— Хотите, я скажу Карлу, чтобы домой шел? Я видел, он в сквере. Помахал ему рукой, но он с каким-то молодым человеком в ножички играет. Не проявил ко мне интереса.

Иван Варламович было напрягся, но Вобла его не разочаровала.

— Пусть поиграет. Не хочу, чтобы он видел меня в таком виде.

За эту-то благоразумность Иван Варламович и сказал бабе-дуре утешительное слово, когда немец ушел.

— Умница! Напускное с себя скинула и сразу человеком стала.

Женщиной, матерью.

И по плечу ее похлопал.

Она в ответ, с мукой:

— Я предательница. Я застрелюсь!

— Дурь это всё, из головы выкини. — Иван Варламович ее пальцем по лбу постучал, но не сильно, а на манер родителя. — Революции, прокламации, акции-операции — это для мужчин игрушки. — Подвел в окно, показал, как Люпус с мальчонкой резвятся. — Настоящая жизнь — вон она, в попрыгунчики играет. Ее, дочка, и держись. Прочее — от Сатаны.

А затем и порадовал женщину, потому что уговор дороже денег.

— Поскольку ты мне адрес Старика добыла, получишь обещанную награду. Я свое слово держу. Мы с тобой как договорились? Узнаешь только время отъезда — заберем мальчишку с собой, для гарантии. Чтоб ты наш секретец не выдала. А коли будешь золотце и выцыганишь у милого дружка еще и адрес, то возвернем твоего Карла-Маркса нынче же. Маши ему из окошка, зови. Обними кровиночку.

Вобла к окну так и бросилась. Раму открывала — чуть стекло не разгрохала.

— Карл! Карл! Скорей домой!

Иван Варламович у нее из-за спины начальнику условный сигнал подал: можно.

Парнишка пожал Люпусу руку, важно так — умора, и вприпрыжку побежал через улицу.

— Гляди, как подружились. Любо-дорого, — сказал Иван Варламович. — Только вот что, душа моя. До самого отъезда сидите оба дома, на улицу ни ногой. Телефонный провод я отрежу. И человечка к вам приставлю. Приличный господин, помощник мой. Не обременит, даже поможет вещички собрать. А завтра на вокзал доставит. Прямо к отправлению. С охраной прибудете, прямо как ваш партийный вождь.

Она молча посмотрела, но спорить не стала. В глазах тоска, ужас, ненависть — всё сразу.

Оно конечно, нелегко вот так в один час всю свою жизнь переломить. Но рано или поздно всякому человеку приходится задать себе вопрос: что главней всего? И сделать выбор.

ЛЕСТНИЦА

— Славный кварталец. Не тесно, воздух свежий. Сразу видно, что у большевиков завелись деньжата, — сказал Иван Варламович. — И понятно, откуда.

Время было уже вечернее, на улице стемнело, из дома номер 28 «паккард», спрятанный в густой тени двора напротив, заметить никак не могли.

Кульманштрассе, широкая улица, плавно поднимающаяся от Старого Города вверх, была застроена вилами и приличными доходными домами недавней конструкции.

— Авто у них, кошки-матрешки, новехонькое, не то что наш драндулет. Не скупятся фрицы на Лысого. — Иван Варламович вздохнул, разглядывая 80-сильную «испано-сюизу», ждавшую у подъезда. — Как рванет с места. Не отстать бы.

— Ничего, всё рассчитано. Перед поворотом они притормозят.

Люпус передернулся — будто электрическим током его хватануло.

— Волнуетесь, Николай Константинович?

— Из-за Лысого? Да нет, я всё вчерашний день вспоминаю. — Люпус опять поежился. — Верите, Иван Варламович, ночью не спал. Честно вам признаюсь: если б вы из окна платком махнули, я бы не сумел... Ну, мальчишку-то... Ужас, что я пережил. Нет, я не поручик Романов. Не хватило бы у меня пороху.

Иван Варламович удивился:

— Я и не стал бы махать. Что толку? Если баба такая нелюдь, что родное дитя не пожалела бы, зачем зря ребенка губить? Другое дело, что я бы ей в этом случае башку проломил безо всякого сожаления — это да.

От этих слов Люпус воспрял духом.

— Я знал, что она сломается, я всё правильно рассчитал. Из досье было ясно, что Краевская все-таки женщина, а не кусок гранита. Риск, конечно, был, но вполне разумный.

Иван Варламович мысленно усмехнулся. Молодой, честолюбивый. Хочет главную заслугу себе взять. Пускай, сочтемся славой. Тем более что ни славы, ни награды за это дельце не дождешься. Наоборот, придется перед Петроградом изображать, что знать ничего не знали, ведать не ведали. За убийство эмигрантского вождя новая власть по головке не погладит.

Плевать, лишь бы всё прошло гладко.

— Без девяти минут, — нервно сказал Люпус. — Ну, если она, стерва, нас провела... Живой ей не быть.

И положил руку на ракетницу. Синюшников сейчас следит за небом. Увидит над холмом зеленую ракету, и в тот же миг гадине конец. Только Иван Варламович был уверен: не словчила мамаша. Не стала бы она сыночком рисковать. Почем ей знать, что Синюшникову велено пацаненка не трогать?

— Выходят! — шепнул прапорщик.

Из подъезда вышел человек в кепке, огляделся, сел за руль «испано-сюизы». За ним еще один, долговязый. Тоже поозирался, распахнул пассажирскую дверь. Правую руку держал в кармане.

— А вот и Лысый... — Николай Константинович довольно чувствительно ударил помощника по руке. — Приготовьтесь!

— Давно готов... — Иван Варламович перекрестился. — Ну, помогай Господь.

Невысокий, коренастый мужчина в котелке быстро сел в машину. Охранник захлопнул дверцу, обежал автомобиль и, уже на ходу, впрыгнул справа.

«Испано-сюиза» быстро разогналась, катясь вниз к перекрестку, но перед поворотом налево, на Зоннегштрассе, сбросила скорость. Тут-то «паккард» ее и нагнал.

Место было выбрано с толком. Влево и вправо — открытое пространство, не спрячешься. Впереди — крутой склон с длинной лестницей. Побегать по ней, конечно, можно, но пуля летает быстрее.

Это если не удастся Лысого прямо в кабине положить.

Огонь! Огонь!

Завизжали тормоза. Люпус и Шишко почти одновременно, с двух сторон, выскочили из машины и открыли огонь: прапорщик по-научному, с локтевого упора; Иван Варламович по старинке, навскид.

В «испано-сюизе» зазвенели пробитые стекла. Бить сначала следовало в охранников — они с оружием, могут подстрелить. Пассажира можно будет прикончить после. Поэтому прапорщик целил в шофера, Шишко — в долговязого.

Прапорщик, поднаторевший в военных передрягах, стрелял лучше. Водитель только обернуться успел — и повис на руле. А вот Иван Варламович смазал. Длинный охранник распахнул дверцу, скрючился за

ней и что-то закричал.

Высунул руку с револьвером, начал отстреливаться.

Секунды две всего понадобилось, чтобы дверцу из двух стволов издырять. Упал охранник, только ногами длинными дрыгнул. А мертвый шофер по рулю тушей сполз, и от этого «испано-сюизу» поперек улицы развернуло. Стало видно, что нет никого на заднем сиденье.

— Бежит, бежит! — крикнул Николай Константинович.

Иван Варламович сам уже видел, что Лысый успел из машины выскочить и со всех ног улепetyивает к лестнице. Юркий, чертяка. Когда только успел?

Котелок с бегущего свалился, в свете уличного фонаря блеснула плешивая макушка, окруженная венчиком волос.

Из окон ближайшего дома кто-то высунулся, но черт с ними, свидетелями.

— За ним, ради бога! — закричал Люпус, дергая затвор. — Зараза, переклинило!

Иван Варламович, топая по булыжнику, кинулся догонять.

Сколько патронов-то в магазине осталось?

Три?

Нет, два только.

Ох, беда.

Неужто уйдет?

Грач ошибся!

У бегущего человека выталкивали друг друга, рвались куцые мысли.

Грач говорил, напасть не посмеют. Он ошибся!

Неужели убьют?

Нет, мне всегда везло.

Не стреляют!

Убежал?

Обернуться?

Нет, сзади топот!

Скорей, скорей!

Но я не умру! Я не могу умереть! Я нужен революции!

Сзади оглушительно грохотнуло. Бегущему обожгло ухо.

Зигзагом! Нужно зигзагом!

Он несся вниз через две ступеньки, стараясь прыгать то левее, то

правее.

Человек давно перестал верить в бога и ненавидел всё, связанное с религией, но сейчас, как в раннем детстве, молился:

Боже, спаси! Спаси!

Следующего выстрела он не услышал. Просто толкнуло в спину, и показалось, будто взлетаешь над лестницей, над склоном, над рекой Леман, над городскими огнями.

Лысому капут!

Бог — он за правду. Поотстав от шустрого вождя, вхолостую потратив предпоследний патрон, уже ни на что почти не надеясь, Иван Варламович остановился, прижался боком к перилам, взялся, как это делал Люпус — левой рукой за локоть правой, пробормотал «Выручай, Господи».

И выручил.

Беглец, обогнавший Ивана Варламовича на целых три пролета, растопырил руки, будто хотел нырнуть или взлететь, упал брюхом, заскользил вниз по ступенькам.

Мимо, чуть не сбив с ног, пронесся Николай Константинович. Справился, наконец, с заклинившим затвором. Обидно было юноше, что не он врага отечества свалил. Но Люпус свое местечко в истории все-таки застолбил: с разбегу, беспромахно, всадил в лежащего еще несколько пуль, а приблизившись, для верности впечатал еще одну, прямо в затылок.

Обернулся, торжествующе крикнул:

— Всё! Лысому капут!

Пыхтя и утирая пот, Иван Варламович подошел.

— А проверить не мешает. Гады — они живучие.

Взял тяжелое тело за плечи, перевернул на спину.

Было темно, до ближайшего фонаря шагов тридцать, а всё ж свету хватило, чтоб опознать покойника.

Лысый-то он был лысый, да не тот.

— Это же Людвиг Зонн, — пробормотал Люпус. — Ничего не понимаю... Откуда? Почему?

— Чего тут понимать? Обдурил нас немец. Переиграл.

Наверху, где остались автомобили, залился свисток — полиция. Надо было уносить ноги.

ПЕРЕИГРАЛ

7 апреля, перед домом Волжанки

— ...Пойду-ка я прогуляюсь, — молвил Иван Варламович. — Может, услышу что полезное.

Из автомобиля он вылез с другой стороны, чтоб из переулка не увидели. Прогулочной походочкой, этаким ленивым бургером, двинулся по переулку, мимо беседующих мужчин. Только те уже прощались.

Джинн, не подав Теофельсу руки и даже не кивнув, зашагал в сторону дальнего перекрестка. Немец же скрылся в подъезде.

Пожилой горожанин еще немножко прошелся переулком. Потом, видно что-то вспомнив, повернул обратно. За углом его, оказывается, ждал автомобиль.

Дверь подъезда, до сего момента чуть приотворенная, тихонько закрылась.

Минуту спустя

— За нами следят, — сказал Зепп, пройдя в спальню. — Где мои носки? Ноги замерзли.

Волжанка подошла к окну, выглянула.

— Вы уверены? Никого нет.

— Мне второй раз встретился один и тот же субъект. Вчера кормил голубей. Сегодня терся рядом. Его ждала машина.

Он говорил отрывисто, потому что размышлял.

— Вы сможете жить с постоянно открытой форточкой?

— Могу, а что? — удивилась она.

— Вот и живите. Закроете только в одном случае: если вас возьмут в обработку. Я увижу и пойму.

8 апреля. Там же

Сивоусый барбос продолжал запугивать Антонину:

— ... Мало того что обоих на месте положу, но и сынишка твой жить

не будет. Люпус — мужчина обидчивый. Так что? Десять минут всего остается. Решай.

Она вся дрожала — и нисколько не прикидывалась.

— Всё сделаю... Как холодно... Форточку закрою.

А вдруг скажет: нельзя?

Не скажет. Очень уж обрадовался, что она согласна.

Кроме того, Кожухов на этот случай велел при рукопожатии царапнуть ногтем его ладонь.

Всё предусмотрел.

9 апреля. Утро

— Товарищ Людвиг, вы только надвиньте шляпу пониже на глаза, поднимите воротник и садитесь в машину как можно быстрее, — инструктировал Грач. — Пусть агенты Охранки едут за вами в полной уверенности, что следят за Стариком. Покрутите их по городу с полчаса, чтобы поезд благополучно уехал. А потом выезжайте на шоссе и гоните до границы. Мотор у вас мощный — они на «паккарде» отстанут, да и поезд вы без труда догоните.

Зонн был горд ответственным заданием, только немного беспокоился из-за русской неорганизованности.

— Я доверяю вам мой пагаш, товарищ Крач. Пошалуиста, не теряйте его. Там литература и теплые вещи для русского климата. И еще я хочу спросить. Вдруг с авто что-то случилось, и я не успел на краница?

— Дождемся. Старик это твердо сказал, — пообещал Грач и подмигнул. — Без своего любимого котелка он не уедет. У Старика только два головных убора: котелок и кепка. Не в старой же кепке он явится народу? Это было бы несолидно.

— Я буду беречь шляпу, как корону, — засмеялся Зонн, довольный, что понял шутку.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Близ вокзала

За сутки Антонина возненавидела этого молчаливого типа. Он не

отходил от нее ни на шаг. Ночь просидел в кресле около кровати, не спал. Она тоже не смогла уснуть, чувствуя его взгляд.

Глаза свинцовые, страшные. Откуда их только в Охранке таких брали? Даже в уборную ни разу не отлучился. И ел только один раз. Ночью, она слышала, пошуршал свертком, пожевал что-то принесенное с собой.

Карл сначала пробовал с ним разговаривать, он ведь мальчик общительный. Но гадкий шпик только прижал палец к губам.

— Дядя глухонемой, — сказала Антонина. — Оставь его. Он будет с нами до завтра, проводит нас на поезд.

У нее не было возможности остаться с сыном наедине, хоть как-то всё это объяснить. Но Карл, кажется, понял. Слово «дядя» было не из маминого лексикона.

— Чего мы ждем? — спросила она. — Уже без четверти восемь. Вокзал близко, но ведь у нас чемодан!

Шпик стоял у окна, смотрел в сторону холма, на вершине которого находилась Кульманштрассе.

Вдруг, впервые за сутки, разверз уста:

— Поезд в восемь не уедет. А если уедет, значит, вы нас обманули...

Карл вытаращил глаза на него, потом на мать. Не глухонемой?!

Сзади скрипнула половица.

На перроне

Поезд, стоявший на самом дальнем пути, близ пакгаузов, был странный: паровоз и один-единственный спальный вагон.

Пассажиры уже погрузились и разместились по купе. Курящие вышли на перрон. Все были немного на взводе: до сих пор не было Старика.

— Без двух минут, — сказал Малышев. — Где же он?

Рубанов выплюнул табачную крошку.

— Подождут. Не переживай, Малыш. Без Старика не уедем.

Около паровоза стояли двое немцев с военной выправкой, но в гражданских пальто и шляпах. Сопровождающие. Один щелкнул крышкой часов, что-то недовольно сказал. Вероятно, обругал русскую необязательность.

Малышев поднес ладонь к глазам.

— Кто-то идет! Старик с охраной?

Нет, шли трое: мужчина, женщина, ребенок.

— Нина! — крикнул Малышев. — Ты что так задержалась?

— Это я виноват. — За Волжанку ответил Грач. В руке он нес чемодан. — Обещал за ними заехать, да немножко припозднился.

— Разве не вы должны были доставить Старика? — спросил Рубанов.

— Нет. За него отвечает товарищ из Выборга.

Часы на церкви Святого Петра затренькали, готовясь отбить восемь ударов.

В эту самую секунду между пакгаузов показались две быстро идущие фигуры.

— Вот они, — спокойно констатировал Грач. — Товарищ Кожухов пунктуален, как германец. Садимся, садимся.

Малышев слегка щелкнул Карла по лбу, они были друзья. Но мальчик выглядел каким-то не таким. Не отрываясь смотрел на Грача — со страхом.

— Малышев, вы видели, как убивают? — спросил он шепотом.

Мать дернула его за руку:

— Марш в вагон, живо!

Старик кивнул товарищам. Он со своими никогда не здоровался, не любил пустого сотрясания воздуха. И рук не жал.

Легко взбежал по ступенькам.

Обернулся к сопровождающему.

— Вы больше не нужны. Отпавляйтесь к вашим.

Тон был повелительный, не допускающий возражений. А по дороге на вокзал беспрекословно выполнял все инструкции, ни в чем не перечил.

Пораженный внезапной переменой, Теофельс смотрел на азиатское лицо Лысого. Узкие глаза насмешливо блеснули, под рыжеватым усом дернулся край рта.

— Пгощайте, майог фон Теофельс. Вас ведь Йозефом зовут? Йозеф — это Зепп, пгавильно? Что ж. Зепп сделал свое дело, Зепп может уходить.

ФИЛЬМА ДЕСЯТАЯ БАТАЛІОНЪ АНГЕЛОВЪ

*Апокалиптическое
ОПЕРАТОРЪ Г-НЪ П. САКУРОВЪ
Демонстрация сопровождается грустными
пѣснями сочиненія тапёра г-на Б. АКУНИНА.*

«ЛАВОЧКА ЗАКРЫТА»

Петроград. Июнь 1917 года

С ума они что ли посходили. За поездку, которая в марте стоила самое большое полтора рубля, привокзальные извозчики требовали пять — и то «со скидкой для георгиевского кавалера». Якобы новая такса установлена Союзом работников извоза. Вместо прежней нагрудной бляхи у каждого ваньки теперь красовалась на рукаве кумачовая повязка, и на ней не номер, а буквы «СРИ» (обозначение гордого профсоюза).

Алексей плюнул. Платить бешеные деньги шайке стакнувшихся вымогателей глупо, торговаться — недостойно офицерского звания, а после трех месяцев фронтового сидения и двух суток в поезде, подолгу стоявшем чуть не на каждом полустанке, пешая прогулка по родному городу будет наслаждением.

Вероятней всего в эти сорок минут и уложится весь тыловой отпуск. Подполковник Козловский не станет зря вызывать срочной телеграммой с фронта. Явишься в управление — тут же запряжет и галопом пустит.

Вообще-то это Алексей первым послал князю депешу с отчаянной просьбой о помощи и ждал от начальства совсем другого ответа.

В хмельные мартовские дни, когда Россия, будто новорожденный птенец, пробивший скорлупу, разевала мокрый клюв и тянулась к весеннему солнцу, когда люди сделались выше ростом, шире в плечах и каждый почувствовал себя участником истории, штабс-капитан Романов, не долечившись после ранения, уехал в действующую армию. Говорили же ораторы на митингах, что сознательный гражданин обязан свято исполнять свой долг, и тогда революционная Россия расправит орлиные крыла,

поразит мир своим полетом.

С долгом Алексею было всё ясно. Ходить на демонстрации и слушать зажигательные речи ему нравилось, но демонстрантов в столице хватало без него, а вот хороших специалистов по контршпионажу было мало, особенно на фронте.

Пользуясь связями в руководстве Управления, Романов добыл себе назначение на самый трудный участок — в штаб 12-й армии, расквартированный в Риге. Участок считался тяжелым, потому что балтийский город был густо населен немцами, многие из которых с нетерпением ждали победы германского оружия, а некоторые не ограничивались пассивным ожиданием. Очистка рижского района от шпионов напоминала попытки вычерпать ситом воду: вместо одной выявленной группы немедленно возникали новые. Ситуацию осложняла близость фронта, а еще в большей степени — дырявость передовой линии. Вместо того чтоб сидеть в окопах, солдаты митинговали, дисциплина разболталась, и агенты с той стороны проникали в наш тыл безо всякого труда.

С каждым днем работать становилось труднее. Птенец революции разевал клюв всё шире и пищал всё громче, хлопал крылышками, однако взлетать не спешил. У Романова возникло нехорошее подозрение: что если из скорлупы вылупился не орел, а цыпленок? Покукарекает-покукарекает, да и угодит к немцам в суп?

На Северном фронте, где нес службу штабс-капитан, именно к тому дело и шло. По агентурным донесениям было ясно, что командующий германской 8-й армией генерал Оскар фон Гутьер, тактик сильный и осторожный, начал готовить операцию по охвату Риги. И надо же было случиться, чтобы как раз в этот момент контрразведочный отдел лишился всего личного состава! Остался один начальник.

Неделю назад Романов приступил к финальной стадии большой игры, которая должна была триумфально закончиться задержанием на лесном хуторе сверхопасной диверсионной группы. Для успеха требовалась поддержка пехотного батальона и пластунской сотни: батальон обеспечил бы внешнее оцепление, а казаки вместе с контрразведчиками должны были взять базу штурмом.

Когда счет времени пошел на часы, оказалось, что подмоги не будет. Стрелки на собрании решили в болото не лезть, обмундирование зазря не портить, а пластуны отказались штурмовать без прикрытия.

Не отменять же было с таким трудом разработанную операцию? Алексей вызвал по телефону из Риги весь состав отдела, вплоть до

дешифровщиков и радистов. По сути дела, совершил должностное преступление. Однако выпускать немцев с хутора было никак невозможно: разбившись на группы, диверсанты парализовали бы всю систему тыловых коммуникаций — и тогда фон Гутьер раскроил бы русский фронт одним ударом.

Хутор-то штабс-капитан захватил, но во время штурма и последующей погони потерял всех своих людей. Последнего из уцелевших врагов, командира диверсионного отряда, он восемь часов преследовал в одиночку, несколько раз теряя и вновь находя след. Вся эта история отлично читалась бы в приключенческом романе или смотрелась бы на киноэкране, но в реальности стала одним из самых пакостных испытаний за всю военную жизнь Алексея Романова, а жизнь эта была отнюдь не клумба с настурциями. Утопая в гнилой жиже, облепленный жадным раннеиюньским комарьем, исцарапанный сучьями, он чувствовал себя болотным гадом, гоняющимся за юркой водяной крысой. Без болотного гада, кстати, тоже не обошлось. Оступившись на кочке, Алексей ухватился рукой за пень, а пень оказался живой, развернулся черной лентой, да и цапнул острыми клыками пониже запястья. Если б это была налитая весенним ядом гадюка, тут бы и погоне конец, но оказался уж. Все равно было противно и очень больно.

На одном упрямстве и остервенении добыл Романов главного диверсанта. От усталости и злобы даже живьем брать не стал, хоть и следовало.

В общем, спасибо за такую победу. Немецкое наступление удалось отсрочить, но падение Риги все равно было вопросом времени. Разработает фон Гутьер новую схему, и никто ему теперь не помешает, потому что контрразведки 12-й армии более не существует.

Послал Романов (тому три дня) депешу дорогому другу и любимому начальнику: выручайте, пропадаю, срочно пришлите людей. От Козловского пришел ответ: «Сам пропадаю, Лешенька. Ты не представляешь, какая тут Гоморра. Шпионов больше, чем на фронте, и не скрываются почти. Срочно приезжай!».

Честно говоря, в столицу Алексей отправился с облегчением. Не было больше сил наблюдать, как разваливается на куски не один век строившаяся армейская машина. До чистого источника революции отсюда было далеко, из мутной окопной грязи на поверхность выныривали не «сознательные граждане», а крикуны и мелкие честолюбцы, которым лишь бы подальше от передовой. Ах, как хотелось вернуться в алознаменный, звенящий восторгом Питер, зарядиться его энтузиазмом, романтическим

порывом, надеждой!

Штабс-капитан даже на хапуг-извозчиков не очень разозлился — что ж, в этом приниженном, вороватом сословии зашевелились цеховая солидарность и чувство собственного достоинства, пускай в уродливом виде. Эволюция не умеет прыгать через ступеньки, не всё сразу.

Алексей пошел по Загородному проспекту в сторону Владимирского. Идти с чемоданчиком было не очень удобно — он был маленький и нетяжелый, но приходилось тою же рукой придерживать шашку, чтобы правая оставалась свободной для козыряния.

Козырять, впрочем, Романову не пришлось. Солдат на пути попадалось сколько угодно — и группами, и парами, и поодиночке. Но никто из них не подумал салютовать офицеру. Это было еще не самое удивительное. Конечно, нижние чины здорово разболтались и в действующей армии, однако же в Риге штабс-капитану не доводилось видеть солдат, которые шли бы вразвалочку, с папироской в зубах и сплевывали на тротуар; солдат с винтовкой, повешенной прикладом кверху; наконец, солдат явно нетрезвых, распевающих посреди улицы похабные частушки.

С каждым шагом Романов все больше хмурился. Он не узнавал родного города.

Как и в марте, на всех домах висели красные флаги, но за три месяца они запылились, поблекли, стали похожи на тряпки. И весь Петроград тоже словно запаршивел, оброс грязью. Такое ощущение, что после таяния снега дворники не мыли тротуаров, не чистили мостовой.

Вот чего не хватало в городе! Шуршания метел, которыми в былые времена дворники размахивали перед каждой подворотней. Куда они все подевались, бородачи в белых фартуках?

И ни одного полицейского на перекрестках. Городовые со своими «селедками» на боку исчезли еще в марте, очень уж их все не любили. Однако неужели с тех пор столица не обзавелась какой-нибудь революционной милицией? Разве может двухмиллионный город обходиться без уличных блюстителей закона?

Кажется, Алексей здорово ошибался, когда думал, будто священный огонь революции по-прежнему озаряет свой исток. Порядка в Петрограде еще меньше, чем в Риге, где близость фронта и военный режим обеспечивают хоть какую-то дисциплину.

Пешеходная экскурсия по революционному городу завершилась на Фурштатской, где по соседству со штабом упраздненного ныне Жандармского корпуса находилась военная контрразведка — единственный

орган, защищавший демократическую республику от вражеского шпионажа.

При виде знакомого рустованного фасада Романов ускорил шаг. Любоваться Петроградом ему расхотелось. Побыстрей бы включиться в знакомую работу, забыться делом.

Господи! Что это?

Наверху, на втором этаже, с треском распахнулось окно. Кто-то кинул вниз кипу канцелярских папок, не озаботившись посмотреть, есть ли внизу прохожие. Одна шлепнулась на асфальт прямо перед носом у Алексея, тесемки лопнули, во все стороны разлетелись машинописные листы. В глаза оторопевшему офицеру бросился штамп «совершенно секретно». Романов присел на корточки.

Агентурное донесение на какого-то ораниенбаумского жителя, подозреваемого в пособничестве врагу. Свежее, всего месячной давности!

Из окна летели новые папки.

Ничего не понимая, Романов задрал голову. Только теперь он заметил, что у входа нет часового.

Что здесь происходит?!

Он вбежал в дверь Управления. На проходной, в окошке дежурного, никого. Лестница вся завалена бумагами. С этажей доносится грохот, шум голосов.

Контрразведка переехала? Почему Козловский не предупредил? И, главное, почему не взяли с собой документы секретного делопроизводства?

Или это налет каких-то вконец обнаглевших анархистов? Газеты пишут, что в российской глубинке под воздействием анархистской агитации крестьяне жгут усадьбы и громят волостные канцелярии. Но то в глубинке, а тут Петроград!

Чемоданчик Алексей поставил к перилам, на всякий случай расстегнул кобуру, стал быстро подниматься.

На площадке между этажами стояли и курили трое солдат с повязками на руках. Вид у них был безмятежный, словно ничего особенного не происходило.

— Что тут такое? — крикнул Романов. — Кто старший?!

Солдаты разом обернулись.

Голос после ранения в шею у штабс-капитана был устрашающий. Врачи обещали, что со временем связки восстановятся и хрипота пройдет.

О сцене, конечно, думать нечего, но какая к черту опера, какие романсы под фортепьяно после всего, что пережито за три военных года?

Один из курильщиков, с ефрейторскими лычками, окрика не испугался.

— А ты что за хрен?

Смерил офицера презрительным взглядом, плюнул на пол. Двое остальных тоже заухмылялись.

Ситуация была знакомая. В последние три месяца Романов оказывался в ней не раз и отлично знал, как себя нужно вести.

Революционная армия подорвала прежнюю систему подчинения, основанную на чинопочитании. Но не нужно думать, что наступило безначалие. Просто восстановились первобытные законы организации мужского общества: вожаки теперь определялись не по звездочкам на погонах, а по личным качествам. Мало кто из офицеров выдержал это испытание. Одни не сумели перестроиться, другие оказались слабы характером. А Романов сориентировался быстро. Принцип силы, так принцип силы.

На фронте он поступал так: выбирал главного заводилу (всегда найдется смутьян, который баламутит солдатскую массу) и хорошенько беседовал с глазу на глаз. Только следов на роже не оставлял. Между прочим, никто ни разу в солдатский комитет не пожаловался, хотя офицерское рукоприкладство по революционным временам считалось страшным преступлением. Человек примитивного устройства к силе уважителен и без споров признает за нею право на верховенство.

В штабе армии Романов был одним из немногих начальников, с которым все нижние чины держались так же, как до переворота: и честь отдавали, и по стойке «смирно» тянулись. Даже выдвигали в комитет, но Алексей из-за множества служебных дел взял самоотвод.

Пускать в ход кулаки, собственно, приходилось редко. Хватало одного взгляда и бешеной гримасы, которая перекашивала лицо штабс-капитана в минуту гнева. За годы войны ярости в душе накопилось много — иногда казалось, что весь из нее одной и состоишь. При малейшей провокации лютая злоба вскипала в секунду. Романов ощущал себя раскаленным самоваром, который пышет паром и плюется обжигающими брызгами.

— Что-о-о? — удавленно засипел штабс-капитан.

Голубые глаза стали белыми и намертво впились в физиономию хама. Пальцы откинули клапан кобуры.

Все трое красноповязочных моментально вспомнили, как устав предписывает вести себя со старшим по званию. Винтовки — к ноге, грудь

вперед, подбородок вверх. Ефрейтор стоял бледный. Сглотнул слюну.

— Виноват, господин штабс-капитан. Тёмно. Не разглядел.

На лестнице, положим, было светло, но придираться Алексей не стал.

— Что тут творится? Вы кто такие?

— Мобильный отряд особого назначения, господин штабс-капитан!

Прибыли согласно приказу занять помещение!

Мобильный? Романов вспомнил, что вдоль улицы стояло несколько грузовиков и легковых автомобилей — он не придавал этому значения.

— Какого такого особого назначения?

— Состоим в распоряжении господина комиссара! Тут теперь ихний штаб будет, а мы при нем!

Пытаться что-то выяснить у перепуганного ефрейтора было пустой тратой времени.

— А комиссар где?

— Так что наверху, в кабинете! Колидором и направо.

В кабинете Козловского, сообразил Алексей. Кивнув солдатам, поднялся выше. По крайней мере, выяснилось, с кем тут разговаривать.

За спиной послышалось:

— Еще один шумный. Щас его гавкать-то отучат...

Господин комиссар

В коридоре бродили какие-то люди — и солдаты, и штатские, — сваливали кучами папки и бумаги, собирали мусор в рогожные мешки. Через распахнутые двери было видно, как из некоторых комнат документы вышвыривают прямо в окно — должно быть, лень возиться.

Чувствуя, как дергается щека, штабс-капитан убыстрил шаг. Он знал, какой ценой оплачена вся эта писанина: не деньгами — жизнями.

В кабинете начальника двери тоже были нараспашку. Расхристанный матрос волок прочь холст в массивной золотой раме: с него щурился лобастый сановник в лентах и орденах. Подполковник Козловский свято чтит память Петра Аркадьевича Столыпина и держал его портрет у себя над столом, хотя в нынешние революционные времена убиенного премьера называли не иначе как «реакционером» и «вешателем».

Пользуясь тем, что матрос не закрыл за собой дверь, Романов вошел без стука.

Из кабинета всё уже вычистили. Шкафы стояли пустые; оперативные схемы и фотографии разрабатываемых «объектов» со стен исчезли —

осталась лишь карта фронтов. Перед нею-то и стоял невысокий, плотненький господин в хорошем френче без погон и чудесных желтых крагах, задумчиво подперев щеку.

— Что тут творится? — повторил Романов вопрос, который уже задавал солдатам.

Незнакомец проворно обернулся. Оказалось, что он не подпирает щеку, а осторожно ощупывает свежий синяк, расплзающийся по скуле. И смотрел человек не на карту боевых действий, а в маленькое зеркало, перед которым Козловский обыкновенно подкручивал свои длинные усы.

Кроме синяка удивительно было еще и то, что на френче у побитого господина недостает трех верхних пуговиц.

Увидев офицера, человек приосанился.

— Вы, должно быть, в Управление контрразведки, штабс-капитан? Это учреждение ликвидировано, помещение передано нашему ведомству. Я товарищ председателя комиссии по административной реформе Рунге, комиссар Временного правительства. А вы, позвольте узнать...

— Это у вас называется «ликвидацией»? — Романов старался сдерживаться. — Выбрасывать из окон секретную документацию? Где подполковник Козловский?

Полное лицо комиссара Рунге зарумянилось, глаза сверкнули.

— Вы, собственно, кто такой?

— Штабс-капитан Романов. Вызван телеграммой с Северного фронта. Где подполковник Козловский, я спрашиваю!

Нескрываемая враждебность вопроса-требования заставила комиссара отступить назад. Судя по испуганно-любезной улыбке он собирался сменить тон и пуститься в какие-то объяснения, но тут за спиной у Алексея раздались шаги. Повернувшись, он увидел, что в приемной собрались люди. Впереди — давешний ефрейтор. Винтовку он держал наперевес.

При виде подмоги комиссар сразу перестал улыбаться.

— Козловский арестован, — сухо отрезал он.

— За что?!

— Оскорбление действием полномочного представителя власти. — Господин ткнул пальцем в кровоподтек, скривился от боли, рассердился. — Ваша реакционная лавочка закрыта! Новая Россия не нуждается в секретных службах и шпионских играх! Мы живем в эпоху открытости и революционного порыва, в эру свободного волеизъявления масс. Управление, которым руководил Козловский, закрыто, ибо оно вопреки строжайшему запрету вмешивалось в политическую жизнь республики! Вместо того чтоб обезвреживать германских шпионов, здесь шпионили за

вождями революционных партий!

— Значит, для этого были основания. Я хорошо знаю князя. Он никогда не интересовался политикой.

— Время князей закончилось! — Рунге повысил голос — в прихожей одобрительно загудели. — Сказано вам: лавочка закрыта. Зря прокатились с фронта, штабс-капитан. Отправляйтесь обратно.

Алексей сдвинул брови.

— Если Управление контрразведки ликвидировано, мне на прежнем месте службы делать нечего. Прошу назначения в боевую часть.

Господин комиссар поглядел на него с усмешкой.

— Похвально, очень похвально. Это я вам с удовольствием устрою. Знаете что, голубчик? Вы прямо сейчас отправляйтесь в военное министерство, к комиссару Нововведенскому. Я ему протелефонирую, предупрежу, чтобы подыскал для вас самое что ни на есть превосходное назначение. И быстро, без волокиты.

Напоследок Рунге улыбнулся штабс-капитану уже безо всякой фальши, а с искренним удовольствием.

Еще один комиссар

Комиссар Нововведенский принял Романова сразу же. Не обманул побитый Рунге — предупредил своего знакомого.

Немного странно было, что адъютант, доложивший о штабс-капитане, не удосужился выйти — остался в кабинете. Кроме того, в креслах сидели еще два господина полувоенного вида, обернувшиеся на Алексея с хитроватым видом и тоже не выказавшие желания удалиться.

Романову это было все равно. Никаких тайных разговоров он вести не собирался.

Нововведенский сидел под большим фотографическим портретом Александра Керенского и, видимо, очень старался быть похожим на своего министра: волосы тоже стриг ежиком, значительно хмурил брови. Но глаза посверкивали озорно — видимо, комиссар был человеком веселым.

С первой же фразы он взял ернический тон, от которого у штабс-капитана заходили желваки.

— Знаю, что вы изъявили готовность кинуться в самое пекло. И давно пора. Не всё ж по штабам сидеть, — сказал Нововведенский, наскоро проглядев послужной список.

— Господин комиссар, — прохрипел Романов. — У меня, как вы

можете заметить, два «георгия»: солдатский и офицерский!

— Знаем-знаем. В контрразведках-охранках ордена щедро давали. — Глядя в залившееся гневным багрянцем лицо офицера, комиссар широко улыбнулся. — Да вы не волнуйтесь. Я уже приготовил для вас отличное назначение. Возможно, оно вас испугает. Уже несколько человек отказались.

За спиной у Романова послышалось прысканье. Обернулся — это давился смехом адъютант. Двое остальных зрителей сидели с каменными лицами, но в глазах у обоих поигрывали искорки.

— Поеду на любой фронт. Согласен на любую строевую должность. Имею боевой опыт. Осенью четырнадцатого ранен в атаке. В пятнадцатом году вывел из окружения под Бобруйском батальон.

— Батальон — это замечательно, — покивал комиссар. — И готовность послужить отечеству — тоже чудесно. Значит, не откажетесь от назначения, которое напугало предшествующих героев?

— Не откажусь, — твердо сказал Алексей.

Должно быть, эти господа действительно полагают, что служба в контрразведке — нечто сугубо кабинетное. Ни на одном фронте не сыщется участка, который испугает человека, прошедшего через кемерские болота.

— Слово офицера? — с серьезным видом спросил Нововведенский. — Ну что ж, коли так... У меня тут заявка на помощника командира некоего грозного формирования... Строго говоря, старшего инструктора по строевой и боевой части...

Адъютант издал нечто вроде стога. Один из полувоенных поспешно закрыл лицо платком и высморкался.

— Господа, вы мешаете, — укорил их комиссар. — Хм. Да. Так вот, по приказу главнокомандующего, ввиду предстоящего наступления, создается ударный бабальон... Пардон, оговорился: батальон...

Оглушительный хохот в три глотки не дал ему договорить. Алексей с изумлением посмотрел на весельчаков. Но и хозяин кабинета уже не мог держать лицо — весь трясся от смеха.

— «Ударный Батальон Смерти» — вот как это называется.

Штабс-капитан пожал плечами. Какое трескучее наименование. Штурмовая часть? Интересно. Но почему эти кретины регочут?

— Позвольте вопрос. Я не понял, зачем в батальоне инструктор?

— Сами увидите. — Нововведенский поставил подпись. — Никаких вопросов. Дали слово — держите. Вот, здесь обозначено, куда вам надлежит явиться. Печать поставите в канцелярии.

Никаких вопросов так никаких вопросов. Романов развернулся,

небрежно козырнул и вышел.

Вслед ему неся истерический гогот.

РУССКАЯ ЖАННА Д'АРК

У ограды

Явиться следовало в Коломну, в здание женского института, где располагался штаб части с мелодраматическим названием. Будучи коренным петербуржцем, Алексей хорошо знал это место. Массивный учебный корпус идеально подходил для казармы, там можно было бы расквартировать не батальон, а целый полк. Высокая ограда отлично замыкала территорию, а обширный луг мог быть использован для обучения и строевой подготовки.

Именно ею, судя по гулкам, далеко разносившимся командам, там в настоящий момент и занимались.

— Рррравняйсь! Пррравое плечо вперрёод! На фланге ширрре шаааг! — орал луженый голос.

Тревожное чувство, не оставлявшее Алексея после странной сцены в министерстве, немного отступило. Штабс-капитан подозревал, что противный комиссар Нововведенский откомандировал его в какую-то особенно разложившуюся часть, возможно даже со смутьянским душком и особой ненавистью к офицерству (подобных островков анархии в армии, увы, становилось всё больше). Это объяснило бы злорадный смех штабных. Однако опасения не оправдались. Батальон, в котором на четвертом месяце революции проводятся строевые учения, мог считаться образцово-показательным. В большинстве частей по решению солдатских комитетов фронт и маршировка были давно отменены как ненужное издевательство над нижними чинами.

Вдоль решетки плотно стояли зеваки. Должно быть, горожане успели отвыкнуть от вида строевых занятий. Непонятен был только смех, раскаты которого возникали то в одной, то в другой части толпы. Чего тут гоготать? Или это род коллективного помешательства, которым заразился весь Питер? В военном министерстве хохочут, веселятся на улице. Не город — балаган.

На воротах висел большой плакат с какой-то надписью витиеватыми славянскими буквами, но прочесть ее штабс-капитан не успел. Поверх

голов впереди стоящих он посмотрел на плац и захлопал глазами. Взвод отрабатывал простой строевой маневр: поворот развернутой шеренгой, но была в этой картине некая странность, в которой Алексей не сразу разобрался.

Дело было не в исключительной неслаженности шеренги, которая изгибалась и ломалась, причем в центре солдаты сбивались с ноги, а крайние нелепо семенили, чтобы не отстать — ничего удивительного, если это новобранцы.

Что-то не так было с самими солдатами: низкорослыми, коротконогими и почему-то, как на подбор, широкими в бедрах.

Господи, да это женщины!

Романов затряс головой, ничего не понимая. Ошеломленно взглянул на плакат. Прочел:

«ЗАПИСЬ В ЖЕНСКИЙ УДАРНЫЙ БАТАЛІОНЪ СМЕРТИ».

— Что это?! — пробормотал штабс-капитан, беспомощно озираясь.

Ближайший сосед, по виду приказчик из средней руки магазина, со смехом объяснил:

— Бабье уму-разуму учат. Всех бы их, Евиных дочек, этак вот погонять. — И, глядя на ошеломленную физиономию офицера, тоже удивился. — Вы что, сударь, газет не читаете?

— Я только с фронта...

Его обступили со всех сторон, обрадовавшись благодарному слушателю. Заговорили наперебой.

Одни просто балагурили:

— Ну как же! Новое секретное оружие, ха-ха-ха! Женский стрелковый батальон. То-то немец напугается!

— Воинственные амазонки! Девы смерти!

Кто-то пытался объяснить приезжему человеку:

— Женщина — георгиевский кавалер, некто Бочарова, предложила военному министру создать воинскую часть из доброволок. Желających очень много...

Однако шутников было больше.

— Я бы и сам записался! В баню сходить. Потри, браток, спинку!

— Га-га-га!

Господин в пенсне тонким голосом воскликнул:

— Стыдитесь! Плакать надо, а не смеяться! Довоевалась Россия!

Только у женщин совесть и осталась! Не слушайте их, господин офицер. Когда прапорщик Бочарова призвала сестер к оружию, ей рукоплескала вся Россия!

Теперь Романов вспомнил, что некоторое время назад в газетах писали о какой-то женщине, произведенной за храбрость в офицерское звание. Тогда он решил, что это очередное революционное нововведение, демонстрирующее миру, какие мы стали передовые — и только. Но воинская часть из одних женщин?

С поля донесся жалобный, пронзительный звук. Это низкорослая пышногрудая барышня в гимнастерке и сползающей на лицо фуражке пыталась выдуть из горна какой-то сигнал.

— Зов чарующей Сирены, господа! Я изнемогаю! — крикнул остроумец, давеча пошутивший про амазонок.

— Утица закрикала, — подхватил остряк попроще. — Кря-кря! Щас яйцо снесет!

Все вокруг засмеялись, а печальный господин в пенсне процитировал из Иоаннова «Откровения»: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...».

Немедленно назад, в министерство, сказал себе Романов. Сказать этому клоуну: я не классная дама, дайте мне другое назначение. Однако ведь слово офицера...

Новый взрыв хохота — это одна из доброволок упала, поскользнувшись на траве.

— Гли, гли, умора!

— Домой ступай, дура! К папе с мамой!

Парень, что кричал уткой, теперь засвистел в два пальца — прямо в ухо. Романов в холодной ярости двинул свистуна локтем под ребра. Растолкал передних и, мрачнее тучи, пошел к воротам, за которыми, боязливо отставив от себя винтовку с примкнутым штыком, стояла тетка в новехонькой, с еще несмявшимися складками форме.

На плацу

— Эй, унтер-офицер! — издали хрипло заорал Романов. — Отставить занятия! Ко мне!

Неряшливый вислопузый дядька (еще и с сигаркой во рту, это на учении-то!) обернулся на незнакомого штабс-капитана.

— Девоньки-теточки, постоять-оправиться!

Вразвалочку подошел, но все же отковырял.

Его водевильное воинство немедленно разбилось на несколько кучек. Кто-то стал с любопытством разглядывать Алексея, другие о чем-то затарахтели.

— Начальник плац-команды Сидорук, — доложил унтер, немного подумал и принял довольно неубедительную стойку «смирно». Почувствовал по взгляду офицера, что так будет лучше.

— Где командир батальона? — рявкнул Алексей.

— Бочка-то? В штабе. — Начальник строевой команды кивнул на институтский корпус.

— Какая еще «бочка»?

— Все ее так зовут, господин штабс-капитан. Потому фамилия у ей Бочарова.

— У ей? Батальоном командует... женщина?!

Невероятно! Со слов чувствительного господина в пенсне Алексей решил, что прапорщик Бочарова состоит при батальоне чем-то вроде комиссара или «святой девы-вдохновительницы» — как Жанна д'Арк при капитане Дюнуа.

— Так точно. Она боевая. Две ранения, полный георгиевский бант. — Сидорук понизил голос, перешел на доверительный тон. — Да всё одно — баба есть баба. А вы к нам что ли назначены? Ох, набедуетесь.

Алексей помолчал, переваривая информацию. Ну и скотина же комиссар Нововведенский! Деваться однако некуда.

— Во-первых, застегнуть ворот, — проскрипел Романов. — Во-вторых, сапоги чтоб сверкали. Вы — строевик, должны подавать пример, а похожи на обозного. В-третьих: командира батальона «Бочкой» и тем более «бабой» не называть. Ясно?

В женском институте

Стиснув зубы шел Алексей по длинному и широкому коридору, где еще недавно парами разгуливали институтки в белых фартуках. Сейчас вдоль стены выстроилась очередь: женщины и девушки, по преимуществу совсем молодые, по-разному одетые, с саквояжами, чемоданчиками и просто узелками. Те, что стояли ближе к лестнице, выглядели оживленными и шумно разговаривали, но по мере приближения к рекреационному залу болтовня звучала тише, а лица делались напряженнее.

В просторном прямоугольном помещении была устроена парикмахерская. Щелкали ножницы, трещали машинки, состригали под ноль и пышные куафюры, и девичьи косы, и модные прически «а-ля гарсон». Весь пол вокруг шести стульев был будто покрыт жухлой травой светлого, темного, рыжего оттенка. Шесть парикмахеров исполняли свою работу с одинаково траурными физиономиями. Мальчик-подмастерье ползал на корточках, отбирая самые пышные и длинные волосы — пригодятся на парики и шиньоны.

Романов замер от такого зрелища и не скоро тронулся с места. Много всякого повидал он на войне, бывал и под артобстрелом, и в атаке, и в окружении, но никогда еще не попадал в атмосферу столь всеохватного ужаса. Ужас застыл на лицах женщин, чья очередь стричься еще не подошла; ужасом были перекошены лица страдалиц, сидевших на стульях. Вот одна зарыдала в голос, схватившись за наполовину обритую голову. Плач был немедленно подхвачен еще двумя, уже остриженными — они обнялись, жалостно стукнувшись голыми лбами.

— Ой, мамочки, нет! Не буду! — взвизгнула девица, которую усаживали на стул, оттолкнула парикмахера, побежала назад, стуча каблучками — и заволновался коридор, заохал, закудахтал.

Но к освободившемуся месту подошла тоненькая барышня с чудесными светло-русыми волосами, взбитыми волной, с огромными глазами врубелевской царевны, с решительно поджатыми белыми губами.

— Стригите!

До того она была хороша, что парикмахер, уже завернув девушку простыней, всё медлил.

— Эх, рука не поднимается. Может, передумаете, мадемуазель? Я потечески. Куда вам на фронт? Вон ручки-то у вас. Только веером махать.

Но барышня сквозь зубы повторила:

— Стригите.

И упали на плечи прекрасные локоны, а затем машинка простригла по затылку дорожку, и в полминуты царевна-лебедь превратилась в гадкого утенка: маленькая голая головка на тонкой шее, а на макушке бледно-лиловое родимое пятно, прежде невидимое. И так стало Алексею противно от зрелища изуродованной, зря погубленной красоты, что он прошептал: «Черт знает что!» — и пошел прочь с проклятого места.

Где именно находится штаб батальона в этом содоме понять было трудно. Романов сначала поднялся на этаж, потом на два спустился. Можно было бы спросить у бродивших по корпусу доброволок, но Алексею не хотелось вступать ни в какие разговоры с этими горе-амазонками. Как к

ним, собственно, обращаться? «Эй, солдат»? «Сударыня»?

Наконец набрел на дверь с табличкой «Директриса». Должно быть, здесь. Во всяком случае, перед входом торчал часовой (то есть, тьфу, часовая) со штыком на ремне.

— Господин офицер, сюда нельзя.

— Мне всюду можно, — огрызнулся Романов. — Я назначен старшим инструктором.

Коротко постучал, распахнул дверь. Увидел вереницу совершенно голых женщин, выстроившихся в очередь к столу, за которым сидели люди в белых халатах. Оглушенный визгом, захлопнул створку.

— Что тут такое? — зло спросил он у часовой, хотя и так было ясно: медосмотр.

— Медицинский осмотр. Потом — стричься. Потом — в баню. Потом — получать обмундирование. Такой порядок.

— А где командир батальона?

— Вон она, — показала куда-то в сторону солдатка (нет, «солдатка» — это жена солдата). — Интервью дает.

В дальнем конце коридора, у окна, виднелись три силуэта, высвеченные солнцем: длинный мужской, еще один мужской, но скрюченный над фотокамерой, и приземистый, бочкообразный, в галифе и фуражке.

— Ин-тер-вью... — пробормотал Алексей, присовокупив нехорошее слово.

Ну понятно. Перед прессой красуемся.

— Что, господин офицер? — удивилась солдат (нет, так тоже не скажешь). — Извините, я не расслышала.

— Как вас называют? Не «солдат», не «солдатка». Вы сами как себя называете?

— Мы «ударницы». Ведь мы — Ударный батальон Смерти.

— Спасибо, что не «смертницы»...

Бочка

Фотограф полыхнул магнием, поймав хороший ракурс: толстуха в офицерском френче картинно оперлась кулаком о монументальное бедро, а щекастую физиономию с носом-кнопкой гордо задрала кверху.

Хоть на груди (большущей, непонятно как втиснувшейся в военную форму) сверкали начищенные кресты и медали, баба-прапорщик произвела

на Алексея неприятное, даже отталкивающее впечатление. Вся она была каким-то издевательством, глумлением и над боевыми наградами, и над честью мундира. Лицо плоское, грубое, глаза с поросычьими ресницами, голос прокуренный — и видно за двадцать шагов, что вся исполнена сознанием своего величия. Что там она отвечала журналисту, важно кивая головой, Романов не слышал. Он остановился на изрядном расстоянии, дожидаясь, пока Бочарова закончит пыжиться перед прессой.

Уже придумалось, как выпутаться из этого скверного анекдота. Нужно с ходу нагрубить, повести себя вызывающе. Надутая индюшка нипочем такого не стерпит, выгонит непочтительного помощника в шею. Тогда можно с чистой совестью, не нарушив слова, идти за новым назначением.

— Госпожа Бочарова, наши читатели интересуются, почему вашей части дано такое поэтическое название: «Батальон смерти»? — спросил корреспондент.

Тут Алексей сделал несколько шагов вперед. Любопытно было послушать, что она ответит.

Вблизи стало ясно, что Бочарова не важничает и не позирует, а просто переминается с ноги на ногу от нетерпения и явно хочет побыстрее отделаться от интервьюера.

Хмурясь, она коротко ответила:

— Потому что мы все умрем.

Сказано было без пафоса, скорее с досадой, словно женщине скучно объяснять очевидные вещи. Романов сощурился, решив приглядеться к этой шарообразной тетке получше.

— Но на войну идут, чтоб победить, а не чтоб умирать, — возразил репортер.

— Это мужчины. А женщина, коли уж взяла ружье, значит, совсем край. Вот полягут мои девочки, мужики на это поглядят. Может, стыд их возьмет. И бросят дурака валять, возьмутся воевать всерьез. Тогда немец сам мира запросит, война и кончится... Всё, времени больше нет. Дел много.

Маленькие глазки были устремлены на Алексея.

— Вы ко мне?

С грубостью Романов решил пока повременить. Слова Бочаровой его поразили.

— Штабс-капитан Романов, назначен старшим инструктором.

Командир батальона пожала ему руку. Лапища у нее была большая и сильная, неженская. Предписание Бочарова читала медленно, шевелила губами, как обычно делают не шибко грамотные люди.

— Нужен портрет, для первой полосы, — попросил фотограф.

Бочка (прозвище очень к ней шло) расправила складки френча, выпятила грудь, грозно сдвинула белесые бровки, но снимок был испорчен. Из-за угла донесся топот, крики, и командирша повернула голову.

— Госпожа начальница!

К ней с плачем кинулась девушка в гимнастерке, но без фуражки. Луч солнца сверкнул на бритом черепе. Следом высыпала целая гурьба таких же тонкоголосых солдат. Заговорили разом.

— Я больше не буду! — рыдала непокрытая. — Честное слово! Миленькая, родненькая! Вот на кресте побожусь! — Вытянула крестик. — Уши-то вон они! Сами поглядите!

Завертела головой, демонстрируя маленькие, аккуратные ушки.

Остальные кричали:

— Она сережки в уборную выбросила! Честное слово! Соня больше не будет! Не выгоняйте ее, пожалуйста!

Бочка топнула ногой:

— Я сказала — всё. Домой ступай!

Рыдающая упала на колени, воздела руки:

— Ну заради Бога! Простите, госпожа начальница!

— Форму сдай и чтоб ноги твоей здесь не было.

— Госпожа начальница, ну куда она пойдет? Волосы обрила, сережки золотые выкинула! Мы все за нее просим!

Лицо командирши побагровело. Она взялась обеими руками за ремень, будто хотела выпрыгнуть из своих необъятных галифе, и гаркнула голосом, от которого задребезжало стекло:

— Молча-ать! Смирно! — Все ударницы кроме той, что стояла на коленях, испуганно вытянулись. — Кррругом! Шагом марш!

Толкаясь локтями, испуганные женщины карикатурным строевым шагом удалились, осталась лишь безнадежно всхлипывающая изгнанница.

— Могу я узнать, в чем провинилась эта девушка? — спросил корреспондент.

— Сережки навесила.

С улыбкой покосившись на Алексея, журналист заметил:

— Это преступление небольшое.

— В уставе нигде не прописано, чтоб солдат серьги носил.

Репортеру было жалко бедняжку.

— Но в уставе нет ничего и про женщин-солдат. Простите ее, право, для первого раза. Вы же видите, как она раскаивается.

Девушка с надеждой протянула к командирше сложенные руки:

— Никогда в жизни больше сережки не надену! Чем хотите поклянусь! Бочка тяжело вздохнула. Сначала ответила журналисту:

— Поймите вы. Раз сережки нацепляет, значит про жизнь думает. А нам надо к смерти готовиться.

Девушке же сказала тихо, но твердо:

— Уходи, Семочкина. Живи. А волосы новые вырастут... Пойдем, капитан, потолкуем.

Взяв Алексея под локоть, повела его прочь.

Пока шли до штаба, расположившегося в бывшем танцклассе, начальница батальона наскоро рассказала, как обстоят дела.

Доброволок уже набралось больше, чем достаточно, а все идут и идут. Призыв защитить отечество нашел отклик у многих женщин. С обмундированием, оружием и довольствием тоже всё хорошо — верховный главнокомандующий приказал снабжать батальон вне категорий. Делу придается большое значение. Не военное, конечно: понятно, что ни батальон, ни полк, ни даже дивизия женщин положение на фронте не изменят. Но движение может вызвать новый взрыв патриотизма, укрепить боевой дух уставшего от войны народа.

Романов слушал очень внимательно. Затея уже не казалась ему ни водевильной, ни абсурдной.

— ...Две тыщи записались, — говорила Бочарова. — А скольких медицинская комиссия отсеяла — не счесть. Я докторов попросила построже. Чтоб ко всему придирались. Старше тридцати пяти лет не принимаем. Которые с детьми — тоже. А всё одно много. Конечно, большинство через неделю сбегут, не выдержат. Иных я сама выгоню, как эту, с сережками. Человек триста оставлю, больше не нужно. Но уж жемчужину к жемчужине. Чтоб ни одна не дрогнула, не опозорила.

— Интеллигентных, кажется, много, — сказал Алексей, приглядываясь к лицам ударниц, что попадались им по дороге и старательно салютовали офицерам. — Не привыкли они к лишениям. Трудно им будет.

— Да, образованных большинство. Они душою выше, потому что вдали от грязи росли. Но есть и работницы, кухарки, горничные. Я вот сама — мужичка бывшая. Вся женская Россия собралась... Мне хорошие инструктора позарез нужны. Я же неученая, звездочку на погон получила за кресты и ранения, а пуще того — для революционного примера. Одно название что офицер. Очень я на вас, господин штабс-капитан, надеюсь. Но только... — Она остановилась и снизу вверх, исподлобья, глянула на Романова. — Два вопроса у меня к вам сначала будет.

— Спрашивайте.

— Первый вопрос такой. Сможете вы на женщин только как на солдат смотреть? Если нет — лучше сразу уходите.

Отличный был момент, чтобы избавиться от позорного назначения. Но упустил Алексей свой счастливый шанс. Ответил:

— Смогу.

И подумал про себя: какие ж это женщины — лысые уродки в мешковатых гимнастерках и ботинках с обмотками? Прямо скажем, не искушение святого Антония.

— Слово?

— Слово. Скажите, а зачем их машинкой наголо бреют?

— Чтоб вшей не разводить.

Алексей пожал плечами:

— Даже мужчин сейчас под ноль не корнают. Можно было б стричь коротко. Ведь у вас там на парикмахерском пункте ужас что такое. Вой, как на похоронах.

— Это и есть похороны. Монашек раньше, я читала, тоже волос лишали. Потому что они из мира уходили. Мы тоже уйдем. Голову теряешь — что ж по волосам нюниться?

Она всё еще смотрела на него испытующе.

— Теперь второй вопрос. Командир батальона — я. За совет хороший в ноги поклонюсь, но если что приказала — выполнять без споров и обид. Хотя я женщина полуграмотная и только прапорщик, а вы штабс-капитан и по лицу видать, что в университетах обучались.

— Неужели еще видно? — удивился Алексей. — Я уж и забыл... А насчет субординации не извольте беспокоиться. Должность выше чина. И ваш пол меня, пожалуй, тоже не смущает. Жанна д'Арк была неграмотная крестьянка, но ей беспрекословно повиновались первые рыцари французского королевства.

Они уже подошли к двери, на которой белел листок с красивой надписью «ШТАБЪ БАТАЛІОНА», но тут Бочка остановилась, поглядела вокруг и понизила голос.

— Заладили все: «Жанна, Жанна». А я ее на картинке видала. На меня несколько не похожа. Она красивая была, тоненькая, как гимназистка. А я вон — бабища каменная.

Она похлопала себя по здоровенным бедрам.

— Жанна д'Арк была точь-в-точь такая, как вы, — уверил ее Романов. — Можете не сомневаться. Если б была тоненькая, не смогла бы носить железных лат и меча бы не подняла.

Тут оказалось, что Бочка умеет улыбаться — обрадовалась, что похожа на французскую Деву. Широкое лицо засияло, словно выглянувшее из-за туч солнце, сделалось по-детски простодушным, и Романов подумал, что эта женщина, вначале показавшаяся ему сорокалетней, совсем еще молода. Возможно даже, его ровесница.

В танцклассе

Когда-то в этой зале с зеркальными стенами и ослепительно лакированным полом юные барышни учились бальным танцам, которые так необходимы девице, вступающей в жизнь. Сейчас поверх зеркал были наклеены плакаты с цитатами из воинских уставов, паркетный пол покрылся пятнами от сапожной ваксы, а рояль превратился в стеллаж, заставленный ящиками с облегченными гранатами Лемона — так называемыми «лимонками».

Батальонная канцелярия расположилась на нескольких партах: пишущая машинка, переносной сейф, кипы бумаг. В углу — складная койка, над которой торчала деревянная вешалка для верхнего платья. Там висели шашка, кобура, бинокль, а венчала эту конструкцию фуражка с кокардой в виде черепа и костей.

— Хотела всем такую заказать, да не успевают, — сказала Бочарова. — Только погоны сделали особенные и нарукавный шеврон. Времени мало. Через две недели, много через три, нам нужно быть на фронте. Не в кокарде дело! Меня боеготовность тревожит. Вот скажите мне, можно за такой срок их хоть как-то к фронту приготовить?

Они стояли у окна, наблюдая, как на плацу всё тот же унтер-офицер обучает взвод штыковому бою. Три девицы старательно, но неловко тыкали винтовками в соломенные чучела. Инструктор что-то им объяснял, качая головой.

— Слезы, а не ученье. — Командирша вздохнула. — Покурим?

От протянутого портсигара отказалась, сказала, что привыкла к солдатским, и скрутила себе сигарку из махорки.

— Что молчите, штабс-капитан? Вас ко мне помощником прислали, так помогайте! Не говорите только, что за две недели толпу баб и девок ничему научить нельзя. Это я без вас много от кого слыхала.

— Две недели? — Алексей выпустил струйку дыма. — М-да. Любой нормальный строевик за такое дело не взялся бы. Но я служил в контрразведке. Мне к невозможным задачам не привыкать. Стало быть,

так... К штыковой атаке готовить личный состав не будем. Пустая потеря времени. Лучше освоим окапывание и огневую подготовку. Для меткой стрельбы физическая сила не нужна, довольно аккуратности, а у женщин с аккуратностью всё в...

— Нельзя нам без штыковой! — перебила его Бочарова. — Моим девочкам не в окопах сидеть. Не для того мы на фронт едем. Иначе все скажут: чем они мужиков лучше? Нам атака нужна. Чтоб наше «ура» на всю Россию грохотнуло.

Романов ткнул недокуренной папиросой в жестянку, которая здесь заменяла пепельницу.

— Какая к лешему атака? С ума вы что ли сошли! Вы знаете, что такое штыковая атака? Я один раз видел. На всю жизнь запомню.

Он сказал это зло, с ожесточением, а начальница ответила спокойно:

— Я два раза в атаке была. После первой здесь дыра. — Показала на правый бок. — После второй — вот здесь. — Ткнула пальцем в левое плечо. — Ночью, бывает, от крика просыпаюсь. Но без атаки нам никак. Думайте, старший инструктор.

Алексей побарабанил пальцами по стеклу, понаблюдал, как унтер толковывает что-то обступившим его добровольцам.

— Тогда учить будем иначе. Протелефонируйте в штаб округа, чтоб сегодня же прислали шестнадцать опытных унтеров из Преображенского, Измайловского и Семеновского полков. Второе: трехлинейки не годятся — слишком длинные и тяжелые. Третье: понадобятся заграждения из колючей проволоки. Четвертое...

Он сбился, поймав на себе странный взгляд командирши.

— Вы что? Я слишком быстро говорю?

Бочка сказала:

— Повезло мне с тобой, штабс-капитан. Вижу.

НЕЖНОЕ СОЗДАНИЕ

Прошла неделя...

Помощник командира батальона Романов совершил обычный обход классных комнат, где в послеобеденное время шли теоретические занятия четных взводов, и отправился на плац — там нечетные взводы отрабатывали полевые упражнения.

Алексей, вздыхая, понаблюдал, как ползают по-пластунски. Плохо ползали, и ничего с этим поделать было нельзя.

Все же штабс-капитан крикнул:

— Говоров!

Рысцой подбежал унтер-преображенец.

— Я!

— Торчат! — Романов ткнул пальцем в демаскирующие выпуклости.

Но Говоров был философ.

— Кумплекция у них такая, господин старший инструктор. Проще говоря, кинституция.

— Про конституцию пускай на митинге говорят. А зады чтоб не торчали, ясно?

Взвод 2–3 (то есть второй роты третий) работал по проволоке. С этим-то обстояло неплохо. Ножницы лихо щелкали, колючка лопалась, ударницы довольно повизгивали.

Стреляли тоже недурно — хоть пачками, хоть одиночными. По рекомендации помощника Бочка выписала для батальона легкие японские карабины «арисака», отдача которых менее чувствительна для слабых плеч.

На площадке рукопашного боя, где мучился взвод 2–1, штабс-капитан застрял надолго. Двухметровый семеновец Симоненко, прирожденный педагог, очень старался, но проку от его науки выходило мало.

— Он у тебя винтовку выбил, а ты шажочек вот этак назад и ногой его, в это самое место. — Симоненко показал полненькой ударнице, куда надо бить противника. — Силы тут большой не надо, главное дело попади.

Толстушка неуверенно махнула ногой — будто попробовала станцевать канкан.

— Впечатывай, впечатывай!

Еще один замах — и маленькая ступня едва коснулась унтерской мотни.

Терпеливый учитель велел:

— Ты не ласкай, ты бей.

В строю раздалось хихиканье.

— Встань на место, горе луковое. Давай лучше ты, Голицына. Покажь им, ты у меня толковая.

Вперед вышла стройная барышня (из тех самых Голицыных). Симоненко схватил за дуло ее карабин, вырвал. Голицына отпрыгнула и с отчаянным визгом ударила его сапогом в пах. Звук получился солидный, с чугунным перегудом.

— Молодец! — похвалил инструктор. — Все запомнили, как это

делается? А ну давай, слева по одной.

Снова взвизг, удар, чугунный звон. Романов с интересом наблюдал за невозмутимым лицом педагога. Тот, оглянувшись на офицера, шепотом пояснил:

— Я туда совок для угля пристроил.

— Продолжайте, — кивнул Романов.

Направился к ограде, у которой взвод 1–1 потрошил соломенные чучела в немецких касках. Японский карабин был хорош, но его кинжалообразный штык, страшный с виду, в женских руках проявил себя плохо — требовал изрядной силы и точности удара.

Со штыковым учением дела обстояли хуже всего. Сердце разрывалось смотреть, как вчерашние курсистки, прачки, секретарши атакуют упругое чучело, а оно едва качается. Если ударницы не могут справиться даже с соломенным врагом, что же будет при встрече с настоящим?

На новой службе сердце у штабс-капитана разрывалось, сжималось или просто ныло очень часто. Можно сказать, непрерывно. Чтоб скрывать чувства, Алексей разработал стратегию поведения: зыркал на всех волком, зверообразно рыкал, свирепо хмурил брови, а еще обзавелся стеклом, которым все время зловеще постукивал по голенищу. Начальнице он сказал (вне строя они перешли на «ты»):

— Давай как на хорошем корабле, где капитана любят, а старшего офицера ненавидят. Я браню и наказываю, ты кого можно от моего зверства защищаешь. Я им — злой отчим, ты — родная мать, договорились?

Инструктор штыкового боя, бедняга, за эти дни иссох лицом и почернел. При виде начальника попытался поддать в голос бодрости, но не очень-то получилось.

— Показываю еще раз. — Чётко, как на картинке, изобразил идеальный удар. — Делай раз, делай два, делай три. И вы-ыдерни. Раз, два, три — и вы-ыдерни. Тут главней всего штыком в ребрах не застрять. Что солдат без штыка? Мокрица. Над ремнем его коли, над пряжкой, в брюхо. Раз, два, три — и вы-ыдернула. Давай, Тюлькина, коли.

Должно быть, унтер-офицер, желая не ударить лицом в грязь перед начальством, вызвал лучшую свою ученицу. Но долговязая Тюлькина его подвела: ударила неплохо, а выдернуть не смогла, широкий штык застрял в соломе.

Романов сердито крикнул, чтоб протолкнуть ком в горле, отвернулся.

Это еще что такое?!

У ограды, спиной к плацу стояла ударница, держалась за железные прутья. С той стороны, тоже прижавшись к забору, плакала дама в черном

платье. Протянула руку, сняла с девушки фуражку, погладила по бритой голове. Поодаль сверкал лаком длинный автомобиль с раскрытой дверцей, у которой застыл шофер в ливрее с золотыми позументами.

— Гольшев! — грозно позвал штабс-капитан. — Что тут у вас за театр?

Унтер обернулся, вздохнул.

— Стараются девоньки, господин старший инструктор. Только штык — он силу любит.

— Я не про штык, я про это. — Алексей кивнул в сторону ограды. — Ваша? Почему не в строю?

— Родительница к Шацкой приехала. Как можно отказать? Адмиральша!

— Хоть королева английская! Солдат есть солдат, а занятие есть занятие. Чтоб больше такое не повторялось!

— Виноват, господин старший инструктор.

Романов уже двигался к забору, неслышно ступая по траве и сжимая за спиной стек. С Бочаровой они условились: в батальоне все солдаты равны, никому никаких привилегий. Любое проявление социального неравенства выжигать каленым железом.

Ни стоявшая спиной адмиральская дочка, ни ее плачущая родительница приближающегося офицера не видели.

— Сашенька, ведь ты у меня одна осталась. Мишенька погиб, Коленька погиб, — всхлипывала траурная дама. — Что же ты со мной делаешь? Ладно бы еще сестрой милосердия... Если б был жив папа...

— Он бы мною гордился, — ответила барышня и сделала шаг назад — не хотела, чтоб мать ее гладила.

Сквозь коротенькую щетину на макушке просвечивало большое бледно-лиловое пятно. Где-то Алексей его уже видел.

— Шацкая! — рявкнул он.

Девушка испуганно обернулась. Глаза в пол-лица блестели от слез, но брови были сердито сдвинуты.

Романов вспомнил: царевна под машинкой парикмахера. Только уже не врубелевская, а царевна-лягушка.

Доброволка надела фуражку, смахнула слезы, оправила гимнастерку.

— Так точно, господин штабс-капитан!

— По маме соскучились? — язвительно осведомился Алексей. — Домой отправить? Доложите командиру батальона, что я представил вас к отчислению. В штаб, шагом марш!

— Благослови вас Бог, молодой человек! — крикнула с той стороны

дама. — Прогоните ее, прогоните!

Шацкая покачнулась.

— Я только на минуту, мне разрешили!

— Каждая минута учения на вес золота. Если вы этого не понимаете, нежное создание, то скатертью дорога.

— Я не нежное создание, я солдат первого взвода первой роты! — Девушка обожгла его взглядом, полным ненависти. — Если бы к мужчине-солдату пришла мать, его тоже отпустили бы. Вы не смеете меня прогонять! Иначе я напишу в газету, что вы нарочно спасаете от фронта аристократок, а на смерть гоните одних простолюдинок! Вчера отчислили графиню Браницкую и дочь бывшего министра юстиции! Позавчера — Лизу Белосельскую-Белозерскую! Мы напишем коллективное письмо, так и знайте!

Нежное создание оказалось с характером. Угроза была нешуточной. В самом деле, Бочарова ежедневно отправляла домой немало барышень-дворянок — считала, что они не вынесут окопной жизни. Надо будет ей сказать, чтоб соблюдала социальные пропорции, не то в самом деле может выйти общественный скандал...

— Молчать! — прикрикнул на строптивницу штабс-капитан. — Вас отчасти извиняет лишь то, что вы отпросились у командира. Но за препирательство — наряд на кухню, картошку чистить. А сейчас — марш в строй!

— Слушаюсь!

Черная дама залилась рыданиями, девушка побежала к взводу, Романов двинулся следом. Пожалуй, одного наряда за столь дерзкий шантаж будет маловато.

— Шацкая, покажите удар! — приказал он, приблизившись к чучелам.

Удар у царевны-лягушки, разумеется, был ни к черту. Она своими ручонками и карабин-то еле удерживала.

— За плохую подготовку — час под ружье.

Наказания подобного рода после революции в армии были отменены, но Бочка у себя в батальоне новшеств не признавала. При малейшей провинности она ставила доброволок на полчаса или на час держать винтовку на весу — это укрепляло дисциплину, а заодно и руки.

Шацкая закусила губу, сузила свои глазищи — не лягушачьи, а скорее стрекозы.

— Есть под ружье, господин штабс-капитан!

— И глядите у меня. Я вас взял на заметку.

МАНИФЕСТАЦИЯ

Прошла еще неделя...

Ударный батальон, все четыре роты, был выстроен на плацу в каре. Знамя с мертвой головой колыхалось на ленивом балтийском ветру, словно полог катафалка. Командирша, туго затянутая ремнями, медленно шла вдоль строя, переводя бешено сощуренные глазки с лица на лицо. Романов почтительно отставал на два шага — еще и для того, чтоб не торчать каланчой над низкорослой Бочкой.

Кое-чему за две недели личный состав всё же научился. Равнение держали прилично, карабинами почти не гуляли, начальницу старательно «ели глазами», хоть у некоторых иногда и мелькал озорной огонек или начинал дергаться рот. Ведь молодые все, смешливые, а Бочка, когда напускала на себя важность, выглядела довольно комично. Да и речи про дисциплину всем успели надоесть.

— У нас свой порядок! — зычно выкрикивала командирша. — Мы тут революцию не делаем, мы Родину спасаем! Никаких комитетов, никаких митингов у нас не будет! Митинги армию развалили! Про амуры забудьте, из головы выкиньте! Больше половины выгнала и еще столько же взашей попру! Это пока присягу не дали. А после присяги, на фронте, за любые шуры-муры буду вот этой вот рукой! — Она взмахнула нешуточным кулаком. — Вы все должны быть, как ангелы...

И оглянувшись на Алексея. Репетировала перед помощником свою речь, да забыла слово.

— Бесплотны, — тихо подсказал он.

— Вы все должны быть бесплотны, как ангелы! Потому что мы ангелы и есть. Бесплотные и бесполые! Прилетели с небес Россию спасти. И улетим туда ж, на небо, как ангелы. Батальон ангелов-спасителей — вот мы кто!

Про «батальон ангелов» в заготовленной речи не было — это Бочка на ходу придумала. С ней такое случалось, если увлечется. Правда, не всегда получалось так красиво.

И вспомнился Алексею чувствительный господин, тоже поминавший ангелов в самый первый день, когда батальонный трубач Молошникова пыталась освоить сигнал «тревога».

«Они ангелы, а я кто? — подумалось штабс-капитану. — Архангел что

ли?»

Никак не годился он в архангелы. Отвлекшись, Романов пропустил момент, когда речь начальницы повернула из возвышенного русла во всегдашнее.

— ...А кто будет на мужчин хоть одним глазом косить — смотрите у меня! — Бочарова сняла фуражку, вытерла рукавом вспотевшую от напряжения голову. — Вольно! Вопросы есть?

Разбитная деваха из второй роты (Колыванова, белошвейка) крикнула:

— Госпожа начальница, а ежели у меня глаз косой?

По рядам прокатился смехок.

— Зажмуришь! — ответила Бочка. — Но на мужиков пялиться не моги!

Адвокатская дочка Шлехтер, еще одна заправская шутница, только иного сорта, звонко спросила:

— Даже если большая дистанция, все равно нельзя?

Командиршу смутить было трудно. Она покачалась на каблуках и выдала:

— Ты свою дистанцию до победы ниточкой зашей!

Шеренги закачались. Пронзительный хохот взметнулся над плацем. Громко гоготали бравые унтера, заливались ударницы поразбитнее, интеллигентные улыбались, эпатированно покривила губы дисциплинированная, сухая Голицына.

Взгляд Алексея упал на Шацкую — после той конфронтации он действительно взял смутьяншу на заметку, однако поводов придраться адмиральская дочка ни разу не дала.

Большеглазая барышня стояла во второй шеренге, опустив ресницы и порозовев. Даже уши у нее стали красными.

И стало вдруг Романову среди всеобщего веселья невыразимо грустно. Он поднял взор со смеющихся женских лиц на черное знамя — нашитый на полотнище череп пялился на штабс-капитана пустыми глазницами.

Бочка подняла руку, смех утих.

— Кончено с вопросами. Батальо-он, смирно! — Шеренги выровнялись. — У господина военного министра к нам большая просьба. Нынче на Марсовом поле манифестация в защиту отечества. Известно, что германские наймиты — большевики попробуют ее сорвать! Приведут с окраин горлопанов, станут требовать мира любой ценой! Революционное правительство России просит нас, женщин-патриотов, о помощи! Покажем Петрограду, что такое любовь к Родине! Пойдут первые взводы от каждой роты. Строем, при оружии! Остальным взводам продолжать обычные

занятия!

С боевой песней

Под лихую песню «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать» — высокую, чтоб не слишком дико звучали тонкие женские голоса — сводный отряд из четырех взводов шел маршем по Английской набережной. Впереди командирша и ее помощник, потом чеканная Голицына с развернутым знаменем, за нею две ассистентки, четыре бравых унтер-офицера и потом уже стройная колонна. Солнце прыгало огоньками по лезвиям уставленных в небо самурайских штыков.

Первые взводы Бочка взяла неслучайно — в них подбирали ударниц, которые лучше показали себя в учении.

Романов поминутно оглядывался. В прежние времена это такое равнение, вероятно, считалось бы паршивым, но по нынешним революционным временам, когда обычные солдаты разучились попросту ходить в ногу, строй Ударного батальона смотрелся образцово. Среди зевак, глазевших на диво-дивное чудо-чудное — военных баб, рёгота и свиста почти не слышалось, преобладали возгласы поощрительные, даже восторженные. Кто-то, впрочем, и вытирал слезы, но таких было немного.

Бочарова ни разу не обернулась — желала продемонстрировать, что полностью уверена в своем войске. Но Алексей знал, что начальница ужасно волнуется.

Не исключались провокации и даже столкновения. От большевиков не приходилось ожидать джентльменского отношения к женщинам. Их газетенки и листовки писали про ударниц чудовищные гадости, печатали похабные карикатуры. Можно было не сомневаться, что пораженцы накинута на доброволок с грязной бранью, а может быть, и с кулаками. Бочка очень боялась, что «девочки» не выдержат натиска и разбегутся. Случись такое — и женскому ударническому движению конец, оно станет всероссийским посмешищем. Поэтому место на Марсовом поле сводному отряду было отведено защищенное: с одной стороны юнкера, с другой — героини-инвалиды.

Только туда еще нужно было добраться, а с Васильевского острова по Благовещенскому мосту валил плотный поток — понизу темный, поверху кумачовый. На флагах серпы и молоты, на транспарантах надписи: «Долой империалистическую войну!», «Хватит проливать братскую кровь!», «Смерть мировой буржуазии!».

— Беда! — краем рта сказала Бочка. — Не успели! Пропустить их, что ли? Скомандовать «Стой»?

Авангард большевистской колонны миновал мост и замедлил ход — там тоже заколебались, не пропустить ли вперед небольшую, но организованную и вооруженную воинскую часть. Путь к месту манифестации отсюда был один, вдоль Невы.

Песня про соколов-орлов ослабела и стихла. Рабочие, нестройно горлавившие про проклятьем заклеяменного, тоже умолкли.

— Солдаты! С винтовками! — загалдели на мосту. — Нет, юнкера!

Кто-то там начальственно крикнул:

— Спокойно, товарищи! Без паники! Манифестация для всех! Ничего они нам не сделают!

Солнце светило в глаза большевистскому скопищу. Но вот кто-то глазастый заорал:

— Ребя! Это не юнкера! Бабское войско Сашки Керенского!

— Точно! — подхватил кто-то. — Вона у командира сиськи торчат!

И грянул хохот, покатился от головы серо-бурого удава вдоль длинного, вытянувшегося по мосту туловища. Толстенная змеища задергалась, закорчилась, поперла вперед, заслоняя путь.

— Нельзя останавливаться, — сказал начальнице Романов. — Нужно ускоренным мимо, пока они всю набережную не запрудили.

Он обернулся, кивком подозвал унтеров, и все четверо встали рядом, плечо к плечу, готовые, если понадобится, защитить командиршу.

А из толпы противников войны вперед выскочили несколько самых бойких и быстро пошли навстречу батальону.

— Сто-ой! Раз-два! — трубным голосом скомандовала Бочарова.

Совет помощника запоздал: даже ускоренным шагом мимо моста было уже не пройти, и с каждой секундой на набережной все шире разливалась свистящая, орущая, улюлюкающая орда.

Усатый в кепке, шагавший впереди всех, перекрывая шум, крикнул:

— Эй, подстилки буржуйские, брысь отсюда!

Его обогнал весельчак в малиновой косоворотке.

Он махал согнутыми в локтях руками, изображая петушиные крылья, притоптывал.

— Ку-ка-ре-ку! Ух, курочки, потопчу!

Бочарова первый раз обернулась. Увидела стоящих вплотную мужчин.

— Уйдите назад!

— Ни за что на свете, — отрезал Романов.

— Кто обещал подчиняться?! — сверкнула глазами начальница. — Это

приказ!

Алексей не тронулся с места. Унтера тоже.

Тогда Бочка перешла с командного тона на просящий:

— Мы сами должны. Сами! Без мужчин. Неужто вы не понимаете?

Шепотом выругавшись, штабс-капитан махнул гвардейцам:

— За мной! Шагом марш...

И все пятеро побрели в хвост колонны.

— Офицерье драпает! — орали сзади. — Навали, ребята!

Бочарова осталась впереди одна. Встала, широко расставив ноги, уперлась руками в бока.

— Граждане свободной России! — завопила она тем же голосом, каким на плацу обращалась к батальону. — Родина воюет, истекает кровью! А вы втыкаете ей нож в спину!

Парень в косоворотке, приплясывая и кривляясь, перебил ее:

— Щас я тебе воткну!

И сделал похабный жест, который вызвал восторг у валивших следом.

Но вышел из орущей толпы неприметный человек в пиджаке и галстуке, властно махнул рукой, и толпа замедлила ход, остановилась. Оказывается, у буйной орды имелся вожак, и она отлично его слушалась.

Теперь рабочих с ударницами разделяло не больше двадцати шагов.

— Граждане женщины! — пронзительным, привычным к митингованию дискантом воззвал предводитель. — Я обращаюсь к вам от имени Совета рабочих и солдатских депутатов! Болтуны и истерички заморочили вам голову! Зачем вы надели военную форму? Зачем взяли за винтовки? Мало в России безутешных матерей? Будет, повоевали за царя Николашку да Керенского Сашку! Не давайте себя дурачить! Вставайте под красный флаг! Пойдем вместе с нами! Штыки в землю! Мир народам!

— Это большевик! Не слушайте его! — крикнула Бочка. — Они за германские деньги стараются!

К ней, поперек батьки, сунулся малиновый озорник. Видать, не по нраву ему были трезвые речи большевистского агитатора.

— Добром не пойдете, силой поволокем! — Он схватил Бочарову за портупею. — Сымай амуницию, толстуха!

Коротко размахнувшись, командирша двинула его кулаком в скулу — вроде и несильно, но парень отлетел, упал и чуть не перекувырнулся.

В толпе зашумели:

— Ого! Здоровенная, зараза!

— ...Ах ты драться, сука!

— Бей их, товарищи!

Полетели камни. Подобрать их на Английской набережной было негде — значит, демонстранты запаслись заранее.

Бочарова начала расстегивать кобуру, но булыжник угодил ей в лоб, сбил фуражку. Командирша покачнулась.

— Батальон, винтовки к бою! — страшным, хриплым голосом приказал Романов, помня, что вперед ему соваться нельзя. — В атаку! Вперед! Ура!

Махнул унтерам, они взялись за руки и вытянулись в цепочку, готовясь остановить и повернуть малодушных.

— Уррааа! — не закричал — запищал строй.

Рассыпался, но двинулся не назад — вперед.

Демонстранты такого быстрого и дружного натиска никак не ждали. От наставленных штыков те, кто был уже на набережной, бросились врассыпную. Стоявшие на мосту попятились, там образовалась давка. Теперь колонна напоминала удава с разможенной головой: длинное тело бессмысленно дергалось и корчилось, с двух сторон стиснутое перилами.

Закачавшись, рухнул транспарант, суливший смерть буржуазии. Агитатор в галстук как сквозь землю провалился. Все толкались, метались. Кто-то упал и не мог подняться, орал благим матом.

Алексей тоже бежал, зорко поглядывая по сторонам. Едва увернулся от штыка — это Лаевская из второй роты неслась с зажмуренными глазами, не разбирая дороги. Проворная и сильная Асоян, правофланговая третьей, грамотно двинула прикладом по хребту улепетывающему пролетарию. Голицына влезла на тумбу и высоко держала флаг батальона.

А вот худосочную Шацкую пришлось выручать. В ее карабин вцепился обеими руками здоровяк в солдатской гимнастерке — того гляди отнимет оружие. Романов, не останавливаясь, припечатал детину рукояткой револьвера в висок.

— Спасибо! — пискнула адмиральская дочка.

— Про штык забыли, — укорил ее штабс-капитан. Взял под локоть сидящую на мостовой Бочарову.

Она вытирала с лица кровь.

— Мутит? — спросил Алексей. — Дай перевяжу, у меня бинт в кармане. Обопрись на меня.

Но Бочка оттолкнула его, поднялась.

— Ничего, у меня башка крепкая... — И как заорет: — Коли их девочки, коли! В жопу, в жопу!

Он не дал ей побежать вперед.

— Стой ты! У тебя, может, сотрясение мозга.

Начальница блаженно улыбалась, вид у нее был совершенно счастливый.

— Мозгов у меня нету. Одно упрямство. — Подмигнула помощнику. — Что, капитан, не подвели мои девоньки? Теперь и на фронт можно.

НА ПОДСТУПАХ К ФРОНТУ

Рокочет

— Госпожа начальница, мало нам дождя, еще и гроза будет, — жалобно сказал кто-то вслед командирше и ее помощнику, быстро шагавшим вдоль походной колонны. — Ишь, рокочет.

Вдали, где над хмурым горизонтом набрякли тучи, запылали бледные зарницы и перекатился глухой рык — будто откашлялось сонное, брюзгливое чудовище.

Бочарова и Романов переглянулись, поняли друг друга без слов.

— Верст десять, — негромко сказал Алексей. — Даже меньше. Почти пришли.

— Тяжелые, — так же тихо ответила начальница. — Меня раз такой дурой накрыло. Неделю глухая проходила.

Она приподнялась на цыпочках, оглядывая унылые вымокшие шеренги.

— Подтянись! Веселей шагай! Еще полчасика, и на месте! Обсушимся! Эй, Блажевич!

— Я! — откликнулась ударница из первой роты, бывшая консерваторка.

— Запевай!

— Есть запевать, госпожа начальница!

Чистый, сильный голос затянул романс, который в Батальоне Смерти очень любили и обычно исполняли в темпе марша:

На заре ты ее не буди (раз-два),
На заре она сладко так спит (раз-два),
Утро дышит на юной груди (раз-два),
Ярко пышет на ямках ланит...

На второй строчке подхватил весь взвод, на третьей — рота, а затем и все триста пятьдесят ударниц, одна седьмая часть от первоначального состава, но зато самые лучшие, проверенные, допущенные к присяге и переправленные экстренным эшелоном на самое острое грядущего наступления.

Про косы лентой с обеих сторон гудели басом унтера-гвардейцы, командиры взводов; лихо выводили поручики и подпоручики, командовавшие ротами; во всем безупречная Голицына сильным, уверенным сопрано одна вытягивала второй голос; фальшиво и самозабвенно орала командирша. Один лишь старший инструктор шел по обочине молча.

— Господин капитан, а вы что не поете? — весело крикнули ему.

— Не умею.

Небо впереди осветилось вспышкой, но не такой, как прежде. Потом снова и снова. Там, за горизонтом, чудище окончательно проснулось и оглушительно залаяло.

Романов сбился с шага, прислушиваясь. Замолчала и остановилась Бочарова.

Песня начала комкаться.

— Ну и гроза! Никогда такой не видала! — услышал Алексей чей-то напуганный голос. — Я ужас как грома боюсь. Один раз, в детстве...

Последний куплет допевали, кажется, уже только Блажевич и Голицына. Вдвоем у них получалось гораздо красивей, чем с нестройным хором.

«И чем ярче светила луна, и чем громче свистал соловей, все бледней становилась она...».

Тут в поле, не далее чем в двухстах шагах от шоссе, лопнула и вскинулась комьями земля. Воздух сжался и ударил по перепонкам.

Батальон в секунду превратился из маршевой колонны в охваченное паникой стадо.

Второй разрыв лег с другой стороны.

— Ложись! Ложись, мать вашу!

Бочка металась на дороге, кого-то толкала, кого-то била по щекам. Вокруг стоял истошный визг. Алексей молча повторял одно и то же движение: брал ближайшую женщину за плечи, делал подсечку, швырял наземь. Еще, еще, еще.

Но скольких он сможет так уберечь от осколков и летящих камней? Ведь взяли в вилку, сейчас накроют...

Третий фугас угодил почти в самое полотно. Вокруг кричали уже не от

страха — от боли.

— Убило! Убило!

— Мама, нога!

Теперь легли все — побросав карабины, закрыв головы руками.

Нет, одна все-таки стояла. Кто?

А, Шацкая.

Она вся дрожала, но губы были плотно сжаты, глаза неотрывно смотрели на Алексея.

— Шацкая, почему не легли?

— А вы?

Вот дура упрямая!

— Чем стоять, бегите за санитарями. Живо!

Понеслась, по-девчоночьи неловко отбрасывая ноги.

Но на санитарную команду Романов поставил опытного фельдшера из гвардейских саперов. Тот приказаний дожидаться не стал, от обоза уже бежали с носилками.

— В третьей роте двое раненых, — сказал Алексей. — Быстро уложить и унести подальше. Перевяжете в поле. Ясно?

— Так точно, ясно.

Фельдшер угрюмо поглядел вокруг, сплюнул.

— Это он для острастки шумнул. Всего три снаряда. А если б всерьез? Наша рать до Питера бы удрапала.

— Ничего, привыкнут. Вы свой первый артобстрел помните?

По лужам, разбрызгивая грязь, топала Бочка.

— Поднимайсь! Стройся! Поднимайсь! Стройся! По местам! А вы как думали? Тут вам не бламанже кушать. Это фронт!

Кое-как построились, пошли дальше. Но уже молча, без песни.

— Вроде бы здесь, — показал Романов, сверившись по трехверстке. — Ко львам.

Идеально ровная аллея, обсаженная вековыми липами, вела от шоссе к парковой ограде, ворота которой сторожили два белых каменных льва. Над верхушками деревьев блеснула тусклой позолотой башенка, должно быть, венчавшая крышу помещичьего дома — сам он с дороги был не виден.

На наблюдательном пункте

Башенка торчала над пробитым снарядами полукруглым куполом и уцелела лишь по прихоти случая. Немцам было отлично известно, что эта

точка используется русскими в качестве пункта по корректировке артиллерийского огня, поэтому за минувшие месяцы (а фронт на этом участке не двигался больше года) по графскому дому было сделано несколько тысяч выстрелов, сброшены сотни авиабомб. От чудесного здания в стиле ампира почти ничего не осталось, однако наверх по-прежнему можно было вскарабкаться по железной лесенке, неуязвимая башенка парила над расстрелянной усадьбой, словно верхушка мачты, высящаяся над израненным, но не сдавшимся кораблем.

На чугунном полу, скрестив ноги по-турецки, сидели двое солдат из артдивизиона. Один жевал колбасу, откусывая прямо от круга, и попивал из фляги «спотыкаловку», мутную брагу кустарного производства. Второй лениво глядел в оптическую трубу, однако не в сторону германских позиций (чего на них пялиться, и так обрыдли), а на недалёкое шоссе, по которому двигалась батальонная колонна пехоты.

— Сюды повернули, — сообщил он, немного оживившись. — Может, сменят нас, а, Митяй? Пора бы.

— Кто тя сменит? — пробурчал Митяй с набитым ртом. — Это ж пехота, а мы артиллерия. Разве пехота артиллерию сменяет, дура?

— Я чего решил, Митяй. Если до Успенья не сменят, сам уйду. Будя над людьми измываться.

— Успенье когда ещё будет. По мне — давай хоть нынче деру дадим. Ты чего сопишь-то?

Наблюдатель, повернув фуражку козырьком к затылку, подкрутил фокус.

— Вот это да...

— Чё там, Стёп?

По лицу Степы бродила недоверчивая, отчасти мечтательная улыбка.

— Бабы! Ей-богу — бабы! То-то я гляжу, пехтура шибко бокастая. А это бабы!

— Чего-о? Какие бабы?

Митяй отпихнул товарища, сам приложился к трубе.

А Степа, плюнув на дежурство, уже спускался, оттопырив зад, по скрипучей лесенке.

— Бабский батальон! Комитетчики про их гутарили! Пойти ребятам сказать! Ну, Митьша, покобелится!

ЖЕРЕБЦЫ И КОБЫЛЫ

Штаб Ударного батальона

На столе, составленном из пустых ящичков, горела керосиновая лампа. Командир батальона, поминутно протирая слипающиеся глаза, пыталась разобраться в карте, которая была вся покрыта красными карандашными обозначениями. Помощник перед уходом всё подробно объяснил: где враг, где тыл, где какие соседи, но читать карту прапорщик Бочарова толком так и не научилась. Зеленые и коричневые квадраты, синие загогулины, черные кружки никак не желали превращаться в местность. Зевнув, женщина решила: на рассвете залезу на крышу господского дома, погляжу вокруг, и разберусь, где тут что.

Главное дело она исполнила, девочек на ночлег устроила. Ударному батальону была выделена часть территории бывшего конного завода, некогда знаменитого на всю Россию. От графского дворца мало что осталось, но конюшенные корпуса стояли почти нетронутые. В одном из них, самом длинном, выстроенном для маток-кобыл, отлично и даже с комфортом расположился личный состав: девочки шутили, что отдельные стойла похожи на купе первого класса, а сено мягче любых диванов. Романов с усмешкой предложил разместить командный состав, кроме самой Бочаровой сплошь мужской, в небольшом квадратном здании, где прежде содержали племенных жеребцов, но начальница этой игривой идеи не одобрила. Не до шуток. Поэтому «племенник» был отведен под штаб, а мужчин командирша отселила в бывший питомник для жеребят, подальше от «кобыльника». Не из недоверия, а так, на всякий случай. Да и девочкам вдали от мужского пола вольготней.

Покончив с хлопотами по обустройству батальона, Бочарова привела себя в порядок. Помылась — холодной водой, но с песочком, впродирку. Постирала белье и походную форму. Надраила сапоги, разложила на полу запасное обмундирование — это чтоб завтра явиться к генералу в несмятом.

И лишь после, накинув шинель на голое тело, села пялиться в карту и ждать помощника, очень уж долго не возвращавшегося. Ужасно тянуло в сон, однако спать было никак невозможно, и Бочарова всё яростней терла глаза.

Наконец со двора донесся звонкий окрик часового, заржала лошадь Ласточка, по уставу положенная командиру батальона, но отданная в полное распоряжение помощника — ездить верхом начальница не умела.

Стук в дверь.

— Можно?

— Пожди чуток...

Ровно в полминуты, как на побудке, Бочарова оделась в мокрое (завтрашнюю одежду трогать не стала), притопнула каблуками — готово. Ремни по ночному времени, да при своем человеке, можно было не нацеплять.

— Входи.

Штабс-капитан был по пояс заляпан грязью, но все равно умудрялся выглядеть подтянутым и молодцеватым — Бочарова этой способности своего помощника сильно завидовала.

— Что генерал?

— Удивился, что ты заместителя прислала. Я тебя предупреждал.

Романов ездил докладывать о прибытии отдельного Ударного батальона в штаб дивизии, которой предстояло возглавить наступление.

Никогда еще русская армия не планировала стратегическую операцию таким удивительным образом. Неделью назад, перед отправкой на фронт, Бочарова присутствовала на совещании у военного министра, где составлялась общая диспозиция. Видела, как разводят руками и чуть не плачут опытные, закаленные в сражениях генералы.

Ни о какой координации действий между фронтами, армиями и даже корпусами речь не шла. В условиях «революционной дисциплины» это было бы чистой маниловщиной (что за слово такое, Бочарова не знала, но догадалась: это когда приманят, наобещают, а после не исполняют). Министр предложил руководствоваться «психологической готовностью», то есть предоставить инициативу командирам соединений. Пускай сами решают, готова ли дивизия или бригада к активным боевым действиям. Керенский увлеченно доказывал, что в этой вынужденной, неслыханной методике есть свои плюсы. Противник не будет знать, на каком участке русские нанесут следующий удар, и потому не сможет группировать свои силы. В любом случае наступление затевается не с расчетом на военный успех, а в политико-пропагандистских целях. Нужно продемонстрировать союзникам и собственному народу, что мы способны не только обороняться, но и наступать. Потом министр предоставил слово первой женщине-офицеру, и Бочарова говорила, как умела: обещала не подвести, лечь костями за Родину, а еще попросила, чтоб батальон бросили не против австрияков, где дела не так уж плохи, а против германцев, в самое пекло.

Потому батальон и оказался на выступе Западного фронта, под проклятой Сморгонью, где наши топтались уже очень долго, положили многие тыщи народу и не добились ни единого, даже самого маленького

успеха.

— Как бы я к генералу поперлась чумазая, будто чушка? — ответила на укор Бочарова. — Что бы он про женский батальон подумал? Ты вон, хоть и в грязюке, а всё одно — сокол.

— Не подлизывайся, у тебя плохо получается, — буркнул хмурый Романов. — Испугалась, что не поймешь оперативного задания?

Бочарова строгих и серьезных мужчин всегда уважала, легче себя с такими чувствовала.

— Ладно, — сказала она. — Ты шибко-то не гордись. Объясняй, а я послушаю.

За что еще она ценила помощника — умел он просто и ясно растолковывать. Без лишних слов, от которых в башке один туман.

— Если коротко, план у генерала такой. — Оба склонились над картой. — Ключевой участок, куда мы выдвинемся перед атакой, вот здесь. По флангам расположатся самые боеспособные части, которые хоть как-то еще могут воевать. Слева — 16-й сибирский, справа гренадеры. Наша задача — бросок через поле. Это пока всё. Генерал сказал, что подробно объяснит на завтрашнем совещании. И не мне, а командиру батальона.

— М-м-м, — промычала начальница, положила голову на сложенные руки и в ту же секунду засопела.

Алексей тронул ее за плечо.

— Эй, ляг как следует.

— Мммм, — ответила командирша и задышала еще глубже.

Романов уже знал, что, если она заснула, разбудить ее можно только сигналом «тревога» или звуками выстрелов. Прикинул, хватит ли сил дотащить грузную, плотно сбитую тетку до койки — и не решился. Просто накрыл шинелью. Настоящий солдат в любой позе выпится.

Тихая минута

Ночью небо расчистилось, от края до края высыпали звезды, особенно яркие и чистые после затяжного дождя.

Алексей смотрел вверх, чувствуя себя полноправным участником вселенской астрономии, ведь в руке у него тоже алел огонек — маленький, но яркий. Затянувшись папиросой, штабс-капитан с удовольствием вдохнул сырой свежий воздух. Спать не хотелось.

Командир дивизии сказал на прощанье, безнадежно и тускло: «Меня не оставляет мысль, что я соучастник злодейства. По моему приказу

несколько сотен женщин пойдут на пулеметы. Как после такого прикажете жить дальше?»

Мне легче, подумал Романов. Я-то дальше, скорее всего, жить не буду. Поэтому сейчас могу спокойно смотреть в звездное небо и наслаждаться покоем.

Через двор, стуча сапогами, кто-то бежал.

— Господин штабс-капитан! Я за госпожой начальницей! У нас там...

Кажется, Никифорова из четвертой роты. Недавно назначена помощником взводного.

Папироса, прочертив огненный пунктир, полетела в лужу.

— Что еще? Командира будить не дам. Она только что уснула.

Задыхаясь, Никифорова показывала в сторону «кобыльника».

— Там... там... — И не могла закончить.

Теперь Романов и сам услышал, как от казармы (до нее было метров триста) доносится невнятный гул.

В осаде

Длинное приземистое строение было заперто. Толпа попробовала вышибить двери, но они стояли крепко.

Дружить с бабами пришли солдаты из нескольких соседних частей: артиллеристы, стрелки, саперы, спешенные драгуны. Вся эта взбудораженная масса бродила вокруг «кобыльника», пытаясь отыскать хоть какую-то лазейку.

Один ловкий паренек в сдвинутой набекрень фуражке вскарабкался на плечи товарищей и заглядывал внутрь через маленькое бойницеобразное оконце.

— Квохчут, цыпочки! — докладывал он товарищам. — Ух ты, ух ты, сколько их! И фигуристые есть!

Несколько самых напористых и упрямых продолжали колотить в дверь.

— Отворяй! — орал сильно нетрезвый фейерверкер. — Не обижай людей! К им со всей душой, а они... Щас гранатой подорву!

— Девки, чего попрятались? Вылазь, у нас самогонка есть! — кричали другие.

Солдат первого взвода первой роты Шацкая (она была в карауле) стояла по ту сторону двери в одиночестве. Гранаты она очень боялась, но покинуть пост не могла. Дрожала, прижимая к груди карабин.

— Прекратите! — жалобно просила она. — Как вам не совестно! Мы такие же солдаты, как вы!

— Солдатки — сладки! — страстно прогудел кто-то прямо в щель, совсем близко — Шацкая от неожиданности отпрыгнула.

В одной из ячеек сбились в кучку несколько девушек.

— Господи, неужели никто не придет на помощь? — трагически воскликнула гимназическая учительница Лонге. — Где же Бочка? Нас всех здесь изнасилуют и убьют!

Бойкая Салазкина, в мирной жизни посудомойка, сказала:

— Девочки, я наружу выгляну. Помогите-ка.

Поставили одна на одну три скамьи. Салазкину подсадили, она высунула в бойницу круглое личико — и обмерла.

В эту самую секунду с внешней стороны к окошку прижался кто-то черноглазый, пахнувший табаком.

— И-и-и-и! — зашлась визгом Салазкина. Остальные, крича еще громче, выбежали из стойла, бросив подругу. Хотела та спрыгнуть, да забоялась — высоконько.

Но черноглазый оказался нестрашный.

— Чаво напугалась, глупая? Чё я тя, покусая? — И улыбнулся сахарными зубами, которые, если и покусаят, то, поди, сладко. — Меня Сеней звать.

Салазкина шмыгнула носом, неуверенно улыбнулась.

— Ты знашь чё, — душевно попросил белозубый Сеня, — как наши перебесятся и разойдутся, ты к анбару выходи. По-за яблоневым садом анбар, туда и приходи. Погуляем по-хорошему. Я не то, что другие. Не забижу.

Из бойницы высунулась рука, медленно. Осторожно погладила Салазкину по виску, ласково провела пальцем по бровям.

— Придешь?

Зажмурилась Салазкина, ничего не ответила. Только вздохнула.

Подоспела подмога

Солдатская смекалка помогла ухажерам найти решение трудной задачи. Как обычно бывает, в неорганизованной массе отыскался стихийный вождь. Длиннорукий и кривоногий артиллерист по фамилии Мартынов и по прозвищу Мартыха надумал вышибить дверь тараном. Шестеро товарищей по батарее, в числе которых были оба наблюдателя,

принесшие мужчинам радостную весть, приволокли с хозяйственного двора длинное бревно и под одобрительные крики толпы нанесли первый удар в крепкие створки. Они затрещали, но устояли.

— Дальше отбегай! — скомандовал распорядительный Мартыха. — Не кто как хочет, а в ногу, все разом! Слухай сюда! Раз, два, три — пошел!

С дружным воплем взыскующие любви артиллеристы впечатали таран в дверь, и она прогнулась, треснув сверху донизу.

— На сопле повисла. Засов один держит. — Мартыха махнул рукой. — На позицию! Сейчас слетит!

Его товарищи снова отошли назад, приноровились — и прямо у них за спинами из тьмы ударил выстрел. Бревно покатилося по земле, артиллеристы бросились врассыпную.

Прямо на них, размахивая револьвером, шел высокий, подтянутый офицер. За ним, не отставая ни на шаг, — женщина в военной форме.

— Это что за стадо обезьян? — хрипло крикнул штабс-капитан, яростно озираясь. — Вы солдаты или кто?

Он толкнул в грудь стоявшего на пути Мартыху, подошел к двери.

— Кто в карауле?

— Шацкая, — подсказала сопровождавшая его ударница, испуганно оглядываясь на притихших солдат.

— Шацкая, откройте! Это помощник командира батальона!

Лязгнул засов. Дверь открылась.

Адмиральская дочка, бледная и трясущаяся, полными ужаса глазами смотрела на Алексея. Он заставил себя грозно сдвинуть брови, чтобы не поддаться жалости.

— Почему допустили безобразие?! — гаркнул он. — Устава не знаете?!

Никифорова, не дожидаясь, чем тут всё кончится, прошмыгнула внутрь казармы.

— Всех в ружье, — негромко, чтоб не услышали сзади, сказал ей вслед Романов и опять напустился на часовую: — Давно в наряде не были? Любите картошку чистить и мыть грязные котлы?

Глаза Шацкой наполнились слезами, дрожащие губы прошептали:

— Слава богу, что вы пришли...

Но первая оторопь, вызванная шумным явлением офицера, у толпы уже прошла.

Сзади раздались неторопливые, вразвалку шаги. Романов не обернулся, но внутренне собрался.

— Ишь, кочет, один всех хочет! — сказал прокуренный бас. — А ну,

шкура офицерская, кыш с дороги.

На погон штабс-капитану легла тяжелая рука.

По-прежнему не оборачиваясь, Алексей приказал:

— Часовая, вашего начальника оскорбляют. Застрелить мерзавца!

Шацкая сделала два шага назад, вскинула карабин, взвела затвор, даже прицелилась — и правильно прицелилась, мимо головы командира. Но ствол качнулся. Барышня зажмурилась.

— Огонь! — свирепо прорычал Романов.

Худенькая ударница открыла глаза и попятилась.

— Не робей, Митяй! — крикнули из толпы. — Кишка у ей тонка встрёльнуть!

Басистый и сам уже понял, что стрелять в него не будут. Красуясь перед товарищами, он с треском рванул на груди гимнастерку. Воскликнул со слезой:

— Стреляй, сестренка! Митяя пуля австрийская не брала, газ германский не жег. А ты давай, сади прямо в сердце!

— Не могу... — прошептала Шацкая — не горлопану, а Романову.

— Ну тогда я сам.

Стремительно развернувшись, штабс-капитан вмазал оскорбителю сочную плюху. По опыту последних месяцев Алексей хорошо знал: нет лучше способа произвести впечатление на распоясавшуюся толпу, чем эффектная и своевременная демонстрация грубой силы.

Удар был хоть и вслепую, но отменно точный. Митяй рухнул навзничь, без памяти, а штабс-капитан еще и пнул бесчувственного обидчика ногой.

— Я тебе дам «шкура»!

И, не давая солдатне опомниться, дунул в свисток, после чего оглушительно заорал:

— Батальон, в ружье!!!

Судя по стуку и грохоту, доносившемуся из конюшни, Никифорова приказание исполнила и личный состав уже вовсю разбирал оружие из пирамид.

Разговор по-доброму

— Граждане солдаты, давайте жить по-доброму, по-соседски. Что нам ссориться?

Романов говорил по-хорошему, даже задушевно. И никто его не перебивал. Солдаты слушали внимательно, не сводя глаз с поднятой руки,

которой офицер делал плавные, миротворческие жесты.

— На женщин кидаться — последнее дело. Им и без того в армии тяжело. Ведь они к вам на выручку пришли. Как сестры к братьям.

Давненько не проявлял Романов такого красноречия, сам расчувствовался. Хотел еще сказать про наступление, ударной силой которого станет женский батальон, но тут очухался зашибленный Митяй и испортил торжественность минуты.

Сев, артиллерист размазал по лицу кровавые сопли.

— Ответишь, капитан! Ты мне нос поломал! Не старый прижим солдату рыло чистить. Гвоздю на тебя пожалуюсь!

Красивая речь так и осталась незаконченной.

— Всё, ребята, можете идти, — со вздохом сказал Алексей. — И больше на нашу территорию не суйтесь. Часовые будут стрелять без предупреждения. Ну, что стоите? Валите отсюда!

— Руку опускаю, — крикнул он через плечо. — Но это не команда «огонь!». Всем ясно?

— Так точно! — многоголосо и звонко ответили ему.

Солдаты пятились от офицера, из-за спины которого торчал лес карабинных стволов.

Через полминуты перед «кобыльником» было совсем пусто. Только Митяй не успел ретироваться — Романов держал его за шиворот.

— Отбой! Больше ничего не будет! — крикнул штабс-капитан ударникам. — Отправляйтесь спать!

Они, возбужденно переговариваясь, вернулись в казарму. Вряд ли после такой встряски смогут уснуть, но тут уж ничего не поделаешь. Завтра Бочарова все равно обещала батальону дневку — отдохнуть перед наступлением.

Рывком Алексей поставил Митяя на ноги.

— Гвоздь — это кто?

— Узнаешь, кто! Он тя под суд отдаст!

Пришлось еще пару раз съездить хама по морде, чтоб окончательно привести в разум. Только тогда был получен четкий и ясный ответ: Гвоздь, а вернее Гвоздев — председатель дивизионного солдатского комитета. Ага, понятно.

Штабс-капитан увесистым пинком под зад отправил Митяя восвояси, обернулся — и расстроился.

Оказывается, Шацкая никуда не ушла и видела мордобитие. Нехорошо.

— Почему не вернулись на пост? — хмуро спросил Романов. — Не

будет никакого взыскания. Это я для них сказал. Идите, Шацкая. Ложитесь отдыхать. Я вместо вас додежурю.

Как девочка будет на часах стоять после того, что пережила? Вон у нее снова губы прыгают и слезы потоком.

— Простите меня, господин старший инструктор! — всхлипнула Шацкая. — Я так перед вами виновата... У-у-у, — вырвался у нее совсем детский, скорбный вой, и адмиральская дочка разревелась не на шутку.

Алексей приблизился, осторожно погладил ее по острому плечу.

— Бросьте. Вы вели себя по-геройски. Все попрятались, вы одна остались на посту.

— Не-е-е... Я перетрусилась... Вы приказали стрелять, а я не смогла. Какой из меня солдат...

Он отвел ладонь, которой она закрывала зареванное лицо.

— Я знал, что вы не выстрелите, потому и отдал такой приказ. Если б вы его уложили, солдаты сбегали бы за оружием и перебили б нас всех до последнего человека. Мы с вами отлично разыграли эту репризу. Как Бим и Бом.

Он нарочно пошутил, чтоб она перестала плакать. Кажется, удалось. Шацкая достала платок и яростно высморкалась.

Алексей еще сказал:

— Каждого хама убивать — этак мы без армии останемся. Свой все-таки.

Девушка сверкнула еще влажными, но уже не жалобными глазами:

— Какой он «свой»? Хуже всякого немца! Я хотела его убить, пальнуть прямо в наглую рожу. Хотела, а не смогла. Не смогла убить живое существо! Как же я в атаку пойду?

Никогда, ни в какие времена не бывало, чтоб такие девушки надевали военную форму и брались за оружие, подумал Романов. Не мужеподобная кавалерист-девица, ищущая приключений, и не бой-баба вроде Бочки или старостихи Василисы Кожиной, а хрупкое создание, которому судьба и природа определили играть на фортепиано да вздыхать над чувствительными стихами.

— Господи, помоги! Дай сил! — Шацкая сдернула фуражку, опустила голову и несколько раз быстро перекрестилась. Ее голос прерывался. — Господи, сотвори чудо! Укрепи мой дух и мою руку!

Над входом в конюшню покачивался на ветру фонарь. Алексей смотрел вниз, на коротко стриженные волосы бывшей красавицы. За три недели они превратились в ежик и родимого пятна стало не видно, но маленькие уши торчали так незащитно, что защемило сердце.

Какой бой?! Какая атака?!

Прав начальник дивизии! Никакой это не героизм! Со стороны женщин — это сумасшествие, со стороны начальников — преступление. И он прямой соучастник!

Но разве можно что-то изменить? Скажи сейчас этой девочке: «Беги отсюда!» — ведь не уйдет, ни за что на свете. Зря она молит Бога укрепить ей дух. Дальше укреплять уже некуда. Вот рука — дело иное.

— Крыс любите? — спросил штабс-капитан, покашляв, чтоб прочистить ком в горле.

— Ненавижу. — Шацкая подняла лицо, передернулась. — А что?

— Видели справа от ворот свалку? Утром, когда батальон будет отдыхать и приводить себя в порядок после марша, в девять ноль ноль извольте быть там. Я преподам вам урок.

НА СВАЛКЕ

9:05

Утром в идиллически чистом небе сияло яркое солнце, быстро нагревая воздух. День обещался быть жарким.

На помойке, вынесенной в поле, за ограду поместья, над кучами мусора и всякой дряни жужжали мириады мух и каркали жирные, ленивые вороны.

Срезав путь, Романов пролез через дыру в заборе. Часы показывали пять минут десятого. Увидел стройную фигурку, переминавшуюся с ноги на ногу между остовом сгоревшего грузовика и грудой пустых консервных ящиков. На плече у Шацкой висел карабин. Приказом командира ударницам запрещалось выходить за пределы расположения без оружия, а в случае «агрессии со стороны посторонних лиц» предписывалось вести огонь на поражение.

Барышня зажимала нос платочком. Пахло действительно препогано. Однако Алексей собирался увести свою ученицу на еще более зловонный участок свалки.

— Нам вон туда.

Он показал на дальний конец помойки, куда полевые кухни окрестных частей вываливали пищевые отходы.

— Отлично. — Штабс-капитан остановился в двадцати шагах от кучи

гниющих картофельных очистков, на которых блаженствовала исполинских размеров крыса. — Вот с этого живого существа мы и начнем. Оружие к бою!

Шацкая довольно ловко вскинула карабин, прицелилась.

— Не нужно фокусировать взгляд на мишени — только на мушке. Кисть тверже. Вот так. — Он стиснул ее тонкие пальчики. — Про отдачу не забываем. Жестче плечо, жестче! Напрягите мышцы.

Мышц там особенных не было, но все же плечико стало более упругим.

— Хорошо! А теперь спуск, плавно.

Грянул выстрел, над помойкой с криком и хлопаньем крыльев взметнулись вороны. Крысу подкинуло в воздух, перевернуло.

— Попала! — взвизгнула Шацкая.

— Конечно, попали. Потому что все правильно сделали. Теперь и по врагу сможете стрелять. Германцы вон там, в пяти верстах.

Он кивнул вдаль, где за полем проходила линия окопов, отсюда невидимая.

— Мы выдвинемся по опушке леса, — показал Алексей, — вот так. Под покровом темноты займем позицию. Перед бруствером будет ничейная земля, а на той стороне — маленькие человечки. Считайте их злобными, кусачими крысами и стреляйте без промаха.

— Человек не крыса, — возразила Шацкая.

— Правильно. Он хуже. Крыса, которую вы только что преспокойно убили, ничего плохого вам не сделала. А вчерашний Митяй, дай ему волю, поступил бы с вами скверно. Немцы же и вовсе хотят вас убить. Ну-ка, попробуйте с большей дистанции.

В отличие от ворон, остальные крысы выстрела не испугались. Серые остроносые твари кишели повсюду. Буквально в десяти шагах здоровенная крыса шуршала кочаном капусты, но штабс-капитан велел целить по куче свиных костей, до которой было метров пятьдесят.

Хоть руки у Шацкой были слабые, зато глазомер превосходный. Удивила барышня Романова: четырьмя выстрелами, причем почти без интервалов, сняла четырех грызунов.

И пришла в голову Алексею одна чудесная мысль.

Всех женщин спасти он не сможет, но вот эту петербургскую фиалку и, возможно, еще несколько таких же, совершенно бесполезных в штыковой атаке, пожалуй, убересть удастся.

По недавнему приказу главнокомандующего, в каждой роте полагается создать из лучших стрелков снайперское отделение. Опыт позиционной

войны доказал полезность этой меры. Снайперы должны, посменно дежуря, держать под прицелом вражеские окопы, а во время наступления — прикрывать метким огнем атакующую роту, сами оставаясь позади.

Если правильно подать идею, Бочка согласится. Она и сама все время вздыхает, что худосочных девчонок в штыки гнать — только без толку губить. Поэтому отобрать в снайперские команды нужно даже не самых метких, а самых слабосильных. Все равно обучать по-настоящему времени не будет.

Штабс-капитан уже решил, что для демонстрации именно Шацкую начальнице и предъявит. Мол, в атаке от такой проку ноль, зато полюбуйтесь, как отлично она стреляет.

— Господин старший инструктор, вот если б вы меня еще научили штыком колоть. — Воодушевленная успехами Шацкая смотрела на Романова с благодарностью и восхищением. — А то я хуже всех, стыдно!

— Бросьте про это и думать, — отрезал Романов. — Скажу вам начистоту, без свидетелей. Женщина, любая женщина, в силу своей конституции не может научиться владению штыком. Уж поверьте старому вояке.

Барышня кивнула — поверила. И надо ж случиться, чтоб именно в эту минуту произошло событие, поставившее под сомнение авторитет «старого вояки».

Вдалеке затрещали кусты, захрустели ветки. Из той же дыры в изгороди, откуда четверть часа назад вылез Романов, отчаянно голоса выскочила женщина в военных штанах и сапогах, но выше пояса голая. Вслед за ней, тоже вопя, выпрыгнул мужчина. Он, наоборот, был в гимнастерке, зато снизу — во всей натуральности. Оба припустили вдоль ограды, стремительно приближаясь к Алексею и Шацкой.

Странное поведение полураздетой пары объяснилось, когда следом сквозь забор проломился преследователь. Верней, преследовательница: наставив штык и оря благим матом, беглецов догоняла начальница батальона. Она быстро перебирала короткими ногами и уж готовилась вонзить клинок в спину мужчине.

— Сенечка-а-а! Бежи-и-и! — заголосила, оглянувшись, женщина.

Солдат сделал огромный прыжок, едва увернувшись от удара, и наподдал с такой прытью, что оставил подругу по несчастью далеко позади.

— Это Салазкина из четвертого! — ахнула Шацкая. — Бочка ее сейчас убьет!

Мужчина сиганул вбок, к ограде, с невероятной ловкостью

вскарабкался на нее и, мелькнув белой задницей, исчез в зарослях. Но Бочарова даже не повернула головы в ту сторону — она нацелилась сразить блудодейку.

— Стерва! Шалава! Убью!

Не повезло бедной Салазкиной. Споткнулась на кочке, полетела кубарем. Только вскрикнула:

— Мамочки! Смерть моя пришла!

Багровая от ярости Бочка занесла карабин. Сверкнул хищный японский штык.

Романов бросился к месту грядущего кровопролития, на бегу кинув Шацкой:

— Здесь же в одиннадцать вечера! Будем стрелять на звук!

Оглянувшись, начальница смотрела на невесть откуда взявшегося заместителя. Шацкую не заметила — та благоразумно присела на корточки, спрятавшись за кучей мусора.

— Сука такая! — заорала Бочка. — Я мимо сенника иду, вдруг слышу... Убью на месте, чтоб другим неповадно было!

Салазкина шустро уползала на четвереньках, пока старший инструктор урезонивал взбешенную командиршу.

Рядовой Шацкая наблюдала из своего неромантического укрытия за происходящим и улыбалась. Не насмешливо — мечтательно.

— В одиннадцать... — прошептала она.

ОГОНЬКИ

Там же, в темноте

Дотемна проторчали в штабе дивизии, дожидаясь генерала, срочно вызванного в корпус, но встреча так и не состоялась. В половине десятого протелефонировал адъютант и сообщил, что начальник нынче не вернется — переговоры с представителями солдатских комитетов зашли в тупик, будут продолжены завтра утром в присутствии командующего армией.

Пришлось уезжать несолоно хлебавши.

Бочарова, весь день готовившаяся представляться начальству, была раздосадована. Вернувшись в расположение, устроила выборочную повзводную проверку: в порядке ли оружие, исправно ли ведется дежурство, не стерты ли после марша ноги. Всё было в полном порядке.

День отдохнув, батальон оправился и от тридцативерстного броска, и от артобстрела, и от потрясений минувшей ночи.

Потом вдвоем долго обсуждали график завтрашних ротных занятий. Из-за всего этого Романов попал на свалку с большим опозданием. Он уж думал, что Шацкая его не дождалась — но нет, на том же самом месте, где они утром расстались, чернел маленький силуэт, окруженный призрачным серым сиянием. Ночь сегодня была пасмурная, по временам тьма сгущалась до полной черноты, но иногда облака прорежались, и тогда причудливый рельеф мусорных куч напоминал лунный пейзаж из иллюстраций к роману Жюль Верна.

Смердело меньше, чем на жаре, и мухи не жужжали, но, судя по деловитому шуршанию, крысы бодрствовали — что от них и требовалось.

Алексей вдруг сообразил, что барышне, наверное, жутко стоять тут одной, в окружении ночных шорохов, и ускорил шаг.

— Извините, — сказал он. — Сначала в штабе дивизии задержали, потом начальница не отпускала...

— Офицер перед рядовым не извиняется.

Фигурка не шелохнулась. Голос был странный — не такой, как всегда.

— Обиделись, — вздохнул штабс-капитан.

— Нет, что вы... — Шацкая сделала шаг навстречу. — Я не заметила, как летит время. Стояла, думала.

— О чем?

— О том, как всё это удивительно. Совершенно непохоже на то, как я себе... — Она сбилась. — Ой, куда ж это я карабин пристроила? Ничего не видно...

Луна действительно спряталась за плотную тучу, стало совсем темно.

Присев на корточки Шацкая ощупывала землю. Желая ей помочь, Алексей тоже наклонился — и звонко приложился лоб в лоб.

— Ой! — сказала она.

— Черт! — сказал он.

Шацкая пожаловалась:

— Еще и фуражка свалилась.

— У меня тоже.

Оба рассмеялись. Из-за того что ничего не было видно, Романов вдруг почувствовал себя, будто в мирное время: он не с нижним чином, а просто с барышней, и летняя ночь, и обоим весело. Нет ни военной формы, ни уродливо стриженной головы, голос же у Шацкой обыкновенный, девичий. И легко представить, что она такая же красивая, какую он увидел ее впервые, в кресле парикмахера.

— У меня ведь фонарик! — спохватился он.

Щелкнул кнопкой. Моментально отыскались и головные уборы, и карабин, аккуратно прислоненный к пустому снаряжному ящичку. А тут и луна выглянула.

Шацкая провела рукой по засеребрившемуся ежику волос, поспешно надела фуражку.

— Никак не привыкну к этому ужасу. Видели бы меня петроградские знакомые...

— Не так это ужасно. Вы похожи на мальчика.

Луна снова скрылась. Остался только голос, да еще чуть мерцали глаза, смотревшие на Алексея снизу вверх.

— Значит, на роду написано. Папа не хотел девочку, мечтал о третьем сыне. У нас уже несколько поколений подряд три сына и никаких дочерей. Старший идет в морскую службу, средний в кавалерию, младший в пехоту. Так всё в конце концов и вышло. Я угодила в пехоту. И получился из меня мальчик.

— Нет, — быстро сказал Романов то, что невозможно было бы произнести при свете. — Мальчик из вас не получился. Совсем не получился. Как вас зовут?

— Саша. Видите, даже имя не совсем женское...

У нее сорвался голос, она замолчала. Он тоже молчал. Теперь и вовсе ничего не осталось — только ночь, только учащенное дыхание.

Господи, думал Романов, никогда и нигде такого еще не бывало, ни в каких романах, это просто не с чем сравнить. И не надо сравнивать.

— Сумасшествие закончится, — хрипло сказал он. — Обязательно закончится. И тогда...

— Что «тогда»? Почему вы не договорили? Что «тогда»?

Он не договорил, потому что снова засочился слабый свет, блеснул на дуле карабина, обрисовал верхний полукруг кокарды на ее фуражке.

— Нет, ничего.

Саша продолжила за него:

— Закончится война, у меня отрастут волосы. Пускай не такие, как прежде, а хотя бы до ушей. Сейчас в Париже это модно. Мы с вами встретимся где-нибудь в Петергофе или в Павловске, и...

Свет померк, и теперь не закончила фразы Шацкая.

— Встретимся — и что? — спросил Алексей у темноты.

Темнота прошелестела:

— Ничего...

Они качнулись навстречу в один и тот же миг — и, несмотря на мрак,

губы безошибочно встретились с губами.

Один Бог знает, как это вышло. Виновата была тьма, больше никто.

Они быстро, жадно целовались, от нетерпения мешая друг другу. Алексей стиснул девичье плечо, но оно оказалось такое маленькое, что он испуганно ослабил хватку, опустил руку ниже — нащупал на рукаве что-то странное, колющее. Это был череп с костями, шеврон Батальона Смерти.

Романов отшатнулся. Саша хотела поцеловать его еще — ее губы попали в пустоту.

— Что я делаю? — Он пятился. — Я слово давал!

— Невесте? — дрогнул голос Шацкой. — Или у вас жена? Боже, я ведь ничего о вас не знаю!

— Бочке.

Оба прыснули.

— Сейчас как выскочит из темноты — и штыком, — сказала Саша.

Засмеялись. Но не тронулись с места. Тучи ускорили свой бег, тьма будто задышала, чернея и светлея. Девушка, стоявшая всего в трех шагах, то исчезала, то появлялась вновь.

В соседней мусорной куче раздалось злобное пицанье, началась возня — кажется, крысы не поделили добычу.

— Странное место для романтического свидания. Про это я и думала, пока ждала.

Алексей ужасно удивился:

— Вы знали, что получится романтическое свидание?

Она хихикнула.

— Нет. Я, наверное, отправилась среди ночи на помойку по крысам стрелять.

Шаг, второй, третий. Алексей притянул Сашу к себе.

— Последний поцелуй — и всё. До конца войны. Слово офицера.

— Последний... До конца.

Последний-то последний, но где сказано, сколько времени он может продолжаться?

Когда стало совсем невмоготу и пальцы сами собой, не спрашиваясь, начали расстегивать пуговицы на солдатской гимнастерке, Романов опомнился и оборвал поцелуй.

— Всё, всё, всё, а то...

— Да, а то... — Саша хватала ртом воздух. — Если б еще не помойка...

Зачем она это сказала? Вон там, за оградой парк. Трава, кусты, даже сенник есть. Но нет. Дано слово, его нужно держать.

Прошла опасная минута, ее сдуло ночным ветром. Еще луна, разумница, выглянула, помогла.

— Красиво здесь, — сказала Шацкая, оглядываясь — будто хотела лучше запомнить это место. — Запах вот только... Зато луна. Ночные огоньки...

Она смотрела Романову через плечо.

— Какие огоньки?

Обернулся.

На краю поля, где чернела опушка леса, дважды коротко вспыхнул, погас и снова зажегся маленький, но яркий огонек.

— Будто загадочный ночной зверь подмигивает желтым глазом, — мечтательно произнесла Саша.

Романов вскрикнул:

— Какой еще зверь! Тире, точка, точка, тире... Это азбука Морзе! Кто-то подает сигналы в сторону вражеских позиций!

По профессиональной привычке он поднес к глазам часы с фосфоресцирующими стрелками. Ровно полночь.

— Возвращайтесь в казарму!

Сам побежал вперед, на мигающие огоньки.

— Нет! Я с вами!

Шацкая подобрала карабин.

За длинноногим штабс-капитаном девушке было не угнаться, и скоро она отстала, а затем и потеряла его из виду, но все равно упорно бежала по высокой, мокрой от росы траве. Споткнулась и упала, выронила оружие, больно ушибла локоть. Однако не охнула, даже не поморщилась — просто подняла карабин и побежала еще быстрее. Задышалась, ругала себя за неуклюжесть, за дурость («ночной зверь» — стыдно как!), но не остановилась, пока не оказалась на опушке.

Зрительная память у барышни была отменная, и, хоть огоньки уже погасли, Саша безошибочно достигла того самого места.

Из кустов слышался негромкий шорох.

Шацкая взвела затвор, осторожно двинулась вперед. Ей стало очень страшно — не за себя, а за Алешу (про себя-то она ведь могла его так называть?). Что если...

— Вы? — раздался из темноты озабоченный голос. — Проклятье! Ушел, гад. Опоздал я...

— Вот беда, — ответила она сокрушенно, а сама улыбнулась и перекрестилась. Жив!

По земле ползал луч. Это штабс-капитан, стоя на четвереньках светил

фонариком на землю.

— Ну, ясно...

Направил луч на ветки орешника, снова вниз.

— Что ясно?

— Их было двое. Судя по отпечаткам сапог, нижние чины. Курили махорку: один сворачивает «козью ножку», второй закручивает бумагу по-казацки. Сеанс начался ровно в полночь и продолжался примерно минуту... Паршивые дела.

Как он расстроился! Саше тоже захотелось расстроиться, хоть в ее теперешнем состоянии это было трудно.

— Ужасно, что есть такие люди, — сказала она, запретив себе улыбаться. — Носят русскую форму, а сами шпионят.

— Хуже другое. Через два дня наступление. И как раз на этом участке. Наши шансы на успех и без шпионов невелики... — Лицо у него от бега было потное. Вытереть бы платком — но нет, Саша не решилась. Алеша был такой сосредоточенный! — Срочно доложить генералу. А субъектов этих надо взять...

— Как же их возьмешь, если они уже ушли? — удивилась Саша.

— Курили, и довольно долго. Значит, сеанс был назначен на определенный час. И место выбрано неслучайно. Здесь лес выдается в поле мыском, эту точку в бинокль видно издалека. Точное время атаки будет определено завтра. Шпионы обязательно попытаются сообщить об этом врагу.

Какой же он умный, думала Саша. И скромный. Сразу всё понял, рассчитал, придумал. Говорит невероятно проницательные вещи, и безо всякой рисовки, будто они сами собою разумеются. Как же мне повезло! Какая я счастливая!

НИЧЕГО ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

В местечке Ломницы

Опытный (а даже и не слишком опытный) врач-психиатр при одном взгляде на безжизненное, будто окостеневшее лицо генерал-лейтенанта Бжозовского определил бы, что этот человек с потухшими глазами находится в состоянии долгой тяжелой депрессии. Ему следовало бы пройти курс нервно-восстановительной терапии, полгодика отдохнуть на

минеральных водах и потом еще понаблюдаться у хорошего специалиста. Тогда восстановятся сон и аппетит, пройдут мучительные головные боли, и, может быть, решится главное последствие затянувшегося стресса — рассеется навязчивое суицидальное настроение.

Но в обозримом будущем о лечении и отдыхе не приходилось и мечтать, а идея заглянуть в черную дырку револьвера и броситься в нее, как в колодец, Иерониму Казимировичу с каждым днем казалась всё более соблазнительной. В прежние времена он был осанист и щеголеват, любил пустить начальству пыль в глаза и слыл отъявленным карьеристом, но в последние месяцы всё, чем жил Бжозовский — служба, армия, красота векового уклада, — прямо на глазах, с тошнотворной быстротой превращалась в труху. Смотреть на это не было сил, стремиться стало не к чему, и если генерал еще держался, то лишь в силу привычки к дисциплине да из чувства долга.

В расположение дивизии, штаб которой находился в местечке Ломницы, Бжозовский возвращался в глубоком унынии — то есть в обычном своем состоянии. После бесконечных, иссушающих мозг препирательств с солдатскими депутатами решение о наступлении все-таки было принято, но для этого понадобилось вмешательство командарма и льстивая телеграмма комитету от Керенского.

Ни наступать, ни вообще воевать при таком положении невозможно — об этом говорили генералы в своем кругу, уже после завершения переговоров. Беседа началась за завтраком и протянулась до полудня. Судя по рассказам соседей, у них дела обстояли еще хуже: надежды на то, что дивизионные и бригадные комитеты выполнят постановление корпусного комитета, никакой. Командующий на прощанье сказал (они были однокашники по Пажескому): «Иероним, на тебя вся моя надежда». А какая к бесу надежда?

Пыльный «бельвиль» начальника дивизии, клаксоня, разогнал с неширокой улицы стаю гусей, попрыгал по булыжной площади, остановился возле длинного, с пузатыми колонами здания — здесь раньше было коммерческое училище.

Морщась от бензиновой вонь (у входа тархтела и чадила курьерская мотоциклетка), генерал поднялся по ступенькам. Черт знает что: приходится краем глаза следить за часовым — отдаст честь или нет. Если соблаговолит — упаси Бог не козырнуть в ответ, напишет жалобу председателю.

Но часовой лишь проводил генерала скучающим взглядом, а Бжозовский сделал вид, что не обратил на солдата внимания.

Внутри штаба было лучше — почти как в нормальные времена. Стучали пишущие машинки, стрекотал телеграфный аппарат, люди занимались делом. Младшие офицеры четко приветствовали командира, со старшими он здоровался за руку.

Адъютант доложил обстановку на четырнадцать ноль ноль. На передовой всё тихо; в артдивизионе с утра митингуют; пришла шифровка от генерал-квартирмейстера; Константин Иванович (дивизионный врач) спрашивает, довольно ли будет для наступления тысячи двухсот койкомест; с утра приехали из Ударного батальона и ждут — у них что-то важное и срочное.

Бжозовский поморщился: он так и предчувствовал, что с женским воинством будут сплошные проблемы. «Важное и срочное». Обидел их кто-нибудь, или снабжением недовольны, или еще какая-то чушь. Придумали там, наверху, красивую пропагандистскую акцию, и в газетах всё будет выглядеть героически, Европа непременно расчувствуется. Но ведь покалечат, поубивают к черту дур несчастных, и после не отмоешься.

Однако Иероним Казимирович велел себе не рассуждать, ибо приказ есть приказ, и его надлежит исполнять, а не подвергать сомнению.

— Сначала сплавлю этих, из Ударного, — сказал он адъютанту. — Потом шифровку, потом соедините с Константином Ивановичем.

В бывшей учительской, ныне приемной, навстречу поднялись две фигуры: высокая, поджарая и низенькая, грушеобразная. Штабс-капитана, как его, ах да, Романов, генерал уже видел — исправный офицер. Круглолицая тетка с погонами прапорщика несомненно была та самая Бочарова. Оба вытянулись, как на параде.

Бжозовский адресовал даме любезную улыбку. Поколебавшись, протянул командирше руку, потом и заместителю.

— Здравствуйте, господа, то есть госпожи... — Немного сбился. — Хм. Офицеры.

Хотел сказать что-нибудь приветливо-светское, но Бочарова (что взять с женщины, да еще мужички?) встряла:

— Господин генерал, у штабс-капитана Романова сообщение чрезвычайной важности.

Ее помощник кратко и ясно изложил суть: в дивизии действует неприятельская агентурная сеть, которая, судя по всему, поддерживает регулярную сигнальную связь с противником. Существует несомненная опасность, что шпионы известят немцев о месте и часе атаки. Необходимо сохранить эту информацию в полной тайне вплоть до последней минуты. Если наступление произойдет завтра, приказ по частям следует разослать

утром — тогда изменники не успеют предупредить врага, ибо сеанс связи у них происходит в ночное время.

Только этого не хватало! Весь расчет точечного удара основывался на факторе внезапности. Если немцы будут начеку, бабье сразу заляжет под шрапнелью и сплошным пулеметным огнем. Может, оно и к лучшему? Жертв меньше.

Неуместную мысль Иероним Казимирович изгнал.

— Не получится утром, — угрюмо сказал он. — План подготовлен, но я обязан согласовать его с комитетом. Без этого солдаты не поддержат атаку вашего батальона. В семнадцать тридцать придет Гвоздев, председатель. Единственное, что возможно сделать: предупредить его насчет шпионов и попросить о сохранении тайны. Гвоздев пользуется большим авторитетом. Если он скажет в комитете, что приказ объявят только завтра, это возмущения не вызовет. Они там все смотрят Гвоздеву в рот.

Романов кашлянул.

— Господин генерал, позвольте спросить, что это за человек.

— Сильный. Умный. С толпой на митинге управляется, как дирижер с оркестром.

— А в смысле партийной принадлежности? Биографии?

Бжозовский раздраженно пожал плечами:

— Понятия не имею! Я, знаете, полицейской деятельностью не увлекаюсь.

По выражению лица штабс-капитана было ясно, что он хочет еще о чем-то спросить. Однако имелись более насущные заботы, чем обсуждать чертова Гвоздева, попортившего Иерониму Казимировичу немало крови.

— Поскольку от батальона зависит успех всего предприятия, я желаю посмотреть на ваших ударниц, — сказал генерал прапорщику — или «прапорщице»? — Командующий предупредил, что завтра приедут корреспонденты, в том числе иностранные. За доброволками будет наблюдать весь мир. И учтите, госпожа прапор... щик. — Бжозовский грозно выставил вперед седоватую бородку клином. — Если я сочту ваше войско непригодным... Вот именно! — Он оживился. — Если батальон покажется мне неготовым к бою, я отменю наступление. Командующий дал мне такое право. Сопровождать меня не нужно. Я хочу посмотреть, как ваши девицы-красавицы покажут себя в отсутствие начальства. Дожидайтесь в штабе.

Три часа спустя

Три часа Бочарова промаялась, ходя кругами по площади. Успокаивать ее было бесполезно — Алексей и не пытался. Больше всего Бочка ругала себя за то, что не поспела протянуть в батальон телефонную линию из Ломниц. Предупредить «девочек» об инспекции не было никакой возможности.

Сопереживать начальнице штабс-капитан не мог еще и потому, что потратил три часа на сбор сведений о председателе дивизионного солдатского комитета.

Познакомился кое с кем из штабных — не только с офицерами, но и с простыми писарями, вестовыми, самокатчиками. То, что удалось выяснить, не радовало.

Гвоздев (нижние чины любовно называли его «Гвоздь») был из большевиков, а стало быть заведомый противник войны. В последнее время — с началом расследования дела о «запломбированном вагоне» — ленинцы, правда, перестали открыто призывать к миру любой ценой, однако их отношение к «империалистической войне» хорошо известно. Главный комитетчик, если верить рассказам, долго жил в Швейцарии и вернулся в Россию только после революции. Очень возможно, что в том самом вагоне.

Перед началом совещания Романов был в приемной, рядом с белой от волнения Бочаровой. На площади зафыркал мотор, оба подошли к окну и увидели, как из «бельвиля» вылезает генерал. Лицо у него было не просто мрачное, а прямо-таки черное.

— Беда, — упавшим голосом сказала Бочарова. — Подвели меня девочки...

Но Иероним Казимирович пребывал в черной меланхолии по причине диаметрально противоположной. Батальон Смерти произвел на него сильное впечатление дисциплинированностью, четкостью и организованностью. Генерал-лейтенант уже начал забывать, что такое настоящая воинская часть. Надежда придраться к чему-нибудь и отправить женщин в тыл провалилась. Значит, придется испить трагическую чашу до дна.

— Поздравляю, — сухо сказал он батальонному начальству. — Это солдаты. Будем воевать.

У Бочаровой от облегчения на лбу выступила испарина, зато у штабс-капитана лицо на миг стало таким же мертвым, как у генерала. В глубине души он тоже надеялся на инспекцию.

— Господин генерал, я насчет Гвоздева... — Романов понизил

голос. — Нельзя ли все-таки ограничить круг лиц, посвященных в детали? Учитывая особенные обстоятельства...

— Я и так вызвал только начальника штаба и командиров двух соседних полков. По правилам следовало бы пригласить и председателей полковых комитетов, но я ограничился Гвоздевым... А вот и он. Легок, как черт на помине.

Генерал смотрел в окно.

К штабу быстро катил на велосипеде солдат. То есть, погоны-то были солдатские, но портупья офицерская, китель тоже, а на поясе висел «маузер» в лаковой кобуре — оружие не для нижнего чина. Подъехав к крыльцу, необычный солдат поздоровался за руку с часовыми, один из которых почтительно принял велосипед. О чем-то с ними потолковал, рассмеялся — на загорелом, обросшем короткой бородой лице блеснули превосходные зубы.

Тут как раз прибыли и вызванные к семнадцати тридцати полковники: один верхом, другой в автомобиле.

«Совет нечестивых»

Во главе длинного стола, судя по кафельной поверхности, притащенного сюда из школьной химической лаборатории, восседал Бжозовский; справа от него — начальник штаба и полковые командиры; слева — Бочарова со своим помощником. Рядовой Гвоздев, в соответствии с чином, скромно пристроился на противоположном от генерала торце, однако почти сразу же обозначился истинный смысл военного совета. Генерал-лейтенант не столько извещал собравшихся о плане операции, сколько излагал аргументы в пользу принятого решения перед председателем солдатского комитета — будто сдавал экзамен и заметно при этом нервничал. Зато Гвоздев, как подобает экзаменатору, был немногословен, требователен и немного насмешлив. Слушая командира дивизии, он время от времени вставлял реплики и скучливо смотрел поверх головы своего визави — туда, где на стене сияла облупившейся позолотой педагогическая надпись: «Науки юношей питают. М. В. Ломоносов».

С напускным воодушевлением рассказав об идеальном порядке и высоком патриотическом духе Ударного батальона, генерал обратился непосредственно к прапорщику Бочаровой:

— ...Армии, народу, стране нужна победа. Пускай совсем маленькая, но победа! Поле, по которому вы поведете в атаку ваших героических

сестер, это российские Фермопилы, а вы — наши Триста Спартанцев...

Он прервался, чтобы отхлебнуть остывшего чая. Бочарова, испугавшаяся незнакомого слова «Фермопилы», поспешно сказала:

— Господин генерал, у меня по списочному составу не триста, а триста сорок четыре стрелка плюс двадцать один инструктор. И все на месте.

Полковники, как по команде, поправили усы, чтобы скрыть улыбку. Но Бжозовский с торжественной ноты не сбился.

— На ваших женщин смотрит вся страна, весь мир! Я знаю, в завтрашнем бою они не дрогнут. В конце концов, дела России не так уж плохи. У Франции была лишь одна Жанна д'Арк, а у нас их целый батальон!

Гвоздев шумно вздохнул.

— Послушайте, генерал, давайте без поэзии. Рассказывайте про наступление.

Фронтовые офицеры к манерам председателя, видимо, давно привыкли и не удивились, но у штабс-капитана и прапорщика недоверчиво вытянулись лица.

Ничуть не оскорбившись, Бжозовский сказал:

— Разработан план, который, надеюсь, будет одобрен комитетом. В конце концов успех будет целиком и полностью зависеть от воли солдат, от их э-э-э революционного порыва.

— Революционный порыв мы еще обсудим, — лениво обронил Гвоздев. — Вы подробности давайте.

— Хорошо. Настоятельная просьба командующего фронтом: не обсуждать деталей в комитетах. И пожалуйста, давайте на сей раз обойдемся без митингов.

— Не выйдет, — отрезал Гвоздев. — Старые времена кончились. Солдат теперь не скотина, которую можно гнать под пули без объяснений. По приказу, который не одобрен коллективом, из окопов никто не вылезет.

Голос командира стал вкрадчивым:

— Конечно-конечно. Но наш план и не предусматривает наступления в приказном порядке. Солдаты сами пойдут в атаку, если будут увлечены героическим порывом наших сестер...

При этих словах штабс-капитан Романов беззвучно, одними губами прошептал ругательство и на секунду закрыл глаза. Генерал сделал вид, что этого не заметил.

— Мы не будем объявлять приказа еще и потому, что наступление должно застать неприятеля врасплох. Если же начнутся обсуждения,

митинги, может произойти утечка. Тогда атаки не получится.

— Так в чем план-то? — спросил председатель.

— Извольте. — Бжозовский развернул на столе лист с аккуратной схемой, нарисованной цветными карандашами. — Прошу подойти, господа...

Все встали, обступили командира.

— Квадрат 7-А. Открытое поле. Здесь вражеские позиции слабее всего. Только два пулеметных гнезда, один ряд проволоки. По нашим сведениям, участок обороняют две роты ландсвера, это порядка четырехсот штыков. Понятно?

Он обернулся к Бочаровой. Та насупленно кивнула, а ответил за нее помощник:

— Господин генерал, для успешной атаки обыкновенно требуется по меньшей мере трехкратное численное преимущество!

— Без вас знаю! — Бжозовский с видимым удовольствием обрушил на штабс-капитана накопившееся раздражение. — Вы еще пешком под стол ходили, когда я академию закончил! Вопрос был, понятно ли вам расположение противника!

— Так точно, понятно.

— Продолжаю. На других участках у немцев повсюду тройная «колючка», и блиндажи, и огнеметы, а здесь противник позволил себе некоторую расслабленность, ибо отлично знает, что русские больше не ходят в атаку, особенно через открытое пространство. Моральное состояние нашей армии для врага не секрет.

— Хорошее состояние. Революционное, — с усмешкой вставил Гвоздев. — А вам не нравится?

— Вот именно, революционное, — буркнул командир. — Однако Ударный батальон неревolutionный и атаки через поле не испугается. Так?

— Костями ляжем, а не подведем! — гаркнула Бочарова.

— Прекрасно. — Генерал уныло смотрел на схему. — Метеосводка обещает завтра низкую облачность, поэтому рассвет припозднится. Артподготовка начнется в пять ноль ноль слева от квадрата 7-А. Местность там пересеченная: лес, болото. Немцы решат, что мы готовимся атаковать в этом секторе и перебросят пехоту к точке ожидаемого удара. Полагаю, что из двух рот в траншеях останется лишь одна. Как только наши наблюдатели зафиксируют отток живой силы противника, женский батальон пойдет в атаку. Вот, если коротко, вся тактическая разработка. Вопросы?

Полковники молчали. План был обсужден с ними заранее. Гвоздев

внимательно разглядывал карту и тоже пока ничего не говорил. Слово попросил штабс-капитан.

— Господин генерал, я не понимаю замысла. Допустим, батальон под огнем преодолеет поле и ворвется в первую линию окопов. Но что дальше? Поняв, что в соседнем секторе наступления не будет, немцы перебросят пехоту обратно, подтянут из тыла подкрепления. Ослабленный потерями батальон не сможет удержаться.

Страдание отразилось на лице командира дивизии. Нахмурились и полковники, словно осуждая молодого офицера за бестактность.

— Конечно, план нелеп и беспомощен. — Бжозовский развел руками. — Уж мне ли этого не видеть? Весь расчет построен на том, что соседние части, увлеченные героизмом женщин, тоже поднимутся в атаку. Прорыв расширится. Вслед за нами тронутся с места соседние дивизии. В наступление перейдет весь корпус, за ним армия... Имея то, что мы сегодня имеем, ничего лучше придумать нельзя. Что скажете, Бочарова?

Прапорщик отчеканила:

— Хороший план, господин генерал. Если мои девчата полягут, а у мужчин совесть не проснется, значит, совсем пропала Россия. Только проснется у солдат совесть. Я знаю!

Ее уверенность придала генералу бодрости.

— На самом деле вы будете не одни. Перед рассветом я отправлюсь по частям и поговорю с георгиевскими кавалерами. Комитет нам этого запретить не может! — Он метнул грозный взгляд на Гвоздева. — Наверняка найдется немало добровольцев. Вы, Бочарова, только поднимите своих женщин из окопов — чтоб корреспонденты это видели и сфотографировали. А потом за вами ринутся опытные бойцы, они-то и возьмут немцев в штыки. Две-три сотни мы как-нибудь наберем. Вы совершенно правы — не все солдаты совесть потеряли.

Тут выругался Гвоздев — и не беззвучно, как штабс-капитан, а вслух:

— ...! Эх вы, совет нечестивых! Баб под пулеметы гоните, а сами про совесть толкуете.

Бочарова, давно уже глядевшая на председателя зверем, крикнула:

— Никто нас не гонит, мы сами!

— Молчи уж! — Гвоздев обернулся к ней. Глаза со стальным отливом так и сверкали. — Задурила голову своим дурехам! Переубивают их всех, а тебе еще один крестик на бюст прицепят и фото в газете пропечатают.

— Я сама первая на пулеметы пойду! Впереди всех!

— Ну и иди, коли тебе слава дороже жизни. Но других за собой в могилу не тащи! Тоже еще, орлеанская девственница!

Этого Бочарова стерпеть не могла.

— Не твоя забота, девственница я или кто!

Подскочив к председателю, она размахнулась, но большевик легко уклонился от кулака и только осклабился.

— Ого, никак я попал в больную точку.

Разъяренная Бочарова снова хотела на него броситься, но Романов и начальник штаба схватили ее за руки.

— Вы не поняли, прапорщик! Гвоздев не в том смысле!

— Спокойно, — шептал Романов. — Он же нарочно провоцирует!

Не слушая, Бочка визжала:

— Сволочь! Гад! Убью!

— Вот и бабская истерика, — спокойно констатировал председатель.

Тогда генерал треснул кулаком по столу.

— Прапорщик! Прекратить!

Женщина умолкла. Смахнула с глаз злые слезы, развернулась, выбежала.

На несколько секунд в кабинете установилась тишина.

— Она же того. — Гвоздев покрутил пальцем у виска. — И это — последняя надежда демократической России?

Слово «демократической» он произнес с сарказмом.

— Другой нет, — строго сказал командир. — Прошу садиться, господа. Штабс-капитан, вы после доложите начальнице о результатах совещания... Собственно, почти всё уже сказано. Осталось только одно. Объясните про шпионскую угрозу, Романов.

Алексей поднялся, поглядел на удовлетворенно улыбающегося председателя комитета.

— Не стану отнимать время, господин генерал. Проблема небольшая, решим сами.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Полночь

— Здесь? — шепотом спросил Алексей. — На моих без одной минуты двенадцать. Но если мы подошли не с той стороны, можем не увидеть сигналов...

Справа от него сопела Бочка, барабанила пальцами по кобуре. В темноте

ее лица было не видно, но судя по прерывистому дыханию, воительнице не терпелось ринуться в бой. Слева, с карабином наперевес, пригнулась Саша. Романову очень не хотелось брать ее с собой в опасную экспедицию, но Бочка возражений не приняла: солдат есть солдат, а зрение у Шацкой отменное.

Командирша оказалась права.

— Нет, мы вышли к опушке не здесь, — еле слышно произнесла Саша в самое ухо Алексею. От легкого прикосновения девичьей щеки его кинуло в дрожь. — Там пахло сиренью... Идите за мной!

Она бесшумно заскользила по траве. Действительно, шагах в тридцати к северо-западу благоухали кусты сирени. Романов прошлой ночью не обратил на них внимания.

— Вон они!

За деревьями трижды коротко мигнул свет. Далеко в ночи, на противоположном краю поля, не менее чем в пяти верстах, взлетели вверх две ракеты — зеленая и красная. Очевидно, это был сигнал, что там готовы к сеансу. Вчера, опьяненный поцелуями, Алексей красно-зеленый фейерверк пропустил.

— Отстать от меня на десять шагов! И не соваться!

Легкими широкими прыжками штабс-капитан понесся вперед — на пульсацию света.

Сигнальщики были увлечены своим занятием и обернулись, лишь когда под сапогом у Романова треснула ветка.

Он вскинул «браунинг».

— Руки вверх! Не двигаться! Застрелю!

Один шпион сжимал в руке фонарик. Второй сидел на корточках, прикрывал напарника шинелью сзади — чтоб световой морзянки не было видно со стороны усадьбы. Минувшей ночью Романов смог увидеть огоньки только потому, что помойка была вынесена далеко за ограду, в чистое поле.

Тот, что с шинелью, от неожиданности плюхнулся на задницу и задрал обе руки как можно выше. Но человек с фонариком был бойчее. Обернувшись, он полыхнул лучом прямо в глаза штабс-капитану. На мгновение Романов ослеп.

Вражеский агент кинулся наутек. Пронесся мимо офицера, с треском вломился в кусты — и вдруг захлебнулся истошным криком.

— Получи, иуда!

Обернувшись, Алексей увидел, как из зарослей пятится солдат, нелепо размахивая руками. Что-то хрустнуло, он повалился навзничь. Это Бочка

выдернула из груди шпиона штык. Размахнулась — пришпилила дергающееся тело к земле.

— Что ты наделала?! Зачем? — крикнул Романов, держа второго на прицеле.

— А чего с ним, целоваться?

На поляну выбежала отставшая Саша.

— Госпожа начальница, отдайте оружие! Это нечестно...

Увидела труп с торчащим из живота карабином, вскрикнула.

— В обморок еще упади. Выдерни, вытри травой, — проворчала Бочарова, подходя к арестованному и расстегивая кобуру. — Ну, гад, прощайся с жизнью. В глаза только твои поганые разок гляну — и кончу. Посвети-ка на него, Алексей Парисович.

Сашу было невыносимо жалко. Она застыла на месте, не решаясь прикоснуться к покачивающемуся прикладу. Однако нельзя было допустить, чтоб Бочка уколошила и второго шпиона.

Не тратя времени на увещевания, Алексей просто вырвал из трясущейся руки командирши «наган», спрятал в карман.

— погоди, дай мне поговорить с человеком...

Солдат указывал прыгающим пальцем на убитого.

— Я чего, я только шинелку держал. Это всё Лёха!

— Плевать мне на Лёху. — Романов взял шпиона за горло. Как следует сжал, немного подержал. — Кто вас послал? Кто дал задание?

Приотпустил — дал вдохнуть. На случай, если задержанный начнет ваньку валять, штабс-капитан уже знал, как поступит: удалит Сашу с поляны, чтоб не травмировать ее чувства, и расплющит мерзавцу пальцем глаз. Такое мало кто выдерживает.

Однако прибегать к гадкому средству не пришлось. Заглотив воздух, солдат проблеял:

— Гвоздь... Товарищ Гвоздев... Он Лёхе бумажку дал, как мигать... Вон она валяется.

Ниточка оказалась недлинной. Если Алексей чему и удивился, так это наглой незатейливости шпионажа.

— Гвоздев?! — ахнула Бочка. — Сволочь большевистская! Ну, я его, суку...

Пока она перечисляла, что именно она сделает с товарищем Гвоздевым, штабс-капитан подошел к мертвецу, выдернул штык, стер кровь и отдал оружие Саше, слегка сжав ей плечо.

— Самое интересное только начинается, — шепнул он. — Вперед, мой маленький зуав!

АРЕСТ ИЗМЕННИКА

По-деревенски

Ни с того ни с сего проснулся и заорал петух, хотя время было неподходящее — едва полночь. Где-то залаяла собака, за полуобвалившимся плетнем раздалось сонное коровье мычание. Пахло теплой пылью, силосом, навозом. Деревня Кузыня, расположенная в полутора верстах от местечка Ломницы, была погружена в буколический сон.

Здесь стоял самокатный батальон, в котором председатель комитета числился рядовым. Романов уже знал, что эта часть в дивизии на плохом счету, слывет самой недисциплинированной, насквозь большевистской. Поэтому задержание изменника требовалось провести без шума, а главное быстро — пока Гвоздев не хватился пропавших помощников.

Обозный Ефремов (так звали взятого с поличным шпиона) показал на избу со светящимися окошками.

— Вон ихняя квартира.

Дом был с железной крышей, самый лучший в деревне.

— Один проживает?

— Так точно.

— Шикарно... — прошептал Алексей, оглядывая прилегающую территорию.

— Не спит, падаль, — зловеще объявила Бочарова. — Чего мы тянем? Живей, Романов! Нам в четыре пятнадцать выдвигаться.

Пришлось непочтительно ткнуть начальницу локтем в бок.

— Тссс! Ночью голос далеко слышно. Особенно женский. Шепотом!

Охо-хо. Не операция по аресту крупного шпиона, поставившего под угрозу успех наступления, а какая-то пастораль, вечера на хуторе близ Диканьки. Петухи, коровы, колодцы с журавлями. В группе захвата две пастушки, от которых никакого проку — одни проблемы.

Ас контрразведки чувствовал себя Шаляпиным, которому приходится выступать на деревенской ярмарке. А между тем концерт преоответственный.

Правда, и противник несерьезный. Не чета профессиональным шпионам, с которыми Романов привык иметь дело.

Ефремов дрожал, как собачий хвост. Ему бы сейчас заорать во всё

горло — и операции конец. Но обозный послушно ступал на цыпочках и беспрекословно выполнял все приказы. Гвоздев, главарь агентурной сети, не озаботился выставить охранение. Даже занавесок на окнах нет — подходи, заглядывай.

Именно с этого Алексей и собирался начать.

— Оставайтесь здесь... Нет, не посреди улицы — у плетня. Этого, если пикнет, штыком. — Ефремов затрясся еще больше. — Пока я не подам сигнал, ни с места!

Обе женщины кивнули.

Штабс-капитан подкрался к стене, осторожно заглянул в окно.

Председатель комитета был не один. Он сидел возле керосиновой лампы и что-то писал на листке бумаги, а перед столом переминался с ноги на ногу чернявый солдат с ефрейторскими лычками.

Товарищ Гвоздь

Человек, которого в дивизии знали под фамилией Гвоздев и уважительно звали «товарищ Гвоздь», за свою жизнь много раз менял псевдонимы и прозвища. Они были для него, как шкурка для змеи — сносились, и выполз. Новое имя он взял со смыслом: всё, хватит порхать перелетными птицами, мы вернулись перестраивать свой обветшавший дом — будем скреплять его железными гвоздями.

Еще одна аналогия со змеиной жизнью: подобно рептилии, он слишком долго пребывал в гибернации, отоспался в стылом эмигрантском болоте на годы вперед. Теперь настала Весна, наполнила ум и тело такой веселой и мощной энергией, что человек-змея почти не испытывал потребности ни в сне, ни в отдыхе. Мог круглые сутки заниматься делами — настоящими, большими, важными — и не ощущать ни малейшей усталости. Если спал, то урывками, между делом. Приляжет или присядет на полчаса, потом встряхнется — и дальше, дальше. Зато много и жадно ел, аппетит у Гвоздя в эти замечательно интересные месяцы сделался просто зверский.

Вот и сейчас, строча донесение в Центр, он то и дело откусывал от яблока. Яблоко было скороспелка, кислое, но крепкое. Сок так и брызгал.

Когда Гвоздь решил ехать на фронт, некоторые партийные умники его отговаривали. Не твоего-де уровня дело пропагандистской мелочовкой заниматься, ты в Питере нужен. Сами они мелочовка. Сказал же Старик: «Сейчас будущее революции решается в армии». Так оно и есть. За кем

пойдет вооруженная народная масса, солдаты, тот и возьмет власть.

Дописал. Свернул вчетверо.

— Возьми у Ларионова самый мощный мотоциклет. Дуй на станцию. Найдешь дежурного телеграфиста. Такой мордатый, с конопушками. Скажешь: «Гвоздь велел срочно». Ясно тебе, Крюков?

— Чего не ясного. Всё сделаю.

Крюков был толковый. Гвоздев уже решил, что потом, когда фронт развалится, заберет парня с собой. Сделает из него большого человека.

— Давай. Одно колесо здесь, другое там.

Теперь нужно было дожидаться возвращения сигнальщиков, и тогда можно часок вздремнуть. День завтра интересный. Можно сказать, ключевой.

Терять время попусту Гвоздев не привык. Стал ходить по горнице, обдумывая тезисы будущего выступления. После провала наступательной затеи Керенского фронт забурлит, наверняка созовут внеочередной съезд солдатских депутатов. Тут-то и надо отобрать большинство у эсеров. Точно сформулированной речью, произнесенной в правильный момент, взять оборонцев врасплох, опрокинуть подсечкой, положить на обе лопатки...

Скрипнула дверь. Гвоздев не успел и обернуться. Болезненный удар носком сапога по щиколотке сбил его с ног, сильная рука развернула рывком и бросила на спину. Прямо в лоб уставилось дуло. Над ним чернели расширенные зрачки бешеных глаз.

— Лежать тихо! Вы арестованы!

Гвоздев не сразу понял, кто это. Но когда в комнату вбежала девчонка с карабином, в военной форме, узнал: штабс-капитанишка из бабского батальона.

— Кем арестован? По какому праву? — спросил Гвоздев, когда офицер убрал руку с его шеи и ловко, профессионально обшарил одежду. Нашел и маленький «моссберг», по давней, еще с подпольных времен, привычке носимый в подмышечной кобуре, и даже узкий стилет, закрепленный на подвязке носка.

— Арсенал нелюбительский, — сказал... Семенов? Назаров? Нет, Романов, вот как его зовут. — Шацкая, позовите командира!

Девчонка на секунду вышла в сени. Вернулась с начальницей доброволок Бочаровой, которая тащила за воротник Ефремова. Вид у Ефремова был помятый, глаза бежали.

Всё ясно. Попались во время сеанса связи, конспираторы хреновы.

— Алексей где? — спросил Гвоздев.

Ефремов, не поднимая головы, ответил:

— Убили... Вот она, штыком.

Широкая, багроволицая прапорщица шла прямо на Гвоздева, поднимая револьвер.

— Сейчас я и тебя, паскуда большевистская, в расход выведу.

Как обидно, расстроился Гвоздев. Такая интересная жизнь и такая неинтересная смерть. Главное, невовремя.

Но штабс-капитан отобрал у начальницы оружие. И зашипел:

— Прекратите! Мы должны его доставить в штаб дивизии.

— На кой ляд? — Бочаровой хотелось кричать, но она сдерживалась. — Ну, отдадут его под суд. Что толку? Смертная казнь отменена. Посидит в тюрьме, потом свои вытащат!

Романов ей:

— Его нужно допросить. Это сейчас самое важное.

Но у чертовой бабы от ярости глаза налились кровью.

— Отдай «наган»! Верните оружие, штабс-капитан! Это приказ!

На улице

Ефрейтор Крюков, малость отойдя от дома, засомневался. Давеча он переел зеленых яблок, брюхо целый день митинговало, и вот опять, кажется, наметило манифестацию. Сомнение было такое: прямо под плетнем присесть или вернуться на двор, в отхожее место.

Победила культурность. В последнее время очень Крюкову хотелось быть похожим на товарища Гвоздева, а тот нипочем не стал бы из-за лени под чужой забор гадить.

Повернулся Крюков, посеменил назад. В хату заходить не собирался. Но когда пробежал мимо, послышалось ему чудное: будто в доме баба голосит. Неоткуда там взяться бабе. Товарищ Гвоздев человек серьезный, по женской линии не озорует.

Любопытно стало ефрейтору, а нужда могла минутку и обождать. Подкрался к окошку, на цыпочки привстал.

И позабыл про революцию в брюхе.

Допрос

— Эх, Алексей Парисович, крепкий ты мужчина, да не железный. — Бочарова поняла, что помощник револьвера ей не отдаст, и говорила уже не

зло — с горечью. — А большевики железные, ни перед чем не пасуют. Оттого и жмут они нас. Если мы стальными не сделаемся, Россию потеряем.

— Ты за порядок или за анархию? — Романов не спускал глаз с арестованного — тот был усажен к стене, на скамью. — Если человека без суда кончать, чем мы лучше их?

Гвоздев слушал спор молча, переводя взгляд с прапорщика на штабс-капитана и обратно. Выражение лица у председателя было заинтересованное, но ничуть не испуганное. Будто дискуссия шла не о его жизни и смерти.

— Коли так, увозить его надо. И поскорей. — Бочка оглянулась на незавешенные окна. — Прознают солдаты — отобьют. Я во дворе велосипед видала. Покачу в Ломницы, в штаб. Пусть дадут грузовик с конвоем. А потом надо в батальон поспешать. Времени мало... Как вы тут вдвоем с Шацкой — продержитесь?

— Продержимся. Я сейчас лампу загашу, чтоб никто не совался.

— А если этот накинется?

— Вот тогда я его пристрелю. С полным правом и огромным удовольствием.

Алексей положил перед собой на стол пистолет. «Наган» вернул начальнице — видно было, что она успокоилась.

Губы изменника тронула веселая улыбка.

— С чувством сказал, штабс-капитан. Верю. Повода меня кокнуть я тебе не дам, не надейся.

Бочарова заскрипела ступеньками крыльца. Звянькнула велосипедная цепь. В окно было видно, как по темной улице, вихляя, покатиł странный силуэт: снизу тоненький, сверху тыквообразный.

— Сесть на табурет, лицом к стене, — приказал Алексей обозному. — Шацкая, вы за него отвечаете. Карабин держать наготове.

— Слушаюсь, господин штабс-капитан.

Теперь можно целиком сосредоточиться на Гвозде. Несколько секунд Романов рассматривал задержанного, прикидывая, как вести допрос. Председатель тоже разглядывал офицера — с насмешливым любопытством, будто какое-то невиданное насекомое.

Похоже, что товарищ председатель — крепкий орешек.

Огонек Алексей прикрутил до минимума, лампу переставил на подоконник. Если кто и заглянет через стекло, ничего не увидит, зато сам будет отлично просматриваться.

— Закурить можно? Папиросы здесь.

Гвоздев медленно показал на карман кителя.

— Нельзя. Одно движение — и... Палец у меня так и чешется — учтите. И помолчите пока что.

У Ефремова штабс-капитан спросил:

— Что вы передавали германцам?

— Не знаю я, Лёха знал. Я только шинелку держал.

Солдат хотел повернуться, но Шацкая, молодец, чуть тронула его штыком — сразу вжался в стену.

— Ты меня спроси, — предложил Гвоздь. — Лёха-покойник ни черта не знал. Жал на кнопки по бумажке: то два раза коротко, то разок подлиннее... Я все-таки закурю.

И спокойно вынул из кармана портсигар. Понимал, что штабс-капитан в него после этих слов нипочем не выстрелит.

— Что было в сообщении?

— Сейчас вспомню. — Председатель щелкнул красивой заграничной зажигалкой. С удовольствием затянулся. — Кажется, так: «Завтра около шести утра атака через поле силами одного батальона. По флангам отвлекающий огонь». Ефремов, вы передать-то успели?

— Нет, товарищ Гвоздь. Только начали, а тут эти...

— Эх, жалко.

Большевик досадливо махнул рукой — с папиросы посыпались искры.

— Жалко?! — Алексей задохнулся. — Зря я Бочарову не послушал. Но это еще и сейчас не поздно! Бросить папиросу! Считаю до трех: раз, два...

Гвоздев понял: это не простая угроза. И папиросу кинул на пол. Стер с лица усмешку. Заговорил серьезно:

— Убить меня хочешь? погоди, капитан, успеешь. Да, жалко. Очень жалко. Вот их жалко, — кивнул он на Шацкую. — Девчонок этих несчастных. Ты думаешь, я немцев пытался об атаке предупредить, чтоб они дурочек бочаровских пулеметами посекали? Нет, брат. Это ты и твои начальники хотят женскую кровь пролить. А я их спасти хотел. Узнали б мои камарады про завтрашнюю атаку, доложили бы своему командованию. Тогда немцы с поля не оттянули бы силы, а наоборот, подослали бы подкрепления. В бинокли это было бы видно. И отменил бы генерал атаку, куда ему деваться? Девочки бы живы остались. Ты погляди, как она на тебя смотрит. — Гвоздев снова показал на полуобернувшуюся Шацкую. — Глазищи-то сверкают, а? Царевна-лебедь! Неужто такую под пули поведешь?

В самую уязвимую точку бил, сатана. Алексей опустил руку с

пистолетом, оглянулся на Сашу — и не мог оторвать взгляда. В самом деле, казалось, будто ее глаза светятся в полутьме.

Хлопнула калитка, во дворе стало шумно. Дверь чуть не сорвалась с петель — в горницу ввалились гурьбой солдаты. Вооруженные, много. Вел их тот самый чернявый, что взял у Гвоздя листок и удалился.

Романов крикнул им, что Гвоздев арестован за измену, но никто не слушал. У штабс-капитана вырвали оружие, ударили прикладом по голове, скрутили. Отобрали карабин и у Шацкой, саму ее оттолкнули в угол.

Чернявый размахивал руками над председателем.

— Товарищ Гвоздев, вы живой? Я боялся, кокнут они вас!

— Не кокнули... Тихо ты, сигарку затопчешь.

Большевик поднял с пола папиросу, подул на еще не потухший огонек, затянулся.

— Это германский шпион! — громко повторил Алексей, воспользовавшись тишиной. — Сам признался!

— Не брешь, контра, — ответили ему. — За Гвоздя тебя убить мало.

— Они Лёху Самородова шлепнули! — жалобно воскликнул обозный Ефремов. — Наскрозь штыком проткнули! Колите их, ребята, как они Лёху!

— Господа солдаты! — Все обернулись на звенящий голос. Девушка в гимнастерке держала в руке листок. — Они сигналили врагу фонарем. Вот листок с шифровкой! Я взяла его с убитого! Сами смотрите! А дал им шифровку Гвоздев!

Романов смотрел на ударницу с изумлением. Он в спешке забыл про улику, а Саша сообразила!

Бородатый солдат вырвал у девушки бумажку.

— Эй, лампу дайте.

Несколько человек заглядывали ему через плечо. Гвоздев спокойно пустил в потолок струйку дыма.

— Что за каляки? Точки какие-то, черточки...

— Морзянка, — сказал солдат в железных очках. — Ею по радиции донесения передают. И светом тоже можно.

— Этот и второй, которого убили, слали немцам сигналы. Про завтрашнее наступление. А послал их Гвоздев! — крикнула Саша. — Он сам признался, я слышала. И господин штабс-капитан тоже слышал!

— Не ври, девка. — Бородатый пренебрежительно махнул рукой. — Тебе с твоим кавалером веры нету.

— Не врет она. — Гвоздев стряхнул пепел в цветочный горшок. — Самородов с Ефремовым выполняли мое задание.

Все обернулись к нему. Стало очень тихо.

— Что зенки вылупили? Нам с вами немецкие солдаты не враги. Они такие же крестьяне и рабочие. Не по своей воле в окопах гниют. А враги наши — генералы и офицеры, кто ради своих буржуйских прибытков нас с немецкими нашими товарищами друг на дружку натравливают. Мы, большевики, порешили: пролетарской крови больше не литься. Не надо нам никакого наступления. Хотел я предупредить немецких товарищей. Пусть покажут, что их врасплох не возьмешь, что они готовы к обороне. И не будет боя. Командир дивизии сказал: если немцы из окопов не оттянутся, в атаку не пойдём. Нужна вам, товарищи, та атака?

— Не-е-е, — ответили ему двое или трое. — Пропади она пропадом. Наатаковались...

— Кукиш генералам, а не победу! — крикнул чернявый. — Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно! — зашумели уже все. — Хватит людей дырявить! Неча нам наступать!

— Идиоты! — Романов рванулся, сбросил с себя тех, кто держал его за плечи. — Вы наступать не станете, так немец сам на вас пойдёт! До Москвы дойдёт, до Питера!

— Разорался, благородие. — Бородатый плюнул на пол. — Тьфу на твой Питер. И на Москву тож.

Ефремов, ещё недавно такой смирный и покладистый, визгливо крикнул:

— Братцы, он идиётами ругается! Кончай его, братцы!

И первый подскочил к Романову, замахиваясь отобранном у Шацкой карабином.

С этим-то воякой Алексей управился: от штыка увернулся, обозного свалил ударом ноги в живот. Но накнулись со всех сторон, повалили на пол. Отчаянно закричала Саша — бросилась на выручку, но ее просто отшвырнули в сторону.

Оглушительно ударил выстрел. Сверху посыпались щепки.

Это председатель комитета выпалил в потолок. В руке у него дымился романовский «браунинг».

— Отставить, товарищи! Не троньте его.

Романова немедленно отпустили. Он поднялся, вытирая кровь с разбитого рта.

— Эх, штабс-капитан... — Гвоздев качал головой. — Гляжу я на тебя. Парень ты вроде неглупый. И неподлый. Что ж ты в гадкое дело впутался? Совесть у тебя есть? Неужто завтра девчонок на смерть поведешь? Да за одну эту придумку поганую Керенского Сашку надо, как собаку, убить...

Он подошел вплотную и прибавил тихо, глядя Алексею в глаза.

— Послушай моего совета. Забирай свою царевну, увози отсюда подобра-поздорову. Девушка-то золото. Как тебя защищать кинулась! Уезжай. Сгинешь ни за что. И ее погубишь.

НА РАССВЕТЕ

А вот и подкрепления

Батальон выдвинулся на позиции перед самым рассветом. Роты рассредоточились по траншеям слаженно, без шума. Оружие было обмотано тряпками, перед выступлением Бочарова заставила каждое отделение прыгать перед ней на «раз-два, раз-два» — и чтоб нигде не звякнуло, не брякнуло.

Помогла погода — луны не было. До передовой ударницы шли ускоренным шагом, это заняло пятьдесят минут. Началась и закончилась короткая, но мощная артподготовка: на соседнем участке в течение получаса грохотали взрывы, а подбрюшья низких туч окрасились в желтое, лиловое и багровое.

Наступила неестественная тишина, какой в природе никогда не бывает.

Действуя по разработанному Романовым плану, шестнадцать взводов веером рассредоточились по десятисаженным участкам. Получилось плечом к плечу, плотно.

Командирша и ее помощник являли собой разительный контраст. Штабс-капитан на всех глядел волком, команды отдавал хрипло и сдавленно, а прапорщик Бочарова с каждой минутой делалась всё радостней. Ради атаки она надела парадный мундир, навесила ордена и медали, выходные сапоги надраила до антрацитового блеска.

Даже журналисты, которых Бочка в прежние времена побаивалась и не любила, были ею встречены, как дорогие гости.

— Добро пожаловать, господа, — сияя улыбкой, сказала она десятку корреспондентов, собравшихся на командном пункте. — Сегодня великий день России. Только не выходите из этого блиндажа, не дай бог кого поранит. Тут вот для вас и трубы оптические установлены, и телефон проведен. Проголодаетесь — есть закуски. Просто глядите и после честно напишите, что видали...

Ей начали задавать вопросы: какое настроение у амазонок, да

чувствует ли она себя героиней, да большие ли ожидаются потери, но командирша сказала, что ничего больше говорить не станет — всё сами увидят. Попробовали репортеры сунуться к ее молчаливому заместителю, но он так сверкнул злобными глазами, что даже напористый спецкор «Нью-Йорк таймс» шарахнулся.

— Вы закусывайте, закусывайте, — бросил нелюбезный штабс-капитан и вышел вслед за своей начальницей.

Они шагали по траншее, проверяя готовность к атаке. Бочарова каждую ударницу трогала за плечо и всё повторяла: «Не подведи, сестренка. Не подведи, сестренка». Многих доброволок трясло, некоторые всхлипывали, но при виде офицеров все расправляли плечи и пытались улыбнуться. Говорили: «Не подведу». Но чаще: «Скоро уже?».

Несколько портил высокую трогательность момента старший инструктор. Нет чтоб тоже сказать что-нибудь сердечное — лишь рычал: «Петрова, штык поправить!», «Голубович, подтяните ремень!», «Не высовываться, Самвелова!» — и прочее подобное. Некоторые ударницы из самых юных показывали ему вслед язык.

Закончив обход, офицеры вернулись к центру позиции. Бочарова припала к биноклю, в тысячный раз оглядывая поле. Вчера и позавчера они уже были на передовой и досконально изучили эти полверсты пустого пространства: каждый бугорок, за которым можно укрыться, каждую впадинку.

— Проволоки боюсь, — пробормотала начальница. — Не растерялись бы.

Романов процедил сквозь зубы:

— Проволоку-то они ловко чикают. Вот когда до рукопашной дойдет...

— Не допустит Господь. — Бочарова сдернула с круглой головы фуражку, мелко закрестилась. — Вся моя надежда, что немцы отойдут во второй ряд окопов. Их мало, рота всего...

После начала артиллерийской подготовки, как и предполагалось, противник немедленно перекинул ближе к обстреливаемому участку, в резерв, подкрепления. Наблюдатели доложили, что одна из двух вражеских рот бегом переместилась в тыл, и там заурчали автомобильные моторы.

План генерала Бжозовского сработал. Теперь ничто не могло помешать атаке. Романов подумал: что если обойдется малой кровью? Или вообще без крови? Увидят немцы, что из русских окопов выскакивают густые цепи — и уберутся без боя во вторую линию. Ведь ничего больше не нужно! Это уже будет победа. Газеты напишут: женский батальон выбил германцев лихим штыковым ударом. И всё, всё!

Штабс-капитан выматерился, чтоб задавить шевельнувшуюся надежду. Готовиться нужно к худшему: немцы встретят плотным огнем, пулеметы будут выкашивать ударниц рядами, роты залягут, а потом ударят вражеские батареи...

— Ты чего бранишься? — удивилась Бочка. — Ты сегодня жеребьчих слов не говори. Не такой день... — Она посмотрела на свои наградные часы, которыми очень гордилась. — Что-то добровольцы припозднились. Вон уж туман над полем поднимается. Я чего боюсь? Что генерал много мужиков соберет. Корреспонденты — не наши, конечно, иностранные — после напишут, что это мужчины немца побили, а женщины только бежали да «ура» кричали. Я всех добровольцев во второй волне оставлю. Скажу: «Дайте девчатам подальше отбежать, тогда и вы из окопов вылезайте». А только вдруг не послушают?

— Не того ты боишься! — вырвалось у Алексея.

— А? — Командирша оторвалась от бинокля. — Ты чего смурной, Алексей Парисыч? День-то какой! Всей войне поворот. Девятое июля одна тыща девятьсот семнадцатого года. Великий день России.

И сказал Романов то, чего не следовало:

— Великий или... позорный?

Бочка дернулась, как от пощечины. Светлые глазки сощурились.

— Что ты сказал?!

— Ладно... Ничего. Забудь.

— Как «забудь»? Ты... — Она не могла говорить. — ...Вы что?! Если вы так — уходите отсюда. Сейчас уходите! Приказываю! Я вас снимаю с должности!

— Ну уж нет. — Романов вынул «браунинг». — Будешь гнать — застрелюсь. Ты меня знаешь. Сказал же: забудь. Считаю, у меня нервы шалят перед атакой.

Всё еще не отойдя, она горько молвила:

— Слабые вы, мужчины. Даже которые сильные. Помочь вам надо. Вот и помогаем, как умеем. А ты...

Он досадовал на себя, что сорвался.

— Раньше надо было с тобой спорить. Теперь поздно. Разрешите идти на левый фланг?

Между собой они условились, что встанут с двух сторон: командир справа, помощник слева. Известно, что атака чаще всего захлебывается на флангах — они начинают отставать, погибаться, и тогда ложится вся цепь.

— Идите.

Алексей козырнул, развернулся на каблуке.

— Пстой! — Бочка смотрела на него уже без обиды. — Не по-людски расстаемся. Ведь навряд свидимся... — Она крепко обняла его, хотела и поцеловать, да не хватило роста. — Дай тебе Бог. Чтоб живой. А если ранят, пускай не сильно.

— И тебе того же.

Он наклонился, поцеловались. Губы у начальницы были обветренные, жесткие.

— Меня Марией звать. Прощай.

— До свидания, Мария.

Снова обнялись.

Тут-то из хода сообщения, что вела к траншее из тыла, вышел командир дивизии в сопровождении десятка офицеров.

Ужасно смущенная, Бочка оттолкнула заместителя,правила китель.

— Не подумайте чего! Это мы прощались, перед атакой...

А Романов изумленно глядел на генерала, который зачем-то повесил на плечо солдатскую винтовку со штыком. Еще удивительнее было видеть на суровом, холеном лице его превосходительства смущенную мину. Неужто он вправду подумал, будто стал свидетелем интимной сцены?

— Господин генерал, я очень прошу оставить подкрепление сзади, — взволнованно заговорила Бочка о том, что ее сейчас больше всего тревожило. — И чтоб без моего свистка — а если меня убьют, то без свистка штабс-капитана Романова — мужчины в атаку не поднимались. Иначе весь смысл пропадет!

Бжозовский, покраснев, сказал:

— Простите меня, Бочарова. За весь мужской пол простите. Не нашлось добровольцев. Ни в одном полку. Ни единого человека. Комитет постановил: в атаку не ходить.

— Как это? — Бочка замигала поросычьими ресницами. — Что ж теперь? Я атаку отменить не могу. Здесь корреспонденты... Пускай мы все тут поляжем, пускай никто не поддержит, а все равно... Немца не вышибем — так Россию всколыхнем. Только мы их вышибем! Господин генерал, вы как хотите, но я атаковать буду! Мне военный министр с главнокомандующим разрешили!

— Я знаю, что атаковать надо, обратного пути нет. И я не отговаривать вас пришел. — Генерал махнул на горстку офицеров. Все они тоже были с винтовками. — Вот, принимайте под командование. Я и мой штаб.

— Генералы в атаку не ходят.

— А женщины ходят? Приказывайте, куда нам становиться.

Бочарова растерялась.

— Как я буду генералу приказывать? Коли так, вы и командуйте.
Но Бжозовский покачал головой.
— Нет, не мужской сегодня день. Приказывайте, прапорщик.
— Слушаюсь... Господа офицеры, разойтись по взводам. Атака через десять минут по моему сигналу.

Короткопалая рука русской Жанны д'Арк легла на свисающий меж объемистых грудей свисток.

Последний обход

Быстро идя к левому флангу, Романов повторял, как заведенный:
— До проволоки броском. Пока режут — перевести дыхание. На бегу не стрелять. До проволоки броском. Пока режут — перевести дыхание. На бегу не стрелять...

Все гранаты он велел раздать мужчинам, командирам рот и взводов. У женщины все равно не хватит сил на хороший бросок. Когда цепи залягут перед проволокой и специально обученные ударницы будут ее резать ножницами, мужчины закидают вражескую траншею гранатами. Долетят, не долетят — не столь важно. Близкие разрывы должны заставить противника убраться во вторую линию. Тогда боевая задача может считаться выполненной.

Одна из доброволок вдруг повернулась, схватила Алексея за плечи. Саша!

— Алеша, я с тобой. Я хочу быть рядом!

Ее соседки, позабыв о страхе, вылупились на невероятное зрелище: Шацкая обнимается со старшим инструктором (заглазная кличка «Зверь»). А такая тихоня!

— Нельзя. Я офицер, по мне будут бить. Прицельно.

— Если я буду рядом, с тобой ничего не случится. Я знаю. Мне сон был, вещий! — Она прижалась лбом к его груди. — Обещай! Я тебя не отпущу! Мне все равно, что подумают! Вцеплюсь — и не выпущу!

Руки тонкие, слабые, а держали крепко. Ведь и правда не выпустит.

— Хорошо.

— Честное слово?

Подняла лицо. Стряхнула слезы. Улыбнулась — боже, как она улыбнулась...

— Честное. Ступай за мной.

И пошел дальше, долдоня:

— До проволоки броском. Пока режут — перевести дыхание. На бегу не стрелять. До проволоки броском. Пока режут — перевести дыхание. На бегу не стрелять...

— Девочки, не стреляйте на бегу, ясно? — весело повторяла за спиной Саша.

АТАКА

Коварство и любовь

К Романову присоединился подполковник из штаба.

— Лесовский, — представился он. — Не беспокойтесь, штабс-капитан, я не собираюсь узурпировать ваши полномочия. Просто покажите, где встать. И еще: распорядитесь выдать мне гранат. Когда-то я брал призы по бомбометанию.

— Нет. — Алексей отвел подполковника в сторону. — Я попрошу вас держаться сзади. В сотне шагов от роты. Если что со мной — примете команду.

— Резонно, — кивнул Лесовский. — Всё исполню.

— Возьмите с собой связную, — сказал Романов громко. — Вот ее. — Он показал на Сашу. — Шацкая, будете при подполковнике. Исполняйте его приказания.

Ресницы барышни затрепетали, щеки порозовели. Саша была потрясена таким коварством, но пререкаться с командиром не стала. Жаль — Романов очень на это надеялся. Можно было бы спровоцировать ее на крик или иное вопиющее нарушение дисциплины. И отправить в тыл, под арест.

— Только разместитесь ближе к центру, — попросил Алексей подполковника.

— Как прикажете.

Офицер перекинул винтовку через плечо, пошел прочь по траншее. Но Шацкая не тронулась с места.

— Это нечестно! Ты обещал! — прошептала она.

Романов гаркнул:

— Связная, марш за подполковником!

— Ты не понимаешь! Если мы разлучимся...

Лесовский обернулся:

— Связная! Почему застряли? Ко мне!

— Алешенька...

Над траншеей, над седым от росы полем раздалась переливчатая трель свистка.

В мгновение Алексей оказался на бруствере.

— Вперед! В атаку! Ура!

— Ура-а-а! — тоненько откликнулся окоп.

Однако возглавить атаку штабс-капитану не удалось. Далеко не у всех ударниц получилось вылезти из глубокой траншеи. Некоторые соскальзывали вниз. Пришлось выдергивать их за руку.

Предполагалось, что цепь успеет пробежать четверть расстояния, прежде чем немцы спохватятся и откроют огонь. Но женщины, вылезшие первыми, толпились на месте, помогая отставшим. Вместо дружного «ура» поднялся нестройный галдеж.

Ведь рыли на плацу окопы, и вылезали из них, и разворачивались для атаки! Но там все были спокойны, а тут тряслись руки, подгибались колени.

Драгоценная минута была потрачена на то, чтоб просто подняться из окопа. Когда Алексей, вытянув последнюю доброволку, оглянулся на поле, цепь была далеко впереди. Подхватив ножны и придерживая фуражку, штабс-капитан кинулся догонять.

— Ура-а! Ура-а-а!! — зазвучало на поле сначала жиденько, потом громче и громче, но все равно не слишком воинственно, хоть немногочисленные мужчины и старались подбавить в боевой клич басистости.

Наблюдатели

Слева и справа от поля, где разворачивалась атака, с русской стороны на брустверы выбрались солдаты. Они разлеглись прямо на насыпи. Кто смог, разжился биноклем. Зрелище-то было препотешное.

Сначала бабье колупалось возле окопов, суется и размахивая руками. Наконец, кое-как рассыпались в цепь, побежали, виляя бедрами. Кое-где, редко, виднелись офицеры — некоторые пятились спиной вперед, чтоб видеть отставших. Писклявое «ура-а-а» далеко разнеслось по-над рассветным полем.

Заправские ротные остроумцы выкрикивали:

— Быдто комары пищать!

Один вскочил в полный рост, задвигал задом:
— Как они кормой-то, кормой! Умора!
Грянул дружный хохот.
А один фельдфебель с двумя крестами на груди, прислушавшись к чему-то, веско сказал:
— Ну щас он им сыпанет.
И перекрестился.

Ура! Ура!

Алексей не успел еще догнать роту, когда с той стороны затрещали выстрелы. Впереди кто-то закричал, кто-то упал.

Перепрыгнув через лежащую ничком фигуру (рыжий ежик — кажется, Шкловская из второй роты), штабс-капитан закричал:

— Быстрее! Быстрее!

Сейчас подключатся немецкие пулеметы. Есть уговор с командиром полевой батареи: как только в бой вступят пулеметные гнезда, немедленно задавить их беглым огнем. Но это в одну минуту не делается...

— Патронов не тратить! — орал Романов. — Они пригодятся в ближнем бою! Быстрей, быстрей! Проволочные, ножницы готовы!

«Проволочными» назывались ударницы, которым полагалось проделать проходы в «колючке». Из каждого взвода были отобраны четыре девушки, самые проворные и смелые. Они шли в атаку без винтовок.

Вот и пулеметы...

Один зачастил в дальней стороне поля, другой бил прямо по левому флангу. Впопыхах пулеметчик никак не мог взять прицел. Пули то свистели поверху, то вздымали фонтанчики пыли перед цепью. А рядом с гнездом уже вскинулся первый, пристрелочный разрыв.

Оглянувшись, Романов увидел, что подполковник Лесовский с папироской спокойно, как на прогулке, идет на хорошем отдалении. Маленькая фигурка рядом с ним.

Что ж, хоть это в порядке.

Над вражеским окопом взлетели бревна и комья земли. Чудесная батарея полевых трехдюймовок расчихвостила гнездо вторым же залпом!

А «проволочным», что пригнувшись неслись впереди всех, оставалось не больше ста шагов до кольев.

Странно завывало небо.

— Беда! — крикнул Романову командир второго взвода Лычко. —

Бомбометы! Девоньки, ложи-и-ись!

Не услышали унтер-офицера «девоньки», оглохшие от пальбы, ужаса и собственного «ура».

— Перелет! Перелет! — завопил Лычко. — Теперь живей вперед, сестренки! Бежи до ихнего окопа, пока снова не жахнул!

Помертвев, Романов остановился. Оглянуться было страшно, но он все-таки обернулся.

Бомбы ударили как раз там, где шли Саша и Лесовский.

Четыре воронки. Около одной — два тела.

— Мммм, — замычал Романов.

Но один из упавших шевельнулся, сел.

Саша! Жива!

Она стряхнула грязь, наклонилась над подполковником.

— Санитары! — заорал Алексей. — Санитары!

Вернуться назад он не мог, не имел права.

А Саша надела фуражку, встала, подобрала карабин и побежала догонять подруг. Слава богу, ее, кажется, даже не ранило. Подполковник, наверное, погиб — иначе бы она его не бросила. Но подполковник — ладно...

— Ура! Вперед!

Не слыша свиста пуль, не обращая внимания на крики раненых, Романов вырвался вперед, к самой «колючке», возле которой деловито щелкали резак.

— Теперь залечь! Всем залечь!

Сам он не ложился, бежал вдоль цепи и размахивал руками.

Ударницы легли, выставив вперед стволы карабинов. Легла и Саша.

Второй бомбометный залп был точнее.

— А-а-а-а!

— Мама-а-а!

— Ой, больно!

Далеко справа металась над лежащими и точно так же махала руками Бочка. Ее пронзительный голос прорывался через треск выстрелов и грохот разрывов:

— Гото-овсь! Гото-овсь!

Под огнем

С первого момента атаки Мария Бочарова ждала пули. Она была

уверена, что ее убьет или ранит одну из первых. Она была невезучая. Два раза в жизни ходила в штыковую, и оба раза пробежала по полю недолго.

Как это происходит, Бочарова знала. Стукнет, будто железной палкой, и поначалу не больно даже, будто все тело занемело. Потом откуда ни возмись прямо перед носом трава. Дальше, если повезет, провалишься. А не повезет — заорешь благим матом. Ей с первым ранением повезло, со вторым — нет.

Но секунды шли, Бочарова бежала перед цепью, а ничего. От этого Марии делалось всё радостней. Каждая лишняя секунда была вроде дорогого подарка. Может, свезет до самых германских окопов добечь и своими глазами увидеть, как немцы драпают?

— Вперед, девоньки! Подымайсь! — закричала она. Перерезанная проволока полопалась, обвисла на кольях.

— Быстрее вперед, быстрее!

Мария вдруг испугалась, что девочки не поднимутся. Трудно это — от земли оторваться, когда пули свистят, и многих уже положило, а ты еще живая, целая, и хочется вжаться поглубже в землю.

Но вскочила Голицына, всегда и во всем первая. Страхнула, чистюля, пыль с колен. За нею стали подниматься другие.

— Ура-а! Ура-а! — махала револьвером Бочарова, стоя лицом к девочкам и спиной к немцу.

Ах! Упала Голицына. Всплеснула рукой, карабин выронила и повалилась. И рядом на землю швырнуло еще двух — одной и той же пулеметной очередью. Но это батальон остановить уже не могло.

— Ура! Ура-а! — прокатилось над полем. Обрадовалась Мария, развернулась к «колючке».

Здесь-то ее железным ломом и ударило, даже не поймешь куда. А только онемело всё тело, и прямо перед носом оказался ковыль, и по стеблю полз черный, блестящий жук.

Повезло Марии, потеряла она сознание, не заорав, не успев ощутить боли.

Генерал Бжозовский увидел, как падает командир батальона, и понял, что сейчас главное — не допустить паники.

— Слушай мою команду! — крикнул он зычно, как в давние времена, когда был молодым капитаном и командовал ротой. — Беглый огонь на ходу! Вперед! Не останавливаться!

Удержал двух доброволок, схватил за руки, велел подобрать Бочарову и нести в тыл.

Побежал вперед, образцово прикладываясь к винтовке и посылая выстрел за выстрелом в сторону вражеской траншеи.

Пуля попала генералу в плечо, развернула его боком.

Верный адъютант, ни на шаг не отстававший от Иеронима Казимировича, закричал громче, чем раненый. Подхватил начальника под мышки.

— Санитары! Санитары!

— Беглый огонь по окопам! — сипло взывал Романов. — На ходу! На ходу!

Сейчас, с малой дистанции, нужно было как можно плотнее бить по окопам. Туда уже летели гранаты, вскидывалась земля. Если над головами у немногочисленных защитников густо зазвонят пули, дрогнут ландверовцы, отойдут.

— Офицеры! Унтер-офицеры! Выдвинуться!

Если не избежать рукопашной, нужно попасть в траншею раньше женщин.

Рядом, в пяти шагах, кто-то звонко, самозабвенно крикнул: «Ура-а-а!»

Это была Саша. Выставив штык, она бежала вперед, но смотрела не на врага, а на Алексея.

Он с силой толкнул ее в плечо — Шацкая упала.

— Лежи! Ради бога лежи!

Чегой-то это...

На соседнем, левом участке фронта солдаты, высыпавшие на бруствер, давно уже перестали острить и гоготать. С насыпи — даже без бинокля — было видно, что поле покрыто телами. Поредевшие цепи были уже близ самых немецких окопов. Там грохотала частая стрельба, несся несмолкаемый визг.

Лица у зрителей были одинаково хмурые, напряженные.

Унтер Пахомов, георгиевский кавалер, встал в полный рост, сдернул фуражку. К нему повернулись.

— Чегой-то это... — сказал Пахомов. — Не того... А-а, мать вашу...

Он длинно выругался, подхватил винтовку и один побежал вперед, по кочковатому болотистому лугу.

За ним молча поднялась вся рота, чавкая сапогами по мокрой земле. Двинулись и соседи.

— Ура-а-а! — грянул над лугом мощный, мужской рык. — Ура-а-а!

Почти в ту же минуту поднялся в атаку сибирский полк, что занимал позицию справа от ударниц.

Рукопашная

Алексей спрыгнул в траншею первым. На бегу он не потратил ни одной пули. Все семь понадобятся в ближнем бою.

Бруствер у немцев был капитальный, поверху накрытый бревном с желобами-бойницами. Романов перемахнул через преграду и приземлился не на дно, как ожидал, а на живого человека. Человек завизжал. Судя по фуражке это был офицер. Стрелять в него было не с руки, Алексей двинул германца рукояткой в переносицу. А там уж пришлось уворачиваться от удара кинжалом — кинулся сбоку фельдфебель с подкрученными усами, похожий на кайзера Вильгельма.

Левой рукой Романов схватил усатого под запястье, чтоб снова не полоснул клинком. Но и немец, здоровенный, багровомордый, тоже не растерялся — вцепился в правую руку, где «браунинг». Так и затоптались, будто в неуклюжем танце. Хрипели, били друг друга ногами и не чувствовали боли.

В жизни не видывал Алексей рожи гнуснее, чем у этого усатого. Ощеренный, будто бульдог, изо рта брызги слюны, и несет перегаром.

Легко, словно балерина, в окоп спрыгнула Саша.

— С этим я сам! Этого! — сдавленно крикнул Романов, мотнув головой в сторону оглушенного офицера.

Тот сидел на дне траншеи, держась за голову.

Саша направила на немца карабин.

— *Ergeben Sie sich!*^[79] — сказала она прерывающимся голосом.

Немец посмотрел на девушку и потянулся за упавшим на землю пистолетом.

Ствол карабина заходил ходуном.

— Крыса! Крыса! Стреляй! — заорал Алексей, пытаясь вырвать правую руку.

— *Ergeben Sie sich, bitte...* — повторила Шацкая и зажмурилась.

Романов ударил усатого лбом в нос — так, что хрустнуло. Высвободился, развернулся, вскинул «браунинг».

Два пистолетных выстрела грянули одновременно.

ПОБЕДА

Поле скорби

Бой завершился триумфально, выше самых оптимистичных ожиданий. Когда атака женского батальона не получила поддержки соседей, немцы срочно перебросили с флангов подкрепления в поддержку ландсверной роты. Именно в этот момент русские и перешли в наступление силами двух полков. Германцам, застигнутым на полпути со старой позиции на новую, пришлось не только очистить все три линии окопов, но и отойти на несколько километров за естественный рубеж, реку Кпыч.

Впервые за все месяцы революции наступательная операция русских увенчалась таким явным успехом. Были захвачены пленные, несколько пулеметов и бомбометная батарея, которая в азарте боя выдвинулась слишком далеко вперед.

Начальник дивизии, героически смотревшийся в окровавленных бинтах, показывал корреспондентам поле сражения.

— ...Ударный батальон потерял примерно четверть личного состава. Имя каждой из этих женщин будет навечно высечено золотыми буквами на скрижалях истории, — говорил Бжозовский, сверкая глазами. Иеронима Казимировича лихорадило и немного мутило, но он чувствовал подъем после перенесенной опасности и, черт подери, победы. — Прапорщик Бочарова ранена. Я представлю ее к ордену Святого Георгия. Возможно позднее вы сможете взять у нее интервью — если позволят доктора.

Репортеры строчили в блокнотах, пугливо обходя мертвых и морщась от плача и стонов раненых, которых уносили и уводили санитары. Один господин из московской газеты тоже плакал и шепотом просил прощения за свою чувствительность.

Все завидовали американцу, потому что у того была с собой портативная фотокамера. Он носился взад и вперед, щелкая затвором.

— Минутку, господа...

Генерал увидел идущего по полю Гвоздева. Председатель шел вдоль колючей проволоки в сопровождении нескольких комитетчиков и говорил им что-то сердитое.

— Как видите, обошлись без вас! — торжествующе крикнул Бжозовский. — Опрокинули немцев!

— Народ поднялся, потому и опрокинули. А ради чего? — Гвоздев зло

сплюнул. — Сколько баб молодых зря положили...

Он повернулся к генералу спиной и направился к траншее. Что-то там привлекло его внимание.

На краю окопа, свесив ноги, сидел штабс-капитан Романов. Рукав его гимнастерки был забрызган кровью, лицо не выражало никаких эмоций. На бруствере лежала девушка. Ее голова покоилась у штабс-капитана на коленях. Романов рассеянно гладил девушку по коротко стриженным волосам. Ее бледное лицо было неподвижно и прекрасно.

Выматерившись, Гвоздев заглянул в окоп. Под ногами штабс-капитана валялись два мертвых немца, офицер и усатый фельдфебель.

— Дурак ты дурак, — горько сказал Гвоздев, снимая фуражку. — Добился своего, захватил канаву? Какую принцессу загубил. Всю жизнь каяться будешь.

Эпилог

ТОВАРИЩ КАКАШКИН, или ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Прошло полтора года

Погорячились товарищи из Елисаветбургского ревкома. Немецкий гарнизон, согласно протокола от двадцать шестого, должен был из города во вторник уходить, но председателю товарищу Ковтюху в голову мысль пришла. Собрал он ячейку и поставил вопрос: нельзя, сказал, товарищи, их с оружием отпускать, когда нам со своей контрой буквально нечем воевать. На кой, спрашивается, фрицам орудия, пулеметы, снаряды с патронами, если они домой едут? Проголосовали, постановили: дать германцам ультиматум, чтоб всю амуницию и вооружение оставили ревкому, а сами пускай проваливают, скатертью дорога.

Однако это только сначала казалось, что мысль хорошая. Потому что ультиматум-то немцам дали, но и немцы в ответ тоже дали — из шестидюймовок по советской половине города.

И побежал «Красногвардейский отряд имени Степана Халтурина» вместе с ячейкой, ревкомом и самим товарищем Ковтюхом из Елисаветбурга, побросав имущество и даже партийные документы. Бежали до следующей станции, бывшей Графской, ныне Рабоче-крестьянской, и только оттуда была послана телеграмма в Харьков:

Коварный германский империализм обстрелял советскую власть из всех видов оружия тчк Соглашение о перемирии предательски нарушено тчк Вынужден оставить город тчк Прошу подмоги тчк Ковтюх

Из Харькова ответили, что подмога будет, придет на выручку «Моисей Урицкий».

Елисаветбуржцам сразу полегчало. «Моисей Урицкий» был Образцово-Показательный Бронепоезд, отправленный из красного Питера в помощь пролетариям юга России, истекающим кровью в неравной борьбе. И всюду, куда прибывал стальной таран рабочей солидарности, белые банды давали деру, потому что дисциплина на бронепоезде была не революционная, а коммунистическая — такая, какая установится во всей Красной Армии, когда сознательный элемент одержит верх над митинговой стихией и горлопанством.

В харьковской телеграмме было сказано, что «Урицкий» прибудет в 14:00, поэтому раньше вечера его никто не ждал, но без пяти минут два вдали запыхало дымом, взревел мощный гудок, и ровно в два часа пополудни к станции подкатил красавец-поезд: на локомотиве два красных флага, вороненая броня вся в заклепках, будто в бородавках, а из башен торчат грозные пушки-пулеметы.

Что удивительно — когда поезд встал, словно вкопанный, и паровоз шикнул из-под колес белым паром, ни одна дверца не распахнулась, никто изнутри на платформу не повалил. Будто в том «Урицком» живых людей вовсе не было.

Товарищ Ковтюх и остальные товарищи, вышедшие встречать, даже растерялись.

Но потом в третьем вагоне открылся люк, оттуда по лесенке спустился, прыгнул на перрон бравый краском, весь в хrome, с алой звездой на лаковой фуражке. Придерживая одной рукой бинокль, другой шашку, пошел он навстречу елисаветбуржским товарищам.

Они хотели по-людски поздороваться, расцеловать дорогого гостя, но командир обнимать себя не дал.

— После облобызаемся. Который из вас Ковтюх? Доложи обстановку, товарищ.

Председатель ревкома всё как есть ему обсказал. И чтоб показать, что елисаветбуржские тоже не лыком шиты, подал знак Шумейке, командиру красной гвардии.

— У нас свои войска есть. Почти пятьсот штыков. Принимай под свою команду, товарищ.

Шумейко, командир халтуринцев, подлетел орлом, даже по-старорежимному ладонь к папахе кинул.

— Куда грузиться?

Но хромовый с «Урицкого» поглядел на красногвардейцев, столпившихся за оградой, и ответил обидно:

— На кой мне ваши драпальщики. Хватит одного Ковтюха. Поедешь с нами.

От такого уважения председатель приосанился. Видно, и в Питере слышали про Артема Ковтюха. Приятно.

— Что ж, я со всей охотой. Зададим немчуре!

Повел красном Ковтюха на паровоз. И правильно — где еще быть начальству, если не впереди?

Но сзади грохнуло что-то, жажнуло, и увидел товарищ Ковтюх, что локомотив отсоединяют от состава.

— Чего это?

— Не нужен нам бронепоезд. На одном паровозе покатым.

Хромовый (был он молодой, высокий, с небольшими усами) глядел в бинокль на город, до которого от станции было семь верст.

— На одном паровозе? Шутишь, товарищ. По немцу надо вдарить со всех пушек. Чтоб знали, гады, как советскую власть шрапнелями шугать!

А локомотив уж тронулся, разогнался.

Командир, всё не отрываясь от бинокля:

— Сдурел ты, товарищ Ковтюх? У меня две трехдюймовки, а у них вон на пригорке тяжелый дивизион. Вдарят — мокрое место от бронепоезда останется.

— И по нам вдарить могут? — спросил председатель нервно.

— Запросто. Теперь уже прямой наводкой.

— Куда ж мы едем? — вскинулся Ковтюх. — Давай задний ход! Германцы завтра сами из города уйдут!

— Нет. Тяжелые орудия нам позарез нужны. А снаряды того нужнее. Ты помолчи пока. И когда в город приедем, тоже молчи. Говорить я буду, а ты только кивай и брови супь.

Заспорил было председатель, да поздно. Паровоз уже сбрасывал скорость перед вокзалом.

— Рта не раскрывать, ясно? — сказал краском и показал Ковтюху крепкий кулак в черной перчатке.

Но председателю и самому расхотелось языком болтать.

На платформе было серым-зелено от германских шинелей.

Локомотив еще не остановился, а командир уже спрыгнул с подножки, сам пошел на немцев, еще издали громко и сердито залопотав на них не по-русски.

Товарищ Ковтюх догнал его и, как велено, сурово сдвинул брови, хоть сердце и опустилось в самые подметки.

С серо-зелеными командир потолковал минуту или, может, две — черт знает, о чем, но только выглядело это так, будто он на германцев наседает, а они оправдываются или даже винятся.

Наконец хромовый объяснил:

— Это нас встречают товарищи из солдатского комитета. Недоразумение у них случилось. Офицер из штаба корпуса под дулом револьвера заставил артиллеристов огонь открыть. Извиняются они. А чтоб мы на них зла не держали, оставляют нам все орудия со снарядами. Им дома пушки не понадобятся. Но винтовки с пулеметами они не отдадут, потому что в Германии тоже революция и своя контра имеется. Как, товарищ председатель, устраивает твой ревком такая компенсация или нет?

Что такое «компенсация», Ковтюх знал неотчетливо, однако важно, будто с неохотой, кивнул.

Немцы обрадовались. Давай его по плечам хлопать, руку жать. «Камарад, камарад». Позвали выпить-закусить — это было и без перевода понятно: по кадыку себя щелкали, в рот кулаком пихали, подмигивали.

— Пить мы с ними не будем, но и обижать нельзя, — сказал красном. — Бумагу только подпишем, что перемирие восстановлено — и назад.

Пошли от вонзала большой компанией. Ковтюха под локти, по-товарищески, взяли два камрада, которые знали по-нашему.

Он их с опаской спросил:

— А офицер, который из штаба, сызнова бузу не затеет?

Они засмеялись.

Пойдем, говорят, покажем тебе кой-чего. Погуторили немецкие товарищи между собой, и все повернули во двор бывшей гимназии, где у фрицев комендатура и гарнизонная тюрьма. Покричали что-то.

И выволокли из подвала сильно побитого человека в немецкой офицерской шинели с сорванными погонами.

— Вот он, — объяснили Ковтюху, — этот глупый оберст-лейтенант, то есть подполковник. Революционный суд ему говорил пиф-паф за провокацион. Пиф-паф будет вечер, но можно прямо сейчас. Хотите смотреть?

Что ж, товарищ Ковтюх охотно посмотрел бы.

— Поглядим, как немцы свою контру кончают? — спросил он краскома.

Командир бронепоезда с большим интересом рассматривал белонемецкого подполковника — прямо глазами впился. И было на что. Хорошо отмордовали камрады контрика. Стоять он не мог, висел на руках у конвоиров. Морда вся сине-черная, глазенапы заплыли, и непонятно даже, в соображении он или сомлел.

По двору метался, причитал, хватал конвоиров за плечи пожилой, долговязый, в овчинной жилетке. Наверно, родственник. Это почти всегда, когда человека к стенке выводишь, просочится какой-нибудь родитель или супруга и начнут плакать, на коленках ползать. Как будто расстрельная команда помилует.

Но краском не захотел смотреть, как гада в расход выводят. Сказал что-то по-немецки, головой помотал.

— Некогда нам, — объяснил Ковтюху. — Возвращаться надо. — И еще прибавил, непонятно: — Вот оно как в жизни-то бывает...

Выпить-закусить с камрадами так-таки не дал. Подписали протокол о сдаче города и пушек, поручались с немецкими комитетчиками, потом сразу назад, на вокзал.

Только сейчас, когда всё закончилось, Ковтюха отпустило, а то на нерве был. Захотелось разговора. Он уж и про то, и про это, а краском молчок. Шагает быстро своими длинными ногами, еле поспеешь. И хмурый, думает о чем-то.

— Ты хоть скажи, товарищ, как твоя фамилия? — спросил Ковтюх. — Мне же донесение писать. И на ячейке отчитываться.

Это хромовый услышал.

— Фамилия у меня, товарищ, неприличная. — И усмехнулся.

— Какая? — Ковтюх заинтересовался. — Вроде как у товарища Какашкина из продразверстотдела?

Засмеялся командир, сверкнув молодыми зубами.

— Примерно. Можешь так меня и звать.

Они уже по привокзальной площади шли. Там дымила ротная кухня, веселый повар в фартуке только что зарезал цыплят, начал щипать, во все стороны летели перья. Вокруг стояли обыватели. Всегда приятно поглазеть, как жарку готовят, даже если не для тебя.

— Romanoff! — крикнул кто-то.

Товарищ Какашкин резко повернулся.

Это повар-хохмач приставил ошипанному цыпленку вторую голову.

Вроде как они целуются, что ли.

— ...Und Hohenzollern! Ein Bruderschaftsküß.[\[80\]](#)

Немцы залились, а русским невдомек. Двухглавый орел, что ли?

Тогда повар объяснил:

— Das ist Kaiser Wilhelm. Und das ist Tzar Nikolashka!

А-а, вон оно чего. Два императора это. Один, Николашка, уже с того света, ихнего Вильгельма целует, к себе в гости зовет.

Товарищ Какашкин даже не улыбнулся, а вот Ковтюх в охотку поржал. Смехота же!

---

notes

Отдел генерал-квартирмейстера при Генштабе, среди прочего ведавший и военной контрразведкой.

2

Прогуливаться (нем.)

Большого генштаба (*нем.*)

4

Прачечная (нем.)

Простыня (нем.)

Экономия электричества (нем.)

Тревога! (нем.)

Болван (*нем.*)

Натурально (*нем.*)

10

Разумеется (*фр.*)

ЧТО? ($\phi p.$)

Увы, дружок, внешность обманчива (*фр.*)

Что и требовалось доказать (*фр.*)

Честная игра (*англ.*)

Ну что ж, хорошо (нем.)

Гастрит (*нем.*)

Язва (нем.)

Идиот! Пусти! (нем.)

Нет! Он вас застрелит! (*нем.*)

Так не пойдет! Слишком опасно! *(нем.)*

Вон, вон! (*нем.*)

Ослепший Циклоп (*нем.*)

Радость жизни (*фр.*)

Что случилось, Джино? (*ит.*)

Вы позволите? (*фр.*)

Секундант (*ит.*)

Вниз. Слишком тугой для меня. Мне плохо... (нем.)

Старый платан (*фр.*)

Слава Богу! (ит.)

Открылся рай мне ночью полнолунной (*ит.*)

Свинья! (*ит.*)

Всего двадцать четыре! (*искаж. ит.*)

Ничего не делать. Я говорю — ты делаешь. Ясно? (*искаж. ит.*)

Момент — открыто (*искаж. ит.*)

Нет, только один! (*ит.*)

Еще! Еще один! (*ит.*)

Я же сказал: только один. Третьей маски нет (*ит.*)

Невозможно (*ит.*)

Знать газ — не говорить? (*искаж. ит.*)

40

ΓΟΤОВО (*um.*)

Вышедшей из моды (*фр.*)

Taube (*нем.*) — голубь.

Ты правда из Таллина? Вот здорово. Хоть будет с кем поговорить по-человечески! (*эстон.*)

Рыбка (нем.)

Хладнокровие (*фр.*)

Всё сказал (*лат.*)

Секторы и отделы (нем.).

Ус (нем.).

Урожденная (фр.).

Ее светлости (нем.).

Redlich — «честный» (нем.).

Караул! (нем.).

Вы что делаете, свиньи?! (нем.).

Бесстыжая (*фр.*).

Знаменитость (*англ.*).

Чересчур (*англ.*).

Смысл (нем.).

Агент влияния (нем.).

Пьяный (нем.).

Храповицкий мост (*нем.*).

Княгиня (нем.).

На всякий случай (нем.).

Бедная девочка... Проклятая жизнь... (нем.).

Тысяча извинений, сударь. Господин тоже хочет посмотреть эту книгу.
Это вас не беспокоит? (*искаж. фр.*).

Нисколько. Прошу вас, сударь (*фр.*).

Императорский военно-морской флот (*нем.*).

Большой Флот (*англ.*).

«Постельные братья» (*ит.*).

И дело в шляпе (*ит.*).

Синяя Борода (*фр.*).

За независимость Речи Посполитой! За избавление от российского ига!
(польск.).

Германия превыше всего (*нем.*).

Это мы пропустим (*фр.*).

Согласен с паном! (*польск.*).

Еще немножко! (*нем.*).

Извиняюсь! (нем.-швейц.)

С вами всё в порядке? (нем.-швейц.)

Приятного дня (*нем.-швейц.*)

Сдавайтесь! (нем.)

Романов... и Гогенцоллерн! Поцелуй на брудершафт! *(нем.)*